ГРАНД-МАСТЕР
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН
Мерседес
ЛЭКИ

Эльфийская трилогия

САГА
ОБ ЭЛЬФАХ,
ДРАКОНАХ
И ЛЮДЯХ

Эксмо

Андрэ
НОРТОН,
Мерседес Лэки

Эльфийская трилогия

Андрэ
НОРТОН
Мерседес
ЛЭКИ

Эльфийская трилогия

Андрэ
НОРТОН
Мерседес
ЛЭКИ

Проклятие эльфов

•

Эльфийское отродье

•

Эльфийский лорд

Москва
«ЭКСМО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН
Мерседес
ЛЭКИ

Эльфийская трилогия

Москва
«ЭКСМО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Н 82

Andre Norton and Mercedes Lackey
THE ELVENBANE
Copyright © 1991 by Andre Norton, Ltd., and Mercedes Lackey
ELVENBLOOD
Copyright © 1995 by Andre Norton, Ltd., and Mercedes Lackey
ELVENBORN
Copyright © 2002 by Andre Norton, Ltd., and Mercedes Lackey

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Нортон А., Лэки М.

Н 82 Эльфийская трилогия: Фантастические романы / Андрэ Нортон, Мерседес Лэки; [пер. с англ. О. Степашкиной, А. Хромовой]. — М.: Эксмо, 2007. — 1248 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-20513-6

Мир принадлежал эльфийским лордам. Могущественные и горделивые, они возводили города небывалой красоты, держали в рабстве тысячи людей и жили в роскоши и довольстве. И казалось, так будет продолжаться вечно.

Но однажды наложница лорда Дирана, Серина Даэт, родила девочку. После смерти матери маленькую полукровку приняли к себе и воспитали драконы. Ей суждено было обрести великую силу и стать ожившей легендой, воплотившимся пророчеством о Проклятии эльфов...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-20513-6

© Перевод. О. Степашкина, А. Хромова, 2007
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Посвящается всем поклонникам: минувшим, нынешним и будущим.

Глава 1

«Серина Даэт. Я — Серина Даэт». Серина изо всех сил цеплялась за свое имя — последнее, в чем она была уверена, последнее, что еще не выжгло солнцем. Солнце... Оно висело в небе и стегало женщину своими лучами, пытаясь испепелить ее.

Жарко... Ей никогда еще не бывало так жарко. От жары путаются мысли и забываешь, что нужно двигаться дальше. Большой живот не позволял женщине увидеть собственные ноги, но зато она их чувствовала. Каждый шаг причинял ей мучительную боль. Но если она остановится, будет хуже.

У Серины пересохло горло. Этим утром она нашла немного росы и, словно животное, слизала ее с камней, но от этой влаги давно уже ничего не осталось.

«Я — Серина Даэт. Я...

О, боги, кто же мог подумать, что все закончится именно так!»

Несколько месяцев назад она была фавориткой лорда Дирана. Еще позавчера Серина надеялась, что сумеет скрывать свою беременность до тех пор, пока ей не удастся освободиться от проклятого отродья. Она намеревалась избавиться от плода, а потом вернуться в гарем и воздать этой сучке, Лейде Шайбрел, по заслугам. Серина не могла рассказать лорду Дирану, что с ней сделала Лейда, но она могла изыскать способ низвергнуть ее. Серина и Лейда были непримиримыми врагами. Собственно, все женщины в гареме враждовали между собой — все без исключения. Нужно было лишь постараться, приложить усилия и вытеснить Лейду...

Но лорд Диран вернулся с Совета неожиданно рано, и Лейда поджидала...

«Я выживу, я вернусь и найду способ заставить ее страдать...»

Лорд Диран считал их соперничество забавным и поощрял его, осыпая Лейду подарками. Но все же первое место занимала именно Серина. Постепенно Лейда поняла, что лорд Диран не

намерен смещать Серину с места фаворитки. Но сдаваться она не желала. Несомненно, это все были происки Лейды...

«Конечно, это все она. Что тут еще можно предположить?»

Видимо, Лейда примерно в течение месяца подменяла всю пищу Серины, присылая ей вместо этого еду, предназначенную для эльфов. Это произошло как раз перед тем, как лорд Диран отбыл на Совет...

«Совет шел восемь месяцев. Ну почему он не мог продлиться еще немного?! Я освободилась бы от этого бремени, и никто бы ничего не узнал!»

Лишь после отъезда лорда Дирана Серина поняла, что беременна.

Узнав это, она впала в панику.

Понести ребенка эльфийского лорда, полукровку! Да это же смертный приговор — если только лорд не проявит небывалую снисходительность. Но даже если Диран не убьет ее, он наверняка отошлет ее прочь.

Но это ничуть не лучше смерти. Чтобы ее отдали какому-нибудь мелкому чиновнику или гладиатору или, хуже того, Лейде в служанки!..

Нет, никогда! После того, кем она была, после всего, чего ей удалось добиться!

Ведь она завоевала свое положение сама, завоевала в долгой и упорной борьбе...

Серина вернула непокорную прядь медных волос на место и принялась придирчиво изучать свое отражение в зеркале с серебряной оправой. Потом девушка слегка кивнула и снова занялась макияжем. Ей предстояло состязаться с лучшими из лучших, и потому Серина должна была выглядеть самим совершенством.

В настоящий момент стандартом красоты в гареме лорда Дирана служила неземная хрупкость и мнимая невинность нынешней фаворитки лорда. Серина отлично понимала, что Ровейна использует за образец, даже если остальные девушки этого еще не вычислили. Ровейна пыталась стать как можно более эльфоподобной и подражала высокородным эльфийкам, посещающим лорда Дирана в надежде на брачный альянс.

В результате канон красоты выглядел так: бледно-золотые волосы, распущенные или украшенные венком цветов из драгоценных камней, нежно-розовый цвет лица, по-детски распахнутые голубые глаза и хрупкая, воздушная фигурка. Серина

просто вопиюще противоречила этому стандарту. Волосы у нее были огненно-рыжими, а глаза — темно-фиолетовыми, почти черными, и в них бурлили с трудом сдерживаемые чувства. Мать называла фигуру Серины «пышной», но это было преуменьшением. А кроме того, это определение ничего не говорило о тонкой талии девушки — результате многолетних занятий танцами, о бедрах, способных отвлечь бывалых гладиаторов от тренировки, и о высокой, гордой груди, которая подвигала тех же гладиаторов на более решительные действия, так что отец перестал брать Серину на тренировки с тех пор, как девочке исполнилось тринадцать.

Серина улыбнулась своему отражению и беспристрастно изучила улыбку. Да, неплохо. Сохраняя улыбку, девушка придирчиво рассмотрела наложенный макияж. Покончив с этим, она сбросила крохотные кисточки на пол. Служанки потом уберут.

Пока другие девушки, которых готовили в наложницы, обесцвечивали волосы, пудрили лица и рядились в излюбленные фасоны Ровейны Ордоне, Серина щеголяла своими отличиями и училась подавать их в наиболее выгодном свете. Она подбирала травяные отвары, заставляющие волосы блестеть, красила губы темно-пурпурной помадой в тон глаз и слегка румянила скулы. Она продолжала заниматься танцами и втайне упражнялась, добавляя силы и изящества своему телу. Она разыскала учителей постельных утех и взяла несколько чрезвычайно полезных уроков. Рано или поздно лорд Диран устанет от бледности и хрупкости, застенчивости и деликатности, утонченности и робости. Лорд вообще не отличался постоянством в увлечениях. А когда ему надоест холодный Зефир, Серина увлечет его своим пламенем.

Серина осторожным касáнием подправила темно-фиолетовые тени под бровями и встала, расправляя мягкие складки своего бархатного платья цвета красного вина. Пускай Ровейна держится за свои шелка пастельных оттенков, оборочки и кружева. Она в них выглядит, как розовый кочанчик салата-латука. Скоро лорду надоест слащавость и он захочет чего-нибудь пряного.

Серина осторожно — чтобы не порвать и не измять платья — отодвинулась вместе с пуфиком от туалетного столика. В маленькой комнате было тесновато: здесь помещались лишь кровать, тумбочка для белья, вешалка для платьев, туалетный столик, зеркало и маленький пуфик. Но все же здесь было просто-

рнее, чем в те времена, когда Серина жила с матерью. Тогда в ее распоряжении был лишь крохотный чуланчик, где едва-едва хватало места для кровати. И Серина намеревалась в ближайшем будущем заполучить более просторное жилище.

Серина покинула спальню, изящно покачивая бедрами, как будто за ней наблюдал сам лорд. А вдруг он и вправду за ней наблюдает, мало ли? Эльфийские лорды всесильны. И вполне возможно, что Диран следит за своим гаремом в самые неожиданные моменты. Отец говорил, что с гладиаторами лорд так и поступает.

Девушка взглянула на высокие водяные часы из зеленого стекла, расположенные в центре внутреннего дворика, и отдернула занавеску с двери спальни, чтобы показать, что хозяйка комнаты отсутствует. Через матовое стекло купола лился солнечный свет. Вода в часах дошла до дельфиньего хвоста. Значит, до ежедневного визита, который лорд наносил своим наложницам, оставалось еще много времени. На самом деле, двери большинства спаленок еще были задернуты занавесками, показывающими, что младшие наложницы еще спят либо что им лень выходить. Серина была «маленьким лебедем» — так называли девушек в течение первых шести месяцев пребывания в гареме. Точнее говоря, она всего неделю как получила статус наложницы. Большинство девушек не преодолевали этого шестимесячного срока. Тех, кто не привлекал внимания лорда, через шесть недель отсылали. Они становились живым вознаграждением для лучших гладиаторов лорда.

Когда-то это произошло и с матерью Серины, и ей, можно сказать, повезло. Джаред Даэт был лучшим из сотен гладиаторов лорда Дирана. Он выиграл для лорда столько поединков, что потерял им счет, и лишь самые необычные из них оставили след на его теле. Амбра была его подарком к отставке — Джаред ушел с арены, так и не изведав поражений, и стал тренером. Они с Амброй привязались друг к другу, и лорд милостиво позволил им образовать постоянную пару.

Большинство девушек, отвергнутых хозяином гарема, отдавали преуспевающим бойцам, желающим иметь женщину, и мало кто из мужчин бывал так добр со своей женщиной, как Джаред. Серина видела некоторых из этих девушек поутру — плачущих, покрытых синяками и ссадинами. А одну — об этом случае не любили говорить — вообще нашли мертвой. Этим женщинам приходилось рожать каждый год, чтобы произвести как можно больше бойцов для лорда. А когда они уже не могли

вынашивать детей, то становились служанками — если, конечно, прежде не умирали при очередных родах. Они стирали белье, драили котлы, убирали комнаты или прислуживали в том самом гареме, что некогда был коротким проблеском света в их жизни.

Такой порядок вещей оказывал достаточно странное влияние на ход событий. Многие «маленькие лебеди», будучи с самого начала уверены, что ни на миг не привлекут внимания лорда, старались как можно реже обращаться к служанкам. Они выбирали себе наряды без украшений, белые или какого-нибудь другого цвета, не доставляющего затруднений при стирке. Они никогда не просили ни о чем, кроме самых простых услуг, и даже сами убирали свои спальни. Серина знала, что прачка проклинает ее за ее алые, пурпурные и изумрудные платья, а уборщицы — за беспорядок, который она вечно оставляла в своей комнате. Но девушку это не волновало. Как бы там ни обернулось, но, во всяком случае, лорд Диран уже обратил на нее внимание. Серина видела это. Она бросалась выполнять приказы лорда прежде, чем это успевали сделать слуги; она предлагала станцевать, когда лорд выглядел слегка уставшим или рассеянным, или танцевала, даже не получив приказа, — стоило лишь заиграть музыке. Серина не раз ловила на себе взгляд лорда Дирана, да и других эльфийских лордов, его гостей. В худшем случае он подарит ее кому-нибудь из этих лордов, когда тот выразит восхищение плясуньей. В лучшем же случае...

В лучшем случае она займет место Ровейны.

Серина никогда, никогда не позволяла себе даже предположить, что ее ждет будущее женщины для утехи гладиаторов или служанки для черных работ. Это было равносильно предчувствию поражения. А она не проиграет.

Успех же принесет роскошную жизнь не только самой Серине, но и ее родителям. Если повезет, их сделают надсмотрщиками на какой-нибудь отдаленной ферме Дирана — подальше от причуд и капризов лорда.

Серина пересекла внутренний дворик. Пол дворика был застелен ковром, имитирующим траву, — самая совершенная имитация, какую Серине доводилось видеть. Босые ноги девушки беззвучно ступали по ковру. Все рабы ходили босиком, за исключением тех, кто работал за пределами господского дома. Когда-то в детстве Серина спросила отца, почему так заведено. Отец рассмеялся в ответ: «А как далеко ты сумеешь убе-

жать босиком?» — спросил он. Серина так и не поняла, шутит он или говорит всерьез.

За двориком, отведенным для «маленьких лебедей», начинался коридор с таким же ковром и белыми стенами. Здесь жили полноправные наложницы, и их комнаты отделялись от коридора дверями — настоящими деревянными дверями, а не занавесками. Впрочем, большая их часть точно так же была пока закрыта. У наложниц были собственные ванные комнаты, и им не нужно было пользоваться общей купальней, отведенной «маленьким лебедям». Серина намеревалась вымыться, одеться и вернуться на место, опередив своих товарок, которые снова упустят шанс попасть на глаза лорду. Кроме того, ей нравилось купаться в одиночестве. Так она могла выбирать любое мыло и любые притирания, и не приходилось беспокоиться, что ей не хватит полотенца. Да и почему бы, собственно, не прийти пораньше? Делать-то все равно особо нечего.

От большого зала, где любил отдыхать лорд Диран, жилища наложниц отделял лишь мерцающий занавес, сотканный из света, — наглядное напоминание о силе эльфийских лордов. Серебряный, совершенно непрозрачный занавес медленно переливался всеми цветами радуги. Это жидкое сияние не пропускало ни звуки, ни свет. Бесстрашно шагнув через занавес, Серина почувствовала звон в ушах и легчайшее, едва заметное сопротивление. Отец рассказывал, что такие занавесы можно настроить так, чтобы они оглушали или даже убивали того, кто попробует пройти через них, но при его жизни такого не случалось. Серина полагала, что занавес здесь для того, чтобы при необходимости помешать чужакам войти в гарем. Девушке и в голову не могло прийти, что кто-то захочет отсюда убежать.

Как обычно, в этот утренний час Серина оказалась в зале одна. Ее это не беспокоило. Помимо всего прочего, это давало ей возможность потихоньку пробраться во дворец и рассмотреть все изменения, которые произвел за ночь лорд. Он изменял обстановку, пользуясь лишь своей магической силой, и никого не предупреждал о переменах. Самым неожиданным было, когда за ночь лорд вырастил во дворце настоящие джунгли — казалось, что растения поднимаются прямо из пола. Ровейна была в восторге, и все обитательницы гарема целый день играли в пастушек — Диран даже снизошел до того, что сотворил для них пару овечек. На следующее утро вся растительность исчезла.

Серина удивленно осмотрелась вокруг. Сегодня утром в зале обнаружилось одно, но весьма существенное изменение: если прежде мраморный мозаичный пол был светло-зеленым, с узором из нежных цветочков, то теперь он приобрел холодный, насыщенный оттенок ляпис-лазури, а узоры вообще исчезли. Диванные подушки, грудами сваленные вдоль стен, тоже приобрели более яркие и насыщенные тона. С ложем лорда, стоящим в конце зала, на возвышении, произошло то же самое: теперь его обивка была выдержана в тонах дома Дирана — винно-красном и золотом, — а подушка, предназначенная для фаворитки, тоже приобрела красный оттенок. Белые, ничем не украшенные стены остались прежними, но в матовом куполе появился витраж с абстрактным узором в красных, синих, фиолетовых и изумрудных тонах. Солнечный свет, проникая через стекла витража, отбрасывал на темно-синий, с золотыми прожилками пол цветные пятна — повторение того же самого узора.

Серина потеребила затканный золотом воротник. Интересно, что может означать эта перемена? Неужели лорд наконец-то устал от нежных тонов? Значит ли это, что он желает более ярких красок?

Легчайший шорох предупредил Серину, что в зале появился кто-то еще. Девушка стремительно обернулась.

На пороге стоял лорд Диран и наблюдал за ее реакцией. Лорд был одет в цвета своего дома. Складки шелковой туники изящно уложены, одна рука на бедре, другая — на изукрашенной драгоценными камнями рукояти кинжала... Ястребиное лицо лорда было непроницаемо спокойным, но Серина прочла в его взгляде некий интерес. Похоже, лорду было любопытно, как Серина восприняла произведенные им изменения.

Девушка тут же склонилась в глубоком реверансе. Юбка кольцом улеглась вокруг — Серина словно опустилась на колено в лужу собственной крови. Так она и застыла, склонив голову и уставившись на бархат платья. Медленные шаги эльфа подсказали ей, что Диран приближается.

— Ты можешь встать, мой лебедь, — снисходительно произнес бархатно-мягкий голос.

«Мой лебедь! — возликовала Серина. — Он назвал меня «мой лебедь»! Лорд возвысил меня!»

Девушка повиновалась. Она выпрямилась так же медленно и изящно, как и склонялась в поклоне. Ее взгляд скользил снизу вверх: бордовые замшевые туфли, мускулистые ноги, обтянутые узкими кожаными брюками, небрежно расстегнутая туни-

ка, золотой узор воротника... Выпрямившись во весь рост, Серина не стала оставлять голову покорно склоненной. Вместо этого она вздернула подбородок и взглянула прямо в изумрудные глаза лорда.

— Да, твой дух полон огня, — хмыкнул лорд. Его тонкие губы растянулись в улыбке. — Мне это нравится. Ты носишь мои цвета в надежде обольстить меня, мой лебедь?

— Что же еще может быть моей целью, господин мой? — немедленно отозвалась Серина. — Разве я могу думать о чем-то другом, кроме как служить вашему удовольствию?

— И ты действительно будешь служить моему удовольствию? — Не дожидаясь ответа, лорд притянул девушку к себе и впился губами в ее губы.

Но Серина обдумывала этот момент с той самой секунды, как оказалась в гареме. Ровейна отпрянула бы с притворной застенчивостью и немного поборолась бы, изображая скромность. Серина же не стала делать ни того, ни другого. Вместо этого она всем телом прижалась к лорду и страстно ответила на поцелуй, а ее руки скользнули по телу Дирана — в соответствии с полученными уроками. Она не знала, что чувствует лорд, но, когда Диран отстранил девушку на расстояние вытянутой руки, в чреслах Серины полыхал огонь.

Диран выглядел таким же холодным и расчетливым, как и прежде. Он встряхнул головой — длинные бледно-золотые волосы рассыпались по плечам, — отпустил Серину, потом с улыбкой потрепал ее по щеке.

— Вчера за ужином лорд Этанор похвалил Ровейну, — после долгой паузы произнес Диран. — Я подарил ее Этанору.

Серине понадобилось несколько секунд, чтобы эти слова дошли до ее сознания. Когда же она поняла, то вспыхнула от безумной догадки и, не смея произнести ни слова, уставилась на лорда.

— Ты усердно служишь мне, а такое усердие следует вознаграждать, — продолжил Диран, увидев, что девушка поняла его. Потом он протянул ей руку. — Пойдем, мой лебедь. Я хочу показать тебе твое новое жилище. А потом — через должное время — мы сообщим прочей стайке о твоем новом статусе. Ну как?..

Серина задрожала от возбуждения и предвкушения. И немного — от страха. Поговаривали, что у лорда Дирана весьма своеобразные вкусы...

Но ее готовили к этому. И в обмен на выполнение его требований она должна была получить роскошную жизнь и влияние. Да и не станет он причинять вреда ценной наложнице, сумевшей развеять его скуку.

Лорд ожидал ее ответа.

— Через должное время, — произнесла Серина, вкладывая свою руку в руку лорда. — Конечно же, мой господин.

На краткий миг Серина снова пережила это ощущение триумфа. Потом она снова вернулась в настоящее, где ее тело продолжало плестись вперед, шаг за шагом, словно раб под ментальным контролем.

Каждый дюйм незащищенной кожи горел огнем — Серина никогда прежде не знала такой боли. Как тяжело думать... Как тяжело помнить, кто она такая и почему она должна продолжать бороться за жизнь.

«Я — Серина Даэт, дочь... дочь... Джареда Даэта, наставника гладиаторов лорда Дирана...»

Маленькая Серина пристроилась на краю скамьи, расположенной высоко над ареной. Когда лорд устраивал развлечения, на этих скамьях сидели незнатные эльфы. Амфитеатр был не особенно велик — он мог вместить всего четыреста-пятьсот зрителей, а на арене одновременно могло драться не более четырех человек. Эта арена была рассчитана на поединки и мало подходила для чего-то иного. Содержание собственной арены было призвано свидетельствовать о богатстве лорда Дирана. Кроме того, оно говорило о количестве боев, которые он устраивал, — для собственного развлечения либо для гостей. Подобно прочим помещениям поместья, свет проникал в амфитеатр через матовую стеклянную крышу. Вокруг арены располагались кресла с мягкими кожаными сиденьями, выше — простые деревянные скамьи. Когда на арене шел настоящий бой, люди не могли занимать даже их.

Но сегодняшний бой был чисто учебным, хотя гладиаторы и бились в полную силу и на настоящем, заточенном оружии. Надо заметить — на хорошем оружии. Его поставляли прямо из кузниц лорда Дирана.

В тот день Джаред взял дочь с собой, когда отправился в кузни, — это было частью ее образования, предписанного лордом Дираном. Это пламя, жара, дым и рослые, мускулистые мужчи-

ны и женщины, работающие в кузне, произвели на Серину большое впечатление. Кузнецы были самыми ценными из всех рабов лорда Дирана и получали даже больше подарков, чем преуспевающие гладиаторы.

— У нас хороший господин, — флегматично произнес Джаред. — Он вознаграждает за хорошую работу. А ведь он мог бы просто не обращать на нас внимания или обращаться как с домашним скотом. Многие лорды именно так и поступают. Запомни это, дитя. Все блага и все награды исходят от лорда Дирана.

Чтобы сковать хороший стальной клинок, железо нужно было очистить. Его десять раз плавили, чтобы удалить все нежелательные примеси, и лишь после этого переходили к завершающему этапу — плавке при участии древесного угля и при обильном доступе воздуха. Так получали настоящую сталь. После того, как превращение завершалось, кузнецы ковали из стали оружие, которым славился лорд Диран. Мало у кого из эльфийских лордов было такое же хорошее оружие, — во всяком случае, так говорил дочери Джаред.

Для эльфийских воинов кузнецы ковали отличные мечи, наконечники копий, топоры и маленькие, бритвенно-острые наконечники стрел — такие наконечники нельзя было вытащить из раны, их приходилось вырезать из тела. Оружие для гладиаторов было совсем иным: оно было предназначено скорее для нанесения ран, чем для убийства. Боевые цепы, булавы, короткие широкие ножи, хлысты с металлическими шипами, трезубцы — все эти виды оружия затягивали схватку и требовали большой искусности в обращении.

У двух бойцов, которые сейчас тренировались на арене под бдительным надзором Джареда, тоже было типично гладиаторское оружие: у одного — трезубец, у второго — цеп. Кроме того, оба были вооружены ножами.

Кажется, они лишь раз обменялись ударами. Рыжеволосый гигант, вооруженный цепом, ухитрялся держаться вне пределов досягаемости трезубца, а его смуглый противник уворачивался, не позволяя цепу спутать его оружие. Серина во все глаза смотрела на них. Она припомнила, что сегодня утром видела женщину, выходящую из спальни рыжего гладиатора, и лицо этой женщины было одним сплошным синяком.

Девочка уже знала, что ей тоже предстоит служить этим мужчинам или им подобным, если только она не сумеет увернуться от такой судьбы.

— Твоя судьба в твоих руках, — сказал ей Джаред. — Никогда не забывай об этом, дочка. Прилагай все усилия, чтобы доставить удовольствие лорду, потому что лишь он властен что-либо сделать для тебя.

Старший надсмотрщик уже говорил Амбре, что девочка быстро растет и что вскоре ей предстоит начать обучение. Серина знала, о каком обучении идет речь. Джаред без обиняков объяснил ей, чем отличается жизнь наложницы от жизни обычной рабыни. Он неустанно твердил дочери, что ее судьба целиком и полностью зависит от воли лорда Дирана и от ее собственных стараний.

Серина уже успела убедиться, что отец говорит чистую правду. Лишь в прошлом году у них забрали ее старшего брата, Тэмара. Его не то продали, не то подарили одному из гостей Дирана, который восхитился хрупким изяществом мальчика. Ее младший брат, Каэт, недавно начал учиться в школе боевых искусств. Его отправили туда всего две недели назад — после того, как при набеге на сад лорда выявилась редкая ловкость и проворство Каэта.

Когда за Каэтом пришли, Серина расплакалась, но мать увела ее в спальню, посадила на кровать и строго приказала вытереть слезы.

— Лорды правят всем, — безжалостно сказала Амбра, но глаза ее тоже блестели от непролитых слез, и Серина поняла, что мать просто боится плакать. — Нам следует благодарить судьбу за то, что она послала нам такого лорда. Лорд Диран щедро награждает тех, кто хорошо служит ему, а многие лорды никого и ни за что не награждают, лишь наказывают слуг, когда им в голову взбредет. Если Каэт будет служить хорошо, он тоже получит награду. Его бы следовало наказать за кражу фруктов, а Каэту вместо этого предоставили прекрасную возможность учиться. А ведь его могли бы просто убить на месте. Вот чем наш лорд отличается от остальных.

— Но почему?! — не выдержала Серина. — Почему они правят нами? Кто сказал, что так положено? Ведь это нечестно!

Другие родители за такие слова тут же отвесили бы девчонке оплеуху или в лучшем случае сказали бы: «Потому, что такова жизнь». Но Амбра не стала этого делать.

— Они правят нами потому, что они сильны и могущественны. Они владеют магией, — сказала она, и Серина почувствовала в ее голосе печаль человека, смирившегося с неизбежностью. — Мы же слабы, и боги не наделили нас магическими

способностями. Лорды живут вечно, а наша жизнь коротка. За наше процветание мы должны благодарить лордов — боги любят их, а нами пренебрегают.

— Но почему, почему?! — выкрикнула Серина.

Амбра лишь покачала головой.

— Я не знаю. Некоторые говорят, что лорды — дети богов. Другие же утверждают, что лорды — это демоны, посланные богами, чтобы наказать или испытать нас. Я знаю лишь одно: те, кто угождает лордам, живут и получают награду, а те, кто не желает этого делать, умирают. Теперь для Тэмара и Каэта пришла пора научиться угождать их лордам. А ты должна понравиться лорду Дирану, и тогда он возвысит тебя. Все прочее не имеет значения. Ни я, ни твой отец, ни твои родичи или друзья — никто больше не сможет помочь тебе. Они могут лишь помешать тебе. Если ты возвысишься, то лишь благодаря собственным усилиям.

Серина запомнила этот разговор. Тем же вечером ей довелось взглянуть на лорда Дирана — он зашел посмотреть на тренировку. Девочка видела, как ее гордый, суровый отец склонился в земном поклоне, а гладиаторы опустились на колени. Сам же лорд Диран показался ей существом из легенды — высокий, надменный, одетый в бежево-золотой атлас и бежевую кожу. Эта кожа показалась Серине такой мягкой и упругой, что девочке захотелось прикоснуться к ней. Казалось, что от эльфа исходит сияние, что он впитывает солнечный свет и отражает его с удвоенной силой. Лорд был так прекрасен, что у Серины перехватило дыхание. Девочка подумала: «Должно быть, он и вправду сын богов...» Рядом с лордом стояла женщина, похожая на драгоценный камень, и ее вид вызвал у Серины приступ мучительной зависти. Женщина была одета в мягчайшие шелка, какие только Серине доводилось видеть, а украшающие ее золотые цепи, должно быть, стоили целое состояние. Причудливый головной убор из переплетенных золотых цепочек поддерживал золотистые волосы, прикрепленные к этому убору цепочки шлейфом ниспадали на спину, цепочки обвивали запястья и шею женщины и служили ей поясом. Эта женщина была великолепна. Она была почти так же красива, как эльфийский лорд. И Серине отчаянно захотелось оказаться на месте этой женщины и носить такое платье.

Серина до сих пор помнила, как отец пожаловался лорду и показал ему меч с дефектом. Лорд Диран взял меч и согнул клинок пополам, а потом еще раз пополам. При виде такой силы у

Серины снова перехватило дыхание. Ее даже пробрал легкий озноб. Каково это — обладать такой силой? А быть одной из тех, ради кого сдерживают эту силу?

Затем лорд приказал привести к нему кузнеца, отковавшего меч. Диран лишь долю секунды смотрел на кузнеца, потом взмахнул рукой. Это движение было едва заметно, но человек сложился вдвое и, вскрикнув, рухнул на пол. Его унесли. Никто не попытался вступиться за кузнеца и не шелохнул пальцем, чтобы помочь ему. Позже Серина услышала, что лорд применил заклинание удара и что каждый раз, когда кузнец допустит появление дефекта в клинке, крохотный кусочек эльфийского камня, возникший у него в груди, будет причинять человеку точно такую же боль.

Серина испугалась: если ее отец выпустит бойца, которого сочтут «обученным не в совершенстве», с ним случится то же самое?

Когда она поняла, что так оно и будет, что лорд не прощает промашек, девочку бросило в дрожь.

«Если ты возвысишься, то лишь благодаря собственным усилиям», — снова услышала она слова матери и вспомнила осыпанную золотыми украшениями женщину, что стояла рядом с лордом Дираном. Женщина наблюдала за кузнецом, корчащимся у ее ног, и лицо ее оставалось бесстрастным.

Этот урок трудно было не понять.

«Возвысишься сама и падешь сама. Если бы он заботился обо мне хоть наполовину так рьяно, как заботится о совершенстве своих клинков, — но я значу меньше, чем меч, и для меня мгновенно нашлась замена!»

Каждый шаг, каждый вздох сопровождался мучительной болью. Мозг жгло как огнем. Как только Серина наскучила лорду Дирану, она стала менее полезна, чем любой из его прихлебателей. Лорда больше не интересовало, что с ней произойдет.

Прихлебатели — когда-то Серина презирала их; это были мелкопоместные лорды, обделенные магической силой либо переживающие тяжелые времена, слишком много проигравшие в постоянно возникающих дуэлях. На самом деле в этих поединках сражались их хорошо обученные гладиаторы, но причиной дуэлей обычно служила вполне реальная кровная вражда, — и убытки, которые несли лорды в случае проигрыша своих бойцов, тоже были более чем реальны...

Вдвое более жалко выглядели те несчастные, магии которых хватало лишь для самозащиты. Хотя эти «наемники» не носили

ошейников, их можно было подчинить иными, более тонкими способами. Они часто служили надсмотрщиками, старшими торговцами либо на других должностях, где требовались доверенные лица. Они не принадлежали полностью миру высшей знати и не имели возможности вести такую роскошную жизнь, какую вели дорогие рабы, предназначенные для развлечения, наподобие тех же наложниц. Когда-то Серина жалела их.

Нет. Лучше уж погибнуть, чем влачить такое жалкое существование...

Лучше уж царить хотя бы краткое время, стоять рядом с лордом Дираном и не подчиняться никому, кроме самого господина... и бояться лишь смертельной ловушки. В отличие от наемников, каждое действие которых было ходом в игре, которой они не понимали.

— Итак, — произнес лорд Диран, глядя на макушку трепещущего надсмотрщика; подчиненный преклонил колени перед лордом. — Похоже, что норма выработки не будет выполнена.

Сегодня лорд был с ног до головы одет в черное, и матовый свет, льющийся через стеклянную крышу, заставлял рассыпавшиеся по плечам волосы отливать серебром. Лорд устремил на надсмотрщика хорошо знакомый Серине взгляд. Этот взгляд свидетельствовал, что Диран сегодня не в духе и способен на любую жестокость. Серине оставалось лишь надеяться, что лорд выплеснет гнев на голову надсмотрщика и успокоится.

— Нет, мой лорд, — дрожащим голосом откликнулся надсмотрщик. В его внешности не было ничего такого — не считая одежды, — что могло бы подсказать человеку, какая пропасть в общественном положении разделяет этих двух эльфов. Волосы надсмотрщика, аккуратно собранные в хвост, были такими же длинными и шелковистыми и имели тот же бледно-золотой оттенок. Надсмотрщик тоже был зеленоглазым и почти не отличался от Дирана телосложением. У обоих эльфов были свойственные их расе заостренные уши, и оба походили на людей-воинов, находящихся в расцвете лет. Надсмотрщик был одет в кожаный костюм для верховой езды, Диран — в прекрасный бархат. То, что отличало их друг от друга, было недоступно человеческим чувствам, но именно это отличие делало Дирана господином. — Было слишком много поломок, мой лорд, и...

— И слишком много смертей — из-за вашей небрежности, — вкрадчиво напомнил Диран. Серина заметила, что его кубок с вином согрелся, и принесла новый, охлажденный. Лорд не заметил ее стараний; все его внимание было приковано к жертве.

Надсмотрщик побледнел.

— Но, мой лорд, я же говорил вам, что цепи в кузне необходимо...

— Смертей, произошедших из-за вашей небрежности! — повторил Диран и откинулся на изукрашенную узорами спинку резного деревянного кресла. — Боюсь, мне придется преподать вам урок того, как следует заботиться о ваших орудиях, Горис. Полагаю, у вас есть дочь?

— Да, мой лорд, — прошептал надсмотрщик. На мгновение он вскинул голову, и Серина заметила беспомощный, лишенный надежды взгляд существа, угодившего в ловушку. — Но она — моя единственная наследница...

Диран жестом отпустил Серину.

— Выдайте ее замуж за Дориана. Он давно докучает мне просьбами дать ему невесту, а его норма выработки, в отличие от вашей, выполнена с лихвой. Посмотрим — возможно, его кровь окажется сильнее вашей.

Изумрудные глаза надсмотрщика потрясенно расширились.

— Но, мой лорд! — попытался протестовать он. — Ведь Дориан...

Внезапно он запнулся на полуслове, и его зрачки сузились от страха.

Лорд Диран медленно подался вперед.

— Да-да? — с ядовитой мягкостью переспросил он. — Вы что-то сказали?

Он приподнял бровь — Серина хорошо знала это движение. Оно означало, что, если лорда рассердить, последует удар.

Надсмотрщик застыл от ужаса.

— Ничего, мой лорд, — еле слышно прошептал он.

— Полагаю, вы собирались сказать «но Дориан же извращенец», — спокойно произнес Диран. На лице его была написана полнейшая безмятежность. — Вам не нравится тот факт, что Дориан предпочитает человеческих самок скучным эльфийским девам. Точно так же, как и я. О чем вы наконец-то вспомнили.

— Нет-нет, мой лорд! — попытался возразить надсмотрщик, едва сохраняющий дар речи. Серина заметила, что несчастного бьет легкая дрожь. Эльф стиснул руки, чтобы их дрожание было менее заметно.

Диран продолжал взглядом удерживать надсмотрщика на месте — как птицу держит взглядом смертоносная гадюка.

— Вы совершенно правы, предполагая, что Дориан предпочитает своих наложниц бесцветным эльфийским девицам. И тем не менее Дориан намерен выполнить свой долг и обзавестись наследником, как бы неприятно и уныло это ни было. Точно так же, как и я. А у вас как раз есть дочь, достигшая брачного возраста. Правда, она только-только вступила в него, но этого довольно. Все, что требуется Дориану, — это способность к деторождению. Честно говоря, я полагаю, что он, возможно, даже предпочтет невесту, не желающую этого брака. Но вы выдадите ее за Дориана, Горис. Потрудитесь выполнять.

У надсмотрщика побелели губы, но все же он кивнул, медленно поднялся и повернулся, собираясь уйти.

— Кстати, Горис...

Надсмотрщик обернулся. Он был похож на человека, которого мучает ночной кошмар. Лицо его посерело от страха.

— Присмотрите за кузнечными цепями сами. Вы достаточно владеете магией, чтобы справиться с этим, — лорд обворожительно улыбнулся. — Если, конечно, то, что вы мне говорили, — правда. Конечно, вам потребуется напрячь все силы, но все же вы должны справиться. Если я увижу, что вы усердно трудитесь, то позабочусь, чтобы ваша дочь получила развод сразу же после того, как родит Дориану наследника.

Надсмотрщик побрел к двери, понурившись и опустив голову. Диран рассмеялся. Серина знала, что насмешило лорда. Если Горису придется напрячь все силы, чтобы при помощи магии починить кузнечные цепи, это значит, что потом надсмотрщик несколько недель будет лежать пластом от изнеможения и по меньшей мере месяц не сможет пользоваться магией, не страдая при этом от жестокой боли.

Что же касается юной дочери Гориса, надсмотрщик Дориан, несомненно, сразу же после свадьбы затянет ее в постель и будет иметь, пока она не забеременеет, а потом бросит ради объятий своих наложниц.

Диран опустошил кубок и стал ждать, пока сенешаль не предоставит ему на рассмотрение следующее дело. Как только лорд поставил кубок на стол, Серина тут же наполнила его вином. Ей не было жаль дочь Гориса. Если девушка хочет преуспеть, она должна быть такой же безжалостной, как все прочие эльфийские лорды и леди. Если же она на это не способна, то она заслужила свою судьбу.

«Горис не знает, что цепи в кузне были испорчены нарочно». Это было одним из преимуществ постоянного пребывания рядом с лордом — Серина еще с первого сообщения о поломке знала, что цепи были ослаблены при помощи магии. Не исключено даже, что это проделал сам Дориан. Впрочем, Диран предпочел считать, что это работа кого-то из его соперников по Совету. Это было вполне вероятно. Среди членов Совета или тех, кто стремился туда попасть, такие выходки не были редкостью. Возможно, это был всего лишь еще один ход в бесконечной игре интриг и кровной вражды.

Горис и Дориан тоже были втянуты в эту игру. Но их незначительное общественное положение и невысокий уровень магических сил гарантировали, что они навсегда останутся всего лишь прислугой более сильных эльфийских лордов. Лишь одно удерживало лордов от перехода к открытым убийствам — низкая плодовитость эльфов. Эльфийской паре могло понадобиться несколько десятилетий, чтобы обзавестись одним-единственным ребенком. Если бы кто-то рискнул перейти к убийствам своих противников, преступник мгновенно сделался бы для всех — всех без исключения — мишенью номер один.

Когда к твоим услугам целый мир, легко подумать, что господа этого мира ограбят его и пойдут дальше. Но эльфийские лорды благоразумно заботились о своем имуществе. Иногда Серина недоумевала: в чем причина такой странной сдержанности? Впрочем, о людских ресурсах они заботились куда меньше: люди плодятся быстро, и если раб умирает, ему всегда найдется замена. Высоко ценились лишь искусные ремесленники.

«Если ты возвысишься, то лишь благодаря собственным усилиям».

Серина прилагала все усилия, чтобы удержаться в числе ценных рабов.

Она гордилась Дираном. Только за последние несколько месяцев Диран подточил влияние лорда Вишала, распространяя слухи — достаточно правдоподобные, чтобы в них можно было поверить, — будто Вишал подумывает развестись со своей нынешней леди и вступить в новый брак. Он дешево добыл сведения о пороках леди Рианы. А еще он ухитрился втайне прибрать к рукам всю торговлю железной рудой и, таким образом, теперь единолично контролировал важнейшую часть производства стали. Теперь даже конкуренты будут вынуждены прийти к нему на поклон — или им придется потратить огромные деньги на поиск и разработку новых месторождений.

Но наибольшим триумфом лорда Дирана стала его недавняя женитьба. Его брак был поразительно удачен: на свет появились двойняшки — что было вообще неслыханным делом.

Теперь к лорду явился с докладом управляющий сельскохозяйственными владениями Дирана. Поскольку Бранден был до уныния честен, а повествование о погоде и видах на урожай — до невозможности скучным, Серина позволила себе немного отвлечься.

Леди Лиссия... По губам Серины скользнула легкая усмешка. Леди Лиссия, жена Дирана — теперь уже бывшая жена, — никогда не представляла для Серины ни малейшей угрозы.

У В'шейла Эдреса лорда Фотрена была дочь по имени Лиссия. Она была не замужем, несмотря на видное положение, занимаемое ее отцом в Совете, и претендовала на все богатство лорда Эдреса — он заработал целое состояние на продаже наилучших гладиаторов. В детстве Лиссия упала с лошади, и в результате этого падения стала слабоумной. Ума у нее теперь хватало лишь на то, чтобы самостоятельно есть, одеваться и играть в простенькие игры. Физически она развивалась совершенно нормально, но даже когда ей сравнялось двадцать, умственное развитие Лиссии остановилось на пяти годах — именно в этом возрасте произошло злополучное падение.

«Не самый увлекательный собеседник — если вообще кто-то захочет слушать ее лепет о куклах».

Из-за этого изъяна и еще из-за того, что многие недостаточно осведомленные лорды считали его врожденным, а не возникшим в результате несчастного случая, Лиссию никогда не рассматривали в качестве подходящей брачной партии. Но она была у своего отца единственным ребенком; несмотря на многочисленные попытки, лорд Эдрес так и не сумел обзавестись другим наследником. А эльфы жили долго, но не вечно — во всяком случае, так думали люди. И отец Лиссии, уже приближающийся к тому, что для эльфов было старостью, начал постепенно, но неотвратимо впадать в отчаяние.

И тут в эту историю вмешался Диран. Он пренебрегал женщинами своей расы и предпочитал искать любовных приключений в пылких и искушенных объятиях своих наложниц. Но он тоже нуждался в наследнике; кроме того, в союзе с лордом Эдресом он мог бы устраивать множество поединков и совершенно беспристрастно снабжать бойцами и оружием тех лордов, кто не располагает собственными школами и кузнями.

Диран был вполне подходящей партией. Лорд Эдрес уже готов был с горя найти для дочери какого-нибудь надсмотрщика. Правда, в таком случае он рисковал получить внука со слабыми магическими способностями. Диран должен был показаться старому лорду настоящим подарком судьбы. Был подписан контракт: брак считался действительным до появления двух жизнеспособных детей. Один из них должен был стать наследником Дирана, второй — наследником Эдреса.

Диран намеревался выполнить этот контракт как можно скорее, а он относился к числу немногих эльфов, не только обладающих значительной магической силой, но и в совершенстве владеющих ею. Любой могущественный эльфийский лорд способен был метать молнии; Диран же мог при желании заставить сломанную кость срастись. Используя магию для повышения плодовитости, он спаривался с женой столь же безразлично, как любой его гладиатор-производитель — со случайной подругой. В то время, как большинство эльфов были рады, если у них за десять лет рождался хоть один ребенок, Диран вскорости стал отцом мальчиков-двойняшек. Один, к огромному облегчению лорда Эдреса, был отослан в его дом и стал его наследником. Второй остался у Дирана и с надлежащей пышностью был помещен в детскую.

Наложницам не позволялось входить в детскую, и потому Серина никогда не видела мальчика. Малыша нянчили люди, но няньки были опутаны такой сетью заклинаний, что и помыслить не могли о своеволии. Все входы охранялись столь же тщательно зачарованными стражами. Эта опека будет длиться до тех пор, пока мальчик не сделается настолько сильным, что будет в состоянии самостоятельно защитить себя. Если он унаследует силу отца, это произойдет годам к тринадцати. А пока что он пребывал под непрестанным присмотром, и все его желания выполнялись. Мальчика не баловали — избалованные дети имеют мало шансов выжить в смертоносных хитросплетениях эльфийской политики. Но его заботливо нянчили, заботливо учили, заботливо готовили...

А еще он жил в роскоши, заставлявшей Серину бледнеть от зависти.

Не то чтобы это имело особое значение для Серины — мать ребенка не могла соперничать с ней в борьбе за непостоянное внимание лорда Дирана. Да и сын, как ни странно, тоже. Диран не любил сына — ну, разве что как свое имущество, как наследника. Этим его интерес к сыну исчерпывался. Перенос ребенка

в господский дом и его помещение в детскую вызвали краткую вспышку бурной деятельности, после чего все пошло своим чередом. Серине этого было довольно. Благодаря снадобьям, добавляемым в пищу наложниц, она никогда не забеременеет, иначе как по приказу лорда, а если и забеременеет, то только от другого человека.

Впрочем, удерживать внимание Дирана оказалось чрезвычайно тяжело...

Серина обнаружила, что на нее положил глаз один из личных стражей Дирана — красивый, отлично сложенный брюнет с пылким взглядом. Он был довольно молод и, возможно, еще не настолько закостенел в жестокости, как гладиаторы. В целом стражи были куда красивее гладиаторов, но так же часто получали вознаграждения и так же гордились своим положением. Иногда Диран отсутствовал — недели или даже месяцы. Тогда Серине казалось, что время застыло — особенно сильно это ощущение мучило ее по ночам. Ни один эльфийский лорд не берет с собой наложницу, когда отправляется путешествовать. Этим он оскорбил бы гостеприимство дома, в котором намеревается остановиться. Неважно, насколько незаменимой считала себя Серина, — в конце концов, она могла бы...

Возможно, это не так уж плохо — найти себе молодого красивого мужчину, и перейти к нему, и уединяться с ним, когда представится возможность... Возможно, если Диран останется доволен Сериной, то позволит ей самой выбрать себе пару, когда она ему наскучит. А этот юнец, возможно, достаточно неопытен, чтобы уступать ее желаниям...

О демоны! О чем она думает? Дура! Это же самый верный способ потерять место фаворитки!

Серина укрепилась в своем намерении никогда не допускать и мысли, что кто-нибудь может согнать ее с этого места. Лучше умереть.

Она снова вернула на лицо чувственную улыбку, которая так нравилась Дирану, и поклялась, что удержит внимание лорда, чего бы это ей ни стоило.

Серина споткнулась о какой-то твердый предмет, засыпанный песком, и рухнула на четвереньки. Это положило конец ее странствию по волнам воспоминаний. Воспоминаний, которые были куда приятнее окружающей действительности...

Женщина попыталась подняться на ноги, но не смогла, и солнце принялось жечь ее открытую спину.

А может, проще сдаться и остаться лежать здесь, ожидая наступления смерти? Интересно, почему она думала, что лучше умереть, чем попасть в немилость и потерять место фаворитки? Умереть не так легко, как уснуть. Во сне не бывает жгучей боли, терзающей пересохшее горло и обгоревшую, покрытую волдырями кожу, не бывает жажды, занимающей все помыслы...

«Нет! Я не умру! Я — Серина Даэт. Я выживу, и я отомщу!»

И женщина поползла вперед с той самой бездумной решимостью, с которой прежде продолжала идти. Где-то должно быть укрытие, должна быть вода. Она найдет и то, и другое. Здесь должен кто-нибудь жить. Она купит помощь местных жителей, купит за любую цену.

Если бы только не было так жарко...

Глава 2

Небо — безукоризненная бирюзовая чаша, опрокинутая над барханами пустыни, — не туманилось ни малейшей дымкой, и на востоке уже вспыхнуло солнце в своем неповторимом великолепии. Песок ослепительно засверкал под солнечными лучами. Аламарана прикрыла внутреннее веко, защищая глаза от этого сверкания, до предела распахнула крылья и принялась, описывая круги, спускаться к выбранному ею источнику. Цель ее пути, руины давно заброшенного драконьего логова, была всего лишь пятнышком на фоне серебристо-золотого моря, раскинувшегося под ало-золотыми крыльями драконицы, но водоем, расположенный рядом с логовом, был виден с любой высоты. Отражавшийся в его водах небесный свод придавал бассейну сходство с немигающим лазурным глазом.

Алара заметила, что немного уклоняется от цели. Драконица слегка шевельнула кончиками крыльев и подправила курс. Несколько месяцев назад она бы просто сложила крылья, плотно прижала их к телу и спикировала прямо на руины, а потом вышла бы из пике и затормозила несколькими мощными взмахами крыльев, подняв целую тучу песка. Но сейчас не время. Когда носишь малыша, не до высшего пилотажа. Это слишком безрассудно — выкидывать акробатические трюки и рисковать сразу двумя жизнями.

Драконица повела крыльями, отпустила восходящий воздушный поток, немного спустилась. Питаемый родниками

бассейн манил обещанием безмятежности. Алара устала. Крылья и плечи ныли после долгого полета. К счастью, путь подошел к концу. Она уже провела определенное время на вершине горы Отца-Дракона, искупалась в прибое, что пенится у подножия утесов-часовых, возвышающихся посреди Северного моря, и побывала в благоухающих чертогах Тахевальского леса с его кедрами-великанами. Тем самым она приобщилась к Воздуху, Воде и Земле. Последней ступенью ее паломничества должно было стать приобщение к стихии Огня. Подобное паломничество к стихиям совершали не все драконы, но для шаманов оно было обязательным.

Алара немного подобрала крылья, чтобы спускаться по чуть более крутой дуге. Когда Алару отделяло от поверхности земли расстояние, равное длине ее тела, драконица сбросила скорость. Она снова распахнула огромные крылья и на мгновение зависла, а потом легко, словно птица, опустилась на песок.

После холодных верхних слоев воздуха жара казалась приятной. На мгновение Алара так и оставила крылья раскрытыми. Прижмурив глаза и с удовольствием погрузив все четыре когтистые лапы в раскаленный песок, драконица впитывала благословенные солнечные лучи. Она пошевелила пальцами, наслаждаясь жарой. Сила солнечных лучей возрождала ее собственные силы. Малыш беспокойно заворочался, стукаясь о ребра матери. Срок родов уже близок. Но сперва Аларе нужно будет кое-что выполнить, и на это время малышу придется подождать. По крайней мере в этом женщины-шаманы контролировали свою биологическую сущность.

Драконица грелась, ни о чем не думая, пока солнце не поднялось в зенит, а оказавшийся под Аларой песок не остыл в тени ее тела. Наконец драконица вздохнула и открыла глаза.

«Я даром трачу время. Чем скорее я закончу, тем скорее вернусь домой». Алара медленно повернула голову, выбирая подходящее место для завершающей медитации.

Руины были заброшены так давно, что от них уже почти ничего не осталось. Самой примечательной их частью была длинная низкая стена, которая поднималась из сверкающего песка, словно змеиный хребет. Драконьим постройкам вообще были свойственны изогнутые линии. За стеной из-под песка проступали следы какого-то квадратного здания, — точнее, намек на фундамент, — построенного в подражание не то эльфийской, не то человеческой архитектуре. Груда занесенных песком камней указывала на то место, где когда-то стояла башня. Чахлая

трава, полдесятка деревьев — вот и все, что здесь росло. При этом вся растительность сосредоточилась вокруг бассейна, на пятачке в половину длины дракона.

Рядом со стеной располагался и сам облицованный камнем бассейн. Благодаря подземным ключам он был полон холодноватой на драконий вкус и слишком чистой воды, так что пить ее было опасно — по крайней мере драконам. Зато драконы превосходно обходились водой соляных озер, способной убить любое другое существо.

Здесь не чувствовалось присутствия бедствий или хотя бы несчастных случайностей. Логово разрушило не насилие, а ход времени и силы природы.

«И все же это было глупостью — селиться так близко от эльфийских земель...»

Это место называли Логовом Ириленейла. Среди драконов до сих пор бытовали возникшие после этой истории поговорки «порывист, как Ири» и «говорить убедительнее Ириленейла». Ири понравилось это место — расположенный посреди пустыни оазис. Он идеально подходил для теплолюбивых драконов с их повышенным метаболизмом. Ири страстно возжелал здесь поселиться. Правда, из бассейна пить не стоило — хотя бы из соображений безопасности, — но поблизости находились обильные месторождения руд металлов. А затем Ири обнаружил истинную ценность этого места...

«И каким-то образом ухитрился убедить два десятка вполне разумных драконов присоединиться к нему».

Но близость к эльфийским землям и недостаток дичи вскоре вынудили драконов покинуть это поселение. Да, этот оазис обладал определенными преимуществами, но всем им вполне можно было отыскать замену в более безопасных местах. Всем, кроме одного. Единственное достоинство, которому замены не было, располагалось у истоков вод, питающих бассейн. Через щель в земле, открывающую дорогу воде, наверх поднимался и другой поток — поток энергии. Магическая энергия струилась через бассейн, смешиваясь с водой и очищая ее. Шесть силовых линий образовывали симметричную звезду. Вот эта-то магия, очищающая воду в бассейне от щелочных солей, которыми были насыщены все водоемы пустыни Мехав, и заставляла драконов возвращаться сюда даже после того, как поселение было заброшено, — а произошло это задолго до рождения Алары. Здесь располагался источник чистой магической силы, и второго такого не было в этом мире. Нехватку дичи можно бы-

ло бы восполнить — ведь делалось же это в других местах за счет разумного хозяйствования. Но вторжение эльфов и людей-рабов заставило драконов покинуть оазис и оставить его песчаным ястребам, рубиновым ящерицам и прочей подобной живности.

Это и было для Алары причиной наибольшего беспокойства. Если она не хочет обнаружить себя, ей нельзя сохранять этот облик. Ей придется провести здесь некоторое время, и ей надо устроиться поудобнее. Осмотрев руины, Алара обнаружила прекрасное местечко, полностью подходящее для ее целей, — спрятавшуюся у стены ложбинку, словно предназначенную для того, чтобы укрыть ее разбухшее от беременности тело. Ложбинка была залита солнцем. Драконица улеглась в нее и свернулась клубком, подобрав хвост и крылья.

Драконица непроизвольно отметила, что постаралась перебраться в ложбинку с наименьшей затратой сил. «Да, Отец-Дракон не без оснований обзывал меня ленивицей», — с усмешкой подумала Алара. Впрочем, она предпочитала считать, что у нее сильно развита склонность к рациональным и целесообразным действиям.

Песок был мягким и податливым. Он приятно ласкал чешуйки на боках драконицы. Некоторое время Алара созерцала бассейн — зрелище глубокого безмятежного водоема помогало ей настроиться на медитацию. Постепенно она позволила своему сознанию погрузиться в воду — в индиговые глубины, к песчаному дну, к потайным трещинам, через которые сочится вода. А из точки соединения шести сияющих силовых линий сочилась магия — с той же безмятежностью, что и вода. Алара видела это внутренним зрением: серебряный лунный свет, играющий на драконьей чешуе, сияние чистого металла, перекрывающее драконье сияние, потаенная радуга, состоящая из всех цветов и ни из одного... А там, где линии сходились, бил безмолвный фонтан силы и вздымался к солнечным лучам, которые пронзали воду, чтобы встретиться с ним.

«Если бы эльфы только знали...» Алара мысленно хихикнула. Эльфы очень ревниво относились к силе и тянули ее изо всех источников с жадностью ребенка, стремящегося к сладостям. Но эльфы не умели видеть силовые линии и не способны были воспользоваться скрытой в них мощью. Это могли проделать только драконы — да еще люди...

Алара точно не знала, как именно драконы научились пользоваться чуждой энергией этого мира. Возможно, это произошло потому, что драконы, хоть и не были местными уроженцами, обладали даром жить в гармонии с любым миром, в котором оказывались. Эльфы же, чуждые этому миру, не могли ни чувствовать его энергию, ни пользоваться ею, — так говорил Отец-Дракон. И происходило это не потому, что эльфы были здесь такими же чужаками, как и драконы, а потому, что они не делали ни малейших попыток приспособиться к этому миру. Вместо этого они решили приспособить мир под себя.

Что же касается людей, то те несчастные, что еще сохранили способность чувствовать силу, понятия не имели, как ею пользоваться. А если хозяин узнавал, что его раб обладает подобным даром, человека ждала немедленная смерть, на арене или в руках надсмотрщиков. Эльфы не терпели магических талантов у своих слуг.

И все же одаренные люди продолжали рождаться, словно сама земля нуждалась в них.

«Любопытная мысль. Впрочем, теперь...»

Алара решила обдумать эту мысль попозже, а пока продолжила ткать магическое плетение, приспосабливаясь к поднимающемуся из бассейна потоку магии и черпая в нем силу. Драконица явилась сюда с определенной целью, и праздные мысли об эльфах и людях могли подождать, пока Алара не управится с делами.

Она извлекла из источника еще некоторую порцию силы и сплела из нее тонкую паутину. Эта паутина сверкала — правда, сверкание было заметно лишь для внутреннего зрения, — и пьянила, подобно искристому вину. Алара любила пить такое вино, когда принимала эльфийский облик. Потом драконица вобрала силу в себя и стала заворачиваться в эту паутину, пока не закуталась в нее от носа до кончика хвоста и не засверкала, словно мираж. Напряжение возрастало. Алара пила силу, пила и удерживала ее в себе, пока не почувствовала, что больше не может, что еще глоток, и она лопнет, как переполненный водой бурдюк.

«Пора», — подумала драконица и почувствовала, как рябь изменений волной двинулась от ее хвоста, прошла по телу, оставляя за собой...

Камень.

Но необычный камень. Камень, рожденный в огне, застывший гнев вулкана, остекленевшая кровь из сердца мира. Вот наибольшее приближение к огню, доступное для какого бы то ни было живого существа.

В мгновение ока Алара преобразилась. Больше не было свернувшейся на солнышке драконицы. На ее месте, в песчаной ложбинке, лежал обсидиановый валун, смутно напоминающий очертаниями дракона, такой же гладкий и обветренный, как и камни стоящей рядом стены. Его сухая черная поверхность впитывала и поглощала жгучие солнечные лучи.

Теперь Алара могла расслабиться и позволить своим мыслям течь, куда им заблагорассудится. Она преображалась четыре раза. Первый раз — в ледяного орла. Эти существа размером почти с дракона живут высоко в небе и даже спят на лету. Второй раз — в беззаботного дельфина, так же слившегося с водой, как ледяной орел — с воздухом. Третий — в могучий кедр, чьи корни глубоко погружены в землю. Четвертое преображение было самым трудным, поскольку огненный камень не был живым существом. Не все драконицы нуждались накануне родов в этом приобщении к стихиям. Но шаманы, в число которых входила и Алара, укрепляли таким образом свое единство с миром, в надежде, что ребенок унаследует способности матери и будет впоследствии служить процветанию Народа драконов.

Теперь Алара особенно остро ощущала землю — до самого расплавленного ядра. Она чувствовала, где находятся разбросанные вокруг оазиса залежи руд. Надо бы запомнить их местонахождение. Они могут понадобиться, когда месторождения рядом с Логовом Левинлирена иссякнут. Конечно, лучше бы было, если бы в ближайших к дому месторождениях руда была почище; а такая, как здесь, — это и вовсе замечательно. Драконам необходимо включать в свой рацион значительное количество металлов — и чем чище эти металлы, тем лучше. Это необходимо для роста когтей, ороговелого гребня и чешуи.

При линьке очень много ценных веществ теряется вместе со сброшенной чешуей. Алара подозревала, что некоторые драконы поедают собственную старую шкуру. Но это настолько по-варварски...

Оазис располагался в опасной близости от эльфийских торговых путей, но все-таки месторождения можно будет отыскать с воздуха.

Алара бегло осмотрела ближайший участок пути: не чувствуется ли вблизи присутствие эльфийских сознаний или пустоты, сопровождающей закованных в ошейники рабов и приближенных. В этих краях любому из Народа равно требовались и удача, и осторожность. Мысли Алары омрачились. Она подумала, что старшие были правы, а Отец-Дракон ошибался. Нельзя допустить, чтобы эльфы узнали о существовании драконов. Поодиночке никакому эльфу не под силу справиться с драконом, даже если он будет пользоваться магией. Но если эльфы объединятся и сообща выступят против Народа...

Если бы Алара сейчас не была камнем, гребень на ее спине встал бы дыбом. Она слишком хорошо помнила свою стычку с эльфами и тот момент, когда они застали ее на земле. Алару тогда спасла лишь быстрая смена облика с драконьего на эльфийский и создание иллюзии.

Путешествие по эльфийским землям в измененном облике не представляло особой трудности. По правде говоря, для молодых драконов это было своего рода игрой — забраться в отдаленную местность, найти одинокого эльфа-наблюдателя, на короткое время принять драконий облик, потом приземлиться, дав наблюдателю засечь место посадки, и быстро сменить облик — превратиться в какое-нибудь животное или в эльфа. Когда наблюдатель отправлялся на поиски, встреченный «эльф» уверял его, что ничего подобного здесь и близко не было.

Лишь однажды дракон допустил ошибку и принял при такой встрече человеческий облик.

Алара почувствовала, что начинает превращаться обратно: вспыхнувший гнев разрушил сосредоточенность, и драконица чуть не утратила контроль над обликом.

После этой встречи Шоронураласи навсегда охромела, но в мире стало на одного эльфа меньше.

Несколько стычек, которых не удалось избежать, научили драконов, что эльфы, при всей их силе, все же уязвимы. Драконы привыкли держать в расположенных на лапах полостях, предназначенных для яда, растворы щелочей. В результате одной-единственной царапины, нанесенной драконьим когтем — даже не отравленным, — довольно было, чтобы вогнать эльфа в шоковое состояние.

«А раз так, — мрачно, но при этом с неким странным удовлетворением подумала Алара, — пусть только какой-нибудь эльф подойдет ко мне на расстояние удара, и вопросы задавать будет уже некому».

Тут мысли драконицы свернули в другое русло. Она радовалась ребенку, которого носила, и ждала его, но во время беременности слишком многие вещи оказывались для нее запретны — в том числе и смена облика. На то были веские причины. Изменение размера при смене облика означало, что изменяющийся перемещает значительную часть своей массы Вовне, и

это перемещение могло иметь ужасные последствия для развивающегося ребенка. Все это время Аларе очень не хватало возможности менять облик. Но больше всего ей не хватало Громовых Танцев, когда все драконы вызывали грозу и плясали в небе среди туч.

Иногда кто-нибудь из драконов погибал во время Громового Танца, попав в слишком сильный нисходящий воздушный поток, сломав кость крыла или порвав перепонку. Они падали на землю и разбивались насмерть. Иногда кто-нибудь из танцоров замечал бедственное положение товарища или ловил мысленный крик о помощи и бросался к обреченному, чтобы поддержать его крылом, — но это редко помогало.

Впрочем, риск только добавлял притягательности Громовому Танцу.

Алара вспомнила свой последний Громовой Танец, — вспомнила с такой страстностью и ненасытной тоской, что в любом другом облике ее пробрала бы дрожь. Она была Огненной Бегуньей — самая почетная и самая опасная позиция в танце...

«Взмывать и падать, играть с ветрами, пробиваться через самое сердце грозы...»

Вот где выявляется истинное мастерство полета! А резвиться в восходящих теплых потоках всякий дурень может.

Призвать молнию, когда она несется от тучи к туче, позволить ей промчаться по твоей шкуре и вспыхнуть, да так, чтобы каждая чешуйка, каждый выступ на гребне оказались окаймлены белым пламенем...

Но стоит допустить одну-единственную ошибку, лишь на миг ослабить сосредоточение, и молния, вместо того чтобы скользнуть по непробиваемой чешуе, войдет в тело и парализует его. А может, и убьет.

И созданные тобою вспышки молний, протянувшиеся между кончиками крыльев или от крыла до тучи...

Большинство драконов умеют создавать электрическую дугу, находясь на земле. Но лишь единицы способны проделывать это в полете, и завоевывается такое умение годами упражнений. Алара же была способна посылать электрический разряд в другое место. Это свидетельствовало о величайшем искусстве и сделало ее во время последнего Танца самой желанной партнершей.

Если бы сейчас у Алары был язык, она бы облизнулась при воспоминании о Реолахайи, шамане Логова Вавийна. Длинный, гибкий, поджарый, чешуя цвета тусклого золота отливает радужными разводами, разум быстр, как молния, и остр, как когти дракона, — Алара находила такое сочетание качеств неотразимым. Сейчас, пока Алара не родит и не сможет вновь вернуться к своим обязанностям, Реолахайи выполняет роль Огненного Бегуна для обоих поселений. Двойная обязанность удваивает опасность — нелегко пробежать столько Громовых Танцев, — но вместе с тем удваивает и возбуждение. Впрочем, если только их не сведут непредвиденные обстоятельства, маловероятно, что они с Реолахайи будут встречаться где-либо, помимо Танцев, и еще меньше вероятность, что они образуют постоянную пару. Ни его, ни ее поселение не захотят остаться без шамана. А обязанности шамана отнимают слишком много времени, чтобы кто-либо из них мог позволить себе часто совершать трехдневный перелет между поселениями. На мгновение Аларе стало жаль себя. Увы, шаман не волен распоряжаться своей жизнью...

Но у Алары был не тот характер, чтобы надолго погрязнуть в жалости к своей особе. Обязанностей, конечно, у нее много, но и удовольствий немало. А лучше всего быть Огненной Бегуньей...

С этим удовольствием ничто не могло сравниться — бросаться в самое сердце бури, возвращать молнии в исходную точку...

А потом призвать их, призвать одновременно сотню смертоносных стрел, исполосовать небо огненным ливнем, а после уйти в пике, камнем рухнуть с небес в узкое ущелье, где едва помещается ее тело, на площадку, окаймленную тщательно подобранными драгоценными камнями...

Самоцветы мигают, на стенах переливается звездная радуга, сама скала дышит под ее крыльями, воздух потрескивает, расступаясь перед ней, и огни небес следуют за ней на землю — там, где проходит Алара, драгоценные камни вспыхивают, и в конце концов ущелье оказывается залито великолепным многоцветным сиянием...

И это тянется, пока она не прорывается в пещеру, с громовым раскатом распахивает крылья, закладывает «бочку». Последние электрические заряды летят в пол пещеры, оплавляя камень и песок, и остаточное электричество потрескивает вокруг, когда она приземляется...

Аларе захотелось вздохнуть, но у нее ничего не вышло. Это напомнило драконице, в каком облике она пребывает и ради

чего она его приняла. Она явилась сюда созерцать Огонь — огонь земли, — а не считать молнии.

Алара снова напрягла свои чувства, стараясь лучше воспринять землю, и направила их вниз. Ей оставалось лишь надеяться, что она все делает правильно. Когда она носила Кемана, она еще не была шаманом. А Отец-Дракон, когда она отправлялась в паломничество, сказал ей лишь: «Делай то, что подскажут тебе чувства». Он явно не рвался помогать Аларе, и это ей, мягко говоря, не нравилось. Алара знала, что это часть работы шамана — не давать прямых ответов. Но играть в ту же самую игру с другим шаманом — это уже перебор!

Ей словно послышался голос Отца-Дракона, произносящий: «О нет, отнюдь...»

Аларе и самой не раз выпадала эта же работа — переворачивать все с ног на голову, — и она ее выполняла, даже если это ей не нравилось.

Но ей полагалось это делать. Ей полагалось следить, чтобы Народ оставался начеку, чтобы драконы не стали чересчур самодовольными и не искали легких ответов. Или слишком поверхностных...

Любовь к легким ответам и самодовольство — вот главная опасность для Народа. И с тех пор, как они пришли в этот мир, драконы мало боролись с нею.

Сама Алара родилась уже здесь, но она помнила все истории, которыми Отец-Дракон делился с младшими шаманами. Никто из драконов не рвался вернуться домой, в породивший их мир — мир свирепых хищников, вполне способных справиться с молодым драконом, мир ледяных бурь, замораживающих дыхание в груди, — захваченного такой бурей дракона ждала неминуемая смерть, если только ему не удавалось очень быстро отыскать укрытие, — мир, где приходится вести безжалостные сражения за пищу. Способность драконов к смене облика была порождена жестокой необходимостью, усовершенствована в ходе борьбы за выживание и отточена голодом и страхом. Жизнь в том мире была суровой, безжалостной и зачастую короткой. Но однажды один дракон обнаружил нечто странное в глубинах пещеры, которую обследовал на предмет устройства там логова.

Оказалось, что один из боковых ходов ведет не в соседнюю пещеру, а в другой мир. И какой мир! Теплый, полный зелени, изобилующий пищей, — и казалось, к тому же лишенный хищников, да и вообще всяких крупных существ, способных представлять угрозу для дракона.

Шонсеаларони укрепил Врата при помощи самоцвета — он обладал несравненным собранием драгоценностей, — но не все драконы захотели пройти сквозь них. Некоторые упрямцы утверждали, что Дома лучше. В конце концов, когда через Врата прошла примерно половина Народа, Шонсеа вынул из них свой самоцвет, и Врата схлопнулись.

Впрочем, впоследствии драконы научились создавать подобные Врата. Некоторым это понравилось. Несчастные случайности и убийства часто укорачивают жизнь драконам. Но все же насильственной смерти можно избежать, и дракон, которому это удается, живет долго — очень долго. В новом мире, который драконы так и назвали — Мир, — они сумели наконец вычислить истинную продолжительность своей жизни. И узнали, что одним из проклятий долгожительства является скука.

Это и заставило некоторых членов Народа скакать из мира в мир в поисках приключений.

Теперь им уж наверняка хватает приключений здесь! С тех пор, как Отец-Дракон обнаружил эльфов и их рабов...

Возможно, что те, первые Врата были сооружены эльфами, или кем-то им подобным, или возникли в результате деятельности мага-недоучки. Отец-Дракон предполагал, что Врата действительно были сделаны эльфами — те пытались связать какие-то миры и в результате создали канал между Домом и Миром.

Когда Народ обнаружил эльфов, драконы узнали, что эльфы тоже чужаки в этом мире. Они построили Врата, чтобы перебраться из мира, где им грозила опасность, туда, где они будут господами. В этом была некая ирония: драконы, обретшие Врата по чистой случайности, думали лишь о бегстве, а построившие эти Врата эльфы — лишь о завоеваниях. Отец-Дракон, который посвятил изучению эльфов больше времени, чем кто-либо другой из Народа, предполагал, что опасность, угрожавшая эльфам, была вызвана их же собственными действиями. Алара пока что не находила данных, способных опровергнуть это предположение, а многие вещи с ним вполне согласовывались. Эльфы иногда говорили в своем Совете Клановых Войн об опустошении огромных пространств, о магических схватках, от которых «камни текли водой», и о настоятельной потребности не допустить повторения подобных конфликтов. В этом мире не наблюдалось следов столь масштабной войны.

Здесь вражда кланов или отдельных эльфов удерживалась в определенных границах.

«Возможно, они воевали до тех пор, пока не уничтожили собственный мир. А может, оказались проигравшими в войне, которая позволяла выжить лишь победителям. Вот еще одна причина скрывать от них наше существование...»

Коренными уроженцами этого Мира были лишь люди. Драконы не знали, какого уровня культуры они успели достичь до появления эльфов, — к тому времени, как в Мир попали драконы, это давно уже было покрыто мраком забвения. К нынешнему же моменту эльфы прочно утвердили структуру Мира, в котором они были всевластными господами, а люди — покорными рабами.

Само собой, эта ситуация была чревата множеством неприятностей...

Алара почувствовала, что снова начинает терять облик камня. Это вызвало у нее приступ раздражения. В конце концов, первые три превращения дались ей довольно легко. Она была вполне способна привести разум в соответствие с каждой стихией. Что же мешает ей теперь?

Алара попыталась потянуться, вспомнила — опять! — что она не может этого сделать, и раздраженно решила, что проблема сводится к обычнейшей скуке. Будучи орлом, она узнавала много нового о полете, ветрах и воздушных течениях; а еще нужно было справляться с оперением, которое вело себя совсем не так, как перепончатые крылья. Превратившись в дельфина, она получила целый новый мир для изучения. Надо признать, что ей нелегко было покинуть этот облик и продолжить путешествие. И даже когда она пребывала в облике кедра, ее окружал полный жизни лес, и она могла двигаться, хоть и в ограниченных пределах.

Здесь же, в пустыне, не было ничего, кроме самой Алары и магической энергии источника.

Возможно, ей было бы легче, если бы она делала что-нибудь, а не сидела здесь как... как камень!

Алара не встретила даже пятидесяти зим этого Мира — по меркам Народа, она была молода. Некоторые даже говорили, что она чересчур молода, особенно для должности шамана. Некоторые также считали, что ее своеволие и тяга к противоречию чересчур велики — несмотря на то, что шаману полагается быть голосом противоречия, той самой занозой, которая не позволяет жить чересчур спокойно.

Алара слишком часто нарушала обычаи ради удобства. Она нарушила обычай, когда заняла пост шамана в столь юном возрасте. Она нарушала их каждый раз, когда ей казалось, что словом «обычай» просто оправдывают нежелание изменяться. Драконы прислушивались к ней, но все равно считали ее бесшабашной и своевольной. Возможно, они даже были правы. Но не исключено также, что права была она и что драконы поддались соблазнам этого благодатного мира и впали в дрему.

Ну что ж, по крайней мере, они все еще прислушивались к ней.

Пока что. Аларе давно хотелось знать, как далеко она может завести родичей. Сместить ее было невозможно, но они вполне могли перестать обращать на нее внимание.

Если бы другие драконы узнали о ее вылазках в эльфийские земли, они пришли бы в бешенство. Нет, в том, чтобы принять эльфийский облик и податься на поиски приключений, не было ничего предосудительного — если ты обычный дракон.

Но шаман, рискующий собою таким образом, ужаснул бы все Логово.

Вот, кстати, часть здешних проблем: Народ теперь приемлет лишь допустимый, умеренный риск. С тех пор, как Шоро пострадала, никто не хочет рисковать слишком сильно.

Вот почему никто так долго не приходил сюда: драконы не желали попадаться на глаза эльфам, как бы мала ни была такая вероятность. И еще они не хотели рисковать и играть с энергией такой мощи — ведь можно не совладать с ней и попасть под удар.

По этой же причине никто больше не хотел быть Огненным Бегуном, кроме другого шамана. Отец-Дракон говорил, что прежде драконы состязались за эту привилегию, теперь же, если бы не шаманы, Громовым Танцам пришел бы конец, и это стало бы концом всему. Что же было причиной: лень или что-то иное? Почему за последний год драконы не более полудюжины раз пробирались на эльфийские земли, да и то по большей части втихаря, стараясь не производить никакого шума? Такое впечатление, будто они попросту боятся идти...

А вот Аларе чрезвычайно нравились выходки такого рода.

Последняя вылазка была особенно хороша. В'ларн лорд Ратекрель Трейн-Таэль не отличался особым терпением...

А Алара воспользовалась его несдержанностью и с проворством паука сплела настоящую паутину неприятностей для заносчивого лорда...

Почему цветы сильнее всего пахнут, умирая?

На туалетном столике стоял букет белых цветов. Алара протянула руку и ласково коснулась стебля увядающей лилии. Цветок воспрял от этого прикосновения. Алара еще раз взглянула в зеркало поверх цветов и не нашла ни малейшего изъяна в своем облике. От бледно-золотых волос до узких ступней она являла собой воплощение всех черт, присущих высокородным эльфам. Волосы водопадом ниспадали до талии, а широкие, чуть раскосые глаза имели особенно ценимый среди эльфов иссиня-зеленый оттенок. Лицо Алары — с высокими скулами, широким лбом, тонким носом, полными губами и изящно очерченным подбородком — было словно выточено из лучшего мрамора. Алара вытянула руки вперед. Как странно увидеть на месте пяти когтей длинные, тонкие пальцы, а на месте красно-золотой чешуи с радужным отливом — бледную кожу, напоминающую прозрачностью хороший фарфор.

А до чего же странно ходить прямо, балансируя на двух ногах! Аларе постоянно казалось, что она вот-вот упадет.

На этот раз она предпочла женский облик. Мужская роль могла бы вызвать лишние затруднения, особенно если учесть некоторые особенности эльфийского гостеприимства. Однажды Аларе уже предложили наложницу, и она вывернулась из этой ситуации лишь благодаря тому, что не планировала оставаться в том доме на ночь.

Алара даже не была уверена, что смогла бы достаточно достоверно изобразить дракона-самца, так что ж говорить об этих существах!

Кроме того, тут крылось еще одно преимущество, — которое, собственно, и сделало нынешнюю шутку возможной. Находясь в женском облике — причем в очень привлекательном, с точки зрения эльфов, облике, — Алара могла руководить ситуацией при помощи притворства и таких способов воздействия, которые не под силу раскусить даже самому умному эльфу.

Изучив хозяина дома, Алара поняла, что Ратекрель вполне чувствителен к определенным видам воздействия. В торговле он был настоящим гением, но этим его знания и опыт и исчерпывались. Ратекрель был весьма вспыльчив, не имел привычки сдерживать свои порывы и не раз совершал гибельные ошибки, когда дело касалось женщин его расы.

Алара решила помочь Ратекрелю совершить еще одну ошибку.

Она отвернулась от зеркала в серебряной оправе и приступила к решению важной проблемы, а именно — выбору платья.

Алара изучила розовое парчовое платье с высоким воротом и отвергла его, как чересчур девическое. Черное атласное платье, напротив, было чересчур откровенным. Если предыдущий наряд полностью скрывал грудь, это платье ее почти целиком обнажало. В конце концов Алара остановилась на струящемся платье из мерцающего изумрудно-зеленого шелка. Рукава этого платья ниспадали до пола, а лиф обтягивал тело Алары, подобно второй коже, после чего переходил в пышную юбку со шлейфом, под которым могла спрятаться целая армия карликов. Хотя вырез у этого платья был весьма скромный, облегающий фасон оставлял весьма мало места воображению.

Алара кликнула горничных и подождала, пока они нарядят, причешут и украсят ее драгоценностями в соответствии с ее указаниями. У рабынь были мягкие и проворные руки. Женщины работали совершенно бесшумно, и легко было вообразить, будто Алару окружают невидимые духи воздуха, а не стайка юных девушек в цветах дома Ратекреля — белых туниках, отделанных серебром.

Поместье Ратекреля было не самым большим из тех, что доводилось посещать Аларе, но и не самым маленьким. Одних лишь гостевых покоев в доме было двадцать пять. Такое поместье требовало сотен людей-рабов и не меньше сотни эльфов-слуг. Покои, в которых разместили Алару, состояли из трех помещений: роскошной туалетной комнаты, гостиной и спальни — все с бело-серебряной элегантной отделкой, в цветах дома, — с личной купальней, которая выглядела как горячий источник, бьющий из сугроба. Иллюзию нарушали лишь серебряные краны в форме рыбок и стопки махровых снежно-белых полотенец.

На самом деле большая часть дома была отделана в бело-серебряных тонах. Эта отделка вызывала у Алары ощущение холода и заставляла чувствовать себя неуютно. Потом она сообразила, что это было одно из утонченных средств, при помощи которых Ратекрель старался ошеломить и подавить своих гостей — невзирая на причины, приведшие их сюда.

Алара готова была поспорить, что покои самого Ратекреля не выглядят как кусок ледника.

Даже мебель здесь была какой-то неуютной. В целом весь интерьер был выполнен в изящном, но до предела простом, если не сказать строгом, стиле. Белая лакированная мебель из-за отсутствия украшений почти сливалась с белым атласом стен. А постель была чуточку чересчур жесткой.

Алара сидела, скрестив руки, на маленьком белом стульчике перед белым туалетным столиком, в окружении служанок в белом одеянии, и на этом фоне ее ярко-зеленое платье казалось настоящим вызовом.

Алара порадовалась, что не выбрала красное или черное платье. Нынешний наряд придавал ее изумрудно-зеленым глазам блеск лениво-мечтательной усталости, которой драконица на самом деле ничуть не испытывала. Красный наряд в этом интерьере выглядел бы как пятно крови на снегу, а черный мог бы навести на мысль, что она объявляет хозяину дома войну от имени своего клана. Алара же хотела казаться его союзницей.

Наконец служанки уложили последние пряди на свои места и отступили в сторону. Алара изучила результат их трудов, исходя прежде всего из того, что вскоре ей предстояло сесть за обеденный стол напротив Ратекреля. Ну-ка, и что же он увидит?

Теперь бледно-золотые локоны Алары были уложены с тщательно продуманной небрежностью и перевиты золотыми цепочками, унизанными крохотными изумрудами. В ушах покачивались два камня покрупнее. Повинуясь ее приказу, рабыни лишь чуть-чуть подкрасили лицо Алары. В конце концов, она пыталась произвести впечатление неискушенной девушки.

На шее у Алары красовались изумруды, стоящие целое состояние, и эти камни не были подарком хозяина дома. Это был откровенный вызов богатству Ратекреля.

Платье смотрелось очень чувственно, как Алара и надеялась. Оно подчеркивало ее небольшую, но высокую грудь, и струилось, обрисовывая бедра.

«Лишь намек на секс, но не обещание. Впечатление невинности».

Предполагалось, что она — всего лишь посланница одного из союзников Ратекреля. Впрочем, Алара приложила все старания, чтобы Ратекрель воспринял ее появление как неприкрытое предложение брачного союза. В самом деле, зачем же еще отправлять с посланием женщину?

Или, во всяком случае, так должен был подумать Ратекрель.

Алара встала. Служанки тут же склонились в заученном поклоне. Одна из них метнулась к двери и распахнула ее перед драконицей. Остальные тем временем принялись убирать комнату и наводить порядок на туалетном столике.

Бело-серебряная дверь закрылась за Аларой, и девушка оказалась в коридоре. Белый коридор был освещен серебряными

светильниками, выполненными в форме лебедей, и выложен чистейшим белым мрамором, какой Аларе только доводилось видеть.

Алара неспешно заскользила по холодному камню. Ее движение сопровождалось лишь шуршанием шлейфа по белоснежному мрамору. Через подошвы тоненьких замшевых туфелек Алара чувствовала, что на мраморном полу нет ни единой щелочки или трещинки.

Алара двигалась неспешной походкой, слегка покачивая бедрами. Ни одна уважающая себя эльфийская девушка никогда не позволяла себе производить столь вульгарного звука, как шум шагов, и никогда не убыстряла походки, — неважно, насколько срочным было дело.

«Бедняги!» — сочувственно подумала Алара. Те эльфы, кто не обладал достаточной властью, силой духа и характером, позволяющим бросить вызов обычаям, были точно такими же пешками и рабами, как их слуги-люди.

Эльфы уважали лишь одно: силу. Те, кто обладал силой, устанавливали правила, обязательные для всех, кроме них самих. Те же, кто силой не обладал, были вынуждены подчиняться правилам, установленным другими.

Эти правила делали эльфиек собственностью мужчин их клана — попросту говоря, вещью, которая всецело находилась в распоряжении пребывающего у власти мужчины, — и превращали женщин в расхожую монету тщательно продуманных сделок — брачных союзов.

Только лишь в том случае, если девушка проявляла одновременно значительную одаренность (в сфере магии или интриг, либо просто незаурядный ум) и готовность безжалостно пользоваться своим преимуществом, — лишь тогда она могла избежать судьбы, предписанной ее полу.

Скользя по гладкому мрамору, Алара припоминала известных ей эльфиек, которым удалось обмануть судьбу. Это были женщины, вставшие во главе кланов. В'йанн Йиста эр-лорд Даар, которой хватило сил свергнуть предыдущего главу клана и победить его в магическом поединке, длившемся три дня. В'лисле Картай эр-лорд Гейр, которая наследовала своему умершему брату, после чего обнаружилось, что это именно ее тайное руководство в свое время обеспечило брату видное положение в Совете. В'данн Триана эр-лорд Фалкион, которая просто пережила прочих, чересчур любивших удовольствия наследников, победила нескольких соперников на обычных, не-

магических дуэлях, после чего принялась сокращать срок своей жизни при помощи всех тех пороков, что сгубили ее родственников. В'мейн Лайш эр-лорд Сейкер, которую подозревали в том, что она просто втихую убила навязанного ей мужа, как только высохли чернила на брачном договоре... Впрочем, доказательств никаких не было.

По крайней мере четверть кланов возглавляли женщины, и в Совете они держались с мужчинами на равных. Алара подозревала, что куда большее количество женщин предпочитает править из-за кулис, прикрываясь супругом или кем-нибудь из родственников.

Что же касается прочих женщин, их жизнь мало чем отличалась от монастырской, до тех самых пор, пока они не вручали свою девственность тщательно подобранному супругу. С этого момента и до рождения наследника женщин содержали даже в большей строгости, а вот после родов они могли жить в свое удовольствие и развлекаться, как им в голову взбредет. Младшие члены кланов обычно занимались торговлей либо служили в поместье. У женщин же, пока они не добивались желаемого положения, выбор занятий был невелик: следить за своей внешностью и произвести на свет ребенка. Если получится, то нескольких, но, в принципе, и одного было довольно. После этого одни ударялись в азартные игры, другие пытались заняться живописью или музыкой, третьи увязали в бесконечном круговороте создания новых нарядов. А многие замыкались в уединении своих покоев, в объятиях тщательно отобранных рабов.

Вот такой вот образ Алара и пыталась создать: типичная дочь своего клана, привлекательная, девственная, достаточно владеющая магией, чтобы творить несложные заклинания, и лишенная амбиций.

Впрочем, точнее было бы сказать, что ее амбиции не касались вопросов власти. Чтобы подогреть интерес Ратекреля, Алара сделала вид, что надеется многого добиться в искусстве — или, точнее сказать, в Искусстве. Она так и отрекомендовалась: не художница, но Художница. Ратекрель мнил себя знатоком искусств, и представленные Аларой верительные грамоты включали несколько «ее Работ».

Когда Алара миновала коридор, белые лакированные двери, инкрустированные серебром, распахнулись прежде, чем девушка прикоснулась к ним. Алара шагнула вперед и застыла на пороге обеденного зала, напоминающего пещеру. В прошлый

раз, когда Алара проходила через эти двери, никакого зала здесь не было. Его появление свидетельствовало об уровне магической силы Ратекреля. Особые коридоры, подобные тому, по которому только что прошла Алара, вели туда, куда желал Ратекрель. Фактически это были миниатюрные Врата, открывающиеся по его капризу.

Алара попыталась почитать мысли прислуживавших ей людей, но из-за ошейников-изоляторов, которые носили рабы, драконица улавливала лишь мимолетные обрывки мыслей, да и то лишь тех, которые касались непосредственно ее. Люди боялись этих коридоров и предпочитали не пользоваться ими. Когда они приходили в гостевые покои, Алара отмечала про себя все «нормальные» переходы, построенные специально для слуг, и запомнила, куда ведет каждый из них. Ей понадобятся эти сведения, когда она перейдет ко второй части своего плана.

Обеденный зал входил в число тех мест, которые нагоняли ужас на людей, и на то были причины.

Аларе потребовалось несколько мгновений, чтобы ее глаза приспособились к царящей за дверью темноте. Она стояла на пороге, ожидая, пока снова сможет видеть...

Странно. Здесь пахло... пожалуй, штормом. И морским ветром...

Увидев, наконец, что лежит впереди, Алара удивленно прищурилась.

«Так-так! — подумала она. — А ведь девочка явно произвела впечатление на лорда Ратекреля!..»

В ста ярдах под ее ногами ревел и пенился прибой, разбиваясь о скалы, а в небе, раскинувшемся над головой, сияло больше звезд, чем когда-либо появлялось в небесах этого мира. По небу медленно и торжественно плыли три луны, изливая на море потоки чистейшего серебряного света. В воздухе висела водяная пыль. Тончайшая вуаль из искрящихся капелек окружала Алару, но не касалась ее.

Алара отвела взгляд от беснующегося прибоя и посмотрела вдаль, на океан. Посреди бушующих волн виднелось пятно мягкого света — из пены поднимался остров. Его вершина представляла собою ровную площадку, освещенную парящими в воздухе серебряными шарами. На этой площадке располагался стол, накрытый белоснежной скатертью, и два серебряных стула. Один из них был уже занят.

Интересно, какие сюрпризы еще заготовил лорд Ратекрель?

Алара шагнула вперед так уверенно, словно ей каждый день доводилось ходить прямо по воздуху, над скалами-клыками и бушующим морем. В подобной иллюзии не было ничего необычного, если учесть, что Алара находилась в доме могущественного эльфийского лорда. Лорды изменяли облик своих покоев в соответствии со своим настроением, иногда по нескольку раз в день. Этот обеденный зал мог бы с тем же успехом располагаться на лесной поляне, на вершине горы или на рыночной площади какого-нибудь экзотического города.

И действительно, ноги подсказали Аларе, что она шагает по какой-то прохладной ровной поверхности — возможно, все по тому же беломраморному полу, — хотя глаза утверждали, что она движется по воздуху. От порога казалось, что остров расположен довольно далеко и что воспитанная в тепличных условиях девушка устанет задолго до того, как доберется туда. Но впечатление оказалось обманчивым — еще один результат иллюзии. Алара двигалась неспешно, следя за каждым шагом, и все же достигла своей цели менее чем через сотню шагов. Когда девушка добралась до острова, под ногами у нее снова оказалась твердая, неиллюзорная поверхность. Алара склонилась в глубоком реверансе, скрывая улыбку. Ратекрель даже тут не отказался от бело-серебряных тонов! Здесь, между бушующими темными водами и полуночно-черным небом, столик казался оазисом мира и покоя.

Ратекрель приложил немалые усилия, чтобы добиться расположения своей гостьи. Выбранная им иллюзия требовала немалого приложения магических сил и тем самым свидетельствовала о могуществе хозяина дома. Однако лорд постарался дать понять, что все вокруг — не более чем иллюзия. Он безукоризненно контролировал все внешние эффекты. Ратекрель следил, чтобы, несмотря на бушующий шторм, гостьи касался лишь освежающий легкий ветерок — такой слабый, что он не мог ни попортить тщательно уложенную прическу, ни привести в беспорядок платье. И хотя лорд позаботился о звуковых эффектах, рев океана и завывание ветра создавали ощущение реальности, но не мешали разговору.

Алара впервые оказалась лицом к лицу с хозяином дома. Конечно же, она редко видела лорда, пока пребывала в облике женщины-рабыни, и если бы она тогда слишком пристально посмотрела на Ратекреля, то вполне могла бы навлечь на себя его гнев. Оказалось, что лорд Ратекрель достаточно красив — по эльфийским меркам. Его волосы были скорее серебристыми, чем золотыми — отличительная черта нескольких кланов, в том числе и того, к которому принадлежал Ратекрель. Ратекрель не стриг волосы, а собирал их на затылке в хвост и скреплял серебряной заколкой искусной работы, гармонирующей с серебряной головной повязкой. У лорда Ратекреля был высокий лоб, глубоко посаженные глаза и круто изогнутые брови. Скулы у него были даже более рельефными, чем у Алары-Йиссандры. Орлиный нос и выступающий подбородок придавали лорду надменный вид, а тонкие губы заставляли предположить, что великодушие не относится к числу его добродетелей.

Впрочем, когда это эльфы бывали великодушны?

Алара носила изумруды, бесценные — и бесполезные. Ратекрель носил бериллы, эльфийские камни. Они украшали его серебряную налобную ленту, красовались в витом ожерелье лорда и в четырех его кольцах. Распространенный камень, достаточно распространенный, чтобы его можно было вставить в каждый рабский ошейник. Но, в отличие от своих блистательных двоюродных братьев, бериллы обладали способностью усиливать магическую силу эльфов и хранить вложенные в них заклинания. Чем больше бериллов носил маг, тем больший объем силы он контролировал.

Ратекрель был одет в соответствии с обстановкой: рубашка из шеррис-шелка, украшенная по вороту и манжетам серебряной вышивкой, туника белого бархата с квадратным вырезом, обшитая по горловине кружевом из серебряных нитей, обтягивающие шеррис-шелковые брюки, представляющие ноги лорда в наиболее выгодном свете, и узкие, отделанные серебром туфли.

В целом лорд производил впечатление элегантного охотника, прекрасного, как морозное утро, смертоносного, непредсказуемого и очаровательного. Алара не сомневалась, что Ратекрель усиливает свое подлинное очарование при помощи особых заклинаний.

Если бы Алара действительно была юной эльфийкой, она вряд ли смогла бы устоять перед этими чарами. Хорошо, что на Народ заклинания такого рода не действуют.

Алара выпрямилась и подошла к столу. Когда она приблизилась вплотную, серебряный стул бесшумно скользнул в сторону, позволяя ей присесть. Как только девушка уселась, стул так же плавно и бесшумно вернулся на место.

Это было еще одной демонстрацией силы: ни один человек-раб не смог бы справиться с этой задачей. Алара заподоз-

рила, что Ратекрель, возможно, накроет стол для ужина при помощи магии, а потом уберет его таким же образом.

Лорд так и сделал. Алара изобразила восхищенное внимание: В'хэвен Майен лорд Лэйннер, из дома которого она якобы происходила, не был сильным магом. Его сила и влияние зиждились на торговле, а также на богатых месторождениях меди и серебра, расположенных на землях лорда Лэйннера. Наивная девица, которую изображала Алара, могла встречаться с магией такого уровня разве что пару раз в жизни.

Ужин протекал именно так, как она и рассчитывала: блюда появлялись из ниоткуда, уже сервированные, и бесследно пропадали, когда в них исчезала надобность. Конечно же, угощение было изысканным; холодные блюда были в меру охлаждены, а горячие в меру подогреты. И никаких экзотических яств, которые могли бы испугать неискушенную девушку. Лорд Ратекрель изо всех сил старался быть очаровательным, говорил, что Йиссандра нуждается в его «творческой поддержке», и превозносил ее необычайный талант.

«Рыбка клюнула», — подумала Алара.

На самом деле это ее не удивило, поскольку драконица весьма тщательно выбирала будущую жертву. Лорд Ратекрель женился пять раз, и все его жены умерли при родах. Так что теперь мало кто из эльфийских лордов хотел рисковать своими драгоценными отпрысками и выяснять, что же такого смертоносного содержится в семени Ратекреля. До Алары доходили слухи, что Ратекрель в поисках невесты уже присматривался к дочерям своих прихлебателей и слуг.

Когда подошла очередь десерта, Ратекрель сделал ей предложение. Оно было облачено в форму белого сахарного лебедя, опустившегося на тарелку к Аларе и что-то протянувшего ей в клюве. Девушка с любопытством взглянула на Ратекреля.

— Возьмите это, дорогая, — произнес лорд, уверенный в ответе. — Возьмите. Это не мое сердце, но пусть эта вещь послужит достойной заменой.

«Неужели он и вправду это сказал? — удивленно подумала Алара. — Неужели даже дурочка вроде меня заслуживает такого дурацкого сватовства?»

Ну что ж, видимо, она и вправду его заслуживала.

Алара протянула руку к сверкающей сахарной птице и наклонила голову лебедя. Ей на ладонь упало серебряное обручальное кольцо.

Девушка взяла кольцо, надела его на указательный палец правой руки, показывая, что предложение принято, и невозмутимо съела лебедя. Этим и закончилась трапеза.

Лорд Ратекрель, старательно скрывая радость, пожелал новоявленной невесте спокойной ночи. Алара прошла над успокоившимся морем к светящемуся проему двери и вернулась в свои покои.

Там ее снова окружили служанки. Алара позволила им раздеть себя, обрядить в шелковую ночную рубашку, заплести волосы в косу и проводить ее к кровати. От ее внимания не укрылось, что серебряно-белые стены приобрели нежно-розовый оттенок, а прежде неудобные кресло и кровать сделались мягкими и притягательными. Служанки удалились. Последняя из них задержалась ровно настолько, чтобы пробормотать чуть слышные поздравления. А светильники погасли сами собой.

Алара подождала, пока в доме утихнет всякий шум. Когда драконица убедилась, что ее никто не может услышать, она сменила облик и покинула покои, воспользовавшись той самой дверью, через которую удалились служанки.

Драконы не жалуются на память, и воспоминания их никогда не тускнеют. Выражение лица Ратекреля, обнаружившего, что его нареченная невеста исчезла неизвестно куда, стоило всех хлопот и годичной подготовки. Алара мысленно рассмеялась — единственное, что она могла сделать, оставаясь камнем.

Ратекрель думал, что защитил себя всеми мыслимыми способами. Он оградил свои покои от эльфийской магии и от эльфов, которые могли бы войти туда. От эльфов, но не от людей. Насколько было известно Аларе, Ратекрель и после этого происшествия не проводил никаких дознаний среди людей, если не считать беглой проверки — не спряталась ли его «невеста» среди рабов.

Рабы были практически невидимы — по крайней мере, до тех пор, пока не обнаруживалось отсутствие одного или нескольких из них. Но кто станет проверять, не прибавился ли в бараках еще один раб? В бараках всегда можно было найти пустующую кровать — во всяком случае, у тех лордов, которые в достаточной степени загружали своих рабов работой, — и свободное место за столом. Если появлялся раб, которого не было в списках, окружающие предполагали, что его только что купили или перевели откуда-нибудь.

Алара знала, что Ратекрель никогда не пересчитывает своих рабов, а если даже и пересчитает, то ни за что не догадается

связать между собой два факта: появление лишнего раба и исчезновение своей нареченной невесты из покоев, защищенных магией. Но не это было солью шутки...

Алара недвижно стояла перед столом лорда: еще один ничем не примечательный смуглый парнишка, затерявшийся среди прочих слуг в бело-серебряной униформе. Теперь ничто в ней не напоминало об исчезнувшей Йиссандре — даже пол.

Она, конечно, приняла участие в лихорадочных поисках: Ратекрель послал всех, кого только было можно, на розыски пропавшей эльфийки, — или, как впоследствии намекали некоторые, на поиски того, кто мог ее похитить.

Рабы тщательно обыскали поместье, но не обнаружили ни признаков насильственного похищения, ни чего-либо такого, что могло бы послужить ключом к разгадке. Алара позаботилась о том, чтобы уничтожить все следы.

Как шептались между собою люди, это могло означать только одно: эльфийка покинула дом лорда Ратекреля по собственному желанию. Не слишком-то лестный для лорда ход событий. И какой удар по его гордости! Он растратил на эту девчонку столько чар, убеждая ее принять кольцо, что она не могла даже слова молвить против. В результате она просто-напросто сбежала, несмотря на все его магическое влияние, — и это было выше понимания лорда.

Теперь Ратекрель оказался в унизительном положении: ему предстояло связаться с семейством Йиссандры и сообщить, что их дочь — его нареченная невеста, — по всей видимости, сбежала неизвестно куда.

Алара умудрилась примазаться к нескольким слугам, отосланным в библиотеку. Впрочем, в этом не было ничего особенно трудного: как только стало очевидно, что Йиссандры в поместье нет, большинство слуг стали выискивать себе неотложные занятия. Они слишком хорошо знали, в какое настроение придет Ратекрель, если девушку так и не найдут.

Их предположения полностью оправдались. Лорд Ратекрель был разъярен и чувствовал себя униженным, а когда эльфийские лорды страдают, их рабам приходится худо.

На самом деле, как гласили нагоняющие страх слухи, еще до исхода дня кто-то из рабов вполне мог умереть. Если Ратекрель не мог найти козла отпущения, он его создавал.

Библиотека была последним местом, где сейчас хотелось бы находиться любому человеку. Алара, находясь в выигрышном положении, отметила про себя, что серебряно-белая библиотека казалась поразительно неподходящим местом для какого бы то ни было проявления насилия. Кстати, оказалось, что личные покои лорда тоже выдержаны в бело-серебряных тонах. М-да, у Ратекреля явно была сильно развита клановая гордость. Но здесь не было той строгости, того аскетизма, что в покоях, отведенных «гостье». В библиотеке было вполне уютно. Мягкие белые занавески сглаживали чересчур острые углы. Пол укрывал белый ковер — такой толстый, что даже неуклюжие люди при ходьбе не нарушали тишины ни малейшим шумом. Бесформенные белые сиденья напоминали облака, опустившиеся на землю. Стол был выполнен в том же стиле, только у этого облака был плоский глянцевитый верх. Лорд Ратекрель сидел, уставившись на стол. Плечи его были понурены, а на лице застыло мрачное выражение.

Аларе хотелось заглянуть в его мысли, но ей следовало соблюдать осторожность. Не хватало еще, чтобы эльфийский лорд почувствовал, что кто-то пытается влезть ему в голову. Алара сомневалась, что Ратекрель заподозрит ее, но рисковать не стоило.

Особенно если учесть, что лорд сейчас интенсивно пользовался магией и был особенно чувствителен к такого рода воздействиям. Алара решила подождать, пока Ратекрель не сосредоточится настолько, что ни на что больше не будет обращать внимания.

Так что она терпеливо ждала — еще один «невидимый» раб среди прочих. В конце концов лорд взмахнул рукой, и в крышке стола возник бездонный черный прямоугольник. Казалось, что материал, из которого был сделан стол, не столько плавился под этим прямоугольником, сколько таял, исчезал. Ратекрель взял в ладони это бездонное пространство.

Некоторое время эльфийский маг смотрел в прямоугольник, а потом испустил полувздох-полушипение.

Пальцы Ратекреля согнулись, и между ними начали проскакивать синие искры. Некоторые из слуг принялись встревоженно переминаться с ноги на ногу, а самому младшему из них явно хотелось броситься наутек. Несколько мгновений искры плясали в воздухе, постепенно сосредоточиваясь в районе прямоугольника, пока наконец пространство между ладонями Ратекреля не запылало и не ожило.

— Лорд Ратекрель?

Голос донесся словно ниоткуда. Люди вздрогнули, а один даже исподтишка оглянулся в поисках говорящего.

Ратекрель слегка переместился, нависая над столом. Так что Алара не могла видеть сам прямоугольник — только лишь исходящий из него свет и отблески этого света на лице эльфа. Нынешний момент вполне подходил для того, чтобы слегка пошарить в голове у Ратекреля.

Судя по подслушанным мыслям, Ратекрель ожидал, что собеседник сразу же узнает его. В конце концов, Йиссандра была прислана с предложением союза, и по всем правилам он должен был дать ответ на это предложение.

Но, к его удивлению, собеседник явно изумился, увидев его лицо в телесоне.

— Мой лорд, чем наш дом может быть вам полезен?

— Я хочу говорить с вашим лордом! — рявкнул Ратекрель. По его мыслям Алара поняла, что он счел эту ситуацию оскорбительной: с чего это вдруг ему отвечает не хозяин дома, а кто-то из слуг? — И немедленно!

Ратекрель нетерпеливо ждал. Стоящий рядом с Аларой человек дрожал, и по лицу его тек пот — от нервного напряжения. Наконец свет, струящийся из прямоугольника, слегка изменился. Алара поняла, что к телесону подошел кто-то другой. Судя по сухому приветственному кивку Ратекреля, это был В'хэвен Майен лорд Лэйннер.

— Приветствую вас, мой лорд, — осторожно произнес усталый голос. — Прошу прощения за то, что заставил вас ждать, но тут возникло небольшое затруднение...

— В вашем доме, мой лорд, возникло более чем одно затруднение, — прорычал Ратекрель. — Кажется, ваша дочь исчезла из ее покоев. И, кстати, уже после того, как она приняла мое предложение руки и сердца. Я был лучшего мнения о ваших методах воспитания.

У собеседника Ратекреля вырвался сдавленный взвизг — такое нечасто услышишь от могущественного эльфийского лорда.

— О моем чем?!

— О ваших методах воспитания! Моя дочь никогда бы не посмела принять предложение брака и после этого сбежать! С вашим домом что-то не в порядке, раз ваши женщины...

По мере того, как его гнев усиливался, Ратекрель повышал голос, и видно было, что лорда захлестывает волна бешенства. Но чем сильнее он бушевал, тем больше расслаблялись стоявшие вокруг Алары люди, а некоторые даже позволили себе облегченно вздохнуть. Лорд Ратекрель обнаружил возможность отплатить за свое унижение кому-то другому. О, несомненно,

кому-то из людей все равно придется умереть, но это скорее будут гладиаторы, а не домашние слуги. Домашним слугам ничего не грозит.

— Где она?! — громыхнул Ратекрель, неожиданно вставая, и стукнул по столу кулаком. — Где вы ее прячете? Она не могла выбраться из поместья без магической помощи — мы оба это знаем! — Он так и остался стоять, в праведном гневе глядя в созданную им магическую конструкцию. Но ответ Майена оказался для Ратекреля полнейшей неожиданностью.

— Мой лорд, — натянуто произнес Майен, — у меня нет дочери того возраста, который любой здравомыслящий мужчина мог бы посчитать брачным. У меня всего три ребенка: два мальчика, тринадцати и шести лет от роду, и десятилетняя дочь. Кеван, Шандар и Йиссандра.

Ратекрель застыл. Его кулак завис над столом. Лорд осознал, что ему действительно и в голову не пришло проверить, сколько лет лже-Йиссандре. Он только убедился, что у лорда Майена действительно есть дочь с таким именем, и на том успокоился. Он не желал предавать широкой огласке тот факт, что его считают нежелательным, мягко говоря, кандидатом в супруги — настолько нежелательным, что он вынужден присматривать себе пару среди своих вассалов. Ратекрель продолжал надеяться, что кто-нибудь все-таки предложит ему брачный союз, и у него останется возможность сделать вид, что он якобы снисходит до предложенной женщины. Когда лже-Йиссандра появилась у его дверей, Ратекрель решил, что его молитвы услышаны. Он был так занят, стараясь произвести впечатление на девушку, что у него не оставалось ни времени, ни сил на что-либо другое. Верительные грамоты Алары были безукоризненны, а доставленное ею послание — вполне правдоподобным. Они и не могли быть иными — ведь Алара похитила их в очень хорошем месте.

— Смею предположить, мой лорд, — с некоторым самодовольством и высокомерием продолжал Майен, — что вы стали жертвой чрезвычайно скверной шутки. Я бы на вашем месте радовался, что эта шуточка не зашла слишком далеко и не закончилась законным браком. Я...

Но это было уже чересчур для Ратекреля.

— Шуточка?! Так это, значит, ваши представления о шутках?! — взорвался Ратекрель. Он отшатнулся и одним ударом молнии уничтожил телесон вместе со столом.

Слуги так и прыснули по углам, стараясь увернуться от града обломков. Хотя драконице нелегко было читать мысли эльфа,

сейчас гнев превратил их в открытую книгу, и мысли эти были именно такими, как хотелось Аларе. Неудачно выбранное слово — «шутка» — вызвало такие предположения и такую реакцию, на которые лорд Майен ну никак не рассчитывал.

Затруднения, возникшие у лорда Ратекреля, могли бы оказаться полезны многим, и прежде всего — лорду Майену. Кроме того, лорд Майен мог утверждать, что он тоже стал жертвой неизвестной шутницы, поскольку та злокозненно и незаконно прикрывалась именем его дочери.

Но в последний раз, когда с Ратекрелем — и отчасти с другим лордом — была сыграна такая же двусмысленная шутка, виновником оказался тот же самый эльф, который заявлял, что тоже пострадал от нее...

Следовательно, по логике Ратекреля, Майен был виновен.

А поскольку он был виновен, он заслуживал наказания. Лорд Майен пожалеет о своей дурацкой «шуточке». Он заплатит за это. Он даже не догадывается, как дорого за это заплатит!

Просто поразительно, какой эффект может произвести одно-единственное неудачно подобранное слово. Но оно оказалось той самой искрой, которая упала на сухой трут — неуравновешенный характер Ратекреля — и вызвала взрыв.

Лорд резко развернулся. Людей он заметил лишь тогда, когда самый младший из них отпрянул, забился в угол и тихонько заплакал.

— Вон отсюда!!! — рявкнул лорд. Лицо его было белым от гнева, а зрачки превратились в два черных провала, окаймленных изумрудом.

Рабы радостно повиновались и бросились к двери. Алара последовала их примеру. Выскользнув в коридор, она услышала грохот, а затем чудовищный треск. Казалось, будто огромная каменная глыба пропорола пол и теперь носится по комнате.

Впрочем, Алара не стала задерживаться и проверять, соответствует ли это предположение действительности.

Но пока что она не могла покинуть поместье. Ее сила и способности тоже имели свои пределы, и Алара их достигла. Границы поместья все еще были ограждены магией, и у всех выходов стояла охрана. Драконица могла пройти через магическую преграду, но ей еще нужно было кое-что сделать здесь, в поместье. Ей не очень-то хотелось превращаться во что-нибудь размером... ну, с домашнюю кошку. Ей и так уже пришлось здорово ужаться, чтобы пребывать в человеческом облике. Алара собиралась покинуть поместье на крыльях, но не в своем обычном виде, а в обличье гигантского коршуна. Эта птица размахом крыльев уступала только ледяному орлу и весила примерно столько же, сколько и средний человек. Кроме того, появление гигантского коршуна считалось исключительно дурным знаком. Эта новость непременно достигнет заостренных ушей Ратекреля и окончательно уверит многих людей и эльфов, что Ратекреля покинула удача.

Поскольку Аларе все равно нужно было дождаться, пока появится возможность пробраться на крышу, драконица решила добавить еще одно звено к длинной цепи шуточек, которые время от времени разыгрывали молодые драконы...

К Пророчеству о Проклятии эльфов.

Алара обнаружила в углу кухни груду мешков, сложила их все в один и понесла в погреб.

Некоторое время назад драконица обнаружила, что, если делать вид, будто она находится здесь на законных основаниях, выполняя чей-то приказ, люди обычно не обращают на нее никакого внимания. Ей нужно было только не попадаться на глаза эльфам-надзирателям, которые сразу же притягивали к ответу любого, чье поведение или облик казались им странными. На этот раз все вышло точно так же: Алара пронесла битком набитый мешок мимо повара и кухонного надзирателя — к счастью, это был человек, — и вошла в погреб. Ее никто так и не окликнул.

Слуги не так уж часто спускались сюда. Лестница, как и большая часть заполненных продуктами отделений, была хорошо освещена. Алара заспешила вниз по лестнице. В лицо ей ударил холодный, сырой воздух, наполненный запахами лука, чеснока, колбас и овощей.

Алара некоторое время подождала, дабы убедиться, что она и вправду одна здесь, потом снова сменила облик. На этот раз она превратилась в человеческую старуху, которая со стороны казалась слепой. На самом-то деле драконица превосходно видела даже через бельма, но ни один посторонний наблюдатель об этом бы не догадался. Алара закуталась в джутовый мешок, чтобы спрятать бело-серебряную тунику, уселась на лестнице — так, чтобы находиться в тени, — и принялась поджидать следующего слугу, которого за чем-нибудь отправят в погреб.

Следующим посетителем подвала оказалась наилучшая жертва, которую Алара только могла пожелать. Это была молодая женщина, несшая такую груду коробок, что она не видела дороги, и ей приходилось, прежде чем шагнуть вниз, нащупы-

вать каждую ступеньку босой ногой. Алара подождала, пока девушка спустится до самого низа, а потом произнесла скрипучим голосом:

— Ты пришла сюда, чтобы услышать Слово, дитя?

Девушка взвизгнула от испуга и подскочила. Коробки разлетелись в разные стороны. Рабыня прижалась спиной к стене. Глаза у нее округлились от страха и удивления, а спутавшиеся волосы упали на лицо, мешая смотреть. Алара тем временем продолжала сидеть, словно изваяние, и смотреть перед собой белесыми глазами.

— Божьи зубы, бабуся! — произнесла девушка, тяжело дыша и прижимая руку к горлу. — Ты ж меня перепугала до смерти!

На это Алара ничего не ответила.

Девушка оторвалась от стены и повнимательнее присмотрелась к Аларе. Ее глаза все еще были круглыми от беспокойства.

— Слушай, а откуда ты здесь взялась? Ты не принадлежишь лорду Ратекрелю...

Алара вскинула руку и указала вверх. Девушка невольно взглянула туда же, потом снова прикипела взглядом к «невидящим» глазам Алары.

— Глас Пророчества не принадлежит никому из смертных или бессмертных — лишь векам, — промолвила Алара, стараясь придать своему голосу побольше таинственности.

Девушка удивленно нахмурилась.

— Знать не знаю никакого лорда Векам, — она принялась пятиться и посматривать в сторону лестницы. — Пожалуй, лучше я позову повара...

— Внемли Пророчеству! — воскликнула Алара и с необычным для ее возраста проворством преградила девушке дорогу. — Внемли и запоминай! Запомни, повтори и передай его дальше! Запомни Предсказание о Проклятии эльфов!

У девушки вырвался звук, более всего напоминающий испуганное тявканье, и рабыня попятилась. Алара подобрала надетые на нее тряпки, словно это было шелковое платье, и посмотрела на девушку, пристально и сурово. Поскольку она казалась слепой, несчастная рабыня окончательно лишилась присутствия духа.

— Придет дитя! — торжественным шепотом произнесла Алара. — Оно будет рождено человеческой женщиной, но взрастят его драконы, и будет оно владеть магией более могущественной, чем любой эльфийский лорд. Дитя это узнают по тому, что оно будет читать все мысли, странствовать на крыльях драконов и овладеет магией прежде, чем научится ходить. Дитя это будет походить на человека, но с глазами — зелеными, как эльфийские камни. Оно подвергнется гонениям еще до рождения, но избежит преследований. Это дитя будет продано, но никогда не будет куплено. Оно все выиграет и все утратит.

Про себя Алара подумала, что все это — стандартный набор двусмысленностей, свойственный любому пророчеству, и не более того. Если бы рабы располагали каким-нибудь личным имуществом, она могла бы неплохо нажиться, читая им проповеди. Им можно плести что угодно — лишь бы звучало выразительно и загадочно, — и они поверят.

— В конце же, — Алара повысила голос, — дитя это возвысится над господами и низвергнет их в нижние круги ада, и самих их сделает рабами демонов преисподней!

Девушка невольно шагнула вперед, словно под действием чар. Ее глаза блестели от страха и возбуждения, а вьющаяся челка стала влажной — девушку прошиб пот. Алара уставилась ей в глаза и ткнула в нее костлявым пальцем.

— Внемли словам Пророчества! — взвизгнула она. Девушку словно ветром отнесло назад. — Внемли и запоминай!

— Джена! Что там происходит? — раздался сверху грудной женский голос.

Джена снова подскочила и снова побледнела от страха.

— Н-ничего! — крикнула она в ответ.

— Тогда какого черта ты там болтаешь вслух?

— Я... э-э... — девушка в смятении взглянула на Алару. Алара же снова застыла с безмолвностью и неподвижностью статуи.

— А ну немедленно таши свою задницу наверх!

Джена беспомощно посмотрела на Алару и принялась карабкаться вверх, настолько быстро, насколько ей позволяли подгибающиеся ноги.

Но когда она, дрожа от страха, вернулась в погреб в сопровождении кухонного надзирателя, там не обнаружилось ни следа таинственной старухи. Точнее говоря, в погребе вообще никого не было.

Правда, если бы кто-то потрудился пересчитать бочонки с вином, выяснилось бы, что среди них появился один лишний...

Вскоре после этого два-три десятка свидетелей, в число которых входили и эльфы-надзиратели, увидели, как с крыши особняка взмыл, заслонив крыльями закатное солнце, гигантский коршун и испустил пронзительный крик, возвещая о злой судьбе клана В'ларн.

«Да, это была славная забава, — решила Алара. — И плевать, что всех прочих жителей Логова удар бы хватил, если бы они узнали, что их шаман так рискует собой».

Эльфийские лорды, когда им это удавалось, жестоко преследовали тех, кто распространял Пророчество. Но, к их разочарованию, выяснилось, что запрет лишь способствовал распространению Пророчества. Кроме того, трудно что-либо поделать с предсказанием, если его изрекает невесть откуда взявшийся старик или старуха, каковые потом попросту растворяются в воздухе. И чем строже наказывали тех, кто слушал запретные слова, тем больше людей желали услышать эти опасные вести.

Это был всего лишь еще один способ слегка отравить жизнь эльфам. Эльфы ненавидели Пророчество и боялись его — в немалой степени из-за того, что в нем была некая доля правды.

Все знали, что эльфы и люди способны порождать жизнеспособное потомство смешанной крови. Такие дети появлялись не слишком часто, даже если не принимать меры по предотвращению беременности, но в прошлом полукровки бывали. И эти дети, подобно многим гибридам, наследовали дары обоих родителей.

Вот потому-то эльфы контролировали размножение своих рабов, добавляя им в пищу специальные травы. Людям разрешалось размножаться лишь под присмотром.

Люди обладали магией разума. Они способны были мысленно беседовать на значительных расстояниях, читать мысли, прозревать прошлое и будущее, а также манипулировать предметами без помощи рук. Эльфы же располагали магией примерно того же рода, что и драконы, только драконы еще умели менять облик — ну и еще кое-что по мелочам. У тех, кто становился шаманами, наблюдалась также способность к чтению мыслей, но она проявлялась не так сильно, как у людей или полукровок.

Но дети смешанной крови обладали и человеческой, и эльфийской магией. Более того, их способности усиливались от взаимодействия.

Эльфы называли полукровок волшебниками и пытались использовать их в своих никогда не прекращающихся усобицах. Но волшебники были не столь беспомощны, как люди-рабы, и пользовались своей силой, чтобы избавиться от власти эльфов-господ.

«Вот тогда-то эльфам и следовало признать волшебников равными и принять их в свои ряды, — цинично подумала Алара. — Я бы на их месте именно так и сделала. Ничто так не уменьшает тяги к революционным преобразованиям, как жизнь в роскоши».

Но эльфы этого не сделали. Вместо этого они запаниковали и попытались уничтожить полукровок.

Так началась Война Волшебников. С одной стороны в ней сражались волшебники, а с другой — эльфийские лорды и армии рабов-людей.

Народ пришел в Мир до этой войны, до того, как волшебники потерпели поражение и были уничтожены, но драконы были слишком заняты, обустраиваясь на новом месте, чтобы интересоваться заварушкой, происходящей по ту сторону пустыни. Уже позже они узнали кое-что о тех событиях — из малодостоверных и запутанных людских преданий, из эльфийской истории и из воспоминаний тех драконов, которые все-таки обращали внимание на творившиеся у эльфов беспорядки — самым внимательным из них оказался Отец-Дракон.

Теперь же, после той войны, полукровок боялись и ненавидели. Если человеческой женщине случалось забеременеть от эльфийского лорда, и ее и ребенка тут же убивали, как только это становилось известно.

Алара в точности не знала, откуда появилось Пророчество, — то ли его придумали сами драконы, то ли кто-то из Народа подслушал его и решил пустить в ход. Но несомненным было одно — это Пророчество явно причиняло эльфам беспокойство...

А теперь, когда его «невеста» исчезла, среди рабов снова поползли слухи о Пророчестве, а над поместьем предвестником несчастья покружил гигантский коршун, лорда Ратекреля, наверное, удар хватил от ярости. Это произошло несколько месяцев назад — достаточный срок для того, чтобы известие распространилось среди других эльфийских лордов и чтобы они успели привести в исполнение свои планы, касающиеся Ратекреля. Несомненно, не менее десятка лордов не стеснялись в средствах, добиваясь падения Ратекреля.

Теперь подошло время очередного заседания Совета. Если Ратекрель потеряет свое место в Совете, сложившийся баланс сил нарушится. Эльфы будут чересчур заняты, пытаясь отыскать подходящего нового кандидата, чтобы обращать внимание на события на границах. В результате на некоторое время в этих краях станет безопаснее охотиться, а утверждениям Ратекреля

о том, что он якобы видел драконов, вообще перестанут верить...

Так она и заявит остальным драконам, если ее проделки когда-нибудь выплывут на свет. Но она поступила бы так в любом случае. Эльфы заслуживают неприятностей. Отвратительные создания.

Впрочем, все эти размышления не имели никакого отношения к медитации, которой ей вроде как полагалось заниматься. На самом деле, она и так уже настолько отвлеклась, что отчасти сменила форму, и теперь ее хвост слегка подергивался. Алара заставила себя встряхнуться и попыталась заново сосредоточиться.

Но теперь в непосредственной близости от нее появилось нечто, не являвшееся драконом. Алара почувствовала его... ее... да, ее присутствие.

Когда человеческая женщина перебралась через стену и рухнула рядом с Аларой, драконица отбросила все озорные мысли и всякие попытки помедитировать.

Алара мгновенно обернулась, сохранив лишь тонкую внешнюю оболочку. Она по-прежнему выглядела камнем, но теперь у нее были глаза и уши, и драконица не преминула осторожно присмотреться и прислушаться.

Женщина, находящаяся на последних сроках беременности, застонала, поднялась на четвереньки и поползла к воде. Алара никак не ожидала увидеть здесь путешественницу такого рода. Кожа молодой женщины была сожжена солнцем до волдырей, а одежда из тончайшего шелка подходила для будуара, но не для странствий по пустыне. Длинные рыжие волосы женщины были заплетены в причудливые косы. Правда, теперь половина их свисала, закрывая лицо хозяйки, а половина превратилась в спутанную массу. Босые ноги женщины были сбиты и покрыты порезами, но женщина, кажется, находилась на грани бреда и не чувствовала боли. Пока Алара наблюдала за ней, женщина снова упала, но не раньше, чем добралась до бассейна.

Она подползла к краю, опустила голову и принялась лакать воду, словно животное. Когда женщина коснулась воды, раздался резкий щелчок.

Женщина схватилась за шею, и в руках у нее оказался причудливо разукрашенный самоцветами рабский ошейник. Женщина выронила его и сама в изнеможении опустилась на камни.

Камни, сверкающие на ошейнике, привлекли внимание Алары. Все люди носят рабские ошейники, но драконица никогда прежде не видела такого роскошного. Ошейник шириной с большой палец был, кажется, сделан из чистого золота и украшен геометрическим узором из изумрудов, сапфиров и рубинов. Алара тут же возжаждала завладеть им. Нет на свете такого дракона, который считал бы, что в его сокровищнице уже достаточно драгоценностей, а эта вещь притягивала ее, как ничто прежде. Алара хотела ее, хотела не просто владеть этой вещью, но и носить ее.

Но еще до того, как Алара полностью приняла драконий облик, дабы схватить ошейник, она почуяла какую-то странность. Внезапно встревожившись, драконица повнимательнее присмотрелась к ошейнику. И действительно: у самой застежки среди роскошных самоцветов притаились три крохотных, почти незаметных эльфийских камня. Аларе были знакомы эти камни и их расположение. Один из них удерживал ошейник застегнутым, второй нейтрализовал все проявления магии разума, которыми мог обладать раб, а третий содержал заклинание, вызывающее в каждом, кто увидит ошейник, желание носить его, — и третий камень явно до сих пор действовал. Кстати, надежный способ добиться того, чтобы рабы не стремились избавиться от ошейников.

Внезапно ошейник перестал казаться Аларе желанным.

А затем в сознании драконицы прозвучал чужой голос — чужой вскрик: «О боги!..»

После краткого мига изумления Алара поняла, что ее затянуло в сознание этой женщины.

Нет. Не «этой женщины». Ее зовут Серина Даэт. Сейчас, оказавшись в плену отчаянной хватки разума Серины, Алара с трудом могла осознать, кто такая она сама.

Серина находилась в слишком скверном состоянии, чтобы мыслить связно. На Алару обрушилась беспорядочная мешанина воспоминаний, переживаний, эмоций.

Отчаянным усилием Алара вырвалась из человеческого сознания и некоторое время лежала неподвижно. Сердце драконицы билось учащенно, а голова раскалывалась от боли.

«Она наложница», — удивленно подумала драконица. Алара никогда прежде не подбиралась настолько близко к людям, чтобы как следует рассмотреть кого-нибудь из них, не говоря уже о том, чтобы попытаться прочесть его мысли. Лорд Диран — это, должно быть, В'касс Диран лорд Хэрнальт. Он отно-

сился к верхушке эльфийской знати — практически он возглавлял Совет. Но каким образом наложница знатного лорда оказалась посреди пустыни?

Алара легонько потянулась к сознанию женщины и прикоснулась к нему так осторожно, как только могла.

Путем осторожного исследования Аларе удалось выяснить еще кое-что. Оказывается, Серина была фавориткой гарема. Она очень гордилась своим положением и своим умением приспособиться к деспотическому и капризному характеру лорда. Так было до тех пор, пока один из вассалов Дирана, специализировавшийся на разведении красивых рабов, не преподнес лорду новую наложницу. Лейда Шайбрел и вправду оказалась такой красивой, как хвастался ее прежний хозяин, а ее безжалостность не уступала ее красоте.

Лейда попыталась вытеснить Серину с должности любимой наложницы, поняла, что лорд Диран не намерен пока что менять фаворитку, и прибегла к интригам.

Это произошло несколько месяцев назад, как раз перед тем, как лорд Диран уехал на очередное заседание Совета — каковое, благодаря выходке Алары и порожденному ею новому витку межклановой вражды, затянулось на беспрецедентный срок — на восемь месяцев. Лорд Диран уехал прежде, чем Серина поняла, что она беременна.

«Узнав это, она должна была впасть в панику. Ведь это верная смерть. И даже если бы Диран не убил ее, он наверняка отослал бы ее прочь». Алара была очарована. Перед ней открылся мир людей — никогда прежде ею не виданный. «Интересно, смогу ли я проникнуть в ее воспоминания? Это могло бы оказаться очень полезным...

Может быть, если я чуть-чуть подтолкну ее...»

Глава 3

«Поразительно!» — подумала Алара, осторожно выбираясь из воспоминаний Серины. Ей трудно было поверить в увиденное: алчность, эгоизм, полное сосредоточение личности на себе. Драконы, при всех своих недостатках, все-таки всегда держались друг за друга!

Что же касается Серины, эту женщину интересовало лишь собственное процветание, а судьба всех прочих девушек ее

нисколько не волновала. Она не просто добровольно принадлежала лорду Дирану — она страстно этого желала. Точно так же, как и все прочие.

Насколько могла понять Алара, все наложницы были точно такими же. Кажется, они никогда не пытались объединиться или выказать хоть какое-то неповиновение.

Алара ошеломленно моргнула. За последние несколько секунд она узнала о людях и эльфах больше, чем за много лет. Воспоминания этой женщины были настолько яркими, что у Алары едва хватало сил противиться притяжению человеческого сознания. Но кроме того, драконицу еще и терзало сильнейшее искушение снова поддаться этому притяжению — ведь это предоставило бы ей возможность получить богатейшие сведения о практически не изученных Народом разновидностях людей, о наложницах и гладиаторах.

Эта женщина была ценнейшим источником информации. Даже если судить по тем обрывочным сведениям, которые уже успела получить Алара, драконы могут проникать в эльфийское общество не в облике эльфов — это было довольно рискованно, — а в облике невидимок...

Лучше всего было бы, если бы они научились подражать охранникам, рабам, гладиаторам...

Неожиданно Алара вспомнила, что отец этой женщины обучал гладиаторов. Драконице попалось лишь краткое воспоминание о каком-то поединке, происходившем на арене, но, возможно, женщина помнит что-нибудь еще. Пожалуй, стоит взглянуть...

Верхняя половина тела Серины упала в бассейн, но женщина осознала это лишь тогда, когда ее руки ушли под воду. Она погрузила лицо в эту благословенную прохладу и пила до полного изнеможения. Прикосновение холодной воды к пересохшему горлу и к обгорелой коже рук и лица заставляло Серину плакать от облегчения.

Когда она не могла больше выпить ни капли, Серина легла рядом с бассейном, бессильно уронив руки в воду. У нее не было сил шевелиться. У нее даже не было сил думать.

Ей по-прежнему было так жарко...

Висящее в зените солнце напоминало лампу над ареной, слишком яркую, чтобы смотреть прямо на нее...

Сегодня лорд был одет в сапфирово-синий наряд, и эта синева придавала новый оттенок его глазам. Серина подумала,

что сейчас лорд даже красивее, чем в тот раз, когда она впервые увидела его.

В настоящий момент Диран прохаживался перед безукоризненным строем последней обученной Джаредом группы гладиаторов.

— В некотором смысле слова, — лениво произнес лорд, заложив руки за спину, — я обязан тебе частью моего благосостояния.

Стоящие в строю люди были облачены в разнообразные кожаные доспехи — по ним можно было определить, какое оружие предпочитает каждый из бойцов (или каждая — в группу входило и несколько женщин). Бойцы застыли по стойке «смирно» и напоминали сейчас какие-то зловещие статуи. Лишь мимолетный блеск глаз в прорезях шлемов позволял догадаться, что это все-таки живые существа, а не изваяния.

Над чуланами была свалена груда сломанного оружия, и сейчас Серина выглядывала из-под просмоленной парусины, накрывавшей эту груду. Девочка научилась забираться сюда еще лет в пять-шесть. Теперь же, в девять, она едва-едва здесь помещалась. Еще пара дюймов, и она не сможет больше втискиваться сюда. А это значило, что она не сможет больше хотя бы урывками наблюдать за тренировками. И потому девочка решила пробираться сюда почаще, пока еще есть такая возможность.

— Благодарю вас, мой лорд, — бесстрастно откликнулся Джаред. — Но это именно вы дали мне возможность обучиться искусству боя и заметили, что я обладаю некоторыми способностями в этой области. Это вы, мой лорд, поручили мне обучать других. Я был лишь заготовкой. А вы увидели, что ее можно отточить и пустить в дело.

— Да, верно... но все же ты весьма примечательный экземпляр, Джаред. Больше сотни поединков и ни одного поражения, — Диран отступил, слегка склонил голову набок и придирчиво осмотрел своего раба. — Я уверен, что ты и сейчас способен одолеть любого из этих юнцов. Может, попробуешь? Я имею в виду настоящую схватку, а не тренировочный бой.

Серина достаточно хорошо знала своего отца, чтобы при «предложении» Дирана ее бросило в дрожь. Настоящий поединок — это бой до смерти. Джаред против одного из им же обученных юношей. Опыт Джареда против силы и выносливости более молодого мужчины. Бой с противником, который угадывает твое движение еще до замаха.

— Это любопытное предложение, мой лорд, — медленно произнес Джаред. Так медленно, что Серина поняла, насколько тщательно он обдумывал свой ответ. — Но я должен заметить, что в результате вы можете потерять вашего главного наставника бойцов. Как бы ни обернулось дело, но примерно на месяц ваш главный тренер непременно выйдет из строя. Я уже не настолько проворен, чтобы отразить абсолютно все удары, и не настолько молод, чтобы мои раны быстро заживали.

Серина ждала ответа Дирана, затаив дыхание.

Лорд запрокинул голову и расхохотался. И Серина, и ее отец с облегчением перевели дух.

— Да, старик, этим я рисковать не могу, — сказал лорд, хлопнув Джареда по плечу — точно таким же жестом, с той же гордостью собственника, он похлопывал по крупу свою лошадь. — Только не в этом месяце, когда в расписании стоит полдюжины поединков. Нет уж, мы будем рисковать лишь теми, кого можно заменить. Ладно, продолжай.

Диран двинулся прочь, все еще посмеиваясь, а Джаред повел своих бойцов обратно в казармы...

Яркий свет над ареной... Сколько раз она стояла под этим светом? Он с равной безжалостностью заливал и зрителей, и бойцов — ведь эльфийские лорды являлись сюда и на представление посмотреть, и себя показать. Они никогда ничего не говорили о присутствии Серины, хотя это и было против обычая. Они видели, что так желает Диран, и никто не осмеливался спорить с могущественным лордом у него же дома. Серина сумела стать совершенно необходимой, но для этого ей потребовалось куда больше усилий, чем мог бы предположить любой из посторонних наблюдателей. До Серины ни одна наложница не осмеливалась так поступать...

«Никто, кроме меня, не смел этого сделать, — пробормотала про себя Серина. Ее разум и тело плавали посреди какого-то странного пространства, залитого ярким светом. — Никто, кроме меня».

Серина быстро научилась приноравливаться к стремительной, размашистой походке Дирана. Она никогда, ни на миг не позволяла себе терять грациозность. Один лишь промах, и ее место может занять другая.

Но это было всего лишь частью ее плана. Серина хотела стать постоянной фавориткой Дирана. Она сопровождала его повсюду, если только это не было запрещено. Ровейна никогда не выходила из гарема. Ровейна никогда и пальцем не шевель-

нула, чтобы чего-то добиться для себя, — не говоря уже о том, чтобы услужить своему лорду.

А Серина следовала за Дираном повсюду и помогала ему, как могла. Нет, она не выставляла свое обожание напоказ, она трудилась втайне. Диран никогда не замечал, кто именно ему прислуживает, пока его взгляд случайно не падал непосредственно на слугу. В первые месяцы после возвышения Серины лорд несколько удивлялся, постоянно видя ее рядом, — с кубком и блюдом, или с карандашом и табличкой для записей. Когда бы он ни обернулся, во взгляде Серины всегда читался один и тот же вызов: «Попробуй-ка оспорить мое право находиться здесь, если посмеешь!» Да, он был удивлен. Кроме того, поначалу лорда забавляли ее дерзость и живой ум. Теперь же он зависел от Серины, от ее умения предугадывать его желания, — очевидно, он никогда прежде не сталкивался ни с чем подобным.

Тот факт, что она сумела удивить эльфийского лорда, служил для Серины источником постоянного довольства собою. За свою долгую жизнь лорды наподобие Дирана успевали испробовать практически все, и то, что Серина смогла вернуть ему способность удивляться, делало девушку еще более ценной в его глазах. По крайней мере, Серина на это надеялась.

«И у меня есть законный повод для гордости», — думала Серина, скользя вслед за Дираном. Она превратилась в его тень. Даже если не брать во внимание другие причины, прислуживать лорду было куда лучше, чем сидеть в гареме и впустую тратить время на драгоценности, наряды и мелкие интриги со второстепенными наложницами.

Сегодня Диран направился в ту часть поместья, где Серина никогда прежде не бывала. Точнее говоря, это место располагалось уже за пределами поместья — смахивающее на амбар здание с белыми стенами и единственной дверью. Окон в нем не было — лишь неизменная стеклянная крыша. Ступив на порог, Серина на мгновение заколебалась. Непривычный, незатененный солнечный свет заставил ее сощуриться. Ей казалось, что этот свет давит на ее безукоризненно белую кожу. Серина лишь пару раз за всю свою жизнь выходила из поместья: когда ее забрали у родителей и перевели туда, где обучали будущих наложниц, и тогда, когда она стала наложницей и ее перевели в дом лорда. А во время этих выходов она находилась в толпе себе подобных, и у нее не было возможности оглядываться по сторонам. Серина обнаружила, что вид открытого пространства вызывает у нее дрожь. А это небо... Серина с самого детства не

видела открытого неба. Его было слишком... слишком много. Все было таким далеким, и никаких стен...

Серина сражалась с паникой, но по мере того, как она поднимала взгляд все выше и выше, ее затапливала гнетущая волна страха.

Серина на мгновение зажмурилась, чтобы успокоиться, а потом поспешила вслед за Дираном. Девушка не была уверена, долго ли она сможет выдерживать пребывание на открытом пространстве...

Но вскоре они снова вошли в помещение. Диран на мгновение задержался у входа. Серина ждала позади. Она испытала огромное облегчение, вновь оказавшись под стеклянной крышей, среди неяркого, приглушенного света. Девушка была настолько поглощена своими переживаниями, что не сразу заметила, что же именно на этот раз отправился проверять Диран. И лишь когда лорд двинулся дальше, Серина смогла заглянуть в комнату.

«Дети? Зачем ему понадобилось приходить к детям?»

В помещении находилось не менее сотни детей, как мальчиков, так и девочек. Всем им было примерно по шесть лет. Все они были одеты в короткие туники и мешковатые брюки из небеленого полотна — обычный наряд необученного раба. Серина сама носила такой, пока ее в десятилетнем возрасте не забрали для обучения. Эльф-надсмотрщик приказал детям построиться в шеренги по десять, и они тут же повиновались. Для детей их возраста они производили поразительно мало шума. Некоторые казались растерянными, на круглых щечках других все еще виднелись следы слез, третьи, кажется, просто подчинились неизбежности. Но все они были неестественно, жутковато молчаливы и стояли совершенно неподвижно.

— Мой лорд... — тут же поклонился эльф-надсмотрщик в ливрее и шлеме. Он настолько тщательно контролировал свое лицо, что оно казалось высеченным из гранита. — Ученики готовы.

Ученики? Серина искренне удивилась. О чем это они говорят?

— Вы их проверили? — рассеянно поинтересовался Диран, медленно прогуливаясь между рядами. Взгляды детей были прикованы к нему, и в них сквозил страх. — К лорду Эдресу нужно отослать лишь самых лучших.

Лорд Эдрес? А зачем ему дети?

— Да, мой лорд, — отозвался надсмотрщик, сохраняя на лице все то же выражение почтительного внимания. — По реакции, силе и ловкости они оказались лучшими в своей возрастной группе. Из них получатся хорошие бойцы.

Наконец-то Серина поняла, при чем тут лорд Эдрес. Тесть и союзник Дирана обучал самых лучших поединщиков, гладиаторов и охранников. Диран же, как только высохли чернила на брачном контракте, принялся «выводить» собственных бойцов. Несомненно, часть выкупа за невесту была выплачена рабами, пригодными для обучения. Эти дети, очевидно, тоже имели к этому отношение.

— Если они соответствуют вашим требованиям, мой лорд, то в остальном, я полагаю, они вполне подходят, — при этих словах надсмотрщик отступил на несколько шагов, словно выходя из зоны поражения.

— Да, думаю, они годятся, — Диран поднял руки и откинул рукава. Серина ощутила всплеск непонятного страха, как будто в глубине души она знала, что сейчас произойдет, и боялась этого.

Диран хлопнул в ладоши. На миг Серину ослепила яркая вспышка света, сокрушающего и причиняющего боль. Когда она снова смогла видеть, дети по-прежнему стояли неподвижно, но лица их больше не были ни испуганными, ни несчастными. Теперь на их лицах сияли радостные улыбки. Дети нетерпеливо смотрели то на Дирана, то на надсмотрщика, словно ожидая приказа, который можно бы было выполнить.

Крохотный обрывок воспоминаний: она стоит в строю вместе с другими десятилетними девочками. Лорд Диран, в ослепительно алом одеянии, вскидывает руки. Вспышка света. И...

Серина встряхнула головой, и мимолетное воспоминание исчезло, словно его и не бывало.

— Так чему же их будут учить? — поинтересовался Диран. Надзиратель снял шлем, и Серина узнала его. Это был Келос, один из немногих подчиненных Дирана, которым лорд действительно доверял.

— Половина сразу будет отправлена в учебный лагерь пехоты, мой лорд. Из них сделают солдат для охраны границы, — сообщил Келос, откидывая волосы со лба. — Четверть станут гладиаторами, и четверть — телохранителями. Лорд Эдрес хотел получить десяток экземпляров, из которых можно бы было подготовить наемных убийц, но я сказал, что у нас сейчас нет ничего подходящего.

— Это правильно, — нахмурившись, сказал Диран. — Я превосхожу Эдреса в магии, но не следует исключать возможность того, что он вступит в союз с равным мне магом и разрушит мои заклятия. Было бы слишком печально обнаружить, что убийцы с моим клеймом истребляют моих лучших слуг.

— Полностью с вами согласен, мой лорд, — отозвался надсмотрщик. — А чувствуете ли вы какое-либо сопротивление? Я не сообщал лорду Эдресу их точное число — лишь приблизительное количество. Я удалил всех, кого смог, но мне не сравниться с вами в магических способностях.

Диран обвел взглядом детские лица.

— Нет, — в конце концов произнес он. — Пожалуй, здесь таких нет. Они подобраны отлично. Блестящая работа, Келос. С людьми вы добиваетесь лучших результатов, чем с лошадьми.

Надсмотрщик позволил себе слегка улыбнуться.

— Людей разводить легче, мой лорд. Пока вы присматриваете за ними, потери при размножении минимальны, и приплод можно получать каждый год. А у вас всегда были хорошие производители, мой лорд.

Диран довольно хмыкнул.

— Я тоже так думаю. Ну что ж, Келос, продолжайте.

Надсмотрщик снова надел шлем и отдал салют:

— Слушаюсь, мой лорд.

Алара была разочарована, но не четкостью воспоминаний — тут у нее не было никаких претензий к женщине. Драконица решила, что это, пожалуй, невозможно, — прикинуться телохранителем или наложницей. А жаль, очень жаль. И та, и другая роль позволила бы собрать куда большее количество сведений, чем то, которым на данный момент располагал Народ. Но, по крайней мере, кое-что она выяснила. Похоже, что эльфийские лорды разжигали соперничество между рабами-людьми и в то же время держали их под контролем при помощи магии. По крайней мере, именно так они обрабатывали людей, которым позволяли находиться рядом с собой. Они стравливали людей между собой, но при этом внушали им безоговорочную преданность своему господину.

Диран говорил о заклятиях. Интересно, как они работают и как их накладывают? Они просто не позволяют людям выступать против своих господ? Или там более сложный механизм? Родители Серины говорили дочери, что «все исходит от лорда». Может, это тоже часть действия заклятия?

Но, похоже, это действовало не безоговорочно. Диран упоминал о каком-то «сопротивлении». А не значит ли это, что люди могут собственными силами бороться с заклятиями или даже снимать их?..

Кстати, а может ли дракон разрушить эти заклятия?

Ну что ж, даже если им не суждено притворяться бойцами, по крайней мере, можно посмотреть на поединки через воспоминания этой женщины.

Это может оказаться чрезвычайно познавательным.

Серина плыла по облакам света, слишком обессилевшая, чтобы удивляться чему бы то ни было. Несколько мгновений спустя она обнаружила, что снова находится рядом с Дираном, за его креслом, откуда лорд наблюдал за ареной. Диран был не один.

Амфитеатр полнился красками и жужжанием разговоров. Серина вернула на место красную бархатную подушку, упавшую с кресла лорда. Молодая женщина старалась держаться как можно незаметнее и ни на секунду не забывала, что она — единственный человек среди зрителей.

Когда Диран покинул амфитеатр, Серина последовала за ним, хоть это и означало, что снова придется идти под ужасным открытым небом. Лорд не стал ее останавливать. Точно так же никто не воспрепятствовал Серине занять ее место рядом с лордом, когда Диран уединился в личной ложе с гостями, В'тарном Сандаром лордом Фестином и В'кал Алинор леди Аурэн. Аурэн одарила вошедшую следом за Дираном Серину резким, пронзительным взглядом, но, увидев, что женщина осталась стоять, склонившись в униженном поклоне, леди явно решила не обращать внимания на наложницу, лезущую не в свое дело.

Все три высокородных эльфа были одеты очень официально, в цвета своих домов. Плащи искуснейшей работы были расшиты гербами кланов и чуть ли не стояли колом от обилия золотых и серебряных нитей и драгоценных камней. Диран щеголял ярко-алыми и золотыми солнечными дисками, лорд Сандар — изумрудными и сапфировыми дельфинами, а леди Алинор — бледно-зелеными и серебряными журавлями.

Поводом для всего этого великолепия послужило улаживание разногласий между лордом Воссинором и лордом Джертайном. Серина точно не знала, в чем именно заключалось разногласие. Оно как-то было связано со спорным торговым маршрутом.

Лорды осыпали друг друга оскорблениями на заседании Совета, и теперь, по правилам Совета, между их гладиаторами должен был состояться поединок.

— ...и лично мне это глубоко опротивело, — проворчала леди Алинор, обращаясь к Дирану, и изящно опустилась на свое место. — Не исключено, что на этот раз Джертайн действительно прав, но он так часто лгал, что теперь трудно ему поверить. Впрочем, я искренне верю, что он и сам не знает истинного положения дел.

— Совет чрезвычайно благодарен вам и Эдресу за то, что вы предоставили возможность разрешить эту дурацкую ситуацию раз и навсегда, — сказал Сандар. В голосе его чувствовался лишь легчайший намек на раздражение.

Диран лишь снисходительно улыбнулся.

— Я всегда рад услужить Совету, — любезно сказал он и предложил леди Алинор спелую розовую сливу с блюда, которое с поклоном поднесла ему Серина.

«Он работал над этим несколько месяцев! — самодовольно подумала Серина, поднося блюдо лорду Сандару. — В результате Совет обязан ему, поскольку он избавил их от необходимости разбираться с этой морокой, а с другой стороны, никто из спорщиков не может теперь рассчитывать, что Диран встанет на их сторону. Неважно, кто выиграет, — Диран в проигрыше не останется. Не говоря уже о том, что он предоставил нейтральную территорию для поединка и равных по силе бойцов, — за эти услуги с ним тоже еще должны будут расплатиться».

— А что там насчет ссоры между Хэллеборе и Ондином? — спросил Сандар у леди Алинор. — Есть какие-нибудь известия?

— О, там назревает война, как я вам и говорила, — тут же откликнулась леди. — Через несколько дней Совет должен будет собраться, чтобы установить размер армий и выбрать место боевых действий. А дальше они уже будут разбираться сами. Я же говорила: если речь зашла о разделе наследства, ничем меньше войны это не окончится.

— И вы были правы, моя леди, — сказал Диран, наклоняясь к Алинор. В глазах его появился странный блеск. — Вы снова оказались правы. А скажите мне, как вы думаете — кто из двух этих спорщиков окажется лучшим полководцем?

«Он держится с леди Алинор так... странно. Она противоречила ему в Совете, и лорду это не понравилось. Но ему противоречили и раньше, и он никогда не вел себя так, как ведет теперь с леди Алинор. Похоже, будто... будто он ее хочет, хочет

обладать ею, а она отвергает его, но таким образом, что лишь укрепляет решимость лорда...»

Серина содрогнулась, но тут же спохватилась и постаралась взять себя в руки. Диран никогда еще не выглядел таким увлеченным. Серина не знала, сможет ли она что-нибудь с этим поделать — и осмелится ли пробовать...

Леди Алинор рассмеялась. В смехе ее таился тонкий оттенок насмешки.

— Ондин, конечно... — начала она.

Бронзовый голос гонга расколол воздух, оборвал болтовню и приковал внимание всех присутствующих к выходу на арену. Два бойца бок о бок прошествовали в центр арены. Один из них был вооружен булавой и щитом, второй же нес лишь палку для фехтования. У бойца с булавой на шлеме реяли ленты цветов лорда Джертайна — белый и индиго. Те же цвета он нес на своем щите. Дойдя до центра, боец резко повернул налево и остановился у ложи Джертайна. Второй боец — он нес на шлеме и рукаве коричневые и киноварные ленты Воссинора, — в то же мгновение свернул направо и отсалютовал Воссинору.

Оба эльфийских лорда поприветствовали своих бойцов взмахом руки. Снова разнесся звон гонга. Два человека повернулись лицом друг к другу и стали ждать с терпением автоматов.

Диран медленно поднял ярко-красный шарф. Сейчас все взгляды были прикованы к нему. Именно он, как хозяин дома, располагал правом подать сигнал к началу дуэли. Диран изящно улыбнулся и выпустил легкий шелк из пальцев.

Шарф, порхая, опустился на песок. Но о нем уже все позабыли — бойня началась.

Под конец даже некоторые из эльфов-зрителей не выдержали этого зрелища, а Серина давно уже отводила глаза. Она даже не представляла, что два тупых орудия способны причинить такие повреждения.

А вот Диран наблюдал за боем: не так страстно, как леди Алинор — она сидела чуть впереди и встречала каждый удар негромким восторженным воркованием, но и не столь скучающе-терпеливо, как лорд Сандар. Но похоже было, что это зрелище слегка забавляет его: на губах лорда играла легкая улыбка, а когда он смотрел на леди Алинор, в глазах его вспыхивал свет, которого Серина не могла истолковать.

Когда же бой завершился — многие зрители сказали бы, что это произошло чересчур быстро, — и все прочие эльфийские лорды ушли, Диран наклонился к Алинор. Многозначительное

прикосновение к руке и несколько тщательно подобранных слов — словно Серины тут и не было.

Серина, побледнев от обуревающих ее чувств, изо всех сил притворялась, что она — просто часть обстановки. Впрочем, леди Алинор именно так ее и воспринимала.

Леди посмотрела на Дирана, словно не веря собственным ушам, а затем расхохоталась, язвительно и безудержно.

— Вы? — воскликнула она. — Вы? Да я скорее лягу в постель с ядовитой змеей, чем с вами, — тогда у меня будет больше шансов уцелеть!

Она стряхнула руку Дирана и выскользнула из ложи. Высоко вскинутая голова и вся фигура Алинор свидетельствовали: леди знает, что Диран на посмеет бросить ей вызов. Если он сделает это, ему придется объяснять причину — а отказ со стороны дамы никогда не считался достаточным основанием для вызова.

Диран сделался таким же бледным, как Серина. Он застыл, словно одна из безмолвных и недвижных колонн, поддерживающих крышу, а Серина видела, как в глазах его разгорается пламя гнева — и не смела даже вздохнуть. Если лорд вспомнит о ее присутствии, он убьет ее...

В конце концов Диран вышел из оцепенения. Он развернулся и двинулся в сторону, противоположную той, куда ушла леди Алинор, — к баракам рабов.

Серина не помнила, как она долетела до своей комнаты и забилась в это убежище. Теперь она сидела в темноте, дрожала и молилась, чтобы лорд забыл о ней. Через некоторое время она услышала доносящиеся из апартаментов Дирана приглушенные крики боли.

«Он забыл обо мне! — подумала Серина. От радости и облегчения мысли ее сделались бессвязными. — Он забыл обо мне! Я спасена!..»

«Если бы я только могла, я бы сейчас сменила облик и улетела!» — с отвращением подумала Алара. От последней сцены, возникшей в памяти Серины, драконицу чуть не затошнило.

Уже поединок как таковой был достаточно скверной штукой. Никто из Народа понятия не имел, что же происходит во время этих самых поединков. Два мыслящих существа избивают друг друга, пока один из них не падает мертвым — а мгновение спустя противник повторяет его судьбу. А Серина воспринимала это неприкрытое зверство как нечто само собой разу-

меющееся. И от этого Аларе стало даже хуже, чем от самого поединка.

«Как она могла! Она ни капли не сочувствовала этим двум мужчинам — просто отмечала про себя их раны, да и все. Смотрела, как будто при ней цыпленка потрошили, — неприятно, конечно, но не более того. А может, цыпленок даже неприятнее. А ведь это были ее соплеменники! А эта женщина смотрела, как они убивают друг друга, чтобы разрешить чью-то ссору, и ни на миг ни о чем не задумалась!»

А потом, когда Диран выбрал какую-то несчастную беспомощную жертву и подверг ее мучениям, эта Серина была просто счастлива, что жертвой стал кто-то другой...

Драконица заставила себя успокоиться. Она попыталась выбросить людей из головы и убедить себя в том, что все это, в сущности, неважно. Они не принадлежали к Народу. Они — чужаки. Ее не касается, что делают с людьми или что люди делают друг с другом.

И все же Аларе было глубоко противно, что эта женщина позволяла так манипулировать собою — неважно, находилась она при этом под воздействием заклятия или нет. Люди были разумны. Эта Серина видела, что творится вокруг, и, как подозревала Алара, один-два раза была близка к тому, чтобы разорвать наложенные на нее заклятия. Но ее не волновало ничего, кроме собственного благосостояния и благополучия. Возможно, лишь однажды она испытывала другие чувства, — но эти времена безвозвратно прошли вместе с ее детством.

Даже свобода ничего не значила для этой женщины. Только удовольствия.

«Мне действительно следует просто оставить ее здесь — и пусть умирает», — подумала Алара. Драконице казалось, будто она испачкалась в какой-то дряни. Она ничего не должна этой женщине. Эта женщина не из Народа. Она не заслуживает того, чтобы ее спасали. Алара сейчас была почти готова согласиться с мнением эльфов о том, что людям по природе своей предназначено быть рабами. По крайней мере, она вполне могла согласиться со сторонниками Дирана.

Аларе частенько приходилось в эльфийском обличье спорить с мелкопоместными эльфийскими лордами или слушать их споры, пребывая в облике человека. Она даже пробиралась несколько раз на заседания Совета под видом эльфа-пажа. В общем, она владела множеством способов подсматривать и подслушивать и потому куда больше Серины знала о хитросплетениях эльфийской политики и об отношении эльфов к людям. Как ни странно, Диран, при всей его жестокости, был одним из лучших хозяев. Он вместе со своими сторонниками считал, что люди несколько лучше обычных животных — правда, очень ненамного. Он позволял своим рабам возвышаться до должности надсмотрщиков — как, например, это произошло с отцом Серины. Он явно верил в общепринятую среди его группировки точку зрения: людей-рабов можно презирать, можно даже жалеть, но не использовать их нельзя. До тех пор, пока существуют эльфийская магия и человеческая жадность, можно предоставлять людям некоторую свободу внутри их свор и позволять им принимать самостоятельные решения. Такая их свобода в конечном итоге выгодна хозяевам, поскольку позволяет меньше пользоваться услугами эльфов-надсмотрщиков — вот они-то точно прежде всего преследуют собственные интересы, и их верность может зачастую оказаться весьма сомнительной. Люди всем обязаны своим господам, а эльфы могут возжелать поискать более выгодной кормушки. Люди просты и примитивны в своей жадности, а эльфийские эмоции более сложны, и ими труднее манипулировать — даже такому хозяину, как Диран.

Насколько удалось понять Аларе, сторонники Дирана пребывали в меньшинстве. Большинство в Совете принадлежало другой группировке. Их мнение гласило, что люди — чрезвычайно опасные и непредсказуемые существа, постоянно готовые впасть в бешенство, и контролировать их чрезвычайно трудно. Каждый человек должен находиться под стражей и под строжайшим надзором; их следует заставлять выполнять только их непосредственные обязанности, и повсюду, где только возможно, это принуждение следует подкреплять магией. Тех же, кто выказывает хоть малейшие признаки неповиновения, необходимо немедленно уничтожать, пока они не заразили остальных рабов.

Как несложно было догадаться, группировка Дирана состояла в основном из молодых эльфов. Молодежь смотрела на тех, кто пережил Войну Волшебников, как на реакционных старых дурней, которые из страха перед бунтом уже начинают бояться собственной тени.

Но сам Диран знал кое-что такое, о чем не говорил своим сторонникам, родившимся уже после Войны Волшебников, — Алара была совершенно уверена в этом. Драконица точно знала, что Дирану известна эта маленькая подробность, потому

что именно Диран неоднократно пытался вынести эту тему на рассмотрение Совета.

Человеческая магия вновь и вновь воскресала среди людей, и эльфы понятия не имели, как и почему это происходит.

Большая часть молодых эльфийских лордов считала, что человеческая магия исчезла после того, как все полукровки были убиты, а все волшебники людей — отысканы и уничтожены. Но это мнение не соответствовало действительности — и ярким примером тому была Серина Даэт. Даже не обученная, Серина оказалась достаточно сильна, чтобы затянуть Алару в свое сознание. Конечно, можно было предположить, что страх и ненависть увеличили силы женщины — ведь сильные чувства подпитывают врожденную магию. Но все равно — Алара была шаманом Народа, и чтобы уловить и удержать ее хотя бы на краткий срок, требовалась огромная сила.

Эльфы на протяжении многих веков пытались при помощи селекции изжить человеческую магию разума, но эти способности снова и снова появлялись среди рабов. Как бы тщательно хозяева ни изучали родословные своего домашнего «скота», сколько бы детей они ни уничтожали, едва заметив в них проблески соответствующих способностей, магия продолжала возрождаться.

Конечно же, иногда матерям удавалось прятать детей от взора надсмотрщиков до тех пор, пока малыши не обучались скрывать свой дар. Ну а с того момента, как на ребенка надевали ошейник, ситуация вообще становилась спорной. Кроме того, существовала и еще одна проблема: несмотря на тщательную слежку за спариванием, не всегда настоящим отцом ребенка являлся тот, кто им считался. Человеческая плодовитость мешала эльфам с тех самых пор, как они решили сделать этот мир своим, а странная наследственность людей продолжала мешать им и поныне. Эльфийская магия наследовалась простейшим образом: у двух сильных магов рождался сильный ребенок; если один из родителей был сильнее другого, ребенок получал нечто среднее; а два слабых мага — уровня того же Гориса, Дориана или несчастной дочери Гориса, — могли произвести лишь слабого ребенка. Эльфийский ребенок никогда не превосходил магической силой сильнейшего из своих родителей. Никогда не случалось такого, чтобы у сильной пары появился слабый ребенок, и сила возродилась только в следующем поколении.

Но у людей такое случалось сплошь и рядом, и эльфы никак не могли в этом разобраться.

И потому рабские ошейники всегда несли на себе два эльфийских камня (а иногда для верности добавлялся и третий), и до тех пор, пока ошейник соприкасался с телом раба, один из этих камней нейтрализовал человеческую магию разума. Каждый раб носил такой ошейник с того самого момента, когда ребенка забирали у родителей. Им подбирали ошейники перед тем, как начать обучение: от простейшего «это — мотыга» для самых тупых и до сложнейших тренировок наложниц и бойцов. Простейшие ошейники представляли собой полоски кожи с камнями, вделанными в застежку, — Аларе частенько приходилось видеть такие. Но ничего подобного золотому, причудливо изукрашенному драгоценными камнями ошейнику Серины драконице еще не попадалось. Потому-то Алара чуть и не угодила в ловушку, когда рассматривала его.

Как выяснилось из воспоминаний Серины, эльфы с величайшей жесткостью контролировали деторождение у своих наложниц. Но вот причина этого осталась неведомой для Серины. А весь фокус заключался в том, что эльфы не просто могли скрещиваться с людьми — такие союзы оказывались куда более плодовиты, чем эльфийские браки. Нет, до уровня плодовитости самих людей дело не доходило, но все же полукровок набралось достаточно, чтобы во время Войны Волшебников они представляли собой грозную силу.

И потому, к какой бы группировке ни относились эльфы, они уничтожали отпрысков таких союзов, как только обнаруживали беременность или ребенка.

Волшебники-полукровки стремились уничтожить своих бывших господ и почти добились своей цели, хотя эльфы никогда и не осмеливались признать это — даже в хрониках. Когда Алара по настоянию Отца-Дракона изучала историю этой войны, она обнаружила, что, читая хроники между строк, вполне можно выяснить, каковы же на самом деле были потери — хотя бы по спискам погибших и записям об уничтоженном имуществе, составленным уцелевшими в самом конце войны. Война Волшебников привела к исчезновению целых эльфийских кланов. Множество сильнейших магов слишком поздно обнаружили, что человеческая магия разума не только превосходно сочетается с эльфийскими способностями, но и вдвое — а то и вчетверо — увеличивает силу волшебника.

Если бы не раскол, произошедший в рядах волшебников, все переменилось бы и теперь эльфы были бы рабами или преследуемой дичью. Любопытно, а какое положение в этом обществе заняли бы чистокровные люди? И не стали бы полукровки держать под рукой некоторое количество эльфов — для продолжения рода? Эльфы наверняка задумывались об этом еще до окончания войны. Единственное, что спасло их, — это междоусобная распря среди противников. Да, с такой удачливостью эльфы, возможно, по праву считают себя детьми богов...

Серина застонала. Алара отвлеклась от своих размышлений и задумчиво уставилась на женщину. По всем правилам бывшей наложнице давно уже полагалось распрощаться с жизнью — ей ни за что не позволили бы бежать. Если бы ее хозяином был не Диран, а кто-нибудь другой, женщину уничтожили бы посредством магии, как только ее беременность стала бы заметной. Но Диран недооценил эту женщину — да и ее соперница тоже. К тому времени, как стражники пришли за ней, Серина уже бежала из поместья — босая, не умеющая путешествовать, боящаяся открытого пространства... В глубине ее души тлела искра мужества и отголосок той девочки, что пробиралась тайком посмотреть на тренировки гладиаторов, и тень женщины, у которой хватило силы воли пойти наперекор обычаям и отвоевать себе место рядом с Дираном. Никто и никогда не осмеливался так поступать. Алара никогда не слыхала, чтобы наложница постоянно находилась рядом с лордом невзирая на все обычаи. Воля и разум породили семя мятежа, а жажда жизни преодолела все ментальные и физические препятствия, удерживавшие Серину от бунта.

Конечно же, отнюдь не материнский инстинкт подтолкнул Серину к мятежу. Из мыслей Серины явственно следовало, что ребенок для нее — опасное бремя, и ничего более. Она знала, что эльфы ненавидят полукровок и что такая беременность означает смертный приговор — хотя причина и оставалась для нее тайной. Людей никогда не обучали ни чтению, ни письму, и потому у них не было своих хроник, повествующих о временах Войны Волшебников. Лишь Пророчество, распространяемое Народом, не позволяло угаснуть эху тех событий. А Серина никогда не слыхала Пророчества: наложниц тщательно ограждали от всякой «заразы», какую можно было подхватить среди обычных рабов, — в том числе и от этой.

Соприкоснувшись с мыслями Серины, Алара поняла, что, если бы женщина имела хоть малейшее представление о пустыне, она ни за что не пошла бы туда. Но бывшая наложница не знала простейших вещей: что погода может меняться, а солнце обжигает неосторожных. Она убежала из поместья, прошла через возделанные сады и покинула земли, зеленевшие и процветавшие силой магии Дирана. Серина увидела бескрайние пески в тот час, когда взошла луна, и подумала лишь об одном — здесь ее босым ногам будет не так больно. Когда Диран беседовал со своими гостями об охоте, Серина иногда прислушивалась к этим разговорам. Теперь же она заметила, как ветер гонит песок, и поняла, что он скроет ее следы, и гончие не смогут учуять ее запах. Она никогда не думала о солнце. Она не знала, каким жарким может быть день, если вокруг ни клочка тени. Она даже не подумала, как будет добывать пищу и воду. Первый же день пути по пустыне заставил Серину понять, сколь жестокую ошибку она совершила, но к этому моменту женщина уже успела безнадежно заблудиться. Она постоянно жила под крышей и потому не знала даже, что солнце каждый день встает на востоке и садится на западе. Серина совершенно не умела ориентироваться на местности. В первую ночь над пустыней пронеслась гроза — она дала женщине воду и буквально оживила ее. Тучи, закрывшие солнце, позволили Серине продержаться второй день. Но третий день скитаний почти что доконал ее. Впрочем, Алара обнаружила, что все это мало ее интересует — разве что абстрактно, как показатель того, что могли существовать и другие женщины, понесшие ребенка-полукровку.

Неожиданно эта мысль заинтересовала Алару. Если Серина ухитрилась доносить своего ребенка почти до срока — это при том, что в дело еще была замешана соперница, мечтающая погубить фаворитку, — значит, полукровки вполне могут существовать. Какое-нибудь случайное изнасилование рабыни, работающей в поле, романчик молодого эльфа с простой служанкой или женщиной для утех — да мало ли что еще! Человеческая кровь обычно сильнее эльфийской...

Да, тут все будет зависеть от внешности ребенка. Тех, кто наследовал белую эльфийскую кожу и золотые волосы, наверняка уничтожали. Такому не укрыться в толпе рабов, предназначенных для работы в поле...

Стоп! Что-то ей еще припоминается...

Отец-Дракон что-то говорил о полукровках. Эльфов загар не берет, а полукровки загорают. Полукровки обычно наследуют цвет волос от родителя-человека, но при этом у них сохраняют-

ся эльфийские зеленые глаза с овальными зрачками. Такой ребенок старается держать голову склоненной, пока не овладевает магией в достаточной степени, чтобы при ее помощи скрыть цвет глаз... А ошейники блокируют человеческую магию — но не эльфийскую. И кстати, раз магия полукровок взаимоусиливается, может быть, они способны даже преодолевать воздействие ошейника.

А еще существуют эльфийские женщины, которые возглавляют кланы... и которым нужен наследник. Не могло ли случиться такого, что кто-нибудь из них, играя с идеей официального союза, тем временем искала развлечений в жилищах рабов? А как бы выглядел ребенок такой пары? Мать ребенка вполне могла бы навести иллюзию на свое дитя, чтобы он с самого рождения выглядел как маленький эльф. Кто знает — возможно, среди эльфов и сейчас есть полукровки...

Но даже ребенок эльфа и человеческой женщины вполне мог дожить до значительного возраста, если его удавалось спрятать среди обычных слуг или рабов-земледельцев. А потом он из ребенка становился взрослым. Это грозило ошейником и возможным разоблачением. Интересно, что же может сделать полукровка в такой ситуации?

Он может бежать. Алара знала, что существуют какие-то так называемые «дикие» люди, хотя эльфийские лорды и не любят признавать этот факт. Как минимум, в прошлом году устраивалась большая охота на двуногую дичь. В мире хватает мест, куда можно спрятаться — и даже Народу они известны не все. Слишком уж много вокруг диких пространств, где даже драконы бывают нечасто.

Серина теперь затихла — уснула в тени стены, рядом с бассейном. Усталость превозмогла все остальное. Женщина напилась из бассейна, и магия воды отчасти излечила раны, дав беглянке возможность заснуть. Но необычайная чистота воды сейчас работала против женщины. Серине нужна была не просто влага, но и минеральные соли, потерянные с потом и необходимые обожженному телу, — а вот их-то в воде и не было. Сон, в который погрузилась женщина, вполне может перейти в кому, если продлится слишком долго. На мгновение Алара почти пожалела ее — драконицу удержало лишь воспоминание о бездушности, с которой Серина относилась к собственным соплеменникам.

У Алары промелькнула циничная мысль: а ведь Диран и Серина чудно подходят друг другу! Диран не ошибался, когда об-

винял своего подчиненного в том, что тот считает своего лорда извращенцем. Эльфийские лорды из старшего поколения уже много лет твердили, что симпатии Дирана к людям всецело основаны на его сексуальных пристрастиях. Большинство представителей их поколения ограничивались одной-двумя наложницами, да и тех держали лишь потому, что не желали воздерживаться в те моменты, когда их леди испытывали недомогание. А леди — бедняжкам! — «нездоровилось» весьма часто. Это было их единственным оружием, оружием слабых, во взаимоотношениях с собственными супругами...

Но представители старшего поколения были сдержанны и благоразумны. Они не обсуждали своих наложниц. Зачастую они вообще не признавали, что эти женщины являются наложницами, и держали их взаперти, в отдельном помещении. И уж, конечно же, они не афишировали своих отношений с человеческими женщинами и не позволяли своим наложницам появляться при посторонних.

Но Диран... Старики относились к нему так, словно он не просто в открытую спаривался с животными, но еще и бравировал своим поведением, как будто провоцируя окружающих бросить ему вызов. И вызовы эти отсутствовали лишь благодаря магической силе Дирана. О нет, он никого бы не убил — это противоречило бы всем законам и обычаям. Но зато он мог причинить своим врагам великое множество неприятностей. И у него были самые лучшие гладиаторы. А кроме того, почти у каждого существовала какая-нибудь мелкая, но неприятная тайна, и Диран знал множество таких тайн.

Алара принялась обдумывать те сведения о лорде Диране, что ей удалось узнать за много лет, и всяческие пикантные истории, произошедшие в последнее время. Для этого ей пришлось сосредоточиться. У драконов отличная память, но чтобы извлечь из нее сведения, помещенные на длительное хранение, требовалось состояние, близкое к трансу, и немало терпения.

Несомненно, Диран был сибаритом и постоянно потворствовал своим желаниям. Довольно было взглянуть на его поместье глазами Серины, чтобы окончательно убедиться в этом. Он не жалел средств на свои удовольствия. Но большинство эльфийских лордов вели себя точно так же — если только могли позволить себе подобный образ жизни. Как только кто-нибудь из эльфов достигал определенного уровня силы или становился богатым, он тут же принимался вить себе уютное гнездышко. Торговля предметами роскоши была весьма прибыльным

занятием, и не один клан добился благосостояния именно на этой ниве. Шелковые ткани, драгоценные украшения, духи, деликатесы, редкие пряности и благовония — все это находилось, выращивалось, добывалось из горных недр или создавалось руками их рабов. Лишь очень немногие эльфы могли создавать материальные предметы прямо из воздуха, — Диран, кстати, мог, когда решал, что затраты сил того стоят. Большая же часть эльфов творила исключительно иллюзии — чрезвычайно убедительные, но все же не более чем иллюзии. Хотя и это тоже могло стать прибыльным занятием: среди эльфов существовали настоящие мастера своего дела, художники иллюзий, и их услуги пользовались весьма высоким спросом.

Но в целом реальность всегда ценилась выше иллюзий — особенно среди знати. Эльфы по природе своей чрезвычайно восприимчивы. Они постоянно жаждут новых ощущений и тянутся к красивым вещам. Те же эльфы, которым приходилось трудиться, завидовали праздной жизни высокородных лордов. Пределом мечтаний многих эльфов, особенно вассалов и наемных работников, был такой образ жизни, при котором ты можешь заниматься исключительно тем, что доставляет тебе удовольствие.

Диран относился к старшему поколению — а значит, уже два-три века жил в соответствии с этим принципом. Возможно, именно поэтому Серина и считалась весьма ценным имуществом: она умела удивлять хозяина. Для столь пресыщенного существа, каким стал Диран за последние десятилетия, это было незаменимым качеством.

Получив неограниченный досуг и исчерпав возможности лени, Диран стал искать других удовольствий. И увлекательнее всего оказалось играть жизнями окружающих, дергая их за ниточки слабостей и эмоций. Этим же он забавлялся и в своем гареме, только в меньшем масштабе. Именно таким образом он подогревал соперничество среди своих наложниц и вассалов, временами перераставшее в смертельную вражду.

«Что-то в этом духе он и сделал с тем своим надсмотрщиком...» Алара поежилась при этом воспоминании и обнаружила, что, чрезмерно погрузившись в собственные мысли, она окончательно вернулась в драконий облик. Если бы вдруг здесь оказался посторонний наблюдатель, подобный недосмотр мог бы дорого обойтись драконице.

Ну, ничего. Единственным посторонним существом здесь была Серина, но это не имело значения, — все равно женщина лежала без сознания.

Поступок Дирана был настолько расчетлив и жесток, что подобный ужас просто не укладывался в голове у Алары: Диран сперва морально уничтожил несчастного эльфа, отдав его единственное дитя жестокому чудовищу, а потом приказал ему работать до полного изнеможения, дабы исправить последствия аварии — и это при том, что аварию скорее всего подстроили враги самого Дирана. Это был типичный образчик действий Дирана. Если Диран не находил возможности полностью контролировать жизни окружающих, он такую возможность создавал.

Собирая сведения о своих соперниках, других лордах, или о своих вассалах, Диран не гнушался никакими способами. Алара и сама во время своих приключений в эльфийском обличье не раз сталкивалась с чересчур назойливыми и любопытными собеседниками, которые впоследствии оказывались агентами Дирана. Диран был терпелив и настойчив. Он не успокаивался, пока не обретал власть над каждым, до кого только мог дотянуться.

Кроме этого, Диран отличался еще одним свойством характера — Серина заподозрила о его существовании, увидев, как лорд ведет себя в проигрышной ситуации, — он был абсолютно безжалостен к тем, кто ему противоречил. Малейшая неудача приводила Дирана в бешенство. Вероятно, это началось с того происшествия с участием леди Алинор. Алара, конечно, не была уверена, но сильно подозревала, что Диран впервые получил такой резкий отпор. А в его возрасте это могло оказать странное влияние на образ мыслей.

Серине здорово повезло, что Диран находился в хорошем настроении, когда вернулся домой. Если бы он потерпел поражение в Совете или хотя бы просто столкнулся с чьим-то противоречием, он убил бы Серину на месте. Даже если бы он просто оказался не в духе, он парализовал бы бывшую фаворитку и продержал в таком состоянии, пока за ней не явились бы стражники. А потом Диран постарался бы сделать казнь Серины максимально длительной и болезненной — возможно даже, превратил бы ее в часть какого-нибудь представления.

Но сложилось так, что лорд был вполне доволен собою и решил сперва поразвлечься, а потом уже послать кого-нибудь за Сериной. Но у Серины тоже были свои шпионы, и они сооб-

щили, что счастливая соперница уже донесла лорду о беременности его фаворитки и что на рассвете за ней придут.

Алара могла бы поспорить, что Диран приказал своим стражникам осматривать окраинные районы пустыни, дабы удостовериться, что Серина действительно умерла. Он не мог позволить ей жить. Но эта женщина снова удивила его, и, если лорд все еще пребывал в хорошем настроении, он мог позволить Серине умереть «естественной» смертью.

Тут слуха Алары коснулся стон. Оказалось, что, пока драконица сидела, погрузившись в размышления, сон Серины перешел в горячечный бред. Тяготы путешествия в конце концов оказали свое воздействие. Женщина лежала на боку, корчилась и стонала. У нее явно начались схватки.

И, похоже, ей не суждено было пережить роды.

Глава 4

Алара снова подумала — почему бы ей не плюнуть на все и не улететь? У нее не было ни малейших причин связываться с этой женщиной. А вот причин не связываться было более чем достаточно. Женщина умирала; страшный путь по пустыне и роды полностью истощили ее силы. А отношение Серины к своим соплеменникам просто ужасало Алару.

Логичнее всего было бы предоставить женщину собственной судьбе. И все же...

Обозвав себя последней дурой, Алара осторожно соприкоснулась с сознанием женщины, где мечты смешались с бредом и старыми воспоминаниями...

Серина растянулась на мягких подушках и попыталась расслабиться. Она уже успела прикусить губу до крови. Боль то откатывалась, то снова возвращалась. Серина улыбнулась лорду Дирану. Лорд успокаивающе погладил фаворитку по руке.

— Это хороший ребенок, — тепло сказал он. До сих пор таким тоном Диран обращался только к любимой гончей или к кобыле, когда им подходило время рожать. Серина слабо улыбнулась, пытаясь сделать вид, что ничего особенного с ней не происходит, — так, легкое недомогание. Лорд терпеть не мог суету и истерики. — Скоро все закончится, и ты снова займешь место рядом со мной.

Неудачливая соперница Серины, Лейда, — ее отправили драить полы в родильной комнате, — нахмурилась, заслышав эти слова, но не посмела что-либо сказать. Когда Диран отыскал Серину в пустыне, у него хватило выдержки выслушать ее объяснения. Нет, он не стал наказывать Лейду физически — он придумал кое-что получше. Лорд отдал бывшую наложницу в служанки Серине.

На миг у Серины промелькнула мысль: «А что случилось с ребенком?» Впрочем, это было неважно. Возможно, Диран избавил ее от этого бремени, а потом стер ей воспоминания. Ему это было вполне по силам.

— Вы с этим молодым жеребцом подарите мне крепкого парня — я в этом не сомневаюсь, — продолжал лорд. Серину охватил очередной приступ боли. По лбу женщины потекли капли пота. Она улыбнулась, стиснув зубы, и кивнула. — Моему сыну потребуется личная стража. Если все пройдет хорошо, может, попросить тебя родить еще одного стражника?

— Да, мой лорд! — кое-как выдохнула Серина. Хотя, по чести говоря, сейчас она предпочла бы скрести полы вместо Лейды, а не рожать нового ребенка. Какая жалость, что лорд не счел нужным стереть ей и эти воспоминания!

— Хорошая девочка, — Диран еще раз погладил ее по руке и покинул родильную комнату, сверкающую белым кафелем. Прощаний он тоже не любил. Сейчас в облике Серины был лишь один штрих, который можно было назвать непривычным, — капли пота, покрывающие лоб. Тело женщины скрывали шелковые покрывала. Но как только Диран перешагнул через порог, все изменилось, и вокруг Серины засуетилась целая толпа нянек и повивальных бабок.

В принципе, она была не против выполнить просьбу — просьбу, а не приказ! — лорда Дирана и родить для него стражника. Лорд хотел получить нечто особенное: ребенка от лучших производителей, пригодного для обучения на стражника. Личного стража начинают обучать с того момента, как ребенок становится на ноги. Лорд не решился поручить это кому-нибудь другому и попросил ее, Серину, — ведь никто больше не служил ему так верно, и никто не сможет позаботиться об этом так же хорошо, как она. Лорд сказал, что ей ни в чем не придется нуждаться и что награда превзойдет даже самые смелые ее мечтания.

Серина никогда не решилась бы сказать об этом лорду, но молодой стражник, предназначенный ей в пару, его задумчи-

вые глаза и великолепное тело действительно превосходили самые смелые мечты женщины. Он подчинялся каждому слову Серины, и это было невероятно возбуждающим — оказаться в позиции того, кто повелевает. И еще оказалось, что получать наслаждение, вместо того, чтобы давать его, — тоже очень возбуждающее ощущение.

Возможно, она попросит этого стражника насовсем, как часть обещанного вознаграждения...

Боль вернулась снова. Серина закричала от боли и гнева. Что эти бабки копаются? Почему они ничего не делают? Они что, не понимают, кто она такая?

Серина попыталась что-то сказать, как следует отчитать этих лентяек за небрежность, но не смогла выдавить ни слова. Промежутки между приступами становились все короче, и наконец Серина застонала, словно раненое животное.

Алара решила, что Серина вполне может быть бесчувственной тварью — ее лично это не касается. Ее не волнует также, что Серина делала в прошлом. Главное, что она была женщиной, которой подошел срок рожать. Это пробудило в Аларе глубочайшие драконьи инстинкты, и она решила все-таки помочь беглянке.

Это решение трудно было назвать осознанным. Алара просто ничего не могла с собой поделать. Конечно, она могла предпринять кое-какие меры предосторожности, чтобы избежать разоблачения, — на тот маловероятный случай, если женщина все-таки очнется от бреда. Конечно, все это было чрезвычайно глупо и излишне сентиментально и нарушало букву закона о сохранении тайны, — а может, даже и его дух. Но после того, как Алара разделила с Сериной ее мысли, она чувствовала, что не вправе отказать этой женщине в помощи — ну, должна же она хотя бы отплатить за похищенные воспоминания?

Последние картинки, промелькнувшие в мозгу женщины, подсказали Аларе, какой облик ей лучше всего принять, — одной из повивальных бабок поместья.

Драконица быстро потянулась к потокам силы и пропустила их через себя, перемещая большую часть своей массы Вовне. Алара меняла облик очень осторожно, стараясь, чтобы эта чехарда не повредила ребенку в ее чреве. Чтобы совладать с разницей в размерах, Аларе одновременно со сменой собственного облика пришлось превратить и своего нерожденного ребенка. Эта процедура требовала немалого времени. Когда драконица справилась с ней, солнце уже клонилось к горизонту, а женщина явно должна была вот-вот родить и слабела с каждым вздохом.

Алара опустилась на колени рядом с истерзанным телом женщины и без особых усилий уложила его поудобнее. Тут она заметила, что взгляд Серины на мгновение стал осмысленным. Во всяком случае, женщина достаточно пришла в себя, чтобы осознать, кто суетится рядом с ней.

Серина шевельнула губами, но не смогла произнести ни слова. Алара осторожно напоила ее. А потом, делая вид, будто она просто поддерживает голову роженицы, драконица принялась осторожно массировать некоторые нервные окончания в том месте, где шея переходит в спину.

Серина судорожно вздохнула. На мгновение глаза ее расширились от удивления — несчастная почувствовала, что боль отступает. Потом она закрыла глаза, защищаясь от света закатного солнца, и снова погрузилась в бред.

Ну, по крайней мере в смысле скорости эти роды были легкими. Но у Серины открылось сильнейшее кровотечение, и Алара с испугом поняла, что с этим она ничего не может поделать. Через несколько мгновений ребенок уже лежал на куске ткани, оторванном от юбки Серины. Вырытое в песке углубление образовывало своеобразную колыбель. Маленькая девочка — такая же уродливая, как любой новорожденный человек.

И когда ребенок выскользнул наконец наружу, мать испустила тяжелый вздох и не вздохнула более.

Алара посмотрела на мокрое, красное, сморщенное крохотное существо и изумилась: с чего вдруг ей вздумалось спасать этого ребенка?

Огонь и Дождь! Да ведь ребенок еще и недоношенный! Его следует просто оставить тут вместе с матерью — это будет лучше всего. Алара даже не знала, как с ним обращаться — вдруг она уже случайно убила его? Что за ужасный звереныш...

Но тут младенец разинул крохотный ротик, и над пустыней разнесся слабый жалобный крик.

Этот писк поразил драконицу с той же точностью и неотвратимостью, как эльфийская стрела — сердце Алары не выдержало. В конце концов, она сама была матерью! Драконица поняла, что не сможет оставить ребенка здесь. Нет, только не после всего, что произошло. В конце концов, это всего лишь младенец. Она наверняка сумеет сообразить, как заботиться о нем. Навряд ли человеческие дети сильно отличаются от других детенышей.

Алара окунула девочку в бассейн и вытерла остатками нарядов Серины. Ребенок не стал выглядеть чище, но зато перестал пищать. Алара безошибочно чувствовала волны голода, исходившие от ребенка. Но девочка больше не плакала — она только уставилась в глаза драконице, словно от рождения умела фокусировать взгляд, — и взгляд этот был до странности разумен.

«У меня слишком разыгралось воображение.

Огонь и Дождь, но что же мне теперь делать с ребенком?

Видимо, забрать его домой».

Алара снова зачерпнула энергии, струящейся из бассейна, пропустила ее через себя и приняла свой нормальный облик. Ребенок лежал на песке, грелся на солнышке и помалкивал. Его молчание постепенно начало беспокоить Алару — а наряду с этим и ощущение, что девочка наблюдает за ней.

Драконица распахнула крылья во всю ширь, впитывая последнее солнечное тепло. Ее огромная черная тень накрыла собою ребенка. Да, лететь нужно прямо сейчас, пока еще можно поймать восходящие потоки. У Кемана есть маленький зверинец. Может, он сможет подсунуть ребенка какому-нибудь зверю, который сейчас выкармливает детенышей.

Алара подцепила когтями тряпичный сверток с младенцем — очень осторожно, стараясь не поцарапать девочку, — и сильным толчком взмыла в кобальтовое небо.

«А знаешь, — сказала она себе, уточнив курс по солнцу и первым звездам и направившись к Логову, — должно быть, в этом Пророчестве и вправду что-то есть. Хм, да. Возможно, именно его я и несу.

И выглядит это вовсе не так эффектно, как звучало в устах слепой старухи-пророчицы. «Дитя драконов, Проклятие эльфов...»

Преследуя садящееся солнце, драконица пересекла пустыню и теперь летела над плоскогорьем. Внизу стада антилоп и оленей выбирались из зарослей кустарника, защищавших их от дневного зноя, и направлялись к водопою и на пастбища. Когда на них падала тень крыл Алары, животные пугались и пускались наутек.

«Не сегодня, вкусненькие зверушки. Сейчас мне не до охоты».

Кроме того, это было бы браконьерством. Если Алара ничего не путала, эта охотничья территория принадлежала другому поселению, Логову Леаналани. В конце концов, это просто невежливо — забираться на земли другого Логова и охотиться без разрешения.

Стада разбегающихся травоядных поднимали целые тучи пыли. Да, в этих краях лето выдалось очень сухим. Последние лучи закатного солнца окрасили клубы пыли в красный и золотисто-красный цвета. По травянистой равнине и зарослям кустарника протянулись фиолетовые тени. Прямо по курсу на кроваво-красном и золотом небе умирало солнце, а за спиной у Алары синева неба сгущалась и переходила в индиго. А сверху на драконицу поглядывал крохотный тусклый месяц.

От равнин поднимался горячий воздух, наполненный запахами пыли и опаленной солнцем растительности. Временами в этой симфонии запахов мелькала слабая мускусная нотка оленя или дыхание скрытой от глаз воды.

Алара продолжала лететь на запад. Наконец на горизонте возникла изломанная черная линия и словно разорвала садящееся солнце пополам.

Это были горы. Теперь уже недалеко...

За непроходимой для эльфов пустыней и за землями, пригодными лишь для охоты, лежали сами Логова, укрытые в горных долинах. Никогда еще дом не казался Аларе таким притягательным. Сейчас даже ребенок, висящий у нее в когтях, представлялся чем-то малозначительным.

Алара так рвалась домой, в родную пещеру, что напрочь позабыла о неоконченной медитации.

Драконица сделала несколько кругов над Логовом, ожидая, пока часовой даст знак, что заметил ее. Старые привычки отмирали с трудом. Пожалуй, драконам давно уже не было смысла опасаться нападения с воздуха, но эта традиция закреплялась веками, и ни один дракон не шел на посадку, не получив позволения у часового. Даже Аларе, при всей ее усталости, не хотелось нарушать это правило.

«Кто летит?» — донесся формальный вопрос.

«Аламарана, — так же формально ответила драконица. — Могу я приземлиться?»

«Садись и будь как дома, ради Огня и Дождя. Добро пожаловать, старшая сестра!»

Алара не узнала говорившего по голосу — наверное, из-за усталости. Должно быть, это кто-то из молодежи. Несколько мгновений драконица парила над гроздьями жилищ, прилепившихся к склонам долины, и пыталась сориентироваться. Хотя жилища и отличались между собою по виду, сейчас все

они были лишь темными тенями на фоне светлых обветренных скал. В долине не было никакого освещения, и это вогнало бы в тягостное недоумение любого человека или эльфа — если бы вдруг таковых занесло сюда, — даже отсутствие зданий наверняка показалось бы им менее странным.

Наконец Алара сообразила, почему она ничего не видит. Она так устала, что забыла перейти с дневного зрения на ночное. Обругав себя за глупость, драконица исправила ошибку, и внезапно долина предстала перед ней с кристальной ясностью.

А вон и ее дом — точнее, каменная беседка, отмечающая вход в жилище. Некоторые драконы вправду предпочитали наземные жилища и проводили много времени в других обличьях, не в драконьем. Поэтому в долине можно было увидеть большие постройки, напоминающие эльфийские особняки, — только их строителей не волновали ни наземные подходы, ни возможность запастись водой. Попросту говоря, это был один огромный замок, выстроенный на склоне утеса. Алара проскользнула так близко от него, что могла бы дотронуться крылом до стены.

А вот это нечто новенькое. Аларе стало любопытно, кто построил столь чудовищное жилище: больше всего оно походило на дом внезапно разбогатевшего надсмотрщика.

Другие драконы предпочитали жить в пещерах — но не в таких глубоких, как Дома. Они выбирали неглубокую пещеру где-нибудь на склоне горы — повыше, чтобы недалеко было до гребня, на котором можно при желании хоть целый день принимать солнечные ванны. Пролетая мимо одного из таких жилищ, Алара увидела, как из темноты на нее смотрят три пары глаз — трое драконов сидели, тесно прижавшись друг к другу.

Ага, значит, Фериланора все-таки умудрилась наконец перетащить свой выводок на утес. Алара уже подумывала, что она никогда не позволит детям выбираться из долины.

Ну, а некоторые из Народа — в том числе и Алара — чувствовали себя уютно лишь в просторных подземных логовах. Такие логова были жильем Народа там, Дома. Здешняя долина — настоящий подарок судьбы — позволяла всем обустроить жилье по своему вкусу.

Те драконы, кто предпочитал пещеры разной глубины, тоже повадились возводить некое подобие зданий — чтобы отметить вход в свое жилище и защитить его от бурь. Алара поставила в качестве такого указателя каменную копию беседки из сада камней В'шарна Джемса лорда Келума. Она увидела эту беседку во время одной из вечеринок под открытым небом и сочла ее очаровательной.

Чего никак нельзя было сказать о хозяине дома.

В результате долина была заполнена постройками самых разнообразных размеров и стилей. Изящные беседки стояли на холмах или карабкались по склонам. Особняки и причудливые замки покрывали дно долины, словно стайка нахохленных куриц, либо парили на вершинах пиков и гребнях гор. Храмы давно забытых богов стояли бок о бок с пирамидами и борделями явно людской постройки.

Казалось, будто какая-то неимоверная буря опустошила с полдесятка городов, а то, что уцелело, перенесла сюда.

Алара медленно кружила над долиной, постепенно сбрасывая высоту. Дитя в ее когтях помалкивало на протяжении всего путешествия, и если бы Алара не ощущала маленькие странные мысли, соприкасающиеся с ее мозгом, она решила бы, что девочка заснула или умерла.

Мысли девочки — или скорее мыслеформы, — они были пока что недостаточно четкими, чтобы считаться мыслями, — были необычайно сильными. По правде говоря, они были сильнее, чем у любого новорожденного из числа Народа.

Если сила разума малышки будет возрастать по мере ее взросления — хм, неудивительно, что полукровки причинили эльфам столько неприятностей.

Алара увидела, как другие драконы начали выглядывать из своих жилищ. Сверху они и вправду выглядели довольно странно, особенно при ночном зрении, стирающем оттенки красок. Когда расцветка не видна, трудно сказать, кто есть кто. Сейчас, со сложенными крыльями, драконы казались лишь темными фигурами на фоне камня.

Хотя нет, одного Алара все-таки узнала. Ее сын, Кеманорель, подпрыгивал на месте, не в силах совладать с волнением. Как только Алара поняла, что уже находится в пределах слышимости Кемана — таковая пока что была невелика, — она окликнула сына.

«Будь осторожнее, когда я приземлюсь, милый. Я принесла... э... одно существо. Младенца. Мне понадобится твоя помощь — ребенок остался без матери».

В ответ донеслась вспышка радости. Если бы Алара находилась сейчас на земле, то наверняка услышала бы радостный визг Кемана. Рядом с Кеманом сидел еще один дракон — Алара узнала его по размерам и по чешуе, серебрящейся в лунном

свете. Отец-Дракон. Кеман готов был от нетерпения взмыть в воздух, но на спине у него лежала увесистая когтистая лапа Отца-Дракона.

Подросток взглянул на Отца-Дракона, и Алара даже с этого расстояния почувствовала волны спокойствия, исходящие от верховного шамана.

Алара была очень рада, что вернулась к сыну. Правда, иногда он умудрялся доводить ее до бешенства — ну, да ничего. Тут Алара начала заходить на посадку, и ей стало не до посторонних мыслей. Посадка была трудной — из-за ноши Алары и потому, что собственная беременность сделала ее грузной и неуклюжей, — да и вообще дно долины сильно отличалось от открытых пространств пустыни. Алара скользила по пологой дуге, раскинув крылья. Время от времени она несколькими быстрыми взмахами поднималась над скальным выступом или, извиваясь всем телом, закладывала вираж, чтобы не столкнуться с очередным утесом.

В конце концов усталая, но гордая драконица взмахнула крыльями и изящно приземлилась на три лапы прямо перед группой встречающих.

Алара осторожно опустила свою ношу на землю, и ребенок издал слабый и жалостный писк — впервые после родов.

— Огонь и Дождь! — воскликнул один из встречающих. — Это что такое?!

И с этого мгновения мирное возвращение Алары домой превратилось в яростную перебранку.

Никого сейчас не волновало, что Алары почти месяц не было дома. Все как будто позабыли, что она — шаман своего Логова и имеет право на толику уважения. Как только драконы завидели младенца, все это словно вылетело у них из головы. Соплеменники окружили Алару. Хотя для существа крылатого окружение не несло такой угрозы, как для того, кто привязан к земле, но все же это выглядело довольно пугающе. В слабом свете луны и звезд трудно было рассмотреть окрас — даже при помощи ночного зрения, — но с такого близкого расстояния Аларе не составляло проблем узнать любого из сородичей. Алара никогда еще так остро не ощущала свою молодость — ведь практически все, собравшиеся вокруг, формально были для нее Старшими. Драконица выпрямилась во весь рост, твердо решив не выказывать испуга.

— С чего тебе вдруг взбрело в голову тащить это домой?! — громко возмутился один из драконов. Кончик его хвоста нервно подергивался, рисуя полосы в пыли. — Мало того, что оно уродливее неоперившейся птицы — так оно еще гадит и шумит! За ним постоянно нужно убирать, и неизвестно, научится ли оно хоть когда-нибудь вести себя прилично! — хвост задергался сильнее. — Твое логово расположено совсем рядом с моим. Я не желаю, чтобы эта тварь орала посреди ночи и мешала мне спать!

— Не говоря уже о том, что от этой твари много лет не будет никакой пользы, — заявила другая драконица, презрительно вскинув голову. — Ей нужна будет особая пища, с ней будет полно возни — и ты будешь тратить на нее время, которое могла бы посвятить выполнению своих обязанностей. Мы и так уже достаточно долго пробыли без шамана.

— И не жди, что кто-нибудь из нас будет помогать тебе!

Этот голос Алара узнала. Йшанереналь отличался характером кислее зеленой мушмулы и был способен ворчать целыми днями напролет.

— Раз ты притащила эту штуку домой, ты за ней и присматривай! А если от нее начнутся неприятности, тебе придется самой с ними управляться или отнести эту штуку куда-нибудь подальше.

— Это не тварь и не штука! — возразила Алара, развернувшись к своим противникам и изо всех сил стараясь скрыть собственные сомнения. Драконица распахнула крылья и вздыбила гребень. — Это ребенок, и он мало чем отличается от наших детей!

— От твоих — может, и мало чем, дорогая, — сладеньким голосом промурлыкала юная Лориэлейна, свысока глядя на шамана — Алара была ниже ростом. — Но все прочие произошли из более благородного рода.

Прежде чем Алара успела ответить на это оскорбление, один из соседей Лори вмазал нахалке крылом по голове.

— Придержи язык, ты, ящерица ползучая! — рыкнул Хэмаэна. Лори вскинулась и яростно зашипела на него, но вторая оплеуха заставила ее присмиреть. — Или ты пытаешься доказать, что не достойна Права родства? Если шаман желает держать домашнее животное — пусть даже странное, — это еще не повод оскорблять ее род!

В голосе нежданного заступника каким-то странным образом сочетались высокомерие, цинизм и желание расположить шамана к себе. В некотором роде его замечание было не менее язвительным, чем неприкрытое хамство Лори. Алара еще не-

сколько мгновений стояла, ощетинившись, но гребень Хэмаэны был прижат к спине, а уши — нацелены вперед. Он не собирался оскорблять Алару — он просто полагал, что ни она, ни принесенный ею ребенок не заслуживают того, чтобы поднимать из-за них свару. И следующие его слова это подтвердили.

— В конце концов, она ведь беременна, а беременные женщины имеют право на маленькие капризы, — покровительственно сказал Хэмаэна.

Алара с трудом удержалась, чтобы не врезать ему. В конце концов, он все-таки был на ее стороне. На свой лад.

За спиной у Лори стоял Кеман, а рядом с ним высился Отец-Дракон, покровительственно положивший лапу на плечо подростку. Кеман был единственным ребенком среди присутствующих. Когда взрослые принялись обмениваться шпильками и едкими замечаниями, Кеман застыл, беспомощно переводя взгляд с одного дракона на другого, и во всей его напряженной фигурке читалось неприкрытое недоумение. На миг Алару кольнула жалость, и она едва подавила желание отослать сына в логово до того момента, пока скандал не закончится.

Нет, не стоит. Ребенку все равно придется рано или поздно узнать, что среди Народа существует множество разногласий. Пускай он лучше прямо сейчас узнает, насколько циничны и бездушны большинство старших драконов и насколько им безразличны беды любого существа, не принадлежащего к Народу.

«Они ничем не лучше эльфийских лордов! — в гневе подумала Алара. Каждая негодующая реплика окружающих лишь разжигала ее упрямство. — Их ничего не волнует! Они считают неполноценными все расы, кроме собственной!» Хотя драконы сами были изгнанниками, они нимало не сочувствовали существам, страдающим в рабстве, которого сами счастливо избегли. Они привыкли считать себя центром Вселенной и не собирались отказываться от своих взглядов.

За этим скандалом крылось нечто гораздо большее, чем вопрос о том, принимать или не принимать в дом странную зверушку. И все драконы прекрасно понимали это, хотя никто из них и не сказал об этом вслух. Алара разрушила покров тайны. Она принесла в Логово своего Рода существо, принадлежащее к другой расе. Это был ребенок, беспомощный младенец, не представляющий ни малейшей опасности для драконов, — и тем не менее он был чужаком. Алара нарушила неписаный закон. Шаманам позволялось множество вольностей — но это уже переходило всякие границы. Что следует соблюдать в первую очередь — букву закона или его дух? Большинство драконов сказали бы — «дух». Но при этом то же самое большинство отнюдь не горело желанием видеть в своей среде ребенка-полукровку.

Вот что крылось за каждой сказанной колкостью — беспокойство, вызванное тем, что Алара зашла слишком далеко. А значит, неважно, какими мотивами она руководствовалась, — надо заставить ее понять, что она не права. Эта самовлюбленная слепота сородичей вызвала у Алары сперва раздражение, а потом и гнев. И, конечно, к этому еще добавилось обыкновеннейшее упрямство.

Драконица чувствовала, что это уже становится делом принципа. Ребенок есть ребенок, а то, что у него две ноги и смешанная кровь, — не имеет никакого значения. Это ребенок разумного существа, и он полностью заслуживал, чтобы его кто-нибудь охранял и опекал — по той простой причине, что он не мог пока что сам позаботиться о себе.

Перебранка продолжала кипеть. Страсти накалялись. А Отец-Дракон безмолвно наблюдал за скандалом, время от времени сдерживая Кемана, когда становилось ясно, что юный дракон вот-вот кинется на защиту матери. Огромный силуэт шамана темнел на фоне звездного неба, словно грозовая туча, что обещает разразиться бурей, но пока что сдерживается каким-то неизъяснимым способом.

Постепенно Алара осознала, что Отец-Дракон помалкивает неспроста. Ей показалось, что шаман наблюдает за всеми ними, а внимательнее всего — за самой Аларой. Такое пристальное внимание с его стороны заставило Алару занервничать. У нее появилось ощущение, что Отец-Дракон неким образом испытывает ее.

Возможно, это и вправду было так. Отец-Дракон мог очень тщательно следить за ее действиями уже по той причине, что Алара была шаманом, а Отец-Дракон — главой всех шаманов.

Может, и так. А может, дело вовсе не в этом. Насколько было известно Аларе, Отец-Дракон всегда проявлял живейший интерес к жизни эльфов и их рабов-людей. Время от времени он возвышал голос, оправдывая вмешательство в дела людей. В прошлом он не раз настаивал, что нельзя ограничиваться лишь наблюдением, и заявлял, что устраивать эльфийским лордам мелкие гадости — вроде тех шуточек, что так любила выкидывать Алара, — недостаточно, и нужно идти дальше.

Это могло значить очень много...

А могло и не иметь никакого значения. Алара знала, что, как бы она ни была упряма и непредсказуема, ей в этом отношении было ох как далеко до Отца-Дракона. Возможно, ему просто нравилось смотреть, как она выпутывается из затруднительного положения. И уж во всяком случае, ему явно нравилась суматоха, поднявшаяся из-за выходки Алары. Драконы любили делать гадости не только дальним, но и ближним своим.

А Отец-Дракон был особенно известен своими выходками.

Алара отмахнулась от этой загадки. Если Отец-Дракон не собирается вмешиваться, все это не имеет особого значения. Она прекрасно может самостоятельно выиграть эту стычку.

— Я намерена оставить этого ребенка при себе! — дерзко заявила она, вскинув голову и распахнув крылья. Уши Алары были прижаты, а гребень стоял дыбом. — Это отличный товарищ по играм для Кемана. Кеману легче будет научиться подражать двуногим, будь то люди или эльфы, если у него перед глазами будет живой пример. Да вы только подумайте, сколько мы сможем узнать, наблюдая за ней с самого детства! Я столько узнала из сознания ее матери, что вы даже не поверите!

Этот довод поверг драконов в некоторое замешательство. Они принялись вертеть головами и топорщить либо прижимать гребни — в зависимости от своих мыслей.

— Это животное! — прошипел Оронэра, приподняв крылья. — Хочешь держать ее как домашнего зверька — пожалуйста! Но воспитывать ее вместе с нашими детьми?! Это возмутительно! Ты бы еще притащила больших обезьян и дельфинов!

Алара взмахнула крыльями и нехорошо прищурилась. В голосе драконицы зазвенели опасные нотки.

— А что, неплохая идея! — огрызнулась Алара, и ее когти прочертили глубокие борозды в утоптанной земле. — Может, хоть тогда некоторые домоседы, которые выбираются из Логова только затем, чтобы пожрать и погреться на солнышке, поймут разницу между животными и нашими братьями по разуму, и что эти братья гораздо интереснее многих здешних жителей!

— Братья? Кто — эти животные? — фыркнула Лори. Прежде, чем Алара успела остановить ее, молодая драконица протянула лапу и ухватила младенца за ножку. Ребенок заревел. Лори скорчила гримасу отвращения. — Шаман, ты, наверное, потеряла последние остатки ума, которые у тебя были. Это всего лишь животное, пригодное в пищу, и ты это отлично знаешь. Я слыхала, что из детенышей получается неплохой супчик...

Договорить Лори не успела. Взбешенная Алара окончательно утратила самообладание и ринулась в драку. Лори этого не ожидала — за Аларой даже в детстве не водилось такой привычки. Да в общем-то, никто не ожидал, что Алара способна на такое — даже при том, что она не раз уже доказала свою храбрость в Громовом Танце.

Алара взвилась на дыбы и бешено забила хвостом. Пространство вокруг нее мгновенно расчистилось — драконы метнулись в разные стороны, уворачиваясь от ударов хвоста. Алара же молниеносно выбросила вперед правую лапу и, прежде чем молодая драконица успела увернуться или отскочить, схватила ее за плечо. Когти Алары впились в мягкую кожу над суставом. Лори взвизгнула от боли и чуть не уронила младенца.

— Осторожно! — прорычала Алара сквозь стиснутые зубы. — Клади ее на землю — и осторожно! Клянусь Огнем и Дождем, за каждый ее синяк ты получишь два, даже если мне придется для этого спустить с тебя всю чешую!

Лори положила ребенка. Как только девочка коснулась твердой поверхности, ее плач тут же стих. Алара отпустила противницу. Лори прижала уши и гребень и шмыгнула куда-то назад. Еще несколько драконов попятились, присмирев не хуже Лори.

Алара встала над ребенком и обвела сородичей гневным взглядом.

— Я оставляю ее себе, — твердым, не допускающим возражений тоном заявила она. — Она будет расти вместе с Кеманом. Это — ребенок разумного существа, и она нуждается в заботе и защите. — Под взглядом Алары драконы потупились и опустили морды. — Она не представляет для нас никакой опасности. Она не сможет предать нас уже хотя бы потому, что никогда не встретит своих соплеменников, если только мы сами не решим познакомить ее с ними. Кстати, если мы об этом позаботимся, она станет скорее драконом, чем человеком. Я не нарушила закона, принеся ее сюда, и вы отлично это знаете!

Отец-Дракон, помалкивавший до этого момента, поднял голову.

— Ты оставишь ребенка при себе, Алара, и воспитаешь его, — сказал он. Низкий голос старого шамана напоминал отдаленные раскаты грома. — Этот ребенок — великий хаменлеаи. С ним и вокруг него будет твориться множество необычайных вещей.

От изумления глаза Алары сделались круглыми. Шаманам нечасто приходилось сталкиваться с хаменлеаи — силой, спо-

собной изменять мир и воплощенной в определенном существе или определенном действии. С Аларой такое произошло лишь однажды. Но Отец-Дракон назвал ребенка великим хаменлеаи! — а Отец-Дракон никогда не ошибался в таких вопросах. А значит, решение Алары много значило не только для ее собственного логова, но и для всего Народа.

Алара раскинула крылья во всю ширь, и глаза ее вспыхнули торжеством.

И в это самое мгновение по животу Алары пробежала судорога. Драконица ахнула и сложилась вдвое, почувствовав первое приближение родовых схваток.

Глава 5

Кеман изумленно наблюдал, как его мать защищает человеческого детеныша. Нет, почему она его защищает — понятно. Но почему остальные так остервенело противоречат ей? Почему они щурятся, топорщат гребни, бьют хвостами и выглядят так, словно готовы вот-вот ринуться в драку?

«Что происходит? — хотелось ему спросить у Отца-Дракона. — Ведь это всего лишь младенец, детеныш! Он же совершенно безвредный, он не может навредить никому из Народа! Почему они не хотят, чтобы мама оставила его себе?»

Но взрослые драконы временами бывали жестоки. Лори, например, постоянно грозила, что закусит кем-нибудь из ручных двурогов Кемана, когда ей будет лень лететь на охоту. Возможно, *именно из-за этого они сейчас и спорили.*

Но мама не сдавалась и не собиралась отступать без боя. Кеман уже готов был ринуться ей на помощь, но тут крыло Отца-Дракона заслонило обзор Кеману.

Потому Кеман все-таки остался на месте — хотя стоял он очень неспокойно. Но когда Лори попыталась съесть человеческого детеныша, Кеман чуть не набросился на нее сзади. Он готов был впиться в хвост Лори всеми своими когтями и зубами. Но тут маленькая и нежная мама Кемана каким-то неизъяснимым образом выросла втрое и быстро привела Лори в чувство. Алара схватила Лори за плечо в том самом месте, где чешуя была мелкой и почти не давала защиты, и сжала как следует, — так делают молодые драконы, выясняя в потасовках, кто из них самый крутой. Алара застала Лори врасплох и причинила ей

боль — а Лори никогда не умела терпеть боль. Она однажды устроила жуткую суету из-за какой-то паршивой занозы в лапе. Лори тут же пошла на попятный, а остальные последовали ее примеру.

Угроза явно миновала, и Кеман расслабился. Дела взрослых его больше не интересовали: все внимание подростка было приковано к человеческому детенышу.

Кеман посмотрел, как детеныш копошится в пыли, слабо двигая ручками и ножками, и решил, что он и вправду миленький. Интересно, а насколько он маленький? Мама сказала, что хочет, чтобы Кеман помог позаботиться о детеныше. Если он похож на двурогов, ему, наверное, нужно молоко, а мама не знает, как заставить двурогов принять чужого детеныша. А он, Кеман, знает!

Кеман принялся таскать домой разнообразную живность с того самого времени, как стал достаточно взрослым, чтобы самому покидать селение. Некоторые из его любимцев оказались довольно полезными: например, семейство пятнистых котов поселилось в логове Алары и полностью очистило его от грызунов. А многочисленные ящерицы взяли на себя истребление насекомых — котов такая мелочь не интересовала. Постепенно Кеман приобрел определенную известность. Некоторые драконы, возвращаясь с охоты, даже стали приносить Кеману всяких животных для его маленького зверинца. Например, Отец-Дракон однажды принес самку однорога, здоровенную, как лошадь. Это животное напоминало помесь двурога с большим степным трирогом, только его раздвоенные копыта больше напоминали когти. Однорожиха была беременна и разродилась тройней. У жеребят обнаружился столь же отвратительный характер, как и у их матушки, и пройти мимо них безнаказанно мог один лишь Кеман. Кеман использовал однорогов для охраны прочих своих найденышей. С однорогами даже Лори предпочитала не связываться. Насколько двуроги были ласковыми и нежными, настолько однороги были агрессивны и коварны.

Но такого маленького и слабого существа Кеману еще не приносили. Должно быть, это будет довольно интересно — заботиться о человеческом детеныше.

Пожалуй, тут ему помогут двуроги. Конечно, лучше бы было подложить ее в выводок луперов, но сейчас у них нет детенышей. Ничего, можно положить малышку к Попрыгунье, увечной двурожице, которая ходит на трех ногах. Та очень осторожна и никогда не наступит на детеныша.

И тут Алара приглушенно вскрикнула. Кеман обеспокоенно поднял голову и увидел, как его мать, скорчившись, лежит на земле.

Кеману приходилось несколько раз наблюдать за родами у своих подопечных, и потому он сразу понял, что происходит. Но прочие драконы тут же постарались скрыться. Несколько дракониц постарше выбрались из своих логов и засуетились вокруг Алары, поглядывая на Кемана и на Отца-Дракона, как на чужаков.

На человеческого детеныша, тихо лежащего на земле, никто внимания не обращал — будто его тут и не было вовсе. Посторонний наблюдатель нипочем не догадался бы, что всего несколько минут назад детеныш послужил причиной скандала.

Кеман осторожно подобрался к крохотному, хрупкому на вид существу. Ну, и что же ему с этим делать? Да, мама сказала, что хочет, чтобы Кеман помог ей заботиться о детеныше, но ведь на самом-то деле он принадлежал ей! Что лучше: забрать детеныша прямо сейчас или подождать, пока мама что-нибудь скажет?

Кеман застыл в нерешительности. Он знал, что роды могут затянуться до рассвета, а то и дольше. Но если он станет ждать, детеныш может умереть. Он и сейчас уже, наверное, голоден...

Словно отвечая на его невысказанный вопрос, детеныш слабо пискнул и повернул головку в сторону Кемана. Кеман осторожно поднес коготь ко рту детеныша — по сравнению с головой детеныша коготь казался просто огромным. Детеныш зачмокал, потом расплакался.

Нет, если о нем не позаботиться, он точно умрет, — решил Кеман и повернулся к Отцу-Дракону в поисках помощи.

— Кеман, если ты знаешь, что нужно делать, так действуй же, — проворчал Отец-Дракон. — Особенно, если ты точно это знаешь.

Кеман снова заколебался. А вдруг Лори обнаружит, что он забрал детеныша? Она удрала от Алары, но на него, Кемана, она и внимания не обратит. А если она захочет съесть детеныша, Кеману с ней не справиться.

Но если до тех пор, пока Аларе не станет лучше, никто не узнает, что детеныша унес Кеман, и если поставить однорогов в один загон с Попрыгуньей...

Да, так он и сделает. Даже Лори не захочется идти мимо однорогов.

Единожды приняв решение, Кеман больше не колебался. Конечно, он не может пока что превратиться в двуногого и взять детеныша на руки, но что ему мешает унести детеныша в передних лапах?

Только как бы не поранить малышку — а то ведь он понятия не имеет, как ее лечить. А если вдруг он причинит малышке какой-то вред, она останется без помощи, пока Алара не поправится достаточно, чтобы позаботиться о ней.

Ну что ж, значит, просто нужно быть поосторожнее. Ему ведь уже приходилось носить маленьких детенышей.

Кеман накрыл детеныша лапой и принялся медленно и осторожно сводить когти, стараясь не прикасаться к малышке. Когда когти сомкнулись — между когтями оставалось столько места, что человек мог бы просунуть руку, — Кеман медленно поднял лапу.

Детеныш преспокойно устроился в корзинке из когтей. Малышка не получила ни царапины.

Кеман облегченно вздохнул и направился к своему логову, ковыляя на трех лапах. Раз он оглянулся — посмотреть, не идет ли за ним Отец-Дракон. Но шаман молча исчез, пока Кеман пытался подобрать детеныша. А прочие хлопотали сейчас вокруг Алары.

Ну что ж, прекрасно. Теперь Кеман точно знал, что ему делать, и он полагал, что прекрасно сумеет позаботиться о детеныше без помощи взрослых.

Зверинец располагался в пещере, неподалеку от одного из многочисленных выходов. Рядом с этим выходом как раз находилось неплохое пастбище для крупных травоядных животных. К тому времени, когда Кеман пробрался через жилую часть пещеры к боковому туннелю, он успел здорово устать. Ему и в голову не приходило, что ходить на трех лапах настолько трудно. Кеман никогда прежде не замечал, что по дороге к зверинцу столько неровных мест, через которые нужно перебраться, и столько выступов, которые нужно обогнуть. Скакать здесь со всех четырех ног — одно дело, а нести что-то такое, что нипочем нельзя ронять, — совсем другое. Правую переднюю лапу уже начала сводить судорога.

Ну когда же он наконец вырастет и сможет менять облик или пользоваться драконьей магией?! Его мать способна была при желании плавить камни. Если бы он уже мог работать с магией, то сейчас расчистил бы себе нормальную дорогу.

Наконец уставший до изнеможения дракончик доковылял до выгона. Кроткие и неспособные защищить себя двуроги паслись рядом со входом в пещеру. Кеман соорудил вокруг выгона каменную ограду и даже небольшое каменное укрытие для двурогов. Сейчас он был жутко рад, когда наконец-то положил детеныша на солому рядом с Попрыгуньей. Попрыгунья лежала на боку и кормила своего теленка. Она выделялась кротостью даже на фоне своих сородичей, и Кеман не раз уже отдавал ей на воспитание осиротевших детенышей.

Кеман с облегчением расслабил правую лапу. На мгновение ему показалось, что судорога уже никогда не отступит — но ничего, обошлось. Кеман взглянул на детеныша. Кажется, с ним все было в порядке. Малышка лежала на соломе, а Попрыгунья не обращала на нее ни малейшего внимания.

Отлично. Этого он и ожидал. Кеман встал и двинулся ко входу. Там в маленьком боковом ответвлении хранилось всякое имущество, необходимое для ухода за животными. Прежде всего ему понадобится мятное масло и тряпка. Сейчас он намажет всю троицу мятой, и Попрыгунья перестанет понимать, который из двоих детенышей — ее. Если повезет, она выкормит обоих.

Прежде этот способ действовал. Кеман полагал, что он должен сработать и сейчас, несмотря на то, что этот детеныш был куда беспомощнее всех тех зверьков, которых Кеман до этого подкладывал Попрыгунье, и что он не имел ни малейшего сходства с двурогами.

Детеныш испустил крик. На этот раз было совершенно ясно, что кричит он от голода. Неожиданно Кемана охватило беспокойство: что станет делать Попрыгунья? Ведь ее теленок блеет совсем иначе.

Попрыгунья удивленно уставилась на детеныша, поставив уши торчком. Кеман придвинулся ближе. Он готов был в любое мгновение всунуть лапу между детенышем и Попрыгуньей, если двурожиха вдруг начнет выказывать признаки враждебности.

Но вместо этого Попрыгунья потянулась и с любопытством обнюхала детеныша — а потом, прежде, чем Кеман успел шелохнуться, носом же перекатила детеныша поближе к себе. Младенец тем временем продолжал орать, требуя еды. Кеман встревожился: вдруг такое перекатывание повредит детенышу? Дракончик одним движением оказался рядом с Попрыгуньей.

И обнаружил, что детеныш уже пристроился к соску рядом с теленком Попрыгуньи. Со стороны казалось, что они все совершенно точно знают, что именно им следует делать.

Приложив некоторые усилия, Кеман при помощи сладких корешков заманил однорогов на выгон Попрыгуньи. При этом он не забывал держаться подальше от их острых раздвоенных копыт. Однороги терпели его, как терпели членов своего маленького стада. Они не испытывали привязанности к Кеману и не позволяли ему никаких вольностей. Однороги некоторое время со сдержанным презрением рассматривали Попрыгунью и ее выводок, потом устроились поблизости.

На Кемана они не обращали никакого внимания, но подросток к этому привык. Он устало потащился обратно в логово, надеясь, что мать уже вернулась туда, но обнаружил, что пещера пуста, как и прежде.

Их логово было не слишком велико. На самом деле это было всего лишь звено в цепи известняковых пещер, протянувшихся с этой стороны долины. Теперь эти пещеры уже не были соединены между собой. Каждый дракон, желающий заполучить подземное жилище, просто заявлял права на некоторое количество пещер, прокапывал отдельный вход, после чего отгораживал свой участок от остальной системы.

Сочащаяся из стен вода за многие столетия заполнила пещеры разнообразнейшими выступами и наростами. Некоторые из них Алара убрала. Другие оставила — просто потому, что ей нравилось на них смотреть. Отполированные бесчисленными каплями воды сталактиты и сталагмиты мягко поблескивали в полумраке пещеры. В главной пещере потолок был настолько высок, что при желании Алара вполне могла бы взлететь. Хозяйка пещеры разровняла пол в этом помещении и убрала большую часть известняковых образований. Впрочем, кое-что она оставила. Самый впечатляющий экземпляр стоял в центре, под наиболее высоким местом свода пещеры. Это был огромный сталактит. Он все еще продолжал расти, и ему не хватало лишь нескольких сантиметров, чтобы сомкнуться с таким же огромным сталагмитом, свисающим с потолка. Нижняя часть этой пары до странности напоминала стилизованное изображение горы, поросшей лесом, и Кеман с матерью очень любили рассматривать ее. Сталактит со всех сторон окружало озерцо глубиной с длину Кемана, и такое чистое, что в нем видно было дно.

Стеклянные шары, сделанные его матерью и заполненные магическим огнем, заливали холодным светом те части логова, которые Алара желала видеть. «Лесистая гора» и озерцо всегда светились мягким синим сиянием, а обе спальни — и Кемана, и матери, — приглушенно-зеленым. В настоящий же момент, поскольку Алары уже месяц не было дома, остальная часть логова была темной и не очень уютной. Иногда тишину нарушал звук капающей воды или быстрый топоток ящериц, разведенных в свое время Кеманом. Все прочее время в пещере было тихо.

Кеман забрался в свою спальню — пещерку в форме яйца, с мягким песчаным дном и очень скромным запасом драгоценных камней, принадлежащих лично Кеману, — и попытался уснуть. Но из этой попытки ничего не вышло. Он просыпался от малейшего шума и каждый раз после этого подолгу лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к шорохам, что доносились из темноты.

В конце концов Кеман сдался. Ну не может он больше здесь лежать! Лучше уж пойти и чем-нибудь заняться.

Рысцой добравшись до зверинца, Кеман увидел, что солнце только что взошло. Кеман со вздохом подумал, что ему так или иначе все равно нужно кормить своих подопечных. А раз так, почему бы ему не заняться этим прямо сейчас?

Большинство травоядных можно было просто выгнать на огороженное пастбище, но Попрыгунью и однорогов придется кормить в загоне, если он хочет, чтобы человеческий детеныш пребывал в безопасности. А это означало, что ему придется трудолюбиво рвать траву, складывать ее на выделанную шкуру, а потом тащить эту кучу в загон. И так раз за разом. Как давно уже узнал, к собственной печали, Кеман, травоядные уделяли еде очень большое внимание. К тому времени, как подросток справился с этой работой, солнце уже стояло довольно высоко, а сам Кеман жутко хотел есть и пить.

Правда, в зверинце содержались еще и хищники, но с ними особых проблем не было. Сейчас Кеман отправится добывать себе завтрак, а на обратном пути прихватит что-нибудь и для них. Иногда Кеман пикировал на какого-нибудь упитанного двурога, и ему приходило в голову, что это самое животное вполне могло бы быть одним из его любимцев, — тогда дракону приходилось напрягать все силы, чтобы убить добычу. Впрочем, потом стадо пускалось наутек, просыпались инстинкты, и прежде, чем Кеман успевал сообразить, что к чему, он уже жевал нежное вкусное мясо.

Некоторым инстинктам ужасно трудно сопротивляться. Одного лишь взгляда на разбегающееся стадо хватало, чтобы Кеман начинал бить хвостом и готов был ринуться на все, что движется.

А в настоящий момент он был настолько голоден, что даже ласковая Попрыгунья начинала казаться ему едой.

«Лучше я отправлюсь на охоту». Кеман взобрался на верхушку скалы, расправил крылья и взлетел — довольно неуклюже, надо признать. Он был уже достаточно взрослым, чтобы летать, но пока что не отличался особой искусностью в этом деле. Особенно в том, что касалось взлета и посадки. Кеман всегда старался проделывать это наедине — чтобы некому было смеяться, если он вдруг расквасит себе нос.

По мере того, как Кеман работал крыльями, набирая высоту, он чувствовал себя все более голодным. Он решил сегодня поохотиться на табун диких лошадей — есть двурогов ему сейчас как-то не хотелось. На выходе из ущелья Кеман поймал восходящий воздушный поток и принялся осматривать узкие долины, лежащие вокруг Логова. Большинство взрослых не охотились так близко от дома, а Кеману временами удавалось отыскать здесь очень даже неплохую добычу. Несмотря на близкое соседство огромных, вечно голодных драконов, окрестные пастбища всегда притягивали к себе небольшие табунчики травоядных.

На этот раз Кеману повезло: в одном тупиковом ущелье с небольшим источником в дальнем его конце он застал врасплох табун крепких серовато-коричневых кобыл. Кеман приглядел себе одну, которая была без жеребенка, собрался с силами и спикировал.

Кобыла была так перепугана, что даже не пыталась бежать. Кеман ударил ее с налета всем своим весом и всадил когти ей в круп. Он почувствовал, как хрустнули спина и шея кобылы, — и животное свалилось на землю, даже не успев оказать сопротивление.

Чистая работа. Кеман был чрезвычайно горд собой. Кроме того, лошадь была значительно крупнее тех животных, что обычно служили ему добычей.

К тому времени, как опомнившиеся лошади бросились наутек, Кеман уже пировал в свое удовольствие. Он никогда не рассматривал диких лошадей как возможную составляющую своего зверинца: слишком уж они были глупыми, нервными и упрямыми, чтобы с ними возиться. Отец-Дракон как-то рас-

сказывал, что это эльфы сумели каким-то образом скрестить трирогов с лошадьми, и так появились однороги. Если это правда, то однороги умудрились вобрать наихудшие черты обеих пород. Однороги были упрямы, как лошади, агрессивны, как трироги, а коварством превосходили их обоих. У Кемана не раз появлялось ощущение, что однорогам нравится убивать. Ну эльфы и нашли, что выводить!

Кеман решил, что теперь он будет питаться исключительно лошадьми и трирогами. Большинство других драконов не интересовались лошадьми, — ну что ж, ему больше достанется. Подумаешь — мясо жестковато! Зато совесть мучить не будет, и ему не придется каждый раз после охоты прятать глаза от укоризненного взгляда Попрыгуньи. Может, конечно, виной тому было излишнее воображение Кемана, но ему всегда казалось, что Попрыгунья знает, когда он ел двурогов.

Кобыла была слишком большой, чтобы Кеман мог управиться с ней в один присест. А того, что осталось, за глаза хватило бы, чтобы накормить всех его хищников. Но с таким грузом Кеман не мог взлететь с ровного места — сперва нужно было найти какую-нибудь возвышенность.

Кеман недовольно заворчал. Ну вот, новая возня! Какая жалость, что его подопечные не могут сами добывать себе пищу!

Цепляясь за камни и волоча за собой тушу, Кеман взобрался на край каньона. К тому времени, как он добрался до верха, мясо было неплохо отбито, а сам Кеман еле дышал.

Ну и ладно. Луперам без разницы, как выглядит мясо.

Кеман некоторое время отдыхал и восстанавливал силы. Он раскинул крылья, чтобы вбирать солнечное тепло всей их поверхностью. Погревшись, Кеман ухватил тушу и поднялся в воздух.

Хорошо, что Логово было недалеко! За последние сутки Кеман так мало спал и так много работал, что теперь готов был рухнуть на землю от изнеможения.

Заходя на посадку, Кеман уныло подумал, что ему еще надо успеть накормить свое зверье, прежде чем он свалится с ног.

Невзирая на старания Кемана, посадка получилась неудачной. В последнее мгновение подросток плохо рассчитал высоту и слишком тяжело ударился о землю. Потом он споткнулся о свою же добычу и врезался мордой в утоптанную глиняную площадку. Над местом неудачного приземления поднялась туча пыли.

Кеман поднялся и невольно поморщился. Ну вот, опять на подбородке синяк будет!

Интересно, научится ли он хоть когда-нибудь приземляться так же изящно, как мама? Пока что не похоже...

Вспомнив про добычу, Кеман разорвал тушу на части и поделил ее между плотоядными животными из своего зверинца. В число их входили ящерицы, луперы и пятнистые коты. Из них только луперы содержались как пленники. Когда Кеман позвал их, луперы подошли к самой ограде. Их острые уши стояли торчком, из зубастых пастей свисали языки, а хвосты ходили ходуном. Они получили от Кемана лошадиную лопатку и утащили добычу в нишу, служившую им логовом. Луперы прыгали плохо, зато бегали они, как серые молнии, и удержать их можно было лишь при помощи прочной каменной ограды. Один из луперов был слеп; второму, как и Попрыгунье, недоставало ноги; остальные два были слишком стары, чтобы самостоятельно добывать себе пищу. В целом же это были безвредные и довольно дружелюбные поедатели падали. Они склонны были рассматривать Кемана как вожака их небольшой стаи.

Пятнистые коты куда-то делись, но Кеман знал, что их порцию можно просто оставить у входа в пещеру — они потом сами подберут. Они всегда так делали. Остаток мяса Кеман порвал на мелкие кусочки и бросил в загончик к ящерицам. Они тоже ели, когда у них появлялось настроение. А тем ящерицам, которые обосновались в логове, вообще хватало насекомых.

Кеман добрел до маленького ручья, протекающего по ущелью, и тщательно вымылся. Он не хотел приближаться к однорогам и Попрыгунье, пока не смоет с себя запах крови. Кеман не знал, что может сделать Попрыгунья, зачуяв кровь, зато прекрасно знал, что сделают однороги: тут же пойдут на него в атаку, причем с самыми дурными намерениями. Запах крови действовал на них мгновенно и совершенно однозначно. А однороги превосходно умели пользоваться своими длинными витыми рогами. Казалось, что они прямо рождаются с этим умением: даже жеребята, посчитав кого-то врагом, вполне могли наброситься на него, и их маленькие рожки без промаха находили цель.

Отец-Дракон говорил, что эльфы вывели однорогов в военных целях. Но оказалось, что однороги практически не поддаются дрессировке и совершенно не желают ходить под седлом. Тогда эльфы разочаровались в своей затее и отпустили однорогов. Многие из них оказались настолько воинственными, что

нападали на кого угодно — вплоть до такого неподходящего противника, как драконы. В результате эта порода оказалась на грани вымирания. На самом деле эльфы именовали этих зверей немного иначе: единороги. Но Кеман называл их так, как было принято у Народа.

Пробираясь к загону, Кеман подумал, что ему уже надоело возиться с однорогами. Неприятностей от них было куда больше, чем пользы. Правда, сторожа из них получались отличные, ничего не скажешь. И двурогов они не трогали. Возможно, они считали, что убивать двурогов слишком уж легко.

На этот раз однороги отнеслись к Кеману достаточно благосклонно — возможно, потому, что он их уже покормил. Они ограничились предостерегающими взглядами и отошли, настороженно оглядывая прилегающую к изгороди территорию. Двурогие выставляли часовых, а однороги стояли на страже всегда.

«А все-таки жалко, что однороги такие зловредные!» — с легкой грустью подумал Кеман, глядя, как силуэты однорогов вырисовываются на фоне красных скал ущелья. Они ведь и вправду очень красивые...

Прямой витой рог — кажется, будто он сделан из перламутра, — у основания может сравниться толщиной с когтем Кемана, а к концу становится острым, как игла. Основание рога располагается точно посредине между ушами животного. Уже по глазам можно догадаться, что это животное, мягко говоря, не совсем в своем уме. Странные, огромные глаза огненного оранжевого цвета, а зрачки постоянно расширены, как будто животное непрерывно находится в состоянии сильного возбуждения. Очень изящная голова, формой напоминающая лошадиную, но глаза расположены таким образом, что даже Кеману ясно: в этой голове много мозгов не поместится. Длинная лебединая шея переходит в мощные плечи. Передние ноги оканчиваются чем-то средним между копытами и когтями. Круп мощью не уступает плечам, а задние копыта уже больше походят именно на копыта. Длинная струящаяся грива, пышный хвост, небольшая бородка и щетки волос над копытами. И чистейшей белизны шерсть — как только что выпавший снег.

Отец-Дракон говорил, что бывают и черные однороги, но Кеман пока что не видел ни одного. Однороги, как и любое другое творение эльфийских лордов, создавались прежде всего с учетом внешнего вида, и лишь во вторую очередь — из практических соображений. Очевидно, эльфы считали, что черный

и белый цвета эффектнее естественной раскраски двурогов и трирогов.

По крайней мере, черная и белая масть однорогов позволяет более безвредным животным своевременно заметить их приближение.

Ну, а последний штрих, завершающий облик этого противоречивого животного, можно было заметить, когда кто-нибудь из них открывал рот, — вон, например, сейчас один скучающе зевнул. За изящными губами скрывались изрядные клыки. Однороги были всеядными, но Отец-Дракон предупредил Кемана, что не стоит кормить их мясом — тогда они могут начать охотиться друг на друга.

Поэтому Кеман держал их на строгой вегетарианской диете.

Зато из них получаются отличные сторожа. Мимо однорогов никто не проскользнет — можно не сомневаться.

Кеману потребовалось больше года, чтобы научиться управляться с однорогами. Он очень медленно и плавно двинулся в сторону загончика Попрыгуньи, стараясь не смотреть на однорогов в упор и не поворачиваться к ним боком. Взгляд в упор они воспринимали как объявление войны и в результате могли напасть. А подставленный бок мог оказаться слишком большим искушением для них, и в результате они тоже пошли бы в атаку.

На этот раз Кеман умудрился пересечь выгон без особых проблем.

В загончике он обнаружил Попрыгунью, полностью довольную жизнью, и обоих ее «отпрысков». Очевидно, двурожица уже поняла, насколько человеческий детеныш беспомощен, и расположилась так, чтобы оказаться между ним и своим собственным, весьма энергичным теленком. А малышка уютно устроилась в соломенной колыбели. Поскольку у Попрыгуньи была только одна задняя нога, ей приходилось кормить своего теленка лежа. Что касается человеческого детеныша, Попрыгунья обходилась с ним так же, как ночью, — подталкивала носом и укладывала в такое положение, чтобы он тоже мог сосать.

Кеман был вне себя от радости. Конечно, он знал, что двурогие настолько же сообразительны, насколько однороги глупы, но он не был уверен, сможет ли Попрыгунья приспособить свое поведение к нуждам этой странной сиротки.

Малышка ела, а Кеман, согнувшись в три погибели, наблюдал, как Попрыгунья тем временем энергично вылизывает приемыша. Ну что ж, еще одну проблему можно считать ре-

шенной — по крайней мере, до тех пор, пока мать не сможет этим заняться. Кеман понимал, что нужно обеспечить ребенку определенные гигиенические условия, но крайне смутно представлял, как можно этого добиться. Кажется, на данный момент наилучший выход предложила Попрыгунья.

Значит, остался лишь один нерешенный вопрос.

— Тебе нужно имя, — сказал Кеман малышке, не обращавшей на него ни малейшего внимания. — Не могу же я называть тебя «детеныш»! Это как-то неправильно. Даже у однорогов есть имена. Правда, они все равно не откликаются, но все-таки имена у них есть.

И Кеман погрузился в размышления. Он обдумал и отверг не менее дюжины имен. Драконьи имена казались какими-то неподходящими, но прозвища, которые Кеман давал своим подопечным, вообще не годились для этого случая. Он немного говорил по-эльфийски, но почти не знал эльфийских имен. И все-таки ему казалось, что имя для малышки уместнее искать в эльфийском языке, а не в языке Народа.

В конце концов Кеман решил назвать девочку, исходя из ситуации, — «сирота». По-эльфийски это звучало довольно мило, и даже почти по-драконьи.

— Тебя зовут Лашана, — серьезно сообщил он малышке. — А поскольку ты еще маленькая, можно пока сократить имя до Шаны. Тебе нравится?

Насытившаяся малышка взмахнула ручонками и что-то залопотала. Кеман счел это добрым знаком и решил, что теперь имеет право вздремнуть. Он сделал для малышки все, что было в его силах.

Кеман лежал, примостив голову на скрещенные лапы, и смотрел на свою новую питомицу, — как она машет ручками и что-то агукает, обращаясь к своей лохматой приемной матери. Дракон вздохнул. Как он ни старался, как ни укладывал Шану в соломенную колыбельку, — она все равно выползала на солнышко. Попрыгунья подбиралась поближе и кормила своего приемыша, но не мешала девочке принимать солнечные ванны. Кеман не знал, насколько безопасно для Шаны так долго находиться на солнце. Во всяком случае, ее бледной коже загар на пользу не пойдет. Кеману приходилось видеть животных-альбиносов, обожженных солнцем до волдырей, — а ведь их еще защищал мех!

Одна проблема влекла за собой другую. Мало того, что Шана слишком много находилась на солнце, так она еще и царапалась об солому. Попрыгунья без особых затруднений содержала малышку в чистоте, но крохотное тельце Шаны было просто-таки усеяно тонкими розовыми царапинами.

Нет, с этим определенно что-то нужно делать. Кеман пытался сообразить, из чего бы соорудить наряд для малышки: он знал, что такое одежда — видел на взрослых, когда они принимали человеческий или эльфийский облик. Его нужно делать из чего-то достаточно прочного — чтобы защитить девочку, достаточно мягкого — чтобы не повредить ей, и непромокаемого — потому что стирать его Кеман не сможет.

И еще этот материал должен не причинять вреда Попрыгунье, не пугать ее и не мешать ей ухаживать за малышкой.

Кеман с головой ушел в размышления. Его хвост мерно подергивался. Он достаточно часто копался в семейных кладовках и знал, что там лежит. Среди прочего драконы частенько приносили всякие вещички, сделанные из ткани. В логове было полно одежды, которую носила и потом позабросила Алара. Но все эти вещи не отвечали поставленным условиям. Добрая их половина наверняка вскорости оказалась бы в желудке у Попрыгуньи. Двуроги отличались весьма широкими вкусами. Кеман часто лишь изумлялся, глядя, что считает съедобным Попрыгунья.

Кеман обдумал несколько вариантов, но в конце концов отверг все. Как он ни старался, ему не вспоминалось ничего подходящего. Соорудить-то что-нибудь он сможет — сейчас Кеман куда лучше управлялся со всякими мелкими и хрупкими предметами, чем до появления Шаны. За последние несколько дней Кеман выяснил, что если он сосредоточится изо всех сил, то может изменить форму своей лапы и превратить ее в некое подобие руки.

В логове непременно должно что-нибудь найтись. Мать тащит туда что ни попадя, как мышь-скопидомка. Размышляя над этим вопросом, Кеман меланхолично почесывал ногу: шкура вокруг суставов пересохла и беспокоила его с того самого момента, как он добрался до загона.

Зуд сделался мучительным, и Кеман зачесался с удвоенной силой.

В конце концов шкура лопнула под когтями. Кеман сорвал омертвевшие участки, со вздохом облегчения посмотрел на новую, пока еще нежную кожу, и осторожно почесал ее кончиком

когтя. Новой чешуе требовалось некоторое время на то, чтобы затвердеть и сделаться такой же прочной, как старая. А до того момента ее было нетрудно повредить.

Этот инцидент свидетельствовал, что у Кемана началась линька. А на время линьки Кеман терял способность нормально думать — он только чесался и чесался без конца...

Кеман уставился на зажатый в лапе кусок синей шкуры, отливающей металлическим блеском. В голове у него начала оформляться некая смутная мысль. Постепенно до Кемана дошло, что он держит сейчас в лапе ответ на тот вопрос, что мучил его все утро.

Шкура. Сброшенная шкура. Она гибкая, мягкая и достаточно прочная — даже когтями ее так просто не порвешь. Она отвечает всем условиям. Попрыгунья не станет ее есть, но и пугаться тоже не станет. Однорогам она бы не понравилась, но теперь, когда Алара вернулась домой, однороги вновь переместились в свой загон. Кеман больше не нуждался в их охране: местонахождение Шаны больше не было тайной, но никто, кажется, не склонен был возражать против ее присутствия либо угрожать ей или Кеману, — видимо, уважая право собственности Алары и неожиданный интерес, проявленный Отцом-Драконом по отношению к малявке.

Шкура, только что слезшая с ноги Кемана, не годилась — куски были слишком маленькими, и больших не появится еще примерно с неделю. Но это неважно: запасливость Алары распространялась даже на такие бесполезные вещи, как слезшая шкура.

Кеман поднялся на ноги, перепрыгнул через ограду и поспешил в пещеру, надеясь, что Алара оставила освещение в кладовках — они располагались в дальней части логова. Чего сейчас ему хотелось менее всего, так это потревожить и без того беспокойный сон матери. Новый ребенок оказался настоящей чумой (по крайней мере, так про себя думал Кеман). Он постоянно требовал есть, а когда наедался, тут же принимался капризничать.

Кеман был неколебимо уверен, что уж он-то никогда не причинял Аларе и половины тех трудностей, что теперь причиняла его новорожденная сестра. Более того, он прекрасно сумел позаботиться о себе и о логове, пока Алара отсутствовала. А теперь он сумел обеспечить надлежащим уходом человеческого детеныша, которого мать принесла домой, — без чьей бы то ни было помощи, вот!

Оказалось, что кладовки и вправду освещены. Выбравшись из-под яркого сияния «горного камня», Кеман увидел в отдалении тусклый желтый свет шара-указателя, едва различимого на фоне темной горной породы. Впрочем, для кладовок яркий свет и не был нужен. Здесь обычно хранились разнообразные бесполезные предметы, которые драконы приносили с собой, возвращаясь из своих набегов на мир, лежащий по ту сторону пустыни. Например, Алара собрала коллекцию тканей. В драконьем облике она пользоваться этим не могла — ее чешуя порвала бы любую ткань на ленточки. Но они были красивыми, и Аларе нравилось иногда менять облик и забавляться с ними или даже спать на груде дорогих тканей.

Кроме того, Алара, в отличие от остальных драконов, имела привычку хранить еще и слезшие шкуры — свои и Кемана. Из прочной шкуры получались неплохие сумки — ничего крупнее из этих кусков не вышло бы, если не сшивать их вместе. А Аларе нужно было много сумок, чтобы хранить всякие загадочные штучки — ее шаманские принадлежности. И Алара всегда говорила Кеману, что ничто не подходит для этих целей лучше, чем ее собственная шкура.

Достигнув полной зрелости, драконы меняли свои яркие, разноцветные шкуры раз в пять-шесть лет. А пока они еще росли, это происходило каждые два месяца. Даже у совсем маленьких драконят чешуя была толстой и прочной. По мере роста дракона под старой шкурой образовывалась новая. Это было одной из причин, по которым драконы нуждались в солях металлов: нарастающая новая чешуя вбирала металлы в себя и становилась благодаря этому значительно толще, чем чешуя змей или ящериц, и намного прочнее. И все же при этом она оставалась достаточно легкой. Кстати, благодаря металлам шкура оставалась яркой и блестящей даже после того, как слезала с хозяина. Кеман считал, что их чешуя очень красивая, не хуже многих тканей из коллекции Алары, и иногда любил лениво поваляться после обеда и порассматривать лоскутки прежних шкур.

Пожалуй, его собственная шкура, оставшаяся от последней линьки, достаточно мягкая, чтобы подойти Шане, подумал Кеман, на ощупь пробираясь по коридору и от души надеясь, что мама не оставила на дороге чего-нибудь такого, обо что можно споткнуться. Шана должна была уже привыкнуть к ее цвету и запаху. И Попрыгунья тоже.

Глаза дракона довольно быстро приспособились к тусклому свету, и к тому моменту, как Кеман добрался до шара-указателя, он уже вполне прилично видел, что находится вокруг. Кеман миновал несколько пещер, заполненных всякой всячиной. В одной из пещер прямо на полу валялась беспорядочная груда тканей, безумно ярких даже в этом тусклом свете. За ней располагалась ниша, заполненная эльфийскими книгами. В следующей хранились всякие мелкие предметы меблировки: сваленные вперемешку сундуки, масляные лампы, диванные подушки и прочее — результат налета на караван, заблудившийся в пустыне и там исчезнувший. В следующей пещере царил настолько же строгий порядок, насколько захламленными были все предыдущие: здесь Алара хранила травы, кости, раковины и прочее сырье для своей шаманской деятельности. Еще в одном отделении находились сушеные и консервированные продукты, на случай голода. Здесь тоже был полный порядок. Кемана же интересовала самая дальняя пещерка. Добравшись туда, Кеман изумился, обнаружив, как много там накопилось его собственной чешуи — синевато-зеленой с золотистым отливом.

Кеман покопался в груде шкур — как он и надеялся, они были весьма мягкими. Трудность заключалась лишь в том, чтобы найти куски, которых хватило бы на одежку для Шаны. Даже при крохотных размерах девочки это было нелегко. Когда шкура готова слезть, она начинает жутко зудеть. А стоит почесаться — она лопается и слезает узкими полосками. Большинство драконов от души расчесывают зудящую кожу, а потом несколько дней ходят и сдирают с себя эти полоски.

Сейчас, когда Кеману нужна была пара больших кусков, ему попадались исключительно полосы шириной не больше двух его когтей. Нужно будет впредь чесаться осторожнее, когда шкура начнет слезать... Ох, чешется-то как!..

В конце концов Кеман все-таки отыскал пару подходящих кусков. Если сшить их вместе, получится миниатюрная туника. По крайней мере, она защитит тельце Шаны от царапин и солнечного ожога. Ну, а руки и ноги пускай закаляются.

Кеман связал отобранные лоскуты в узел, подцепил узел кончиком хвоста — обычно он так и носил предметы, которые не боялся ронять, — и отправился обратно в зверинец.

Когда Кеман вышел из пещеры, солнце обрушилось на него. Дракону даже пришлось замереть на несколько мгновений, ожидая, пока к нему не вернется зрение. Кеман нахмурился. А вдруг, пока он был занят, Попрыгунья решила, что можно

принять еще одну солнечную ванну? Шана ведь может получить серьезный ожог!

Дракон рысью понесся к загону. Добравшись до каменной ограды и посмотрев через нее, Кеман вздохнул с облегчением: двурожиха пристроилась у дальней стены загона и дремала в тенечке.

Кеман положил свою ношу рядом с крохотной девочкой. Малышка даже не шелохнулась — так крепко она спала. Попрыгунья лениво приподняла голову, повела ушами, потом снова закрыла глаза и погрузилась в сон. Интересно, что может сниться двурогам?

Кеман шлепнулся на солому и уставился на свою переднюю лапу. Подросток изо всех сил пытался ощутить силу, которую следовало зачерпнуть, — так учила его мать. Он так старался, что у него даже заболела голова. Кеман пристально смотрел на лапу и желал, чтобы она изменила форму. Спина жутко чесалась, сухой воздух жег глаза, все вокруг становилось расплывчатым...

Ой, нет, это не глаза! Это лапа медленно принялась изменяться, и боль в глазах тут же...

Кеман подавил взрыв радости и постарался удержать состояние сосредоточенности. Постепенно когти втянулись в пальцы, а пальцы так же постепенно сделались короче и толще. В конце концов вместо передних лап у Кемана оказалась пара рук. Они так и остались сине-зелеными и по-прежнему были покрыты чешуей, но зато теперь можно было заняться шитьем и не опасаться, что он располосует все лоскуты своими острыми когтями.

«А теперь скорее, пока я не превратился обратно!..»

Кеман проделал дырки в больших лоскутах и принялся сшивать их по бокам и на плечах узкими полосками шкуры. В результате у него получилась примитивная туника, которую можно было надевать через голову. Кеман тщательно закрепил полоски. Пожалуй, красивой эту одежку не назовешь, но свое назначение она выполнит.

Руки Кемана постепенно начали претерпевать обратную метаморфозу. Кеман решил, что нужно спешить, пока не полезли когти, подхватил Шану — та пока что плохо держала головку, — и натянул на нее тунику.

Едва он успел положить малышку рядом с Попрыгуньей, как когти вернулись на свое законное место. Двурожиха с любопытством обнюхала новую «кожу» Шаны, обнаружила, что за-

пах ей знаком, и утратила всякий интерес к тунике. Кеман уселся на задние лапы и решил, что вполне может гордиться трудами рук своих.

Неуклюжая туника закрывала ребенка от шеи до колен, но начиная от талии по бокам шли разрезы. Так что Попрыгунья вполне сможет содержать девочку в чистоте. Сама Шана, кажется, вполне одобрила новый наряд. Прежде в ее смутных младенческих мыслях скользили нотки недовольства колючей соломой. Теперь неудобство исчезло, и Шана была полностью довольна.

Кеман тоже.

Кеман выбрался из загона, растянулся на земле и раскинул крылья — ему тоже нужны были солнечные ванны. Он прислушивался к тихому журчанию мыслей Шаны — скорее пока даже образов и чувств, чем настоящих мыслей: вкус молока, ощущение тепла и уюта и радость здорового существа.

Они звучали точно так же, как мысли его новорожденной сестры — смутные, но тем не менее вполне разумные. Шана, как и сестра Кемана, каждый день узнавала что-нибудь новое, устанавливала какие-то новые связи. Это отражалось в ее мыслеформах, и звучание разума малышки вовсе не походило на фон, исходящий, скажем, от теленка Попрыгуньи.

А может, мама ошиблась? Может, мать Шаны тоже принадлежала к Народу, только находилась в двуногом облике, когда Алара нашла ее?

Чем дольше Кеман обдумывал это предположение, тем более логичным оно ему казалось. Оно прекрасно объясняло тот факт, что мысли Шаны ничуть не походили на мысли животных.

Но если так оно и было, почему мать Шаны не сказала Аларе, что она тоже принадлежит к Народу, не выразила как-нибудь свою драконью сущность?

Кеман прикрыл глаза и снова положил голову на лапы. Все так запутано! Кеман усмирил судорогу в лапе, лениво почесал запястье и всерьез задумался, пытаясь разгадать головоломку.

Может, она приняла этот облик, а потом заболела и забыла, что принадлежит к Народу? А если она долго пробыла в измененном облике, ребенку пришлось измениться вместе с ней, иначе он бы там не поместился!

Кеман кивнул, отвечая собственным мыслям. Да, здорово похоже на правду.

Значит, когда Шана подрастет, ему нужно будет придумать что-нибудь такое, что помогло бы ей вернуть свой истинный облик. Когда-нибудь он научится нормально менять облик и сможет научить этому Шану. Она превратится обратно, и все будет замечательно!

И тогда все узнают, что Кеман первый догадался, как все обстоит на самом деле. Подросток позволил себе немного помечтать и повоображать, как удивятся все взрослые и как они поймут, что Кеман такой же умный, как его мать. Тогда они обязательно позволят ему учиться на шамана и разрешат присоединиться к Громовому Танцу раньше всех остальных ребят!

Должно быть, именно поэтому Отец-Дракон и велел ему присматривать за малышкой. Старший шаман понял, в чем тут дело, а все остальные ни о чем не догадались.

Кеман решил держать свое открытие в тайне — даже от мамы. В конце концов, она же сказала, что Шана будет учиться всему вместе с Кеманом. А значит, не будет ничего плохого, если малышка немного побудет в двуногом облике. Тем больше все изумятся, когда Кеман научит Шану принимать свой настоящий вид.

Кеман услышал негромкий крик и почувствовал, что мысли девочки приобрели требовательный оттенок. Дракон открыл глаза и понаблюдал, как малышка отыскала сосок и принялась сосать приемную мать. Кеман любовно улыбнулся. Прошло всего несколько недель, а он уже не представлял себе жизни без Шаны.

Кеман подвесил над головой у Шаны драгоценный камень на веревочке. Девочка тут же ухватила блестящую игрушку. Кеман решил, что Шана развивается куда быстрее его сестры. И она куда сообразительнее. Мире интересовала лишь еда, и ничего больше. А Шана хотела играть.

Подросток был уверен в этом так же твердо, как в том, что его зовут Кеман. В День имянаречения его сестрица получила имя Миренатели, что значило — «Стремящаяся к мудрости». Кеману же казалось, что оно мало ей подходит. Единственное, к чему стремилась Мире, — это к возможности перекусить лишний разок. В промежутках между трапезами она сворачивалась клубком в самом теплом уголке гнезда и спала, ничуть не интересуясь окружающим миром. В ней не было ни любопытства, ни живости — лишь один вечно голодный рот.

Считалось, что День имянаречения — это тот день, когда маленький дракончик приобретает свойства личности, которые

проявятся в нем, когда он достигнет зрелости. Но пока что Кеман не замечал ни малейших признаков того, что означенная перемена и вправду имела место быть.

«Хорошо еще, если Мире, когда вырастет, не останется такой же ленивой и жадной, как сейчас».

Шана же проявляла живейшее любопытство ко всему, что происходило вокруг. Она уже начала ползать. Хорошо, что драконью шкуру могли прорвать лишь драконьи когти, — а то одежка Шаны давно превратилась бы в лохмотья.

Мире была капризным ребенком и требовала постоянного внимания к своей особе. А все остальное время Алары уходило на шаманские обязанности. Ей редко удавалось выкроить минутку и зайти взглянуть на приемыша.

Поэтому именно Кеман заботился об обучении Шаны. Он с облегчением обнаружил, что Попрыгунья следит за своим приемным ребенком и носом загоняет малышку в особый участок загона, предназначенный для ползания. В результате Шана уже довольно лихо перемещалась с места на место.

Это именно Кеман, а не Алара, учил Шану разговаривать и есть твердую пищу.

Результат удивил даже Алару. Шане еще не полагалось разговаривать — и тем не менее она говорила. У малышки уже образовался довольно большой словарный запас: «Шана», «Кеман», «Поп», «бяка», «холошо» и неизбежное «нет» — последнее слово Шана особенно любила...

Шана ухитрялась ползать с просто-таки поразительной скоростью. Вскоре она научилась вставать, цепляясь за стеночку. А когда Кеман замечал, как Шана пристально и страстно смотрит на верхушку ограды, его охватывала нехорошая уверенность: малышка заберется туда сразу же, как только сумеет. Мире же не желала путешествовать дальше, чем до порога своей маленькой пещерки или до горки нарезанного мяса, оставленного Аларой. Если же то, что хотела Мире, находилось за пределами пещерки-детской, драконочка садилась на пол и орала, пока не получала желаемое. Именно с этих пор у Кемана возникло глубочайшее убеждение, что ор маленького дракона способен дробить камни. Кеман старался проводить как можно больше времени со своими подопечными — даже иногда оставался спать под открытым небом. Сидящая в глубинах пещеры Мире не отличала дня от ночи и, кажется, задалась целью доказать, что ей наплевать на отдых своих родственников.

Мысли Шаны становились все отчетливее и сложнее. Кеману стоило большого труда придерживаться совета матери — «не давай ей ничего, пока она не попросит этого вслух». Он отлично знал, что Шана способна слышать его мысли. Кеману было ужасно трудно наблюдать, как напрягается маленькое личико Шаны, старающейся думать в его адрес, и при этом продолжать вести себя так, будто он ее не слышит. Шана прекрасно знала, что Кеман слышит ее мысли. Когда она просыпалась среди ночи от грозы или от неожиданного шума, Кеман оказывался рядом раньше, чем девочка успевала открыть рот. А потому эта новая «игра» не просто не нравилась Шане — она ее жутко раздражала.

Когда Кеман пропускал мимо ушей ее мысли и требовал, чтобы девочка вслух сказала, что ей нужно, на это следовал неизменный ответ:

— Кеман бяка!

Теленок Попрыгуньи давно уже перестал сосать мать, но Попрыгунья, казалось, воспринимала затянувшееся младенчество своего приемыша как нечто само собой разумеющееся. И еще она, кажется, понимала мысли девочки ничуть не хуже Кемана. А вот это и вправду было очень необычно. Если Кеман сильно напрягался, он мог расслышать мысли животных, но ему никогда не удавалось добиться, чтобы они услышали его. А вот для Шаны, кажется, это не представляло ни малейших трудностей.

А ведь Алара считала, что это невозможно. Когда Кеман расспрашивал ее, она объяснила, что драконы могут приблизительно разбирать мысли животных — кое-кому вроде Отца-Дракона это удается получше, — но передавать свои мысли животным не могут.

Интересно, способности Шаны распространяются только на Попрыгунью, или она может так общаться с любым животным? Надо будет как-нибудь убедить Шану попробовать поговорить с однорогами — из-за ограды, естественно. Если Шана сможет убедить их повиноваться, это будет и вправду здорово.

Постепенно Шана превратилась из маленького краснолицего страшилища в весьма красивого ребенка. По крайней мере, Кеману она казалась красивой, поскольку он привык видеть свою мать не только в драконьем, но и в эльфийском облике. Он был совершенно уверен, что благодаря этому даже те из драконов, которые никогда не меняли облик, будут относиться к девочке лучше.

Светлая кожа Шаны покрылась загаром от постоянного пребывания на солнце, и на золотисто-бронзовом лице изумрудные глаза засияли еще ярче. Кеману всегда было жалко подстригать темно-рыжие волосы девочки, но другого выхода не было — в противном случае они спутывались так, что Кеман уже не мог их расчесать, и туда набивалась солома. Вот и сейчас волосы пребывали в беспорядке, хотя и довольно милом — последняя попытка Кемана подровнять их оказалась не слишком удачной, — и сейчас, после сна, стояли дыбом, словно гребешок, постоянно норовящий завалиться набок.

Если присмотреться повнимательнее, можно было заметить, что уши у Шаны слегка заостренные — но не настолько острые, как у эльфов.

Малышка покончила с трапезой, плюхнулась обратно на солому и принялась гладить Попрыгунью.

«Кажется, ее ничуть не смущает, что мы с Попрыгуньей так сильно отличаемся друг от друга. И кстати, хоть Попрыгунья и выкормила малышку, ее все-таки нельзя считать матерью Шаны. Пожалуй, все-таки именно я заменил ей мать...

Я никогда раньше не думал, что быть матерью — это настолько... настолько хлопотно!»

Глава 6

Из щели, скрывавшей нору земляной белки, высунулся кончик носа. Шана терпеливо ждала. Если бы Алара не заверила ее, что нора действительно находится в этой щели, Шана никогда бы в это не поверила — щель была такой узкой, что туда едва проходила ладонь девочки. Но Алара сказала, что белка там, а если приемная мама что-то говорит, то так оно и есть.

Солнце стояло почти в зените. Шане уже здорово напекло макушку, а по шее то и дело сбегали капли пота. Шана с удовольствием бы уговорила белку поскорее высунуться наружу, но у крохотных грызунов вроде земляной белки так мало мозгов, что их мысли даже услышать нельзя, — куда уж там влиять на них. Кроме этого, у Шаны было такое впечатление, что приемная мама не одобрила бы, если бы девочка воспользовалась своими способностями и выманила белку из норы прежде, чем зверек будет готов. Предполагалось, что им нужно что-то узнать от белки, причем сперва еще требовалось понять, что

именно нужно узнавать, — и трудно сказать, какая из частей урока была важнее.

Белка высунулась чуть побольше. Шана сидела абсолютно неподвижно, стараясь даже не дышать. Белка повела усами, и вслед за носом из щели показались глаза. В воздухе не было ни малейшего дуновения ветерка, а значит, зверек не мог учуять запаха наблюдателей, и при всей пугливости белки сейчас у нее не было поводов для беспокойства.

Белка подозрительно осмотрелась по сторонам. Когда зверек заметил Шану и Кемана, его усики снова задергались, — видимо, они не внушали белке особого доверия, несмотря на всю свою неподвижность.

Постепенно, волосок за волоском, из щели показалась голова. А потом белка не просто полностью выбралась из норы, но как-то внезапно очутилась на расстоянии нескольких локтей от щели. От удивления Шана даже моргнула: она никогда прежде не видела, как двигается земляная белка. Только что зверек целиком скрывался в щели, а в следующую секунду он уже превратился в размытое пятно, скользнувшее в саджасовый куст с наветренной стороны от Кемана.

Даже зная, где она находится, Шана едва могла разглядеть белку среди кружева теней и солнечных бликов — желтовато-коричневая пятнистая шкурка зверька превосходно сливалась с фоном. Белка сейчас выглядела точь-в-точь как коричневый камушек, усеянный пятнами света.

«Теперь понятно, почему мне никогда не удавалось увидеть земляных белок, пока они не выскакивали прямо из-под ног! — изумленно подумала Шана. — А я-то думала, что пятна на шкурке делают их заметными!»

Также девочке стало ясно, почему ей никогда не удавалось поймать земляную белку: если учесть, как стремительно эти зверьки передвигаются от одного укрытия до другого. Только очень осторожный охотник сумел бы перехватить хоть кого-нибудь из них.

Белка так и сидела под кустом, не шевелясь, пока неподвижность наблюдателей не убедила зверька в том, что они не представляют угрозы. Только после этого белка осторожно высунулась на солнце и принялась изучать кучку кедровых орехов — приманку, оставленную Шаной и Кеманом.

Когда зверек обнюхал орехи и понял, какой подарок судьбы ему достался, его забавный куцый хвостик встал торчком. Белка принялась заталкивать орехи в рот с такой скоростью, что

только лапки мелькали, и зыркать по сторонам, как Мире, сидящая над богатым уловом рыбы. Шана с Кеманом насыпали намного больше орехов, чем белка могла унести за один раз. Защечные мешки зверька так растянулись, что Шана отчетливо видела очертания каждого орешка, и все-таки белка попыталась запихнуть в рот еще один орех.

Это зрелище оказалось последней каплей — Шана прыснула. Белка тут же молнией метнулась через открытое, выжженное солнцем пространство и скрылась в безопасных глубинах своей норки. Зверек промчался прямо по лапе Кемана — вот этого скорее всего белка никогда бы не сделала, если бы Шана ее не напугала.

В сознании у Шаны раздался отчетливый голос Алары:

«Заканчивайте, дети».

Шана вскочила. После вынужденного оцепенения это было особенно приятно. Девочка терпеть не могла сидеть неподвижно — даже ради уроков.

— Спорим, я тебя обгоню?! — крикнула Шана своему названому брату и помчалась через пески.

В таком беге наперегонки Шана старалась использовать свои преимущества — малый рост и быстроту, — чтобы хоть как-то компенсировать тот факт, что Кеман мог просто перепрыгнуть большую часть препятствий, которые Шане нужно было огибать. На этот раз Шана обогнала Кемана, хотя и ненамного, и только благодаря тому, что сумела протиснуться между двумя большими валунами, а Кеману пришлось карабкаться через них.

Приемная мама ждала их в тени каменной беседки. Причудливая резьба беседки отбрасывала кружевную тень на сверкающую чешую Алары — получалось очень красиво. Шане очень нравилось, что приемная мама сделала беседку достаточно большой, чтобы там хватало места им всем. Девочка устроилась на собственной маленькой скамеечке. Это было здорово — наблюдать, как Алара использует свою магию для работы с камнем. Шана очень надеялась, что тоже сможет делать что-нибудь такое же красивое, когда подрастет. Только бы не стать такой, как Эшли — его хватало лишь на уродливые плоские глыбы. «Фу. Неудивительно, что он живет на отшибе».

Рядом с Шаной на холодный пол плюхнулся запыхавшийся Кеман. Шана ткнула его ногой в бок, а он в шутку огрызнулся, прежде чем приготовиться слушать мать.

— Итак, — строго произнесла Алара и устремила взгляд своих золотых глаз на Шану. Девочка тут же перестала ерзать по скамейке. — Что вы увидели?

— Белка вела себя очень осторожно, — быстро отозвалась Шана. — Она не вышла из норы, пока окончательно не убедилась, что ей ничего не грозит.

— Правильно, — кивнула Алара. — А как она проверяла, есть ли опасность?

— Сначала она нюхала воздух, — ответил Кеман. Кончик его хвоста слегка задергался. — Она начала нюхать еще из норы. Она даже не выглянула наружу, пока не убедилась, что рядом нету ничего угрожающего.

— Потом она высунула голову и осмотрелась, — подхватила Шана. — Потом она стала разглядывать все, что ей показалось непривычным, — не зашевелится ли чего. То есть это она нас разглядывала. Мы не шевелились, потому белка, должно быть, решила, что мы ничего не собираемся делать.

Девочка на мгновение задумалась, глядя на солнечные пятна на белой стене — отражение каменного узора.

— Наверное, охотнику надоедает ждать, и он пытается напасть на белку, как только та высунет голову из норы.

— Но если бы мы хоть шелохнулись, она бы оказалась в норе раньше, чем мы бы глазом моргнули, — подытожил Кеман, подперев голову передними лапами.

— Поняли ли вы, почему земляную белку так трудно поймать? — спросила Алара. — Даже при том, что это не очень умный зверек?

Кеман кивнул. Шана задумчиво поджала губы.

— Белка не очень умная, — произнесла она наконец. — Но она очень осторожная и проворная. А это, пожалуй, по-своему стоит ума.

— Да, пожалуй, — согласилась Алара. — Взрослая земляная белка, которую вы видели, — это белка, которая выжила. На каждую взрослую белку приходится десять бельчат, которые не научились вовремя осторожности и стали добычей других животных. Вы должны понаблюдать за этой белкой и понять, как она использует свою быстроту и проворство, чтобы защитить себя. И подумайте, в каких случаях ее поведение может обернуться ловушкой. Кеман, тебе следует узнать, как подражать этому поведению, но не попадать в ловушки. А тебе, Шана, следует понять образ мыслей белки — тогда ты сможешь проникнуть в ее сознание.

На этот раз кивнули оба — и Шана, и Кеман. Ага, так, значит, чтобы прочитать мысли белки, нужно понять, как та думает. Раньше Шана этого не знала.

— Ну что ж, урок языка и урок земляной белки прошли, — сказала Алара, покровительственно улыбнувшись детям. — Хотите ли вы задать мне какие-нибудь вопросы, пока я не отправилась гадать на грозу?

Шана запоздало припомнила, что ей полагалось прочитать эльфийскую детскую книжку.

— А почему здесь нет ни одной человеческой книги? — поинтересовалась девочка. — Людей ведь не меньше, чем эльфов, — так почему же здесь нет их книг?

Во взгляде ее приемной мамы промелькнула какая-то непонятная тень.

— Говорят, эльфийские лорды не желают, чтобы их рабы учились читать и писать, — сказала Алара. Ее улыбка потускнела. — Им кажется, что, если их рабы могут обмениваться сведениями лишь устно, это уменьшает вероятность мятежа. Потому и не существует книг, написанных на человеческом языке, да и вообще поговаривают, что и сам этот язык умер. Большинство людей говорят на смеси человеческого и эльфийского языков, а многие — только по-эльфийски.

— А где книги Народа? — полюбопытствовал Кеман. — Я видел только вырезанные надписи. А настоящие книги у нас есть?

— Есть, — отозвалась Алара. — Их немного, и все они рукописные — писцы специально для этого меняли облик. Большая часть этих книг написана шаманами. Я научу вас писать на этом языке попозже, когда вы достаточно хорошо освоите эльфийский.

«Разговорный человеческий, эльфийско-человеческий, эльфийский и язык Народа». Шана вздохнула. Экую прорву всего придется учить! Но если она собирается выходить во внешний мир, как это делает приемная мама, ей и вправду нужно все это знать. Кеман тоже все это учит, а он старше ее. Интересно, а как выглядят люди или эльфийские лорды? Может, они похожи на Народ, только помельче? Или у них расцветка другая?

Шана отвлеклась от своих размышлений и заметила, что Алара задумчиво наблюдает за ней. Девочка почувствовала укол вины. Интересно, а Алара знает, что она еще не выполнила задание по чтению? Шана кивнула, стараясь скрыть свою вину.

«Наверное, лучше извиниться заранее, пока Алара не спросила...»

Но Алара не стала спрашивать, сделала ли Шана уроки. Вместо этого драконица сказала:

— На сегодня все. Завтра мы уделим больше внимания языкам. А пока что вам следует изучать маленькую земляную белку. Вечером, после ужина, расскажете мне, что вы узнали.

Шана выскользнула из беседки, радуясь полученной отсрочке.

Алара смотрела, как ее приемная дочь радостно удирает прочь, и чувствовала странную смесь гордости и вины. С каждым днем девочка становилась все красивее — гибкая, стройная, прекрасно сложенная, хрупкая, и вместе с тем крепкая. От постоянного пребывания на солнце кожа Шаны приобрела бронзовый оттенок, а яркие зеленые глаза девочки почти постоянно искрились весельем. От своего отца-эльфа Шана унаследовала хрупкий костяк и прекрасно вылепленное лицо с высокими скулами и решительным подбородком, а от матери — темно-каштановые волосы, сияющие на солнце подобно старой меди. Короткие туники из кусочков драконьей шкуры — обычный наряд девочки — сверкали на загорелом теле, и казалось, будто Шана носит металлический корсет, украшенный эмалью.

Алара не могла представить себе жизни без Шаны, и даже те драконы, которые в свое время больше всего возражали против присутствия младенца, неохотно признали, что девчонка и выглядит прилично, и польза от нее есть. Небольшой рост и умелые руки позволяли ей справляться со множеством дел, невыполнимых для драконов — естественно, пока те не меняли облик, — а добрая половина жителей Логова предпочитала не превращаться во что-то такое мелкое, как человеческий детеныш.

Этим и объяснялась гордость Алары.

Хотя некоторые до сих пор продолжали недолюбливать Шану, Аларе обычно удавалось убедить девочку поддерживать мирные отношения со всеми. Шана была упряма, но не глупа. Она отлично знала, что некоторые драконы по-прежнему считают, что ей здесь не место, — хотя и не понимала, чем это вызвано.

И это заставляло Алару испытывать чувство вины.

Алара знала, что ей следует поговорить с малышкой... но не могла заставить себя начать этот разговор. Но если не сделать

этого, Шана рано или поздно узнает обо всем сама. И что Алара скажет ей тогда?

Алара ничуть не сомневалась, что девочка не уступит умом любому дракону. Если бы Шана принадлежала к Народу, Алара без малейших колебаний начала бы обучать девочку на шамана. Но при нынешнем положении дел Аларе оставалось лишь учить свою питомицу вместе с Кеманом и присматриваться к склонностям Шаны. Несомненным было одно: девочка обладала воистину впечатляющими магическими способностями. Алара подумала, что когда та вырастет и войдет в полную силу, она не поставит и ломаного гроша на того, кто рискнет схлестнуться с Шаной один на один.

Иногда Аларе очень хотелось, чтобы она могла поменять местами Шану и Мире. Вот и сейчас, когда драконица выскользнула из беседки на жаркое солнце, слегка задевая чешуйчатым животом за каменные ступени, у нее снова промелькнула та же самая мысль. Дочь вызывала у драконицы такое раздражение, что Алара даже иногда не могла сообразить, что же ей делать с собственным ребенком. Мире была ленивой и эгоистичной и не интересовалась ничем, кроме собственной выгоды. Она постоянно лгала и очень удивлялась, когда мать ловила ее на вранье. И хуже того — она была глупа. Она действовала, не давая себе труда подумать. Мире следовало родиться человеком — из нее вышла бы идеальная наложница. А Шана должна была родиться драконицей.

Тут мысли Алары снова вернулись к изначальной причине беспокойства, и драконице показалось, что тени гор легли не только на ее тело, но и на мысли. Как ей сказать Шане, что она — не драконица?

Алара приостановилась у подножия горы и проверила, не вывалился ли гадательный кристалл из сумочки, подвешенной на шею. Потом Алара поплотнее прижала крылья к телу и принялась карабкаться вверх, цепляясь когтями за крохотные трещинки.

В прошлом она уже неоднократно проделывала этот путь. Некоторые из шаманов предпочитали прорицать, не выходя из своего логова, в тишине и окружении бесчисленных кристаллов. Но Алара считала, что читать потоки воздуха гораздо легче, когда ты забираешься в небо — как можно выше, — когда ветер обдувает твое тело, а солнце согревает тебя и наполняет силой.

Алара двигалась по скалистому склону с той же легкостью, с которой ящерицы Кемана носились по стенам. А почему бы, собственно, и нет? Она действительно многому научилась, наблюдая за ящерицами. Как и ящерицы, драконица могла подниматься по почти вертикальной поверхности, до тех пор, пока там находились трещины, куда можно было вогнать коготь.

Сегодня она предпочла вскарабкаться на вершину, а не взлететь, потому что такой подъем предоставлял больше возможностей для размышлений.

У нее было довольно времени, чтобы сказать Шане, что она не принадлежит к Народу. Если подождать еще, Шане легче будет перенести эту мысль — развившееся умение медитировать поможет ей справиться со скверными новостями. Возможно, она даже сумеет отнестись к этому по-философски. В конце концов, Шана — не дитя крови Алары, но дитя ее сердца. И Алара достаточно часто говорила девочке об этом.

Но она могла бы стать таким хорошим шаманом...

Ничуть не хуже Кемана. А он обязательно станет шаманом, даже если из его сестры не выйдет ничего. Алара ненадолго отвлеклась от размышлений и посмотрела, долго ли ей еще карабкаться. Она уже поднялась до середины склона, а здесь приходилось двигаться помедленнее, выискивая зацепки на гладком камне. Как странно это вышло: ребенок, ради которого Алара проходила медитацию, не получил ни малейших задатков шамана; ребенок, которого она родила в юности, оказался одаренным, но умеренно; а ребенок, который вообще не принадлежал к Народу, вполне годился бы в ученики самому Отцу-Дракону, если бы только в его жилах текла драконья кровь. Алара вздохнула. Ну что ж, говорят, что лишних знаний не бывает. Шана — не драконица, но это еще не повод, чтобы она росла, словно дикое животное, одна из зверушек Кемана — хотя многие драконы предпочли бы, чтобы дела обстояли именно таким образом. Но это было бы преступлением — позволить, чтобы столь мощный разум, как у Шаны, пропадал впустую.

На некоторое время Алара выбросила из головы все посторонние мысли, вцепилась когтями в последний выступ и втащила свое тело на небольшую каменную площадку, венчавшую горный пик. Драконица подставила крылья солнцу, благодаря его за тепло и силу. Ветер тут же впился в ее тело своими холодными клыками, и защиты от него не было.

Далеко внизу лежало ее Логово. Самые большие его постройки с этой высоты казались не крупнее игрушек Шаны.

А здесь Алару окружали одни лишь скалы. Их золотисто-коричневые вершины вздымались в синее небо. Когда тени облаков пробегали по их гребням и пикам, казалось, что скалы движутся.

Алара любила здешнее одиночество и ощущение полнейшей свободы. Здесь так легко было забыть о себе, о своих проблемах и неприятностях и впустить в себя весь огромный мир.

Алара решила, что разговор с Шаной может подождать. Она извлекла кристалл из сумочки и подыскала для него место, где камень мог бы наилучшим образом отражать и преломлять солнечный свет. Еще несколько дней или даже месяцев особого значения не имеют. Лучше уж она подождет, пока Шана подрастет и сможет все понять.

У Шаны промелькнула было мимолетная мысль о книжке, поджидающей ее в логове, — но солнце было таким ярким, а ветер — таким свежим...

Она прочитает книжку попозже, когда станет слишком жарко для игр, пообещала себе Шана, чтобы заглушить ощущение вины, и припустилась вслед за Кеманом. Кеман тем временем уже несся по ущелью в сторону тропы, ведущей прочь из Логова.

Кеман поджидал Шану у входа на тропу, которая на самом деле была пересохшим руслом, — они не раз играли там в прятки. Шана налетела на валун и рассадила себе колено, но не обратила на это досадное происшествие особого внимания, так она спешила нагнать названого брата.

Но сегодня Кеман не был расположен к играм.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал Кеман, подергивая хвостом, — обычно это с ним происходило, когда дракон был расстроен или чем-то возбужден. Кеман оглянулся и посмотрел на Шану через плечо. Его огромные сине-зеленые глаза были беспокойно прищурены. — Помнишь, мама вчера забирала меня с собой? Так вот, она показала мне, как менять облик. По-настоящему менять, а не просто превращать лапу в руку или что-нибудь вроде этого. Как изменять свою величину и облик.

— Давно пора! — радостно и возбужденно откликнулась Шана. — Все твои ровесники этому учатся, а ты чем хуже? Ровилерн — тот вообще сущий кошмар. Он тут выделывался, пока тебя не было, и все на свете перепутал — превратился в какую-то помесь трирога с собакой-ищейкой, а обратно — ни в

какую! До чего же по-дурацки он выглядел! Будет знать, как воображать. Я так хохотала, что у меня бока заболели.

— А он что, не знал, что ты за ним наблюдаешь? — спросил Кеман. Глаза подростка потемнели, а в голосе промелькнуло нехорошее предчувствие. — Он не любит меня, а тебя ненавидит. Если Рови узнает, что ты видела, в какую лужу он сел, он просто взбесится. Особенно если узнает, что ты над ним смеялась.

— Он меня не видел! — поспешно заверила Шана, убирая волосы с лица. — Я пряталась в скалах. Я просто присматривала за ним и за Мире, пока тебя не было, — на тот случай, если они решат подстроить тебе какую-нибудь пакость.

— Ну, ладно, — вздохнул Кеман. — Так или иначе, но Мире ты превосходишь во всех отношениях. Просто я подумал, что теперь, когда я знаю, как правильно менять облик, может, я смогу показать это тебе, и ты превратишься обратно в дракона. Тогда Мире больше не сможет загонять тебя в угол. В общем, это достаточно просто, — он кивком указал на небольшой тенистый тупичок и снова повернулся к Шане. Взгляд Кемана был преисполнен надежды.

— Что, правда? — Шана остановилась как вкопанная, почувствовав, как взволнованно забилось ее сердце. — Ты вправду считаешь, что сможешь научить меня? О, Огонь и Дождь! Если я смогу менять облик, мне больше не придется прятаться от остальных! Ах, Кеман!

И она обняла Кемана за шею, не в силах вымолвить хоть слово из-за охватившего ее волнения.

— Ручаюсь — я смогу еще и научить тебя плеваться огнем, — радостно и довольно заявил Кеман. Его уши и гребень встали торчком и слегка подрагивали. — Тогда ты сможешь как следует плюнуть в Мире — она давно заслужила.

— Еще как смогу! — Шана выпустила названого брата из объятий и подыскала камень, на который можно было присесть. — Ну, ладно, — сказала она. — Я готова. Давай, показывай!

— Ну, первое — это обычная смена облика. Нужно найти то место внутри себя, которое нам показывала мама, — ну, то, откуда исходит вся энергия, — дракон на мгновение зажмурился, стараясь сосредоточиться. — Потом, когда ты добралась до него, ты представляешь себе, во что тебе хочется превратиться, потом как следует сжимаешь это место, потом резко отпускаешь — вот так...

Шане показалось, что Кеман пошел рябью, потом превратился в смутное, расплывчатое пятно, как будто она смотрела на него из-под воды. От этого зрелища ее слегка затошнило, и девочка на мгновение прикрыла глаза.

Когда она снова открыла их, вместо Кемана перед ней сидел пес, только вместо серой шкуры он был покрыт сине-зеленой чешуей. Потом по телу пса снова пробежала рябь — как будто воздух задрожал от жары, — и пес стал серым, как и полагалось.

Шана подхватилась с камня и с восторгом захлопала в ладоши.

«Я не могу нормально разговаривать в этом облике, — мысленно пожаловался Кеман. — Наверное, придется нам с тобой разговаривать мысленно, пока я остаюсь в таком виде. Знаешь, менять облик — это на самом деле жутко утомительно. Все равно как бегать наперегонки: ты же после этого не сможешь сразу вскочить и побежать дальше».

— Все нормально, — быстро отозвалась Шана. — Я вполне могу разговаривать с тобой мысленно. Так что там я должна сделать сначала? Найти энергетический центр?

«Именно. Мама показывала нам, как это делается, когда мы учились смене мыслей. Помнишь?»

— Вроде бы помню, — сказала Шана. — Значит, я нахожу это место, думаю, в какое животное мне хочется превратиться, сжимаю...

— Что ты сжимаешь?

Шана и Кеман аж подскочили от неожиданности. Кеман снова сделался расплывчатым, и к тому моменту, как его младшая сестра, Миренатели, обогнула валун, укрывавший Кемана и Шану от посторонних взглядов, молодой дракон уже приобрел привычный облик. Желто-зеленую расцветку Мире трудно было с чем-либо спутать — во всем Логове не было больше ни одного дракончика такой масти.

— Что ты сжимаешь? — нетерпеливо и подозрительно переспросила Мире, неприятно сощурив желто-зеленые глаза.

— Ничего, — быстро отозвался Кеман, прежде чем Шана успела придумать, что можно было бы сказать маленькой драконице. — Ничего, Мире. Мы просто играем.

Шана поморщилась. «Огонь и Дождь, ну Кеман и сказанул — хуже не придумаешь! Теперь Мире точно убедится, что мы что-то от нее скрываем».

— Если ничего, то как вы можете этим играть? — возмутилась Мире. — Я тоже хочу играть! Мама сказала, чтобы ты играл со мной! Мама сказала, чтобы ты всегда брал меня с собой!

Шана была глубоко уверена, что ее приемная мама ничего такого не говорила, но Кеман приобрел виноватый вид. Шана решила отвлечь внимание Мире на себя, пока Кеман не ляпнул еще какой-нибудь глупости, — тогда они не отвяжутся от Мире до самого вечера.

— Это... специальное упражнение, которое мама нам показала, — вдохновенно принялась сочинять Шана. «Если есть на свете вещь, которую Мире ненавидит, так это упражнения!» — Надо сложить руки вместе — вот так, — и сжимать...

Девочка сложила ладони на уровне груди и насколько раз надавила изо всех сил, дабы продемонстрировать Мире предполагаемое упражнение.

— Это нужно, чтобы руки стали сильными, — зачастил Кеман, ухватившись за подсказку Шаны. А Шана почувствовала прилив благодарности к приемной маме, которая и вправду придумала такое упражнение и научила ему Шану. — Таким образом ты не повредишь ничего при упражнениях, поскольку работаешь сама с собой — понимаешь?

Мире посмотрела, как Шана и Кеман старательно выполняют упражнение, и подозрительно наморщила нос.

— Я-то думала, вы и вправду играете... — недовольно протянула она. — А это ни капельки не интересно. Я думаю, вы оба меня дурачите!

— Ну, это тоже что-то вроде игры, — сказала Шана. — Игра, но не совсем. Понимаешь? Да и вообще, зачем нам тебя дурачить?

«Куда ж дальше-то дурачить, дурнее тебя просто никого не бывает!» — досадливо подумала девочка.

Мире покачала головой и опустила спинной гребень.

— Нет, не понимаю, и мне кажется, что это глупость. Зачем вам нужно, чтобы у вас были сильные руки?

«Чтобы врезать тебе как следует, когда ты меня изводишь», — подумала Шана, но благоразумно оставила эту мысль при себе.

— Затем, чтобы... э-э... мы могли карабкаться на гору вместе с мамой, — запинаясь, пробормотал Кеман, явно пытаясь что-то придумать на ходу. Но Мире это объяснение не удовлетворило.

— Тебе не нужно карабкаться, чтобы попасть на гору, — ехидно заявила Мире. — Ты умеешь летать. Это только этой маленькой крысе нужно карабкаться по скалам. И в любом случае я не понимаю, зачем маме может понадобиться, чтобы ты или она поднимались на гору. Это я, а не вы стану шаманом. Толь-

ко у меня есть правильное имя. Но мне не разрешают никуда ходить и ничего делать. Мама просто любит тебя больше, потому что ты старше. Ты получаешь все, что захочешь, потому что ты ее любимчик!

— Вовсе и нет! — воскликнул Кеман, ошалевший от такого несправедливого обвинения. — Я никогда...

— Тогда почему тебе можно забираться на гору, а мне нет?

— Потому, что я уже достаточно взрослый... — начал было Кеман, но его тут же перебил торжествующий вопль Мире — маленькая драконица подскочила, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя лапами, и плотно прижала гребень к спине.

— Вот видишь! Видишь! Ты всегда получаешь все, что хочешь, только потому, что ты старше! У тебя даже есть ручные звери, а у меня нету!

— Ты вполне можешь завести себе кого-нибудь, если хочешь, — неосмотрительно предложил Кеман. И тут, как Шана и опасалась с самого начала, Мире ухватилась за его слова — и за Шану.

— Отлично! Я хочу ее!

Маленькая драконица схватила Шану за руку и рванула на себя — с совершенно излишней грубостью. Шана упала к ее ногам, сильно расцарапав руки и ушибив колено.

— Мире! — рявкнул Кеман, отшвыривая сестру. — Оставь Шану в покое! Она тебе не животное!

— Нет, животное! — язвительно заявила Мире и вцепилась в Шану, которая попыталась было отползти подальше от ее когтей. — И я хочу именно ее!

— Шана не животное! — повторил Кеман. Его глаза от ярости налились кровью. Он снова оттолкнул сестру.

— Животное! Все так говорят, кроме таких придурков, как ты!

Мире приплясывала на месте, пытаясь снова ухватить Шану когтями, пока Кеман не оттеснил сестру к скале, отрезая ей путь.

— Не животное! Никто так не думает, кроме таких придурков, как ты! — прорычал Кеман. Шана тем временем пыталась подняться на ноги и отскочить в сторону от места назревающей драки.

— Это ты меня, что ли, называешь придурком, а, рева?

Неожиданно прозвучавший высокомерно-издевательский голос заставил всех троих присутствующих повернуться в сторону нового действующего лица.

Это был молодой дракон — крупный, крупнее Кемана. Его темно-красная с оранжевым чешуя подсказала Шане, кто это

такой, — впрочем, девочка ничуть не сомневалась в этом с того самого момента, как услышала этот презрительный голос. Это был Ровилерн, приятель Мире и самый большой задира во всем Логове.

Ровилерну было столько же лет, сколько и Кеману, но он играл с драконами возраста Мире, поскольку у него не было друзей среди ровесников. И неудивительно, если учесть, что он все время норовил помыкать другими молодыми драконами. В конце концов ровесники просто отказались иметь с ним дело. Впрочем, их было не так много — всего пятеро: сам Рови, Кеман, Ашеанала, Лориалеарис и Мереолуриен. У Кемана были свои причины держаться подальше от Рови, а остальные трое просто объединились против забияки и полностью исключили его из своих забав — просто улетали куда-нибудь, чтобы Рови не мог их отыскать.

Тогда Рови принялся задирать драконят помладше — всех, кроме Мире, которая помогала ему придумывать всякие хитрости, направленные против других. И еще он постоянно задирал Кемана, уступавшего ему размером и силой.

Зато с Мире они прекрасно поладили.

Шана подумала, что Рови и Мире замечательно подходят друг другу. Почему бы им не оставить их с Кеманом в покое? Вот бы здорово было!

Но это, конечно же, было невозможно. До тех пор, пока Кеман будет жить в этом Логове, он будет оставаться мишенью для Рови — а до тех пор, пока она, Шана, «принадлежит» Кеману, она будет камнем преткновения между ними.

— Так это ты меня назвал придурком, дурак безмозглый? — повторил Рови. Он несколько раз хлестнул хвостом по земле и приподнял крылья, чтобы казаться еще больше.

Но Кеман не испугался.

— О тебе я ничего не говорил, Ровилерн, — храбро произнес он. — Любители подслушивать обычно слышат не весь разговор, и даже то, что слышат, они обычно не понимают.

Шану передернуло. Да, тактичность никогда не была сильной стороной Кемана. «Кеман, это было не слишком умно...»

— Так ты хочешь сказать, что я не просто придурок, но еще и лезу не в свои дела? — воинственно поинтересовался Рови. Он прижал уши и вздыбил гребень, а его хвост уже поднял целую тучу пыли.

— Я пытаюсь тебе сказать, чтобы ты держался подальше. Я разговариваю со своей сестрой, а не с тобой! — Кеман вздыбил

бился, насколько мог, но все равно он оставался на голову ниже Рови.

— А если я не собираюсь держаться подальше? — вызывающе спросил Рови и сделал несколько шагов вперед. — Если я считаю, что Мире права, а? Я думаю, что, если она хочет это глупое животное, тебе лучше отдать его сестре. — Рови вздыбился еще сильнее и поставил гребень торчком. — Лучше отдай эту дрянь, придурок, или я тебя заставлю это сделать!

В этот момент Шана попыталась убежать, проскользнув между Рови и Мире. Но она недооценила длину лап Рови. Когда она пробегала мимо, дракон выбросил переднюю лапу и ухитрился схватить ее когтями за тунику. Драконья чешуя туники была достаточно прочной, чтобы защитить Шану от царапин, но все-таки Рови ее поймал.

В следующее мгновение Шана обнаружила, что висит в воздухе. Рови хохотал и дразнил Кемана, раскачивая Шану у него перед носом. Девочка завизжала и забилась, пытаясь вырваться, но безуспешно. Ее сердце бешено колотилось от ярости и страха, внутренности словно завязали узлом, а край туники сдавил горло. Шана чувствовала, что ее затылка касается коготь — тот самый, который держал ее за ворот, и с каждым мгновением шкура, из которой была пошита туника, все сильнее врезалась в горло. Шана попыталась было немного оттянуть край ворота, но туника перекрутилась, и руки девочки оказались скручены над головой.

— Сейчас же поставь ее! — донесся до Шаны бешеный крик Кемана. Туника сжалась еще немного, и девочка почувствовала удушье. Все это уже выходило за пределы обычной детской стычки. Шана исхитрилась краем глаза взглянуть на морду Рови. Молодой дракон знал, что Шана задыхается, что он причинил ей боль — знал и наслаждался этим.

Внезапно Шану захлестнула волна неудержимого ужаса.

Девочка попыталась закричать, но не смогла. У нее перед глазами заплясали искорки, а потом зрение начала затягивать серая пелена.

«Кеман, я задыхаюсь! — отчаянно позвала она. — Кеман, помоги!»

Серая пелена становилась все плотнее. Легкие, казалось, вот-вот разорвутся. Откуда-то еще доносились проблески света, крик, и металось размытое сине-зеленое пятно...

А потом ее резко отшвырнули в сторону, и девочка полетела через высохшее русло ручья. Шана пригнула голову и попыталась свернуться в клубок, но она была совершенно уверена, что при приземлении свернет себе шею. К счастью, она приземлилась прямиком на Мире. У маленькой драконицы от удара вырвалось удивленное уханье — Шана упала ей на спину, прямо на сложенные крылья.

Шана затрясла головой, пытаясь прийти в себя. Потом она услышала, как Мире пораженно ахнула. Еще она увидела, что Кеман стоит над телом Рови, а тот валяется на земле и судорожно подергивается. И тут всех их накрыла тень драконьих крыльев. Крыльев взрослого дракона.

Шана решила, что лучше всего ей будет спрятаться. Она отползла в скалы, забилась между двумя большими камнями и принялась наблюдать.

Никто из взрослых, кроме приемной мамы, не станет прислушиваться к ее словам. Шана была совершенно уверена, что ее присутствие только создаст для Кемана лишние неприятности.

Но все-таки, когда взрослые окружили подростков и принялись распекать Кемана как главного злодея, Шана втянула голову в ноющие плечи — ей было стыдно, что она бросила названого брата. Девочка мгновенно поняла, что произошло: Кеман был не в состоянии драться против более крупного противника и потому «обманул» его. Он раскинул крылья и обрушил на Рови магический удар — настоящий, полновесный удар, а не те толчки, которыми обменивались при драках драконята.

Если бы Рови был старше, он сумел бы справиться с этим нападением; но он корпел над своими уроками вдвое меньше Кемана и потому свалился без сознания.

«И поделом ему!» — возмущенно подумала Шана.

Мать Рови была вне себя от ярости, и она одной из первых подоспела к месту происшествия. Алара — одной из последних.

Шана тем временем оставалась в своем укрытии, надеясь на лучшее.

Мать Рови, Лори, подхватила оглушенного сына и хлопотала над ним, пока не убедилась, что Рови приходит в себя. Алара тем временем помалкивала. Но когда Лори вскинула лапу, намереваясь ударить Кемана, Алара вмешалась.

— Прекрати, Лори, — спокойно сказала она. — Если Кеман и заслуживает наказания, наказывать его имею право только я, а отнюдь не ты. И вообще, давайте сначала послушаем, что он скажет.

— Что он скажет? Да твой драгоценный выродок ударил моего ребенка магией! — завизжала Лори. — Он мог...

— Лори, Ровилерн — хвастун и задира, — произнес один из собравшихся — Ларанель, отец Ориеаны. Его ребенок тоже не раз пострадал от Ровилерна. Он не выказывал ни малейшего сочувствия к Рови, и Алара поняла, что у нее есть по крайней мере один сторонник. А может, и больше. Драконица быстро огляделась вокруг и обнаружила, что из шести присутствующих взрослых драконов трое явно должны были знать, что представляет собой Рови, — от собственных детей.

Ларанель оттеснил Лори в сторону и наклонился так, чтобы его голова оказалась на одном уровне с мордой Кемана, — Алара воспользовалась этим моментом, чтобы заняться вторым своим ребенком, хныкающей Мире.

— Ну ладно, сынок, — обратился Ларанель к Кеману. Вид у подростка был одновременно и испуганным, и вызывающим. — Так что же здесь произошло?

— Мы с Мире... — Кеман взглянул на мать и немного опустил гребень, — ну, мы с ней подрались. Я... ну, в общем, подрались. Наверное, это отчасти моя вина — я не хотел с ней играть. Потом в это вмешался Рови, и он... он...

— Что он сделал?

Кеман окончательно прижал уши и гребень.

— Он... ну... отнял у меня одну штуку. Я попытался отобрать это. А он попытался ее... ну, сломать.

Алара заметила нерешительность, сквозящую в голосе ее обычно прямого и честного сына, сопоставила это с отсутствием Шаны и быстро пришла к определенным выводам.

Рови задирал Кемана и использовал для этого Шану. И, вполне возможно, причинил ей какой-то вред. Но если Кеман заговорит о Шане, он не встретит сочувствия со стороны окружающих...

Алара затаила дыхание. Она очень надеялась, что у Кемана хватит сообразительности догадаться об этом.

— Кеман, это еще не повод бить другого дракона магией, — строго сказал Ларанель. — Даже если он больше тебя. Ты мог причинить ему серьезный вред.

— Ох, да оставь ты мальчишку в покое, — донесся со стороны русла высокий и чистый голос Иридирины, исполненный отвращения. — Насколько я могу судить, этот случай просто был последней каплей. Кеман был по горло сыт выходками Рови, и в него больше не полезло. Я правильно говорю, малыш?

Кеман кивнул и втянул голову в плечи.

— Ну что ж, Лори, если тебя интересует мое мнение... — произнесла Иридирина.

— Не интересует! — огрызнулась разъяренная мать.

Но Ири продолжала, не обратив внимания на эту реплику:

— Я думаю, что твое отродье давно напрашивалось на такую взбучку. Надеюсь, этот урок пойдет ему на пользу, — хотя лично я в этом сомневаюсь. Но все-таки... Кеман, ты поступил очень скверно — ты ведь и сам это понимаешь, не так ли? Так можно обращаться только с врагами. Ты никогда — слышишь, никогда! — не должен применять магию против других драконов.

— Да, госпожа, — угрюмо пробурчал Кеман.

— Алара, я думаю, ты все-таки должна наказать своего сына, — сказал Ларанель. — Он действительно заслужил.

Алара вздохнула. В общем-то, это не совсем честно, но если она хочет сохранить мир...

— Кеман, немедленно отправляйся домой. На сегодня больше никаких игр. Ужина тоже не получишь. А завтра будешь целый день заниматься уроками. И тебе придется добывать для Мире еду. — Драконица обвела присутствующих взглядом. — Все довольны?

— Нет! — взвизгнула Лори, но все остальные согласно кивнули.

— Лори, ты в меньшинстве, — твердо заявил Ларанель. — И если бы Рови был моим сыном, он бы у меня тоже остался без ужина — это самое меньшее.

Мире прижалась к материнскому боку. Она до сих пор хныкала и не могла вымолвить ни слова.

— Идем, Кеман, — сказала Алара, подтолкнув Мире вперед и махнув крылом сыну.

«Но, мама...»

«Никаких «но»! — отрезала Алара. — Это не повод применять магию против сородича».

Кеман поплелся за матерью, повесив голову и волоча хвост по земле. А Алара твердым шагом направилась к своему логову.

«Мне ужасно жаль, что так получилось, сынок, — со вздохом подумала драконица. — Я знаю, что это нечестно. Но так уж случилось. Радуйся еще, что ты получил свой урок именно таким путем. Все могло выйти намного хуже».

Когда Шана увидела, как драконы один за другим поднимаются в воздух, она почувствовала глубокое облегчение. Похоже, Кемана наказали не слишком уж строго — все могло быть

намного хуже, если бы взрослые выяснили, что на самом деле послужило причиной драки.

Шана соскользнула с валуна и уселась, обняв колени и подперев голову руками. «Мне нужно научиться защищать себя, — решила девочка. — Я...»

— Ты! — донесся разъяренный детский голос. Шана резко обернулась и увидела, что Мире зачем-то вернулась. Девочка быстро вскарабкалась на груду валунов, чтобы оказаться подальше от когтей Мире.

— Чего тебе надо?! — гневно крикнула Шана. На возвышении она могла чувствовать себя в относительной безопасности. — Кемана и так уже наказали из-за тебя — тебе что, мало?!

Мире прищурилась и облизнула тонкие губы.

— Я просто хотела, чтобы ты кое-что знала, крыса поганая, — гадко протянула она. — Не знаю, что там тебе наплел Кеман, — но знаешь, почему он ничего не сказал о тебе остальным? Потому, крыса, что ты — просто животное. Ты — всего лишь грязное, маленькое, умственно отсталое животное. Ты не стоишь того, чтобы из-за тебя драться. Ты не стоишь даже одной чешуйки любого из Народа. И Кеман это знает. Он знает, что у него было бы еще больше неприятностей, если бы взрослые узнали, что драка случилась из-за тебя.

— Это неправда! — яростно крикнула Шана.

Но Мире лишь расхохоталась, уверенная, что ее удар достиг цели, после чего развернулась и неуклюже улетела.

Глава 7

«Мире ненавидит меня». Шана содрогнулась, вспомнив о злобном красноватом свете, которым горели глаза маленькой драконицы. Мире и вправду ненавидела Шану. Драконица была настолько глупой, что Шана могла бы не бояться ее, но у нее был помощник — Рови, а вот это уже пугало. Шана спустилась с валуна и устроилась в тени под здоровенным иззубренным обломком скалы.

Мире была слишком глупа, чтобы придумать самостоятельно хоть что-нибудь, даже ложь. Значит, всей этой дряни насчет «животного» Мире набралась от Рови. Шана вытерла глаза, потом потерла покрытую синяками шею. Девочку переполнял гнев. Но в настоящий момент у нее не было возможности отплатить этой парочке. Рови тоже ненавидит ее, но по большей части она для него — всего лишь способ досадить Кеману. «Он ненавидит все, что нравится Кеману».

Но тут крылось кое-что еще. Вспомнить хоть выражение морды Рови: он наслаждался каждым мгновением боли, которую испытывала Шана. «Он действительно хотел сделать мне как можно больнее. А теперь, когда Кеман заступился за меня и врезал ему как следует, Рови непременно попытается отыграться на мне».

Она не сможет вечно прятаться от него. «Мне непременно нужно придумать, как защитить себя».

Шана обдумала этот вопрос и решила, что наилучший способ добиться безопасности — это научиться снова принимать драконий облик. Как только она обернется в драконицу, она сможет рассчитывать на защиту всех взрослых Логова. Их ни капельки не интересовала судьба осиротевшего «животного», но осиротевший драконеныш имел право на покровительство всего Народа.

А если они не станут защищать Шану от Рови, даже когда станет ясно, что она тоже из Народа, у них начнутся неприятности со всеми остальными Логовами. «Да, это должно сработать».

Шана оттолкнулась от скалы и поднялась на ноги, отряхивая с рук и ног красную пыль и песок. Она старалась держаться под прикрытием скал и прежде, чем выйти на открытое место, осмотрелась по сторонам, осторожно выглядывая из-за валуна — чтобы убедиться, не подкарауливает ли ее Мире. От беспокойства у Шаны даже начало покалывать затылок.

Ни в высохшем русле, ни у входа в него Мире не было, но Шана решила не рисковать. Она развернулась, припустила рысцой в противоположную сторону и бежала, пока не добралась до тупика. Здесь склон был покрыт каменистой осыпью, а по ней можно было добраться до узкого выступа, опоясывающего утес.

Подъем оказался нелегким. Поднимаясь на два шага, Шана при этом на один шаг съезжала. Камни сыпались из-под ног. К тому времени, как девочка вскарабкалась на выступ, она полностью запыхалась; разгоряченная, вспотевшая, перемазанная грязью, оба локтя разодраны, колено снова начало кровоточить — Шана присела на край выступа, чтобы отдохнуть минутку, прежде чем двигаться дальше.

Девочка принялась дышать медленно и глубоко, как учила ее приемная мать. Шана смотрела на сухое русло ручья. Там, где боролись Кеман и Рови, земля была взрытой. Наверное, такой она и останется, пока не пойдут дожди. Шана никак не могла понять мотивов Рови. Почему ему нравится гадить окружающим? Почему он так рвется главенствовать надо всеми? Рови всегда был сильнее всех своих ровесников, а мать всегда давала ему все, что он только пожелает. Так зачем же он постоянно задирает остальных молодых драконов?

Шана вытерла лоб тыльной стороной запястья и посмотрела на грязное пятно, оставшееся на руке. Потом она слизнула пот с верхней губы. Пот был соленым. Кроме того, на зубах заскрипел песок. Эх, если бы она была большой и сильной, никто бы не посмел обижать ее! Может, остальные драконы даже захотели бы подружиться с ней. Они бы приняли ее в свои игры, а она позволила бы им играть с ней и с Кеманом. А уж Рови давно мог бы получить все, что хочет, если бы вел себя поприличнее.

Шана окончательно восстановила дыхание и поднялась на ноги, стараясь не обращать внимания на боль в локтях и ноющее колено. Девочка взглянула в ярко-синее небо, пытаясь определить время. Солнца не было видно — его заслонял утес, — но, судя по теням, оно уже должно было довольно сильно склониться к горизонту. Ничего, она еще вполне успеет добраться до своего любимого убежища и до ужина поучиться менять облик. А если ужина не будет? Ну, у нее в спальне припрятано немного съедобных корешков. Или на крайний случай она разделит наказание с Кеманом. Их не в первый раз отправляли спать без ужина — и, наверное, не в последний.

«Бедный Кеман. У него нету даже косточки, которую можно пожевать». Шана вздохнула. Если бы она была большой! А так она не сумеет донести зверя, которого хватило бы, чтобы насытить Кемана, — даже если бы она знала, как этого зверя убить.

Потом Шана приободрилась и пустилась в путь по выступу. Раз она теперь знает, как превращаться, она сможет убить добычу, и она станет достаточно большой, чтобы эту добычу донести. Что-нибудь вроде двурога или, может, луговика. Если она станет размером с Кемана, двурог уже не будет для нее чересчур крупной ношей. А если она потихоньку затащит добычу в логово через боковой ход, приемная мама никогда об этом и не узнает. Значит, теперь ей нужно научиться превращаться, вот и все. Раз даже Рови смог этому научиться, значит, это не так уж трудно.

Шана никогда не показывала свое убежище Кеману. Она нашла это укрытие, когда стала достаточно взрослой, чтобы самостоятельно карабкаться по скалам. Точнее, она туда свалилась — в прямом смысле слова. Не то чтобы она не хотела посвящать Кемана в свою тайну, но ее названый брат скорее всего просто не протиснулся бы через узкий вход. А даже если бы и протиснулся, они не смогли бы находиться там вдвоем — места бы не хватило.

Это был еще один тупичок, но на этот раз он находился на середине склона холма. Сверху он выглядел как очень узкая расщелина. Но сразу же после входа эта расщелина расширялась и становилась достаточно большой, чтобы Шана могла ходить по ней. Поскольку расщелина «выходила» на запад, большую часть дня ее освещал солнечный свет. Сюда попадало достаточно дождя и росы, чтобы на дне выросла невысокая, но густая трава. Несколько мелких зверушек даже избрали эту расщелину своим домом. На стенах гнездились ласточки; а еще Шана встречала здесь как минимум одно кроличье семейство, одно семейство земляных белок и множество ящериц.

Это убежище было ее тайной, единственным местом, где девочка чувствовала себя в безопасности. Если бы даже драконята и узнали об этой расщелине, они попросту не смогли бы в нее войти. Это было просто отличное место для тех моментов, когда Кеман был занят, а приемная мама куда-нибудь улетала, и Шана оставалась без защиты.

Именно здесь Шана хранила свои сокровища — горсть драгоценных камней, которые отдал ей Кеман. Потом сокровищница пополнилась за счет вещей из заброшенных драконьих жилищ. Туда же попали и необычные, обточенные водой агаты — Шана собирала их на дне ручьев. Девочка сложила драгоценности в сумочку из драконьей шкуры и спрятала их в дальнем конце расщелины.

Шана возлагала большие надежды на свои сокровища.

Поднимаясь к расщелине, Шана мысленно перебирала драгоценности. Солнце припекало девочке спину, а собственная тень ползла перед ней как двойник — только длинный и тонкий. Другие драконы иногда использовали драгоценные камни, чтобы менять облик. Кеман говорил, что драгоценности помогают фокусировать энергию.

Шана вскарабкалась на камень, глубоко вросший в склон холма. Именно так она в свое время и отыскала этот тайник — упала с камня и прямиком вкатилась в расщелину. Потом она

увидела, как в глубине блестит на солнце трава. Ей стало любопытно, и Шана вошла внутрь. Если смотреть от подножия холма, эта трещина была практически незаметна: благодаря счастливой случайности она пряталась в тени и казалась не более чем частью выступа.

Но на самом деле расщелина там все-таки была, и довольно глубокая, и Шана проскользнула внутрь, надеясь, что камень укроет ее от посторонних взглядов.

Девочка сделала несколько шагов, и расщелина стала значительно шире. Еще несколько шагов. Теперь Шана, даже раскинув руки, едва-едва смогла бы дотянуться до стен кончиками пальцев.

Сверху в расщелину лился свет, оставлял тонкую полосу на дальней стене и падал на травяной ковер. Солнце пронизывало пыльный воздух, и в медовых лучах плясали крохотные пылинки, а освещенные солнцем травинки на фоне темных каменных стен сверкали, словно маленькие изумрудные копья. Шана уселась на мягкую траву и достала из углубления в дальней стене — она сама его выкопала — сумочку с драгоценными камнями. Сумочка была сделана из старой шкуры Кемана, и девочка надеялась, что это доброе предзнаменование. Чешуя и сама искрилась в солнечном свете, словно горсть сапфиров и изумрудов, и каждая чешуйка была словно припорошена золотом. Туника Шаны была слишком запыленной, чтобы блестеть, но когда она была чистой, чешуя на ней напоминала уже даже не драгоценные камни, а покрытые эмалью металлические пластины — совсем как на изделиях эльфов.

Шана высыпала камни себе на ладонь, устремила на них взгляд и принялась сосредоточиваться, руководствуясь наставлениями Кемана. «Первым делом я нахожу центр, то место, откуда исходит вся сила. Приемная мама говорила, что там же располагается центр тяжести, так что я знаю, где это...»

Шана смотрела на озерцо разноцветного света, покоящееся в ее ладонях, и старалась отыскать ускользающую точку равновесия. Драгоценные камни сверкали. Каждый из них казался живым. В конце концов Шана закрыла глаза и «увидела» то же самое сияние внутренним зрением.

«Я... кажется, это оно...»

Точно над пупком девочки располагалась точка, которая, казалось, пульсирует тем же самым живым светом, что и драгоценные камни. Шана изо всех сил подумала об этой точке, «сжала» ее, как говорил Кеман, и была вознаграждена усилением сияния. Об этом было очень трудно думать, точнее, трудно было облекать мысли в слова. Интересно, это хорошо или плохо?

Шана нажала сильнее. Теперь она ощущала энергию повсюду. Энергия струилась через ее тело, вызывая легкую дрожь и звон в ушах. Казалось, что она исходит от пригоршни освещенных солнцем драгоценных камней, сжатых в ладони Шаны. Преисполнившись надежды, Шана подхватила поток и усилила его.

Она отказалась от попыток выразить свои ощущения словами — это было все равно что пытаться плыть через грязь. Вместо этого девочка сосредоточилась на образах и чувствах. Шана принялась представлять, какой она должна стать: высокой, сильной драконицей, рослой, как Ровилерн, но намного гибче, с пурпурно-синей чешуей — точно такой же, как аметисты и лазурь, лежащие у нее на ладони.

Шана увидела себя внутренним зрением, увидела крылья, что должны поднять ее в небо, и длинный гибкий хвост. Она представила себе каждую подробность, вплоть до малейшей чешуйки, — и все это время Шана усиливала давление на энергетический центр, пока не почувствовала, что сейчас лопнет от напряжения.

Тогда Шана резко убрала давление, и взрыв энергии на мгновение ослепил ее внутреннее зрение. Шана открыла глаза. Она была совершенно уверена, что сейчас увидит свои драгоценности лежащими в пурпурной чешуйчатой лапе.

Но обнаружила, что их по-прежнему держит совершенно человеческая рука.

Солнце заполняло расщелину алым светом, и Шане казалось, будто она сидит в сердцевине огромного рубина. Свет лился из-за спины девочки, освещая дальнюю часть расщелины, и тень Шаны гравюрой вырисовывалась на пламенеющих камнях. Это было очень красиво, но Шана сейчас не замечала красоты. Она была полностью опустошена. Руки девочки дрожали от напряжения, и все, чего ей сейчас хотелось, это лечь и отдохнуть. Пот каплями скатывался по ее лбу, бисеринками проступал над верхней губой, тек по шее.

Шана потратила несколько часов, пытаясь превратиться из человека в дракона, но результат оставался неизменен. С энергией все было в порядке — Шана ощущала ее присутствие при каждой попытке. Она все делала правильно.

Но когда Шана высвобождала энергию, ничего не происходило.

Девочка посмотрела на зажатую в кулаке сумочку с драгоценностями. Рука дрожала, а костяшки побелели от напряжения. И внезапно Шана поняла, что как бы она ни старалась, она никогда не сумеет сменить облик. Дело было не в ее молодости и не в недостатке силы. Она обладала силой, и она научилась мысленной речи намного раньше всех своих сверстников. У нее было все, что требовалось, — или почти все.

Потому что Мире и все остальные были правы. Она, Шана, — действительно животное.

И все колкости, которыми бросались Мире и Рови, вновь обрушились на Шану вместе с ненавистью, породившей их.

Мире: «Алара притащила тебя сюда, как игрушку для Кемана. Мама нашла тебя, когда твоя двуногая мать умерла, и из жалости забрала тебя с собой».

Рови: «Алара всегда приносила Кеману кучу разных животных. И ты от них отличаешься только тем, что не хочешь признавать себя ручным животным».

Мире: «*Животное! Двуногое животное! Ты — всего лишь* крыса, очень большая крыса!»

«Крыса! Крыса! Крыса!»

Насмешки звенели в ушах Шаны, и девочка с криком запустила драгоценными камнями в стену расщелины. Камни простучали по стене, словно капли дождя, но Шана даже не услышала этого.

Она слишком глубоко погрузилась в горькие и безрадостные мысли, складывая вместе детали, на которые раньше не обращала внимания.

Приемная мама никогда не рассказывала Шане о ее родной матери. Алара только сказала, что «знала» ее и что мать Шаны умерла в пустыне. А когда Шана принималась любопытствовать, как выглядела ее мать и какой она была, Алара уводила разговор в сторону. И при этом она старалась не смотреть на Шану. Приемная мама вела себя так, словно ей было что скрывать.

Мире постоянно сообщала Шане всякие язвительные подробности, но до сегодняшнего дня девочка просто отмахивалась от них, как от очередной лжи.

«Остальные драконы тоже относятся ко мне, как к животному». Кеман говорил, что это из-за того, что Шана застряла в двуногом виде. Но если это и есть ее настоящий облик...

«...то я навсегда останусь для них животным».

Шане вспомнились многочисленные случаи, когда взрослые разговаривали с Кеманом о ней, как будто ее здесь не было или

она не могла понять их разговора. А когда они все-таки обращались к самой Шане, они разговаривали с ней точно таким же тоном, которым Кеман говорил со своими луперами.

Алара никогда не обращалась с ней так — и Отец-Дракон тоже. Но они были единственными из всего Народа, кто этого не делал. Шана всегда думала, что все это изменится, как только она научится превращаться. В конце концов, неудивительно, что ее принимают за животное, раз она носит животный облик.

Приемная мама обучала ее вместе с Кеманом — но когда она рассказывала о Народе, она никогда не говорила, что Шана тоже принадлежит к нему. Она никогда не разговаривала так с Кеманом...

«Только со мной...»

Значит, все это — не просто злобная выдумка Мире и Рови. И приемная мама знала об этом. Потому-то она обучала Шану чуть-чуть не так, как Кемана.

«Я не драконица. И никогда ею не буду. Я — уродливое двуногое животное. И пойду на завтрак какому-нибудь дракону, когда он чересчур проголодается...»

Шана стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, и из глаз девочки брызнули слезы. Они покатились по щекам, прокладывая дорожки среди корки пота и пыли. Последние лучи солнца исчезли из расщелины, оставив лишь синеватое мерцание сумерек.

Что-то до боли сжало грудь Шаны, перехватило горло, и за первым взрывом отчаяния вновь последовали безмолвные слезы. Девочка чувствовала себя обманутой и даже преданной.

«Почему они не сказали мне об этом? Почему никто мне об этом не сказал? Если Мире знала, кто я такая, значит, это знал и Кеман. Так почему же он позволил мне думать, что я принадлежу к Народу? Почему приемная мама ничего мне не рассказала? Ведь это она нашла меня! Она с самого начала знала правду!»

Шана беззвучно заплакала. Рыдания сотрясали ее худенькое тело. Шана обхватила плечи руками в тщетной попытке унять переполнявшую ее боль. Руками, на которых никогда не появится чешуя и длинные сильные когти. Она никогда не поднимется в небо в Громовом Танце, никогда не станет шаманом, как приемная мама.

Никогда.

«Почему она мне ничего не сказала?»

Этот вопрос странным образом изменил настроение Шаны — боль переросла в гнев. Поток слез ослабел, но зато они стали более жгучими.

Она ничего ей не сказала, потому что ей было все равно. Она ничем не отличается от остальных! Ей было все равно, потому что Шана — просто животное, и о ней можно не беспокоиться.

Шану снова переполнило ощущение давления, которое она многократно вызывала в себе во время тщетных попыток обернуться в дракона. Девочка обхватила себя руками за плечи и в бессильном гневе принялась раскачиваться из стороны в сторону. «Это они во всем виноваты! Они! Им было наплевать! Я им еще покажу!..»

Шане казалось, будто что-то грызет ее изнутри. Она замолотила кулаками об землю и завыла от гнева...

И внезапно все камни, находившиеся на расстоянии вытянутой руки от Шаны, взмыли в воздух и обрушились на стены расщелины. Сила удара была так велика, что некоторые камни попросту раскололись.

Шана была сейчас настолько вне себя от ярости, что это происшествие даже не удивило ее. Она просто протянула руку, схватила еще один камень и запустила его вслед за остальными, только прицелилась повыше. Но камень поднялся в воздух и врезался в выступ, напоминавший грубое изображение драконьей головы. И прямо на глазах у Шаны и камень, и выступ рассыпались крохотными осколками.

Земляная белка, считавшая расщелину своим домом, молнией вылетела из норы, задрала хвост торчком и, подскакивая от возмущения, принялась гневно верещать на Шану.

Возмущение зверька вызвало у Шаны ответное раздражение.

Шана даже ничего не подумала. Просто откуда-то из-за ее правого плеча появился камень и метнулся через расщелину.

Когда Шана швыряла камни руками, она швыряла их ничуть не точнее, чем другие дети. Но теперь, когда в дело вступил разум девочки, бросок оказался неотвратимо точным и смертоносным.

Камень со свистом прорезал воздух и ударил зверька по голове. Белка умерла мгновенно.

Маленькое тельце упало с возвышения перед норкой и растянулось на траве, темнея в синих сумерках, словно земляной холмик, формой напоминающий белку.

И неожиданно в ушах Шаны снова зазвучал голос приемной мамы: «А тебе следует понять образ мыслей белки — тогда ты сможешь проникнуть в ее сознание...»

Расщелину заполнила жуткая тишина. Шана опомнилась. Раздражение схлынуло и сменилось ужасом перед содеянным.

Она часто болтала с Кеманом об охоте и добыче, но на самом деле девочка не убила еще ни одного живого существа.

Ни одного — до этого момента.

Никогда еще Шана так страстно не желала исправить свой проступок. И никогда еще это не было настолько невозможным.

Чтобы понять это, достаточно было взглянуть на белку. Уже по одному тому, как лежала белка, Шана поняла, что сломала зверьку шею. Но все-таки она опустилась на колени рядом с белкой и подобрала крохотное тельце, баюкая его в ладонях. Мех был мягким, и тельце все еще оставалось теплым, но безвольно обвисло в руках у девочки.

— Прости меня... — хрипло прошептала Шана и снова залилась слезами. — Прости... Я не хотела — правда, не хотела! Мне ужасно жалко...

Но никакая магия уже не могла бы вернуть белку к жизни. Маленькое тело, лежащее на ладонях у Шаны, быстро остывало и коченело.

— Я должна была учиться у тебя! — всхлипнула Шана и заплакала еще горше. — Я должна была учиться у тебя, а вместо этого убила тебя! Я...

Она положила белку в углубление, где прежде был тайник с драгоценностями, и заложила его камнями. Шана хотела было воспользоваться для этого своей новоприобретенной силой — это казалось девочке самым подходящим, — но сила словно улетучилась вместе с гневом. Поэтому она возвела крохотную гробницу вручную, от всего сердца оплакивая несчастную белку.

Когда Шана наконец успокоилась, было уже совсем темно, и ей пришлось спускаться по склону холма, довольствуясь лишь лунным светом. Это было медленное дело, требующее изрядной осмотрительности: Шана осторожно примерялась перед каждым шагом и прощупывала почву, прежде чем сделать следующий шаг.

У нее было довольно времени для размышлений.

Шана почувствовала прилив решительности. Она принялась рассматривать звездное небо, пытаясь рассудить, насколько же далеко она зашла. «Мне не следовало убивать белку». Но все-таки она это сделала, причем сделала при помощи своей магической силы. «Должно быть, поэтому я ее и потеряла. Из-за того, что употребила ее для убийства».

Шана не знала, то ли ей плакать, то ли, как ни странно, радоваться. Сила возбуждала и опьяняла Шану, пока девочка поль-

зовалась ею, но теперь, задним числом, она внушала Шане страх.

Девочка принялась осторожно пробираться по узкому карнизу, тесно прижимаясь к шершавой скале. Если бы сила осталась с ней, у нее появилось бы нечто такое, чего нет ни у кого. Но даже эта сила все равно не сделала бы ее драконицей. Возможно, остальные драконы лишь решили бы, что теперь она стала не просто животным, а опасным животным.

«Но если бы сила осталась со мной, Рови и Мире уже не смогли бы издеваться надо мной».

Но она совершила убийство при помощи этой силы. А вдруг она убила бы и их? Она вовсе не хотела убивать ни Рови, ни Мире — пусть только они оставят ее в покое!

В конце концов Шана добралась до относительно ровной поверхности и дальше могла идти уже нормально. Она поплелась домой, повесив голову. Но все-таки Шана не настолько погрузилась в собственные мысли, чтобы не следить, куда она ступает. Каждый шаг вниз по склону сопровождался одними и теми же мыслями, слившимися в бесконечной литании, что стала в конце концов частью спуска. Когда Шана достигла подножия горы, то обнаружила, что ее качает от изнеможения и тошноты. Девочку одновременно пробирал жар и бил озноб, а ноги, казалось, отказывались ее держать. Шане пришлось на мгновение прислониться к высокой скале, чтобы прийти в себя.

Скала еще хранила солнечное тепло, и девочка с благодарностью прижалась к ее ровной поверхности. Внезапно она почувствовала себя такой усталой, что у нее не осталось сил даже думать. Если бы это не было настолько опасно, Шана просто сползла бы сейчас на землю и заснула, не сходя с места.

Но в ночи бродили луперы и горные коты — их стаи выискивали добычу. Кроме того, ночью на нее могли бы заползти змеи или скорпионы, привлеченные теплом ее тела, и укусить или ужалить ее, если она пошевелится во сне.

Нет, лучше уж она как-нибудь доберется домой.

Приняв это решение, Шана подняла голову и тут же ощутила приступ головокружения. Волна дурноты накатила и схлынула, но дрожь и слабость в ногах остались. Шана уцепилась за скалу. Как бы ей хотелось, чтобы сегодняшнего дня не было!

На Шану обрушился новый приступ дурноты. Девочка уже не думала ни о своей вине, ни о магической силе. Все, чего ей сейчас хотелось, это добраться до своей безопасной спальни.

Шана оттолкнулась от скалы и побрела по неровной земле, едва разбирая дорогу. Она не раз спотыкалась и падала, снова и снова расшибая свое несчастное колено. Это было самое длинное путешествие, которое Шане пришлось проделать за всю ее жизнь. И когда, наконец, девочка обогнула подножие холма и добралась до загонов, где Кеман по-прежнему держал своих ручных животных, она тихо заплакала от радости. Ее больше не волновало, что она сама была одним из этих животных. Единственное, что сейчас имело значение, это дом — место, где можно лечь.

Чтобы переждать очередной приступ головокружения, девочке пришлось остановиться и опереться на ограду, окружающую пруд с выдрой. Когда же это не помогло, Шана уселась прямо на край водоема, зачерпнула воды и плеснула себе в лицо.

А потом она потеряла равновесие и свалилась в пруд.

Холодная вода смыла дурноту. Когда Шана вынырнула на поверхность, подняв фонтан брызг, она уже могла нормально соображать, хотя по-прежнему испытывала слабость. Шана уцепилась за камень — один из тех, которыми были выложены берега пруда. Выдра тем временем выбралась из норы и принялась плавать вокруг, с любопытством принюхиваясь к девочке и время от времени тыкаясь в нее носом. Шане понадобилось немало времени, чтобы выбраться из воды. Когда же это ей наконец удалось, Шана растянулась на земле, тяжело дыша, а выдра признала ее безнадежно скучной и удалилась в опочивальню.

Импровизированное купание Шаны оказалось полезным как минимум в одном отношении. Конечно, заработанные в ходе сегодняшних злоключений синяки и ссадины никуда не делись, но теперь, по крайней мере, Шана была чистой.

Сухой воздух быстро впитывал влагу, и к тому времени, как Шана добралась до входа в логово, она уже была сухой, если не считать волос. Девочка была очень рада, что ее спальня — самая ближняя от выхода. Она совершенно не была уверена, что сможет сказать приемной маме что-нибудь разумное, если Алара захочет узнать, где ее носит ночью.

Но даже при том, что спальня Шаны была крайней, девочке предстоял довольно долгий путь через цепочку сообщающихся пещер. Этого расстояния было довольно, чтобы к тому моменту, когда Шана добралась до своей маленькой пещерки, она дрожала всем телом и засыпала прямо на ходу. Она рухнула на постель — груду некогда украденных Аларой тканей, — и отключилась, не видя и не слыша ничего вокруг.

Шана смотрела в потолок своей пещерки, выровненный при помощи магии, и ошалело жмурилась. Проснувшись, Шана сперва не поняла, почему у нее болит все тело и почему у нее разбиты локти и колени. Потом она вспомнила, в чем дело, — и не поверила своим воспоминаниям.

«Должно быть, это был сон», — подумала она в конце концов. Никто не может швыряться камнями, только подумав об этом. Даже приемная мама такого не умеет — она может только перемещать камни и руками лепить из них что-нибудь, как из глины. Она не может сделать так, чтобы камни летали по воздуху.

Чем больше Шана думала о вчерашнем дне и о всех тех вещах, которые она, кажется, сделала, тем менее правдоподобным ей это казалось. Все — кроме той части, которая касалась Мире и Рови. Ее избитое и исцарапанное тело служило достаточным свидетельством того, что по крайней мере эти события были совершенно реальны.

А насчет всего остального... Должно быть, когда ей при всем старании так и не удалось сменить облик, она принялась плакать, и плакала до тех пор, пока не уснула. И все это ей приснилось.

Шана понятия не имела, сколько времени она спала, но она не чувствовала себя отдохнувшей. А голову девочки переполняла тупая пульсирующая боль, от которой к горлу подступала тошнота. Болело не в висках, как бывает, когда перетрудишься, а где-то глубоко внутри, за глазами.

«Лучше я все-таки встану, пока никто не пришел меня искать», — решила Шана.

Она кое-как выбралась из своего гнездышка, клубка спутанных тканей, и стащила с себя тунику. После тех передряг, которые пережила вчера несчастная одежка, она наверняка нуждалась в починке.

Шана натянула другую тунику. Их у нее было около полудюжины, и большая их часть была пошита руками девочки. Алара показала ей, как это делается, и неуклонно требовала, чтобы Шана научилась шить себе одежду.

Теперь Шана знала, чем это было вызвано. Тем, что ей всю жизнь придется носить одежду, мрачно подумала Шана и запустила пальцы в спутанные волосы, пытаясь придать им хотя бы видимость порядка. В конце концов девочка кое-как справилась с этой задачей и двинулась на поиски Кемана.

«Он уже наверняка должен был проснуться, и его наказание уже закончилось. Может, мы сможем придумать, что же мне теперь делать...» Шана больше не сердилась ни на своего названого брата, ни на приемную маму — они ничего не могли поделать. Если бы они даже и сказали ей правду, она все равно бы им не поверила. Шана заглянула в маленькую спальню Кемана — всего лишь в пять раз больше ее собственной, — но его там не было. Тогда Шана направилась к выходу, проверить — может, Кеман возится со своими питомцами.

Но сперва она наткнулась на Алару.

Драконица перехватила ее на полпути между спальней Шаны и дальним выходом. Шана перепугалась чуть ли не до потери соображения. При желании Алара могла двигаться совершенно бесшумно, и когда она внезапно и беззвучно возникла перед Шаной, девочка от испуга отскочила назад и сдавленно вскрикнула.

— Мире сказала мне, что вчера ты вернулась домой поздно ночью, — без лишних вступлений начала Алара. Ее ровный, лишенный выражения тон дал Шане понять, что она влипла по-крупному.

«Если я совру, она непременно об этом узнает», — покорно подумала Шана. Она заложила руки за спину и посмотрела на приемную маму — ее морда была хорошо видна в мягком полумраке пещеры. Алара смотрела на Шану сверху вниз — с весьма значительной высоты, надо заметить. Взрослые драконы достигали таких размеров, что при желании могли бы нести Шану на спине, почти не прибегая в полете к помощи магии, а то и вовсе обходясь без нее. То есть они и вправду были очень большими, и Алара знала, как использовать каждый дюйм своего роста к собственной выгоде.

— Да, приемная мама, — печально отозвалась Шана. — Я не хотела, но была такой несчастной после вчерашней драки, что я убежала и спряталась. И я... в общем, пока я добралась домой, уже стемнело.

Алара прищурилась. Ее бледные, словно луна, глаза превратились в два эллипса.

— Это из-за тебя подрались Рови и Кеман? — спокойно спросила драконица. — Я не видела тебя там, но Кеман не сказал мне, куда ты делась, и я подумала, что это ты, должно быть, послужила причиной драки.

— Да, приемная мама, — повторила Шана и вызывающе вскинула голову. — Мире принялась придираться ко мне, а тут появился Рови и сунул свое рыло, куда его не просили. Он чуть

не задушил меня. Если не верите, можете посмотреть синяки на моей шее...

Шана оттянула ворот туники. Алара жестом остановила ее, но ничего не сказала. Шана подождала несколько секунд и, ничего не услышав, решила, что она может продолжать.

— Может, я не принадлежу к Народу, — сказала она, и ее голос задрожал от гнева, — но я не животное! Я не ручной зверек, чтобы Рови издевался надо мной, когда ему захочется! Кеман хотел защитить меня и пытался сделать все, что мог. Он применил магию против Рови только потому, что иначе тот нипочем не отпустил бы меня.

В голове у девочки кружилось множество вопросов. «Где ты была, когда мы так нуждались в тебе? Почему ты не защитила меня от остальных драконов? Почему ты позволила мне верить, что я тоже из Народа?» Но Шана так и не произнесла этих слов.

Алара вздохнула, и голова ее слегка поникла.

— Я знаю, Лашана, что ты — не животное, — мягко сказала она. Теперь в ее голосе не было ни следа прежнего леденящего спокойствия. — И ты не виновата в том, что случилось. Ты не принадлежишь к Народу, но в том нет никакого греха. Хотя многие драконы, заслышав мои слова, объявили бы меня сумасшедшей. Я не виню тебя за вчерашнюю драку, и я очень рада, что Кеман поставил на место этого задиру.

Шана облегченно вздохнула, но облегчение ее было кратковременным.

— Но все-таки ты оставалась под открытым небом после наступления темноты, — продолжала тем временем Алара, — и я намерена наказать тебя за это. Если я не сделаю этого, Мире решит, что для нее этот запрет тоже необязателен, и будет ночи напролет где-нибудь шляться вместе с Ровилерном. А она и так причиняет мне достаточно неприятностей.

У Шаны упало сердце. Существовало лишь одно наказание, которое приемная мама считала уместным для нее, и исходило оно из любви Шаны к прогулкам под открытым небом.

— Ты будешь оставаться в логове или рядом с ним, пока я не разрешу тебе уходить, — закончила Алара, в точности подтвердив опасения Шаны. — Полагаю, это станет для тебя должным уроком.

— Да, приемная мама, — несчастным голосом промямлила Шана. — Но...

— Никаких «но». Ты слышала, что я сказала, — Алара снова выпрямилась во весь рост, и в ее глазах заиграл голубоватый отсвет светильников.

— Да, приемная мама, — Шана понурилась и уставилась себе под ноги, сцепив руки за спиной.

Донесшийся до нее звук поразительно напоминал довольный смешок.

— Кемана ты найдешь у пруда с выдрой. Ему пока что тоже запрещено отходить от логова.

Когда Шана подняла голову и удивленно взглянула на приемную мать, Алара легко развернулась и исчезла во тьме пещер, направившись куда-то в неосвещенные залы, куда не ходил никто, кроме нее самой.

Шана немного приободрилась, вздохнула и потерла глаза, все еще воспаленные после вчерашнего плача. Ну что ж, хоть она и наказана, она, по крайней мере, не останется в одиночестве!

Девочка поплелась к дальнему выходу. Когда-то он был потайным, но с тех пор, как Кеман устроил рядом с ним свой зверинец, скрывать его стало бессмысленно. Когда выход был уже совсем рядом, Шана наткнулась на Мире. Маленькая драконица притаилась в нише рядом с главным коридором и поджидала кого-то. Наверное, Кемана, поскольку смотрела она скорее в сторону выхода, чем в коридор. Шана заметила драконицу лишь после того, как налетела на нее. Когда Шана наступила ей на хвост, Мире взвизгнула и подскочила от неожиданности.

Шана тоже отскочила на несколько шагов. Когда Мире обернулась и взглянула на девочку, насмешливо вздернув верхнюю губу, настроение Шаны отнюдь не улучшилось. Шана стиснула кулаки. Ей очень хотелось стукнуть Мире. Но ничего хорошего из этого не вышло бы — скорее всего Шана только отшибла бы себе руку. «А вот если бы скрутить ей крылья или завязать хвост узлом...»

— Я рассказала маме, что тебя не было ночью! — противным визгливым голоском заявила Мире. — Я рассказала ей, что ты убежала и не вернулась домой до ночи. Я сказала ей, что ты — просто дикое животное и что для тебя нужно сделать загон и привязывать тебя на ночь.

Она говорила в точности как Рови. И откуда только Мире всего этого набралась? Шана попыталась сдержать раздражение и не обращать внимания на драконицу. Она некоторое время смотрела мимо Мире, а потом моргнула, словно отвлекшись от собственных мыслей.

— Ты, кажется, что-то сказала? — переспросила Шана. — Мне на минутку показалось, что я слышу Ровилерна, и я удивилась, откуда он здесь взялся.

Пока Мире подбирала отвисшую челюсть, Шана двинулась вперед, намереваясь пройти мимо драконицы, но та преградила ей путь.

— Ты должна оставаться в логове! — прошипела Мире. — Так сказала мама! Она сказала, чтобы ты оставалась в логове, и Кеману она тоже велела не выходить! Я сейчас пойду и все расскажу маме!

— Давай вали отсюда, ябеда! — огрызнулась Шана, теряя терпение, и почувствовала, как ее лицо вспыхнуло от гнева. — Беги к маме! Увидишь, что она тебе скажет!

— И побегу! — Мире кинулась в глубину пещеры, потом на миг притормозила и бросила через плечо: — И побегу! И расскажу! Прямо сейчас и расскажу! Вот тогда-то ты обо всем пожалеешь!

Шана вскипела от гнева. Что-то сжало ей грудь, и Шана стиснула кулаки до боли в суставах. Никогда еще она не испытывала такого отчаянного желания врезать как следует этой маленькой доносчице...

И от стены с сухим треском отделился камень размером с ее кулак. Он пронесся мимо Шаны через полумрак пещеры, словно сокол, пикирующий на добычу.

Затем послышался глухой удар. Неясная тень — Мире — пронзительно взвизгнула.

— Ты ударила меня! — обвиняюще взвыла драконица. — Ты меня ударила! Больно! Я все маме расскажу! Все расскажу! Все-все! Ты за это поплатишься, маленькая крыса!

Тень съежилась, словно драконица ожидала нового удара, потом послышался скрежет когтей по камню — Мире пустилась наутек. Почти сразу же она свернула за угол и исчезла из поля зрения Шаны.

Шана же застыла посреди коридора, не в силах даже пошевелиться, так она была ошеломлена. Этот камень — он выскочил из стены и сам по себе полетел в Мире, с той же точностью, которую Шана видела прошлой ночью.

«Это сделала я! — изумленно подумала девочка, и ее сердце забилось быстрее. — Это и вправду сделала я! Это был не сон, и мне не померещилось. И я не потеряла свою силу! Я могу попытаться применить ее снова!»

Но тут Шане вспомнилась земляная белка, и на мгновение ее захлестнуло чувство вины.

«Нет, я все-таки владею этой силой и способна пользоваться ею». Шана решила, что не позволит больше Рови снова угрожать ей или Кеману. «Он слишком большой и слишком подлый. Я даже не знаю, что ему еще взбредет в голову».

Шана направила мысленное усилие на кусок камня, лежащий посреди коридора. Но как она ни старалась, как ни «сжимала» свой энергетический центр, камень даже не шелохнулся. Шана уселась на пол. Все ее возбуждение как рукой сняло. Девочка прислонилась к холодной каменной стене и попыталась понять, что она делает не так.

«Я только что сделала это. Я точно знаю, что это сделала именно я, — больше некому». Но, невзирая на все старания, Шана никак не могла найти ключ к этой загадке. Вот только что у нее была магическая сила, а вот ее уже не стало — в чем же заключается разница?

Шана потерла ноющий лоб и с негодованием подумала, что Мире вечно все портит. «Эта дурочка Мире прямо таки вывела меня из себя — у меня постоянно случаются какие-то неприятности из-за нее, и у Кемана тоже. И она вечно обзывает меня всякими противными прозвищами, и ей ничего за это не бывает! Это несправедливо! Мне так захотелось ее ударить!..»

Пригоршня мелких камешков сама собою взлетела с пола и исчезла во тьме. Шана так изумилась, что весь ее гневный запал тут же улетучился. Но на этот раз она обнаружила недостающее звено. Теперь она поняла, в чем кроется разгадка.

«Когда я злюсь, я могу швырять разные вещи. А когда не злюсь — не могу. Огонь и Дождь! У меня все совсем не так, как у Кемана и остальных. Чем больше они бесятся, тем меньше у них получается...»

Шана поднялась на ноги. Ей отчаянно захотелось немедленно найти Кемана и рассказать ему о своих новых способностях. Девочка припустилась бежать. Возбуждение придало ей сил. Но перед самым выходом Шана остановилась, почувствовав смутное беспокойство.

Если она расскажет обо всем Кеману, он перескажет это приемной маме, а Алара расскажет остальным драконам. А им это может не понравиться. Они могут подумать, что Шана опасна. А если она никому ничего не расскажет, то сможет потихоньку делать всякие штуки. Она сможет защитить себя, если Кемана вдруг не окажется рядом.

«Лучше я пока помолчу. Терпеть не могу всякие секреты, но лучше уж я помолчу. Если я хочу, чтобы мне ничего не грозило».

И Шана отправилась на поиски названого брата, но теперь ее шаги были неспешными.

Глава 8

Шана склонилась над прудом, сосредоточенно прищурив глаза. Выдра сидела у себя в логове, но не спала — это Шана могла сказать сразу, по ощущениям, исходящим от мозга зверька. Шана осторожно потянулась своим разумом к разуму зверька и вообразила себя выдрой; она чувствовала, как ее конечности укорачиваются, тело вытягивается и покрывается мехом...

Правда, Шана не изменялась физически, как это делал Кеман, — она меняла лишь свой мысленный образ. Как только Шана почувствовала себя выдрой, она проникла в сознание веселого зверька.

«Тепло-солнце, тепло-вода». Выдра созерцающе уставилась на пространство, раскинувшееся перед входом в нору, перекатилась на спину и почесала нос. Выдра плотно покушала и пребывала в бодром настроении, дремать ей пока что не хотелось. Солнечные лучи, пронизывая воду и рассеиваясь в ней, создавали в норе приятный полумрак. «Спать-нет, — решила выдра. — Играть-сейчас».

Шана почувствовала, как выдра скользнула в воду, еще до того, как увидела ее лоснящееся тело, промчавшееся над самым дном пруда.

Шана не знала, это ли имела в виду приемная мама, когда велела девочке «становиться одним целым с земляной белкой». Впрочем, это мало ее волновало. С тех пор, как она научилась слушать мысли даже самых маленьких животных, перед ней открылся целый мир. И вот этой частью своей новой силы девочка вполне могла поделиться с Кеманом. Ее названый брат давно уже ожидал, что Шана научится слушать мысли животных, хотя сам он этого не мог. В конце концов Алара всегда старалась давать Шане задания, развивающие именно эти способности.

А раз Кеман ничего не подозревает, то он и не удивится внезапному росту способностей.

Выдра вынырнула на поверхность, увидела на берегу Шану и выскочила из воды, чтобы поздороваться с девочкой. Шана

принялась играть с выдрой: она держала камень над поверхностью воды, а выдра подскакивала и хлопала по нему лапой. Потом Шана стала запускать плоские камешки, так, чтобы они прыгали по воде, а зверек их ловил. Им обоим очень понравилась эта забава, но для Шаны она оказалась несколько утомительна. Вот и еще один урок: магия — настоящая работа, и она забирает у тебя очень много сил. Шана даже представить себе не могла, как Алара умудряется справляться со своей работой и не впадать в полное изнеможение.

Шана больше не хотела сейчас работать над своей разновидностью магии. Ей только нужно было настроиться на определенный лад и захотеть чего-нибудь настолько сильно, чтобы подключить к этому свои чувства — и самые мощные проявления магии наблюдались, когда Шана впадала в гнев. Эмоции определенно играли значительную роль — и чем сильнее они были, тем лучше.

Шана обнаружила у себя еще один талант, хотя пока что понятия не имела, куда его можно применить. Оказалось, что, испытывая жажду, она способна находить воду. Она как-то увязалась за Кеманом в один из его походов и забыла прихватить фляжку с водой. К середине дня она чуть не обезумела от жажды — и тут почувствовала в запястье какое-то странное подергивание, как будто кто-то взял ее за руку и пытался куда-то отвести.

В девочке заговорило любопытство. Шана подчинилась этим сигналам и в результате обнаружила клочок земли, поросший саджасовыми кустами и еловой травой, что явно свидетельствовало о близости воды. Немного терпения, ямка, выкопанная у корней куста, — и Шана получила свое питье. После того, как она утолила жажду, подергивание прекратилось.

Это был довольно любопытный дар, но прямо сейчас способность передвигать вещи была более полезна и куда более занятна. Шана даже ухитрилась пару раз поссорить Рови и Мире между собой: она подкарауливала подходящий момент и кидала в них маленькие камушки, так, чтобы каждый из драконят обвинял в этом другого.

А еще Шана заставляла Рови думать, будто она убежала в холмы, тогда как на самом деле она пряталась возле логова. Шана изображала топот двух ног по каменистой тропинке, словно кто-то бежит вниз по склону. Рови покупался на эту уловку и шел по тропинке до тех пор, пока она не сужалась и не становилась непроходимой для дракона. Будь Рови менее ленив, он

вполне мог бы перебраться через груду камней, но Шана достаточно верно оценила его характер: ему не хотелось тратить слишком много сил на преследование. Рови был хулиганом и задирой, но всегда предпочитал не утруждать себя излишними физическими усилиями. Шана и Кеман не раз использовали его лень к собственной выгоде.

И, конечно же, она могла пользоваться своей магией для игр с выдрой и прочими шаловливыми и любопытными зверушками. Например, ночным птицам очень нравилось, когда Шана собирала вокруг себя стайку мотыльков. Птицы кружили над девочкой, перекликались друг с другом и на лету хватали мотыльков. Были еще длинноногие птицы-бегуны, которые принимались играть в догонялки, если Шана не шевелилась.

Шана рассмеялась, и камешки принялись выписывать петли и виражи. Девочка перевернула выдру на спину, а потом заставила гоняться за небольшим голышом — а тот, в свою очередь, гонялся за хвостом выдры. Выдра удвоила старания, пытаясь поймать блестящий камешек, и обе они были всецело поглощены этим занятием.

Алара лежала, погрузившись в созерцание воздушных потоков, раскинувшихся на много лиг вокруг Логова и сулящих перемену погоды. Тут ее отвлек прозвучавший в сознании звук — словно резкая трель сойки. Алара подняла голову.

Трель повторилась. Алара взглянула с вершины утеса вниз, на Логово, пытаясь определить, что это за звук и откуда он исходит. Оказалось, что это Шана играет с выдрой. Ну что ж, раз это доставляет ребенку удовольствие и раз теперь девочка уже не так страдает из-за того, что она не принадлежит к Народу, что же в этом плохого?

Драконица положила голову на скрещенные лапы, закрыла глаза и вернулась к прерванному занятию — заклинанию погоды. Степи — охотничьи угодья Логова — страдали от засухи и отчаянно нуждались в хорошем проливном дожде. За лето прошло не более половины ожидаемых дождей, а теперь они и вовсе прекратились. Обычно в это время года Алара влияла на погоду лишь затем, чтобы вызвать грозу для Громового Танца, но теперь ей придется принимать дополнительные меры, чтобы восстановить естественный ход событий. Другого выхода не остается — придется заклинать погоду, поскольку эльфийские лорды уже успели подействовать на циклоны и так исказить их обычное движение, что теперь осень сама на себя не похожа.

И вот теперь Алара необходимо восстановить нормальное движение воздушных масс, иначе среди травоядных начнется бескормица, и множество животных умрет от истощения. А Логово нуждается в этих животных, чтобы пережить зиму. И кто знает, какие еще проблемы повлекло за собой это вмешательство? Алара наблюдала только за территорией своего Логова. Не исключено, что где-то в результате начнется засуха или наводнения, а далеко не все шаманы умеют заклинать погоду.

По крайней мере, Алара могла работать более-менее спокойно: те, кто произвел эти изменения в погоде, наверняка предполагали, что какой-нибудь соперник может воспрепятствовать их действиям.

Конечно, чтобы подстраховаться, ей следовало бы снова выбраться из Логова, принять облик юного эльфа-гонца и вручить хитроумно составленное анонимное послание лорду, виновному в этом дурацком и безответственном вмешательстве в погоду. Это тоже было частью ее обязанностей, но для этого Аларе пришлось бы оставить детей без присмотра. А Мире доставляет столько хлопот...

Ладно, это она обдумает потом, в свое время. А пока что надо восстановить естественное положение вещей.

И Алара снова впала в транс, позволив своему сознанию подняться в небо. Драконица слилась с окружающим миром. Она двигалась от земли, на которой лежала, к небесам, тянулась к ветрам и облакам, мягко и осторожно призывая их на те пути, где им полагалось находиться. И еще Аларе приходилось обезвреживать заклинания, разогнавшие облака и удерживающие их вдали.

Краем сознания Алара отметила еще одну заливистую трель, но теперь, когда драконица знала, что так звучит магия Шаны, ей не составляло особого труда не обращать внимания на этот шум.

То есть почти не обращать. Все-таки в глубине души Алара была прежде всего матерью, и лишь после этого — шаманом.

Вот и сейчас, хоть ей и хотелось бы, чтобы ребенок вел себя немного потише, какая-то часть сознания драконицы встревожилась, оценив силу магического сигнала. А вдруг еще кто-нибудь обратит внимание на шум? И вдруг они поймут, кто его производит?

Все-таки Алара подавила эти мысли — они уже начинали мешать работе. Пока что ничего с Шаной не случится. «Услышать» ее смогут только самые старшие драконы Логова, а они,

прежде чем что-нибудь предпринимать, придут за советом к шаману.

Восстанавливать нарушенные эльфами воздушные потоки — это было все равно что распутывать сразу несколько безумно запутанных клубков пряжи. Пока Алара возилась с этой работой, она успела здорово выйти из себя. Это было не просто какое-то одно заклинание. Заклинания многократно наслаивались друг на друга и взаимодействовали между собой, причем некоторые — весьма странным образом.

Эти эльфы что, свихнулись? Они хоть когда-нибудь думают о возможных последствиях? Или они сидят, пока не стрясется несчастье, и только после этого грубой силой восстанавливают нормальный порядок вещей?

Алара начала склоняться к мысли, что так оно и есть — по крайней мере, когда речь идет о самых могущественных лордах. Более слабые эльфийские маги тоже создавали такие клубки, но они громоздили заклинание на заклинание, пока структура не рушилась под собственной тяжестью или не искривлялась, превращаясь в нечто неожиданное, сопровождаемое совершенно непредсказуемыми эффектами.

Ну а потом, естественно, в дело вмешивались самые сильные маги.

«При условии, конечно, что еще раньше за это не возьмутся драконы», — слегка самодовольно подумала Алара.

И она принялась расплетать и распутывать заклинания, стараясь выполнить свою работу как можно тщательнее, — а это отнимало немало времени и сил. Аларе потребовался почти целый день, чтобы восстановить воздушные потоки, и к тому времени, как на опаленные засухой степи обрушился дождь, драконица здорово проголодалась и сделалась несколько вспыльчивой. Алара поднялась на гору еще с утра и принялась за работу натощак, и потому сейчас ей хотелось лишь одного — хорошего жирного трирога. Можно парочку. Голод сделал ее раздражительной, и когда она увидела у входа в свою пещеру троих старейших драконов Логова, это отнюдь не улучшило настроения Алары. Двое свернулись кольцом вокруг мраморной беседки: один — на широкой каменной скамье, окаймляющей беседку изнутри, а второй — прямо на полу. Третий дракон растянулся на пороге и грелся на солнышке. Он загораживал проход — и Алара сильно сомневалась, что это получилось случайно.

— О, Алара! — обрадовался тот, который лежал на полу. Его чрезмерно невинный вид не внушал Аларе ни малейшего доверия. — А мы тут ждем, пока ты спустишься. Мы знали, что ты проголодаешься, так что Аноа убила для тебя трирога и оставила в твоем логове.

— У нас к тебе дело — насчет твоей двуногой питомицы... — нерешительно начала Ороланела, при появлении Алары приподнявшая голову со скамьи. — Она...

— Что — она? — огрызнулась Алара. Предложенная взятка ничуть не улучшила ее настроения. — Мне казалось, что мы уже все обговорили после того случая с Ровилерном и договорились, что вы оставите ее в покое, если дети не будут ссориться из-за нее!

— Я это помню, шаман. Но она шумит, — спокойно произнесла Аноахало. — От нее слышна магия. Ты понимаешь, что я имею в виду. Мы можем слышать ее, а может, и еще кто-нибудь слышит. Остальные пока что не могут сообразить, от кого исходят мелкие неприятности. — Драконица потянулась, и ее когти скрежетнули по шершавому камню порога. — Да, большинство обитателей Логова считают ее животным, и потому, возможно, им просто в голову не придет связать магический шум с девчонкой, — но твердо надеяться на это ты не можешь. А если они обнаружат, что девочка владеет магией... Ну, я даже не берусь предсказать, что они подумают в таком случае. Или что они сделают. Особенно Лори.

Алара вздохнула и пожалела, что сейчас у нее нет рук, — очень уж хотелось помассажировать ноющую голову. Вместо этого она потерла висок тыльной стороной лапы, пытаясь унять боль.

— Она вам чем-то мешает? — в конце концов спросила драконица. — До тех пор, пока вы, старейшие, ничего не имеете против девочки, меня мало волнует верещание Лори.

— Ну, на самом деле не мешает, — лениво отозвался с пола беседки третий дракон, Кеокешала. Он сдержанно зевнул и улыбнулся. — Любопытная штука — эта ее трель. Ее и вправду довольно приятно слушать — если, конечно, кому-то нравится птичье пение. Но она раздражает нас не шумом, а своими действиями. Мы ведь еще не знали об этом, когда обещали тебе оставить девочку в покое. И теперь мы хотели бы знать, что ты собираешься с ней делать.

— Я ничего не собираюсь с ней делать — по крайней мере сейчас, — ровным тоном отозвалась Алара. Она растянулась на теплых камнях и подставила крылья последним лучам заходящего солнца. — Мне кажется, что она ведет себя вполне прилично. Она никому не причиняет вреда, не ввязывается ни в

какие ссоры, а эти мелкие трюки дают ей возможность позабавиться. А чего, собственно, вы от меня ожидаете? Что я, по-вашему, должна с ней сделать?

Кеоке рассмеялся, и его улыбка сделалась еще шире.

— Да ничего, пожалуй. По крайней мере сейчас. На самом деле, это довольно забавно — наблюдать, как она учится своим фокусам и морочит голову Ровилерну — особенно, когда она заставляет его побегать. Знаешь, девчонка чертовски сообразительна. Если не знать, ее вполне можно принять за драконицу.

Аноа вежливо кашлянула и покачала головой, слегка приподняв гребень.

— Ну, я бы не стала заходить так далеко, — нерешительно заметила она, — но я бы сказала, что у нее очень большой потенциал. Это и заставляет нас задуматься, Алара. Все это время мы играли с Пророчеством, но последние события навели нас на мысль, что твоя питомица — то самое Проклятие эльфов. То есть я хочу сказать, что мы вполне можем сделать ее Проклятием эльфов — нужно лишь немного подтолкнуть ее в нужную сторону. Если так можно выразиться, у нее есть все верительные грамоты. Если девочка когда-нибудь выяснит, кто она такая, и узнает о своих родителях, похоже, она причинит тебе немало хлопот. Могу поспорить, что тогда тебе будет нелегко удержать ее здесь.

Орола хохотнула и вытянула шею, чтобы смотреть прямо в глаза Аларе.

— Ладно, хватит ходить вокруг да около. На самом деле, мы думаем, что тебе следует рассказать девочке о ее родителях, об эльфийских лордах и людях и обо всем прочем. По правде говоря, Алара, как только мы поняли, что девочка владеет магией, нам сразу же показалось, что грех упускать такой удобный случай. Нам хотелось бы выпустить девочку в их мир и посмотреть, что она сумеет сделать.

Кеоке возвел глаза к небу и усмехнулся. Хвост дракона слегка подергивался.

— Она наверняка произведет поразительные опустошения, прежде чем ее схватят, — довольно заметил он. — А если кто-нибудь из нас отправится с девчонкой, чтобы присматривать за ней, то мы сможем снова освободить ее — ну, или проследить, чтобы она ничего не рассказала эльфам о нас.

От делового тона Кеоке у Алары кровь застыла в жилах. Она слишком хорошо знала, что он имеет в виду. Если — нет, не если, а когда, — Шану схватят, кто-нибудь из драконов позаботится, чтобы она умерла прежде, чем выдаст эльфам тайны Народа. «Они просто хотят использовать ее, словно она — двурог, которого можно вырастить, а потом съесть, или орудие труда, которое можно выбросить, когда оно сломается».

— Мне кажется, Кеоке, что это немного чересчур, — мягко возразила Орола, полуприкрыв глаза. — В конце концов, это дитя. Да, оно не принадлежит к Народу, но оно не сделало нам ничего дурного и может неплохо позабавить нас, если мы об этом позаботимся.

Она повернулась к Аларе.

— Да, я согласна, — девочку следует пустить к эльфам. Но я думаю, мы должны обеспечить ее безопасность. В некотором смысле это для нас дело чести. Мы взяли ребенка к себе и действительно отчасти отвечаем за него. Просто взять и отправить его навстречу опасности — это... отвратительно, — Орола слегка скривилась, словно съела что-то горькое. — Это все равно что... все равно что съесть кого-нибудь из ручных животных Кемана. Нельзя внушать кому-то доверие, а потом предавать его.

Кеоке задумчиво хмыкнул и склонил голову набок, обдумывая слова Ороды.

— Да, верно. Это слишком уж смахивает на Лори — а безответственность Лори нам всем прекрасно известна.

Орола кивнула. Алара тем временем взяла себя в руки и постаралась принять безмятежный вид.

— Даже если не принимать во внимание все остальное, — продолжила Орола, — мы понятия не имеем, как долго живут полукровки. Если это существо унаследует хотя бы половину жизненного срока эльфов и постоянно будет учиться и совершенствоваться, оно, возможно, сумеет выдумать несколько ловких трюков и пользоваться ими. И у него будет достаточно побуждений, чтобы именно так и поступать.

Алару покоробило это «оно», обращенное к Шане. Но, по крайней мере, Орола упомянула какие-то требования чести, даже если они ограничивались понятиями о необходимости опекать прирученное животное. Она хотя бы не считала возможным просто выбросить беззащитного ребенка во внешний мир и убить Шану, когда ее схватят. Кеоке же, с другой стороны, относился ко всему этому вопросу гораздо более цинично, и, вероятно, благополучие Шаны интересовало его лишь постольку, поскольку было связано с возможностью позабавиться за счет девочки. И он все еще мог склонить двух остальных

старейшин на свою сторону. Если только она, Алара, не сможет направить его мысли в иное русло.

Алара глубоко вздохнула, успокаивая дыхание, и принялась размышлять. Ее разум сейчас работал так же быстро, как во время Громового Танца. Ей необходимо добиться, чтобы все они, даже Орола, восприняли Шану как личность, и убедить их, что Шана заслуживает такой же защиты, как любой из Народа. Алара решила, что наилучший способ добиться этого — убедить старейших, что Шана представляет собой значительную ценность.

— Она всего лишь дитя, — напомнила Алара старейшинам, стараясь говорить спокойно и уклончиво. Драконица сложила крылья и положила голову на каменные перила беседки. — Ей еще далеко до вступления в полную силу. Из всех нас один лишь Отец-Дракон знает, на что способны полукровки, — и я сомневаюсь, чтобы даже ему было известно все. Трудно сказать, что этой девочке под силу, а что — нет. Мы просто этого не знаем. Думаю, это может оказаться весьма важным для нас — что Шана именно сейчас оказалась у нас под рукой.

— И это уже само по себе достаточно забавно, — признал Аноа, задумчиво почесывая линяющую шкуру. — Наблюдать за ней, когда она соображает, что бы еще такого сотворить, — все равно что открывать шкатулку-головоломку: никогда не знаешь, что оттуда появится в следующий раз. Мне бы и в голову не пришло, что она сможет воздействовать на сознание мотыльков или играть с птицами-бегунами. Я считаю, что нам не стоит пока что отправлять ее во внешний мир. Мне бы не хотелось упускать возможность полюбоваться, что произойдет, когда девочка получше освоится со своими способностями. И я полагаю, что до дна этого мешка еще далеко.

— Да, пожалуй, — кивнул Кеоке. — Ну что ж, думаю, нам стоит подержать ее здесь, пока она не подрастет еще немного — или даже до тех пор, пока она не достигнет взрослых размеров. — Он повернулся к Аларе и прищурился, словно для того, чтобы лучше видеть в сгущающихся сумерках. — Ну, а дальше что? Ведь ты наверняка не собираешься продержать ее в Логове до конца жизни — а, Алара? Мне кажется, это было бы несколько жестоко, все равно что держать сокола на привязи.

— Я... На самом деле я об этом не думала, — неохотно признала Алара. Она не любила вспоминать о том, что ее дети растут и вскоре захотят покинуть ее. А Шана была для нее такой же

родной, как и Кеман. А уж способностей к постижению наук Шана унаследовала от Алары куда больше, чем Мире.

— Я же говорю — ее надо отпустить! — настойчиво повторила Орола. Она постоянно ворочалась, и ее чешуя скрежетала по камню скамьи. — Пусть она узнает о своем происхождении сразу же, как только станет взрослой. Давайте дадим ей возможность посмотреть, что в мире происходит, и устроить небольшую заварушку. Мы будем наготове, чтобы в случае опасности умыкнуть ее, но сперва дадим ей немного побегать. Нельзя удержать молодое животное от его первого убийства, Алара.

— Я действительно думаю, что Шана может принести куда больше пользы — и для нас, и для Народа в целом, — чем при подобном раскладе, — осторожно отозвалась Алара. — В ней есть нечто необычайное, нечто такое, с чем я не могу совладать. Помните, что сказал Отец-Дракон, когда я только-только принесла Шану в Логово?

— Что она — великая хаменлеаи, — после короткого размышления отозвалась Аноа. — Я забыла об этом. — Глаза драконицы мягко засеребрились в свете встающей луны. — Возможно, ты действительно права. Об этом я совсем забыла.

— А я — нет, — парировала Алара. Кажется, ей наконец-то удалось занять прочную позицию. — Я помнила об этом постоянно, все то время, что растила эту девочку. Она слишком важна, чтобы разменять ее на возможность позабавиться. Кеоке, ты же сам это сказал — она слишком похожа на воплотившееся Пророчество о Проклятии. А вдруг Пророчество, с которым мы играли все эти годы, — правда? Вдруг все наши выходки лишь служили истинному предсказанию? Что, если Шана и есть Проклятие эльфов? Разве вы не понимаете, какие перемены это может произвести во всем мире?

Трое старейшин беспокойно заворочались. Алара ощутила поднимающуюся вокруг нее волну эмоций. Она заставила их осознать истинный потенциал Шаны; если теперь они так же отчетливо поймут ее подлинную ценность...

— Я помню и кое-что другое, Алара, — прошептала Орола. Ее глаза расширились от удивления и беспокойства. — И не знаю, приняла ли ты это во внимание. Да, ты права, мы не знаем, что по силам этому ребенку. А если она — героиня подлинного Пророчества, мы не сможем сказать, во что она превратится, какими силами овладеет и как будет смотреть на мир. Судя по описанию, данному в Пророчестве, это самое Прокля-

тие эльфов — не слишком-то приятное существо. Я полагаю, что оно может представлять реальную угрозу для нас, и не только за счет того, что оно может выдать нас эльфам. Мы понятия не имеем, как ее сила может воздействовать на нас и насколько она велика.

У Алары упало сердце. Черт, она так надеялась, что этот вариант не придет им в голову!

Воцарившееся молчание нарушил Кеоке:

— Другими словами, она может не просто оказаться Проклятием эльфов, но и сделаться проклятием драконов. Она может ввергнуть нас в хаос даже прежде, чем познакомится с собственным народом.

Надо скорее подавить эту мысль, пока они не решили, что от ребенка следует избавиться!

— Ну, прежде всего учтите, что это лишь предположение и не более того — о том, что Шана якобы и есть это самое Проклятие эльфов. Вы, кажется, об этом уже позабыли. Во-вторых, даже если это и правда — именно это бедствие я и пытаюсь предотвратить! — воскликнула Алара, позволив своему раздражению прорваться наружу. — Если я выращу ее среди нас и как одну из нас и заставлю девочку чувствовать себя частью Народа — она никогда не обратит свои силы против Народа! Я, конечно, не поручусь, что она не применит их против какого-то конкретного дракона. Лично я на ее месте, если бы Рови постоянно меня задирал, оторвала бы ему голову и хвост и поменяла их местами — если бы могла, конечно.

За этой тирадой последовало молчание, и Алара почувствовала, что страсти, кипевшие в старейшинах, понемногу успокаиваются.

Кеоке медленно кивнул.

— Да, звучит разумно, — согласился он. — Вырасти лупера среди двурогов, и он будет считать себя двурогом. И я не могу не признать, что Рови сам по себе превращается в серьезную проблему.

Алара едва удержалась от презрительного фырканья. Нет, не таких сторонников она желала приобрести!

— И более того, — сказала она, стараясь говорить как можно рассудительнее. — Я стараюсь приучить девочку к мысли, что по сути наши народы очень похожи друг на друга. Я стараюсь добиться, чтобы Шана чувствовала себя частью некой общности, а не противопоставляла себя всем вокруг. Я стараюсь дать ей понять, что это такое — быть частью Народа и всего окружающего мира, чтобы, когда девочка начнет изменяться, она прежде всего подумала бы о последствиях этих перемен. Я надеюсь, что после того, как я завершу ее воспитание, Шана никогда не причинит Народу никакого вреда, даже самого незначительного. Я люблю перемены, как и все вы, но я хочу, чтобы эти перемены были к лучшему. И чтобы мы контролировали их ход.

Трое старейшин согласно кивнули. Никому из них не требовалось напоминать, к чему могут привести неконтролируемые перемены.

— Полагаю, что уже бессмысленно сомневаться в том, что эта девочка послужит причиной больших изменений, — сказал наконец Кеоке. — Но если мы сможем направлять ход этих перемен...

Глаза дракона сделались задумчивыми, а на морде постепенно проступило довольное выражение.

— Не знаю даже, сможет ли она пресечь злодеяния эльфийских лордов. Но стоит им только заподозрить о ее существовании, и они начнут шарахаться от каждой тени!

— Она может проникнуть в среду людей, а нам это не под силу, — напомнила Алара. — Вы только подумайте, что она сможет совершить! Возможно, ей даже удастся пробудить силы тех людей, которые владеют магией, но не осознают этого, — Алара лишь недавно начала обдумывать эту возможность, но сейчас она решила, что стоит, пожалуй, указать старейшинам на такой вариант. — Вы только подумайте, с чем тогда придется бороться эльфийским лордам!

Орола кивнула — очень медленно.

— Но нам необходимо убедиться, что она никогда не обратит свою силу против нас. Алара, когда ты наблюдаешь за этим существом, будь так же бдительна, как во время Громового Танца. Нельзя упускать такую возможность перемен. Но в этом существе таится опасность — в том числе и для нас.

— Я постоянно наблюдаю за ней, Орола, — напомнила Алара. — Я что, до сих пор об этом не сказала? Я не хуже вас умею распознавать риск. Но я также умею распознавать выгоду, и, думаю, она стоит того, чтобы рискнуть.

— Согласен, — решительно сказал Кеоке. — Кроме того, ты — один из лучших шаманов во всем Народе. Если кто-то и способен сделать так, чтобы девчонка не отбилась от рук, так это ты.

— Спасибо на добром слове, Кеоке, — откликнулась Алара. Она так удивилась, что даже не сразу сообразила, что тут мож-

но сказать. Кеоке не часто удостаивал кого-либо похвалы. — Ты знаешь, что я всегда готова заботиться о благе Народа.

Кеоке поднялся на ноги. Оставшиеся двое старейшин последовали его примеру.

— Просто продолжай присматривать за ребенком, Алара, — сказал он. — Позаботься, чтобы у нее никогда не появилось возможности выступить против нас. Вот и все. Если ты этого добьешься, во всем остальном мы не станем лезть тебе под крыло в полете или занимать место у твоего водопоя.

Алара вздохнула и благодарно поклонилась.

— Это все, чего я прошу, — отозвалась она. — Спасибо.

Кеоке посмотрел в ночное небо, а потом внезапным броском взметнулся в воздух. Его огромные крылья распахнулись с легким хлопком и поймали восходящий поток.

— Не за что! — крикнул он. Аноа и Орола решили прогуляться пешком и отправились к своим логовам, оставив Алару в одиночестве. — Только не надо стараться меня одурачить!

«Для начала я попытаюсь не дурачить себя», — сухо подумала драконица и помахала Кеоке крылом, а потом развернулась и направилась в глубь логова, откуда доносился соблазнительный запах трирога. Желудок, несмотря на все сомнения и заботы Алары, требовал своего, и пасть драконицы уже заполнилась слюной.

Но даже голод не мог заглушить ее размышлений.

«Кеоке, друг мой, мне есть что терять. Я рискую потерять свою репутацию, самоуважение...

...и своих детей. И прежде всего — того ребенка, у которого только две ноги».

Шана лежала в тени огромного валуна. Девочка была настолько неподвижна, что маленькая ящерица пробежала по ее ноге и принялась греться на солнышке, пристроившись на бедре Шаны, словно это был обычный камень. Мягкий, правда, ну да что с того? Шана не шелохнулась. Она совсем недавно обнаружила нечто необычное и поразительное, а именно — новый способ смотреть на вещи. И если драконы сейчас заметят ее, она потеряет редчайшую возможность проверить новое умение на практике.

Ниже по склону три молодых дракона — назвать их драконятами было сложно, ведь они уже почти сравнялись размером со взрослыми, — упражнялись в искусстве смены облика.

В этом занятии ничего нового для Шаны не было. За последние пять лет она сотни раз видела, как Кеман меняет облик. Но ей редко выпадал случай понаблюдать, как это проделывают другие драконы. А сегодня Шана, наблюдая за Кеманом, подметила кое-какие детали, и теперь ей отчаянно хотелось узнать, то ли это его личные особенности, то ли это присуще всем драконам.

Если ей удастся разобраться с этим, ей никогда больше не придется опасаться, что Мире или Рови подкрадутся к ней в измененном облике — под видом двурога или еще чего-нибудь столь же безобидного. Или, что еще хуже, не подкараулят ее, приняв вид камня.

Шана рассредоточила взгляд и расслабилась, словно собираясь войти в транс, но при этом оставила глаза открытыми. А потом, пользуясь тем, что один из драконов, находившихся внизу, как раз принял двуногий облик, осторожно посмотрела на него.

Да, действительно, если пользоваться этим странным способом, когда одновременно видишь и не видишь, становится заметно, что превратившегося окружает что-то вроде радужной тени в виде дракона, — но эту тень можно заметить только уголком глаза.

«Похоже, что я заглянула Вовне, — изумленно подумала Шана. — И как будто вижу, куда делась остальная часть дракона».

Кеман объяснил ей, что, когда дракон принимает облик существа, уступающего ему размерами, он перебрасывает часть себя в некое место, которое драконы называют Вовне. Это было нелегко и требовало большого сосредоточения. Не все драконы обладали достаточной для этого сноровкой. Например, Рови не мог при превращении уменьшиться более чем наполовину.

«А когда он окончательно вырастет, то и совсем не сумеет принять никакого полезного облика, — подумала Шана и тихо засмеялась. — А если он проживет достаточно долго и станет таким же большим, как Отец-Дракон, то вовсе не сумеет превратиться ни во что, кроме небольшого холма. Вряд ли хоть кто-нибудь поверит в двурога размером с длинноноса».

Впрочем, молодые драконы очень неплохо для своего возраста справлялись с превращениями. Они даже могли принимать обе разновидности двуногого облика. Взрослые всегда настаивали, чтобы драконята никогда не смешивали две эти разновидности, хотя Шане всегда казалось, что особых различий между ними нет. Одна разновидность немного постройнее и

повыше. Расцветка у них постоянная: очень белая кожа, светло-золотые волосы и зеленые глаза. У второй разновидности расцветка может быть разной, некоторые так и вовсе казались обесцвеченными. Первая разновидность всегда напоминала Шане одного необыкновенно старого и крупного пещерного паука, который как-то попался ей на глаза. У этой бледной разновидности были точно такие же тощие конечности — и такой же полинялый вид — и еще в них чувствовалась такая же темная угроза.

Ну да ладно, это неважно. Так или иначе, но драконы все равно пользовались обоими этими обликами. Они были очень удобны, если нужно было выполнить какую-то ручную работу, или в тех случаях, если требовалось тело поменьше драконьего.

Интересно, а к какой разновидности принадлежит она сама? «Наверное, мы с моей родной матерью относимся ко второй разновидности — вымирающей, как однороги». Алара до сих пор не спешила рассказывать Шане о ее рождении и о ее соплеменниках. Она всегда говорила, что Шана узнает обо всем, «когда будет готова».

Но когда Шана будет готова? Этого Алара не говорила.

Снова задумавшись над старым вопросом, девочка отвлеклась и позабыла, что она пыталась сделать. Как только Шана отвлеклась, драконья тень поблекла и исчезла, и все вокруг приобрело обычный вид.

«А ну-ка, еще раз». Шана постаралась сосредоточиться заново, но попытка не увенчалась успехом. Теперь она видела лишь троих молодых двуногих, отбрасывающих обычные тени — тоже двуногие. И ни следа радужных драконьих теней.

Шана слегка пошевелилась. Ящерица мгновенно соскочила с ее ноги и нырнула в щель среди камней. Ее крохотный мозг был переполнен тревогой. «Нет, для этого требуется слишком большая концентрация. Дело того не стоит», — решила Шана. Лучше уж она будет «слушать» Рови и Мире и отслеживать, когда им захочется превратиться. Они не смогут спрятать от нее свои мысли. От нее — точно не смогут. Кеман не мог их слышать — но он не мог слышать и большую часть животных.

Да, кстати, а где Кеман? Ему сейчас полагалось бы присоединиться к этой группе — ведь его занятия с Аларой уже закончились.

Внезапно Шана — и молодые драконы, находившиеся ниже, — почувствовала сокрушительный удар фантомной боли — и вызванный ею крик.

«Кеман!» Шана узнала названого брата даже по этому бессловесному ментальному воплю. И тут же до нее донесся новый крик боли — на этот раз самый обычный крик, долетевший откуда-то из холмов.

Занимавшиеся подростки тоже утратили концентрацию, и их словно вышвырнуло обратно в драконий облик. Но Шана не собиралась тратить на них ни время, ни силы. Она уже мчалась по гребню холма со всей скоростью, какой только позволяли добиться две ее ноги.

Первое, что увидела Шана, взбежав на гребень, это Ровилерна. Он стоял на дне расщелины, сложив крылья и хлеща хвостом по бокам, а шея его была изогнута так, словно Рови смотрел на что-то у себя под ногами. А потом Шана поняла, на что он смотрит, — потому что в воздухе разнесся новый крик боли и эхом зазвенел среди камней. Рови прижал Кемана к земле и вцепился когтями в основание крыльев и передних лап — в тех местах шкура была тонкой и чувствительной. Шана попыталась отсечь волны боли, исходящие от сознания Кемана; она даже представить себе не могла, что кто-то способен испытывать подобную боль и все же не считаться с ней.

— А ну говори, ящерица ползучая! — зашипел Рови, обращаясь к своей жертве. Он аж сощурился от удовольствия, вздыбил гребень и обнажил зубы в грубой довольной ухмылке. — Говори! Признай меня господином! Повторяй за мной: «Я сделаю все, что ты захочешь, великий Ровилерн!» Говори или сейчас поймешь, что до сих пор я только играл с тобой!

— Засунь свой хвост себе в!.. — окончание оскорбительной фразы потонуло в новом крике боли — Рови опять сжал когти. Кеман не собирался сдаваться и подчиняться Рови, но надолго ли могло хватить его решительности?

«Убью гада! Я с него всю чешую спущу!» Шане было не до того, чтобы придавать своим мыслям связную форму. С первого же взгляда на происходящее девочку захлестнула ярость. Весь окружающий мир исчез, и осталась лишь ненавистная цель.

Чудовищная тяжесть сдавила грудь Шаны, глаза заволокло багровой пеленой, и неожиданно она поняла, что рычит, словно разъяренный лупер.

Кеман вскрикнул, и переполнявшая Шану сила вырвалась на волю. Три камня размером с голову девочки вывернулись из земли и в мгновение ока врезались в зарвавшегося наглеца.

У Шаны каким-то чудом хватило самоконтроля и благоразумия не направлять эти камни в голову Рови. Вместо этого они ударили дракона под ребра.

В этот момент Рови находился в довольно неустойчивом положении, и потому сила удара сбила его со спины Кемана и швырнула оземь, едва не вышибив дух.

Рови упал на бок. Он был оглушен и не мог даже слова вымолвить. Все, на что его сейчас хватало, — слабо хлопать крыльями. Кеман тем временем поднялся на ноги, а Шана вместе с потоком камней и земли соскользнула по стенке расщелины и оказалась рядом с названым братом.

Она была взбешена до белого каления, и кровавые следы когтей на боку у Кемана отнюдь не смягчили ее гнева. Рови кое-как встал и тупо уставился на Шану и Кемана, слишком изумленный, чтобы что-либо предпринимать.

А Шана не удивлялась — она действовала. Она считала, что боевые действия только начинаются. Сейчас в памяти у нее всплыли все неприятности, которые Рови причинил ей и Кеману, и Шана вознамерилась отплатить за все разом.

— Гадина! — крикнула она и принялась осыпать Рови градом камней размером с кулак, так что тому пришлось плясать и уворачиваться. — Трус! Недоразумение ходячее! Ты — всего лишь здоровенная тупая ящерица, понял, Рови?! Дурак безмозглый! Ябеда крысомордая! Воробей несчастный! Тебе только за собственным хвостом охотиться!

Ужимки, с которыми Рови уворачивался от летящих камней, были поистине забавны. Но Шана оказалась проворнее дракона. В конце концов Рови не успел увернуться, и один из камней вмазал ему ровнехонько между глаз. Теперь настала очередь Рови вопить от боли.

— А, не нравится?! — крикнула Шана, отправляя в полет с десяток камней одновременно. Рови принялся пятиться, а Шана наступала, не давая ему удрать. — У меня найдется много таких подарочков! Попытайся напасть на кого-нибудь своего размера, ты, трус несчастный! Тебе нравится задирать других? Ну так ты у меня на собственной шкуре узнаешь, что это такое! Я тебя так отлуплю, что ты станешь черно-фиолетовым! Я!..

«Шана!»

Шана настолько сосредоточилась на Рови, что не замечала ничего вокруг. И когда ее застиг этот оклик, донесшийся словно бы ниоткуда, Шана вздрогнула от неожиданности, и последние несколько камней рухнули на землю, так и не долетев

до цели. На плечо девочки легла драконья лапа — слишком большая, чтобы она могла принадлежать Кеману.

Все еще пылая яростью, Шана подняла голову и увидела над собой перепуганную морду Алары.

А за спиной у Алары виднелись все драконы Логова — а те, кто еще не успел к месту происшествия, сейчас шли на снижение или карабкались вверх по склону.

Но всех их опередила Лори, мать Ровилерна. Она приземлилась рядом со своим несчастным, обиженным отпрыском, укрыла его крыльями и вытянула шею. Шана никогда еще не видела такой злобной морды. Лори яростно выкатила глаза, вздыбила спинной гребень и оскалилась так, что стали видны даже самые дальние зубы.

— Вы видите?! — заверещала она во всю мочь. — Видите?! Я вам говорила, а вы меня не слушали! Это животное опасно! Она бешеная, ей нельзя доверять!

Она уже готова была наброситься на девочку, но тут вмешался Кеоке.

— Подожди-ка минутку, Лори, — начал он, становясь между Шаной и Лори.

— Нет! — взвизгнула Лори. Ее глаза налились кровью — видимо, драконица была сейчас взбешена не меньше Шаны. — Хватит ждать! Оно слишком опасно, чтобы позволить ему жить! Убейте его! Немедленно! Сейчас же!

Глава 9

Это было единственное место во всем Логове, где можно было провести общее собрание, — огромная пещера, связанная со всеми остальными системой переходов. Сейчас она была полна. Около сотни драконов толпились на полу или восседали на камнях, возвышающихся под стенами. Зал был залит разноцветным сиянием: отчасти благодаря волшебным светильникам, зажженным местными магами, а отчасти потому, что этот свет отражался и преломлялся в тысячах кристаллов, покрывающих стены и потолок пещеры.

Пещера полнилась гулом голосов: мало кто из драконов не имел своего мнения по животрепещущему вопросу, послужившему причиной собрания. Подхваченные эхом голоса двоились и троились, и разобрать что-либо было очень трудно. Ала-

ра изо всех сил старалась сохранять спокойствие, предоставив остальным галдеть вволю. Не было никакого смысла спорить сейчас с самыми перепуганными и фанатично настроенными драконами. До нынешнего момента большинству обитателей Логова даже в голову не приходило, что Шана — не просто необычный ручной зверек, а нечто иное. И вот теперь способности девочки — и уровень этих способностей — повергли драконов в шоковое состояние.

Мнения же тех, кто знал, что представляет собой Шана, разделились. Лори — та вообще с самого начала собрания только и делала, что вопила во всю мощь своих легких. Алара очень надеялась, что эта дура постепенно выведет из себя даже собственных сторонников.

«Ну уж охрипнет она наверняка — и то хорошо».

Алара ни на минуту не забывала о Шане. Бедную девочку заперли в тупике одного из боковых ходов и завалили ход неподъемным для Шаны камнем. Ее оставили там в одиночестве и темноте, и лишь присутствие Алары и Кеоке помешало Лори растерзать девочку прямо на месте происшествия. Кеоке воспользовался своими привилегиями старейшины и приказал запереть Шану. Камень, которым завалили тупичок, был так велик, что в одиночку его не сдвинул бы даже Отец-Дракон.

Все были убеждены, что камень чересчур велик и для Шаны — они исходили из размера камней, которыми швырялась девочка. А вот Алара не была в этом уверена. Вся перебранка с Ровилерном свидетельствовала об осознанных действиях, а не о бездумной вспышке жестокости.

Алара считала, что наглец Рови отделался довольно дешево: одним сломанным ребром, глубокой ссадиной под глазом и сотрясением. Шана вполне могла ударить его по голове камнем покрупнее и уложить на месте. Даже дракон не всегда может выжить, если его с соответствующей силой долбануть по черепу — особенно если бы Шана хорошо прицелилась. Точно так же камень, оставивший ссадину, мог ударить прямо в глаз Рови. А сломанное ребро вообще располагалось не с той стороны, куда пришелся удар, — скорее всего Рови сломал его, когда грохнулся на землю. Огонь и Дождь, да если бы девочка и вправду была жестокой, она могла бы камнями переломать Рови крылья, так, что он на много месяцев потерял бы возможность летать!

— Эта бешеная тварь сломала ребро моему ребенку! — провизжала Лори уже примерно в сотый раз. Ее голос эхом отра-

зился от потолка и заставил ближайших соседей Лори поморщиться. Алара с надеждой отметила, что Лори действительно начинает утомлять даже своих сторонников. — Ему придется теперь не меньше недели пролежать в постели! Я вам говорю — эта тварь взбесилась! Если вы ее не убьете, я сама это сделаю!

Кажется, у Лори наконец-то начал садиться голос — теперь она орала значительно тише. Алара решила, что настал подходящий момент для вмешательства. Она выбрала себе место на возвышении, и в результате до этого момента мало кто обращал на нее внимание. Теперь же Алара подняла голову и сложила крылья поудобнее. Собравшиеся начали оборачиваться в ее сторону.

— Твой драгоценный ребенок — который, по меркам Народа, уже не является ребенком — напал на названого брата Шаны, который по тем же самым меркам все еще считается ребенком, — холодно и отчетливо произнесла Алара, так, что ее обвиняющий голос перекрыл общее бормотание. Все тут же смолкли. Даже Лори от неожиданности замолчала, разинув рот. — Благодаря Ровилерну Кеман несколько недель не сможет летать. Ему даже ходить сейчас больно. Я полагаю, Народ, что вы примете это во внимание! Драку начал Ровилерн, а Шана лишь заступилась за своего названого брата!

— Но... — попыталась было вякнуть Лори.

Алара резко развернулась к ней и заговорила, стараясь, чтобы ее слова звучали спокойно и разумно.

— Кеман весит втрое меньше Рови. А Шана — раз в сто меньше. Это несоответствие не кажется тебе несправедливым?

— Но... но эта тварь пользовалась магией! — завопила Лори. — Она применила магию против Рови! Она могла его убить! Ты сама не знаешь, что еще способна натворить эта скотина! Она полукровка! Никто не знает, на что они способны — и ты тоже не знаешь!

Алара кивнула.

— Да, Шана применила магию, свойственную полукровкам. Да, я не знаю предела ее возможностей. Но я думаю, что в данной ситуации она выказала поразительную сдержанность.

Лори угрюмо замолчала, и в пещере стало тихо — так тихо, что от этой тишины начинало звенеть в ушах. А потом тишину нарушил мягкий голос Кеоке:

— Алара, проблема заключается в том, что нам неизвестно, было это сдержанностью или случайностью. Мы только со слов

этой полукровки знаем, что она била прицельно, а не наобум, куда попадет. А ее слов все-таки недостаточно.

Вслед за Кеоке в разговор вступила Орола. Драконица кашлянула. Все тут же начали оборачиваться. А когда Орола поднялась на ноги, возвышаясь почти над всеми сородичами, общее внимание окончательно оказалось приковано к ней.

— Лори, твой сын получил ровно то, что заслужил, — твердо сказала старейшина. — Имей в виду — я сама летела к месту происшествия с твердым намерением отлупить его. И я это сделаю, если увижу, что он не усвоил преподанный урок. Я слышала большую часть того, что он сказал, — и это достойно сурового наказания. Ни один дракон никогда не будет звать другого дракона господином. Мы оставили это позади, и я не потерплю, чтобы кто-то пытался воскресить эти замашки.

Неожиданная поддержка со стороны старейшины Логова приободрила Алару. Авось ей все-таки удастся выручить Шану из этого неприятного положения!

Но следующие слова Ороллы тут же подорвали все надежды.

— Но Кеоке прав, Алара, — продолжала драконица, обратив на Алару взгляд неярких золотистых глаз. — Я знаю, при каких обстоятельствах ты обнаружила эту полукровку, и знаю, что Кеман считает ее своей названой сестрой. Но все-таки она не принадлежит к Народу, и нам с тобой это хорошо известно. Проблема заключается в том, что нам неизвестно, действительно ли девочка так хорошо контролирует свои способности, как она это утверждает. Если она говорит правду, то все замечательно — она действительно выказала вполне приемлемую сдержанность. А если нет? Тогда в следующий раз, разъярившись, она вполне может кого-нибудь убить. Алара, мы не можем этого допустить. Просто не можем.

Нет! Нет, это неправильно, несправедливо, нечестно!..

— Убейте ее! — прорычала Лори. — Это бешеное животное!

Ее когти так громко проскрежетали по камню, что вряд ли хоть кто-нибудь из присутствующих не расслышал этого скрежета.

Прежде, чем Алара успела что-либо ответить, в дело вмешалась Аноа.

— Ни о каком убийстве не может идти и речи, — спокойно сказала она. Остальные двое старейшин кивнули, выражая согласие. — Что бы ты там себе ни думала, Лори, — а также некоторые другие, — этот ребенок — не животное. Я, как и Алара, достаточно часто принимала облик эльфийских лордов и их ра-

бов-людей и бродила по их миру, чтобы не сомневаться: они разумны. А ты, Лори, и те, кто тебя поддерживает, не бывали там и никогда не будете. У вас нет для этого ни желания, ни достаточного мастерства — а тот, кто не бывал там, не имеет права судить.

Драконы, часто принимающие другие облики, энергично закивали. Лори набычилась, а ее сторонники принялись прятать глаза.

Аноа немного подождала, потом продолжила. Голос ее звучал мягко и рассудительно:

— Я говорю, исходя из собственного опыта. Люди точно так же умны — и точно так же глупы, — как лучшие и худшие из Народа. Они не животные. Что же до эльфов, то они опасны — куда опаснее, чем вы можете себе представить. И неписаный Закон повелевает скрывать от них наше существование по той простой причине, что при желании эльфы способны уничтожить нас. Но история говорит нам, что полукровкам почти что удалось уничтожить самих эльфов, — Аноа сделала паузу, желая, чтобы все как следует осмыслили ее слова. — Нет, Лори, такая разрушительная сила не присуща ни одному животному. Но кое в чем ты права. Эта сила чудовищно опасна, и я боюсь, что мы уже не способны контролировать действия этого ребенка.

Все дружно закивали, и Алара поняла, что ее надеждам не суждено сбыться — никто ее не поддержит. Они хотят выгнать Шану, выбросить ее во внешний мир — а Шана ничего о нем не знает! — в руки тех, кто убьет девочку, если только догадаются, кто она такая. Что же ей делать? Что же делать?!

Аноа снова улеглась, но зато поднялся Кеоке.

— Алара, я считаю, что ты должна избавиться от этого ребенка и избавить нас от опасности.

Алара вскочила, вздыбив гребень, но пристальный взгляд Кеоке заставил ее опуститься обратно, — правда, уселась она крайне неохотно.

— Я не имел в виду, что тебе следует убить ее. Но ее нельзя больше оставлять здесь или даже в окрестностях Логова. Ты должна позволить нам вернуть девочку во внешний мир. Если она и вправду такая необыкновенная, как можно понять из твоих слов, то с ней все будет в порядке.

«Но она не готова! — хотелось закричать Аларе. — Я ничего не рассказала ей о том мире! Она даже не знает, существуют ли другие двуногие, кроме нее самой!»

Но она не стала говорить этого вслух. Здесь речь уже шла не только о судьбе Шаны. Если Алара примется сейчас протестовать, то упадет во мнении присутствующих. А это нанесет значительный ущерб ее репутации шамана. И ничем не поможет Шане. Драконы решили изгнать Шану из Логова — и Алара не сможет повлиять на их решение, что бы там она ни говорила в защиту девочки.

Алара справилась с гневом, который уже готов был выплеснуться наружу. Но вот совладать с отчаянием оказалось куда труднее...

— Когда ты принесла этого ребенка к нам, Отец-Дракон сказал, что девочка — великая хаменлеаи, — продолжал тем временем Кеоке. Его хвост безостановочно подергивался, так что соседи старались отодвинуться подальше от старейшины. — Ты недавно напомнила нам об этом, и правильно сделала. Мы дадим девочке шанс доказать, что так оно и есть. Я полагаю, нам следует отнести девочку в пустыню, куда-нибудь поближе к караванным путям, и там оставить. Да, я знаю Закон, но мне не кажется, что девочка сможет рассказать людям что-нибудь существенное. Когда она найдет людей — если вообще найдет, — они воспримут ее рассказы о драконах как бред человека, обезумевшего от солнца. Девочка умеет находить воду. Если она не просто смышленое животное, а нечто большее, она сможет позаботиться о собственной безопасности, а ее способность изменять окружающий мир получит среди людей должное развитие.

— А если она и вправду животное, как это утверждает Лори, — сухо дополнила Аноа, — она не сумеет позаботиться о себе, но тогда и беспокоиться будет не о чем.

— Полагаю, это следует сделать мне! — воскликнула Алара. Она отчаянно цеплялась за последнюю возможность сообщить Шане хоть какие-то сведения, которые понадобятся девочке, когда ее отправят навстречу собственной судьбе, какой бы она ни была. Или навстречу смерти — если эльфы узнают, кто она такая...

— Нет! — завопила Лори. Кто-то тут же огрел ее крылом, и Лори заткнулась.

Кеоке покачал головой, и свет переливающейся волной скользнул по его шее.

— На этот раз Лори права, Алара, — сказал он. — Ты уже потратила на эту полукровку немало времени. Даже чрезмерно много, если учесть, что ты — шаман. У тебя есть свои обязанности и своя ответственность, и некоторым из нас кажется, что ты

без толку тратишь на этого приемыша время, которое могла бы посвятить исполнению своего долга. Нет, о девочке мы позаботимся сами. А ты занимайся своими собственными детьми и своей работой.

Алара покорно склонила голову. Ей хотелось кричать, хотелось напомнить всем, что быть шаманом — это означает всегда быть наособицу. Но она уже знала, что те, кто держится наособицу, часто раздражают других, и это может иметь довольно опасные последствия.

Итак, решение было принято, и собрание практически закончилось. Правда, споры тянулись еще некоторое время, — в основном стараниями Лори. Ее не устраивало, что Шана отделалась изгнанием, и ей страшно не нравилось, что Орола так резко отозвалась о ее драгоценном сыночке. Но в конце концов и ей пришлось умолкнуть и удалиться.

Алара отправилась в свое логово, к Кеману. На сердце у нее лежал камень. Ей даже не позволили попрощаться с Шаной.

Она остановилась у входа в логово и тут увидела, как Кеоке поднялся в воздух, держа в правой передней лапе что-то маленькое. Этим «чем-то» была питомица Алары. Девочку уносили прочь, не оставив ей ничего, кроме туники.

Смотреть на это было невыносимо — и все же Алара не могла отвести взгляд. Ей запретили даже мысленно разговаривать с полукровкой, и Аларе оставалось лишь в безмолвной тоске глядеть вслед Шане. На глаза драконице навернулись жгучие слезы, а сердце готово было разорваться от горя.

«Мое дитя, моя бедная, несчастная малышка...»

Алара смотрела им вслед, пока Кеоке не растаял в синей дали. Если бы только она могла помешать этому!

Потом Алара развернулась и побрела в глубь пещеры. Как она расскажет об этом Кеману?

Почти все то время, что Шана находилась в заключении, она проплакала — отчасти от злости, отчасти от страха. Она злилась, потому что все это было несправедливо, и в то же время боялась. Что они теперь с ней сделают?

Пещерка, в которую посадили девочку, была холодной и неуютной. Шане даже не оставили света. Драконы не пустили к ней приемную маму, и никто даже не хотел сказать, где Кеман или хотя бы как он себя чувствует.

Все это было совершенно нечестно! Рови превосходил габаритами ее и Кемана, вместе взятых. Все отлично знали, что он

драчун и задира. Вряд ли в Логове нашелся хоть один молодой дракон (не считая, наверное, Мире), который не возрадовался, узнав, что хоть кто-то наконец-то всыпал Рови по первое число.

И Рови совершил куда более тяжкий проступок, чем Кеман тогда, пять лет назад, — он нанес дракону, который был младше его, раны, последствия которых могли остаться навсегда. А в результате под замок посадили ее, Шану, как будто это она сделала какую-нибудь гадость!

Но и это еще было не самым худшим. Шана слышала, как беснуется Лори, требуя ее смерти. Лори всегда терпеть не могла Шану, и многие драконы сейчас были согласны с ней. Шана не думала, что приемная мама допустит, чтобы ее убили, но...

Но этой идеи хватило, чтобы довести девочку до слез — а гнев ее вскоре угас.

Шана не могла разобрать, о чем говорят в большой пещере, — эхо слишком сильно искажало голоса. Время от времени до нее доносилось собственное имя или имена Рови и Кемана, но и только.

В конце концов шум утих, и теперь Шана слышала лишь приглушенное бормотание. Шана ждала, что кто-нибудь придет и скажет, что с ней решили сделать. Девочке казалось, что она сидит здесь уже целую вечность. В пещерке было холодно и темно. Лишь там, где камень, служивший дверью, неплотно примыкал к стене, внутрь просачивался слабый свет.

Шана обхватила себя руками за плечи. Ее била дрожь, и причиной тому был отнюдь не один лишь холод.

В конце концов Шана услышала клацанье когтей по камню и приглушенные голоса двух драконов. Потом послышался скрежет, и огромный камень медленно отодвинулся в сторону. В маленькую пещерку хлынул свет, и Шана увидела смутные очертания огромной когтистой лапы, оттаскивавшей камень в сторону.

Шане показалось, что она должна встретить их стоя. Девочка медленно, с трудом поднялась на ноги, чувствуя каждый синяк и каждую ссадину, которые она заработала, скатившись с гребня холма. Все ее тело окостенело от холода и теперь болезненно ныло. Шана вытерла глаза тыльной стороной ладони. Над головой Кеоке парил светящийся шар, и его желтый свет заставил Шану прищуриться. Вторым драконом оказалась Орола, но она лишь помогла Кеоке убрать камень с прохода и сразу же ушла.

Некоторое время Кеоке осторожно наблюдал за Шаной, словно ожидая, что девочка может швырнуть камень и в него. Собственно говоря, из незащищенных мыслей дракона Шана прекрасно могла узнать, чего он ждет и о чем думает.

«Хотел бы я знать, о чем она думает», — «услышала» Шана. Она взглянула на себя глазами Кеоке и увидела не то маленькое, перемазанное грязью, беспомощное существо, каким она себе казалась, а нечто чуждое и загадочное и, невзирая на свои малые размеры, не менее опасное, чем дракон.

«Скорпион тоже маленький и клыкастый паук. Но оба они способны убить. Она может причинить вред даже мне, если захочет. Она может с такой же легкостью обрушить камень на голову мне, как она это сделала с парнем».

«Если б это и вправду было так легко...» Тот всплеск силы, который Шана обрушила на Рови, дорого обошелся девочке — она была вымотана до предела. Если бы не страх и беспокойство, связанные с заключением, Шана скорее всего уже уснула бы.

— Надеюсь, вы не ждете, что я примусь извиняться, — угрюмо заявила Шана, — потому что извиняться я не стану. Я ничуточки не жалею о том, что сделала. Рови — жаба поганая, и я думаю, вы все еще пожалеете, что так долго позволяли ему задирать нас.

К ее удивлению, Кеоке невесело усмехнулся:

— Нет, дитя, я не стану ждать от тебя извинений. Полагаю, на твоем месте я бы сказал то же самое.

Шана потерла руки, пытаясь согреться, но осталась стоять на месте. Теперь мысли Кеоке были защищены, и Шана не могла прочесть их, не насторожив дракона. Поскольку девочка не слышала, что думает дракон, то она не могла и понять, что он намеревается делать. А потому она решила не двигаться, пока не поймет, что происходит.

— Тогда зачем же вы привалили меня этим камнем, как мышь, которую отложили на обед? — спросила Шана, даже не стараясь скрыть свое возмущение. — Если я не сделала ничего плохого, за что же вы меня наказываете?

Кеоке вздохнул и опустил гребень.

— Дитя, ты представляешь собой нечто новое и странное. Ты проделываешь такие вещи, на которые мы не способны. А все живые существа боятся того, чего не понимают, — все, даже драконы. Мы любим перемены, но лишь тогда, когда они происходят под нашим контролем — и то, честно говоря, лишь в том случае, если они не затрагивают наших интересов. Воз-

можно, это глупо — бояться ребенка, которого любой из нас может прихлопнуть одной лапой. И тем не менее мы тебя боимся, — Кеоке опустил голову и искоса взглянул на Шану. Кажется, ему было стыдно. — Прости, Шана, но если бы ты принадлежала к Народу, все бы решили, что ты поступила с Рови совершенно правильно. Он заслужил эту трепку. И, судя по твоим словам, ты могла бы отлупить его куда основательнее, если бы захотела. Но...

— Но я к Народу не принадлежу, — спокойно закончила фразу Шана. В глубине души она чувствовала, что все к этому и идет.

— Да, именно. И некоторые драконы даже думают, что ты — нечто вроде животного, набросившегося на своих хозяев, как, скажем, это бывает с однорогами.

Кеоке моргнул, и Шана почувствовала, что дракон чувствует себя неловко.

— Мы кое-как убедили остальных, что ты не животное, но ты больше не можешь здесь оставаться, Шана. Мне очень жаль, право... Я пришел, чтобы унести тебя из Логова, достаточно далеко, чтобы ты не смогла отыскать обратный путь, и там оставить.

Эти слова обрушились на девочку, словно те камни, которые она швыряла в Рови. Они оглушили и ошеломили Шану. Она не могла ни шевельнуться, ни вымолвить хоть слово и лишь в оцепенении глядела на Кеоке, а мысли ее метались по кругу, словно перепуганные мыши в кувшине.

«Унести меня отсюда? Куда? Что я буду делать? Что со мной будет?!»

Девочка была так потрясена, что даже не заметила, что Кеоке уже начал двигаться. Она не понимала, что он собирается делать, до тех пор, пока его огромная лапа не сомкнулась у Шаны на талии и не подняла девочку в воздух.

А после этого уже поздно было что-нибудь предпринимать. Даже плакать — и то было поздно.

Кеоке бросил ее — в буквальном смысле слова бросил — где-то в пустыне. Он даже не приземлился, чтобы поставить девочку на землю. Он просто снизился, завис — взмахи его огромных крыльев подняли настоящие тучи песка, — и разжал когти. Расстояние было небольшим — чуть больше роста Шаны, — но падение оказалось полной неожиданностью для нее.

И все-таки Шана успела сгруппироваться и, ударившись о землю, перекатиться через плечо, и потому ей удалось смягчить удар. Некоторое время девочка лежала на горячем песке, собираясь с мыслями. К тому времени, как Шана встала с земли, Кеоке превратился в крохотное пятнышко на темно-бирюзовой чаше неба.

Шана отряхнула песок и оглядела пустынную местность, в которой оказалась. Она чувствовала, что находится на грани истерики. Но ни слезами, ни криками горю не поможешь...

А потому Шана взяла себя в руки и принялась критически разглядывать окрестности.

«Спасибо еще, что он не кинул меня в каком-нибудь месте похуже», — мрачно подумала девочка.

И правда, по дороге они миновали множество куда более скверных мест. Они пролетели над безжизненными солончаками, что тянулись на целые лиги, над каменистой пустыней, разглаженной бесконечными ветрами, и над песками, где не было ничего, кроме кактусов — да и тех попадалось немного.

Здесь, по крайней мере, росли саджасовые кусты да кое-где возвышались одиночные скалы — достаточно большие, чтобы в их тени можно было укрыться от солнца. У Шаны хватало опыта пребывания в пустыне, чтобы сообразить, что она не в состоянии подолгу выдерживать дневной зной и что идти ей придется по ночам...

Если только она придумает, куда ей идти...

Шана загнала поглубже слезы, грозившие вывести ее из равновесия, и постаралась успокоиться. Эти купы кустов и скалы чересчур уж привлекательны. Несомненно, там уже должно было обосноваться достаточное количество живности. Некоторые из здешних обитателей без особых споров поделятся с Шаной жизненным пространством, а кому-то это может и не понравиться.

И единственный способ выяснить, кто же здесь обитает, это пойти и посмотреть самой.

Так, будем думать по порядку. Прежде всего ей нужно найти тень, пока она не свалилась от теплового удара. Солнце и так уже прижимало ее к земле тяжелой когтистой лапой. Теперь Шана сожалела о каждой слезинке, пролитой ею в пещере. Надо же было так по-дурацки терять влагу! Девочка опустилась на четвереньки и осторожно переползла на крохотный пятачок тени, отбрасываемой ближайшим саджасовым кустом. Какой бы

скудной ни была эта тень, песок под ней все же был значительно прохладнее, чем всего лишь в нескольких шагах отсюда, на открытом месте.

Шана улеглась на живот, освободила волосы, запутавшиеся в ветвях куста, и опустила голову на сложенные руки. Под кустом оказалось достаточно тени, чтобы Шана могла поместиться в ней целиком. Девочка вспомнила, как Алара учила ее успокаиваться, и принялась дышать медленно и глубоко, стараясь расслабиться. Наука Алары вошла в плоть и кровь Шаны, и на этот раз она сработала так же успешно, как и всегда, несмотря на страхи, терзавшие Шану, и неисчислимое множество вставших перед ней проблем. Вскоре Шана вошла в транс и принялась изучать окрестности, выявляя наличие жизни.

Первым обнаруженным живым существом оказалась пустельга, пристроившаяся в выемке одной из скал. Это хорошо. Значит, здесь нет мышей, и вряд ли здесь окажется много больших жуков. У подножия скалы устроилась на отдых птица-бегун. А это вообще замечательно! Там, где есть птица-бегун, там не будет змей — ну, разве что у нее в желудке...

Шана продолжала осмотр, напрягая свой разум и высматривая даже самых крохотных живых существ. Девочка находила их и отмечала их точное местонахождение — составляла своего рода ментальную карту, чтобы иметь возможность отыскать любое из этих существ даже после того, как она выйдет из транса.

Вокруг обнаружилось множество скорпионов, но зато пауки, к счастью, оказались самыми обычными — их она не должна заинтересовать. Много ящериц — в основном маленьких, размером с палец Шаны. Муравейник. Вот муравьев следует избегать любой ценой. Зато ос здесь нет. Возможно, именно поэтому здесь так много пауков. Пустынные осы охотились на пауков и откладывали в них яйца, превращая таким образом парализованное тельце в гнездо-пещерку.

Ну, и еще вокруг наблюдалось некоторое количество растений, умеющих переносить засуху. Никто из здешних обитателей не нуждался в воде. Млекопитающих здесь вообще не было, а двум присутствующим птицам хватало той влаги, которую они получали вместе с добычей. А это значило, что здесь нет воды, до которой Шана могла бы докопаться.

Нет воды... Шана подавила приступ страха, но потеряла при этом сосредоточенность и вышла из транса. Девочка открыла глаза — взгляду ее предстали все те же пески и бесплодные вет-

ви — и облизала пересохшие губы. Она знала, что на нынешний момент ситуацию можно считать довольно приличной — по крайней мере, она осознавала это разумом. Как убедить в этом нерассуждающую часть сознания — это уже другой вопрос.

«Будем действовать по порядку», — сказала себе Шана. Сейчас ей нужно найти убежище, в котором можно отдохнуть, и поскорее.

Теперь Шана знала, где располагаются все здешние обитатели — вплоть до муравьиной колонии. Это хорошо. Так меньше шансов совершить фатальную ошибку — например, поставить руку прямо на скорпиона. Шана пустилась в путь среди кустов саджаса — она по-прежнему двигалась на четвереньках. Надо забраться в кустарник и, пока она еще в состоянии двигаться, постараться подобраться поближе к птице-бегуну. Чем ближе она подберется, тем лучше. Присутствие птицы-бегуна будет защищать ее от змей. А возможно, скорпионы тоже предпочтут держаться на расстоянии. То есть Шана никогда не видала, чтобы птицы-бегуны ели скорпионов, но она не раз замечала, как они убивают ядовитых насекомых.

Приблизившись к скале, Шана увидела безмятежно отдыхающую птицу-бегуна. Блестящие черные глаза наблюдали за ползущей девочкой. Птица устроилась на отдых у самого подножия скалы, там, где тень была гуще всего, и ее пестрое серо-коричневое оперение сливалось с камнем и песком. Птица моргнула и наклонила голову набок, стараясь получше разглядеть Шану, но не выказала ни малейших признаков беспокойства.

Шана немного свернула в сторону и проползла вдоль кромки кустов, примерно на расстоянии вытянутой руки от птицы, едва веря в собственное везение. Птица продолжала наблюдать за странным существом, но не топорщила перьев и не напрягалась. Шана уселась неподалеку от птицы, привалившись спиной к скале. Камень был прохладным — во всяком случае, значительно прохладнее, чем земля под кустами. Птица склонила голову на другой бок. Шана осторожно протянула руку и нежно погладила птицу по хохолку. Она еще никогда не подбиралась настолько близко к птице-бегуну. Острый клюв длиной с руку Шаны выглядел весьма опасным — но если она подружится с птицей, то сможет без страха спать рядом с ней.

Птица потянулась к руке Шаны, прикрыв глаза от удовольствия. Девочка почесывала птицу, пока та не отодвинула голову. Тогда Шана убрала руку. Птица смерила Шану еще одним оценивающим взглядом блестящих глаз. Она слегка встопорщила перья, и хохолок на мгновение встал торчком. Но потом птица успокоилась и с довольным видом уселась поудобнее.

Шана улеглась рядом, подсунула ладонь под голову и на минутку прикрыла уставшие, воспаленные глаза.

Ну, по крайней мере, она собиралась прикрыть их на минутку.

Но прежде, чем девочка решила, что пора открыть их обратно, она уснула.

Когда Шана проснулась, птицы-бегуна рядом не было. Девочка чуть не расплакалась. Птица успела стать ее ближайшим другом среди этих диких бескрайних пространств, заполненных лишь песком и камнем.

Пока Шана спала, наступила ночь — ночь пустыни, исполненная звуков и запахов. Стрекотали насекомые, шуршал песок под ветром. Откуда-то издалека доносилось завывание стаи луперов — судя по вою, луперы сейчас не охотились, а просто переговаривались между собой.

Шане захотелось, чтобы они оказались поближе. Она выросла рядом с луперами Кемана. Из луперов могут получиться неплохие товарищи, хотя и простодушные. Если она сумеет отыскать стаю и добиться, чтобы луперы приняли ее к себе, у нее не будет проблем с поисками пищи и воды.

Кеман... Ей даже не позволили попрощаться ни с ним, ни с Аларой. Последний раз Шана видела своего названого брата, когда кто-то из взрослых уводил его прочь. Кеман хромал, а его плечо и крыло было покрыто кровоточащими полосами. Шане запомнилось, как он взглянул на свое плечо и попытался что-то сказать, но его тут же увели. У Шаны сжало горло, и на глаза снова навернулись слезы.

Но сейчас слезы были не просто тщетны — они еще и означали потерю драгоценной влаги. Шана постаралась загнать слезы поглубже. Две слезинки все-таки скатились по щекам. Шана подхватила их пальцем и слизнула. Солоноватая жидкость лишь усилила ощущение жажды.

Девочка взглянула сквозь ветви кустарника на сверкающее звездами небо и попыталась прикинуть время. Наверное, до рассвета уже недалеко. А значит, не стоит тратить время, пригодное для путешествия, на сон.

Она привалилась спиной к скале и снова вошла в транс — совершенно необходимая мера предосторожности. Ведь все живые существа, которых она обнаружила ранее — кроме муравейника, естественно, — наверняка переместились, пока она спала. А скорпионы и в темноте оставались такими же опасными, как на свету. Или, пожалуй, становились еще опаснее — они предпочитали ночной образ жизни.

Оказалось, что большинство скорпионов сползлись к дохлой змее, валявшейся с другой стороны скалы, — должно быть, это была недоеденная добыча птицы-бегуна. Скорпионы отщипывали своими клешнями крохотные кусочки змеиного мяса и ссорились за удобные места.

Это было неслыханным везением. На мгновение Шана даже подумала, что птица-бегун нарочно бросила дохлую змею именно туда, чтобы отвлечь внимание ядовитых тварей от девочки.

Но потом Шана решила, что скорее всего это получилось случайно. Хотя по крохотным мыслишкам скорпионов трудно было оценить истинный размер змеи, но ясно было, что при жизни это было настоящее чудовище. Похоже, птица-бегун просто обнаружила, что не в состоянии съесть столько за один присест, и бросила недоеденную добычу там, чтобы не привлекать внимание падальщиков к месту своего отдыха.

Впрочем, важны были не причины, а результат. А результат заключался в том, что Шана могла относительно безопасно выползти из кустов на открытое пространство, и она была очень признательна за это птице-бегуну.

Но когда Шана выбралась из своего временного укрытия и огляделась по сторонам, ее снова захлестнуло отчаяние. Куда бы девочка ни смотрела — на север, на юг, на запад или на восток — повсюду виднелся один и тот же пейзаж: серебряный песок, залитый лунным светом, и редкие пятнышки кустов и скал. Легкий ночной ветерок тоже не нес с собой никакой подсказки, один лишь вездесущий запах саджасовых кустов. Иди куда хочешь — разницы никакой. Шана решила бы, что ей вообще нет смысла куда-то двигаться, — если бы не необходимость отыскать воду. Теперь у нее пересохло уже и во рту, и девочка с трудом набрала достаточно слюны, чтобы смочить язык. Ей нужно как можно быстрее отыскать воду. Без воды ей никак не протянуть дольше двух дней.

Девочка прикрыла глаза, защищая их от сверкания звезд, и постаралась разбудить свою способность чуять воду. Но все,

что ей удалось разобрать, это слабый намек на присутствие воды где-то далеко на востоке.

Ну что ж, и на том спасибо.

Она повернулась спиной к скале и зашагала по песку, пользуясь одним лишь расплывчатым ориентиром — «на восток». Лунного света хватало, чтобы Шана могла идти, не спотыкаясь, и до тех пор, пока она будет придерживаться открытой местности, все должно быть в порядке. Вскоре Шана поняла, что заблудилась. По крайней мере, она никогда уже не сможет отыскать ту скалу и кусты, где отдыхала сегодня. Снова донесся вой луперов, на этот раз еще более отдаленный. Шана ничего не могла сказать о своем местонахождении — кроме того, пожалуй, что ощущение воды чуть усилилось.

А вдруг она ходит кругами? При таком однообразном ландшафте она вполне могла начать кружить, даже не заметив этого.

Но если она начнет беспокоиться еще и из-за этого, проще будет махнуть на все рукой и умереть.

Шана сосредоточила все свои мысли на том, чтобы попеременно переставлять ноги, избегая змей и скорпионов, и как можно старательнее прислушиваться к отголоскам присутствия воды. Она преуспела в этом более, чем ожидала, и вскоре уже совершенно машинально делала шаг за шагом, а сознание словно заволокло туманом, в котором просто не могло возникнуть никаких связных мыслей. Весь мир сузился до необходимости продолжать движение и до отдаленного намека на присутствие воды.

Пару раз Шана выходила из этого состояния, обнаруживала, что ничего особо не изменилось, и снова погружалась в это подобие транса. Но перед самым рассветом девочка ощутила нечто такое, что заставило ее остановиться и напрячь все свои чувства, чтобы отыскать источник беспокойства.

Долго искать не пришлось.

Беспокойство исходило от темноты, повисшей у восточного края горизонта и стершей все проблески рассвета, и от воздуха, застывшего в мертвенной неподвижности. Темное пятно росло с колдовской скоростью, вздымаясь все выше и выше, и небо темнело с каждым мгновением.

Песчаная буря!

У Шаны не было ни малейшей возможности избежать встречи с бурей, и едва хватало времени, чтобы отыскать себе убежище среди россыпи скал. Шана быстро вырыла нору у подножия скалы, а потом, когда рев бури приблизился, притянула к себе

ветви куста и свернулась так, чтобы между ее телом и скалой оставался воздушный карман — нужно же будет чем-то дышать.

Потом буря обрушилась на Шану, и от всей вселенной остался лишь крохотный промежуток между телом девочки и скалой. Буря визжала, ревела и выла на разные голоса, и через несколько секунд этот рев стал таким сокрушительным, что слух просто перестал воспринимать его. Ветер и песок хлестали по телу девочки, и Шана изо всех сил пыталась подобрать руки и ноги под себя — спину хотя бы прикрывала туника, — и чувствуя, что скоро боль станет невыносимой, если только она не сможет защитить себя.

А потом не осталось ничего, кроме тьмы, воя бури и борьбы за каждый глоток воздуха.

Шана была совершенно уверена, что умирает.

До того момента, как клекот пустельги над головой сообщил Шане, что буря закончилась, девочка была убеждена, что она то ли оглохла, то ли умерла. Теперь же Шана медленно села и, сощурившись, уставилась на слепящее утреннее солнце. С ее плеч стекли ручейки песка. Кожу жгло, словно огнем.

От песчаной бури, едва не убившей девочку, не осталось и следа, если не считать груды песка, наполовину засыпавшего Шану, и того, что саджасовый куст, под которым пыталась укрыться Шана, потерял всю листву.

Воздух уже начинал прогреваться. Пустельга вдруг стрелой метнулась вниз — но по другую сторону скалы, — а потом взмыла в небо, зажав в когтях мышь, и испустила победный вопль.

Во рту у Шаны так пересохло, что это уже было истинным мучением.

Девочка выбралась из укрытия, кое-как пробившись через груду песка высотой ей по пояс, и остановилась. Ей пришлось ухватиться за скалу, чтобы удержаться на ногах.

Теперь Шане было не до солнца. Ей нужно отыскать воду или место, где можно переждать сегодняшнюю жару. Если же ей не удастся в самое ближайшее время найти воду...

Шана встряхнула головой, отгоняя тягостные мысли, глубоко вздохнула и побрела на восток на ватных ногах, которые, казалось, в любое мгновение могли подломиться под ней. Ее рассудок попросту отказывался работать; любая мысль всплывала на поверхность лишь после того, как ей удавалось пробиться через пелену изнеможения. И так длилось до тех пор, пока через несколько часов пути Шане не показалось, что она видит воду.

И вскоре Шана действительно увидела ее. Девочка задрожала всем телом — такое можно почувствовать, когда ты находишься в пещере, а рядом какой-нибудь дракон рявкнет во всю глотку, так, что стены затрясутся.

«На восток. Точно на восток. Прямо на солнце...»

Теперь ноги Шаны двигались как будто сами по себе. Сперва девочка лишь неуклюже волочила их, потом перешла на быстрый шаг, а потом, не в силах сдерживаться, — на неловкий, спотыкающийся бег. Шана бежала, не обращая внимания ни на слепящее солнце, ни даже на камни, о которые она множество раз спотыкалась. Она бежала до тех пор, пока в конце концов не споткнулась о что-то такое, что не было камнем и располагалось на высоте колена. В результате Шана грохнулась ничком, да так, что у нее перехватило дух.

Несколько мгновений Шана лежала и пыталась восстановить дыхание. В конце концов хоровод звездочек перед глазами прекратился, и к Шане вернулась способность соображать.

Придя в себя, девочка обнаружила, что лежит на утоптанном песке посреди каких-то развалин.

Она упала с остатков невысокой каменной стены. Со всех сторон Шану окружали руины каких-то зданий. А впереди раскинулось волшебное и невероятное видение, что синевой и безмятежностью могло сравняться с небом.

Вода. Целый бассейн воды.

Шана даже не пыталась подняться на ноги. Она на четвереньках подползла к бассейну и свесилась с каменного бортика. Шана зачерпнула в ладони прохладную чистейшую воду, выпила ее одним глотком, а потом принялась плескать воду себе в лицо, радостно хохоча и что-то выкрикивая.

В конце концов Шана утолила жажду, а истерическая вспышка улеглась сама по себе. Девочка откатилась от края бассейна и медленно села.

И обнаружила, что прямо перед ней лежит тело. Тело двуногого.

Точнее, то, что от него осталось.

Осталось, на самом деле, не так уж много. То, что не съели насекомые и птицы, под воздействием сухого воздуха пустыни превратилось в мумию. Несколько шелковых лоскутов да выбеленные солнцем кости.

— Ты, наверное, слишком поздно добрался сюда, да? — вслух произнесла Шана, с любопытством глядя на странно скругленный череп и пальцы, лишенные когтей. — Интересно,

давно ли ты здесь лежишь? Может, сотню лет, а может, десять. Жаль, что ты не можешь мне ответить. Ладно. Мне тебя жалко, но сейчас мне нужно позаботиться о себе. У тебя случайно не осталось ничего полезного?

Шана принялась осматриваться: не видно ли чего-нибудь необычного, что мог бы принести с собой неизвестный? Сейчас даже тыква-долбленка стала бы для Шаны сокровищем — ведь у нее вообще ничего не было. Девочка начала разгребать песок руками и вскоре натолкнулась на какой-то тяжелый предмет странной формы.

Шана вытащила его из песка и чуть не задохнулась от изумления. Она держала в руках нечто вроде золотой гибкой ленты, усеянной гранеными драгоценными камнями, что тут же вспыхнули на солнце тысячами разноцветных огоньков. Шана никогда в жизни не видала ничего прекраснее. И в тот же миг, как она увидела эту вещь, девочка решила, что украшение непременно должно принадлежать ей.

Несколько мгновений Шана пыталась сообразить, как же его носят. В конце концов она скатала ленту в рулончик, увязала ее в лоскут шелка, сохранившийся у несчастного покойника, и спрятала этот узелок за пазуху.

Теперь, когда драгоценность была надежно спрятана, Шана почувствовала себя значительно лучше, хотя и сама не смогла бы сказать, чем это вызвано. А вдруг двуногие тоже пользуются драгоценными камнями, чтобы усилить свою магию, как это делал Кеман? Может, эти камни даже помогут ей сменить облик. Мало ли — а вдруг она все-таки принадлежит к Народу? Может, стоит ей лишь подобрать нужный камень...

Шана сморгнула и почувствовала, что солнце уже ощутимо напекло ей голову.

«Пожалуй, лучше я подыщу тут местечко, где можно было бы поспать днем, — в конце концов решила она. — А то, чего доброго, я просто свалюсь».

В одной из стен обнаружилась ниша, созданная ветром и песком. Там солнце не доберется до нее, даже если встанет прямо над головой. Шана попыталась войти в транс, чтобы проверить, нет ли там змей или скорпионов, но она так устала и ослабела, что в конце концов ей пришлось отказаться от этой затеи.

Вместо этого девочка потыкала в нишу берцовой костью скелета, и когда оттуда не выскочило никого, кроме вялой песчаной жабы, забралась внутрь и тут же уснула.

Глава 10

Кеман возмущенно ощетинился и посмотрел прямо в глаза Кеоке. В конце концов старейшина отвел взгляд. Гребень Кеоке лежал, словно прилизанный, но Кеман не собирался останавливаться на достигнутом. Если он может добиться, чтобы мама и Кеоке почувствовали себя глубоко виноватыми, он это сделает.

— Рови всерьез пытался покалечить меня, и вы это знаете, — гневно сказал подросток. В его голосе сквозило неприкрытое презрение. — Он издевался буквально над каждым, кто младше или меньше его, и это вы тоже знаете. Но вы все ему спускали. А когда Шана наконец-то выдала ему по заслугам, вы наказали ее, а Рови отпустили, даже слова ему не сказав. Это что, честно?

— Лашана не принадлежит к Народу, Кеман, — отозвался старейшина, упорно глядя куда-то поверх плеча Кемана. Кеман полагал, что это было вызвано нежеланием Кеоке смотреть ему в глаза.

«Надеюсь, ты сейчас чувствуешь себя отвратительно! — сердито подумал Кеман. — Просто отвратительно! Надеюсь, теперь тебе всю жизнь будет сниться Шана, и тебя будут мучить ночные кошмары!»

— А я?! — возмущенно выкрикнул Кеман. — Шана ведь просто защищала меня! Если бы она была моим лупером и укусила Рови, когда тот напал на меня, вы бы стали ее наказывать?

— Это другое дело, — неубедительно произнес Кеоке. — Ты еще слишком молод, чтобы это понять, Кеман, но это совсем другое дело...

— Почему? — перебил его Кеман. — Потому, что у Шаны две ноги, а не четыре? В чем тут разница? Мама воспитала ее, как одну из нас, с теми же самыми понятиями о чести. И Шана действительно следовала им, а Рови — нет! Это нечестно, и вы отлично это знаете!

— Кеман! — резко одернула его мать. В голосе Алары было достаточно силы, чтобы Кеман перенес внимание с Кеоке на нее. — Ты еще слишком молод, а Кеоке — старейшина. Эта ситуация слишком сложна, и на карту поставлено нечто большее, чем благополучие Шаны.

Произнеся вслух эту отповедь, Алара тут же мысленно добавила:

«Если ты не поубавишь дерзости, мне придется кое-что предпринять, и нам обоим это мало понравится. Я не могу сейчас объяснить тебе все. Но когда-нибудь ты поймешь».

Кеман втянул голову в плечи — они, кстати, здорово болели, — покорно прижал гребень, но пробормотал с прежним упорством:

— Это нечестно! Ты сама знаешь, что это так. И что бы ты мне ни сказала, это все равно останется нечестным!

Взрослые переглянулись, и Кеман без труда прочел, что сквозило в их взглядах. Раздражение, разделенная вина, нетерпение. «Ну ты же знаешь этих детей. Когда-нибудь он все поймет». Кеман развернулся и направился в свою пещерку. Все в нем бурлило от гнева.

Сейчас ему отчаянно хотелось ощутить под когтями горло Рови. Это Рови был во всем виноват, Рови и его придурочная мамаша. Это было нечестно. Они не должны были так поступать с Шаной. Она же ничего не знает о двуногих — мама никогда ничего ей не рассказывала. Она только знает их язык и письменность — и все. А они выбросили Шану к двуногим, и теперь с ней случится какая-нибудь беда. Кеман ни капли не сомневался в этом.

Ему хотелось в кого-нибудь вцепиться, что-нибудь разбить, закричать так, чтобы горы вздрогнули. Кеман уже закатил один скандал, когда он спросил, где Шана, и узнал от мамы, что с ней произошло. Но ничего толкового из этого не вышло. Кеман думал, что ему удастся добиться хоть какой-то справедливости, если он заставит хоть одного из старейшин понять, что сделали с ним, Кеманом. Поэтому, как только Кеман смог подняться на ноги, он принялся настаивать на встрече с Кеоке. И чего же он добился в результате?

Кеман надеялся, что сможет объяснить Кеоке, что старейшины ошиблись, что Шана вела себя как героиня, а Рови — как подлец. Потом, когда Кеоке признал бы свою неправоту, Кеман потребовал бы, чтобы старейшины отыскали Шану и принесли ее обратно. Но несмотря на все старания, Кеман так и не смог объяснить им всю несправедливость произошедшего. Кеоке наотрез отказался признать свое решение ошибкой, и все лишь потому, что Шана не принадлежала к Народу. А значит, понятия чести или Закона не имели к ней никакого отношения, и все тут.

И даже от матери Кеман не получил никакой поддержки. Кеман не знал, почему мама приняла сторону Кеоке, но ясно было, что она не намерена помогать ни ему, ни Шане.

А значит, если кто-то и спасет Шану, то только сам Кеман.

«Если ты знаешь, что нужно делать, действуй», — посоветовал ему Отец-Дракон, когда Кеман впервые увидел Шану. Ну что ж, он знал, что нужно делать! Раз Шану унесли куда-то в пустыню, будет только справедливо, если он разделит ее изгнание. В конце концов, Шана пострадала из-за него.

Все правильно, только вот летать он сейчас не может... да и вообще двигается неважно.

«Ну нет, я с этим справлюсь!» — сердито подумал Кеман и порадовался, что сохранил свою маленькую тайну. Даже мама не знает, на что он способен. Она уверена, что Кеману придется по крайней мере с неделю пролежать в постели.

Кеман прилег, кипя от возмущения. «Я ей еще покажу! Я им всем покажу!»

Он устроился поудобнее, чтобы меньше ныло избитое тело, и погрузился в медитацию, сопровождающую смену облика. Довольно распространенное состояние сознания. Кеман входил в него ежедневно, и даже по несколько раз на дню. Только вот на этот раз Кеман не собирался менять свой облик. Он собирался приводить себя в порядок.

Вполне естественно, что изо всех доступных Кеману обликов самым привычным для него было собственное тело. А потому он прекрасно знал, что и как он собирается изменять. Подобно всем драконам, искусным в смене облика, Кеман точно знал, как должна выглядеть, работать и ощущаться каждая мышца. Таким образом он прекрасно может исцелить раны, нанесенные Ровилерном. Нужно только верно определить поврежденные мышцы и изменить их в здоровые.

Только вот...

Кеман додумался до этого, когда заметил, что драконы, наиболее сведущие в смене облика, выздоравливают куда быстрее всех прочих. Но он не знал, что подобное исцеление чрезвычайно болезненно. Да и откуда ему было это знать? Ведь менять облик совсем не больно.

Теперь же мышцы плеча горели, словно их окунули в расплавленный камень. Крылья судорожно подергивались, и с каждым движением спину Кемана пронзала острая боль. Кеман тут же прервал свои занятия и попытался сообразить, что же он делает не так.

В конце концов Кеман понял, что все проделано верно. Он не допустил никаких ошибок. Он просто изменял себя, заставляя тело исцеляться быстрее. И тело болело, потому что все нервные окончания были живы. Они точно так же болели бы во

время его выздоровления, только сейчас это происходило быстрее.

Кеман предпринял еще одну попытку, надеясь, что на этот раз ему станет лучше.

Не стало.

По крайней мере с десяток раз Кеман готов был сдаться и позволить организму залечивать раны естественным путем. Но каждый раз, когда он уже готов был принять это решение, ему сразу вспоминалось, как Шана стояла перед Рови и ругала его на чем свет стоит, а Рови уворачивался от камней и верещал.

И Кеману становилось стыдно. Шана теперь где-то в пустыне, и у нее нет ни укрытия, ни воды, ни друзей, на которых она могла бы положиться. Ничего нет. И если он, Кеман, не возвратит себе способность летать, — причем сделать это нужно как можно скорее! — Шана умрет.

И Кеман снова принимался за исцеление.

Внезапно — Кеману казалось, что все это длится уже много дней, — боль прекратилась.

Кеман открыл глаза и попробовал пошевелить плечами, потом крыльями. Тело подчинилось ему с безукоризненной легкостью — ни боли, ни малейшей неуклюжести. Кеман не мог как следует осмотреть свою спину, но, судя по натяжению шкуры, шрамов на ней не осталось. Он сумел исцелить себя — и никто во всем Логове не знал, что он здоров и снова способен летать.

И никто и не узнает, пока не станет поздно.

Кеман поднялся с постели и направился к выходу из спальни. На пороге он остановился, прислушиваясь и присматриваясь. Не увидев и не услышав ничего подозрительного, Кеман принялся обыскивать логово. Он крался по переходам, таким узким, что приходилось ползти на брюхе, и прятался в тени каждый раз, когда слышал звук, не похожий на капание воды. Кеман обшарил даже самые отдаленные углы жилища, но Алары не обнаружил. Дома была только Мире. Она свернулась клубком в своей спальне и дрыхла так крепко, что ее не разбудил бы даже камнепад.

Отлично. Значит, все спокойно.

Кеман выскользнул из логова через дальний выход. Он задержался лишь для того, чтобы выпустить своих любимцев — всех, даже однорогов.

Расставание с однорогами не было для него особенно тяжелым — все равно в последнее время только Шана могла нахо-

диться рядом с ними. Они даже симпатизировали ей на свой лад — насколько однороги вообще способны кому-то симпатизировать. А когда возле загона появлялся Кеман, однороги тут же шли в атаку. И, конечно, расшибали свои глупые головы о каменную ограду. Но это ничему их не учило.

Отпустить двурогов было уже потруднее. Кеману всегда нравилось общество этих кротких животных и забавные выходки их детенышей. Бедная Попрыгунья уже давно выкормила своего последнего теленка, но ее потомки вполне могут последовать за своими неистовыми двоюродными братьями и счастливо жить в окрестностях Логова.

Луперы были только рады удрать в холмы. На самом деле они никогда не смирялись с заточением до конца, и Кеман не раз уже подумывал, что их стоило бы отпустить. Возможно, это только к лучшему, что теперь ему пришлось поторопиться с решением.

Единственным животным, которое Кеман не мог отпустить прямо сейчас, была выдра. Вместо этого он подманил веселого зверька к себе и накинул на него сеть. Выдра попыталась было освободиться, а когда это не удалось, укоризненно завопила на Кемана. Кеман хотел сказать выдре, что выпустит ее в реку где-нибудь по дороге, но не смог проникнуть в сознание зверька. Он только надеялся, что, оказавшись на свободе, выдра сама все поймет.

А потом Кеман легко взмыл в воздух и направился прочь от Логова. В когтях у него болталась сеть с выдрой.

«Ну, по крайней мере, я довольно много вытянул из Кеоке», — сказал себе Кеман, незадолго до рассвета приземлившись в том месте, где старейшина оставил его названую сестру. По крайней мере, Кеман надеялся, что это то самое место. Пять скал, одна из них повыше, в нише у вершины гнездо пустельги, и вокруг — много саджасовых кустов. Кеоке не скупился на подробности, надеясь, что благодаря этому Кеман будет меньше беспокоиться о Шане. Старейшина полагал, что раз там растет так много кустов и гнездится пустельга, то там есть вода, и Шана относительно легко сможет ее найти.

Хуже всего было то, что старейшина ошибался. Саджасовые кусты в стремлении к воде могут запускать свои корни на глубину, в десять-двенадцать раз превосходящую рост дракона, а пустельги получают всю нужную им влагу вместе с добычей. Да, заросли кустов действительно означали, что вода там есть. Только вот где? Наверняка она залегает слишком глубоко, что-

бы Шана могла до нее докопаться. А роса, которую можно было бы собирать с камней, еще не выпала.

При подлете Кеман не смог отыскать Шану. Неудивительно: она вполне могла спрятаться, уснуть или даже лежать сейчас без сознания где-нибудь среди кустов. Она в любое мгновение могла отсюда уйти. А здесь, в такой близости от караванных путей, Кеману следовало быть особенно осторожным, чтобы его не заметили чужие.

Ему нужен другой облик. Нужно существо с быстрыми ногами и хорошим нюхом. Причем нужно, чтобы оно умело защищать себя.

Кеман присел и задумался. Так, какие же облики ему хорошо знакомы? Конечно, для этого случая неплохо подошел бы лупер — они здорово вынюхивают следы. Но луперы слишком маленькие и обычно бегают стаями для большей безопасности. Кеману до сих пор было сложно превращаться в такое маленькое существо, и кроме того, нужно, чтобы он мог защитить себя.

Поразмыслив, Кеман неохотно решил, что здесь нужен однорог. Однороги — хорошие путешественники. Если они начинали преследовать кого-то, то могли неделями продолжать погоню. Только нужно сразу подстраховаться, чтобы вместе с телом не подхватить скверный характер, инстинкты и безмозглую голову однорога. А это потребует дополнительного времени...

Зато с однорогом никто не захочет связываться — даже другой однорог. И есть они могут почти все, что угодно, даже саджасовые кусты. И они могут довольствоваться влагой, которую получают с пищей, — не так хорошо, как пустельга, но все-таки.

В этом есть и еще одно преимущество: даже если Шана увидит его, она не испугается. Кеману было далеко до нее в искусстве мысленной речи. Шана вполне способна при желании заговорить с ним, но если Кеман будет находиться в облике животного, то сможет заговорить с ней не раньше, чем окажется на расстоянии вытянутой руки от девочки. Но Шана подходила вплотную к прирученному однорогу — Кеман никогда не слыхал, чтобы еще хоть кто-то осмеливался на это, — и она вполне могла счесть встреченного однорога транспортным средством и защитником.

Теперь Кеман был рад, что, отпустив выдру, он убил и съел двух невезучих антилоп. Он и так уже устал после долгого полета, а одновременная смена облика и размера требовала больших затрат энергии.

Кеман уселся поудобнее, закрыл глаза и принялся медитировать.

Когда он достаточно глубоко погрузился в медитацию, Кеман медленно переместил большую часть своего тела Вовне, оставив лишь столько массы, чтобы можно было создать хорошего, крупного однорога.

Потом Кеман тщательно представил себе облик, который хотел принять, и начал воспроизводить его, начиная со шкуры.

Кеман почувствовал, как его мускулы неохотно растеклись, принимая ту форму, что он пожелал им придать, а кости удлинились и приобрели новые очертания. Молодой дракон чувствовал, как его гребень становится мягким, а хвост съеживается и превращается в пучок волос. И под конец во лбу появился жемчужного цвета рог, воинственно устремленный в небо.

Кеман скосил глаза, взглянул на себя — и увидел ногу, покрытую чудной шелковистой зеленой шерстью.

Нет, так не пойдет.

Кеман снова сосредоточился и проследил, чтобы нога потемнела и сделалась черной. Солнечный зной тут же обрушился на него с такой силой, что Кеман рухнул бы, если бы не напряг суставы.

Пожалуй, черный — не самый лучший цвет для путешествия по пустыне.

Кеман обернул процесс вспять и придал шкуре, гриве и хвосту незапятнанный, чистейший белый цвет.

Да, так было значительно менее жарко. Довольный результатом, Кеман открыл глаза и вскинул морду, принюхиваясь к легкому ветерку.

Не могло быть ни малейших сомнений — Шана действительно побывала здесь. Кеман прекрасно помнил ее запах еще с тех времен, как учился оборачиваться трирогом. Это своеобразное сочетание мускусного драконьего аромата (он исходил от туники) и запаха двуногого существа не спутаешь ни с чем. Даже если где-нибудь поблизости и находились другие двуногие — на что, впрочем, не похоже, — никто из них не мог пахнуть еще и по-драконьи.

Кеман опустил морду к земле и принялся кружить среди скал. Он практически сразу же наткнулся на следы Шаны. Вот здесь она забивалась в кусты, чтобы укрыться от жары, а вот здесь Шана уже выбралась наружу. Следы сохранились до сих пор. Они уже превратились в бесформенные углубления в песке, но ясно было, что Шана пошла на восток.

Кеман встряхнул гривой, опустил нос к самой земле и отправился в путь.

К середине утра он все еще шел по следу, и тут налетела песчаная буря.

К счастью, инстинкты однорога, хоть и приглушенные, заблаговременно предупредили Кемана о приближении опасности, и у него оказалось довольно времени на поиски убежища. Кеман двигался по следу Шаны, всецело сосредоточившись на этом занятии, — только так и можно было ходить по пустыне. И тут внезапный озноб заставил Кемана вскинуть голову и присмотреться повнимательнее.

Темно-коричневая туча встала стеною от земли до неба. Она уже почти дотянулась до солнца и с каждой секундой становилась все огромнее. Через несколько мгновений она полностью закрыла солнце, и острые уши Кемана уловили отдаленный рев.

Песчаная буря! Кеману никогда еще не доводилось попадать в песчаную бурю. Он даже видел их лишь издалека.

Оставалось лишь одно — искать укрытие. Пытаться уйти от бури было уже поздно.

Кеман вспомнил, что совсем недавно миновал скопление камней, несколько скал, стоящих полукругом. Они вполне могли защитить его от самых сильных порывов ветра и от песка, который будет нести буря. Правда, Кеман мог сделать кое-что такое, что было бы не под силу настоящему однорогу, на время бури снова сменить облик. Пока что Кеман не умел превращаться в камень — только в живые существа. Но он мог изменить свой нос, создать перепонки и дышать с их помощью. Он мог сделать свою шкуру прочнее или даже заново обрасти чешуей.

Но первым делом ему необходимо было добраться до того хотя бы относительно безопасного приюта.

Кеман тут же развернулся, встав на дыбы, и, с места перейдя в галоп, помчался к запомнившимся ему скалам. Песок летел из-под широких раздвоенных копыт, уши Кемана были плотно прижаты, а хвост и грива реяли по ветру. Он бросил быстрый взгляд через плечо. Бурая стена у него за спиной становилась все выше. Буря приближалась.

Удары копыт сделались глуше. Кеман изменял копыта прямо на бегу, пока они не сделались плоскими, расширяющимися наружу. Теперь они меньше погружались в песок, и Кеману стало легче бежать. Он оглянулся еще раз. Казалось, что буря не приблизилась, но рев ветра стал ощутимо громче.

Пожалуй, крылья сейчас не принесли бы Кеману особой пользы, а вот задержка вполне могла его погубить, если бы он вздумал затормозить, чтобы отрастить их. Кеман мог весьма быстро перетечь обратно в драконий облик, но даже и на это все-таки потребовалось бы некоторое время. А лететь быстрее, чем он сейчас бежал, Кеман вряд ли смог бы. Драконы не отличаются особой скоростью — разве что в пикировании.

Впрочем, были и другие причины этого не делать, и Кемана о них предупреждали. Если он взлетит, его может подхватить восходящими потоками воздуха и разорвать на куски. А ветер, до предела насыщенный песком, мгновенно изорвет его крылья в клочья.

Кеман уже отчаялся увидеть впереди хоть что-нибудь, кроме кустов — а кусты ну никак не могли защитить его.

Скалы! Они были совсем рядом, просто рукой подать. Кеман прибавил скорости — он и не подозревал, что может бежать еще быстрее, — прорвался через кустарник ко входу и нырнул под защиту каменного полукруга, и тут же грохнулся на землю, уронив голову между передних ног.

Кеман принялся лихорадочно изменять облик — он никогда не думал, что это можно проделывать с такой скоростью. Кеман заменил мягкую шкуру своей собственной чешуей, нарастил в носу и ушах особые мембраны, чтобы туда не набивался песок, превратил гриву в накидку из плотной чешуйчатой кожи и укрыл ею голову, а рог уменьшил до таких размеров, чтобы тот только удерживал эту накидку на небольшом расстоянии от морды Кемана. Потом Кеман всунул голову в щель между двумя скалами и постарался прижать накидку так, чтобы между нею и камнями не оставалось зазоров. Подумать, что тут еще можно предпринять, Кеман не успел. На него обрушилась буря.

До сих пор он только слышал о силе и неистовстве песчаной бури. Несмотря на защиту скал, Кеман быстро решил, что он очень правильно сделал, отрастив чешую. Хотя сейчас его защищала шкура, мало отличающаяся от драконьей, удары песка были весьма чувствительны.

«В следующий раз, когда кто-нибудь начнет жаловаться на зуд во время линьки, нужно будет посоветовать ему попасть в песчаную бурю. Пара часов — и старой шкуры как не бывало», — кисло подумал Кеман.

Еще он решил, что правильно сделал, не превратившись окончательно в дракона. Небольшая кожаная накидка, которой Кеман прикрывал голову, уже успела здорово пострадать, а перепончатые крылья и вовсе были бы изорваны в клочья.

Внезапно Кеман подумал о Шане: ведь она наверняка тоже была захвачена бурей, не имея никакой защиты, кроме собственного ума и коротенькой туники из драконьей шкуры. Он слишком хорошо мог представить, во что превратилась нежная кожа Шаны под ударами песка.

Кеману тут же захотелось вскочить и отправиться на поиски, и лишь здравый смысл удержал его на месте.

Кеман раз за разом твердил себе, что ничем не поможет Шане, если сейчас покинет укрытие, зато вполне может погибнуть сам. Шана находилась где-то впереди. Если она попала в бурю, то это уже произошло, потому что Шана направлялась на восток, именно туда, откуда появилась буря. Либо Шана осталась жива и здорова, либо пострадала, либо вообще не пережила бурю. Что бы с ней ни случилось, это уже случилось.

Нельзя сказать, чтобы все эти рассуждения улучшали самочувствие Кемана или помогали ему переждать неистовство природы.

Буря окончилась так же внезапно, как и началась. Кеман выбрался из укрытия, не дожидаясь, пока утихнут последние порывы ветра.

Кеман огляделся по сторонам, и у него упало сердце: буря напрочь занесла следы Шаны. Как Кеман ни принюхивался, он не мог учуять ничего, кроме резковатого аромата изломанных саджасовых кустов, пыли и вновь появившегося запаха нагретого солнцем песка. «Огонь и Дождь! Как же мне теперь искать Шану? Мне уже нипочем не найти ее по следу!» Кемана охватило уныние. Ему захотелось упасть на песок и заплакать.

Нет, ему нельзя сдаваться. Нельзя, и все. У Шаны ведь больше никого нет. Кеман заставил себя снова принять облик обычного однорога. Он понюхал воздух, пытаясь уловить хоть слабенький запах Шаны, но снова потерпел неудачу.

«Ладно, — сказал он себе, чувствуя, как что-то сжало ему горло, — я что-нибудь придумаю». Он знал, что Шана шла на восток. Значит, он уже может примерно представить себе направление ее пути. Он найдет Шану, непременно найдет, только потрудиться придется немного больше, да и все.

Полуденное солнце безжалостно жгло Кемана и заливало сиянием пустыню, ныне ставшую совершенно однообразной и воистину пустой, если не считать редких кустов. Даже птицы

куда-то исчезли. Кеман никогда еще не видел местности, которая казалась бы ему столь безжизненной.

Кеман стиснул зубы, твердо решил не поддаваться отчаянию и побрел по раскаленному песку.

Ориентируясь на приметные скалы и собственное врожденное чувство направления, Кеман петлял по пустыне и непрерывно принюхивался, пытаясь уловить хоть слабый запах Шаны. Даже когда жара довела его до головокружения и все вокруг начало подергиваться рябью и сделалось расплывчатым, Кеман не остановился. Но во второй половине дня его начал мучить еще и голод. Кеман затратил очень много энергии на смену облика, и теперь организм требовал как-то возместить ее. Но вокруг не было ничего, кроме саджасовых кустов — сухих к тому же. Кеман общипывал их на ходу, но саджасы почти не смягчали ощущения голода и вовсе не могли утолить его жажды.

К закату Кеман почти обезумел от голода и жажды. И тут он наткнулся на другое живое существо — настоящего однорога. Однорог был очень молод, почти что жеребенок.

Но Кеман так изголодался, что готов был наброситься на все, что покажется съедобным. А однорог казался не просто съедобным, но еще и аппетитным, и Кеман не смог совладать со всколыхнувшимися инстинктами.

Добыча!

Кажется, однорог каким-то образом угадал настроение, завладевшее Кеманом, и бросился наутек.

Это оказалось последней каплей. Кеман вернулся в драконий облик, взмыл в небо и обрушился на злосчастного однорога тем смертоносным броском, каким владеют лишь драконы да ястребы. Однорог попытался спрятаться в кусты, но Кеман упал прямо на него. Ослепленный голодом дракон не обращал внимания ни на что, кроме добычи — даже на то, что так он рисковал повредить крылья. Однорогу удалось увернуться, и у Кемана вырвался яростный вопль. Глаза дракона затянуло багровой пеленой, а ощущение голода сделалось всепоглощающим.

Однорог развернулся, взвизгнул и ударил Кемана. Удар был несильным, да и прошел он вскользь, но его хватило, чтобы Кеман окончательно взбеленился. Дракон с криком набросился на однорога, вцепился в него когтями и зубами и одним рывком свернул шею несчастному животному, а потом разорвал ему горло.

Кеман в гневе растерзал обмякшее тело на части, выхватывая большие куски кровоточащей плоти. Незадолго до того,

как солнце закатилось за горизонт, от однорога остались лишь обглоданные кости. Кеман никогда прежде не испытывал такой безрассудной ярости и жажды крови, и они как будто опьянили его. Даже после того, как однорог превратился в груду костей, сердце Кемана все еще продолжало бешено колотиться, а гребень стоял дыбом. Кеман не мог сейчас связно мыслить; его всецело переполняли чувства, и наиболее сильным из них была ярость.

Где-то вдали завыл лупер. Кеман оторвался от останков однорога, уставился на восходящую луну и распахнул крылья. Ему потребовалось несколько секунд, дабы уразуметь, что луна — не враг и что она не собирается украсть его добычу. Лишь после этого Кеман осознал свои чувства и вспомнил, что, собственно, привело его сюда.

Но еще мгновение ему казалось, что судьба Шаны не имеет особого значения. Значение имели лишь бешеный подлунный ветер, вкус свежей крови во рту и свобода поступать, как тебе заблагорассудится...

Потом Кеман встряхнул головой. Его настроение изменялось столь же быстро, как небо на закате. Кеман испугался. «Что со мной? О чем я думаю? Неужели я сошел с ума?»

Кеман закашлялся и снова потряс головой. Он чувствовал себя очень странно. Все кружилось и плыло перед глазами. Такое впечатление, будто он на мгновение стал кем-то — или чем-то — другим. Кеман даже не подозревал, что способен испытывать подобные чувства, словно...

Словно дикарь какой-то. Так что же, он такой же, как Рови?

Да нет, пожалуй, нет. Просто в нем на мгновение проснулись животные инстинкты. Им руководил голод, а не дурные наклонности. У Рови все иначе — он жесток и злобен.

Кеман глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. «Со мной все в порядке. Просто... просто я был голоден». Теперь он лучше понял, что это такое — слишком долго оставаться без пищи. «Я никогда больше не стану поступать так. Никогда в жизни. Клянусь». Кеман собрался с мыслями и отошел от груды обглоданных костей, запретив себе оборачиваться. Надо приниматься за поиски. Шана где-то здесь. Она совсем одна. Она могла пострадать от бури. Нужно поскорее найти ее.

Отойдя на некоторое расстояние, Кеман успокоился, сосредоточился и собрался с силами. Нужно было снова менять облик. Кеман опять превратился в однорога — во второй раз это оказалось значительно легче проделать, — и двинулся в путь.

Вести поиски ночью оказалось значительно легче. Кеман вполне мог положиться на свое ночное зрение, и его больше не мучили ни жара, ни жажда, ни голод. Несколько раз ему казалось, что он напал на след, но потом запах снова исчезал. Но все-таки ему удавалось хоть что-то унюхать, и это обнадеживало.

Незадолго до рассвета Кеман почуял запах воды. И запах Шаны. И еще около сотни других существ, двуногих, и каких-то животных. И все они находились за гребнем холма, на который начал сейчас подниматься Кеман.

«Огонь и Дождь! Что...»

Кеман лихорадочно принялся соображать. Он знал, что находится неподалеку от караванных путей, а это значило, что здесь могут оказаться двуногие.

Он не должен попадаться им на глаза.

А что же с Шаной? Они нашли ее? Или просто случайно оказались рядом с ней?

Кеман осторожно и бесшумно поднялся на вершину, и перед его глазами предстал мощенный камнем бассейн с необычайно чистой голубой водой. Его окружали какие-то развалины. И к этим развалинам приближался караван двуногих. Судя по наличию навьюченных животных, двуногие были торговцами. А судя по тому, как были запылены и люди, и животные, они попали в ту же самую песчаную бурю, что задержала Кемана. То ли знание, то ли удача помогли им отыскать оазис. Но что за злосчастная судьба привела их сюда именно в эту минуту?!

Кеман подался назад, сменил белую шкуру на пятнистую, песчано-коричневую, — и тут заметил, что из руин выбралась маленькая фигурка. Это не мог быть никто иной, кроме Шаны. Девочка ожидала приближения чужаков.

Обессиленная, Шана крепко спала, но что-то нарушило ее сон. Девочка заморгала, прислушиваясь к незнакомому шуму, чужим голосам и крикам каких-то странных животных.

Шана скверно себя чувствовала. Девочка ослабела от голода, а когда она села, ей пришлось схватиться руками за голову, пережидая приступ головокружения. Слишком уж много времени прошло с тех пор, как она ела в последний раз. Она не могла понять, вправду ли снаружи что-то происходит, или все это ей снится.

Шум не исчез. Напротив, он приближался. Шана зажмурилась, дождалась, пока голова перестанет кружиться, а потом

осторожно проползла вперед и выглянула из своего маленького убежища. Но первым, что увидела Шана, высунувшись из-под нависающего каменного козырька, был огромный дракон медного цвета, паривший в лучах восходящего солнца.

Шану охватила паника. Ей казалось, что у происходящего может быть лишь одно объяснение. Неужели они все-таки решили последовать за ней? Или Лори решила рискнуть и навлечь на себя неодобрение сородичей, но все-таки нарушить повеление старейшин и убить ее, Шану?

Страх пронизал все тело Шаны. Девочка смотрела на дракона, как зачарованная мышь следит за ястребом. Ветер понемногу усилился, и огромные крылья дракона подернулись рябью и захлопали на ветру. Точнее говоря, все его тело словно шло мелкой рябью...

Шана стряхнула с себя испуганное оцепенение. «Что-то тут не то... то ли звук, то ли вид...»

Шана еще раз моргнула, протерла глаза и только тут обнаружила, что на самом деле это всего лишь изображение дракона, нарисованное на куске голубой ткани. Этот кусок был прикреплен к шесту и реял на ветру.

Страх испарился, оставив после себя дрожь в коленках и некоторую растерянность. Шана попятилась обратно, в глубь своего убежища, уже не прикладывая особых усилий к тому, чтобы двигаться бесшумно. Но нарисованный дракон словно звал ее, хоть Шана и не понимала, как такое возможно.

Шана выползла из ниши и изумленно уставилась на дракона. Оказалось, что шест прикреплен к какой-то хитроумной конструкции, а та, в свою очередь, привязана к спине совершенно незнакомого Шане животного. У животного были длинные неуклюжие ноги, плоские ступни, напоминающие обкатанные водой камни, бугорчатое тело и длинная шея, увенчанная самой уродливой головой, какую только Шане приходилось видеть. Животное было покрыто бородавчатой серой шкурой, совершенно как у плоской жабы. Откуда только взялась такая уродина? И почему она тащит на себе кусок ткани с нарисованным драконом? Может... Может, это другое Логово? Приемная мама упоминала, что в других Логовах могут быть другие обычаи.

За непонятным животным появились другие такие же, и половина из них несла на себе всадников...

«Но... — Шана встряхнула головой, пытаясь заставить свой мозг работать. — Не могут же они быть двуногими!» И тем не

менее вокруг были видны одни лишь двуногие. Да нет, должно быть, это драконы, принявшие двуногий облик. Только зачем это им?

Шана прищурилась и потерла виски. Она попыталась разглядеть радужные драконьи тени. Но девочка была сейчас так ошеломлена, что не слишком доверяла собственным глазам. Шана предприняла еще одну попытку. На этот раз она увидела мерцающие тени, некий странный расплывчатый ореол, окружавший каждого из двуногих. В общем, такой ореол вполне мог принадлежать дракону.

Значит, это все-таки драконы. Но зачем они сюда явились и почему вдруг приняли такой вид?

«Что они здесь делают? Может, это игра?» — озадаченно подумала Шана, ухватившись рукой за стену. Должно быть, они пришли из какого-то другого Логова. Шана не видела здесь ни одного знакомого. А эта штука — может, это изображение их старейшины? В ее логове ни у кого из старейшин не было медной чешуи. Может, у них тут какое-то испытание? Или что-нибудь вроде Громового Танца? Или, может, урок?..

От голода у Шаны начала слегка кружиться голова. И тут один из чужаков заметил ее, указал в ее сторону и что-то крикнул. К собственному удивлению, Шана узнала один из «других» языков, которым учила ее Алара, — как раз этот язык давался девочке поразительно легко.

Остальные повернулись и тоже уставились на Шану. Их яркие одеяния всколыхнулись на ветру. Тот, который первым заметил девочку, сунул поводья своего животного кому-то из товарищей и направился к Шане. Шана осталась стоять на месте, отчасти потому, что у нее слишком сильно кружилась голова, а отчасти — потому, что пыталась разобраться, кто из них учитель.

«Я не вижу никого, кто по возрасту мог бы быть наставником, — со смутным недоумением подумала Шана. — Разве что их учитель очень молод...» Может, это и вправду урок, и они отрабатывают длительное пребывание в определенном облике. Кеману, например, всегда было очень трудно удерживать двуногий облик...

— Дитя... девочка... — произнес незнакомец, подойдя достаточно близко, чтобы ему не нужно было кричать. — Кто ты такая? Что ты здесь делаешь?

Он заправил концы головного платка за налобную ленту. Шана молча смотрела на него и пыталась придумать ответ, но

болезненное нытье под ложечкой здорово мешало ей соображать. Если она скажет, что Кеоке выгнал ее из Логова, они могут оставить ее здесь. А если они подумают, что она потерялась, они могут взять ее с собой, и, может, даже накормят. А она вполне сможет удрать прежде, чем они попросят ее обернуться обратно в дракона.

— Меня зовут Шана, — отозвалась девочка, тщательно выговаривая слова. — Я... я, кажется, потерялась. Я очень давно потерялась, и я ужасно голодна. Вы не дадите мне чего-нибудь поесть?

Незнакомец как-то странно посмотрел на Шану, а потом расхохотался, словно девочка сказала нечто очень забавное. Шана недоуменно смотрела на него, потирая висок. Следом за желудком у нее начала болеть голова, а перед глазами все плыло. Сейчас она бы даже у кактуса углядела драконью тень.

— Потерялась! — Незнакомец повернулся к остальным и крикнул: — Она говорит, что потерялась! Можете себе такое представить? Посреди пустыни сидит ребенок и говорит, что потерялся!

Остальные тоже залились смехом. Кажется, она все-таки ляпнула что-то не то. А все-таки что же их так развеселило? Впрочем, у драконов всегда было довольно своеобразное чувство юмора.

Потом Шана припомнила некоторые странные игры, распространенные среди Народа — и Мире, и Кеман считались еще маленькими для них. Это были наполовину истории, наполовину головоломки, сочиняемые всеми участниками. Наивысшим классом считалось собрать эти разрозненные части и объединить их в связную историю. Выигрывал тот, кто проделывал это наилучшим образом; тот же, кто отклонялся от общего русла, проигрывал.

Незнакомцы вели себя так, словно разыгрывали какую-то головоломку или представление. Вот и ответ. Они во что-то играют, а она подсказала им подходящий ключ к разгадке. Пожалуй, лучше она поддержит эту игру и вплетется в их историю. Если это удастся, они возьмут ее с собой. А когда она окажется в таких местах, где сможет позаботиться о себе, она просто потихоньку ускользнет.

— Ну так откуда же ты, потерявшееся дитя? — спросил незнакомец. Он дружески обнял Шану за плечи и повел ее к своим спутникам. Шана охотно подчинилась; незнакомец старался вести себя дружелюбно, и девочку это вполне устраивало.

— Из Рода, конечно, — рассудительно отозвалась Шана. — Пожалуйста, я ужасно голодна...

Точнее говоря, Шане начало казаться, что она в любое мгновение может свалиться в обморок. Но все посмотрели на Шану очень странно, как будто она сказала полную бессмыслицу. Девочка заметила эти настороженные взгляды и нахмурилась, пытаясь сообразить, что же они означают.

Может быть, ей не полагалось упоминать о Роде. А может, в этом Логове драконы не называют себя Родом.

— Ну, из Семьи, — поправилась она и указала на нарисованного дракона. Все тут же заулыбались.

Шана облегченно перевела дыхание. «Вот теперь я сказала что-то правильное...»

— Ну, раз ты потеряла свою семью, мы, конечно, должны помочь тебе, — произнес улыбающийся мужчина. — Так ты хочешь есть? Пойдем, мы тебя покормим. А кстати, — в его голосе прозвучали новые, странные нотки, — откуда ты взяла свой наряд?

— Наряд? — переспросила Шана. Она снова оказалась сбита с толку. — А, моя туника? Я ее сделала. Я взяла...

Шана запнулась. Она не знала, как на этом языке будет «сброшенная шкура».

— Я... нашла... куски и сделала тунику, — неубедительно закончила Шана и уставилась себе под ноги. Она очень надеялась, что не провалила испытание. Вдруг они передумают и изгонят ее так же быстро, как перед этим приняли? Шана видела достаточно игр, чтобы не сомневаться: такой исход вполне возможен.

— Вот, малышка, ешь...

Ей сунули в руки нечто сухое, коричневое, с виду напоминающее камень. Шана недоверчиво посмотрела на эту штуку, но все-таки попробовала укусить.

К ее удивлению, непонятный предмет оказался снаружи твердым, но вкусным, а внутри он был еще вкуснее. Шана энергично сжевала предложенное, запила еду водой с металлическим привкусом — кто-то подал ей фляжку, — и подарила новым друзьям сияющий взгляд из-под ресниц. Незнакомцы столпились вокруг девочки. Они двигались очень осторожно, как будто Шана была диким животным и они боялись ее спугнуть.

— Так, говоришь, тебя зовут Шана? — спросил мужчина, первым обнаруживший Шану. Девочка кивнула. Мужчина

придвинулся ближе и принялся рассматривать ее тунику, — впрочем, не прикасаясь к ней.

— Шана, этот твой наряд... Хочешь взамен вот это?

Он протянул девочке длинную тунику чудного темно-красного цвета. Ткань напоминала ту, на которой был нарисован дракон. Все вокруг были одеты в такие же туники: темно-красные, пошитые из одного куска, а не из лоскутков, как ее одежда. Шане тут же захотелось заполучить эту тунику. Жажда обладания была почти такой же сильной, как в случае с золотой лентой. Шане не верилось, что этот незнакомец и вправду хочет поменяться с ней, — слишком уж неравноценным казался ей этот обмен.

Может, он просто добрый и предлагает ей меняться, чтобы ей не было неудобно взять новую вещь? Может, и так. Или, возможно, она должна быть одета так же, как они, чтобы участвовать в их игре. Тоже, кстати, вполне вероятно. Ну ладно, ей-то какая разница? Главное, что они дают ей новую тунику.

— Правда? — спросила Шана. Мужчина рассмеялся и вручил ей наряд. Шана начала было натягивать новую тунику поверх старой, но мужчина неожиданно забеспокоился и остановил ее.

— Вон там, — сказал он, указывая на сооружение из натянутой ткани. Пока Шана ела, несколько незнакомцев возвели его в мгновение ока. — Иди туда, сними старый наряд и надень новый.

Шана уставилась на него, разинув рот, но мужчина продолжал настаивать. Девочка повиновалась, но недоумение ее возросло. Что же это за игра, в которую они играют? Странная какая-то...

Но все-таки Шана выскользнула из старой туники и натянула новую. Она заново увязала узелок с драгоценной лентой и спрятала его за пазуху. Внезапно она даже обрадовалась, что игра чужаков такая странная. «Если они увидят эту драгоценность, они наверняка захотят ее заполучить. Значит, надо сделать так, чтобы они ее не увидели. А то они просто заберут ее в свою сокровищницу. У меня и так уже отобрали все те камни, что подарил Кеман...»

Она еще раз проверила, как держится узелок. Нет, из-за воротника не видно.

Вот так пусть и будет. Шана вышла из постройки и протянула тунику незнакомцу, поджидавшему у входа. Тот явно обрадовался.

— Ты не устала? — заботливо спросил он. Девочка хотела было сказать, что с ней все в порядке, но едва подавила зевок.

«Должно быть, это из-за еды». Шана поняла, что ей очень хочется спать. Она зевнула еще раз, и мужчина рассмеялся.

— Заходи внутрь, в тень. Спи. Там, внутри, удобно, — он подтолкнул девочку обратно ко входу в постройку из ткани.

— Но... — Шана решила, что должна повозражать, хотя бы из приличия. — Может, вам чем-то помочь?

— Нет, малышка, — с улыбкой отозвался он. — Ты потерялась, но теперь ты снова среди друзей. Ты ведь устала. Так что спи, сколько тебе потребуется.

Он еще раз подтолкнул Шану, и теперь девочка повиновалась без малейших возражений.

Войдя внутрь, девочка огляделась — в первый раз она не удосужилась этого сделать. Там обнаружилось нечто вроде гнездышка из тканей, даже более удобное, чем то, что Шана устроила себе в логове Алары.

Шана плюхнулась на эту груду и обнаружила, что некоторые куски ткани сшиты вместе и набиты чем-то мягким. А в самом низу обнаружился еще один сшитый и набитый этим же материалом кусок ткани, большой и плоский. Лежать на всем этом было просто здорово, и Шана радостно растянулась во весь рост. Впервые в жизни у нее была постель, на которой можно было просто лежать, а не воевать со всякими камнями, так и норовящими впиться в бок.

Едва улегшись, Шана обнаружила, что она просто не в силах открыть глаза. Она пыталась, но веки были словно свинцом налиты. Девочку охватила дремота. А собственно, почему бы ей не поспать? Ведь незнакомец сказал, что она среди друзей. Ее будут кормить и опекать.

И пускай они играют в странные игры — это совершенно неважно.

Шана закрыла глаза и уснула.

Глава 11

— Нет, ты можешь поверить в такую удачу? — Кел Ростен расхохотался и пощупал странную тунику, принадлежавшую прежде девчонке-дикарке. Туника струилась в его смуглых руках и сверкала на солнце, словно тысячи драгоценных камней. Караванщик даже представить не мог, из чего же сделана эта

вещь. Ясно, конечно, что это шкура, и вроде бы шкура рептилии, но Кел никогда еще не видел ничего подобного. Должно быть, рептилии были очень мелкими, поскольку туника была сделана из множества узких полосок, аккуратно сшитых в единое полотнище. Но цвета были просто поразительны: ярко-красный с золотистым отливом, синий с пурпурным оттенком, серебристо-зеленый...

Нет, за всю свою жизнь — а Ардан был торговцем на службе К'тренна лорда Беренеля Хидата, и повидал немало, — ему не доводилось встречаться ни с чем подобным. И если он сумеет выяснить, откуда берутся эти поразительные шкуры...

— Лорды такое добро с руками оторвут, — заметил его помощник, осторожно прикоснувшись к тунике. — Демоново отродье! Экая потрясная шкура! Только представьте себе леди Беренель в этой штуке — или молодого лорда! Они ж раздуются, как павлины! А другие лорды тут же захотят и себе такое.

— Да, лорд Беренель вполне может сделать состояние на таких шкурах, — согласился Кел. — А если лорд Беренель разбогатеет, то и нам будет лучше жить.

Беренель был убежден, что чем человек довольнее, тем он полезнее. «Не то, что прочие лорды», — подумал Кел. Если раб лорда Беренеля работал хорошо, он мог рассчитывать на щедрое вознаграждение. И потому люди лорда Беренеля сами быстро расправлялись со смутьянами и ревностно радели о выгоде своего господина.

Глаза Ардана вспыхнули от предвкушения.

— Вино! — пробормотал он. — Жилье в Большом Доме. Хорошая еда, выпивка, лучшие наложницы...

— Да, это все, и еще много всякого, дружище! — вежливо согласился Кел, похлопав помощника по спине. Он мысленно поздравил себя: человек, способный командовать другими, и при этом лишенный амбиций, — это ж настоящая находка! Мечты и вкусы Ардана были несложны. Он хотел жить в относительной роскоши и иметь некоторый досуг, который можно было бы посвятить любимому занятию — совершенствованию своих познаний о плодах виноградной лозы. А поскольку он был самое меньшее на голову выше всех прочих людей в караване и с равным искусством мог пустить в ход и кулаки, и нож, никто не осмеливался ему перечить. Сложение Ардана было под стать его росту, а взгляд карих глаз обещал мир тем, кто поддерживает спокойствие, и неприятности тем, кто это спокойствие нарушит. Он любил носить поверх темно-красной туники скромную светло-серую накидку, — в отличие от старше-

го торговца, предпочитающего огненно-алый цвет, — и его манера одеваться в точности выражала его стиль жизни.

— Лорд Беренель — щедрый господин, и он верит, что делиться удачей — это к добру, — продолжал Кел. — Если мы сможем разузнать, откуда берутся такие шкуры, лорд не просто подарит нам лучших наложниц — он позволит нам выйти в отставку. И никаких тебе больше караванов — наслаждайся жизнью и радуйся! Только представьте себе! И потеть нам придется лишь тогда, когда мы будем заняты продолжением рода!

— Никаких караванов — никаких песчаных бурь! — улыбнулся Ардан. По сравнению с чернотой бороды его улыбка казалась особенно белозубой. — Последним походом я сыт уже по горло! Демоновы очи! Я уж думал, что мы потеряем весь товар! Если я никогда больше не увижу песчаной бури, то плакать не стану.

— Вполне согласен, — Кел бережно свернул тунику и удивился тому, как легко она сложилась в маленький узелок. Он задержался на секунду перед входом в шатер, прислушался, потом откинул полог и убедился, что вода с подмешанным снадобьем наконец-то погрузила дикарку в сон. Кел жестом приказал Ардану следовать за собой.

Он переложил несколько тюков и убрал тунику в потайное днище, сделанное в одном из ящиков.

— Запомни, где она лежит — мало ли, вдруг со мной что случится, — сказал он Ардану. Тот кивнул. — Что бы там ни было, но эта вещь должна быть доставлена лорду.

— Тебе нечего бояться, — отозвался Ардан и снова улыбнулся. — Но я буду приглядывать за тобой на тот случай, если кому взбредет дурь в башку.

«Это был самый разумный поступок в моей жизни — назначить его своим помощником», — подумал Кел, дружески хлопнув Ардана по плечу. Потом он подошел к выходу и крикнул мальчишкам, чтобы те принесли еду и воду. Теперь он уже не боялся разбудить девчонку: он подсыпал в воду столько черного мака, что эта доза свалила бы с ног и вьючного греля.

— Присаживайся, старина, — сказал Кел и указал на груду подушек. — Девчонка проспит по крайней мере до захода солнца. Мне вовсе не хочется ни присматривать за дикаркой и следить, как бы она не сбежала, ни портить хороший товар, говоря торговым языком. Я рассчитываю до самого Анджеса держать ее связанной.

— Кел... а не может так выйти, что девчонка засланная? — произнес Ардан с внезапным беспокойством. Тем временем подмастерье — худощавый, но крепкий парнишка — откинул ковровый полог. Он принес бурдюк со свежей водой, набранной в бассейне, хлеб и козий сыр.

— У нашего лорда много могущественных врагов. Больно уж оно странно — наткнуться тут на девчонку. Сидит себе среди пустыни и твердит, что потерялась.

Кел набил рот едой и принялся обдумывать эту мысль. Что бы там ни думали окружающие, Ардан отнюдь не был глуп. А уж о том, какие заковыристые ловушки подстраивали друг другу эльфийские лорды, и говорить не приходилось...

Караванщик встал, подошел к спящей девочке и задумчиво уставился на нее. На вид девчонка ничуть не напоминала орудие заговора. Сейчас, свернувшись среди подушек и шелковых покрывал, она выглядела даже младше своего предполагаемого возраста. Кел прикинул, что ей должно быть лет четырнадцать, но во сне ее черты смягчились, и казалось, что девчонке не больше одиннадцати.

Кел обратил внимание на привычные к работе руки, мускулистое тело, на царапины, шрамы и полузажившие порезы. Кожа на ступнях была твердой, словно подметка. Кроме того, ноги, руки и тыльная сторона шеи были густо покрыты ссадинами — верный признак того, что девчонка тоже угодила в песчаную бурю.

— Ну что ж, — сказал он после недолгого изучения, — девчонка вся в царапинах и мозолях. Кожа у нее как у работницы с поля. Судя по виду, ее тоже захватила буря. И никто не мог знать, что мы найдем это место — то есть по картам я знал, что оно существует, но далеко не всегда в отмеченных на карте местах и вправду есть вода.

— Какой-нибудь лорд мог нарочно навести на нас эту бурю, — возразил Ардан. — Девчонка вполне может и вправду быть из сельскохозяйственных рабочих. А туника может быть наколдована.

— Да, тоже правдоподобно. Но у меня есть способ это проверить, ты не забыл? — Кел снова достал тунику из тайника, потом извлек из поясного кошелька шелковый сверточек. Караванщик осторожно развернул сверточек, и там обнаружилась подвеска — черный камень, оправленный в странный тусклый металл с зеленоватым отливом. Тщательно следя за тем, чтобы не прикасаться к подвеске голыми руками, Кел приложил ее к тунике.

Камень остался глянцевито-черным. С туникой тоже ничего не произошло.

— Видишь? — победно спросил Кел. — Если бы здесь были какие-нибудь чары, эта штука их обнаружила бы.

Ардан задумчиво кивнул.

— Девчонка ведет себя точнехонько как дикарка — это точно. Ежели все обдумать, я б и об заклад побился, что она дикая, а ты знаешь, что я спорю лишь наверняка. Но я должен обо всем таком думать, Кел, — это ж моя работа.

— И я очень рад, что ты об этом думаешь, — Кел вернул тунику в тайник, а подвеску убрал в кошелек. — Ну что ж, если ты готов побиться об заклад, что девчонка — дикарка, то я бы сказал, что это так же выгодно, как торговля золотом. Ну а теперь скажи, что ты думаешь о девчонке? Стоит ли ее продавать, а?

Ардан слегка склонил голову набок.

— Хм. Думаю, да. Как выясним, где она взяла эту штуку, можно будет продавать — ежели, конечно, она не совсем придурковатая и помнит, где это взяла. У этих, диких, с головой бывает вовсе плохо.

Ардан почесал бок и откусил еще сыра.

— Посмотри хоть на беглых или на тех плутов, что вокруг дикарей ошиваются, — они ж половину времени дохнут с голоду и жрут всякую дрянь, даже жуков. А ежели у них появляются дети, так они вырастают точно такими же, и не умеют думать ни о чем, кроме жратвы.

— Да, вряд ли поедание жуков полезно для мозгов, — согласился Кел. — Впрочем, а какое значение имеют мозги, особенно у девчонки? Постелить постель и улечься в нее можно и без мозгов, а? — Они с Арданом рассмеялись. — Ты хорошо умеешь оценить тело, Ардан. Что ты еще о ней скажешь?

— Ну, ежели тебя интересует мое мнение, я бы сказал, что красавицей девчонку не назовешь, но за нее можно получить неплохие деньги. — Ардан вытянул шею, чтобы получше рассмотреть спящую девочку. — Волосы у нее хороши. Жаль, что она их так чертовски коротко обрезала. Пожалуй, ее можно выдрессировать на бойца. На арене тоже особых мозгов не надо — было бы желание выжить да хорошая реакция. А из этих дикарей хорошие бойцы получаются, если заловить их еще маленькими.

— А что, это мысль! — довольно согласился Кел. Жаль, что нельзя просто продать ее и прикарманить денежки — но кто-нибудь же непременно разнюхает, это ясно как божий

день. Лорд Беренель — хороший хозяин, но такого он не потерпит. Если он узнает, что Кел вздумал обманывать господина, то прикажет его в стену замуровать.

А вот продать девчонку и получить свою долю — особенно если Кел выторгует хорошую цену, — это уже совсем другое. Беренель всегда не против поделиться частью удачи, особенно если удача сама свалилась в руки...

Ардан поднялся на ноги и тоже принялся рассматривать спящую девочку. Как и сказал Ардан, дикарка не была красавицей — но и уродиной ее тоже нельзя было назвать. Пожалуй, она привлекательная, решил Кел. Или даже хорошенькая. Спутанные темно-рыжие кудри, достигающие плеч, бронзовая от загара кожа, неплохая фигурка. И лицо тоже ничего: выгнутые дугой брови, высокие скулы, заостренный подбородок — как есть лисичка.

Привлекательная, здоровая и крепкая. Да, она должна принести приличную прибыль. Или даже очень приличную, если воспользоваться советами Ардана и убедить покупателя, что дикость девчонки — это дополнительное достоинство.

Иногда Ардану приходят в голову просто-таки отличные мысли.

— Неплохо, — изрек Ардан, изучив дикарку. — Знаешь, надо будет ее нарядить в короткую кожаную тунику, — чтоб ноги были напоказ, — отрастить волосы подлиннее, выставить на арену, и из нее выйдет интересная новинка. Особенно ежели окажется, что она умеет драться. Думаю, надо обязательно присоветовать, чтоб ее именно так и упаковали.

Ардан редко советовал что-либо по части торговли, но уж если советовал, то в самое яблочко. Кел кивнул и решил, что нужно будет честно разделить свою долю от прибыли с помощником.

— Как ты думаешь, девчонке не повредит, если мы будем держать ее в сонном состоянии до самого города? — спросил он.

Ардан покачал головой.

— Не, не думаю. Девчонка может попытаться затеять драку — не хватало еще время на нее тратить. На кой нам шум вокруг работорговли. Я так считаю: если твердить девчонке, что мы ее друзья и везем ее в безопасное место, а сами будем подкармливать ее маком, это будет лучше всего.

— Мы сейчас в... в трех днях пути от земель лорда Дирана и где-то днях в пяти от города. Ничего с ней не станется, если держать ее на маке так долго?

Келу уже приходилось сталкиваться с пристрастием к маку. Нынешний его запас прежде принадлежал одному погонщику, свихнувшемуся на этом зелье. Когда Кел отобрал у него мак, погонщик настолько взбеленился, что Ардану пришлось убить его.

Расточительство, конечно, но так уж получилось. Демоны ведают, где он добывал это зелье и как к нему пристрастился.

— За неделю-две неприятностей еще не начнется. Можно делать раствор послабее, чтоб девчонка просто плохо соображала, что вокруг творится.

Ардан куда лучше Кела разбирался во всяких зельях и их воздействии. Он выполнял в караване обязанности травника и костоправа. Кел был живым доказательством того, что Ардан свое дело знал — тому уже не раз приходилось штопать прорехи в шкуре караванщика.

— Ну тогда, я думаю, мы обзавелись недурным имуществом, а? — Кел улыбнулся помощнику, и тот, в свою очередь, ответил улыбкой.

Потом они снова с удобством расположились на подушках. Кел чувствовал себя превосходно. Он глотнул холодной воды и отметил про себя ее чистоту и приятный вкус. Все то время, пока караван находился в пути, ни Кел, ни Ардан не прикасались к спиртному, а уж о всяких зельях и речи не шло, хотя кое-что они при себе держали — хотя бы тот же мак на случай серьезных ран. Кел всегда считал, что старший всегда должен быть начеку на случай любой неожиданности. Ардан не только был согласен с Келом, но и во всем следовал примеру своего начальника, даже когда ему отчаянно хотелось попробовать какой-нибудь новый сорт вина.

— Ну так как, — поинтересовался Кел, потянувшись за хлебом, — ты все еще считаешь, что от песчаной бури один вред? — Он рассмеялся собственной шутке и передал хлеб здоровяку-помощнику.

Ардан ответил довольным смешком.

— И польза тоже — ежели буря приносит к нам такую штучку, — отозвался он. — На самом деле, если бы бури всегда были такими прибыльными, я б их полюбил!

Кеман прятался в разрушенной башне и из этого ненадежного убежища наблюдал за людьми. Он никогда не отличался особыми способностями к чтению мыслей, даже если это были мысли других драконов, но все эти люди обладали чем-то таким, что не позволяло Кеману получить хоть минимум сведений из их сознаний. Кеман припомнил, как мама что-то рассказывала о каких-то ошейниках — а поскольку все люди действительно носили на шее металлические или кожаные ошейники, казалось логичным предположить, что ошейники и есть всему причиной. Кеман спрятался в тень, улегся на брюхо и постарался придать своей шкуре цвет песка, а потом сосредоточился и принялся подслушивать разговоры людей. Раз уж мысли не слышны...

Кеман готов был ожидать от них самого худшего. Их обычные, обыденные разговоры вполне могли скрывать за собой злые намерения. Кеман давно уже потерял Шану из виду. Люди заманили ее в свой шатер и там, возможно, уже надели на нее такой же ошейник, — иначе почему он не может услышать даже ее мыслей?

Кеману казалось, что его желудок катается внутри, как перекати-поле, а каждая мышца в теле молодого дракона ныла от напряжения. Ему хотелось ринуться прямиком в лагерь и спасти Шану из лап чужаков, но он не мог этого сделать. Он даже не знал, где именно находится Шана и все ли с ней в порядке. А потому у Кемана не было никакой возможности просто налететь с неба, подхватить Шану и унести ее. С одной стороны, Кеман просто не был уверен, что сможет это проделать. Он никогда прежде не пытался носить Шану. А с другой стороны, он совершенно не был уверен, что сможет достать девочку из шатра.

И потому сейчас он решал вопрос: как бы подобраться поближе к Шане?

Кеман не мог принять облик дракона — это было запрещено. Он не мог подойти к ним в облике однорога: едва завидев его, люди тут же попытались бы подстрелить однорога из своих небольших, но мощных луков — Кеман видел, что несколько человек держат такие луки при себе. На самом деле любое четвероногое существо любого размера вполне могло получить стрелу в качестве приветствия.

Даже если двуногие и не сочтут, что Кеман представляет для них угрозу, они вполне могут подумать, что он — обед.

Принять человеческий облик и попытаться пробраться внутрь тоже нельзя. В такой маленькой группе обычно все друг друга знают, и чужака автоматически примут за врага. Особенно если эта группа — торговый караван.

И все-таки ему нужно было как-то присоединиться к каравану. Надо стать кем-то таким, кто их заинтересует и в то же время не покажется опасным.

Кеман потер пересохшие глаза и вздохнул. Солнце уже клонилось к закату. Он весь день провел на жаре. Видеть воду совсем рядом и не иметь возможности сделать хоть глоток — это уже превращалось в настоящую пытку. Кеман со жгучей завистью наблюдал, как одно из вьючных животных иноходью подбежало к бассейну и принялось пить. Он тоже так хочет!..

Ха! Внезапно Кеман сообразил, как можно проникнуть в лагерь. Почему бы и нет, собственно?

Ему потребовалось лишь мгновение сосредоточения, и вот на месте, где только что стоял Кеман, возник уродливый вьючный грель с бородавчатой шкурой.

Грель-Кеман потрусил вниз, к оазису. Он направился прямиком к бассейну, как будто его ничто больше не интересовало, и присоединился к прочим животным у водопоя.

Когда первый глоток холодной воды скользнул в пересохшее горло, Кеман испытал ощущение, близкое к экстазу, — у него даже ноги ослабели. Все, что он мог сейчас, это жадно пить и стараться не свалиться.

Людям потребовалось несколько мгновений, чтобы заметить его присутствие и осознать, что вместо девяти грелей у бассейна теперь стоят десять. А осознав это, они весьма обрадовались. Четверо погонщиков окружили Кемана. Тот поднял голову и уставился на них, кротко помаргивая. Люди переглянулись и обменялись улыбками. Потом один из них подошел поближе и протянул руку. Кеман ткнулся в нее носом, стараясь не морщиться от противного людского запаха, а потом снова опустил голову к воде.

Люди позволили Кеману напиться вволю, прежде чем отвести его к остальным и привязать к колу. Оказавшись здесь, в компании еще девяти образчиков несказанной красоты, Кеман закрыл глаза и изо всех сил попытался дотянуться до сознания Шаны. Он старался до тех пор, пока от напряжения не заработал себе пульсирующую боль в виске.

Но у него так ничего и не вышло.

Кеман не угомонился. Он предпринимал попытку за попыткой. Люди тем временем бродили вокруг. Некоторые были заняты костром и приготовлением обеда. Какой-то человек насыпал грелям по мерке зерна. Кеман смахнул свою порцию так же быстро, как и настоящие грели. К закату Шана все еще не

показалась из шатра, и Кеман начал уже подозревать, что с ней произошло что-то ужасное. Пытаясь подобраться поближе к шатру, Кеман так натянул свою привязь, что та чуть не порвалась. Он старался не представлять себе всех тех ужасов, которые могли произойти с Шаной, — и все-таки ничего не мог с собой поделать. Ему все время мерещилась Шана: связанная, с кляпом во рту, избитая...

В конце концов Кеман выяснил, почему Шана не выходит. Он заметил, как рослый человек в серой одежде — кажется, один из двух руководителей этой группы, — на мгновение остановился неподалеку от того места, где были привязаны грели, и насыпал в бурдюк с водой несколько щепоток непонятного порошка.

«Какое-то зелье...» Мужчина отодвинул полог и вошел в шатер, а Кеман насторожил уши, сделав их такими чувствительными, что мог бы сейчас услышать даже комариный вздох.

В шатре послышался голос Шаны, удивленный и сонный.

— Здрасьте, — невнятно пробормотала она. — Я... ужасно устала. Извините.

— Не извиняйся за свою слабость, дитя, — ответил другой мужчина. — Спи столько, сколько тебе потребуется. Только сперва попей. Воздух в пустыне очень сухой, и тебе нужно часто пить.

— Спасибо, — сказала Шана и больше уже не произнесла ни единого слова. Мужчины вышли из шатра. Оба они казались чрезвычайно довольными. Второй мужчина был одет в темно-красный наряд, и одежда его была отделана красным шнуром, но больше ничего примечательного в его облике не было. У него были темные волосы и карие глаза, он носил бороду и был на голову ниже своего спутника. Проходя мимо грелей, он негромко рассмеялся, словно в ответ на какие-то свои мысли.

Кеман не сдержался и попытался цапнуть человека. Но тот легко уклонился и чувствительно стукнул Кемана по носу.

«Ай-яй-яаай!» Этот вопль вырвался не только из сознания, но и из глотки Кемана. До сих пор Кеману лишь однажды довелось испытать подобную боль — когда Рови повалил его и запустил когти ему в плечо. Молодой дракон рухнул на колени, подвывая от потрясения и боли, а человек пошел себе дальше, не обратив на этот инцидент особого внимания.

«Ох...» — подумал Кеман и непроизвольно застонал. На глаза ему навернулись слезы. Огонь и Дождь, больно-то как! Наверное, теперь у него сломан нос...

Но когда боль утихла, Кеман обнаружил, что ничего такого с его носом не произошло. Он был в полнейшем порядке, и даже кровь из него не шла. Так Кеман на собственном опыте познакомился с уязвимым местом грелей. И этот урок он собирался запомнить надолго.

Постепенно все вокруг погрузилось во тьму. Кеман снова оказался наедине со своими мыслями и страхами.

Значит, эти люди опоили Шану зельем. Они хотят и дальше давать ей это снадобье, а потом надеть на нее ошейник. «Почему же она не боится? — подумал Кеман, пытаясь подобраться поближе к шатру. — Почему ее даже не удивляет, что она не может больше слышать чужие мысли?»

Потом его осенило: да ведь у Шаны нет никаких причин подозревать, что эти люди опасны — и что они именно люди! У нее были все основания подумать, что это драконы из какого-то другого Рода, которые, наверное, разыгрывают игру-представление.

Мама никогда не говорила Шане, что люди и эльфийские лорды все еще существуют. Мама рассказывала все так, что Шана вполне могла считать, что все они поумирали во время Войны Волшебников или живут так далеко, что драконы никогда теперь с ними не встречаются. Остальные взрослые с Шаной просто не общались, а из подростков о людях ей говорили только те, кому Шана никогда не верила — Мире и Рови. Она училась писать по книгам, написанным драконами на эльфийском языке, и в этих книгах рассказывалось только о Народе.

Они оставили ее в неведении. Даже если бы Шана заподозрила сейчас, что вокруг нее не драконы, она была так опоена зельем, что вряд ли сумела бы додумать эту мысль до конца. Она не хотела, чтобы кто-нибудь из Рода узнал о ее способностях — например, о том, что она умеет читать мысли. Так что даже если бы ее и не опоили, Шана скорее всего не стала бы пытаться читать ничьи мысли.

А даже если бы и попыталась... Шана рассказывала Кеману, что ее силы умалились после того, как она убила земляную белку. Шана могла просто подумать, что она снова ослабела.

«Что же мне теперь делать? Как же мне забрать Шану отсюда, если я даже не могу предупредить ее, что я здесь?»

Это была очень длинная ночь, и Кеман провел ее почти без сна.

Взошло солнце, позолотив лучами все, к чему они прикоснулись. На песок легли длинные синие тени. Где-то вскрикнула

птица — Кеман даже не знал, какая именно. Ничто больше не нарушало тишины.

Кеман изнемогал. Ему никогда прежде не приходилось бодрствовать так долго. Он зевнул и переступил с ноги на ногу. Что же будет дальше?

Какой-то небольшого роста человек вышел из своего шатра. Этот шатер был намного меньше того, где держали Шану. Он снова насыпал грелям зерна, а потом взвалил на Кемана тюк с грузом.

Кеман удивленно уставился на юношу, а потом, не успев даже подумать, что делает, сбросил тюк.

Парень снова попытался навьючить Кемана. Кеман взбрыкнул. На этот раз тюк взмыл в воздух и приземлился довольно далеко.

Юноша пробормотал что-то себе под нос и пошел за тюком. Он подтащил тюк поближе к грелям, а потом попытался водрузить на спину Кемана седло — с тем же результатом.

Так продолжалось некоторое время. В конце концов, когда Кеману уже начало нравиться это развлечение, на помощь парню явился другой человек, постарше. Человек внимательно и неприятно посмотрел на Кемана, и Кеман заметил, как рука его сжалась в кулак.

Кеман резко изменил тактику и превратился в образец послушания. Он разрешил беспрепятственно оседлать себя, а потом опустился на колени и позволил людям взвалить ему на спину разнообразные тюки и корзины с товарами. Кеман уже получил урок и не видел особого смысла еще раз испытывать это ощущение.

К этому времени прочие грели тоже были навьючены, и Кеман поднялся на ноги. Убедившись, что груз закреплен равномерно, Кеман огляделся по сторонам. Тут как раз вернулся человек-разведчик. Он был верхом на лошади, а на луке седла у него, на специальном насесте сидела какая-то птица. Вскоре после его возвращения хлопнул полог шатра, и оттуда вышли все те же двое мужчин, а между ними шла Шана.

От беспокойства у Кемана оборвалось сердце. Шана выглядела опрятно и была одета в новую алую тунику, а на шее у нее, как и у всех прочих, красовался ошейник. Но она шла очень неуверенно, спотыкаясь на каждом шагу. Глаза у нее были остекленевшими, и она явно плохо соображала.

Двое мужчин помогли ей усесться на греля, груз которого перекочевал к Кеману, и привязали ее к седлу. Грелей выстрои-

ли в цепочку и связали между собой длинными веревками. Шана сидела в самом конце, за три греля от Кемана. Она была совсем рядом — и все-таки сейчас Кеман ничего не мог для нее сделать. Он и сам, отказавшись уйти без Шаны, оказался в ловушке. И он ничем не мог помочь Шане.

Погонщики принялись подгонять животных — и Кемана в том числе, — побуждая их отправиться в путь. Кеман заревел в унисон с остальными грелями. Но причины, исторгшие этот вопль, отличались от побуждений других грелей не меньше, чем разум Кемана — от их же мозгов.

Из разговоров погонщиков Кеман знал, что караван находится менее чем в пяти днях пути от конечной цели своего путешествия, торгового города. Там Шану собирались получше расспросить, а потом продать.

А Кеману до сих пор так и не удалось освободить ее или хотя бы поговорить с ней.

Кеман брел по немощеной дороге, вдыхая пыль, поднятую впереди идущими грелями, и сам взбивал пыль — она доставалась тем, кто шел позади. Вокруг раскинулись земли, принадлежащие лорду Беренелю. Когда-то эти земли обрабатывались, и множество рабов в алых одеждах ухаживали за урожаем. Но, если верить погонщикам, это было еще до того, как лорд Беренель провел здесь небольшую войну. И вот теперь еще добрых десять лет эти земли будут лежать под паром. А вот когда тела — человеческие тела — перегниют и превратятся в чернозем, а кости можно будет перепахать, тогда лорд снова что-нибудь здесь посадит. А земля будет плодоносить вдесятеро обильнее, чем до войны.

Кеману пора было удирать. И, видимо, придется сделать это без Шаны. Как только он окажется в городе...

«Даже не знаю... Может, там ее будет легче освободить? Может, если я приму эльфийский облик, то смогу просто приказать отпустить Шану?..»

Но эта надежда была тщетной, и Кеман сам это знал. Незнатные эльфийские лорды стояли на социальной лестнице лишь ненамного выше доверенных слуг-людей, и никто из людей лорда Беренеля и не подумает расстаться с добычей по приказу какого-то неизвестного типа, пусть он даже будет эльфом.

Особенно если учесть, что они до сих пор не получили у Шаны внятного ответа на вопрос, откуда взялись шкурки, пошедшие на ее тунику.

С одной стороны, у Шаны просто не хватало знания языка, чтобы объяснить им это. А с другой, что даже важнее, Шана явно до сих пор была уверена, что ее «друзья» принадлежат к Народу, и потому не могла понять, почему они раз за разом задают одни и те же вопросы о ее тунике. Шане казалось, будто они спрашивают, кому именно принадлежала эта шкура. Но она уже сказала им об этом. И повторила это уже множество раз.

Но люди думали, что девчонка несет какую-то чушь, и начали уже считать, что дикарка, пожалуй, просто придурковата.

Кеман просто не знал, как же ему быть. Что-то нужно делать, но что?

А затем, буквально в мгновение ока, ситуация резко изменилась и окончательно вышла из-под контроля Кемана.

Безоблачное синее небо у них над головами словно раскололось от пронзительного вопля — Кеман в жизни не слыхал ничего подобного. Он, как и все живые существа в караване, задрал голову вверх.

С неба на них с визгом пикировала Алара. Кеман узнал ее мгновенно — еще бы ему не узнать собственную маму! Она всегда была достаточно примечательной.

Алара была в самом что ни на есть чистейшем драконьем облике.

В последнее мгновение она затормозила, развернув крылья с резким хлопком, и пронеслась буквально над головами всадников. Потом Алара стремительно набрала высоту и приготовилась к новому пикированию. Кеман впал в полнейшее ошеломление и застыл — но все прочие его спутники, как разумные, так и неразумные, действовали иначе.

Когда Алара во второй раз вошла в пике, грели в единодушном порыве ринулись наутек. Остолбеневший Кеман оказался не готов к этому. Шедший впереди грель рванул с места в галоп, щелкнула лопнувшая веревка, и Кеман остался посреди дороги в гордом одиночестве. В одиночестве, поскольку люди тоже предпочли взять руки в ноги. Некоторые рассыпались по полю в поисках укрытия, а некоторые припустили вслед за исчезнувшими грелями.

«Мама! — закричал Кеман. — Мама, перестань! Не надо!..»

Но Алара не услышала сына либо решила не обращать внимания на его вопли. Впрочем, результат был одинаков. Когда Алара спикировала на Кемана, он увидел, что мама втянула когти.

Кеман попытался убежать, но было поздно.

Алара налетела на него с такой силой, что у Кемана захватило дух, и подхватила его задними лапами, проделав все это единым слитным движением. А потом она взмыла ввысь и принялась набирать высоту, унося Кемана все дальше и дальше от Шаны и полностью игнорируя его протесты.

Шана была в синяках с головы до ног. Как выяснилось, плавность бега не входила в число достоинств грелей. Шана упала на спину и так и тряслась, думая, что никогда уже не сможет сесть нормально.

Когда караван остановился, чтобы подождать пеших, Шана озадаченно огляделась по сторонам. На самом-то деле Алара никому не причинила вреда — она всего лишь подразнила караван. Самое худшее, что она сделала, это утащила одно из вьючных животных. Ничего особенного, обычная шутка — в Народе часто так шутят.

В нынешнем своем одурманенном состоянии Шана никак не могла сообразить, с чего вдруг все так перепугались из-за одного-единственного дракона, вылетевшего поразвлечься.

Шана принялась сражаться с ремнями, которыми она была привязана к седлу. Тем временем постепенно начали подтягиваться отставшие — уставшие и запыхавшиеся. Чем дольше девочка воевала с мягкими кожаными ремнями, тем сильнее ей становилось не по себе. В конце концов Шана отвязалась и соскользнула со спины греля. Девочка огляделась по сторонам в поисках Кела или Ардана, но вокруг были лишь погонщики. Они сидели или лежали прямо на земле и, судя по виду, пребывали в полнейшем изнеможении.

Нет, от них помощи не дождешься.

Шана побрела вперед, надеясь найти объяснения происходящему.

Тут объявились ее «друзья», Кел и Ардан. Почему-то теперь они вели себя совсем иначе. Они схватили Шану прежде, чем она успела отойти в сторону — как будто боялись, что девочка убежит. Когда Шана попыталась вырваться, Кел ударил ее.

Шана дала сдачи, причем не поскупилась. В результате разгорелась полноценная драка. Шана визжала, царапалась и пиналась, но противники намного превосходили ее габаритами. Кел и Ардан пытались прижать ее к земле и не тратили сил на лишние вопли — разве что когда Шане удавалось отвесить особенно удачный пинок.

Шана уже не сомневалась, что оба они, и Кел, и Ардан, сошли с ума.

В конце концов противники победили Шану при помощи простейшей уловки — поставили ей подножку, а когда Шана упала, уселись на нее сверху.

Шана продолжала сопротивляться, но Кел и Ардан держали крепко. Теперь они начали разговаривать между собой, но несли всякую чепуху. Кел притащил веревку, и они связали Шане руки, а потом закинули девочку на спину греля и привязали ее руки к луке седла, а ноги — к стременам. И все это время они не переставали бормотать что-то о «чудовище», напавшем на караван.

И грели, и те, кто удирал самостоятельно, уже успели прийти в себя. После того, как Шану привязали к седлу, караван побрел к виднеющимся в отдалении городским воротам. При виде города, при виде его высоких стен и тысяч его обитателей Шану настигло ужасающее понимание. Стольких драконов не нашлось бы и во всем мире. А значит, этому существовало лишь одно объяснение.

Это были не драконы.

А значит, это были двуногие. Настоящие двуногие, обе их разновидности.

Это были двуногие. Такие же, как и она, Шана. Вот почему приемная мама улетела — она увидела, что Шана с ними, и подумала, что с ней все в порядке...

«Туника! — неожиданно сообразила девочка. — Вот почему они постоянно спрашивали о тунике! Они хотят знать, где я взяла кусочки шкуры!»

Раз они не знали этого, значит, они никогда не видели драконов. Если они никогда не видели драконов, значит, на то есть серьезная причина. Видимо, драконы не желают, чтобы об их существовании стало известно.

Если она скажет этим двуногим, где на самом деле она взяла шкуру, они захотят раздобыть побольше таких шкур.

Шана содрогнулась, сообразив, к чему это может привести. Они начнут охотиться на драконов и убивать их ради шкуры. И во всем будет виновата она. Шана бы не возражала против того, чтобы с Рови спустили шкуру — но Кеман или приемная мама...

«Огонь и Дождь, что же мне теперь делать?! И что они со мной сделают?»

Ворота города приближались, и по мере приближения казались все больше и больше. Шана в жизни не видела столько обработанного камня. И это еще сильнее испугало ее.

«Сколько же понадобилось людей, чтобы построить все это? И... и какая у них сильная магия...»

Караван вошел в пределы городских стен. Мощные стены толщиной с греля были построены из холодного, сырого камня, непривычного и враждебного. Когда Шана оказалась в тени этих стен, ее затрясло, и не от холода, а от страха. Караван тем временем остановился. Несколько человек из каравана долго разговаривали с какими-то другими людьми. Эти другие были одеты в одинаковые зеленовато-серые туники и брюки.

В конце концов караван все же двинулся и вышел на солнце.

Город ошеломил Шану.

Как только они вошли в ворота, на девочку обрушился шум тысяч голосов и вопли тысяч животных. А дневной зной усилился, потому что все было вымощено камнем, и вокруг не видно было ни клочка зелени. От жары все запахи сделались особенно пронзительными: запахи испражнений и сырого мяса, подгоревшего масла, пота людей и животных, благовоний и цветов, и еще тысяч вещей, которым Шана не могла дать имени, сражались друг с другом. Вокруг бушевал хоровод ярких красок. Сотни и тысячи двуногих обеих разновидностей толкались, ссорились, сплетничали, глазели по сторонам. В толпе можно было увидеть любые наряды, от невзрачного тряпья до одежд поразительной работы, изменявших цвет при движении, — такие наряды носили высокие светлокожие двуногие.

Шану начало пошатывать. Сейчас она была даже рада, что веревки не дают ей упасть. Сейчас они оказались поддержкой, а не помехой. Она даже представить себе никогда не могла, что на белом свете может существовать столько двуногих!

Через некоторое время обстановка вокруг начала меняться. Караван вышел на огромную площадь, окруженную зданиями. Между зданиями виднелись не то туннели, не то узкие ущелья. Через площадь караван пробирался медленно, дюйм за дюймом. Кажется, он двигался как раз к одному из этих туннелей. Сверху нещадно жгло солнце, поднимающийся со всех сторон зной мешал дышать. Люди толкали грелей, даже не взглянув, кого или что они толкают. Казалось, что караван будет идти через эту площадь вечно.

Шаг за шагом, со множеством остановок караван пробивал себе путь вперед. Шана изо всех сил боролась с тошнотой и отчаянно желала проехать через этот загадочный туннель и оказаться подальше отсюда, там, где будет поменьше людей.

Впоследствии, уже гораздо позже, Шана сильно пожалела, что ее желание исполнилось.

Глава 12

«Наконец-то добрались».

Харден Санграл спешился, не выпуская из рук поводья, чтобы норовистый грель не попытался удрать, и словно бы невзначай похлопал по своему поясному кошельку.

Он все еще лежал там — тяжелый шелковый сверточек, выпавший во время драки из-за пазухи девчонки-дикарки. Ни Кел, ни Ардан не заметили его, а вот Харден заметил. Он проворно подобрал сверточек и спрятал, чтобы потом изучить повнимательнее. В этой девчонке таилось слишком много странностей, а одной из обязанностей Хардена как раз и было обращать внимание на все странности.

Сейчас во дворе караван-сарая находились только люди и животные их каравана, но по свежему помету, сметенному в угол двора, Харден мог с уверенностью сказать, что сегодня сюда пришло по крайней мере еще два каравана. Харден помрачнел. Теперь придется дожидаться своей очереди. А ведь если бы не песчаная буря, они добрались бы до города еще два дня назад.

Один из здешних слуг, повинуясь указующему жесту главы караван-сарая, подошел, чтобы принять у Хардена поводья греля. Харден с искренней признательностью передал ему животное и вместе со всеми встал в строй, ожидая новых приказаний. Боковым зрением Харден видел, как Ардан отправил девчонку в дом для рабов — просто взял в охапку и отнес туда.

С момента той драки на дороге девчонка впала в своего рода шок, но обращение Ардана быстро вывело ее из этого состояния. Несмотря на связанные руки и ноги, эта девчонка умудрялась вопить и лягаться, как самец ящерицы-дорты во время брачного сезона. Харден не завидовал ни Ардану, ни надсмотрщикам.

Когда Харден подошел к главе караван-сарая, глава — низкородный эльфийский лорд — держал в руках необычно длинный список. Боец приготовился к худшему — не раз уже быва-

ло такое, что едва Харден успевал спешиться после долгого пути, как его тут же отправляли охранять другой караван.

— Имя? — спросил эльфийский лорд. Вид у него был измотанный. Белокурые волосы прилипли к вспотевшему лбу. Все эльфийские лорды, которых Хардену доводилось когда-либо видеть, были чертовски красивы — должно быть, это было у них в крови, потому что даже мелкие служащие, слабые маги, выглядели, словно ожившая мечта любой девицы, — но этот был каким-то совсем уж заморенным. То ли жара так на него действовала, то ли он и вправду перетрудился.

— Харден Санграл, лорд, — услужливо отозвался охранник. Если уж говоришь с эльфийским лордом, лучше не скупиться на вежливость и почтительность. Никогда не угадаешь, у кого из них хватит магии, чтобы в мгновение ока превратить твою жизнь в сущий ад.

— Харден, Харден... — пробормотал себе под нос эльф, изучая список. — А, вот ты где. Да ты счастливец, парень. На ближайшие два дня никаких назначений. Можешь отправляться внутрь, помыться, поесть и взять себе девушку, если сегодня есть свободные. Но имей в виду — только на один заход — потом пришлешь ее обратно, пусть работает дальше.

— Да, лорд, — с благодарностью произнес Харден. — Благодарю вас, лорд. Да пребудет удача с лордом Беренелем.

— Да пребудет, — рассеянно отозвался замотанный чиновник. — Следующий!

Харден поспешил к гостеприимно распахнутой двери. По сравнению с уличной жарой в здании было просто невероятно прохладно. Неудивительно, что глава караван-сарая так спешит управиться с работой. Если бы ему, Хардену, пришлось торчать на жаре, он бы тоже спешил, лишь бы побыстрее вернуться в холодок. Оказавшись в передней, вымощенной белой плиткой, охранник на мгновение замешкался. Единственным местом, куда не стояла очередь, было окошко дежурного, распределявшего комнаты. Харден вздохнул и смирился со своей судьбой — остаток дня придется провести в очередях.

В отличие от Больших Палат, в караван-сарае были широкие застекленные окна — по крайней мере, на первом этаже. В передней располагались три двери. Левая вела в трапезную, средняя — в душ, а за правой начинался коридор, ведущий к комнатам. В окошке торчал усталого вида дежурный.

Харден присоединился к мужчинам (и нескольким женщинам), ожидающим своей очереди в душ. Добравшись до предбанника, он разделся, бросил грязную тунику и штаны в кучу такой же грязной одежды, а личные вещи прихватил с собой. Потом очередь привела его в узкую комнату, где из трубок били струи чуть теплой воды — сперва мыльной, потом чистой. Вместе с остальными Харден прошел через эти струи, радуясь возможности смыть с себя пыль дороги и пот страха. Как и все остальные, он держал свой пояс с ножом и кошельком так, чтобы уберечь его от воды, а когда мылся, перекладывал его из руки в руку.

Пройдя через душевую, Харден взял грубое полотенце — там лежала стопка чистого белья, — вытерся и оставил его в другой стопке, использованных полотенец. Потом он просмотрел кипу чистых туник и брюк цветов дома лорда Беренеля, выбрал одежду подходящего размера и облачился в нее, подпоясавшись отсыревшим кожаным ремнем.

После этого Харден вернулся в переднюю и присоединился к другой очереди, ведущей в трапезную. Достоявшись, он получил миску тушеного мяса, ломоть свежего, еще теплого хлеба, намазанного маслом, и кружку холодного пива. Харден нашел себе место за одним из круглых деревянных столов и принялся за еду.

Вытерев миску последним куском хлеба и допив пиво, Харден встал из-за стола. Его место тут же занял другой охранник, женщина. Харден не удостоил ее даже взглядом. Она сама была воином и не относилась к тем «девушкам», о которых говорил глава караван-сарая.

Харден сунул миску и кружку в кухонное окошко и снова вернулся в переднюю. Там он подошел к дежурному. Рядом с дежурным — неприметного вида человеком — располагалась доска, увешанная разноцветными брелоками из обожженной глины.

— Имя? — спросил этот бесцветный тип.

— Харден, — ответил охранник.

Дежурный просмотрел список, водя по нему пальцем и шевеля губами. В конце концов он нашел то, что искал, и потянулся за глиняной фигуркой.

— Ага, Харден, — сказал дежурный и протянул охраннику черный цветок с тремя лепестками. — Твоя комната на первом этаже. Свободных девушек пока что нет. Почему бы тебе не отдохнуть до ужина? Большинство народу ужинает здесь, и если ты подождешь, пока пройдут первые, то наверняка найдешь несколько свободных девиц. Не знаю, как тебе, а мне нравится,

чтобы девушку можно было выбрать. Не люблю хватать первое, что попадется под руку.

— Спасибо за совет, — отозвался Харден, забирая брелок. — Я так и сделаю.

Он прошел по коридору, вымощенному все той же белой плиткой. По обе стороны располагались деревянные двери. На каждой была нарисована определенная картинка. Харден осматривал их, пока не отыскал изображение черного цветка с тремя лепестками. Охранник толкнул дверь. За дверью, как он и ожидал, обнаружилась узкая комната с деревянными стенами, достаточно большая, чтобы в ней поместилась койка. Окон здесь, конечно же, не было. Освещалась комната колдовским способом. Об этом заботился один из домашних магов лорда Беренеля. Каждый вечер свет выключался одновременно во всех комнатах караван-сарая, а утром так же одновременно включался, будя обитателей. Хорошо, что ему довелось стать бойцом. Бойцы имели право на такую роскошь, как отдельное жилище. Обычным же рабам приходилось довольствоваться тюфяком в бараке.

По правде говоря, Харден был только рад, что все девушки оказались заняты. Сейчас он куда больше хотел спокойно, без помех изучить содержимое тяжелого сверточка.

Харден прикрыл дверь, уселся на койку спиной ко входу и вытащил сверточек из кошелька. Потом он положил рядом нож и точильный камень, чтобы в случае чего сделать вид, будто доводит нож до ума. Харден осторожно развязал узелки, мысленно проклиная скользкий шелк.

В конце концов он одолел последний узелок, и шелк развернулся сам собою, обнажив великолепие красок и роскоши.

У Хардена перехватило дыхание. Неудивительно, что сверточек был таким тяжелым. Харден никогда в жизни не держал в руках столько золота...

Это был ошейник, рабский ошейник. Только сделан он был из золота и покрыт узором из драгоценных камней размером от песчинки до ногтя большого пальца Хардена.

Ошейник наложницы. Ничем иным это быть не могло. Но откуда у дикарки мог взяться ошейник наложницы?

Харден принялся осторожно вертеть ошейник в руках. И рядом с застежкой он обнаружил изображение феникса, оттиснутое на золоте и украшенное крохотными рубинами-глазками.

«Лорд Диран». Эта метка была знакома Хардену, как собственное имя. Он не мог его не знать. Да, он охранял караваны Беренеля, но настоящим его хозяином был лорд Диран.

Харден принялся медленно прокручивать в памяти события нескольких последних дней, проверяя, не забыл ли он чего. Сперва налетела эта песчаная буря. Караван сбился с пути, и пришлось петлять в поисках воды. Воду они нашли. Там же, рядом с водой обнаружилась девчонка-дикарка в тунике из никому не ведомого материала. Девчонка, которая носила при себе ошейник наложницы. Потом неизвестно откуда появился лишний грель. Потом караван подвергся магическому нападению со стороны существа, выглядевшего в точности как наилучшая иллюзия работы самого Беренеля. Точно таких же драконов Беренель установил у ворот своего поместья. Странное что-то творится. Харден не понимал, что именно, но все это ему не нравилось.

Боец взвесил ошейник на ладони. Может ли оказаться, что девчонка подослана? Может, ее подсунул какой-нибудь эльфийский лорд? Может, кто-нибудь из них узнал о караване и отправил магическое животное напасть на него? Но зачем? Чтобы люди рассеялись в разные стороны, растеряли грелей и не выполнили своего задания? Но тогда это следовало устраивать еще в пустыне или в каком-нибудь оазисе. И почему украден был всего один грель? Разве что... разве что этот грель вез что-нибудь важное.

Да, это уже похоже на правду. Лорды не доверяли своим подчиненным, а те, в свою очередь, не доверяли тем, кто стоял еще ниже. Одним лишь демонам ведомо, что везет караван. Даже Кел и Ардан могут знать не обо всем. И раньше случалось такое, что караваны возили тайные грузы, и люди умирали из-за этого. Вот потому-то к караванам приставляли охранников, а охранники получали специальную подготовку.

Предположим, что самый спокойный грель нес нечто особое, нечто такое, что доверенные лица Беренеля погрузили на него еще в самом начале пути. Каждый грель всю дорогу вез один и тот же груз — но когда появилась дикарка и лишний грель, — Ардан вполне обоснованно посадил девчонку на самого спокойного греля в караване, а его груз переложил на приблуду.

Тогда выходит, что «дракон» должен был точно знать, какое животное ему следует хватать. А девчонка, кажется, не выказала никаких признаков страха при виде чудовища. Можно предположить, она знала, что должно было произойти.

Да, это звучит вполне осмысленно. Кстати, не так уж многим эльфийским лордам достанет силы создать такое чудище. Это сильно сужает круг поисков.

Это вполне могло оказаться даже работой его собственного лорда — Дирана. Правда, этой операции недоставало утонченности, свойственной замыслам Дирана, но у него, несомненно, вполне хватило бы силы, чтобы сотворить что-нибудь вроде дракона. Диран уже делал раньше и драконов, и даже кое-что покрупнее. Большие создания редко существовали дольше половины дня, но обычно за это время их успевали использовать по назначению.

Ну ладно, неважно. Что бы это ни была за штука, его, Хардена, это не касается. Если это подстроил лорд Диран, то, получив доклад Хардена, лорд лишний раз убедится в его верной службе. А если это не его рук дело, лорду куда сподручнее будет разобраться, кто же мог это провернуть, и решить, что он хочет предпринять по этому поводу.

Подробно все обдумав, Харден лишний раз порадовался, что заклинание, вложенное в его ошейник, могло защитить его от всей прочей магии — даже от магии самого лорда Дирана, если только лорд специально не обойдет его. Харден чувствовал, что в драгоценной цацке кроется заклинание, внушающее владельцу желание носить этот ошейник. Только этих неприятностей ему еще не хватало.

«Представляю себе, как бы я вывалил отсюда на улицу с этой фигней на шее! А ведь я так бы и сделал! А есть ведь закон насчет тех, кто носит ошейники, не полагающиеся ему по рангу. Вот это я бы вляпался!»

Харден вложил ошейник в маленькую кожаную сумочку и запечатал ее, крепко сжав края. Теперь ее сумеет открыть только сам лорд Диран или кто-то из его доверенных помощников.

Харден покинул комнату, вышел из караван-сарая через главный ход и, напустив на себя вид человека, желающего поразмять ноги, отправился бродить по площади. Но, прогуливаясь, он постепенно покинул площадь и оказался довольно далеко от района, находящегося под властью лорда Беренеля, где все перекрестки были вымощены шашечным узором из угольно-черных и красных кирпичей. В той части города, куда забрался Харден, перекрестки отмечались красными и золотыми кирпичами — и боец очень хорошо знал этот район.

Добравшись сюда, Харден направился в места, где собирались бойцы с наградными жетонами, чтобы потратить их на

выпивку покрепче, еду позатейливее и женщин погорячее, чем они могли бы получить в караван-сарае. Конечно, все это тоже было имуществом лорда Дирана, но таким образом у бойцов появлялась планка, к которой можно было стремиться, и лишнее отличие от «простых смертных». Нечто такое, что давало хотя бы видимость запретного плода и сладостный отзвук подлинной роскоши.

Харден отыскал заведение, на вывеске которого был изображен анатомически неправдоподобный любовный акт феникса и фантастически прекрасной рыжеволосой женщины. Заведение охранял хорошо вооруженный здоровяк. Харден вошел, обменявшись с охранником какой-то довольно плоской шуткой. То есть так мог бы подумать случайный прохожий. На самом же деле Харден таким образом назвал охраннику пароль. Здоровяк впустил его в главный зал. Туда вела небольшая лесенка. Харден остановился на верхней ступеньке, пользуясь случаем оглядеться, пока местные обитатели не заметили его.

Зал почти не изменился. Стены заново обили красным шелком, и воздух сегодня был напоен ароматом жасмина, а не орхидей. Все прочее осталось прежним: в центре зала на груде подушек привольно расположились щебечущие девицы. Их наряды можно было назвать разве что украшением — для одежды их было маловато. С потолка струился мягкий янтарный свет. За шелковыми драпировками стен скрывались — Харден это знал — небольшие комнатки, здорово напоминающие его каморку в караван-сарае. Здешние комнатки были разве что чуть побольше, и койки здесь были помягче. Ну, и еще там на полочках располагались разнообразные приспособления, которые здешние дамы использовали при работе. Масло для массажа, например, или музыкальные инструменты, или еще кой-чего.

А для тех, кто желал полнейшего уединения и особого внимания, на верхнем этаже были отведены несколько комнат со звуконепроницаемыми стенами.

Люди бывали здесь не слишком-то часто. Обычно гостями этого заведения были эльфийские лорды, которым ранг не позволял держать собственных наложниц, эльфы-юнцы, являющиеся в «нижний город» за приключениями, да изредка заглядывал какой-нибудь знатный лорд, которому захотелось разнообразия, но не настолько, чтобы обновлять гарем. Из людей же сюда попадали только наилучшие бойцы, получившие в качестве награды право на такой визит. Именно такого посетителя и разыгрывал сейчас Харден.

Харден спустился в зал. Его немедленно окружили молодые женщины, не имевшие с дамой на вывеске ничего общего, кроме пола, привлекательности и рыжих волос. Одна из них тут же взяла гостя за руку.

— А Марти сейчас не занят? — спросил Харден, заранее зная, какую реакцию вызовет его вопрос. Боец с удовольствием поразвлекся бы с этой девицей, но знал, что это повлечет за собой наказание — у него ведь не было должным образом оформленного разрешения. Девушка мгновенно выпустила его руку. Проступивший на лице страх придал ей сходство с испуганным ребенком. Прочие девушки исчезли так же быстро, как и появились.

— Д-да, — запинаясь, выдавила она. Судя по виду, девушка очень надеялась, что гость не попросит проводить его. На мгновение Харден задумался: может, попросить все-таки? Больно уж забавно выглядела испуганная девица. Но Харден по природе своей не был жесток и потому отказался от этой идеи.

— Иди, — сказал он, так хлопнув девушку по ягодицам, едва прикрытым тканью, что она с визгом подпрыгнула. — Я сам найду дорогу.

Девушка последовала примеру своих «сестричек» и юркнула за занавески с такой скоростью, словно удирала от демона. Харден же, не обращая больше на нее никакого внимания, направился к единственной настоящей двери в этом зале. Массивная дверь была сделана из железного дерева, и красновато-коричневая древесина сливалась с красными разводами муарового шелка. Харден постучал и вошел.

Все тот же янтарный свет освещал обшитые деревом стены и пол, застеленный темно-красным ковром. Марти поднял голову. Он сидел за письменным столом — единственным предметом обстановки. Харден закрыл за собой дверь. Марти был необыкновенным человеком. Он весил вполовину меньше Хардена и был гибок, словно ивовая ветвь. Мягкие черты лица отличались привлекательностью. Честно говоря, если бы не усики, его можно было бы принять за девушку. Некоторые мужчины принимали подобную внешность за признак определенных сексуальных предпочтений Марти.

Обычно эта ошибка становилась последней в их жизни — они умирали прежде, чем их тело успевало коснуться земли. Марти был одним из самых опытных и умелых тайных агентов на службе лорда Дирана. Кроме того, он был главой шпионов Дирана в этом городе. Он пришел на смену человеку, с которым Харден работал последние два года. Тот связной был довольно стар. Насколько понимал Харден, его перевели в одно из поместий Дирана и поручили обучать новых агентов. Во всяком случае, так можно было предположить, исходя из того, что сам Харден все еще оставался в живых. Если кто-то из людей Дирана пытался сменить хозяина, Диран уничтожал не только предателя, но и всех связанных с ним агентов.

Хардену по-своему нравился этот парень. Видят демоны, у Марти не так уж много друзей. Девушки его боялись, а почему, Харден и сам не знал. Может, его вкусы чересчур экзотичны даже для них? А может, ему просто мерещится, что они боятся?..

А может, они боялись его потому, что он был управляющим, а значит, был властен над их жизнью и смертью. А в руках обученного убийцы смерть может быть очень долгой и очень неприятной.

— Рад тебя видеть, Харден, — тепло произнес молодой человек, вставая из-за стола. Харден покачал головой, отвергая невысказанное предложение гостеприимства.

— Я не могу задерживаться надолго, — сказал он. — К ужину мне обещали выделить девушку, а поскольку я только что вернулся с маршрута, будет подозрительно, если я за ней не приду. Вот, держи. Это нужно передать лорду.

Он положил кожаную сумочку на стол. Марти с любопытством посмотрел на нее, но не сделал даже попытки прикоснуться.

— Теперь послушай, откуда взялась эта штука, — сказал Харден и постарался как можно короче изложить события нескольких последних дней. — А во время драки девчонка потеряла эту вещь. Мне пришлось подождать до города, и только тут я смог ее рассмотреть. Это ошейник, золотой, весь в драгоценных камнях. Если я хоть что-то смыслю, это ошейник наложницы. И на нем — печать лорда Дирана.

— Печать лорда Дирана на ошейнике наложницы, который хранит у себя девчонка-дикарка, — Марти слегка склонил голову набок. — Ну, я бы сказал, что вывод очевиден: девчонка его нашла. Некоторые из караванов лорда уже пропадали в пустыне, а с некоторыми из этих караванов ехали наложницы высокого ранга.

Харден недовольно скривился. Как он сам не додумался?

— Но... — продолжал Марти. — Не могу не признать, что появление чудовища и его нападение на караван придают этому

делу особое значение. Ты правильно поступил, Харден. Даже если ничего особенного за этим и не кроется, ты вернул лорду Дирану ценную вещь. Само собой, люди Беренеля не потрудились бы этого сделать.

Это явно было позволением удалиться.

— Мне нужно возвращаться в караван-сарай, — поспешно произнес Харден. — Если я что-нибудь услышу, то дам тебе знать.

— Мне бы хотелось, чтобы ты выяснил одну вещь, — произнес Марти, когда Харден уже взялся за дверную ручку.

Харден быстро обернулся.

— Лет пятнадцать назад от лорда Дирана сбежала беременная наложница, тогдашняя фаворитка. Она удрала именно в том направлении, где вы шли...

Марти ограничился сказанным, но Харден и так знал достаточно, чтобы домыслить остальное самостоятельно. Ему было известно куда больше, чем основной массе людей.

Если наложница действительно была беременна от лорда Дирана... Если она прожила достаточно долго, чтобы успеть родить... Полукровкам не разрешалось существовать, и запрет этот был нерушим. А найденная девчонка находится во вполне подходящем возрасте, чтобы оказаться той самой полукровкой.

— У девчонки рыжие волосы, и ей примерно двенадцать-четырнадцать лет, — сказал Харден. — Ну, я не замечал за ней никаких проявлений магической силы. А она наверняка воспользовалась бы ею в драке с Келом, если бы могла.

— Но она находилась тогда под воздействием зелья, — напомнил ему Марти. — А как насчет того чудовища? Что, если это она наколдовала его, чтобы отвлечь вас и сбежать под шумок?

— Но она не пыталась сбежать! — возразил Харден, потом на мгновение задумался. — Конечно, грель понесся прочь вместе с ней, но она просто не могла им управлять. А мне кажется, что тот, кто способен наколдовать такое чудище, уж как-нибудь справился бы со своим грелем.

— Хорошее замечание, — признал Марти. — Но продолжай по возможности приглядывать за этой дикаркой. Если появятся основания подозревать, что девчонка — ребенок той самой наложницы, то... нет, пожалуй, пусть лорд Диран сам решает, что он хочет с ней сделать. Во всяком случае, если появятся хоть какие-то доказательства того, что она — полукровка, немедленно сообщай мне, а я позабочусь, чтобы это стало известно управляющим Беренеля. Если что-то и объединяет всех эльфийских лордов, так это стремление уничтожать полукровок.

Харден кивнул. Поскольку говорить больше было не о чем, он выскользнул за дверь.

Шана скорчилась в углу огромной комнаты, куда ее закинули после недолгого сражения. Девочка дрожала от потрясения и холода. Последние полдня принесли ей столько ужаса, сколько она не изведала за всю свою жизнь. Шана была уверена, что даже, если бы она вернулась в Логово, нарушив запрет старейшин, ей бы не было так плохо.

По крайней мере, в Логове у нее было хотя бы несколько друзей, а здесь — абсолютно никого. Она даже понятия не имела, что может произойти дальше.

Когда они въехали в тихий туннель, Шана обнаружила, что он намного короче того, что проходил между стенами. Туннель привел их на квадратную площадку, со всех сторон обнесенную стенами. Здоровенный мужчина стащил Шану со спины животного, на котором она ехала, и понес к двери в самой дальней черной стене. Шана брыкалась, как могла, но все было без толку. Мужчина занес ее внутрь и передал трем людям, таким же здоровенным, как и он сам. Они быстро и умело лишили Шану возможности двигаться. Шана обнаружила, что ее магия больше не действует. Она не чувствовала в себе ни малейшей искорки силы. Можно было подумать, будто она никогда не обладала теми способностями, которые обратила против Рови.

Люди занесли ее в какую-то комнату, заполненную паром, раздели догола и, не развязывая рук и ног, сунули под струю теплой воды. Они скребли Шану чем-то вроде песка, пока ее кожа не начала гореть, потом вытащили девочку из воды и развязали лишь на то время, которое потребовалось, чтобы облачить ее в простую коричневую тунику. К этому времени Шана была так измучена и перепугана, что у нее просто не хватало сил на драку. Кажется, люди это поняли. Двое ушли, а третий втолкнул Шану в это огромное помещение, выкрашенное в светло-розовый цвет. Каждый звук здесь отдавался гулким эхом. Помещение было заполнено множеством людей, одетых так же, как Шана. На полу лежали такие же плоские матерчатые штуки, как в переносном жилище Кела, только здесь эти штуки были обтянуты такой же тканью, как и та, что пошла на ее тунику, и были куда тоньше.

Дверь — с этой стороны на ней не было даже ручки — захлопнулась, и Шана осталась наедине с полной комнатой незнакомых двуногих. Двуногие посмотрели на нее, но не проявили особого интереса.

Шана обошла комнату, прижимаясь спиной к стене, и забилась в дальний угол. Девочка осмотрелась и обнаружила, что солнца здесь не видно. Лишь с потолка лился янтарный свет и заполнял всю комнату, не оставляя места теням. Девочка скорчилась в углу, обхватив руками колени и дрожа от страха, запоздалого потрясения и озноба. Каменный пол был холодным, и этот холод постепенно забирался под тонкую тунику.

Шане отчаянно хотелось обратно. Ей хотелось, чтобы ничего этого никогда не происходило, чтобы все события последних дней оказались страшным сном. Если бы это был сон, Шана могла бы проснуться и оказаться в своей постели, а рядом находились бы приемная мама и Кеман...

Шана не могла больше сдерживаться. Из глаз у нее хлынул поток слез. Что-то так сдавило ей горло, что Шана едва могла дышать, глаза горели, и мучительно ныло под ложечкой.

По крайней мере, дома она знала, что происходит. Она понимала драконов, знала, как избегать неприятностей, что ей делать можно и что нельзя.

«Во всяком случае, мне казалось, что я их понимаю...»

Может, на самом деле это было не так. Приемная мама заботилась о ней не меньше Кемана, но когда стряслась эта неприятность, Алара позволила остальным бросить ее в пустыне. Алара могла бы прийти к ней на помощь, когда остальные драконы решили бы, что навсегда избавились от Шаны, но она этого не сделала. А когда Алара пролетела над караваном, она не обратила внимания на свою приемную дочь. Она утащила какое-то животное, а на Шану даже не глянула, как будто та больше не существовала для нее. Алара даже не попыталась заговорить с ней мысленно. А ведь она могла бы хотя бы сказать, как себя чувствует Кеман...

«Но, может, Кеман все-таки отправился бы за мной, если бы мог сейчас летать...»

Шана поплотнее обхватила колени и уткнулась в них лицом. Жгучие слезы текли по ее щекам и капали на тунику. На коричневой ткани расползлись два больших темных пятна. Шана погрузилась в пучину отчаяния. Потом ей в голову пришла новая мысль. В конце концов, Алара ведь показывала ей и Кеману, как животные-родители отправляют своих отпрысков в боль-

ной мир, когда те вырастают и для них наступает пора становиться взрослыми.

Может, Алара подумала, что для Шаны как раз наступило именно такое время? Она иногда допускала, чтобы Шана причинила себе какой-то вред, если таким образом девочка могла чему-то научиться. Может, это все тоже своего рода урок?

Алара показывала им, как птицы перестают кормить своих птенцов, добиваясь, чтобы те вылетали из гнезда, и как животные прогоняют детенышей со своей территории, как только те становятся достаточно взрослыми, чтобы прокормить себя. Среди драконов такого не водилось, но кто знает, может, двуногие именно так и поступают. Может, Шана, по их меркам, уже считается достаточно взрослой. Может, теперь ей полагается самой заботиться о себе...

Может, драконы сочли, что делают это для ее же блага.

Но Шане все это совсем не казалось благом! Она прикусила губу, чтобы не разрыдаться в голос при всех этих чужаках, и слезы заструились еще сильнее.

Но если это должно было стать для нее благом, почему эти люди так плохо обращались с ней и заперли ее здесь? А если приемная мама знала, как они себя ведут и на что они похожи, почему она не предупредила Шану? Почему она даже не сказала, что на свете существует так много двуногих? Если Алара хотела убедиться, что с Шаной все будет в порядке, почему она хотя бы не попросила Кеоке объяснить Шане, чего ей следует остерегаться?

Ответ напрашивался один: потому, что Алару это не волновало. Потому, что для нее, как и для прочих драконов, Шана была животным. Потому, что она считала Шану выросшей живой игрушкой своего сына.

Потому, что Рови и Мире были правы.

И осознание этого было больнее всего.

Кел стоял перед столом и терпеливо ожидал, пока караванный надсмотрщик развернет кожаную тунику, снятую с девчонки-дикарки. В магическом янтарном свете, заливающем кабинет, туника выглядела еще красивее, чем в солнечных лучах. Краски сделались богаче и насыщеннее, и каждая чешуйка переливалась сотнями оттенков, незаметных под слепящим солнцем пустыни.

Ценность этой находки наверняка должна перевесить убытки от пропажи греля, утащенного чудовищем вместе со всей поклажей. В принципе, обвинить в этом убытке могли и Кела...

Надсмотрщик, лысеющий человек средних лет, повертел тунику в худых мозолистых руках, вывернул ее наизнанку, рассмотрел швы, потом вывернул обратно и внимательно изучил каждую чешуйку.

— Ну что ж, — в конце концов изрек он, — похоже, Кел, ты принес нам нечто необыкновенное.

— Необыкновенное и дьявольски ценное, насколько я могу предположить, — смело отозвался караванщик. — Сдается мне, что лорды примутся выстраиваться в очередь, лишь бы заполучить одежду из такого материала. Я в жизни не видел ничего красивее, кроме вещей, сотворенных магией.

Надсмотрщик еще раз повертел тунику и неспешно кивнул, потом провел рукой по сияющей шкуре.

— Похоже, Кел, ты прав. Надеюсь, ты проверил эту вещь на наличие магии, прежде чем тащить ее ко мне?

— Первым делом! — заверил его Кел. — Чистехонько. Магии — ни следа. Эта штука — самая что ни на есть настоящая.

Надсмотрщик хохотнул и свернул тунику обратно.

— Вопрос только в том, настоящее что? Как нам назвать этот материал? Кожей ящерицы? Мне бы лично не захотелось носить вещь с таким названием.

Кел задумался на мгновение, потом улыбнулся. В конце концов, а почему бы и нет? Эта вещь может оказаться намного дороже, чем все, что было украдено чудовищем, и это — по-своему добрый знак. Но называть эту причину он не стал.

— Эмблема лорда Беренеля — дракон, — напомнил он надсмотрщику. — Почему бы не назвать это драконьей шкурой?

Надсмотрщик довольно рассмеялся.

— Действительно, почему бы нет? — согласился он. — Название хорошее, звучит внушительно — а у некоторых может даже хватить дури поверить в это! Хотя все, у кого есть хоть капля мозгов, знают, что драконов не бывает!

— Совершенно верно, — быстро согласился Кел, довольный, что вопрос об убытках забыт. — У кого есть хоть капля мозгов, те это знают.

Лорд Беренель поглаживал тунику и любовался тем, как играют на свету перламутровые краски, как край каждой чешуйки переливается всеми оттенками основного цвета, как пляшут

над чешуей крохотные радуги... Туника лежала на черной мраморной крышке стола, словно груда драгоценностей, — а стоила она, если лорд хоть что-то в этом понимал, намного больше.

Эта вещь была не тяжелее кожаной туники такого же размера и толщины, но при этом была намного мягче кожи. Какая жалость, что из-за неумелой обработки края полосок, из которых было сшито полотнище туники, пострадали! Будь эта вещь сшита надлежащим образом, ее с удовольствием надела бы даже его леди!

Если, конечно, он захотел бы отдать эту вещь жене. В настоящий момент Беренель не желал выпускать тунику из рук.

В том, что его подчиненные решили назвать неизвестный материал «драконьей шкурой», лорд Беренель усматривал некоторую иронию судьбы. Сам же он считал, что держит в руках вещественное доказательство того, что поиски, длившиеся почти всю его жизнь, близятся к завершению.

Вскоре после Войны Волшебников Беренель — тогда еще совсем молодой лорд — разводил породистых лошадей. И вот кто-то начал нападать на табуны, пасшиеся неподалеку от границ великой пустыни. Беренель не мог тогда полагаться на своих вассалов, поскольку унаследовал их после поражения одного своего соперника. И потому Беренель решил самостоятельно устроить ловушку и изловить виновного.

Он сперва искренне считал, что эти налеты — дело рук кого-то из эльфийских лордов, и полагал, что сразу же обнаружит присутствие магии. Потому он устроился в укрытии и стал ждать. Но никакой магии он не заметил. Вместо этого вдруг раздался топот множества лошадей, обратившихся в паническое бегство, и предсмертное ржание одной из кобыл.

Беренель выскочил из укрытия, едва не напоровшись при этом на собственный меч, — и буквально врезался в дракона, пожиравшего лошадь.

Эта скотина распахнула крылья, а потом метнула в Беренеля нечто вроде молнии, и он свалился без сознания. Когда Беренель пришел в себя, рядом уже не было ни дракона, ни кобылы — лишь примятая трава да лужа крови.

Когда он вернулся домой, ему никто не поверил. Даже те, кто готов был поддержать Беренеля, соглашались лишь считать, что он стал жертвой кого-то из своих соперников, превосходящих его по уровню магической силы, а потому был повержен и потерял сознание. А видение дракона действительно было не более чем видением, иллюзией, сотворенной тем самым

неизвестным соперником. Через некоторое время Беренель, вопреки насмешкам, решил превратить то, что другие называли его глупостью, в предмет хвастовства и избрал дракона своей эмблемой.

Но с тех самых пор он упорно искал доказательства того, что явление, с которым он столкнулся, существует на самом деле. В этом мире действительно существовали драконы. Он не дурак, чтобы не отличить галлюцинацию от реальности.

И вот теперь доказательство само пришло к нему в руки.

Беренель сжал тунику в руках и поднял взгляд на своего сенешаля, уравновешенного и исполнительного незнатного эльфийского лорда. Сенешаль стоял у стола, терпеливо ожидая приказаний. Он был одним из немногих подчиненных, которым Беренель доверял, поскольку сам воспитал и обучил этого эльфа.

— Те двое, которые первыми обнаружили девчонку...

— Кел Ростен и Ардан Парлет, — уточнил сенешаль, взглянув в свои записи.

— Сними их с караванной торговли и приставь к чему-нибудь выгодному, но не слишком утомительному.

Рабы есть рабы, а это значит, что они должны работать. Но Беренель мог позволить себе в качестве вознаграждения поставить кого-нибудь из них на необременительную должность.

— Кел Ростен много лет водил караваны, — сказал секретарь, задумчиво сдвинув изящно очерченные брови. — У него всегда была репутация человека, способного извлекать наибольшую прибыль. Кроме того, он отличается способностью решать, что из необычных товаров окажется самым ценным. Эти свойства он либо получил по наследству, либо научился этому за время жизни. В первом случае следовало бы приставить его к племенной работе, а во втором — к обучению молодняка.

— Пусть займется и тем, и другим, — отозвался Беренель и на том выбросил человека из головы. — А что с вторым?

Сенешаль улыбнулся.

— О, с этим еще проще. Я по собственному опыту знаю, где он может служить наилучшим образом. Ардан разбирается в винах лучше любого торговца, и обычно именно ему удается отыскать вина, достойные стола вашей светлости, мой лорд.

— Кажется, у меня как раз недавно умер виночерпий, — сказал Беренель. Что-то такое ему смутно припомнилось... Он тогда еще подумал, что вряд ли стоит ставить этих короткоживущих на важные должности. Подумать только, предыдущий виночерпий едва-едва проработал на этом посту каких-то двадцать лет! — Сколько лет этому Ардану?

— Ваша память, как всегда, безукоризненна, мой лорд, — льстиво улыбнулся сенешаль. — Вы предугадали мое предложение. Из Ардана должен получиться превосходный виночерпий. Кроме того, он молод — ему всего двадцать пять лет, — и он прослужит вам еще лет пятьдесят, если только не произойдет какой-нибудь несчастной случайности.

— Тогда так и сделай, — приказал Беренель, весьма довольный тем, что дело оказалось так удачно улажено. На самом деле, это весьма полезно — поддерживать в рабах уверенность, что лорд готов вознаградить их за верную службу и умеренную инициативность. Теперь, когда малозначительные вопросы были улажены, Беренель, не мешкая, перешел к главному. — Теперь о девчонке. Возможно, она слабоумная — с дикарями это часто случается. Пошли кого-нибудь: пусть расспросят ее и определят, можно ли выяснить, где она взяла шкуру, кто убил существо, с которого шкура была снята, и где можно взять другие такие шкуры. Но не трать на нее слишком много времени. Отведи на все это... ну, десять дней, а потом продай девчонку. Я не желаю, чтобы мои тренеры понапрасну убивали время на обучение дикарки. Да, и еще. Я хочу, чтобы ты отправил в пустыню отряд. Пусть отыщут этот оазис и посмотрят, можно ли выяснить, откуда там взялась эта девчонка. Поставь на это дело.., хм... хм... лорда Квеллена. Его магии должно хватить. Подбери отряд по своему усмотрению и сам выдай им указания. Но проследи, чтобы они до выхода ни с кем не могли переговорить, даже с женами и сожительницами.

— Да, мой лорд, — поклонился сенешаль. — Что-нибудь еще, мой лорд?

— Если я что-нибудь вспомню, то вызову тебя, — ответил Беренель, поглаживая тунику. Его переполняла радость. — Пока все.

Сенешаль с поклоном удалился, а Беренель снова принялся изучать тунику, — в том числе и с помощью магии, — выискивая какую-нибудь зацепку, которая могла бы стать ключом к разгадке.

А в голове у него снова и снова звенело: «Скоро! Теперь уже скоро!»

Шана дрожала, лежа на своем тюфячке. Ее разбудил внезапно вспыхнувший свет — так повторялось уже пятое утро. Шана уже чуть-чуть ориентировалась в этом новом мире. Не сказать чтобы ей от этого становилось легче, но теперь хотя бы можно было пытаться избегать самых крупных неприятностей.

Белокурые двуногие оказались теми самыми эльфийскими лордами, о которых шла речь в книжках. Они обладали магией и господствовали здесь. Любая особь с белой кожей, зелеными глазами, светло-золотыми волосами и заостренными ушами могла оказаться источником неприятностей — и была властна над жизнью и смертью всех прочих двуногих.

Прочими были так называемые люди, к которым, как предполагала Шана, относилась и она сама. Иначе почему же эльфийские лорды обращались с ней точно так же, как и с остальными людьми? Люди — теперь Шана это знала — назывались «рабы». Все они носили одинаковую коричневую одежду, точно такую, в которую переодели Шану сразу по приезде.

Существовали еще люди, которые не являлись рабами, как Кел, Ардан и другие в их караване. Они назывались «приближенными» и могли приказывать другим людям. Они обычно носили алые туники и брюки. Это означало, что они служат самому знатному лорду, который правит всеми здешними эльфийскими лордами, — а именно лорду Беренелю. Его Шана никогда не видела.

Теперь Шана могла хотя бы предполагать, как пройдет день. Сперва вспыхивал янтарный свет. Потом, когда все просыпались, приходил «надсмотрщик». Все рабы табуном шли за ним в комнату с горячей водой, текущей из стен. Все снимали одежду, мылись и получали новую одежду. Потом их вели в другую комнату. Там каждый получал по куску еды, которой ее когда-то кормил Ардан, — еда называлась «хлеб», — и по миске чего-то такого, что полагалось есть вместе с хлебом. У того, что в миске, вкус менялся. Потом некоторых отделяли и уводили. Те, кого так увели, больше не возвращались. Шана знала, что их уводят к новым хозяевам, но могла лишь гадать, что с ними там происходит. Остальные возвращались в большую комнату и там целый день болтали, играли в бессмысленные игры и задирали тех, кого легко было запугать.

То есть туда возвращались все, кроме Шаны. Ее забирали в маленькую комнату, где какие-то люди задавали ей бесконечные вопросы о тунике из драконьей шкуры.

Благодаря тому, как обращались с ней первые собеседники, у Шаны хватило сообразительности притвориться дурочкой. Чем глупее она будет себя вести, тем меньше внимания эти люди обратят на ее слова.

Отчасти Шана действовала так из страха перед теми, кто захватил ее, — эльфийскими лордами и людьми. Эльфийских лордов она боялась сильнее. Один из лордов, недовольный непочтительным поведением Шаны, что-то сделал с ней — что-то такое, что заставило ее от боли рухнуть на пол. Эльф лишь прикоснулся к ней, но Шана забилась в судорогах, как от драконьего магического удара, и до конца дня не могла произнести ни слова.

Потому девочка дрожала от страха и пыталась спрятаться за спинами других рабов — Шана не притворялась, ей действительно было страшно. А вот дурочкой она именно что притворялась. Это было несложно, поскольку во время пребывания в маленькой комнатке она испытывала такой страх, что тот почти отшибал у нее способность соображать.

Каждый день, просыпаясь, Шана думала: а может, сказать им правду? И каждый раз, когда наступало время идти в маленькую комнату, Шана решала, что не должна этого делать.

Если она расскажет двуногим обо всем, они начнут охотиться за драконами и убивать их, а Шана все-таки любила драконов. Уже по вопросам, которые задавали ей эльфийские лорды, становилось ясно, что именно так они и поступят — хотя сами лорды, наверное, этого не осознавали. А одной лишь мысли о том, что она может однажды увидеть шкуру Алары на плечах какого-нибудь лорда, хватало, чтобы заставить Шану намертво замолчать.

А когда эльфийские лорды принимались грозить и Шану охватывала слабость, ей приходило в голову другое соображение. Драконы принимали облик двуногих, как эльфов, так и людей, — и Шана больше не считала, что они проделывают это только в Логове, для развлечения. Сомнений быть не может: они бродят среди людей. И если они узнают — нет, не если, а когда, — что Шана выдала их, то непременно разыщут ее и убьют, да так, что самые паскудные из эльфийских лордов останутся довольны. Шана ни капельки в этом не сомневалась. Всякие экземпляры вроде Лори, считавшей Шану бешеным животным, наверняка об этом позаботятся.

Так что Шана валялась на своем тонком тюфячке, пока за ней не приходили. При разговорах Шана по большей части от-

малчивалась, притворяясь, что плохо понимает собеседников, и делая вид, что она просто нашла кусочки шкуры.

Кажется, эта уловка сработала. Эльфийские лорды слушали Шану все небрежнее, как будто ее слова больше не имели значения. Это было хорошо. Но было и кое-что плохое: каждый день Шана нарушала какое-нибудь правило, а лорды это замечали. И за это ее били. Битье сопровождалось объяснениями, что сделает с ней будущий хозяин, который купит ее на аукционе. После этих объяснений у Шаны не оставалось ни малейшего сомнения, что нынешние ежедневные побои — лишь цветочки по сравнению с тем, что ждет ее впереди. Теперь Шана почти что радовалась появлению допросчиков: ведь это значило, что ужасный аукцион откладывается еще на один день.

«Может, сегодня за мной не придут?» — без особой надежды подумала Шана и медленно уселась, протирая глаза. Свои зеленые глаза, которые она уже научилась прятать благодаря совету одного своего друга.

Шана осторожно встряхнула Мэгвин за плечо. Чтобы разбудить изящную женщину, света было недостаточно. Как печально призналась Шане сама Мэг, однажды она умудрилась проспать даже землетрясение. Из всех окружающих рабов одна лишь Мэг оказалась способна интересоваться хоть чем-то помимо собственного благополучия. В первое утро пребывания Шаны в этом месте один из рабов попытался украсть у нее хлеб и суп. Тогда сидевшая напротив высокая черноволосая женщина с яркими карими глазами и красивой улыбкой встала и неожиданно заехала наглецу в ухо.

Заметив это, к месту потасовки заспешил надсмотрщик. Шана съежилась от страха, но прежде, чем зачинщик успел придумать правдоподобное объяснение, Мэг спокойно и деловито объяснила причину происшествия. Задиру пересадили за другой стол, а Мэг взяла Шану под свое покровительство.

В первый же день Мэг объяснила девочке, что существуют три вида рабов: безнадежные, беспомощные и луперы. Луперы грабят остальных, безнадежные чересчур боятся, что кто-нибудь воспользуется их дружбой, а беспомощные все терпят.

— А к кому из них относишься ты? — без всякой задней мысли поинтересовалась Шана.

Мэг расхохоталась.

— Ни к кому, — отозвалась она. — Я не рабыня. По крайней мере, раньше ею не была. Я из приближенных.

Так Шана узнала о том, что означают разноцветные одежды. И еще она узнала о наложницах.

Мэгвин Каран была наложницей.

— И очень неплохой! — гордо сообщила она. Но другая женщина, завистливая соперница, обвинила ее в краже драгоценного камня у эльфийского лорда, одного из подчиненных лорда Беренеля, и подкинула украденную вещь под кровать Мэг. Опозоренную Мэг подвергли наихудшему наказанию, какое только можно придумать для наложницы, — отправили на продажу как обычную рабыню.

— И это после всего, что я сделала для этой сучки! — горько вздохнула Мэг и больше не возвращалась к этой теме.

Она честно призналась Шане, что заставило ее взять девочку под свое крылышко.

— Все твои зеленые глаза, — сказала она. — А если хорошенько присмотреться, заметно, что уши у тебя слегка заострены. Тебе лучше прятать и то, и другое, если ты не хочешь крупных неприятностей на свою голову. Ты полукровка, малышка. Я уж не знаю, как ты ухитрилась до сих пор остаться незамеченной, но ты действительно полукровка.

Мэг рассказала Шане о полукровках и поведала то немногое, что ей было известно о Войне Волшебников. Когда Шана робко рассказала Мэг о силе, которая раньше была у нее, Мэг понимающе кивнула.

— Если бы ты как-нибудь вернула себе эту силу, то вполне смогла бы вызволить нас обеих отсюда. Тогда мы могли бы уйти в лес. Поговаривают, что там до сих пор живут волшебники, — а если бы я пришла с тобой и ты сказала, что я твоя мать, то, может, они приняли бы и меня.

Если бы они смогли выбраться отсюда. Если бы сила когда-нибудь вернулась к Шане. Если она переживет сегодняшний допрос.

Девочка еще раз встряхнула Мэг. На этот раз женщина открыла глаза. И в это самое мгновение в помещение вошли надсмотрщики — не один, как обычно, а несколько.

— Шана! — выкрикнул один из них, и Мэг быстро села, словно это ее позвали по имени. Она обернулась, взглянула через плечо на надсмотрщиков, потом перевела взгляд на Шану и нахмурилась.

— Не отзывайся, малышка, — прошептала она с легкой дрожью в голосе. — Пускай они сами к нам подойдут. Они не из людей лорда Беренеля, и им нечего здесь делать.

И действительно, мужчины были одеты не в красное, а в синее.

— Кто из вас Шана? — прорычал тот, кто стоял впереди. Он схватил ближайшего раба за шиворот и хорошенько встряхнул. Раб ткнул пальцем в сторону Шаны. Надсмотрщик хмуро уставился в указанном направлении.

— Пусть идут, — проворчала Мэг, положив руку на плечо Шаны. — Не двигайся. Ты — собственность лорда Беренеля и имеешь право не слушаться их. Я с тобой.

Шана не могла бы сдвинуться с места, даже если бы и захотела. Страх полностью парализовал ее. Она слишком хорошо знала этот вид, это выражение глаз. Так выглядят задиры, когда знают, что их некому остановить.

Мужчины приближались. Шана съеживалась все сильнее и сильнее. Ей казалось, что каждый их шаг отдается прямо в ее сердце.

Глава 13

— Которая из вас Шана? — спросил самый высокий из чужаков, светловолосый бородатый тип с резкими чертами лица и странными, бесцветными глазами. Он смотрел на женщин сверху вниз, словно они были хламом, случайно встреченным на улице, и он размышлял, не стоит ли эту кучу хлама пнуть.

— Ты чего, забыл? Шана — девчонка, — вмешался темноволосый мужчина, стоявший справа от него, и взмахнул рукой, словно отметая Мэг. — А эта старая свинья на девчонку не похожа.

Еще один, плотный и коренастый черноволосый мужчина, оттолкнул Мэг и рывком вздернул Шану на ноги. Его пальцы больно впились в плечо девочки.

— Должно быть, это и есть та, которая нам нужна, Рэн.

Шана обвисла в его руках, обмякнув от страха. Тут Мэг поднялась на ноги.

— А ну-ка, парни, подождите минутку, — надменно произнесла она. Шана никогда прежде не видела, чтобы Мэг выглядела так гордо и властно. Женщина вскинула голову и уставилась на черноволосого надсмотрщика, как на кучу мусора, которую ей пришлось переступить. — Вы не из людей лорда

Беренеля! Кто дал вам право заявляться сюда и распоряжаться его рабами?

На миг все четверо мужчин слегка попятились, и даже их старший, тип с резким лицом, заколебался. Но потом среди рабов пробежали смешки, и надсмотрщики словно опомнились.

Старший шагнул вперед, вскинул руку и влепил Мэг пощечину тыльной стороной ладони. Хлопок эхом разнесся по комнате, заставив всех рабов мгновенно умолкнуть и съежиться под стенами. Голова Мэг дернулась, и оглушенная женщина упала на пол.

— Вот наше право, сука! — прорычал блондин, скривив губы в жестокой усмешке, и потер руки.

Мэг попыталась подняться на ноги. Она упорно стремилась встать лицом к лицу с надсмотрщиками. Шана никак не могла понять, зачем она это делает. Улучив подходящий момент, девочка попыталась вырваться, но надсмотрщик так встряхнул ее, что у Шаны лязгнули зубы. Девочка снова безвольно обвисла.

— Думаю, Рэн, надо объяснить ей насчет прав, — сказал темноволосый. — Она явно напрашивается на хороший урок.

Блондин пожал плечами и махнул рукой.

— Ну, давай, — согласился он. — Задай ей урок. Я могу подождать.

Темноволосый сунул Шану в руки блондина, а два его спутника схватили Мэг и поставили на ноги. Темноволосый уставился ей в глаза.

— Вот чем мы отличаемся от тебя, рабыня! — заявил он и отвесил Мэг еще одну пощечину. Голова женщины снова дернулась назад, но на этот раз Мэг не дали упасть.

— И вот этим.

Звук удара.

— И еще этим.

Он избивал Мэг холодно и расчетливо, глядя ей в лицо, и наносил ужасающие удары, вышибавшие из нее дыхание.

Сперва Мэг кричала и пыталась вырваться, но преуспела в этом не более Шаны. Когда блондин отпустил Шану, девочка рухнула к его ногам и сжалась в комок, не в силах глядеть на происходящее. Вскоре крики Мэг сменились стонами, и лишь глухие звуки ударов продолжали разноситься по оцепеневшей в молчании комнате.

В этой тишине скрип двери показался таким оглушительно громким, что даже темноволосый надсмотрщик остановился,

прекратив избиение Мэг. Шана наконец-то осмелилась поднять голову...

И тут же пожалела о своем поступке. Лучше бы она этого не видела! Мэг превратилась в избитое, окровавленное существо, безвольно обвисшее в руках своих мучителей. Глаза ее были закрыты, а из множества ссадин и из уголка рта стекали струйки крови.

Раздавшиеся за дверью шаги заставили Шану обернуться. И на мгновение она понадеялась, что Мэг спасена, потому что вошедший оказался одним из надсмотрщиков лорда Беренеля.

Но надсмотрщик лишь скользнул взглядом по Мэг и обернулся к блондину.

— Так вам с какой надо было поговорить, с этой или с той? — спросил он, ткнув Шану носком сапога.

— С этой, с этой, — заверил его блондин. — А та просто вывела меня из себя. Она у вас плохо обучена, приятель. Не знает своего места.

Надсмотрщик еще раз взглянул на Мэг, потом махнул рукой в сторону двери.

— Ладно, об этом я сам позабочусь, — сказал он. В комнату вошли еще двое мужчин в красной одежде. Они забрали Мэг у тех, кто держал ее, и утащили прочь, словно мешок с бесполезными тряпками.

К тому моменту Мэг уже достаточно пришла в себя, чтобы осознавать происходящее. Последний раз Шана увидела ее, когда Мэг вытаскивали в дверь. Женщина тихонько подвывала. По полу за ней тянулся кровавый след.

Шана взглянула в лицо блондину и быстро опустила глаза под его ответным взглядом. Когда он схватил Шану за тунику и рывком поставил на ноги, девочка даже не пыталась сопротивляться.

Блондин толкнул Шану вперед, так, что она поскользнулась на кровавой полосе. Шана отнюдь не собиралась делать вид, что не способна ответить на их вопросы.

Она просто была слишком перепугана, чтобы произнести хоть слово.

Кел сидел в маленькой приемной и мрачно смотрел на агента лорда Ревенеля. Бывшего караванщика переполнял гнев, и Кел едва сдерживался — ему отчаянно хотелось приказать, чтобы Рэна вышвырнули прочь, и желательно — пинками. Мало того, что этот идиот так перепугал дикарку, что вышиб из

нее последние мозги! Но он еще вломился в барак к рабам, как хозяин, избил до смерти бывшую наложницу и нагнал столько страху на остальных рабов, что теперь никто из них и близко не подойдет к Шане!

А Кел так надеялся, что девчонка может разговориться с кем-нибудь из рабов, и в ее словах можно будет найти какую-нибудь зацепку! Все, теперь с этой надеждой можно распрощаться! Кел рассчитывал, что наложница сумеет разговорить девчонку — с нее бы сталось. Одного лишь обещания забрать ее из бараков оказалось довольно, чтобы наложница согласилась работать на него. А если бы Кел посулил, что сделает ее своей постоянной парой — а он и вправду собирался дать такое обещание, — Мэгвин наверняка передала бы ему все, что услышала от девчонки.

И еще она была классной штучкой — больше того, она прошла специальное обучение! Не так уж часто приближенным вроде него удается заполучить обученную наложницу — тем более в жены.

И вот теперь этот кретин все испортил!

— Итак, что вы можете сказать? Я слушаю! — воинственно обратился он к блондину. Тот стоял с каменным лицом. — Вы нанесли ущерб собственности лорда Беренеля — одну рабыню убили, а вторую испортили. Идиоты! Лорд Беренель велел, чтобы эта девчонка была в целости и сохранности! Он не приказывал запугивать ее так, чтобы она окончательно свихнулась! Вы имели право допросить ее — только допросить, и ничего больше! Если бы посредник вашего лорда купил ее, тогда вы могли бы делать с девчонкой, что вам заблагорассудится. Но пока что, черт побери, она принадлежит лорду Беренелю!

Рэн пожал плечами. Под синей туникой перекатились мышцы, способные поспорить с мускулатурой Ардана.

— Девчонка что-то знает, — упрямо заявил он, выпятив подбородок. — Точно вам говорю — она что-то знает. Этот ее идиотский вид — только вид, не больше того.

Кел призадумался. Он не был уверен, в каком ранге находится человек Ревенеля — возможно, он стоит выше Кела. Открытое столкновение ничем хорошим не закончится.

Но все еще существовала возможность извлечь некоторую прибыль даже из этого досадного недоразумения. До тех пор, пока Рэн убежден, что девчонка утаивает какие-то сведения, его можно убедить и кое в чем другом. А если взвинтить цену на девчонку, часть прибыли перепадет и ему, Келу.

— Может, вы и правы, — проворчал Кел. — Но пока что вы все равно не имеете права и пальцем ее тронуть. Кроме того, вы убили обученную рабыню, наложницу! Как вы теперь будете выкручиваться?

Рэн скептически приподнял бровь.

— А что обученная наложница делала в общем бараке? — поинтересовался он. Слова Кела явно не внушили ему особого доверия.

— Она была воровкой, — жестко отозвался Кел и сунул Рэну список. — Можете глянуть сами. Мэгвин Каран, обученная наложница, собственность лорда Беренеля, передана во временное владение лорду Джондару. Сюда отправлена за воровство. Но обвинение в воровстве ничуть не снижает цены обученной женщины. Честно говоря, я сам имел на нее виды.

Как он и предполагал, читать Рэн не умел. Блондин лишь взглянул на список — кстати, держа лист кверху ногами, — и тут же вернул его обратно.

— Я не знал, — коротко сказал он. Но на этот раз в его голосе прозвучало некоторое подобие извинения. — Она вела себя, как одна из этих домашних рабов, которые воображают себя приближенными. Сколько она стоила?

Кел, ни мгновения не колеблясь, назвал сумму, вдвое превышавшую реальную стоимость Мэгвин.

— Я вам вот что скажу, — заявил Рэн, понизив голос и по мере сил придав ему доверительности. — Я заплачу вам двойную цену. Это должно покрыть все расходы. Вы же наверняка можете купить где-нибудь другую обученную женщину — да хотя бы на том конце города, на торгах у лорда Дирана. Скажите ей, что теперь ее будут звать Мэгвин Каран, и ваш лорд ничего и не заметит.

На мгновение голова Кела пошла кругом — его охватил соблазн прикарманить эти деньги...

Но лорд Беренель всегда был хорошим хозяином. И если Кел сообщит лорду об этой компенсации, надсмотрщик проследит, чтобы сам Кел тоже не остался внакладе.

— Хорошо, я так и сделаю, — отозвался Кел, слегка смягчив голос. Рэн скривил губы в некотором подобии улыбки и неуловимым движением сунул Келу небольшой, но увесистый кошелек.

— Спасибо, приятель, — сказал он. — Рад, что мы друг друга поняли.

— Ну, надеюсь, вы понимаете заодно, почему я не могу снова подпустить вас к девчонке, — заявил Кел. — Не то чтобы мне велено было никого не подпускать к ней дважды, но после того, как вы перепугали ее до полусмерти...

— Да я понимаю, — неохотно откликнулся блондин. — Заботитесь о своей шкуре. Видимо, второго разговора с ней у меня не будет?

— Именно. Да вы не унывайте, торги уже идут.

Теперь, когда все было улажено, Келу очень хотелось, чтобы блондин поскорее ушел. От взгляда его водянистых глаз Кела пробирал озноб, да и холодное, бесстрастное лицо Рэна не добавляло его собеседнику храбрости. Кел сильно подозревал, что истинная профессия Рэна — убийца. Убийца, который любит убивать.

Но, кажется, к нынешнему поражению Рэн предпочел отнестись по-философски.

— И то верно, — заметил он, не меняя тона, и развернулся, чтобы уйти. Молодой раб поспешно распахнул перед ним дверь. Глаза юноши были расширены от ужаса. Рэн улыбнулся. Раб чуть не грохнулся в обморок.

Должно быть, парень уже услыхал о происшествии с бывшей наложницей. Кел и сам едва удержался, чтобы не вытолкать Рэна за дверь.

Рэн обернулся и коротко бросил:

— Премного благодарен.

— Удачи вашему лорду.

Кел просто не мог выдавить из себя какого-нибудь теплого пожелания в адрес самого Рэна.

Но Рэн, кажется, не обратил внимания на эту промашку.

— И вашему также.

И с этими словами он удалился из приемной — и, как надеялся Кел, из его жизни.

Кел выждал несколько секунд, пока Рэн покинет коридор, после чего направился прямиком к своему надсмотрщику.

Кел довольно подумал, что теперь цены на дикарку поднимутся до небес. Ну а если сообщение об этой взятке и не поможет ему заполучить собственную обученную женщину, тоже ничего страшного. Образ Мэгвин уже изгладился из его памяти. Кел погрузился в мечтания, припоминая наложниц, которых ему доводилось возить в своем караване. Возможно, ему даже представится случай выбрать женщину себе по вкусу. Ему всегда нравилась одна из этих миниатюрных темноволосых

штучек — ну, та, которая здорово танцует. Кел улыбнулся, заранее предвкушая будущие удовольствия. Или, может, лучше взять ту, с волосами, как у эльфийской леди, и с белоснежной кожей? Или ту рыжую кошечку?..

Возможно, сегодня выдался вовсе не такой уж неудачный день!

Огромный зал для торгов походил на чашу с розовыми стенками, и Шана находилась на самом дне этой чаши. С потолка лился розовый свет, неизвестно откуда исходящий, но всепроникающий — как во всех здешних помещениях. За последние двадцать дней Шана ни разу не видела солнца.

Девочка стояла одна-одинешенька посреди помоста. Ее сердце стучало так бешено, что Шана почти не слышала, что говорится вокруг. Она была близка к обмороку. Вокруг ряд за рядом вздымались сотни алчных лиц. Присутствовавшие — и эльфы, и люди, — без малейшего сочувствия разглядывали Шану, а ведущий торги тем временем описывал происхождение девочки и расхваливал ее способности — причем Шана узнала о себе много нового.

— Посмотрите на нее хорошенько, почтенные господа и лорды! Она сильна и проворна! Она дерется, словно песчаный смерч, но слушается, словно хорошо натасканная гончая! Этот самоцвет пустыни нуждается в понимающем господине, который сумел бы должным образом огранить ее и выпустить на волю таящийся под скромной внешностью огонь! Только посмотрите на ее мускулатуру, на ее скульптурные формы! Вы не найдете на ее теле ни единой унции жира и ничего, что оскорбляло бы ваш взор! Только представьте ее среди ваших личных телохранителей! Представьте, как она сражается на арене со всем искусством прирожденного убийцы, порождения пустыни, и приносит вам победу за победой!

«Сражаться на арене? Мне? Но...»

Повинуясь тычкам, Шана неохотно начала двигаться. Ей негде было укрыться от сотен внимательных взглядов. Девочку бросало то в жар, то в холод, а торговец, продолжая расхваливать товар, заставлял Шану двигаться по помосту.

Она заметила среди собравшихся несколько знакомых лиц. И прежде всего ей бросился в глаза тот светловолосый мужчина с жестоким лицом, который стоял рядом, когда его спутник убивал Мэг. Теперь он находился во втором ряду, среди самых богатых покупателей. Блондин стоял за креслом эльфийского

лорда, одетого в синее — как у него самого, только с большим количеством серебряной вышивки, — и терпеливо ждал, словно скорпион, замерший под полуденным солнцем. Шана, словно загипнотизированная, уставилась в его бесцветные холодные глаза.

Торговец закончил свои излияния. Начались торги, и первым предложил свою цену тот самый эльфийский лорд, рядом с которым стоял блондин. Шана была потрясена до глубины души. Девочка принялась озираться по сторонам. Что-то сдавило ей горло. Сердце бешено колотилось, и голова шла кругом.

После этого предложения посыпались одно за другим. Поначалу Шана даже не успевала за ними следить. Казалось, будто большинство покупателей пришли сюда именно за ней. Чужие голоса выкрикивали какие-то суммы, постоянно повышая их. Иногда получалось так, что двое-трое покупателей одновременно называли одну и ту же сумму.

«Здесь нет ни одной женщины. Почему здесь нет женщин?»

Во всем зале не было ни одного дружелюбного, сочувствующего лица. Покупатели — что эльфы, что люди — выглядели один другого равнодушнее и безжалостнее. Взгляд Шаны шарил по лицам покупателей, надеясь увидеть там хотя бы тень жалости, но находил лишь алчность, возбуждение и холодный расчет.

А вот на лице жестокого блондина начали проскальзывать новые чувства. Эльфийский лорд, при котором находился блондин, все повышал и повышал цену, и вскоре каждое второе предложение исходило от него. Когда поток предложений начал спадать и большинство покупателей выбыли из состязания, блондин облизнул губы, словно предвкушая какое-то удовольствие.

Шана следила за ним, как перепуганная птица за змеей. Когда блондин заметил этот взгляд, то взглянул прямо Шане в глаза, уже нарочито облизнулся и улыбнулся.

От этой улыбки Шана чуть не свалилась с помоста. Девочке показалось, что ее сердце остановилось, а легкие не могут больше сделать ни одного вдоха. Она никогда в жизни не видела такой жестокой улыбки.

С такой же улыбкой блондин наблюдал, как его подручные до смерти избили Мэг, и при каждом крике несчастной женщины его улыбка становилась все шире и шире.

Постепенно остальные участники торгов сдавались, и блондин становился все довольнее. В конце концов наступил такой

момент, когда никто не перебил предложения его хозяина. Блондин ухмыльнулся во весь рот.

— Двести монет — раз!

Шана зажмурилась и пожелала умереть прямо здесь, на месте. «Я не пойду к нему, нет, ни за что! Это будет хуже смерти! Лучше умереть!..»

— Двести монет — два!

«Я найду нож, осколок стекла, острый камень — что угодно! Я убью себя! Нет, нет!..»

И тут прозвучал новый голос:

— Триста!

Шана распахнула глаза. По рядам покупателей пробежал шепот. Какой-то русоволосый мужчина, до этого момента незаметно сидевший в одном из верхних ярусов, поднялся на ноги, давая понять, что новое предложение сделано им.

Он одним махом перекрыл предыдущую ставку на сотню золотых.

Шепот перерос в ровный гул. Торговец нахмурился.

— Я бы хотел убедиться, что у тебя есть эти деньги, приближенный... — начал было он. Но тут покупатель шагнул на освещенное пространство, и остальные разглядели его ливрею. Ведущий торгов побледнел.

— Прошу прощения... — залепетал он. — Человек лорда Дирана может предлагать любую цену, какую лишь пожелает.

— И я предлагаю вам триста золотых, — холодно сказал русоволосый.

Торговец, покрывшись испариной, повернулся к эльфу — господину блондина-надсмотрщика.

— Лорд Харрлин?

Эльфийский лорд взглянул на человека, стоящего на верхнем ярусе, и пожал плечами, — лишь заструились светло-золотые волосы.

— Ни мне, ни моему лорду и в голову не придет препятствовать желаниям лорда Дирана. Девчонка принадлежит ему.

Он сел на место. Мгновение спустя блондин последовал его примеру. Его лицо было холодным и застывшим — но на мгновение их взгляды встретились, и того, что Шана увидела в его глазах, хватило, чтобы девочка истово поклялась себе никогда-никогда не попадать в руки этого человека.

— Триста монет — раз!

Торговец сделал паузу, но новых предложений не поступило.

— Триста монет — два! Триста монет — три! Продано! Товар передан человеку лорда Дирана! А теперь, почтенные господа и вы, лорды, я предлагаю вашему вниманию изумительно подобранную пару танцоров, мужчину и женщину! Лишь взгляните на их искусство!

Один из приближенных поднялся на помост и свел Шану вниз. Как только они спустились с последней ступеньки, приближенный быстро пристегнул к ее ошейнику поводок.

Эта встряска заставила Шану очнуться.

Девочка еще больше приободрилась, когда приближенный передал поводок русоволосому мужчине. Тот небрежно сунул приближенному тяжелый кошелек. Шана впервые смогла рассмотреть купившего ее человека поближе. У нее упало сердце.

Лицо ее нового хозяина было гордым и надменным. В редеющих русых волосах серебрилась седина, и ей вполне соответствовали морщины, покрывающие широкое лицо. Но среди них не было морщин, появляющихся от улыбок, а темно-карие глаза, тоже окруженные сеточкой морщин, чем-то напомнили Шане ящерицу со скверным характером.

Ливрея мужчины затмевала роскошью даже наряды эльфийских лордов: шелк и бархат, золото и пурпур, настоящие драгоценные камни на ошейнике...

Совсем как на том ошейнике, который она нашла. Только тот был красивее.

— Идем, девочка.

От рывка за поводок Шана споткнулась и ушибла босую ногу. Русоволосый мужчина с отвращением поджал губы. Он явно был недоволен и самой Шаной, и ее неуклюжестью.

— Представить себе не могу, зачем моему лорду понадобилась эта тварь, — доверительно сообщил он молодому приближенному. — Судя по виду, она ни на что не пригодна. Ну да наше дело маленькое — выполнять приказы.

Молодой человек осторожно кивнул и слегка подтолкнул Шану.

— Иди с ним, девочка, — резко произнес он. Кажется, он был очень рад, что видит Шану в последний раз. — Теперь ты принадлежишь лорду Дирану.

Русоволосый мужчина снова дернул за поводок, потом порывисто развернулся и размашисто зашагал прочь от помоста. Шана заспешила за ним, чтобы избежать новых рывков. Когда они добрались до главного выхода, Шана улучила момент и по-

терла ноющую от ошейника шею. Не окажется ли, что она избежала скверной доли, но получила взамен еще худшую?

Должно быть, этот Диран — настолько могущественный лорд, что все остальные даже не решаются ему прекословить. Это значит, что он превосходит всех в магии. Но что же ему нужно от Шаны?

Наверняка он хочет узнать секрет драконьей шкуры. А если его магия настолько сильна...

Шану начала бить дрожь. Мужчина, сжимавший поводок, не обратил на это внимания. Он лишь раз оглянулся через плечо и спокойно пошел дальше.

Они вышли за дверь и шагнули под солнечный свет.

Шана смотрела и не могла насмотреться на солнце, на прекрасное, бескрайнее синее небо, на огромный мир, который она раньше воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Девочке вспомнились дни, проведенные под этим солнцем, под этим небом. Она даже не осознавала тогда своей свободы — ведь та была чем-то таким простым и привычным...

«Кеман, о, Кеман, что же мне теперь делать?»

Шана расплакалась, неожиданно даже для себя самой.

Русоволосый мужчина сильнее дернул за поводок. Шану рвануло вперед, но все-таки она не упала. Почти не упала. Шана закашлялась и схватилась за ошейник. Мужчина состроил гневную мину.

— Шевелись, девчонка! Я не могу торчать здесь целый день! — прикрикнул он и снова дернул за поводок. Потом он прибавил шагу — Шана едва-едва выдерживала такой темп. Она бежала, спотыкаясь, ничего не видя из-за слез, застилающих глаза, вцепившись обеими руками в душивший ее ошейник.

Они быстро пересекли двор — настолько быстро, что к тому времени, как они добрались до узкого туннеля, ведущего на большую площадь, Шана едва-едва успела восстановить равновесие. Русоволосый не останавливался ни на мгновение. Он проволок Шану через туннель и вытащил прямиком в шум и толкотню огромной знойной площади, раскинувшейся у самых городских ворот.

Поскольку в толпе мужчина не мог идти так же быстро, Шана получила возможность вздохнуть посвободнее. Некоторое время русоволосый вел ее на поводке, но потом кто-то попытался пройти между ним и Шаной и едва не вырвал поводок у него из рук. Тогда мужчина схватил ее за локоть и толкнул вперед, следя, чтобы она не потерялась в толпе.

На другой стороне площади, у туннеля, ведущего сквозь стены, стоял человек с двумя лошадьми. Животные были украшены попонами со множеством кожаных полос, а на спинах у них красовалось нечто вроде мягких седел. Завидев хозяина Шаны, человек помахал рукой.

Шана удивилась: зачем понадобилось напяливать на лошадей такие странные украшения? Их же будет ужасно трудно снять, если захочешь съесть лошадь. Хотя, с другой стороны, если собираешься убить лошадь, можно схватить ее за эти ленты и удержать...

— Проблемы были? — спросил русоволосый, когда они подошли к лошадям. Он говорил настолько тихо, что Шана удивилась: как второй мужчина вообще расслышал его слова?

— Пока нет, — отозвался второй, худощавый мужчина с темными волосами, лохматой челкой падавшими на глаза. Он беспокойно оглянулся по сторонам. — Но мне что-то не по себе...

Русоволосый нахмурился еще сильнее.

— Чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. Раз уж ты беспокоишься, то побеспокоюсь и я.

К глубочайшему изумлению Шаны, русоволосый усадил ее на спину одной из лошадей, перед седлом.

«Что он делает? Он что, хочет, чтобы я ехала на лошади как на греле? Но...»

Шана попыталась обхватить шею лошади ногами и усесться поудобнее. Русоволосый тем временем сунул ногу в стремя, болтавшееся сбоку от седла, и перебросил вторую ногу через круп лошади, усевшись позади Шаны. Он привязал поводок к луке седла, кивнул своему угрюмоглазому спутнику, и они рысью пустили лошадей через гулкий туннель, к раскинувшемуся впереди простору. Через некоторое время они отъехали так далеко, что люди на городских стенах превратились в размытые пятнышки. А потом город и вовсе исчез за спиной. Оказалось, что лошади двигаются намного быстрее, чем предполагала Шана.

Они долго ехали в полной тишине, не считая цоканья копыт по наезженной дороге. Когда они выехали из города, солнце стояло в зените. Но путники не останавливались до тех пор, пока оно не коснулось горизонта. К тому времени равнина сменилась холмами, а возделанные земли — лесами. Густыми и на вид совершенно дикими. У Шаны возникло отчетливое впечатление, что этой дорогой пользовались нечасто. И действительно, через некоторое время дорога превратилась в тропу, петляющую среди деревьев.

К тому времени, как они наконец остановились, у Шаны болело все тело. Оказалось, что езда верхом на лошади очень сильно отличается от езды верхом на греле. Грель перемещался каким-либо аллюром кроме неспешного шага лишь тогда, когда был напуган. Лошади же переходили с рыси на шаг лишь тогда, когда люди сдерживали их. А рысь, как успела узнать Шана, была наиболее мучительной разновидностью лошадиной походки — по крайней мере наиболее мучительной для всадника. Дело осложнялось еще и тем, что Шана просто не знала, как следует ездить на лошади. Кажется, каждая ее попытка ехать правильнее лишь ухудшала дело. Шана совершенно не умела держать равновесие и двигаться в такт движению лошади. Острая, доводящая до судорог боль во всем теле заставила девочку позабыть об утренних страхах.

Через некоторое время мужчины свернули с нахоженной тропы на звериную тропку и ехали по ней некоторое время, пока она не уперлась в ручей. Там они остановились. Страхи Шаны вспыхнули с новой силой. Она понятия не имела, чего ей теперь ожидать, — и уже сама эта неизвестность была пугающей.

В лесу было не настолько тихо, как вначале показалось Шане. Как только лошади остановились, девочка начала различать и шорохи в подлеске, и шелест птичьих крыльев где-то в ветвях. Этот шум отличался от тех звуков, что можно было услышать в зарослях кустарника, окружающих Логово, — и в то же время странно походил на них.

Мужчины спешились. Их сапоги глухо стукнули об землю. Русоволосый коротким взмахом руки велел Шане слезать. Шане и в голову не пришло нарушить приказ. В конце концов, она все равно понятия не имела, как управлять этой скотиной, и без поддержки русоволосого скорее всего просто свалилась бы с лошади.

Девочка как-то умудрилась перекинуть ноющую ногу через шею лошади и соскользнуть на землю. Хорошо, что русоволосый сообразил поддержать ее — выяснилось, что ноги Шану не держат. Шана скорчилась в руках у мужчины, а ее ноги превратились в комок сведенных судорогой мускулов. Девочка прикусила губу, пытаясь сдержать слезы, и попробовала расслабить мышцы.

Русоволосый уложил ее на прошлогодние палые листья — и поднес руки к ее горлу.

Шана вскрикнула от неожиданности и страха.

Но прежде, чем девочка сообразила, что он намеревается делать, русоволосый расстегнул ошейник и вместе с поводком зашвырнул его в заросли — и лицо у него было такое, словно он отделался от ядовитой змеи.

А потом, впервые с того момента, как она очутилась в оазисе, Шана услышала чужие мысли. Мысли русоволосого мужчины.

«Успокойся, дитя. Ты среди друзей. Извини, что я был так груб с тобой, но мягкое обхождение могло бы меня выдать».

— Меня зовут Рэннис Дрейторн, — произнес он вслух. При этих словах его лицо внезапно изменилось. Волосы и телосложение остались прежними, но если бы Шана не наблюдала за превращением собственными глазами, она бы не поверила, что это тот самый человек, который купил ее на торгах.

Со стороны это выглядело так, словно лицо его на мгновение расплылось смутным пятном, а потом проступило заново. Теперь оно стало значительно моложе, цвет глаз изменился на зеленый, а кончики ушей удлинились и слегка заострились. Но сильнее всего изменились его общий вид и одежда. Выражение лица смягчилось и сделалось куда жизнерадостнее, а роскошная ливрея просто исчезла, сменившись обычной коричневой рубахой, штанами и простым кожаным поясом.

В общем, теперь перед Шаной стоял совершенно другой человек. И он нравился Шане так же сильно, насколько ей не нравился — и пугал ее — тот человек, который ее купил.

— К-кто вы? — пробормотала девочка, удивленно округлив глаза.

Глухой удар и звяканье упряжи, упавшей на землю, заставили Шану обернуться и посмотреть назад, на второго мужчину.

— Волшебник, кто ж еще? — огрызнулся тот, подтолкнув упряжь ногой. — Такой же, как и я. Такой же, каким станешь ты, если проживешь достаточно долго.

Шана присмотрелась повнимательнее и поняла, что черты второго мужчины претерпели те же изменения, что и черты Рэнниса, только у него эти перемены не затронули одежду. Впрочем, на нем ведь и не было ливреи.

Бывший «покупатель» неуклюже погладил Шану по голове.

— Все в порядке, дитя. С нами ты в безопасности. Мы постоянно ищем и собираем полукровок. Мы узнали о тебе, и нам удалось выкупить тебя, не вызывая подозрений, — Рэннис улыбнулся и бросил мимолетный взгляд на своего спутника. — Я бы с радостью еще там предупредил тебя, что мы хотим тебя освободить, но эти ошейники блокируют нашу магию. На тот

случай, если тебе когда-нибудь придется выходить на люди, мы дадим тебе разряженный ошейник: на вид он ничем не отличается от остальных, но заклинание с него снято. Тогда ты сможешь поддерживать личину обычного человека и помогать нам. Конечно, если ты захочешь помогать. И только после того, как ты научишься управлять своими силами. Честно говоря, немногие покидают Цитадель.

— Почему вы помогли мне? — спросила Шана. В голове же у нее в это время крутилось: «Это все похоже на историю из книжки, а не на настоящую жизнь. В последнее мгновение неизвестно, откуда приходит спасение. Такого просто не могло произойти, этому нет никакого объяснения. Может, я сплю и все это мне снится?»

«Нет, дитя, ты не спишь, — ответил Рэннис мысленно, как это зачастую делала приемная мама. — Все это происходит на самом деле. Ты уже не первый волшебник, которого мы выкупаем, и, думаю, не последний. Правда, мало за кого мы платили такую сумму, как за тебя!»

Окончательно изумленная, Шана удивленно заморгала.

— Но...

— Видишь ли, нам просто удалось спасти тебя, — продолжал Рэннис, не обращая внимания на изумление девочки. — Дело в том, что лорд Диран на самом деле послал своего эмиссара с поручением купить тебя. Мы перехватили его в гостинице. Я воспользовался его обликом и его золотом. А он проснулся как раз вовремя, чтобы добраться до торгов и обнаружить, что тебя там уже нет. Возможно, тогда же он обнаружил, что его карман сильно полегчал. Да, ему предстоит нелегкое объяснение со своим лордом.

«Они чего-то хотят, — с подозрением подумала Шана. — Никто не станет прилагать такие усилия за просто так». Но уроки рабского барака не прошли даром, и Шана предпочла оставить это соображение при себе. Чего бы они ни хотели, скоро она об этом узнает. Если только это не связано с тайной драконьей шкуры...

— Слушай, а что там насчет «драконьей шкуры»? — спросил второй мужчина у Рэнниса. — Город просто гудит от слухов. Что-то насчет того, что приближенные какого-то лорда нашли драконов, и это сулит лорду крупную прибыль. Если бы мне не требовалось разыгрывать роль, я бы хохотал до колик. В жизни не слыхал такой чуши!

Рэннис пожал плечами.

— Спроси у девочки, Зед, — коротко отозвался он и принялся расседлывать свою лошадь. — Я слышал куда меньше твоего и не успел прочитать мысли Тарна до того, как отключил его.

Зед еще несколько секунд повозился с седельными сумками, после чего обернулся к Шане.

— Слушай, — доверительным тоном спросил он, — так что там насчет драконьей шкуры?

Шана решила соврать и посмотреть, что из этого получится. Если эти люди непрерывно читают ее мысли, то они поймут, что она врет. А если они делают это лишь время от времени — или если она сильнее их, — они ни о чем не узнают. Эта проверка будет очень кстати: нужно же ей знать, насколько защищены ее мысли.

— Я нашла в пустыне ящериц, — смело заявила Шана. — Они разноцветные и очень-очень красивые, но настолько ядовитые, что могут убить взрослого однорога.

— Они могут свалить аликорна? — Такая новость изрядно впечатлила Зеда. — Я думал, этих тварей никакой яд не возьмет — разве что они вздумают друг в друга плеваться! Да, видно, эти ящерицы — та еще гадость!

Шана кивнула с серьезным видом и приободрилась. Очевидно, что по крайней мере Зед не может или не хочет читать ее мысли.

— Как ни странно, но в пустыне самые опасные животные часто выглядят красивее всех остальных.

Рэннис оторвался от работы и улыбнулся.

— Так уж устроила природа — чтобы они своей яркой раскраской предупреждали всех остальных.

Шана кивнула. Именно это и говорила ей приемная мама, хотя и другими словами. «Самые ядовитые существа имеют самую яркую раскраску, потому что им нет нужды прятаться и маскироваться. А иногда их красивая расцветка приманивает глупых и неосторожных созданий, которые превращаются в обед».

Шана принялась сочинять дальше.

— Ну, хоть они и ужасно ядовитые, их нетрудно убить с некоторого расстояния. Они двигаются не очень быстро и много времени просто валяются на солнышке. Я начала убивать их на всякий случай: вдруг какая-нибудь из них подберется ко мне, пока я сплю? Но убивать просто так было вроде как нехорошо, а есть их было нельзя — мясо у них тоже ядовитое. Тогда я начала снимать с них шкурки и пошила из этих шкур тунику. А люди, которые нашли меня, назвали это «драконьей шкурой» —

уж не знаю, почему. А когда я объясняла им, откуда я взяла эти шкурки, они мне не верили.

Зед фыркнул с чувством глубокого отвращения и так встряхнул головой, что челка упала ему на глаза.

— Эти эльфы! Вечно они выискивают какие-то тайны, какие-то козни! Они даже собственной матери ничего не расскажут откровенно и никогда никому не верят, даже если им говоришь правду!

Неизвестно почему, но эта история заставила Зеда относиться к девочке несколько дружелюбнее. Во всяком случае, он перестал хмуриться и, пока возился с постелями, успел кое-что объяснить Шане.

— Нам придется провести ночь здесь, в лесу, — сказал Зед, вытаскивая из седельной сумки металлический сосуд и еще несколько незнакомых Шане предметов. Потом он посмотрел на девочку, и на лице его отразилось некоторое сомнение. — Надеюсь, для тебя это не окажется особым неудобством? Тут ведь нет ничего: ни душа, ни настоящих постелей, да и еды маловато...

Теперь уже Шана ответила ему улыбкой.

— Я провела почти всю жизнь в диких местах, куда засушливее этих, — напомнила она Зеду. — И чаще всего спала на голых камнях или на песке, рядом с птицами-бегунами или двурогами. Я сама добывала себе пищу. Я попала в песчаную бурю и выжила.

Зед изумленно уставился на нее, уронив челюсть.

— Так ты и в самом деле дикарка? — тихо спросил он, понемногу опомнившись.

Шана пожала плечами.

— Если вы так мало обо мне знаете, почему вы вообще взялись меня спасать? — спросила она. Этот вопрос снедал девочку с того самого момента, как Рэннис рассказал ей, сколько золота и усилий они потратили ради нее.

— Из-за твоей силы, дитя, — отозвался Рэннис с другого края поляны. Он возился там, разбирая свои вещи. Теперь же он встал и подошел к Шане. — Магия, если так можно выразиться, создает шум. Она производит своего рода ментальный звук. И чем сильнее магия, тем сильнее этот звук — если ты только не умеешь прятать его, а это нелегко. Чем больше сила, тем громче шум. Твой ошейник сдерживал твою магию, да, — но при этом он расходовал собственную магию и тем самым поднимал шум. И в твоем случае этот шум был очень громким — и мы поняли, что твоя сила и вправду велика. Вот потому мы отправились за тобой — твоя потенциальная сила настолько велика, что ради нее стоило рискнуть. А теперь — не хочешь ли ты перекусить?

Внезапная смена темы так удивила Шану, что девочка лишь кивнула. Рэннис снова вернулся к своим сумкам и принялся копаться в них. А Шана наблюдала за ним, растирая ноги, и в голове у нее крутился один и тот же вопрос. Но Шана не стала задавать его вслух.

Зачем им нужен был кто-то, обладающий большой силой, — настолько нужен, что они пошли на риск, невзирая на то, что их самих могли при этом поймать?

Рэннис вернулся и принес с собой фрукты, какой-то твердый хлеб и кусок сушеного мяса. Шана поблагодарила его и, поскольку ноги у нее все еще болели, осталась сидеть на месте, пока Рэннис и Зед занимались обустройством лагеря.

«Что же им все-таки от меня нужно?»

Но пока что этот вопрос остался без ответа.

Глава 14

В небе клубились черные тучи, и спор проходил под отдаленные раскаты грома.

— Нет! — выкрикнул Кеман, хлеща хвостом. — Я тебе не верю, мама! Шана — моя сестра! Она куда роднее мне, чем та ленивая злая дура, которую все остальные называют моей сестрой! Шана в опасности, а ты утащила меня прочь прежде, чем я смог помочь ей! Но я возвращаюсь обратно, и никакие твои слова меня не остановят!

— Кеман... — Алара беспокойно оглянулась. Они спорили посреди долины Логова, и крики Кемана постепенно начали привлекать внимание любопытствующих драконов.

— Говорю тебе — я возвращаюсь, и ты меня не остановишь! — повторил Кеман, с неудовольствием чувствуя, как срывается его голос — визгливость как-то плохо сочеталась с образом взрослого, уверенного в себе дракона, которому пытался соответствовать Кеман.

— Она, может, и не остановит, а вот мы — вполне! — предостерегающе громыхнуло у него из-за плеча. — Полукровка больше не будет здесь жить, Кеман, и хватит об этом.

В первое мгновение Кеману безотчетно захотелось развернуться к Кеоке и покорно съежиться, но молодой дракон удер-

жался. Время безоговорочного послушания прошло, и тот факт, что Кеоке был старейшиной, сейчас не имел ни малейшего значения. Кеоке был не прав, а Кеман, пока его злокозненно тащили домой, твердо решил, что не станет больше подчиняться несправедливым решениям, даже если они исходят от старейшин.

— Виноват во всем был Рови, а наказали Шану — и ты отлично это знаешь, мама! Я не стану оставаться здесь и не позволю, чтобы Шана пострадала из-за вашей трусости...

Увесистая оплеуха крылом сшибла Кемана с ног и заставила неизящно откатиться к подножию утеса.

Над Кеманом возвышался Кеоке. Глаза старейшины пылали гневом. Но обратился он не к Кеману, а к его матери.

— Шаман, это уже чересчур — даже для твоего сына! — прорычал Кеоке. — Полагаю, тебе следует запереть его в логове до тех пор, пока он не научится приличным манерам и уважению к Роду, вместо того чтобы носиться со своими представлениями о справедливости!

Собравшиеся вокруг драконы одобрительно загудели. Алара опустила голову. Кеман поднялся на ноги, отряхнулся и обнаружил, что находится в тесном кольце — даже крыльями не взмахнешь. Он ничуть не сомневался, что, если он и вправду попытается распахнуть крылья, остальные тут же схватят его — а в такой потасовке слишком легко порвать перепонки.

Мрачного донельзя Кемана «препроводили» в пещеру. Алара шла впереди.

«У всех у них камни вместо мозгов и валуны вместо сердец, — сердито думал он, даже не пытаясь скрыть свои мысли. Кемана не беспокоило, слышат ли его окружающие. — Они слишком глупы, чтобы изменяться, и настолько самодовольны, что вообще не желают изменяться. Если бы мы сейчас еще находились Дома, они бы, наверное, даже отказались воспользоваться Вратами! Ограниченные, зажравшиеся, шарахающиеся от собственной тени, беспомощные, эгоистичные, зашоренные, безрассудные, упрямые...»

«Довольно, Кеман! — прикрикнула на него мать. — Полагаю, твое мнение по этому вопросу известно уже всему Логову!»

«И замечательно», — подумал Кеман.

«Отлично. Тогда пускай они изгоняют из Логова и меня, — с горечью отозвался он. — Я заслуживаю изгнания не меньше Шаны. В конце концов я недостаточно унижался перед Рови и, очевидно, тем самым навлек на себя его справедливый гнев...»

«Я сказала — довольно, Кеманорель!» — перебила его Алара. Прозвучавшие в ее голосе интонации убедили Кемана, что разумнее будет подчиниться. Он умолк и молчал до тех пор, пока они не спустились в пещеру. Почетный эскорт остался снаружи.

В логове Алара остановилась. Но Кеман не последовал ее примеру. Опустив голову и волоча хвост по камням, он прошел мимо матери и направился к сомнительному убежищу — своей спальне.

— Кеман... — нерешительно окликнула его Алара.

— Что? — грубо отозвался молодой дракон. Он кипел от гнева и ничуть того не скрывал.

— Кеман, я разыщу Шану и заберу ее куда-нибудь в безопасное место, — сказала Алара. — Я сделаю все, что в моих силах...

Кеман резко развернулся и взглянул в глаза Аларе.

— Мама, я тебе не верю, — холодно и отчетливо произнес он.

С этими словами он забрался в свою пещерку, погасил свет и свернулся клубком, расположившись спиной ко входу.

Алара постояла снаружи, переминаясь с ноги на ногу, потом ушла, так и не сказав ни слова.

От входа в логово донеслись раскаты грома, и земля содрогнулась — даже здесь, в глубине пещеры. Должно быть, снаружи сейчас бушует гроза невероятной силы...

Прекрасно, ему это только на руку.

Кеман немного подождал, проверяя, не вернется ли мать обратно, но Алара так и не появилась. Но вместо того, чтобы пробраться к выходу из пещерки и осмотреться, Кеман улегся на брюхо, опустил голову на лапы и закрыл глаза.

И, соблюдая все меры предосторожности, высвободил свое сознание.

Кеман не пытался вступить в контакт с разумами, чье присутствие ощущалось вокруг. Он лишь определял, кто есть кто и кто где находится.

В коридоре, ведущем к дальнему выходу, сидела Мире, раздувшаяся от сознания собственной важности. За ней, у самого порога, сидел в засаде Рови. Точнее, он сидел в засаде над выходом, чтобы прыгнуть на спину Кеману, если тот вздумает выйти. А поперек главного выхода лежала Алара. Ее разум был затемнен сознанием вины.

Угу. Они думают, что обложили его со всех сторон.

Они уверены, что перекрыли все выходы.

Но никто из них не сопровождал Шану во время ее исследовательских экспедиций, и никто из них не знал, что тыльная

стена кладовок — стена, отделявшая логово Алары от остальной системы пещер, — больше не была монолитной.

Кеман выскользнул из спальни, стелясь по земле. Его чешуя сделалась иссиня-серой и шероховатой — точь-в-точь как камень окружающих стен. Когда Кеману казалось, что он что-то слышит или чувствует, он застывал на месте и двигался дальше, лишь выяснив, что это было.

Он без происшествий добрался до кладовок. Гром продолжал эхом отдаваться в длинных, гулких коридорах логова, позволяя представить, что сейчас творится снаружи.

Кеман принялся вынимать камни из стены, следя за тем, чтобы они не стучали друг о друга, — шум мог бы привлечь внимание Мире или Алары. Сперва Кеман подумывал сложить стену обратно, когда он проберется через дыру, но потом он отказался от этой идеи. Ему никогда больше не придется пользоваться этим путем. И вообще он твердо намеревался никогда больше не встречаться ни с кем из своих родичей.

Соседнее логово было маленьким и запущенным. Раскаты грома проносились по его коридорам, с такой силой отдаваясь от стен, что Кеману казалось, будто он стоит под открытым небом. Все это сопровождалось вспышками света. Кеман осторожно пробрался по полу, засыпанному камнями, время от времени попадая когтем в щель или спотыкаясь и больно отбивая пальцы. К счастью, они с Шаной дотошно изучили этот путь к отступлению. Добравшись до дальней стены, Кеман увидел именно то, что и ожидал увидеть: по пещере металось голубоватое мерцание молний, и проникал этот свет через дыру в своде главного зала.

Эта дыра и открывала Кеману путь на волю. Под прикрытием грозы он выберется наверх и пройдет прямо над головами тех, кто сейчас караулит его.

Ему нужно лишь пролезть через дыру.

Кеман вздохнул и принялся превращать свои лапы во что-нибудь более подходящее для лазанья по стенам. Когти сделались толще и острее, а лапы стали больше похожи на руки и покрылись прочной кожей. Кеман вцепился в стену всеми четырьмя лапами и начал свое восхождение.

Снаружи это выглядело как самый обычный холм, поросший деревьями. Если не знать заранее, ни за что не скажешь, что здесь кто-то живет!

Шана стояла перед входом в пещеру, перед искрящейся магической завесой, и глазела, нисколько не стесняясь своего изумления. Если бы хоть кто-нибудь из Рода увидел это, то наверняка возникла бы новая мода! Здание, построенное внутри пещеры, — причем ничуть не меньше того здания, где ее держали в городе. Шана с трудом верила своим глазам.

— Это Цитадель, — сказал Рэннис, махнув рукой в сторону здания. — Конечно, отсюда видна лишь ее часть. Волшебники прежних времен много чего возвели еще и в туннелях и пещерах, лежащих за этим зданием. Во времена своего расцвета Цитадель втрое превышала нынешнюю обитаемую часть. И вот она перед тобой. Цитадель никогда не была обнаружена и никогда не была захвачена врагами. Она устояла даже тогда, когда волшебники были повержены.

Даже сейчас, когда здание пострадало от времени и фасад его начал местами осыпаться, а по штукатурке поползли пятна плесени, Цитадель все еще представляла собой весьма внушительное зрелище. Потолок пещеры скрывался за мягким янтарным сиянием, совсем как в домах у эльфийских лордов. В отличие от небольших светильников-шаров, которые были в ходу у драконов, этот порожденный магией источник света равномерно освещал всю площадь главной пещеры. Защитное заклинание, наложенное на вход, пропускало внутрь только тех, на кого было настроено. Прочие же могли увидеть на этом месте лишь неглубокую и совершенно неинтересную скалистую выемку в склоне холма, засыпанную сухими листьями и песком и служащую жилищем парочке пауков.

В отличие от пещер, где располагались логова драконов, эта пещера не была промыта водой. Во всяком случае, она выглядела не так, как могло бы выглядеть создание сил природы. Стены, пол, потолок — все это было сделано из отшлифованного камня. К Цитадели вела пологая лестница, вырубленная прямо в скале. Вся эта огромная полость внутри холма была сотворена при посредстве магии, и в стенах все еще чувствовались слабые отзвуки этой силы — точно так же, как и в массивном, но при этом изящном здании, возвышающемся у дальней стены, и в искусно расположенных деревьях и кустах, растущих прямо внутри пещеры. На дне пещеры паслись небольшие стада овец: животных ничуть не волновало, что их согревает магический свет, а не обычные солнечные лучи.

Через лужайку, поросшую густой травой — ее явно подравнивали только овцы, — к зданию вела мощенная камнем до-

рожка. Цитадель была выстроена из того желтого камня, в котором была вырезана пещера, и ничуть не напоминала дома эльфийских лордов. Она была многоэтажной, и буквально весь ее фасад, за исключением несущих конструкций, покрывали окна. Под окнами раскинулся парк.

За спинами у Шаны и Рэнниса топтался Зед, что-то нетерпеливо бормоча себе под нос.

Желтый камень фасада был покрыт слоем штукатурки, и здание сияло незапятнанной белизной.

Да, когда-то оно было воистину великолепным. Шана искренне пожалела, что не видела его в те времена. Оно наверняка сверкало посреди маленького парка, как лунный камень на зеленом бархате.

Теперь же большинство окон превратилось в темные пустые проемы. Штукатурка осыпалась, обнажая большие желтые пятна. Резной камень потрескался, а дорожка поросла травой. Деревья и кусты росли, как им заблагорассудится, не зная ни ухода, ни стрижки.

Но все-таки даже сейчас Цитадель производила незаурядное впечатление. Это здание, и пещера, в которой здание укрывалось, — видимо, все это вместе и называлось Цитаделью, — было самым поразительным творением людей, которое Шане доводилось видеть. Оно могло соперничать даже с эльфийскими городами, особенно если учесть, что города возводились по большей части при помощи людских рук, а не посредством эльфийской магии. Цитадель же была возведена одними лишь полукровками и исключительно силой их волшебства.

И она сумела простоять много сотен лет, словно завет, оставленный волшебниками древности. «Какими же они были могущественными...»

— Пойдем, Шана, — сказал Рэннис, похлопав девочку по плечу. От неожиданности Шана вздрогнула. — Тебе еще многое нужно сделать, чтобы поселиться здесь.

Он начал спускаться по каменным ступеням, ведя в поводу лошадь и тщательно следя, чтобы животное не споткнулось.

— А я это смогу? — спросила Шана, двинувшись за Рэннисом. Обогнавший их Зед уже вел лошадь по каменистой дорожке.

— Конечно, — снисходительно отозвался Рэннис, оглянувшись через плечо. — Тебе нужно встретиться со своим господином, определиться, где ты будешь жить, запомнить, где что располагается...

— Подождите! — перебила его Шана и остановилась посреди дорожки как вкопанная. Ей жутко не понравилось слово «господин». — Вы же вроде как сказали, что здесь нет рабов!

— Что? — Рэннис изумленно повернулся к девочке. — Само собой разумеется, здесь нет никаких рабов...

Шана расставила ноги пошире и подбоченилась.

— Тогда почему это вдруг у меня должен быть какой-то господин? — спросила она, воинственно вскинув голову.

К ее удивлению и гневу, Рэннис расхохотался. Шана раздраженно подумала, что за последнее время над ней и без того чересчур много смеялись. В конце концов, она не виновата, что не знает здешних порядков! Посмотрела бы она, что стал бы делать этот самый Рэннис, очутившись посреди Логова!

— Извини, дитя, — сказал Рэннис, хотя в голосе его и не слышалось ни малейшего сожаления. Он вытер глаза тыльной стороной ладони. — Я все время забываю, как мало ты о нас знаешь. Твоим господином будет старший маг, Денелор Виртан, и господином он называется лишь потому, что он — господин своих магических способностей и твой будущий наставник. Тебе предстоит стать его ученицей. Вместе с еще несколькими молодыми магами, конечно же. Ну да, предполагается, что ты будешь убирать в его жилище и готовить для него еду, и выполнять еще какую-нибудь работу. Так ученики платят за свое обучение. Но вместе с тобой эту же самую работу будут выполнять еще несколько юношей и девушек.

— Ага, — отозвалась Шана. Пожалуй, по-своему это справедливо. — Ну, тогда ладно. Только я не умею готовить.

— Охотно верю, — задумчиво откликнулся Рэннис. — Но все равно когда-то ведь надо научиться. Иначе что же ты будешь есть, если тебе придется отправиться в путешествие?

«Ясное дело что — сырое мясо», — насмешливо подумала Шана. Что ж еще?

— Ну да всему свое время, — заявил Рэннис, когда они подошли к зданию. — Сперва разберемся, где ты будешь жить...

Шана почему-то полагала, что жизнь среди волшебников будет очень похожа на жизнь среди Народа.

Вскоре она узнала, что это действительно так — но лишь в некотором смысле.

Драконы редко испытывали потребность в уборке, если не считать Кемана, которому приходилось регулярно убирать за ручными животными. Но там вся уборка сводилась к тому, что-

бы выбросить прочь помет и засыпать загон свежим песком или соломой.

Когда Шану держали в рабском бараке, там ей тоже не приходилось ничего убирать. У рабов не было никакого личного имущества. Их постели время от времени просто убирались и заменялись новыми. Кроме того, им ежедневно меняли туники и ежедневно же водили в душ.

Но у волшебников было множество всяких вещей, и они постоянно создавали новые, а в процессе их создания возникал беспорядок. Все нужно было содержать в чистоте — постель, одежду, посуду, жилища. Вещи нужно было убирать на отведенные места — одежду, книги, принадлежности для письма, всякие мелочи.

У нового образа жизни обнаружились и другие особенности. Рабов каждый день «поливали из кишки», как выражался Зед. Свободные же двуногие не всегда достаточно заботились о собственной чистоте. Некоторые из них, особенно старики, утратившие гибкость тела, или изнеженные молодые люди, предпочитали подолгу отмокать в глубоких кадках с горячей водой, каковые кадки впоследствии требовалось отскребать.

У волшебников было время для досуга и свобода, позволяющая этим досугом пользоваться. В результате у них появлялись хобби и разнообразные игры, которые опять же влекли за собою беспорядок. На полах собиралась грязь, и их надо было подметать.

А еще эта еда! Во время жизни среди драконов Шана ела все сырым, а когда находилась среди рабов, — ела то, что давали. Здесь же еду следовало готовить. Отсюда проистекала необходимость мыть не только посуду, из которой ели, но и разнообразную кухонную утварь, используемую при готовке.

Эта новая жизнь была очень сложной и запутанной, а для учеников она еще и была заполнена большим количеством нудной работы.

Шана была новенькой, но при этом не умела готовить и понятия не имела, куда что следует убирать. В результате на ее долю выпадали самые утомительные и неприятные поручения, в основном связанные с мытьем чего-либо. Неизбывная тяга двуногих ко множеству самых разных вещей была для Шаны настоящей головоломкой. Если бы они не окружали себя таким количеством вещей, насколько бы проще стала их жизнь!

Впрочем, вскоре Шана признала, что в некоторых отношениях жизнь среди двуногих намного приятнее жизни в Логове.

Приготовленная еда — настоящая еда, а не водянистая похлебка, которой кормили рабов, — стала для Шаны истинным открытием, и девочка предвкушала каждую трапезу с немалым удовольствием. Старший ученик Денелора, чаще всего исполнявший обязанности повара, добавлял в еду такие приправы, о которых Шана прежде даже понятия не имела.

Кроме того, в ее новой жизни появились и другие удовольствия. Одним из них была та же самая горячая ванна. Вторым — изумительное спальное место. Шане отвели собственную комнату, сухую и теплую, со спальным местом, именуемым «кровать», и комодом, куда следовало складывать всякие вещи. Шана никогда не придавала нарядам и всяческим украшениям такого значения, как другие волшебники, но все-таки приятно было знать, что у тебя всегда будут под рукой чистая туника и брюки — даже при том, что она была среди тех, кому приходилось эту одежду стирать.

Еще одним восхитительным сюрпризом оказалась музыка. Драконы никогда не пели. Единственным видом искусства, имеющим хотя бы отдаленное сходство с пением, была декламация эпических поэм. Конечно, Шана с удовольствием слушала пение птиц, но когда девочка впервые услышала, как Денелор взялся за катар и запел, аккомпанируя сам себе, она чуть не лопнула от волнения. К глубокому ее огорчению, вскоре Шана обнаружила, что сама она не наделена никакими талантами в этой области. Ее способности не шли дальше воспроизведения трех нот и общего ритмического рисунка. Но все-таки она могла наслаждаться пением других — что и делала с превеликой радостью.

Окружающие никогда не забывали, что Шана здесь чужая. Впрочем, не забывала этого и она. Большинство здешних обитателей попали сюда либо в раннем детстве — их украли еще до того возраста, когда на ребенка надевают ошейник, либо вообще в младенчестве — перепуганные матери часто выносили детей-полукровок в холмы и бросали там на верную смерть. За рождение полукровки предусматривалось лишь одно наказание: смерть и матери, и ребенка. А потому подобные союзы всегда держались в тайне, и женщины старались сразу после родов отделаться от ребенка. Некоторым же в силу каких-то обстоятельств не удавалось вовремя избавиться от таких детей, и несчастные женщины жили в постоянном страхе — до того самого дня, когда ребенок выходил погулять и не возвращался или вдруг исчезал из собственной постельки. Тогда они облег-

ченно вздыхали и шли докладывать надсмотрщику о пропавшем ребенке.

Волшебники регулярно прочесывали холмы в поисках таких вот выброшенных детей и постоянно наблюдали за уровнем магического «шума», выискивая таким образом детей, избежавших разоблачения. Их они выкупали на торгах, как это случилось и с Шаной, или похищали, пользуясь своей магией. Похищение, как правило, было процедурой несложной, поскольку за детьми людей-рабов никто особо не присматривал. Шана же присоединилась к этому сообществу почти взрослой, а такого не случалось уже очень давно. А усилия, произведенные ради ее освобождения, вообще были беспрецедентны.

У Шаны появилось несколько друзей, по большей части из числа учеников, да и молодой волшебник Зед вроде бы несколько оттаял, вернувшись в безопасную Цитадель. Но Шана никого не подпускала слишком близко: потеря Кемана и Мэгвин оказалась для нее слишком горьким уроком. Девочка просто боялась привязаться к кому-то, а большинству учеников она явно казалась слишком чуждой, и потому они вовсе не стремились, чтобы их взаимоотношения с Шаной выходили за рамки простого знакомства.

Обычно по утрам Шана занималась хозяйственными делами. Если в покоях ее господина не находилось никакой работы, девочку могли «дать взаймы» какому-нибудь волшебнику, у которого было всего один-два ученика, а то и вовсе ни одного. Во второй половине дня она присоединялась к прочим ученикам Денелора (точнее, к некоторой их части) на занятиях по магии.

И вот там-то и начинались настоящие откровения.

На подметание полов у Шаны ушло все утро, вплоть до самого начала занятий. Девочка сунула свой фартук в угол и помчалась по лестнице к покоям Денелора, ожидая выговора за опоздание. Но, постучав в дверь и присоединившись к группе, Шана, к собственному удивлению, увидела, что сегодня на уроке присутствуют все шестеро учеников Денелора, а не половина, как обычно.

Шана отыскала себе местечко на полу в дальней части комнаты. В помещении наличествовало только три стула, и один из них занимал сам Денелор. Остальные два были отданы самому младшему ученику, Кайле, и девочке по имени Минди. Впрочем, Шану это особо не волновало. Полы в комнате Денелора были застелены чем-то мягким и теплым, так что сидеть на

этом полу было одно удовольствие, особенно по сравнению с голыми камнями пещеры или керамической плиткой рабских бараков.

— Ну что ж, дети, сегодня наша очередь заниматься приобретением, — сказал осанистый Денелор, собрав своих учеников вокруг, как обычно он это делал на уроках. Нынешнее занятие, как и все прочие, проходило в покоях Денелора, в комнате, которую хозяин называл «гостиной». Это название всегда вызывало у Шаны некоторое недоумение. Разве гость не может зайти в любую комнату? Зачем отводить комнату исключительно для гостей?

Старший из учеников — этот парень был так похож на своего отца-эльфа, что мать отнесла его в «лес волшебников» буквально через час после родов, — драматически вздохнул.

— Я думал, сегодня очередь Умбры, — жалобно протянул он. — Я, конечно, знаю, что ее ученики здорово постарались в прошлый раз и стянули из шахты прорву золота, но я никогда не слыхал, чтобы расписание менялось, даже если кто-то и поработал сверх...

Денелор покачал головой, и его светло-зеленые глаза удивленно округлились.

— Умбра выполняла эту работу на прошлой неделе, в точности по расписанию — а расписание, как тебе известно, было вывешено своевременно. Сегодня наша очередь, Ланет, и это святая истина. Правда, если ты предпочитаешь ближайшие несколько дней питаться бараниной и чечевицей, то...

Ланет картинно содрогнулся.

— Полагаю, нет, мастер Денелор. Лучше уж приобретение.

Шана терпеливо ждала, пытаясь разобраться, что такое «приобретение» — за время пребывания в Цитадели она научилась ожиданию. Возможно, Денелор помнит, что она здесь новенькая, а мог и забыть об этом. Если он помнит, то сам все объяснит. А если забыл, то она сможет понять это из разговоров, если будет держать ушки на макушке.

Денелор рассмеялся и сунул ученику лист исписанной бумаги.

— Ты сам выбрал, парень. Сегодня мы занимаемся в основном продуктами. Кроме того, зима уже на подходе, а у нескольких новичков нет зимней одежды, а многие из своей повырастали...

При этих словах он, кажется, вспомнил о присутствии Шаны, и взглядом отыскал ее среди остальных учеников.

— Приобретение, дорогая моя, это когда мы при помощи магии добываем у эльфийских лордов необходимые нам вещи, — пояснил Денелор, обращаясь к девочке. — Этим по очереди занимаются все мастера и ученики, по шесть дней за раз. Но на самом деле мы работаем лишь три дня из этих шести. Приобретение — очень утомительная работа, и после того, как ты доставишь сюда свою долю, ты целый день будешь годиться лишь на то, чтобы спать и есть.

Шана отметила про себя, что Денелор больше не разговаривает с ней, словно с маленьким ребенком, тщательно подбирая самые простые слова.

В свое время ей пришлось вызвать молнию, дабы доказать Денелору, что она не слабоумная. В результате этого прискорбного недоразумения в русых волосах волшебника добавилось еще немного седины.

Ланет просмотрел список и снова картинно вздохнул.

— Полагаю, всю эту мелочь следует оставить на Шану, поскольку она первый раз выполняет эту работу. Я имею в виду зимнюю одежду. Гм. Впрочем, мне все равно придется присматривать и за этим.

Ланет достал из кармана свой гадательный камень, встряхнул головой, убирая упавшую на глаза белокурую челку, и положил отполированную берилловую пластину на ковер. Юноша долго смотрел в изумрудно-зеленые глубины камня, потом произнес:

— Много одежды сейчас хранится на складах у лорда Дирана, на самой границе его поместья. Не думаю, что он заметит пропажу пары тюков с туниками и штанами для рабов.

Но Денелор тут же покачал головой.

— Нет, этого я не могу позволить. Забирать что-нибудь из-под носа у Дирана чересчур опасно. Возможно, он и не следит за складами, но его поместье наверняка ограждено охранным заклинанием. А нам ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он заподозрил о нашем существовании.

Шана беспокойно заерзала на месте. Везде одно и то же, повсюду одни и те же законы. «Нельзя, чтобы кто-то узнал о нашем существовании». Здешние жители не делали ничего такого, что могло бы вызвать подозрения эльфийских лордов и навести их на мысль о том, что где-то снова появились волшебники. Помимо тех детей, которых волшебники забрали к себе, наверняка существовали сотни других, которые так и не дождались помощи. Иногда волшебники даже не оказывали помощи своим, влипшим в какую-нибудь неприятность, — и все из-за боязни разоблачения. «Просто поразительно, что при всем при том они все-таки приехали за мной. Огонь и Дождь, да они ничем не лучше драконов!..»

Драконы, драконы... Внезапно еще несколько частей головоломки встали на свои места. Ох!

А что, если приемная мама не помогла ей не потому, что не хотела, а потому, что остальные драконы не позволили ей этого сделать, поскольку боялись, что эльфы могут узнать об их существовании? Судя по всему, драконы ничуть не меньше полукровок боялись эльфийских лордов...

От размышлений ее отвлек голос Ланета.

— Ну что ж, — произнес он (в голосе юноши уже слышалась усталость), — к поместью Алтара едет грузовая повозка. Не знаю, есть ли там зимняя одежда, но в ней полно тюков с эмблемой Редреля.

— А поскольку Редрель специализируется на производстве одежды для рабов и приближенных, можно не сомневаться, что именно содержится в этих тюках, — довольно сказал Денелор. — Полагаю, исчезновение одного-двух тюков пройдет незамеченным — а если кто и заметит, то лишь тогда, когда поздно будет что-либо предпринимать. Повозка крытая или обычная?

— Крытая, конечно, — с явным раздражением отозвался Ланет. — Об обычной повозке я вообще не стал бы докладывать — они для нас бесполезны.

— Совершенно верно, парень. Ну что ж, этих тюков не хватятся, пока не начнут разгружать повозку. Хорошая цель, Ланет.

Ланет не ответил. Он просто поднял руки над головой и устремил взгляд на ковер, чуть дальше того места, где лежал его гадательный камень. Прочие ученики отодвинулись, освобождая место. Через несколько секунд руки Ланета словно засветились. Еще мгновение спустя Шана поняла, что светятся не сами руки, а окружающий их розоватый туман.

Краем сознания Шана услышала «шум», которым сопровождалось заклинание, — теперь она умела это делать. Шум был не очень сильным, поскольку Ланет отлично умел маскировать его, но все-таки некоторый звуковой фон наличествовал. По сравнению с действиями Ланета магия Шаны ревела, словно весенняя гроза, и девочка ужасно стеснялась этого.

Иногда магия Шаны звучала как музыка, а иногда — как раскаты грома. Магия Ланета напоминала легкий дождик, тихий, едва различимый стук капель.

Вскоре туман между руками Ланета сгустился, а на том месте, куда смотрел молодой ученик, появилась крохотная розовая искра. Она принялась расти и постепенно превратилась в плавающий над ковром розовый туманный шар. Шар был достаточно велик, чтобы там поместились два тюка с одеждой.

Посреди тумана появилось размытое коричневое пятно — изображение чего-то объемистого. Постепенно изображение уплотнилось и превратилось в настоящий тюк. Секунду спустя к нему таким же образом присоединился второй.

— Хорошо бы, если бы двух хватило, — слабым голосом произнес Ланет, — а то они оказались дальше, чем я рассчитывал. Вот, мастер Денелор.

Юноша хлопнул в ладони, и розовый свет исчез. Тюки с глухим ударом шлепнулись на ковер. Мгновение спустя их примеру последовал вымотавшийся Ланет.

Минди подалась вперед и осторожно разрезала джутовую ткань одного из тюков. В разрезе проглянуло нечто ярко-оранжевое и вроде бы шерстяное.

— Не, это не одежда для рабов, — сказала девочка, — это что-то крашеное. Может, одеяла?

— Одежда для приближенных или одеяла — годится и то, и другое, — довольно заявил Денелор. — Если это действительно одеяла, их можно раскроить и сшить теплые туники. Да, этого хватит, Ланет. Спасибо. Хорошая работа.

— Хорошо, что хватит, — донесся в ответ приглушенный голос. — Потому что я на сегодня выдохся.

Теперь Шана разобралась, как это делается. Надо сперва воспользоваться дальним зрением, а потом при помощи заклинания перемещения перенести нужный предмет в комнату к Денелору. Пожалуй, она справится со своей частью работы. Но у нее это наверняка получится очень шумно. А значит, ей надо держаться как можно дальше от самых сильных эльфийских магов, — а то вдруг еще засекут! Значит, могут возникнуть сложности с поиском требуемых вещей.

— Муку я беру на себя, — сказал Денелор, передавая список Минди. — Это самая тяжелая вещь, и вам будет трудновато с ней справиться. Выбери теперь из списка что-нибудь полегче, с чем справятся и младшие.

— Масло, — отозвалась Минди, быстро проглядев список. — И сыр. Моя мать работала в маслодельне поместья Алтара. Маслодельня стоит далеко от господского дома. Я знаю, где

там что хранится, и смогу стащить все, что нужно, не устраивая из этого представления.

— А я даже не знаю, — нерешительно пробормотал Кайле.

Шана перегнулась через плечо мальчишки и заглянула в список. Когда она дошла до четвертого пункта, ей пришла в голову неожиданная идея.

— Мастер Денелор, как вы думаете, вилорог — то есть олень, — годится на мясо? — спросила она у волшебника.

— Думаю, да, — отозвался он, недоуменно взглянув на девочку. — А что такое? Что ты придумала?

— Я знаю, как искать животных, даже на расстоянии, — пояснила Шана. — Я часто искала их для моего названого брата.

Шана говорила чистую правду: она постоянно помогала Кеману находить добычу. Правда, тогда она еще не умела пользоваться дальним зрением — но теперь-то умеет! Так почему бы ей не отыскать любое животное?

— Правда, я не смогу переместить живое существо так, чтобы оно пережило это путешествие, но раз нам нужно мясо, это, в общем-то, неважно. Я могу отыскать живого вилорога и перенести его сюда, а здесь его уже можно будет освежевать и разделать.

— И не придется беспокоиться о том, что ты производишь слишком много шума, — одобрительно кивнул Денелор. — Отличное решение, Шана. Только я опасаюсь, что твоих сил может оказаться недостаточно для переноса взрослого оленя. Может, ты лучше разыщешь стаю уток или нескольких кроликов? Их можно будет переносить по одному.

Шана не стала ничего отвечать на последнее замечание. Пусть Денелор думает, что она с ним согласна. Девочка высвободила мысленное зрение и принялась разыскивать вилорога. И покрупнее.

Вскоре она обнаружила именно то, что требовалось, — самца в расцвете сил. Он держался в стороне от стада, и его шкуру покрывали свежие шрамы. Это означало, что он проиграл бой и вынужден был уступить свое стадо более сильному противнику. Согласно законам природы, теперь он был лишним. Он будет чахнуть всю зиму, а к весне скорее всего умрет.

Если только в этот ход событий не вмешается она, Шана.

Шана вскинула руки, зажмурилась и начала творить заклинание.

Девочка так глубоко сосредоточилась на выполняемых действиях, что просто не слышала, что происходит в комнате. Ша-

на отследила лишь ключевой момент, когда олень (уже покойный) материализовался посреди комнаты, и девочка смогла отключить заклинание. Шана в изнеможении осела на пол, уронив голову на грудь.

В комнате царила мертвая тишина.

Не услышав ни вздоха, Шана в конце концов подняла голову — и увидела шесть пар обращенных на нее круглых от изумления глаз.

Шана перевела взгляд на тушу, занявшую большую часть свободного пространства. Неплохой вилорог. Может даже, самый крупный из тех, что ей попадались. Пожалуй, его хватит, чтобы на целую неделю обеспечить мясом всех жителей Цитадели.

Шана посмотрела на Денелора. Волшебник выглядел так, словно внезапно лишился дара речи. Он растерянно моргнул, потом кашлянул. Точнее сказать, он довольно долго откашливался, прежде чем выдавить из себя хоть слово.

— С-спасибо, Шана, — осторожно произнес Денелор. — Думаю, ты можешь отдыхать до конца недели. Ты вполне выполнила свою... э-э... норму.

В свободное от работы и уроков время Шане нравилось исследовать заброшенные туннели за Цитаделью. Как только Шана научилась создавать магический источник света, она при первой же возможности отправлялась на разведку. Эти места немного напоминали ей «дом» и коридоры логова — только здешние коридоры были ровными и правильными. И все-таки, забравшись в нежилую часть, Шана могла притушить свет и вообразить, будто они с Кеманом играют в прятки в пещере.

Время от времени, особенно в паутине туннелей, ей казалось, будто драконы вполне могли приложить руку к строительству Цитадели. Глядя на то, как высечены и устроены туннели, Шана часто вспоминала Логово с его множеством слоев и выходов. Да и здание, стоящее у начала туннелей, могло располагаться там по чистейшему совпадению, но вообще-то это был очень распространенный среди драконов строительный прием.

Когда Денелор отпустил Шану, девочка даже не стала заходить к себе в комнату. Изнеможение быстро прошло, и вскоре Шана уже чувствовала себя вполне нормально — хотя она переместила такой же груз, как и Ланет, а Ланета пришлось чуть ли не нести в кровать.

Глядя, как один из учеников Рэнниса помогает Ланету добраться до его комнаты, Шана подумала, что она никогда сильно не устает. Во всяком случае, она устает куда меньше, чем остальные. Не это ли имел в виду Рэннис, когда говорил, что она наделена большой силой? Или просто Ланет тратил намного больше сил на маскировку магического шума, чем Шана? И что тогда, когда она научится действовать по-настоящему тихо, она станет уставать так же, как Ланет?

А стоит ли того пресловутая «тишина»?..

В общем, как бы там ни было, но когда Денелор отпустил Шану, девочка не испытывала потребности в отдыхе. И потому вместо того, чтобы отправиться к себе в комнату, Шана свернула в другой коридор и отправилась в нежилую часть. Она сотворила себе светящийся шар и пошла прямиком туда, где остановилась во время последнего своего похода.

Пройдя по собственным следам, отпечатавшимся в пыли, Шана обнаружила свою отметку — нарисованный мелом крестик на стене. Девочка стерла крестик и приготовилась изучать новые места. Это явно была самая древняя часть Цитадели. На полу лежал толстый слой пыли, а каменные стены были не настолько тщательно отделаны, как стены в жилой зоне. Здешние комнаты больше всего напоминали складские помещения. Куда бы ни заглядывала Шана, повсюду виднелись лишь ряды полок, а все, что когда-либо заполняло эти полки, давным-давно исчезло.

На дверях нескольких комнат этого коридора — в том числе и на двери последней комнаты, до которой добралась Шана, — сохранились надписи: «ПРИПАСЫ». Во время последнего визита у Шаны было маловато времени, и потому, осмотревшись здесь, она повернула обратно.

Сегодня Шана прошла дальше по коридору и обнаружила, что он сворачивает под прямым углом. Шана повернула туда, ожидая увидеть еще один туннель, но вместо этого оказалась в тупике. К разочарованию девочки, коридор утыкался в еще одну деревянную дверь и на том заканчивался. На двери было вырезано какое-то слово.

Шана решила все-таки глянуть, что там, прежде чем поворачивать обратно. Оказалось, что на этой двери написано совсем другое слово, и оно несколько стерлось от прикосновений множества рук.

Надпись гласила: «ДОКУМЕНТЫ».

Шана затрепетала от волнения, повернула ручку и толкнула дверь. Подобно всем остальным комнатам, эта комната была не заперта — но здесь, в отличие от всех прочих комнат, кое-что

сохранилось. И, честно говоря, не так уж мало. Шана ощутила легкое покалывание — несомненный признак присутствия магии...

Магии, которая заботилась о сохранности содержимого этой комнаты.

Да, здесь действительно хранились документы. Книги, свитки, стопки отдельных листов. Тонкие металлические пластины с вырезанными на них словами, пожелтевший и потемневший от времени пергамент. Ряд за рядом, полка за полкой — полная комната документов! Шане потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, на что же она наткнулась.

Да это же документы полукровок древности, тех самых, которые начали Войну Волшебников! Огонь и Дождь! Неужели сюда никто никогда не заглядывал?! Ей говорили, что все документы были уничтожены — а на самом деле вот они!

Сперва Шана вознамерилась помчаться в жилую часть и привести сюда своего учителя, Денелора. Но прежде, чем она успела хотя бы развернуться, ей в голову пришла другая мысль.

Откуда ей знать, что здесь хранится? Может, это и вправду те самые документы, которые всем хотелось бы найти. А может, всего лишь копии уже известных оригиналов. Или вообще бесполезная куча хлама. Лучше сперва разобраться, что это такое, а потом уже решать, стоит ли из-за этого волноваться.

Шана взяла первое, что подвернулось ей под руку, — массивную рукописную книгу. Если вес хоть о чем-то свидетельствует, то, наверное, это важная находка. При попытке стащить книгу с полки Шана подняла тучу пыли и расчихалась. Книга оказалась такой тяжелой, что смотреть ее на весу было совершенно невозможно. Девочка положила фолиант на пол и открыла первую страницу.

«Из Пелугианских хроник Ларанца, последнего Искателя правды. На пятисотый день после великого мора жесткосердные твари, именуемые эльфийским родом, установили свою власть над засушливыми землями под названием Гиблые Пески (хотя и не полностью — людские кочевые племена, что называются наездниками на грелях, или грелеводами, никогда им не подчинялись). Мы, люди и полукровки, составили свои записи о тех непредсказуемых событиях, что происходят время от времени и нарушают равновесие Зримого и Незримого.

Так называемые «цивилизованные» кланы эльфийских лордов — особенно Высшие лорды, что превосходят своим могуществом всех прочих и чья магия словно бы не имеет границ, —

всегда смотрели на пустыню как на раздражающую загадку, постоянный источник неприятностей, оскорбляющий утонченные чувства их просвещенного народа. По правде говоря, грелеводы не имеют какой-либо заслуживающей упоминания организации: это происходит благодаря особой неподатливости их натуры, невозможности установить контроль над столь обширными пустынными пространствами, наследственной ненависти, с которой каждый их клан относится ко всем прочим кланам, и самой пустыни с ее зноем и холодом, ее ядовитыми тварями, ее недостатком воды и непредсказуемой погодой. А потому эльфийские лорды позволили необходимости превратиться в неизбежность и не только позволили грелеводам сохранить свое господство над пустыней, но и принялись устраивать незаконные торговые анклавы на границах своих поместий, часто во вред собственному племени, и подрывать тем самым мир и процветание своих приближенных.

Таким образом, грелеводы оказались последними проводниками мятежа и единственными представителями человеческой расы, которые никогда не находились в подчинении у эльфов. Но в силу непримиримой ненависти ко всем, кто живет не в пустыне, кочевники относятся к прочим людям так же враждебно, как и к эльфам.

В поисках союзников мятежники, действовавшие на эльфийской территории, посылали своих людей к кочевникам, но ничего этим не добились. А три полубезумных сестры принялись искать среди руин уничтоженных эльфийскими лордами городов некий талисман, состоящий из трех частей, и твердить, что этот талисман сможет целиком и полностью защитить человечество от всех мыслимых врагов. Они умерли ужасной смертью, и...»

Шана сощурилась и захлопнула книгу.

— Интересно, как у них тут было заведено? — спросила она у окружающих томов. — Этому типу что, платили за количество слов? — Она еще раз оценила толщину книги. — Или за вес?

Несколько мгновений девочка задумчиво глядела на книгу. В конце концов Шана приняла решение и придвинула толстенный фолиант к двери, чтобы ее было не так просто открыть. Получилась вполне приличная подпорка. Может, именно для этого сей том и предназначался?

Шана улыбнулась и принялась осматривать полки, пропуская все, что казалось неподъемным на вид.

Глава 15

«...Я не могу понять, что за безумие охватило нас. Казалось, что победа уже у нас в руках. Эльфийские лорды были осаждены в немногочисленных укрепленных поместьях, их армии были разбиты и рассеяны, их приближенные примкнули к мятежу, а от самих эльфов осталось не более десятой части. Но накануне последнего сражения наши вожди внезапно начали грызться между собой. Это безумие! Если эльфийские лорды не воспользуются нашей глупостью, то я уже не удивлюсь ничему, даже если увижу на небе три луны вместо одной.

Четвертый день второй недели месяца Весенней Луны.

Случилось именно то, чего я боялся: эльфийские лорды прорвали осаду и теперь донимают нас налетами. Я не привязан ни к какой стороне, но я хотел, чтобы эти дьяволы с обманчиво прекрасной внешностью были уничтожены — как они сами уничтожили множество своих рабов. К этому итогу я стремился и ради него продолжаю трудиться и сейчас, хотя теперь наше дело кажется безнадежным. Эльфы вернули себе все потерянные территории. С каждым днем все больше людей покидают нас.

Седьмой день третьей недели месяца Весенней Луны.

В то время, как Джасел поспорил с лордом Хальдорфом из-за тактики, а Мормеган и Атрегейл поссорились из-за территории, эльфийские лорды не сидели сложа руки. Они уничтожили Лорна при помощи магии и одновременно поразили Джасела своим трижды проклятым эльфийским оружием. Не прошло и недели, как Мормеган вызвал Атрегейла на дуэль на ножах, и в результате оба погибли. Мы потеряли четырех лидеров, и все это — меньше чем за месяц! И я боюсь, что худшее еще впереди. Рассеянные армии эльфийских лордов перегруппировываются, а наши вожди все больше погрязают в бессмысленных дрязгах, не обращая внимания на сыплющиеся бедствия...»

Шана листала покрытую кляксами и пятнами книгу, напряженно вчитывалась в записи на полях, сделанные неразборчивым наклонным почерком, и автор этих записей вызывал у нее все большую симпатию. Это был дневник, написанный на полях совершенно неинтересного трактата о свиноводстве. Шана обнаружила его, обшаривая книжные полки. Большинство здешних книг представляли собой своды не то сказочек, не то нудных преданий о временах, предшествовавших приходу эльфов. Изредка они перемежались хрониками тех времен, когда эльфийские лорды подчиняли себе людей. Одной из них как раз была та книжка, которой Шана подперла дверь. Шана трижды пыталась продраться через хитроумные плетения ее словес, но безуспешно. Единственное, что она вынесла из чтения этого фолианта, так это твердое убеждение, что автор сего труда, несмотря на все свои заявления, втайне симпатизировал эльфам. По крайней мере, у Шаны часто возникало ощущение, что автор считает эльфов некой цивилизующей силой, а людей — дикарями. Если автор являлся типичным представителем образованных полукровок, неудивительно, что эльфы сумели так долго продержаться у власти. После этой книги Шане всегда хотелось вымыть руки, и вовсе не потому, что этот том был таким уж особенно пыльным. Девочка была уверена, что, если бы она когда-нибудь встретилась с автором этой книги, он оказался бы на вид таким же отвратительным, как и его воззрения.

Но то, что она читала сейчас, была не хроника, созданная субтильным писцом, что сидит на толстых подушках и с отрешенностью оловянного божка наблюдает, как другие действуют. Это был личный дневник, подробно описывавший последние дни Войны Волшебников, и его автор не меньше самой Шаны недоумевал: почему же они потерпели поражение, когда победа была так близка?

Впрочем, Шана уже уловила кое-какие детали, намекающие на причину поражения, — а как это произошло, было очевидно и без того...

Что, если эльфы воспользовались услугами предателей, людей и полукровок, специально засланных к повстанцам, чтобы чинить помехи? Предположим, они использовали полукровок, владеющих магией разума, чтобы манипулировать лидерами повстанцев, заставлять их завидовать друг другу, внушать им уверенность в победе и намекать, что теперь самое время расправиться с соперником... или с двумя... или даже с тремя...

Найденный дневник свидетельствовал в пользу этого предположения. По крайней мере, так казалось Шане. Неприятности не имели конкретных причин, но явно были подстроены эльфийскими лордами. Но эта возможность, очевидно, никогда не приходила в голову автору неразборчивых заметок. Он просто представить не мог, что кто-то из людей или полукровок способен добровольно встать на сторону эльфийских лордов против волшебников.

А ведь наверняка так оно и было. Иначе как бы эльфы посреди собственных свар умудрялись раз за разом так точно узнавать, когда и куда нанести удар?

Да, это многое объясняло, особенно если предположить, что предатель обладал человеческим умением влиять на сознание окружающих. Волшебники никогда не предпринимали никаких мер предосторожности, чтобы защититься против такого воздействия, поскольку эльфы не способны были ни читать чужие мысли, ни воздействовать на них. А волшебникам и в голову никогда не приходило, что кто-то из них может пойти против своих товарищей.

Особенно часто во всех записях всплывало имя одного из лордов — о нем упоминали не как о влиятельном военном вожде эльфов, а как о лорде, который всегда оказывался в нужном месте в нужное время, постоянно захватывая волшебников врасплох. Шане и прежде доводилось слышать это имя, и оно внушало ей страх.

Лорд Диран.

Судя по всему, что Шана знала раньше и что она узнала за последние несколько недель, с Дираном нельзя было не считаться. В отличие от других лордов он всегда относился к умственным способностям людей (да пожалуй, и полукровок тоже) с полной серьезностью. Он никогда не позволял себе недооценивать врагов и всегда продумывал свои действия на два-три хода вперед. Умный, коварный, полностью лишенный совести... Это было бы вполне в его духе — попытаться склонить кого-нибудь из волшебников на свою сторону. И вот его имя снова обнаружилось в дневнике.

«Шестой день второй недели месяца Однорога.

У границ леса, где мы скрываемся, видели лорда Дирана. Я боялся наихудшего, и вот оно стряслось. Последние повстанцы нашли убежище в Цитадели. Мы надеялись отсидеться здесь, пока эльфийским лордам не надоест и пока они не прекратят поиски. Но другой враг настиг нас даже здесь, и, хотя у меня и нет доказательств, я чувствую, что лорд Диран приложил к этому руку.

Этот враг — моровое поветрие.

Нас терзает чудовищная, изнурительная лихорадка. Она разит внезапно, безо всяких предварительных признаков заболевания. Буквально за какой-то час жертва впадает в состояние горячечного бреда. О, конечно, я знаю — считается, что болезнь эту создал Леланд Андер, а потом она как-то выскользнула

из-под его контроля. Да, действительно, Леланд возился с возбудителем лихорадки, надеясь создать оружие, которым можно было бы поражать эльфийских лордов на расстоянии. И действительно, именно он стал первой жертвой. Но мне не верится, что Леланд был настолько беспечен, чтобы оставить возбудитель болезни без должного присмотра. Нет, в этом замешан лорд Диран — я это нутром чувствую.

Шестой день четвертой недели месяца Однорога.

Настал мой черед. Подобно другим заболевшим, я заперся у себя в комнате. Остальные стараются всемерно избегать меня. Победа была так близка — мы уже почти держали ее в руках! Даже это проклятое эльфийское оружие, убивающее или парализующее жертву одним лишь прикосновением, не спасло бы эльфийских лордов. Никто не мог бы остановить нас — мы сами себя остановили! Я пишу это в надежде, что придет день, и кто-то из полукровок все-таки прочтет мои слова. Остерегайтесь эльфийских лордов! Остерегайтесь их коварства и не забывайте, что в ваших рядах могут появиться предатели! И особенно остерегайтесь лорда Дирана: он знает довольно способов ослабить и разрушить душу и пользуется ими».

Шана перевернула страницу, но оказалось, что эта запись была последней. Девочка так и не узнала имени писавшего и уж тем более не узнала, смог ли он оправиться от болезни.

Шана раздраженно захлопнула книжку и принялась рыскать по полкам, выискивая другие записи подобного рода, но так ничего и не нашла. Во всяком случае, она не нашла больше ничего, принадлежащего перу неизвестного автора дневника, и не обнаружила других личных заметок. В конце концов, в надежде побольше узнать о волшебниках древности, Шана рассортировала книги на несколько групп и все, что не касалось истории, задвинула подальше.

Исторические труды остались в передних рядах. Их оказалось куда меньше, чем хотелось бы Шане. Впрочем, она нашла еще несколько хроник, повествующих о событиях той войны. Они не отличались таким накалом чувств, но зато содержали большое количество подробностей.

Из этих хроник Шана узнала кое-что о тактике волшебников и об оружии, которое они использовали. Некоторые магические приемы были забыты современными волшебниками — а может, волшебники просто еще не настолько доверяли Шане, чтобы позволять ей изучать такие сложные и опасные вещи. Девочка снова и снова изумлялась способностям волшебников

древности. И многократно ей встретились доказательства того, что своим поражением волшебники были обязаны предательству — и подстроили это предательство эльфы.

Постепенно запасы сведений, хранившихся в комнате с документами, исчерпались. Зима, царившая за пределами Цитадели, медленно двигалась навстречу весне. А Шана забиралась все глубже в лабиринт туннелей, выискивая следы давно прошедших времен. Благодаря зиме беспорядка стало немного меньше, поскольку все предпочитали сидеть в своих комнатах и не высовываться лишний раз на холод. Кроме того, поскольку теперь волшебникам то и дело приходилось непосредственно сталкиваться с беспорядком, они начали чуть регулярнее убирать за собой. А потому у Шаны стало появляться чуть больше времени для исследований, и девочка старалась сполна использовать каждую возможность.

Шана нашла десяток заброшенных туннелей, совершенно неизвестных нынешним обитателям Цитадели. Некоторые из этих туннелей оказались настолько длинными, что Шане надоело по ним бродить и она так и не выяснила, где же они заканчиваются. Она ходила по петляющим коридорам, где располагались лишь крохотные спальни и уборные. Девочка надеялась найти другие жилые или складские помещения, но вместо этого уткнулась в тупик. Потом, открыв дверь помещения, которое она сперва приняла за чулан, Шана обнаружила там проход в целый комплекс помещений. Чем дальше она забиралась в глубины пещер, тем более извилистой и странной становилась планировка.

Как-то это все было очень по-драконьи — даже не планировка, а некий общий принцип, по которому все это было построено.

Алара тоже строила в своем логове такие туннели, оканчивающиеся тупиками, и комнаты внутри комнат. А ведь она никогда не относилась к числу самых страстных строителей. Драконы твердо верили, что жилища следует строить так, чтобы при случае их можно было оборонять от вторжения непрошеных гостей. А если бы такой гость даже и проник в логово, он бы понятия не имел, как отыскать в нем дорогу. Похоже, что те же самые принципы работали и здесь. Не существовало двух одинаковых логов — равно как и двух одинаковых Логов разных драконьих Родов. Цитадель была выстроена, как ряд логов, расположенных внутри большого Логова, с общедоступным районом, где было относительно несложно ориентироваться, и

личными жилищами, расположенными глубже всех прочих помещений, причем у каждого жилища был свой запасной путь для отступления и собственные оборонительные сооружения. Шане начало казаться, что даже если большая часть работ и вправду была выполнена волшебниками, к этому все-таки явно приложил руку дракон. И девочка начала помимо старинных документов искать еще и доказательства, которые могли бы подтвердить эту ее теорию.

Однажды, в самый разгар зимы, Шана забралась в очередной тупик и повернула обратно, усталая и разочарованная. День выдался довольно скверный. Мастер Денелор подхватил простуду и слег в постель. В результате уроки прекратились, а работы здорово прибавилось. Денелор был не самым терпеливым пациентом и, когда болел, требовал от своих учеников ухода и заботы. Шана уже устала заваривать чай, читать нудные истории, подогревать молоко, менять постель, готовить лекарственные отвары, стирать постельное белье и снова заваривать чай. Наконец ее все-таки сменил Ланет, и Шана улизнула на ежедневную разведку. И ради чего? Лишь ради того, чтобы уткнуться в очередной тупик!

Шана принялась возвращаться по своим следам — и вдруг свет магического светильника упал на стену под каким-то особым углом. Девочке показалось, что чуть впереди от того места, где она стояла, желтовато-коричневую стену прорезает прямая линия.

Шана остановилась. Магический шар, подвешенный так, чтобы он светил через плечо и не слепил хозяйку, остановился тоже. Шана медленно отступила назад.

Свет заиграл на блестящей поверхности камня. И действительно, через стену проходила очень ровная, до странности правильная трещина. Она тянулась от самого пола до уровня головы Шаны и уходила выше...

Шана принялась шарить по стене, пытаясь на ощупь определить контуры двери. И как раз в том месте, где следовало бы находиться дверной ручке, камень слегка сместился от прикосновения.

В Цитадели давно уже ходили слухи о потайных комнатах и ходах — как будто ее планировка сама по себе не сбила бы с толку кого угодно! — но Шана до сих пор не обнаружила ни одной такой комнаты. И насколько ей было известно, никому из учеников этого тоже не удавалось.

Но если здесь и вправду существовали какие-то потайные места, старшие волшебники наверняка держали их секреты при себе — во всяком случае, так предполагала рассудительная Шана...

Девочка сильнее нажала на подавшийся камень — и часть стены ушла вглубь, образуя ручку.

Похоже, она и вправду наконец-то обнаружила какой-то потайной ход. Интересно, а во скольких коридорах, заканчивавшихся тупиками, тоже скрывались подобные тайны? Сердце девочки взволнованно забилось. Сейчас Шана не смогла бы остановиться, даже если бы кто-то сказал ей, что за дверью ее поджидает голодный однорог. Шана ухватилась за ручку и потянула на себя.

Дверь плавно отворилась, и Шана шагнула в комнату.

Точнее, в комнаты. В противоположной стене обнаружился дверной проем — через него виден был угол кровати. Но не это взволновало девочку.

Едва шагнув через порог, Шана ощутила кожей покалывание, свидетельствовавшее, что на комнату наложено какое-то несложное заклинание. Судя по безукоризненному состоянию комнаты, это было заклинание сохранности — точно такое же, как и в хранилище документов. На этой неделе, как раз перед тем, как заболеть, Денелор показывал Шане подобное заклинание. Шана тогда провела рукой по полю созданного им заклинания и почувствовала уже знакомое покалывание.

Комната выглядела совершенно жилой. На серых каменных стенах незаметно было ни следа пыли. Пол, вымощенный серо-белой мозаичной плиткой, был безукоризненно чист. На столе лежало несколько книг, рядом с чистым листом бумаги примостились перо и чернильница, в камине ждала готовая растопка.

Шана заметила, что дверь начала закрываться. Девочка отпрыгнула назад и прижалась спиной к стене. Она почти верила, что сейчас появится владелец комнаты и потребует ответить, на каком основании она вломилась в его жилище...

Но никто так и не появился. Тишина царила просто-таки невероятная. Шане никогда еще не доводилось попадать в место, где было бы настолько тихо.

Девочка осторожно подошла к черному полированному столу — ее внимание привлекли лежащие там книги. Для жилища волшебника комната была поразительно опрятной. Тот же Денелор, например, имел привычку сваливать вещи в кучу до тех

пор, пока эта куча не начинала рассыпаться. Насколько Шана могла понять из разговоров с другими учениками, большинство его приятелей вели себя точно так же.

«Они просто ленивые, да и все», — неожиданно решила Шана, отметив про себя, как аккуратно все расположено на столе. Для уборки у волшебников были ученики, а потому их не волновало, грохнутся вещи на пол или нет. А в древние времена все выполняли какую-то работу, и никаких учеников тогда не было. И каждому магу приходилось самому убирать за собой.

Шана почесала в затылке и сморщила нос. «Пожалуй, если бы все волшебники вдруг остались без учеников, это помогло бы хоть кому-то из них обзавестись более полезными привычками».

Первым делом Шану заинтересовали книги, ровной стопкой лежавшие между двумя грубыми, необработанными кристаллами. На вид не похоже было, будто это что-нибудь официальное — хроника, или там книга заклинаний. Шана надеялась, что там могут оказаться личные заметки или что-нибудь еще в этом духе. Но, едва открыв книгу, Шана с первых же слов обнаружила, что она вообще не принадлежит перу волшебника...

Да, это и в самом деле был дневник — вроде тех неразборчивых записей, сделанных на полях книги о свиноводстве. Но Шане никогда и в голову не пришло бы, что она обнаружит здесь *такую* вещь — дневник дракона, сменившего облик, дневник, написанный на языке Народа, на его редко встречающейся, письменной разновидности, которую они с Кеманом когда-то изучали под присмотром Алары.

Ошеломленная, Шана успела ухватиться за спинку стула, пока у нее окончательно не подогнулись ноги. Все еще пребывая в ошеломлении, девочка опустилась на сиденье, обтянутое серой кожей, и принялась читать.

Шана пришла в себя оттого, что у нее начало урчать в животе. Лишь тогда она поняла, как много времени прошло. К счастью, ее не хватятся до утра — но уже, должно быть, поздний вечер, а она прочла лишь малую часть первого из семи томов, описывающих приключения молодого дракона, Каламадеа. Сперва он рассматривал это превращение как игру, забаву, как еще один пример драконьего вмешательства в дела людей, эльфов и полукровок. Из его дневника становилось ясно, насколько широко были распространены такие вещи, хотя в те дни в этом мире жило куда меньше драконов, чем сейчас. Все это слегка ошеломило Шану. Она никогда даже не подозревала,

насколько глубоко Народ замешан — или был замешан — в жизни тех, кого они изучали.

Шана поднялась было, но потом заколебалась. Ей не хотелось уходить, но деваться было некуда. В конце концов, не могла же она остаться здесь насовсем. А книги никуда не убегут.

Если она возьмет книги с собой и кто-нибудь случайно найдет их у нее в комнате, волшебники узнают о Народе...

Хуже того — они узнают, что Народ издавна вмешивался в их дела. Калама в своем дневнике был поразительно откровенен — Шана даже не знала, что драконы способны на такую откровенность. Калама не скрывал ни того факта, что он находился здесь в измененном облике, ни того, кто он такой и откуда явился, ни того, зачем он внедрился в ряды волшебников...

Если кто-нибудь прочтет это, все тайны драконов будут раскрыты. Волшебники начнут выслеживать их и, может, даже будут пытаться убивать их. А еще, узнав о Народе, волшебники могут попытаться подсунуть эти сведения эльфийским лордам, чтобы предоставить своим врагам другую дичь для преследования.

Им довольно открыть книгу и начать читать с любого места, чтобы понять, что драконы живут здесь уже много веков и потихоньку, пользуясь тем, что никто о них не знает, вмешиваются во все.

Да и вообще, стоит им увидеть книгу, написанную на таком странном языке...

Дойдя до этой мысли, Шана расхохоталась, поражаясь собственной глупости. «О чем я тут вообще думаю? О том, что будут делать волшебники? Вот уж задачка — проще не придумаешь! Конечно, читатель сможет узнать из этих дневников о Народе — если сможет разобрать драконий язык!

Никто не прочтет этих книг, кроме меня!»

Даже среди Народа не все владели письменной речью. Алара обучала Кемана чтению и письму, поскольку ему предстояло стать шаманом, а Шану она учила потому, что девочка выказывала сходные способности. Но Мире не хотела этому учиться, как и большинство других драконов-подростков.

Так что можно с уверенностью предположить, что тот, кто окажется в состоянии прочесть эти книги, и так уже знает о существовании Народа. На самом деле, если исходить из того, что Шана уже успела прочесть, можно считать, что тот, кто разберет здесь хоть слово, сам является драконом, сменившим об-

лик и затесавшимся в среду волшебников для каких-то своих драконьих надобностей.

Возможно, даже для того, чтобы следить за ней, Шаной.

Шана собрала книги и направилась к двери. Девочка больше не видела никаких причин, почему бы ей не забрать книги с собой и не прочесть в свободное время.

Все равно никто больше не сможет этого сделать.

«Я остался один во всей Цитадели. Все прочие умерли либо ушли. Возможно, я пережил лихорадку лишь благодаря тому, кем я являюсь; явно более никто из подхвативших эту болезнь не выжил и не имеет более возможности рассказать о случившемся. Или хотя бы известную часть этой истории; надо признать, я понятия не имею, что произошло после того, как я слег в постель, и уж вовсе не знаю, что творилось за пределами пещеры Цитадели.

Просто замечательно, что драконы способны подолгу обходиться без еды. Как только стало известно о моей болезни и я запер за собой дверь своей комнаты, не нашлось ни одной живой души, которая пожелала бы мне помочь. Но я не виню их — это неудивительно, если учесть, насколько высока смертность среди заразившихся.

Когда я очнулся после долгого сна, в который меня погрузила лихорадка, окружающий мир встретил меня безмолвием. Я собрал последние силы и обыскал складские помещения — я настолько изголодался, что готов был съесть собственные книги, но при этом так ослабел, что не смог бы прожевать страницу!

Но на складах все-таки отыскалась еда. По правде говоря, там оказалось более чем достаточно, чтобы мне хватило на несколько первых дней выздоровления. Я утащил ее к себе в комнату — в прямом смысле слова утащил, поскольку поднять мешок мне было не под силу — это мне-то, который способен был лететь, держа в лапах взрослого вилорога! У меня даже не было сил изменить облик! Сейчас я размачиваю три засохшие дорожные лепешки и еле удерживаюсь, чтобы не схватить их и не попытаться съесть прямо в таком виде. Все равно эта попытка успехом не увенчается. Я настолько ослаб, что не могу даже раскрошить этот сухарь до такой степени, чтобы его можно было проглотить.

Я подпер дверь, чтобы она не закрывалась — надеялся услышать, не донесутся ли какие-нибудь звуки из дальних частей Цитадели, но так ничего и не услышал. Видимо, я должен радо-

ваться: тишина означает, что эльфийские лорды так и не отыскали последнего нашего убежища — и что его им так и не показали. Но все же мне нерадостно. Я не могу не думать о судьбе моих товарищей, тех, кто вместе со мной участвовал в восстании и кто остался верен своим идеалам, в то время как другие поддались своим амбициям и жадности.

Что же случилось с ними? Ласен Орвад, Джеоф Ленгер, Реза Шеден — где вы теперь? Живы ли вы? Или лихорадка унесла вас наряду со многими другими? Или вы избежали болезни, но лишь затем, чтобы пасть от рук наших врагов?

Да, друзья мои, я осознанно говорю о *наших* врагах. Хотя я принадлежу к другому народу и ввязался в эту историю лишь из желания поразвлечься, но в конце концов я поверил в вас и в ваше дело. Когда я называю вас моими друзьями, я говорю это от чистого сердца. И до тех пор, пока я жив (а это долгий срок), ваши враги — мои враги. Я не допущу, чтобы ваша мечта погибла, в то время как я могу сохранить ей жизнь.

Три дня спустя. Понятия не имею, какое сегодня число, поскольку не знаю, как долго я провалялся в бреду. Судя по лежащей повсюду пыли и по тому, как засох хлеб, могу предположить, что бредил я таки долго. Теперь мне известно, что некоторые из моих друзей спаслись бегством, — это можно понять по состоянию их комнат. Правда, я все равно не знаю, что *сталось с ними после того, как они покинули Цитадель.*

Мне тоже следует уйти отсюда сразу же, как только я смогу двигаться. Боюсь, что любой полукровка, который вернется сюда и обнаружит меня, сочтет меня предателем. Ведь известно было, что я заразился лихорадкой. И мне кажется, что любого выжившего заподозрят в том, что он получает плату от эльфийских лордов. Потому что без помощи магии — или драконьей природы — никому не под силу пережить эту болезнь.

Я могу воспользоваться тремя туннелями. Я проверю их и выберу самый подходящий. Если мне повезет, я доберусь до пустыни, а там уже смогу принять свой природный облик и присоединиться к Роду. Если же нет...

Но не будем об этом. Когда-нибудь, если только я смогу, я непременно вернусь сюда и заберу свой дневник, повествующий об этой войне. Если же я не вернусь, пускай он станет загадкой для тех, кто его найдет. Они наверняка подумают, что он написан при помощи какого-то шифра. Успехов им в расшифровывании!»

На этом страница заканчивалась. Прочие листы седьмой, и последней, книги остались неисписанными. Что бы ни произошло с драконом-волшебником впоследствии, в дневник он этого уже не записал.

Шана разочарованно захлопнула книжку, поставила ее на полку, сама улеглась на кровать, уставилась в потолок и задумалась. Магический светильник давал такой же ровный свет, как и светящиеся потолки в домах эльфийских лордов, и ничуть не мигал в отличие от фонариков, которыми освещала свое логово Алара, — не говоря уже о факелах, свечах и лампах, которыми пользовались люди.

Интересно, кто из полукровок был больше похож на своих отцов-эльфов, а кто — на матерей — по крайней мере, в плане магических способностей? И до чего же многие из них походили на Народ...

Судьба Каламадеа не давала Шане покоя. Девочке казалось, что в ней содержится разгадка ее собственной судьбы. Если бы только она знала побольше! Если бы хотя бы узнать, что случилось с Каламадеа после того, как он закрыл свой дневник и в последний раз вышел из комнаты!

Ну что ж, зато она теперь точно знала, зачем драконы меняют облик. Кажется, это было их любимейшим развлечением — манипулировать эльфами и их рабами-людьми и смотреть, как те будут реагировать. И действительно, именно с этого начал свою карьеру Калама.

При мысли о том, какими способами драконы могут влиять — и, несомненно, влияют, — на жизнь эльфов, а тем самым и на жизнь находящихся в их власти людей, у Шаны екнуло сердце. Некоторые делали это просто ради развлечения. Некоторые — чтобы испытать себя.

А некоторые, как тот же Калама, ввязывались в это развлечения ради, а продолжали уже потому, что понимали — вокруг происходит что-то очень неправильное. И решали помочь исправить эту неправильность.

Шана подумала, что они с Каламой, наверное, отлично бы поладили, если бы им суждено было встретиться. Своими представлениями о том, что такое правильно и справедливо, дракон-волшебник здорово напоминал Кемана. В своем дневнике Калама честно признавал, что взялся за это рискованное предприятие, предполагая, что это может оказаться довольно забавно — манипулировать судьбами «низших существ». Но прошло совсем немного времени, и он пылко привязался к

ним. Он просто не смог сидеть сложа руки и смотреть на творящиеся несправедливости. Калама снова вмешался в ход событий, но уже с совершенно другими намерениями.

Он принял облик полукровки и присоединился к вспыхнувшему восстанию. Он действительно помогал строить Цитадель и много сделал для ее обороны. Он не наблюдал за Войной Волшебников, а участвовал в ней — не как руководитель, конечно, а как один из младших волшебников, тех, кто непосредственно вел боевые действия.

Шана прониклась к ним огромным уважением — не к силе, которой они владели, а к ним самим как к личностям. Шана глазами Каламы взглянула на волшебников, которые до этого были для нее лишь именами, на вождей, которые подняли и проиграли восстание. Теперь они стали для девочки живыми людьми. Шана узнала, как их простые ссоры переросли в ненависть, а эта ненависть потом развалила единый фронт повстанцев. И Шана, как и Каламадеа, окончательно убедилась, что к этому приложили руку эльфы.

И вот теперь дневник закончился. Шана ничего больше не могла узнать о драконе-волшебнике, и это вызвало у нее странное ощущение потери. Что же сталось с ним дальше? Правда, теперь девочка знала, что это именно Калама нашел те заметки на полях трактата о свиноводстве, забрал их из комнаты одной из жертв лихорадки и перенес в книгохранилище в надежде, что кто-нибудь все же отыщет и прочтет их.

Может, он в конце концов выздоровел и покинул Цитадель? А может, кто-то из полукровок вернулся, принял его за врага и убил? Калама ведь сам говорил, что если его найдут живым, то могут счесть предателем.

Шана очень надеялась, что Калама все-таки сумел бежать. Даже волшебники, которых он описывал, стали для девочки живыми людьми — что уж говорить о самом Каламадеа. Шане казалось, будто она и вправду была знакома с ним, будто он был ее другом. Если ему удалось бежать, возможно, он и поныне живет в каком-нибудь Логове. А раз уж он когда-то интересовался делами полукровок, они могут заинтересовать его и снова. А значит, они с Шаной вполне могут встретиться. Интересно, как он поведет себя, если заговорить с ним на языке Народа?

Шана повернулась на бок и жестом погасила магический светильник. Он постепенно сжался до светящейся точки, потом исчез совсем, оставив Шану в непроглядной темноте — такая бывает только под землей.

После недолгого размышления Шана решила, что лучше ей помалкивать и держать все это при себе. «Раз в прежние времена среди полукровок бывали предатели, они могут появиться снова». Конечно, наверняка тут ничего не скажешь. Но лорд Диран способен на очень сложные, многоходовые интриги. Впрочем, он мог решить, что пропажа нескольких детей, которых ему все равно пришлось бы уничтожить, особого значения не имеет, и оставить полукровок в покое до тех пор, пока они будут сидеть тихо и не высовываться и пока они не будут ничего у него красть. А они этого и не делали. Раз уж Денелор опасался взять что-нибудь у лорда Дирана, значит, остальные и вовсе не могли на такое решиться. То есть они обворовывали врагов Дирана, и это наверняка должно было нравиться лорду.

От мысли о том, что Диран может все знать о них, Шану пробрал озноб, и она решила, что уйдет из Цитадели, как только научится бесшумно управляться с магией. Если хотя бы одному из эльфийских лордов известно о Цитадели, то это уже не убежище, а ловушка. Она непременно станет разменной монетой в их бесконечных интригах — это лишь вопрос времени. И с этой монетой эльфийские лорды расстанутся без малейших сожалений.

Шана решила, что вернется в ту комнату и отнесет книги обратно. Девочка не хотела, чтобы они попались еще кому-нибудь на глаза, пусть даже никто здесь и не мог их прочитать. И надо посмотреть, не оставил ли там Калама еще чего-нибудь. Раз у эльфов и людей бывают дети, может, драконы, сменившие облик, тоже могут иметь детей от эльфов или людей? Может, она сама — как раз такой ребенок? А может, полукровки могут, подобно драконам, пользоваться драгоценными камнями, чтобы увеличивать свою силу? Возможно, магия полукровок достаточно схожа с драконьей, чтобы драгоценные камни помогали им. Надо будет попробовать. Надо испробовать все, что может помочь ей уйти отсюда как можно быстрее.

Абсолютно все.

Следующие несколько дней Шана провела, изучая едва заметные знаки, вырезанные на стенах коридоров в этой части подземелий. Сдвоенный значок «Каламадеа» соединялся с значком «Громовой Танцор». Следовательно, Каламадеа был не просто драконом, меняющим облик, но еще и шаманом. Возможно, он оставил здесь эти знаки еще во время постройки пе-

щер — процарапал когтем, когда никто его не видел, или высек при помощи заклинания, воздействующего на камень. В дневнике он подписывался обоими этими знаками, а когда Шана как следует осмотрела снаружи дверь его логова, то на высоте своего роста снова обнаружила их же. Следуя за этими знаками, Шана обнаружила несколько складских помещений, ныне пустых, и пару комнат, в которых Каламадеа, похоже, занимался магическими экспериментами. Возможно, он пытался освоить некоторые магические приемы, употребляемые волшебниками.

Примерно после недели безуспешных поисков настойчивость Шаны в конце концов была вознаграждена. Девочка обнаружила очередной знак внутри одной из кладовок, уже обысканных ею прежде. Стена казалась совершенно монолитной, без малейшей щели. Шана прижала ладонь к вырезанному знаку, надавила на него и одновременно повернула камень. Раздался громкий щелчок. Часть стены размером чуть больше ладони девочки немного отошла в сторону. Шана поддела ее и отворила на манер маленькой дверцы.

И в открывшемся тайнике засверкали драгоценные камни: красные, зеленые, синие.

Камней оказалось не так уж много. Вполне возможно, что главные сокровища Каламадеа хранились где-нибудь в другом месте. Возможно, это был запасной тайник, наподобие тех, которые устраивала Алара в разных местах своего логова и в его окрестностях и складывала туда камни похуже, которые все-таки могли пригодиться, если у нее почему-либо не окажется возможности добраться до главного запаса. В нише обнаружилось пять-шесть десятков камней, по большей части полудрагоценных. Впрочем, это еще ничего не значило. Полудрагоценные кварц и бирюза работали у Алары ничуть не хуже рубинов и изумрудов. Если камень годился для магического использования, его ценность и редкость никакого значения не имели.

Правда, и с таким количеством камней возникли некоторые трудности. В карманы они не помещались. А если нести их в подоле туники, кто-нибудь обязательно заметит и потребует поделиться, а то и захочет отобрать все. На некоторое время Шана задумалась, потом нашла выход. У нее был при себе шарфик как раз подходящего размера. Девочка переложила камни из ниши в шарф и увязала их в узелок. До своей комнаты Шана добралась без происшествий. Узелок она спрятала за пазуху. У нее уже дважды отбирали ее сокровища, и девочка совершенно не желала, чтобы это произошло в третий раз.

В тот день Шане ничего больше не удалось сделать, но на следующий, выполнив всю работу и отсидев занятия до конца, Шана направилась прямиком к себе в комнату, уселась на кровать, подобрав под себя ноги, и вытащила узелок.

Девочка разложила камни на коленях, пытаясь подражать действиям драконов, и постаралась достичь спокойного, сосредоточенного состояния духа, подобного трансу.

Едва войдя в это состояние, Шана подумала о Кемане. Первое, что ей нужно, — это поговорить с Кеманом.

Шана закрыла глаза и сосредоточилась, стараясь вызвать в сознании образ своего названого брата — вплоть до мельчайшей чешуйки. Когда этот образ стал таким реальным, что хоть дотрагивайся, Шана изо всех сил потянулась к нему.

Девочка и раньше предпринимала подобные попытки, но у нее никогда не хватало сил выглянуть за пределы леса. На этот раз Шане показалось, будто она услышала какой-то отклик, но очень слабый и отдаленный — слишком слабый, чтобы толком разобрать его, и недостаточно отчетливый, чтобы поверить, что она и точно дотянулась до Кемана.

Но ведь почти получилось! Шана не смогла совладать с искушением и попыталась потянуться еще дальше, хоть чуть-чуть. Но острая боль, пронзившая лоб, вырвала ее из транса и заставила отказаться от дальнейших попыток.

Шана вздохнула, открыла глаза и принялась рассматривать переливающиеся драгоценности. В конце концов она подумала: а вдруг неудача вызвана тем, что она пыталась использовать все камни одновременно? Может, если испытывать их по одному, будет лучше?

Но на коленях у нее лежало пять-шесть десятков камней — совершенно разных. Перепробовать их все поодиночке — та еще задачка...

«Ну и ладно», — философски подумала Шана. В конце концов, чего-чего, а уж времени у нее довольно.

Шана извлекла из груды первый попавшийся камень, берилл, обработанный в виде кабошона, а остальные увязала обратно в шарф. Потом она положила берилл на ладонь, всмотрелась в его глубину и сосредоточилась...

Алара шла по следу: драконий запах еще чувствовался в разреженном холодном воздухе. Вкладывая в каждый взмах крыльев все силы, драконица поднималась все выше в горы, расположенные на западной границе территории их Рода. В разреже-

ной атмосфере не то что лететь — дышать было трудно. Хотя Алара изменила свои легкие, чтобы приспособиться к здешним условиям, ей все равно очень трудно было поддерживать такую скорость.

Кеман исчез в самом начале осени. Уже наступила середина зимы, а Алара до сих пор не разыскала сына. В Логове творилось нечто невообразимое. Половина драконов кричала, чтобы Алара вернула Кемана обратно, если понадобится — даже вместе с полукровкой, а вторая половина требовала, чтобы Алара отказалась от него или вообще затравила их с Шаной, как животных.

Сама же Алара испытывала изрядное беспокойство. Конечно, Кеман не такой уж маленький. В его возрасте она уже предприняла свою первую вылазку в эльфийские земли. Но она-то была там не одна! И она не путешествовала вместе с полукровкой — существом, разоблачение которого принесет смерть им обоим.

Что же касается Шаны...

Огонь и Дождь! Боль, вина и чувство потери, переполнявшие сердце Алары, были такими острыми, как будто все это произошло лишь вчера. Она любила это дитя, дитя ее души. Да, в Шане не было крови Рода, но по духу она принадлежала к Роду и понимала честь Народа куда лучше, чем большинство драконов этого Логова. Они не имели права так поступать с Шаной!

Алара в гневе стиснула зубы. Что бы там ни твердили остальные, но она знала, что это был самый скверный поступок за всю историю Народа. Они должны были изгнать этого мелкого ублюдка, Ровилерна, или отослать его в другое Логово, чтобы его там научили вести себя как следует. А в результате вышло, что теперь, когда Кеман и Шана исчезли, Рови окончательно распоясался. А мать во всем ему потакала. Кроме того, Лори изо всех сил баловала дочь самой Алары и делала все, чтобы склонить Мире на свою сторону. А поскольку Алара была шаманом, она ничего не могла с этим поделать. Законы Рода позволяли ребенку оставить кровную мать и уйти жить к выбранной им самим приемной матери, если он того желал. А для того, чтобы нарушать законы, Аларе требовались исключительно серьезные основания...

Очень серьезные и логично обоснованные. А она сейчас не располагала ничем, кроме эмоций.

Но существовал судья, к посредничеству которого Алара могла прибегнуть, и отчаяние толкнуло ее на поиски этого судьи. Если она разыщет Отца-Дракона, тот может воспользоваться своей властью и рассудить ее с соплеменниками.

Но найти Отца-Дракона было нелегко. Он давно уже отказался от собственного логова, поскольку вырос до такого размера, что теперь мог чувствовать себя удобно лишь в самых больших пещерах. Кроме того, он полагал, что принадлежит не к какому-то одному Логову, а ко всему Народу, и потому постоянно путешествовал.

Алара последовала за ним сперва в Логово Ладаренао, потом в Логово Пелеонаванде, но не застала его ни там, ни там. Теперь она принялась обыскивать горы, руководствуясь собственными представлениями о характере и привычках Отца-Дракона и ловя в морозном воздухе самые слабые запахи.

Но теперь запах усилился, а скалы внизу начали перемежаться то сосновыми лесами, то лугами. Алара снизилась и полетела вдоль горного склона, высматривая следы присутствия Отца-Дракона. Да, именно такие края ему и нравились. Он мог провести несколько недель, наблюдая за жизнью какого-нибудь луга.

Алара уловила краем глаза какое-то движение — нет, не движение, это солнце сверкнуло на какой-то громаде, напоминающей глыбу льда. Алара, не раздумывая, сложила крылья и камнем ринулась вниз. Она распахнула крылья в самое последнее мгновение и приземлилась, подняв целое облако снега и крохотных кристаллов льда.

Отец-Дракон медленно повернул голову. Он сделал свою чешую белоснежной, чтобы не выделяться на фоне окружающего снега и льда, но не предпринял больше никаких попыток замаскироваться. Хотя, пожалуй, он и вправду ни в чем больше не нуждался. И без того заметить его на снегу было почти что невозможно.

«А, Алара, — произнес он вместо приветствия. — Ты выглядишь взволнованной. Что привело тебя сюда?»

— Мне нужна твоя помощь, шаман! — выпалила она вслух, и ее голос эхом разнесся в холодном разреженном воздухе.

Отец-Дракон ограничился тем, что посмотрел на Алару, но на морде его было написано: «Ты слишком много знаешь, чтобы просить помощи».

От замешательства у Алары даже начало покалывать морду.

«Шаманы не просят помощи, — напомнила она себе. — Шаманы ищут ответы». Что за глупая просьба! Она слишком много знает, чтобы просить помощи.

— Мне нужен твой совет, Отец-Дракон, — сказала Алара, слегка склонив голову. — Я нахожусь в кошмарном положении и не могу придумать, как из него выйти. Наше Логово сейчас в полном смятении. Если бы я вернулась с твоим советом...

— А твоим собственным советам они больше не доверяют? — мягко поинтересовался Отец-Дракон.

Алара почувствовала, как по морде снова словно пробежались крохотные иголки. Но драконица совладала со стыдом и замешательством.

— Нет, — честно призналась она, — не доверяют. Боюсь, я тоже являюсь частью проблемы.

Алара рассказала всю историю, начиная с того, как Рови задирал Кемана и Шану, и до второго исчезновения Кемана. Отец-Дракон слушал, прикрыв глаза, но Аларе не казалось, что он пропускает ее слова мимо ушей. Скорее уж он старался сосредоточиться на каждом слове. Закончив рассказ, Алара с замирающим сердцем принялась ждать ответа. У нее понемногу начали замерзать лапы.

Выслушав ее рассказ, Отец-Дракон долго хранил безмолвие, так долго, что солнце начало клониться к горизонту, а воздух стал ощутимо холоднее. Он продолжал молчать даже тогда, когда из-за деревьев вышло стадо оленей. Они принялись разгребать копытами снег и жевать пожухлую траву.

Алара с трудом заставила себя не обращать внимание на животных. Она немного изменила циркуляцию крови, чтобы согреть лапы, и продолжала ждать.

«Этот ребенок несет с собой такие перемены, с которыми Народ, возможно, просто не готов встретиться, — мысленно произнес Отец-Дракон. Алара подпрыгнула от неожиданности. Олени с беспокойством взглянули в их сторону. Потом один остался на страже, а остальные снова занялись травой. — Я не могу дать тебе совет и сказать, какой путь тебе избрать. Ты должна сама решить, желаешь ли ты принять такие большие перемены. И если остальные захотят последовать твоему примеру, значит, так тому и быть. Народ силой заставил Шану вступить на ее путь, а Кеман, очевидно, уже избрал свою судьбу. Он предпочел действовать, не пользуясь больше твоей защитой и поддержкой, и по крайней мере с этим выбором тебе придется смириться».

Сбитая с толку Алара ответила тоже мысленно:

«Но... что же мне со всем этим делать? Кеман ушел во внешний мир. Его могут поймать, и это втянет весь Народ...»

«Народ потеряет свое преимущество «невидимости», — немедленно откликнулся Отец-Дракон. — И никакие твои действия или бездействие этого не изменят. Большой мир вот-вот узнает о существовании драконов. И на мой взгляд — именно на мой — это хорошо».

Алара представила себе, что кроется за этими словами, и содрогнулась. Бешеная ярость эльфийских лордов, все те кошмары, которые ей доводилось видеть...

«Но что же в этом может быть хорошего? — спросила она. — Эльфийские лорды сильны и жестоки, и как только они узнают о нашем существовании, они никогда больше не оставят нас в покое».

«Это-то и хорошо, — Отец-Дракон открыл глаза и искоса взглянул на Алару. — Со времени прихода в этот мир драконы сделались чересчур ленивы. Да, в самом начале мы были малочисленны и эльфийские лорды могли просто уничтожить нас. Но теперь нас стало много, и мы больше не слабы, а господство эльфийских лордов больше нельзя назвать неоспоримым. Обстоятельства менялись, а мы — нет. И к нынешнему времени мы, лишившись необходимости бороться с внешними обстоятельствами, заплыли жиром, сделались самодовольными и окончательно утратили желание совершенствоваться. Теперь же у нас не будет выбора. Теперь нам придется вновь прибегнуть к активным действиям, чтобы защитить себя, и, возможно, нам даже придется искать союзников. Но многим это не понравится».

Он снова закрыл глаза и чуть глубже зарылся в снег. Аларе стало очевидно, что Отец-Дракон уже высказал все, что намеревался сказать.

Она подождала, пока лучи закатного солнца не позолотили снег. Потом она дождалась восхода луны. Небо усыпало бесчисленное множество звезд — в чистом, разреженном воздухе высокогорья они казались яркими до боли.

Наконец, когда стадо закончило пастись и вновь удалилось под защиту деревьев, Алара встала. Она распахнула крылья и взмыла в небо. Рывок был столь силен, что поднятый крыльями вихрь взметнул целую тучу снега. И большая часть этого снега осыпалась на белую громаду — застывшего в странной позе Отца-Дракона.

Впрочем, по его виду можно было подумать, что он этого даже не заметил.

Алара сделала три круга, все еще надеясь получить более развернутый ответ. Но тщетно. Ни малейшего отзвука мысли. Отец-Дракон ничем сейчас не отличался от огромного изваяния, высеченного изо льда и припорошенного снегом.

Он не только не намерен был брать на себя решение проблем Алары, но и не собирался давать ей более четких указаний, чем те, что она уже получила.

Алара полетела на восток, назад, к Логову, и ее раздражения оказалось более чем достаточно, чтобы согревать драконицу на всем долгом пути.

Глава 16

Это было очень странное чувство — ходить не на четырех ногах, а на двух, но Кеман уже привык.

А вот к чему он привыкнуть никак не мог, так это к двуногим. «Люди», — напомнил он себе. Это — люди. А не двуногие. Но как их ни назови, а они были повсюду, куда бы Кеман ни шел.

Город был настолько забит ими, что напоминал гигантский муравейник. Да и ощущения он вызывал те же самые, что и муравейник: теснота, толпы, все куда-то зачем-то бегут... А вот эльфы здорово смахивали на трутней. Вид у них был холеный и избалованный, причем им для этого не приходилось прилагать особых усилий. Даже самые незнатные из эльфов держали хотя бы по нескольку человек прислуги, а в большинстве эльфийских домов рабов-слуг было не несколько, а очень много. Люди были дешевы, плодовиты и исправно размножались.

Кеман посмотрел из окна третьего этажа на толпу, заполонившую улицу, и попытался убедить себя, что стоящая перед ним задача не настолько уж невыполнима. Бывали моменты, когда Кемана охватывали сомнения. А иногда ему просто хотелось все бросить и сбежать домой, к матери.

Он прибыл в этот город под видом юного эльфийского лорда, у которого довольно магии, чтобы к нему относились с уважением, но недостаточно, чтобы его могли посчитать источником угрозы или вообще найти в нем что-либо интересное. Но к тому моменту, как Кеман добрался до города — кружным путем, чтобы сбить со следа всех возможных преследователей, — уже наступила осень, и Шана давно куда-то исчезла.

Кеман обнаружил, что город гудит от слухов и кишит шпионами всех самых значительных эльфийских лордов, о которых ему только доводилось слышать от матери. Ни в одной гостинице не было свободных мест, так что Кеман не смог бы туда попасть, даже если бы у него были деньги, а если бы он принял облик человека из числа приближенных, это слишком бы ограничило его возможность перемещаться по городу. Пару дней Кеман бродил по улицам, на ночь покидая город, чтобы поохотиться, и пытался отыскать способ проникнуть в общество тех, кто мог что-то знать.

А еще он пытался, что было не менее важно, отыскать себе жилье — хотя бы временное.

Кеман уже отчаялся отыскать место, где можно было бы жить. В конце концов он решил рискнуть и действовать, как настоящий эльфийский лорд. К его изумлению, это сработало. Кеман нашел себе жилье в городском доме лорда Алинора — просто явился и заявил, что его сюда прислали. Он не смог бы в случае чего толком объяснить, кто и зачем его прислал, но никто не осмелился его расспрашивать. Эльфийские вассалы лорда Алинора были слишком заняты, чтобы интересоваться такой мелочью, как присутствие или отсутствие какого-то мальчишки, а люди-приближенные полагали, что эльфы знают, что делают.

Кеман получил маленькую комнату — по крайней мере, маленькую по его понятиям, — с окнами на улицу. Благодаря ей он быстро определил свой личный статус. Этот статус был слишком высок, чтобы селить юнца вместе со слугами, но недостаточно высок, чтобы давать ему жилье на первом или втором этаже. Здесь хватало и других молодых эльфийских лордов кроме Кемана, и, похоже, большая их часть не слишком утруждала себя работой.

Кеман целыми днями бродил по городу в эльфийском или человеческом облике, слушал любого, кто желал с ним разговаривать, покупал выпивку любителям поболтать, старался наладить отношения со своими ровесниками, проживающими в доме лорда Алинора, время от времени играл в азартные игры и всегда выигрывал, но никогда не садился играть дважды с одним и тем же партнером — считал, что это будет уже чересчур. Еще работая с Шаной, Кеман выяснил, что драконья магия не подходит для того, чтобы швыряться камнями, но зато при ее

помощи вполне можно влиять на игральные кости и бабки. Для первых ставок он использовал несколько драгоценных камней из своей сокровищницы. Теперь же у Кемана было достаточно денег, чтобы выставлять угощение приближенным слугам и незнатным эльфам, которые вроде бы могли располагать определенными сведениями, и составлять компанию другим молодым эльфам, которые отправлялись куда-нибудь поразвлечься.

Обычно еще до того, как вечеринка заканчивалась, Кеман успевал отыграть все, что тратил на угощение своих спутников. Нынешний его облик имел определенные преимущества — никому и в голову не приходило, что Кеман может мошенничать, настолько юным и желторотым он выглядел. Кроме того, эльфийская магия попросту не была приспособлена для таких фокусов. А любой эльф, магия которого была достаточно сильна, чтобы позволить манипулировать игральными костями, просто не нуждался в таком мелком мошенничестве.

Недели через две Кеман уже мог бы перебраться в гостиницу — но они по-прежнему были переполнены и забиты тайными агентами, как людьми, так и эльфами, наблюдавшими за всеми подозрительными соседями. А Кеман был отчаянно заинтересован в том, чтобы остаться незамеченным. Среди этих агентов вполне могли оказаться другие драконы в измененном облике. Если они узнают, кто такой Кеман, то могут изловить его и отправить домой, к Аларе.

За последние несколько недель он собрал довольно много слухов. Большая их часть касалась Шаны, но ни один из них не указывал, где же теперь ее искать.

Да и вообще история получалась странная. Приближенный слуга лорда Дирана купил Шану на торгах. Он заплатил золотом лорда, и представители других эльфийских лордов узнали этого человека.

Но потом этот же самый человек, задыхаясь, примчался к закрытию торгов. Он был настолько разъярен, насколько это было дозволено для приближенного, и клялся, что не покупал девчонку. Он клялся, что в это время спал у себя в комнате, в городском доме своего лорда. Кто-то из здешних рабов лорда нашел его распростершимся на полу. Его разбудили, и он тут же отправился на торги — и лишь затем, чтобы узнать, что девчонка исчезла и что якобы он же ее и купил!

Общественное мнение сходилось на том, что приближенный вроде бы не врал. Это могло значить только одно: приближенного околдовали и под его видом на аукцион приходил кто-то

другой. Но кто же купил девчонку? И — этот вопрос волновал Кемана даже сильнее — зачем?

Кеман был совершенно уверен, что Шану увели не вассалы лорда Дирана — хотя ходили и такие слухи. Если бы это соответствовало действительности, упустивший девочку приближенный исчез бы, и о нем бы больше никто никогда не услышал. А тот, кто на самом деле купил Шану, поднялся бы по служебной лестнице. Вместо этого приближенного допросили и понизили в должности, но при этом он по-прежнему был жив и находился на службе у лорда Дирана. И никаких перестановок среди управляющих при поместье лорда Дирана пока что не произошло.

Так утверждал самый надежный источник Кемана, один молодой эльфийский лорд, циничный и недовольный собственным отцом. А ведь у него, пожалуй, вполне могли бы существовать определенные идеалы, если бы только он не видел постоянно, что честь, верность и правда служат окружающим не более чем разменными монетами. По крайней мере, так казалось Кеману. Во всяком случае, молодой эльф много говорил о таких вещах — но при этом относился к людям-рабам, словно к животным, не имеющим чувств.

Кеман со вздохом отвернулся от окна, улегся на кровать и задумался.

Самым важным, что удалось раздобыть Кеману за это время, был небольшой листок бумаги, лежавший сейчас у него под подушкой. Его приятель получил это от агентов своего отца и, прежде чем передать сведения лорду Алинору, сделал копию для Кемана. Это было главной задачей В'дерна Ириделана ан-лорда Кедриса — получать определенную информацию и передавать ее союзникам своего отца. Он проделывал это раз в четыре-пять недель, а остальное время тратил на собственные удовольствия. Про себя Кеман думал, что обходиться так с юношей вроде Ириделана довольно неразумно. Но этот его знакомый был одним из немногих эльфийских лордов, имевших старшего брата — эл-лорда, который, соответственно, и являлся наследником. Следовательно, для заключения брачного союза Ириделан не годился — разве что его отец сумеет отыскать семейство, в котором есть одни лишь дочери. А участвовать в управлении поместьем Ириделану не позволяли, поскольку его старший брат слишком ревниво оберегал свои привилегии.

Кеман испытывал смутную жалость к этому юноше. В судьбе Ириделана было нечто очень печальное. Ириделан был весьма неглуп и обладал неплохими задатками — но при этом ему нечего было делать. Даже трутень — настоящий, летучий, — приносил какую-то пользу, а Ириделан — никакой. Кажется, юноша чувствовал, насколько никчемна его жизнь, но понятия не имел, как можно ее изменить. Кеман убедил Ириделана, что у него тоже неприятности с родителями и что ему просто необходимо проявить инициативу — например, выследить дикарку, о которой все только и говорят, — иначе его сдадут на воспитание тетке, на редкость отвратительной особе. Кеман позаимствовал эту идею из какой-то книжки, которую Алара притащила домой из очередного путешествия специально, чтобы учить сына читать.

Кеман покопался под подушкой и вытянул листок бумаги, хотя он и так уже наизусть знал, что там написано.

«Найденный при девочке ошейник помечен гербом лорда Дирана. Данный ошейник является ошейником наложницы. Последним его носила рабыня Серина Даэт. Ее приговорили к смерти за то, что она носила ребенка-полукровку, но она успела бежать в пустыню. Предполагается, что рабыня умерла. Девочка ни разу не упомянула о Серине, потому логично будет предположить, что ошейник она нашла».

Всего несколько фраз, и так много важных сведений.

Кеман давно уже расстался со своими фантазиями о том, что Шана на самом деле принадлежит к Народу. Но прежде он не знал, что она — полукровка.

— Мать — человеческая женщина, а отец — эльфийский лорд. Сказочка, — сказал ему вчера вечером Ири, изрядно подвыпив. — Точно так же, как и рассказы о «драконьей коже», которую носила девчонка. Полукровки — это миф. Говорят, они развязали Войну Волшебников. Это ж чистая смерть — позволять людям скрещиваться с эльфийскими лордами. Ну да, Война Волшебников была. Тогда погибло три четверти лучших магов. Только я думаю, что полукровки тут ни при чем. Послушать, так они были просто потрясающими магами. — Эта мысль заставила Ириделана презрительно фыркнуть. — Если у рабов нету магии, а которая есть, глушат ошейники, и если даже маги вроде Дирана не могут родить ребенка, который сравнялся бы с ними по силе, так откуда ж у этих полукровок могло взяться столько магии, чтоб чуть не разогнать нас всех?

— Но Война Волшебников... — начал было Кеман.

— Нянькины сказки. Плетут всякий бред, чтоб скрыть, что на самом деле творилось. Я тебе вот что скажу: я думаю, что в Войне Волшебников на обеих сторонах было полно лордов. Может, полукровки там вовсе ни при чем были. Скорее всего с одной стороны там была компания приятелей, которые заморились все время сидеть на дне. А победители приплели сюда полукровок, чтобы их наследникам не взбрело в голову чего подобного, — Ири взмахнул кубком и расплескал вино. — Слушай, что я тебе скажу — Высшие лорды вполне могли бы понемногу допускать молодых в Совет! Они допрыгаются до новой встряски!

И Ириделан сел на любимого конька — принялся рассуждать о том, как старики угнетают молодежь, как сильные угнетают слабых, и как все было бы хорошо, если бы эльфийские лорды были лордами не только по названию и делили все поровну, не глядя, кто там сильный маг, а кто слабый. Кеман с трудом удержался, чтобы не спросить: «А как же люди?» Он по опыту знал, что Ири посмотрит на него так, словно Кеман спросил: «А как же двуроги?» Когда Ириделан разглагольствовал о равенстве, он имел в виду равенство эльфов-мужчин. Женщины существовали лишь для того, чтобы их холить и лелеять. А люди — те просто домашний скот.

Но все разговоры о полукровках и известие о смертном приговоре навели Кемана на мысль, что стоило бы порыскать в библиотеке городского дома, где сейчас проживали они с Ириделаном. Теперь Кеман точно знал, какая опасность грозила Шане. Кроме того, он чуть больше узнал о Войне Волшебников и Пророчестве о Проклятии эльфов.

Шана была полукровкой, дочерью Дирана и его наложницы. И те, кто пытался прибрать ее к рукам, как минимум подозревали, кто она такая. Кеман понятия не имел, где Шана ухитрилась отыскать ошейник своей матери, но, видимо, именно поэтому он и не мог тогда поговорить с ней мысленно. Всего-навсего еще одно неудачное совпадение... Если бы Шана не нашла этот ошейник, скорее всего никто бы даже не заподозрил, кто она. А из-за ошейника кто-то вспомнил о такой возможности.

Настоящие фанатики попытаются убить ее, как только увидят, за то лишь, что она может оказаться полукровкой. Лорды вроде Дирана наверняка постараются заполучить Шану, чтобы выведать секрет драконьей шкуры, а потом уже убить.

Единственное, что внушало Кеману надежду, так это тот факт, что никто пока что не принялся хвастаться «секретом драконьей шкуры». И что в городе до сих пор спорили, кто же увез дикарку...

Судя по всему, это вполне могли быть драконы из какого-то другого Логова.

Внезапно Кеман решил, что тут ему больше делать нечего, и разорвал листок бумаги на мелкие клочки. Пора отсюда убираться, пока его не разоблачили. Может, за пределами города ему повезет больше.

Кеману не нужно было собирать вещи: все, что нужно, и так было при нем. Все, что от него требовалось, это выйти отсюда и решить, куда двигаться дальше.

«В поместье Дирана», — решил Кеман, подхватив плащ и закрыв за собой дверь гостевой комнаты. Наверняка Шану должны были увезти туда. Может, ему удастся что-нибудь выяснить по дороге.

В конце концов, не могла же она провалиться сквозь землю!

В'касс Валин эл-лорд Хэрнальт, наследник огромных владений своего отца, лорда Дирана, сидел в своем кресле неподвижно, словно мраморная статуя. В отделанном алым шелком кабинете было тихо, словно в склепе. Черная мебель с кроваво-красной обивкой, алые драпировки, белые стены, рамы из резного оникса, холодного и неумолимого, как гнев Дирана.

А вчера кабинет был зеленым — нефритово-зеленым, в точности, как глаза Дирана...

«Очевидно, лорд-отец в дурном настроении. И похоже, именно из-за меня». У лорда Дирана что-то пошло не так — и именно Валину предстояло принять на себя основной удар его неудовольствия. Валин сжал губы, стараясь не выказывать раздражения, и принялся ждать.

— Я недоволен тобой, В'касс Валин, — произнес лорд Диран после долгого молчания, предназначенного для устрашения отпрыска, сбившегося с пути истинного. Эти игры давно уже были знакомы Валину. — Я очень тобою недоволен.

— Мне очень жаль, мой лорд, — пробормотал Валин, склонив голову. Он надеялся, что достаточно убедительно изображает раскаяние. «Мне очень жаль, что я не смог спрятать куда-нибудь Тень прежде, чем ты принялся за него. И еще сильнее я жалею о своей молодости, которая пока что мешает мне бросить тебе вызов». Когда-нибудь он непременно навяжет

своему отцу магический поединок — тогда, когда тот менее всего будет этого ожидать. Диран пока что не знал этого, но Валин превосходил его по уровню магической силы. Правда, Диран располагал преимуществом, которого не было у Валина, — богатым жизненным опытом. Он знал толк в хитрости и предательстве.

— Сожаления недостаточно, В'касс Валин, — Диран встал. Сила облекала его, словно плащ, создавая вокруг фигуры лорда легкий сияющий ореол. Впрочем, этот трюк на Валина не действовал. Юноша слишком часто с ним сталкивался.

Да он и сам мог светиться, если хотел. Детский фокус. Валин ему научился, едва выбравшись из колыбели. Видят предки, он это отработал еще на няньках.

— Нет, его не просто недостаточно, — Диран обошел черный ониксовый стол и встал прямо перед сыном, так, что Валину пришлось смотреть на него снизу вверх. — Тебе придется пожалеть об этом еще сильнее. Что бы я ни говорил, что бы ни делал, но мне так и не удалось объяснить тебе, что люди не стоят того времени и усилий, которые ты на них тратишь, — не стоят и никогда не будут стоить. Они — всего лишь рабочие инструменты, Валин. И только. Исключительно умные орудия, но не более того. Они даже о себе не могут позаботиться, если кто-нибудь из нас не говорит им, что нужно делать.

Да, в это Валин не верил, поскольку читал исторические книги. Он знал правду и знал, что они с отцом лгут друг другу. Люди создали процветающую цивилизацию и высокую культуру. А эльфийские лорды уничтожили ее — просто стерли с лица земли, так что люди даже не знали теперь имен своих прежних богов.

Диран нахмурился. Валин выдержал его недовольный взгляд, даже не поморщившись.

— Ты слишком сильно привязался к своему любимцу, Валин, и мне это не нравится. Ты уже взрослый. Тебе пора увидеть, каков мир на самом деле, и узнать, какими бывают эти животные, если их не выдрессировать как следует.

Для этого разговора с сыном Диран выбрал золото. Из-за сияющей ауры и горящих в этом сиянии золотых одежд на лорда просто невозможно было взглянуть. Насколько понимал Валин, именно этого его отец и добивался.

— И что же, отец? — откликнулся Валин, поскольку Диран явно ждал какого-то ответа.

— Я отправляю тебя на воспитание к В'касс Чейнару сур Трентилю, — отрезал Диран, развернулся и направился на прежнее место. — Не знаю, помнишь ли ты его. Он разводит обычных рабов. Полагаю, там ты досыта на них насмотришься и сумеешь выработать правильное отношение к ним. Ты думаешь, что знаешь людей. Но на самом деле ты знаешь лишь тех, кто достаточно умен, чтобы из них можно было подготовить домашнюю прислугу, — а таких немного. Стоит тебе хоть раз столкнуться с кем-нибудь из этих животных поближе, и ты увидишь, что я был прав, когда говорил о всем их племени.

Валин изо всех сил старался скрыть страх. Лорд Чейнар пару раз посещал поместье, и каждый раз за ним тянулся весьма своеобразный след — изуродованные тела и искалеченные мозги. Хотя Чейнар составил себе состояние на разведении рабов-разнорабочих, к людям он относился с презрением, переходящим в ненависть. «Дай ему возможность, и он перебил бы всех людей, до которых только дотянулся бы...»

— А Тень? — тихо спросил юноша.

— Останется здесь. И хватит о нем, Валин. Его я отправляю к моему старшему надсмотрщику, Пеледену, чтобы мальчишка знал свое место.

К Пеледену, известному своим пристрастием к красивым мальчикам. О Предки! Тень станет сопротивляться — но Пеледен только получит от этого дополнительное удовольствие... и еще большее удовольствие он получит, наказывая парня за сопротивление. Заслышав такую новость, Валин уже не смог скрыть страха — и тут же вспыхнул от гнева, увидев, как это позабавило его отца.

Диран широко улыбнулся.

— Иди собирайся, Валин. Я желаю, чтобы ты как можно скорее отправился в путь. И лучше предупреди своего любимчика, что, если он не желает снова быть наказанным, пускай беспрекословно выполняет все желания Пеледена, — и Диран занялся какими-то бумагами, лежавшими на столе, тем самым недвусмысленно давая своему сыну и наследнику понять, что тот может идти.

Валин поднялся, медленно и изящно — изяществом он не уступал отцу, — и поспешил выйти из кабинета... пока он не сорвался и не попытался придушить старого ублюдка.

Юноша прикрыл за собой дверь кабинета и поспешил к своим покоям, где его ждал Меро Дженнер. Его «любимчик», как выражался Диран, и личный слуга. Его единственный друг во

всем этом доме. Единственное существо, которому Валин мог доверять.

И — что было самым опасным — его двоюродный брат, полукровка.

О чем не знал никто, кроме самого Меро, его матери и Валина.

Все это произошло благодаря странному стечению обстоятельств. Когда Валину было лет пять, одной из наложниц Дирана, Делии Дженнер, перестали давать противозачаточные снадобья, поскольку ее готовили для спаривания с одним из гладиаторов. Совершенно нормальная процедура. Ничего необычного в этом не было.

Если не считать того факта, что во время одной из частых отлучек Дирана — Делия в это время все еще находилась в гареме — в поместье на недельку наведался его брат, В'касс Тревес сур Хэрнальт. Тревес никогда не появлялся здесь в присутствии Дирана. Одна из причин, по которым семью возглавлял Диран, а не его старший брат, Тревес, заключалась в том, что Диран всегда был исключительно честолюбив. А Тревес — нет. Диран искал власти, а Тревес — удовольствий, и когда он не находил, чем поразвлечься среди своей немногочисленной собственности, то иногда пасся в более обширных охотничьих угодьях своего брата. Хрупкая темноволосая красавица Делия произвела на него неизгладимое впечатление, и всю ту неделю, что Тревес прогостил здесь, он каждую ночь вызывал Делию к себе.

Тревес уехал еще до того, как его брат вернулся домой; он всегда так делал. Делию отправили к гладиаторам, и в должный срок она произвела на свет первого своего отпрыска. Ровно через девять месяцев после первого спаривания.

Ребенок был таким же хрупким и темноволосым, как мать, но у него были заостренные ушки, белая кожа и глаза, зеленые, словно молодая листва.

К счастью, повивальная бабка была подслеповатой и не заметила этих признаков, изобличавших в ребенке полукровку.

Каким-то образом — Валин не уставал удивляться мужеству и смелости Делии — мать ухитрялась прятать сына до тех пор, пока ему не исполнилось одиннадцать лет. Она использовала множество уловок — когда рядом появлялись надсмотрщики, она заставляла младенца плакать так, чтобы у него опухали уши. Она причесывала ребенка так, чтобы уши были скрыты под волосами. Она убедила надсмотрщиков, что у Меро какая-то детская болезнь, и старалась держать его в полутемной комнате. Потом, когда мальчик подрос, Делия приучила его

всегда держать глаза опущенными, научила прятать уши и почаще бывать на солнце — в конце концов Меро начал напоминать статуэтку из обожженной глины. Но в конце концов приблизился день, которого Делия уже не могла оттянуть, — Меро должны были надеть ошейник. А Делия знала, что когда надсмотрщики хорошенько рассмотрят Меро, и ее и мальчика ждет смерть.

И тогда Делия решилась на неслыханную дерзость. Она тайком пробралась вместе с Меро в покои Валина и рассказала юноше обо всем.

О том, что Валин с сочувствием относится к бедственному положению рабов и приближенных своего отца, известно было давно. С тех самых пор, как он осознал их воистину бедственное положение, Валин часто пытался избавить их от побоев и других наказаний. Он даже как-то вступился за Делию и избавил ее от объятий особенно грубого гладиатора (правда, сам Валин уже успел позабыть об этом случае). Возможно, Валин сделался таким чувствительным потому, что вынянчили его человеческие женщины. А может, это его первые учителя — тоже люди — заставили мальчика осознать, что они — равные ему разумные существа, а не дрессированные животные, как пытался утверждать его отец. А возможно, разгадка заключалась в том, что Валину, в отличие от многих его соплеменников, чужие страдания не доставляли ни малейшего удовольствия. Напротив, сама идея наслаждаться этим казалась ему отвратительной. И как только Валин стал достаточно взрослым, чтобы использовать свою хитрость и силу для защиты людей, он не преминул этим воспользоваться. Мальчик знал, что люди благодарны ему, но Валину и в голову не приходило, что они настолько ему доверяют. Делия взывала к его благородству и его состраданию, и Валин не устоял. Той же ночью, воспользовавшись отсутствием отца, молодой лорд заявил, что забирает себе этого мальчишку в личные слуги. Надсмотрщик, не видя необходимости вмешиваться в столь незначительное дело, без малейших колебаний согласился. Валин сам сделал ошейник для Меро — но замыкающий его берилл вместо того, чтобы нейтрализовать растущую магию мальчика, поддерживал иллюзию, позволявшую Меро выглядеть обычным человеком.

Последние пять лет Меро неотлучно находился при Валине, так что сперва люди-рабы, а потом и некоторые из эльфов начали называть его «Тенью Валина». Теперь же и вовсе мало кто

помнил его настоящее имя. Диран вообще знал мальчишку исключительно как Тень.

Перед дверью, ведущей в его покои, Валин замешкался. Ему предстояло взглянуть в лицо своей Тени и сообщить Меро, что их разлучают и что его отправляют к надсмотрщику, превосходящему жестокостью даже главу клана. И если он не хочет, чтобы Меро выкинул что-нибудь такое, за что его убьют, ему нужно придумать какой-то выход из этой ситуации и перехитрить лорда Дирана...

Меро лежал ничком на своей кровати. После ударов, нанесенных лордом Дираном, его спина представляла из себя кровавое месиво. И когда юношу принесли сюда, он поклялся, что никогда больше не подвергнется такому наказанию.

Валин лихорадочно соображал. Может, как-нибудь подменить слугу из приближенных, которого ему дадут в дорогу, и взять Меро вместо него? Кого-то с ним непременно должны послать. Не может такого быть, чтобы его отец доверил своего сына и наследника заботам приближенного, не прошедшего обучение в доме Дирана, — пускай даже он отправляет Валина к одному из своих старинных союзников.

Но все здесь слишком хорошо знают Тень...

А вот и ответ. Здесь Тень знают все. Но по пути им не раз придется где-то останавливаться.

Валину было приказано проводить время и искать приюта исключительно в домах вассалов или союзников лорда Дирана. Вот там-то, в доме, где никто не знает Тень, и можно произвести подмену. Предположим, его слуга заболеет, и Валину придется отослать его, и взять себе другого...

Когда Валин открыл дверь, в голове у него уже сложился подходящий план.

Диран закончил разговор с лордом Чейнаром и мановением руки развеял заклинание дальней связи. Изображение хмурого лица поблекло, и вскоре со сверкающей крышки стола на Дирана смотрело лишь его собственное отражение. Диран со вздохом потер переносицу. Этот разговор потребовал у него куда больше магической энергии, чем обычно уходило в подобных случаях. Диран чувствовал себя уставшим и опустошенным, и сейчас ему больше всего хотелось уединиться в гареме для заслуженного отдыха. Это послание было последней формальностью, требовавшейся для того, чтобы отправить сына на воспитание. Теперь можно выбросить и мальчишку, и весь этот случай из головы.

Но Дирану никак не удавалось этого сделать. Произошедший инцидент необъяснимо и совершенно беспричинно вызывал у него глубокое раздражение.

Одним взмахом руки Диран сделал освещение послабее, вторым — зажег успокаивающие благовония и уставился на свое расплывчатое отражение. Очень жаль, что он в свое время не наблюдал за мальчишкой повнимательнее и не воспитывал его посуровее. Где только тот набрался этих странных идей о том, как следует обращаться с людьми? Ясно лишь одно — почерпнул он их не от отца. Ведь были же когда-то у него рабы, наделенные магической силой! Чертовски жаль, что они сломались от наложенных на них сдерживающих заклинаний. Если бы у него был сейчас под рукой такой раб, он мог бы заглянуть в мысли Валина или даже изменить их. Но увы. При всей их полезности эти инструменты чересчур опасны. Он сам сделал все, что мог, чтобы уничтожить их, и всегда приказывал своим людям следить, чтобы и другие лорды их не использовали.

Там, где существовали рабы, обладающие магической силой, всегда существовала опасность, что на свет появится полукровка — а это уже могло обернуться настоящим бедствием. Сколько-нибудь реальных способов сдерживать силу полукровок и держать их под контролем просто не существует. Рано или поздно, но они разрушат любое принуждение и любую иллюзию.

А затем выступят против своих хозяев — в этом не может быть ни малейшего сомнения.

Невероятная сила полукровок давала им такие преимущества, которыми обладали лишь считаные эльфы. Гнев и отвращение, захлестнувшие Дирана при мысли о полукровках, проникли в самое сердце лорда и разрушили его обычную невозмутимость. Одна лишь мысль о них причиняла ему почти что физическую боль. Подлые создания, исподтишка забирающиеся в сознание своих жертв! Обладателей столь омерзительных способностей следует навсегда стереть с лица земли!..

Диран с заметным усилием сдержал разгорающийся гнев и вернулся к размышлениям о собственном сыне. Точнее, о привязанности мальчика к своему «ручному» человеку.

В значительной степени Диран и сам в этом виноват. Если бы он больше занимался сыном, то смог бы вовремя пресечь эту сентиментальную привязанность к человеку и воспитать в Валине правильное отношение к рабам.

«Рабы существуют для того, чтобы служить. Они делают то, что им скажут, и никак иначе. Они не могут не повиноваться приказу».

Теперь уже поздно. Он, Диран, совершил серьезную ошибку, доверив воспитание сына другим. До последнего времени ему и в голову не приходило, что у Валина может быть собственная воля. Он всегда рассматривал мальчика как некое продолжение себя самого. Точнее говоря, он вообще мало об этом думал. Но он был занят — он собирал силы. Сейчас ему пришлось на время забросить все дела, чтобы передать мальчика в руки того, кто сможет позаботиться о его воспитании. Сам он по-прежнему занят. Планы, составленные им в конце Войны Волшебников, только сейчас начали приносить плоды. Нет, у него не было другого выхода. Возможно, недостатки в воспитании Валина действительно обусловлены тем, что он мало занимался сыном. Но возможна и другая причина: скверная наследственность по материнской линии. До того несчастного случая она была весьма сентиментальным ребенком, и Дирану часто казалось, что часть этой мягкости она унаследовала от своего отца.

На миг Дирана охватил приступ слабости. Его глаза увлажнились, а собственное отражение на долю секунды показалось ему тусклым и расплывчатым. Диран даже подумал, не достать ли ему один из тех предметов, в которых он хранил запас силы на крайний случай, но отказался от этой идеи. Это не крайний случай, а временная слабость, и не более того. Ночи отдыха будет вполне достаточно, чтобы исцелиться.

Собственно, ничего серьезного ведь не произошло. Просто собственный сын слишком сильно рассердил его и заставил чересчур расточительно использовать магическую энергию.

Не следовало позволять Валину в таком раннем возрасте заводить ручное животное — или, на крайний случай, нужно было подарить мальчику коня или собаку. Дети совершенно безрассудно привязываются к своим любимцам. В результате у мальчика сформировалось совершенно искаженное представление о сущности людей.

Диран потер виски, чувствуя, как прямо под его пальцами разгорается острая боль. Но в целом-то весь этот кризис — сущий пустяк...

Лорд не мог теперь даже припомнить, чем же этот раб настолько рассердил его. Да это и не имело значения. Это был раб.

А рабов следует время от времени бить, чтобы они знали свое место.

Возможно, этот случай был неважен; а вот реакция Валина на него — очень даже важна.

«Он осмелился противоречить мне». Щенок поклялся, что если отец еще раз прикоснется к его рабу — он так и сказал: его! — то пожалеет об этом. Диран снова вспомнил эту ссору и слегка приподнял уголок рта. В общем, это еще не беда. Благодаря этому он выяснил кое-что новенькое: что у Валина есть собственное мнение и что у мальчика достаточно силы духа, чтобы отстаивать это мнение. Что ж, хоть что-то мальчик унаследовал от Дирана. Собственный отец Дирана впервые узнал, чего стоит решение его сына, когда были установлены первые Врата.

«Интересно, жалеет ли он, что не пошел за мной через Врата? Да и вообще — жив ли он? Эвелон — не слишком гостеприимный край. По крайней мере, именно таким он был, когда я покинул его...»

Что же касается этого Мира, теперь он достаточно гостеприимен. Мало кто из эльфов понимает, как близки они были к тому, чтобы потерять его. Эти люди...

Мысли Дирана снова вернулись к сыну.

Ну что ж, если заняться перевоспитанием как следует, мальчик наверняка научится воспринимать мир таким, каков он есть на самом деле, а не таким, каким его хочется видеть. И, возможно, в конце концов он еще поблагодарит отца за то, что эльфы теперь находятся здесь, а не в Эвелоне.

Диран мысленно пробежался по списку дел. Валин получил все приказания. Пусть соберет свои вещи и возьмет одного слугу. Да, и прихватит охотничьих птиц. Останавливаться по пути ему следует только у вассалов и союзников. И никаких походных стоянок, о которых он болтал!

Если что-то и не укладывалось в голове у Дирана, так это стремление к примитивному образу жизни, к единению с природой, и он всем сердцем восставал против таких причуд. Такая тяга к приключениям опасна, даже на землях собственного клана. Валин несет в себе кровь их рода, и пора бы ему это осознать. На самом деле мальчишке давно пора научиться хоть какой-то ответственности.

Кажется, все улажено. Включая и тщательно подобранную кандидатуру Чейнара. Диран снова чуть дернул уголком губ. «Никогда ничего не делай, исходя лишь из одной причины».

Именно это правило и принесло ему власть и богатство. Да, Чейнар был настоящим фанатиком, когда речь заходила о людях. Но кроме того, он был союзником, через которого Диран намеревался узнать, что стоит за всеми этими слухами о драконах и драконьей шкуре.

Чейнар упустил девчонку, но у него остался кусок шкуры. По крайней мере, так он говорит. Валин может проверить оба эти утверждения. А Чейнар не присылал никаких донесений после того, как сообщил о своей промашке и успехе. Возможно, ему действительно не о чем сообщать. А может, он предпочитает придержать какие-то сведения. Может, он действует в собственных интересах. А может, и еще в чьих-то...

Как обычно, вариантов может быть много. Но когда Валин будет находиться там, мальчик не только получит необходимое воспитание, но и сможет присмотреть за Чейнаром, и выяснить, какую роль он играет во всей этой истории. Диран достаточно хорошо знал своего сына, чтобы не сомневаться: Валин сумеет задать нужные вопросы и получить ответы на них. А он сам достаточно хорошо знал Чейнара, чтобы вычислить, что кроется за этими ответами.

Да, все улажено. Даже передача любимчика в общие бараки. Это Диран устроил не без задней мысли. Угроза такого перевода даст ему больше возможностей управлять Валином, чем сам перевод.

Диран вздохнул. Да, он справился со своими обязанностями и обо всем позаботился. Теперь можно вверить себя умелым рукам своих наложниц: пусть помассируют голову и снимут эту чудовищную боль.

Лорд отодвинулся от стола и встал. При этом его движении комнату снова залил яркий свет. Диран быстрым шагом пересек кабинет и направился к двери, ведущей в гарем.

Пора отдохнуть и расслабиться.

В конце концов он это заслужил. У него сегодня выдался напряженный рабочий день.

Валин достал из шкафа Меро чистую ливрею и иронически усмехнулся, представив себе, как бы позеленел отец, увидев, что его сын прислуживает человеку.

Меро кое-как поднялся с кровати, ругаясь сквозь зубы.

— Ты сможешь ехать верхом? — обеспокоенно спросил Валин.

Меро перевязали и обработали раны лучшими лекарствами, какие только нашлись в поместье, но должно было пройти несколько дней, чтобы раны поджили, и нужен был по меньшей мере день, чтобы боль утихла.

— А что, у меня есть выбор? — все так же сквозь зубы поинтересовался Меро. — Или я еду, или отправляюсь к этому... — Валин предупреждающе вскинул руку, и Меро умолк.

На всякий случай Валин решил напомнить Меро об осторожности.

«Никогда нельзя точно знать, не подслушивают ли тебя», — подумал он как можно отчетливее. Валин знал, что Тень способен «слышать» его мысли. Этот талант прорезался у него два года назад, и Меро постоянно совершенствовал его.

Меро согласно кивнул.

— Я даже не знаю, что сказать, Тень, — сказал Валин, а про себя подумал: «Я буду изо всех сил оттягивать отъезд. Надеюсь, пару дней я смогу отыграть. За это время тебе должно полегчать. Но ты уверен, что они поверят, будто ты и вправду боец, проходящий обучение?»

— Я все понимаю, — смиренно откликнулся Меро. Но при этом пальцы его быстро сплетались в фигурах языка жестов, который они с Валином разработали как раз для таких случаев. А по сосредоточенному выражению его лица было ясно, что Меро выискивает возможных нежелательных слушателей.

«Они поверят во все, что ты напишешь. И я видел кое-кого из убийц на службе у твоего отца. Они не старше меня. Можешь не беспокоиться — я сумею их убедить. Ты лучше подумай, как обеспечить мне пару дней, чтобы они устали от моего присутствия и занервничали. Мне надо доказать им, что они и сами очень хотят расстаться со мной. Но если я буду вести себя слишком противно, меня могут еще раз избить. А чтобы не нарываться и довести их постепенно, мне требуется время».

— Мне страшно не хочется расставаться с тобой.

Это была чистая правда. Валин очень беспокоился о Меро. По пути с ним могли произойти десятки разнообразнейших неприятностей. Например, Тень вполне мог потерять сознание и свалиться с лошади. Он был сейчас не в том состоянии, чтобы ездить верхом, — а ехать нужно было быстро.

— Я и сам волнуюсь. Но ты же сказал, что это приказ лорда Дирана. А его приказы лучше выполнять незамедлительно. Надо показать, что я готов повиноваться. Может, это поможет загладить те полосы, которые я теперь ношу.

Валин придумал эту историю, чтобы объяснить отсутствие Меро: дескать, он, как послушный сын, принял распоряжения отца близко к сердцу и немедленно отослал Меро, куда было указано.

Когда Меро не прибудет на место назначения, тогда его могут начать искать — а могут и не начать. Если начнут, то найдут лошадь без всадника, но со всем имуществом в седельных сумках. Тогда наверняка решат, что Меро и вправду потерял сознание и где-то свалился с лошади. Никому ведь и в голову не придет, что раб решится на побег и при этом бросит такое ценное имущество, как лошадь. Хотя пределы поместья патрулировались, там все равно встречались дикие животные, с которыми стоило считаться. Иногда на территорию поместья устраивали налеты дикие люди или лорды — соперники Дирана, а иногда забирались стаи одичавших собак. Если тело не удастся найти, никого это особо не заинтересует. Рабом больше, рабом меньше — в масштабах поместья это не имеет особого значения, даже если это такой раб, как Меро.

А с точки зрения Дирана это будет означать, что проблема решена. Если он вообще обратит внимание на это исчезновение, то только обрадуется.

На самом же деле Меро поедет по маршруту, который Валин разведал сегодня утром. Меро доедет до границы поместья, а Валин тем временем будет бездельничать. Когда же Меро доберется до имения старого лорда Сейнаора, эльфа, надзирающего за одной из огромных ферм Дирана, он отпустит коня, представится надсмотрщику и передаст ему бумажку, написанную Валином, но с печатью Дирана. Там будет сказано, что Меро — раб для «особых» поручений и что он прислан сюда «на время излечения от полученных ран». Лорд Сейнаор не будет знать, что и думать. Диран никогда прежде не присылал к нему людей на излечение — но Диран непредсказуем. Может, он захотел таким образом проверить преданность своего вассала — посмотреть, станет ли Сейнаор выполнять такое необычное задание. Может, этого человека прислали сюда в качестве угрозы. Может, в качестве шпиона. А может, он выздоравливает после неудавшегося или отчасти неудавшегося покушения на какого-то другого вассала, и Диран решил, что лучше не держать его сейчас на виду.

Когда Валин будет подъезжать к этому имению, он воспользуется своей магией — и своими знаниями о травах, почерпнутыми у Делии, — и сделает так, чтобы его телохранитель-приближенный серьезно заболел. Добравшись же до имения, он увидит там Меро и потребует, чтобы он заменил его заболевшего слугу.

Наполовину этот план принадлежал Валину, а наполовину — Меро. Валин сообразил, что заменить своего слугу на Меро нужно в таком месте, где их никто не знает. А Меро придумал, как это можно устроить.

«Знаешь, а ты ведь можешь быть по-настоящему опасен, если тебе дать хоть малейшую возможность», — кисло подумал Валин, помогая своему другу облачиться в ливрею.

«Это все благодаря практике, Валин, — ответил Меро на языке жестов. — И еще благодаря тому, что ты спас меня от тех условий, в которых живут остальные. Я могу думать самостоятельно. Большинство людей лишены этой роскоши».

Валин промолчал. На самом деле ему просто нечего было ответить на это замечание. Он просто поправил тунику Меро и отступил в сторону.

— Вот, — сказал он, протягивая Меро записку. На самом деле там было две записки, но со стороны этого нельзя было заметить. Первая была предназначена для слуг в конюшне, вторая — для лорда Сейнаора. Первая была подписана Валином, под второй же красовалась печать Дирана. У Валина было полдесятка таких бланков с печатями, припрятанных на крайний случай. — Отдашь это в конюшне, они дадут тебе лошадь. Удачи тебе, Тень. Я буду скучать по тебе.

Меро просмотрел обе записки и спрятал их в карман.

— По мне еще никто никогда не скучал, — легкомысленно отозвался он. Валин нахмурился.

Меро же добавил:

— Слежки сейчас нет, даже магической. Я проверил. Твой почтенный отец всецело занят любвеобильной и одаренной Катриной. Он так увлечен, что ему не до всякой чепухи вроде нас с тобой.

Валин снова нахмурился и покраснел. Наложница Катрина — последняя фаворитка его отца — была весьма... экзотичной особой. И лишенной всякого стыда. Она даже к нему, Валину, обращалась с предложением, наполнившим его глубоким смущением. Не то чтобы ему не хотелось приобрести побольше опыта в обращении с женщинами... Но...

Дело не в том, что она сказала, а в том, как именно она это сказала! И что она при этом делала!

Но Меро через несколько секунд нужно было уходить. Поскольку никто за ними не следил, можно было больше не сдерживаться. Валин осторожно обнял двоюродного брата.

— Ты поосторожнее, братишка, — сказал он, слегка понизив голос. — Я хочу увидеть твою уродливую рожу среди слуг старика Сейнаора.

— Я непременно там буду, — хрипло отозвался Меро, тоже обняв Валина. — Не надейся, так просто ты от меня не отделаешься.

И, выпустив плечи Валина, он неловкой походкой направился к двери.

— Удачи нам обоим, брат, — тихо сказал ему вслед Валин. Он просто не знал, что еще можно сказать в такой момент.

Меро обернулся и лукаво усмехнулся.

— Удачи и попутного ветра мне, и встречного — тебе!

С этими словами Меро шагнул за порог, и дверь захлопнулась у него за спиной. Дверь и стены были сделаны на совесть: Валин даже не слышал, как Меро спускается по лестнице.

Собственные покои никогда еще не казались Валину такими пустыми. Последние несколько лет рядом с ним постоянно кто-то находился — и почти всегда этим кем-то был Меро. Он не оставался без присмотра даже во время своих экскурсий в гарем. Валин был наследником лорда, и слуги неусыпно заботились о его безопасности, поскольку знали, что, если с мальчиком что-нибудь случится, всех их ждет смерть. И вот теперь он впервые оказался в полном одиночестве.

Валин с трудом подавил в себе желание кинуться следом за братом и отправился в свою комнату собирать вещи.

Потом он улегся в постель. Но при малейшем шуме юноша просыпался и подолгу лежал, уставившись в невидимый потолок. Ему казалось, будто он целую вечность не может заснуть.

«Как бы мне хотелось показать Меро, как сильно я его люблю! — думал Валин, вспоминая о том, чего он так и не сказал за все эти годы, и терзаясь сожалением. — Но я не могу. Я просто не знаю, как это сделать. Меня всю жизнь наказывали за малейшее проявление чувств — вот оно так и вышло. Чувства-то у меня остались, но наружу они не прорываются. Я не плакал с тех пор, как мне исполнилось два года... И даже уж не помню, когда я смеялся. Вот и результат. Тот я, который снаружи, совсем не похож на того, который внутри».

Валин сглотнул и перевернулся на другой бок. Глаза у него были сухими. «Надеюсь, он понимает, как много я ему не сказал. Очень надеюсь. Если план сработает... если с Меро ничего не случится...»

Эта ночь тянулась на редкость долго.

Глава 17

Шана ввела себя в транс одним лишь усилием воли. Сейчас она смотрела на мир чужими глазами, глазами ребенка, наделенного магическими способностями, и ребенок этот находился в рабском бараке. Шана не желала видеть происходящего, но теперь она уже не могла отвести взгляда. В этом бараке была одна молодая женщина, настолько похожая на Мэг, что Шану прямо бросило в дрожь. И вот уже почти целый день Шана изучала историю этой девушки и прислушивалась к разговорам охранников, собирая сведения.

Девушка забилась в угол барака. Обычное человеческое дитя, лишенное магии. Просто судьба наказала ее ранним обещанием красоты. В шесть лет девочка была ошеломляюще красива. В двенадцать — просто очаровательна. Но в четырнадцать, когда обучение будущих наложниц уже шло вовсю, девочка резко принялась расти. Она вытянулась, а черты ее лица погрубели. Теперь она была миловидной, и не более того.

А для наложницы этого было недостаточно. Наложницам полагалось быть божественно красивыми.

И вот девочку, привыкшую к мягкому обращению, на которую за всю жизнь не то что руки никто не поднял — голоса ни разу не повышали, — отправили в общий барак. Охранники, которым нечасто приходилось видеть таких милых и неиспорченных девушек, теперь кидали жребий, кому она достанется первой.

Но пока они спорили, удача ускользнула от них.

В комнату вошел человек, которого Шана слишком хорошо помнила: высокий блондин с жестокими глазами. Похоже, охранники тоже его знали. Они тут же умолкли и попятились. Ребенок, через которого Шана наблюдала за происходящим, застыл на месте — но этот оживший ночной кошмар из прошлого Шаны искал не его...

Он обвел комнату холодным взглядом — и остановил его на той самой девушке. Блондин ткнул пальцем.

— Вот эту, — заявил он и неприятно улыбнулся. — Я беру вот эту.

Какой-то стражник попытался было возразить, но одного-единственного взгляда блондина оказалось довольно, чтобы пресечь всякие возражения. Стражник пожал плечами и отвернулся. Другой стражник прошел среди рабов, ухватил девушку за руку и заставил ее встать. Не глядя на нее, он просто проволок девушку через комнату и толкнул к блондину.

Девушка взглянула ему в лицо, и то, что она увидела или почувствовала, заставило ее побледнеть.

Блондин рассмеялся — Шана в оцепенении и ужасе наблюдала за происходящим, — натянул странную перчатку, усеянную металлическими заклепками, и наотмашь хлестнул девушку по лицу, так, что та полетела на пол. Девушка упала на спину, и Шана увидела, что ее лицо пересекают несколько неглубоких параллельных порезов, из которых уже начала сочиться кровь.

Блондин обвел взглядом остальных рабов.

— Среди вас есть нарушители порядка, — равнодушно произнес он. — Вот что случается с рабами, которые любят нарушать порядок.

Потом он рывком поднял девушку с пола и принялся избивать ее, неотрывно глядя ей в лицо...

Как когда-то Мэг...

Шана выскользнула из сознания мальчика и поклялась сквозь слезы, что никогда больше не будет просто стоять и смотреть, как эльфийские лорды или их прихвостни мучают и убивают кого-то. Когда-нибудь — и довольно скоро — у нее будет достаточно сил, чтобы разобраться с ними.

А у волшебников эта сила уже есть.

Шана чуть не плакала от разочарования. Она попросила своего учителя о личной беседе, и разговор этот шел прескверно — намного хуже, чем Шане могло прийти в голову. Девочка вцепилась в подлокотники кресла и предприняла еще одну попытку объясниться.

— Мы должны что-то делать, — настойчиво повторила она. — Я же уже объяснила вам, что там творится. Я уверена, что эльфы так увлеченно рвут друг другу глотки, что просто не заметят нас, если наше вмешательство будет незначительным. Но, мастер, ведь там каждый день убивают людей — хороших

людей! Мы не можем просто сидеть сложа руки и смотреть на это!

Денелор покачал головой.

— Это невозможно, Шана, — отозвался он. — Мы просто не можем ничего сделать. Люди должны справляться с этим самостоятельно. Если они хотят свободы, им придется научиться сражаться за нее.

Ну вот! Значит, рабы должны сами сражаться за себя. А как быть с тем, что их держат в ошейниках и они даже думать свободно не могут?!

— Но почему мы не можем ничего сделать?! — возмущенно крикнула Шана. — Ведь нас здесь больше, чем когда бы то ни было, не считая времен Войны Волшебников! Мы не можем начать новую войну, но мы можем делать хоть что-то, а не прятаться тут, как перепуганные мыши!

Денелор слегка покраснел и отвел взгляд.

— Шана... ты просто не можешь понять. Ситуация намного сложнее, чем тебе кажется. Здесь замешано слишком много факторов. Что хорошего будет, если мы поможем небольшому количеству полукровок или людей и в процессе этого выдадим себя? Неужели тебе хочется, чтобы эльфы обнаружили Цитадель? Куда нам тогда деваться? Назад в пустыню?

— Почему они непременно должны обнаружить Цитадель? До сих пор же не обнаружили! — возразила Шана, сердито встряхнув кудрями. Она так и не выпускала подлокотников. — Ведь даже во время Войны Волшебников, когда эльфы точно знали, что мы существуем, они и то не смогли ее найти! А теперь даже Диран о нас не подозревает — вы же сами знаете! Так с чего вдруг они должны найти Цитадель? Наши шансы сейчас куда выше, чем у прежних волшебников, ведь никто из нас не хочет нового раскола! Так почему же вы думаете, что нас обнаружат?

— Потому... потому, что это возможно, — неуверенно пробормотал Денелор. — Ты же знаешь, Цитадель не невидима. Нас вполне можно найти, если эльфы будут знать, куда смотреть. И это станет вдвойне вероятным, если мы начнем помогать людям.

— Не понимаю, почему... — начала было Шана.

— Ты что, думаешь, что они встретят нас с распростертыми объятиями и радостно приветствуют свободу? — перебил ее Денелор. — Если ты и вправду так считаешь, дитя мое, то ты живешь в мире грез.

Денелор откинулся на спинку кресла. Он вновь приобрел уверенный вид, и Шана почувствовала, что утрачивает свое преимущество.

— Видимо, придется мне тебя просветить. Большинство людей за пределами Цитадели даже не называют себя рабами, поскольку не считают себя таковыми. Эльфийские лорды приводят их в состояние повиновения — и рабы думают о своих же соплеменниках, других людях, как о врагах и соперниках. Их интересуют не эльфийские лорды, а надсмотрщик — который вполне может быть и человеком, — и другие люди, работающие рядом. Да большая часть рабов в жизни не видела ни единого лорда и не слишком-то и рвется. Все, что их интересует, — это как бы занять должность надсмотрщика... и получить все его привилегии. Их волнует лишь ближайшее будущее.

Денелор ухмыльнулся, и Шана вспыхнула от разочарования.

— Вот в чем кроется главное различие между нами и ними, дитя, — самодовольно заявил волшебник. — Они не видят дальше собственного носа. И если окажется, что мы реально можем лишить их тех жалких привилегий, что они заработали тяжким трудом, а вместо этого предлагаем какую-то сомнительную свободу, они отнюдь нас за это не поблагодарят. Они увидят лишь, что быть свободным — это значит голодать, дрожать от холода, потерять обещанную еду, твердо гарантированную крышу над головой и вознаграждение, которое они могут получить, если будут хорошо себя вести и делать все, что приказано. Вот они-то и предадут нас — те самые люди, которым ты так хочешь помочь. И все потому, что мы не сможем дать им ни того, что они хотят, ни того, в чем они на самом деле нуждаются. Они станут считать нас врагами уже за то, что мы угрожаем их привычному образу жизни.

«Да он же словно о себе говорит!» — слегка презрительно подумала Шана. Она мало общалась с людьми — но уж от них она не видела никаких неприятностей. Все неприятности исходили от эльфов. Именно эльфы отдавали приказы. Люди лишь исполняли их. Девочка никак не могла понять, почему волшебники забились в Цитадель и сидят там — ну в точности как кучка испуганных мышей! Не существовало никаких причин, которые мешали бы им втайне помогать людям — или хотя бы спасать больше детей-полукровок, чем они спасали сейчас. Большинство полукровок появлялись на свет в результате случайного оплодотворения наложницы или обыкновенной рабыни, и большую часть таких детей уничтожали сразу же после их

появления на свет. А ведь любой волшебник без особых усилий мог подменить повивальную бабку и внушить окружающим, будто ребенок родился мертвым.

Шана обратилась к своему наставнику с предложением сделать что-нибудь осмысленное для мира, раскинувшегося за пределами пещеры. Ей хотелось, чтобы волшебники больше помогали полукровкам — и хотя бы тем людям, которые были наделены магическими способностями. Шане слишком хорошо запомнилось то, что творилось вокруг нее в рабских бараках, — особенно то, что она видела долгими бессонными ночами.

Во время бесед с учениками Денелор вроде бы выказывал способность к состраданию, но за время личного разговора Шана обнаружила, что он ничем не отличается от прочих старших волшебников. Он согласен был действовать, но лишь до тех пор, пока это ничем ему не грозило. Если же возникала хоть малейшая вероятность, что какие-то действия могут натолкнуть эльфийских лордов на мысль о возвращении волшебников — а значит, его комфортабельная жизнь окажется под угрозой, — Денелор тут же складывал руки и отказывался что-либо делать.

Точь-в-точь как те самые люди, о которых он отзывался с таким презрением.

А он ведь был еще не худшим из здешних обитателей...

Денелор закончил свое наставление и выжидающе взглянул на Шану. Шана покачала головой и решила сделать еще одну попытку.

— Это несправедливо, мастер, — упрямо заявила она. Может, он все-таки согласится с ее доводами? — Это совершенно несправедливо! Мы ведь наделены силой. Разве это не означает, что на нас лежит определенная ответственность? Разве не об этом вы нам говорили? Чем больше сила, тем выше ответственность. За кого же мы отвечаем, если не за тех, кто беспомощен?

— Мы отвечаем прежде всего за себя, Шана, — после секундного колебания ответил Денелор. — Если Цитадель окажется в кольце осады, мы ничего уже не сможем сделать. Подумай о всех полукровках, которым мы никогда уже не поможем, если лорды узнают о нашем существовании.

«Подумай о тех, кому ты не помогаешь из-за собственной трусости», — отозвалась Шана, но лишь мысленно и не забыв прикрыть свои мысли.

— Мы делаем то, что в наших силах. Но для того, чтобы делать это, мы должны оставаться в живых, — уже более уверенно

подытожил волшебник. — Я знаю, что с этим трудно смириться, но некоторые вещи не становятся менее истинными оттого, что они несправедливы.

Денелор умолк на мгновение, потом снова взглянул на Шану, но теперь уже с некоторым беспокойством.

— Шана, я надеюсь, что ты держишь эти мысли при себе. Возможно, мне не стоило бы говорить этого, но ты... э-э... внушаешь беспокойство некоторым из старших волшебников. Думаю, для тебя не новость, что ты наделена огромными способностями. Ты поражала меня куда чаще, чем я это признавал вслух. Некоторые из моих коллег опасаются твоей силы. Некоторые из них подозревают тебя. Они боятся, что ты можешь оказаться эльфийской подсадной уткой. Большинство из них не понимают, откуда у столь юного существа, не прошедшего еще должного обучения, может взяться такая сила и такая искусность во владении этой силой, — теперь Денелор смотрел на девочку так, словно и его терзали подозрения. — Некоторые думают, что тебя подослали сюда эльфийские лорды, или даже опасаются, что ты можешь на самом деле быть чистокровным эльфом...

Округлив глаза, Шана принялась оправдываться:

— Но ведь я же говорила вам — мне пришлось учиться всему самостоятельно, чтобы выжить! Они что, думают, что выжить посреди пустыни — легкое дело? И кроме того — я владею магией разума. Вы сами это знаете! Вы же и учили меня с ней обращаться! Ни у одного чистокровного эльфа нет магии разума, а у меня есть!

— Да, действительно, — согласился Денелор. Судя по виду, он несколько успокоился. — И этого никак нельзя подделать магическим путем. Но ты все равно можешь быть подсадной уткой. Вдруг эльфы специально вырастили и обучили полукровку, чтобы проникнуть в наши ряды?

Шана нахмурилась.

— Как я могу быть подсадной уткой, если эльфы не подозревают о нашем существовании? И кроме того, я же хочу действовать против эльфов, сражаться против них. Зачем бы мне это было нужно, если бы я была подсадной уткой?

Денелор покачал головой.

— Дитя, вот от этого все становится еще более подозрительным. Если эльфы что-то заподозрили и следят за нами, что вернее укажет им местонахождение Цитадели, если не наши активные действия? Пожалуйста, Шана, следи внимательнее за

своими речами. Ты заставляешь окружающих чувствовать себя неловко, и это раздражает их.

Шана вздохнула и решила покончить с этим безнадежным предприятием. Она согласилась, что ей действительно следует быть более осторожной, выпила предложенную чашку чая и покинула покои Денелора.

«Что ж, значит, так...» Шана состроила гримасу и побрела к своей комнате. Раз уж Денелор не захотел поддержать ее, можно даже не надеяться, что она сумеет убедить кого-нибудь еще из старших волшебников. Правда, у нее появились единомышленники среди учеников. И еще с ней были согласны некоторые молодые волшебники — тот же Зед, например. Но по большому счету затея Шаны выглядела достаточно безнадежной.

Коридоры были довольно пустынны. В это время большинство здешних обитателей коротали время в ожидании обеда. Шана цинично подумала, что большинство волшебников стремились как можно сильнее походить на эльфов. Они окружали себя свитой, интриговали — правда, удобства они себе обеспечивали за счет магии, а не за счет рабов, а интриги не принимали такого размаха, как у эльфов, но все равно — ничего больше волшебников не интересовало. Им совсем не нужны рядом энергичные люди, думающие не только о себе. Потому-то они и чувствуют себя неловко в присутствии Шаны — они боятся, что ею нельзя будет манипулировать. А еще она наделена большой силой... и им хотелось бы держать эту силу под контролем.

Шана долго присматривалась и прислушивалась — пребывание в рабских бараках многому ее научило, — и поняла, по какому образцу построена жизнь в Цитадели. Все это здорово напоминало жизнь какого-нибудь из крупных эльфийских домов. На вершине пирамиды находился Парт Агон, верховный волшебник (обычно это место занимал не самый старший, а самый сильный из них). Его устраивал существующий порядок вещей, и он не желал уничтожения своего маленького королевства. Следом за ним шли маги, придерживающиеся тех же взглядов, что и Агон. А последними стояли те, кто мог считать и иначе, но не видел никаких причин рисковать самим.

Незадолго до этой беседы Шана пыталась поговорить с Зедом, но тот лишь пожал плечами.

— Большинство здешних жителей попали сюда, едва-едва спасшись от смерти, — заметил он. — Возможно, им не понравится снова жить в постоянном страхе.

— И мне не понравится! — воскликнула Шана. — Но я не позволю, чтобы страх мешал мне делать то, что я считаю правильным!

— Повтори мне это, когда погоня будет идти за тобой по пятам! — огрызнулся Зед и исчез в лабиринте коридоров. В этом отношении Зед был чрезвычайно талантлив: если он не желал быть найденным, то пропадал так же бесследно, как Отец-Дракон...

Всю дорогу до жилищ учеников Шана высматривала, не покажется ли Зед, но так его и не увидела. Возможно, это означало, что он все еще не настроен общаться. Впрочем, сейчас Шана была преисполнена отвращения к волшебникам и сама не была уверена, хочет ли она видеть Зеда. Но когда после разговора с Денелором Шана добралась до своей комнаты, собственное жилище показалось ей тягостно схожим с тюремной камерой. Девочка вдруг обнаружила, что ей отчаянно хочется увидеть небо, обнаженные зимой деревья — да хоть что-нибудь за пределами стен Цитадели! Может, собрать вокруг себя небольшую группку сторонников из числа тех ребят, которых она учила работать с драгоценными камнями?.. Нет, это слишком уж похоже на интриги, которые ведут старшие волшебники.

Потому Шана просто прикрыла за собой дверь и принялась расхаживать по комнате. Но как ни ходи, комната от этого больше не станет.

— Я хочу что-то делать! — заявила Шана четырем стенам, кружа по комнате, словно животное по клетке. — Я хочу что-то изменить! Я хочу делать больше, чем Народ...

«Так почему же я этого не делаю?»

Эта простая мысль так поразила ее, что Шана застыла как вкопанная. Девочка почесала в затылке, потом уселась на кровать, чтобы получше обдумать возникшую идею.

А и правда, почему бы ей что-то не предпринять? Возможно, она справится с этим и сама... Ей не нужна ни помощь, ни даже дозволение остальных волшебников. При помощи драгоценных камней она могла сделать почти что все. А дотянуться она точно могла куда угодно.

Это могло показаться преувеличением, но драгоценные камни действительно помогали Шане. Они настолько увеличивали силу девочки и радиус действия этой силы, что просто не верилось. Не то чтобы Шана зависела от них, но они оказались очень полезным инструментом. Как ни странно, самыми полезными оказались наименее ценные камни. Драконы были

уверены, что дело обстоит ровно наоборот, и потому обнаруженная закономерность показалась Шане особенно забавной.

Благодаря длительной практике Шана вывела несколько общих правил. Кристаллы увеличивали силу, а камни, ограненные в виде линзы, помогали ее сосредоточивать. Шана обнаружила, что наиболее эффективно она может действовать при помощи нескольких определенных разновидностей камней — но что камень, прекрасно подходящий лично ей, в других руках может вообще не заработать. Сама она добивалась наилучших результатов при помощи полудрагоценных агатов, янтаря и кристаллов кварца. А драгоценные камни вроде рубинов или изумрудов в ее руках годились лишь на то, чтобы пускать солнечные зайчики.

Своеобразная ирония судьбы. Шана больше не боялась, что кто-нибудь обнаружит ее сокровищницу: все равно никто не покусился бы на те камни, которые для нее стали самыми ценными — совершенно заурядный кристалл прозрачного кварца, неправильной формы шарик из полированного янтаря, — очень чистого, безо всяких вкраплений вроде семян или листиков, — и несколько разнокалиберных лунных камней. Но Шана неожиданно ощутила уверенность, что при помощи этих камней она сможет выбраться за стены Цитадели и оказать воздействие на внешний мир.

Или, по крайней мере, увидеть, что там происходит.

Шана оперлась спиной о стену и взяла с комода кристалл кварца. Девочка положила кристалл на ладонь, так, чтобы он засверкал в лучах магического светильника, и принялась пристально всматриваться в его глубины, минуя бликующую поверхность.

Почувствовав, что она готова, Шана высвободила свое сознание — в точности, как ей показывала Алара, когда учила девочку мысленной речи, — но направила свои мысли в кристалл, а не на поиски определенного существа.

Потом она закрыла глаза и мысленно застыла, определяя и отрезая ближайшие к ней мысли. Таковых оказалось немного: большинство волшебников предпочитали постоянно держать мысленный щит. Сперва Шана этого не понимала, но потом решила, что это в высшей степени разумно и даже любезно — закрывать свои мысли, когда вокруг полно народу, умеющего их слышать. Особенно когда некоторые из окружающих сами закрываться не умеют.

Потом Шана отправила свое «я» за пределы Цитадели, в лес, подыскивая подходящую точку обзора. Ее разум действовал сейчас, словно сеть, выискивая проблески чужих мыслей. Вскоре Шана уловила присутствие какого-то разума, вошла в него и взглянула на мир глазами осторожного горного кота, подкарауливающего добычу.

Шана очарованно смотрела вокруг. Зимой в Логове иногда выпадал снег, но совсем немного — не больше, чем летом шло дождей. Кеман иногда поднимался высоко в горы, где снега было больше. Так то Кеман — он умел летать. А Шана не умела. А за пределы Цитадели она не выходила с того самого момента, как впервые попала сюда.

Девочка никогда прежде не видела столько снега. Вся земля, насколько хватало зрения кота, была покрыта белым снежным ковром. Кот устроился на суку какого-то вечнозеленого дерева. Ветви, нависавшие сверху, были густо заснежены и образовывали очень хорошее укрытие.

Шана постаралась сдержать ликование, чтобы не напугать своего временного «хозяина». Но все-таки ее переполняло вполне простительное ощущение триумфа. Она вышла за пределы Цитадели — и впервые проникла в сознание другого существа, не зная заранее, с кем именно она связывается.

«Следующий прыжок... Идем дальше...»

Шана разорвала связь с сознанием кота, продолжила поиски и ухватилась за первую же подвернувшуюся мысль.

И выяснила, что теперь она смотрит на мир глазами эльфа.

В этом не было ни малейшего сомнения. Руки, которые Шана видела перед собой, были тонкими, изящными и бледными, словно лунный камень. Оказалось, что эльфы видят мир несколько иначе, чем люди: вокруг всех живых существ мерцала легкая дымка вроде нагретого воздуха, что поднимается от костра. Вокруг неживых предметов не наблюдалось ничего. Но если бы вдруг эти доводы показались Шане недостаточными, ей стоило лишь взглянуть на эльфийскую леди, которая сидела рядом и с видом наставницы наблюдала за каждым ее движением.

Внезапное проникновение в сознание эльфа так потрясло Шану, что девочка едва не упустила связь с мыслями эльфийского лорда — точнее, леди. Но Шана быстро взяла себя в руки и принялась изучать окружающую обстановку.

Первое, что осознала Шана, это то, что ее «хозяйка» — не взрослая женщина, а девочка. Примерно того же возраста, что

и сама Шана. Эльфийка была одета в мерцающий, переливчатый зеленый шелк. Она двигалась с заученным изяществом, отрабатывая тот тип движений, который Шана всегда считала врожденным.

Ее «хозяйка» была скульптором цветов — это определение Шана выудила из памяти девочки. Нет, речь шла не о составлении букетов — такую малость девочка предоставляла своим рабам. Сама же она...

Сейчас Шана знала имя этой девочки с той же твердостью, что и свое собственное. Шейрена ан Тревес.

Шейрена же осторожно работала с лепестками живого цветка. Девочка вытянула их, при помощи магии изменила их форму, сделала лепестки тоньше и превратила их в разноцветную паутинку. Шейрена уже успела обработать два из четырех лепестков цветка — обычного мака. Теперь же казалось, будто он сделан из шелка — прозрачного темно-красного шелка, вздымавшегося вокруг темной сердцевины тщательно уложенными складками. Пока Шана наблюдала за ней, Шейрена закончила третий лепесток и принялась за четвертый.

Шана начала присматриваться к ее действиям повнимательнее. Прежде она понятия не имела, что такое вообще возможно. А ведь это было просто до нелепости! У Шаны уже успело зародиться несколько идей по поводу того, каким образом она может использовать это новое заклинание.

Потом девочка закончила работу и повернулась к матери. Ее лицо приобрело тщательно заученное выражение — маску спокойствия. «Эльфийская леди всегда должна быть настоящим совершенством и в совершенстве владеть собой». Шана уловила отблеск этой мысли — девочка надеялась, что сейчас она соответствует этому идеалу.

Бедняга... На мгновение Шане стало искренне жаль девочку.

— Очень хорошо, дорогая моя, — медленно и изящно кивнув, произнесла Виридина ан Тревес. На лице леди была написана безукоризненная безмятежность, которой и старалась подражать дочь Виридины. Да и вообще, весь ее облик был столь же безукоризнен. Светло-золотые волосы леди были уложены с тщательно продуманной небрежностью — такое же произведение искусства, как и цветок, только что видоизмененный Шейреной, — не оставлявшей ни малейшей зацепки, по которой можно было бы догадаться, сколько времени ушло на создание этой прически.

Услышав похвалу, девочка позволила себе признательно улыбнуться. Виридина наградила дочь еще одной одобрительной улыбкой. Свою очень юную дочь.

Шана поняла, что ошиблась, определяя возраст эльфийки. Разум, с которым она соприкоснулась, принадлежал ребенку примерно десяти-двенадцати лет. Этот ребенок был наделен магической силой — что, собственно, и ввело Шану в заблуждение...

Нет, не только сама сила, но еще и то, что девочка умела ее контролировать. На самом деле способности у нее были слабенькие, но всем, что имелось, она владела в полной мере. И отлично умела управляться с мелкими предметами...

Все ее заклинания касались лишь разных мелочей вроде ваяния цветов, плетения воды или составления композиций из света — по крайней мере, так можно было понять из воспоминаний девочки о своих уроках и о том, что делала при ней мать. Отец Шейрены был способен и на большее — он был весьма сведущ в искусстве создания иллюзий. А вот невеликих сил Виридины и ее дочки могло хватить лишь на создание чисто декоративных заклинаний...

«Или на то, чтобы остановить чье-нибудь сердце», — подумалось Шане, когда она поняла из мыслей девочки, что Шейрена воспринимает себя как существо низшее по сравнению с мужчинами своего племени. Меньший необязательно значит — низший. Скажи ей об этом. Научи ее.

Но Шана подавила этот порыв. Хотя девочка и считала себя неполноценной, она все равно оставалась чистокровной эльфийкой. Она все равно была одной из тех, кто считал себя господами. Вот если бы девочка была человеком, и у нее не было другой возможности защитить себя...

Но какая-то деталь, подмеченная, но не осознанная, заставила Шану насторожиться. А не была ли на самом деле Шейрена столь же беспомощна, как любой раб? Стоит лишь взглянуть в лицо ее матери — и заглянуть к ней же в сознание!

Не в силах противиться искушению, Шана так и сделала и узнала об истинном положении большинства леди в эльфийских кланах.

Их холили и лелеяли — как холят и лелеют чистокровных племенных кобыл. Их защищали — как дорогостоящие драгоценности. Им не позволяли выбирать себе судьбу — точно так же, как и рабам. Они не вольны были распоряжаться собой до тех самых пор, пока не производили на свет живого ребенка...

Будущее, ожидавшее эту девочку, было столь же унылым, как у последнего раба. Брак без любви с каким-то мужчиной, ценящим ее только за ее магическую силу, за приданое, принесенное ею от отца, за союз, который она воплощает, и за наследников, которых она может ему родить. Жизнь, проходящая в четырех стенах будуара — в женских покоях, где никогда не происходит ничего важного. Никто не ожидал от леди, что они станут утруждать себя чем-либо, — и действительно, немногие были к этому склонны. Большинство леди посвящали свое время музицированию, ваянию цветов и прочим бессмысленным занятиям.

Именно такую жизнь мать Шейрены вела на протяжении последних четырех сотен лет — и этому не видно было конца. Бесконечное бесцельное существование, замкнутое, безопасное...

Шана содрогнулась и слегка отступила.

Тем временем девочка взяла другой цветок — теперь это оказался шиповник — и начала трудиться над ним. Она прикоснулась к первому лепестку, превратив его в полупрозрачный нежно-розовый туман.

Шана не могла больше этого выносить. Ну почему ей хотя бы не намекнуть девочке на то, что она может сделать? Что в этом плохого? Возможно, когда-нибудь настанет день, когда это знание пригодится Шейрене. Если, конечно, у нее хватит храбрости воспользоваться этими сведениями... Почему бы и нет? Если девочка никогда этим не воспользуется, никому хуже не станет. А если воспользуется, кто-то получит то, что заслужил. Она только намекнет на существующую возможность...

Какое-то безрассудное опьянение подтолкнуло ее подсунуть девочке якобы случайную мысль: «Если ты можешь преобразовывать лепестки цветков, то, может, ты и еще что-нибудь можешь преобразовывать?..»

Кажется, девочка ничего не заметила. Ее мать так уж точно не заметила ничего. Они продолжали создавать свои цветы, готовясь к сегодняшнему званому обеду, и располагать их в тщательно продуманном порядке. Созданные магией цветы были слишком хрупкими и ценными, чтобы доверить их рабам. Когда гости лорда Тревеса увидят эти цветы и узнают о способностях его дочери, вслед за этим званым обедом вполне могут последовать несколько брачных предложений...

Шане нечего было здесь делать — она извлекла из этой встречи все, что могла. Она окончательно разомкнула связь сознаний и позволила себе вернуться под защиту Цитадели, пока никто не заметил ее вмешательства.

Шана сосредоточилась и осторожно вышла из транса, ускоряя биение сердца и ток крови по жилам.

Когда Шана снова открыла глаза, она поняла, что именно делали драконы, изменяя свой облик на эльфийский или человеческий. Это была совсем другая разновидность силы...

Да, ничего не скажешь, это был опрометчивый эксперимент. И он вполне мог плохо закончиться...

Постепенно Шана стала все более и более искусно проникать на расстоянии в сознание эльфийских лордов и их леди. Что же касается людей, то их разумы оставались закрыты для проникновения по вполне понятной причине — из-за ошейников, которые носили рабы. Эти ошейники с равным успехом и удерживали развивающуюся магию разума, и не позволяли никому извне проникнуть в разум раба. А вот эльфийские лорды были для пытливого разума Шаны — что открытая книга, и девочка вовсю пользовалась этим преимуществом. Девочка собралась изучить всех лордов, чьи поместья граничили с дикими землями, где укрывалась Цитадель.

Кроме того, Шана вознамерилась как можно больше узнать о собственных магических способностях. Чтобы действовать эффективно, вовсе не нужна неодолимая сила. Какая-нибудь «простенькая» уловка, вроде того же приема, которым пользовались эльфийки для ваяния цветов, при умелом применении могла произвести не менее разрушительное воздействие, чем магическая молния.

И при этом требовала куда меньшего расхода силы.

Приближалась весна, а Шана продолжала проводить все свободное время, глядя на мир чужими глазами — по большей части через эльфов, — точно так же, как прежде она посвящала все свое свободное время прочесыванию коридоров Цитадели. Цель же у нее оставалась прежней: знания. Теперь Шана довольно много знала о магических приемах, которыми пользовались волшебники древности, и могла воспроизвести значительную часть этих приемов. А вот на что способны эльфийские лорды, во многом еще оставалось для нее загадкой. А Шане хотелось — нет, ей было необходимо! — знать, с чем она может столкнуться в один не самый прекрасный день, и заранее прикинуть, что можно этому противопоставить. И вот у нее появи-

лась такая возможность. Шана начала учиться магии, еще и наблюдая за эльфами.

Даже старшие волшебники не знали некоторых приемов, которые Шана выудила из сознания эльфийских магов — или, по крайней мере, они никогда не показывали своим ученикам ничего подобного. А еще эти наблюдения поставляли сведения, которые были даже важнее магии, — по крайней мере, так считала сама Шана. Наблюдения позволяли узнать, как думают эльфийские лорды.

И как оказалось, образом мыслей они здорово походили на старших волшебников...

Шана напомнила себе, что следует быть терпеливой. Ведь из всей группы лишь она одна привыкла думать о драгоценных камнях как об источнике силы. Белокурый лохматый Кайле нахмурился и уставился на сердолик, лежащий у него на ладони. Шана «слышала», как Кайле неумело возится, пытаясь воспользоваться камнем. Результат был тот же самый, как если бы юноша пытался рубить дрова молотком.

Кайле поднял взгляд на Шану и встряхнул головой, откидывая волосы с глаз.

— А что делать, если я не получаю никакой дополнительной силы из этой штуки? — нетерпеливо спросил он.

Шана вздохнула, а темненькая Элли закатила глаза и пожала плечами. Она была на несколько лет младше Кайле, но уже освоила основы работы с камнями и теперь занималась совершенствованием различных приемов.

Шана решила перепоручить объяснения Элли. Может, Кайле внимательнее будет слушать того, кого давно знает.

— Кайле, камни, ограненные в виде линзы, фокусируют силу, — медленно и внятно произнесла Элли. — Это кристаллы ее увеличивают. Ты же сейчас используешь кабошон. Бейся ты с ним хоть до следующей весны, но он твоих сил не увеличит. Этот камень предназначен для того, чтобы сосредоточивать силу в определенной точке...

Кто-то постучал в дверь комнаты, где собрался маленький кружок Шаны. Все разговоры мгновенно смолкли, а Шана испуганно вздрогнула; надо заметить, она была не единственной, кто подскочил от неожиданности. Не то чтобы они делали что-то дурное, но никто из старших волшебников ничего не знал об их сборищах. Нет, никто не запрещал им собираться, но если бы старшие волшебники узнали, чем они тут занима-

ются, то, вполне возможно, запрет не заставил бы себя долго ждать.

Шана руководствовалась принципом: о чем старшие не знают, того они и запретить не могут. Потому она прилагала все усилия к тому, чтобы старшие волшебники как можно дольше ни о чем не догадывались. Она не видела ни малейших оснований делиться своими новыми знаниями с людьми, которые не станут ими пользоваться — или, во всяком случае, не станут использовать их ни для чего полезного.

А потому собрания маленькой группы проходили в пустой комнате, затерявшейся в лабиринте подземных коридоров. И знали об этой комнате лишь ученики — приятели Шаны, да еще Зед.

— Шана! — из-за двери голос Зеда звучал приглушенно, но вполне узнаваемо. — Шана, это я! Мне нужно кое-что тебе сказать! Это важно!

Шана подхватилась и поспешно открыла дверь. Как только дверь приоткрылась, Зед тут же проскользнул внутрь и захлопнул ее за собой.

— Слушайте, ребята! — произнес он, с каким-то особенно напряженным видом оглядывая присутствующих. — Вам действительно надоело сидеть здесь сложа руки, и вы намереваетесь что-то делать? Или вы только болтаете?

— В чем дело? — требовательно спросила Шана и почувствовала, как от волнения и предвкушения у нее по спине побежали мурашки.

— Я только что выяснил, что надсмотрщики лорда Тревеса собрались отбраковать около десятка детей — вот в чем! — отозвался Зед. В голосе его зазвенел гнев, а по лицу тенью промелькнуло оскорбленное выражение. — А эти замшелые идиоты окопались здесь и не хотят даже пальцем шевельнуть, чтобы это предотвратить!

Кайле побледнел: его самого когда-то чуть не отбраковали, и он спасся лишь благодаря тому, что мать сумела тайком выбраться из дома вместе с ним и оставила мальчика в лесу.

— Н-но почему? — заикаясь от волнения, спросил он. — Они ж-же уже д-действовали на землях Тревеса! Ч-что им мешает?

Зед прислонился к двери и скрестил руки на груди. Лицо его сделалось полностью бесстрастным.

— Да потому, — неспешно произнес он, — что эти дети — чистокровные люди. Они владеют человеческой магией, за что

их и собираются выбраковать. А мастер Парт не считает нужным помогать людям, особенно если учесть, что надсмотрщики уже посадили всех детей под замок, и нам теперь нужно как-то освободить их оттуда.

— Мастер Парт — не единственный волшебник, — спокойно отозвалась Шана, чувствуя, как в ней волной поднимается ледяной гнев. — Да, я готова действовать.

Она вызывающе огляделась по сторонам.

— А вы?

— Можешь на меня рассчитывать, — мгновенно отозвался Кайле, хотя он все еще был бледен и выглядел здорово испуганным.

— И на меня, — лишь на долю секунды позже откликнулась Элли.

Все прочие без малейших разногласий и колебаний последовали их примеру.

— Отлично! — одобрительно произнес Зед. Он оттолкнулся от двери и шагнул навстречу подросткам. Ученики выжидающе смотрели на него. — Дела обстоят следующим образом: надсмотрщики на самом деле еще не знают, кто именно из детей наделен магическими способностями. Потому они собрали в округе всех детей, на которых еще не надели ошейник, и завтра будут их проверять. Но я знаю этих детей, и сами дети знают о своих способностях. Если мы будем действовать слаженно и быстро, мы сможем забрать их из бараков прежде, чем надсмотрщики выяснят, кто из детей им нужен. Итак, первое: кому-нибудь из вас приходилось видеть бараки в поместье Тревеса?

Таких нашлось двое: Кайле и Шана. Кайле их не просто видел — он там сидел, пока мать не забрала его оттуда и не оставила волшебникам.

Юноша не тратил ни минуты даром. Он тут же ухватил палочку древесного угля и лист бумаги и принялся рисовать карту для остальных. Через несколько мгновений ученики уже столпились над этой картой и принялись составлять план действий.

Шана повернулась к Зеду и увидела, что молодой волшебник улыбается во весь рот.

— Ты это все подстроил, да? — обвиняюще спросила она, но шепотом, чтобы остальные не услышали. — Ты... я знаю, что ты...

— Ну, не совсем, но я знал, что что-то в этом духе должно произойти, — признал Зед. — Меня уже до глубины души достало отношение Парта к чистокровным людям. Меня достало его нежелание вмешиваться в ситуацию, где ему мерещится

хоть малейший риск. Меня уже давно это все достало! Но когда я увидел, что из тебя получается, у меня появилась надежда, что ты станешь той осью, вокруг которой соберется некая группа учеников, и тогда уже можно будет что-то предпринять. Одиночка или даже двое ничего толком не сделают, но группа — это уже серьезно.

— Я пыталась найти такую ось среди старших волшебников, но у меня ничего не вышло, — ожесточенно произнесла Шана.

В ответ Зед лишь фыркнул. Потом он навис над склонившимися головами учеников и изучил карту, наскоро набросанную Кайле.

— Ну что ж, — произнес Зед, и ученики мгновенно стихли. Шана даже ощутила укол зависти. — Я бы предложил действовать так...

Потрескивал огонь, и горели свечи, распространяя вокруг себя теплый свет, какого не воспроизвести ни одному магическому светильнику. Парт Агон отхлебнул без спроса позаимствованное у эльфов вино и нахмурился, глядя на кубок. Не потому, что ему не понравился букет вина — оно-то было отменным. Но тем не менее во рту отчетливо чувствовался противный привкус.

И Парт отлично знал, что так набило ему оскомину.

Новая ученица, Шана.

Волшебник повертел кубок в руках, наблюдая за игрой света на матовой металлической поверхности и в то же время не замечая ее. Шана представляла собой настоящую проблему, и, похоже, эта проблема становилась все серьезнее.

Каким-то непонятным образом она научилась закрывать свой разум даже от него, Парта Агона. Девчонка неизвестно как приобрела такую силу, что все попытки Парта проникнуть за ее мысленный щит оканчивались неудачей. Уже одного этого довольно было для тревоги. Ведь сила и влияние Парта основывались на том, что он точно знал, о чем думают все остальные. А Шана превратилась в прореху в этом знании, в черное пятно, внушающее немалое беспокойство.

Более того, она отобрала нескольких ровесников и принялась обучать их точно таким же фокусам! Черное пятно начало расширяться. Парт Агон был чрезвычайно этим недоволен. Но и это ведь еще не все...

Парт откинулся на спинку кресла, сжимая кубок в руках, и погрузился в размышления. Девчонка скверно влияет на окру-

жающих. Она задает мастерам вопросы, на которые нет ответов и которые лично он вообще не желал бы слышать. Например, почему волшебники продолжают скрываться. Почему они никогда ни во что не вмешиваются, кроме тех случаев, когда их невозможно засечь. Почему они не помогают людям — даже тем, которые наделены магическими способностями. Она явно предполагала, что старшие волшебники то ли трусы, то ли лентяи — а то и вовсе то и другое вместе. Она подбивала учеников на прямое выступление против эльфов.

Ученикам не нравились ответы, которые они получали от своих наставников. Или отсутствие этих ответов. И казалось вполне возможным, что они начнут действовать самостоятельно.

Эта мысль неизбежно влекла за собой другую.

«Я теряю контроль над ситуацией».

Эта мысль была наихудшей. Волшебник стиснул в руке холодный металл кубка и скрипнул зубами, сдерживая вспышку гнева. Пламя свечей слегка трепетало от сквозняка.

Шана действовала против него. Но она всего лишь девчонка — она не могла проделать это все самостоятельно. Так кто же стоит за ней? Кто из обитателей Цитадели научил девчонку этим фокусам? Это не Денелор... нет, только не он. Этот ленивый дурень просто не смог бы научить девчонку даже половине того, чему она научилась за эту зиму.

Но если не Денелор, то кто же это?

Парт быстро перебрал в уме всех старших волшебников, но так и не нашел ни малейшей связи между кем-либо из них и Шаной. Половина из них вообще не подозревала о существовании девчонки — слишком уж глубоко они ушли в собственный мир иллюзий, транса и грез. Вторая половина о Шане знала, но нимало ею не интересовалась. Они вели извечную борьбу за власть в микровселенной Цитадели, и их не волновало то, что происходит во внешнем мире. И никто из них не пожелал бы доверить безопасность своей драгоценной шкуры безрассудным детям, особенно если бы они узнали, что затевают их ученики.

Но как вести себя с этими юнцами — вот в чем проблема? Точнее, как вести себя с Шаной, зачинщицей всего этого безобразия? Строго говоря, она пока что ничего не сделала, равно как и все остальные ее приятели. Парт не мог даже доказать, что она что-либо замышляет. А если бы даже и мог, это мало чем помогло бы. Мысли — еще не преступление. До тех пор, пока эти дети не предпримут открытых действий, явно представляющих опасность для Цитадели, Парт мог лишь наблюдать за ними.

А даже если он и поймает Шану на каком-нибудь проступке — например, на том, что она без позволения своего мастера приведет в Цитадель какого-нибудь полукровку, — все равно круг наказаний, которые он сможет или посмеет применить к ней, весьма ограничен.

Изгнать девчонку из Цитадели нельзя — эльфийские лорды живо ее сцапают, допросят как следует и узнают о гнезде полукровок, притаившемся у них под носом.

Парт отчаянно желал, чтобы руки его сейчас сжимали не кубок, а шею Шаны. Он с удовольствием придушил бы негодяйку... Увы, этого он не имел права сделать, даже если бы поймал ее на горячем. Существовали определенные законы, вызванные печальными событиями, что разделили волшебников в конце войны. Даже если бы Шану поймали на совершении какого-то преступления и даже если бы все обитатели Цитадели признали ее виновной и согласились, что ее действия представляли угрозу для Цитадели, все равно самое худшее, что грозило девчонке, — это изгнание обратно в пустыню, откуда она и пришла.

Парт Агон никак не мог от нее отделаться — ведь Шана и вправду пока что ничего не сделала. А вершить суд, исходя из одних лишь предположений, остальные волшебники ему не позволят.

«Я желаю знать, чего она добивается.

Я желаю знать, кто за ней стоит!»

Еще никогда в жизни Парт Агон не испытывал подобного разочарования. С тех самых пор, как он оказался в Цитадели и попал под покровительство самого могущественного из тогдашних волшебников, и до нынешнего момента его жизнь была сплошным восхождением к вершинам власти. Еще никто и никогда не осмеливался перечить ему. Никто и никогда не бросал ему вызов. Это произошло впервые. И Парту не нравилось это ощущение.

Парт Агон просидел в кресле весь вечер, стараясь придумать какой-нибудь способ отделаться от девчонки или взять ее под контроль, но так ни к чему и не пришел. Свечи догорели, и ученик — его собственный ученик, а не один из этих юных мятежников! — заменил их. А Парт все никак не мог отыскать решение проблемы.

В конце концов он вынужден был признать, что девчонку придется пока что оставить в покое. Волшебник поставил пустой кубок на маленький столик, расположенный рядом с креслом, и выпрямился, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Парт оглаживал бороду, заставляя себя смириться с принятым решением.

Да, девчонку все-таки нужно оставить в покое. До тех пор, пока она не привлечет внимание эльфов к полукровкам. Тогда он сможет что-то предпринять против нее.

Парт Агон кивнул, отвечая на собственные мысли, и снова наполнил кубок. Как ни странно, но прийти к этому выводу оказалось куда легче, чем он думал. Это был не конец, а всего лишь отсрочка. Девчонка безрассудна и опрометчива, а значит, вполне может натворить немало сумасбродств. Если повезет, на одном из них он ее и подловит.

«А тогда она будет в моих руках!»

Измученный металл треснул в стиснутых пальцах, и ножка кубка переломилась надвое. Парт Агон этого не заметил.

— Великие Предки, как мне все надоело! — в сердцах произнес Валин, бросил книгу на подушку и уставился на мрачные темные ели, маячащие за окном. Поместье Чейнара было совершенно не похоже на все, что Валину приходилось видеть прежде. Здесь не было светящихся потолков, какими гордились большинство эльфийских жилищ. Днем здесь довольствовались естественным освещением, проникающим через окна и стеклянные крыши. По ночам же Валину приходилось зажигать собственный магический светильник либо пользоваться фонарями или свечами. В этом поместье явно старались не расходовать магию понапрасну.

Да, среди вассалов и союзников лорда Дирана Чейнар был той силой, с которой стоило считаться.

Сегодня Валин счел нужным зажечь свет, когда день еще только клонился к вечеру. Над поместьем нависало низкое, темное, сланцево-серое небо. Капли дождя падали с ветвей и пеленой висели в воздухе.

Тень чихнул и почесал нос.

— Я думал, ты собираешься чему-то поучиться у лорда Чейнара, — заметил он и попытался прочистить нос. — Но с тех пор, как мы сюда приехали, мы только и делаем, что сидим в комнате или ездим под дождем, — и Тень еще раз чихнул.

— Ездим под дождем и подхватываем простуду, — отозвался Валин, почувствовав себя виноватым. — Извини, Тень. Это я виноват, что ты простыл. Нам не следовало вчера выезжать из дома. Не надо мне было поступать, как избалованному отродью, и настаивать на этой верховой прогулке, но я просто больше не мог ни минуты оставаться...

— Да знаю, знаю, — Тень высморкался и отхлебнул горячего чаю. — И ты не виноват, что эльфы не могут простудиться. Мне бы ваше здоровье!

Валин виновато пожал плечами.

— Хотел бы я уметь это лечить... — Он снова выглянул на улицу. Мрачный лес выглядел по-прежнему. — И еще я бы хотел, чтобы нам было чем заняться. Хоть чем-нибудь.

— А я полагаю, что нам обоим стоит радоваться уже тому, что лорд Чейнар обращает на нас мало внимания, — заметил Тень и тоже устроился у окна. — Благодаря этому нам будет намного легче в случае чего исчезнуть из дома.

Валин краем глаза взглянул на двоюродного брата. Тень оправился от избиения так быстро, что даже на Валина это произвело немалое впечатление. Правда, сейчас Меро держался значительно тише обычного. Но, возможно, причиной этому была простуда.

Тень пристроил руки и подбородок на подоконнике и уставился на мокрые ели так, словно они внушали ему неизъяснимое очарование.

— В целом же, — протянул Тень, — я предпочту поскучать. Лучше уж скучать, чем беседовать с надсмотрщиками лорда Чейнара, которые хотят вызнать всю мою подноготную.

Валин мысленно дал себе пинка. Нельзя же быть таким ослом! Конечно, лучше скучать, чем привлекать к себе внимание! Это же любой дурак должен понимать! Чем тише они будут сидеть, тем меньше вероятность того, что лорд Чейнар захочет что-нибудь уточнить у Дирана, и, чего доброго, упомянет в разговоре о «телохранителе» Валина. И тем меньше вероятность, что люди Чейнара примутся расспрашивать Тень.

Когда они только-только прибыли в имение, Чейнар принял Валина в своем кабинете. Он обращался с юношей с той же холодной любезностью, что и со своими вассалами. Он лишь мельком взглянул на запечатанное письмо лорда Дирана, которое вручил ему Валин, потом бросил конверт на стол вишневого дерева, подался вперед и кинжально-острым взглядом пригвоздил Валина к стулу.

— Я хочу, молодой Валин, чтобы ты понял одну вещь, — абсолютно бесстрастно произнес он. — Ты теперь находишься у меня в имении, а не у своего отца. И исполнять ты будешь мои приказы. Тебе ясно?

— Да, мой лорд, — покорно пробормотал Валин. Чейнар уселся. На мгновение по его лицу скользнуло удовлетворенное выражение.

— В таком случае мы с тобой поладим, — спокойно сказал Чейнар. — Сожалею, но в настоящий момент я не имею возможности развлекать тебя — мое внимание сейчас всецело занято неотложными делами. Впоследствии я выберу момент и займусь тобою. А пока я только хочу убедиться, что ты понял, как теперь обстоят дела. Ты понял?

— Целиком и полностью, мой лорд, — отозвался Валин, уставившись взглядом в сцепленные руки.

— Отлично.

Валин поднял глаза и перевел взгляд на выскобленное дерево стола. Чейнар встал. Он явно ожидал, что теперь юноша уберется из кабинета, и побыстрее.

— За дверью сидит раб. Он покажет тебе твои покои. Я уверен, что они тебя устроят.

И, не дожидаясь ответа, Чейнар развернулся и вышел. Слегка ошеломленный Валин смотрел ему вслед.

С тех пор он ни разу еще не встречался с лордом. Валина предоставили самому себе. У юноши не раз возникало впечатление, что суровые манеры Чейнара считались здесь обязательными для подражания. Имение, расположенное на границе с дикими землями, с трех сторон окружали высокие темно-зеленые — чуть ли не черные — ели с раскидистыми лапами, почти не пропускавшими солнечный свет. А по ночам эти ели служили прибежищем сотен сов — во всяком случае, казалось, что их там сотни. А кроме того, все то время, что Валин провел в имении, здесь буквально каждый день шел дождь.

Конечно, ни о какой охоте в таких условиях не могло идти и речи — разве что с ловчими птицами — ястребы Валина были наделены достаточно скверным характером, чтобы ринуться за добычей даже в самую чащу деревьев. Но ястребы не желали летать в такую отвратительную погоду. Так что после того, как один его ястреб-тетеревятник упустил добычу и вернулся к своему хозяину в полнейшей ярости, Валин решил больше не испытывать судьбу. Тетеревятник и без того чуть не проехался

когтями ему по лицу, и только вмешательство Тени заставило хищную птицу утихомириться.

На охоту с гончими тоже можно было не рассчитывать — Чейнар не держал охотничьей своры. Его собаки охраняли бараки с рабами, и их было не настолько много, чтобы впустую приставлять часть из них к такому дурацкому делу, как охота.

Так что единственным доступным развлечением и занятием оставались верховые прогулки — по холодному и мрачному хвойному лесу, где с ветвей постоянно капало, даже если дождь и прекращался на время.

Помимо этого, заняться юношам действительно было особо нечем. Прежде, в поместье у отца, Валину часто казалось, что ему скучно. Но что такое настоящая скука, он узнал только сейчас.

— Если подумать, то всегда окажется, что бывают вещи и похуже твоих нынешних неприятностей, братец, — произнес Тень и снова шмыгнул носом.

— Например, подхватить простуду, — поддразнил его Валин, сотворил носовой платок и протянул его другу. — Или вляпаться в ту же самую неприятность, но при этом еще и с простудой. Или останавливать моего тетеревятника, когда он рвется выцарапать тебе глаза.

— Или на самом деле привлечь к себе — к нам — внимание лорда Чейнара, — поправил его Тень, придвинулся ближе к Валину и заговорил потише: — Наш лорд в настоящий момент не слишком-то доволен жизнью. Кажется, на одной из его людских ферм произошли какие-то беспорядки.

— Да ну? — Валин внезапно решил последовать примеру Тени и полюбоваться пейзажем за окном. Возможно, за ними действительно никто не следил — а может, Меро просто не мог засечь наблюдателей, — но соблюдать осторожность не мешало. Хотя бы на всякий случай. — И что же там за беспорядки?

— Когда мы только прибыли в поместье, он получил известие, что среди последнего выводка молодняка некоторое количество наделено магическими способностями, — сообщил Тень, когда оба юноши уставились в окно на мокрые деревья. — Это произошло как раз перед нашим прибытием — когда он велел мне отнести груз в покои, а тебя пригласил в кабинет. Я не мог раньше ничего тебе сказать, потому что Чейнар как-то за нами наблюдал. А теперь либо наблюдатель понадобился ему где-то в другом месте, либо Чейнар успел решить, что мы совершенно безвредны.

— Искренне хочется надеяться на второе, — мрачно отозвался Валин. — Так, значит, дети с магическими способностями... Полукровки?

Меро покачал головой.

— Нет. Чистокровные люди. В этом имении ты можешь не надеяться на встречу с полукровкой. Чейнар стерилизует всех своих наложниц. А любой из здешних эльфов, кого застукают с любой женщиной, кроме стерилизованной наложницы, вылетит за ворота без гроша в кармане.

— Чистокровные люди... — Валин на мгновение задумался. — То есть летающие предметы и прочие обычные признаки были налицо?

Тень повернул голову ровно настолько, чтобы двоюродный брат увидел его одобрительную улыбку.

— А твой отец выучил тебя куда лучше, чем сам о том догадывается.

— Мой отец вообще не догадывается, что я об этом знаю, — поправил его Валин. — Большинство эльфийских лордов моего возраста считают, что человеческая магия — это миф, и мой отец, похоже, предпочитает, чтобы так оно и оставалось. Ну, так что там произошло с детьми?

— А, вот это-то и отвлекло от нас Чейнара, — прошептал Тень. В голосе его проскользнули довольные нотки. — Похоже, эти дети просто исчезли. Пропали прямо из рабского барака, и еще до того, как надсмотрщики смогли точно выявить тех, кто им нужен. Пропало около десятка детей. Вечером они ложились спать вместе со всеми остальными, а утром их уже не было.

— Они что? — Валину потребовалось значительное усилие, чтобы заставить себя говорить тише. — Как они могли...

— Им помогли, — Тень облизнул губы, и Валин задрожал от волнения. — Вал, я слышу магию с того самого момента, как мы сюда приехали. И ее довольно много, но исходит она не из этого имения. Она идет откуда-то из-за леса. Я почти уверен, что это как-то связано с исчезновением детей из рабских бараков.

— Так что, здесь есть другие полукровки? — прошептал Валин, обращаясь то ли к себе, то ли к Тени. Не услышав ответа, он обернулся и увидел, что Меро спокойно и серьезно смотрит на него.

— Я не знаю, Вал, — отозвался Тень. — Я не настолько силен, чтобы определить, что там такое и кто за этим стоит. Но я знаю, что эти дети исчезли, и что это как-то связано с магией,

и что Чейнар очень, очень обеспокоен. Вот и все, что я *могу* тебе сказать.

— Этого довольно, — сказал Валин. Одна лишь мысль о подобной возможности глубоко взволновала его. — Для меня этого вполне довольно, чтобы что-то предпринять. Я не могу обучать тебя, потому что просто не знаю, на что ты, собственно, способен. Но если где-то здесь есть волшебник, у которого хватило сил на похищение детей, и если я сумею найти его через магический кристалл и понаблюдать за ним, я смогу хоть что-то тебе показать.

— Ну... — неожиданно протянул Тень и приподнял брови. Взгляд у него сделался отсутствующим. — Тогда лучше приготовься наблюдать. Потому что я слышу его... их... и они сейчас находятся в этом лесу!

Глава 18

Кеман застыл посреди дороги — холодный осенний ветер играл его гривой и хвостом — и вскинул голову. В сознании у него внезапно прозвучала мелодичная трель.

Магия... Эльфийский лорд? Здесь? Что-то в этой трели чудилось знакомое...

Потом Кеман понял, кого ему напомнила эта «мелодия». Последнее существо, которое он ожидал бы здесь встретить. «Огонь и Дождь, да это же Шана! Она жива! С ней все в порядке!»

Теперь Кеман понял, что означало выражение двуногих «волосы дыбом встали» — оно оказалось на удивление точным. Вроде бы как это волосы могут встать дыбом? А вот поди ж ты, когда Кеман впервые за несколько месяцев ощутил присутствие Шаны, у него действительно чуть ли не вся грива встала торчком. Молодой дракон слегка приподнял хвост и напрягся, стараясь определить направление.

«Это она! — думал Кеман. Сперва он был оглушен, потом просто не мог поверить в происходящее, а потом его с головой захлестнула волна радости. — Это она! Я нашел ее! Я нашел!»

Это действительно была магия Шаны — в том не могло быть ни малейших сомнений. Но теперь она стала намного сильнее, чем была тогда, когда девочку изгнали из Логова. И теперь Шана намного лучше ее контролировала. Кеман явственно чувствовал это по сложности и безусловной мощности мелодии и по

общему ощущению — казалось, что эта магия льется без малейших усилий. В общем, с Шаной произошли поразительные перемены.

И это предвещало для Рода и Логова много нового и любопытного — вот только они с Шаной вернутся... Если Шана стала настолько сильной, она по праву займет свое место, и никто больше не сможет ее выгнать! Больше никто и никогда не сможет причинить ей никакого вреда...

Но на самом-то деле все это сейчас было неважно. А значение имело только то, что Кеман ее нашел. «Я просто не дождусь, когда смогу увидеть ее и расспросить, что же с ней произошло!» Кеман вскинул голову и заплясал от радости. Все его уныние мгновенно как рукой сняло.

Кеман быстро огляделся по сторонам — скорее в силу привычки. Все равно уже темнело, а кроме того, он вот уже... вот уже несколько дней не встречал на этой заброшенной дороге ни единой живой души. Чтобы заставить хищников и охотников держаться подальше, Кеман принял облик однорога, но теперь не было особой необходимости удерживать его — тем более сейчас, когда его никто не видел. Не колеблясь ни мгновения, Кеман метнулся в воздух и уже в прыжке с облегченным вздохом принял родной драконий облик.

Уже не в первый раз у него промелькнула мысль: и как только мама умудрялась так много времени проводить в измененном облике? Постоянно чувствуешь себя так, словно тебе тесно в собственной шкуре. Впрочем, до нынешнего момента у него все равно не было выхода. Уже несколько раз Кеман, считая себя в полной безопасности, после очередного поворота дороги сталкивался нос к носу то с человеком в ошейнике, идущим по поручению своего господина, то вообще с целым людским обозом. Людей в ошейниках совершенно невозможно было учуять магически и определить их местонахождение. Потому Кеману и приходилось постоянно поддерживать облик однорога. Он тоже был достаточно необычен, но при этом настолько грозен, что все любопытствующие держались от него подальше.

Притягательная магическая мелодия зазвучала снова. На этот раз она длилась довольно долго, как будто Шана выполняла некое действие, требующее значительного времени. И к этой мелодии присоединились другие, послабее. Значит, Шана там не одна. Да, действительно — Кеман теперь почувствовал присутствие... гм... еще шести-семи волшебников и еще некоторого количества людей. Люди не носили ошейников и были

весьма молоды. Кеман определил направление и устремился туда, держась над самыми верхушками деревьев. С каждым взмахом крыльев его радость все возрастала, и ему хотелось запеть в унисон с мелодией мастерски сработанного волшебства. «Мне просто не верится — я нашел ее, все-таки нашел! И никто больше не отнимет ее у меня!»

Прошедшая зима была просто ужасна. Поместье лорда Дирана оказалось так же бедно полезными сведениями, как и город. Выбранная Кеманом маска юного эльфийского лорда сделала его практически невидимым. Впрочем, для некоторых случаев облик человека-раба оказывался еще удобнее. В большинстве поместий на рабов обращали чрезвычайно мало внимания — по крайней мере, до тех пор, пока они работали или хотя бы не увиливали от исполнения порученной работы. Но все эти ухищрения не помогли Кеману разжиться хоть какими-нибудь сведениями. Шана словно сквозь землю провалилась.

В конце концов, исчерпав все прочие возможности, Кеман направился в глушь. Ходили слухи, будто там обитают некие «дикие люди». Вдруг Шана убежала к ним? А из-за особенностей здешнего ландшафта и обилия диких животных путешествовать по здешним немногочисленным дорогам было довольно затруднительно.

Да и вообще, здесь становилось ясно, что эльфийские лорды не настолько безраздельно господствуют над этим миром, как им самим кажется.

По своей воле ни один эльф не захотел бы проехать по этим дорогам — да и люди здесь не ездили, если только не получали прямого приказа. Здесь каждый год по неизвестным причинам исчезало несколько обозов и еще большее количество путешественников, в силу настоятельной необходимости или в силу собственной глупости пустившихся в путь в одиночку. Официально эльфы утверждали, что исчезновения эти следует списать на природные бедствия и диких животных, но слухи твердили об огромных шайках людей, которыми вроде бы командовал некий неизвестный эльфийский лорд. Вот эти-то разбойники и нападали на неосторожных путешественников, грабили их, а потом убивали.

Но ходили и другие слухи — об этом вообще лишь тихо шептались по углам, — о том, что командовали там вовсе не какие-нибудь эльфийские лорды, а люди, и что эти люди поклялись умереть, но не надевать ошейника.

По правде говоря, за все время пути Кеман так и не увидел никаких огромных шаек ни из людей в ошейниках, ни каких-либо других. Все, что он видел, — это последствия грубейшего вмешательства эльфов в погоду и их издевательства над природой. Чудовищные бури налетали словно из ниоткуда и обрушивали на здешние края потоки ливня либо хоронили окрестности под снегом и льдом. А еще Кеман никогда прежде не видел столько однорогов, и черных, и белых. Наверное, добрая половина всех однорогов, сколько их есть на белом свете, обосновалась здесь, в этих диких краях. А ведь однороги были далеко не самыми опасными из животных, бродящих по здешним зарослям. Кеману довелось столкнуться со множеством неизвестных ему существ: эльфы не раз пытались создать животных, способных сотнями уничтожать в битвах пешек-людей, и вот здесь бродили неудачные последствия этих экспериментов. Очевидно, однорогов эльфам оказалось недостаточно, и должных выводов они не сделали.

Так что не нужно было никаких «огромных шаек», чтобы объяснить исчезновения путников на этих дорогах. Для того, чтобы здешние края сделались негостеприимными и оставались таковыми, вполне довольно было эльфийского разгильдяйства.

Постепенно становилось все темнее, но Кеман уже переключился на ночное зрение: он одновременно и улавливал весь доступный свет, и видел тепло, исходящее от всех предметов. Вторая особенность давала ему значительное преимущество — молодой дракон мог видеть, что происходит под пологом леса. Мощные удары драконьих крыльев создавали небольшие воздушные водовороты, и там, где пролетал Кеман, ветви начинали ходить ходуном, а самого Кемана обволакивал хвойный запах.

Песнь магии смолкла, но Кеман уже четко определил направление. Его способности к мысленной беседе были довольно ограниченны, но как только Кеман решил, что Шана уже может его услышать, он принялся звать ее. Сперва ему никто не отвечал, — именно этого Кеман и ожидал, — но когда он приблизился к тому месту, откуда доносилась магическая мелодия, он услышал ответ — и произошло это куда быстрее, чем Кеман смел надеяться.

«Кеман? — неуверенно и недоверчиво прозвучало у него в сознании. — Кеман, так это... Это ты! Огонь и Дождь, я даже не думала... Где ты?» Голос Шаны, сильный и отчетливый, был

слышен даже лучше ее магии. У Кемана промелькнула мысль: должно быть, Алара была бы довольна успехами Шаны.

«К северо-востоку от тебя и двигаюсь в вашу сторону, — отозвался чрезвычайно довольный собою Кеман. — Ты что, вправду решила, что позволю тебя выгнать и даже не попытаюсь тебя разыскать? Я начал искать тебя еще до того, как выпал снег, и...»

«Кеман, со мной несколько спутников, — предостерегающе перебила его Шана. — Полукровки и люди. Я не могу их бросить. А им нельзя видеть тебя — ты сам знаешь. Ты знаешь, что может случиться с тобой и с приемной мамой. Хватит и того, что к эльфийским лордам попал кусок драконьей шкуры — это само по себе достаточно плохо. Да, большинство лордов понятия не имеют, что это такое. Но если кто-нибудь — пусть даже кто-то из врагов эльфийских лордов — увидит настоящего дракона...»

«Не беспокойся, никаких проблем не возникнет, — заверил ее Кеман. — Я знаю, как это уладить. Приготовься: вскоре ты встретишься с давно потерянным названым братом. Он разыскивает тебя с тех самых пор, как те люди из каравана украли тебя и увезли из пустыни. Как лучше — чтобы он был полукровкой или человеком?»

Последовала краткая пауза. Тем временем мощные крылья продолжали работать, сокращая расстояние.

«Лучше полукровка. Тогда я смогу привести тебя в Цитадель — это я потом объясню. А ты пока что придумай какую-нибудь правдоподобную историю насчет того, почему ты отправился меня искать и как ты меня нашел. Я сказала им, что жила в пустыне, но никогда не упоминала ни о тебе, ни об Аларе».

«Хорошо, — отозвался Кеман. Тут он заметил впереди необычно большую группу источников тепла. — Кажется, я тебя вижу, — добавил он, присмотревшись к одному из этих источников. — Сейчас я приземлюсь и подойду».

И с этими словами Кеман оборвал мысленную связь. Посадка в таком густом лесу требовала безраздельного внимания. Честно говоря, в какое-то мгновение Кеман серьезно усомнился, что ему вообще это удастся...

Потом молодой дракон выискал прогалину — здесь когда-то упал один из лесных великанов, подмяв под себя, словно траву, деревья поменьше. На этой просеке было достаточно места, чтобы Кеман мог спикировать туда, затормозить и нормально приземлиться, не калечась об ветви деревьев...

Несколько секунд спустя он уже принял облик полукровки и спрятался в тень. Деревья надежно укрывали его, и можно было спокойно подумать, как лучше подобраться к стоянке. Шаны он сейчас не видел, но с того места, где стоял Кеман, были отлично видны три фигуры — человек и двое полукровок. Отблески огня плясали на их лицах. Все они выглядели очень юными — по крайней мере, на взгляд Кемана. Человек вообще вряд ли видел более десяти зим. Просто взять и подойти к ним Кеман побаивался — вдруг он их напугает? Полукровки могли обладать теми же способностями, что и Шана, а Кеман вовсе не жаждал, чтобы его засыпали камнями и превратили в мокрое место. А может, они и вовсе способны убивать при помощи магии — кто знает. Но и подкрадываться к костру Кеману тоже не хотелось — так его могли неправильно понять.

Но пока он думал, кто-то решил эту проблему за него.

— Не двигаться! — произнес прямо у него над ухом чей-то суровый голос, и в бок Кеману уперлось что-то очень острое. — И радуйся, что твои уши заострены меньше, чем у эльфийского лорда, — иначе тебя уже не было бы в живых.

От этого бесстрастного голоса веяло таким холодом, что у Кемана по спине побежали мурашки и кровь застыла в жилах. Он судорожно вздохнул и попытался откашляться.

— Я... я ищу одного... — начал было Кеман. Он подумал, не стоит ли ему повернуться, но потом решил, что лучше, пожалуй, этого не делать.

— Охотно верю, что именно это ты и делаешь, — с легким оттенком насмешки отозвался неизвестный.

— Нет, правда... Я ищу мою сестру, мою названую сестру, и я проделал очень долгий путь, — отчаянно залепетал Кеман. — Я пришел из пустыни. Я ищу сестру еще с осени. Ее увезли люди...

— Из пустыни? — клинок, упиравшийся в бок, слегка отодвинулся. — И как ее зовут, чужак?

— Шана, — прошептал Кеман. Клинок исчез совсем, и Кеман позволил себе немного расслабиться. — Она пропала много месяцев назад. Остальные не хотели, чтобы я искал ее, потому что они боятся, что эльфийские лорды могут узнать о нас. Но я все равно пошел на поиски. Я уже так долго ищу ее и нигде не могу найти никаких следов...

— Потому, что она много месяцев жила у нас, — сухо произнес незнакомец. — С тобой еще не все ясно, чужак, но ты почти пришел. Двигай к костру. Посмотрим, узнает ли тебя Шана.

Кеман осторожно вышел из-за дерева и, пробираясь среди сплетения ветвей и корней поваленных деревьев, двинулся к кругу света, очерченному пламенем костра. Подойдя немного ближе, он увидел Шану. Казалось, что девочка всецело поглощена беседой с одним из детей. Кроме того, Кеман подметил любопытную деталь — большинство присутствующих здесь полукровок находились в расцвете юности, а вот людей иначе как детьми назвать было нельзя. Хотя Кеман не был знатоком в этих вопросах, он все же определил, что это действительно дети лет десяти, а некоторые и того младше.

Можно было подумать, что Шана с головой ушла в разговор, но Кеман заметил, что время от времени она искоса посматривала по сторонам. Кеман не сомневался, что девочка искала его. Но он не стал снова устанавливать мысленную связь. Если Шана не будет знать, когда он появится, ее удивление будет более искренним и более убедительным для конвоира Кемана. Кстати, Кеман нисколько не сомневался, что именно конвоира нужно убедить в его правдивости. Он умел держаться в лесу, да и вообще знал мир. Он нес стражу, пока остальные жались к костру. Если Кеман допустит какую-нибудь ошибку, неизвестный сразу это засечет.

Когда Кеман вступил в круг света, у него под ногой хрустнула веточка. Все тут же обернулись к нему со смешанным выражением тревоги и удивления. Через долю секунды Шана подхватилась с земли и кинулась к нему.

— Кеман! — закричала она. Кеман неуклюже схватил ее в объятия. — Кеман, Кеман...

А потом Шана разрыдалась. Кеман совершенно этого не ожидал и теперь оторопело стоял, прижимая девочку к себе. Незнакомец хмыкнул и тоже шагнул на освещенное пространство, миновав Кемана и Шану.

— Похоже, ты и вправду тот, за кого себя выдаешь, — сказал молодой полукровка, убирая с лица длинные темные волосы, и одарил своего недавнего пленника кривой улыбкой. Когда Кеман взглянул в глубокие, беспокойные глаза юноши, у него возникло странное ощущение: ему показалось, будто большего знака расположения, чем подобная улыбка, от него вообще невозможно дождаться...

— Слушай, Шана, воссоединение семьи — это, конечно, здорово, но у нас проблема, — произнес другой юноша — не с тем видом уничижительной важности, как обычно произносят подобные слова, а так, словно он говорил совершенно искрен-

не. — У нас на руках дюжина человеческих детей, наделенных магической силой, и нам некуда их девать. Итак, мы их освободили. Что нам теперь с ними делать?

Одна из младших девочек прильнула к нему, и юноша обнял ее. Девочка подняла на него испуганные глаза.

— Он прав, Шана, — спокойно сказал бывший конвоир Кемана. — Ты отлично знаешь, что мы не можем привести их в Цитадель. А они еще слишком малы, чтобы самостоятельно выжить в здешних краях, даже если эльфийские лорды не переловят их в самое ближайшее время. Они никогда не видели большого мира и уж точно не знают, как позаботиться о себе в глухомани!

Еще один ребенок заплакал, и девушка-полукровка принялась утешать его.

Шана отстранилась от Кемана, вытерла глаза и снова сделалась сосредоточенной и деловитой.

— А почему, собственно, мы не можем привести их в Цитадель? — с вызовом спросила она. — Почему? Кто тебе такое сказал? Кто установил правило, запрещающее приводить туда чистокровных людей?

Второй юноша на мгновение просто поперхнулся, а тот, который привел Кемана, отступил на шаг и принялся наблюдать за происходящим.

— Мы не можем взять их с собой! — наконец умудрился выдавить второй юноша. — Такого никогда не делалось! Волшебники никогда...

— Как раз волшебники-то так поступали — в давние времена! — победно произнесла Шана. — И нет никакого закона, который это бы запрещал! Цитадель потому и построили такой большой, что половину ее жителей составляли чистокровные люди с магическими способностями, а вовсе не одни только полукровки! У меня в комнате лежат старые хроники, которые это подтверждают!

У второго юноши отвисла челюсть. А у первого по лицу скользнула тень одобрения — по крайней мере, так показалось Кеману. Кеман с удивлением понял, что Шана и вправду главенствовала в этой группе. Именно она разрабатывала планы и принимала решения.

Да, Шана сильно изменилась. Она и во время пребывания в Логове отличалась мятежным духом, но тогда это сопровождалось изрядной сумбурностью. Шана и сейчас осталась мятежницей, но теперь она четко знала, как добиться желаемого, — и остановить ее было не под силу даже Огню и Дождю.

— Слушайте, — сказала Шана, понизив голос, — сейчас наша главная задача — сбить эльфийских лордов со следа. Они явно будут охотиться на нас. Зед засек, что они пытались отыскать нас при помощи магии, и я тоже это замечала. А потому я предлагаю разделиться. Если вы ночью потихоньку проведете детей в Цитадель, старшим волшебникам не придется решать, пускать их туда или нет, — дети ведь уже будут там. Не идите через главный вход, а воспользуйтесь одним из тех запасных туннелей, которые я вам показывала. Тогда взрослые ничего и не узнают, пока не станет поздно.

— А ты тем временем что будешь делать? — спросил первый волшебник. Что-то в его тоне заставило Кемана предположить, что юноша наперед знал, что ответит Шана.

— А мы с Кеманом уведем погоню в другую сторону, — уверенно отозвалась Шана, хотя Кеман чувствовал, что ее бьет дрожь. — Думаю, вдвоем с ним мы сможем убедить охотников, что мы по-прежнему движемся одной группой. Мне придется поработать, но это будет даже по-своему легче, чем двигаться всем вместе.

Кеман кивнул, чувствуя, что пора как-то выразить свое согласие.

— Мы с Шаной уже проделывали такое раньше — в смысле, сбивали врагов со следа. Нам всю жизнь приходилось этим заниматься, — совершенно честно сказал Кеман. — Мы замаскируем ваш след, а наш сделаем отчетливым. По правде говоря, двоим легче изобразить, будто здесь прошло два десятка, чем двум десяткам изображать, будто здесь прошло двое. Мы уведем их на север, а потом оторвемся от погони.

— И как же? — скептически спросил первый волшебник.

Шана улыбнулась.

— Положись на меня, Зед. Эльфам покажется, будто мы отрастили крылья и улетели.

При этих словах Кеман едва не расхохотался, и чтобы скрыть смех, он сделал вид, будто его разбирает кашель. Все с любопытством посмотрели на него. Кеман покраснел и поспешно принялся сочинять правдоподобное объяснение.

— Там... там очень много однорогов. Шана всегда умела управлять ими. Если по нашему следу пробежится табун однорогов, никакой демон после этого его уже не разыщет.

Зед пожал плечами, но Кеман снова увидел в его глазах одобрение.

— Ладно. Если ты это сделаешь, я берусь справиться со старшими, когда они обнаружат детей. Возможно, мне даже удастся перетянуть Денелора и Агравейна на нашу сторону; эти двое никогда не могли устоять перед детьми. Когда начинаем действовать?

— На рассвете, — решительно сказала Шана. — Так будет лучше. Особенно если к этому времени пройдет дождь — он смоет следы.

«Ну, Кеман, — прозвучало в сознании у молодого дракона, — хорошо ли ты теперь умеешь вызывать дождь?»

«Не хуже, чем прежде, — невозмутимо заверил Кеман. — Не только ты успела кое-чему научиться».

«Ну, и не только ты. Кстати, идея насчет однорогов очень даже неплоха. Мы вполне можем ею воспользоваться, если подвернется удобный случай, — так же серьезно отозвалась Шана. Эта серьезность была чем-то новым и непривычным для Кемана. — Ну что ж, пора показать друг другу, чему мы научились».

Кеман обнял девочку за плечи. Он давно уже наблюдал этот распространенный среди двуногих жест, но сам никогда еще его не применял. К удивлению Кемана, этот жест ему понравился. Очень понравился. Он позволял... позволял почувствовать, что ты больше не одинок.

«Я согласен, — произнес молодой дракон. Ощущение тепла заполнило его мысли и придало ему уверенности. — Давай покажем им всем, чему мы научились».

Шана удивленно взглянула на Кемана, а потом счастливо улыбнулась.

Валин наклонился и несколько мгновений пристально рассматривал раскисшую землю. С краев промокшей шляпы сорвалось несколько капель и угодило ему за шиворот. Валин не считал возможным воспользоваться сейчас магией, чтобы уберечься от дождя. В окрестностях и так чувствовалось слишком много магии. А ему вообще не полагалось находиться в этой глухомани. Если кто-нибудь засечет его, охотники мгновенно поймут, что где-то здесь присутствует еще один эльфийский лорд. И тогда погоня может пойти уже по его следам. Ведь, в конце концов, уже не первый десяток лет ходили слухи о каком-то эльфийском лорде, возглавляющем разбойничью шайку людей в ошейниках. И, конечно же, такого ренегата постараются поймать в первую очередь. Неизвестная группа, освободившая рабов, может и подождать. Тем более что это освобождение тоже может быть связано с загадочным бандитским вожаком.

Нет, ни ему, ни Тени такого счастья не нужно. Чейнар не знает, что Тень — полукровка, но если он решит действовать стремительно и вновь применит против Валина свои принуждающие заклятия...

«То я могу просто-напросто проболтаться», — горестно подумал юноша. Теперь Валин знал, почему Чейнар редко пользуется магией. Он предпочитает сберегать силы для тех случаев, когда ему требуется узнать, что происходит в чужом сознании, что за тайны там прячутся. И он и вправду умеет это делать. «Если бы он тогда не прекратил расспрашивать меня, я бы рассказал ему о Меро. Я знаю, что рассказал бы».

— Больший отряд ушел вон туда, — сказал Валин, указав направление. — И я думаю, что, если им повезет, дождь начисто смоет все следы задолго до того, как Чейнар их обнаружит. Но одна полукровка — та самая, которая нам нужна, — двинулась вон в ту сторону, и она даже не пытается скрыть свои следы.

— Она уводит погоню за собой, — спокойно произнес Тень, глядя через пелену дождя в ту сторону, куда указал Валин. — Я в этом уверен. Она — лучшая из них. Валин, я должен найти ее, или я так никогда и не узнаю, на что способен. Остальные ведь никогда не поверят какому-то...

Тень запнулся на полуслове и вспыхнул, почувствовав себя неловко. Валин неуклюже хлопнул его по плечу.

— Я понимаю, — с легкой печалью произнес он. — Я стал для тебя помехой. Если я уйду прямо сейчас...

— Ты не можешь уйти, и мы оба это знаем! — с неожиданной горячностью оборвал его Тень. — Если ты вернешься, я даже не представляю, что с тобой сотворит отец — и не посмотрит, наследник ты ему или кто. Он может даже захотеть убить тебя. В любом случае достанется тебе крепко — а ты знаешь, на что он способен. Он обработает тебя магией, и ты уже не будешь прежним Валином. У тебя нет выбора. Но она спасла людей и убедила своих помощников увести детей туда, где живут остальные волшебники. Если кто-то и примет нас обоих, так это она. А без тебя никуда я не пойду.

Валин судорожно сглотнул, пытаясь справиться с душившим его комком в горле. Чейнар застукал его, когда Валин при помощи магии следил за перемещениями и действиями моло-

дых волшебников, — а ни самому Чейнару, ни его помощникам почти ничего не удалось о них узнать.

Происходящее Чейнара не удивило. Валин должен был прийти к нему и сообщить все, что он разузнал. Они оба это знали. А потому Чейнар использовал самые жесткие из принуждающих заклятий, чтобы вытянуть из Валина все, что удастся. А потом он ушел, а покрытый испариной Валин свалился беспомощной грудой. Чейнар считал, что уже услышал все, что ему было нужно, — где находятся изгои и что они делают. И еще он узнал, что Валин следил за ними для каких-то собственных целей.

Чейнар думал, что эти цели ему известны, что Валин работает на Дирана — или, может даже, на себя против Дирана и Чейнара. А что, вполне логичное предположение. Это был бы не первый случай, когда сын пошел бы против отца. Чейнар и сам так поступил, когда заключил союз с Дираном и попросту отобрал имение у своего отца.

Хвала Предкам, насчет Валина Чейнар ошибся. И он очень спешил — ему не терпелось начать охоту. Если бы допрос продлился чуть дольше...

Но он не продлился. Через некоторое время Тень очнулся — он не мог даже сказать, сколько времени ему на это потребовалось, настолько заклинания Чейнара затуманили ему сознание, — и помог Валину прийти в себя. И тогда Валин окончательно понял, что произойдет, когда лорд Чейнар вернется с охоты, вне зависимости от того, выдастся ли она удачной или нет.

Как только его магические силы восстановятся после охоты, Чейнар первым делом снова придет к Валину, и на этот раз не успокоится, пока не вытянет из юного эльфа всю подноготную.

Он узнает, что Тень — вовсе не обученный телохранитель, за которого себя выдает. Он узнает, почему Тень находится при Валине, — и узнает, кто он такой.

И полукровка окажется в полной его власти.

А потом Чейнар сообщит лорду Дирану о том, что натворил Валин, и отправит Тень обратно. А может, и не отправит. Возможно, он предпочтет лично уничтожить «опасного полукровку». Это уже неважно. Как только Чейнар вернется в свое имение, и Тень и Валин обречены.

Хотя Валина била дрожь и ноги у него были словно ватные, юноша изложил другу свой план и принялся собирать вещи, которые могли понадобиться в пути. Меро занялся тем же самым. Утром они заявили, что по приказу лорда Чейнара отправляются за ним вслед, оседлали лошадей, прихватили дорожные сумки и поехали в глушь.

Всего через несколько часов путешествия по лесу они потеряли лошадей. Одну утащило какое-то существо, пока юноши обустраивали свою первую стоянку. Они даже не увидели, как это произошло — лишь услышали шум. А вторая, удирая от неведомой твари, сломала себе ногу.

Ну что ж, по крайней мере, у них остались сумки.

Возможно, это было лишь к лучшему. Если кто-нибудь все-таки найдет лошадей (точнее, то, что от них останется), то логично будет предположить, что Валин и Тень тоже стали жертвами неизвестного хищника. Юный и рьяный эльфийский лорд вполне мог последовать за Чейнаром вне зависимости от полученных приказов — следить, чтобы не страдали интересы его отца. В общем, это происшествие поможет им хотя бы отчасти выглядеть невинными овечками. Возможно, Чейнару даже не покажется подозрительным их внезапный отъезд из имения.

Теперь, когда они остались без лошадей, юношам пришлось передвигаться на своих двоих. Но в этом тоже обнаружилось неожиданное преимущество. Чейнар и его охотники здорово промахнулись, определяя нынешнее местонахождение волшебников, и теперь носились где-то вдалеке. А Валин с Тенью шли пешком, но зато располагали точными сведениями. И потому они обнаружили стоянку волшебников как раз перед тем, как с унылого свинцового неба полил дождь.

Вскоре все следы группы будут смыты подчистую. А вот след, оставленный девчонкой, настолько отчетлив, что вполне может уцелеть и в этом потопе, — и это лишний раз свидетельствовало, что она действовала вполне обдуманно.

Валин поправил ремень сумки и двинулся по следу девчонки, держа лук наготове. По пятам за ним двигался Тень — он выискивал ментальный след. По крайней мере в нынешней ситуации у Валина было заметное преимущество перед Тенью. Охота считалась одним из подобающих развлечений для молодых эльфийских лордов, и Валин куда больше упражнялся в обращении с луком, чем Тень. На самом-то деле тот факт, что Тень хоть сколько-то владел оружием, уже был вопиющим нарушением правил. Пользоваться чем-либо опаснее обычного кухонного ножа разрешалось только воинам, гладиаторам и убийцам; притом всех этих рабов тщательно отбирали, обучали и добавляли к их ошейникам специальные подчиняющие заклятия. В доме у Чейнара никто не удивился, увидев у Меро

оружие, поскольку предполагалось, что этот юноша — телохранитель. А вот если бы он рискнул показаться в таком виде в поместье Дирана, его скорее всего покарали бы смертью.

Потому Валин и шел впереди — на тот случай, если они столкнутся с какой-нибудь опасной тварью вроде той, которая погубила их лошадей. А кого не прикончит стрела, того доконает магия.

«А может, я здорово ошибаюсь». Валин видел отпечатки когтей той твари, которая убила лошадь, и помнил, с какой скоростью она двигалась. Если такая же зверюга сейчас выскочит на них из засады, неизвестно, успеет ли он выстрелить хоть раз.

Но говорить этого Тени Валин не стал. Пребывание в диком лесу и без того уже подействовало на юношу угнетающе. Меро отлично знал жизнь в четырех стенах поместья. Он был искушен в интригах и мог любого — ну, почти любого — обвести вокруг пальца. Здесь же он чувствовал себя потерянным.

— Насколько она опережает нас? — спросил Валин, взглянув через плечо. Меро с трудом пробирался через подлесок. Вид у него был довольно жалкий: голова поникла, плечи опущены...

Валин ничего не мог с собой поделать: аналитическая, до жестокости логичная часть его сознания сказала: «Он даже не смотрит, что творится вокруг — пялится лишь себе под ноги».

— Думаю, до сумерек мы ее догоним, — приглушенно и неразборчиво отозвался Меро. — Она к этому времени наверняка остановится на ночевку. Сомневаюсь, что Чейнар подберется настолько близко, чтобы разыскать ее след — по крайней мере, до завтра. Он сейчас сильно южнее и западнее. Это так же верно, как то, что он рвется скакать по ее следам, словно молодой козел.

Валин коротко рассмеялся.

— Кстати, я забыл тебе сказать: поблизости сейчас нет опасных зверей, — добавил Меро. Судя по голосу, он ничуть не сердился. — Во всяком случае, ничего настолько крупного, что нам стоило бы обеспокоиться. Я слежу за этим. Я не настолько уж бесполезен, как может тебе показаться.

Валин покраснел. Неужели Тень все-таки услышал его недавние мысли? Но потом Валин вспомнил прошлую ночь... и произнес слова, которых вроде бы и не собирался говорить.

— А вдруг такая тварь умеет маскировать свое сознание? — возразил юноша. — Та, вчерашняя зверюга умела — во всяком случае, ты ее не заметил до тех самых пор, пока лошади не пришел конец.

— Я тогда не следил, что творится вокруг! — немедленно возмутился Меро и сердито взглянул на кузена. — А теперь слежу!

— А тебе хочется рисковать жизнью и на своей шкуре проверять, может такая зверюга маскироваться или нет? — после короткой паузы отозвался Валин. — Извини, Меро, но вот мне что-то не хочется. Сейчас мне вообще почему-то не хочется рисковать жизнью.

Повисла тишина. Валин оглянулся еще раз и увидел, что Меро снова повесил голову. Потом все-таки послышался тихий голос:

— Мне тоже не хочется.

Валин проверил колчан со стрелами, потом попробовал, не ослабела ли тетива.

— Ну так будем оба делать все, что в наших силах, — мягко произнес он. Валину было неловко, что он затеял такой скользкий разговор, хоть он и был нужен. — И постараемся как можно быстрее найти эту девушку, потому что она явно круче нас обоих, вместе взятых!

С этими словами Валин слабо усмехнулся и, почувствовав себя немного лучше, повернулся и двинулся по следу.

Шана насторожилась и схватила лежавший рядом арбалет. Знобящий страх пробежал по ее телу, словно ледяная молния. Девушка принялась взглядом и мыслями обшаривать темноту, сомкнувшуюся за пределами освещенного круга. Кто-то притаился в темноте и оттуда следил за ними. Еще секунду назад этого кого-то здесь не было...

Или он до сих пор маскировал свое присутствие. А это означало, что здесь задействована магия, причем такая, какой владели лишь эльфийские лорды и полукровки. Люди могли скрывать свои мысли, если были наделены магической силой или если на них был надет ошейник, но скрыть чье-либо присутствие было под силу лишь эльфийской магии. Величайшие волшебники древности способны были даже скрыть предательский «шум», возникающий при использовании магии. Для эльфов же такие вещи были в порядке вещей, только они редко утруждали себя подобной возней. А это означало, что к костру подобрался то ли эльф, то ли самый сильный из известных Шане волшебников.

Стоп! Шану пробрал озноб, и она еще крепче стиснула ложе арбалета. Неизвестный маскировал присутствие двоих существ. Да, там их было двое. Один из них шелохнулся, и до Шаны долетел резковатый запах потревоженной влажной листвы.

Прежде, чем Шана успела возвести мысленный барьер, в сознании у нее зазвучал нерешительный голос:

«Да, нас тут двое. Мы ищем вас. Нам очень нужна ваша помощь».

«Голос» звучал и нерешительно, и неуверенно, словно говоривший не привык общаться подобным образом. Впрочем, это не уменьшило страха Шаны. Девушка по-прежнему оставалась начеку. А вдруг какой-нибудь эльфийский лорд решил использовать для своих целей полукровку или человека с магическими способностями? Шана никогда не сталкивалась с подобными случаями, но это еще не значило, что такого не могло произойти. В конце концов, в старинных записях упоминалось о подобных подозрениях. Неужели худший из ее страхов обернулся правдой?

— Подойдите сюда, так, чтобы я могла вас видеть! — произнесла она вслух.

«Шана, один из них...» — начал было Кеман. И тут в круг света нетвердой походкой вступили две тени. В свете костра стали видны темные волосы, слегка заостренные уши и зеленые глаза одного из неизвестных. А вот у второго обнаружились белокурые волосы, острые уши, резковатые черты лица, алебастрово-белая кожа и зеленые глаза.

«...эльфийский лорд», — закончил все-таки Кеман.

Правда, это было громко сказано: эльф сейчас ну никак не походил на лорда. Мокрые спутанные волосы прядями падали на лицо и довершали работу пляшущих теней — рассмотреть его толком было невозможно. Оба незнакомца выглядели прескверно: мокрые до нитки, грязные, уставшие, одежда изорвана, а лица бледны от холода. Шана посмотрела в глаза полукровке и поняла, что может ему посочувствовать: во взгляде юноши светилась надежда на грани отчаяния.

«Это мой друг и двоюродный брат», — с вызовом поправил Кемана полукровка. Он шагнул вперед, встал между юным эльфом и Шаной и заговорил вслух:

— Мы с Валином пришли искать помощи. Он спасал меня столько раз, что я давно потерял этому счет. Он не такой, как остальные лорды. И сейчас ему грозит такая же опасность, как и нам всем. А может, даже большая.

«Любопытная история — если, конечно, это правда», — Шана подняла свой арбалет так, чтобы он смотрел в грудь полукровке. С такого расстояния арбалетная стрела, подкрепленная магией Шаны, просто прошила бы обоих чужаков навылет.

Оба юноши слегка попятились. Шана смерила их откровенно недоброжелательным взглядом.

— А может, он просто использует тебя, чтобы отыскать волшебников? — сказала она. Шана решила немного потянуть время и дать Кеману возможность приготовиться к быстрой смене облика — вдруг понадобится. — Вы взялись неизвестно откуда. А я знаю, что за мной сейчас гонятся эльфы. Ты мне говоришь, что я должна помочь вам, потому что вы, дескать, в опасности. А мне это здорово напоминает ловушку. Пока что я не вижу никаких оснований верить вам. Он преспокойно может держать тебя под контролем.

Реакция полукровки на эти слова несколько удивила Шану: юноша выругался, сорвал с себя ошейник и швырнул его на землю.

— Смотри! — яростно воскликнул он. — Это тебя убедит? Проклятие! Мы замерзли и вымотались, мы голодны, мы в такой же опасности, как и вы, — и мы беспомощны!

— И все это можно изобразить нарочно, — холодно отозвалась Шана. — А он может контролировать тебя и другими способами помимо ошейника. Ошейники — это всего лишь самый подходящий предмет для запечатления принуждающих заклинаний.

Эльфийский лорд — как там его, Валин? — шагнул вперед из-за спины своего спутника. Впрочем, лицо его по-прежнему осталось в тени.

— Похоже, ты неплохо в этом разбираешься, — тихо сказал он. — Но Меро говорит, что ты намного сильнее его. Почему бы тебе тогда просто не заглянуть в его мысли и не убедиться, что он не лжет? О Предки, если уж на то пошло, ты можешь прочесть и мои мысли! На здоровье!

Вот тут Шана действительно удивилась. Девушка оглянулась на Кемана. Тот лишь пожал плечами.

— Я могу присмотреть за ними, если тебя это беспокоит, — сказал он. — Как бы хороши они ни были, со мной им не справиться.

Шана несколько усомнилась в том, что Кеману и вправду под силу справиться с двумя противниками сразу, но оставила свои сомнения при себе. В конце концов, Кеман провел несколько месяцев среди эльфов и видел, на что они способны. Если он считает, что может остановить сильного эльфийского мага, то, возможно, у него действительно есть основания так думать.

А может, и нет. Трудно было сказать точно. Но ситуация превратилась в патовую: они не могли довериться чужакам, но и прогнать их тоже не могли.

Шана неохотно кивнула.

— Ладно, — сказала она и опустила арбалет, потом добавила, уже для Кемана: «Надеюсь, я не совершаю непоправимой ошибки. И надеюсь, что ты не хвастаешься».

Шана опустила веки...

Мгновение спустя она открыла глаза и заулыбалась.

— Проходите и садитесь к костру, — сказала девушка. Юноши заметно расслабились — сперва Меро, а потом и его двоюродный брат. — Нам предстоит долгий разговор.

Меро неуверенно улыбнулся в ответ и шагнул в сторону, пропуская брата вперед. Валин откинул мокрые волосы с лица и тоже улыбнулся Шане. И только теперь она по-настоящему его рассмотрела.

Девушка вспыхнула, уставилась на юного эльфа, а потом быстро отвела взгляд. Даже сейчас — насквозь мокрый, грязный и усталый — он показался Шане самым прекрасным существом, какого она только видела за свою жизнь...

И она понятия не имела, что же с этим делать.

Глава 19

«Мы узнаем о местонахождении эльфов по их ауре, по звучанию их магии. А о местонахождении их рабов-людей мы узнаем по специфической мысленной пустоте, создаваемой их ошейниками».

Это была дословная цитата из дневника Каламадеа.

«Неважно, где именно они находятся, неважно, насколько они опытны и сильны, — этих двух предательских подробностей они скрыть не могут».

За последнюю пару дней Шане не раз уже выпадала возможность проверить точность дневниковых записей. Дракон-волшебник был безукоризненно точен. Действительно, как бы эльфийские лорды ни старались скрыть свое местонахождение, это слабое гудение магии, слышимое лишь для другого мага и напоминавшее отдаленное гудение улья, все равно пробивалось сквозь щит.

Взгляд Шаны был устремлен на маленький костер. Но на самом деле девушка смотрела не на языки огня, а сквозь них. Она обшаривала уже пройденную территорию, выискивая присутствие магии.

Один отряд... Два...

Огонь и Дождь! За ними шли три отряда охотников! Что за осиное гнездо она разворошила?

А может, рвение охотников связано не с освобожденными детьми, а с нынешними спутниками Кемана и Шаны?

Девушка прилагала все усилия, стараясь не смотреть на безукоризненно совершенное лицо Валина, но у нее ничего не получалось. С того момента, как Валин присоединился к ним, прошло уже много дней. Точнее говоря, счет пошел уже на недели. И все же в его присутствии Шана до сих пор чувствовала себя как-то... странно. Девушка не понимала, что происходит. И ей это не нравилось. И в то же время нравилось. «Огонь и Дождь, я уже совсем запуталась!»

Дело было даже не в невероятной красоте Валина. Шана повидала много красивых эльфов. На самом деле все эльфы были достаточно красивы, чтобы большинство людей могли лишь позавидовать им в этом отношении. Кроме того, Шана была знакома и с полукровками, выглядевшими не хуже эльфийских лордов. Да взять хоть того же Зеда. Большинство мужчин-полукровок были так хороши собой, чтобы вскружить голову любой женщине...

В общем, с того самого момента, как Шана попала в плен, вокруг нее всегда было полно привлекательных молодых мужчин. И ни один из них не произвел на нее ни малейшего впечатления.

Так почему же при виде Валина ей становилось настолько не по себе?

Каждый раз, когда Шана смотрела на него, ее охватывала странная застенчивость. При этом она чувствовала каждый обращенный на нее взгляд Валина — на нее словно падали лучи двух маленьких солнц. Шане отчаянно хотелось как-нибудь порадовать Валина, сделать так, чтобы он гордился ею. И все это началось с той самой ночи, когда Валин и Меро вышли к их костру.

Когда Валин смотрел на Шану, девушку одновременно бросало и в жар, и в холод. Когда он заговаривал с ней, Шана тут же теряла нить разговора. По сравнению с Валином его двоюродный брат, Меро, действительно был не более чем тенью —

вот уж удачное прозвище. Днем Шана при малейшей возможности смотрела на Валина, а по ночам видела его во сне.

Чем дальше они забирались в дикие земли, тем сильнее становились чувства Шаны. Но при этом девушка смертельно боялась сказать о них Валину, как будто эти слова могли уничтожить сны, кружившие ее каждую ночь.

А может, так оно и было. Пока Валин держался в стороне, Шана могла предаваться грезам, сколько ее душе угодно. Но если она скажет ему о своих чувствах, Валину придется что-то ей ответить, — и этот ответ будет означать, что в их отношениях что-то изменится. Неизвестно, в какую сторону, но изменится.

Шана даже не знала, какими сейчас были их отношения... если тут вообще можно было говорить о каких-то отношениях.

Валин разговаривал с Кеманом и своим братом, а Шана грустно смотрела сквозь пламя костра на его безукоризненный профиль. Речь Валина, как и все его манеры, была мягкой и учтивой, а в голосе звучала музыка, — как будто несколько человеческих голосов вели песню.

Если она признается Валину в своих чувствах, он либо посмеется над ней, либо отнесется к этому серьезно. В любом случае грезам придет конец. А Шане хотелось еще немного помечтать, представить себе, как могли бы развиваться их отношения...

Нет, Шане совершенно не хотелось возвращаться к реальности. В конце концов, с чего она взяла, что утонченный эльфийский лорд может найти ее привлекательной? Он наверняка мечтает о какой-нибудь эльфийской леди вроде тех, за которыми подсматривала Шана. Наверняка волосы той, кого он видит в грезах, подобны не огненной осенней листве, а шелку и солнечному свету. Да одних лишь манер Шаны хватило бы, чтобы оттолкнуть его, если бы они сейчас не находились в такой отчаянной ситуации. А ее речь?! Она всегда говорила просто и грубо. Шана была достаточно крепкой, чтобы пересечь пустыню в одиночку. Нежная эльфийская дева скорее всего упала бы в обморок при одной мысли о подобном путешествии — а еще эльфийские леди никогда и ни о чем не говорили просто.

Шана знала это — она достаточно долго наблюдала за жизнью эльфийских леди, причем их собственными глазами. Они постоянно вели сложные игры, полные намеков и обмана, отличаясь при этом от своих лордов лишь тем, что вкладывали в эти игры меньше магической силы.

Но если уж на то пошло, почему при всех их различиях Валин не может найти ее привлекательной? Вдруг ему надоела застенчивость и притворная невинность эльфийских дев? Вдруг ему понравится смелость и предприимчивость Шаны? Может, он устал от ледяного совершенства эльфийских женщин. В конце концов, долгие взгляды, которые Валин устремлял на Шану, вполне могли свидетельствовать о его неравнодушии.

Может, это и есть любовь? Все познания Шаны в этом вопросе исчерпывались редкими упоминаниями, встреченными в архивах Цитадели, да в книгах, по которым они с Кеманом учили эльфийский язык. Правда, в книгах о «любви» говорилось мало — это чувство не играло особой роли в эльфийских браках. Эльфы редко позволяли себе влюбиться и еще реже действовали, исходя из этого чувства. Запутанные ходы эльфийской политики обычно не оставляли места для любви.

Что же касается архивов — ну да, там в изобилии хранились романсы и баллады, но Шана чаще всего просто пропускала их, уделяя все внимание историческим трудам. Ей нужны были тогда факты, а не вымыслы; она искала силу, а не развлечения.

А сейчас Шана жалела, что не прочитала хоть несколько таких баллад. Теперь ей оставалось лишь незаметно смотреть на Валина, мучиться сомнениями и предаваться грезам.

Нет, на самом деле она не позволяла этим переживаниям всецело завладеть ее вниманием. Лорд Чейнар и его отряды все еще продолжали охотиться за беглецами, и Шане с Кеманом приходилось путать следы и уходить все дальше в глушь. А когда выдавалась свободная минута, Шана учила Меро пользоваться своими силами. То есть пыталась учить. Все-таки присутствие Валина сильно отвлекало ее — а Тень, хоть и сам был довольно хорош, кажется, обижался, что Шана так восхищается его двоюродным братом.

Возможно, он просто ревновал. Шана точно не знала. Во всяком случае, Меро хотел, чтобы Шана учила его, но при этом вел себя так, словно не верил ни единому ее слову.

Какова бы ни была причина, но каждый раз, когда Шана пыталась что-нибудь ему показать, Тень смотрел на нее так, словно подозревал, что она что-то от него скрывает. А когда Шана указывала ему на ошибки, Меро тут же ощетинивался и всем своим видом выказывал готовность обороняться. Обычно Шана лишь жалела его — нелегко ведь жить в тени такой яркой личности, как Валин. Но понемногу такое отношение со стороны Меро начало утомлять ее.

Шане очень хотелось, чтобы Тень решил наконец, чего же он, собственно, желает. Когда полукровка принимался бросать на нее косые взгляды из-под непокорной темной челки, Шане становилось не по себе. Каждый раз, когда Шана говорила что-нибудь хорошее Валину или краем глаза следила за эльфийским лордом, Меро смотрел на нее, словно беспокойный ястреб. Шане это все ужасно надоело.

Взаимоотношения внутри их маленькой группы, поначалу довольно неплохие, теперь принялись стремительно портиться. Отстраненность Валина, настороженность Тени, отвратительная дождливая погода, погоня, неустанно идущая за ними по пятам, — все это доводило Шану до такого состояния, что она временами готова была велеть этим двоим оставить ее и Кемана в покое. Пусть идут куда хотят.

Но это значило, что она никогда больше не увидит Валина. Даже если они смогут оторваться от погони, ему некуда будет идти. Он может и не пытаться добраться до Цитадели. Даже если Валин и сможет отыскать ее, ему никогда туда не войти. Возможно, волшебники вообще убьют его сразу же, как только увидят.

Шана сидела, смотрела на огонь и думала, что же делать дальше. Ответа на этот вопрос у нее не было.

Валин смотрел на дышащие жаром угли в центре костра — первого, который беглецы развели за последние три дня. До этого у них не было то подходящего места, где костер можно было бы укрыть от чужих глаз, то достаточно сухого топлива — а от сырых дров в небо тут же поднялся бы предательский столб дыма. Конечно, Валин мог бы воспользоваться магией, чтобы согреть их всех, но магия тоже оставила бы след, и для иных глаз он был бы заметнее сигнального костра. Лучше уж померзнуть, чем заполучить лорда Чейнара себе на голову.

Но сегодня вечером беглецы обнаружили нагромождение скал, и в нем — удобную расщелину, которую можно было закрыть сверху лапником. А поблизости нашлось упавшее дерево, под которым сохранилось достаточно сухих ветвей, чтобы можно было развести костер и поддерживать его до захода солнца. А когда стемнело, уже можно было понемногу подбавлять и сырые дрова — тонкая струйка дыма теперь не имела особого значения.

Костер означал, что сегодня у них на ужин будут не корни и сырая рыба, как последние три дня, а жареное мясо. Уже одно это должно было внушить беглецам ощущение довольства, но

почему-то не внушило. Сейчас все четверо сгрудились вокруг костра, словно истосковавшись по теплу. Но при этом они не смотрели друг на друга и старались друг к другу не прикасаться. Невидимые течения, потоки чувств рвали беглецов в разные стороны и грозили разметать маленький отряд прежде, чем его члены притрутся друг к другу и смогут действовать согласованно. Валин, например, отлично знал, как относится к нему Шана. Как же тут не знать? Он, конечно, не умел читать мысли, но ее влюбленность была заметна невооруженным глазом. Валин уже не впервые становился объектом воздыхания юной девушки — и зачастую их тянуло к нему отнюдь не из одних лишь соображений престижа. Не одна наложница искренне любила его — или, по крайней мере, была уверена, что любит. По крайней мере, страстно его желала.

Но эта влюбленность была очень опасна. На свой лад Шана была весьма красива. Чересчур яркая, на вкус Валина, — а вот Диран сразу же ухватился бы за такую женщину и ввел ее в свой гарем...

В чем и заключалась главная проблема. Однажды Диран уже ввел в свой гарем очень похожую женщину. Мать Шаны, Серину. Валин не помнил ни самой Серины, ни той суматохи, которая поднялась в гареме после ее побега, но в детстве он не раз слыхал об этом. Серина превратилась в своеобразную легенду, и в этой легенде Валину чудилось нечто притягательное, хоть он и не знал, что толкнуло молодую женщину на побег. Уже потом Валин узнал правду от матери Меро: Серина носила ребенка-полукровку, и кто-то донес Дирану о ее состоянии. Поступил приказ убить ее, но Серина вовремя узнала об этом и бежала. Предполагалось, что она погибла в пустыне.

Теперь же, выслушав рассказ Шаны и Кемана и сопоставив это с тем, что он знал о Серине Даэт, Валин ни капли не сомневался в том, кто был матерью Шаны. За последние шестнадцать-семнадцать лет был зафиксирован один-единственный случай побега беременной наложницы. Добавим к этому тот факт, что лишь поразительно красивая женщина — причем именно того типа красоты, каким наделена была Серина Даэт, — могла произвести на свет такую дочь, как Шана. Учесть еще, что Шану сразу после рождения забрала к себе драконица, — и вывод напрашивался сам собой. Шана — его единокровная сестра. А это означает, что, даже если сам Валин и влюбится в нее, никакая связь между ними невозможна. И никакой дракон не заставит его изменить своего мнения.

Кстати, о драконах. Нет, даже Кеман не сможет его переубедить. Правда, Валину не казалось, что Кеман захочет его переубеждать, — но кто знает, что может взбрести в голову дракону? Валин, по крайней мере, не знал, хоть уже и провел много дней в его обществе. Он бы никогда не понял, что Кеман — не обычный полукровка, если бы Шана и ее «названый брат» не решили рассказать своим новым товарищам правду. Ну да, какие-то смутные подозрения у него мелькали, потому что Кеман всегда исчезал после захода солнца и некоторое время отсутствовал. Валин пытался проследить за ним, но Кеман всегда ускользал. Потом Шана застукала его за этим выслеживанием. Тогда-то они и решили объяснить, что, собственно, происходит, чтобы Кеман мог спокойно отправляться на охоту и никто не крался за ним по пятам.

Они решили, что проще всего будет позволить Валину собственными глазами взглянуть на одного из легендарных драконов.

Прежде чем Кеман сменил облик, они с Шаной рассказали Валину, что на самом деле приемная мать Шаны — драконица. Сперва Валин подумал, что Шана и Кеман зачем-то пытаются одурачить его. Но потом Кеман все-таки доказал, что драконы существуют, и доказательство это было неопровержимым.

Когда Кеман впервые сменил облик при них, Валин был глубоко потрясен и решил, что либо он все-таки заболел и теперь бредит, либо Шана и Кеман достигли невиданных высот в творении иллюзий. Но Валин был так же здоров, как всегда, а Кеман был совершенно материален. Его можно было потрогать и убедиться — это не иллюзия.

Теперь Валин понимал, почему Кеман и Шана пока что не могут вернуться в убежище волшебников — по крайней мере, не могут до тех пор, пока Кеман не научится скрывать ту часть своих мыслей, которая может выдать его истинную природу. Это в некотором смысле ставило его на одну доску с Валином — он тоже не мог сунуться к волшебникам. По крайней мере, до тех пор, пока не научится подражать их магии и пока не отыщет способ создать себе устойчивую личину полукровки.

А те члены их маленького отряда, которые и вправду являются полукровками, слишком преданы своим братьям. Шана никогда не бросит Кемана, а Меро — Валина.

А значит, им и дальше придется сидеть в этой глуши — а здесь Кеман и Шана имели значительные преимущества перед Валином и Меро. Они знали, как выжить здесь, и не просто выжить, а вполне неплохо устроиться. А они с Меро если и не были полностью беспомощны, то уж точно безнадежно уступали Кеману и Шане. Ну да, им приходилось охотиться или разбивать походную стоянку, но все это происходило на территории поместья, в довольно ухоженном лесу. Там им постоянно прислуживало не менее десятка рабов, и, в общем, такие стоянки немногим уступали по комфорту дому. Что же касается их шансов самостоятельно выжить в здешней глуши, то они, по мнению Валина, были не слишком высоки.

Если они расстанутся с Шаной и Кеманом, им с Меро останется только сесть и ждать, пока их не утащит какая-нибудь из здешних тварей. Именно Шана находила большую часть еды, особенно корни и прочие подобные вещи. Она, конечно, учила Тень, как использовать его магию, чтобы выследить какое-нибудь из странных животных, обитающих в здешних лесах, но Валину не казалось, что его брат уже приобрел достаточные навыки. В последний раз он упустил даже однорога и никогда не мог вовремя обнаружить хищника, засевшего на дереве.

В костре потрескивали дрова. Валин подбросил в огонь еще один чурбачок и принялся следить, как пламя пожирает кору.

Если Шане взбредет в голову бросить их — а она вполне может именно так и поступить, если Валин отвергнет ее, — вряд ли они с Меро долго протянут в этой глуши. Кроме того, Кеман, принимая драконий облик, не раз отпугивал хищников, которых ни Валин, ни Меро не могли ни увидеть, ни учуять каким-либо способом. Шана пару раз собирала небольшие табуны однорогов и пускала их по следам беглецов, чтобы сбить преследователей с толку. Чаще всего именно Шана и Кеман выслеживали и убивали добычу, которая шла в пищу всем четверым. Единственный же вклад, который могли внести в общее дело Валин и Меро, сводился к разжиганию костра и сооружению временных укрытий.

Валин вздохнул, глядя, как пламя постепенно угасает и превращается в рдеющие угли. Проблема заключалась еще и в том, что лично он охотно делил бы постель с этой девушкой до тех самых пор, пока ее влюбленность не угасла бы — если бы только Шана не была его сестрой. К несчастью, Валин не мог доказать их родство. Он был абсолютно в этом уверен — но даже если Шана и вправду дочь Серины, это еще не доказывает, что ее отцом был именно Диран!

А даже если он все-таки сумеет доказать это и девушка ему поверит, Валин не был уверен, что это будет иметь для Шаны

особое значение. Ему часто казалось, что она даже не подозревает о многих понятиях, которые для него были основополагающими, и Валин предполагал, что даже, если бы Шана и ознакомилась с этими понятиями, она вряд ли пожелала бы с ними считаться.

Что же касалось Валина, то одной мысли о возможности лечь в постель с собственной сестрой хватало, чтобы юношу бросило в дрожь. Довольно и того, что такие вещи действительно случались на заре существования эльфийских поселений в этом мире. Валин всерьез подозревал, что именно это было причиной нынешней низкой рождаемости. Несомненно одно: тогдашние браки между родственниками стали настоящим кошмаром для потомков первопоселенцев и источником стольких неприятностей, что любого ныне живущего эльфа при одной лишь мысли об инцесте охватывало глубокое отвращение.

Так что у Шаны не было ни малейшей возможности получить от Валина то, чего она желала, — и это в перспективе грозило новыми неприятностями помимо уже имеющихся.

Тень уже устал от ее отношения — Шана совершенно пренебрегала его обучением. Она уже не раз грозилась бросить их, причем по совершенно ничтожным поводам.

Похоже, единственный способ удержать Шану — это связать ее какими-то узами, которые она не захочет разрывать.

Но что это могут быть за узы? Дружбы здесь явно недостаточно; это должно быть нечто более крепкое и сопряженное с определенными формальностями.

Если бы только существовала возможность включить Шану в «семью» и внушить ей, что они необходимы друг другу!

Валин чувствовал, что девушка действительно нуждается в семье. Именно ощущение одиночества было одной из причин, заставлявших Шану чувствовать себя несчастной и сделавших ее увлечение таким пылким. В конце концов, у нее ведь не было никого, кроме Кемана. Шана ведь так и не привязалась по-настоящему ни к кому из волшебников.

Нужно как-то дать Шане понять, что он, Валин, много думает о ней и очень хочет, чтобы всех их что-то связывало — хоть он в нее нисколько и не влюблен.

Смысла побратимства или кровной клятвы Шана не понимала. Да Валин и сам не хотел предпринимать необратимых шагов.

Ну почему она не влюбилась в Тень?! Вроде бы она довольно хорошо относилась к Меро и при этом нравилась ему. По крайней мере, так он сказал. Но девушка заставляла его нервничать и, похоже, сама часто начинала нервничать в его присутствии.

Если Шана и Тень как следует узнают друг друга, между ними вполне может возникнуть влечение. Тогда девушке и в голову не придет бросить их. Но как, как убедить ее остаться?

И тут Валину пришло в голову нужное слово.

Помолвка. У драконов существовало нечто подобное, и это будет понятно Шане. Если Валин добьется, чтобы Шана и Тень обручились, Шана тем самым станет родственницей Валина и будет защищать его. Это очень неплохое соглашение — куда лучше, чем большинство эльфийских браков, поскольку Шана знает Тень и испытывает к нему определенную привязанность. Надо представить ей это как клановый союз. Раз Шана наблюдала за эльфийскими лордами, она должна понять, что это такое. Если она согласится, возможно, она постепенно даже перенесет свою влюбленность на Тень. По крайней мере, тогда она уж точно как следует займется его обучением — и будет меньше отвлекаться на Валина. И тогда она уже не сможет просто бросить их и уйти.

Валин был чрезвычайно доволен собою: ему удалось найти простое и элегантное решение. А эльфийское воспитание заставило его гордиться еще и тем, что найденный выход никак не затрагивал лично его. В конце концов, Шане ведь действительно нравится Тень — она сама не раз об этом говорила. Если она заключит с Тенью помолвку и если Меро пустит в ход все свое очарование, вполне возможно, что девушка не просто перенесет на него свою влюбленность, но что эти чувства станут более глубокими.

Если уж Меро мог очаровать половину опытных и искушенных обитательниц гарема, он определенно сумеет очаровать и неопытную юную девушку.

Валин вздохнул, расслабился и почувствовал, как отступает напряжение. Юноша заметил, что Шана смотрит на него сквозь пламя костра. Валин улыбнулся ей, и девушка улыбнулась в ответ.

«Да, я думаю, это должно сработать, — подумал Валин. — Определенно должно. Завтра я с ней поговорю».

Шана не была уверена, что точно расслышала слова Валина. Когда они остановились отдохнуть, Валин отозвал ее в сторону, к ручью, где шум воды заглушал их голоса. Девушка никак не ожидала услышать что-либо подобное. У них сейчас хватало других забот. Чейнар и его ищейки, похоже, вычислили, где на-

ходятся беглецы. Теперь Чейнар шел за ними по пятам, а еще два отряда заходили с разных сторон. А беглецам не попадалось на пути никаких укрытий. Им предстояло проделать долгий путь по бездорожью, прежде чем появится возможность сдвоить следы, а потом рискнуть и попытаться прорваться мимо Чейнара. Кстати, а не занесет ли их так в имение какого-нибудь другого лорда? Шана представляла себе, где они сейчас находятся, но лишь смутно. Теперь они двигались практически наугад. Когда они только начинали путь, Шана была полностью уверена в своих способностях и чувствовала себя в безопасности. Теперь же ее уверенность была поколеблена.

Погода по-прежнему была плохой, но сегодня выдался довольно приятный денек. Беглецам предстояло решить, где они могут пока что обосноваться. О возвращении в Цитадель сейчас не могло идти и речи.

Так что Шана ожидала какого угодно разговора, но только не того, который завязался на самом деле.

— Чего-чего ты хочешь? — недоверчиво переспросила девушка. — Чтобы я заключила помолвку? С кем — с Меро? — Шана заправила волосы за уши и уставилась на Валина.

Валин уселся на выступающие корни, прислонился к стволу огромной ивы и указал на соседний корень — так спокойно, словно они располагали неограниченным запасом времени. Он напустил на себя вид «терпеливого старика» — Шана не раз видела это выражение на лицах волшебников, пытавшихся обходиться с ней, как с ребенком.

Девушка не обратила внимания на жест Валина и осталась стоять, открыв от удивления рот. Шана была так поражена, что просто забыла его закрыть.

— Сядь, пожалуйста, — попросил Валин и улыбнулся, пустив в ход все свое обаяние. — Если мне придется смотреть на тебя снизу вверх, я же себе шею сверну.

Шана уселась на корень — точнее, присела, словно ястреб, готовый при малейшем признаке тревоги взмыть вверх. Девушка явно чувствовала себя, как этот самый ястреб.

— Я думаю, Шана, что вам с Меро стоит заключить помолвку, — убежденно произнес Валин, немного подавшись вперед. — Можешь назвать это клановым союзом — ты ведь знаешь, что это означает. Конечно, мы уже слишком взрослые, чтобы верить во всякие романтические баллады, но мы знаем, что союзы действительно важны для достижения поставленной цели. Такой союз может иметь огромное значение, причем не

только для нас четверых, а для всех людей и полукровок. Ну посмотри сама: Меро хорошо знает эльфов — он ведь прожил жизнь в самой гуще одного из кланов, причем все это время его магические способности не были заглушены. Он может оказаться очень полезен, причем не только для полукровок Цитадели. Он может помочь полукровкам и людям с магическими способностями, если те выступят против эльфийских лордов.

— А как же ты? — к Шане наконец-то вернулся дар речи. Девушка тоже подалась вперед, но Валин при этом движении тут же постарался незаметно отодвинуться. — Ты можешь быть точно так же полезен. А может, даже больше! Ты ведь — эльфийский лорд...

— И именно поэтому твои волшебники никогда не примут меня самого по себе, — отозвался Валин и слегка нахмурился. Ему очень хотелось объяснить Шане важность своей идеи. — Но если вы с Тенью будете обручены... ну, мы ведь с Тенью двоюродные братья. Это уже кровные узы. Такую связь твои волшебники могут понять и принять.

— Да, если предположить, что они дадут тебе возможность хоть что-нибудь объяснить! — отрезала Шана.

Валин уверенно встряхнул головой.

— Не беспокойся — дадут. Они меня выслушают. Но только я полагаю, что, если волшебники не будут знать о моих кровных узах, они просто не смогут мне поверить.

Теперь взгляд Шаны был устремлен мимо Валина, на пенящиеся воды ручья.

— Ну, предположим, они впустят тебя в Цитадель — или хотя бы разрешат подойти вплотную. Что потом?

— Потом я скажу им, что пора браться за ниспровержение эльфийских лордов, — ответил Валин, но теперь его голос звучал уже не слишком уверенно. — Я объясню им, что, если этого не сделать, однажды эльфийские кланы поверят в существование волшебников. А вот тогда у них появятся по-настоящему крупные неприятности, и лучше пошевелиться сейчас, чтобы избежать их. Я сумею это доказать. Думаю, когда я объясню волшебникам, что именно можно предпринять против кланов, и расскажу, что делают кланы, чтобы усилить свой контроль над людьми, — как они выискивают всех, кто наделен магическими способностями, и убивают или стерилизуют их, — тогда они мне поверят. По крайней мере, если ты будешь надежно связана со мной и с Тенью.

— Но... — попыталась было возразить Шана.

— Но эта помолвка будет защитой и для тебя, Шана, — продолжал Валин. — В конце концов, тогда ты сможешь быть уверена, что мы попросту не убежим, бросив вас в этой глуши.

Шана промолчала, хоть в ней и вскипело возмущение. С чего бы вдруг это должно ее беспокоить? Она превосходно могла обойтись без этой парочки! На самом деле, если бы не они, она вполне могла бы просто вернуться в Цитадель.

— А кроме того, Меро способен постоять за себя куда лучше тебя или твоего названого брата — я имею в виду физическую самооборону, а не магическую.

Лучше, чем дракон длиной с четырех лошадей? В чем же это он, интересно, лучше? Разве не Меро удирал от крупных хищников?..

Но все-таки, если говорить честно, Шана не могла не признать, что в такой ситуации, где Кеман не сможет обернуться, Меро действительно окажется сильнее. Возможно, в рукопашном бою Кеман не сможет толком защитить себя, а уж о самой Шане и говорить нечего. Ни она, ни Кеман не умели пользоваться никаким оружием, кроме ножа. Даже когда Шана охотилась, она обычно либо ловила животное в западню, либо усыпляла его, а потом уже перерезала ему горло. Кеман же отправлялся за добычей исключительно в драконьем облике. Возможно, в этой идее действительно что-то есть...

Но почему бы ей тогда не заключить помолвку с Валином?

Валин тем временем продолжал разглагольствовать. Он то ли не обращал внимания на реакцию Шаны, то ли просто не понимал ее.

— Он может многому научить вас обоих, и не только приемам самообороны. Тень может рассказать вам, как жить среди эльфийских лордов — мало ли, вдруг это вам понадобится. Ты же понимаешь — Кеману здорово повезло, что его тогда не разоблачили. Уже одна попытка претендовать на более высокий ранг, чем тот, что положен тебе на самом деле, может повлечь за собой серьезное наказание. В общем, если тебе придется скрываться среди эльфов, лучше держи Меро под рукой.

Но, с другой стороны, ей достаточно просто прочесть мысли, чтобы понять, какого поведения от нее ожидают.

— Кроме того, — продолжал убеждать девушку Валин, — подумай, что такой союз с эльфийским кланом может означать для полукровок и людей! Мы можем стать точкой сбора для тех, кто желает изменить существующий порядок вещей! Вчетвером мы многое сможем для них сделать! Но мы не сможем убедить их, если нас не будут связывать формально закрепленные узы верности. Молодые эльфы, которые вполне могут сочувствовать нам, наверняка заподозрят, что ты каким-либо образом используешь меня либо держишь под контролем, а люди и полукровки будут уверены, что это я тебя контролирую.

Пока Валин держал свою речь, Шана внимательно смотрела на него — сперва с изумлением, потом со страхом.

У девушки просто в голове не укладывалось: неужели Валин и вправду верит в то, что говорит? Все это звучало как своего рода извинение. Но за что он извиняется? Ведь не может же он знать, как Шана к нему относится! Так почему же он так настойчиво старается подтолкнуть ее к Тени?

Тень научил Валина использовать те свойства его магии, что были сходны с магией волшебников, включая и умение скрывать свои мысли. Шана никогда не могла полностью разобраться в мыслях Валина, а теперь она вообще лишь смутно ощущала, о чем именно он думает.

Ей оставалось лишь гадать, что же на самом деле задумал Валин. Но все же Шана чувствовала, что юноша что-то скрывает, что-то по-настоящему важное, и потому она тут же ощутила приступ подозрительности. Зачем ему все это понадобилось?

А в самой глубине сердца Шана чувствовала легкую боль. Пока Валин говорил, она пристально следила за ним и заметила, что юноша изо всех сил старается поддерживать дистанцию между ними. И вообще, складывалось впечатление, что Валин по каким-то причинам не желает находиться слишком близко от нее. Когда Шана смотрела ему в глаза, он отводил взгляд. Когда девушка пыталась придвинуться к нему, он отодвигался.

Он не хотел ее. Она его не интересовала — совсем, ни капельки. Когда Шана осознала это, ее захлестнуло разочарование, а потом и гнев. Почему? Что в ней не так? Ведь отец Валина очень даже интересовался людьми!

Но потом Шана все-таки заставила себя вспомнить, как именно его отец интересуется людьми и чем это сопровождается.

В общем-то, ответ был до боли прост. Его даже не потребовалось долго искать. Она была полукровкой, а Валин — эльфийским лордом. Она была гораздо ниже его — ну, не совсем животное, но что-то в этом роде. Конечно же, Валин просто не мог всерьез рассматривать возможность физического союза с таким существом, кроме как в самой примитивной и низменной форме. Все-таки он был сыном своего отца.

А из этого вывода сам собою напрашивался следующий.

Валин знал о ее чувствах. Но считал Шану низшим существом, недостойным себя. Потому он и предлагал ей Тень, надеясь тем самым умиротворить животное, вступившее в брачный сезон. Неважно, какими красивыми словами он это излагал, — Шана была уверена, что суть его мысли именно такова.

Первым ее чувством был бешеный гнев. Он ослепил Шану, но угас так же быстро, как и вспыхнул. А потом девушку захлестнул стыд. Ей было стыдно, что Валин увидел ее интерес и теперь предлагал ей отступного... объедки с обеденного стола. Точно так же, как он вознаградил бы свою преданную собаку.

Потом ее пронзила еще более ужасная мысль: «А вдруг это я — вознаграждение для Тени?»

Потом стыд снова сменился гневом, теперь уже — холодным и расчетливым. Шана смотрела на поток, весело искрящийся в солнечных лучах, и его веселье заставило девушку еще острее ощутить сгустившуюся у нее в душе тьму.

Шана подумала, что вполне могла бы прямо сейчас послать Валина ко всем чертям. Она может сказать Валину, что они с Кеманом отправляются своей дорогой, а они с Тенью могут идти куда им заблагорассудится, лишь бы не вместе с ними. Пожалуй, именно так ей и стоит поступить. Ничего другого он не заслуживает...

Но в одном Валин все-таки был прав — когда говорил о бедственном положении полукровок и людей с магическими способностями. Если она примет предложение Валина, то получит возможность предпринять хотя бы начальные шаги для улучшения существующей ситуации. В конце концов, такие узы работают в обе стороны. Если обручение свяжет ее с Тенью, то оно же одновременно свяжет и Тень с ней, Шаной. И свяжет ее с Валином — он сам это признал. Значит, ей постоянно придется находиться в их обществе. А может, со временем Валин еще и пожалеет, что устроил помолвку Шаны со своим двоюродным братом...

А кроме того, хоть Шана и сомневалась, что он думал об этом, но Валин имел возможность реально изменить отношение к людям и обращение с ними, изменить даже до того, как произойдет какой-нибудь мятеж. Валин был сыном и наследником лорда Дирана. Валин мог, если бы пожелал того, заставить прислушаться к себе многих лордов и, что не менее важно, их наследников.

Молодые эльфы куда гибче и податливее старших, а некоторые из них даже сохранили какие-то идеалы. А многие из них

просто не согласны со старшими уже только потому, что они старше и загребли себе всю власть.

Вполне возможно, что сыновья лордов могут подключиться к этому делу и даже пригрозить старшим мятежом...

По рассказам Кемана, в этом не было ничего невероятного. Некоторые из младших сыновей — а судя по тому, что видела Шана, то и некоторые из дочерей, — вполне готовы примкнуть почти к любому начинанию, если оно только поможет отплатить и за их собственные обиды.

Если Валин выступит от их имени, вполне возможно, что они смогут привлечь на свою сторону немало недовольной своей жизнью молодежи... И даже те, для кого этот вопрос не является животрепещущим, тоже могут примкнуть — из одной лишь скуки.

Такой поворот мыслей удивил Шану, и удивил настолько, что на мгновение девушка даже забыла о гневе. Теперь же Шана с кривоватой улыбкой подумала, что за время пребывания в Цитадели она научилась политическим тонкостям. А ведь прежде она никогда не понимала подобных ухищрений. Теперь же Шана лучше начала разбираться и во взаимоотношениях драконов в Логове. Правда, их интриги никогда не были и вполовину такими запутанными, как интриги Цитадели. А судя по тому, что рассказывал Кеман, эльфийским интригам они и в подметки не годились.

Так, значит, Валин тоже хочет поиграть в политику?

Отлично. Если он сумеет убедить Тень и сподвигнуть его на такой союз, она тоже согласится. Но эта «помолвка» будет таковой лишь по наименованию, а не так, как рассчитывает Валин. И в недолгом времени он пожалеет, что не оказался на месте Тени.

Шана повернулась к юноше, стиснув зубы, изобразила подобие улыбки и ответила согласием.

Глава 20

Лишь слабые проблески красноты в том месте, где этому цвету присутствовать не полагалось, предупредили Шану, что в раскинувшейся внизу долине что-то неладно.

Внезапно Шане сделалось сильно не по себе. Внутренний голос подсказал ей, что лучше не надо осматривать долину при

помощи магического зрения. Кстати, Каламадеа тоже кое-что говорил по этому поводу.

«Если эльфийские лорды знают, что кто-то может наблюдать за ними при помощи внутреннего зрения, они непременно расставят на его пути заклинания-ловушки. Эти ловушки, условно говоря, впадают в спячку до того самого момента, пока прикосновение исследователя не приводит их в действие. А потом заклинание принуждения захватывает наблюдателя и держит его в бессознательном состоянии до тех пор, пока какой-нибудь эльфийский лорд не приведет свою добычу в сознание, — чтобы позабавиться на досуге. При всей нашей многочисленности лишь немногие способны вырваться из этой ловушки или своевременно разрушить заклинание подчинения, чтобы спасти жертву — либо себя. И даже это было установлено лишь после длительного изучения. Я же надеюсь, что мне никогда не придется применять на практике свои познания по данному вопросу».

«Кеман! — обеспокоенно произнесла Шана. — Что за красные вспышки видны там, внизу? Ты не мог бы воспользоваться своим тепловым зрением и проверить — может, там просто животные или птицы?»

Молодой дракон устроился на гребне скалы, изменив облик настолько, что на расстоянии его самого нельзя было отличить от камня. Поскольку эльфийские лорды все еще преследовали их, Шане казалось разумным время от времени проверять, что творится у них за спиной.

«Это то, что я думаю?» — спросила девушка, надеясь услышать в ответ «нет».

«Это эльфы, Шана, — отозвался Кеман. — По крайней мере, мне так кажется. У них там лошади, а мало кому из людей разрешается ездить верхом».

Шана закрыла глаза и попыталась вспомнить, хорошо ли она запутала следы, когда они проходили по этой долине. Хватит ли этого, чтобы на некоторое время сбить преследователей с толку? Был ли там ручей?

Да, был. А поскольку они все и так были мокрыми до последней нитки, она тогда еще заставила всех пройти довольно большое расстояние вверх по течению, чтобы след было труднее обнаружить. Так что у них есть немного времени.

Но действительно немного. Его не хватит на отдых, которого так жаждала Шана...

«Думаю, нам стоит убираться отсюда, — сказал Кеман. — И побыстрее».

«Думаю, ты прав», — мрачно отозвалась Шана.

Валин сообщил, что к ним приближается группа преследователей — но не та, которую засекли Шана и Кеман. С этой группой, кажется, шел эльф-маг, и этот маг использовал свои ограниченные способности, чтобы «прочитать» след беглецов. Валин засек его, почувствовав позади присутствие магии, и отправился лично посмотреть, в чем там дело.

Теперь юноша понимал, что это был безрассудный шаг. Тогда же он казался вполне разумным.

— Ты уверен, что они тебя не заметили? — спросил Кеман. Шана поджала губы и бросила на него раздраженный взгляд. Кеман понимал, о чем она думает. Если бы Валина заметили...

— Нет, не заметили. Я не приближался к ним на такое расстояние, с которого они могли бы меня увидеть, — сердито ответил Валин. — Я не ребенок. Мне не раз приходилось охотиться...

— Но ты никогда прежде не был добычей, — оборвала его Шана. — Далеко ли они от нас?

— Не очень, — с несчастным видом пробормотал Валин. — Но я скрыл наш след. Этот маг никогда его не разыщет.

— Зато поймет, что кто-то запутал его при помощи магии, — парировала Шана. — Надеюсь только, что он хоть не сразу его найдет, — девушка подняла голову и взглянула в свинцовое небо. По ее лицу ползли мелкие капли дождя. — И еще надеюсь, что эта дрянь как следует позаботится о всех наших следах.

Потом, не произнося больше ни слова, Шана раздвинула мокрые ветви и зашагала по звериной тропе, ведущей на север. Валин заколебался на мгновение, потом шагнул следом. По пятам за ним следовал Тень. Кеман замыкал небольшую группу. Он превратил свои ступни в подобие копыт, чтобы запутать следы. А если повезет, то, может, им удастся сбить преследователей с толку.

Он хотел было возразить, сказать, что им необходим отдых, — но теперь им нужно было уходить уже от двух охотничьих отрядов, а он понятия не имел, сколько их еще могло оказаться. Очевидно, Шана этого тоже не знала.

Это была уже не охота за детьми — за ними Чейнар никогда не послал бы больше одного отряда. Это была охота на волшебников — Чейнар знал или предполагал, что дети убежали не са-

ми по себе. А если он действительно уверен, что имеет дело с настоящими волшебниками...

У Валина кровь застыла в жилах. Если только это будет зависеть от Чейнара, им не дадут уйти, и никого из них не пощадят.

Чейнар не любил людей; что же касается волшебников, то слово «ненависть» не передавало всей глубины чувств лорда. А что он с ними сделает, если поймает...

Валин попытался прибавить шагу.

Шана закрыла глаза и представила себе жгучее, испепеляющее солнце пустыни, потом — обволакивающее тепло своей постели в Цитадели. Девушка пыталась хоть как-то облегчить свое скверное состояние. Она окончательно выбилась из сил.

Мокрые и несчастные беглецы забились в укрытие, образованное упавшим деревом и нависающими с одной стороны еловыми лапами. Они поместились туда все, кроме Кемана, который превратился в нечто, более всего похожее на маленького дракона, — Валин зачарованно следил за его превращением. Шана воспользовалась удобным моментом и тоже понаблюдала за Кеманом. Валин и Тень только раз видели, как он меняет облик, и в тот раз они были слишком потрясены, чтобы пытаться понять механизм превращения. Ни Валин, ни Меро не понимали, что «одежда» Кемана была частью его самого, пока Кеман не поглотил ее перед тем, как изменять тело. Так что они таращились на дракона, а Шана тем временем собирала лапник, и злость — почему она одна должна работать?! — помогала ей согреться.

Теперь Кеман растянулся поверх бревна — высматривал хищников и внутренним зрением наблюдал, не покажутся ли преследователи. Дракон чувствовал себя вполне уютно: он перестроил свой обмен веществ таким образом, чтобы не страдать от холода, а что касается дождя, так тот просто стекал по чешуе. Остальные трое беглецов забились под бревно.

Шана тоскливо подумала, что не отказалась бы от таких способностей, как у Кемана. Оказавшись наконец хоть в каком-то подобии укрытия, девушка осознала, что ее одежда промокла до последней нитки. Несмотря на то, что они лежали, прижавшись друг к другу, Шану била дрожь. Она слишком скверно себя чувствовала, чтобы близость Валина могла взволновать ее. Шана потерла онемевший от холода нос и закашлялась. В горле неприятно першило — видимо, это предвещало усиление болезни.

Меро чихнул и вытер нос тыльной стороной ладони.

— С тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил Валин. Шана с трудом подавила новый приступ кашля и сердито посмотрела на Валина. Но раздражение быстро поблекло на фоне скверного самочувствия. Девушка едва сдержалась, чтобы не заплакать от жалости к себе. Нет, она не может себе этого позволить. Она потратила слишком много времени и усилий, чтобы выглядеть сильной. И если она теперь примется проливать слезы и признаваться в своей слабости, все ее усилия пойдут насмарку...

Но на самом деле Шане хотелось сейчас лишь одного — упасть и расплакаться. Она замерзла и вымоталась, и ей становилось все хуже — а Валин, видите ли, беспокоится из-за того, что его придурок-братец разок чихнул!

— Кажется, я опять простудился, — хрипло отозвался Меро. При других обстоятельствах Шана, наверное, даже пожалела бы его — голос юноши звучал так, словно Меро чувствовал себя ничуть не лучше Шаны.

— Шана... — произнес Валин, не оборачиваясь — по большей части потому, что он и не мог этого сделать. В укрытии было так тесно, что повернуться было совершенно невозможно. — Шана, нельзя ли с этим что-нибудь сделать? Мы не можем допустить, чтобы Меро заболел — особенно сейчас, когда Чейнар буквально повис у нас на хвосте.

Опять то же самое. Как будто она сама этого не понимает. Как будто она не осознает этого с первой секунды пробуждения и до отхода ко сну. Как будто это не она боится сомкнуть глаза, потому что ей чудятся клыки и когти, готовые разорвать ее на части. Страх превратился в постоянного спутника Шаны. Он придавал металлический привкус любой еде. А если Шана слышала какой-нибудь шум и не могла сразу же распознать его, ее сердце тут же начинало бешено колотиться. И ее не утешало, что точно такой же страх звучал и в голосе Валина — Валин не думал ни о ком, кроме Меро. Он даже не заметил, что Шана тоже заболела!

— Нет, — отрезала Шана. У нее окончательно испортилось настроение. — Нет, не можем. Я и так делаю все, что могу. Все, что я умею, — это нападать и защищаться. Сожалею, но меня никто не учил, как наколдовать нормальное убежище на пустом месте.

Шана хотела добавить еще кое-что, но на полуслове захлебнулась кашлем. Валин кое-как умудрился вытянуть шею и че-

рез плечо посмотреть на девушку. Написанное на его лице раздражение сменилось беспокойством.

— Шана, а с тобой-то все в порядке? — спросил он. Шана покачала головой и задрожала еще сильнее — струйка холодной воды сорвалась с ветки и угодила прямиком девушке за шиворот. Несмотря на твердое намерение не выказывать слабости, Шана, к глубочайшему своему огорчению, почувствовала, что у нее на глаза наворачиваются слезы.

«Может, за дождем их не будет заметно», — с надеждой подумала она.

— Со мной, наверное, то же самое, — сказала Шана, проглотив застрявший в горле комок. — И я не думаю, что погода улучшится хоть ненадолго. — Шана не смогла сдержать негодования, и оно невольно зазвучало в ее голосе. — Это все твои эльфы! Каждый раз, как они нарушают где-то нормальный ход погоды, это откликается в другом месте. Здешним краям вовсе не полагается быть такими дождливыми, но они такими стали, и мы застряли посреди всего этого безобразия!

Поймав удивленный взгляд Валина — видимо, этот внезапный всплеск эмоций изумил юношу, — Шана опомнилась и постаралась смягчить голос, чтобы он не звучал настолько обвиняюще.

— Ну, по крайней мере, Чейнар тоже не может быстро передвигаться по такой грязюке.

Шана изобразила дрожащими губами некое подобие улыбки и сдержала готовые пролиться слезы. Потом девушка снова зашлась в кашле и почувствовала, как что-то больно стиснуло ей грудь. Валин нахмурился.

— И твоей болезни мы тоже не можем допустить, — мягко сказал он. — Чейнар нагоняет нас. Если ты заболеешь, кто же будет охотиться, находить места для стоянок и охранять нас в этой глуши?

— Я не думаю, что у нас есть выбор, — возразила Шана. — Если бы я могла при помощи магии сотворить дом, мягкие постели и горячее питье, я бы давно уже это сделала — можешь не сомневаться.

При этой мысли по щеке у Шаны все-таки потекла слеза, оставив за собой теплую дорожку — единственная теплая полоска на озябшем теле.

Валин стиснул зубы и повнимательнее присмотрелся к Шане.

— Ты ужасно выглядишь, — сказал он. — А у Меро, кажется, лихорадка. Еще до вечера вы совсем разболеетесь.

«Ну и что же мне со всем этим делать? — мысленно огрызнулась Шана. — И что это меняет?»

Но, похоже, с точки зрения Валина это действительно что-то меняло.

— Вот что, — решительно произнес он. — У нас нет выбора. Нам нужно выбраться отсюда и вернуться к цивилизации.

— Совершенно верно, — язвительно откликнулась Шана. Дождь усилился. Еще одна холодная струйка скользнула Шане за шиворот. — Я просто подойду к дверям лорда Дирана и спрошу, не будет ли он так любезен и не приютит ли нас в своем доме. В конце концов, он будет просто счастлив увидеть такую компанию: его блудный сын, двое полукровок-волшебников и дракон.

К ее удивлению, Валин криво усмехнулся.

— Это не совсем то, что я имел в виду, но примерно похоже, — сказал он. Его рассудительный тон вызвал у Шаны новую вспышку раздражения. — Есть такая старая поговорка, насчет того, что прятаться лучше всего на вражеской территории. Ну что ж, попробуем.

— Это в смысле — зайти в тыл Чейнару и спрятаться среди рабов в его имении? Или как? — ошеломленно спросила Шана. — Да мы же оттуда уже не выберемся!

Валин покачал головой.

— Это, пожалуй, чересчур вражеская территория. И кроме того, у Чейнара слишком много слуг, способных засечь волшебников. Нет, я имел в виду, что нам стоит зайти к одному моему другу. Это поместье находится не слишком далеко — Кеман вполне может до него долететь. За ночь он по одному перенесет нас туда, оставшись незамеченным. А хозяйка поместья примет нас и спрячет у себя — хотя бы ради острых ощущений.

— Друг? — переспросила Шана, повысив голос и от этого снова раскашлявшись. Интересно, прислушивается ли Кеман к их разговору? И если да, то не находит ли он эту затею совершенно самоубийственной? Во всяком случае, сама Шана именно таковой ее и считала. — Что же за друг может принять нас всех? Или ты не скажешь ей, кто мы такие? Послушай, я поговорила с Меро и должна тебя предупредить: конечно, мы с Кеманом можем изобразить людей или эльфов, но мы не выдержим тщательной проверки. Тебе никогда не удастся выдать нас, полукровок, за эльфов, потому что мы сейчас больны, а вы, эльфы, не болеете. А если у нас начнется лихорадка, ты можешь попрощаться с идеей выдать нас за людей. В таком со-

стоянии мы не сможем поддерживать личины. А твою магию могут нейтрализовать, и тогда мы погорим.

— Ну... она не совсем друг...

Валин залился краской, и у Шаны появилось странное ощущение, что с этим «другом» юношу связывает нечто такое, о чем он никому не скажет.

— Но... ну... я почти уверен, что Триана не откажет нам в приюте. Она не из конформистов, и она обращается со своими людьми не так, как остальные лорды. Она не слишком ладит со старшим поколением. И если у нее до сих пор не конфисковали имение, так это только потому, что она никогда не лезет в политику.

Она не из конформистов? Возможно, это означает, что она делает нечто такое, чего делать не должна. Ага! Тогда понятно, с чего вдруг Валин так покраснел. Шана невольно скривилась и с трудом подавила приступ ревности.

Валин ненадолго умолк, словно подыскивая нужные слова.

— Давай я попробую тебе объяснить. Старшие чинили ей столько помех, когда Триана пыталась стать главой клана, что она никогда им этого не простит. Лорды Совета презирают ее, а она их ненавидит, — юноша снова задумался. — Я точно не знаю, как она отреагирует на появление полукровок, но все-таки мне достаточно много известно. Все ее вассалы из молодежи, и я никогда не видел, чтобы она дурно обращалась с рабом. Большая их часть фанатично преданы ей — по крайней мере, те, кого я видел.

— Это все звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сухо отозвалась Шана. «Те, кого ты видел? А как насчет тех, кого ты не видел?»

Валин кашлянул и снова покраснел.

— Я должен также признать, что никогда не видел, чтобы она когда-либо действовала не ради собственного удовольствия, а из каких-нибудь других побуждений. По правде говоря, большую часть своего времени она тратит на размышления, как бы ей еще разнообразить досуг. А ее вечеринки... э-э... весьма известны. Я... был на нескольких. Репутация даже не совсем соответствует реальности.

Теперь Шана узнала все, что ей нужно было знать. Да, вряд ли ей особенно понравится эта Триана. Но выбирать им не из чего. Шана до боли стиснула зубы и попыталась придумать какой-нибудь безобидный вопрос вместо десятка тех, что уже теснились у нее в голове.

Тень приподнял голову.

— А как мы отсюда выберемся? Я, кажется, это прослушал. Как мы проберемся мимо Чейнара и его развеселой компании? — хриплым голосом поинтересовался он.

— Думаю, Кеман сможет перенести нас по одному, — сказал Валин. — Возможно, он сможет забрать нас всех вместе, если я рискну и на время сделаю нас легче, но тогда Чейнар может засечь мою магию.

— Это исключено, — решительно заявила Шана. — Чейнар до сих пор не может знать наверняка, что вы с нами, и пусть и дальше не знает.

Девушка ненадолго задумалась, но головная боль все усиливалась и не позволяла думать нормально.

— Тогда я хочу кое-что сделать, пока мы еще здесь. Я хочу заготовить древки для стрел и поставить на них кусочки когтей Кемана. Просто на тот случай, если этот твой друг примет нас не совсем дружелюбно.

При напоминании о когтях Валин содрогнулся. Шана почувствовала эту дрожь, хоть юноша и пытался ее скрыть. Шана не винила его. Однажды она задумчиво сказала, что ей хотелось бы иметь хоть что-нибудь из эльфийского оружия вроде того, что упоминалось в хрониках. А Кеман предложил ей обрезки своих когтей. Валин не верил, что от этих кусочков когтей может быть какой-нибудь толк — не верил до того самого момента, пока случайно не оцарапался одним из них. Эта царапина мгновенно воспалилась и вогнала Валина в шоковое состояние. В результате им пришлось несколько дней просидеть на одном месте. Видимо, именно из-за этого Чейнар и сумел нагнать их.

Хотя Валину обрезки когтей казались предвестниками несчастья, Шана считала, что они зарекомендовали себя как отличное оружие против эльфов, и не собиралась от них отказываться.

«Скажи молодому эльфийскому лорду, что я могу за ночь унести двоих. А мы с тобой, возможно, сможем улететь даже на рассвете, если будем держаться над облаками, — уверенно произнес Кеман, к немалому облегчению Шаны. Она вообще сомневалась, что Кеман сможет лететь с такой ношей. — Сестричка, ты весишь не больше крупного двурога или небольшого оленя, — фыркнул Кеман. — Думаю, с таким грузом я управлюсь».

Шана передала это Валину, и юноша тоже вздохнул с искренним облегчением.

— Тогда все будет в порядке, — сказал он.

Меро попытался что-то сказать, чихнул и предпринял еще одну попытку.

— Валин должен лететь первым, — сипло произнес он.

— Но ты болен... — начал было Валин.

— А ты — эльф! — парировал Меро. — И хозяйка тебя знает. Ее слуги не посмеют остановить тебя. И ты можешь заранее объяснить наше появление.

Он снова чихнул, а Шана попыталась подавить очередной приступ кашля. Меро слабо улыбнулся и произнес, словно бы в шутку:

— Если она нас не примет, просто убейте меня, ладно? Все лучше, чем валяться больным в этой грязи.

Шана все-таки не смогла совладать с приступом и зашлась в кашле, вздрагивая всем телом. Прокашлявшись, она прохрипела:

— Меро прав. Но есть другой выход.

— Какой? — с беспокойством спросил Валин.

— Пустыня, — отозвалась Шана. — Мы с Кеманом можем жить там, а значит, и вы сможете.

— Да, если сможем пересечь всю страну. Если сможем пересечь владения моего отца так, чтобы он меня не засек, — мрачно сказал Валин. — Если сможем скрыться от него и от его охотников.

Его мрачность передалась Шане, и девушка огрызнулась:

— Ну, это хоть какой-то план!

Валин никак не отреагировал на ее вспышку, да Шана этого и не ждала. Она просто прижалась к стволу дерева, попытавшись устроиться так, чтобы на нее капало поменьше, и приняла ждать рассвета.

Это было самое долгое ожидание в ее жизни.

Валин цеплялся за спинной гребень дракона и изо всех сил старался не смотреть вниз. Один раз он было взглянул и в результате чуть не выпустил гребень и чуть не расстался со скудным содержимым своего желудка.

Облака затягивали небо плотной пеленой, но слой их располагался довольно низко, и Кеман, несмотря на дополнительную ношу, быстро забрался выше облаков. Яркий лунный свет заливал белые холмы, над которыми летели дракон и его всадник. Кеман держал курс на юг, к эльфийским землям. До полнолуния оставалась пара дней, и здесь, в чистом воздухе, луна казалась особенно яркой. Пока они летели над глушью, это было не так уж плохо: облачная пелена выглядела нереальной, и Валину удавалось убедить себя, что все это не более чем очень искусная иллюзия. Но когда они добрались до земель Чейнара и облачный покров исчез, а Валин опрометчиво взглянул вниз...

В конце концов Валин решил, что ему остается лишь крепко зажмуриться и надеяться, что он не опозорится.

Валин думал, что Кеман усадит его себе на плечи, между шеей и крыльями. Но вместо этого Кеман посадил юношу на круп, за крылья. Теперь Валин понимал, почему дракон так поступил: его плечевые мышцы находились в постоянном движении. Если бы эльф сидел там, ему было бы крайне трудно сохранять равновесие, а при каком-нибудь резком движении Кемана он вообще мог свалиться вниз. А там, где Валин сидел сейчас, мышцы почти не шевелились.

И все бы было замечательно, если бы Валин мог как-нибудь привязать себя к дракону. А так у него не было ни седла, ни ремней — ничего, кроме собственных ног и жесткого гребня, за который он цеплялся.

Валин изо всех сил сжимал ногами круп дракона. Наверное, когда он спустится на землю, ноги у него будут болеть не менее недели.

Земли Трианы располагались к востоку от владений Чейнара — восточнее и немного южнее. Между ее владениями и дикими землями, с которыми граничило имение Чейнара, лежало болото — и в это болото не хотелось соваться даже Кеману. Еще южнее располагались земли Дирана, а с его владениями и с владениями лорда Беренеля граничила пустыня. А дальше на запад, за пустыней...

«Земли драконов. Настоящих драконов. Я лечу на настоящем драконе». На мгновение Валину припомнились сказки его детства, истории о драконах и рассказ о прирученном драконе, на котором можно было ездить верхом.

И еще он подумал о том, что его руки и ноги уже болят от напряжения и что выступ гребня больно врезается в ладони...

Ладно, неважно.

Собственно, и в том, как двигался Кеман, было мало приятного. Валин всегда думал, что полет дракона должен быть плавным. Как же он ошибался!

Даже в полностью неподвижном воздухе Кеман двигался рывками. Взмах крыльев — рывок. А еще он заваливался набок

или нырял вниз, когда сталкивался с неблагоприятными воздушными потоками. И лишь изредка — очень изредка — выпадали благословенные мгновения, когда Кеман парил, давая отдых крыльям. Если бы Валина еще и укачивало, путешествие стало бы для него настоящим бедствием. А если бы вместо нынешнего моросящего дождя они попали в настоящую бурю, Валина сорвало бы со спины дракона прежде, чем они пролетели хотя бы лигу.

Валин не представлял себе, насколько это мучительный процесс — езда на драконе, и как мало это имеет общего с ездой на лошади, особенно при наличии хорошего седла... Или с ездой на греле. Пусть даже на греле со скверным характером...

Нет, тот, кто хоть раз прокатится на драконе, никогда уже не назовет это занятие романтичным.

Валин осмелился взглянуть вперед и увидел под сенью деревьев скопление искрящихся разноцветных огней. А еще он заметил тонкий розоватый столб света, изящно поднимающийся над темнеющей громадой здания. Это не могло быть ничем иным, кроме как башней, которую Триана возвела для своей последней вечеринки. Верх этой башни представлял собой огромную платформу, покрытую подушками, — сплошную гигантскую постель, окруженную стеклянными стенами и накрытую стеклянным же потолком.

Хотя никто сейчас не мог увидеть его, Валин снова залился краской. О том, что происходило на той вечеринке, он не рассказывал даже Тени. В некоторых отношениях Триана и Диран были чрезвычайно схожи между собой.

Но уже одна эта башня показывала, насколько Триана отличалась от остальных эльфийских лордов. Все прочие известные Валину лорды жили в особняках, полностью отгороженных от мира. Складывалось такое впечатление, будто они пытались создать свои маленькие мирки и не пускать настоящий мир даже на порог. А вилла Трианы была стеклянной от пола до потолка, и хозяйка, даже оставаясь одна, часто поднималась на башню, чтобы полюбоваться на грозу, на звезды или на мирно плывущие по небу облака.

«Во всяком случае, так она мне говорила».

Кеман перестал работать крыльями и начал спускаться по пологой дуге. Он явно ориентировался на башню. Сейчас он опустится рядом с хозяйским домом, Валин зайдет туда и поговорит с Трианой... — очень хочется надеяться, что сейчас она не проводит очередную вечеринку, — ...и узнает, получат ли

они убежище. Валин не солгал, когда сказал, что Триана способна предоставить им укрытие из одного лишь чувства противоречия, ради острых ощущений. А вот чего он не сказал остальным, так это насколько непредсказуемой бывает Триана. Если она сейчас в плохом настроении, их появление может развлечь ее — все какое-то разнообразие.

А с другой стороны, она вполне может выставить Валина за дверь, даже не выслушав его.

Тут Валину стало не до размышлений — он заметил, как стремительно приближается земля. А он ведь понятия не имел, как приземляются драконы. Валин судорожно втянул голову в плечи и всем телом прижался к крупу дракона. И тут Кеман резко взмахнул крыльями, как сокол, тормозящий в конце пути. Огромные перепончатые крылья с громовым хлопком вспороли воздух и подняли целую тучу опавших листьев и еще какого-то мусора.

Толчок при приземлении швырнул Валина вперед. Не сумев удержаться, эльфийский лорд перелетел через плечо Кемана и с глухим шлепком плюхнулся задом на траву, что не слишком-то благоприятно повлияло на его гордость и достоинство.

Прежде чем Валин успел произнести хоть слово, его скрутило и вывернуло наизнанку — для его истерзанного желудка вид Кемана, меняющего облик, оказался последней каплей. Когда юноша сумел разогнуться, на него серьезно взирала большая — очень большая — корова.

— Я скоро вернусь, — пообещал Валин, глядя, как корова направилась к стаду своих соплеменниц. Корова оглянулась через плечо и кивнула, потом опустила голову и принялась бодро поедать траву.

А он и не знал, что драконы умеют менять пол. Интересно, эта перемена — чистая видимость, или...

Ладно, неважно.

Теплый ветерок донес до Валина мелодичные звуки, слабый запах экзотических благовоний и аромат цветов. Дом Трианы всегда окружала музыка. Это был один из ее талантов — магическая работа со звуком. Впрочем, эта музыка не всегда создавалась при помощи магии. Триана держала при себе столько людей, обученных пению и игре на музыкальных инструментах, что могла денно и нощно услаждать свой слух. Валин быстро двинулся в ту сторону, откуда доносилась музыка. Подойдя поближе к господскому дому, юноша заметил несколько деталей, наполнивших его одновременно и облегчением, и опасе-

нием. Гостей не было заметно, а это значило, что сегодня Триана не устраивала вечеринку. На вершине башни горел свет, и видно было, что там движется одинокая тень. Поскольку Триана бродила там в одиночестве, можно было предположить, что она пребывает в относительно неплохом настроении, бодрствует — и, возможно, скучает.

Возможно, она сильно скучает, поскольку большинство ее товарищей по развлечениям должны сейчас биться над загадкой «драконьей шкуры», если только их отцы хоть немного похожи на Дирана.

И друзья Валина могут оказаться для нее отличным способом развеять скуку. Только вот понять бы, что она захочет с ними сделать...

В'данн Триана эр-лорд Фалкион мерила шагами узкий проход, окаймлявший башню, и смотрела на огни своего дома. Ее мучило беспокойство, и она не могла остановиться с того самого момента, как поднялась наверх. Триана надеялась, что ходьба поможет сбросить лишнюю энергию, порожденную нервным расстройством, но сейчас эта уловка не срабатывала.

«Проклятие, мне скучно! С этим нужно что-то делать!»

Возможно, ей стоит просто велеть прислать наверх Рейфа...

О Предки! Это не просто скука — это уже склероз. Она же порвала вчера с Рейфом, а Ментор еще не успел обучить для нее нового племенного жеребца.

Теперь к скуке добавилось раздражение. Триана принялась теребить шелковую золотистую прядь, достающую до середины бедра, и обдумывать имеющиеся возможности.

Вечеринку устроить не удастся. По крайней мере, до тех пор, пока лорды не прекратят гонять своих детей на охоту за шкурой какой-то ящерицы. Сейчас на вечеринку смогут приехать только те, кого ей вовсе не хочется видеть. Во всяком случае, не хочется, если при этом не будет присутствовать достаточное количество более забавных особ. Существует определенный предел глупости, с которым она согласна мириться ради развлечения.

На мгновение Триана подумала: а не присоединиться ли к охоте? В конце концов, мало кто из эльфийских лордов обладает такими способностями разыскивать желаемое, как она. Одного лишь слуха и клочка шкуры было бы недостаточно, чтобы привлечь внимание глав кланов. Впрочем, кланы соблюдают

субординацию. Они отправили на охоту младших сыновей, и это довольно многозначительно. Если теперь она отыщет их...

Нет, это чересчур дурацкая идея. Предположим, она действительно найдет этих так называемых «драконов». И что ей с ними делать? Охотиться на них самостоятельно? Она не из тех идиотов, которые рискуют жизнью и считают это отличным способом развеять скуку. Послать на охоту своих вассалов? И дальше что? Сделать на этом состояние?

Ей не нужно состояние. Оно у нее уже есть. До тех пор, пока ее слуги действуют разумно, чего ей еще желать? Отец, прежде чем свалиться с лошади, подобрал хороших слуг и правильно их расставил, — а она переставила их, как ей было удобнее. До тех пор, пока хорошо ей, хорошо и им. Если кто-нибудь из них найдет эту дурацкую штуку — на здоровье. Не найдет — ну и ладно. Кого это волнует?

Впрочем, Триана подозревала, что вся эта история с драконьей шкурой — не более чем мистификация. И она мысленно поздравила автора этой затеи — кто бы он ни был — с отличной идеей. Все словно позабыли, что эту шкуру можно было сотворить при помощи магии. В конце концов, именно так были созданы однороги, грели и множество других животных. Все, что для этого нужно, — терпение, подходящий исходный материал и очень сильный маг.

Триана посмотрела на раскинувшийся внизу ярко освещенный водный парк и рассмеялась при мысли о том, кто отколол эту шутку.

Она бы и сама с удовольствием провернула нечто подобное.

Вся эта история с «дикой» девчонкой и всем прочим требовала многолетней подготовки. Ну и что? Если это действительно розыгрыш, то он проведен просто блестяще. Жаль, что не она его придумала!

Какая, однако, интригующая идея...

Если этот розыгрыш удастся, она вряд ли сможет что-либо сделать. А вот если он провалится или если выяснится, что вся эта история была правдой, возможно, она попытается провернуть что-нибудь подобное. До чего же это будет забавно — наблюдать, как все эти напыщенные лорды стаей носятся за несуществующей химерой! Она вполне справится с этой затеей, если только приручит кого-нибудь из молодых лордов — только это обязательно должен быть сильный маг, а таких среди них мало, — и уговорит создать для нее что-нибудь наподобие того же куска драконьей шкуры...

Тут нужен кто-нибудь вроде... ну, скажем, Валина.

Тут из переговорной трубы, висящей у входа на лестницу, донесся мелодичный звон колокольчика.

Неужели пришло какое-то сообщение? Триана подхватила шелковые юбки цвета янтаря и, охваченная любопытством, заспешила к трубе прямо по подушкам. Рабы знали, что, если госпожа поднимается на башню, беспокоить ее нельзя — разве что произойдет что-нибудь совсем уж необычное.

Возможно, и вправду случилось нечто волнующее.

— Слушаю! — произнесла она в трубку.

— Госпожа, вас желает видеть лорд Валин, — донесся снизу гулкий, до неузнаваемости искаженный голос. — Он говорит, что у него неотложное дело.

Валин? Надо же, какое совпадение! Стоило лишь подумать о нем, и он тут же появился...

Так можно и поверить, будто она обладает способностями волшебницы!

Триана довольно хорошо знала Валина — он мало чем отличался от прочих гостей, посещавших ее вечеринки. Она знала, что юношу притягивает даже возможность просто пообщаться с ней. Она, собственно, пока что не допускала его во внутренний круг. Валин пока был всего лишь одним из тех, кто проворнее всех откликался на приглашение. Даже косвенной связи с дамой такой репутации, как Триана, было довольно, чтобы повергнуть юношу в трепет.

Что же касается самой Трианы, она находила идеализм и искренность юноши очаровательными. Конечно, со временем это наскучивает, но в небольших дозах действует освежающе. А потому Триана при общении с Валином старалась выглядеть вполне определенным образом — для его же блага, — хотя большинство близких друзей Трианы сочли бы созданный ею образ весьма забавным.

Интересно, в какую же неприятность влип Валин, что он явился за помощью к ней?

«Ну что ж, есть лишь один способ это выяснить».

— Велите ему подняться, — приказала Триана и принялась ждать. Валину нужно было время, чтобы преодолеть четыреста ступеней, ведущих на верх башни. За это время Триана обдумала, как ей предстать перед гостем в наилучшем виде. Она присела у окна, якобы любуясь раскинувшимися внизу садами.

Триана никогда не могла понять, как такой невинный и, скажем прямо, простоватый юноша, как Валин, может быть таким элегантным. Такая наивность должна сопровождаться неуклюжестью, а не изяществом. А именно изящество всегда бросалось ей в глаза, когда...

И лишь после того, как Валин вошел в комнату, до Трианы дошло, что сейчас он выглядит отнюдь не изящно — взъерошенный, грязный, в потрепанной одежде... Вид юноши так поразил Триану, что она невольно вскочила на ноги.

— Предки и Прародители! — воскликнула хозяйка дома. — Валин, где тебя носило? Что ты с собой сотворил?

— Я... я был занят, — нерешительно ответил юноша. — Об этом я и хотел с тобой поговорить. У меня возникли кое-какие проблемы.

— Чтобы понять это, достаточно просто взглянуть на тебя, — сухо отозвалась Триана. — Следует ли мне ожидать, что эти «проблемы» последуют за тобой и вскоре окажутся на пороге моего дома?

— Не думаю. По крайней мере, не так сразу, — сказал Валин. Хозяйка дома осторожно усадила его на подушки рядом с собой, прилагая при этом все старания, чтобы случайно не прикоснуться к нему. В любом случае она вовсе его не хотела. Валин был для нее уже покоренной территорией — как и любой другой соблазненный ею зеленый юнец. Но эти его проблемы — кто знает, может, и вправду стоит в них ввязаться.

— Почему бы тебе не начать с самого начала? — предложила Триана и уселась на прежнее место, придав лицу приличествующее моменту выражение внимания.

Чем дальше продвигался рассказ Валина, тем реже Триана вспоминала о том, что ей следует поддерживать какое-то выражение. А к тому моменту, когда Валин закончил свое повествование, у хозяйки дома от возбуждения голова шла кругом.

— Я помогу тебе, — совершенно искренне объявила Триана, когда юноша запнулся, не зная, что еще сказать. При этих словах глаза Валина не просто засветились, а прямо-таки вспыхнули. Он начал было благодарить хозяйку, но Триана тут же перебила его:

— Отправляйся за своими друзьями и приводи их сюда, а я тем временем усилю охранные и щитовые заклинания. Возможно, я не самый великий маг, но я все-таки чего-то стою. Никто не сможет отыскать тебя здесь, не проломившись через защиту. На самом деле я вообще сомневаюсь, чтобы кому-нибудь пришло в голову искать тебя здесь, — задумчиво добавила Триана. — Лорды так привыкли считать меня сибаритствую-

щим ничтожеством, что навряд ли кто-либо из этих старых придурков вообще примет меня в расчет, составляя список возможных смутьянов — ну, разве что в шутку.

Валин изящным движением поднялся на ноги и предложил руку даме. Триана небрежным жестом отклонила его предложение.

— Я хочу остаться здесь и кое-что обдумать, — сказала она чистую правду. — Возьми-ка вот это...

Триана на мгновение сжала ладонь и привела в действие заклинание вызова. Когда она разомкнула ладонь, там оказалась еще теплая от перемещения печать, вырезанная из кроваво-красного камня, — Триана держала несколько таких печатей у себя в столе. На этой сардониксовой печати, как и на всех прочих печатях Трианы, был изображен герб ее клана — стоящий на задних лапах василиск.

— Вот, — сказала она, протягивая печать Валину. — Отдай это моему сенешалю и скажи, чтобы он выполнял все твои приказы. Сейчас у меня нет гостей, я совершенно одна. Так что можешь занимать столько комнат, сколько потребуется.

Валин улыбнулся своей ослепительной улыбкой и склонился к руке хозяйки дома. Он легонько коснулся руки Трианы губами и забрал печать.

— Я никогда не сумею должным образом отблагодарить тебя... — начал было он.

Триана игриво махнула рукой.

— Иди же! Выметайся отсюда — и не будь таким глупым мальчишкой! Ты отлично знаешь, как мне нравится дергать это старичье за бороды. И это для меня лишь еще одна возможность поразвлечься за их счет.

Триана не без удовольствия отметила, что Валин достаточно хорошо ее знает. Он уловил нужный момент и изящно удалился прежде, чем его присутствие начало раздражать хозяйку. Как только юноша ушел, Триана откинулась на мягкие подушки, томно поглаживая их. Прикосновение, несколько вполголоса произнесенных слов — и кремовый атлас превратился в бархат насыщенного черного цвета. Еще одним словом хозяйка погасила свет и в задумчивости принялась любоваться на звезды, сверкающие за стеклянной крышей.

Волшебники и полукровки — и она предоставляет им убежище. Какая великолепная шутка! Теперь она даже припомнила этого юнца, Тень... Что-то такое маячило у Валина за спиной, когда он последний раз приезжал в гости. Правда, он за все

время пребывания в имении ни разу не вышел из покоев Валина. И теперь она понимала, чем это было вызвано.

Триана рассмеялась и привольно растянулась на бархате подушек. О, Предки и Прародители! Как, должно быть, Совету хочется заполучить эту небольшую компанию! Трое полукровок — все со способностями волшебников — и эльф-изменник, несколько недель помогавший им!

Одна лишь мысль о возможности так славно насолить старшим подарила Триане такое наслаждение, какого она не испытывала с лета. Но ее мысли не могли стоять на месте, и Триана принялась обдумывать другие возможности.

А если эти волшебники и вправду умеют читать мысли, может, она сможет уговорить их немного почитать мысли для нее? Это было бы чудно — заполучить собственного ручного волшебника. Только подумать, сколько полезного она могла бы узнать таким образом...

Возможно, ей стоит потрудиться и очаровать Тень Валина. Это не должно представлять особых трудностей, особенно если начать прямо сейчас, когда юнец болен. Людьми так легко манипулировать — особенно пока они молоды. Вероятно, Тень не исключение.

И насколько она припоминает, юноша довольно мил. Правда, он довольно сильно отличается от ее последнего увлечения, Рейфа. Конечно, он не совсем в ее вкусе, но в этом есть своя пикантность — ухаживать за кем-то, а не быть объектом ухаживаний, господствовать, а не подчиняться.

На самом деле, не исключено, что ей удастся отделить юношу от небольшой свиты Валина. Она знала Валина: он слишком мягкосердечен даже по отношению к рабам, а этому рабу он позволяет просто невероятные вольности. Если она завоюет Тень, вполне возможно, что она и убедит Валина расстаться с ним.

А потом она обработает юнца на собственный лад — и у нее появится свой собственный волшебник.

Да, это выглядит вполне реальным. Интересно, а на каком расстоянии он может читать мысли? Даже если он может дотянуться всего лишь до соседней комнаты, его и то уже стоит держать при себе. Но если он может работать и на больших расстояниях, перед ней откроются просто-таки неограниченные возможности.

Прежде Триана никогда не испытывала желания ввязываться в политические интриги, но лишь потому, что у нее не было

возможности эффективно влиять на кого-либо из старших — а Триана считала это необходимым условием. Но при наличии волшебника, способного выведать все секреты старших, политика может оказаться очень многообещающим полем деятельности.

А последняя мысль была отрезвляющей, но зато отвечала на вопрос, многие годы терзавший Триану.

Тень даже без помощи Валина много лет как-то умудрялся избежать разоблачения. А потом, когда Валин принялся помогать ему, его и вовсе бы никогда не раскрыли, если бы Валина не застукали в тот момент, когда он при помощи магии выискивал других волшебников. Так сколько же полукровок живут сейчас в мире, скрываясь под личиной?

И кстати, личина вовсе не обязательно должна быть человеческой. С таким же успехом это может быть и личина чистокровного эльфа. Триана готова была поспорить, что Валин никогда об этом не задумывался.

Триана лениво поигрывала прядью и рассматривала эту мысль с разных сторон. Да, это предположение выглядело вполне разумным. Интересно, сколько эльфийских леди, страшась, что могущественный супруг прогонит их, обращались к своим слугам-людям за тем, чего не могли им дать их лорды?

И какой эльфийский лорд станет задаваться посторонними вопросами, когда ему предъявят наследника мужеска полу, в котором он так отчаянно нуждается?

А полукровке даже не нужно притворяться, что он обладает магическими способностями, — они и вправду у него прорежутся...

Если посмотреть на дело под этим углом, поневоле задумаешься: сколько же эльфийских лордов, имеющих репутацию могущественных магов, в действительности являются полукровками или сыновьями полукровок?

В этой мысли было нечто пугающее.

Конечно, Дирана это не касается. В этом Триана была уверена. Он никогда бы не затравил ту наложницу до смерти, если бы сам был полукровкой...

Но только при том условии, что он об этом знает. Если только его мать не предпочла скрыть правду даже от сына.

Вот это мысль!

На губах Трианы заиграла злая улыбка — леди принялась вспоминать все известные ей магические формулы, уничтожающие иллюзию.

«Только представить себе! Вовремя примененное заклинание, скажем, во время заседания Совета — и оп-па! — перед нами лорд Диран, полукровка!»

Триана некоторое время поиграла с этой идеей, потом с сожалением отказалась от нее.

На самом деле Триана сильно сомневалась в том, что Диран действительно является полукровкой. За свою жизнь Диран приобрел более чем достаточно врагов, и кто-нибудь непременно должен был хоть раз обратить против него заклинание уничтожения личины. А Валин, безо всяких сомнений, выглядит как эльф чистейших кровей. Если бы на нем и вправду лежало заклинание личины, она бы это заметила. Идея, конечно, забавная, но скорее всего она так и останется всего лишь забавной идеей.

Но у Трианы появилась еще одна, не менее интересная мысль.

Перед женщинами, возглавлявшими кланы, всегда стояла серьезная проблема: как найти себе мужа, который не попытается подмять клан под себя, и как обзавестись наследником, который не бросит ей вызов, когда подрастет. При этом ребенок еще не должен быть ни идиотом, ни слабаком. Это окажется не меньшим бедствием. Если такая женщина вступит в брак с эльфийским лордом, намного уступающим ей по силе, ее наследник скорее всего тоже окажется слабым магом, и другие члены клана будут без конца навязывать ему магические дуэли. Если наследник будет слаб, они непременно попытаются передать власть какому-нибудь представителю младшей ветви, либо их вынудят вступить в союз с каким-нибудь таким кланом, который просто съест их живьем.

Но если такая женщина родит ребенка от человека... Никто не спрашивает у главы клана, кто отец ее ребенка, даже если она предпочтет не заключать брачного союза. А вдруг некоторые из них действительно рожали детей от мужчин-людей?

Ведь они без труда могли сотворять иллюзии и поддерживать их сколь угодно долго.

А по мере того, как ребенок рос, леди вполне могла огранить его магические способности и привязать его к себе самыми крепкими узами, теми узами, что соединяют мать и дитя. А если даже эти узы и перестанут сдерживать наследника, в запасе у нее всегда будет оставаться угроза разоблачения.

Какая возмутительная мысль!

Но какая при этом интригующая...

Пока Триана любовалась на звезды, ее посетила еще одна мысль, не менее интригующая.

«А не стоит ли мне попытаться...»

Глава 21

Когда мимо дверей библиотеки проплыла Триана, Шана уткнулась носом в книгу и снова ощутила прилив гнева. Девушке пришлось сделать над собой значительное усилие, чтобы взять себя в руки, и от этого усилия все слова на странице на мгновение превратились в размытые пятна. Этим утром Триана снова выставила ее на всеобщее посмешище, а ей не оставалось ничего другого, кроме как сделать вид, что это такая шутка, и тоже посмеяться. Утонченная снисходительность эльфийских дев не распространялась на специально намеченные цели, и Шану уже тошнило от всего этого. И общее скверное состояние, вызванное затянувшейся простудой, не улучшало дела. Когда Шана пожаловалась на поведение Трианы, Валин заявил, что она чересчур обидчива. Тогда Шана решила по мере возможностей избегать Трианы, — а в доме такого размера это было не слишком трудно сделать.

Наилучшим укрытием оказалась библиотека, и Шана благословила предусмотрительность своей приемной матери, обучившей ее не только говорить, но и читать по-эльфийски. Предки Трианы собрали целую коллекцию разнообразных учебников — в том числе и по магии. И Шана как раз нашла в одном из них ответы на некоторые свои вопросы.

Почему эльфийские лорды уничтожали волшебников по одному, а не всех вместе? И где они брали силу, чтобы совершать некоторые деяния, описанные в старинных хрониках, — например, построить поместье за ночь?

Шана устроилась поудобнее в чрезмерно мягком кресле, обитом бархатом, и еще раз перечитала последний параграф главы. Да, вот оно. Ответ оказался до ужаса простым. Если маг допускал оплошность и недостаточно следил за защитой, его силу можно было украсть. Она потом возвращалась — обычно через день, — но на это время маг оставался целиком и полностью беззащитен. Хитрость заключалась в том, что при этом следовало находиться на определенном расстоянии от жертвы — обычно в пределах видимости. Если нападающий знал жертву в лицо, ему необязательно было действительно видеть мага, но он все равно должен был достаточно близко подойти к нему. И вот теперь Шана впервые увидела это заклинание записанным, вместе с формулой исполнения и предполагаемыми результатами.

Вот почему они убивали волшебников поодиночке — потому что при этом они могли еще и красть их силу.

Несомненно, все эльфийские лорды по-прежнему принимали меры предосторожности против подобных нападений, хотя их магия и имела несколько иную природу. Данное конкретное заклинание было чрезвычайно демократичным — при его помощи слабый маг вполне мог обокрасть более сильного противника. Нужно было только знать этот фокус.

Теперь Шана понимала, как волшебники и эльфийские лорды давних времен приводили в действие мощнейшие заклинания, требовавшие такой силы, которой просто не мог иметь один маг, — например, переносили нескольких человек на значительные расстояния (это было усложненной версией заклинания, при помощи которого волшебники теперь таскали у эльфов разнообразное имущество). Они просто крали эту силу. А волшебники брали ее взаймы. Возможно, в прошлом эльфийские лорды тоже сотрудничали и совмещали подобным образом свои силы, но теперь они явно этого не делали.

Этим заклинанием так долго не пользовались, что всякие упоминания о нем исчезли из книг. И на самом деле, в этом не было ничего удивительного. Подобное заклинание было сродни «тайному» фехтовальному приему, который становится бесполезным после того, как его хоть раз пустили в ход, — потому что теперь все знают о нем и остерегаются его. Так и похищение магической силы перестало быть эффективным приемом, поскольку теперь любой эльфийский лорд, находясь в обществе других лордов, своих потенциальных противников, учитывал возможность подобного нападения. Но это еще не означало, что они держали защиту сутки напролет...

Никто не может круглосуточно быть настороже. Особенно если тебе грозит нечто такое, с чем ты прежде никогда не сталкивался.

И это, конечно, не значит, что Тень, Валин или даже Триана остерегаются подобной уловки.

Шана закрыла книгу и принялась обдумывать сложившуюся ситуацию.

В настоящий момент похоже было, что великие планы Валина о помощи людям и полукровкам плавно сходят на нет. Значит, Шане придется действовать самостоятельно. Шана мрачно кивнула, отвечая на собственные мысли. «Мне следовало хорошенько подумать, прежде чем связываться с этой парочкой. Ладно, сделанного не воротишь. Теперь нужно как-то это расхлебывать». Может быть, если она сумеет свести это «дело» воедино, то хоть это привлечет внимание Валина?

Девушка снова открыла книгу и старательно изучила текст. Потом она решила, что стоит произвести несколько экспериментов — посмотреть, сможет ли она оттягивать чужую силу понемногу, так, чтобы ее не засекли. В конце концов, они достаточно ею попользовались, так пусть теперь сами принесут какую-нибудь пользу, — злорадно подумала Шана.

Тот же Тень вполне сгодится. А запасным вариантом будет Триана.

С того самого момента, как беглецы перешагнули порог этого дома, Триана хлопотала над Меро, почти не обращая внимания на остальных. Она даже лечила Тень — попросту не замечая Шану, которая чувствовала себя ничуть не лучше Меро. Складывалось впечатление, что в присутствии этой красивой эльфийки Тень просто переставал нормально думать. Впрочем, это можно было предсказать заранее.

Шана презрительно поджала губы. «Мужчины. Никакой с них пользы!»

Валин убедил Меро заключить помолвку с Шаной — он сам и провел простенькую церемонию, — но если он надеялся, что Шана и Тень мгновенно влюбятся друг в друга, то тут он жестоко просчитался. Шана не имела ни малейшего намерения содействовать исполнению этой части его плана.

Хотя надо отметить, что Тень повел себя не совсем так, как предполагала Шана. После церемонии она подошла к Меро, намереваясь откровенно сказать ему, что она ни капельки не интересуется лично им, и нарвалась на такое же признание с его стороны.

Шана снова вскипела от обиды и расстройства и заерзала в кресле. Если ты собираешься дать кому-то от ворот поворот — это одно, но когда оказывается, что у этого человека на уме то же самое, это не очень-то приятно для твоей гордости... Шана все равно произнесла свою заготовленную речь — просто чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, — но та явно не

произвела ожидаемого впечатления. Насколько могла понять Шана, Тень вообще никак на нее не отреагировал.

Ну и пусть остается со своей Трианой. А она выбирает силу. Пускай Тень тратит время впустую, разыгрывая дурачка перед женщиной, которая вышвырнет его прочь, едва он ей наскучит. А Шана тем временем совершит великие дела.

И первая ее задача — вылечить эту злосчастную простуду.

Летний ветер растрепал волосы Валина. Юноша послал коня — чистокровку, взятого с конюшен Трианы, — в галоп, пытаясь ускакать от собственного беспокойства и разочарования. Все шло не так, как он рассчитывал или надеялся. Как только они добрались до этого безопасного убежища, все члены их маленькой группы, вместо того чтобы собраться вместе и обдумать, как лучше воздействовать на эльфийских лордов и волшебников, разбежались по разным углам и занялись своими делами. А главные задачи были забыты.

Конь несся через луг, поросший душистыми дикими цветами. Валин искусно управлял им, пользуясь лишь поводьями, и думал, что же пошло не так.

Он применил чары против Шаны и Меро, чтобы убедить их обручиться, но это не сработало. Во всяком случае, это заставило их дать друг другу клятву, но не более того. Когда церемония была завершена, Шана и Тень ушли рука об руку. Естественно, Валин подумал, что его чары подействовали и что это начало их новых взаимоотношений.

Но прошло совсем немного времени, и что же он видит? Шана сидит одна в библиотеке, а Меро не отходит от Трианы. С таким же успехом они могли и не заключать никакой помолвки.

Валин послал коня на заросшую тропу, где препятствия возникали неожиданно. Конь выкладывался, стараясь взять самые высокие из них, и нуждался в поддержке всадника. Валин умело направлял своего скакуна, и конь слушался каждого его движения — но ни скорость, ни возбуждение, вызванное удачными прыжками, не могли уничтожить неприятного ощущения. Юноше все казалось, что он допустил какую-то ошибку и теперь расхлебывает ее последствия. Лошадь брала препятствие за препятствием, а Валин никак не мог избавиться от беспокойства.

Его не очень-то радовало, что Меро проводил так много времени в обществе Трианы. Брат уверял его, что он пытается объ-

яснить Триане их взгляды и добиться, чтобы она окончательно примкнула к их замыслу, но что-то не похоже было, чтобы она сильно рвалась куда-то примкнуть...

«Ты начинаешь глупеть», — твердо сказал себе Валин, переводя взмыленного коня на шаг и позволяя ему немного остыть. Меро действительно старается разъяснить все Триане наилучшим образом. У нее доброе сердце. Как только Меро добьется, чтобы она выслушала его, он непременно привлечет Триану на их сторону. Это всего лишь вопрос времени.

И все же Валин не мог избавиться от скверного предчувствия. Ему казалось, что у них осталось очень мало времени.

Триана улыбнулась Меро, присела на тахту рядом с ним и мягко, незаметно окутала юношу своими чарами, еще крепче связывая его волю. Ей не нужно было улучшать породу своих рабов — она всегда могла очаровать любого, кроме тех, кто действительно был крепок волей. Это была самая сильная сторона Трианы как мага — магия чар. Их вечно все недооценивали — а зря. Именно тонкой, незаметной паутине чар Триана обязана была тому, что никто из старших лордов не посягал ни на нее, ни на ее имущество. Именно благодаря этой паутине Триана не получала ни одного серьезного вызова с тех самых пор, как овладела магической силой. И именно потому ее рабы были фанатично преданы своей хозяйке.

Триана забросила всех своих фаворитов ради Меро. Для такого сложного заклинания, какое она сейчас плела, первые несколько недель были решающими. Стоит допустить лишь малейший сбой, и все плетение придется начинать сначала. Когда сеть займет свое место и окрепнет, можно будет поступать с жертвой как только заблагорассудится. Но пока что Триане приходилось действовать очень осторожно.

Глаза Меро радостно вспыхнули. Юноша счастливо улыбнулся Триане, неотрывно глядя на женщину.

— И что же мы будем делать сегодня? — поинтересовалась Триана. — Мне кажется, будто мы уже побывали в каждом уголке имения. Мы ведь каждый день отправляемся то на верховую прогулку, то на охоту. Может, тебе хотелось бы что-нибудь сделать или посмотреть?

Взгляд Меро сделался чуть более сосредоточенным, и юноша, задумавшись, склонил голову набок. Триана взмахнула ресницами, наслаждаясь тем эффектом, какой производило ее кокетство. Она пока что не затаскивала Меро в постель — это

лучше приберечь до того момента, когда потребуется закрепить чары. А сейчас Триана развлекалась, играя с юношей, то приближаясь к нему, то ускользая.

«Валин, наверное, думает, что я сплю с Меро каждую ночь, — подумала Триана. Эта мысль искренне забавляла ее, но женщина умело скрывала свое веселье. — И он этого не одобряет».

Может, это просто сказывались предубеждения Валина? Мол, дружить с человеком или полукровкой можно, а вот ложиться с кем-нибудь из них в постель — нельзя.

Несчастный дурачок. Он даже не замечает, что эта маленькая нескладная полукровочка ловит каждое его слово, и разве что хвостиком не виляет. Или он все-таки видит это, но по какой-то причине предпочитает делать вид, будто ничего не замечает. Триана так не развлекалась с прошлого года, с праздника Середины лета, когда все принялись направо и налево изменять своим любовникам, но никто об этом не знал до тех самых пор, пока они не собрались на пир и не перепились!

Меро сощурился, словно пытаясь что-нибудь придумать.

— Я... Не знаю, может, тебе это покажется скучным... но мне действительно хотелось бы посмотреть, на что похоже заседание Совета, — сказал он в конце концов. — Не думаю, чтобы я мог пробраться туда самостоятельно. Я не знаю, как это сделать, и даже не знаю, где проходят заседания. И в любом случае я пока что не умею создавать достаточно качественную личину. Но ведь ты, как глава своего клана, можешь туда прийти, правда?

Триана удивленно приподняла брови. Оказывается, он все еще способен думать о себе! Ей и в голову не приходило, что у юноши еще сохранилось достаточно силы воли. Очевидно, ей следует соблюдать величайшую тщательность при накладывании чар на Меро.

— Да, могу. И что? — небрежно поинтересовалась Триана. — Зачем нам туда идти?

— Ну, просто о враге можно довольно много узнать, если понаблюдать, как он общается с равными, — медленно произнес Меро. — Вот я и хочу посмотреть, как Диран держится в окружении других лордов. Я никогда не видел его иначе как в облике господина, а я чувствую, что это — настоящий враг, с которым нам придется столкнуться.

Любопытно: он все еще думает о Диране как о враге. Значит, он все еще считает «дело» Валина своим. Что ж, почему бы и не исполнить его желание? Вреда в том не будет.

— У меня есть ложа на галерее, — сказала Триана, поигрывая прядью и застенчиво глядя на юношу из-под ресниц. — Я не очень часто ею пользуюсь, но... Почему бы и нет? — Триана вскочила на ноги и изящным движением протянула руку Меро. — Становись сюда. Я не могу работать над тобой, когда ты сидишь там.

Юноша послушно поднялся, и Триана невольно отметила, как играют мускулы под рубашкой, когда Меро двигается. Его фигура, стройная, но при этом крепкая, куда больше соответствовала вкусам Трианы, чем тощие тела эльфов-мужчин. Или, если уж на то пошло, больше, чем грузные тела мужчин-людей.

Да, ей действительно нужен этот маленький волшебник. Триана сплела дымку иллюзии, и темные волосы Меро сделались серебристыми, тело — более худым, уши заострились, а кожа приобрела оттенок алебастра. «Когда я подчиню его, он может оказаться самым лучшим любовником из всех, что когда-либо у меня были».

Закончив работу, Триана отступила на шаг и окинула Меро критическим взглядом.

— Думаю, это сойдет, — кивнув, произнесла она. — Ну что, ты готов? Тогда пойдем. Заседание Совета сейчас начнется.

— А как же мы попадем туда? — спросил Меро. Но Триана уже развернулась, не дожидаясь, что он скажет, и быстрым шагом направилась в рабочий кабинет, некогда принадлежавший еще ее отцу. — Лорд Диран тратит целую неделю на дорогу, но лорд Леремин живет еще дальше, но каждый вечер возвращается к себе домой. В чем тут хитрость?

— У каждого из потомственных Высших лордов в доме есть кабина с постоянно действующим заклинанием переноса, — бросила через плечо Триана. Меро припустил рысью по беломраморному коридору, пытаясь нагнать хозяйку дома. — Оно настроено на одно-единственное место: на здание Совета, находящееся в столице. Мы не можем перенастроить его. Стоит только попытаться, и заклинание попросту разрушится. А у выскочек вроде того же Дирана такой кабины нет. Некоторое количество этих ходов было уничтожено во время Войны Волшебников, но большая их часть по-прежнему работает. Конечно, тем, у кого нет своего хода, приходится во время работы Совета жить в столице, и это причиняет им значительные неудобства.

— А почему они просто не построят себе такой ход? — спросил Меро, когда Триана умолкла ровно настолько, сколько требовалось времени, чтобы открыть дверь кабинета.

— Потому, что на это требуется слишком много силы, — объяснила Триана. — В прошлом лорды строили себе такие кабины одновременно с домом, и чтобы создать ее, требовались соединенные усилия двадцати магов. Это занимало у них целый год, и весь этот год они ничего больше не могли делать. Вот сколько силы уходит на такой ход.

Сказанное подразумевало, что лорды, ныне входящие в Совет, уже не доверяют друг другу настолько, чтобы объединить свои силы и остаться беззащитными на время их восстановления, — потому они больше и не строят переносящих ходов. Интересно, уловил ли Меро эту тонкость?

Да, вполне возможно, что и уловил, — решила Триана, заметив, какое задумчивое выражение появилось на лице юноши. Триана отдернула бледно-розовые атласные занавеси, закрывавшие кабину, достала из ящика изящного резного стола сардониксовую печать и вручила ее Меро.

— Не потеряй ее, — сказала Триана. — Этот ход работает только в одну сторону, но та кабина, которая стоит в здании Совета, не будет знать, куда тебя переносить, если при тебе не будет этой печати.

Меро послушно сунул печать в карман. Триана распахнула дверь кабины. Оказалось, что там едва-едва хватит места на них двоих.

— Входи, — сказала Триана. Потом она вошла сама, закрыла за собой дверь и рассмеялась, когда Меро игриво пощекотал ее.

Они вернулись домой уже после наступления ночи. Меро помог Триане выбраться из кабины. Он вел себя чрезвычайно галантно, но без следа прежней игривости. Комната была подготовлена к их возвращению: свет был включен, а занавеси были раздвинуты именно так, как предпочитала хозяйка дома. Триана легким прикосновением разрушила личину. Лицо Меро на мгновение замерцало и изменилось. Затем Триана позволила юноше восстановить его основную личину, придававшую Меро вид обычного человека.

Меро задумчиво посмотрел на Триану. Женщина улыбнулась. Меро улыбнулся в ответ, но ничего не сказал. Видимо, заседание Совета открыло мальчику глаза на хитросплетения эльфийской политики — и на истинную силу лорда Дирана.

Сегодня Совет разбирал спор двух младших лордов — одно из тех дел, которые на первый взгляд кажутся простыми, но затрагивают престиж и благосостояние по крайней мере полудюжины членов Совета. А остальные, естественно, спорили, кто

выиграет, и заключали пари. Триана сопровождала заседание комментариями, безошибочно указывая, кто втянут в этот спор, кого в его ходе предали, кто перейдет на сторону противника, если ход событий пойдет не в его пользу. Диран же, как всегда, поддерживал обе заинтересованные стороны, причем без их ведома, и твердой рукой контролировал течение конфликта.

Триана усадила Меро и вызвала слугу, чтобы тот накрыл стол для поздней трапезы. Она довольно подумала, что даже если бы Меро специально выбирал день для посещения Совета, он и то не подгадал бы лучше. Не сравнить с теми скучными заседаниями, на которых обсуждались торговые квоты или вопросы о том, какой налог следует установить на овес этого урожая.

Триана почувствовала, что у нее начинает кружиться голова. Она знала, что это означает.

— Если ты не против, Меро, — произнесла она, выводя молодого полукровку из задумчивости, — я схожу переоденусь. Я ненадолго.

Пока Триана вставала со своего места, Меро успел поцеловать ей руку. Триана одарила его ослепительной улыбкой и вышла из кабинета.

На самом деле она вовсе не хотела переодеваться. Она хотела усилить чары, а для этого Триане требовался один из магических талисманов, в которых она хранила накопленную силу. Сегодня Триана потратилась на создание личины для Меро. И кроме того, переносящая кабина тоже использовала ее собственную силу, так что сейчас эльфийка была близка к истощению. Но она никогда бы не позволила никому из своих рабов прикоснуться к ее талисманам, в каком бы изнеможении она ни находилась. Нечего накликать беду. А вдруг окажется, что как раз этот раб, которого ты послала, обладает магическими способностями, и он использует накопленную в талисмане силу, чтобы преодолеть заклинание, встроенное в его ошейник?

Триана не стала бежать — это было ниже ее достоинства. Но она шла настолько быстро, насколько быстро можно было идти, не переходя при этом на бег. Ее шаги эхом отдавались в белом мраморном коридоре. Триана без помех добралась до своей комнаты. Комната была пуста. Очень хорошо. Триана следила, чтобы никто, даже самые любимые рабы, не знал, где она хранит свои талисманы.

Эльфийка сняла с запястья ключик, который она носила на цепочке, и открыла один из ящичков комода, покрытого белым

лаком и украшенного драгоценностями. Перебрав талисманы, Триана остановила свой выбор на янтарном ожерелье, подходящем к ее кремово-золотистому платью. Она поспешно надела ожерелье и сразу же почувствовала себя лучше. При магическом истощении Триане всегда казалось, будто ее вот-вот унесет даже самым легким ветерком.

Триана вернулась к Меро. Теперь она шла твердо и уверенно. Ей показалось, что где-то впереди звучат мужские голоса, но Триана не обратила на это внимания. Но, подойдя к двери, она услышала громкий треск и глухой стук двух тел, упавших на пол.

«Предки! Это что такое?! Кто посмел?..»

Триана рывком распахнула дверь — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Меро получил пинок под ребра и отлетел к стене, снеся по дороге изящный стульчик из резной березы. Стул этого не пережил. Меро пережил, но явно чувствовал себя не очень хорошо.

Триана ощутила, как в ней волной поднялась сила. Она резко развернулась, чтобы взглянуть на обидчика Меро. Мимо нее, не обращая на хозяйку дома ни малейшего внимания, крадущимся шагом скользнул рослый, мускулистый темноволосый мужчина. Глаза его горели жаждой крови, и мужчина явно намеревался разобраться с Меро. Триана с удивлением узнала его. Это был человек по имени Ларас, один из ее «жеребцов». Сперва из этого раба хотели сделать гладиатора, но потом Триана забрала его для других надобностей. Если бы Ларас был немного поумнее, она могла бы возвысить его и поставить подменять Рейфа, но его непроходимая тупость делала это невозможным. И тем не менее Ларас, похоже, всерьез считал себя фаворитом хозяйки. Он всегда был склонен к приступам ревности, а вспышки его бешеной ярости давно имели дурную славу среди рабов. Но Триана никогда еще не видела, чтобы Ларас настолько терял контроль над собой.

На мгновение сердце Трианы забилось быстрее. Они дрались из-за нее! Совсем как в древности, когда эльфийские лорды сражались на дуэли ради благосклонности избранной ими леди. Но те времена давно прошли — прошли еще до того, как эльфы попали в этот мир.

Как это возбуждающе — они дерутся из-за нее! Триана не знала ни одной женщины, из-за которой хоть раз подрались бы мужчины...

Но в следующую секунду Триана заметила произведенные разрушения (два разбитых в щепки стула, сломанный стол и поврежденная отделка стен) и разгневалась. Ларас нарушил все правила, вколоченные в него дрессировкой, и теперь портил ее собственность. Это было совершенно недопустимо. Даже если его поступки были продиктованы ревностью...

Триана перешагнула порог комнаты, чувствуя покалывание магии на кончиках пальцев.

— Ларас! — крикнула она. Очевидно, голос хозяйки пробился сквозь пелену ярости, окутывавшую сознание Лараса, и раб обернулся. Увидев, что это и вправду хозяйка, он заулыбался.

Триана не обратила внимания на его улыбку.

— Ты очень скверный мальчик, Ларас, — холодно произнесла она. — Я хочу быть уверенной, что ты больше не натворишь ничего подобного.

Ларас вздрогнул. Пока он судорожно осматривался по сторонам, выискивая, куда бы спрятаться, Триана перешла к решительным действиям. Прежде, чем она успела передумать, с пальцев ее сорвался боевой огонь и испепелил раба на месте.

Триана была милосердна. Ларас даже не успел вскрикнуть.

Тем временем к кабинету начали сбегаться другие рабы — но они прибежали слишком поздно, чтобы остановить драку. Первые из них показались в дверях как раз вовремя, чтобы увидеть кару, постигшую Лараса за его самонадеянность, — и тут же отпрянули под гневным взглядом хозяйки. Правда, никто из них не допустил ошибки и не пустился наутек; в настоящий момент это было бы равносильно признанию собственной вины. А если учитывать, в каком настроении пребывала Триана, это было бы равносильно еще и самоубийству.

— Кто допустил, чтобы это произошло? — рявкнула Триана, отлично зная, что ответа она не получит. Она обвела рабов бешеным взглядом и испытала удовлетворение, увидев, как они побледнели. Бывали времена, когда Триана в случае проступка кого-то из рабов наказывала всех, не разбирая, кто прав, кто виноват. И сейчас она была склонна именно так и поступить, чтобы как следует закрепить нынешний урок повиновения.

Но у этой сцены был нежелательный свидетель. Триана не могла допустить, чтобы Меро увидел ее в гневе. Только не сейчас. Сейчас ей нужно, чтобы юноша восхитился ее добротой и мягкостью.

— Проследите, чтобы в комнате убрали, и приведите мебель в порядок, — приказала она, отлично зная, что все здесь присутствующие рабы стремглав бросятся выполнять приказание. — И позаботьтесь, чтобы все в имении узнали об этом происшествии. Я не желаю, чтобы подобное повторялось.

Триана выбрала наугад одного из слуг и велела ему посмотреть, что с Меро. Слуга поспешно бросился к полукровке и помог тому сесть. Сама Триана стояла рядом и с напускной заботой следила, как раб проверяет, сильно ли пострадал Меро.

К счастью для полукровки, Ларас только начал разбираться с ним, так что серьезных травм Меро не получил. Раб помог юноше подняться на ноги. Триана не без удовольствия заметила, что Меро потрясен и переполнен отвращения, — это лишнее свидетельство собственной силы наполнило женщину возбужденной дрожью. Но нет, ей не нужно, чтобы эта реакция закрепилась. Как только раб закончил осмотр, Триана взяла Меро за руку и снова пустила в ход чары, стараясь вернуть юношу в прежнее состояние восторженного довольства. Меро должен считать, что какой-то раб повредился рассудком и безо всяких причин набросился на него, а Триана его спасла.

Триана даже не стала ничего объяснять. Она просто ворковала и плела магическую паутину, и еще до того, как Меро вернулся в свои покои, глаза у него снова сделались стеклянными.

Да он не просто зачарован! — довольно подумала Триана. Он наполовину в нее влюблен! Отличная работа! Можно будет считать, что она выполнена просто безупречно, если только удастся придумать, как отделаться от Валина и остальных двух полукровок. Если получится — отделаться навсегда. И поскорее.

Кеман расхаживал по своей просторной, роскошно обставленной комнате. Его снедало беспокойство. Время от времени дракон выглядывал в окно, но вид вечно залитых светом садов ничего не мог ему подсказать.

Все шло неправильно. Шана целыми днями пропадала в библиотеке, а когда она все-таки выходила оттуда, Кеман не мог отделаться от ощущения, что сестра что-то скрывает от него. Валин, кажется, растерял весь свой первоначальный пыл и решимость бороться за освобождение людей и полукровок. Он вел себя так, словно не был уверен, где же теперь его место. А Меро... Меро изменился до неузнаваемости. Он не обращал ни малейшего внимания на Шану. Он больше не упражнялся во владении смешанной магией — теперь его интересовала только магия эльфов. А Валин признался, что теперь его двою-

родный брат не откровенничает даже с ним. И виновата во всем этом была Триана...

«Она пытается оторвать нас друг от друга!» — с отчаянием подумал Кеман и пнул подставку для ног, обтянутую изумрудным бархатом. Хозяйка имения явно намеревалась развалить их маленькую группу и начала с Меро как с самого слабого звена.

Кеман пробовал привести Тень в чувство. Он объяснял ему, что делает Триана. Но в ответ на все попытки Кемана Меро лишь пожимал плечами. Он даже не спорил. Он просто пропускал все слова Кемана мимо ушей.

В конце концов Кеман попытался сам затеять игру с Трианой, чтобы отвлечь ее от намеченной цели. «Мне казалось, что это будет несложно, — уныло подумал он. — В конце концов, у нее же столько мужчин — должно быть, она норовит подцепить любого, кого сочтет достаточно красивым, разве не так?» Кеман надеялся, что когда Меро увидит, что его бросили ради новой добычи, то он поймет, что на самом деле представляет собой эта эльфийка. Он принялся дарить Триане подарки, пытался завязать с ней беседу, когда она шла на очередную встречу с Меро, и вообще прилагал все усилия, чтобы очаровать Триану. Но вообще-то все его представления об ухаживании ограничивались драконьими традициями.

Вспомнив об этих неуклюжих попытках обольщения, Кеман вспыхнул от стыда. То, что у драконов считалось нормальным и правильным поведением — подарить несколько подарков, а потом, если они были приняты с благосклонностью, прямо спросить что-нибудь вроде «так где мы этим займемся, на земле или в небе?» — по эльфийским стандартам было совершенно недопустимо. «Триана посмеялась надо мной». От этого воспоминания Кемана снова бросило в краску. Триана даже не потрудилась сказать ему «нет» — она просто расхохоталась.

Причина крылась не в том, как он выглядел — Кеман предпочел создать себе личину чистокровного эльфа и скопировал свой облик с нескольких юных эльфийских лордов, которых счел красивыми. Этот смех был вызван его манерами.

Ну что ж, по крайней мере, он ее позабавил. Кеман вздохнул. Но ничего больше ему добиться не удалось — только повеселить хозяйку дома. Хоть что-то объяснить Меро ему тоже не удалось. Тень лишь посмеялся над ним вместе с Трианой.

Тогда Кеман отправился к Валину, но и из этого ничего хорошего не вышло. Он только добавил беспокойства молодому

эльфу. Когда дело касалось его брата, Валин становился совершенно беспомощен.

А Шана была сердита. Очень сердита. Это было ясно уже по тому, что она не желала ни с кем общаться и безвылазно сидела в библиотеке. Кеман предполагал, что это какие-то слова или какой-то поступок Тени заставили Шану взбелениться до такой степени, но он просто представить себе не мог, что же там произошло.

А когда он спрашивал у Шаны, что случилось, она вела себя так, словно ей было на все наплевать. И в результате Кеман никак не мог придумать хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации — а по крайней мере ему самому казалось очевидным, что перед ними стоит серьезная проблема.

И тут Кеман резко остановился и поднял голову: кто-то вошел в его комнату, даже не постучав, закрыл за собой дверь и остановился в темном углу, куда не доставал свет единственной зажженной лампы. Впрочем, никакой ошибки быть не могло. Кеман с удивлением увидел, что неожиданный посетитель оказался не кем иным, как Меро.

— Кеман, ты не можешь уделить мне немного времени? — нерешительно произнес полукровка, переминаясь с ноги на ногу, словно не был уверен, захочет ли Кеман его видеть. Он робко улыбнулся. — Кажется, я вляпался в неприятности.

Кеман выразительно взглянул на дверь. Меро кивнул и повернулся, чтобы запереть ее.

— Авось этого хватит, чтобы нас не побеспокоили, — сказал он. Когда юноша повернулся обратно, Кеман наконец-то заметил синяки у него на лице, а по тому, как Меро двигался, Кеман тут же заподозрил, что под одеждой этих синяков еще больше.

Огонь и Дождь! Его кто-то избил!

— Что с тобой стряслось? — вырвалось у Кемана. Дракон просто оцепенел от потрясения. Меро, хромая, подошел поближе и огляделся по сторонам, выискивая, куда бы сесть.

— Одному мужчине из гарема Трианы не понравилось, что его отодвинули в сторону, — небрежно произнес юноша и опустился в кресло. — Он решил, что, если я куда-нибудь исчезну, Триана снова приблизит его. Но леди не согласилась с его мнением; а его теперь засунули в слишком маленький мешочек, чтобы он мог оттуда возражать.

Надо отметить, вид Меро противоречил его небрежному тону: юноша был бледен, и у него дрожали руки, а на губах играла явно вымученная улыбка.

Он поднял голову и посмотрел на Кемана. Кеман медленно опустился в кресло, стоящее напротив. Глаза Меро превратились в два темных провала и были заполнены чем-то таким, чего Кеман не мог разобрать. Болью. И чем-то еще.

— Я никогда прежде не видел, как убивают эльфийские лорды, — с несчастным видом произнес Тень. — Я часто присутствовал при наказаниях, но я никогда еще не видел убийства. А она убила этого мужчину так же просто, как мы с тобой могли бы задавить жука.

Кеман не знал, что тут можно сказать, и потому он просто ждал. В конце концов плечи Меро расслабились, и юноша со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Эльфийские лорды — настоящие, чистокровные — в этом отношении довольно занятны. Они могут убедить тебя, что испытывают чувства, которых на самом деле не испытывают; но когда они действительно что-то чувствуют, они не могут убедить тебя в этом.

Кеман попытался понять смысл этой фразы, но не смог.

— Я не понимаю, — признался он, растерянно покачав головой.

— Они не умеют проявлять свои истинные чувства, — объяснил Меро, пригладив волосы. — Я должен был это знать. Когда Триана вдруг принялась вести себя так, словно я — единственный мужчина во вселенной, я должен был догадаться, что она меня дурачит. Валин и сам такой, а я ведь всю жизнь жил рядом с ним. Я должен был догадаться! Чем сильнее чувство, которое испытывает эльфийский лорд, тем старательнее он его скрывает.

Неожиданно Кеману многое стало ясно.

— Шана совсем не такая. Но она выросла среди нас, — заметил он.

Меро улыбнулся.

— Уж она-то не скрывала ничего, верно? А вот Валин становился все более похож на статую, и уже одно это должно было мне кое-что подсказать. Но вот не подсказало.

Кеман снова промолчал, но всем своим видом выразил готовность слушать.

— Я сомневаюсь, что он сделал это нарочно, но этот тип, который пытался меня избить, на самом деле оказал мне серьезную услугу. Мне кажется, Кеман, что он разрушил чары, уже наполовину связавшие меня. И еще я глубоко сожалею, что вел себя в этой истории с Трианой как последний идиот. Теперь я понимаю, что ты пытался мне сказать. Знаешь, а я ведь и вправду заставил себя поверить, что, если я сострою из себя действительно хорошую копию эльфийского лорда, Триана будет моей.

Кеман склонил голову набок.

— Что-то в этом роде я и предполагал. Но тебе стоило бы извиниться не только передо мной. Ты здорово разозлил Шану, хоть я и не знаю, чем именно. Да и Валин вовсе не светится счастьем.

Меро потер виски кончиками пальцев.

— Честно говоря, я не знаю, что такое с Шаной. Я даже не знаю, связано ли это с Трианой, или тут замешано что-то еще.

— Я и сам не всегда ее понимаю, — уныло сказал Кеман, когда Меро взглянул на него.

Меро вздохнул.

— На самом деле я забросил вас всех. Триана не отходила от меня ни на шаг, будто я ей любовник или муж. Мы охотились, ездили верхом — мы объездили имение вдоль и поперек! Она устраивала для меня всякие магические фокусы — например, как-то она воздвигла гору и подняла нас обоих на ее вершину, чтобы провести там пикник.

— Да, я помню это. Потом она проспала два дня, — рассеянно отозвался Кеман. — Я и не знал, что эльфы спят после того, как поколдуют.

Меро не обратил внимания на реплику дракона.

— Я думал, это значит, что она меня любит. Поэтому я стал просить ее показать мне такие места, куда она могла отправиться только в сопровождении эльфийского лорда. И она исполняла мои просьбы. Она показала мне поединок гладиаторов и взяла меня с собой на заседание Совета. Я действительно считал, что она заботится обо мне... — Меро поник. — А ведь мне следовало бы догадаться... Все это была ложь, хитрость. Она точно такая же, как женщины в гареме, — там каждая пытается уничтожить остальных, чтобы самой занять место фаворитки. Их не интересуют окружающие — их интересует, какую пользу можно получить с этих самых окружающих.

— И чего же она хочет? — резонно поинтересовался Кеман.

Меро удивленно уставился на него.

— Не знаю, — признал он. — Я до сих пор этого не знаю.

— Должно быть, это что-то очень важное, раз она потратила на тебя столько времени, — заметил Кеман. — И раз она воспользовалась чарами, чтобы заполучить тебя...

— А, это мелочи, — небрежно махнул рукой Меро. — Я почти уверен, что Валин тоже воспользовался чарами, чтобы заста-

вить меня обручиться с Шаной. Эльфы постоянно пользуются такими штуками.

— Я не знал об этом... — протянул Кеман. — Но мне все равно сомнительно. Триана могла бы сделать с тобой много всего другого, вплоть до того, что могла бы не обращать на тебя внимания. Если бы она хотела взять тебя под контроль, она могла просто заменить тот ошейник, который ты носишь, своим, настоящим. Но раз она потратила столько времени и сил на это заклинание, значит, ей действительно нужно от тебя что-то очень важное — тебе не кажется?

— Потому-то она и накладывала на меня чары... — задумчиво произнес Меро. — Возможно, ты прав. Пожалуй, из-за этого я и поссорился с Шаной. Она все твердила, что Триана пытается меня использовать, а я ей не верил.

— Ну а теперь, когда ты знаешь обо всем, ты сможешь сохранить свой разум свободным? — спросил Кеман, с некоторой опаской ожидая ответа. — Раз уж Триане что-то нужно от тебя, она так легко не отступится.

— Думаю, что смогу, — подумав как следует, отозвался Меро. — Да, я уверен, что смогу. А если мне удастся не поддаться чарам, тогда я смогу выяснить, чего же хочет Триана.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — с сомнением поинтересовался Кеман.

— Полагаю, мне все-таки стоит это выяснить, — сказал Меро, скривившись, и встал. — Спасибо, Кеман. Спасибо, что не выставил меня за дверь и не велел расхлебывать эту кашу самому.

— Да ладно, чепуха, — откликнулся дракон. Его удивила теплота, прозвучавшая в голосе Меро. — Пожалуй, тебе просто нужно было, чтобы тебя кто-то выслушал.

— Ты отлично для этого подходишь, — сказал Меро, обернувшись на пороге. — У нас много общего. Спасибо.

И прежде, чем Кеман успел сказать «не за что», Меро исчез. Но сказанные им на прощание слова еще долго грели душу молодому дракону.

Глава 22

— Попытайся еще раз, — настойчиво сказала Триана. Меро нахмурился. Но Триана знала, что он сердится не на нее. Недовольство юноши было обращено на небольшой обкатанный рекой кусочек кварца, лежавший сейчас перед Меро на белом мраморном столе.

С кварцем ничего не происходило, и вот в этом-то и заключалась проблема. Меро никак не давалось заклинание иллюзии.

Триана напомнила себе, что нельзя показывать юноше свою скуку, и изо всех сил постаралась изобразить интерес и нетерпение.

— Я... — начала было она.

— Одну минутку! — перебил ее Меро. — Кажется, если попробовать так...

Камешек засветился. Мягкое бледно-золотое сияние было почти неотличимо от солнечного света, струившегося через окна. Через секунду сияние померкло, а потом и вовсе исчезло.

Но камешек продолжал сиять — как только может сиять отраженным светом полированная золотая поверхность. Судя по всему, на месте обычного кварцевого голыша теперь лежал золотой слиток точно такого же размера.

— Превосходно! — Триана захлопала в ладоши. — Замечательно! Наконец-то у тебя получилось! Отличная иллюзия!

Тень поднял голову. Его лицо светилось искренней гордостью.

— Так ты скоро не уступишь любому эльфу!

Внутренне Триана искренне веселилась. Юноша совершенно позабыл о своих способностях волшебника и теперь развивал только те магические таланты, которыми был обязан эльфийской половине своей крови. Его попытки превратиться в настоящего эльфа были на редкость потешны.

«Да он точно такой же, как надсмотрщики и все прочие», — презрительно подумала Триана. Дураки, которые проводят все свое время, пытаясь стать тем, кем они не являются, и даром тратят силы, стараясь придумать какой-нибудь «фокус», который усилил бы их магические способности. Они пробовали все, что угодно, от вегетарианства до обета безбрачия, позаимствованного из какой-то древней человеческой религии. И все это время они тратили напрасно — а ведь могли бы вместо этого выяснить, что удается им лучше всего, и развивать именно это. Если бы у Меро было достаточно ума, он бы научился сочетать разные стороны своей магии.

Впрочем, это было неважно. Значение имело лишь то, что ее власть над юношей не ослабла. Происшествие с Ларасом не подорвало чары. Точнее говоря, власть Трианы над Меро была сейчас крепка как никогда.

Триана продолжала хвалить незначительный успех Меро, а тот грелся в лучах ее одобрения. Потом юноша уничтожил ил-

люзию и восстановил ее заново. Возможно, ей следует просто выдать остальных беглецов. Если все правильно рассчитать, можно обставить дело таким образом, как будто их обнаружили на подходах к имению. Она может спрятать Меро, а остальных отдать охотникам Чейнара — и тогда у юноши не останется никого, кроме нее.

Триана взглянула поверх плеча Меро и улыбнулась деревьям за окном. А что, неплохой план. На самом деле, можно будет без труда устроить все так, чтобы охотники Чейнара нагрянули сюда, когда они с Меро уедут на охоту или на прогулку.

Собственно, именно это она ведь и собиралась сделать — оторвать Меро от двоюродного брата и тех двоих. Если они будут находиться где-нибудь поблизости, Меро всегда будет сохранять некую связь с ними — Триана это нутром чувствовала.

А потом, когда она изолирует юнца, она бросит его в гарем, в эту свору. Он, конечно, пробьется наверх, но для этого ему придется использовать все свои способности. В том числе и способности волшебника. Он будет достаточно занят, и ему некогда будет задумываться о том, куда подевались его приятели.

Триана обнаружила, что загадывает слишком далеко наперед. Она кивнула и произнесла еще какую-то бессмысленную похвалу.

Это обещает быть очень забавным...

Шана подкараулила момент, когда Меро проходил мимо, схватила его за руку и втянула в библиотеку прежде, чем юноша успел возразить или оттолкнуть ее. Она быстро захлопнула дверь, заперла ее и прижалась к ней спиной.

Меро стоял там, где она его оставила, и смотрел прямо ей в лицо, терпеливо и скучающе.

— Ну, в чем дело, Шана? — устало поинтересовался он. — Что за новая чушь? Что там еще сделала Триана?

— Дело не в том, что она сделала, а в том, что она делает сейчас! — сердито ответила Шана, убирая волосы с глаз. — Она переселяет тебя в другие покои — прямо по соседству с ее собственными! Верно?

Тень беспечно пожал плечами. Шане захотелось удавить его. Прежде чем ответить, Меро скрестил руки на груди и демонстративно вздохнул.

— Полагаю, нет смысла отрицать, раз тебе уже известно об этом. Ну и что с того?

При виде его скучающего лица Шана взбеленилась и выпалила первое, что пришло ей в голову:

— Да то, что она отделяет нас от тебя, вот что! Она хочет, чтобы ты оказался в одиночестве и она могла бы без помех вертеть тобой! Ты же за последние недели даже с Валином парой слов не перекинулся!

Это было не совсем то, что Шана хотела сказать. Девушка намеревалась говорить более рассудительно, но теперь она уже не могла остановиться.

Шана заметила, что при имени Валина на лице Меро появилось легкое выражение стыда, но более ничего не изменилось.

— Меро, она не хочет, чтобы ты общался с нами, — продолжала Шана, надеясь разрушить безразличие юноши и добиться от него хоть какого-нибудь отклика. — Она собирается выдать нас, я это знаю, выдать всех, кроме тебя, — а потом она использует тебя как...

Ответом ей был лишь негодующий взгляд. Меро прервал ее страстную речь:

— Я догадывался, что ты думаешь обо мне, но я до этой минуты не представлял, что все это настолько тебя задевает. Ты просто завидуешь, Шана. Триана красива и богата — а у тебя ничего этого нет, и потому ты ей просто завидуешь!

От такой оскорбительной несправедливости у Шаны просто дыхание перехватило, а Меро тем временем безжалостно продолжал:

— Мне очень жаль тебя — правда, жаль. Триана искренне желает быть твоим другом. А ты уперлась и считаешь, что с ней что-то не так, и все это лишь потому, что она так очаровательна! Знаешь, Шана, она ведь во многом восхищается тобой — ей очень нравится твоя сила и уверенность в себе. Вы могли бы подружиться, Шана, если бы тебя не грызла зависть!

Шана стиснула кулаки так сильно, что побелели костяшки, и почувствовала, что у нее от стыда и ярости запылали уши. От стыда — потому что она и вправду завидовала Триане. А как тут не позавидуешь? Триана была великолепна, и рядом с ней Шана чувствовала себя неуклюжим жеребенком с грязными ногами и спутанным хвостом. А разъярилась Шана оттого, что эльфийка настолько полно завладела Меро. Ну уж нет, не друзья нужны были Триане! Все эти ее попытки подружиться были такими же фальшивыми, как стеклянные рубины, как отравленные сладости — насмешки, скрытые под учтивыми словами.

Но никто — по крайней мере ни один мужчина — не верил в это. Они не умели смотреть глубже поверхности.

— Я беспокоюсь не о тебе! — гневно возразила Шана. — А о том, что ты делаешь с нами! Мы же собирались найти способ помочь людям и полукровкам, но мы уже давно сидим в этом поместье и до сих пор ничего еще не сделали — потому что ты проводишь все свое время с ней! Ты совсем забросил магию волшебников, чтобы только повыделываться перед Трианой. Ты совсем не учишься сочетать свои способности. Ты все запустил, все, чему я пыталась тебя научить! И я тебе точно говорю, Тень, — она собирается предать нас! Всех нас, и тебя тоже!

Шана внимательно всматривалась в лицо Меро, пытаясь обнаружить хоть малейший признак того, что ее слова дошли до его рассудка. Она попыталась воздействовать на Тень магией разума. Может быть, ей удастся заставить Меро отнестись к ее словам с должным вниманием — а если он все же не прислушается к ней, возможно, она сможет взять его под контроль...

— Все это чушь! — надменно заявил Меро. — И я не собираюсь больше тратить ни минуты, выслушивая твои нелепые детские обвинения.

Юноша шагнул вперед и прежде, чем Шана успела отскочить, схватил ее за руку.

— И не пытайся применять против меня свои фокусы! — предупредил он, еще крепче стиснув руку Шаны и вынудив девушку отойти от двери. — Я готов к этому, и у тебя ничего не выйдет.

И с этими словами Меро открыл замок и вышел, захлопнув за собой дверь и оставив позади взбешенную до предела Шану.

Шане хотелось пнуть дверь, закричать, догнать Меро и вколотить в его тупую башку хоть немного ума. Но она ничего этого не сделала. Вместо этого девушка заставила себя успокоиться до такого состояния, в котором уже можно было разумно мыслить. Она сделала несколько глубоких вдохов, неторопливо очистила сознание... Постепенно краска гнева покинула ее щеки, а ледяные руки согрелись.

Окончательно успокоившись, Шана решила, что ей нужно беспристрастно все обдумать. Она уселась в любимое кресло, свернулась в нем клубочком и принялась смотреть в сад. Ветви деревьев беспокойно метались под порывами знойного ветра — такой ветер обычно предвещает бурю. Ну что ж. Если присматривать за Трианой, она не натворит ничего такого, с чем не могли бы справиться Шана и Кеман, объединив свои усилия.

«По крайней мере, я так думаю». Если они будут вдвоем присматривать за хозяйкой дома, то смогут вовремя убраться прочь. Если Валин не поверит им, то тем хуже для него. Когда Триана предаст их всех, Шана поможет ему бежать. И вот тогда-то он ей поверит!

Шана позволила себе немного помечтать о том, как она спасет Валина из рук охотников Чейнара и скроется вместе с ним в ночи — и как он потом будет ей благодарен...

Но суровая реальность и боль, оставленная обращением Меро, разрушили мечты. «Я действительно завидую Триане. Тень прав». И все равно Триана вертела Меро и использовала его самым отвратительным образом — она без ведома юноши вытягивала из него силу. Иначе он бы уже добился куда больших успехов в овладении магией...

Внезапное осознание заставило Шану вспыхнуть от стыда. Она ведь и сама точно так же использует других, хоть и не в такой степени. Она понемногу крадет их силу. Она собиралась использовать свою магию, чтобы управлять Меро. Она хотела манипулировать им, как Триана, хотя и с другой целью.

На самом деле, за прошлый год она неоднократно использовала свою силу для манипулирования окружающими.

Шана содрогнулась, поняв, как близко она подошла к тому, чтобы превратиться в подобие Трианы. Она многому научилась у волшебников Цитадели — но ни один из них ни разу не говорил с ней о морали. Волшебники не так уж сильно отличались от своих родителей-эльфов и считали, что все средства хороши, если они помогают добиться желанной цели.

Нет, Алара учила ее не этому.

«Это неправильно! — яростно сказала себе Шана. — Я не знаю, что такое хорошо — но это точно плохо!» Нельзя использовать свою силу для управления друзьями, которые доверяют тебе. Этим ты предаешь их доверие.

Шана внимательно рассмотрела, во что она превратилась за прошедший год, и увиденное ей не понравилось.

«Я становлюсь такой же скверной, как эльфы. И даже еще хуже, потому что я больше знаю о хорошем».

Девушка смотрела на неистово мечущиеся ветви и пыталась сообразить, какой же выход из этой запутанной ситуации будет правильным. Тень не прислушивается к ее предупреждениям. Валин вообще мало к ней прислушивается. Она предупредила всех, но поверил ей один лишь Кеман. Так что же она может сделать, если дела идут все хуже и хуже?

Шана посмотрела на книгу, валяющуюся на полу, — последнюю, которую она читала. И при виде этой книги девушка сообразила, что она действительно кое-что может сделать. Это было не совсем честное, но зато очень изящное решение...

Она может украсть у Трианы и у остальных столько силы, что ее хватит, чтобы перенести всех четырех беглецов отсюда прямиком в Цитадель. Вот что она может. По крайней мере, она сумеет перенести тех, кого ей удастся собрать в одном помещении. А это значит, что ей следует сперва попрактиковаться на чем-нибудь помельче. Если ей удастся украсть достаточно силы...

Шана невзначай коснулась почти забытой янтарной подвески, висевшей у нее на шее, машинально сжала ее в руке — а потом взглянула на этот кусочек янтаря и расхохоталась.

Дура! Конечно же, у нее достаточно силы! Она может воспользоваться своими камнями и увеличить ее! И почему она не подумала об этом раньше? «Да потому, что я была слишком занята — завидовала Триане, вот почему».

Да, это действительно изящное решение. Она может оттянуть у Трианы достаточно силы, чтобы ее хватило на перенос беглецов в Цитадель, — и при этом эльфийская леди надолго останется беспомощной. Она не сможет ни задержать их, ни последовать за ними.

Ну что ж, если она собирается сделать это, лучше начать тренироваться прямо сейчас. Тут Шана заметила, что в библиотеке сильно потемнело. Она подняла голову и увидела, что грозовые тучи быстро затягивают небо чернильной, иссиня-черной пеленой.

Лучше приготовиться и воспользоваться этим, потому что надвигается не только гроза.

— И в самом деле, лорд Чейнар, — вкрадчиво произнесла Триана, обращаясь к изображению на стене. Пускай другие размещают свои экраны магической связи на крышке стола — она, Триана, предпочитает сидеть с удобством, когда беседует с кем-либо. — У меня есть некоторые основания предполагать, что волшебники, которых вы разыскиваете, находятся в пределах моих владений. Не напомните ли вы мне, на какое вознаграждение я могу рассчитывать, если обнаружу их? — поинтересовалась Триана, похлопав ресницами. — Боюсь, это уже со-

всем вылетело у меня из головы. Знаете, одна лишь мысль о том, что волшебники могут разгуливать на свободе, так пугает...

Чейнар нетерпеливо вздохнул и еще раз объяснил относительно несложную схему получения вознаграждения. Триана сделала круглые глаза и притворилась, будто внимательно его слушает.

— Тогда, мой лорд, я велю своим охотникам искать их с большим прилежанием, — сказала она. — Я и в самом деле думаю, что им, должно быть, как-то удалось проскользнуть мимо вас и проникнуть на территорию моего имения. Слишком уж много происходит странных событий — то скот пропадает, то еще что-нибудь. Ну а если вы предполагаете, что кто-нибудь из них прячется здесь, то это многое может объяснить.

И прежде, чем Чейнар успел перехватить инициативу и предложить для поисков своих охотников, Триана изобразила изнеможение и прервала связь.

Ну что ж, сегодня она недурно потрудилась. Триана довольно улыбнулась. Семена посеяны. Теперь следует только не упустить момент, когда нужно будет снять урожай.

А теперь можно заняться Меро...

Триана отправилась в новое жилище Меро, в просторные покои, расположенные по соседству с ее собственными. Когда она вошла, Меро играл в шахматы с одним из рабов. При виде Трианы он вскочил на ноги — его поспешность доставила хозяйке дома немалое удовольствие. Раб тоже подхватился и занял место у стола, приготовившись прислуживать.

Меро любезно подвел Триану к столу.

— Я и не знала, что ты играешь в шахматы, — заметила она, проплыв через комнату и усевшись на освобожденное рабом место. — На самом деле я сама весьма неплохо в них играю. Мне нравятся стратегические игры. Но, впрочем, самые лучшие стратегические игры — это те, в которые можно играть с живыми существами. Вроде тех, в которых упражняются твои друзья.

— Что? — удивленно спросил Меро, усаживаясь обратно.

— А что, они тебе об этом не говорят? — с невинным видом переспросила Триана и тут же прижала изящную ладонь к губам, словно поняв вдруг, что сказала что-то лишнее. — Ах, не обращай внимания. Возможно, это не имеет никакого значения.

— Возможно, и не имеет, — согласился Меро и потянулся к одной из фигурок. Казалось, он настолько погрузился в игру, что все остальное его сейчас не интересовало. — Они вечно то

придумывают какие-то невнятные планы, то от них отказываются.

«Но они всегда делились с тобой этими планами, — не так ли, дорогой? — с тайным довольством подумала Триана. — Они никогда и ничего от тебя не скрывали. Но теперь тебе начнет казаться, что они что-то скрывают — и, возможно, даже что-то замышляют против тебя».

Триана продолжала укреплять свои чары. Сейчас ей больше, чем когда бы то ни было, хотелось обладать способностями волшебницы, чтобы следить за мыслями Меро. Но, увы, она могла лишь манипулировать юношей, воздействуя на него через окружающих.

Триана переставила фигурку и взглянула на темноволосого юношу, склонившегося над доской. Да, она хорошо потрудилась. Ей весьма неплохо удается вертеть этими юнцами. Особое обращение, особые покои, частые подарки — все это заставляло думать, что Триана выделяет Меро. И она действительно его выделяла. И тем самым давала остальным несомненный повод для ревности и зависти. Она исподволь внушала Меро, что он лучше прочих, — и это начинало сказываться на его поведении. Конечно, именно так все это и выглядело. Триана знала, что Меро несколько раз заставал троих своих друзей за оживленной беседой и что, завидев его, они тут же обрывали разговор и принимались болтать о какой-то чепухе.

Любое существо, наделенное хоть каплей здравого смысла, не могло в такой ситуации не понять, что речь шла о нем. И Меро, конечно же, тоже это понял, но, возможно, пока что не задумывался об этом.

Что же касается Шаны... Видимо, отношение девчонки к Меро, и наложницы, которых Триана посылала к нему по ночам, и были причиной тех мрачных взглядов, которые Шана бросала на юношу. Несомненно, эти взаимоотношения умирали. А может, уже умерли.

Меро сделал ход и откинулся на спинку стула. Он все еще продолжал хмуриться. Триана выбрала фигуру и переставила ее, забрав одну из пешек Меро.

А вот теперь она намекнула Меро о существовании планов, в которые он не посвящен. Неудивительно, что он хмурится.

Меро сделал еще ход и со сдержанной победной улыбкой занял королевскую клетку Трианы.

— Боюсь, моя госпожа, что вы проиграли, — спокойно сказал он. — Каков ваш фант?

Триана улыбнулась в ответ. Именно к такой развязке она и вела игру с того самого момента, как села за доску.

— Думаю, вот он, — отозвалась Триана. Она сняла с пальца кольцо с бериллом и протянула его юноше. — В конце концов, это всего лишь шахматы. Если ты желаешь, чтобы ставки были выше, тебе следует играть в другие игры.

Меро принял кольцо и поцеловал руку Трианы.

— Возможно, так я и сделаю, — произнес он. Хмурое выражение исчезло с его лица. — И, возможно, проиграв, я буду считать себя победителем, а?

Триана мягко рассмеялась.

— Честное слово, Меро, ты становишься настоящим придворным! Я и не догадывалась, что ты можешь быть таким галантным!

Юноша неохотно выпустил ее руку.

— Мне никогда прежде не приходилось играть в галантность, моя госпожа, — отозвался он. — Но вы можете быть уверены, что я стану носить это кольцо не только как знак победы, но и как знак внимания.

«Именно на это я и надеялась, глупый ты мальчишка!» — с ликованием подумала Триана, глядя, как Меро пытается надеть кольцо. Этот берилл хранил одно из лучших ее заклинаний. Стоит Меро хоть раз надеть кольцо, и он никогда уже не поверит ни одному дурному слову о Триане. И как только она затащит его в кровать, юнец будет безраздельно принадлежать ей. Если Триана прикажет ему броситься со скалы, он и это выполнит. «И я еще подумаю, что поставить на кон в следующей партии».

Меро досадливо хмыкнул, обнаружив, что перстень не налезает ни на один палец.

— Мне придется немного изменить это кольцо, чтобы оно мне подошло.

Триана потянулась было к перстню, но Меро мягко отвел ее руку и спрятал кольцо в карман туники.

— Не утруждайте свою прекрасную головку такой чепухой, моя госпожа. После всего того, чему вы меня учили, подгонка кольца — это просто детская забава. Я позабочусь об этом чуть позже. Не беспокойтесь, это кольцо не минует моей руки.

Триана уселась на место, а Меро принялся расставлять шахматы для новой партии. «О, я и не беспокоюсь, дорогой», — подумала она, устремив взгляд на доску, чтобы скрыть довольный блеск глаз. Вот уж об этом она ни капли не беспокоилась!

Тень открыл окно своей комнаты и проверил, нет ли кого в саду. Быстрый мысленный осмотр убедил его, что за ним сейчас никто не следит, ни впрямую, ни при помощи магии.

Юноша расчистил стол и осторожно извлек берилл из перстня, не прикасаясь к камню голыми руками. Когда камень выскользнул из гнезда, Меро подхватил его, пользуясь шелковым лоскутком, подошел к окну и зашвырнул берилл как можно дальше.

Крохотный камень исчез из виду. Шелковый лоскуток, порхая, опустился на землю.

Меро удовлетворенно кивнул и вернулся к столу.

В броши, скреплявшей плащ, имелся неиспользованный берилл как раз подходящего размера и формы. Меро вынул камень из гнезда и закрепил его в перстне, при помощи магии размягчив зубчики и заставив их плотно обхватить камень. Потом юноша разровнял то место в броши, откуда был изъят камень, и нарисовал на мягком металле изображение листика, чтобы окончательно скрыть следы подмены.

Вот так. Тень положил брошь рядом с кольцом и придирчиво изучил оба украшения. Готово.

Последние несколько дней были сущим мучением. Особенно скверно Меро себя чувствовал, когда ему пришлось наговорить гадостей Шане. Шана — славная девушка, и она не заслуживала такого обращения, но у Меро не было другого выхода. Ему нужно было убедить Триану, что ее чары по-прежнему действуют.

А на самом деле удар по голове, который Меро получил во время драки, явно разрушил заклинание. Тогда он впервые заметил притворство Трианы, и ее уловки вызвали у него не любовь, а отвращение. Он понял, что впервые за несколько недель способен думать самостоятельно. Меро вспомнил, что они явились сюда лишь в поисках временного убежища, что на самом-то деле они собирались вернуться в Цитадель, найти себе союзников среди волшебников и вместе с ними бороться за освобождение рабов и спасать полукровок, таящихся под личинами.

Но ничего не сделали. Вместо этого он, Меро, погрузился в мечты, центром которых была Триана, и совершенно забросил и своих друзей, и свое дело — словом, все, что он прежде считал важным. Рассуждения Шаны казались ему одновременно и ребяческими, и самонадеянными, до невыносимости глупыми. Теперь же, хотя он все еще считал поведение Шаны самонадеянным, он понимал, что о Триане Шана судила совершенно справедливо. Она подозревала эльфийскую леди, и у нее были для этого все основания.

А с Кеманом Меро вообще почти что не общался. Но после того, как у Тени появилась возможность обдумать происходящее и беспристрастно взглянуть на Триану, юноша сильно разозлился. Триана использовала его. Шана никогда не делала ничего подобного — по крайней мере это он мог сказать точно. Триана играла им. Меро пока не знал, что это за игра, но ни капли не сомневался, что игра идет.

И тогда юноша решил в точности выяснить, что происходит. А чтобы обвести хозяйку дома вокруг пальца, нужно было притвориться, что ее заклинание по-прежнему работает и Меро находится под воздействием чар.

Даже если для этого ему придется обращаться с друзьями так же, как и прежде.

Хотя это и причиняло ему боль — куда большую, чем Меро хотелось признавать. И особенно скверно он себя чувствовал, когда ему пришлось швырять оскорбления в лицо Шане.

До этого момента Меро не понимал, насколько ему нравится Шана. И видя, в какое смятение привели девушку его оскорбления, он почувствовал себя последним подонком.

Но, судя по всему, события приближались к развязке. Благодаря намеку Трианы Меро предложил сыграть вторую партию в шахматы — и Триана проиграла. Юноша был твердо уверен, что она проиграла намеренно: он сделал пару весьма неудачных ходов, открывавших Триане путь к победе, но эльфийка предпочла ими не воспользоваться. Она мило улыбнулась, похлопала ресницами и предложила юноше сказать, чего он хочет получить в качестве приза. Меро назвал именно то, чего, по его прикидкам, и ожидала Триана. В конце концов, она уже несколько недель держала его всего лишь на расстоянии вытянутой руки, то нарочно распаляя юношу, то отталкивая его. И теперь Меро знал, зачем она это делала. Она наводила на него чары, и плотское соединение должно было окончательно закре-

пить их. Прежде, чем вытягивать рыбку, Триана желала удостовериться, что та крепко сидит на крючке.

— Тебя, — игриво сказал Меро.

Триана притворно заулыбалась и принялась застенчиво отнекиваться. Юноша настаивал. В конце концов условились, что долгожданное свидание должно будет состояться после ужина, в покоях Меро.

Но до того момента оставалось еще несколько часов. А по тому, как поспешно Триана направилась в свои покои, у Меро сложилось впечатление, что она хочет что-то успеть сделать.

Например, связаться с кем-нибудь по телесону и сказать охотникам, что у нее сидит та самая «дикарка», которую все разыскивают.

И Меро твердо намеревался выяснить, что же затевает Триана.

Он кисло подумал, что у слуги есть по крайней мере одно преимущество — на него никто не обращает внимания. Во время их предыдущего визита к Триане Валину тоже отвели покои вроде этих. Меро почти все время не высовывал носа из этих покоев, не желая лишний раз рисковать — а вдруг кто-нибудь уничтожит его личину? А поскольку Тень никогда еще не видал эльфийского особняка, не пронизанного тайными ходами, то, соскучившись от вынужденного затворничества, принялся искать такие ходы.

И он действительно их нашел. И даже без особого труда. И, как обычно, оказалось, что тайные ходы связывали практически все комнаты. Если все гостевые покои построены по одинаковому образцу...

Меро осмотрел камин и обнаружил там точно такие же резные выступы, какие нашел когда-то в камине их прежних покоев. Тень поочередно повернул каждый выступ...

Расположенная за камином панель бесшумно скользнула в сторону. Открывшийся проем не был темным: через смотровые отверстия проникало достаточно света, чтобы можно было разглядеть стены коридора. В коридоре витал густой, влажный запах плесени. Пыль покрывала пол, словно толстый слой снега. Очевидно, этими ходами уже очень давно не пользовались. Интересно, а Триана вообще знала об их существовании? Меро подавил желание чихнуть и осторожно двинулся к цели, стараясь поднимать как можно меньше пыли. Рот и нос юноша завязал носовым платком.

Триана была не из тех, кто будет бегать в кабинет каждый раз, когда возникнет нужда с кем-нибудь поговорить. Скорее всего телесон находился в ее комнате.

Хорошо, что конечная цель его пути была неподалеку. Невзирая на все свои старания, Меро все равно поднимал целые тучи пыли. Она висела в воздухе и успешно просачивалась под платок.

Здесь, должно быть, расположена его спальня... его гардеробная... ванная комната Трианы... Тут Меро услышал голоса, доносящиеся из покоев Трианы. Один голос принадлежал хозяйке дома, а второй... еще кому-то. Судя по интонациям, это была беседа равных, а не отдача приказа подчиненному. В принципе, собеседниками могли быть Триана и Валин, но Меро сильно в этом сомневался. Второй голос был слишком низким для Валина.

Меро немного прибавил шагу, и через несколько секунд он уже мог разобрать слова. Теперь он узнал голос Чейнара и понял, что его подозрения подтвердились целиком и полностью. Триана действительно устроила телесон в своей комнате. И она действительно поддерживала связь со старшими лордами.

— ...и хватит ходить вокруг да около, моя леди! — прорычал Чейнар. Меро быстро зажал нос, чтобы не чихнуть, и остановился. — Давайте перейдем к делу! Есть у вас какие-нибудь новости, касающиеся этих изменников, или нет?

Меро застыл, боясь даже вздохнуть. Так значит, Триана сообщила Чейнару о том, что они здесь! Шана была совершенно права: Триана намеревалась выдать их всех.

— Ну, мой лорд, — неспешно протянула Триана, — в моих лесах действительно кто-то живет. Если это не те изменники, за которыми вы охотитесь, значит, это еще какие-то дикари. Признаюсь вам, как на духу: они слишком умны для меня и моих охотников, и я надеюсь, что вы поможете мне выгнать их отсюда.

Тень осторожно коснулся мыслей Трианы и услышал:

«Я вывезу их на охоту и там отстану от них, сделаю крюк и присоединюсь к отряду Чейнара. Возможно, Меро я просто усыплю и спрячу куда-нибудь на то время, пока охотники Чейнара будут находиться здесь. А то он может попытаться убежать или сотворить еще что-нибудь столь же героическое и глупое. А ведь я еще даже не начала использовать его в полной мере».

— Это несложно, — отозвался Чейнар. — Я буду у вас через два дня. Это достаточно быстро?

— Это прекрасно, мой лорд, — сказала Триана. Ее голос сочился довольством. Она подумала: «Мне вполне хватит времени, чтобы все устроить — даже место стоянки, которое найдут

люди Чейнара и которое будет выглядеть, словно там некоторое время жили трое. Интересно, как поведет себя Диран, обнаружив, что его сын стал изменником?»

— Тогда надеюсь увидеть вас через два дня, моя леди, — сказал Чейнар.

— Непременно, — откликнулась Триана. — Вы непременно меня увидите.

Луна мирно и безмятежно плыла над вершинами деревьев. А в покоях, которые делили Шана и Кеман, атмосфера сейчас была отнюдь не мирной.

— Я вовсе не глупа. И не чересчур обидчива, — терпеливо произнесла Шана, изо всех сил стараясь не вспылить при виде скептицизма, явственно написанного на лице Валина. — И клянусь тебе, я говорю все это не из зависти к Триане. Ты же слышал Кемана! Ты слышал, что ему сказал Меро! Кеман совершенно беспристрастен, и уж у него-то точно нет никаких причин завидовать смазливому личику Трианы.

— Я бы сказал — ее соблазнительности, — некстати ляпнул Кеман.

Шана чуть не застонала. Она пыталась избегать упоминаний об этой особенности хозяйки дома, чтобы придать своим словам больше убедительности.

Валин отреагировал вполне предсказуемо.

На лице у него появилось выражение превосходства — как Шана ненавидела эту его мину! — и молодой лорд до слащавости рассудительно произнес:

— Но ты-то ей завидуешь, Шана. Что ты можешь с этим поделать? Это совершенно естественная реакция. Но, в конце концов, ты сейчас гостишь в ее доме, и это, конечно, ставит тебя в невыгодное положение. Тебе кажется, что ты можешь состязаться с Трианой на равных, но на самом деле это тебе пока что не под силу. Я все понимаю. Но это еще не делает Триану плохой.

Шане захотелось схватить Валина за плечи, встряхнуть как следует и закричать: «Я не животное, чтобы беситься лишь из-за того, что я оказалась на территории другой самки!» Но девушка все-таки сдержалась и повторила то, что Валин, очевидно, пропустил мимо ушей:

— Кеман — не женщина, и ему не из-за чего соперничать с Трианой, но он...

Шана умолкла на полуслове. Какой-то странный звук заставил ее взглянуть поверх плеча Валина, и взору девушки предстало неожиданное зрелище: в стене рядом с камином внезапно возникла и отворилась дверь. Шана уставилась на это в полнейшем изумлении, забыв закрыть рот. Валин повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как из невысокой двери появился Тень, кашляя и отряхивая пыль с одежды.

Первой мыслью Шаны было: «Откуда он тут взялся?» А от второй мысли у нее заныло под ложечкой. Неужели здесь в каждой комнате были потайные двери? Может, так строятся все дома эльфов? Если это и вправду так — она никогда больше не сможет спать спокойно ни в одном эльфийском жилище. Как можно чувствовать себя спокойно, если всякий способен подкрасться к тебе и вдруг выскочить из стены?!

Валин опомнился первым.

— Что ты здесь делаешь?! — удивленно воскликнул он. — И почему ты...

— Я кое-что узнал, — перебил его Тень. — Послушайте, мне вправду очень жаль — у нас неприятности, я вел себя как идиот, а Шана была совершенно права, — лицо у Меро было мрачным, но он смотрел на друзей, не пряча глаз. — Триана охотилась за мной, а я с улыбкой на лице и с распростертыми объятиями шел в заготовленную ловушку. Она наложила на меня чары, чтобы сделать из меня ручного мага, а остальных она собирается бросить охотникам Чейнара. Сегодня днем я подслушал, как она говорила об этом по телесону.

Меро умолк на минуту, чтобы набрать воздуху в грудь, и рассеянно потер виски, словно у него болела голова.

— Мне очень жаль, что так получилось. Я прошу прощения. Ну а теперь нам нужно отсюда выбираться. Как мы будем это делать?

— Погоди минутку! Если ты подслушал этот разговор еще днем, почему ты ждал до ночи, чтобы сказать нам об этом? — спросил Валин, обвиняюще глядя на брата.

— Я не мог, — с несчастным видом ответил Тень. — Я не хотел, чтобы Триана знала, что я подслушал ее разговор, и потому вел себя, как будто ничего не случилось. Все равно Чейнар будет здесь только через два дня. Я и решил, что несколько часов особой роли не играют.

— Он прав, — произнесла Шана, удивив этим даже себя. Все тут же повернулись к девушке. — Если бы он днем отправился искать кого-нибудь из нас, в то время как Триана ожидала, что

Меро будет при ней, она бы заподозрила неладное. К тому же ты, Валин, уехал на прогулку, я сидела в библиотеке, а Кеман...

— Ошивался среди рабов, — докончил за нее Кеман. — Выискивал сведения, которые могли бы доказать Валину, что ты вовсе не чрезмерно обидчива, — дракон застенчиво улыбнулся. — Я действительно кое-что разузнал, но теперь, похоже, в этом нет необходимости.

— Видишь? — спросила Шана, обернувшись к Валину. — Если бы Меро отправился искать кого-нибудь из нас, Триана хватилась бы его. А мы бы потратили кучу времени, пытаясь найти друг друга.

Девушка вопросительно взглянула на Меро. Тот спокойно кивнул.

— Именно так. Я свалял дурака, а это не помогло бы загладить мою дурость. А теперь нам пора двигаться — потому что вскоре Триана может обнаружить, что я куда-то делся, и ее это не обрадует.

Шана решила, что не стоит интересоваться у Меро, что именно он сделал. Ей казалось, что эта история нанесла глубокую рану гордости Меро. Вероятно, Тень подстроил какой-то «сюрприз» для Трианы, который должен был отчасти исцелить его уязвленную гордость. К несчастью, подобный сюрприз вполне мог при этом еще и доставить крупные неприятности им всем.

А ведь ей следовало бы это знать. Она и сама не раз предпринимала попытки излечить свою уязвленную гордость.

— О Предки! — пробормотал Валин. — Я бы все-таки предпочел, Меро, чтобы ты хоть как-то предупредил нас — а теперь нам придется...

— Нам ничего не понадобится, — перебила его Шана. — Просто стойте, где стоите. Вы все думали, что я сижу в библиотеке и целыми днями просто дуюсь. А на самом деле я была очень занята...

Девушка нашарила янтарную подвеску и крепко зажала ее в руке.

— Не шевелитесь! — предупредила она.

И Шана в мгновение ока ухватила нужную ей силу и безжалостно вырвала ее у Трианы...

Девушка пропустила эту силу сквозь янтарь, утроив ее, а потом произнесла заклинание переноса и вплела силу в слова...

И последним она произнесла название места, куда их следовало перенести.

— Цитадель...

Комнату заполнил свет, яркий и внезапный, словно вспышка молнии, и последним, что увидела Шана, был Валин, раскрывший от удивления рот.

Потом к ее горлу подкатила тошнота...

...и они перенеслись.

Триана разгладила складки жемчужно-белого шелкового платья и взглянула в зеркало, вполне довольная собой. Полупрозрачная ткань открывала куда больше, чем скрывала. Во время ужина ее кольцо красовалось у Меро на руке. А Триана позаботилась, чтобы вся еда была щедро приправлена афродизиаками. Заклинание, последняя трапеза и это платье непременно должны были подтолкнуть Меро к решительным действиям.

Триана постучала в дверь его покоев, потом, не дожидаясь ответа, вошла и заперла за собой дверь.

Она не хотела, чтобы их кто-нибудь побеспокоил. Только не сегодня ночью. Все указывало на то, что Меро отнюдь не был неопытным юнцом. Кстати, где же он?

В гостиной Меро не было — но как раз это ее не удивило. Конечно же, он в спальне. Должно быть, его романтическая натура заставила юношу погасить свет и, возможно, наполнить воздух благовониями. Триана принюхалась, и ей показалось, что она чувствует слабый аромат цветов.

Триана скользнула к спальне и нетерпеливо приоткрыла дверь.

— Тень... — прошептала она и остановилась в изумлении.

Кровать все еще была застелена. В комнате никого не было.

«Что такое?..» Окончательно сбитая с толку Триана распахнула дверь и вошла в спальню.

Никого.

Ни единой живой души.

«Должно быть, он спрятался за дверью. Сейчас он выпрыгнет оттуда и обнимет меня...»

Но за дверью Меро тоже не оказалось. Его вообще не было в покоях.

Триана медленно повернулась. У нее просто в голове не укладывалось, как это кто-то мог договориться с ней о любовном свидании, а потом не явиться. И тут, обернувшись, она увидела листок бумаги, выглядывающий из-под подушки.

Триана схватила записку и развернула ее.

Там было аккуратно выведено одно-единственное слово: «Дилетантка».

И ничего больше.

Триане потребовалось всего одно мгновение, чтобы понять, что имел в виду Меро, — но когда наконец до нее дошло, что к чему, Триана была слишком потрясена, чтобы нормально соображать...

А потом стало слишком поздно.

Пока она стояла, оцепенев от потрясения, кто-то протянул магическую «руку» и вырвал из нее силу.

«Предки!..»

У Трианы подогнулись колени. Она пошатнулась и упала на кровать. Женщина пыталась позвать на помощь, но все, на что она была сейчас способна, это хватать воздух ртом, словно вытащенная на берег рыба.

Единственным слышимым «звуком» сейчас было заклинание, лишившее Триану силы: нестройная мешанина нот, напоминающая музыку безумного менестреля.

«Кто это?.. — подумала Триана, отчаянно пытаясь заставить свое тело повиноваться. — Как?..»

Но великолепное тело, верой и правдой служившее ей столько лет, теперь отказывалось работать. Триане едва-едва удалось шевельнуть руками, а ноги не двигались вовсе. Почувствовав, что ее покидают последние силы и что она вот-вот потеряет сознание, Триана попыталась дотянуться до колокольчика и позвать раба.

Но поле ее зрения сузилось, и перед глазами заплясали искры.

Триана уже чувствовала прикосновение шнура, она уже почти схватила его...

А потом донесся другой звук — мощный, ошеломляющий — словно грохот лавины, словно раскат грома...

«Заклинание перемещения?»

И с этой мыслью Триана провалилась в темноту.

Глава 23

«Страх...»

Голова у Шаны шла кругом, а желудок завязывало узлом. Девушка полностью потеряла ориентацию в пространстве. Она летит? Или падает?

«Страх... раскат грома...»

Грохот, бесконечный рев, ошеломляющая какофония — отовсюду, со всех сторон...

Вокруг — ничего, ничего, кроме черноты.

«Головокружение... тошнота... оглушительный гром...»

Шану охватила паника; девушка забыла, куда... зачем...

...И тут она шлепнулась прямо посреди лужайки в пещере Цитадели, крепко приложившись мягким местом. Прочим ее спутникам при приземлении явно повезло ничуть не больше. Когда ее голова перестала кружиться и Шана смогла оглядеться, девушка увидела, что друзья валяются рядом, плохо соображая, что творится вокруг.

Шана откашлялась, прочищая горло. Со стороны темной громады Цитадели послышались крики. В них звучало удивление, тревога, замешательство... Путешественники явно подняли на ноги всю Цитадель.

— Ну... я и не говорила, что это заклинание срабатывает бесшумно, — слабым голосом произнесла Шана, глядя на высыпавших из Цитадели местных обитателей.

У Валина хватило ума быстро уничтожить заклинание, придававшее Тени вид чистокровного эльфа, и быстренько соорудить себе личину полукровки. Шана заметила, как их лица на мгновение превратились в размытые пятна, а потом приобрели другие черты. Вряд ли посреди переполоха, поднятого заклинанием перемещения, кто-то мог расслышать негромкую мелодию, порожденную магическими действиями Валина.

Шане же сейчас не хотелось и думать о каких бы то ни было заклинаниях. «Неудивительно, что прежние волшебники не слишком часто проделывали такие штуки». Шана понимала, что это будет намного труднее того простенького заклинания, при помощи которого она с другими учениками таскала у эльфийских лордов всякие полезные вещи, — но того, что обрушилось на нее в действительности, девушка все-таки не ожидала.

Первым к неожиданным гостям подбежал Зед. Он мчался так, словно ему припекало пятки. Увидев, кто именно валяется на траве, волшебник немного сбавил ход, потом остановился рядом с Шаной. На лице у него отражалась странная смесь удивления, опасения и веселья.

— Ну, Шана, — сказал он, глядя то на нее, то на Валина, — ты определенно знаешь, как произвести впечатление на окружающих!

«Мне просто не верится! Я единственный раз поступила так, как считала совершенно правильным, а теперь получается, что все было неправильно».

Шана схватилась за голову. Кеман сел рядом и сочувственно погладил ее по плечу.

Шана не верила, что учинила такую неприятность. Она не могла в это поверить. Она перевернула всю Цитадель вверх ногами и единым махом уничтожила всю ее многовековую секретность. Как она могла натворить такое?

— Эй! — окликнул ее Зед. Шана подняла голову. Молодой волшебник протянул ей чашку с чаем. — Послушай, все могло быть куда хуже, — сказал он, присев на корточки перед Шаной. — Ты ведь не знала, что заклинание перемещения можно проследить, правда? Откуда бы тебе было это знать? А я могу поспорить, что эльфийские лорды все равно так или иначе, но узнали бы о Цитадели. Это было лишь вопросом времени.

— Но это именно я уничтожила маскировку, — несчастным голосом ответила Шана. — Это была не случайность и не судьба, а всего лишь моя глупость.

— И что? — судя по виду, Зед не испытывал особого беспокойства. — Многие из нас давно хотели открыто выступить против эльфийских лордов. А теперь нам ничего другого и не остается. Мы должны драться, или нас попросту уничтожат.

— Если ты думаешь, что мне от этого станет легче, так ты ошибаешься.

Зед усмехнулся.

— Мы не так уж беспомощны — ты и сама об этом знаешь. А всякий, кто боится драки, может хоть сейчас собрать свои шмотки и умотать в леса или в пустыню. — На мгновение Зед умолк, потом добавил: — Кроме того, хоть они и не хотят говорить тебе об этом, я все-таки скажу. Эльфы могут лишь приблизительно засечь конечный пункт перемещения. Они не знают точного местонахождения Цитадели. А это даст нам немалое тактическое преимущество, когда они вступят в этот район и попытаются отыскать нас.

— Но я вовсе этого не хотела! — жалобно возразила Шана. — Я не хотела никого ни к чему принуждать, — девушка глянула краем глаза на Тень и Валина — один из них пристроился на единственном стуле, второй уселся на невысокий комод. — Я лишь хотела вместе с друзьями оказаться где-нибудь в безопасном месте.

Зед пожал плечами.

— Ну а получилось не так. Но несмотря на то, что все сейчас твердят, я думаю, что мы в целом готовы к встрече с эльфийскими лордами. При условии, конечно, что нам не придется столкнуться со всеми лордами одновременно.

Тут подал голос Тень:

— Я воспользовался любезностью Трианы и побывал в Совете. Так вот, лорды разобщены. По правде говоря, это их обычное состояние. Некоторые из них считают, что это фокус кого-то из лордов; другие уверены, что в этом нет ничего серьезного; третьи вообще видят в этой ситуации лишь удобный случай закрутить новую политическую интригу. А из тех лордов, которые все-таки рвутся нас уничтожить, большинство считает, что нас не больше дюжины. Они примутся спорить, кто за что отвечает, и кто кому подчиняется, и откуда следует взять войска. Это будет весьма забавно. А пока они будут спорить, Диран, Чейнар и еще пара-тройка лордов под шумок отделятся от общей кучи и выступят против нас.

Шана здорово удивилась: во-первых, она не знала, что осведомленность Тени простирается настолько далеко; а во-вторых, ее удивило поведение эльфийских лордов. Оно выглядело таким смехотворным...

Но Зед кивнул.

— Думаю, именно так все и произойдет. Во времена Войны Волшебников лорды действовали заодно. Теперь же они так привыкли предавать друг друга, что это стало их второй натурой. И это оружие поможет нам выиграть.

— Выиграть? — пискнула Шана. — Да я буду счастлива, если нам удастся выжить! Ты не видел, на что они способны...

И тут в разговор наконец-то ввязался Валин.

Он держался до этого момента так... вяло. Как будто, когда его расчеты оказались ошибочны и контроль над происходящим взяла в свои руки Шана, юношу покинуло все его честолюбие и все энергия.

— Шана, не списывай нас со счетов, пока мы еще не взялись за дело!

Валин повернулся к Зеду.

— Мы вполне можем поссорить всех лордов между собой — даже союзников, — медленно произнес он. — По крайней мере, мы можем это проделать со сторонниками Дирана. В этой своре никто никому не доверяет. Если мы сможем быстро с ними разделаться, остальные испугаются. А я думаю, что в Совете

сидит достаточно лордов, которых интересует лишь собственная шкура и собственный карман. А с такими мы вполне можем договориться о мирном сосуществовании, прежде чем они сообразят, как нас мало.

— Что-то в этом роде я и ожидал услышать, — донеслось от дверного проема. И с этими словами в комнату вступил прежний наставник Шаны, Денелор. — Как вам известно, я изучал историю, — сказал он, потерев покрасневшие глаза, — и я заметил одну подробность, касающуюся эльфийских лордов. Со времен Войны Волшебников сражения — настоящие, физические сражения между лордами, — проводились только посредством людей. Вы не любите рисковать своей жизнью, а, парень?

Произнося это, волшебник в упор смотрел на Валина. Секунду спустя до Шаны дошло, насколько многозначительным был его последний вопрос.

Валин побледнел, стиснул кулаки и взглянул на Денелора так, словно пытался выбрать наилучший путь для бегства.

— Успокойся, парень, — утомленно сказал Денелор. — Я не собираюсь ничего с тобой делать — разве что позаимствовать у тебя кой-какие сведения. Юноша, уступи-ка мне стул. Я чересчур толст, чтобы долго стоять. Ты кто, Меро или Кеман?

— Меро, — отозвался Тень, освободив стул и устроившись на полу. Увидев, что Денелор воспринимает происходящее как должное, полукровка расслабился. — Кеман сидит на кровати. А как вы догадались, что Валин — эльф?

Денелор устало улыбнулся.

— Полагаю, по двум признакам. Во-первых, по имени. Я кое-что знаю о самых видных эльфийских лордах и об их наследниках. Да и в любом случае, Валин — не человеческое имя. А во-вторых, недавно поднялась было суматоха по случаю исчезновения наследника Дирана и его раба-телохранителя. А потом это дело быстренько замяли. И у меня появилось подозрение, что юноша то ли пустился в бега, то ли его похитили, причем первое предположение показалось мне более вероятным. Мы ведь вовсе не похоронили себя под этой горой, позабыв обо всем остальном мире, Шана.

Насколько поняла Шана, последняя фраза была ответом на удивление, которое, должно быть, сейчас отразилось на ее лице.

Денелор со вздохом опустился на стул.

— Во всяком случае, я стараюсь присматривать за всем, что происходит по соседству. Я сопоставил факты, добавил к этому

слабое сияние вокруг тебя — оно явственно указывает на личину, — и, исходя из этого, решил, что В'касс эл-лорд Валин и Валин, появившийся при нашей Шане, — одно и то же лицо.

— А еще кто-нибудь об этом знает? — обеспокоенно поинтересовалась Шана.

— Нет, — отозвался Денелор, сложив руки на животе, — и я не намерен им об этом говорить. Это к делу не относится. Парень, который много лет спасал от опасности своего друга-полукровку — кстати, друга или родственника? — а потом бежал вместе с ним, не станет нас предавать. А вот то, что ты сможешь рассказать нам о наших противниках, вполне может оказаться очень даже существенным.

— Вы были совершенно правы, когда сказали, что эльфы не желают рисковать собственной жизнью, — сказал Валин, понемногу успокаиваясь. — Это чистая правда. Вот почему вражда кланов никогда не сопровождается убийствами. Если вам заведомо предстоит долгая жизнь, кому же захочется ее укорачивать? Если мы сможем отбиться от сил, которые приведет с собой лорд Диран, и заставим остальных лордов считать, что мы способны с такой же легкостью уничтожить любые присланные ими войска, то очень может быть, что Совет предпочтет заключить мир. Особенно если...

Внезапно Валин запнулся. По лицу его было ясно, что юношу разрывают стремление продолжать и сожаление о том, что он вообще произнес эти слова.

— Особенно если нам удастся убить одного или нескольких лордов, возглавляющих войска, и показать остальным, что бессмертные тоже могут быть повергнуты. Ты это хотел сказать, парень? — негромко поинтересовался Денелор.

Валин неохотно кивнул.

— Это легче сказать, чем сделать, мастер Денелор, — со своей обычной прямотой сказал Зед. — На свете существует не так уж много способов убить эльфийского лорда. Его можно убить при помощи магии — но для этого нужно проникнуть под его щит. Можно воспользоваться мечом, ножом или ядом, но сперва нужно приблизиться к лорду на такое расстояние, чтобы суметь пустить это в ход. Метательные снаряды и стрелы они смогут отклонить еще на подлете.

— У нас есть кое-что, — перебила его Шана. «Кеман, можем ли мы позволить им узнать, кто ты такой?»

Кеман едва заметно пожал плечами.

«Почему бы и нет? Мы с мамой давно считали, что тайну пора раскрывать».

— Ну? — поинтересовался Денелор, повернувшись к Шане. — Так что же там у вас... Ох!

Кеман, принявший свой истинный облик — только вчетверо меньше настоящих размеров, — улыбнулся, продемонстрировав великолепные зубы. Кровать Шаны затрещала, угрожая развалиться, и потому Кеман быстро соскользнул на пол. Зед и Меро поспешно убрались с его пути. Глаза у Зеда сделались величиной с чайные блюдца. Шана не удержалась и захихикала — больно уж забавно выглядел обычно невозмутимый Зед.

— Драконьи когти, мастер Денелор, — сказал Кеман с легким шипением. — Вы можете поинтересоваться у Валина, насколько они эффективны. Обрезки моих когтей можно прикрепить к наконечнику стрелы, и получится вещь ничуть не слабее эльфийского оружия. Такая стрела пробьет магический щит и будет ядовита для любого эльфа.

Он снова принял облик полукровки, и Зед осторожно вернулся на прежнее место, не спуская подозрительного взгляда с молодого дракона.

— Ох! Это... это поразительно, — слабо произнес Денелор. — Но... я не вижу присутствия магии, никаких признаков... как ты...

— Это не иллюзия, мастер Денелор, — сказала Шана. — Это настоящая смена облика. Это драконья магия. Они могут изменять облик разных вещей — и самих себя тоже.

Денелор вытер лоб рукавом.

— Ну... — после долгой паузы протянул он. — Я думал, что мне стоит прийти сюда, чтобы посоветоваться с вами о текущей ситуации, а потом обговорить это все кое с кем из старших волшебников. Но такого я не ожидал... Ну, ладно.

Денелор посидел еще немного, посмотрел поочередно на каждого из присутствующих, потом тяжело вздохнул.

— Ну что, продолжим совещание? У нас не так много времени, чтобы расходовать его впустую.

Валин скользил среди деревьев, стараясь держаться как можно незаметнее. Он двигался по вражескому тылу.

Благодарение Предкам, наконец-то у него появилось хоть какое-то дело. Дело, с которым он мог справиться. Юноша чувствовал себя таким... бесполезным. Последнее время он не способен был толком думать хоть о чем-то — его мозги просто отказывались работать. И каждый раз, когда Шана выдвигала еще какую-нибудь блестящую идею, Валин все сильнее и сильнее чувствовал себя не в своей тарелке. Он-то предполагал, что будет играть ведущую роль в этом мятеже...

Где там ведущую! Он вообще чувствовал себя ни на что не годным.

Это было не очень-то приятное чувство. Валин всю жизнь считал женщин существами второго сорта — конечно, на самом деле он просто всерьез никогда не задумывался об этом, но все же... Это просто была одна из данностей вроде того, что солнце встает на востоке и садится на западе. А Шана не оставила от этой данности камня на камне. И теперь Валин иногда почти что всерьез ожидал, что солнце вообще решит никуда не садиться.

По сравнению с этим его действия против Дирана казались сущими пустяками, о которых и задумываться не стоило.

Хотя это и было довольно странно — думать об отце как о враге. И в то же время — ничуть не странно. Как-то так получилось, что они с отцом были врагами всегда, с самого начала. А теперь эта враждебность просто проявилась открыто, только и всего. «На самом деле я никогда не знал своего отца», — подумал Валин и застыл, прижавшись к стволу дерева. Это казалось странным, но он скорее ощущал свое родство со стариком Денелором, чем с собственным отцом.

Раз уж на то пошло, он никогда и ни к кому не испытывал родственных чувств, которые люди и полукровки считали чем-то обязательным, само собой разумеющимся. Даже Меро всегда был... ну, своеобразным продолжением самого Валина. Его не случайно прозвали Тенью. Казалось, что у Меро нет своей жизни и своих взглядов. А в тех редких случаях, когда он начинал артачиться — например, как в этой истории с помолвкой, — Валин без малейших колебаний пускал в ход чары, чтобы заставить Тень передумать.

На самом деле единственным разом, когда Меро поступил вопреки желаниям Валина, а Валин не воспользовался чарами, чтобы привести его в чувство, был этот случай с Трианой.

И почему же он тогда этого не сделал? Потому, что счел себя не вправе? Или потому, что не хотел открыто противодействовать Триане?

Валин обнаружил, что, наблюдая за взаимной привязанностью Шаны и Кемана, за взаимоотношениями старших волшебников и усыновленных ими детей, он чувствует себя отре-

занным от всех и одиноким. В подобных отношениях было место для ссор и разногласий, и каждый мог самостоятельно выбирать свою дорогу. А те узы, что связывали его и Тень, не подразумевали такой степени свободы. Хотя, несомненно, это бы очень не помешало им обоим.

От этих мыслей Валину становилось неуютно, и теперь, рядом с вражеским лагерем, юноша с радостью задвинул их подальше.

И все-таки он не мог совладать с этими чувствами.

Обнаружить лагерь было нетрудно. Люди, входившие в состав армии, вели себя очень неосторожно. Они явно боялись леса и старались скрыть свой страх, производя как можно больше шума. Многие из них никогда не бывали в диких землях, но они слыхали достаточно жутких историй о зверях и чудовищах, которые вроде бы обитали в здешних краях. Но они даже не подозревали, насколько их страхи близки к истине.

Валин заметил следы существа, которого он прозвал «хватуном». В окрестностях обитало несколько таких хватунов, но так получилось, что логовище одного из них оказалось совсем рядом со стоянкой войска. Это было то самое существо, которое некогда, в первую же ночь пути по диким землям, утащило лошадь Валина. На самом деле хватуны были далеко не так опасны, как думал тогда Валин. Они редко нападали на двуногую добычу и никогда не убивали больше, чем могли съесть. Но солдаты-то об этом не знали!

Валин подкрался поближе к логовищу — настолько близко, насколько осмелился, — и застыл. До тех пор, пока он не шевелился, он мог считать себя в безопасности: хватун охотился лишь за движущейся добычей. Юноша осторожно пустил в ход магию и сотворил иллюзию: сразу за нагромождением упавших деревьев и зарослями колючего кустарника, скрывающими логово, появился толстый пони. Иллюзия получилась отменной. Слышно было, как пони шуршит листьями и смачно хрупает травой.

Хватун выпрыгнул из логова. Он двигался так быстро, что со стороны казался размытым пятном. «Пони» отскочил в сторону, потом повернулся и удивленно посмотрел на хищника. Кстати, увидеть остановившегося хватуна было очень и очень непросто — он умел изменять окраску своей шкуры и полностью сливался с окружающим фоном.

Хватун прыгнул снова. Пони снова увернулся. Хватун увлекся и, кажется, позабыл о возможной опасности.

Последовало еще несколько прыжков, и хватун оказался в пределах видимости сторожевых постов. Лошади почуяли что-то неладное, и в тот самый момент, когда Валин уничтожил иллюзию, они начали встревоженно ржать и метаться у коновязей. Голодный хищник, разъяренный неожиданным исчезновением добычи и забравшийся уже довольно далеко от логовища, увидел лошадей и не устоял перед искушением.

Теперь у добычи не было возможности убежать. Какая-то несчастная лошадь оказалась в зубах у хватуна. Тот мгновенно оборвал веревку ударом когтистой лапы и быстро отступил по направлению к своему логову. А линия сторожевых постов взорвалась паникой. Кони принялись обрывать привязь и наугад, не разбирая дороги, ломиться через кустарник. Некоторые из них промчались через лагерь, сея суматоху и в страхе топча людей и все, что попадалось на пути. Другие бросились в лес, не обращая ни малейшего внимания на несущиеся им вслед вопли владельцев.

Валин же, веселясь от души, осторожно отступил, не дожидаясь, пока кому-нибудь из эльфийских лордов придет в голову поискать на месте происшествия следы магического воздействия.

Меро терпеливо ожидал, растянувшись на толстом древесном суку. Он выбрал это место, как только определил, где враги собираются разбить лагерь. А зная предполагаемое расположение лагеря и нынешнюю иерархию, нетрудно было определить, где поставят свои шатры предводители войска, и устроиться поближе к ним.

Перед Меро открывался прекрасный обзор: весь лагерь был как на ладони. Из шатра, расположенного под соседним деревом, вышел лорд Чейнар. Ну вот, он все-таки дождался, хотя любому эльфийскому лорду такой период ожидания показался бы до неприличия долгим.

Чейнар немного расслабился — а потом Меро легонько коснулся его сознания. Это было куда безопаснее, чем использование магии, которую эльфы легко могли засечь.

«Дура проклятая!.. Целыми днями в зеркало таращится... думает — это ей игрушки... никогда не доверяйте женщине с магическими способностями... никогда не позволяйте женщине командовать войсками...»

— Что ты там копаешься, Триана? — рявкнул он. — Никак не решишь, какое платье надеть?

Триана, одетая в почти такой же кожаный доспех, как и у самого Чейнара, недовольно нахмурилась. Ее задержка была вызвана очередной выходкой Валина, устроившего переполох по всему лагерю и напрочь нарушившего линию постов. А за лошадей, между прочим, полагалось отвечать Чейнару. Теперь Меро коснулся мыслей Трианы.

«Как он смеет!.. Несносный самец!.. Нельзя ему доверять... только и смотрит, как бы отнять мои войска, а там и мой клан... все время пытается опорочить меня, выставить дурочкой...»

— Просто так получилось, мой лорд Чейнар! — резко отозвалась она. — Я присматривала за повторным размещением лошадей, которые разбежались из-за того, что вы как следует о них не позаботились. Я не доверяю важные дела подчиненным!

Меро снова потянулся к Чейнару.

«Сука заносчивая! Сидела бы себе дома, в своих беседочках! За лошадьми она следила, как же! Небось выискивала рабов, пригодных для постели!»

— В самом деле? Вас так интересуют лошади? Или, может, их наездники? — Чейнар паскудно улыбнулся. — Здесь только четвероногие жеребцы — двуногих, увы, нет...

Звонкая пощечина — настолько звонкая, что чуть ли не весь лагерь обернулся на этот звук, — прозвучала в ушах Меро истинной музыкой.

Шана, закрыв глаза, лежала на кровати в своей комнате. Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что девушка спит.

Но на самом деле она была очень-очень занята.

По врожденным способностям и по опыту использования драгоценных камней для увеличения магической силы Шане не было равных даже среди старших волшебников. Если добавить к этому еще ее способность перемещать предметы, то становилось ясно, что из нее должен был получиться превосходный диверсант, которого к тому же невозможно было засечь. И вот теперь Шана по мере своих сил и способностей отравляла существование эльфам, отправившимся на «охоту».

Сперва девушка ограничивалась простенькими диверсиями. А теперь она затеяла игру покрупнее.

Пользуясь указаниями Меро, она нашла шатер Дирана. Точно зная его местонахождение, Шана смогла «заглянуть» внутрь шатра и проглядеть содержимое шкатулок, «почитать» запечатанные документы и покопаться в кипах бумаг, не сдвинув ни единой со своего места.

В результате некие письма исчезли из запертой шкатулки, находившейся в шатре Дирана, и появились среди груды депеш, валявшихся на походном столике Трианы. Тайные послания Чейнара Совету оказались среди корреспонденции Дирана. Несколько маленьких, но ценных предметов, принадлежащих всяким лордам рангом пониже, перекочевали к лорду Беренелю.

Кроме того, в багаже Беренеля появился изрядный запас золотых монет, изъятых из подвалов под зданием Совета.

Поскольку после всех этих махинаций у Шаны оставалось еще достаточно сил, девушка решила поупражняться и просмотреть бумаги в шатрах всех эльфийских лордов, причем оставить их в таком состоянии, чтобы ясно было, что в них кто-то копался.

А напоследок, осмелев, Шана легонько прикоснулась к сознанию Чейнара. «Что-то идет неладно... — прошептала она. — Никому нельзя доверять. Диран — могущественный маг, и даже Триана может скрывать замыслы посерьезнее того, кого ей хочется заполучить в постель. Наверное, лучше проверить свой шатер...»

Шана обнаружила, что полумрак, царящий в гостиной Цитадели, благотворно влияет на ее усталые глаза. Остальные четверо присутствующих тоже выглядели измотанными. Даже Кеману пришлось потрудиться в полную силу, присматривая за мыслями эльфийских лордов.

Трое юношей и девушка впервые были приглашены на военный совет, проходящий в гостиной, и сделано это было по настоянию Денелора. До нынешнего момента их усилия не принимались в расчет — но, увидев, что юнцам удалось-таки замедлить продвижение эльфов и внести раскол в их ряды, старшие волшебники в конце концов признали, что ребята, видимо, знают, что делают.

— ...И я думаю, что это должно сработать, — устало заключила Шана. — Я думаю, что мы сможем избавиться от них, не обменявшись с ними ни одним ударом. Последние два дня они не высовывают носа из лагеря. А вчера я готова была поспорить на что угодно, что Чейнар вот-вот вызовет Дирана на магическую дуэль.

Денелор расправил складки туники и кивнул.

— Несомненно, ваши действия постоянно поддерживают эльфов в состоянии замешательства. И даже более того. Посеянные вами семена недоверия расцвели таким пышным цветом, что лорды уже начинают искать повод для ссоры. Чего я не понимаю, так это почему все их воинство еще не распалось на части.

Валин, помалкивавший до этой минуты, решил все-таки подать голос:

— Это все Диран, — тихо произнес он.

Все тут же посмотрели на него.

— Ты не объяснишь свою мысль поподробнее, парень? — спросил его Денелор.

— Это Диран, — повторил Валин. — Разве вы не замечаете? Когда остальные так и норовят вцепиться друг другу в глотки, он никогда не позволяет себе гневаться, никогда не сыплет обвинениями. За ним никогда такого не замечалось. Он может предать своих союзников, но он никогда не станет срывать на них дурное настроение. Для этого у него есть рабы... и полукровки.

Денелор задумчиво кивнул, словно слова Валина подтвердили какие-то его предположения.

— Давай дальше, парень. Тебе, видно, известно кое-что такое, чего мы не знаем.

Валин нахмурился.

— Он всегда способен был держать всех вокруг в кулаке. Он настоящий мастер своего дела. Угрозы, подкуп, убеждение, чары — годится все. Он знает, как управлять окружающими. Это он улаживает ссоры и находит всем необъяснимым событиям объяснения, которые позволяют эльфам сохранить лицо. Я не знаю, почему он так твердо решил отыскать нас, но он принял такое решение и не позволит никому и ничему встать у него на пути.

— Так, значит, наш единственный настоящий враг — это Диран? — спросил Гарен Харсельм. Взгляд его зеленых глаз был холоден и расчетлив.

— Это звучит вполне разумно, — задумчиво произнес Лукас Мэдден, поглаживая бороду. — Очень даже разумно. Но чего Диран хочет добиться во всей этой истории?

Валин пожал плечами.

— Я много знаю о Диране, но не могу сказать, что я действительно знаю его самого, — сказал он, и на лице юноши появилось странное выражение. Шана затаила дыхание, испугавшись, как бы Валин не допустил какой-нибудь промашки. Из старших волшебников пока что один Денелор знал, кем на самом деле является Валин. И Шана опасалась, что, если еще кто-нибудь из магов узнает, что среди них находится наследник Дирана, это может повлечь за собой неприятные последствия. Уже одних человеческих детей, которых спасли они с Зедом, оказалось более чем достаточно для великого переполоха. А ведь это были всего лишь дети, маленькие дети, среди которых не могло быть ни предателей, ни шпионов, достаточно маленькие, чтобы вырасти в Цитадели и отдать свою верность здешним жителям.

Но появление взрослого эльфийского лорда?

В первую очередь они подумают, что их предали. А во вторую — что Валина можно использовать в качестве заложника.

Собственно, именно поэтому Валин чудесным образом превратился в полукровку, двоюродного брата Меро. Его якобы назвали в честь наследника Дирана и передали в услужение этому самому наследнику, которому он и служил до тех самых пор, пока Валина-эльфа не отослали на воспитание к лорду Чейнару. После чего они с Меро, испугавшись разоблачения, сбежали. Поскольку остальные волшебники знали об эльфийских лордах куда меньше Денелора, они проглотили эту побасенку, не поморщившись.

— Мы должны придумать какую-нибудь хитрость, которой даже Диран не сможет разгадать, — решительно произнес Парт Агон. — Чем дольше они будут ссориться, тем больше времени мы выиграем.

На губах у старшего волшебника заиграла неприятная улыбка.

— Должен заметить, я усматриваю в этом некую иронию судьбы: та самая тактика, которая некогда погубила наших предшественников, может оказаться для нас спасительной.

— Только если нам удастся заставить врагов лить воду на нашу мельницу, — предупредил Денелор. — Однако если они узнают наше точное местонахождение, объединенные войска союзников с легкостью опустошат Цитадель, невзирая на все ее укрепления. Заносчивость и чрезмерная самоуверенность привели к тому, что мы проиграли предыдущую войну. И, если верить старинным хроникам, на последнем ее этапе мы как раз и стали жертвой спровоцированных ссор. На этот раз мы должны твердо хранить свое единство.

Денелор поочередно посмотрел в глаза каждому волшебнику, потом подытожил:

— Мы ведь не станем забывать уроки истории, не так ли? — мягко произнес он.

«Пожалуйста, — подумала Шана с такой силой, что у нее чуть не разболелась голова, — пожалуйста, прислушайтесь к нему!»

На мгновение в гостиной повисло молчание...

Потом Парт откашлялся, и с полдесятка волшебников заговорили одновременно. И у каждого был свой собственный план.

Значит, считаться стоит только с лордом Дираном? Хм... Когда Гарен Харсельм покинул военный совет, в голове у него роились совсем иные идеи, чем у прочих его приятелей-волшебников. Пока он добирался до своих покоев, Гарен успел взвесить в уме все возможные варианты. Все эти дурни твердо решили вступить в противоборство с эльфийскими лордами. Даже старик Парт внезапно набрался храбрости, оказавшись в ситуации, когда остается лишь одно из двух — либо удирать, либо остановиться и драться.

И, возможно, умереть. Денелор был прав. Волшебникам не следует забывать уроки истории. А урок этот гласит, что борьба с эльфами равносильна самоубийству.

Гарен открыл дверь и небрежным взмахом руки зажег свет в покоях. Потом волшебник осмотрел три захламленные комнаты, прикидывая, много ли добра он нажил за всю свою жизнь. Выходило, что на самом деле не так уж и много. Ничего такого, пропажа чего была бы невосполнимой. И очень мало того, без чего он не смог бы жить.

В общем-то, ему бы хотелось взять с собой не так уж много вещей: пару книг, любимый наряд, вырезанную из камня рыбку, которую он любил вертеть в руках в моменты задумчивости...

Но — нет. Не стоит обременять себя. Если увидят, что он выходит отсюда с ношей, сразу возникнут вопросы, на которые он не сможет ответить.

Потому Гарен повернулся спиной к имуществу, нажитому им за всю его долгую, полную страсти к накопительству жизнь, и, закрыв за собою дверь, двинулся по лабиринту подземных коридоров к выходу, о котором, как Гарен был свято уверен, знал лишь он один.

— Лорд Диран! — человек-стражник держался неуверенно и униженно. Он очень боялся помешать размышлениям своего господина.

Несомненно, он знал об участи, постигшей его предшественника.

Пепел этого самого предшественника другой раб сейчас выметал из шатра.

— Ну? — произнес Диран, не отрывая взгляда от письма. Конечно же, это было очередное послание Совета. Проклятые глупцы! Они даже на время не способны отказаться от своих дрязг, чтобы справиться с настоящей проблемой! Жаль, что он не может находиться в двух местах сразу. Но дайте только разделаться с этой угрозой — и он займется Советом вплотную.

Ну почему никто из них не может понять, что полукровки намного опаснее любого эльфийского лорда? Если бы только ему пришло в голову, что постоянные кражи — дело рук полукровок, а не диких людей, владеющих магией, он не оставил бы от этих лесов ни единого деревца!

— Лорд Диран, вас тут желает видеть какой-то лорд, — с похвальной почтительностью произнес стражник. — Он говорит, что пришел, чтобы предложить вам союз.

Союз? Заинтересовавшись происходящим, Диран все-таки поднял голову. Неужели они начинают стекаться под его знамя прямо сейчас, когда война еще не выиграна?

— Зови, — велел он стражнику. — И проследи, чтобы нас не беспокоили.

Но когда посетитель вошел в шатер Дирана, оказалось, что лицо его скрыто под капюшоном плаща. Диран нахмурился. Гостя окружало сияние магии — слабый намек на иллюзию. Если это какая-то ловушка...

Одним-единственным словом Диран разрушил заклинание неизвестного. Гость дробно рассмеялся и откинул капюшон, подставив лицо золотистому свету магического светильника.

Ошибки быть не могло.

Полукровка! Диран мгновенно привел в готовность все свои заклинания-щиты, а рука его нырнула под стол, нашаривая припрятанный кинжал.

— Чего тебе от меня нужно, волшебник? — ледяным тоном поинтересовался он.

Но незваный гость не сделал ни одного угрожающего движения. Точнее говоря, он вообще не шевельнулся. Его бородатое

лицо оставалось совершенно невозмутимым, даже успокаивающим.

— Мне ничего от вас не нужно, мой лорд, — вкрадчиво произнес он. — Но зато у меня есть что вам предложить.

Глаза Дирана удивленно расширились, но лишь на мгновение. Затем эльфийский лорд улыбнулся.

— Итак, — произнес он, выпустив рукоять кинжала и откинувшись на спинку стула, — один из волшебников решил сделаться перебежчиком. Я правильно понял?

— Мой лорд, я возражаю! — отозвался незнакомец с явственной иронией в голосе и протянул руки, показывая, что в них нет оружия. — Я просто предпочел предложить свои услуги тому, кто способен оценить их по достоинству. Выбор прост — по крайней мере, так кажется мне. Либо я буду служить вам — и значит, жить, а возможно, даже и процветать, — либо я вместе с остальными выступлю против вас и умру, как волшебники древних лет. Кстати, меня зовут Гарен Харсельм.

— Ты меня заинтересовал, — сказал Диран и указал на стул, стоящий по другую сторону стола. — Можешь присесть. Ну, так какие же «услуги» ты можешь мне предложить, Гарен?

Гарен зацепил стул ногой, подтащил его к себе и сел. Если он и был разочарован, не услышав обращения «лорд», то умело скрыл свое разочарование.

— Во-первых, я могу предложить вам свои услуги волшебника. Вы, конечно, истинный мастер эльфийской магии, — но я могу предоставить в ваше распоряжение вторую половинку уравнения. Магию полукровок. Возможность узнавать, о чем думают ваши враги... знать, что они делают... перемещать предметы, не пользуясь заклинаниями...

— Довольно, Гарен. Я знаю, на что способны волшебники, — с ноткой нетерпения в голосе произнес Диран. — Я также знаю, что не все волшебники в равной степени владеют всеми этими способностями.

Гарен пожал плечами.

— Я не вправе ожидать, что вы поверите мне на слово, если я скажу, что владею своей магией так же хорошо, как вы — своей. Конечно же, в свое время мне придется доказать вам это. Но я могу предложить вам еще две вещи, которые, как я думаю, могут оказаться очень полезны для вас, — он поднял один палец. — Это местонахождение крепости волшебников, — Гарен поднял второй палец, — и местонахождение вашего сына и наследника.

Лишь благодаря многолетней привычке к самоконтролю — и благодаря тому, что Диран уже заподозрил, что волшебник собирается заговорить о Валине, — эльфийский лорд сумел не выдать своих чувств.

— И что же ты желаешь получить взамен? — вкрадчиво поинтересовался Диран, изящно приподняв бровь.

Гарен развел руками.

— Немного, мой лорд. Возможность служить вам. В конце концов, разве не лучше жить в услужении, чем умереть в бою за такую сомнительную ценность, как свобода?

— Да, в самом деле, — с улыбкой отозвался Диран. — Ну, и где же находится эта крепость?

Диран, все еще продолжая улыбаться, подождал, пока Триана, Чейнар, Беренель и все прочие займут свои места. Из всех присутствующих невозмутимой выглядела одна лишь Триана. Впрочем, она привыкла вести ночной образ жизни и скорее всего еще бодрствовала, когда к ней донесся призыв Дирана.

— Мои лорды, и вы, леди, — произнес Диран, — позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы выполнили мою просьбу и собрались на эту встречу. — Когда Диран увидел, как Беренель подавил зевок, его улыбка сделалась чуть шире. — Я знаю, что время уже позднее, но я полагаю, что даже вы, лорд Беренель, сочтете, что такая новость стоила того, чтобы ради нее прервать ваш отдых.

— Проклятие, лучше бы так оно и оказалось! — проворчал Беренель, поплотнее заворачиваясь в плащ. — Уже третью ночь подряд меня по разным причинам вытаскивают из кровати.

— Эта ночь станет последней, мой лорд, — дружелюбно кивнув, произнес Диран. «И вы, мой лорд, сможете беспрепятственно заниматься своей охотой на драконов — а я тем временем подомну под себя весь Совет». — Сегодня вечером ко мне явился очень необычный посетитель, — продолжал он. — Волшебник.

Заметив, как Триана и Чейнар затаили дыхание, Диран не удержался от смешка.

— Да, совершенно верно. Полукровка. Он предложил мне сведения о местонахождении крепости волшебников — и свои услуги в придачу. От такого предложения чрезвычайно трудно отказаться, вы не находите?

— А что он хотел взамен? — резко спросил Беренель. — И откуда вы знаете, что он не лжет?

— Взамен он хотел, естественно, безопасности и моего покровительства. Само собой, я не могу быть полностью уверен, что этот полукровка сказал правду. Он вполне мог солгать — и тогда, когда он разговаривал со мной добровольно, и тогда, когда я сжег ему руки, — Диран задумчиво сложил ладони. — Конечно, это не исключено. Но я все же склонен считать, что он в обоих случаях говорил правду. И я не думаю, что он воздействовал на мое сознание — как вам известно, мне уже доводилось иметь дело с волшебниками. Могу вас заверить — боль целиком и полностью лишает их возможности пользоваться своим даром.

— И где же он теперь? — спросила Триана, как показалось Дирану, с некоторым беспокойством. Диран смерил женщину подозрительным взглядом. Что-то здесь было не так... Возможно, когда эта история закончится, ему следует приглядеть за леди Трианой. Что-то она скрывает...

Диран кивком указал на кучку пепла в углу шатра.

— Он исчерпал свою полезность.

Триана недовольно нахмурилась. Диран предостерегающе погрозил ей пальцем.

— Вы очень молоды, моя леди. Вижу, вас разочаровало то, что я пообещал этому изменнику покровительство, а потом разделался с ним.

Триана кивнула, но неохотно, словно не желая признавать свое разочарование.

— Во-первых, я не обещал ему безопасности, — пояснил ей Диран. — Это были его домыслы, и не более того. А во-вторых, тот, кто предал своих друзей, своих соплеменников, не заслуживает ни малейшего доверия. И уж тем более не заслуживает, если этот изменник — полукровка, волшебник. Тот, кто хоть раз пошел на предательство, без колебаний предаст снова, лишь бы выслужиться перед новым хозяином. Запомните это, моя леди. Полукровки — предатели от рождения, и с каждым прожитым годом эта черта усиливается в них. Они, как и однороги, всегда в конечном итоге набрасываются на своего хозяина.

— На этот раз, Диран, я с вами согласен! — с чувством провозгласил Беренель. — Ну, так где же эта их крепость и что мы будем с ней делать?

«А я все-таки тебя расшевелил, мой вынужденный союзник!» — с удовлетворением подумал Диран, разворачивая пред собравшимися карту. Он знал, что подчинил своему влиянию

всех присутствующих. Подумать только, он привлек на свою сторону даже злейших врагов!

— Крепость расположена здесь, — сказал он, указав на точку, тщательно выверенную по указаниям перебежчика. — А делать мы будем вот что...

Глава 24

«Что-то здесь не так... — подумал Кеман. Он кружил над вражеским лагерем, надеясь, что безлунная ночь сделает его невидимым. — Что-то здесь сильно не так...»

Хотя в каждой костровой яме горели огни, а рядом с шатрами командующих пылали факелы, в лагере не было заметно ни малейшего движения. Вообще никакого. А как успел выяснить Кеман, даже в спящем лагере все-таки наблюдается хоть небольшое шевеление. Расхаживают часовые, снуют посыльные — людей время от времени приходится сменять, — сонно переступают с ноги на ногу лошади.

Кеман хорошенько принюхался. Запах горящего дерева. Больше ничего. Еще одна странность. Должны быть и другие запахи: готовящейся пищи, лошадей, человеческого пота.

Дракон спустился пониже, чтобы лучше видеть.

Первое, что бросилось ему в глаза, это отсутствие часовых. Конечно, их можно замаскировать, но зачем, спрашивается, возиться? Кеман повнимательнее присмотрелся к лагерю. Вокруг костров лежали темные тюки, но они были совершенно неподвижны. Но люди даже во сне не могут лежать неподвижно, как бревна! Они шевелятся, ворочаются...

Лежать неподвижно, как бревна... Дракон прищурился и сосредоточил взгляд на этих тюках. Это действительно были бревна! Бревна, мешки с травой, вязанки хвороста... А где же бойцы?

Кеман несколькими сильными взмахами поднялся повыше и принялся парить, осматривая раскинувшийся внизу лес. Дракон снова перенастроил свое зрение и теперь мог воспринимать тепло живых тел...

И вскоре он обнаружил то, что искал. Он нашел людей, которые молча, без огней двигались через лес, и те, кто вел их, видели путь, невзирая даже на безлунную ночь и непроницаемую тьму, царящую под пологом леса. Вражеская армия преврати-

лась в стрелу, и острие этой стрелы смотрело точно на Цитадель.

На мгновение Кеману показалось, что у него остановилось сердце.

«Огонь и Дождь!..»

Кеман судорожно взмахнул крыльями, а потом, когда потрясение уступило место панике, с бешеной скоростью ринулся вперед.

«Шана! — позвал он, напрягшись изо всех сил. — Пожалуйста, ну пожалуйста, услышь меня, ответь мне...»

Дракон поднялся повыше и на полной скорости понесся к Цитадели.

«Шана!»

Обычно Кеман менял облик при приземлении, чтобы не пугать окружающих, но теперь, когда он докричался до Шаны и поднял тревогу, девушка попросила его оставаться в драконьем облике. В таком виде Кеман мог войти в Цитадель только через главный вход — остальные были чересчур малы. Приземлившись, Кеман увидел, что иллюзия, маскировавшая этот самый главный вход, исчезла, и все вокруг видно, словно днем, благодаря свету сотен ламп и факелов.

Кеман услышал детский плач и шиканье взрослых. Из пещеры доносились усиленные эхом выкрики и приказы. Струйки белого и серого дыма, ползущие из проема пещеры, пахли чем-то еще помимо дров и масла.

От входа тянулся редкий, но непрерывный поток беженцев — группки по двое-трое детей, и при них по одному взрослому, все с дорожными сумками. Кеман с трудом протиснулся мимо них, но беженцы даже не посмотрели на него, хотя большинство детей до этого видели его всего лишь раз-другой, да и то на расстоянии. Сонные, растерянные дети брели, спотыкаясь и сутулясь под своими ношами. Взрослые же выглядели вполне проснувшимися, но мрачными и испуганными.

Цитадель бурлила. Взрослые и почти взрослые волшебники сновали туда-сюда, перетаскивая всяческое имущество. Некоторые тащили в Цитадель большие узлы, а обратно шли с небольшими коричневыми тючками. Некоторые уходили в тунели и возвращались, нагруженные...

Некоторые скармливали пламени каминов какие-то бумаги и книги.

Откуда-то вынырнула Шана, тоже с тюком на спине. Ее лицо было бледным от напряжения и страха, спутанные волосы то и дело норовили сползти на глаза.

— Ты сегодня еще способен на полеты? — спросила Шана. Когда Кеман кивнул, девушка ухватилась за его спинной гребень и привычным движением запрыгнула дракону на плечи. Доля секунды — и она уже сидела на спине у Кемана.

— Куда мы направляемся? — спросил Кеман на языке Народа, зарысив к выходу из пещеры. От беспокойства у него пересохло во рту, а все внутренности, кажется, завязались узлом. Но даже сейчас у Кемана промелькнула мысль, что, если бы окружающая обстановка была поприятнее, он бы довольно заурчал, забыв о страхе и беспокойстве — больно уж приятно было чувствовать, что Шана снова с ним. Это действительно было приятно и правильно.

— Они не успеют вывести всех, кого нужно. Нам придется поработать отрядом прикрытия, — отозвалась Шана, когда они миновали еще одну группку детей и выбрались наружу. К удивлению Кемана, Шана добавила: — Мы сейчас провернем отвлекающий маневр, но не в одиночку. Помнишь тот табун однорогов, который нам тогда попался?

— Ну да, — рассеянно отозвался Кеман. — Я никогда не видел такого здоровенного табуна и даже не знал, что такие бывают, — однороги ведь даже друг друга не терпят. А это, видно, одно племя. Держись покрепче...

Короткая пробежка — и дракон мощным рывком взмыл в воздух. Кеману пришлось работать крыльями изо всех сил, чтобы скомпенсировать отсутствие восходящих воздушных потоков. Набирая высоту, Кеман почувствовал, что Шана движется вместе с ним. Он воспринимал девушку как часть себя — в отличие от того же Валина, который воспринимался как нечто недвижное, безжизненное, словно мешок с зерном. К тому моменту, как Кеман в достаточной степени восстановил дыхание, чтобы нормально вести разговор, он уже знал, чего хочет Шана.

— Ты — единственное существо, способное контролировать этих зверюг, — сказал он через плечо. — Я никогда не слыхал, чтобы это хоть кому-нибудь удавалось. Но ты уверена, что сможешь управлять целым табуном?

— Именно это нам и предстоит выяснить! — крикнула Шана, стараясь перекрыть свист ветра.

Они все-таки выполнили свою задачу.

Без ночного зрения Кемана они никогда бы не отыскали табун. Но как только они его обнаружили, Шана в самые короткие сроки разбудила животных и взяла их под контроль. Кеман

пожалел, что Шана не может сейчас увидеть табун так, как видит его он сам — слабый отблеск звездного света играет на шерсти цвета слоновой кости и черного дерева, блестит на длинных, изящных, заостренных рогах...

При виде такого зрелища невольно забываешь о клыках и когтях, и о том, что однороги способны расправиться даже с хватуном.

И, конечно же, с такой высоты не видны были безумные глаза однорогов, горящие оранжевым пламенем.

Кеман парил, стараясь двигаться как можно более плавно, потому что Шане требовалось сейчас полнейшее сосредоточение, дабы заставить табун повиноваться ее приказам, чтобы ни один из единорогов не взбрыкнул и не помчался куда глаза глядят, — а именно это они и сделают, стоит лишь ослабить контроль. Сейчас же табун продвигался вперед спокойно и послушно, словно стадо двурогов, и все, что требовалось, это подталкивать его в нужном направлении. Кеману приходилось еще и тщательно глушить свои мысли — он знал, что малейшее вмешательство с его стороны может все испортить...

Но все происходило так безукоризненно, словно было давным-давно рассчитано и множество раз отрепетировано. До того самого момента, пока табун не оказался с подветренной стороны от армии.

Кеман увидел, как однороги один за другим начали поднимать головы и подозрительно принюхиваться. Табун застыл как вкопанный, а жеребец-вожак принялся бить землю копытом и фыркать.

А потом он начал поворачивать в другую сторону...

Ох, нет!... Неужели Шана их упустит...

Прочие однороги принялись беспокойно пританцовывать на месте, а вожак колебался. Он двинулся было вперед, потом попятился, опустил голову и гневно завизжал, пытаясь вырваться из тисков безмолвного приказа Шаны.

Кеман лихорадочно принялся шарить в памяти, вспоминая все, что ему было известно об однорогах, и в конце концов решился подбросить жеребцу одну мысль от себя.

Точнее даже, не мысль, а образ. Образ двуногого, забирающего его кобыл. Его самок. Двуногого, который крадет кобыл, чтобы отдать их другому жеребцу. Шана уловила этот образ и подбавила в иллюзию запах чужого жеребца, изображенного Кеманом.

Жеребец тут же вскинул голову, с шумом втянул в себя воздух и, уловив ненавистный запах (по крайней мере, так ему показалось), протрубил яростный боевой клич. Вожак ревел не умолкая, и его возмущение передалось табуну. Теперь однороги были готовы к драке. Кеман почувствовал, что Шана сейчас нарочно сдерживает жеребца, чтобы сильнее его разозлить.

А потом переполненный жаждой убийства жеребец понесся вперед, позабыв о прежних колебаниях. У него сейчас было лишь одно желание: уничтожить того, кто посмел покуситься на его кобыл. Весь табун ринулся следом за вожаком. Человеческий запах теперь воспринимался как запах врага, и жажда крови сводила однорогов с ума. По лесу неслась живая пенная волна, и пеной ее были черные и серебряные гривы и хвосты. Топот копыт и пронзительный визг позволяли Кеману безошибочно определить, куда ему следует лететь. В считаные секунды однороги взяли такой разгон, что теперь их просто невозможно было остановить.

Однороги налетели на дозорных и смяли их прежде, чем те успели подать хоть какой-то знак, оставив от людей лишь красные лужи.

Кеман прибавил скорость и двинулся вперед. Он добрался до наступающей армии раньше взбесившихся от ярости однорогов. Первые ряды солдат удивленно принялись посматривать на небо и гадать, не идет ли буря.

Тут на передовой отряд налетел табун, и пошло кровопролитие.

Кеман не захотел смотреть, что будет дальше. Он изменил направление полета и двинулся на север, испытывая приступы тошноты и легкое ощущение вины. Дракон даже не мог точно сказать, кого ему больше жалко и перед кем он чувствует себя более виноватым — перед солдатами-рабами или перед однорогами.

«Мне бы очень хотелось, чтобы без этого можно было обойтись», — донеслась до него приглушенная мысль Шаны.

«Я знаю, — отозвался Кеман, с облегчением поняв, что Шана разделяет это ощущение вины. — Мне бы тоже этого хотелось. — Дракон испустил тяжелый вздох. Шана ответила ему таким же вздохом. — Ну, если я хоть что-то понимаю в однорогах, по крайней мере половина табуна должна выжить. А если у рабов есть хоть капля здравого смысла, они должны были разбежаться в разные стороны».

«Если у них была такая возможность, — мрачно напомнила ему Шана. — Их хозяева могли не позволить им этого сделать. И я не знаю, как поведут себя однороги: то ли они разъярились настолько, что теперь развернутся и попытаются пройти насквозь через всю армию, то ли все-таки бросятся врассыпную, когда люди окажут им серьезное сопротивление, — девушка снова вздохнула. — По крайней мере, мы дали волшебникам время запрятать все, что удастся, уничтожить все, что не удастся спрятать, и смыться оттуда».

«А куда мы направляемся? — спросил Кеман. — И... как это могло случиться? Откуда эльфы узнали, где мы?»

«Мы направляемся на север, в старую человеческую крепость, — пояснила Шана, когда Кеман свернул, подчиняясь ее указаниям, поймал восходящий воздушный поток и набрал высоту. — Она сейчас в полуразрушенном состоянии, но она стоит на вершине холма, и там можно держать оборону, а в Цитадели — нельзя. Там слишком много лазов и запасных выходов, чтобы мы могли все их перекрыть. Волшебники прежних времен собирались сделать из этой крепости вторую Цитадель, но из-за эпидемии так ничего и не успели».

«А откуда ты все это знаешь?» — удивился Кеман.

«Это было в тех старых хрониках, которые я нашла, — объяснила Шана. — Там, в самых дальних туннелях».

Видно, в тех старых хрониках было много всякого, о чем Шана не спешила рассказывать. Кеман не знал, чем это было вызвано. Возможно, ей просто было некогда...

А им по-прежнему нужно было спешить, если только они собирались догнать отступающих волшебников.

Впервые увидев Цитадель, Кеман именно этого и испугался: он понял, что это место невозможно оборонять. Если в крепости много ходов, через которые можно выйти, это означает, что в ней много входов, через которые могут пробраться враги. Этим-то Цитадель и отличалась от жилищ драконов...

Авось в новой крепости будет поменьше выходов.

«А насчет того, как это могло случиться... — продолжила Шана со сдержанным гневом. — Похоже, кое-кто решил сменить хозяев. Один из старших волшебников. Когда ты поднял тревогу, его в Цитадели не оказалось, и к тому времени, когда я уходила, он так и не объявился. Мы предполагаем, что он рассказал эльфам все, что ему было известно о нас, — сколько нас, что мы можем сделать, и все такое. Наверное, он рассказал даже о тебе, потому что он входил в военный совет. Теперь мы потеряли преимущество внезапности».

Чувства, пришедшие вместе с этими мыслями, позволили Кеману понять, что Шана не слишком-то оптимистично относится к этому второму убежищу. Он не винил Шану за уныние. Судя по всему, эта крепость действительно была не более чем последним опорным пунктом.

«Шана, — очень серьезно произнес дракон, — я хочу, чтобы ты извинилась за меня перед остальными».

«Извинилась? — недоуменно переспросила девушка. — За что?»

«Мне нужно ненадолго уйти, — сказал Кеман. — Раз враги уже знают обо мне, теперь я мало что смогу для тебя сделать. Но если я сейчас уйду, я смогу сделать кое-что такое, о чем они не знают, и вернуться вовремя».

Кеман сделал глубокий вдох. Шана молчала, ожидая продолжения. Голова ее гудела от невысказанных предположений.

«Я смогу привести помощь, — сказал Кеман. — Помощь от Народа».

Кеман расстался с Шаной на рассвете. А в полдень он уже кружил над Логовом. Кеман здорово устал, но был преисполнен решимости наконец-то потребовать удовлетворения. И еще он отчаянно боялся за своих друзей. И это отчаяние придавало ему сил.

Часовой, не узнав Кемана, задал ритуальный вопрос:

«Кто летит?»

«Кеманорель! — возвестил Кеман, сопроводив мысленный ответ трубным воплем вызова. — Я вернулся, чтобы воспользоваться Правом на вызов!»

«Давайте-ка, пошевелите немного мозгами!» — довольно подумал Кеман, когда сбитый с толку часовой не сразу нашел что ответить. Молодой дракон еще немного покружил, выбирая место, потом приземлился на вершину одной из скал, откуда хорошо было видно все Логово. Кеман устроился поудобнее, зацепившись за камни когтями и хвостом, принял воинственно-выжидающий вид — голова высоко поднята, спинной гребень вздыблен, крылья расправлены — и принялся ждать ответа часового.

Он увидел, как внизу, в долине, несколько драконов выбрались из своих жилищ и удивленно уставились на него. Кеман нарочно ответил часовому на общей частоте, так, чтобы его слышало все Логово, — и, похоже, его действительно услышали все. Все больше и больше драконов стали появляться из-под

земли или высовывать головы из отверстий, которыми были усеяны склоны долины. Несколько драконов уже сбились в кучку — наверное, обсуждали, кто будет отвечать на вызов. В конце концов ответ все-таки прозвучал.

«Логово признает Кеманореля».

Этот голос был знаком Кеману. Он принадлежал Кеоке.

Старейшина несколько грузновато поднялся в воздух, потом медленно, с явным трудом взлетел повыше и принялся парить неподалеку от той скалы, которую облюбовал Кеман.

«Кеоке стоило бы летать почаще. Отец-Дракон двигается куда лучше его».

«Логово признает Право вызова, — сказал Кеоке. — Против чего ты выступаешь?»

Кеман одним рывком вытянулся во весь рост и распахнул крылья, подставив их солнцу.

«Я выступаю против устаревшего обычая молчания и изоляции, — отозвался он. — Я выступаю против неписаного Закона. Я выступаю против тех, кто желает, чтобы Народ по-прежнему погрязал в позорном бездействии, в то время как в мире есть те, кто нуждается в нашей помощи. Вот чему я бросаю вызов, старейшина. Услышит ли меня это Логово или мне придется отправиться куда-либо еще?»

Последняя фраза была не более чем данью обычаю. Ни одно Логово не захотело бы навлечь на себя позор, отказавшись ответить на брошенный по всем правилам вызов — хотя этим Правом редко пользовался кто-то кроме шамана. Алара, например, могла бы бросить вызов из-за Шаны...

Но если бы она тогда проиграла, ей пришлось бы покинуть Логово.

Ну, Кеман и так уже стал изгнанником — по доброй воле. И не зря же он был сыном шамана. Для Логова и для всего Народа настало время наконец-то взглянуть в лицо своей ответственности, даже если драконы и не желали ее признавать.

Кеоке еще раз взмахнул крыльями, потом ответил, медленно и неохотно:

«Логово выслушает тебя».

«Немедленно, — быстро произнес Кеман, прежде чем старейшина успел назвать время. — Это не терпит отлагательств».

Кеоке чуть не споткнулся на лету — как будто он не ожидал от Кемана такой настырности. Но Кеман имел право настаивать на немедленном слушании вызова, и Кеоке, хоть и еще неохотнее, но все же ответил:

«Хорошо, пусть это произойдет немедленно. Я соберу все Логово».

А потом, не произнеся больше ни слова, старейшина скользнул вбок, развернувшись вокруг кончика крыла, и по спирали пошел на снижение. Кеман подождал, пока Кеоке приземлится, потом сорвался со скалы, спикировал вниз и эффектно приземлился на вершину валуна, высящегося неподалеку от центра долины. Молодой дракон затормозил лишь в последнее мгновение, подняв мощным взмахом крыльев целую тучу песка и разогнав в разные стороны перекати-поле.

Во взгляде Кеоке вспыхнуло невольное одобрение, но старейшина не стал ничего говорить. Он просто повернулся и шагнул к пещере собраний.

— Нет! — произнес Кеман вслух. — Не в темноте. Не в месте, где плодятся секреты. Прямо здесь. Под светом солнца, где и надлежит говорить правду.

Кеоке обернулся и взглянул через плечо, иронически приподняв бровь.

— Не слишком ли это напыщенно, Кеман? — негромко поинтересовался он.

Кеман от смущения даже опустил гребень, но прежде, чем он успел что-либо ответить, у него из-за спины послышался голос Алары. При звуках этого голоса у Кемана подпрыгнуло сердце. Он так боялся, что мама будет на него сердиться за то, что он натворил, — и все-таки у него не было другого выхода...

— Патетика по праву принадлежит юным и страстным, Кеоке, — сказала Алара. — Но я думаю, что Кеман прав. Это стоит обсуждать под открытым небом, не таясь. Народ слишком уж привык таиться. Возможно, нам пора отказаться от того образа мыслей, что заставлял нас прятаться.

Кеман с удивлением и благодарностью обернулся к матери. Алара взглянула на сына, и Кемана словно омыла теплая волна: он без слов понял, что мать любит его и рада его видеть. Алара мягко произнесла:

— Я поддержу твой вызов, Кеман. И я жалею лишь о том, что не имела возможности бросить его раньше.

Кеман склонил голову, а Алара легонько провела кончиком крыла по его спине и послала ему безмолвную волну поддержки и одобрения. Когда члены Рода начали подтягиваться к месту предполагаемого слушания, мать и сын встретили их вместе: Кеман — на вершине камня, Алара — у его подножия.

— ...вот так вот обстоят дела, — сказал Кеман, поочередно оглядывая своих слушателей. Он обнаружил, что после столь

длительного времени, проведенного в обществе эльфов и полукровок, выражение драконьих морд стало казаться ему странным и малопонятным. — Хотя никто в этом не виноват, но эльфы теперь знают о нашем существовании. Необходимость в сохранении тайны исчезла вместе с самой тайной. Народ несет ответственность за Лашану, которой прискорбно пренебрегали. И множество полукровок нуждается в нашей защите. Подвергались бы они такой смертельной опасности, если бы не Пророчество, которое мы позаботились распространить? Я думаю, что нет. Я выступаю против старых традиций. Я призываю покончить с ними и зову Народ прийти на помощь полукровкам — сейчас, немедленно, пока не стало слишком поздно.

— Я принимаю этот вызов! — воскликнул женский голос. Кеман не узнал его. А вот Алара, судя по ее удивленному виду, узнала. — Готов ли ты вступить в бой, чтобы защитить его?

— Кто это говорит? — нетерпеливо произнес Кеоке. — Кто отвечает на вызов?

— Я! — послышался тот же самый голос, и драконы, толпившиеся вокруг Кемана, расступились, пропуская ту, кто приняла вызов. Но даже после того, как молодая драконица протолкалась вперед, Кеман не сразу узнал ее — слишком уж она изменилась за время его отсутствия. Но цвет ее чешуи, своеобразный угрюмый взгляд и привычно обиженное выражение морды все-таки подсказали Кеману правду.

— Мире? — переспросил Кеман, не веря своим глазам.

— А что, ты думаешь, что у твоей сестры не хватит ума понять, что за придурок ее братец? — фыркнула Мире, и в голосе ее отчетливо прозвучали интонации Ровилерна. Правда, Мире искоса бросила виноватый взгляд на Алару, но, судя по ее виду, она явно не собиралась отступать. Вместо этого она покрепче уперлась лапами в землю и встопорщила гребень, недвусмысленно сообщая о своих воинственных намерениях.

— Полукровки не имеют никакого права звать нас на помощь, — презрительно заявила Мире. — Точно так же, как и прочие двуногие животные. У тебя, видно, мозги размягчились, братец, раз ты решил, что мы чем-то обязаны животным. Драконы водятся только с драконами. Драконы помогают только драконам. Вот как должно быть!

«После того, как ты ушел, Ровилерн перестал затевать драки, но зато принялся говорить всем гадости. А Мире покинула мое логово и отправилась жить вместе с Лори и ее сыном и стала такой же задирой, как Рови, если не хуже, — быстро пояснила

Кеману Алара. — Они с Лори — как две половинки одной монеты. А при поддержке Рови Мире может запугать почти любого. Единственное, чем Мире отличается от Рови, так это тем, что она значительно умнее и не позволяет застукать себя на горячем, когда изводит кого-нибудь. Иногда мне кажется, — с горечью добавила Алара, — что я дала жизнь подменышу».

— И как же ты желаешь сражаться со мной, сестра? — спокойно спросил Кеман. — Обычный бой будет вопиюще неравным — ты не находишь?

Драконицы, вступившие в пору зрелости, были значительно крупнее драконов-ровесников, и Мире не была исключением из этого правила.

— При помощи магии! — заявила Мире, и Кеману показалось, что при этих словах ее морда на миг приобрела какое-то странное, коварное выражение. — Твоя магия против моей. И драться будем немедленно, здесь и сейчас!

— Хорошо, пусть будет так, — не думая, ответил Кеман — и по сдавленным возгласам, раздавшимся в толпе, понял, что совершил крупную ошибку.

Но исправлять что-либо было поздно — он уже согласился. Да и потом, обычный бой все равно исключался — Кеман был некрупным даже для самца, и Мире, хотя еще и не достигла полной зрелости, значительно превосходила его габаритами. Так что же ему остается, кроме магии?

Кеман соскочил на землю и встал напротив Мире. Остальные драконы немедленно попятились, освобождая место для схватки. Алара тоже отступила в сторону, и во взгляде, который она бросила на сына, светилось отчаяние. Кеман постарался не заметить этого взгляда.

В конце концов, он узнал от Шаны много такого, о чем Мире просто не могла иметь понятия. Он побывал в таких передрягах, какие ей и не снились. Он победит ее. Обязан победить.

Но когда Кеман собрался с духом и приготовился к первому испытанию, коварное выражение так и не исчезло из глаз Мире.

— Начинайте схватку! — скомандовал Кеоке.

«Аххх!»

Очередной обрушившийся на него удар заставил Кемана содрогнуться всем телом. Кеман все-таки сумел удержаться на ногах, но он уже не видел, что творится вокруг, и почти ничего не слышал.

«...надо держаться... больно... как больно...»

Гомон толпы становился все более и более неразборчивым. Кеман попытался разорвать хватку Мире, но у него ничего не вышло.

— Довольно! — взревел Кеоке. Кеману померещилось, что голос старейшины доносится откуда-то с другого конца вселенной...

Боль прекратилась, и Кеман рухнул в пыль бесформенной грудой, как будто у него в теле не осталось костей. Он смутно слышал победный вопль Мире, но его это уже не волновало. Он просто лежал там, где свалился, уронив голову набок и закрыв глаза. Горький вкус поражения мешал ему дышать, и это ощущение было не менее мучительным, чем боль измученного тела.

Он будет жить... На самом деле, он даже довольно быстро поправится — драконы легко излечиваются от ран, нанесенных при помощи магии. Но в эти мгновения Кеман не был уверен, что действительно желает выжить.

Он проиграл. Он пообещал Шане, что вернется и приведет помощь — и потерпел поражение. Мире даже не прибегла к обману — она не нуждалась в этом. Магия, которой владел Кеман, не могла противостоять боевой магии драконов. А Мире хорошо ее изучила.

Если бы Кеман сейчас находился в облике полукровки, он бы разрыдался.

Как он посмотрит теперь в глаза своим друзьям? Как он сможет вернуться и сказать им, что помощь, которую он обещал, не придет?

Но если он не вернется, у них не будет даже его поддержки.

Теперь Кеман раз и навсегда сделался изгнанником, и это изгнание было неотвратимо, словно смерть. Если он теперь попытается обратиться к кому-либо из драконов, тот просто сделает вид, что не замечает его.

Кеман ожидал, пока все звуки не утихнут, пока последние драконы не уйдут от места схватки, предоставив «покойнику» возможность исчезнуть без лишнего шума. Тогда он хотя бы останется в одиночестве и сможет подняться на ноги и убраться отсюда, унося с собой позор поражения. В конце концов Кеман открыл глаза и медленно, превозмогая боль во всем теле, встал. Он чувствовал себя так, словно каждую его чешуйку по отдельности отбили молотком, а потом сунули в огонь.

Долина опустела. Сейчас трудно было даже заподозрить, что здесь кто-то живет. При виде этого зрелища Кеману сделалось

еще хуже. Вопреки Закону он надеялся, что Алара все-таки останется рядом с ним.

Но — может, так даже к лучшему. Теперь он свободен и может делать все, что сочтет нужным. Ему придется делать это в одиночку — но зато ему не нужно больше бояться порицания со стороны кого-либо из драконов.

И даже теперь, когда ему нужно было отказаться от всей своей прежней жизни, он не завидовал Мире.

Кеман приподнял крылья, распахнул их — и метнулся в холодное, безразличное небо.

Алара забралась на утес с другой стороны, чтобы не видеть никого из родичей. Она была сейчас так разъярена, что соображала с трудом, — и ей точно не хватило бы связности мышления, чтобы убедительно соврать.

Кеман должен сейчас лететь очень медленно. И, несомненно, ему придется вскоре задержаться и найти себе какую-нибудь добычу. Он должен был выйти из схватки до предела истощенным. Так что его нетрудно будет нагнать.

Алара была сейчас преисполнена гнева на Род своего Логова — и на весь Народ в целом. Кеман был прав, прав от начала и до конца. Народ должен был защитить его. Они должны были признать его вызов справедливым. И уж, конечно, они не должны были допускать, чтобы это разбирательство решалось поединком!

Драконица добралась до ровной площадки на вершине утеса и остановилась на минутку, чтобы отдохнуть и позаимствовать у солнца немного энергии. Ей потребуется эта энергия. Ей предстоит долгий полет.

Лишь в одном эта прискорбная ситуация оказалась полезной — она заставила Алару пересмотреть свои приоритеты. Какой смысл быть шаманом в Логове, полном задир, которые творят все, что им вздумается, потому что их некому остановить, и трусов, которые отказываются от ответственности, потому что они чересчур ленивы и эгоистичны, чтобы думать хоть о чем-нибудь помимо своих мелочных потребностей? Какой уважающий себя шаман захочет служить такому Роду?

А что же тогда было самым важным? Выполнять свой долг и не оглядываться на остальных. Поступать так, как Кеман, — отстаивать то, что считаешь правильным.

Она должна поддержать своего ребенка, у которого хватило мужества поступить именно так, — и пусть будет стыдно тем, кто на это не решился.

Драконица передвинулась к краю скалы и замерла на мгновение, подобравшись для рывка вверх.

«Алара, подожди».

Алара остановилась буквально посреди прыжка — для этого ей пришлось резко извернуться, — и посмотрела, кто же это появился там, внизу.

Кеоке трудолюбиво карабкался вверх по передней стороне утеса, а под ним виднелись головы десяти других драконов. Алара вцепилась когтями в камень и выпрямилась — с таким упрямым видом, словно все эти драконы уже забрались на вершину утеса и окружили ее.

— Не пытайтесь остановить меня! — предупредила Алара. — Кеман был прав, от начала и до конца, — и он не сделался неправым лишь от того, что проиграл схватку с какой-то задиристой дурой. Я отправляюсь следом за Кеманом. Я намерена помочь ему и своей приемной дочери. Мне следовало именно так и поступить еще тогда, когда Кеман сбежал в первый раз. А Логово пускай ищет себе другого шамана. Что бы вы ни сказали и что бы ни сделали — это не заставит меня изменить решение.

— Изменить решение? — эхом отозвался Кеоке. И, к полнейшему недоумению Алары, в его голосе прозвучало искреннее удивление. — Изменить твое решение? Огонь и Дождь, Алара, — мы вовсе не хотим, чтобы ты меняла свое решение! Мы собираемся отправиться с тобой!

— Что-что вы собираетесь? — Алара растерянно моргнула, пытаясь сообразить, что Кеоке имел в виду.

— Мы собираемся отправиться с тобой, — терпеливо повторил дракон. — Да, Мире выиграла схватку, но она была не права. Она выиграла лишь потому, что готовилась к этому вызову с того самого дня, как перебралась к Лори. Она мечтает править этим Логовом. Нам всем об этом известно! И нам известно, что Кеман был прав. Но нас недостаточно, чтобы переубедить остальных.

— Лично меня уже тошнит от этого Логова, — с отвращением заявила Орола. — Меня тошнит от ленивых невежд, свято уверенных, что настоящие драконы должны лишь плотно набивать брюхо да греться на солнышке, словно стадо жирных овец. И меня уже до смерти тошнит от всей той чуши, на которую мы понапрасну тратим время...

— Мы устали от ничегонеделанья, — подхватила молодая драконица, ровесница Кемана. — Каждый раз, когда кому-нибудь из нас хочется сделать что-нибудь там, — она взмахнула

крылом, указав в сторону эльфийских земель, — мы слышим в ответ одно и то же: что мы, дескать, должны держать наше существование в тайне. Что ж, этой тайны больше не существует, и мы не видим никакого смысла забиваться в пещеры и надеяться, что никто нас там не найдет!

От волнения драконица встопорщила гребень, но Кеоке успокоил ее одним лишь взглядом.

— Самое важное здесь то, что Кеман действительно был прав. Мы по крайней мере отчасти несем ответственность за ту опасность, которая теперь угрожает полукровкам. И мы целиком и полностью несем ответственность за все, что случилось с Лашаной. Двуногие — вовсе не мыслящие животные. Они — равные нам существа. Кроме того, люди жили здесь еще до нас. Это их мир, а мы и эльфы — непрошеные гости в нем. Мы в долгу перед здешними коренными обитателями, раз уж мы заняли часть их мира, и мы должны хотя бы попытаться восстановить благоприятный для них порядок вещей. Старейшие из наших обычаев учат, что мы должны признавать свою ответственность и действовать в соответствии с нею. Но мы этого не делали. Мы просто играли этими существами, как фигурками на доске. Но они — не фишки для игры. И теперь настала пора восстановить справедливость. Или хотя бы попытаться сделать это.

«Я ждал почти всю свою жизнь, чтобы услышать эти слова от кого-либо из Народа, Кеоке», — мягко прогудел басовитый голос.

Драконы дружно, как один, задрали головы вверх — и тут солнце заслонила тень, вдвое превышающая размером любого из них. И огромный дракон, которого Алара ну никак не ожидала здесь увидеть, изящно и легко, без видимых усилий, приземлился рядом с ней на вершину утеса.

Чешуя его горела на солнце всем великолепием пурпурного и алого цвета. Отец-Дракон выглядел таким же молодым и сильным, как все они — или даже более сильным. Он с нежностью укрыл Алару своим алым крылом, пока остальные драконы таращились на него, разинув от удивления рты.

Все — даже Кеоке.

— Я ждал сотни лет, — повторил Отец-Дракон, вздыбив гребень, — чтобы услышать эти слова, Кеоке.

Он поочередно обвел взглядом всех присутствующих, и Алара увидела в глазах старого шамана новое, совершенно незнакомое ей выражение. В нем было и волнение, и предвкушение, и нетерпеливое ожидание.

— Давным-давно, когда я впервые отправился исследовать этот новый мир, чтобы посмотреть, подходит ли он для нашего Народа, я принял облик волшебника-полукровки. И я не просто бродил среди них — я трудился вместе с ними. Я был среди тех, кто организовал первое восстание, и я оставался с мятежниками до самого конца — и не просто как наблюдатель, из пустого интереса вмешавшийся в их дела. Я действительно был одним из них. И если бы они не погибли, пав жертвой предательства, я, наверное, до сих пор оставался бы с ними.

Отец-Дракон горделиво вскинул голову, а Кеоке уставился на него с таким выражением, словно сомневался — не подвел ли его слух?

— Ты был тогда вместе с волшебниками? — ошеломленно переспросил Кеоке. — В самом деле?

— Да, в самом деле. Я помогал готовить восстание, — отозвался Отец-Дракон. — И вот уже много лет, с того самого момента, как я понял, что здесь снова появились волшебники, я все надеялся, что они соберутся с силами и восстанут против эльфов. И я намеревался присоединиться к ним, если только мне это удастся — и в любом облике, в каком только удастся. — Он на мгновение умолк, потом продолжил: — Совесть не позволяла мне воспользоваться своим положением верховного шамана и заставить вас помогать полукровкам — но теперь вы сами приняли это решение. — Отец-Дракон широко улыбнулся. — Надеюсь, вы позволите мне лететь с вами?

Шана беспокойно всматривалась в небо. Пока что эльфийские лорды не выследили, куда скрылись бежавшие волшебники. Ловушки, оставленные ими в Цитадели, наверняка будут стоить лордам некоторого количества солдат (а если повезет — то и нескольких эльфов). Авось они внесут смятение в их ряды и задержат погоню.

Стада оленей и прочего зверья, которые Шана прогнала по следам уходивших беглецов, тоже добавят путаницы.

Но все это — не более чем отсрочка. Это понимали все. Сейчас волшебники находились на самом краю земель, которые были изучены и нанесены на карту, — и не случайно граница проходила именно здесь. Земли, которые лежали дальше, были настолько негостеприимны, что пройти через них могли лишь молодые, сильные путники. Если бы волшебники располагали достаточным временем, возможно, они смогли бы провести через эти края всех, и детей, и стариков, двигаясь осторожно, коротки переходами, разведывая безопасные пути. Но времени-то у них и не было.

Враги приближались, и их следовало остановить здесь. Отступать было некуда.

А многие уже успели убедить себя, что всякое сопротивление будет тщетным.

Шана не стала передавать остальным слова Кемана. Она не хотела пробуждать надежд, которые могут и не оправдаться. Девушке хотелось бы верить, что Кеману удастся расшевелить Народ, — но она слишком хорошо помнила, как драконы обращались с ней самой. Прежде всего Кеману придется убедить их отказаться от многовековой привычки таиться. А потом ему придется уговорить их помогать существам, не принадлежащим к Народу.

И то, и другое казалось Шане до чрезвычайности маловероятным.

«Если я смогу привести их, — сказал Кеман, когда они расставались, — жди меня обратно через два дня. Самое большее — через три». Сегодня шел третий день, и Шана начала выглядывать Кемана еще с утра второго дня.

Эта крепость действительно была полуразрушена, как о ней и говорили. Правда, внешняя стена осталась целехонькой, но лишь благодаря тому, что ее сложили из каменных блоков толщиной в человеческий рост. А вот внутри крепости сохранились лишь остовы зданий да немногочисленные помещения, вырубленные прямо в горе. Ветер, дождь и пролетевшие годы объединенными усилиями начисто уничтожили крыши здешних построек и все, что когда-то в этих постройках находилось.

Но крепостной колодец по-прежнему был полон воды, ворота волшебники сделали новые, из бревен, а внешняя стена могла выдержать натиск любой армии. Теперь все, у кого хватало сил при помощи магии воровать у эльфов разнообразное имущество, занимались этим до полного изнеможения. Все помещения, которые были защищены от непогоды или которые можно было сделать таковыми, под завязку набивались запасами. Никого больше не беспокоила возможность устроить магическую тревогу — и многим эльфийским лордам, благодушно спорящим, действительно ли волшебники представляют из себя какую-то опасность, в недалеком будущем предстояло обнаружить, что, пока они спорили, их под шумок обчистили.

Шана трезво рассудила, что голод им не грозит до тех самых пор, пока эльфийские лорды не изыщут способ защититься от такого воровства. Выжить волшебников из крепости при помо-

щи жажды эльфам тоже не удастся. Так что придется им силой выковыривать мятежников из их скорлупы. «И от души надеюсь, что это не окажется проще, чем я думаю».

Но среди легендарного оружия эльфийских лордов числились воистину ужасные вещи, и Шана не была уверена, что полукровки сумеют на этот раз противостоять ему. Все-таки слишком много секретов погибло вместе с волшебниками прежних времен. А враги их были хоть и относительно малочисленны, но сильны.

И, что хуже всего, возглавлял их самый умный и самый непримиримый враг волшебников. А у мятежников не было опытного вождя.

Диран не успокоится, пока не сотрет всех волшебников в порошок.

Шана снова оглядела небо, выискивая синее пятнышко, которое могло оказаться Кеманом...

И вместо этого увидела три... нет, четыре... нет, четырнадцать...

А возглавлял эту стаю дракон, намного превосходящий размерами всех остальных. Он был так велик, что Шана даже с этого расстояния могла разглядеть его крылья, длинную шею, змеящийся хвост...

Сердце Шаны чуть не выскочило из груди. Девушка с такой силой вцепилась в край стены, что у нее побелели руки.

С каждым мгновением точки становились все больше и больше. Действительно, среди них был и маленький Кеман — конечно, маленьким молодого дракона можно было назвать лишь по сравнению с его спутниками. По тому, с каким напряжением он работал крыльями, Шана поняла, что Кеман очень устал — и все-таки он упорно держался рядом с Отцом-Драконом. Да, рядом с Отцом-Драконом — потому что это именно он вел стаю, и его пурпурная, окаймленная алым чешуя царственно пылала в солнечных лучах. Теперь Шана могла уже различить алый окрас Алары, зеленый — Кеоке, шафрановый — Оролы, желто-зеленый — Лианы...

В стае было четырнадцать драконов — в четырнадцать раз больше, чем надеялась увидеть Шана.

«Хороша ли охота в здешних местах, приемная дочь? — весело спросила Алара. — Боюсь, сейчас к вам заявятся очень голодные гости с потрясающим аппетитом».

«Н-наверное, хорошая, приемная мама», — кое-как умудрилась ответить Шана.

«Уверяю тебя, дитя мое, мы не будем ленивыми гостями, — прозвучал другой мысленный голос, сердечный и басовитый. — Насколько мы понимаем, к вам тут собираются заявиться нежелательные посетители. Ну, так мы поможем вам отправить их восвояси».

«Спасибо, Отец-Дракон», — отозвалась Шана, все еще пребывая в некотором ошеломлении.

«Ты можешь называть меня Каламадеа, дитя, — со сдержанным весельем сообщил Отец-Дракон. — Полагаю, это имя должно кое-что тебе говорить...»

Шана невольно нашарила в кармане янтарную подвеску — ту самую, из тайника Каламадеа, дракона-волшебника, одного из тех, кто возглавлял мятежников во времена Войны Волшебников.

«А, так, значит, Проклятие эльфов нашла-таки мое послание и мой тайник? Великолепно. Можешь оставить эти камни себе, Шана, — продолжал дракон, отвечая на ее мысли. — Ты управляешься с ними куда лучше меня. Ну так как, ты сообщишь своим друзьям о нашем прибытии? А то вдруг кто-нибудь примет нас за гусей-переростков, пригодных для похлебки, и примется стрелять?»

«Да, сударь!» — воскликнула Шана. Она развернулась, сложила ладони рупором — и над крепостью разнеслись слова, которые, как боялась Шана, ей никогда не придется произнести.

— Драконы летят! Драконы летят!

Глава 25

Мощный раскат грома заставил крепость содрогнуться до основания. Кеоке, Лиана и Шана невольно подняли головы. Драконы пребывали в своем обычном облике — а значит, требовалось немало места, чтобы разместить их. К счастью, верхний этаж строили с учетом драконьих габаритов.

— Вы, наверное, думаете, что я к этому уже привыкла, — сказала Шана, глядя на коготь Кеоке, лежащий у нее на колене.

— Почему же? Вовсе не думаем, — отозвался Кеоке. — Я, например, никогда не мог привыкнуть к раскатам грома. Знаешь, я тебе честно признаюсь — мне бы никогда и в голову не пришло, что я полечу на помощь волшебникам, а в результате буду лишь сидеть и отращивать себе когти...

— И позволять их состригать, старейшина, — напомнила ему Шана. — Обрезки драконьих когтей — наше самое ценное оружие. Это же общеизвестно. Не беспокойтесь, как только я закончу подстригать вас двоих, у нас наберется достаточно этих обрезков. Мы наготовим из них стрел — и, честно говоря, если мы успеем использовать все эти стрелы, значит, война протянется куда дольше, чем мы рассчитываем.

— Что ж, дитя, мы и вправду мало что можем сейчас сделать.

Над головами собеседников снова громыхнуло, и камни мелко задрожали.

— Но это же не значит, что вы до сих пор ничего не сделали, — возразила Шана. — Мы бы не выдержали ни единого дня осады, если бы вы не привели крепость в порядок. А теперь я начинаю думать, что мы можем победить. По крайней мере, я уверена, что эльфам придется дорого заплатить за попытку выбить нас отсюда.

— И то правда, — вздохнула Лиана и протянула Шане левую лапу.

Решив, что они все-таки должны помочь полукровкам, драконы не стали тянуть с исполнением этого решения. Приземлившись и от души покушав (снабженцы сперва пришли в ужас от драконьих аппетитов, но потом поняли, что впредь новые союзники намерены охотиться самостоятельно), четырнадцать драконов принялись в меру сил и способностей трудиться над превращением полуразрушенной крепости в укрепление, способное выдержать серьезную осаду.

Даже Шана впервые увидела драконью магию в действии — не считая, естественно, смены облика. Шана до сих пор не до конца понимала, как они все это проделывают. Кажется, здесь было задействовано то самое, глубинное понимание... понимание сущности, которое позволяло драконам превращаться даже во что-то неживое — в тот же камень. Девушка лишь видела, что они разогнали детвору, распределились по крепости и принялись преобразовывать ее, придавая камню самые разнообразные формы — на свое усмотрение.

Когда они закончили трудиться, крепость чудесным образом изменилась. На стенах появились галереи со сводчатыми крышами и узкими бойницами — и галереи эти выдавались наружу, так что наблюдатели могли видеть даже то, что происходит у подножия стен, а всякая попытка обстрелять защитников скорее всего закончилась бы тем, что стрелы и метательные снаряды, отскочив, попадали бы обратно. Все углы и выступы были скруглены, так что на стены нельзя было взобраться, за-

цепившись крюками. Между стенами и единственным зданием, оставшимся внутри крепости, было оставлено свободное пространство. На высоте третьего этажа здание при помощи подвесных мостиков соединялось с настенными галереями, а ниже этого уровня в нем не было ни окон, ни дверей, за исключением единственной двери на первом этаже. Крышу сделали круглой, куполообразной, чтобы легче было отражать метательные снаряды. Внутри каждый этаж представлял собой один большой зал. Во всей крепости, как ни ищи, невозможно было найти ни швов, ни трещин, ни мест соединения блоков. Казалось, что она просто вырублена из одного огромного камня. А отсюда вытекало, что у нее не было слабых мест, которыми могли бы воспользоваться осаждающие. Ох и взбесятся же эльфийские лорды при виде этих укреплений!

После дотошного осмотра удалось выявить лишь два недостатка планировки: отсутствие очагов и отдельных комнат. Первый недостаток тут же восполнили, наскоро сложив несколько печей с трубами, выходящими в окна. А второй мог превратиться в серьезную проблему только в том случае, если бы беглецам пришлось поселиться здесь надолго.

Но как бы там ни было, а преображение их убежища было настоящим чудом. Многие волшебники с энтузиазмом заявили, что эта крепость куда лучше Цитадели.

Шана не стала бы делать таких смелых утверждений, — как минимум, потому, что гигиенические сооружения Цитадели были приспособлены для человеческих нужд, а вот спроектированная драконами здешняя канализационная система была крайне примитивной. Но тем не менее это было самое лучшее место для пережидания осады, какое только доводилось видеть Шане.

А осада, собственно, не заставила себя ждать. Войска Дирана подоспели к стенам крепости через два дня после того, как драконы закончили ее перестройку, и каждый день сюда прибывало все больше эльфийских лордов. Участившиеся кражи заставили их осознать, что ни один лорд, вне зависимости от размеров и расположения его поместья, не застрахован от убытков. А потери, понесенные войсками Дирана, и размеры обнаруженной Цитадели окончательно убедили всех, что угроза вполне реальна и что она куда серьезнее, чем привыкло считать большинство лордов.

Войско по-прежнему возглавлял Диран — он сохранял это положение благодаря своей исключительной силе воли. Шана молилась, чтобы кто-нибудь сместил его, но и сама в это не ве-

рила. Диран мог потерять эту должность лишь в двух случаях — если бы он умер или если бы он не сумел справиться со своими обязанностями. Последнее на него было не похоже. Прошло несколько магических атак. Большинство приемов эльфам удавалось применить лишь по одному разу — потом волшебники разбирались, что происходит и как с этим бороться. А часть атак вообще была успешно отражена. Потери пока что были невелики: десять убитых и около двух десятков раненых. Но осажденные выматывались до полного изнеможения. Им приходилось круглосуточно наблюдать за лагерем противников, чтобы избежать какого-нибудь неожиданного подвоха, и так же круглосуточно следить за эльфийскими лордами.

Этим занимался Отец-Дракон. Он возглавил осажденных и принялся командовать обороной — точно так же, как Диран командовал эльфийскими лордами. Шане даже не потребовалось рассказывать о старинных дневниках — волшебники и так безоговорочно признали главенство дракона. В нем сразу же чувствовался вожак. А кроме того, он все это уже видел. Отца-Дракона такое развитие событий захватило врасплох, и он поначалу пытался сопротивляться, но ему не оставили особого выбора. Остальные драконы не были расположены подчиняться приказам двуногих, и после того, как перестройка крепости завершилась, стало ясно, что здесь воцарится полнейший бардак, если Отец-Дракон не возьмет управление в свои руки.

Кроме всего прочего, он упорядочил ментальное наблюдение за эльфийскими лордами. Эльфы теперь охраняли свои мысли, но кое-что нет-нет да и прорывалось наружу. А каждый такой прорыв означал новые сведения, среди которых могло оказаться и что-нибудь важное.

Один из положительных моментов заключался в том, что эльфы даже не подозревали о присутствии на стороне противника нескольких драконов — им было известно лишь об одном. Драконы улетали охотиться по ночам и возвращались до рассвета, принимая все меры предосторожности, чтобы остаться незамеченными. Если же шаманам нужно было открытое небо, чтобы поработать с погодой, — как сейчас, например, — они просто улетали вместе с остальными и не возвращались утром в крепость, а прятались где-нибудь поблизости.

В магии погоды эльфы были жалкими любителями. Теперь же им выпал случай познакомиться с полномасштабной бурей, сотворенной руками шаманов. Или скорее лапами.

Сейчас никто из волшебников не сидел под открытым небом. С этого самого неба хлынул ливень, мгновенно промочил все вокруг и заколотил по головам с такой силой, что все обитатели крепости поспешили спрятаться под крышу. А вот обитатели эльфийского лагеря были не столь удачливы. Люди, не стоящие сейчас на постах, пытались спрятаться под жалкими, наспех сооруженными укрытиями, под кусками холста или под деревьями. Добрую половину палаток снесло, а остальные грозили рухнуть в любой момент. Размокшая почва плохо держала шесты и колья шатров, а неистовые порывы ветра в мгновение ока срывали шатры с места и выворачивали их наизнанку. Ни один из эльфийских лордов не был полностью застрахован от этой напасти. Многим из них — как тому же Чейнару — теперь пришлось проситься под крышу к другим лордам, потому что их слабая магия не выдержала натиска бури и теперь их роскошные шатры валялись в лужах, промокнув под безжалостным ливнем.

Однако волшебники получили лишь небольшую передышку. Несмотря на ливень, несмотря на молнии, густо осыпающие окрестности крепости, Диран продолжал магическую атаку. И дежурный, наблюдавший за лагерем, сказал, что Диран изменился до неузнаваемости. Нынешний Диран был неумолим, не терпел ни малейших возражений и не позволял никаким внешним обстоятельствам надолго отвлечь себя — короче говоря, он вел себя как одержимый. Когда дежурный сказал им об этом, Валин сделался до странности тихим. Шане даже стало любопытно, что с ним такое. Но поскольку Валин не откровенничал ни с ней, ни даже с Тенью, Шана выбросила этот эпизод из головы. Валин в эти дни все больше и больше отдалялся от них. Юноша замкнулся и погрузился в себя, и даже Денелор не мог разговорить его. Возможно, его терзало ощущение собственной ненужности. Большинство взрослых волшебников знали о боевой магии не меньше самого Валина, — а то и больше, — а для того, чтобы присоединиться к стрелкам, дежурящим на стенах, юноша был слишком мягкосердечен. С другой стороны, от Тени было куда больше толку. Молодой полукровка вечно был полон идей и первым хватался за любое дело. После романа с Трианой Меро сильно изменился, и с течением времени Шана все увереннее полагалась на него. Сама же Шана благодаря своей особой связи с драконами и благодаря тому, что она имела хоть и небольшой, но все же вполне реальный боевой опыт, фактически возглавила мятеж.

— Вот так, — сказала Шана, управившись с лапами Лианы. — Пожалуй, этого на самом деле хватит. Прикреплять драконьи когти ко всем стрелам смысла не имеет. Против людей они действуют ничуть не лучше обычных стальных наконечников.

— А могу я полюбопытствовать, что же вы все-таки с ними делаете? — рассеянно спросил Кеоке. Он как раз принял облик полукровки и на мгновение покачнулся — с непривычки ему трудно было поддерживать равновесие, стоя на двух ногах. Лиана последовала его примеру.

Шана осторожно сгребла обрезки когтей в маленькую корзинку.

— Мы отдаем эти стрелы трем-четырем нашим лучшим стрелкам, и каждый эльф, который оказывается в зоне досягаемости, становится их мишенью. По крайней мере, это заставляет эльфов понервничать.

— Посмотрев на то, что случилось с этим прихвостнем Дирана, я охотно могу в это поверить, — заметила Лиана, выглянув в узкое окно-бойницу. — Это была не слишком-то приятная смерть. Шана, буря начинает утихать. Думаю, эльфы сумели снова овладеть погодой.

Шана с трудом удержалась, чтобы не застонать.

— Полагаю, рано или поздно это все равно должно было произойти. Но я надеялась, что это произойдет попозже. Хотелось бы мне знать, что они собираются делать дальше.

Желание Шаны исполнилось очень быстро. По лестнице взлетел задыхающийся Меро.

— Это Диран! — выдохнул он. Из-за стен донеслись безошибочно узнаваемые звуки боя. — Он начал новую атаку. Только на этот раз при нем много безоружных рабов — по большей части детей, — и он гонит их перед солдатами как живой щит. И нам приходится стрелять в них, чтобы добраться до солдат.

Шану охватил столь сильный приступ отвращения, что на мгновение девушке показалось, будто ее сейчас стошнит.

— Валин об этом знает? — спросила она, зная, что юный эльфийский лорд переносит подобное даже хуже ее самой.

— Он был на стене, когда это началось, — с сожалением произнес Тень.

Шана лишь покачала головой. Ей было жаль Валина, но жалость не заставит войско повернуть прочь от крепости. Точно так же весь ужас происходящего не заставит волшебников отказаться от боя.

— В общем, они хотят, чтобы ты туда вышла, — сказал Тень. Сейчас он напрочь выбросил из головы мысли о своем брате, — в точности, как и Шана. — И Отец-Дракон. И я. И остальные драконы. Они думают, что нам стоит взглянуть на это самим — вдруг мы придумаем, как можно обойти рабов или выманить солдат в первые ряды.

— Хорошо, — отозвалась Шана, не тратя больше времени на размышления о Валине. — Идем.

Драконы в облике полукровок и Шана проследовали за Тенью на стены. Найти Отца-Дракона было нетрудно: он находился в самом центре небольшой, но очень оживленной группы, к которой то и дело подбегали гонцы.

Шана подумала, что Отец-Дракон выглядит чрезвычайно напряженным, — особенно это заметно было по морщинкам вокруг глаз.

Припомнив некоторые записи из его дневника, Шана внезапно поняла причину этой напряженности. Диран не впервые использовал подобный трюк.

И в тот, прошлый раз волшебникам не удалось спасти рабов.

Когда вновь прибывшие приблизились к этой группе, Отец-Дракон как раз о чем-то разговаривал с Денелором.

— Я не знаю, — произнес дракон, и вокруг его рта пролегли горькие складки. — Никакое наше оружие не может поразить их, не убив при этом детей. Если драконы примут свой природный облик, мы можем пролететь над войском и пустить в ход свою магию...

Денелор энергично покачал головой.

— Нет-нет! Нам нужно как можно дольше держать ваше присутствие в секрете! Кроме того, тогда и вы окажетесь в пределах досягаемости эльфийской магии. Диран пока что не пользовался наихудшим своим оружием, но лишь потому, что против камня оно бесполезно. А вот живая плоть, пусть даже укрытая чешуей, — это совсем иное дело.

— А о чем мы, собственно, беспокоимся? — не выдержала, наконец, Шана. — Они могут извести хоть все свои стрелы, но все равно не причинят нам ни малейшего вреда, пока мы сидим за этими стенами.

— Вот о стенах-то мы и беспокоимся, — с отсутствующим видом отозвался Парт Агон. — Они могут подобраться настолько близко, что попытаются взобраться на стены по лестницам или разрушить их при помощи осадных машин.

— А что, если нам просто-напросто избавиться от этих лестниц и машин? — предложила Шана. — В конце концов, мы все

умеем вызывать огонь. А таким образом мы выиграем немного времени.

Лицо Отца-Дракона прояснилось, а Денелор и Парт согласно кивнули.

— Да, это действительно позволит нам выиграть время, — сказал дракон. — Возможно, его даже хватит, чтобы снова вызвать ливень. Ну так как, почтеннейшие, вы возьметесь за это дело?

— И немедленно, — отозвался Денелор. Парт Агон тем временем уже сорвался с места и помчался вдоль галереи, притормаживая возле каждого стоящего на стене волшебника. Денелор заспешил за ним. Когда Шана, прищурившись, выглянула наружу, над лагерем их противников уже начали подниматься струйки дыма. Рабы ринулись тушить пожар, но поскольку осадной техники было относительно немного, а волшебников — относительно много, то каждой машиной занималось несколько полукровок сразу. Вскоре огоньки превратились в яростно бушующее пламя, а прежние струйки дыма — в густые столбы.

— Спасибо, малышка, — негромко произнес Отец-Дракон. Шана удивленно обернулась к нему.

Дракон смотрел на разгорающийся пожар, но, кажется, не видел его.

— Это все... разбудило во мне множество воспоминаний. И по большей части не слишком приятных. Я боялся, что история повторится снова... столько погибших...

— Она повторится, только если у нас не хватит ума воспользоваться уроками прошлого! — пылко воскликнула Шана. — А мы не допустим, чтобы история повторилась! Никто из нас не желает этого допустить, даже Парт Агон. Разве вы не видите, как он теперь себя ведет? Стоит только кому-то начать ссориться, и он тут же оказывается рядом. Если только ему не удается погасить эту ссору — а чаще всего таки удается, — он следит, чтобы повздорившие оказались подальше друг от друга, и приставляет кого-то следить, чтобы они не устраивали беспорядка. Всю пищу и воду очищают перед употреблением, так что устроить у нас эпидемию эльфам не удастся. И мы все трудимся сообща.

Отец-Дракон повернулся вполоборота и улыбнулся девушке.

— Ты права.

— Что нам на самом деле нужно, так это кто-нибудь, сведущий в военном деле, — продолжала Шана. — То есть вы. Потому-то мы нуждаемся в вас, и потому мы сделали вас командиром.

Теперь уже девушка слегка улыбнулась.

— Кроме того, даже старик Парт говорит, что никто не решится спорить с командиром, если у этого командира зубы длиной с тебя самого!

Отец-Дракон тихонько рассмеялся.

— Весьма проницательное замечание! Ну что ж, тогда, пожалуй, я лучше примусь за свою часть работы. Сомневаюсь, что здесь хоть кому-нибудь известно о Диране больше, чем мне, — а это наш самый неумолимый враг...

Дракон снова повернулся к вражеской армии, но Шана заметила, что напряженное выражение его лица сменилось простой задумчивостью, а решительно выдвинутая челюсть свидетельствовала, что дракон-волшебник вновь поверил: нынешняя война не закончится так, как предыдущая.

Да, давние воспоминания до сих пор причиняли ему боль. Но с болью можно совладать. И Отец-Дракон твердо решил именно так и поступить.

Шана улыбнулась и побежала к небольшой группке волшебников, трудящихся над поджогом тарана.

Валин вытер рот дрожащей рукой и, пошатываясь, отошел от бойницы. Когда он увидел, как плачущих, беспомощных детей гонят перед рядами солдат, словно стадо овец, первое, что испытал юноша, был ужас. Второе — когда дети попытались повернуться и разбежаться, а солдаты принялись убивать тех, кто не желал рисковать вместо них, — оказался внезапный, неудержимый приступ тошноты.

Валин с раннего детства был привычен к охоте, но ему никогда еще не приходилось видеть, как умирают разумные существа. До этого момента он не видел насильственной смерти взрослого — не говоря уже о детях.

Юноша отбежал с галереи в безопасное место, под прикрытие крепости, и рухнул, не совладав со слабостью.

Из-за стен по-прежнему доносились звуки боя, усиливавшиеся по мере того, как эльфийские лорды брали контроль над погодой в свои руки и усмиряли безжалостно хлещущий с небес ливень.

Валин прижался спиной и затылком к холодной каменной стене, обхватил себя руками и задрожал — потому что лишь он

один изо всех присутствующих знал, на что способен его отец. Это зверство было лишь началом.

С Дираном такое случалось и прежде. У эльфов даже существовал для этого специальный термин, обозначающий странную зацикленность на какой-то одной цели, на каком-то деле. Это называлось «ши малади». Когда наблюдатели описали изменившееся поведение Дирана, Валин понял, что у его отца случился новый приступ этой «болезни». Теперь о Диране нельзя было сказать, что он находится в здравом уме, — по крайней мере, в том смысле, какой вкладывали в это понятие полукровки.

По эльфийским меркам Диран был достаточно здравомыслящ, но когда какие-то обстоятельства служили спусковым крючком для безумия, он не знал ни удержу, ни меры. Теперь все пойдет хуже и хуже. Он будет громоздить ужасы на ужасы и не успокоится, пока не заставит волшебников капитулировать, несмотря на все преимущества их положения. А потом, вне зависимости от того, на каких условиях будет подписана эта капитуляция, Диран перебьет их всех без малейших угрызений совести — так не испытывает угрызений совести дракон, убивающий оленя себе на обед. Шана что-то говорила о перемирии... Но не существовало силы, способной заставить Дирана соблюдать перемирие! Его просто не интересовали подобные условности. Другие лорды — даже Чейнар, — могут сдержать клятву на оружии. Другие. Но не отец. И не сейчас.

Валин дважды видел отца в подобном состоянии — и каждый раз он впадал в него, столкнувшись с неожиданным сопротивлением. Один раз это произошло, когда он искал себе союзников в Совете, а второй — когда он вел переговоры о заключении нового брачного союза. Оба раза он не успокоился до тех пор, пока не уничтожил всякое сопротивление под корень. Во втором случае, когда сама предполагаемая невеста выкинула неожиданный номер и бежала из дома с другим женихом, Диран преследовал их до тех пор, пока не добился смерти обоих, и девушки, и ее возлюбленного.

Никто ничего не заподозрил. Эльфы не убивают других эльфов — и потому эта двойная гибель была воспринята как трагическая случайность... но Валина одолевали неприятные сомнения. Дело в том, что как раз перед этим «несчастным случаем» его отец обучил и куда-то послал особого «телохранителя». А после возвращения этому «телохранителю» позволили выйти в отставку.

Человеческая жизнь была для любого эльфийского лорда мелочью, не заслуживающей упоминания, а полукровки считались тварями отвратительнее вшей. Не существует клятвы, которая помешала бы Дирану предать и тех, и других. Он не успокоится, пока не уничтожит их всех.

Если только кто-нибудь не остановит самого Дирана.

Если только не удастся успокоить его, унять одержимость и убедить, что лично он, Диран, слишком много потеряет от продолжения войны. Если только не удастся вывести его из... из этого состояния... заставить вновь рассуждать разумно.

И лишь одно существо Диран, быть может, ценил достаточно высоко, чтобы поверить ему, когда он скажет, что эта война бесполезна и бессмысленна. Лишь одно, кого он не станет убивать.

«А может, я все это лишь вообразил», — подумал Валин и оттолкнулся от каменной стены. Юноша больше не дрожал. Он принял решение.

Несколько дней назад он задумал некий план и для его исполнения попросил Меро украсть из шатра Дирана один, вполне определенный берилл. Эльфийскому лорду, чье внимание было поглощено более серьезными проблемами, и в голову не пришло, что запертый шкафчик не в состоянии остановить решительного волшебника. Особенно такого, которому точно известно, где может располагаться маленький, но ценный предмет. Валин запустил руку в карман и сжал берилл. От соседства с его телом камень нагрелся. Это был один из талисманов Дирана, драгоценный камень, в котором Диран хранил часть своей силы — про запас, для того момента, когда его наличные силы истощатся. Более того — это был один из первых талисманов Дирана, камень, с которым он работал в течение столетий и который был теперь с поразительной точностью настроен на своего хозяина. До тех пор, пока Валин держит этот камень при себе, любая попытка Дирана повредить юноше лишь придаст ему сил.

«Так что, если Диран попытается нанести по мне удар, это аукнется и ему самому», — подумал Валин и спустился на первый этаж, дабы разыскать Зеда. Этого должно хватить, чтобы Диран задумался. И, возможно, ему удастся при помощи талисмана взять отца под контроль — ну, хоть ненадолго. Во всяком случае, попытаться стоит.

Зед сидел в компании молодого дракона (ныне находящегося в облике полукровки), и оба они ожесточенно трудились, при-

крепляя обрезки когтей к готовым стрелам. Когда Валин отыскал их, Зед как раз закончил возиться с очередной стрелой.

— Зед! — неуверенно произнес Валин. — Ты не мог бы оказать мне услугу? Дело довольно серьезное...

— Могу, наверное, — отозвался Зед и ссыпал наконечники стрел на пол рядом со своим помощником-драконом. А тот тем временем брал зеленые, искривленные, — словом, совершенно бесполезные ветки, — крутил их в руках и превращал в безукоризненно прямые, гладкие древки стрел. Потом он прорезал щель, вставлял наконечник на место и передавал то, что получилось, волшебнику-подростку. А тот, завершая работу, закреплял наконечник и ставил оперение. Зед встал и слегка поморщился — затекшие от длительного сидения мышцы свело судорогой.

— Ну, так что тебе нужно? — спросил волшебник, привычным движением заправляя длинные черные волосы за уши. Валин кивком предложил ему отойти. Когда они отошли в дальний угол, подальше от лишних ушей, юноша повернулся лицом к волшебнику.

— Ты знаешь все ходы и выходы этой крепости. Мне нужно выбраться отсюда. Как только я доберусь до лагеря, я буду в безопасности, уже просто потому, что я — эльф. И я смогу отыскать отца.

— А дальше что? — спросил Зед.

— А потом я попытаюсь поговорить с ним, — ответил Валин. Юноша постарался прибавить своему голосу чуть больше спокойствия и уверенности, чем испытывал на самом деле.

Зед почесал в затылке.

— А что, если он не захочет с тобой разговаривать? Что ты тогда станешь делать? Просто повернешься и уйдешь? Что-то я сильно сомневаюсь, Валин, что он так просто тебя отпустит.

— Я... Мне кажется, Зед, отец меня недооценивает, — Валин заколебался, не зная, насколько можно доверять молодому волшебнику. — У меня есть одна вещь, которая дает мне определенное преимущество перед ним. Думаю, я смогу нейтрализовать его. Если, конечно, мне удастся поговорить с ним разумно.

Прежде чем ответить, Зед долго и пристально смотрел на Валина.

— А скажи-ка мне — так, любопытства ради: если Диран справится со всеми нашими хитростями, снесет стены и обнаружит тебя здесь — что он с тобой сделает?

— Наверное, убьет, — как можно более равнодушно отозвался Валин.

— А если Диран ухитрится притащить сюда всех Высших лордов из Совета?

— Он тогда сумеет вытянуть из Высших лордов каждую каплю силы, которой только они владеют, и действительно снесет стены крепости.

— И... насколько вероятен такой ход событий? — осторожно поинтересовался Зед.

— С каждым днем — все более и более вероятен, — честно признался Валин. — Чем дольше все это длится, чем лучше они понимают, какую угрозу мы можем для них представлять, тем вероятнее такое развитие событий. Лорды вполне способны гнать на приступ все новых и новых солдат, пока последние в конце концов не взберутся на стены по груде тел. Они могут измотать нас при помощи магии, а потом выкинуть что-нибудь неожиданное. Они могут заблокировать заклинания, при помощи которых вы воруете еду, и уморить нас голодом.

Зед на мгновение прикусил губу. Потом он словно принял некое решение.

— Пошли, — сказал он. — Я тебе покажу один черный ход.

«Черный ход» оказался маленьким люком. Он поворачивался, и за ним обнаруживался туннель, ведущий куда-то в долину. Возможно, за пределы вражеского лагеря. Точнее говоря, непосредственно за люком открывалась отвесная круглая шахта, уходящая вниз на глубину нескольких этажей, а вот уже внизу начинался туннель. Шахта была слишком широкой, чтобы подняться по ней вверх, упираясь в стены ногами и спиной. Валин зажег светящийся шарик и отправил его ко дну. Похоже, до дна действительно было очень далеко. Взобраться или спуститься здесь можно было лишь при помощи веревки — и действительно, сразу за люком обнаружилось вделанное в стену кольцо, и к нему была привязана веревка. Валин посмотрел на шахту, потом на веревку и вздохнул.

— А я и не говорил, что здесь легко пройти, — заявил Зед. — Я просто сказал, что здесь есть черный ход. Если тебе не нравится, ты всегда можешь попросить кого-нибудь из лучших волшебников, чтобы тебя перенесли прямиком в лагерь.

— Нет уж, спасибо, — отозвался Валин, для страховки обвязывая веревку вокруг пояса. — Мне нужна тишина. Я не желаю торжественно объявлять о своем прибытии.

Юноша еще раз заглянул в шахту и попробовал веревку на прочность. Да вроде бы крепкая.

— Я подожду тут, пока ты не спустишься, — спокойно сказал Зед. — А потом вытяну веревку наверх.

Волшебник не стал говорить: «Она тебе больше не понадобится», — но это подразумевалось само собой. Действительно ведь, не понадобится. Либо Валин окажется в плену, либо добьется начала переговоров и будет играть роль посредника.

Валин снова посмотрел вниз. Шахта казалась очень-очень глубокой, а каменные стены были скользкими от сырости.

— Да, похоже, лучше мне справиться с этой задачей, — сказал он. А потом, поймав странный, обеспокоенный взгляд Зеда, добавил: — Не волнуйся. Я всерьез намерен победить. Мы еще выпьем с тобой бутылочку хорошего вина в честь победы.

Он улыбнулся Зеду и шагнул к краю.

Лагерь оказался невероятно грязным и жалким. Одного лишь зловония было достаточно, чтобы Валина замутило. А когда юноша увидел, в каком бедственном положении находятся рабы Дирана, он едва удержался, чтобы не развернуться и не убежать.

Здесь, среди бойцов, которые, как предполагалось, должны были заработать победу для своего лорда, было особо явственно видно, насколько Диран одержим одним-единственным стремлением — уничтожить своего врага, полукровок.

Лагерь выглядел так, словно здесь разразилось какое-то бедствие и теперь некому было наводить в нем порядок. Никто не натягивал заново палатки, рухнувшие во время бури. Никто не убирал содержимое выгребных ям, разнесенное потоками воды по лагерю. Некоторые раненые бойцы умудрились дотащиться до лагеря, но здесь ими никто не занимался. Несколько воинов — то ли больных, то ли давно уже получивших раны — лежали под навесом. Видимо, то ли они, то ли их друзья успели на скорую руку соорудить этот навес, прежде чем Диран приказал идти на новый приступ. Многие раненые и больные находились на грани смерти, а некоторые уже умерли. Тела никто не убирал.

Валин прижал к лицу носовой платок и попытался изобразить полнейшее безразличие к окружающим страданиям. Он пробирался через разрушенный лагерь, глядя лишь, куда бы поставить ногу. Ни одного эльфийского лорда не взволновал бы вид умирающих в грязи людей — ну, разве что заставил бы подумать, что те, кто умирает здесь, уже не умрут там, где им полагалось бы, — под крепостными стенами.

Найти шатер Дирана оказалось несложно: он был единственным, который не пострадал от бури. Шатер стоял неподалеку от вершины холма, но так, чтобы вершина прикрывала его от крепости волшебников. Ало-золотая ткань делала его на редкость притягательной мишенью. Впрочем, это не имело значения; все равно ни волшебникам, ни драконам не удавалось пробить защиту Дирана. Валин с трудом верил в свою удачу: он неспешно прошел по каменистому склону, не столкнувшись ни с одним знакомым. Это натолкнуло его на новую мысль: возможно, полукровки упустили прекрасную возможность подослать к Дирану убийц. На эту роль мог сгодиться любой волшебник, способный создать себе облик чистокровного эльфа...

Нет, ничего из этой затеи не выйдет. Вполне возможно, что границы лагеря охраняет заклинание уничтожения личины. Отец, может, и сумасшедший, но он не дурак.

У входа в палатку стояло двое стражников. Валин подобрался и постарался взять себя в руки. Один из стражников узнал его.

— Мастер Валин? — произнес он.

Стражник был спокоен. Он не выказал ни малейшего удивления, увидев сына лорда. Похоже, он ничего не знал... Гм. Похоже, «исчезновение» наследника Дирана не стало общеизвестным.

— Если не возражаете, я бы хотел подождать отца внутри, — ответил Валин, стараясь говорить как можно спокойнее, как будто он чуть ли не каждый день являлся на поле боя, чтобы повидаться с отцом.

— Конечно, мастер Валин! — мгновенно отозвался стражник и придержал полог шатра, позволяя юноше войти.

Валин нырнул внутрь. Когда его глаза привыкли к полумраку, юноша обнаружил, что убранство шатра было столь же скромным, сколь роскошным была обстановка в поместье лорда.

Здесь не было ничего такого, что могло бы отвлечь Дирана от его цели. Здесь он был Воином.

Ширма делила шатер на две части — жилую и помещение для приемов. В приемной стоял походный письменный стол, стул, стол для карты, подставка для оружия и комод для документов. В жилой — кровать, еще один стул, несколько сундуков с одеждой и пара шкафов с выдвижными ящиками.

Едва Валин успел осмотреться, как донесшиеся снаружи шаги объявили о чьем-то приближении.

Юноша вышел из-за ширмы как раз вовремя, чтобы оказаться лицом к лицу с входящим отцом.

Полог шатра скользнул на свое место. А Диран застыл у входа.

— Здравствуй, отец, — тихо произнес Валин.

Диран пристально смотрел на сына, как будто плохо понимая, кто это с ним поздоровался. Потом лорд медленно стянул перчатки и отшвырнул их в сторону. Диран был облачен в позолоченный доспех, покрытый искусной гравировкой. Поверх доспеха был надет алый плащ с личным гербом лорда. Лорд был при мече, но без шлема. Перехваченные шнурком волосы падали на спину. Мгновение спустя Диран шагнул вперед и скрестил руки на груди.

— Я знаю, где ты был, Валин, — с полнейшей бесстрастностью произнес он. — Полагаю, бессмысленно надеяться, что ты наконец-то осознал, чего на самом деле стоят эти паразиты.

— А я надеялся услышать от тебя, что ты принял какое-то разумное решение, касающееся моих друзей, отец, — отозвался Валин, невольно скопировав позу лорда. — Я надеялся, что ты поймешь всю тщетность твоего стремления к мести. Мы начали...

Выражение лица Дирана (если можно так сказать об отсутствии всякого выражения) не изменилось, — лишь глаза зажглись опасным светом, напоминающим расплавленный янтарь...

Совершенно как у однорога, изготовившегося к атаке.

— И это все, что ты можешь сказать? — очень мягко и очень тихо произнес Диран. — Что ты решил выступить против своих сородичей, на стороне животных?

— Они не животные. Здесь не должно быть никаких сторон, — отозвался Валин. — Этот конфликт не имеет никакого смысла — особенно конфликт между нами двумя...

Пока он произносил эти слова, свет в глазах Дирана сделался ярче. Лорд сделал еще несколько шагов вперед, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от юноши.

— Нет, — шепотом произнес Диран. — Между нами не будет никакого конфликта.

Глаза его вспыхнули.

— Я просто убью тебя!

Валин среагировал за какую-то долю секунды — но этого оказалось довольно.

Когда его отец попытался всей своей немалой магической силой нанести удар по тому месту, где стоял Валин, юноша прыгнул вперед.

И в тот самый миг, когда удар обрушился на него, Валин, крепко зажав берилл в руке, заключил отца в смертельные объятия. И магия поразила их обоих...

Сила взрыва заставила крепость содрогнуться до основания. Взрывная волна сбила всех обитателей крепости с ног, невзирая на то, что большая их часть находилась под защитой каменных стен.

Шана быстро вскочила на ноги и ошеломленно уставилась через бойницу на эльфийский лагерь.

Вся вершина ближайшего холма, — того, где прежде стоял шатер Дирана, — попросту исчезла. В воздухе повисло облако дыма, а горящие обломки, попадав в сухой кустарник, заставили весь склон запылать. Часть обломков долетела даже сюда и градом посыпалась во двор крепости и на солдат под ее стенами.

— Демоново отродье! — сдавленно пробормотал Зед. — Валин...

Какая-то глубинная часть сознания Шаны взвыла от боли. Другая настоятельно требовала узнать, что же натворил Валин. Но при этом девушка не могла не заметить, какой хаос сейчас воцарился под стенами. Солдаты попадали на землю, атака захлебнулась, эльфов-командиров охватило замешательство...

— Зови остальных! — рявкнула Шана. — И драконов! Теперь наша очередь нападать!

— Но... — попытался было возражать Зед. — Валин...

— Потом! — огрызнулась Шана, адресуя это «потом» и себе самой. — Беги!

А когда Зед убежал и Шана осталась одна, девушка на мгновение подпустила к себе «потом».

«Валин, дурень несчастный... О, Валин!..»

Шана смотрела на клубящийся и рассеивающийся дым, и по щекам ее текли слезы бессилия.

Но к тому моменту, когда другие волшебники присоединились к ней для последней, решительной атаки, глаза Шаны были сухими.

Еще до наступления сумерек в крепость явился лорд Беренель — для переговоров. Шана на эту встречу не пошла. Переговоры взялись вести Отец-Дракон (естественно, замаскировавшийся под волшебника), Парт Агон и Денелор. А Шана отыскала тихий темный угол, улеглась на одеяло, лицом к стене, и стала ждать прихода слез.

Но слез не было. Была лишь чудовищная боль и мучительные угрызения совести. Это все она виновата! Это она заставила Валина почувствовать себя таким бесполезным и даже не попыталась подыскать ему достойное дело. Она толкнула его на этот путь. Она, лишь она...

В темноте послышались шаги, потом раздался чей-то голос:

— Шана! Можно, я буду твоей жилеткой?

Девушка подняла голову, схватила протянутую руку Меро и усадила его рядом с собой. А потом как-то так получилось, что они обняли друг друга, и Тень разрыдался, уткнувшись Шане в плечо.

И тогда Шана наконец-то смогла заплакать.

А потом, когда слезы иссякли, они долго говорили, вспоминая Валина. Конечно, у Меро этих воспоминаний было больше, и в конце концов вышло так, что он говорил, а Шана слушала. Он говорил о том, каким ранимым был Валин — и как мало он умел выказывать свои чувства. И каким ненужным он себя ощущал в последние дни, когда Шана и Тень постоянно были заняты, а он не мог принести никакой пользы.

«Я никогда его не знала, — подумала Шана. Рассказ Меро одновременно и удивил, и огорчил ее. — Я думала, что знаю Валина, но, боюсь, я видела в нем лишь то, что мне хотелось видеть».

И девушка снова расплакалась — сама не зная почему.

А потом они долго молчали. И молчание это нарушил лишь раздавшийся где-то поблизости «шум» заклинания переноса.

Шана мгновенно вскочила на ноги, испугавшись измены. Девушка помчалась к винтовой лестнице, на бегу зажигая свет. Меро бежал рядом. Крепость казалась совершенно пустынной, и их шаги гулким эхом отдавались от стен каменного колодца. И на середине спуска они столкнулись с Зедом.

— Все в порядке, — поспешил успокоить их молодой волшебник. Его дыхание тоже было прерывистым. — Лорд Беренель послал за представителем Совета. Они намерены подписать договор. Все сейчас там...

«Мы не хотели беспокоить вас, — безмолвно добавил он. — Но я подумал, что вы услышите появление лорда Арсевиля и, может быть, захотите прийти».

Взгляд Зеда неуверенно скользил по лицам Шаны и Меро. Девушка слабо улыбнулась.

— Все в порядке, — сказала она. — Мы придем.

— Это хорошо, — с явным облегчением отозвался Зед. — Ты и вправду нам нужна.

Шана кивнула и зашагала вперед. Меро и Зед двинулись следом. Но девушке казалось, что их разделяет не пара шагов, а неизмеримо большее расстояние...

«Ты и вправду нам нужна...»

А кто им нужен? Она сама? Или воплощенное Проклятие эльфов?

Сможет ли она среди всех этих событий остаться самой собой?

— Итак, на какое время мы можем рассчитывать, прежде чем нам придется отсюда уйти? — спросила Шана у Денелора после того, как эльфийский лорд покинул собрание, даже не скрывая своего облегчения.

Денелор заглянул в текст договора.

— Формально — на шесть месяцев. Но я бы лично предпочел забраться как можно дальше в дикие земли — так, чтобы эльфы и знать не знали, где меня искать. А они наверняка начнут розыски задолго до истечения шести месяцев. А тебе бы я советовал исчезнуть в ближайшие несколько дней. Видишь ли, они и вправду тебя ненавидят.

Шана устало пожала плечами.

— Нужно же им кого-то обвинить в своем поражении. А я оказалась самой подходящей мишенью.

— Мне никогда и в голову не приходило, Шана, что наше Пророчество настолько угодит в точку, — с сожалением произнесла Алара. Она, как и остальные драконы, во время переговоров по-прежнему находилась в облике полукровки, чтобы не давать эльфам лишних подсказок.

Зед склонил голову набок.

— А вам никогда не приходило в голову, что вы, возможно, распространяете настоящее Пророчество? — поинтересовался он. — Я, собственно, хотел сказать, что Шана подходит под него по всем статьям.

На мгновение у Шаны кровь застыла в жилах.

— Подумаешь, обычное совпадение! — быстро сказала девушка. — Под это Пророчество мог бы подойти любой из нас. Я просто оказалась более заметной, только и всего.

Но обращенные на нее взгляды были какими-то странными, и Шана почувствовала, как растет дистанция, отделяющая ее от присутствующих.

«Ну вот, опять я оказываюсь изгнанницей».

— Слушайте, раз уж мне надо побыстрее убраться отсюда, давайте я займусь разведкой, — поспешно предложила Шана. — Я немного пройду на север, потом сверну на запад и посмотрю, что там можно подыскать.

Девушка заставила себя улыбнуться.

— Хорошо, что мы можем разговаривать мысленно. Так мне будет куда легче сообщать вам все новости. Кроме того, я лучше всех вас гожусь для разведки.

— Я пойду с тобой! — быстро вызвался Кеман.

— И я! — в один голос воскликнули Алара и Отец-Дракон.

Шана недоуменно уставилась на них. Отец-Дракон рассмеялся.

— Видишь ли, дочка, мы тоже изгнанники! — беззаботно сообщил шаман. Кажется, он находил это чрезвычайно забавным. — Некоторым представителям Народа чрезвычайно не понравилось, что мы решили помочь тебе. В результате мне второй раз в жизни придется вести компанию мятежников на поиски нового дома.

— Но... — начала было Шана, но Отец-Дракон шикнул на нее.

— Я этому рад, — заявил он. — Жизнь, лишенная борьбы, не идет Народу на пользу.

«Я бы тоже хотел пойти с тобой, если ты меня возьмешь».

Эти слова оказались для девушки полной неожиданностью. Шана удивленно посмотрела на Тень. Меро пожал плечами.

«Если я пойду с тобой, мне будет некогда изводить себя воспоминаниями. Думаю, я смогу вам пригодиться. И кроме того... без тебя я буду чувствовать себя очень одиноко».

Меро застенчиво улыбнулся, и Шана сама удивилась, поняв, как обрадовала ее эта улыбка.

— Ну, тогда выходим завтра утром — идет? — произнес Отец-Дракон.

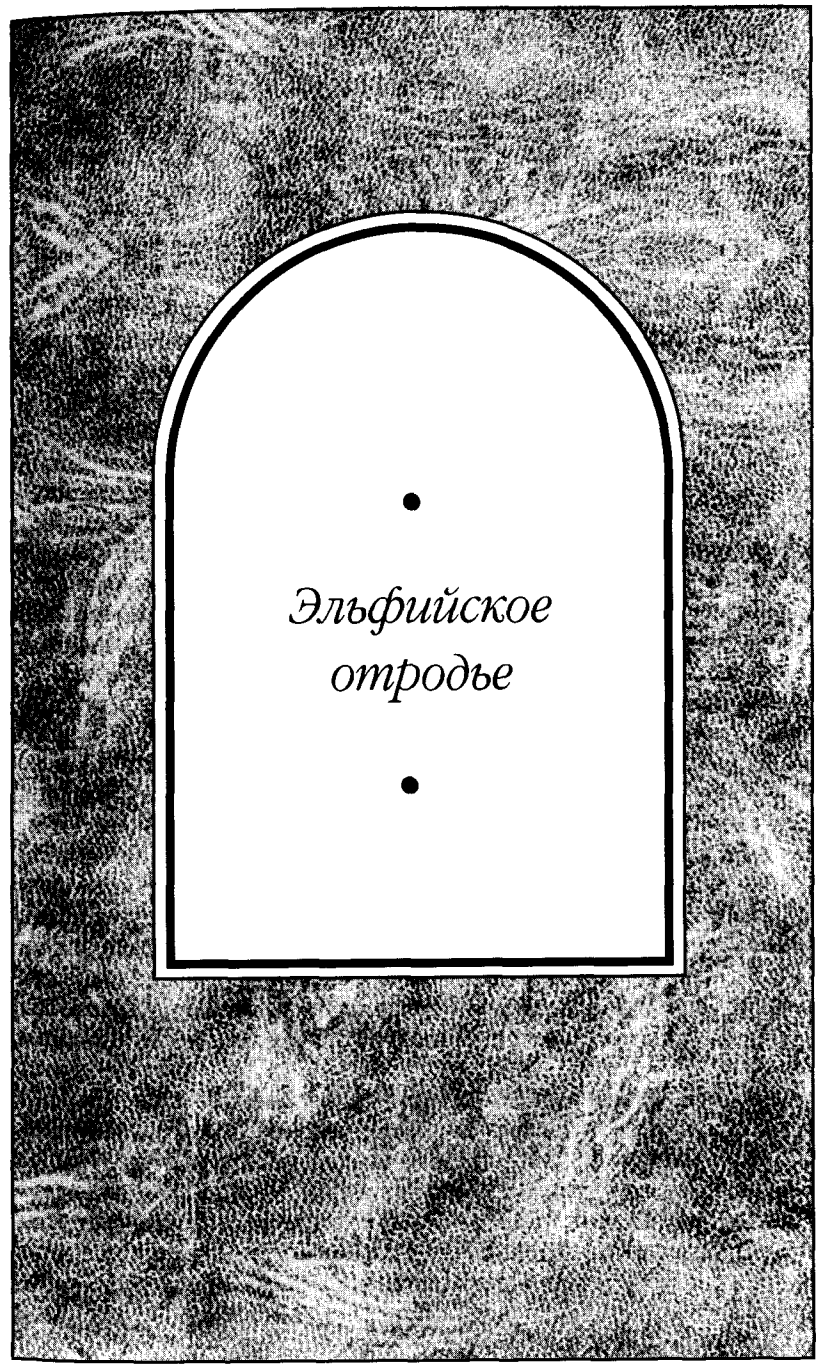
Шана обвела взглядом своих друзей — и внезапно перестала чувствовать себя изгнанницей.

«Я вовсе не изгой, я — предтеча. А это не так уж плохо. А мои друзья и родные будут со мной».

— А мы пойдем за тобой и будем надеяться на тебя, — мягко произнес Денелор, словно прочитав мысли Шаны. Возможно, так оно и было.

— Значит, утром, — согласилась Шана. Меро кивнул.

— Утром мы откроем целый мир.



Эльфийское отродье

Глава 1

Шейрена безмерно устала. Ей уже добрый час, а то и больше, приходилось слушать восхищенное воркование служанок. Человеческие голоса эльфийскому уху кажутся хриплыми и грубыми, но Шейрене они обычно слух не резали. Однако сегодня...

— О, госпожа моя, какое чудное платье! Такого свет не видывал, клянусь!

Безымянная белокурая рабыня из числа прислужниц ее матери цокала языком, разглядывая переливающиеся складки платья Шейрены. Возможно, с ее точки зрения платье действительно было восхитительным: тяжелый муаровый шелк цвета павлиньего пера, прошитый нитями, отливающими перламутром. Цвет ткани был куда ярче тех, что встречаются в природе.

«Но для меня ничего хуже не придумаешь... Я просто пропаду в этом платье! Я буду похожа на привидение, обрядившееся в костюм, снятый с живого».

— Да, в самом деле! — воскликнула другая служанка. — Все лорды будут от вас без ума!

«Ну да, если им нравятся девушки, похожие на труп, облаченный для погребения!» Как бы ее ни накрасили, все равно цвет лица Рены не будет соответствовать этому платью. Оно годится для яркой красоты человеческой наложницы, но отнюдь не для эльфийской девы. Тем более Шейрена чересчур бледна даже для эльфийки. Как это похоже на отца: выбрать платье, которое подчеркивает не красоту Шейрены, а власть — его власть, его могущество, его богатство, позволяющее приобретать такие вещи.

Шейрена ан-Тревес зажала уши, чтобы не слышать болтовни рабынь. Ей хотелось очутиться где угодно, только не здесь. Бледно-голубые мраморные стены ее комнаты, лишенные окон, всегда напоминали Шейрене каземат, но теперь, когда в комнате толпились не только полдюжины ее собственных рабынь, но и еще четыре рабыни ее матери, Шейрене казалось, что в комнате буквально нечем дышать. Жара, духота, нестерпимое

благоухание духов... Шейрена мечтала сбежать отсюда хоть куда-нибудь.

«Вырваться бы на волю! Посидеть бы сейчас на том лугу, что нашел Лоррин, посмотреть на бабочек или прокатиться верхом вдоль стены поместья...» — с тоской подумала Шейрена. Она погрузилась в мечты о бегстве, унесясь мыслями далеко-далеко от душного будуара. Шейрене представилось, как она мчится сломя голову на резвом мерине Лоррина вдоль стены, сложенной из песчаника, в лицо ей бьет свежий ветер, и Лоррин, как ни старается, не может опередить ее...

«Ах, Лоррин! Если бы ты мог прийти и избавить меня от всего этого! Но нет, это глупо — ты ведь и сам не в силах избавиться от цепей обычаев...»

Две главные прислужницы Шейрены — бывшие наложницы отца, изгнанные из гарема, рыжие близняшки, которых Шейрена все время путала, — обратились к ней с каким-то вопросом. Шейрена легонько тряхнула головой и заставила себя отвлечься от дум.

— Пора надевать нижнее платье. Прошу вас, госпожа, — терпеливо повторила рыжая. Лицо служанки ничего не выражало. Шейрена встала, чтобы позволить одеть себя. Рабыни давно привыкли к ее кратковременным приступам забытья. Даже если это их и раздражало, девушки были чересчур хорошо выдрессированы, чтобы показать это. Ни один из рабов В'лайна Тилара лорда Тревеса никогда не осмелился бы выказать раздражение перед своими хозяевами-эльфами. Прислужницы Шейрены всегда сохраняли одинаковое безжизненно-доброжелательное выражение лица, какое можно видеть на парадных портретах. Этого требовал отец Шейрены. Но саму Шейрену это всегда ужасно нервировало: кто знает, какие мысли прячутся под этими масками?

«Если бы я знала, о чем они думают, я бы, по крайней мере, могла знать, что думать о них. Хотя вряд ли их мысли оказались бы особенно лестными... Ну что хорошего можно подумать обо мне?»

Повинуясь указаниям служанок, Шейрена повернулась к четырем девушкам, которые держали платье бережно, будто священную реликвию, и подняла руки. Шелк мягко скользнул вдоль тела и на миг окутал ей голову, пока служанки расправляли пышные мягкие складки цвета морской волны. Они стянули платье вниз, и юбка окутала босые ноги Шейрены. Рукава и лиф были облегающие, с очень глубоким вырезом, юбка расходилась от бедер пышными складками, а позади по последней моде волочился длинный шлейф...

«В этом платье я буду похожа на зеленый прутик, колыхающийся на волнах. Очень мило. И почему они не смеются надо мной? Я бы на их месте не удержалась...» Конечно, этот покрой тоже выбрал сам лорд Тилар. Надо же показать, что его дочь не чуждается веяний моды! И неважно, что в этом модном платье она выглядит смешно. Хотя, с другой стороны, так ли уж ей хочется быть привлекательной?

«Нет. Нет, не хочется. Я не хочу мужа. Я хочу, чтобы все оставалось по-прежнему. Да, мою нынешнюю жизнь не назовешь счастливой — но мне совсем не хочется оказаться собственностью какого-нибудь лорда, похожего на моего отца. Ну, а раз отец сам выбрал для меня это платье, он не сможет обвинять меня в том, что я выгляжу смешной». Эта мысль принесла ей немалое облегчение. Ведь если сегодня вечером Шейрена не добьется успеха, отцу непременно понадобится кто-то, на кого можно будет свалить вину. Так что не стоит давать ему повода обвинить во всем ее. Лорд Тилар дал понять своей жене и дочери, что сегодняшний праздник особенно важен для дома Тревес. Когда отец получил приглашение, причем не только для себя, но и для Шейрены, он ужасно обрадовался. Шейрена не видела его таким веселым с тех пор, как он узнал, что цены на зерно для рабов подскочили втрое из-за града, который его поля обошел стороной. Род лорда Тилара был старинным, но не слишком знатным, и богатством своим он был обязан исключительно удаче в торговых делах. Дед лорда Тилара был простым нахлебником. Дом Тревес достиг таких высот только благодаря хозяйственности лорда Тилара. И в Совет лордов он был избран лишь недавно. В былые времена лорд Тилар не посмел бы даже приблизиться к главе дома Хэрнальт, а уж о том, чтобы получить от него приглашение на праздник, нечего было и мечтать...

— Госпожа, повернитесь, пожалуйста.

Приглашение было прислано не по магической связи. Его принес посланец — причем не раб-человек, а эльф. Это говорило о том, насколько повысился статус лорда Тилара со времен войны с Проклятием Эльфов. Приглашение было начертано на тончайшем листке чистого золота. Разумеется, без магии такого не создашь. Это была тонкая, неявная демонстрация силы и искусства создателя.

«В'касс Ардейн ан-лорд Фотрен лорд Хэрнальт просит лорда Тревеса оказать ему любезность, посетив праздник, который устраивает в его честь его опекун, В'шейл Эдрес лорд Фотрен, по случаю его вступления во владение землями и титулом. Кроме того, он просит, чтобы на празднике присутствовала также дочь лорда Тревеса».

Ни даты, ни времени не указано: даже самые нищие нахлебники в поместье лорда Тилара знали, когда именно состоится праздник. Знали они и то, почему наследник дома Фотрен унаследовал дом Хэрнальт — вопреки яростному сопротивлению брата лорда Дирана.

— Пожалуйста, приподнимите немного руку.

«Странно, что брата лорда Дирана тоже зовут Тревес...» Лорд Тревес и лорд Эдрес крупно повздорили на Совете. Лорд Тревес удалился в гневе, забрал то немногое, что принадлежало ему по закону, и сделался нахлебником одного из противников лорда Эдреса. Шейрена надеялась, что столь неудачное совпадение имен вызовет в лорде Ардейне неприязнь к ней. Ведь раз он приглашает ее на праздник, значит, на этом празднике он намерен выбрать себе невесту...

— Пожалуйста, повернитесь немного...

Прошел почти год с тех пор, как лорд Диран погиб вместе со своим сыном и наследником и его имение осталось без хозяина. В конце концов лорды из Совета — и лорд Тилар в их числе — постановили, что имение и титул переходят по наследству только к старшему сыну, оставшемуся в живых, за исключением тех случаев, когда сыновей в живых не осталось. И, поскольку предполагалось, — ибо трупов было два,— что Валин, наследник Дирана, обратился в дым вместе со своим отцом, а брат-близнец Валина остался жив и здоров, то потому ему и полагалось унаследовать дом своего отца.

Таким образом молодой Ардейн оказался двойным наследником, а потому сделался вдвое более желанной кандидатурой для брачного союза. Неважно, что лорд Эдрес был еще вполне крепок и не позволял надеяться на то, что Ардейн унаследует его имение в течение ближайших нескольких веков — ведь теперь Ардейну по праву принадлежало все имущество лорда Дирана. Благодаря этому он сделался равен своему деду по статусу и положению. Лорд Тилар поддержал требования Ардейна, и это не прошло незамеченным. Очевидно, без награды он не останется — хотя вряд ли наградой будет женитьба Ардейна на Шейрене. Для этого лорд Ардейн был чересчур знатен, а лорд

Тилар все же оставался выскочкой, хотя, надо сказать, выскочкой весьма уважаемым.

— А теперь, госпожа, пожалуйста, опустите руку.

«И, несомненно, все непомолвленные эльфийские девы соответствующего ранга получили приглашение прийти и показаться лорду Ардейну — или, точнее, его деду». Шейрена ни минуты не сомневалась насчет того, кто будет выбирать невесту для Ардейна. Самостоятельно выбирают себе супругу лишь те, у кого нет ни родителей, ни опекунов. Если молодому лорду повезет, его дед, возможно, спросит его мнение — но скорее всего юноша настолько привык повиноваться лорду Эдресу, что покорно женится даже на ослице, если так прикажет его дед.

«Да и я покорно выйду замуж за осла, если так прикажет мой отец, что бы я об этом ни думала. Ведь мои чувства не имеют никакого значения...» — уныло размышляла Шейрена, пока служанки старались потуже затянуть корсаж. Это делалось для того, чтобы заставить тощие прелести Шейрены выглядеть чуточку попышнее, но результат получился скорее обратный.

В приглашении ничего не говорилось насчет других девиц, которые будут присутствовать на празднике, но в этом и не было нужды. В будуарах по всей стране судачили о том, что лорду Ардейну нужна невеста и выгодный брак — или, скорее, наоборот: выгодный брак и невеста. Так что на балу будут десятки незамужних и непомолвленных эльфиек — от девочек, которые еще играют в куклы, до почтенных вдов, обладающих собственным имением и влиянием. Однако лорд Ардейн только один, а потому на балу наверняка будет много других неженатых эльфийских лордов, а также их отцов и представителей, подыскивающих подходящих невест. Нечасто бывают такие крупные сборища, на которых все могут забыть о взаимной вражде и хотя бы на один вечер сделать вид, что хорошо относятся друг к другу. Быть может, на этом празднике будут заключены новые союзы, улажены старые конфликты...

— Шлейф, госпожа! Пожалуйста, приподнимите ногу...

«И вспыхнут новые». Служанки попросили ее развернуться на месте. Шелковые складки юбки взметнулись и с легким шелестом улеглись волнами. Затем подали верхнее платье — и Шейрена снова застыла, точно огромная кукла, пока ее облачали. Более тяжелый шелк верхнего платья стекал по телу, и его вес добавился к незримой ноше тоски, давившей на плечи Шейрены.

«Меня выведут напоказ, точно одну из отцовских породистых кобыл, чтобы все неженатые лорды могли полюбоваться моей походкой и посмотреть мне в зубы. Да и Лоррина выводят точно так же: как жеребца-производителя, напоказ всем отцам дочерей на выданье. Отцовская воля — закон...» Шейрена была слишком хорошо вышколена, чтобы проявлять свое отвращение, но немое горе стыло у нее в груди куском холодного льда, и горло сдавило до боли. Служанки принялись возиться со шнуровкой по бокам платья. Шейрена на миг закрыла сухие, горящие глаза, чтобы взять себя в руки и вернуть себе необходимое спокойствие.

О, как тяжело все время быть такой спокойной, такой послушной, особенно когда ей предстоит эта мука! Шейрена всегда чувствовала себя неуютно в присутствии чужих. Отец иногда показывал ее гостям, когда приезжали возможные кандидаты на брак, и каждый раз Шейрене хотелось спрятаться где-нибудь под ковриком. А теперь, когда ее обрядили в это орудие пытки, замаскированное под платье, в котором ей придется весь вечер выставлять себя напоказ перед десятками, сотнями чужих глаз, Шейрена чувствовала себя по-настоящему больной.

— Надо подтянуть потуже этот шнурок. Выдохните, пожалуйста...

Мать в течение нескольких недель пыталась убедить Шейрену, что ей необыкновенно повезло. Это ее первый — и, возможно, единственный — шанс вступить в брак, который устроит не только отца, но и ее самое. Это редкостная возможность познакомиться с лордами, ищущими себе невесту, прежде чем один из них свалится на нее, как снег на голову. Быть может, какой-нибудь молодой лорд действительно ей понравится; быть может, ей повезет и она выйдет замуж за того, кто позволит ей покидать пределы своего будуара, вместо того чтобы сидеть в четырех стенах, как полагается замужним эльфийкам.

Мать говорила еще многое в том же духе. Она, мол, вполне понимает чувства Шейрены, те тревожные мысли, которые преследуют ее в последнее время, и то, почему Шейрене вообще не хочется вступать в брак. «Да что мать вообще может об этом знать? Виридине ан Тревес за всю ее жизнь ни разу не пришло в голову ни одной неподобающей мысли! Она всегда была идеальной леди, любезной и послушной, охотно повиновавшейся своему отцу, а после супругу...» Разве может такая

женщина, как ее мать, понять мысли, что терзают ныне Шейрену?

— Вытяните руку, госпожа. Вот так, пожалуйста.

Сейчас Шейрена отдала бы все на свете, лишь бы подцепить какую-нибудь болезнь вроде тех, на которые вечно жалуются люди, когда им неохота работать. Но увы! Эльфийские женщины, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, никогда не болеют. Так же, как и мужчины.

«Можно было бы слечь с головной болью, как Лоррин, но теперь уже поздно. Если я пожалуюсь на головную боль сейчас, отец ни за что не поверит, что я не притворяюсь».

Она поворачивалась туда-сюда, повинуясь указаниям служанок, поднимала и опускала руки, пока они затягивали корсаж, надевали на нее широкие и длинные, до пола, рукава верхнего платья и закрепляли их на плечах золотым шнуром.

«Хотелось бы знать, я действительно выгляжу такой неуклюжей или мне это только кажется?»

Шейрену раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, она понимала, что отец не мог бы придумать для нее более неподходящего одеяния, и это было унизительно. Она предстанет перед целой толпой незнакомых эльфов в самом невыгодном свете. Но, с другой стороны, тем меньше шансов, что хоть кто-то ею заинтересуется...

«Пусть лучше я буду похожа на засохший прутик, чем...»

Чем что? Чем выйти замуж за кого-нибудь вроде ее отца?

«Матушка сказала бы, что это не так уж плохо, — с горечью подумала Шейрена. — Но, с другой стороны, матушка всегда куда больше заботилась о Лоррине, чем обо мне. Вот если бы он был сегодня на моем месте, стала бы она убеждать его, что жениться неизвестно на ком — это совсем неплохо?»

— Не будет ли госпожа так любезна постоять минутку?..

Но Виридина совсем не такая, как ее дочь. Виридина привыкла к своему стесненному образу жизни. А Шейрене в последний год довелось немного повидать большой мир, и ей не хотелось терять последние крохи свободы.

Дочери лорда Тилара во многом жилось куда проще, чем его супруге. Существование Виридины было опутано таким множеством всяческих обычаев, что она не могла и шагу ступить без того, чтобы не нарушить то или иное правило. Большая часть этих обычаев возникла в суровые времена, когда женщинам постоянно грозила опасность, но это не имело ни малейшего значения для господина и супруга Виридины. Обычаи есть

обычаи, и их следует соблюдать во всех подробностях. А Шейрена вплоть до самого последнего времени значила для семьи очень мало. Ее старший брат Лоррин, наследник, *мужчина*, был куда важнее. В том кругу, где вращался лорд Тилар, незамужних женщин было куда больше, чем мужчин. Лорд Тилар был слишком горд, чтобы выдать дочь за какого-нибудь мелкого нахлебника, а замахиваться повыше он не решался. К тому же лорд Тилар, как и все прочие члены Совета, был очень занят, когда поползли слухи о существовании Проклятия Эльфов, а тем более потом, когда эти слухи оказались правдой...

— Отойдите чуточку вправо, госпожа.

А потом началась вторая Война Волшебников, и лорд Тилар окончательно увяз в делах. Ему было не до Шейрены. Главное, чтобы дочь была послушна, хорошо воспитана и держалась пристойно, все остальное неважно.

Шейрена обнаружила, что предпочитает одиночество чьему бы то ни было обществу — если не считать ее брата. Она не старалась завести себе подруг, потому что ее совершенно не интересовало то, чем увлекались ее ровесницы. На нескольких приемах, где ей доводилось бывать, Шейрена забивалась в самый дальний угол и скучала там весь вечер, жалея, что нельзя уйти домой.

— А вот эту складочку сюда...

Шейрене совсем не нравилось легкое безумие, которое приносит опьянение, она не понимала, что интересного в светской болтовне и сплетнях, она была слишком проста, чтобы привлекать внимание мужчин, желанное или нежеланное, а игры, которые так забавляли других, оставляли девушку в недоумении: с чего это они так веселятся и что может быть занятного в таких глупых забавах? Так что она предпочитала сидеть где-нибудь в саду, читать или предаваться своим странным мечтам.

В последний год странные мечты посещали Шейрену все чаще, хотя впервые они пробудились в ней в тот день, когда девушка начала учиться менять форму цветов...

— Вот здесь, наверно, надо чуточку ушить.

Поначалу эти уроки, навязанные Шейрене отцом, показались ей ужасно скучными. «Лоррин учится дробить камень с помощью своей магической силы. А мне придется возиться с цветочками...»

Она даже никогда не узнает, кто из них сильнее в магии: она или Лоррин. Эльфийских дев не учат ничему полезному — только всякому баловству вроде создания цветочных скульптур, плетения воды и прочего. Правда, Шейрене доводилось ловить смутные слухи о немногих, очень немногих эльфийских женщинах, которые владеют той же магией, что и мужчины. Но она никогда не встречалась ни с одной из них. И к тому же вряд ли кто-то из этих женщин согласился бы поделиться с ней своими секретами. Но до этих уроков Шейрене никогда не приходило в голову, что у нее есть своя особая сила, о которой ни один эльфийский лорд даже не подозревает.

Ибо во время первого же урока Шейрена совершила странное, восхитительное и немного пугающее открытие.

«Ведь ту же магию, которую я применяю, чтобы изменить форму цветка, можно использовать и иначе! Остановить сердце, например...» Бесполезные уроки? Если ей когда-нибудь понадобится такая сила, эти уроки могут оказаться не такими уж бесполезными...

— А это что? Нитка? Нет, не надо, обрежь ее.

Матери Шейрена о своем открытии сообщать не стала, зная, что Виридину это привело бы в ужас. А потом девушка даже не была уверена, подействует ли это. Но несколько дней спустя ей представился случай это проверить. Она нашла в саду пташку, которая с размаху налетела на стекло и сломала себе шейку. Шейрена даже не задумалась о том, что делает. Ей просто захотелось избавить бедняжку от мучений — и она остановила ей сердце.

Девушка в ужасе убежала в свою комнату, желая спрятаться от того, что натворила. Но сделанное осталось при ней — как и сила, как и знание того, что можно сделать с помощью этой силы.

С этой минуты вся ее жизнь пошла по-другому. Шейрена тайком экспериментировала со своей новообретенной силой. Она использовала воробьев и голубей, которые стаями летали по саду. Сперва она решалась лишь менять окраску и длину перьев. Но постепенно Шейрена осмелела. И теперь по саду порхали диковинные создания с алым и голубым, зеленым и золотым оперением, длиннохвостые, с роскошными хохолками — и все ручные. Что-то говорило Шейрене, что незаметные изменения, доступные ее силе, могут быть столь же важными — и столь же опасными, — как и та магия, которой владеет Лоррин.

И в то же время девушка страшилась протянуть руку и взять ту эфемерную власть, которая так ее манила. Ведь ни одна эльфийка прежде не смела делать ничего подобного. Должно быть,

тому есть свои причины? Быть может, эта заманчивая сила — не более чем иллюзия? Да, конечно, она может превратить обычного воробушка в невиданную яркую птицу — но что толку? Что это доказывает?

— Не будет ли госпожа так любезна сойти с рукава?

Но что, если это вовсе не иллюзия? Что, если эта сила реальна? Что, если Шейрене удалось открыть нечто, о чем больше никто не догадывается?

Эти тайные мысли тяготили девушку и не позволяли принимать то, что с ней происходит, как должное. И тяжелее всего было сносить обхождение отца как с ее матерью, так и с нею самой.

Взять хотя бы это платье. Какой яркий пример того, как мало он думает об их чувствах! Ему и в голову не приходит доверить им что-то действительно важное. Если отец являлся в будуар Виридины с любезной миной, это всегда означало, что он желает, чтобы Виридина вышла к его влиятельным друзьям и разыгрывала перед ними примерную жену. А при своих лорд Тилар на любезности времени не тратил. И вообще он предпочитал жене своих рабынь из гарема. Лорд Тилар постоянно сравнивал Виридину со своими последними наложницами и всегда не в ее пользу.

«Хотя им я тоже не завидую, — подумала Шейрена, взглянув краем глаза на одну из рыжих близняшек. — Отец капризен, и фаворитки при нем надолго не задерживаются».

А когда фаворитки попадали в немилость, лорд Тилар обычно отсылал их прислуживать своей жене или дочери. Он получал от этого какое-то извращенное удовольствие. Шейрена никак не могла понять: то ли ему хочется отравить жизнь жене и дочери присутствием его бывшей любовницы, еще не утратившей прежней красоты, то ли, наоборот, он желает отравить жизнь своей бывшей любовнице присутствием законной жены, которая, в отличие от фаворитки, никуда не денется. Быть может, ему доставляло удовольствие и то, и другое.

Виридина спокойно мирилась с этим и никогда ничего не говорила по этому поводу. Она принимала бывших наложниц своего мужа с тем же безмятежным смирением, что и все прочие невзгоды, на которые была так щедра ее жизнь. Эльфийка не испытывала зависти к гаремным красавицам. Между гаремом и будуаром не было особой разницы, если не считать того, что Виридину нельзя было заменить другой женщиной. Наложницы из гарема пользовались не большей свободой, чем их

госпожа, — и не меньшей. Постепенно Шейрена начала понимать, что будуар — это гарем для одной женщины. Интерес Виридина проявляла только к тому, что касалось Лоррина и его благополучия. Хотя это был, скорее, не интерес, а навязчивая тревога — как будто Виридина опасалась, что с сыном что-нибудь случится. Она следила за Лоррином с такой заботливостью, как будто он был неизлечимо болен. Хотя Лоррин выглядел вполне здоровым. Разве что его постоянные приступы кришайна... Быть может, с ним и вправду что-то не так, только Рене об этом не говорят? Но тогда почему Лоррин ей ничего не сказал? Раньше у него не было никаких тайн от сестры!

Да, Виридина может мириться со своей судьбой Настоящей Эльфийской Леди, но для себя Шейрена такой жизни не хочет...

«Пусть лучше на меня не обращают внимания, как на дочь, чем терпеть унижения в качестве жены кого-нибудь вроде отца».

Теперь все рабыни столпились вокруг нее, поправляя, подшивая, подтягивая, точно это платье было важной гостьей, а Шейрена — всего лишь манекеном, на который оно надето. Шейрене пришла в голову дурацкая мысль: а вдруг это на самом деле так? Вдруг это платье обладает своей собственной жизнью, а она — только средство передвижения, предназначенное для того, чтобы отнести платье туда, где все смогут на него полюбоваться?

Но вообще-то эта мысль не такая уж дурацкая. Платье представляло лорда Тилара — его власть, его богатство, его положение в обществе. А Шейрена — не более чем повод показать все это, что-то вроде знаменосца. Важно ведь знамя, а не рука, которая его несет. Манекен сгодился бы ничуть не хуже...

«Если бы я была такой же слабоумной, как мать Ардейна, отец все равно обрядил бы меня в это платье и отправил на бал. А если бы я не уступала мудростью любому из членов Совета, отец нашел бы способ заставить меня молчать, чтобы не мешать возможным претендентам на мою руку оценить *его* могущество».

Для лорда Тилара Шейрена и ее мать — не более чем вещи. Мысль эта была не нова, но никогда прежде Рене не давали понять это столь отчетливо. Они — имущество, фигуры на доске, и нужны они лишь затем, чтобы отец мог разыграть их с максимальной для себя выгодой.

Отцовская власть сковывает Шейрену, как это платье, и ничего с этим не поделаешь. Рена прекрасно это знала, и все же

настойчивый голосок внутри упрямо твердил: «Но почему бы не попробовать?»

«А потому, что жизнь так устроена, — ответила Шейрена внутреннему голосу. — Так было, так есть и так будет всегда. И изменить порядок вещей невозможно. По крайней мере, женщине это не дано. С женщинами никто никогда не считается».

Но упрямый голосок не умолкал. Когда рабыни усадили Шейрену и принялись укладывать прическу, голосок возразил: «Так уж и не считается? А как же волшебницы-полукровки? Как же Проклятие Эльфов? Она ведь тоже всего лишь женщина...»

На это Шейрене ответить было нечего. Высшие лорды были убеждены, что давным-давно уничтожили всех полукровок, и позаботились о том, чтобы новых не рождалось. Полукровкам была доступна и эльфийская, и человеческая магия, и потому они представляли собой единственную реальную силу, которая угрожала господству эльфийских владык в мире, завоеванном еще в незапамятные времена. Но, несмотря на все предосторожности, новые полукровки все же рождались — и, хуже того, кое-кому из них удавалось выжить, вырасти, войти в силу и прожить достаточно долго, чтобы научиться этой силой пользоваться. Среди этих детей была одна девочка, соответствующая описанию «спасительницы», о которой говорили древние человеческие легенды. В этих легендах ее называли «Проклятие Эльфов». И девочке удалось найти союзников, о существовании которых высшие лорды даже не подозревали.

Драконов.

При мысли о драконах Шейрена вздохнула, не обращая внимания на тугой корсаж, сдавивший грудь. Нет, самой ей драконов видеть не доводилось, но она слышала множество описаний. Вот бы хоть одним глазком взглянуть на живого дракона! Гибкие, грациозные, стремительные, сверкающие в полете, точно драгоценные камни, драконы иногда снились ей по ночам, и Шейрена просыпалась в тоске, с мокрыми от слез щеками.

— Поверните голову — вот так, госпожа.

Именно драконы склонили чашу весов войны на сторону волшебников. Благодаря им волшебники смогли сражаться с армиями трех высших лордов. Была большая битва — скорее даже бойня, — в которой погибло немало эльфов. В том числе могущественный, хотя и полоумный лорд Диран. Шептались, что убил его не кто иной, как собственный сын. Это казалось

невозможным — но ведь еще год назад и драконы казались чем-то невозможным...

В конце концов высшие лорды были вынуждены подписать договор. Волшебники отступили за пределы земель, занятых эльфами, а те обязались оставить их в покое.

«Отец утверждает, что мы их прогнали и не стали преследовать только потому, что они того не стоят».

Шейрена позволила себе презрительно хмыкнуть.

«Когда отец в последний раз принимал гостей, он распространялся об этом несколько часов подряд. И не он один. Послушать отца, так можно подумать, что мы их действительно разбили наголову!»

«Быть может, власть лордов не настолько сильна, как им хочется думать? — с готовностью подхватил внутренний голос. — Быть может, они совсем не так могущественны, как тебе кажется? Быть может, и ты сама не так бессильна, как они хотят заставить тебя думать?»

«Все это прекрасно, — угрюмо ответила она внутреннему голосу, — но как именно я могу доказать, что свободна?»

Тут внутренний голос умолк. Предложить ему было нечего. Ведь это говорило всего лишь ее мятежное упрямство...

И все же отчасти ее внутренний голос прав. Лоррин говорил, что вторая Война Волшебников окончилась «в лучшем случае ничьей, если не разгромом». И он имел в виду вовсе не полукровок. А что, если мощь лордов действительно пошатнулась? Означает ли это, что, пока лорды пытаются восстановить прежнее положение, женщина может исхитриться найти способ устроить свою жизнь так, как ей хочется?

— Пожалуйста, госпожа, опустите голову.

Но как?! Вот в чем вопрос. Как спастись от унылой жизни, которая была уготована ей с момента рождения?

«И ведь отец может заставить меня подчиниться, если захочет!» И от этого тоже никуда не денешься. Если Шейрена откажется повиноваться, у него есть множество способов испортить ей жизнь. Запереть ее в комнате, посадить на хлеб и воду...

«Он может даже надеть на меня рабский ошейник и заставить повиноваться с помощью магии». Шейрене доводилось слышать, что такое делали с некоторыми девушками, которые отказывались выходить замуж за особенно неприятных лордов. Рабский ошейник ничего не стоит замаскировать под роскошное ожерелье: такие ожерелья часто делаются для рабынь-фавориток. Шейрене сдавило горло, и дыхание у нее участилось

при одной мысли об этом. Она поспешно взяла себя в руки, пока служанки ничего не заметили.

Нет, выхода нет. Только ограниченная свобода, которой она пользуется в качестве дочери. Замужним женщинам и этого не дано. Но если бы выход был!..

«И что бы я стала делать? Понятия не имею», — призналась Шейрена самой себе. Она просто чувствовала, что задыхается от сидения в будуаре, от безделья, от болтовни рабынь... «Я просто хочу, чтобы в моей жизни что-то изменилось, хотя и не знаю, что и как. Одно я знаю точно: я не хочу всю жизнь быть красивой марионеткой, как мать. Я этого просто не вынесу».

Но, глядя на себя в зеркало, пока рабыни расчесывали и укладывали ей волосы, Шейрена вдруг осознала, насколько она похожа на мать. И неприятная мысль пришла ей в голову. А сама Виридина — всегда ли она была идеальной эльфийской леди? Быть может, ее просто заставляли притворяться — до тех пор, пока не угас последний огонек сопротивления, пока притворство не стало правдой, маска не стала лицом?

«А вдруг и со мной так будет?!»

Ох, какая неприятная мысль! Шейрена поспешно отмахнулась от нее. Она никогда не замечала ни малейших признаков того, что Виридина — не то, чем хочет казаться. Нет, Шейрена не такая, как ее мать. Виридине ее не понять.

«Вот если бы я родилась мальчиком...» Еще один привычный, давно нахоженный путь развития мыслей. Если бы она была мужчиной, братом, а не сестрой Лоррина! Они и так уже были дружны, как братья, из-за того, что мать Лоррина, вопреки обычаям, так заботилась о сыне, что Лоррин большую часть времени проводил в будуаре, вместо того чтобы заниматься с мужчинами-наставниками, как это принято. Виридина поощряла их дружбу и даже не так внимательно следила за сыном, когда Лоррин с Шейреной были вместе. Детьми они часто изучали науки вместе. Сколько раз Шейрена, переодевшись в старую одежду Лоррина, вместе с ним бродила по поместью! Он и теперь нередко скрывал сестру под личиной мужчины-раба, и они вдвоем ездили кататься верхом или отправлялись на охоту, когда отца не бывало в поместье. Когда лорд Тилар бывал в отъезде, строгие порядки в поместье давали слабину, а возраст и положение Лоррина избавляли их от неуместных расспросов.

Шейрене нравилось ездить верхом, хотя неизбежное завершение охоты приводило ее в ужас, и она по возможности старалась не смотреть, как убивают животных. Это Лоррин рассказал ей об истинном исходе того, что он называл «второй Войной Волшебников».

— Госпожа, закройте, пожалуйста, глаза.

Шейрена послушно зажмурилась и продолжала размышлять. Она предполагала, что сам Лоррин узнал о войне от других ан-лордов, молодых наследников и младших сыновей, с которыми он встречался в обществе. Шейрена подозревала, что старшие не одобрили бы рассказы Лоррина. То, что он ей рассказывал, по большей части было весьма нелестно для сильных мира сего. Лоррин и его сверстники были невысокого мнения об уме и способностях старших.

Шейрене казалось, что Лоррин втайне восхищается ныне покойным Валином, наследником лорда Дирана, который встал на сторону волшебников. Лоррин клялся, что Валин поступил так, дабы спасти своего двоюродного брата Меро, который, по слухам, был полукровкой; хотя Шейрена понятия не имела, откуда Лоррин может это знать. Лоррину, казалось, особенно нравилась эта часть истории. Что касается самой Шейрены, она жаждала все новых историй о драконах.

«О, драконы!..»

Теперь рабыни корпели над лицом Шейрены, накладывали косметику тоненькими кисточками, пытаясь придать девушке хоть какое-то подобие живости. А это будет трудновато: волосы Шейрены были бледно-бледно-золотистыми, а лицо от природы совершенно бесцветное, и глаза — бледно-зеленые, настолько прозрачные, что казались серыми. Так что любая косметика будет выглядеть искусственно. В лучшем случае Шейрена будет похожа на фарфоровую статуэтку, а в худшем — на клоуна.

В данный момент она предпочла бы второе.

О Проклятии Эльфов, девушке, которая призвала драконов, Шейрена тоже узнала от Лоррина. Часть того, что ей рассказывал Лоррин, Шейрене удалось подслушать из разговоров отца с гостями — но не это. Отец не желал даже признавать, что подобные создания существуют. Впрочем, ничего особенно удивительного тут не было. Проклятие Эльфов — девушка и к тому же полукровка, а значит, она воплощала в себе все, чего боялся и что ненавидел лорд Тилар.

«Но если бы я могла выбирать, то хотела бы родиться мальчиком — или ею!» О, вот уж это наверняка бы шокировало леди Виридину! Но именно об этом мечтала Шейрена в одиночестве глубокой ночью: быть Проклятием Эльфов! Обладать собственной силой, принадлежащей тебе по праву, подчинять мир

своей воле и своей магии, носиться по небу верхом на драконе — вот это жизнь!

«Будь я Проклятием Эльфов, никакой отец не смог бы мне помешать! Я могла бы сделать все что угодно, если захочу. Я могла бы бывать где угодно, видеть все что угодно, быть тем, чем мне угодно!»

Она погрузилась в привычные мечты. Рабыни тем временем хлопотали над ней. Крохотные кисточки касались щек, губ и век, словно крылышки сотен мотыльков. А Шейрена представляла себя верхом на огромном алом драконе, взмывающем в безоблачное небо, в такую высь, что макушки леса внизу кажутся зеленым моховым ковром. В мечтах дракон нес ее к горам, которых Шейрена никогда не видела, к могучим пикам, сверкающим хрусталем и розовым кварцем, аметистом и...

Вежливое покашливание развеяло фантазии Шейрены. Она неохотно открыла глаза и воззрилась на плоды трудов служанок, отражающиеся в зеркале.

Это было ужасно. Нет, это было лучшее, что они могли сделать, и Шейрена это знала. Глаз совершенно не видно под густыми синими тенями цвета павлиньего пера, которым раскрасили веки; на щеках — красные чахоточные пятна, — ну как есть клоун! — а розовые губки бантиком кажутся приклеенными.

Шейрена не осмелилась одобрить работу служанок, но и выражать неодобрение тоже не стала. Если лорду Тилару не понравится, пусть сам так и скажет. Видя, что Шейрена молчит, рабыни снова принялись укладывать ей прическу.

Волосы Шейрены были ее единственным настоящим украшением, если оставить их в покое, — но служанки возвели из них причудливое сооружение под стать платью, и в результате прическа Шейрены сделалась похожа на парик из выбеленного конского волоса. Большую часть волос уложили на макушке жесткими завитками, косицами и локонами. Лишь несколько прядей, жестких от лака и закрученных, как проволочные пружины, спадали вниз, обрамляя размалеванное лицо Шейрены. Теперь служанки украшали прическу драгоценными гребнями и шпильками, как приказал отец Шейрены. Разумеется, гребни были тяжелые, литого золота, щедро разукрашенные изумрудами.

«Если бы я одевалась сама, я взяла бы бледно-розовый шелк, с цветами, лентами, жемчугом и белым золотом. А не это все. Я бы, конечно, растворилась в толпе, но зато не была бы похожа на клоуна».

К тому времени, как служанки закончили убирать и наряжать Шейрену, девушка сделалась неузнаваемой. Оно и к лучшему. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь признал ее в таком виде!

Все было бы не так плохо, если бы с ней мог пойти Лоррин. Он бы рассмешил ее, он помог бы ей сохранять чувство юмора, не принимать это так близко к сердцу. Он не позволил бы особенно неприятным личностям приближаться к ней. Но Лоррин был подвержен жутким приступам головной боли — и как раз сегодня с утра свалился с одним из таких приступов.

«Ну и хорошо. Не хочу, чтобы кто-то видел меня такой, пусть даже и Лоррин!»

Лоррин лежал на кровати. Одним глазом он бдительно наблюдал за дверью, другим читал с трудом добытую книгу о людях. Книга называлась «Железный Народ». Читая, Лоррин одновременно прислушивался, выжидая, не раздастся ли звук шагов. Он предусмотрительно расположился так, чтобы в любой момент иметь возможность выронить книгу и рухнуть на кровать, прикрыв глаза ладонью, едва дверь в его спальню начнет отворяться. По счастью, в характере лорда Тилара было скорее вломиться в комнату сына с фанфарами и пышной свитой, чем подкрасться на цыпочках, пытаясь застать Лоррина врасплох.

Лоррин терпеть не мог изображать кришайн — приступы жуткой головной боли, сопровождающиеся потерей ориентации. Это типично эльфийская болезнь, незнакомая людям. Считается, что она вызывается перенапряжением магических сил. Лоррин не любил изображать кришайн потому, что из-за этого нельзя будет выйти из комнаты, даже когда лорд Тилар отправится на бал. На самом деле Лоррин никогда не страдал от кришайна, хотя многие эльфы действительно были ему подвержены. Кришайн считался либо признаком чрезмерных амбиций, либо преждевременным проявлением магической силы в ребенке. Виридина давно научила Лоррина изображать приступы кришайна именно потому, что эти приступы лишают эльфа возможности передвигаться, их легко симулировать и разоблачить симулянта невозможно. Поскольку приступы кришайна доказывали, что Лоррин — могущественный маг, лорд Тилар даже гордился тем, что его сын страдает этой болезнью.

Сегодня Лоррину было особенно неприятно изображать приступ. Не потому, что ему так уж хотелось побывать на балу — что там может быть хорошего, просто еще одно длинное и

скучное празднество, — но потому, что ему не хотелось бросать бедняжку Рену одну. Лорд Тилар не станет заботиться о том, как она себя чувствует и кто ее окружает, — он будет обхаживать других приверженцев лорда Ардейна. А Лоррин знал, что на таких огромных сборищах бывает всякое: народу слишком много, чтобы хозяин мог уследить за всеми, а многие напиваются и начинают творить безобразия. Рену могут начать дразнить, унижать, она может сделаться мишенью дурацких или даже жестоких шуток, возможно, ей придется защищаться от полупьяных старых распутников или грубых молодых идиотов... Видят Предки, Лоррину и самому не раз приходилось отражать атаки непрошеных пьяных ухажеров, пока он был помоложе. Нет, конечно, ничего серьезного с ней не случится: на балу будет достаточно трезвых слуг лорда Ардейна, которые присмотрят за тем, чтобы какой-нибудь пьяный кавалер не попытался утащить в сторонку неопытную девицу. Прежде чем действительно случится что-нибудь серьезное, к достойному господину подойдет парочка слуг, которые мягко отберут у кавалера его добычу, подсунут ему человеческую женщину-рабыню и направят его в сад или другой уединенный уголок, куда он, собственно, и собирался. Так что добродетель и подразумеваемая чистота эльфийской девы останутся незапятнанными. «Что об этом думают рабыни, никого не интересует. Несчастные создания!»

Нет, физического ущерба Рене не причинят. Но ее могут обидеть, напугать... А ведь она так хрупка и уязвима!

«С ней было бы все в порядке, она могла бы выпутаться и из более опасной ситуации, если бы только была чуточку похрабрее. О Предки! Временами мне так хочется, чтобы она сумела наконец набраться мужества! Ведь порой она начинает вести себя так, как будто действительно способна постоять за себя, — но тут же сдается и послушно делает все, как ей говорят. Если бы она только научилась говорить «нет», она прекрасно обошлась бы и без моей помощи!»

Эта мысль была жестокой. Лоррин тут же ее устыдился. В конце концов, где и как Рена могла научиться постоять за себя? Уж чего-чего, а этого лорд Тилар не допустил бы! Ему нужна покорная дочь, хорошо воспитанная, хорошо выдрессированная, послушно выполняющая все, чего требует отец.

И скорее всего лорд Тилар получит то, чего хотел. Леди Виридина уже рискует жизнью ради сына — на дочь у нее не остается ни времени, ни сил...

В дверь тихонько постучали. Два удара, пауза, потом еще три. Лоррин бросил книгу и соскочил с постели, прежде чем дверь приотворилась и в нее проскользнула леди Виридина. Она была одета и причесана для бала: платье серебристого шелка и бриллианты в волосах. Эльфийка была похожа на хрустальную статуэтку, выточенную рукой искусного мастера.

— Я ненадолго, — негромко, но торопливо произнесла она. — Я пришла лишь затем, чтобы сказать, что я подслушала разговор лорда Тилара по магической связи. Твоя догадка оказалась верной.

— Ага, значит, высшие лорды действительно устроили ловушку для молодых полукровок, которые могут явиться на праздник...

У Лоррина кровь застыла в жилах при мысли о том, что спасся он только чудом.

— Я так и подумал, когда узнал, что лорд Тилар так заботится о наряде Рены. Ведь он мог сделать ее какой угодно с помощью искусно наведенной иллюзии. А раз он этого не сделал, значит, иллюзию использовать почему-то нельзя...

Мать торжественно кивнула.

— Бальный зал находится под действием множества заклятий, развеивающих личины. Эти заклятия созданы самыми могущественными членами Совета, и ни один гость их не минует. Уже ходят слухи, что на самом деле полукровкой был сам Валин, а не его раб Меро.

— Ну да, как будто бы чистокровный эльф не мог восстать против такого безумного садиста, как Диран! — презрительно скривился Лоррин.

Но Виридина покачала головой.

— Да нет. Просто старики боятся. И потому делают вид, что это было вовсе не восстание, а просто следствие врожденной злобности и неуравновешенности полукровок. Но теперь, когда они признали, что среди молодых лордов и ан-лордов был полукровка, они опасаются, что могут быть и другие. Их действиями руководит страх.

Лоррин хмыкнул.

— Может, и так, но ведь они правы! — напомнил он матери с мягкой иронией. — Уж один-то точно есть.

Виридина поспешно шагнула к сыну и прижала палец к его губам, прежде чем он успел сказать еще что-то.

— Здесь всюду уши! — предостерегающе шепнула она.

— Ну, только не здесь! — возразил Лоррин с уверенностью, которую Виридина не могла разделять: ведь она была всего лишь эльфийкой. А он был полукровка и владел магией, полученной не только от матери, но и от своего настоящего отца, и настоящий отец научил его пользоваться человеческой магией, прежде чем Виридина освободила его и отправила к людям-изгоям, бежавшим из рабства. Лоррин мог читать мысли любого из тех, кто был в поместье, — и он знал, что сейчас их никто не подслушивает.

— Мне скоро надо уходить, — сказала Виридина, одарив сына слабой улыбкой. — Я пришла только затем, чтобы сказать: ты был прав. Отныне нам следует быть вдвое осторожнее. До сих пор не понимаю, как ты догадался.

На это Лоррин ничего не ответил. Он наклонился, поцеловал матери руку. Она на миг ласково коснулась его щеки.

Лоррин снова выпрямился и принялся расхаживать по комнате.

— Впервые я заподозрил ловушку, когда Тилар попросил меня помочь сделать украшения для Рены. Зачем трудиться создавать настоящие украшения, когда простые иллюзии выглядят ничуть не хуже, а носить их куда легче?

Виридина медленно кивнула. Сверкнули камни, вплетенные в ее волосы.

Ходьба не успокаивала, но зато давала хоть какой-то выход энергии.

— Когда ты мне сказала, что лорд Тилар велел тебе уступить Рене нескольких служанок, чтобы помочь наложить косметику, подозрение сменилось уверенностью. Я понял, что прав.

— Понятно! — воскликнула Виридина. — Личина, наложенная на лицо Рены, сделала бы ее куда красивее, чем все краски, которые пустят в ход эти бедные создания. Какой ты умница, что догадался об этом!

— Простая наблюдательность, — пожал плечами Лоррин. — Так что я создал для Рены замысловатые украшения из филигранного золота и изумрудов — не только ожерелье и кольца, но еще и изысканный пояс, свисающий до пола, браслеты, гребни и шпильки.

Его творение просуществует недели три, а то и четыре. Для этого потребовалось столько усилий, что, когда в результате Лоррин свалился с головной болью, это никого не удивило. У Тилара будет лишний повод похвастаться магическими способностями сына. А поскольку ловушка должна была быть тайной, об истинной причине отсутствия Лоррина никто не догадается. Так что пострадает одна Рена — и то не так уж сильно.

Жаль ее, конечно, — но у Лоррина были слишком серьезные проблемы, чтобы заботиться о самочувствии Рены. Похоже на то, что его тайна вот-вот будет раскрыта.

— Он тобой так гордится — просто смешно! — ответила Виридина, слегка скривившись. На миг маска спокойствия, которую она носила, не снимая, пошла трещинами. Потом эльфийка вздохнула. — Твой настоящий отец гордился бы тобой куда больше — и с куда большим правом!

Лоррин вздрогнул: леди Виридина нечасто говорила вслух о его настоящем отце. Она зачала его от человека, доверенного раба, который приехал вместе с ней из отцовского поместья, когда лорд Тилар принялся преследовать жену за то, что она никак не может понести. Человек был полностью предан Виридине. Какие чувства испытывала к нему сама Виридина — этого Лоррин не знал и вряд ли когда-нибудь узнает. Единственным эльфом в поместье, чьи мысли Лоррин отказался читать раз и навсегда, была его мать. Виридина не желает обсуждать это со своим сыном — и какое право он имеет лезть ей в душу? Все, что знал Лоррин, — это то, что незадолго до замужества Виридина вывела из строя рабский ошейник Гарта, вернув ему человеческие магические способности, в том числе способность читать мысли, и что Гарт использовал свои способности, чтобы помогать ей и защищать ее.

А еще Виридина призналась сыну, как никогда не надеялась, что ему удастся пережить младенчество. По слухам, полукровки рождались слабыми и болезненными и большинство из них умирали, не прожив и года.

— Ты не жалеешь?.. — начал он.

— Нет, — решительно ответила она. — И никогда не жалела.

По магическим способностям Виридина была как минимум равна Тилару — а возможно, и превосходила его. Она с самого рождения облекла Лоррина иллюзией эльфийского облика и поддерживала эту личину днем и ночью, бодрствуя и во сне, пока мальчик не стал достаточно взрослым и искусным, чтобы поддерживать ее самостоятельно.

Тилар был в восторге от крепкого, здорового сына, которого подарила ему жена. Возможно, Виридину тревожила сила Лоррина — но она этого никогда не выказывала. Как на смех, через год она родила Шейрену, настоящую дочь Тилара. И Шейрена оказалась настолько же хрупкой, насколько крепок был Лор-

рин. Тилар явно считал, что двух детей ему достаточно, — что же до любовных утех, он предпочитал общество своих наложниц. Так что после рождения Шейрены он бросил Виридину — или оставил ее в покое, это уж как посмотреть.

— Я навечно у тебя в долгу... — прошептал Лоррин.

— Ты мой сын! — яростно перебила Виридина. Во взгляде ее на миг показалась сила, которая двигала этой женщиной. — Ты мой ребенок, ты целиком принадлежишь мне, а не ему. Здесь не может быть речи о долге.

Ее пылкий ответ заставил Лоррина умолкнуть.

Сам Лоррин был не так уверен на этот счет. Хотя предсказать, что случится дальше, было невозможно. Если бы дела шли по-прежнему, все было бы прекрасно. Виридина без труда поддерживала личину, скрывающую истинный облик Лоррина, — он и сам без труда управился бы с этим. Так что не стоило бояться, что их тайну раскроют.

Если бы не Проклятие Эльфов.

— Мне надо идти, — сказала Виридина и выскользнула из комнаты, прежде чем Лоррин успел ответить.

Лоррин снова принялся расхаживать взад-вперед. «Если бы не Проклятие Эльфов... Одна маленькая юная девушка — и сколько сумела натворить...»

Во многих отношениях она оказалась очень полезна для дома Тревес. Если бы не она, не было бы второй Войны Волшебников и ряды эльфийской знати остались бы столь же нерушимыми, как и в последнюю сотню лет. Но разразилась вторая Война Волшебников — и одни лорды погибли в боях, а другие утратили свое влияние. Лорд Тилар дожидался подходящего момента: едва в рядах знати возникла брешь, он тут же ринулся вперед.

Но эта же девушка весьма ощутимо дала эльфийским лордам понять, что дни полукровок отнюдь не миновали, что полукровки продолжают рождаться, вырастать и скрываться в глуши. Тайна выплыла наружу, и теперь, когда волшебники оказались вне досягаемости, эльфы заглушали свой страх, охотясь на тех полукровок, что были под рукой, наказывая их лишь за то, что они такие, какие есть.

Конечно, если быть объективным, эльфов трудно упрекать за это. Как они могут не испытывать страха перед теми, кто способен обратиться не только к эльфийской магии, но и к запретной магии рабов-людей? Магии, которую сдерживают лишь ошейники, какие надевают на каждого раба, едва только

он достигнет возраста, в котором ребенок уже способен обучаться магии.

Если быть объективным... Вот только Лоррину в его положении очень трудно быть объективным. И все это — из-за одной огненноволосой девушки.

Он не мог заставить себя ненавидеть ее — ведь, в конце концов, у нее скорее всего тоже попросту не было выбора. Как и у самого Лоррина.

«И все же мне хотелось бы, чтобы она появилась когда угодно, только не в мое время. Или, по крайней мере, чуть позже, когда я нашел бы способ избавиться от лорда Тилара и сам сделался бы лордом Тревесом...»

Мысль была жестокая, но неизбежная. Лоррину всю жизнь приходилось смотреть, как его мать и сестра подвергаются бесчисленным унижениям. Да и по отношению к сыну лорд Тилар никогда не проявлял ничего похожего на любовь: Лоррин был для него лишь еще одной ценной вещью, только и всего. Правда, с вещами, которыми лорд Тилар больше не дорожил, он обращался жестоко. А леди Виридиной он больше не дорожил. Не так давно Лоррину пришло в голову, что выгодный брачный союз можно устроить не только через них с Реной. Лорд Тилар и сам мог бы вступить в новый брак...

Нет, он не может этого сделать, пока жива леди Виридина, но...

«Но ведь всем известно, как хрупки эльфийки. А когда Рену выдадут замуж и уберут из поместья, меня можно будет отправить к одному из вассалов учиться управлять хозяйством, и тогда неудобных свидетелей не останется...»

Не считая людей-рабов — но им рот заткнуть нетрудно.

Если это пришло в голову Лоррину — значит, и лорд Тилар наверняка об этом подумывал. В последнее время Лоррину случалось замечать, что эльф поглядывает на свою жену с нехорошим блеском в глазах. Матери Лоррин ничего говорить не стал, но начал потихоньку обдумывать, как избавиться от ее мужа, пока тот не избавился от его матери.

И все его планы были опрокинуты появлением Проклятия Эльфов.

Он снова бросился на кровать. Книга была забыта. Ну почему, почему эта рыжая девушка не могла появиться в другое время!

Что ж, у нее не было выбора. И у него тоже выбора нет. Теперь его планы изменились. Сейчас речь шла о том, как выжить ему самому. Надо как-то пережить трудные времена, пока

страх эльфийских владык не поутихнет и они не перестанут искать полукровок в своих рядах.

А что, если его найдут? Лоррина скрутило от страха при одной мысли об этом. «А если... Нет, надо все продумать. Как скрыться. Куда бежать. Мне уже столько раз приходилось притворяться больным, чтобы избежать разоблачения... Нет, начинать планировать надо сейчас, пока еще есть время обдумать все спокойно...»

Глава 2

Рабыни помогли своей хозяйке подняться на ноги и подвели ее к большому, от пола до потолка, зеркалу, чтобы она могла полюбоваться плодами их трудов. Рена с тоской уставилась на собственное отражение. Она предполагала, что это будет ужасно, и не ошиблась.

«Нет, — подумала она, созерцая себя еще немного. — Я все-таки ошиблась. Это еще ужаснее, чем я ожидала».

Оба платья были шелковые, нижнее — светлее и легче верхнего. Предполагалось, что все вместе создаст впечатление текучести, придав Рене сходство с океанской волной, мягко и пышно облегая тело, намекая на то, что прячется под платьем.

Вместо этого текучий шелк безвольно свисал с худеньких плеч Рены и ни на что не намекал, потому как намекать-то, честно говоря, было не на что. Оба платья были снабжены длинными шлейфами, которым полагалось изящно скользить позади Рены. И каково будет управляться с ними в толпе? Рена кисло пнула шлейф пяткой. «Это все хорошо для дамы вроде моей матушки, которая умеет держаться величественно, или для настоящей красавицы, вроде Катарины ан Виттес. Тогда окружающие обращают внимание не только на тебя, но и на то, что на тебе надето, и стараются не наступать на шесть локтей материи, которые за тобой тянутся. А мне просто повезет, если никто не стащит с меня платье, наступив на этот длиннющий хвост!»

Нижнее платье цвета морской волны было гладким, лишь подол и рукава обшиты простой золотой каймой. А верхнее платье цвета павлиньего пера было покрыто крупным узором из лунных птиц — символа дома Тревес, — вытканных переливчатыми изумрудными нитями. На худенькой Рене узор этот

смотрелся совершенно нелепо: повсюду торчали либо головы, либо хвосты, и только на длинном шлейфе птицы были видны целиком. Рене полагалось являть собой красу и гордость дома Тревес, а вместо этого казалось, что ей пошили платье из обрезков портьеры.

«И возможно, гости решат, что мы предпочитаем являть свой герб безголовым, бесхвостым или бескрылым».

На фоне темного платья бледная кожа Рены казалась еще бледнее. И косметика не спасала: из-за застывшего выражения лица Рена была похожа на труп, раскрашенный для погребения.

«Прелестно. Просто прелестно. Главное — не пытаться улыбнуться, а то я вдобавок сделаюсь похожа еще и на клоуна».

А прическа! Нет, о прическе лучше не думать. Горе, а не прическа: монументальное сооружение, намертво скрепленное лаком и шпильками, памятник тщеславию, ночной кошмар архитектора. Но, с точки зрения Рены, носить ее было еще хуже, чем смотреть со стороны: золотые гребни с изумрудами такие тяжелые, что у нее непременно разболится голова задолго до конца бала. На белой груди Рены лежало тяжелое золотое ожерелье, неприятно напоминающее рабский ошейник, запястья схвачены широченными зарукавьями, тяжелые перстни тянут руки к земле, талия туго перетянута золотым поясом, и длинный конец пояса свисает до самого пола, так что ноги будто скованы...

«Надеюсь, танцевать меня никто не пригласит. В этом же невозможно двигаться!»

Каждый изумруд был величиной с лесной орех, а золотые пластины — в ладонь шириной. Такие украшения подошли бы какому-нибудь тщеславному воину или яркой (и очень сильной!) наложнице. На Рене они смотрелись совершенно неуместно.

Рена вздохнула и отвернулась от зеркала. В конце концов, какое это имеет значение? Ведь и сама она не имеет значения. Она просто ходячая выставка. И лучшее, что она может сделать сегодня на балу, — это усесться где-нибудь на виду, чтобы лорд Ардейн — или другой предполагаемый жених — мог по достоинству оценить ее платье, ее украшения, — силу, о которой они говорят. Силу, которую должны унаследовать рожденные ею дети. Ведь Лоррин-то ее унаследовал, не так ли?

Служанки ждали, что она скажет что-нибудь — одобрительное или неодобрительное. Рена слабо махнула рукой.

— Мой отец, вероятно, будет вами очень доволен, — сказала она, не желая высказывать собственного мнения. — Мире, останься, пожалуйста. Остальные могут идти.

Служанки с видимым облегчением присели в реверансе и поспешно удалились. В комнате осталась только Мире, любимая служанка Рены. Мире, одна из немногих, не принадлежала к бывшим наложницам лорда Тилара, и Рена дорожила ею уже поэтому. Но Мире обладала и другими достоинствами.

Ничего особенного в Мире не было. Не простушка, не красавица, не высокая, не карлица, волосы русые, глаза карие — самая обычная девушка. Но все это было внешнее. Теперь Рена знала, что простецкая внешность служит Мире лишь маской. Ведь Мире — единственная из всех рабынь — действительно знала, что на самом деле творится за стенами поместья. Хотя откуда ей это известно, служанка признаваться не спешила. Но главное — она охотно делилась этими сведениями со своей хозяйкой. Поначалу она говорила: «ходят слухи» или «поговаривают, что...», но потом отбросила притворство. Девушки давно уже позволяли себе говорить друг с другом откровенно.

Когда прочие служанки вышли, Рена убрала с лица благосклонную мину (и без того не особенно убедительную) и хихикнула, увидев, что Мире скривилась с отвращением.

— Знаю, знаю, — сказала Рена человеческой девушке. — Ужас, правда?

— Вы мне напоминаете девственницу, которую собираются принести в жертву по обычаю какой-нибудь древней религии, — ответила Мире, качая головой и язвительно усмехаясь. — Бедное жалкое создание, с головы до ног увешанное дарами богам, чтобы быстрее пойти ко дну священного пруда... б-р-р-р!

— Да, существо, которое важно не само по себе, а как носитель даров. Я тоже думала о чем-то подобном.

Рена осторожно опустилась на стул.

— Слушай, ты не могла бы это хоть как-нибудь уравновесить? А то мне кажется, что я вот-вот рухну.

— Сейчас поглядим, — с готовностью откликнулась Мире. — Возможно, мне удастся «потерять» часть этих жутких гребней и булавок. Вряд ли лорд Тилар станет их пересчитывать. Знаете, госпожа, я вам никогда особо не завидовала, но сегодня я чрезвычайно рада, что мне не придется быть на вашем месте. Эта прическа, должно быть, ужасно тяжелая, а уж гребни!

Мире склонила голову набок.

— Гм... Наверно, я смогу убрать половину из них, сохранив прежний ужасающий эффект.

— О, пожалуйста! — взмолилась Рена, не испытывая ни малейших угрызений совести. — Их создал Лоррин. Через пару дней они развеются сами собой. И расскажи мне новости, если есть, что рассказывать.

— Кое-что есть.

Рабыня аккуратно вынула один из гребней, бросила его на пол и задвинула ногой под туалетный столик.

— Я слышала, что волшебники нашли себе новую крепость и теперь устраиваются в ней. Ну, то есть они нашли место, которое можно превратить в крепость, и отправили весть для беглых полукровок, чтобы они могли отыскать это место. На самом деле крепость для них строят драконы — по крайней мере, так говорят.

— В самом деле?

Волшебники Рену интересовали мало, но то, что драконы по-прежнему с ними, помогают им...

— Но как драконы могут строить? У них ведь когти, чешуя и все такое — им ведь, наверно, не очень удобно...

Мире рассмеялась и запихнула второй гребень в другое укрытие.

— А я-то думала, что говорила вам, когда рассказывала о войне! У драконов есть магия, и эта магия способна не только вызывать молнии. Они могут придавать камню любую форму, какую захотят. Они просто лепят стены из скал, как раб лепит горшок из глины.

Рена увидела в зеркале, как ее бледно-зеленые глаза расширились от изумления.

— Нет, ты не говорила! Ты не рассказывала, что драконы владеют магией. Ну, то есть летать и бросаться молниями — это, конечно, тоже магия своего рода, но такая магия! Они похожи на одного из великих дарсанов из Эвелона!

Мире пожала плечами, как будто для нее это не имело особого значения.

— Ну, мне казалось, что такие огромные существа просто не могут не обладать магией. Это же само собой разумеется! Подумайте сами: если тебе приходится жить в пещере, надо же ее как-то обустраивать!

Рабыня спрятала под столик еще пару булавок, потом ослабила ожерелье. Рена задумчиво кивнула.

— Да, пожалуй, ты права. Просто то, что ты сообщаешь мне о драконах, звучит все удивительнее и удивительнее! Ах, я отдала бы все на свете, лишь бы увидеть настоящего живого дракона хотя бы одним глазком!

Рабыня сухо рассмеялась.

— Судя по тому, как идут дела, похоже, что ваше желание скоро исполнится. Драконы вовсе не намерены скрываться! Скоро они начнут летать прямо над поместьями. А вам, видать, они очень нравятся, да?

Рена только кивнула в ответ. Вот если бы тут был Лоррин — о, Рена прекрасно знала, о чем он спросил бы в первую очередь. О Проклятии Эльфов. Он, похоже, был так же одержим этой юной волшебницей, как Рена одержима драконами. Правда, при рабах запрещено даже упоминать это имя, но Лоррина бы это не остановило, как и то, что, если бы их подслушали, Мире грозили бы серьезные неприятности.

«Хотя Мире бы выпуталась — она слишком хитра, чтобы попасть в ловушку!» Рабыня всегда заботилась о том, чтобы их никто не подслушал. И, однако, Лоррин готов пойти на такой риск, какого сама Рена никогда бы не допустила...

Но Рена предпочитала расспрашивать о драконах. Это была сравнительно безопасная тема — даже если их действительно подслушивают.

— А что такое «дарсан»? — спросила Мире, аккуратно укладывая волосы Рены, чтобы было незаметно, что часть гребней вынута. — И что такое «Эвелон»?

— Эвелон — это место, откуда мы все пришли, — рассеянно ответила девушка: ей живо представился дракон, превращающий вершину горы в подобие себя самого. — Я-то его, конечно, не помню, и лорд Тилар не помнит, потому что мы родились уже здесь, но все старейшие лорды Совета его помнят — вот, например, дядя лорда Ардейна. Говорят, это было очень опасное место — такое опасное, что нам пришлось уйти оттуда, а иначе бы мы погибли.

— Опасное? — прищурилась Мире. — И чем же оно опасное?

Рена пожала плечами.

— Лоррин говорит, мы сами были виноваты. Каждый из эльфийских домов враждовал одновременно не менее чем с дюжиной других, и битвы велись отнюдь не с помощью армий рабов или гладиаторов, потому что рабов там нет: там вообще нет людей. Дома с детства готовили своих сыновей к тому, чтобы быть

войнами и вести магические поединки. А еще они создавали с помощью магии жутких чудовищ, чтобы натравливать их на враждебные дома. Только беда в том, что частенько эти чудища сбегали и принимались уничтожать всех подряд. На гербах многих домов изображены те самые чудища, которых они создали. Дарсаны — это, кажется, что-то вроде драконов: они похожи на гигантских ящериц, только без крыльев, едят все, что движется, и плюются огнем. И драконов дома тоже создавали — только драконы все разлетелись. А дарсаны постепенно обрели собственную магию: они научились зачаровывать, — по крайней мере, так говорится в истории. И от этого они стали вдвое опаснее, чем прежде.

— Угу... — Мире продолжала причесывать Рену, но на лице служанки застыло странное, сосредоточенное выражение. — Так из-за этого вы и ушли из Эвелона?

— Да, наверно... Ушли, пока могли.

Рена не упрекала своего деда за то, что он покинул родину, — судя по рассказам Виридины, место было действительно ужасное.

— Лоррин думает, что ушли в основном те дома, которые были слабейшими, те, кому нечего было терять. Он говорит, именно поэтому среди нас так много эльфов, почти лишенных магии.

— Ваш братец время от времени говорит умные вещи, — насмешливо заметила Мире. — Так, значит, слабые сбежали и оставили поле битвы сильным — которые, вероятно, давным-давно уничтожили и самих себя, и все вокруг. Да, пожалуй, мне тоже не хотелось бы жить в Эвелоне!

— А вот теперь ты говоришь совсем как Лоррин! — Рена тихонько рассмеялась. — Он бы тоже так сказал.

— Я же говорю: время от времени он бывает прав.

Мире положила расческу и осмотрела результат своих трудов.

— Так вот, значит, почему высшие лорды никогда не сталкиваются друг с другом напрямую, все распри ведутся путем интриг, а исход битв решается руками рабов или гладиаторов?

Рена кивнула.

— Это не столько закон, сколько соглашение. На самом деле в старые времена, когда мы только начали строить свои поместья, высшие лорды стремились объединить силы, чтобы управиться побыстрее. Ну, а теперь... — Рена криво усмехнулась, — скорее свиньи наденут платья и станут играть на арфах, чем

кто-нибудь вроде лорда Синдара придет на помощь лорду Килану. Надеюсь, драконы живут дружнее нас.

— Слыхала я, что так оно и есть, — кивнула Мире. — Мне говорили, что они умеют делиться друг с другом своей силой и что между ними не бывает мелких ссор. Лишь страшнейшее предательство может сделать их врагами. Говорят также, что там, где есть драконы, царит тысячелетний мир. Наверно, именно потому они и согласились помочь полукровкам: ведь волшебники просто жили и никого не трогали — это эльфы первыми начали войну, чтобы их уничтожить. Драконам, должно быть, стало просто жаль полукровок, и они исполнились неприязни к лордам, что искали смерти волшебников.

— Жалко, что мы не такие! — вздохнула Рена, изучая свое отражение в зеркале.

«Если бы мы были, как драконы, меня не поднесли бы на тарелочке какому-нибудь выжившему из ума старцу в качестве сладенькой невесты, — угрюмо размышляла она. — Если бы мы были, как драконы, я могла бы делать, что захочу, и отец оставил бы меня в покое».

А что именно она стала бы делать?

— А что делают драконы, когда не помогают волшебникам? — спросила она вслух.

— О, им живется очень весело! — тут же отозвалась Мире. — Они летают, играют друг с другом, исследуют новые земли, создают дивные скульптуры с помощью своей магии, рассказывают сказки — да мало ли что! Всего и за день не перескажешь.

При мысли о такой привольной жизни в горле у Рены встал комок. Она сглотнула. «Если бы только я могла сбежать, сбежать в ту землю, где живут драконы! Если бы найти такое место, где мне больше не пришлось бы повиноваться отцу, где нет никаких правил...» Эти правила и отцовская воля давили ее так же ощутимо, как созданные по его приказу украшения. С таким грузом много не налетаешь...

Но мечты о бегстве были так же бесплодны, как мечты о драконе, который прилетит и унесет ее отсюда. Ну как ей сбежать? Она ведь даже ни разу не покидала пределов поместья! Она не умеет заботиться о себе, не умеет защищаться, а без этого ее поймают и приведут обратно, прежде чем она успеет отойти хоть на шаг от ворот.

Бегство было таким же невозможным делом, как... как свиньи в платьях и с арфами!

И к тому же она слишком долго собирается. В любую минуту может явиться отец, чтобы посмотреть, почему она медлит. И что будет, если он обнаружит, что она уже одета и причесана и сидит, пялясь на себя в зеркало?

Шейрена снова поднялась, без радости, но с достоинством.

— Ладно, Мире, ты меня не жди. Скажи одной из служанок, чтобы она ждала моего возвращения в моих комнатах.

По крайней мере, Мире не придется скучать весь вечер в одиночестве в пустых и гулких апартаментах.

— Которой? — с готовностью спросила Мире.

Рена пожала плечами.

— Не знаю. Мне все равно. Выбери кого-нибудь, кого ты недолюбливаешь. Скажи, что это я приказала.

Ни одна из рабынь не посмеет ослушаться прямого приказа дочери хозяина, так что если у Мире есть на кого-нибудь зуб, это для нее удобный случай отомстить. В отсутствие Рены все шкафы и ящики будут заперты с помощью магии, так что служанке останется только сидеть сложа руки и скучать, пока Рена не вернется с бала.

Мире хитровато улыбнулась и поклонилась госпоже. Поклон был чуточку насмешливым, но Рена ничего не сказала. Не дожидаясь ответа, эльфийка повернулась, махнула рукой в сторону двери, которая мгновенно распахнулась, и вышла в коридор, отделанный розовым мрамором.

Коридор, как и комнаты Рены, был создан прежним владельцем поместья, высшим лордом, куда более могущественным, чем лорд Тилар. Двери комнат раскрывались лишь по велению тех, в чьих жилах текла эльфийская кровь, а часть дверей была снабжена магическими завесами, которые не пропускали никого, кроме хозяев. Весь дом был озарен мягким рассеянным светом, угасающим только по велению эльфов. В доме не было ни окон, ни отдушин. Многие из рабов так ни разу и не видели солнца с тех пор, как их забрали прислуживать в доме.

Многое в доме не изменилось со времен смерти прежнего владельца: лорду Тилару не хватало магии, чтобы переделать дом по своему вкусу. Пожалуй, оно и к лучшему. Рене случалось бывать в домах, где никогда нельзя было заранее знать, что находится за дверью: коридор, бальный зал или пропасть. Не настоящая пропасть, конечно, всего лишь иллюзия, но Рена тогда ужасно перепугалась — в чем, собственно, и состояла соль так называемой «шутки».

Нет, это был самый обычный коридор, уставленный вдоль стен алебастровыми вазами. Коридор заканчивался лестницей, тоже отделанной розовым мрамором. Лестница, мягко изгибаясь, спускалась на первый этаж. У верхней площадки Рену поджидал ее личный эскорт из людей-стражников. Когда Рена миновала их, стражники бесшумно последовали за ней. Лорд Тилар и леди Виридина должны ждать ее внизу. Будем надеяться, что они сами только что закончили одеваться и ждут ее не слишком давно... Отец так тщеславен — должно быть, он долго прихорашивался...

Рена помедлила на верхней ступеньке и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. «Голову выше. Иди медленнее. Старайся не забывать про этот дурацкий шлейф. Постарайся забыть про этот дурацкий эскорт. Ступай размеренно...»

Рена медленно спускалась по лестнице. На полпути остановилась, прислушиваясь к голосам, доносящимся снизу. Лорд Тилар о чем-то громко рассуждал, но голос его звучал надменно, а не раздраженно. Значит, она не опоздала.

Возблагодарим же Предков за эту маленькую милость!

Рена продолжала спускаться тем же торжественным шагом, зная, что если она уронит свое достоинство, проявив хоть малейшую оплошность, отец будет недоволен. А у него и так хватит причин для недовольства — лучше не давать ему лишнего повода разгневаться...

Он все-таки ждал ее. Сердце у Рены упало, когда она увидела, что отец обернулся к лестнице, едва она показалась из-за поворота, и придирчиво следит за каждым ее движением. Грудь сдавило от страха, и Рене стоило немалого труда продолжать дышать ровно и спокойно.

«Ему не понравится это платье, эта прическа, этот макияж... ему не понравится моя походка...» Этот страх был привычным — Рена испытывала его каждый раз, как ей случалось попасться на глаза отцу. А что поделаешь, если отец не внушает ей ничего, кроме страха?

Отец был красив даже для эльфа, но лицо его и по эльфийским меркам казалось чересчур холодным и отстраненным. Он был на полторы головы выше Виридины и дочери. Лорд Тилар носил такую же прическу, как его дед, словно бы в память об этой грозной личности: волосы коротко подстрижены, вопреки моде, и не схвачены ни обручем, ни диадемой. Узкие, точеные черты эльфа не выражали абсолютно никаких чувств, но Рена знала отца достаточно хорошо, чтобы заметить, как сощурились ярко-зеленые глаза, выискивая недостатки в ее одежде и поведении.

Лорд Тилар и леди Виридина были одеты в одинаковые цвета — льдисто-белый с золотом. Отцовский костюм напоминал доспехи, не будучи таковыми; что до платья матери, оно было несколько более утонченной копией платья Рены. Однако на леди Виридине платье жемчужно-белого шелка, расшитое переливчатыми лунными птицами, выглядело прекрасно. Монотонную бледность нарядов оживляли лишь камни в украшениях: изумруды и бериллы. И опять же камни на леди Виридине были точно такие же, как на Рене, но она носила их легко, словно бы не замечая их веса. Украшения на лорде Тиларе были попроще и не столь многочисленны: пояс, одно кольцо, браслет и гривна на шее.

Рена приостановилась на последней ступеньке, с трепетом ожидая приговора отца.

Молчание, казалось, тянулось целую вечность. Рена изо всех сил сдерживала дрожь, стараясь, чтобы отец ничего не заметил.

— Неплохо, — сказал он наконец словно бы нехотя. — Ты смотришься вполне презентабельно.

Рена вздохнула с облегчением, стараясь, чтобы этого тоже не было заметно, и преодолела последние несколько шагов, которые отделяли ее от родителей.

— Благодарю вас, господин и отец мой, — прошептала Рена. Она не собиралась говорить это шепотом, но иначе почему-то не выходило.

— Ну что, так и будем стоять тут весь вечер?

И, не успев договорить, лорд Тилар резко развернулся и зашагал по другому коридору розового мрамора, ведущему в его кабинет, где находился портал.

Самому лорду Тилару никогда бы не хватило магии на то, чтобы создать прямой портал, ведущий в Зал Совета, но этот портал достался ему вместе с домом. Портал Тревесов перенесет их в Зал Совета, а оттуда портал Хэрнальтов доставит их в поместье Хэрнальтов, повинуясь магической печати на приглашении, которая служила пропуском. Лишь те, кому доступны подобные порталы, могли прибыть на праздник так быстро и без затруднений. Всем прочим приглашенным придется предпринять длинное и скучное путешествие через полстраны. И, несмотря на это, множество эльфийских лордов мечтали получить приглашение на этот бал. Это говорило о влиятельности дома Хэрнальт.

Кольцо на указательном пальце правой руки Рены не было создано Лоррином — то была самая обычная печатка с лунной птицей, вырезанной на берилле (а не на изумруде). Это будет ее ключ к порталу, который позволит ей вернуться домой. Без него она застряла бы в Зале Совета, пока ее кто-нибудь не забрал бы. В то время как изумруды ценились за красоту и за ними гонялись все рабы, которым дозволено было носить драгоценности, более обычные прозрачные бериллы были воистину бесценны для магических действий — ведь только бериллы способны накапливать в себе магическую силу и использоваться как носители заклятий. А потому женщины носили изумруды — прекрасные, но бесполезные. Мужчины же носили бериллы как знак своей магической мощи.

Рена тащилась за отцом, стараясь не наступать на шлейф матери. За ней по пятам следовал эскорт.

При приближении лорда Тилара дверь распахнулась, и небольшая процессия очутилась в кабинете. Отец Рены называл эту комнату «кабинетом», но ничто не говорило о том, что ее используют в качестве такового. Вся обстановка — белый мраморный стол да пара кресел. Ни книг, ни бумаг — рутинную возню со счетами и всем прочим отец предпочитал спихивать на своих управляющих и вассалов. Розовый мраморный пол коридора сменился мягким толстым дымчато-серым ковром, а розовый мрамор стен — каким-то непонятным веществом, бледно-серым, как дождевые облака. В стенах было две двери, тоже серых, но более темных, чем стены: одна — та, через которую они вошли, а вторая, напротив, на самом деле была не дверью, а порталом.

Лорд Тилар подошел к порталу, взялся за запор, потом взглянул на дочь и нахмурился. Рена невольно съежилась.

— Подними голову! — резко напомнил он. — И улыбайся!

Не дожидаясь, пока дочь выполнит его распоряжения, лорд Тилар распахнул дверь и шагнул в портал. Он не заколебался ни на миг — но, впрочем, ему было не привыкать к магическим порталам.

За дверью была только тьма. Со стороны казалось, будто тьма поглотила лорда Тилара, стоило ему перешагнуть порог. Рене никогда прежде не приходилось пользоваться порталами, но Лоррин, которому приходилось, говорил, что бояться совершенно нечего. И все же при виде этой бессветной пустоты внутри у Рены что-то дрогнуло. Она отступила бы назад, если бы не толпящиеся позади стражники...

«Которые, наверно, должны заставить меня пройти в портал и не дать сбежать в свою комнату!»

Леди Виридина, казалось, вовсе не замечала страха дочери. Она, не колеблясь, последовала за супругом: наклонилась, грациозно подобрала шлейф и шагнула в пустоту.

Рена застыла на месте.

Один из стражников осторожно кашлянул. Рена вздрогнула и оглянулась на него, зная, что глаза у нее сейчас должны быть огромными и перепуганными, как у кролика.

— Не будет ли госпожа так любезна последовать за леди Виридиной? — произнес он голосом, охрипшим от многолетней необходимости выкрикивать приказы. Судя по любезному, но непреклонному выражению его лица, стражнику отдали приказ подхватить ее на руки и пронести через портал, если она струсит!

Ну уж нет. По крайней мере, от этого унижения она себя избавит. Рена наклонилась, подражая матери, хотя ей было далеко до грации леди Виридины, подхватила конец шлейфа влажными от пота руками и прижала шелк к своей тощей груди. Потом она крепко зажмурилась, чтобы не видеть, куда ступает, и шагнула через порог.

Мире с превеликим удовольствием передала приказ Рены Танхье Лейс, особенно противной блондиночке, которой Мире давно уже мечтала насолить.

В конце концов, мстительность — одна из исконных черт драконьего характера, и отказываться от нее Мире не собиралась.

Танхья была изгнана из гарема за свои проделки и теперь старалась отравить жизнь всем и каждому, постоянно плела какие-то интриги, пытаясь вернуть себе «свое законное место». Разумеется, на это не стоило и надеяться: она была слишком обыкновенной для утонченного лорда Тилара, так что ее и без того выставили бы из гарема в самое ближайшее время. Но убедить в этом Танхью было невозможно. Более того, она пребывала в неколебимой уверенности, что место главной наложницы (которое сейчас занимала стройная брюнетка, исполненная чувства собственного достоинства) по праву принадлежит ей, Танхье, и никому другому. С чего ей это взбрело в голову, Мире понятия не имела, но провести вечерок в одиночестве в комнате леди Шейрены этой девице будет совсем не вредно. Пусть вволю поразмышляет о своих бедах и обидах! Есть надежда, что

ей удастся выдумать еще более забавный план, чем та последняя попытка избавиться от Кери Эйсы — девушки, из-за которой ее выперли из гарема.

«Нет, в самом деле, — хихикала Мире себе под нос, глядя, как Танхья удаляется в сторону комнаты, красная от злости, — до чего же тупы эти двуногие! Ведь она могла бы догадаться, что этот придурок-повар, который взялся ей помочь, непременно попадется! И что, попавшись, он непременно проболтается. Быть может, она и впрямь хороша в постели, но неужели она думала, что это заставит ее любовничка молчать, когда ему припекут хвост? Ведь, в конце концов, ее отослали сюда именно за то, что она пыталась соблазнить одного из стражников и уговорить его испортить Кери лицо — как бы случайно!»

Еще одна такая «случайность» — и Танхью отправят работать в поле. Разумеется, ни один эльфийский лорд не относится к гаремным склокам настолько серьезно, чтобы прибегнуть к крайним мерам наказания, — но ни один эльфийский лорд не потерпит у себя под боком такой возмутительницы спокойствия, как Танхья. Эльфам не нравится, когда что-то идет не так, как хочется. А в данный момент лорду Тилару совсем не хочется обходиться без Кери.

Мире это все казалось тем более забавным, что своим возвышением Кери была обязана именно ей. Прежде Кери была не более чем хорошенькой, но однажды ночью Мире пробралась в гарем и слегка подправила ей лицо. Лепить плоть ничуть не сложнее, чем лепить камень, так что дело оказалось совсем нетрудным: хватило бы сил! И на следующее утро в гареме у лорда Тилара появилась писаная красавица. Внезапное возвышение Кери до ранга главной наложницы опрокинуло весь установившийся порядок в гареме, и бедняжка Танхья возомнила, что ей тоже ничего не стоит возвыситься так же, как Кери. И началась война.

«Как странно, однако: эльфийским лордам даже в голову не приходит, что ту же магию, которую их жены используют для создания цветочных скульптур, вполне можно использовать, чтобы превращать их наложниц в настоящих красавиц!»

Это было в самом начале, когда Мире просочилась в поместье, как способен только дракон: приняв облик человеческой девушки-рабыни. В то время она думала лишь о том, как бы побольше разузнать и как бы навредить эльфам. Она выбрала этот дом только потому, что надсмотрщики лорда Тилара не слишком заботились о том, сколько в поместье рабынь. Одной больше, одной меньше...

Старшие драконы попадали бы в обморок, если бы узнали. Мире совсем незачем было находиться здесь, тем более в человеческом обличье...

Вначале она собиралась превратиться в дикого единорога. Теперь Мире знала, что эльфы называют этих созданных их магией животных немного иначе — однороги, но по привычке именовала их единорогами. Старейшины Логова думали, что она бродит где-нибудь в лесах со стадом. Если бы они только знали...

После второй Войны Волшебников молодым драконам — тем, что не сбежали из своих Логов, чтобы помогать полукровкам, — было строго-настрого приказано держаться подальше от эльфов. Хватит и того, что эльфам стало известно о существовании драконов. А уж если эльфы догадаются о том, что драконы способны менять облик и могут без труда проникать в их поместья, это будет настоящей катастрофой. Лишь самым старым и опытным драконам позволялось менять облик и бродить среди эльфов — тем драконам, которые в случае чего сумеют себя защитить. И лишь затем, чтобы собирать сведения. Никакого вмешательства в дела эльфов или людей-рабов!

«Ха! И что интересного можно узнать, бродя с единорогами? Они совсем как Танхья: красивые и при этом совершенно безмозглые. Кстати, о Танхье...

У нее, между прочим, есть свои сторонники, и один из них — наш надсмотрщик. Надо побыстрее убраться с глаз долой, пока Мариан не узнал, кто передал Танхье этот неприятный приказ. А не то мне до ночи придется заниматься какой-нибудь нудной работой...»

Убираться «с глаз долой» лучше всего на крышу. Правда, девушкам-рабыням совершенно нечего делать на крыше, но, оказавшись там, Мире уже не будет девушкой-рабыней.

Она поднялась на чердак, взобралась по приставной лестнице и через слуховое окно вылезла на крышу. Мгновение спустя на карнизе появился лишний водосточный желоб в форме лунной птицы. С этой удобной позиции Мире могла видеть зады усадьбы — то место, где действительно что-то происходит. Не сад и парк, а огород, конюшни и крайние хижины рабов. Сейчас, когда все хозяева, кроме Лоррина, ушли из дома, жизнь кипела только тут.

Мире жадно следила за суетящимися рабами. Живя среди них, она не раз прикидывала, как Род мог бы использовать природные способности людей. Как приятно было бы иметь рядом кого-то, кто чистил бы ей шкуру и смазывал ее маслом, грел ей воду для настоящей ванны, чтобы не приходилось купаться в горячем источнике, вместо нее охотился на зверей, снимал с них шкуру и рубил туши на удобные кусочки, которые можно проглотить зараз, подметал в Логове, уничтожал паразитов...

«Старики выжили из ума или попросту трусят. А возможно, и то, и другое, — размышляла Мире. — Если эльфы знают о нашем существовании, это еще не значит, что они догадываются о наших способностях! Они не могут обнаружить нас, когда мы меняем облик и находимся среди них. Ведь наша магия — не личина, которую можно развеять. Вряд ли они догадаются, что мы перемещаем массу Вовне, когда превращаемся в эльфов или людей. А без этого они даже не будут знать, что искать!» То были привычные мятежные мысли, полные недовольства. «При должной изворотливости Род вполне может измотать и эльфов, и полукровок до такой степени, что они даже не станут сопротивляться, когда мы подчиним их себе! А тогда уже мы, драконы, будем диктовать условия. А люди наверняка будут нам так благодарны, что станут служить лучше любых рабов!»

Мысль была блестящая, сулящая сотни заманчивых возможностей. Но в данный момент все это разбивалось об упрямое сопротивление старейшин, не желающих думать ни о чем, кроме предосторожностей.

Мире была отнюдь не одинока: ей удалось собрать целую клику приверженцев из числа драконов помоложе, которых тоже не устраивали ограничения, наложенные старейшинами. Молодежь желала свободно бродить где вздумается, в любом обличье. А кое-кому очень нравилась идея завести себе двуногих слуг. И все они полагали, что старики чересчур консервативны, и управление Логовом и Родом давно пора передать молодым.

Но тут была одна ма-аленькая загвоздочка.

Чем старше дракон, тем он могущественнее. Драконы растут всю жизнь, и с возрастом их физическая сила и магия все возрастают. Так что ровесники Мире, даже объединившись, не могли бы одолеть хотя бы одного из старейшин.

«Да, если мы будем одни». Если бы в этот момент кто-нибудь взглянул на крышу, он мог бы заметить, что один из водосточ-

ных желобов раскрыл клюв в неком подобии усмешки. «Но кто сказал, что мы обязательно будем одни?»

Ведь недаром старейшины боятся эльфов и волшебников! Эти двуногие создания меньше и слабее драконов, но магия у них весьма мощная, даже по драконьим меркам. Да, в поединке дракон одолеет эльфа — но ведь эльфы и полукровки никогда не станут сражаться с драконами один на один!

«Уж я-то видела, на что способны эльфы — и полукровки тоже. Если бы мне удалось переманить кого-то из полукровок на свою сторону и уговорить его помочь мне против драконов, я могла бы организовать новый Совет из своих сторонников. Среди Рода немало недовольных, и не только в моей компании. Они не понимают, почему теперь, когда наше существование перестало быть тайной, мы должны скрываться вдвое усерднее. Мне даже не придется прилагать особых трудов, чтобы ослабить позиции старейшин: стоит лишь отвести им глаза или что-нибудь в этом роде, и мы легко возьмем верх! К тому времени, как они наконец сообразят, что происходит, меня будет уже не остановить!»

А те драконы, которые могли бы ее остановить, больше не живут с Родом...

Но эта последняя мысль не доставила Мире радости — скорее наоборот. Ведь эти драконы — возглавляемые матерью Мире, которой следовало бы скорее поддержать дочь, вместо того чтобы страдать по поводу заблуждений Кемана, брата Мире, — ведь как раз они-то и стали первопричиной ограничений, которые мешали жить Мире!

«Если бы мать не притащила в Логово эту проклятую полукровку или если бы у кого-то хватило ума избавиться от девчонки, вместо того чтобы позволить Кеману сделать из нее свою любимую игрушку, ничего этого не случилось бы!»

Водосточный желоб сердито оскалился.

Полукровка выросла, и Алара, мать Мире, постепенно начала уделять ей все больше внимания. В то время как ей следовало бы заниматься родной дочерью! Вот, кстати, еще один пример: чего бы ни выкинул Кеман, Алара только все больше портила и баловала его. А она, Мире, что ни сделает — все не так! Даже когда полукровка в конце концов перешла все границы и напала на лучшего друга Мире, ее вместо того, чтобы убить, попросту выгнали. Ну и, разумеется, Кеман отправился за ней.

«А что сделала мать? Вместо того, чтобы предоставить этому недоноску вытворять, что ему заблагорассудится, сама пота-

щилась следом за ним! А потом он бросил вызов всему Логову и сбежал, а мать помешала остальным догнать его и наказать по заслугам!»

Мире вся кипела, вспоминая, как Алара все время баловала Кемана, а на нее, Мире, почти не обращала внимания! Ее когти так яростно стиснули парапет крыши, что камень начал крошиться. Кеман, Кеман, все время Кеман!

А когда этот мерзавец вернулся и она, Мире, наконец-то поставила его на место, одолев в поединке, — быть может, хоть тогда Алара одумалась и поняла наконец, кто из ее отпрысков сильнейший? Не тут-то было! Вместо этого она увязалась за ним, прихватив с собой половину старейшин, и, помогая ему и его любимчикам, открыла тайну драконов тем самым существам, от которых драконы скрывались в течение нескольких веков!

И что теперь остается делать разумному дракону? Просто растерзать кого-нибудь, честное слово!

Мире пришла в такую ярость, что едва не утратила контроль над собственным обликом. Пришлось успокоиться. В конце концов, она ведь не одна. Лори была ей куда ближе родной матери! Лори считает, что Мире права во всем, что бы она ни делала и ни говорила. И Лори готова поддержать Мире в ее стремлении сделаться новым шаманом Логова.

«Хотя, конечно, мать даже не потрудилась меня чему-то обучить! Она все время возилась со своим драгоценным Кеманом и этой его ручной полукровкой!»

И, в конце концов, теперь, когда все встало с ног на голову, у честолюбивой молодой драконицы куда больше возможностей пробиться наверх. Главное — действовать с умом.

«Ну, а когда все Логово будет у меня в когтях, я, возможно, и не стану трогать Кемана с его любимчиками. По крайней мере, пока».

Надо только завести своего ручного полукровку, а уж тогда захватить власть в Логове будет только вопросом времени. А как только Логово и весь Народ увидит, как она удачлива, все прочие Логова не замедлят присоединиться к ней.

«И тогда им всем придется мне подчиниться: и эльфам, и полукровкам... и Кеману с его волшебничками. Ни мать, ни отец-дракон меня не остановят!»

Поначалу Мире явилась сюда только из духа противоречия, но стоило ей обнаружить, как обстоят дела в доме Тревес, и ее грандиозный план сложился сам собой. Вот почему Мире сидела здесь, обхаживая Шейрену. Драконица знала кое-что, о чем несчастная, запуганная эльфиечка даже не догадывалась.

Лоррин, брат Рены, был полукровка. Он не имел связей с другими полукровками — более того, до появления Проклятия Эльфов («Проклятие Эльфов! Фи! Ну разумеется, эта маленькая проныра не могла не присвоить себе какого-нибудь пышного титула! «Лашана» для нее, видите ли, чересчур просто! Ей непременно нужно имя из легенды...») — так вот, до появления Проклятия Эльфов Лоррин даже не подозревал, что существуют и другие полукровки. Но даже если ему и удастся связаться с волшебниками, вряд ли он сумеет добраться до новой Цитадели — он слишком занят тем, чтобы не попасться.

Но шансов выжить у Лоррина становилось все меньше. Совет высших лордов постановил, чтобы все эльфы мужского пола моложе определенного возраста прошли проверку заклятиями, развеивающими личины. Лоррин об этом еще не знал, но Мире знала. Сейчас эльфийские лорды охвачены безумным страхом — тем более Мире сама позаботилась о том, чтобы распустить кое-какие слухи...

«Очень остроумный ход: распустить сплетню, что Валин, союзник Шаны, на самом деле был полукровкой! Уж если наследник Дирана, который, говорят, ненавидел полукровок больше всех прочих эльфов, мог оказаться полукровкой, где только не может таиться эта зараза?»

Однако Лоррин подозревал, что какая-то каверза готовится. Он сильно сократил свои визиты к друзьям, а на официальных сборищах и вовсе перестал появляться. Мире была почти уверена, что на сегодняшнем балу всех молодых мужчин как раз должны были проверять с помощью магии. И если Лоррин тоже знал об этом — или, по крайней мере, догадывался, — что ж, тогда неудивительно, что у него в последний момент случился приступ кришайна!

Мире снова успокоилась и с удовольствием принялась размышлять о ловушке, которая уже смыкалась вокруг Лоррина. «Вечно прятаться он не сможет. Рано или поздно высшие лорды пришлют кого-то, чтобы проверить его лично, и тогда для него все будет кончено. И тут явлюсь я в качестве нежданной спасительницы!»

Она нарочно забивала Рене голову историями о драконах и волшебниках, рисуя идиллические картинки привольной жизни в Логовах и в новой Цитадели. Мире была уверена, что эти истории доходят до ушей Лоррина. И когда ловушка захлоп-

нется, Мире окажется рядом в последний момент и откроет ему — что?

«Нет, о том, что я драконица, пожалуй, до поры до времени лучше помолчать. По крайней мере, до тех пор, пока мы не окажемся далеко в глуши. Разве что мне придется превратиться в дракона, чтобы унести его отсюда! Пока что у Рены нет никаких причин мне не доверять. Когда я предложу спасти Лоррина, она скорее всего поверит мне, если я назовусь посланницей волшебников».

Да и у Лоррина не будет особых причин не доверять ей. Так что Мире может спокойно похитить полукровку, спрятать его в диких лесах и уже там начать его обрабатывать. Когда он ослабеет от голода и жажды, управлять им будет проще простого.

«Я ему скажу, что некоторые драконы против того, чтобы помогать полукровкам, и что я намерена лишить их власти. Это, кстати, правда. С его помощью я смогу свергнуть старейшин. Ну, а потом я либо придумаю, как управлять им дальше, либо попросту избавлюсь от него».

Солнце медленно опускалось за горизонт. Прозрачные облачка вспыхнули пламенем. Мире замечталась о своем грядущем триумфе.

После первого перехода через портал Рена вся дрожала. После второго — просто немного растерялась. Она шла следом за отцом, недостаточно хорошо соображая, чтобы обращать внимание на то, что находится вокруг. Комната, куда они прибыли, оказалась не больше отцовского кабинета. Возможно, это и был кабинет лорда Ардейна. Их немедленно проводили в тускло освещенный коридор, так что комнату Рена разглядеть не успела. Однако обратила внимание на легкое покалывание, когда они проходили в дверь, — как будто от воздействия заклятия. Рена не поняла, к чему бы это, и забыла о нем.

Поначалу Рена почти ничего вокруг не разбирала: в коридоре, которым вел ее отец, было очень темно. Странно — но, должно быть, это было устроено нарочно, для пущего эффекта. И только когда нога Рены коснулась чего-то мягкого, мгновенно отскочившего в сторону, девушка подняла голову и с изумлением осознала, что «коридор» образован стволами и переплетающимися ветвями могучих деревьев, «ковер» под ногами состоит из мягкого мха и зал, к которому они приближаются, — не что иное, как огромная поляна, уютный лесной уголок,

словно явившийся из блаженных времен до первой Войны Волшебников.

Над головой распростерлась прекрасная иллюзия ночного неба, на котором светила полная луна и сверкали звезды. Рена поняла, что это иллюзия, только потому, что звезды были разбросаны как попало, не складываясь в привычные созвездия, которые она наблюдала во время своих прогулок с Лоррином. Вместо стен поляну окружали высокие стройные деревья. На ветвях висели стеклянные шары, в которых переливались всеми цветами радуги магические огни. Пружинистый моховой ковер был усеян белыми цветами о пяти лепестках. Когда на цветы наступали, они издавали пьянящий аромат.

Лорд Тилар с леди Виридиной уже затерялись в толпе. У Рены хватило присутствия духа, чтобы отступить в тень деревьев, а не стоять посреди зала, разинув рот. Ей еще никогда в жизни не приходилось видеть столь впечатляющей иллюзии! Видно, лорд Ардейн не пожалел расходов: чтобы устроить такое зрелище, потребовалось бы не меньше дюжины магов, равных Лоррину!

Над головой у Рены послышался странный щебет. Девушка вздрогнула, посмотрела наверх и встретилась глазами со столь же фантастической птицей, как те, которых она создавала у себя в саду. Птица снова вопросительно чирикнула и, прежде чем Рена успела ее позвать, слетела на плечо к девушке, а оттуда перепорхнула на руку, машинально протянутую Реной. Девушка улыбнулась и погладила птицу. У птицы был роскошный длинный хвост, высокий хохолок и бледно-розовое оперение, мягкое, как пух. Птица охотно позволяла себя гладить. Она даже прикрыла глаза от удовольствия, мелодично воркуя.

Потом из-за дерева вышла молодая лань и тоже принялась ласкаться. Оглядевшись, Рена увидела, что среди гостей бродят еще несколько ручных животных. Гости по большей части не обращали на них внимания, хотя бедным зверушкам явно хотелось, чтобы их приласкали.

«Должно быть, на них наложено специальное заклятие, чтобы они не таскали закуски и не пачкали пол и одежду гостей», — подумала практичная Рена. И точно: как только Рена подумала об этом, птица спорхнула с руки, отлетела подальше, уронила каплю помета где-то в кустах и вернулась на руку.

Бал был совсем как в древние времена, о которых Рене приходилось только читать в книгах. Тогда эльфийские владыки еще были уверены в своей силе и не начали враждовать друг с

другом. Быть может, лорд Ардейн нарочно пытается напомнить о чем-то подобном?

«Да нет, вряд ли. Скорее всего он просто хочет произвести впечатление на высших лордов, которые помнят былые дни».

— Не угодно ли госпоже выпить вина?

На этот раз Рена успела взять себя в руки. Она не подпрыгнула и не взвизгнула, когда этот голос неожиданно раздался у нее за спиной. Лань унеслась прочь, птица взлетела и уселась на ветку. Рена обернулась и увидела перед собой не раба, как ожидала, а странное существо, вовсе не похожее на человека.

У слуги, который любезно протягивал Рене поднос с узкими хрустальными бокалами, была голова аиста, руки, покрытые перьями, и длинные когтистые лапы вместо ног. Но перья были голубыми и алыми, на голове красовался яркий хохолок, каких у аистов не бывает, и тело под туникой цветов дома Хэрнальт было вполне человеческим. Человек-птица склонил голову набок и уставился на Рену круглым блестящим глазом.

— Да, пожалуйста, — ответила Рена. — С удовольствием. Спасибо большое.

Слуга протянул ей поднос, а потом удалился к следующему гостю, высоко поднимая ноги — и впрямь точно аист, шагающий по болоту. Рена с изумлением смотрела ему вслед.

Наконец она ощутила ужасную сухость во рту и отхлебнула вина. На вкус вино не походило ни на что из того, что Рене доводилось пробовать прежде, но это и неудивительно: на эльфийских пирах и балах не подают простых кушаний и напитков. Вино было чуть сладковатым и пахло цветами; оно слегка пощипывало язык и оставляло во рту бодрящий, освежающий привкус.

Когда глаза Рены попривыкли к феерическому освещению и девушка начала отличать слуг от гостей, она обнаружила, что здесь нет ни одного слуги в обычном человечьем облике. Все они были превращены в полузверей или полуптиц. Тут были даже полунасекомые: Рене попалось на глаза существо с огромными фасетчатыми глазами и усиками, усеянными драгоценными камнями, которое мягко помахивало крылышками, как у бабочки. Видимо, лорд Ардейн действительно нарочно старался воспроизвести былую роскошь эпохи Завоевания. В те времена людям-рабам не дозволяли являться на глаза хозяевам, не изменив своей внешности иллюзией.

Пока Рена держала в руке бокал, ни одно из ручных животных к ней не приближалось. Она отдала бокал другому слу-

ге-полуптице, и из-за дерева вышел лис и принялся тереться об ноги, точно кошка. Рена наклонилась, чтобы погладить зверушку, и лис выгнул спину.

Она с удовольствием провела бы весь вечер на краю «поляны», играя с животными...

«Но если отец увидит, что я прячусь здесь, вместо того чтобы беседовать с гостями, он так разгневается...»

Рена угрюмо взяла еще бокал вина и выпила его залпом, не обращая внимания на вкус. Девушка надеялась, что вино придаст ей храбрости. Потом она нехотя принялась пробираться на середину поляны, с трудом прокладывая себе путь между гостями, разодетыми в причудливые одеяния всех цветов радуги. На нее почти никто не обращал внимания, словно Рена была одной из служанок.

Гроздь разноцветных огоньков озаряла группку музыкантов и столпившихся рядом с оркестром эльфов. Судя по сравнительно скромным нарядам, это все были очень важные персоны. Только очень важная персона может позволить себе выглядеть скромно на подобном сборище.

Лорд Тилар тоже был среди этих важных господ. Он старался сохранять значительный вид, но, судя по легкой складке между бровей, его что-то беспокоило. «Может, его смущает то, что он разоделся чересчур роскошно?» Как бы то ни было, завидев Рену, хмуриться он не перестал. То ли его беспокойство не имело отношения к дочери, то ли он сердился именно из-за нее, и ее появление дела не улучшило.

Ну что ж, если виновата Рена, она узнает об этом, когда они вернутся домой. Разве что до тех пор она успеет натворить что-нибудь похуже...

Лорд Тилар небрежно махнул ей рукой. Девушка пробралась сквозь толпу и подошла к отцу. Судя по всему, ее по-прежнему никто не замечал.

Когда Рена приблизилась, отец взял ее под руку и протащил между двумя гостями. Рена оказалась перед двумя мужчинами, один из которых был молод, а второй стар — очень стар, судя по тому, что он действительно выглядел старым. Если эльф выглядит стариком, это значит, что ему уже недолго осталось жить. Эльфы не бессмертны, как бы они ни старались убедить людей в противном, — хотя по сравнению с краткоживущими людьми они и впрямь могут показаться вечными. Оба мужчины беседовали с тремя дамами, одной из которых была красавица Ката-

рина ан Виттес. Катарина с восхищенной улыбкой внимала молодому эльфу.

Дождавшись паузы в беседе, лорд Тилар поспешно вставил:

— Лорд Ардейн, лорд Эдрес! Могу ли я представить вам свою дочь Шейрену?

Старший из лордов улыбнулся, глядя в глаза Рене; молодой склонился к ее руке, даже не взглянув ей в лицо. Внимание лорда Ардейна было полностью поглощено Катариной ан Виттес — до такой степени, что он почти не замечал ничего вокруг. «И его вполне можно понять», — подумала Рена. Кто же станет смотреть на такую, как она, когда рядом находится Катарина?

— Я в восхищении, — рассеянно бросил лорд Ардейн и вернулся к беседе с Катариной. Уж Катарина-то не нуждалась ни в косметике, ни в драгоценностях, чтобы подчеркнуть свою красоту!

— Я очень рад познакомиться с вами, моя дорогая, — сказал лорд Эдрес, беря руку Рены столь же быстро, сколь поспешно выпустил ее лорд Ардейн. Старик улыбнулся Рене, и морщинки вокруг его глаз сделались заметнее. — Надеюсь, наш маленький праздник придется вам по душе.

Он действительно поцеловал ей руку. Рена смутилась и покраснела. Лорд Эдрес отпустил ее руку и обернулся к лорду Тилару.

— У вас очаровательное дитя, Тилар, — сказал старик, любезно улыбаясь отцу девушки. — Нежное, скромное, свежее и невинное. Я уверен, что ваша дочь добудет вам хорошего зятя.

Разговор явно был окончен, и лорд Тилар был не настолько туп, чтобы не понять этого.

— Я надеюсь, мой лорд, — ответил он и, потянув Рену за руку, вывел ее из кружка приближенных лорда Ардейна.

Девушка внутренне съежилась, ожидая услышать язвительные упреки, но, по-видимому, лорд Тилар не собирался отрывать дочери голову за то, что она не сумела привлечь внимание хозяина бала.

— Все вышло лучше, чем я рассчитывал, — негромко сказал лорд Тилар, увлекая дочь к какой-то новой цели. По счастью, лорд Тилар выглядел достаточно важной персоной, чтобы гости замечали его и не наступали на шлейф его спутницы. — Ты, похоже, понравилась лорду Эдресу. Думаю, ты напомнила ему его собственную дочь.

«Надо же, какая честь! Я напомнила ему полоумную дуреху, которая даже одеться не могла без посторонней помощи!»

— Я на самом деле и не надеялся, что лорд Ардейн тобою заинтересуется: та девица, похоже, явилась одной из первых, и он не отходит от нее весь вечер.

Лорд Тилар издал звук, который у другого сошел бы за разочарованный вздох.

— Что ж, у него есть вкус. Ты этой красавице и в подметки не годишься.

Рена это и сама прекрасно понимала, и все же услышать такое от отца было очень больно. Девушка снова покраснела, на этот раз от стыда.

— Ничего, тут полным-полно других молодых лордов, и любой из них будет выгодным зятем.

Он остановился и толкнул Рену в сторону другой группки. Там танцевали.

— Ступай. Постарайся показать себя, завязать беседу. Ну, впрочем, ты и сама знаешь, что надо делать, или, по крайней мере, должна бы знать, не маленькая уже.

И с этим нежным напутствием он оставил Рену, устремившись к другой кучке эльфов, распространявших вокруг себя незримую ауру власти. А Рена растерянно осталась стоять рядом с кругом танцоров.

И тут ей действительно наступили на шлейф. Хорошо еще, что она стояла на месте!

— Тьфу ты, опять я сделал глупость! — довольно невнятно промямлил молодой эльф. Рена сразу подумала, что юнец сильно пьян. Он ухитрился сойти со шлейфа, не запутавшись в нем, и обернулся к Рене, так что она смогла разглядеть его получше.

Юноша был не особенно хорош собой, и взор его был несколько затуманен. Ну точно, пьян.

«Он так же похож на лорда Ардейна, как я на Катарину. Дурная, расплывчатая и к тому же довольно помятая копия».

— Вы, это, не сердитесь, ладно? Я ужасно извиняюсь, и все такое. Я просто неуклюжий медведь. По крайней мере, все так говорят.

Юнец визгливо хихикнул, и Рена поняла, что он вовсе не одурел от вина — он просто дурак от рождения.

«Ага, понятно. Делая копию с лорда Ардейна, ее позабыли снабдить мозгами».

— Может, все-таки согласитесь станцевать с неуклюжим медведем? — с надеждой спросил юноша, снова рассмеявшись своей «остроумной» шутке. — Если вы подберете этот хвост, я

на него, наверно, больше не наступлю, так что мы сможем сделать пару кругов, а?

Он умоляюще заглянул в глаза Рене и добавил:

— Все говорят, что я лопоухий осел, но танцую я совсем недурно!

В других обстоятельствах Рена отклонила бы это неуклюжее предложение — не менее неуклюже. Но ей стало жаль беднягу: ведь его наверняка притащил сюда его собственный отец и с той же целью, что и ее. Ему полагается заводить знакомство с подходящими девицами, с которыми можно заключить выгодный брак.

«Ему-то, наверно, еще хуже! Мне достаточно просто скромно стоять и надеяться, что кто-нибудь обратит на меня внимание. А ему надо ухаживать...» Она улыбнулась и кивнула. Сонные глаза юноши озарились робкой радостью.

«Должно быть, он уже не раз получал отказ сегодня вечером, раз так рад потанцевать со мной. Я ведь отнюдь не из первых красавиц!»

Выяснилось, что юнца зовут В'кельн Гилмор ан-лорд Киндрет. Отпрыск одного из древнейших и могущественнейших родов. Должно быть, его отец, один из высших лордов, был чрезвычайно недоволен своим наследником. Все, что юноша рассказал Рене о своем «господине и отце», говорило о том, что лорд Киндрет был бы счастлив доказать, что бедный Гилмор ему не сын. Рене было так жалко юношу, что она еще несколько раз согласилась потанцевать с ним и даже позволила ему принести ей вина и закусок.

Танцевал Гилмор не очень хорошо, хотя и не сказать, чтобы так уж плохо. «Сносно», как говаривала в таких случаях ее учительница танцев. К тому же Гилмор не знал никаких танцев, кроме самых старомодных, а потому им большую часть времени оставалось только стоять вне круга и глазеть на танцоров. Гилмор пытался завести умную беседу, но бедолага и впрямь оказался непроходимо туп. Однако все же какой ни на есть, а кавалер. К тому же ему понравились ручные животные — хотя он непрерывно рассуждал о том, как было бы здорово на них поохотиться. В конце концов, лорд Тилар приказал ей общаться с мужчинами — вот она и общается. Он же не говорил, с какими именно мужчинами!

Однако через некоторое время Гилмор заметил, что к ним направляется какой-то пожилой эльф.

— Ох, пропади оно все пропадом! — встревоженно сказал юноша. — Это ведь мой господин и отец. Похоже, меня ищет. Было очень приятно... — и убежал, не закончив фразы, словно собака, заслышавшая свисток.

Рена вздохнула и принялась пробираться обратно к кромке иллюзорного леса. Очевидно, она так некрасива — или так незначительна, — что это бросается в глаза даже такому придурку, как Гилмор. Он даже не предложил представить ее своему отцу. Видимо, считает, что она того не стоит.

Ну что ж, по крайней мере, кроликам и птицам безразлично, что Рена похожа на восковую куклу в шутовском наряде. А если стоять здесь, под деревьями, ей никто не будет наступать на шлейф.

При других обстоятельствах Рене тут могло бы даже понравиться. Птицы и зверюшки были очень славные. Голова, вопреки ожиданиям, так и не разболелась — спасибо Мире. А может, из-за того, что Рена выпила довольно много вина.

Подумав об этом, девушка внезапно обнаружила, что щеки у нее горят и на ногах она держится не слишком уверенно. Наверно, зря она так напилась...

«Я ведь не привыкла пить так много. Но Гилмор как нарочно все время подсовывал мне это вино. Ему, должно быть, говорили, что, когда дама не танцует, в руке у нее все время должен быть бокал. И это, в общем, правильно: если дама будет достаточно пьяна, она может и не заметить, насколько он глуп. Когда выпьешь, все кажется забавным...»

Рена начала всерьез подумывать о том, что стоит попросить кого-нибудь из слуг принести ей кресло, но тут из толпы появился ее отец. Он явно разыскивал Рену.

Он тоже заметил дочь. Животные разбежались, видимо, почуяв поднявшуюся в ней волну страха. Лорд Тилар решительно направился к Рене. Молодые гости почтительно расступались перед ним.

Отец снова взял Рену под руку. Девушка была рада на что-нибудь опереться и не стала сопротивляться, когда он повлек ее к выходу с «поляны».

— Мы уже уходим, отец? — спросила Рена.

Лорд Тилар не заметил надежды, прозвучавшей в голосе дочери.

— Я уже управился со всеми делами, — коротко ответил он. — А гости того гляди перепьются. Нам пора домой.

«Заметил ли он, что я пьяна?» — думала Рена, холодея от страха.

— У Ардейна довольно буйные дружки — он связался с компанией леди Трианы, — и мне не хочется, чтобы ты была здесь, когда они совсем распояшутся, — продолжал лорд Тилар. — Поговаривают... Впрочем, это неважно. Скоро будет как шелковый. Брачный союз с домом Виттес, можно сказать, дело решенное. Полагаю, завтра объявят о помолвке.

«Почему-то меня это совершенно не удивляет...»

Рена подумала, не следует ли ей вставить пару слов, но отец, похоже, этого не ожидал.

— Это, конечно, не лучший вариант — ты подошла бы больше, если судить по наследственной силе, — но вполне подходящий. Старик, похоже, склонен позволить мальчишке самому выбрать себе невесту.

Весь его тон говорил: «Уж я-то никогда не стану так потакать своему сыну!»

— Да, сударь, — машинально отозвалась Рена. Отец даже не заметил.

— Виридина уже отправилась домой, а я тебя разыскивал.

Толпа наконец осталась позади, и они очутились в пустынном коридоре. Отец обернулся к Рене:

— Ну что, ты все сделала, как я говорил? Удалось тебе понравиться хоть кому-нибудь?

Рена ощутила искреннюю благодарность придурку Гилмору — и не только за то, что он составил ей компанию. Теперь она могла сказать отцу правду.

— Да, сударь, — кивнула она. — Меня даже несколько раз приглашали на танец.

Лорд Тилар не соизволил улыбнуться, но кивок его был явно одобрительным.

— Хорошо.

Это было последнее, что Рена от него услышала: отец попросту волочил ее за собой словно тюк. Они миновали первый портал, пересекли Зал Совета, прошли второй портал. Очутившись в розовом коридоре своего собственного замка, лорд Тилар бросил Рену, забрав с собой ее эскорт и предоставив измученной девушке самостоятельно добираться до своих апартаментов, где ею занялась угрюмая белокурая рабыня. То ли от вина, то ли от усталости Рена не обратила внимания на кислую физиономию служанки. Она была слишком погружена в свои мысли. Через полчаса, едва опустив голову на подушки, Рена уснула.

Глава 3

Рена проснулась сама. Это было необычно: как правило, на рассвете в спальню являлись три рабыни, которым полагалось ее будить. Отец считал, что девушкам не следует позволять подолгу валяться в постели: он говорил, что это приучает к безделью. Рена немного недоумевала по этому поводу: ведь они с матерью все равно только и делают, что сидят сложа руки!

Но праздность и безделье — не одно и то же. Сидеть сложа руки — это одно, а бездельничать — совсем другое...

Видимо, для отца это был просто еще один способ проявить свою власть. Впрочем, это, в сущности, неважно: если Рене случалось допоздна засидеться с книжкой, назавтра она могла прекрасно отоспаться днем в саду.

Однако сегодняшний день был исключением. То ли Рена ухитрилась проснуться прежде, чем ее пришли будить, то ли — и это вероятнее — отец велел дать ей выспаться, поскольку накануне она легла очень поздно. Так что, во всяком случае, нынче утром отец проявил к ней не меньше внимания, чем к скаковой лошади.

Рена коснулась резного цветка на спинке кровати, и над головой тут же вспыхнул розовый магический светильник, достаточно тусклый, дающий ровно столько света, чтобы с ним можно было читать. Рена не знала, который сейчас час: с постели было не видно водяных часов в гостиной, а окон в доме не было; но она чувствовала, что, должно быть, солнце уже часа два как встало.

Голова чуточку побаливала, но в целом выпитое накануне вино о себе особо не напоминало. Это было приятным сюрпризом. «А Лоррин после званых вечеров вечно жалуется, как ему плохо! То ли вино было не такое крепкое, то ли я выпила меньше, чем думала...»

Нет, скорее первое. Раз уж лорд Ардейн пригласил на бал кружок сибаритов, который вращался вокруг леди Трианы, неудивительно, если опекун лорда Ардейна приказал потихоньку подменить крепкое вино, какое обычно пьют эльфийские лорды, чем-нибудь менее сногсшибательным. По крайней мере, на первую половину приема. Даже Рена была наслышана о леди Триане — даме с весьма дурной репутацией, которая вскоре после гибели лорда Дирана настояла на праве опустить титул «ан-лорд» перед своим именем и объявила себя полноправной главой дома Фалкион. Поговаривали, что леди Триана совер-

шает множество сумасбродных выходок. Приятели Лоррина по сравнению с нею были все равно что ребятишки, играющие в фанты. Большинство ее товарищей были либо детьми обедневших лордов, которым оставался всего шаг до того, чтобы сделаться нахлебниками какого-нибудь более знатного владыки, либо третьими-четвертыми сыновьями, бесполезными для своих родителей: ни один лорд не станет делить свое поместье, и никто не выдаст свою дочь за безземельного, разве что совсем уж выбора не останется. Эти молодые эльфы могли позволить себе предаваться разврату: никому до них дела не было, и никакой ответственности на них никто никогда не возложит. Большинство из них проводили время в бесконечных пирушках или путешествовали из города в город, останавливаясь в городских усадьбах своих друзей или друзей своих родителей. Денег им обычно давали ровно столько, чтобы было что проживать, но недостаточно, чтобы они могли ввязаться в крупные неприятности.

«А жаль: несомненно, среди них найдутся юноши поумнее этого несчастного Гилмора, которые могли бы стать куда более подходящими наследниками своего отца. Да и многие девушки годятся в наследники куда больше Гилмора».

При мысли о Гилморе Рена поморщилась. Зная отца, она предполагала, что внимание Гилмора послужит ей оправданием ненадолго. Конечно, она в точности выполнила указания Тилара, но ведь даже такое ничтожество, как Гилмор, ей удалось привлечь лишь случайно. Для всех прочих ан-лордов она была не интереснее ручных зверушек.

«Если повезет, отец будет слишком занят и хоть ненадолго оставит меня в покое. Ну, а если нет — и если в ближайшее время никто мною не заинтересуется, — он будет винить во всем меня и мать. С отца станется начисто забыть, что лорд Ардейн был целиком поглощен Катариной, и он будет обвинять нас в том, что нам не удалось завлечь его! Ну, а тогда... видимо, мне предстоит еще целый год терпеть уроки танцев, музыки, манер, искусства вести беседу, искусства одеваться...»

Ну что ж, по крайней мере, хоть какое-то занятие.

Но из-за этих уроков у нее совсем не будет свободного времени! Не будет больше прогулок с Лоррином — разве что брату удастся как-то провести учителей... Нельзя будет рыться в библиотеке, просматривая книги, собранные не только домом Тревес, но и домом Кауллис, которому прежде принадлежало

поместье. Почти не останется времени на то, чтобы заниматься садом и ручными птицами...

И все же это тоже свобода своего рода. Ведь когда она перестанет быть Шейреной ан Тревес и сделается леди Шейреной, супругой... какого-нибудь лорда, у нее не будет и этого. А рано или поздно лорд Тилар решит, что уроков с нее хватит, — тем более учителя доложат, что она делает заметные успехи, — и оставит дочь в покое...

«Еще бы мне не делать успехов! — криво усмехнулась Рена. — Мне давали столько уроков, что хватило бы на трех девушек. Если бы уроки могли сделать меня привлекательной, Катарина бы мне и в подметки не годилась!»

А ради того, чтобы сохранить хоть капельку свободы, уроки терпеть стоит.

«Похоже, за свободу всегда приходится платить, и чем больше свободы, тем выше плата, — вздохнула Рена. — Интересно, во что мне обошлась бы настоящая свобода? Вероятно, у меня просто не хватит сил расплатиться... И все же как хорошо было бы знать, что свобода достижима!»

Девушка сунула руку под подушку за книгой, которую спрятала туда накануне. Это была романтическая история о тех временах, когда эльфы еще жили в Эвелоне. О временах великих битв и предательств... Интересно, неужели эти книги передаются из рук в руки еще с тех давних дней?

Раз уж в книжках не пишут про драконов, почитаем хотя бы о древних войнах. Пока еще есть время читать.

Ястреб кружил над долиной, высматривая неосторожных кроликов на лугах. Лашана проникла в сознание птицы, наслаждаясь ощущением свободного полета. Девушка отдыхала. В последнее время у нее была уйма работы — а сколько еще оставалось несделанного! Вместе с властью — сколь ни иллюзорна эта власть — на тебя сваливается страшный груз ответственности.

Долина была прекрасна. И, что бы ни говорили остальные, это место куда лучше того, где находилась прежняя Цитадель. От старых привычек избавиться не так-то просто, и в их новом доме-крепости, видимо, будут соблюдаться все те же предосторожности, что и на прежнем месте, но на самом деле в этом вовсе нет необходимости. Эльфийские владыки далеко. Лашана и прочие разведчики не обнаружили никаких следов жилья на расстоянии нескольких дней пути. Драконы говорили, что кли-

мат в этих местах умеренный. Вокруг росли густые смешанные леса, совершенно девственные. В лесах в изобилии водилась непуганая дичь — и, если не злоупотреблять охотой, так оно будет и впредь. Единственная проблема — как добыть другую пищу, кроме мяса: волшебники так привыкли таскать себе припасы из эльфийских амбаров, что почти никто из них не умел добывать пищу самостоятельно. Находить в лесу съедобные растения были способны разве что трое-четверо. Конечно, можно было бы расчистить несколько акров и посеять хлеб, но это все равно, что открыто заявить о своем присутствии. Вряд ли старшие волшебники пойдут на такое.

«К тому же копать, сеять, собирать урожай — это тяжелый физический труд, а волшебники не снизойдут до того, чтобы работать руками».

Впрочем, это все в будущем. А сейчас Лашане не хотелось думать о будущем. Сейчас ей хотелось просто стоять, смотреть на землю с высоты птичьего полета, упиваться красотой реки, текущей в долине, голубизной неба, величием тянущихся ввысь деревьев...

— Ну что, Проклятие Эльфов, как тебе нравится быть героиней?

Шана отпустила мысли ястреба и, нахмурившись, обернулась к Каламадеа, Отцу-Дракону, который сейчас пребывал в облике седого волшебника-полукровки. Ярко-зеленые глаза и заостренные уши говорили о предполагаемом отце-эльфе, но грубоватые черты, обветренная кожа и седина в волосах напоминали о матери-человеке.

— Отец-Дракон, мне не хотелось бы, чтобы ты называл меня этим прозвищем, — сердито сказала Шана. — Оно мне не нравится.

— Ну почему же? — отозвался Каламадеа, присаживаясь на выступ скалы. — Оно тебе подходит — или ты подходишь под него.

— Которое из двух? «Героиня» или «Проклятие Эльфов»? Меня не устраивает ни то, ни другое.

Шана снова отвернулась, разыскивая в небе ястреба.

— Я не люблю, когда меня называют «Проклятием Эльфов», потому что мне не хочется, чтобы люди видели во мне какой-то символ, исполнительницу «предназначения». Потому что я — это я, Лашана, просто Лашана, и я не виновата, если я подхожу под какую-то дурацкую легенду, которую вы же, драконы, сами и сочинили! Да под эту легенду подходит уйма народу! Почему

бы вам было не прозвать Проклятием Эльфов Тень? Или Зеда? Или хотя бы Денелора?

— Потому что именно тебе удалось поднять восстание против хозяев-эльфов и улучшить жизнь хотя бы немногих людей-рабов, — ответил Каламадеа, шутливо дернув ее за рыжую прядь. — И именно ты призвала на помощь драконов!

— Да ну, глупости! — простонала Шана. — Даже если бы я ничегошеньки не сделала, ты все равно нашел бы способ вмешаться и привел бы остальных на помощь волшебникам. Ты ведь и сам это знаешь!

— В самом деле? Я ведь не герой, Шана, — возразил Каламадеа.

— Так ведь и я не героиня, — упрямо возразила Шана. Потом, тяжело вздохнув, добавила: — И в предводители я тоже не гожусь. Мне очень жаль. Вот если бы меня специально воспитывали для этого, учили управлять людьми... Мне не хочется доверяться Парту Агону после того, как он меня использовал, но он, по крайней мере, знает, как заставить людей делать то, что он от них хочет. Во всяком случае, люди привыкли видеть в нем главного волшебника и потому повинуются ему, не раздумывая. А меня они не слушаются. Нет, они называют меня предводительницей, но ведь я не могу заставить их понять, что им же самим на пользу! Смотри, я нашла для них прекрасное место, огромную систему пещер у реки, в прекрасной плодородной долине, а они все спорили, стоит ли устраивать новую Цитадель именно тут! А тут еще этот Каэллах Гвайн...

— Ты справляешься куда лучше, чем тебе кажется... — начал Каламадеа и осекся на полуслове. Шана проследила направление его взгляда и увидела в небе дракона — в настоящем драконьем облике. Дракон парил над склоном холма в восходящих воздушных потоках, пониже того места, где расположились Шана с Каламадеа. На драконе сидел всадник-полукровка.

— А-а! — сказал Каламадеа, прищурившись. — Похоже, это твой названый брат и твой молодой друг. Должно быть, прочие волшебники хотят нам что-то передать.

Дракон был некрупный — для дракона, конечно, — и ярко-голубой, а всадник — не выше самой Шаны. Дракон подлетел к ним, подняв ветер могучими взмахами крыльев, и тяжело приземлился неподалеку от Шаны и Каламадеа, на небольшой площадке у края обрыва.

Худощавый темноволосый юноша поспешно соскользнул с дракона и подошел к ним. Дракон обернулся волшебником,

чтобы занимать меньше места. Шана отвернулась, чтобы не видеть, как Кеман превращается в невысокого, мускулистого, темно-русого молодого полукровку: превращение сопровождалось колебаниями и изменениями, от которых у Шаны всегда начинало неприятно сосать под ложечкой, если смотреть вблизи.

— У меня есть две новости: одна хорошая, другая плохая, — доложил Меро, подойдя поближе, так, что стали хорошо видны изумрудные глаза и острые уши, выдающие в нем полукровку. — Хорошая новость вот какая: даже Каэллах наконец согласился, что эти пещеры — самое подходящее место для новой Цитадели. Кеман нашел в глубине системы родник и вывел воду на поверхность. Теперь, когда в пещерах есть постоянный источник свежей воды, нам уж точно незачем искать другое место.

— А какая новость плохая? — спросила Шана. Судя по едва заметной усмешке Тени, новость была скорее забавная, чем действительно плохая.

— Плохая новость — это то, что единственная пещерка, где можно было вывести воду на поверхность, — та самая, где ты собиралась устроить свою комнату, — сообщил Меро, широко улыбаясь и показывая ровные белые зубы. — Так что должен тебя огорчить: она теперь полностью затоплена. И вода, кстати, ужасно холодная.

Шана застонала в притворном отчаянии. Пещера, которую отыскала Шана с тремя друзьями, была велика. Там можно разместить всех волшебников, драконов, бывших рабов, и все равно девять десятых ее залов останутся незанятыми. Правда, отсюда было чересчур близко до границ эльфийских поместий, но эти земли никогда не принадлежали эльфам, так что можно было не беспокоиться.

Однако пещера эта была бы весьма неуютным жилищем, если бы не драконы. Полукровки были волшебниками, но они не умели находить подземные родники или обрабатывать камень иначе как с помощью орудий. Их магия позволяла им создавать иллюзии, нападать, защищаться, перемещать предметы или живых существ, но создавать что-либо они могли лишь изредка. Если бы волшебники искали себе новый дом без помощи драконов, им пришлось бы делать все самим, а пещеры в своем первозданном виде были холодными, сырыми и временами опасными. И все сходились на том, что в новой Цитадели должен быть свой источник воды внутри крепости — по понятным причинам.

Шана уже не в первый раз думала о том, что, прожив несколько веков в Цитадели, выстроенной первыми волшебниками, старики отнюдь не рвутся работать руками. Волшебники привыкли жить в праздности и относительной роскоши. А тут явилась Шана, которая перевернула вверх дном весь их привычный уклад. Прежде все, в чем нуждались волшебники, они воровали у эльфов при помощи магии. Цитадель уже была построена, и построена прочно. Волшебники даже не ремонтировали ее: когда в одной из комнат обваливался потолок, ее хозяин попросту переселялся в другую. Со времен первой Войны Волшебников в Цитадели десятки, сотни комнат стояли пустыми. Что касается скучных повседневных дел вроде уборки и готовки, на то были ученики, дети-полукровки, которых волшебникам удавалось похитить, прежде чем эльфы, их отцы и хозяева, найдут и уничтожат их. Такова была цена ученичества: дети должны были прислуживать взрослым волшебникам, пока общее собрание не признает их вошедшими в полную силу. Учеников всегда хватало: Денелор, наставник Шаны, за несколько десятков лет ни разу даже пола не подмел.

Так было не всегда. Когда волшебники впервые объединились, они не делились на учеников и наставников — были только «опытные» и «неопытные». И никто никому не прислуживал. Все волшебники работали бок о бок: сперва строили Цитадель, потом поднимали восстание против эльфийских владык, чтобы добиться свободы для себя и людей-рабов.

«Ну ничего, с ученичеством-то я покончила!» — подумала Шана с неким мрачным удовлетворением. Она не имела ничего против старого Денелора, но ей совсем не нравилось ему прислуживать, а многие другие волшебники беззастенчиво злоупотребляли своим положением. Теперь им снова пришлось работать, даже если кому-то это не нравилось. Людей — бывших рабов — среди волшебников было немного, и почти все они были еще детьми. А даже самый черствый волшебник никогда не заставил бы ребенка тесать или ворочать камни. Это только эльфийские лорды способны взваливать на детские плечи тяжелую работу, какая не всякому взрослому под силу.

Нет, если бы не драконы, пещеры сгодились бы разве что в качестве временного убежища.

Мало того, что драконы умеют изменять форму камня с помощью магии, — им эта работа еще и нравится. Как только кто-то из старых волшебников упомянул об отсутствии воды, Кеман тут же вызвался найти родник. Прочие же драконы за-

нимались тем, что расширяли и формировали пещеры так, как это было нужно их будущим обитателям. Так что сами волшебники могли спокойно добывать припасы, обставлять свои комнаты и думать о том, где теперь брать всякие нужные вещи, которые прежде воровали у эльфов. Еще несколько месяцев — и новая Цитадель будет лучше старой! Уж, во всяком случае, защищать ее будет проще.

— Мне тут нравится, — сказал Кеман, усаживаясь рядом с друзьями. Шана окинула взглядом пологие холмы, луга и перелески и кивнула. Пока что им не удалось обнаружить никаких признаков того, что здесь кто-то когда-то жил. Если тут и водятся чудовища, которые бродят на границах эльфийских земель, они скорее всего немногочисленны и прячутся. Эльфы наверняка догадываются, что волшебники подыскали себе новое место, но где это место — они не знают и, если повезет, не узнают никогда. Ведь удавалось же волшебникам хранить в тайне местоположение прежней Цитадели на протяжении нескольких веков! А ведь та Цитадель находилась чуть ли не в самом сердце эльфийских земель! Так что вряд ли их обнаружат — по крайней мере, в ближайшее время.

— Мне тут тоже нравится, — неожиданно сказал Меро. — Вот еще бы избавиться от половины тех болванов, которых пришлось притащить с собой! Если бы кое-кто поменьше ныл и побольше работал, дела бы пошли куда как лучше!

Шана поморщилась.

— Ну да, я знаю, кого ты имеешь в виду. Если я еще раз услышу, как кто-то из седобородых скулит про былые славные деньки, про то, как тогда было хорошо и как сейчас все плохо, — право, соберу вещи и уйду куда глаза глядят! Я-то и в лесах проживу прекрасно — и пусть тогда попробуют меня сыскать!

«Пусть поживут немножко без своей так называемой «предводительницы» — и посмотрим, как им это удастся! Только вот как они будут кормиться, если никто из них даже охотиться толком не умеет?»

— Не искушай меня! — воскликнул Меро. — А то и я составлю тебе компанию. Я, правда, непривычен к лесной жизни, но лучше уж жить в шалаше в дождь и в снег, чем слушать, как это старичье жалуется на «неудобства»! А ведь если бы не ты, они бы сейчас все были покойниками. Правда, тогда им не пришлось бы строить новый дом, — но я не думаю, что они сочли бы это более удобным.

Меро покачал головой.

— Нет, наверно, мне их никогда не понять. Ты прорвала осаду, ты дала им возможность одолеть эльфов и заставить их заключить договор, который не позволяет чистокровкам нас преследовать. Потом мы вчетвером в течение нескольких месяцев — нескольких месяцев! — подыскивали подходящее место, нашли наконец эти пещеры — так в чем же дело? Чего им еще не хватает?

Шана только плечами пожала. Она этого тоже не понимала. Она-то привыкла к куда более суровым условиям жизни. Ей до четырнадцати лет не доводилось пробовать пищи, приготовленной на огне: приютившие ее драконы все ели сырым, а девочка питалась тем же, чем и они. Но Меро, двоюродный брат бедняги Валина, привык к комфортной жизни любимого слуги эльфийского лорда — и тем не менее прекрасно приспособился к тяжелой жизни бродяги и разведчика. Так почему эти волшебники не желают приспосабливаться? Ради всего святого — если уж им так не хватает привычных удобств, почему бы им не воспользоваться своей магией, чтобы восстановить то, что пришлось бросить?

«Потому, что для этого пришлось бы объединиться и использовать камни, как я их научила. А они ни за что не станут объединяться: каждый слишком дорожит своим личным могуществом, и к тому же они не желают признавать, что я могла научить их чему-то полезному!»

— Полагаю, они проявляют недовольство потому, что мы теперь в безопасности, — задумчиво сказал Каламадеа, отвечая сразу обоим. — Как только непосредственная опасность миновала, твердолобые старики немедленно забыли о том, что это Шана спасла их от эльфов, зато сразу вспомнили, что эльфы напали на них именно из-за Шаны, и начали жалеть о тех благах, которых лишились по ее вине. Ну и теперь, разумеется, все они думают, что во всех их бедствиях виновна именно Шана, а не эльфийские владыки.

Меро фыркнул.

— Ну, тогда мне тем более стоит уйти вместе с тобой, если ты решишь бросить этих нытиков. Ведь когда тебя не будет рядом, они, чего доброго, начнут винить во всем меня!

Шана расхохоталась и хлопнула приятеля по плечу.

— Договорились! Если я решу сбежать, то возьму тебя с собой.

Кеман закатил глаза.

— Ну, уж если вы надумаете удрать, не забудьте предупредить нас! Ведь мы, драконы, сидим здесь только из-за тебя, сестренка. Если ты уйдешь, нам здесь оставаться будет незачем! Неужто ты думаешь, что нам очень нравится выслушивать их жалобы?

— А кому нравится? — ответила Шана своему названому брату. — Была б моя воля, я бы и секунды терпеть не стала!

Каэллах Гвайн осматривал пещеру, которая теперь должна была стать его домом, и кипел от негодования. Нет, дракон, который «все приготовил», конечно, выровнял пол и стены и провел воздуховод, так что в пещере сделалось относительно сухо. Дракон обещал потом вернуться и оборудовать в небольшом закутке ванну и прочие «удобства», а в углу устроить очаг с дымоходом. Драконы клялись, что им не составит труда устроить в пещерах приличную канализацию и нормальное отопление.

Немногие вещи Каэллаха были свалены в углу жалкой кучкой. Как ни крути, а пещера пещерой и останется. Где теперь его уютные апартаменты из четырех комнат, с настоящими стенами, полом и потолком из благородного дуба? Мебели никакой нет — и не будет, пока кто-нибудь не научится ее делать. Ни кровати, ни стола, ни стульев, ни ковра, ни каминной решетки, ни подушек, ни одеял — ничего!

«И некому убирать за мной, некому готовить, и вообще все пошло наперекосяк! Сопляки, которым следовало бы еще быть учениками, делают вид, будто они — наши предводители. А люди, которым следовало бы быть предводителями, подчиняются приказам сопляков!»

Каэллах гневно нахмурился.

«А ведь если бы не эти сопляки, я бы сейчас мог сидеть в своем любимом кресле с чашечкой горячего чая — или нет, лучше со стаканом горячего вина с пряностями!»

При одной этой мысли у старого волшебника потекли слюнки.

Каэллах не забывал, что им пришлось бежать из Цитадели именно из-за этой паршивки Шаны. И заботился, чтобы все прочие об этом тоже не забывали. Если бы эта дуреха не воспользовалась древним заклятием, чтобы перенести себя и этих трех придурков, ее дружков, прямиком в Цитадель, когда вообразила, будто им угрожает какая-то там «опасность», эльфы ни за что бы не нашли Цитадель. Они ведь даже не подозревали о

существовании волшебников! И все осталось бы так, как было всегда — так, как следует!

«Жили бы мы сейчас в покое, в уюте и в безопасности».

Каждый раз, как Каэллах пытался вернуть себе свои законные права и настоять на том, чтобы ученики занимались своим делом, ему отвечали, что теперь, мол, все иначе и что ему придется самому о себе позаботиться. А почему это все должно быть иначе? Тем более теперь? Разве молодежь не должна заботиться о старших? Так было всегда. И старшие платили за это, делясь с молодыми своими знаниями и опытом.

Но эти сопливые выскочки установили новые порядки. «Всякий, кому это по силам, должен обслуживать себя сам, — отвечали эти грубияны. — Мы поможем вам начать, но, когда ваша комната будет вчерне доделана, остальное вам придется завершать самому».

«Нет, какая наглость!» — кипятился Каэллах. И наверняка это Шана так распорядилась! Эта девчонка всегда его недолюбливала, а все потому, что он не раз ставил ее на место. Каэллах готов был поручиться, что Денелору, наставнику Шаны, не приходится обходиться без услуг учеников.

И потом, как это ему предлагают превратить эту нору в сносное жилье? Он не может стащить то, что ему требуется, у эльфов, как в былые времена. Это было одним из условий идиотского договора, который Шана заключила с эльфами, чтобы те оставили волшебников в покое. «К тому же стоит мне хоть что-то украсть, и эльфам сразу станет известно, где мы теперь находимся. А это глупо». Так что ж, значит, он должен сам рубить деревья и сколачивать себе кровать, сундуки, кресла? А может, он и одеяла сам себе ткать должен? Да что они все с ума посходили, что ли?

«Так оно и есть! — говорил себе волшебник, скрежеща зубами. — Будь они в своем уме, никогда бы не сделали ничего подобного! Для начала они бы просто не стали сражаться с эльфами, а бросили бы эту Шану где-нибудь в лесу, без сознания, так, чтобы эльфы могли ее найти. В конце концов, у эльфов не было никаких причин предполагать, что она — не единственная полукровка! Этой девице следовало бы добровольно пожертвовать собой, чтобы спасти остальных, нас! Это был ее священный долг! А вместо этого она втянула нас в войну, на которую мы не рассчитывали. Мы совсем не собирались воевать! И вот результат: вся наша жизнь полетела кувырком только оттого, что эта девица считает себя умнее старших!»

Старик ощутил, что щеки его вспыхнули от гнева, и заставил себя успокоиться.

«Ничего, так будет не всегда, — пообещал он себе. — Разумеется, все это ненадолго. В последнее время старшие волшебники начинают прислушиваться ко мне, когда я пытаюсь их образумить. Вероятно, многие из них осматривают сейчас свои каменные норы и думают, что я таки прав. Все это свалилось на нас из-за Шаны — так почему же мы должны слушаться Шану и ее драконов?»

У более старых и мудрых волшебников нет никаких причин не желать возвращения прежних порядков. Они больше не сидят в осаде, не бродят в глуши... Пора расставить вещи по своим местам.

Ну, а если Парт Агон об этом не позаботится — что ж, этим займется он, Каэллах Гвайн.

А пока...

Он еще раз кисло взглянул на голый каменный пол. Человеческих детей вроде бы посылали к реке нарезать тростнику для постелей — если, конечно, их «мудрая предводительница» не поручила им какого-нибудь другого «неотложного дела». Должно быть, на берегу уже лежит множество охапок нарезанного тростника в ожидании, пока их кто-нибудь заберет. На голом камне спать ужасно холодно...

Каэллах собрался уже кликнуть кого-нибудь из учеников, чтобы послать его за тростником, но вспомнил, что учеников-то у него не осталось.

«Ну, и что же мне делать? — рассерженно подумал он. — Выход только один, и запретить этого мне никто не может! Пропади я пропадом, не ходить же за тростником самому!»

Волшебник не нуждался в магическом кристалле, чтобы разыскать место, где сложен нарезанный тростник: такие уловки требуются только неопытным ученикам. Он просто сосредоточился, направил свою силу...

В центре пещеры возник мерцающий шар света. Пара секунд — и в нем появились охапки тростника.

На миг волшебник задумался, сколько взять.

«Да сколько получится! — решил он. — В конце концов, я старший волшебник или кто?»

Он мысленно «ухватил», сколько мог, и на пол шлепнулось десять охапок тростника. Пещера наполнилась ароматом свежего воздуха и запахом речной воды.

Каэллах самодовольно созерцал свою добычу. Конечно, для того чтобы устроить себе удобную постель, хватило бы и трех охапок, но...

«Ничего, нарежут еще. Они ведь даже не ученики! А я расположусь с комфортом. В конце концов, это мое законное право».

— Ну вот, водой мы обеспечены, — сказал Шане Денелор, указывая на грот, постепенно заполняющийся чистой родниковой водой. На круглом добродушном лице волшебника играла усталая, но довольная улыбка. За месяцы скитаний в глуши Денелор похудел и кожа его покрылась бронзовым загаром, на фоне которого редеющие волосы казались еще белее.

— Думается, со временем мне даже удастся отчасти восстановить былую магию, и через несколько лет во всей Цитадели будет проточная вода, и холодная, и горячая. Когда я был учеником, мне случалось чинить трубы, так что эта работа мне отчасти знакома. Раз первые волшебники этому научились, значит, и мы научимся! — заявил он с решительным видом.

Шана улыбнулась своему старому учителю. Денелор очень и очень неплохо приспосабливался к новому образу жизни. Можно было ожидать, что он объединится со «старыми нытиками», но Денелор предпочитал не скулить по поводу трудностей, а искать выход.

— Ну, а пока что, — продолжал старый волшебник, — я могу провести воду на кухню и в баню. Завтра драконы вылепят ванны со стоками, баки для стирки и для мытья посуды. Они обещали устроить так, чтобы грязную воду можно было отводить, не загрязняя источник. Сегодня они занимаются очагами и дымоходами, а то пока, чтобы согреть воду, приходится греть камни на костре и бросать их в котел. Однако мы все равно не сможем ни супа сварить, ни чаю вскипятить, пока не добудем больших горшков.

— С едой проблем не будет, — пообещала Шана. — В лесу уйма дичи и, должно быть, прорва съедобных растений. Вам даже не придется охотиться по-настоящему: достаточно будет приносить дичь с помощью магии, так же как мы воровали припасы.

Денелор хихикнул: очевидно, ему припомнилось, как Шана на одном из первых «уроков» притащила из леса огромного оленя. Он, наставник, даже не предполагал, что эта девочка способна управиться с такой махиной. Шана-то знала, что у

нее получится, но Денелор не верил, пока не увидел своими глазами.

— Ну что ж, по крайней мере, это будет не баранина, — заметил он. — Вот уж по чему я не тоскую! Конечно, было очень удобно иметь в Цитадели собственное стадо овец, но тем не менее бараниной я сыт по горло.

Он повернулся и начал подниматься обратно наверх, на следующий уровень, там, где устраивались жилые помещения. Нижний этаж, видимо, скоро совсем затопит. Молодые люди последовали за Денелором. Шаги гулко отдавались в уходящем наверх тоннеле.

— Слушайте, а тут вообще есть хоть кто-нибудь, кто умеет что-то делать руками? — поинтересовался Меро. — Горшки лепить, мебель сколачивать и все такое? Вам ведь понадобится куча самых разных вещей — от кроватей до одежды. Добывать их у эльфов теперь нельзя. Можете ли вы создавать вещи с помощью магии? Не иллюзии, а настоящие вещи? Эльфы могут, по крайней мере, некоторые.

Денелор пожал плечами и грустно взглянул на свою изрядно истрепавшуюся тунику.

— Не знаю, — признался он. — Однако, надо сказать, мне в голову пришла весьма соблазнительная идея. У эльфов мы больше воровать не можем — ладно. Но почему бы нам не ограбить самих себя, а?

Шана нахмурилась.

— Что-то я не очень понимаю, — сказала она. Тоннель снова пошел горизонтально, и по сторонам опять появились входы в пещеры.

— Ну, ведь эльфы вряд ли разграбили Цитадель после того, как мы оттуда ушли, верно? — сказал ее бывший наставник. — Может, они ее и вовсе не нашли: они ведь искали нас, а не наше убежище.

Шана кивнула.

— Но если нашли, то могли попросту уничтожить все, что попалось им на глаза, — предупредила девушка. — Эльфы — они такие.

— Если нашли, то да, но ведь могли и не найти. А потом вряд ли у них было время сровнять Цитадель с землей, — настаивал Денелор. — Конечно, лес наверняка охраняется какими-то заклятиями и на подступах к нему выставлена стража, но я не поверю, что они оградили его магическим щитом. А даже если и оградили, ты, Шана, сумеешь щит пробить.

Девушка покраснела.

— Ну, я в этом не так уверена, — возразила она. — Но теперь я понимаю, к чему ты клонишь. И, откровенно говоря, не вижу причин, почему бы нам не начать потихоньку переносить оттуда наши вещи. Правда, это довольно далеко, но если несколько молодых волшебников объединятся и используют камни, то, наверно, должно получиться. Это действительно сильно облегчит нам жизнь.

— Ага, особенно если мы начнем с того, что добудем всякую мебель и прочие причиндалы наших нытиков, — кисло заметил Меро, сунув руки в карманы. — Может, тогда они хоть ненадолго заткнутся.

Денелор вздохнул. Шана знала, что ему приходится выслушивать не меньше жалоб, чем ей самой.

— Мне это тоже приходило в голову, — сказал Денелор. — Да, надеюсь, тогда эти разговоры о том, что Шана «лишила» их «законного имущества», немного поутихнут. Шана, не могла бы ты собрать своих друзей, тех, кто умеет работать с камнями? Думаю, ты права: пожалуй, только они сумеют дотянуться достаточно далеко, чтобы обследовать Цитадель и перенести оттуда нужные вещи.

— Ага, — усмехнулась Шана. — И к тому же они — единственные, кто облазил всю Цитадель, все заброшенные коридоры и закоулки. Думаю, ты прав: даже если эльфы действительно проникли в Цитадель и кое-что разрушили, вряд ли они заходили в старые коридоры. А там есть еще немало комнат с мебелью и всем прочим. Может, старый Каэллах и не получит свою любимую кровать, но какую-нибудь кровать мы ему все же добудем. И всякое другое барахло, без которого он жить не может.

— Только, пожалуйста, начните с кухонной утвари! — попросил Денелор. — С того, что нужно всем. А потом я скажу старикам, чтобы они принесли тебе списки своих вещей и вежливо попросили их добыть, если вы не слишком устали.

Глаза старика лукаво блеснули.

— Ну да, а если они попросят недостаточно вежливо, мы можем решить, что очень устали, верно? Ах, Денелор, что бы я делала, если бы вы были не на нашей стороне!

Денелор пожал плечами и усмехнулся.

— Мы, драконы, тоже нашли выход, — застенчиво вмешался Кеман. — В этих горах есть минералы: самоцветы, а возможно, и золото. Мы могли бы вытянуть их из земли, придать им форму эльфийских украшений, отправиться в какой-нибудь эль-

фийский город и обменять на то, что нужно, если вы не сумеете добыть это в Цитадели. В первую очередь, конечно, на одежду и оружие. Ну, и на припасы, на зерна для посева...

Денелор просиял.

— О, это было бы замечательно! — воскликнул он. Его голос эхом раскатился по будущей кухне. — Тогда у нас не будет проблем с тем, что делать, когда запасы Цитадели иссякнут. Мне очень стыдно, Шана, но я должен признаться, что мало кто из нас способен отличить съедобные лесные растения от ядовитых. А на одном мясе долго не протянешь: так и заболеть недолго!

Шана тяжело вздохнула.

— Этого я и боялась. Что ж, ничего не поделаешь...

Она немного поразмыслила.

— Значит, так. В ближайшее время соберу своих, и начнем таскать вещи из старой Цитадели. Если эльфы ее не разграбили, там должно оставаться немало припасов, которые были слишком тяжелы, чтобы захватить их с собой во время бегства. Мука, морковь, репа, лук...

— Про одеяла не забудьте, — напомнил Денелор. — Если вы добудете одеяла, очень многие будут вам благодарны. На камне спать холодно.

— А как насчет овец? — лукаво спросила Шана. — Тут тебе и шерсть для будущих одеял, и мясо опять же. Я смогу перенести их живыми, а среди человеческих ребятишек есть пара бывших пастушат. Овцы к тому же еще и размножаются...

Старый волшебник невольно поморщился. Шана хихикнула.

— Ох! — вздохнул он. — Ну что ж, давайте. Хотя...

— Не беспокойтесь, наставник Денелор! — улыбнулась Шана. — Сейчас овцы будут для нас слишком ценны, чтобы их резать. Так что баранину вам придется есть не скоро.

Шана вместе с Кеманом и Меро свернули в боковой коридор и отправились разыскивать Зеда, первого из компании молодых волшебников.

— Ну и хорошо! — пробормотал Денелор им вслед. — И дай-то высшие силы, чтобы нам не попасть в такой переплет, когда и жилистая баранина роскошью покажется.

Собравшись вместе, молодые волшебники сумели в тот же день найти и перенести в пещеры немало полезных вещей. Начали они, как и просил Денелор, с огромного кухонного котла, а закончили кипой одеял из кладовки. Одеяла жадно расхватали «старые нытики», и Каэллах Гвайн, разумеется, был в числе первых. Шана отметила, что ни один из них и не подумал поблагодарить, но промолчала, отчасти потому, что слишком устала.

На следующий день, подкрепившись доброй овсянкой, сваренной в том самом котле, который они добыли накануне, из овса, который они притащили чуть позже, молодые маги снова взялись за дело. Те, кто обладал наилучшим магическим зрением, обследовали знакомые помещения и выясняли, что пригодится, а что нет.

Поначалу ограничивались только теми предметами, которым не повредит, если их уронить при переноске, и при этом не слишком тяжелыми. Так решила Шана. Она убедила своих друзей, что, пока они еще не определили границы своих способностей, лучше переносить вещи понемногу, чем надорваться, пытаясь «перетащить» большой груз. Поэтому сперва молодые волшебники взялись за кухню и кладовки и выгребли оттуда все, что было цело и не попорчено червями.

Эльфы, похоже, действительно не нашли старую Цитадель — хотя они бы непременно ее обнаружили, если бы волшебники остались там, вместо того чтобы скрыться. То было приятное открытие: это означало, что практически все вещи лежат на своих местах, целые и невредимые, так что рано или поздно все обитатели новой Цитадели получат свое имущество обратно.

Хотя Шана по-прежнему не могла понять этой странной одержимости, свойственной старым волшебникам. Однако Кеман и прочие драконы, похоже, их понимали. Они несколько раз пытались объяснить Шане, в чем тут дело, но в конце концов отступились.

— Скажем так, — сказал наконец Каламадеа. — Чем старше становится волшебник, тем сильнее ему хочется иметь при себе все свои привычные вещи и тем меньше будет с ним хлопот, если удовлетворить это его желание. Он похож на старого дракона, спящего на своих сокровищах. Не пытайся понять, отчего это так: просто прими к сведению и воспользуйся этим.

Шана пожала плечами и кивнула. Наверно, это не такая уж высокая цена за мир и покой в новой Цитадели — даже если это будет стоить немалых усилий ей и ее друзьям и даже если они скорее всего не дождутся благодарности за свой труд. Хотя ее терзало сильное искушение поставить «нытиков» в самый конец списка...

Но если она поступит так, ее обвинят в том, что она подыгрывает любимчикам, а пока «нытики» будут ждать, они станут жаловаться вдвое больше и с ними будет вдвое больше хлопот.

— Все равно, прежде всего — кладовки! — решительно сказала она дракону. — Сначала то, что нужно всем, а уж потом личное имущество. Денелор тоже так считает.

Каламадеа только пожал плечами.

— Магия ваша, вам и решать, — ответил он и удалился из маленького пустого грота, в котором поселилась Шана. Каламадеа и Кеман жили в соседних пещерах. Должно быть, именно Каламадеа выровнял пол и стены ее пещерки, провел воду, устроил сток и сделал очаг. Пещера выглядела как-то знакомо — она была очень похожа на ту комнату в лабиринте пещер старой Цитадели, где когда-то жил сам Каламадеа.

Но пока что в ней были только пара охапок тростника с двумя одеялами, служившие Шане постелью, да скудные пожитки, которые она принесла с собой.

Да, кровать бы не помешала... Пожалуй, старые волшебники отчасти правы в своем желании снова обзавестись кое-какими удобствами из прежней жизни.

«Да и новая одежда тоже не помешала бы», — печально подумала Шана. Все, что она сейчас носила, пережило несколько месяцев скитаний и, уж конечно, не стало лучше оттого, что его носили не снимая. Шана не раз подумывала о том, чтобы сшить себе новую тунику из драконьей кожи, сброшенной во время линьки. Такая туника прекрасно защищала и от непогоды, и от колючек. Но Шана все никак не могла выбрать время. Может, теперь она этим займется...

Однако сперва дело. Им предстояло опустошить еще множество кладовок. Постепенно молодые волшебники оттачивали свое мастерство, перенося различные предметы на большее расстояние, чем когда-либо прежде.

Они бы даже и пробовать не стали, если бы Шана, еще в дни своего ученичества, не попыталась использовать драгоценные камни, чтобы проверить, не увеличат ли они ее магическую силу. Камни действовали, да еще как! И девушка как раз начала учить работать с камнями своих ровесников, когда стало известно, что эльфы собираются уничтожить нескольких человеческих детей, обладающих способностями к человеческой магии. Шана настояла на том, чтобы самой возглавить операцию по их спасению, — и так они встретились с Валином и Меро,

его родичем-полукровкой. Именно эта роковая встреча послужила началом конца игры в прятки для волшебников Цитадели.

Через две недели Денелор полностью обустроил кухню, баню и прачечную. Там трудились человеческие дети, которым помогали несколько старых волшебников — не из «нытиков», разумеется, — не способных к тяжелому труду. А Шана и ее компания взялись за апартаменты старых волшебников.

Что бы там ни говорили о любимчиках, а первым делом молодые волшебники занялись своими комнатами и комнатами Денелора — хотя они, конечно, помалкивали об этом, и вещи переносили прямо в свои нынешние комнаты, а не в центральный грот, который все уже привыкли звать «Большим залом». Однако, покончив с этим, они скрепя сердце принялись добывать вещи «нытиков». Начали с Каэллаха Гвайна.

Каэллах и в самом деле не счел нужным поблагодарить их. Наоборот, рассердился за то, что они перенесли его вещи в Большой зал и ему пришлось самому переправлять их к себе.

Шана так скрипела зубами от злости, что у нее даже голова разболелась. Это на время заставило волшебников прервать работу: в конце концов, Шана была самой сильной из всех молодых магов, и без нее пришлось бы таскать вещи по одной. Это еще больше разозлило Шану. И тогда Зед по праву старшего объявил перерыв, чтобы все могли успокоиться и заодно перекусить.

Миска супа и чашка травяного чая не успокоили Шану, но, по крайней мере, головная боль прошла.

— Извините, — сказала она, вернувшись к своим и устроившись на подушке в центре огромной пещеры. В пещере было замечательное эхо: потолок оказался довольно высокий, и его не стали выравнивать. — Мне не следовало так выходить из себя из-за этого старикашки.

Зед только пренебрежительно фыркнул. Тень похлопал Шану по руке и пожал плечами. Остальные скривились либо улыбнулись — в зависимости от характера. Говорить тут было не о чем. Конечно, Каэллах был хам, но человек, на чьи плечи возложена такая власть, как у Шаны, должен лучше владеть собой. По крайней мере, не яриться из-за таких пустяков. Она это понимала, и все ее друзья тоже. Что было бы, если бы Каэллах разгневал ее в тот момент, когда она, к примеру, устанавливала защиту против вражеской атаки? Неподходящее время для мигрени!

— Ну ничего, мы уже притащили старому зануде его вещи, так что больше с ним связываться не придется, — сказала наконец Даэна, одна из старших девушек. Она подмигнула Шане и наморщила носик. — Теперь он дня три будет возиться со своей мебелью и всем прочим, как старая наседка со своим гнездом. Так что можно поручиться, что все это время его будет не видно, не слышно!

Сравнение было удачным. Каэллах действительно смахивал на рассерженную старую наседку. Даже Шана наконец улыбнулась, а прочие расхохотались.

— Да, ты права! Порадуемся, что нас хоть ненадолго оставят в покое, — ответила Шана. — Ладно, давайте теперь займемся кем-нибудь из тех, кто нам хотя бы спасибо скажет. Как насчет Парта Агона? Кто помнит расположение его комнат, чтобы знать, что искать?

— Я... — начал Зед, но тут по залу гулким эхом раскатился крик:

— Шана!!!

А следом появился и сам крикун.

— Шана! — выдохнул запыхавшийся мальчуган. — Шана, тебя зовут Денелор и большой дракон! Ты им нужна! Там, у реки, чужой!

Девушка не сразу поняла, что он имеет в виду. Потом...

«Чужой? Здесь?! О, только не это...»

Здесь, в глуши, где не может быть никого, кроме волшебников и немногих людей, которым они помогли бежать? Кто он? И, главное, как он их нашел?!

«Каламадеа! — мысленно воззвала она к Отцу-Дракону. — Он опасен? Оружие брать?»

«Да нет, опасности пока, похоже, нет, — ответил Каламадеа тоже мысленно. — Но я хочу, чтобы ты посмотрела на него и поговорила с ним. Тебе больше приходилось иметь дело с чистокровными людьми, чем мне или Денелору».

Чистокровный человек? Но как он сюда попал? Что, беглый раб? И, прежде чем остальные успели что-либо сказать или сделать, Шана вскочила на ноги и бросилась к выходу.

Большой зал был первой настоящей «комнатой» в новой Цитадели. Отсюда длинный извилистый тоннель вел на поверхность через гроты, которые были оставлены почти в первозданном виде. Тут только развесили магические светильники и выровняли дорожку. Это место было очень похоже на пещеры, в которых Шана жила со своей приемной матерью и прочими

драконами. С потолка свисали сотни изумительных сталактитов. Шана все собиралась рассмотреть их как следует, но никак не могла урвать свободную минутку. Слишком много дел.

А тут еще какие-то чужаки как снег на голову!

Она вылетела из пещеры на солнце и помчалась вниз по тропинке, ведущей к реке. Тропинка была проложена с таким расчетом, чтобы ее нельзя было заметить с воздуха. Увы, из-за этой предосторожности Шана не могла видеть тех, кто находится на берегу.

«Хоть бы знать, чего ждать! Хоть бы знать, как он подобрался сюда так, что никто его не заметил! Хоть бы...» Ладно, чего гадать попусту! Добежать бы поскорее, а там видно будет. Шана неслась по тропе со всех ног, задыхаясь, несмотря на то что бежала вниз.

Она миновала последний поворот, и в конце древесного коридора показалась река — сверкающее пятно солнечного света. На берегу виднелось несколько фигур — темных силуэтов на фоне светлой воды, — и на воде еще что-то длинное, низкое и темное.

Подбежав ближе, Шана увидела, что это странный вытянутый предмет, заостренный с обоих концов и полый внутри. Шана никогда прежде не видела челнока, но узнала его по описаниям из древних хроник.

«Лодка? Ну да, конечно! Со стороны реки мы нападения не ждали!» Шане хотелось надавать себе тумаков за непредусмотрительность. Надо было поставить у реки хотя бы одного часового. Теперь-то уж поздно...

Челнок был привязан к колышку, вбитому в берег. У челнока стояли только трое. Денелор, Каламадеа в обличье волшебника и чужак. Очевидно, все трое ждали ее. Ни Денелор, ни Каламадеа не казались особенно встревоженными...

Оценив обстановку, Шана перешла на шаг, чтобы перевести дух и успеть разглядеть незнакомца, прежде чем придется с ним заговорить.

Первое, что поразило Шану, — это что на шее у пришельца не было ни рабского ошейника, ни следов от него. Хотя он явно был чистокровным человеком. Что до остального — чужак походил на обычного крестьянина или караванщика. Глаза обыкновенные, карие, черные волосы заплетены в тугую косу, и видно, что уши ничуть не заостренные. Среднего роста, жилистый, мускулистый, одет в поношенную холщовую тунику и штаны, такие старые, что определить их первоначальный цвет

было решительно невозможно. На плече у незнакомца висел лук, на веревочном поясе — длинный нож в кожаном чехле, на ногах — что-то вроде грубых башмаков из сыромятной кожи. Чужак не казался особенно опасным, несмотря на недельную щетину на подбородке.

Пока. Но зачем он здесь? А вдруг это шпион?

— А, Шана! — весело окликнул ее Денелор, помахал рукой и снова обернулся к незнакомцу. — Коллен, это Лашана.

Чужак кивнул и прищурился.

— Энто ты Лашана? — Он говорил на эльфийском, но не очень правильном. — Не, ну ты гляди! Ни за что б не подумал, что такая малышка могет поднять такую великую бучу! Однако ж за тебя по всей земле молва идет.

— Я так понимаю, что ты тоже слышал обо мне? — сухо ответила Шана, скрывая от пришельца свое возбуждение. Она ведь по-прежнему не знала, откуда он взялся на реке и кому служит — если этот человек вообще кому-нибудь служит.

Чужак кивнул, и его тонкие губы растянулись в невольной улыбке.

— Однако ж я не думал, что мене доведется повстречаться с такими страшными бунтовщиками, как вы. А то плыву и гляжу — тю, дым!

— Коллен — разведчик торгового каравана, — небрежно пояснил Денелор. Девушка испуганно вскинула брови и невольно попятилась. Коллен хмыкнул.

— Да нет, это не работорговцы! — поспешно уточнил волшебник. — Ты что, не видишь? На нем нет ни ошейника, ни эльфийских камней.

Шана покраснела. Она и сама прекрасно видела, что на этом человеке нет ничего, что могло бы послужить вместо ошейника, заставив его подчиняться хозяину-эльфу. Ворот туники распахнут, так что видно, что на шее ничего не висит, пояс веревочный, рукоять ножа простая, безо всяких там эльфийских бериллов. И в любом случае, если бы он находился под заклятием, она, Денелор или Каламадеа непременно почувствовали бы пустоту, означающую, что все магические способности этого человека заблокированы. Уж они-то знали, какова эта пустота «на ощупь»!

— То так! — весело подтвердил Коллен. — Ни ошейников, ни поводков — ничего! Так что мы такие же опасные дикари, как и вы, и кошкоглазым не стоит знать, что мы тута.

Глаза Шаны расширились от удивления. Вот уж не думала, не гадала...

— Так вы что, дикие? — недоверчиво спросила она. Нет, конечно, ей доводилось слышать, что где-то есть так называемые «дикие» люди, но, испробовав на собственной шкуре могучую власть эльфийских владык, она полагала, что эти дикари должны влачить жалкое существование. Да и то жить им дозволяют лишь затем, чтобы эльфийские лорды время от времени могли поохотиться на двуногую дичь.

Коллен расплылся в усмешке. И Шана напомнила себе, что волшебники ведь тоже существовали несколько сотен лет под боком у эльфов, а эльфы об этом и не подозревали. «За пределами эльфийских земель живут дикие люди. Это мы уже знаем. Так почему бы среди них не быть диким торговцам?»

— То так! — повторил Коллен. — Не, жизнь у нас не поганая! Однако мы себя кличем изгоями. Звучит покрасивше, чем «дикари».

Он пожал плечами.

— У нас есть и беглые, и те, что свободными уродились. Земли у нас нету, домов тоже. Мы все больше бродяжим. Ну и вождей над нами тоже нету.

— Коллен хочет торговать с нами, — мягко сказал Каламадеа, выведя Шану из легкого ступора. — Я думаю, нам стоит пригласить этих людей к себе и потолковать с ними. Пожалуй, у нас найдется что предложить друг другу.

«Раз уж он знает, что мы здесь, прятать от них Цитадель не имеет смысла, — добавил дракон мысленно. — Чем больше мы им покажем, тем большее впечатление это на них произведет и тем больше вероятность, что они не вздумают нас выдать».

— Да, Каламадеа, конечно, — ответила Шана сразу на обе реплики. — А остальные ваши люди далеко? — обратилась она к Коллену.

— Да не. Еще до закату должны тут быть. Дайте я флажок повешу, они сюда и причалятся.

Не дожидаясь согласия, он вытащил из челнока линялую красную тряпку и привязал ее к ветке так, чтобы тряпку хорошо было видно с реки.

— Ну вот, — сказал он с довольным видом. — Теперича будем ждать.

Шане ужасно хотелось проникнуть в его мысли, проверить, правду ли он говорит. Но стоит ли? А если она это сделает — заметит ли он и как к этому отнесется?

— Ну и прекрасно, — беспечно сказал Денелор. — Пойду наверх и скажу нашим, чтобы приготовили обед для наших новых... союзников?

На последнем слове он вопросительно приподнял бровь.

Коллен пожал плечами.

— Я за всех говорить не можу. Там глянем. Ну, а ежели у вас найдется чего продать, так мы с удовольствием купим.

Денелор, видимо, счел, что этого достаточно. Он зашагал вверх по тропе, куда быстрее, чем мог ходить год назад. Коллен сложил руки на груди и прислонился к стволу ивы, разглядывая Шану и Каламадеа.

— Ну на-адо же! — сказал он наконец. — Полукровки. Мы про вас слыхали, и про то, что вы натворили в то лето, тоже слыхали, а вот видать — ни одного не видал.

— Я могу сказать то же самое про изгоев, — отпарировала Шана. «Может, все-таки проверить его? Может, спросить у него разрешения?»

Он усмехнулся, словно ответ Шаны показался ему забавным.

Каламадеа изучал изгоя с тем же спокойствием, с каким он созерцал всех на свете — от буйных молодых дракончиков до могучих эльфийских магов.

— А почему по реке? — спросил он.

— На реке следов не видать, — ответил торговец.

— А-а! — сказал Каламадеа. — Но ведь тут же нет ни эльфов, ни их рабов.

— Ага, — кивнул Коллен. — Но мы-то торгуем с этими, ошейными. Не будет следов — ошейные не найдут. Раз не найдут, значится, им нас не взять. Тогда им приходится торговать по-честному.

Шана тоже кивнула. Коллен рассуждал вполне логично. А то, что он не доверяет рабам, говорит в его пользу. Значит, у этих людей развит инстинкт самосохранения и они не желают давать над собой власти тем, кто подчиняется эльфам.

— А нам вы почему доверяте? — спросила она. — Откуда вы знаете — может, мы эльфы в личинах?

Коллен громко расхохотался, запрокинув голову.

— Оно, конешно, всякое бывает! Только ведь я не зря разведчик.

— Почему? — спросила Шана, видя, что он ждет этого вопроса.

«Потому как я владею людской магией, маленькая полукровка, — ответил он мысленно и ухмыльнулся, когда она

вздрогнула. — Вот так я и сказал Ники и остальным, чтоб двигались дальше. И я знаю, что ты таки полукровка, потому как слыхал ваш разговор со стариком. Значит, вы владеете людской магией и личин на вас нету».

Шана растерянно заморгала — как и Каламадеа, которого этот голос тоже застал врасплох. Очень сильный «голос» — и Коллен, видимо, очень хорошо им владеет, раз сумел позвать этого неизвестного Ники так, что они ничего не услышали.

— Так ты что, хочешь мне в башку заглянуть? — дружелюбно сказал он вслух. — Ну, валяй. Мне скрывать неча.

Получив разрешение, Шана без колебаний проникла в разум торговца, пока он не передумал.

Она наткнулась не на мысль, а на воспоминание — сравнительно недавнее, судя по его силе и «свежести». Воспоминание было такое живое, что Шане казалось, будто все это происходит с ней самой.

Напряжение было почти невыносимым. У Коллена отчаянно колотилось сердце, грудь сдавило, и он почти задыхался, сидя в своем укрытии в ожидании рабов, которые должны были прийти торговать. Товар, по большей части меха, пряности и несколько драгоценных камней, был спрятан неподалеку под кучей хвороста. Остальные изгои таились на берегу. Коллен не хотел подвергать риску попасть в плен кого-то еще.

Он шел на риск каждый раз, как встречался с покупателями. Если они вздумают предать его, человеческая магия не поможет: он не мог «слышать» их мыслей сквозь пустоту, создаваемую магическими ошейниками. Не раз уже бывало, что рабы брали торговцев в плен. Правда, рабы очень ценят меха, которые он привозил, и вряд ли захотят лишиться источника ценного товара — но кто их знает! Особенно теперь, когда все пошло наперекосяк из-за Проклятия Эльфов и ее волшебников. Кошкоглазые теперь начеку. Возможно, рабам так хорошо заплатят за пленного торговца, что меха не будут для них большой потерей...

Особенно если этот торговец еще и волшебник...

Он услышал осторожные шаги, и сердце у него подпрыгнуло. Ну вот, явился тот, с кем он должен встретиться. Сейчас все станет ясно...

Он медленно встал и вышел из-за кустов...

Шана с усилием оторвалась от его воспоминаний и вернулась в реальный мир. Коллен посмотрел ей в глаза и понимающе кивнул. Девушка тряхнула головой, чтобы окончательно развеять остатки страшного напряжения.

— Для вас, полукровок, кошкоглазые — смерть, как и для нас, людей-магов, — сказал он. — Ты видала, каково нам приходится. Так что решай. Нам с вами плутовать неча: уж коли вы кошкоглазых одолели, нам с Ники с вами не тягаться.

Глаза Коллена лукаво блеснули.

— Ну что, а торговать-то будем, нет?

— Сколько среди вас людей, владеющих человеческой магией? — медленно спросил Каламадеа.

— Ну, чтоб не сбрехать, так двое, — ответил Коллен. — Я да Ники. На прочих лодках по четверо, но магии больше ни у кого нету. Всего пять лодок.

«Двадцать—двадцать два... Как раз впору для небольшого отряда: достаточно много, чтобы защищаться, но не так много, чтобы нельзя было скрыться», — подумала Шана и улыбнулась.

— Ну что ж, надеюсь, они не слишком далеко, — сказала она Коллену. — А то я сейчас умру от любопытства.

В ответ Коллен махнул рукой в сторону реки. Из-за поворота показалась лодка.

Остальные пять лодок были куда больше легкого челнока Коллена: в каждой могло поместиться человек по шесть, и еще оставалось место для груза. Человек, сидящий на носу первой лодки, заметил флажок Коллена и молча махнул своим, приказывая править в сторону ив, нависающих над водой. В первой лодке сидели пять человек, в том числе и Ники. Ники оказалась женщиной. Судя по сходству, она скорее всего была сестрой Коллена. В прочих лодках сидело по четыре человека. В трех лодках оказалось по одному ребенку, в четвертой — двое. Это удивило Шану: она как-то не думала, что торговцы-изгои возят детей с собой.

Хотя, с другой стороны, оставлять их где-то еще могло быть небезопасно.

Лодки были деревянные, вытесанные из цельного древесного ствола. Судя по размеру лодок, деревья были немаленькие. Прочие изгои были такие же небритые, как Коллен, но одежда их, хоть и поношенная, была безупречно чистой.

Шана и Каламадеа терпеливо ждали, пока торговцы пришвартовывали челны к берегу и тщательно укрывали их сетями и ветками. Работали они молча — видимо, по привычке. Шана давно заметила, что над водой звуки разносятся чрезвычайно далеко, а для этих людей необходимость скрываться была чем-то само собой разумеющимся.

Когда люди спрятали лодки и отряхнули руки, Каламадеа сделал им знак следовать за ним. Они повиновались, не раздумывая.

«Ну да, конечно, они знают, что нам пришлось бежать от эльфов и что мы тоже скрываемся. Однако они могли бы бояться, что мы захотим от них избавиться, но непохоже, чтобы это было так. С другой стороны, вряд ли у них есть что-то, что нам нужно, так зачем же нам на них нападать?»

Для изгоев нападать на волшебников тем более бессмысленно: волшебников гораздо больше, и изгои наверняка это понимают.

Коллен поотстал и пошел рядом с ней.

— Мне так кажется, что нам с вами будет чем торговать, — негромко сказал он Шане. — Мы продаем ошейным меха да всякую мелочь — може, у вас найдется чего получше мехов?

Шана немного поразмыслила.

— Быть может, — осторожно сказала она. — Во всяком случае, у нас есть кое-что, что точно пригодится вам и вашему народу: наконечники для стрел, которые так же убийственны для эльфов, как эльфийские стрелы для нас с вами.

Коллен впервые за все время проявил удивление.

— Не брешешь? — осторожно спросил он.

— Нет. Одна царапина — и эльф свалится, а стоит хорошо попасть — и, считай, он покойник. А ведь тебе, должно быть, не хуже моего известно, как непросто убить эльфийского лорда.

Она не собиралась рассказывать Коллену, откуда волшебники берут такие стрелы. Эти наконечники делались из драконьих когтей. Если ему вздумается расспрашивать про драконов, пусть Каламадеа решает, что ему стоит знать, а чего не стоит. Но оттого, что они продадут людям часть своего особого оружия, большого вреда не будет. На полукровок такие стрелы все равно не действуют: волшебники ближе к людям, чем к эльфам. А если этому человеку понадобится такое оружие, было бы преступлением ему его не дать.

«Одним эльфом меньше станет — оно и к лучшему!» По крайней мере, так считала Шана. За свою жизнь ей довелось встретить только одного стоящего эльфа, а судя по тому, что она знала об эльфах, Валин был что-то вроде выродка среди своего народа: эльфийский лорд, не лишенный сердца и совести, — это все равно что белая ворона.

— Я был бы счастлив получить их, госпожа! — горячо выдохнул Коллен.

Шана кивнула. В это время они как раз подходили ко входу в пещеру. Вход был довольно впечатляющий: огромное отверстие в четыре человеческих роста, ведущее в глубь горы, а вокруг — густой лес. Вход в пещеру оставили в первозданном виде, и снаружи нельзя было разглядеть ни светильников, ни гладкой дорожки, ведущей внутрь. Каламадеа зажег магический огонек и повел гостей в пещеру. Шана тоже засветила огонек и пошла последней.

Поначалу путь был довольно неровный, и торговцы то и дело спотыкались. Звук шагов эхом отдавался в пещере. Кое-кто из детей испугался и принялся спрашивать у родителей, куда их ведут. Шана улыбнулась про себя. То-то они сейчас удивятся!

Дорожка сделала резкий поворот, и за углом, там, где их уже нельзя было увидеть от входа, вспыхнули магические светильники.

Драконы заботливо развесили их так, чтобы они освещали не только дорожку, но и наиболее впечатляющие сталактиты и известковые наплывы. Спутники Коллена, сперва дети, а потом и взрослые, принялись тихо переговариваться между собой, с благоговейным восторгом указывая друг другу на подземные чудеса.

Но самое замечательное было еще впереди. Проход сузился, и внезапно впереди открылся Большой зал. Весь он был озарен магическими огнями: по стенам были развешаны светящиеся шары, а с потолка свисала целая гроздь. Люди зажмурились от испуга и неожиданности.

Денелор сдержал слово: посреди зала стояли столы и скамьи, огни сияли, столы ломились от яств. Разделить трапезу с гостями явились и многие волшебники — в том числе Парт Агон. Взрослые и дети одинаково изумленно уставились на это зрелище, но Коллен, похоже, разобрался во всем с первого взгляда. Он оставил Шану, направился к Денелору, сидевшему во главе стола, произнес краткую благодарственную речь, а потом рассадил своих людей на приготовленные для них скамьи. Что бы он там ни говорил, вряд ли он был просто разведчиком торговцев. Он был их предводителем.

Что ж, это соответствовало его воспоминанию, которое подсмотрела Шана.

Денелор с его обычной предусмотрительностью позаботился о том, чтобы за одним столом с гостями оказались не только он сам, Парт Агон, Шана и Каламадеа, но и кое-кто из человеческих детей, которых Шана спасла и привела в старую Цитадель.

Увидев чистокровных людей, спутники Коллена, похоже, несколько успокоились. Все расслабились, в том числе и сам Коллен.

Люди были голодны, но не смертельно. Ели они с аппетитом, но чинно, не давясь едой — пока дело не дошло до десерта, но на сладости и волшебники подналегли не хуже гостей. В середине обеда дети торговцев и бывшие рабы начали робко переглядываться через стол и пытаться знакомиться. Однако Шане некогда было наблюдать за детьми: как только Коллен наелся, он многозначительно прокашлялся, желая привлечь внимание всех взрослых обитателей Цитадели, сидящих за столом.

— Я вот этим троим говорил уже и вам повторю: мы — торговцы, изгои, — начал он, взяв таким образом на себя труд повторить то, чего другие еще не слышали. Очевидно, он не предполагал, что все волшебники умеют общаться мысленно, как и Шана. — Кое-кто у нас — свободнорожденные, кое-кто — беглые. Мы торгуем с ошейными, теми, что работают на кошкоглазых.

Парт Агон, единственный из сидящих за столом, для кого это было новостью, обдумал услышанное и кивнул.

— Ну что ж, до тех пор, пока вам удается сбивать их со следа, — а это, должно быть, не так уж трудно, раз вы путешествуете по воде, — наверное, ваше ремесло довольно безопасно. Насколько я понимаю, вы привозите им то, чего у вас много, а они, в свою очередь, продают это своим хозяевам?

— Вроде того, — согласился Коллен. — У нас с ними вроде как сговор. Мы... мы готовы пойти на риск там, где они боятся. Мы возим всякие вещи, каких у кошкоглазых мало. Меха по большей части, ну и другое всякое. Они говорят кошкоглазым, что добывают это сами, а про нас помалкивают. Мы привозим, что могем вырастить, что могем добыть. А потом мы тут не одни такие вольные.

— В самом деле? — Парт Агон изумленно вскинул брови, хотя, с точки зрения Шаны, это было очевидно. Если есть торговцы, значит, есть с кем торговать.

Коллен пожал плечами.

— Ну да. Отдельные кланы, семьи, всякие крестьяне, пара пастухов, пара охотников — мы со всеми торгуем. Они тут всегда жили, с тех пор как земля стоит. У них ничего такого нету, что потребно кошкоглазым, и вреда от них кошкоглазым никакого: они не разумеют даже, с какого конца за копье браться, и драться не станут. Те остроухие кошкоглазые, они думают, мы,

торговцы, плохие, потому как среди нас и беглые есть, так что мы от их прячемся. Но те — они мирные, и кошкоглазым без разницы, есть они, нету их. Так что мы будем с вами торговать на тех же самых условиях, как и с ими. Если у вас есть что продать, мы отвезем это вниз по реке и сменяем на то, что вы не можете вырастить либо сделать. Вы токо скажите, что вам надо. Нам выгода, и вам выгода.

— Общепринятая формула сделки, — заключил Парт Агон. — Денелор, как ты думаешь?

— О, я-то с самого начала был «за»! — немедленно отозвался Денелор. — Запасы наших... э-э... кладовых не бесконечны.

Он не стал добавлять, что волшебники ничего не смыслят в земледелии и ремеслах — это и так все знали. Рано или поздно волшебникам все же придется научиться работать руками, но чем позже до этого дойдет, тем лучше будет для всех.

«Больше будет времени для практики. Я бы не доверил свой суп первому горшку, вышедшему из рук волшебника!»

— Верно замечено, — сказал Парт Агон и обернулся к Шане. — Шана, а твое мнение?

— Вы могли бы — если хотите — поговорить с ним мысленно, — напрямик ответила Шана. — Коллен владеет человеческой магией, а мысленно лгать нельзя, вы же знаете. Но, по-моему, в этом нет необходимости. Ему выгоднее торговать с нами честно, а в противном случае он потеряет больше нашего.

— Осталось только выяснить, есть ли у нас что-то на продажу, по чему нельзя будет сразу определить, что эта вещь — от волшебников? — задумчиво спросил Парт Агон.

Шана вспомнила о камнях и металлах, которые имеются в здешних горах, если верить Кеману. Сумеют ли драконы достаточно быстро добыть столько самоцветов и золота, чтобы торговцы сочли это стоящим делом? И разумно ли будет отвлекать драконов от строительства Цитадели? На то, чтобы вытягивать из земли золото, требуется много времени, а на драгоценные камни — еще больше. Это Шана хорошо помнила еще с тех времен, когда жила с драконами. Стоит ли тратить на это силу?

Кеман застенчиво кашлянул. Все обернулись к нему.

— Послушайте, — сказал он, глядя в стол, — можно сказать, что все наши неприятности начались с того куска... той кожи, что эльфы называют «драконьей шкурой», материала, из которого была пошита туника Шаны. Эльфам очень хотелось добыть такой материал, они рассылали уйму экспедиций, чтобы его найти, а ведь у нас его довольно много...

— Драконья шкура? — удивился Коллен. — А покажьте-ка, что это у вас за драконья шкура?

— Минутку!

Кеман встал из-за стола, убежал и вскоре вернулся с куском своей собственной старой кожи шириной в ладонь и длиной в локоть. Шкура Кемана была ярко-синяя, с радужным отливом. Коллен восторженно ахнул, потянулся к куску кожи, но тут же отдернул руку.

— Берите, берите, — сказал Кеман, протягивая ему кожу. — Она довольно прочная.

Коллен бережно взял в руки полоску кожи, попробовал на разрыв, на гибкость, погладил скользкие чешуйки...

— Где вы ее взяли? — восхищенно спросил он.

Очевидно, хотя он и знал о второй Войне Волшебников, о существовании настоящих драконов ему слышать не доводилось. Неужто эльфы решили, будто драконы были иллюзией? А может, они подумали, что драконы созданы с помощью магии кем-нибудь из самых могущественных волшебников?

Хорошо бы, если так. А то Шана до сих пор чувствовала себя виноватой перед драконами: ведь они столько веков таились от эльфов, а теперь раскрыли свою тайну лишь затем, чтобы помочь ей и ее друзьям! Шане, как и драконам, вовсе не хотелось, чтобы эльфы знали об их существовании. И не без причин. Эльфы никогда не потерпят, чтобы рядом с ними существовало столь могущественное племя. К тому же они действительно были без ума от драконьей кожи. С них станется перебить всех драконов только ради шкур.

«Он про вас не знает, Кеман! — поспешно сказала она дракону. — Надо что-нибудь придумать, и побыстрее!»

— Это шкура ящерицы, — объяснил находчивый Кеман. — Мы придаем ей такой вид с помощью магии. Мы производим ее в больших количествах. Сейчас у нас ее накопилось довольно много. Полезная штука.

Он покосился на Каламадеа. Тот одобрительно кивнул.

— Она не только красивая, она еще и очень крепкая, — добавил Кеман.

— Ну, если так — по рукам! — воскликнул Коллен и, видя, что Кеман не собирается забирать у него образец драконьей шкуры, сунул его себе за пазуху. — На энту штуку мы могем сменять все, что захочете!

— Как вы думаете, ничего, что мы здесь поселились? — поинтересовался Денелор. — Мы этим никого не потесним? Мы

не нашли в этой долине никаких следов жилья и, как и вы, не жаждем привлекать к себе внимание. Я думаю, нам удастся сделать так, чтобы эльфы нас не обнаружили.

Коллен пожал плечами с таким видом, будто ему все равно. Возможно, так оно и было.

— Да, вы тут славненько устроились. Мы-то с вами за эти места ссориться не станем. Они вроде как ничейные. Так что селитесь, сколько влезет. Опять же и нам спокойнее знать, что сюда кошкоглазые не сунутся.

— Так что, можно сказать, вы нам рады? — спросил Парт Агон.

— А то ж! — Торговец рассмеялся, словно Парт Агон удачно пошутил. — Добро пожаловать, как говорится!

Глава 4

На следующий день после бала так ничего и не произошло. Шейрена просто не верила своему счастью. Она весь день тряслась от страха, ожидая, что отец призовет ее к себе и примется расспрашивать, с кем она говорила, с кем танцевала, кто что сказал... И это еще ничего. А вдруг он каким-то образом проведает, что ей так и не удалось никого «завлечь», и призовет ее к ответу?

Но отец ее так и не позвал. Даже записки не прислал. На нее, как обычно, не обращали внимания. День прошел как всегда, если не считать того, что ей дали отоспаться. Рена гуляла в саду, кормила своих птиц, занималась музыкой и этикетом. После обеда зашла в будуар к матери. Только здесь ей напомнили о том, что сегодня все же не самый обычный день. Они с матерью разговаривали исключительно о платьях других дам, присутствовавших на балу: как они были пошиты, из какого материала, что из этого могло бы подойти Рене или самой Виридине. В других будуарах рассуждали, разумеется, еще и о том, насколько не к лицу были одеты некоторые дамы (разумеется, не из числа присутствующих), но леди Виридина сплетен не поощряла.

Не обсуждалось также и то, кто за кем ухаживал. Это, по мнению леди Виридины, тоже относилось к разряду сплетен. Такие вещи не касаются никого, кроме заинтересованных сторон.

Короче, вся беседа состояла в том, что леди Виридина подробно разбирала наряды, а служанки ей поддакивали. Рена только слушала, и то вполуха. Нет, обычно она любила поговорить о платьях — хотя кататься верхом с Лоррином ей нравилось больше, — но сегодня ей не хотелось слушать о том, как замечательно выглядели прочие дамы. Это лишний раз напоминало ей, как убого смотрелась она сама. До вчерашнего вечера Рена думала, что у нее просто не осталось гордости, которая могла бы пострадать, но, увы, это было не так. Смотреть в зеркало и видеть посмешище оказалось очень болезненно. Рена страдала до сих пор.

«Что бы такое сделать с этим жутким платьем? — думала она. — Не хочу больше его видеть!»

Но Виридина, казалось, не замечала молчания дочери. Оно и к лучшему. Посреди длинного рассуждения о шлейфах и оборках Рене вдруг пришло в голову, что мать кажется рассеянной, как будто бы ее грызет какая-то тяжкая забота и она пытается скрыть это пустой болтовней.

«Из-за Лоррина беспокоится, наверно. Не из-за меня же, в самом деле!»

Казалось, прошло полдня, прежде чем леди Виридина наконец отпустила дочь и Рена смогла вернуться в сад, к своим книгам. Для начала девушка призвала к себе двух птиц и принялась составлять заклятие, заставляющее птиц отлетать в сторону, когда им захочется облегчиться. Чрезвычайно полезная вещь!

Поначалу она наложила заклятие только на одну из птиц — девушка боялась причинить им вред, если что-нибудь получится не так. Но когда оказалось, что все в порядке, Рена наложила это заклятие на всех птиц, живущих в саду. Теперь она сможет забавляться с ними сколько угодно, не беспокоясь о своих туалетах!

Одна из самых красивых пташек, особенно кроткое создание с ярко-алыми перышками и крючковатым клювом, очень любила сидеть на плече у Рены. Пичуга готова была часами тереться головой о шею девушки. Но Рене приходилось сгонять птицу, потому что Визирь постоянно пачкал ей платье и девушке приходилось бежать к себе переодеваться, пока отец и мать ничего не заметили. Иногда ей приходилось менять платье по три раза на дню! Так что в тот день оба остались очень довольны: Рена сидела в саду и спокойно читала, а Визирь мог сколько угодно ласкаться к ней. Девушка обнаружила, что гладить его можно до бесконечности: ему не надоедало. Визирь оказал-

ся превосходным успокоительным, и остаток дня Рена провела в веселом настроении.

Однако утром девушка снова проснулась в тревоге: ей приснился лорд Тилар, грозящий дочери страшными карами за то, что она не сумела найти себе мужа.

Но страхи снова оказались беспричинными: за весь день так и не случилось ничего из ряда вон выходящего.

Как и на следующий день, и через день. Самое главное, лорд Тилар не говорил ничего неодобрительного! Рена потихоньку начала успокаиваться. Одновременно она пыталась разгадать, чем же так занят ее отец. Видимо, политические интриги, в которые отец впутался на балу, требовали столько внимания, что он забыл о своем первоначальном намерении: устроить выгодный брак для дочери. Это было на него похоже. Все, что имело отношение к дочери и ее будущему (или отсутствию такового), стояло для лорда Тилара на десятом месте по сравнению с его личными амбициями. И в данный момент это Рену вполне устраивало. Чем больше отец занят собой, тем меньше он будет думать о ней.

Робкое счастье Рены омрачалось только тем, что Лоррин до сих пор не оправился от болезни и так ни разу и не заглянул к ней. Обычно он обязательно забегал к ней в сад хотя бы раз в день, а иногда и чаще, если хотел взять ее с собой на прогулку. Рабыни говорили ей, что он так и не выходил из своих комнат с самого праздника. Впрочем, ничто не указывало на то, что его болезнь серьезнее, чем казалось: видимо, он просто выложился сильнее, чем думали поначалу.

Рена, конечно, ужасно беспокоилась бы из-за брата, если бы думала, что он серьезно болен. А так она просто скучала по нему — не только потому, что искренне любила брата, но еще и потому, что девушке было не с кем побеседовать. С рабынями как следует не поговоришь, а Лоррин был единственным, кто не обращался с ней так, будто у нее ума не больше, чем у ребенка. Если не считать Мире. Даже мать разговаривала с Реной так, будто всегда была так же рассеянна и озабочена, как в последние несколько дней.

И все же странно, что Лоррин так долго болеет. Прежде приступы головной боли проходили у него на следующий день. Бродя по саду, Рена с тревогой посматривала в сторону окон брата. Что он с собой сделал? Быть может, мать именно поэтому так волнуется и скрывает свою озабоченность притворной веселостью?

На третий день Рена легла спать в тревоге. Она несколько раз посылала к Лоррину узнать, что с ним, но брат каждый раз просил передать, что он просто немного болен и со временем все будет в порядке. Со временем? Сколько же времени это должно занять? Девушка так беспокоилась о брате, что даже забыла о собственных горестях.

Но на утро четвертого дня ее спокойствию пришел конец. Прибыло послание от лорда Тилара.

Его доставили вместе с завтраком. Под тарелку была засунута аккуратно сложенная записка, написанная изящным, безупречным почерком. Лорд Тилар никогда ничего не сообщал лично, если этого можно было избежать. Девушка взяла записку и развернула ее, готовясь к худшему.

«Тебе надлежит явиться в будуар леди Виридины в час Небесного Жаворонка, дабы обсудить довольно важное дело». Всего-то навсего; но этого хватило, чтобы призрачное спокойствие Рены вмиг улетучилось.

Девушка уставилась на записку. Рука ее слегка дрожала. Рена аккуратно опустила записку на стол. Есть сразу расхотелось. Обсудить? Это вряд ли. Доказательством тому — записка, написанная *собственноручно* отцом и снабженная оттиском его личной печати. Нет, лорд Тилар желает ей что-то приказать. А матери, которая подчиняется его воле так же покорно, как любая из рабынь, поручено передать Рене его приказ. А это означает, что приказ будет неприятный. Лорд Тилар всегда поручал разбираться с неприятными семейными делами жене. Он полагал, что поддерживать мир в семье — ее обязанность, даже если этот мир нарушают именно его собственные распоряжения.

У Рены противно засосало под ложечкой. Что же это за «довольно важное дело» такое? Быть может, он наконец заметил, что Рене не удалось найти себе поклонников? Может быть, кто-то из его вассалов доложил, что она провела куда больше времени с ручными животными, чем с поклонниками? С отца станется приставить кого-то шпионить за ней или расспросить своих вассалов о ее поведении.

В сердце девушки темным, зловещим цветком распустился беспричинный страх. Как же он поступит? Наймет новых учителей, которые должны сделать из нее что-то более приятное, или...

И Рене вспомнился один из кошмаров первой ночи после бала. Ее страх был не таким уж беспричинным...

Он может приказать — быть может, уже приказал! — сделать с ней кое-что гораздо худшее... Рена даже не думала о такой возможности, пока собственные кошмары не напомнили ей об этом.

Если отец будет недоволен ею и решит, что она не способна перемениться по доброй воле, у него есть выход. Выход этот ужасен, но отец достаточно жесток, чтобы к нему прибегнуть. Если только найдется достаточно могущественный маг, который согласится это сделать. Рена не думала о такой возможности лишь потому, что не верила, что отец пойдет на подобные расходы ради нее. Но если он очень разозлится, мысль о расходах отступит на второй план перед тем, что его непослушная дочь не выполнила его волю...

«Он может меня *переделать*!»

О *переделанных* девушках в будуарах говорили не иначе как шепотом. Никто из знакомых Рены никогда не встречался с *переделанными*, но у каждой была кузина или подруга, которая знавала такую девушку лично. Если девушка не устраивает своего отца — или, реже, если жена не устраивает мужа, — муж уговорит отца женщины согласиться на *переделку*. В конце концов, в былые времена великие эльфийские маги создали единорогов из обычных лесных зверей. Да и сама Рена превращала обычных серых воробушков и голубей в очаровательных сказочных птиц. Вот и девушку можно *переделать*: сделать ее красивее, грациознее... Это немногим труднее, чем создать единорога.

«Особенно если маг не слишком заботится о том, что будет с девушкой. Лишь бы со стороны не было заметно!» Девушке ведь не придется скакать верхом и участвовать в битвах! Так что не страшно, если она станет чересчур хрупкой, чересчур болезненной. Главное — чтобы смогла родить наследника. А когда родится наследник, можно будет найти другую жену — или вовсе обойтись без жены, как получится.

Рассказывали, что девушку куда-то забирают, а возвращается она не просто хорошенькой, а красавицей, живым произведением искусства. Она попросту не способна сделать неуклюжее движение, взять неверную ноту, нарушить этикет. Она всегда изящна и грациозна. Она никогда не выходит из себя, не плачет, не жалуется, всегда безмятежно улыбается, где бы она ни была — в обществе или наедине с мужем, с подругами или с рабынями. Она быстро и послушно выполняет любое желание

отца или мужа. Она становится идеальной женой, Настоящей Леди, безупречной во всех отношениях.

Но вся беда в том, что *переделка* действует не только на тело, но и на душу. *Переделанные* девушки — по крайней мере, так говорят — лишаются некой искорки. У них нет никаких стремлений, никаких интересов за пределами своего будуара. И они не способны создавать что-то свое. Если дать им готовую пьесу или узор для шитья, они сыграют по нотам или вышьют по узору с механической точностью. Но они не способны придумать собственный узор или сложить свою песню, даже если до *переделки* они были замечательными художницами или музыкантами.

И это еще не все. Им доставляют удовольствие только самые простые вещи. *Переделанные* теряют интерес ко всему, что требует хоть малейших умственных усилий. Они обычно перестают читать или писать, заботиться о хозяйстве предоставляют женам вассалов, все дела, хоть отдаленно связанные с творчеством, возлагают на плечи рабынь и не покидают будуара иначе, как по настоянию мужа. Жизнь их вертится вокруг трех вещей: одеваться покрасивее, нравиться мужу и рожать детей. Они одержимы платьями и украшениями, переодеваются пять раз на дню, готовы броситься в пропасть, лишь бы угодить мужу, и стремятся поскорее нарожать как можно больше детей.

Короче, они так же послушны и удобны, как человеческие наложницы. Не случайно, наверное, когда девушку *переделывают*, маг заботится о том, чтобы изменить не только ее тело, но и душу. Зачем сохранять недовольство, ненужные стремления, неудобные интересы, если с помощью магии можно стереть все это без следа? Можно создать такую дочь или жену, какая тебя устраивает.

«Как удобно для мужчин!»

В том кошмаре Рене привиделось, что ее *переделывают*. Проснувшись, она постаралась поскорее забыть эту боль и ужас, это ощущение, что твой разум, твое «я» тает, исчезает, утекает прочь. Теперь кошмар вернулся к ней с удвоенной силой. Как будто то был не сон, а предчувствие.

Руки у Рены похолодели, и сердце застыло от ледяного ужаса.

Она пыталась бороться со страхом. Да нет, конечно, лорд Тилар ни за что не станет ее переделывать! Это ведь очень сложно и очень дорого. Маг не только возьмет высокую плату, но еще и после потребует с «заказчика» ответных услуг. За *переделку* берутся только самые могущественные маги, а чем могу-

щественнее маг, тем большей властью и авторитетом он уже обладает. Вряд ли лорд Тилар способен предложить кому-то из высших лордов нечто такое, ради чего тот согласится помочь ему с этим делом.

Но тело Рены не желало внимать этим рассуждениям. Сердце отчаянно, испуганно колотилось. Горло сдавило так, что девушка даже не могла сглотнуть. Лицо застыло деревянной маской, во рту пересохло...

Часто дыша, точно загнанный кролик, девушка снова протянула руку к записке. Она перечитала записку, ища хоть намек на то, о чем пойдет речь, но так ничего и не обнаружила. Но, с другой стороны, в записке не говорилось и о том, что отец собирается ее *переделать*. А ведь если бы это было так, он уж, наверно, как-нибудь да проговорился бы! Наверно, он приказал бы отослать рабынь или ничего не говорить Лоррину... Да и потом, если бы он собирался *переделать* Рену, зачем посылать ее к матери, чтобы та предупредила об этом? Он мог бы просто прислать пару крепких стражников, которые забрали бы ее без всякого предупреждения! Ведь если она узнает об этом заранее, не миновать ему скандала!

Должно быть, это что-то попроще, лихорадочно убеждала себя Рена. Обычная взбучка за то, что она не соответствует нормам, которые установил для нее отец, не выполняет его приказы...

Постепенно дыхание девушки выровнялось. Да, это куда логичнее. Лорд Тилар всегда выбирает самый легкий путь и делать выговоры поручает леди Виридине. Рена заставила себя успокоиться.

Да, должно быть, ничего страшного ее не ожидает. Леди Виридина будет долго распространяться об обязанностях дочери и о том, что она, Рена, эти обязанности не выполняет. Потом, возможно, начнутся новые уроки — но это она предвидела. Уроки, конечно, скучные и отнимают уйму времени, но это не смертельно: надо только потерпеть, пока лорд Тилар про нее забудет. А он непременно о ней забудет. Особенно если постараться не попадаться ему на глаза. По крайней мере, до тех пор, пока не представится возможность выгодно выдать ее замуж. Расходов она особых не требует и к тому же по-своему все-таки немного украшает пейзаж. К тому же она занимает Лоррина и тем самым не дает ему впутываться в неприятности. Ей даже можно поручить присмотреть за хозяйством, если понадобится куда-то выехать вместе с женой.

«Да, конечно. Если бы он намеревался сделать со мной нечто столь дорогостоящее, как *переделка*, он уж непременно сообщил бы мне об этом самолично и присмотрел, чтобы я отправилась куда следует без особого шума. Он сам позаботился бы обо всех деталях, чтобы быть уверенным, что деньги потрачены не зря».

Однако справиться со страхом было не так-то просто. Девушке пришлось собрать все силы, чтобы встать из-за стола с несъеденным завтраком и сделать вид, что все в порядке. Она особенно тщательно выбрала себе платье. В горле все еще стоял ком, так что приказы служанкам Рена отдавала шепотом. Она позволила себя одеть: руки так дрожали, что она бы и шнурка завязать не смогла. И в назначенный час — сразу после завтрака — отправилась в будуар матери, изнывая от страха и уныния. По крайней мере, не придется долго ждать, чтобы узнать о своей судьбе...

От напряжения внимание Рены обострилось, и девушка обращала внимание на все мельчайшие подробности. Вход в будуар матери закрывала не обычная дверь, а магическая завеса. Такая же завеса защищала вход в гарем. У входа ждала рабыня, которая провела Рену через гостиную в кабинет леди Виридины. Кабинет матери был совсем не похож на кабинет лорда Тилара. Небольшая просто обставленная комната: стол, два стула, пол, потолок и стены кремовые, мебель тоже кремовая, только чуть темнее. Когда Рена вошла, Виридина что-то читала. Она молча указала дочери на стул. Рена послушно села. Она сидела на краешке стула, напряженно вытянувшись, сложив руки на коленях. Ее сковывало такое напряжение, что девушке казалось, будто она содрогается с каждым сердечным толчком.

Наконец леди Виридина положила бумагу на стол и взглянула на дочь. Ее лицо и глаза были совершенно непроницаемыми.

— Господин мой Тилар желает передать тебе, что он тобою чрезвычайно доволен, — произнесла она. Эти слова застали Рену врасплох: она с трудом удержалась, чтобы не раскрыть рот от удивления.

«Доволен? Мною? Отчего? Почему? Что я такого сделала?»

— Насколько я понимаю, на балу ты провела довольно много времени с В'кельном Гилмором ан-лордом Киндретом, — сказала мать и остановилась, ожидая ответа.

Рена растерянно кивнула. Неужели дело в этом? В том, что она была добра к этому слюнявому идиоту? Да, этот идиот не-

дурен собой — но ведь некрасивых эльфов вообще не бывает. «Если не считать меня».

— Киндреты — весьма древний и могущественный род, — продолжала леди Виридина. — Они не столь могущественны, как Хэрнальты, но зато старше. У них безупречная родословная, и с лордом Лайоном считаются в Совете. Многие добиваются его расположения.

Рена снова кивнула, не понимая, к чему клонит мать. Неужто отец Гилмора исполнился к ней благодарности за то, что она соизволила поговорить с его сыном, причем настолько, что сказал об этом лорду Тилару? Быть может, за это он даже готов поддержать лорда Тилара в Совете?

— Так вот, ты, похоже, произвела впечатление на лорда Гилмора, — сказала мать, не поведя бровью. — Причем, видимо, довольно сильное: обычно у него в голове ничего не держится дольше нескольких часов. По крайней мере, так утверждает твой господин и отец.

В голосе матери не было заметно ни следа иронии. Нет, не похоже, что она шутит. Рена не знала, что и думать. Она не ждала от родителей ни откровенности, ни шуток.

Леди Виридина уставилась на дочь пронзительным взглядом, как бы ища признаков того, что Рена сочла ее замечание забавным.

— Как бы то ни было, ты понравилась ан-лорду, и, как следствие, ты понравилась его отцу — что куда важнее.

Она снова умолкла в ожидании ответа.

— Да, госпожа, — выдавила наконец Рена. — Конечно, понравиться лорду Лайону куда важнее. Бедный Гилмор! Ему, должно быть, очень тяжело с отцом. Он кажется довольно... — Рена замялась, подыскивая слово, которое могло бы как-то сгладить тот печальный, но неоспоримый факт, что ан-лорд Гилмор — дурак, — ...довольно приятным юношей. И, похоже, очень старается угодить своему господину и отцу. И он, разумеется, прав. Но я бы сказала, что он не слишком... э-э... честолюбив.

«А также не слишком умен».

Мать кивнула и чуть заметно улыбнулась.

— Хорошо. Значит, ты разбираешься в ситуации. Вчера вечером В'денн Лайон лорд Киндрет попросил у твоего отца твоей руки от имени своего сына. Ну и, разумеется, лорд Тилар дал согласие от твоего имени. Он очень доволен. Кажется, лорд

Лайон полагает, что, согласившись, твой господин и отец оказал ему большую услугу.

Эти слова оглушили Рену, точно удар дубиной.

«Попросил моей руки? Гилмор? И отец согласился?!»

Шок сменился ужасом. Рена застыла как парализованная, не в силах ни говорить, ни двигаться, ни даже думать. Ее отдали, ее продали, в один миг, без предупреждения — и кому?

«Гилмору! Этому... этому идиоту, который даже не помнит, что делал несколько часов назад! Придурку, который во всем повинуется своему отцу! У которого мозгов не больше, чем у младенца, который не интересуется ничем, кроме охоты, в чью башку никогда в жизни не забредало ни единой толковой мысли! Жестокому глупцу, который не замечает, когда делает кому-то больно!»

Она не могла даже дрожать. Мать, очевидно, приняла ее молчание за знак согласия и улыбнулась, скорее с облегчением, чем с радостью.

— Я рада видеть, что ты испытываешь должную благодарность к своему господину и отцу и к лорду Гилмору. Твое благоразумие говорит в твою пользу. Вот что значит хорошее воспитание!

Она встала и протянула Рене другую бумагу, запечатанную личной печатью лорда Тилара.

— Разумеется, следует соблюдать все принятые обычаи. При таком происхождении, как у лорда Гилмора, это важно вдвойне. Мы проследим, чтобы все было сделано как полагается. Отправляйся в свои комнаты, и пусть служанки оденут тебя к торжественному обеду.

Рена машинально встала, повинуясь приказу матери.

— Ты отправишься одна через порталы в дом лорда Лайона и лорда Гилмора, как полагается. Возьмешь с собой это официальное согласие. Твой эскорт прибудет через час.

Это явно был приказ удалиться. Рена точно во сне поднялась, вышла из кабинета матери и отправилась к себе.

Следующие несколько часов она провела точно в тумане. Девушке казалось, что это очередной кошмар, что сейчас она проснется в своей постели. Нет, этого просто не может быть! Это казалось какой-то жуткой пародией на романтическую историю, в которой высший лорд влюбляется в дочь одного из своих вассалов и просит ее руки. Почему, ну почему лорд Гил-

мор наступил именно на ее шлейф? Что ему стоило наткнуться на еще чью-нибудь нелюбимую дочку?

Должно быть, она все же что-то приказала рабыням, и, должно быть, приказы имели какой-то смысл, потому что, когда Рена пришла в себя, она была одета, причесана, увешана украшениями и стояла перед порталом вместе со своим эскортом. Должно быть, кто-то позаботился о том, чтобы подобрать единственное платье, которое ей действительно шло. Наверно, какая-то из служанок сжалилась над своей несчастной госпожой. Ей не стали делать макияж, волосы были заплетены в простые косы, перевитые нитями жемчуга и уложенные в замысловатый узел на затылке. Ее платье было из тяжелого розового шелка с высоким воротом и длинными, до пола, рукавами. На талии платье было перехвачено поясом, расшитым жемчугом, а на шее у Рены висело жемчужное ожерелье. В результате ее было почти не видно на фоне стены — но зато она не походила на клоуна.

Рена смутно помнила, что Мире распоряжалась и что прочие служанки ей повиновались. Сама Рена вставала, садилась, поворачивалась, и все это — без единой мысли. Как выходила из своей комнаты — она просто не помнила. И вот она уже стоит на пороге портала, держа в руке футляр для свитков — дорогой, позолоченный, с инкрустацией из кости. Как она взяла этот футляр, Рена тоже не помнила. Должно быть, кто-то вложил его ей в руку, а она даже и не заметила. Когда девушка рассеянно подняла руку и коснулась виска, то обнаружила, что на пальце у нее новое кольцо: белого золота, с бериллом с изображением крылатого оленя.

«Печать лорда Лайона?..»

Видимо, да. А как еще она сможет воспользоваться порталом, ведущим в поместье лорда Лайона? Должно быть, кольцо прибыло с посланцем лорда Лайона...

Девушка не успела собраться с мыслями: ее эскорт двинулся вперед, и она шагнула в портал...

На этот раз они не попали в Зал Совета: быть может, кольцо с печаткой именно затем и было нужно, чтобы перенести ее прямо в место назначения. Пройдя портал, Рена очутилась в незнакомой комнате...

Ей еще не доводилось видеть подобных помещений — и магия здесь явно была ни при чем. Комната была обставлена кожаной мебелью, и повсюду, куда ни глянь, висели охотничьи трофеи. Со стен, отделанных темным деревом, на Рену смотре-

ли слепыми глазами головы убитых животных. Чучела зверей и птиц служили подставками для ламп, ножками столов или просто жутковатыми украшениями. Пол был устлан шкурами с головами. А у одной стены стояли два сцепившихся в поединке единорога — один черный, как уголь, другой белый, как облако. У обоих зверей были безумные оранжевые глаза, горящие злобой, а на закрученных спиралью рогах краснела кровь.

Девушка содрогнулась и отвернулась.

Здесь было все, на что только охотятся эльфы. В углу стояла стойка с рогатинами, сделанная из рогов единорогов, мебель была отделана инкрустациями из кости и рога и обтянута шкурами или кожами. Из всех углов скалились мертвые пасти. Чучела змей оплетали основания колчанов, стоящих рядом с луками. Подставки для ножей и мечей были сделаны из оленьих рогов.

Отовсюду на Рену смотрели стеклянные глаза, и девушке почудился в них гнев, страх или обвинение. Комната, казалось, была наполнена безмолвной яростью.

Появился молчаливый слуга-человек. Он низко поклонился Рене и жестом пригласил ее следовать за собой. Девушка охотно послушалась: она была рада-радешенька поскорее уйти из этой комнаты, полной обвиняющих взглядов.

Должно быть, лорд Лайон желает таким образом произвести впечатление на своих гостей. А может, ему действительно нравится держать жертвы своих охотничьих экспедиций в таком месте, где он постоянно может ими любоваться?

Неужто и ей предстоит стать одним из таких трофеев?

Слуга провел Рену коридором. Коридор тоже был отделан панелями темного дерева, освещен магическими светильниками, висящими на оленьих рогах, и застелен багровым плюшем. Рена уже перестала подсчитывать, сколько же оленей и лосей было перебито ради этих рогов. Лорд Лайон — один из старейших высших лордов, он охотится уже много лет. Должно быть, тут даже не все его трофеи...

Какая ужасная мысль!

Что он пытается сказать этой комнатой смерти? В конце концов, это ведь первое, что видит любой гость, прибывший через портал. Быть может, он хочет показать гостям, какой он безжалостный враг? Или хочет похвалиться своей физической силой и ловкостью либо магическим искусством, которое потребовалось, чтобы выследить и убить стольких животных?

Коридор, казалось, тянулся бесконечно. Светильники вспыхивали ярче при приближении Рены и снова затухали у нее за спиной, так что девушка не могла определить, где конец коридора. Должно быть, она все же была несколько не в себе: где-то по пути она ухитрилась потерять свой эскорт и даже не заметила этого, пока слуга-человек не остановился у двери, поджидая, пока она его догонит. Дверь, разумеется, тоже была необычная: подойдя вплотную, Рена разглядела, что она покрыта геометрическим узором, выложенным из тысяч крохотных косточек. Все это были позвонки, подогнанные друг к другу с таким искусством, что вся поверхность двери скрывалась под слоем кости. Узор, должно быть, что-то означал, но что — Рена так и не поняла.

Слуга мягко отворил дверь и поклонился, пропуская Рену. Девушка боязливо ступила в царящий за ней полумрак.

И снова оказалась на краю поляны, под полной луной. Однако тут не было ручных животных, и луна со звездами совершенно однозначно были магическими светильниками. Большая часть всего этого была иллюзией, и далеко не столь совершенной иллюзией, как на балу. На самом деле, если принять во внимание власть и престиж лорда Лайона, это скорее всего даже не самая совершенная иллюзия, какую мог бы создать он сам, если бы захотел. Незримый музыкант тихо наигрывал на цимбалах, ветви покачивались от ветерка, который не шевелил ни волоска в прическе Рены.

Дверь у нее за спиной затворилась.

Посреди поляны стоял стол, накрытый на троих. В центре стола красовался магический светильник, заточенный в канделябр — опять же из рогов. Кушать, похоже, пока что не подавали. За столом уже сидели двое. Из-за тусклого освещения Рена не могла их разглядеть, но, видимо, это Гилмор и его отец.

Рена прошла несколько шагов, и свет, горящий над столом, сделался ярче. Сидящие за столом обернулись к ней — и девушка увидела, что это лорд Гилмор и какая-то женщина.

Человеческая женщина, которая явно собиралась разделить трапезу, задуманную как интимный обед, с будущим супругом Рены!

Девушка застыла на месте, не в силах ни идти вперед, ни развернуться и уйти.

Теперь свет сделался достаточно ярок, чтобы рассмотреть унизительные подробности. Женщина была очень красива, в роскошном и дорогом платье кроваво-алого атласа, в золотом

ожерелье с рубинами, в золотых браслетах. Судя по тому, как они с Гилмором сидели, то была его любимая наложница.

Наложница? Но ведь это должна была быть их помолвка?

Быть может, мать перепутала время? Или сама Рена неправильно поняла ее приказ?

Но нет, этого не может быть. Ее проводил эскорт, в доме ее ждал слуга, ей прислали кольцо, подогнанное по ее руке... Нет, никакой ошибки тут не было.

Разум Рены внезапно освободился от оков растерянности и нерешительности. Теперь она видела все очень отчетливо, и мысли ее рванулись вперед столь стремительно, как будто у Рены за плечами были десятилетия интриг. Быть может, потому, что впервые за этот ужасный день девушка столкнулась с ситуацией, в которой она могла действовать, вместо того чтобы бессильно повиноваться обстоятельствам.

Это не случайность. И Гилмор, разумеется, не мог додуматься до такого самостоятельно. Он не мог просто «пригласить» сюда свою наложницу. Его отец никогда бы такого не допустил — слуги немедленно донесли бы ему о подобном недопустимом промахе задолго до прихода Шейрены. Лорд Лайон столь предусмотрительно всем распорядился — очевидно, это оскорбление было частью какого-то задуманного им плана. Возможно, они с лордом Тиларом придумали это вместе. Это не могло быть обычным вызовом — лорд Лайон не стал бы затевать все это лишь затем, чтобы оскорбить такое незначительное существо, как Шейрена. Если бы он хотел оскорбить лорда Тилара, он бы сделал это напрямик, а не через его дочь. Лорд Лайон куда могущественнее лорда Тилара, и оскорблять его дом через женщину было бы непростительным промахом с *его* стороны.

«Это проверка. И, должно быть, тут не обошлось без отца. Только ему могло прийти в голову использовать человеческую наложницу как орудие и оружие».

Они желают проверить, насколько покорна и послушна будет она желаниям своего супруга. Гилмор явно не способен принимать хотя бы мало-мальски толковые решения. Если дать ему жену, наделенную умом и волей, это может плохо кончиться. Своевольная жена без труда выставит его дураком, каковым он и является. Хуже того, своевольная жена может научиться им управлять.

«Если я устрою скандал, если я оскорблюсь и уйду — что тогда будет?»

Очевидно, это будет означать, что Гилмору с ней не справиться.

Рена испытала большое искушение именно так и поступить, но...

«Но тогда...»

Если что и способно заставить лорда Тилара *переделать* ее, то именно такая реакция. В конце концов, ей отдали соответствующий приказ; ей не полагается иметь гордости, которая может пострадать от оскорбления. Если она посмеет проявить собственную волю, это значит, что она опасна не только для Гилмора, но и для замыслов отца. А с помощью влиятельного лорда Лайона отец вполне может позволить себе подвергнуть ее *переделке*, чтобы у ее нареченного не было с ней проблем. Лорду Лайону явно нужна невеста для Гилмора, которая не будет ставить себя выше мужа и не станет пытаться с помощью Гилмора противостоять власти его отца. Причем невеста нужна срочно. А если лорд Лайон может найти девушку, чей отец не имеет ничего против того, чтобы ее *переделали*, почему бы не ухватиться за такой шанс обеими руками? *Переделанная* жена не сможет управлять Гилмором и не попытается воспользоваться им против отца, а Гилмор будет совершенно счастлив с такой женой. Короче говоря, это будет идеальная жена, полностью соответствующая планам лорда Лайона.

С другой стороны, это прекрасный случай показать отцу и лорду Лайону, что она вполне покорна и послушна. «Если я сделаю вид, что все в порядке, что ничего особенного не происходит, что я согласна сидеть за одним столом с фавориткой моего будущего жениха, это будет значить, что я ничем не хуже *переделанной*». Если действовать так, будто она не заметила оскорбления, как будто это просто приятная дружеская вечеринка, это будет значить, что она «безопасна»: она будет повиноваться своему господину и не поставит его в неловкое положение на публике. Конечно, она может оказаться достаточно умной, чтобы управлять Гилмором, но лорд Лайон, видимо, исходит из предположения, что если Рена была достаточно добра к Гилмору, не зная, кто он такой, то, видимо, она слишком глупа, чтобы им вертеть.

И, однако, ее окатило жаром от унижения и стыда. Даже леди Виридина не подвергалась подобным испытаниям!

«Если я уйду... если я выйду отсюда и вернусь домой...»

Ей все равно придется выйти замуж за Гилмора. «Но только тогда мне будет уже все равно, потому что от меня ничего не останется».

На миг ей подумалось, что, может, оно и к лучшему. Потом Рена мысленно встряхнулась. Это ведь всего лишь помолвка! До свадьбы еще далеко, всякое может случиться. Гилмор может погибнуть: если он посвящает все свое время охоте, в один прекрасный день может обнаружиться, что он не такой хороший охотник, как ему кажется. Может умереть ее отец — тогда главой дома останется Лоррин, а он никогда не заставит сестру выйти замуж за этого дурня. Может умереть она сама. А возможно, им с Лоррином удастся найти способ заставить отца расторгнуть помолвку. Она может заставить Гилмора разочароваться в ней. Лорд Лайон может совершить ошибку, в результате чего его влияние уменьшится, и Гилмор перестанет быть выгодным мужем с точки зрения лорда Тилара.

В худшем случае она станет женой придурка. И если у них не будет детей, возможно, Лоррину удастся выручить ее когда-нибудь потом. А может, Гилмор умрет.

А пока что лорд Тилар относится к ней с мрачным одобрением. Возможно, это позволит урвать лишний кусочек свободы...

Это было тяжко, очень тяжко, но Рена заставила себя медленно, шаг за шагом, двинуться вперед. Заставила себя улыбнуться дурацкой, фальшивой улыбкой. Когда она приблизилась, Гилмор встал. Наложница осталась сидеть. Рена обратила на это внимание, и щеки ее вспыхнули от обиды.

— Шейрена! — воскликнул Гилмор с ребяческим восторгом. — Добро пожаловать! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам!

Свободный стул отодвинулся сам собой. Шейрена села, двигаясь скованно, точно деревянная. Наложница, роскошная красавица с волосами цвета воронова крыла и самой пышной грудью, какую только доводилось видеть Рене, ехидно усмехнулась и даже кивнуть не соизволила. Она-то знала, кто тут главный. Она — фаворитка, а Шейрена — так...

— Это Джаэне, она у меня присматривает за хозяйством. Джаэне, это Шейрена!

Гилмор глупо улыбался им обеим. Очевидно, он совершенно не сознавал, что тут что-то не так.

— Я надеюсь, вы подружитесь! Вам придется часто видеться друг с другом.

Джаэне улыбнулась той самой жестокой улыбкой, которую Рена часто видела на лице отца, когда он отсылал свою очередную наложницу прислуживать леди Виридине.

— Разумеется! — промурлыкала она. — Разумеется, подружимся!

«За хозяйством, значит, присматривает... Хозяйство ан-лорда состоит из его гарема, личной прислуги и егеря — и ничего больше! Интересно, это его отец велел ему так сказать? Да, наверно... Если я сделаю вид, что поверила этому, то докажу, что так же глупа, как сам Гилмор».

Шейрена не могла заставить себя вымолвить ни слова. Не могла она и отдать Гилмору футляр со свитком. Она просто положила его на середину стола, чувствуя, как горят щеки, и стараясь не встречаться взглядом с Джаэне.

Еще один незримый слуга заставил футляр исчезнуть, прежде чем Шейрена успела передумать и снова его схватить.

Гилмор удобно развалился на своем стуле, самодовольно улыбаясь. Выражение блаженной невинности делало его весьма привлекательным — если не всматриваться в пустые, бездумные глаза.

— Нам надо почаще встречаться вот так, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Такая счастливая семейка!

Джаэне улыбнулась чуть более заметно.

— Как вам будет угодно, господин мой, — ответила она с притворной покорностью, подчеркнуто не глядя в сторону Шейрены.

Шейрена едва не задохнулась от гнева.

По счастью, в этот момент на столе перед ней возникла тарелка. Это избавило девушку от необходимости смотреть куда-то еще. Смотреть в тарелку и то было довольно тяжко.

За все время этого томительного обеда Рена не произнесла и двух фраз. И проглотить она сумела всего несколько кусочков: горло протестующе сжималось. Джаэне продолжала ядовито ухмыляться и ела не спеша: она даже за едой ухитрялась выставлять напоказ свою чувственность. Гилмор жадно поглощал порцию за порцией, совершенно не замечая напряжения, царящего за столом. Незримые слуги подавали все новые и новые блюда — должно быть, очень вкусные: во всяком случае, пахли они очень аппетитно и выглядели чудесно. Но для Рены все эти яства пропали втуне. Она пыталась есть, но еда не шла в горло. Так что Рена просто ковырялась вилкой в тарелке, пока слуга не забирал ее.

Зато она жадно пила вино, и слуга добросовестно наполнял ее бокал, к каждой новой перемене — другим вином. Наверно, Рена выпила многовато, потому что у нее начала кружиться голова, но, во всяком случае, она не напилась настолько, чтобы

не понимать, что говорит. Девушка пила вино как обезболивающее, чтобы не ощущать всей мучительности происходящего.

Она молчала, смотрела в тарелку и терпела.

Незримый музыкант продолжал играть. Вскоре к нему присоединился арфист. Деревья покачивались под нездешним ветром. Незримые слуги убирали у Рены из-под носа полные тарелки, заменяя их другими полными тарелками. Джаэне по-прежнему улыбалась, все больше делаясь похожей на кошку. Она лениво развалилась на стуле и позволила корсажу немного соскользнуть с плеч. Гилмор уставился ей за корсаж с той же алчностью, с какой он поглощал пищу. К середине невыносимого обеда они начали вести себя так, словно Шейрены тут вовсе и не было.

Лишь вино давало девушке силы сидеть и сносить все это — вино и еще уверенность в том, что, если отец захочет, она в любом случае станет женой Гилмора. Она — или, по крайней мере, ее тело. У нее был только один выбор: остаться собой — или перестать быть. А чтобы остаться собой, надо выказать послушание. Отец хочет этой свадьбы. А чтобы получить то, чего хочет она сама — хотя бы отчасти! — следует заплатить молчанием.

А решение все равно останется только за ее отцом — не считая лорда Лайона.

Наконец, когда Рена залпом выпила еще один бокал вина и ее головокружение усилилось, подали десерт. Незримый слуга унес последнюю тарелку, и на столе появился крохотный сахарный единорог, несколько приукрашенный по сравнению с настоящими. На роге единорога висело кольцо. Тяжелое кольцо белого золота с выгравированными на нем крылатыми оленями и лунными птицами. Обручальное кольцо, разумеется. Если Рена примет его и наденет на палец, судьба ее будет решена.

Девушка заколебалась — всего на мгновение, желая оттянуть неизбежное. Пока она не надела это кольцо, еще можно делать вид, что она свободна...

«Но я не свободна. Я никогда не была свободной — и не буду».

Она сняла кольцо с рога непослушными пальцами и надела его.

А потом взяла вилку и медленно, тщательно растолкла единорога на мелкие сахарные осколки.

Она думала, что пытка на том и кончится. Но Гилмор не собирался вставать, и Джаэне тоже. Гилмор, похоже, даже не замечал, что Шейрена приняла его кольцо. Рена сидела, растирая

в пыль остатки единорога, а Гилмор пялился на бюст своей наложницы. Про Рену он, видимо, просто забыл. А уйти она не могла, пока Гилмор не вручит ей контракт о помолвке со своей подписью и печатью, который Рена должна передать отцу. Гилмор же, похоже, не собирался вручать ей никакого контракта, пока Джаэне сидела и хлопала своими пушистыми ресницами.

В конце концов, когда единорог обратился в сахарную пудру, Рена, несмотря на выпитое вино — а может, и благодаря ему, — наконец вышла из себя. С нее хватит. Пусть Гилмор хотя бы объяснит, почему он до сих пор не отдал ей контракт. Она уже выполнила все, чего требовали приличия. На самом деле она сделала куда больше, чем ей приказывали...

Шейрена резко встала, так, что ее стул упал на землю. Гилмор с Джаэне обернулись к ней, как будто только теперь заметили, что она тут.

— Уже поздно, господин мой, — сказала Рена несколько невнятно: язык плохо слушался. — Прошу прощения, но мне нечасто доводилось покидать отцовский дом, и я привыкла рано ложиться спать. Мне надо идти.

Не успела она договорить, как комната внезапно переменилась.

Поляна, небо, Джаэне — все исчезло. Остался лишь стол, стоящий посреди зала со стенами, отделанными темным деревом, и с полом, выстланным черным мрамором. Стол был накрыт не на троих, а на двоих: прибор и стул Джаэне исчезли вместе с самой Джаэне. У стола стояли двое слуг. Гилмор растерянно заморгал.

Из темного угла выступил высокий эльфийский лорд.

— О-отец? — промямлил Гилмор. — А куда Джаэне делась? И где поляна?

Лорд Лайон, не обращая внимания на сына, обернулся к Рене и поклонился ей, чуть заметно улыбаясь.

— Простите мне этот маленький обман, дитя мое. Это Гилмор настоял на присутствии рабыни. Я бы, разумеется, ни за что не нанес вам подобного оскорбления. Это была бы непростительная грубость.

«О да, конечно! Тем более что вам ничего не стоило создать иллюзию, достаточно правдоподобную, чтобы Гилмор поверил. Я так и думала, что ваша магия сильнее, чем можно судить по этим дурацким декорациям».

Но тем не менее Рена смиренно склонила голову и сложила руки. Говорить она боялась, чтобы язык ее не выдал, но действие вина быстро рассеивалось под влиянием гнева. Ее попросту использовали! Что ж, придется стерпеть — но никто не говорил, что ей это должно нравиться!

А лорд Лайон обратился к сыну.

— Вот, Гилмор, пусть это послужит тебе уроком, — сурово сказал он. — Рабов никогда, ни-ког-да не следует сажать за один стол с хозяевами. Затем, рабам не следует позволять таких вольностей, какие ты спускал этой Джаэне — сегодня, за обедом, и в прошлом. От этого они делаются надменными и непослушными. Я отослал ее, пока ты сидел за обедом. Когда научишься обуздывать своих женщин, получишь ее обратно. Может быть.

«Вот научишься воспитывать собак — тогда и получишь их обратно. И извинись перед дамой, которой твой пес помочился на платье!»

Рена краем глаза увидела, как Гилмор побагровел и опустил голову.

— Да, отец, — послушно пробормотал он. Но перед Реной не извинился. Впрочем, она этого и не ждала.

— Прошу прощения, если ваши чувства были задеты, дитя мое, — любезно сказал лорд Лайон. — Но вы проявили скромность и терпение, подобающие благородной деве. Это делает вам честь. Прошу вас.

Он протянул ей футляр со свитком — столь же причудливо разукрашенный, как тот, что Рена принесла с собой, но на этом чередовались крылатые олени и лунные птицы. Рена машинально приняла футляр. Он был холодный — и все же жег ей руку.

— Пожалуйста, передайте этот контракт вашему отцу вместе с моей благодарностью, — сказал лорд Лайон. Гилмор стоял и пялился точно пень. Лорд Лайон взял свободную руку Рены и поцеловал ее — точнее, просто коснулся губами. — Скажите ему, что его дочь полностью оправдала наши надежды, и я рад буду принять вас в свою семью.

Это был знак, что она наконец-то может сбежать. Рена пробормотала нечто приличествующее случаю и поспешно удалилась.

Эскорт встретил ее за дверью и проводил к порталу. Это могло бы показаться неподобающей торопливостью — но Рена спешила покинуть этот дом как можно скорее. Ей ужасно хотелось отшвырнуть прочь ненавистный футляр, но, прежде чем она ступила в портал, главный стражник вынул футляр из ее

обессилевших пальцев и подтолкнул девушку вперед — не слишком учтиво.

На той стороне Рену сразу окружили служанки. Никогда прежде к ней не относились столь внимательно. Должно быть, это оттого, что лорд Лайон передал, что она — хорошая, послушная девочка и делает все, как ей говорят... Рену проводили в ее апартаменты и принялись суетиться вокруг нее, словно она была какой-то драгоценной реликвией.

Рена не сопротивлялась. Она была так измучена напряжением и необходимостью держать себя в руках, что почти утратила способность соображать.

«С этим покончено!» На данный момент это было для нее главным.

Ее выкупали, точно младенца, не позволяя ей ничего делать самой, в ванне, пенящейся благовонными маслами. Потом одели в шелковую ночную рубашку, которую Рена никогда прежде не видела. Рубашка была столь роскошна, что вполне сошла бы за платье. Расчесали ей волосы, протерев каждую прядь мягкой тканью, слегка смоченной духами. Руки и ноги натерли душистой мазью. Принесли тарелку крохотных пирожных — очень кстати, потому что за обедом она много пила и почти не закусывала. Напоили каким-то диковинным напитком, смягчающим гортань и успокаивающим нервы: теплым, сладким, пенистым. И пока все крутились и суетились вокруг нее, обхаживали, ухаживали, укладывали спать, в голове у Рены вертелась только одна мысль: «С этим покончено!»

Уснула она мгновенно, еще прежде, чем потухли светильники, пока служанки еще бегали по комнате, прибирая за ней.

Но когда Рена пробудилась в своей комнате за час до рассвета, ее сковал ледяной ужас. Ничего еще не кончилось! Отныне она прикована к лорду Гилмору. Вчерашний вечер был лишь подготовкой к жертвоприношению. Потому с ней теперь так и носятся! За ней еще долго будут ухаживать, пытаясь сделать ее настолько привлекательной, насколько это возможно без *переделки*. Так что свободы у нее будет меньше, а не больше, как она надеялась.

Ее ловко загнали именно в ту западню, которой она боялась больше всего.

И это ведь только начало! После свадьбы станет еще хуже. Она попросту обманывала себя всеми этими рассуждениями о вольной жизни супруги ан-лорда.

У нее и в отцовском доме жизнь была нелегкая, а в доме лорда Лайона станет еще тяжелее. Там не будет Лоррина, с которым можно было хоть иногда удирать из дому. Лорд Лайон приставит к ней слуг, которые будут следить за каждым ее шагом, чтобы быть уверенным, что она действительно всего лишь послушная дурочка. Каждая книга, которую она читает, будет тщательно изучена; каждое использование ею магии будет взвешено и измерено. В ее жизни не будет ни единого часа, чтобы за нею не следили шпионы. У нее не будет тайн: ведь лорд Лайон наверняка уверен, что любая тайна — это тайный заговор против него. У этого Дома только один владыка. Соперников лорд Лайон не потерпит.

Если она хочет выжить, ей остается лишь одно: повиноваться. Она должна сделаться копией своей матери: безмятежной, послушной, мертвой внутри.

И никто ей не поможет, кроме разве что...

«Лоррин! Он умный, он что-нибудь придумает!»

И стоило ей подумать о Лоррине, как в дверь тихонько постучали. Три удара, пауза, два, потом один.

Рена вскочила с кровати и подбежала к двери, чтобы впустить брата.

Сперва она обрадовалась, думая, что Лоррин каким-то образом прослышал о том, что случилось, и пришел, чтобы сказать ей, как выпутаться. Но когда юноша проскользнул в комнату и затворил за собой дверь, Рена увидела, что он так же бледен и испуган, как она сама.

— Рена, ты должна мне помочь! — хрипло прошептал он. Глаза Лоррина были расширены и обведены темными кругами. — Мне просто больше не к кому пойти!

Рену словно ледяной водой окатило. Лоррин просит помощи? Ему не к кому пойти?

«А мне?» — подумала она и покачала головой.

— Лоррин, я... ради всего святого, чем я-то могу тебе помочь? И вообще, что случилось?

Вариантов была масса. Может, он нескромно обошелся с дочерью какого-нибудь могущественного лорда? А может, проигрался в кости? Или поссорился с другим ан-лордом — великие Предки, быть может, он дрался на дуэли и дуэль закончилась трагически?

— У тебя неприятности с... — начала она.

Лоррин нетерпеливо перебил ее, помотав головой.

— Нет, это не то, о чем ты думаешь. Ты все равно не догадаешься, — ответил он, взял ее за руки и усадил на кушетку напротив кровати. — Понимаешь, мне грозит ужасная опасность. Я...

Юноша громко сглотнул и вытер лоб тыльной стороной кисти.

— На балу у лорда Ардейна была приготовлена ловушка. Высшие лорды проверяли всех гостей моложе определенного возраста, не являются ли они полукровками, скрывающими свою сущность под личиной.

Рена кивнула, вспомнив легкое покалывание магии, которое она ощутила, когда прибыла на бал. А она еще удивлялась, отчего это отец приказал сделать ей макияж, вместо того чтобы приукрасить ее с помощью иллюзии.

— Ну так вот, я на балу не был, и потому вчера ночью сюда прибыли трое членов Совета, которые должны меня проверить, — продолжал Лоррин. Его лоб покрылся крупными бисеринками пота.

Рена растерянно покачала головой.

— Лоррин, я не понимаю! Что тут страшного?

Девушка невольно подумала о себе. Разве испытание, которому подвергнут Лоррина, может быть страшнее того, что ожидает ее?

— Я не могу проходить проверку! — хрипло прошептал Лоррин и стиснул руки девушки так сильно, что Рена протестующе вскрикнула. — Рена, это невозможно! Если они меня проверят, они обнаружат, что я действительно полукровка!

Рена уставилась на брата. Его слова казались совершенно бессмысленными.

— Как же ты можешь быть полукровкой? — тупо спросила она. — Мать...

— Леди Виридина — действительно моя мать, — глухо ответил Лоррин. — Но лорд Тилар мне не отец. У матери был раб, человек, ее домоправитель. Она скрывала мой облик под личиной, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы поддерживать иллюзию самостоятельно. Я полукровка, волшебник — и если Совет об этом узнает...

Рена была потрясена — но тут же поняла, что здесь она действительно может чем-то помочь. И ее мысли снова закрутились с лихорадочной быстротой.

— Они тебя убьют! — выдохнула она. — О Предки! Лоррин, как... Надо что-то придумать! Мать ничего не может сделать?

Лоррин снова сдавил ее руки, но теперь Рена почти не заметила этого. Отчаяние обратило лицо Лоррина в живую маску боли.

— На этот раз мать мне ничем не поможет. Отец запер ее в будуаре до конца проверки. Мне не к кому обратиться, кроме тебя! Не могла бы ты спрятать меня среди слуг или... хоть что-нибудь!

— У меня есть мысль получше, — ответила Рена. В голову ей пришла добрая дюжина самых фантастических планов, но все они были тут же отброшены. Нет, здесь ему не укрыться. Надо бежать. А если Лоррин сбежит... Рена поспешно прикинула все варианты.

— По крайней мере, мне так кажется. Одна из моих служанок, Мире ее зовут, постоянно добывает где-то сведения о драконах и волшебниках — и сведения эти надежные: я сверяла ее рассказы с тем, что ты узнавал из других источников.

— Ну и что, что?.. — начал Лоррин, потом осекся. — О да! Да, конечно! Если она где-то добывает эти сведения, значит, у нее есть источник!

В глазах юноши вспыхнула искорка надежды.

— Ты думаешь, она лазутчик волшебников?

Рена пожала плечами. Она никогда об этом не задумывалась — но это было вполне логично.

— А ты как думаешь? Она держится весьма вызывающе — совсем не так, как обычные рабыни. И она не из бывших фавориток отца. Те тоже наглые, но по-другому. У волшебников должны ведь быть свои шпионы среди рабов, верно? Иначе откуда бы они знали, что у нас происходит? Откуда бы они знали, что среди рабов есть полукровки, которых нужно спасать? Мире мне говорила, что волшебники всегда спасают детей-полукровок. Ведь и Проклятие Эльфов спасли таким же образом!

Лоррин кивнул. Лицо его сделалось суровым и напряженным.

— Обо мне они не могли узнать, потому что я не раб — хотя, возможно, эту твою Мире прислали сюда именно потому, что думали, что либо в тебе, либо во мне есть человеческая кровь.

— Разумно, — согласилась Рена. — Это звучит тем более логично, что Мире как будто нарочно рассказывала мне все эти истории о драконах и волшебниках и приносила мне новости о них. Она говорила, что волшебники теперь строят себе новую крепость и драконы им помогают.

Теперь уже Рена стиснула руки брата.

— Лоррин, нам надо сбежать, обоим! Мы отправимся к драконам!

— Обоим? — растерянно переспросил Лоррин. — Но ведь ты же не...

— Если ты исчезнешь — как ты думаешь, что будет со мной? — воскликнула Рена, прежде чем он успел возразить. — Отец ни за что не поверит, что я ничего не знала!

— Но не будет же он допрашивать родную дочь с помощью магии?.. — неуверенно сказал Лоррин.

— Еще как будет! — бросила Рена с такой яростью, что юноша отшатнулся. — Даже колебаться не станет. Особенно теперь, когда ему в затылок дышат целых три члена Совета. Он готов выдать меня замуж за первого же старого маразматика или первостатейного идиота, который попросит моей руки! — говорила она, выплескивая годами копившуюся обиду на то, что Лоррина всегда предпочитали ей. — Он чуть ли не силой отвел меня на этот бал! А вчера он был готов отослать меня на *переделку*, если бы я не угодила лорду Лайону! Тебе не приходилось видеть, как он спихивает матери своих надоевших наложниц и при этом ждет, что она улыбнется и возьмет их себе в прислужницы! Тебе не приходилось слышать, как он оскорбляет нас обеих, обзывает нас бестолковыми, никчемными, пустоголовыми дурами и при этом ждет, что мы будем кивать и соглашаться! Тебе не приходилось сидеть за столом и слушать, как он рассказывает своим друзьям, что ты совершенно никуда не годишься и он будет очень признателен тому, кто его от тебя избавит! А ты сидишь и тихо слушаешь, потому что, если ты посмеешь возразить, он устроит тебе магическую порку, когда вы останетесь наедине. Ведь магическая порка не оставляет видимых следов, будущую невесту этим не испортишь! — с горечью добавила Рена.

Лоррин был потрясен и раздавлен.

— Я не знал... — начал он шепотом.

— А, неважно! — Рена махнула рукой. — Ты бы все равно ничего не смог сделать — только сам бы нарвался на неприятности. Я быстро научилась быть скромной, тихой, послушной и незаметной. Такой, как он хотел. Чтобы он обо мне не думал. И тогда он оставил меня в покое.

— Но...

— Не-важ-но! — повторила она. — Важно то, что мне необходимо бежать вместе с тобой, потому что, если ты меня бросишь, отец с помощью магии узнает от меня, куда ты отправился. Возьми меня с собой, Лоррин! У меня осталась та мужская

одежда, в которой я каталась верхом; мы найдем Мире и узнаем, что ей известно о волшебниках...

Лоррин медленно кивнул.

— Если она сможет нам помочь... если она знает, как их найти...

— Должна знать! — твердо ответила Рена. — Иначе откуда она добывает все эти новости? Я позвоню, вызову ее...

И девушка протянула руку к шнурку звонка.

— Не звони! — встревоженно воскликнул Лоррин. — Если сюда ввалится вся эта толпа служанок, нам не удастся сохранить побег в тайне!

Рена только головой покачала. Неужели он не знает, как устроен дамский будуар? Бывают времена, когда дама не желает видеть никого, кроме доверенной служанки.

— Не беспокойся. Этот звонок проведен прямо в комнату Мире. Она ведь моя личная горничная. Не думаю, что порядки успели сильно перемениться.

Рене пришло в голову, что катастрофа с Лоррином, словно бы по волшебству, стряслась в самое подходящее время для побега. Еще один день — и Мире уже не была бы ее личной горничной. Лорд Лайон наверняка прислал бы своих рабынь, чтобы они следили за поведением Рены. В этот вчерашний напиток, должно быть, было подмешано какое-то снадобье, потому что она всю ночь спала как убитая. Скорее всего ее должны поить этим снадобьем до самой свадьбы, чтобы она не передумала...

А еще через неделю она была бы так занята приготовлениями к свадьбе, что у Лоррина не было бы случая подойти к ней днем, а ночью у ее спальни выставили бы стражу. Когда невеста может... скажем так, заупрямиться, старшие предпочитают ничего не оставлять на волю случая.

А потом ее уже здесь не было бы. Невесте полагается посетить всех своих родственниц, а потом всех родственниц лорда Лайона. Балы в честь помолвки, длинные беседы с дамами о супружеском долге... И закончатся все эти визиты не здесь, а в поместье лорда Лайона, где и сыграют свадьбу.

Нет, время самое подходящее...

Вот она, возможность бегства, о котором Рена так долго мечтала — даже молилась, хотя эльфы и не поклоняются никаким богам: они считают подобные предрассудки уделом менее совершенных созданий. Быть может, люди все же правы — есть кто-то, кто внимает нашим молитвам!

Мире появилась спустя несколько мгновений. Она выглядела несколько недовольной, но отнюдь не заспанной. Рене вдруг пришло в голову, что Мире всегда так выглядела, в какой бы

час хозяйке ни вздумалось ее вызвать. Она что, вообще не спит? Или она не совсем то, чем кажется?

А кстати, волшебники спят?

Когда Мире увидела Лоррина, сидящего на кушетке, глаза ее несколько расширились. Рена сделала ей знак молчать. Мире кивнула.

— Нас никто не подслушивает, даже с помощью магии, — устало сказал Лоррин. — Можете мне поверить, я знаю.

Мире уставилась на него, затем медленно расплылась в улыбке.

— Ах, вот оно что, волшебник! — негромко сказала она. — Я знала, что вчера ночью сюда прибыли трое членов Совета, но думала, что это из-за помолвки Шейрены...

— Из-за чего?! — воскликнул Лоррин.

— Забудь. Это неважно, — резко сказала Рена. Она обернулась к Мире. — Мире, прошу тебя! — взмолилась она. — Ты так много знаешь о вольных волшебниках... Нам надо бежать! Нам нужна твоя помощь.

Мире улыбнулась еще шире — с таким видом, словно только этого и ждала.

— Да, конечно, — спокойно сказала она. — И еще как нужна!

Рабыня уселась на край кровати, словно чувствовала себя полной хозяйкой.

«Но ведь сейчас она действительно хозяйка положения!» Поведение Мире подтверждало все догадки Рены. Ни одна рабыня не посмеет настолько забыть о приличиях.

— Полагаю, я сумею вам помочь, — сказала рабыня, прислонившись к спинке кровати и насмешливо глядя на них. У Рены даже голова закружилась от облегчения. — Для начала нам понадобится хоть какое-нибудь оружие. А потом... — Мире улыбнулась, словно думая о какой-то тайне, известной ей одной. — Плавать умеете?

Глава 5

Когда в глуши внезапно обнаружились дикие люди, Шана несколько встревожилась. Несмотря на то что с самого начала поисков нового дома знала, что рано или поздно волшебникам придется столкнуться с людьми, никогда не бывшими в рабстве у эльфов. Мир чересчур велик, а эльфов слишком мало, чтобы поработить или уничтожить всех людей на свете.

Однако теперь, когда они знали что к чему, открытие оказалось довольно пугающим: судя по тому, что сообщил Коллен, за пределами известных им земель людей куда больше, чем предполагала Шана. Раз уж существует целый клан — и не единственный, — который живет исключительно тем, что торгует с другими дикими.

Клан Коллена не смог ничего сообщить волшебникам о степях к югу от Цитадели и о том, кто там живет. Люди Коллена жили на реке и редко удалялись от нее. Коллен сказал только, что по равнинам кочуют несколько пастушеских племен и некоторые из этих племен иногда высылают своих представителей к реке торговать с его людьми, но такое случается чрезвычайно редко.

Шана сочла этот недостаток информации достаточной причиной, чтобы удрать из Цитадели на разведку. Меро, Кеман и Каламадеа отправились с ней не менее охотно. Перенос личных вещей из старой Цитадели был более или менее налажен, но Каэллах Гвайн и его приспешники все равно были недовольны. Они не стеснялись то и дело являться к молодым волшебникам с требованием немедленно добыть ту или иную вещь. При этом, несмотря на все советы молодых, сами старики не желали снизойти до использования камней, чтобы увеличить свою магическую силу или объединить силы, как это делали молодые. У них всегда находились дела поважнее, а «добывать вещи — это работа для учеников». Шана слышала это каждый день.

Что это за «дела поважнее», Шане пока что узнать не удалось. Будем надеяться на лучшее — предположим, что старички трудятся над укреплением обороны Цитадели или над тем, как сделать, чтобы эльфы не могли засечь применение магии внутри Цитадели. Однако на это непохоже. Во всяком случае, ни сама Шана, ни те, с кем она разговаривала, признаков подобной деятельности не замечали. Так что, увы, вероятнее всего, все их «важные дела» состояли в том, чтобы обустраивать собственные жилища по своему вкусу и подбивать драконов на то, чтобы вносить разные мелкие изменения.

Сам Каэллах прочел Шане длинную лекцию об обязанностях ученика по отношению к своим наставникам и долго бубнил что-то насчет того, что, мол, ученица, которая своими руками поломала жизнь стольким мудрым волшебникам, должна быть благодарна уже за то, что ей позволяют находиться в их обществе. Шана тут же решила, что и у нее найдутся дела по-

важнее, чем таскать барахло. Например, выяснить, нет ли на юге еще каких-нибудь диких людей. В конце концов, степь велика, и сколько там этих «пастушеских племен» — неизвестно. А ведь в каком-нибудь из этих племен могла сохраниться память о древней людской магии — еще с тех времен, когда эльфов не было и в помине. Эльфы — отнюдь не хозяева этого мира, что бы они там ни думали. И то, что им известно о нем, вероятно, составляет лишь малую часть от всего, что следовало бы знать.

У Шаны была и еще одна причина отправиться в разведку, хотя о ней девушка предпочитала помалкивать. Будем смотреть правде в глаза: если торговцы Коллена оказались дружелюбными, это еще не значит, что очередной людской клан, который набредет на Цитадель, не будет настроен враждебно. Если верить старым хроникам, люди воевали друг с другом задолго до прихода эльфов. А чистокровные люди могут счесть волшебников-полукровок такими же врагами, как и эльфов, если не хуже.

Отсутствие Шаны даст молодым волшебникам законный повод не выполнять несуразных требований Каэллаха Гвайна, если они сами того не захотят. Если ее, самой могущественной из молодых магов, не будет, их возможности, естественно, сделаются весьма ограниченными. Каэллах уже и так отнял у них слишком много времени и сил. Если сказать ему, что ради очередной безделушки ему и прочим волшебникам придется есть овсянку вместо вкусной свежей дичины — и что они постараются довести до всеобщего сведения, кому они обязаны столь скудным ужином, — Каэллах скорее всего отвяжется.

Возможно, старым нытикам и не понравится такой ответ, но оспорить его они не смогут: старики ведь так и не потрудились узнать пределы возможностей «новой» магии. И, что самое приятное, в этой ситуации они ничего не выиграют от того, что сошлются на свое невежество: если бы они научились пользоваться камнями и работать в кругу, то прекрасно могли бы и сами добыть себе все, что надо. Денелор обещал им так и сказать. И даже Парт Агон пообещал поддержать его: главный волшебник смертельно устал от постоянного нытья стариков. Парт Агон сильно переменился в последнее время — и, по мнению Шаны, в лучшую сторону. Девушка от него такого не ожидала: наоборот, она рассчитывала, что главный волшебник сделается похож скорее на Каэллаха, чем на Денелора. То, что Парт Агон был на стороне Шаны, делало ее положение несколько устойчивее.

— Я скажу им, что раз они доказали свою готовность учиться «новой» магии, значит, им нужно как можно больше упражняться, — говорил Парт Агон без тени улыбки на лице. — В качестве главы и старшего среди волшебников я, разумеется, обязан указать на это тем, кто младше меня. А лучший способ упражняться — это добывать свои собственные вещи, разве не так?

Молодые волшебники горячо согласились с Партом Агоном и вздохнули с облегчением. Они представили себе, как Каэллах Гвайн будет упрашивать их научить его работать с камнями... Мысль эта позабавила всех, даже старого Денелора.

Все самое необходимое было уже в Цитадели. К зиме у них будет достаточно припасов, чтобы продержаться до нового урожая. Через несколько недель должен вернуться Коллен с плодами своей торговли. Это тоже пополнит их кладовые. Волшебники начали потихоньку учиться определять съедобные растения: они ходили по следам диких кабанов и приносили на пробу все, что едят кабаны. Здесь помощь Шаны не требовалась. Так что, если она отправится на поиски союзников или возможной опасности, никто не сможет сказать, что она уклоняется от своих обязанностей. Когда Шана покинула новую Цитадель, у нее было такое ощущение, точно она вырвалась на свободу. Уж слишком тяжек был груз ответственности, лежащий на ее плечах, — груз власти, к которой Шана никогда не стремилась и от которой только была рада избавиться.

И вот они вчетвером отправились на юг. Через некоторое время леса кончились и потянулась степь, где на много миль не было ни единого деревца. Кеман и Каламадеа предпочли не превращаться в полукровок, а путешествовать в своем истинном обличье. Летать на драконе не очень-то удобно, но это все же лучше, чем тащиться пешком за много лиг да еще по жаре. К тому же сверху все видно куда лучше. Степь идеально подходила для разведки с воздуха: зоркие глаза драконов не упускали ни единой мелочи, и земля была как на ладони. Дичи здесь была прорва: табуны диких лошадей, стада других жвачных животных, даже единорогов. Драконы ели до отвала и решили непременно рассказать своим собратьям по Логову о том, как тут много непуганой еды.

Однако пока что они никого не нашли, если не считать дичи. Горы давно остались позади, а никаких кочевников не было и в помине.

В середине дня все четверо отдыхали у небольшого озерка с чистой водой. Шане и Меро не хотелось лететь в самую жару: на такой скорости любая шляпа слетает с головы, а полуденное солнце злое. Драконам жара нравилась. Так что они с удовольствием распростерли крылья, устроив тень для двуногих, а сами нежились на солнышке.

Вокруг озерка росли невысокие ивы. Судя по количеству следов на берегу, сюда приходили на водопой все окрестные животные. Из озерка вытекал небольшой ручей, струившийся в сторону далекой реки. Русло ручья тоже было отмечено зарослями ив. Трава была высокая, по пояс. В ней непрерывно трещали и звенели сверчки и кузнечики. Крохотные птахи перепрыгивали со стебелька на стебелек, кормясь теми самыми сверчками. Шана долго наблюдала за одной из пичуг. Та раскачивалась на травинке, прогибающейся под невеликим весом птички, и громко распевала, сообщая всем и каждому, что эта территория принадлежит ей.

Налетел порыв жаркого ветра, шурша травами. Он принес с собой запах вянущей травы и влажной земли от озерка.

— Ты знаешь, — сказала Шана, обращаясь не к Меро, а к Каламадеа, — с тех пор, как я нашла ту жуткую, тяжеленную старую хронику — ну, помнишь, ту, толщиной в твою ногу? — меня занимает один вопрос. Вспомнил, о какой книге я говорю? Лучшее средство от бессонницы, которое мне когда-либо встречалось.

— Хроника? Та, что написана Ларанцем Невыносимым? — лениво отозвался Отец-Дракон. Он щурился, вбирая свет и тепло. Для этого путешествия он нарочно сделался небольшим, ростом с Кемана, — но на самом деле Каламадеа был куда крупнее. Если бы он был своего обычного размера, под его крыльями могла бы укрыться от солнца небольшая армия. Драконы с возрастом растут, а Каламадеа был старейшим из драконов, о каких доводилось слышать Шане. Каламадеа участвовал еще в первой Войне Волшебников, обернувшись полукровкой, а он уже и тогда был немолод. После того, как волшебники похитили ее с торгов, на которых непременно обнаружилось бы, что Шана — полукровка, она нашла в старой Цитадели личные дневники Каламадеа. Эти дневники были одной из причин, почему Шана оказалась здесь.

— Кто такие грелеводы? И как, интересно, им удалось помешать эльфам завоевать их, хотя эльфы без труда одолели всех остальных людей?

Каламадеа ответил не сразу.

— Ну, грелей ты, конечно, видела. По крайней мере, пустынных грелей, на которых ездят торговцы.

Шана кивнула. Те торговцы, что взяли ее в плен, когда драконы изгнали ее из Логова, ехали на грелях и использовали их также в качестве вьючных животных.

— Ну так вот, по сравнению с настоящими грелями те, ручные, все равно как... ну, скажем, единорог по сравнению с козлом, — сказал Каламадеа. — Эльфы их несколько усовершенствовали. Дикие грели такие же уродливые, но не такие большие и не могут так долго обходиться без воды. Грелеводы ездили на них верхом, пасли свои стада. Сперва они были обычными кочевниками-скотоводами, но когда эльфы начали завоевывать эти земли, грелеводы навсегда оставили цивилизованные земли. Они даже не торгуют с теми людьми, что живут на эльфийских землях и вблизи от них. Они просто ушли как можно дальше.

— Разумно, — сказала Шана, поразмыслив. — На их месте я бы сделала то же самое. С этими эльфийскими личинами никогда не поймешь: то ли перед тобой человек-торговец, то ли эльф, который за тобой шпионит. Лучший способ избавиться от шпионов — это вообще не иметь дела с чужими.

Каламадеа лениво усмехнулся, продемонстрировав пасть, полную зубов.

— Ты неплохо соображаешь, — одобрительно заметил он. — Ну так вот, поначалу грелеводы ездили только на своих грелях, но когда выяснилось, что в бою грели бесполезны, они вывели особую породу скота, специально для войны. Они называли их боевыми быками: огромная тварь, раза в два больше лошади, с длинными острыми рогами. Грелеводы научили их использовать эти рога в бою. Боевого быка и единорогу не свалить.

— Но ведь не из-за этого же эльфы не сумели их завоевать! — сказала Шана.

Каламадеа чуть заметно кивнул.

— Истинная причина, видимо, довольно проста, но Ларанц в этом ни за что не желал признаваться. Они ведь были кочевниками, а это значит, что у них не было городов, которые могли бы захватить эльфы. А эльфийским лордам плохо воюется, когда нет большой конкретной цели. Насколько я знаю, когда грелеводам надоело воевать с эльфами, они просто откочевали подальше. Историки сходятся на том, что они ушли на юг. Это все, что я о них знаю.

— Угу...

Шана сорвала травинку и задумчиво принялась ее жевать. Девушка расположилась поудобнее в тени Каламадеа, привалившись к чешуйчатому боку дракона. Драконья шкура была прохладной на ощупь — должно быть, потому, что он собирал солнечный жар и копил его в глубине своего огромного тела. Драконы это умеют: солнце для них дополнительный источник энергии, помимо пищи. Возможно, только потому им и удалось не истребить всю дичь в окрестностях Логовов.

Грелеводы давно занимали мысли Шаны. В хронике проскальзывали намеки, что у грелеводов было что-то вроде защиты от эльфийской магии, но подробнее об этой защите нигде не говорилось. Если принять во внимание обычную напыщенность автора хроники, можно предположить, что он не рассказывает детали просто потому, что сам их не знает, а сознаваться в этом не хочет. И все-таки, что бы там ни думал Каламадеа, Шане казалось, что автор, претендующий на титул «Изыскателя Истины», как этот Ларанц, не стал бы упоминать о том, чего не существует.

— А как ты думаешь, не придется ли нам встретиться с этими самыми грелеводами? — вяло поинтересовался Меро, словно бы подхватив мысль Шаны.

Шана одобрительно повела бровью.

— А как ты думаешь, отчего я решила отправиться именно в эту сторону? Коллен хорошо знает реку и племена, что живут вдоль нее, но ни о каких грелеводах не слышал. Значит, остается юг.

Она махнула своей травинкой в сторону уходящих вдаль холмов.

— По-моему, в таких местах только кочевники и могут жить. Спрятаться тут трудновато. Если бы здесь были постоянные поселения, эльфы давно бы нашли и разгромили их. Я действительно хочу найти грелеводов. Знаешь, Каламадеа, мне ужасно не хочется с тобой спорить, но, по-моему, ты ошибаешься насчет того, почему эльфы не смогли их завоевать. Я действительно думаю, что им было известно что-то, чего мы не знаем.

Меро внезапно сел и уставился куда-то за горизонт. Шана не видела, на что он смотрит: ей загораживал обзор Каламадеа.

— Знаешь, Шана, я не уверен, что это действительно грелеводы, — медленно произнес молодой волшебник, — но там действительно кто-то едет, причем в нашу сторону.

Шана встала и обошла Каламадеа, чтобы видеть то, на что указывал Меро.

На фоне безоблачного неба поднималось облако желтой пыли. Огромное облако. Степь была довольно сухая, но такую пыль могло поднять только многотысячное стадо.

Шана приставила ладонь козырьком к глазам и принялась вглядываться вдаль, пытаясь разобрать хоть что-нибудь. Одновременно она попыталась прощупать облако с помощью магии. Есть ли там кто-то, обладающий силой? Она могла бы поймать обрывки чужих мыслей...

За облаком пыли обнаружилась странная пустота. Это само по себе было необычно. Шана не ощутила ни единой мысли, а ведь в былые времена она без труда ловила даже смутные мысли столь мелких созданий, как крот или полевка.

— Ты тоже чувствуешь, что ничего не чувствуешь? — спросила она у Меро.

— Никто из нас ничего не чувствует, — ответил Каламадеа за себя и за Кемана. — Существуют животные, которые могут становиться незримыми для магии, — напомнил он Шане. — А есть такие твари, чьи мысли — если они вообще способны мыслить — просто неощутимы. Помнишь ту прыгающую тварь в лесу, которая чуть не сожрала нас с Валином?

Шана кивнула.

— Но эти животные сотворены с помощью магии, случайно или преднамеренно. А если тут целое стадо таких животных, нам надо разузнать о нем побольше. Пойдем посмотрим!

Степь была не совсем плоской, и это хорошо: Шане вовсе не хотелось подходить к неизвестным ближе, чем сейчас. С невысокого холмика, за которым они укрылись, все было прекрасно видно и издалека.

Четверо разведчиков — теперь все четверо были в обличье полукровок: дракону спрятаться трудновато — лежали, прижавшись к земле, под ненадежной защитой полузасохших кустиков, которые росли на холме. Ждать было не очень-то приятно: над головой жужжали мухи, под одежду заползали муравьи.

Возможно, люди, за которыми они наблюдали, и были те самые легендарные грелеводы; но, если так, они полностью отказались от грелей в пользу крупного рогатого скота. Ни одного греля видно не было, зато они гнали огромные, многотысячные стада лохматых быков, коров, телят и волов.

Впереди и по бокам стада ехали воины — мужчины и женщины с очень темной, почти черной кожей. Все они были в доспехах: облегающих чешуйчатых панцирях, металлических

бармицах, наплечниках и наручах. На большинстве были широкополые шляпы, защищающие от солнца. У тех, кто ехал с непокрытыми головами, волосы были коротко подстрижены. Ни у кого из мужчин не было даже следа бороды или усов.

Ехали они верхом на огромных быках с длинными рогами, расставленными так широко, что Шана, раскинув руки в стороны, лишь с трудом дотянулась бы от одного кончика рога до другого. На бычьи рога были надеты металлические наконечники, острые, как иголки. Коровы и быки были разномастные — от исчерна-коричневых, как кожа всадников, до рыже-белых. Были там и чисто белые животные — хотя сейчас их шкуры сделались грязно-желтыми от пыли.

Животные были лохматые и выглядели довольно дикими. А следом за стадом тянулись фургоны — широкие платформы с квадратными островерхими войлочными шатрами. Фургоны волокли четверки и шестерки волов, запряженные бок о бок.

И все эти стада и фургоны растянулись, насколько хватало глаз.

— Не знаю, что там говорится в твоей хронике, Шана, но эти люди не похожи на варваров, — шепнул Меро. — Ты взгляни на эти доспехи! А какие узоры на шатрах!

Шана не могла не согласиться с ним. Доспехи действительно были самой тонкой работы, какую ей когда-либо случалось видеть. И доспехи, и шатры были покрыты замысловатыми абстрактными узорами, отнюдь не грубыми и не варварскими.

— А ты погляди, как организованы эти воины! — шепнула Шана в ответ. — Они ведь явно не случайно едут именно в таком порядке: у каждого свое место! Да, этот хронист опять ошибся. Вполне цивилизованный народ.

— Они сзади нас! — сказал Каламадеа очень напряженным голосом.

Шана обернулась — и увидела нацеленное ей в лицо острие копья. Их окружили полдюжины воинов, которые подобрались сзади, пока четверка наблюдала за теми, кто ехал внизу. Воины держались настороженно, но весьма уверенно.

И Шана не могла коснуться мыслей никого из них. Попытавшись это сделать, она наткнулась на ту же странную пустоту, что и прежде.

Позади копейщиков спокойно стояли их быки, внимательно наблюдающие за хозяевами и за их противниками. У Шаны создалось впечатление, что если она и ее друзья вздумают напасть на копейщиков, быки сразу перестанут быть такими смирными.

С другой стороны, особого выбора у них не было. Если они не сбегут сейчас, другого шанса может и не представиться. Даже если их и не убьют на месте.

Меро напал первым, не дожидаясь приказа Шаны. Он метнул в ближайшего копейщика магическую молнию. Огненный шарик повис в воздухе между волшебником и воином, бело-голубой, как настоящая молния, и такой же опасный.

Молния ударилась о доспехи воина, отлетела, точно мяч, и ушла в землю, оставив пятно выжженной травы. Воин при этом даже не шелохнулся, чтобы отразить нападение. Хуже того, он, казалось, вовсе не испугался магической молнии. Как будто знал, что магические атаки ему не страшны.

«Проклятье!» Меро зарубил на корню всякую возможность договориться. А демонстрацией силы этих людей явно не запугаешь.

«Надо что-то делать!» И одновременно с тем, как Меро метнул вторую молнию, Шана наслала боль и слепоту на того, кто грозил копьем ей. Это было сочетание боевого заклятия, каким пользуются эльфийские лорды, и ментальной атаки, к каким прибегают человеческие волшебники. Это не могло не подействовать! Даже если у ее противника есть защита против эльфийской магии, человеческая магия должна его пронять.

Противник даже не поморщился. Магическая атака ушла в странную пустоту, обволакивающую разум воина, и растаяла в этой пустоте.

Шана изумленно уставилась в глубокие карие глаза воина и перевела дух.

— Похоже, у нас проблемы, — негромко произнес Кеман. Он поднялся на ноги, повинуясь знаку воина, стоявшего рядом с ним.

Шана не дала себе труда ответить. Тоже мне, открытие!

— Полагаю, нам следует сдаться, — добавил Каламадеа. К ним рысью подъехали еще несколько всадников на лохматых быках, с копьями на изготовку. — Похоже, ничего другого не остается.

— Прекрасно! — бросила Шана, не обращая внимания на копье, нацеленное ей в глаза. — И как ты предлагаешь это сделать? Они не знают нашего языка, мы не понимаем их. Одно неосторожное движение, и...

Она не стала договаривать — и так все ясно.

Мире провела своих подопечных в подвалы замка. Рена даже не подозревала, что тут есть такие места: не очень приятные и жутко грязные. Служанке не очень-то хотелось брать с собой Рену — даже когда Рена привела тот довод, который уже убедил Лоррина. Но когда Лоррин упрямо заявил, что без Рены он бежать не согласен, Мире сдалась. Поведение служанки, всегда несколько высокомерное, сейчас сделалось просто наглым. Но протестовать Рена не решалась — в конце концов, ведь они сейчас полностью в ее власти. Мире совсем не обязана их спасать.

Под предводительством Мире они обшарили кладовки замка и запаслись кое-какой едой и оружием. Дом должен был вот-вот проснуться, но Лоррину удалось растянуть это время, продлив сон обитателей замка с помощью магии. Выходить из дома они не решились: на все конюшни и бараки для рабов Лорриновой магии не хватило бы. Так что оружие и припасы, находящиеся за стенами дома, не говоря о лошадях, для наших беглецов все равно что не существовали.

Они спустились в подвалы с импровизированными тюками, сделанными из простыней и перевязанными поясами. Рена несла провизию, похищенную на кухне, ножи, огниво и металлическую флягу для воды, которую она нашла в кладовке. Лоррин тащил лук со стрелами, меч, кинжалы, свою собственную одежду и одеяло и то, что раздобыла для них Мире: веревку, топорик, огромное полотнище водонепроницаемого шелка и теплые плащи, слишком объемистые, чтобы их могла нести Рена.

Из подвалов наружу вело несколько выходов: двери, через которые в замок доставляли всякие бочки и ящики. Мире перепробовала их все, пока не нашла одну, которая оказалась незапертой. Они перебрались через кучу корней, напáдавших сверху через люк. Корни были грязные и твердые, как камни. А ведь говорят, что корни съедобны... Как только их едят?

Они выбрались из люка в серый предрассветный сумрак, перебежали через двор к огороду, а оттуда Мире провела их полями к стене, окружающей поместье. Каждое поле было огорожено живыми изгородями и ирригационными канавами, прячься — не хочу!

Вот только они направлялись в противоположную сторону от ворот. Рена не могла понять, зачем они туда идут. Все поместье было обнесено стеной, и ворота были единственным выходом с территории. Но Рена предпочитала помалкивать: не ровен час, Мире вздумается «случайно» ее бросить. В слабом

предутреннем свете это было совсем нетрудно. И что тогда? Не так-то просто будет объяснить, что она делает на улице в такой час, переодетая рабом, с волосами, обрезанными до плеч. И даже если ей удастся каким-то образом пробраться к себе в комнаты, остриженные волосы все равно потребуют объяснений. А когда обнаружится, что еще и Лоррин пропал, ей уж точно не миновать беды...

В конце концов вышли к стене. Стена была выстроена из гладкого камня и в основании была толщиной во много футов, чтобы исключить возможность подкопа. Стена угрожающе возвышалась над ними. Рена уже знала, что перелезть через нее тоже нельзя: гребень стены утыкан осколками стекла.

Но Мире это вовсе не смутило. Она уверенно повела их вдоль стены. Серый предрассветный сумрак сменился перламутрово-голубым утренним светом. Рена все сильнее нервничала: еще немного, и надсмотрщики выгонят рабов на поля. И тогда их увидят. Что такое задумала Мире?

Как оказалось, Мире действительно знала, что делает. Она вывела их к месту, где под стену уходила водосточная канава. Темный водосток казался ужасно длинным. Скорее всего он вел не только под стену, но еще и вглубь — именно затем, чтобы никто не мог через него пробраться. Вода стояла в полуфуте от потолка.

— Теперь я понимаю, почему ты спрашивала, умеем ли мы плавать, — сказала Рена, глядя вниз. Вода казалась ужасно холодной. — А разве водосток не перегорожен решетками? Ни за что не поверю, что отец упустил это из виду.

— Предоставьте это мне, — ответила рабыня. Оглянулась через плечо на Рену, ехидно усмехнулась. — Это твой последний шанс вернуться!

Рена молча мотнула головой. Раз уж она зашла так далеко, назад не повернет, чего бы это ни стоило.

Мире фыркнула.

— Ну, потом не жалуйся!

И с этими словами нырнула в воду, точно выдра, и исчезла из виду.

Мгновением позже из полузатопленного тоннеля послышался ее свистящий шепот:

— Ну что, идете или нет?

Лоррин сбросил свой тюк и вошел в воду, волоча тюк за одну из лямок. Рене пришло в голову, что его лук на некоторое вре-

мя выйдет из строя — до тех пор, пока дерево и тетива не просохнут.

«А, какая разница! Против отцовской магии лук все равно не поможет!»

Вода дошла Лоррину до подбородка. Значит, Рене будет с головой. Плохо... Лоррин позволил течению унести себя в тоннель и быстро исчез в темноте.

Рена колебалась недолго: уже почти совсем рассвело. Скоро здесь кто-нибудь появится... Она тоже сняла тюк с плеч и привязала лямку к поясу. А потом опустилась в воду, держась за стенку водостока.

Вода была еще холоднее, чем казалось со стороны. Одежда быстро промокла. Рена не могла достать дна. Она подавила накатившую волну паники. Но заставить себя отпустить стенку она просто не могла. Перебирая руками по кирпичной кладке, стуча зубами, она постепенно продвигалась в темноту тоннеля.

Оказавшись в тоннеле, Рена обнаружила, что потолок опускается куда ближе к воде. Держаться за стенку и при этом дышать стало невозможно. Содрогнувшись, Рена оторвалась от стенки и позволила медленному течению нести себя дальше, надеясь, что у нее все же получится оставаться на плаву.

Девушка оглянулась через плечо. Свет в конце тоннеля медленно удалялся. Но когда она смотрела вперед, никакого света видно не было. К этому времени Рена так замерзла, что руки и ноги закоченели. Тюк пропитался водой и тянул ее ко дну точно якорь. Рена попыталась грести, не шлепая руками по воде, — она подумала, что плеск, доносящийся из тоннеля, может привлечь внимание какого-нибудь надсмотрщика. Плыть с тюком было не так-то просто — Рена с трудом удерживала голову над водой.

В конце концов из темноты появилась рука и схватила ее за плечо. Рена с трудом подавила вскрик, сообразив, что это Лоррин либо Мире.

Оказалось, что это Лоррин. Он держался за железную решетку, перегораживающую водосток.

— Тут дверца, — сказал Лоррин, отплевываясь и тоже стуча зубами. — Надо только немного поднырнуть. Она обычно заперта, но Мире ее открыла. Плыви за мной.

Теперь в противоположном конце тоннеля уже виднелся слабый свет. Лоррин ободряюще похлопал сестру по плечу и нырнул. Он слегка задел Рену ногой. И тут же его голова показалась по другую сторону решетки.

Рена повисла на решетке, боязливо ощупывая ее свободной рукой и носком башмака. Наконец девушка нашарила проем — должно быть, это и была дверца. Лоррин уже уплыл вперед. Рена набрала побольше воздуху и сказала себе, что если уж Лоррин, который плавает хуже нее, сумел тут поднырнуть, она и подавно сумеет. Девушка крепко зажмурилась, погрузилась под воду, ухватилась за край дверцы и пробралась через нее головой вперед.

Тюк зацепился. Лямка потянула Рену назад, прежде чем она успела перевести дух. Обезумев от страха, девушка вслепую дергала лямку, снова и снова погружаясь под воду и с каждым разом заглатывая все больше воды.

Она не могла даже позвать на помощь.

Наконец проклятый тюк отцепился — по чистой случайности. Рена пробкой выскочила на поверхность. Мокрый тюк тянул на дно. Она повисла на решетке и долго не могла отдышаться. Наконец она поплыла за братом.

По счастью, конец тоннеля был уже близко. Рена различала впереди расплывчатый светлый полукруг и пару темных пятен — должно быть, головы Мире и Лоррина. Теперь Рена действительно плыла, вместо того чтобы бултыхаться по-собачьи, как ребенок, позволяя течению нести себя. Еще несколько мгновений — и она оказалась у выхода.

Лоррин услышал, как она подплывает, протянул руку и поймал ее. Рена посмотрела вперед и увидела, что водосток впадает прямо в реку. Берег зарос бурьяном, так что с реки их увидеть никто бы не смог.

Солнце уже встало, но небо затянулось грозовыми облаками. Похоже, собирался дождь. Узкая полоска неба, видимая из водостока, была скрыта угрюмыми черными тучами. Рене послышались отдаленные раскаты грома.

— Лучшего дня для побега нарочно не выберешь! — сказала Мире. Ее шепот отдался эхом в тоннеле. — Надо подождать здесь, пока дождь не начнется. Когда ливанет, даже патрули спрячутся под крышу, чтобы переждать дождь, а хороший ливень смоет все следы, на случай, если они вздумают разыскивать нас с собаками.

Рена уже промокла и продрогла. Ей совсем не улыбалось путешествовать в грозу и ливень.

«Но ведь мы спасаем свою жизнь! — тут же укорила она себя. — Не глупи! Что такое какой-то ливень, если это поможет сбить отца со следа?»

Одно плохо: раз из-за дождя все будут сидеть дома, тем быстрее хватятся их с Лоррином.

«Ну, предположим, отец решит дать мне выспаться после моей «помолвки», но как же с Лоррином? Скоро ли слуги придут его будить? И примутся ли его искать, когда увидят, что его нет? Может, решат, что он ходил на вечеринку и еще не вернулся домой?»

Гром ударил снова, совсем близко. Рена вздрогнула. Она часто воображала себе, как убегает из дому и отправляется искать драконов, но никогда не думала, что это будет так. Девушка, мечтавшая в саду, в окружении ручных птичек, казалась сейчас чем-то далеким и ненастоящим.

Молния рассекла небо пополам. Гром грянул прямо над головой. Рена невольно вскрикнула. И тут с небес ливануло.

— Пора! — бросила Мире и полезла через бурьян наверх.

Лоррин последовал за ней. Рена, пыхтя и хватаясь за крепкие стебли, поспешила следом. Мире была уже на полпути наверх; Лоррин задержался только затем, чтобы помочь Рене выбраться из реки, и бросился вперед.

Рена принялась карабкаться на берег следом за братом, взвалив на плечи свой тюк. Девушка скользила и падала на размокшей глине; руки, изрезанные осокой и исколотые колючками, горели; остальное тело заледенело.

Бока у Рены болели, дыхание сбивалось. Она нырнула в сплетение мокрых ветвей следом за Лоррином. Мире уже вглядывалась вдаль сквозь пелену дождя, словно что-то разыскивала. Рена порадовалась, что обрезала волосы, когда переодевалась в мужскую одежду. По крайней мере, теперь не пришлось бороться еще и с мокрыми косами.

— Пешком мы далеко не уйдем, — пробормотала Мире. — Лошадей бы где добыть...

— А как насчет лодки? — спросил Лоррин. — Ниже по реке стоят небольшие лодочки. Отец держит их для рыбалки и прогулок.

Мире обернулась и посмотрела на Лоррина одним глазом. Второй был скрыт растрепавшейся прядью мокрых волос.

— А они сильно бросаются в глаза? — скептически спросила Мире. — Нам совсем ни к чему отправляться в путь на лодке, на которой крупными буквами написано: «Эльфийский лорд». А потом я все равно не умею обращаться с лодками.

— Ничего, я на них плавал, — заверил ее Лоррин. — А как они выглядят — это неважно. Не забывай, я ведь умею пользоваться магией. Я ее так замаскирую...

Он осекся. Мире ехидно усмехнулась.

— Вот именно. Чтобы твоя магия сообщила о тебе любому, кто способен ее почуять?

Лоррин смущенно потупился.

— Ну, в общем, нет, лодки не очень приметные... — пробормотал он.

Рена помнила эти лодки: Лоррин однажды взял ее покататься, и они провели славный, длинный, ленивый день на реке. Ей четко запомнилось все до мельчайших подробностей, как бывало каждый раз, когда Рене удавалось вырваться из будуара.

— По другую сторону пристани должны стоять большие лодки, которыми пользуются рабы, — сказала девушка, прикрыв глаза, чтобы лучше вспомнить. — А если их там не окажется — что ж, выберем самую простую. Я могу сделать ее попроще — заставить краску потемнеть, к примеру — с помощью своей магии. Она такая слабая, что вряд ли ее кто-то почувствует. А резные украшения можно сбить топориком — они ведь просто приколочены сверху.

Мире уставилась на Рену с немалым изумлением: видимо, она предполагала, что девушка только будет обузой.

— Можно попробовать, — коротко ответила служанка. — До драконов все равно не так уж и далеко. А драконы с радостью примут вас к себе и укроют. Главное — убраться с земель лорда Тилара.

Мире снова вгляделась в дождь.

— Пошли! — сказала она, махнув рукой, и выскочила из-под кустов под ливень.

Пристань была на месте и лодки тоже, включая те, с которых рабы ловили рыбу к хозяйскому столу. Лоррин с Реной развязали жесткие, разбухшие от воды канаты, которыми была привязана одна из лодок за нос и корму. Мире, стоявшая на середине лодки, оттолкнулась от причала длинным шестом, повинуясь указаниям Лоррина. Весла в лодке тоже имелись, но из-за ливня течение стало такое сильное, что в них нужды не было. Поток тотчас подхватил легкую лодку. Лоррин сел к рулю, вывел лодку на стремнину, и их все быстрее понесло вперед.

«Интересно, далеко ли до границ отцовских земель? — озабоченно думала Рена, вычерпывая набравшуюся в лодку воду парусиновым ведерком и выплескивая ее за борт. Мало того, что сверху лило, — лодка, как оказалось, текла по всем швам, так что Рене и Мире приходилось трудиться изо всех сил. — Скоро ли членам Совета сообщат, что Лоррин исчез? И что они

будут делать, когда узнают об этом? Вернутся в Совет и доложат или...» Других вариантов Рена придумать не могла. Она сейчас вообще плохо соображала...

— Вон они! — разнеслось над рекой. Рена испуганно вскинула голову и посмотрела в сторону берега сквозь короткую прядь мокрых волос.

Всадники. Одни только эльфы. В полных доспехах. Один из эльфов указывал на них. Рена содрогнулась — и отнюдь не от холода. Лоррин выругался.

— Они знают, что это мы! Они опознали нас с помощью магии.

А хватит ли у них магии, чтобы схватить беглецов — или убить их на месте?

Мире лихорадочно озиралась, словно бы в поисках оружия или других средств к спасению.

— Можешь ты заставить эту штуку двигаться быстрее? — крикнула она, перекрывая шум ливня и раскаты грома.

«Конечно, может! Его магия...»

— Лоррин, давай! — воскликнула Рена. — Скрываться больше нет смысла, они нас уже узнали. Скорей!

Лоррин откинул со лба мокрые волосы, бросил руль и вскинул руки. Всадники на берегу замельтешили и отъехали подальше, явно опасаясь нападения.

«Должно быть, это отцовские вассалы, а то давно бы уже напали...»

— Держитесь! — крикнул Лоррин. Рена мгновенно послушалась: она знала, что брат зря предупреждать не станет.

А Мире не успела: она все еще искала какое-нибудь оружие.

Треск, вспышка — и лодка рванулась вперед так внезапно, что Рена упала на дно. Если бы она не схватилась за борта обеими руками, то полетела бы в воду.

Как Мире.

Рена разжала руку и попыталась ухватить служанку за одежду, но поздно. Лицо девушки мелькнуло позади, на волнах, и исчезло за пеленой дождя. Лодка мчалась вперед вдвое быстрее скачущей лошади.

— Стой! — крикнула Рена брату. — Мире потеряли!

Лоррин только уныло покачал головой, все еще держа руки над головой и морщась от напряжения.

— Не могу! — ответил он. — Это заклятие будет действовать, пока не кончится!

Рена оглянулась назад. Мире скрылась из виду, а эльфийские всадники превратились в крошечные точки на берегу. Мгновением позже исчезли и они, растаяв в серых потоках дождя. Лодка неслась все быстрее.

Они остались одни. Сердце девушки сжалось от страха.

Когда лодка замедлила ход, гроза осталась позади. Беглецы очутились в диких землях, не принадлежащих никому из эльфийских владык. Лоррин был серым от усталости, а у Рены разболелись руки — так крепко она цеплялась за борта. Река была полна коряг, и Лоррину несколько раз приходилось резко менять курс, чтобы избежать столкновения.

В конце концов, когда действие заклятия кончилось, Лоррин, используя инерцию, вырулил к южному берегу. Они забросили свои мешки в прибрежные кусты и неуклюже выбрались из лодки на невысокий берег. Лоррин отпихнул лодку и отправил ее дальше по течению. Брат с сестрой смотрели ей вслед, пока лодка не скрылась из виду.

— Если повезет, они не догадаются, где мы выбрались на берег, даже если найдут лодку, — сказал Лоррин, вскидывая мешок на плечи. — Так что, надеюсь, нам удастся оторваться от погони.

Рена надела свой мешок, жалея, что в нем не осталось сухих вещей. Девушка промерзла до костей и даже дрожать перестала. Холод и страх сковали ее ледяным панцирем.

— И куда же нам теперь идти? — робко спросила она, стараясь, чтобы это не звучало как обвинение. — Мире мы потеряли!..

Юноша вздохнул и посмотрел в сторону леса.

— Ну, она говорила, что драконы живут недалеко. И вроде бы где-то на юге...

Про юг Мире, кажется, ничего не говорила, но это было не так уж важно. На юг — так на юг: главное, уйти подальше от тех, кто будет их искать. Рена махнула рукой.

— А ты можешь... ты не чувствуешь, есть ли поблизости кто-нибудь? Кто-нибудь, кто может нас искать?

Рене было страшно. Очень страшно. Позади — враги, вокруг — неизвестность, а проводница их потерялась, и вряд ли они когда-нибудь ее снова увидят. Что же делать?

— Эльфы, в смысле? Пользоваться эльфийской магией, наверно, небезопасно, но есть еще такая людская штучка — подслушивание мыслей... Сейчас попробую.

Лоррин закрыл глаза и стал напряженно прислушиваться.

— Ничего не чувствую. Вокруг только животные. Так что мы, видимо, в безопасности — по крайней мере, на время. Наверно, ничего не случится, если мы найдем укрытие, разведем костер и обсушимся.

«Обсушиться... Согреться...» Рена уже не смела надеяться, что им все-таки удастся спастись. Сейчас даже обычное тепло представлялось райским блаженством.

— Тебе лучше пойти вперед, — сказала Рена. — Ты охотился, ты знаешь, что искать. И потом оружие тоже у тебя.

Вспомнив об оружии, Лоррин проверил свой лук, убедился, что он бесполезен, и вытащил кинжал. Он вроде бы хотел что-то сказать, нахмурился, передумал и нырнул в подлесок.

«Лоррин никого поблизости не чувствует, — говорила Рена своему бешено стучащему сердцу. — Пока что мы в безопасности. Быть может, нам еще удастся спастись!»

Рена шла следом за братом, мечтая стряхнуть с плеч пропитанный водой тюк, мечтая, чтобы все это оказалось обычным кошмаром. Когда страх потихоньку схлынул, на смену ему явились другие неприятные ощущения. Живот сводило от голода, в плечи впивались лямки мешка... Сейчас даже брак с лордом Гилмором казался не такой уж ужасной перспективой.

Гроза осталась позади, но небо все равно было пасмурным, и на оленью тропу, которую отыскал Лоррин, шлепались тяжелые капли с веток. Рена думала, что хуже быть уже не может, но каждый раз, как очередная ветка стряхивала поток воды ей за шиворот, девушка убеждалась, что настоящих неприятностей она еще не пробовала. Башмаки были ей великоваты, и, несмотря на то что Рена пододела несколько пар чулок, одну пятку она уже натерла. Пальцы совсем онемели. Ноги, непривычные к долгой ходьбе, тоже заболели, присоединившись к ноющим плечам. Вдобавок разболелась голова.

Она так продрогла... Если бы можно было воспользоваться магией...

А почему бы и нет, собственно?

«Моя магия такая слабая... Я только немного подсушусь и согреюсь. Никто и не заметит».

Рена сконцентрировалась и принялась вытягивать воду из ткани, высушивая нитку за ниткой. Это было очень похоже на работу с цветами: медленно и кропотливо выводить воду оттуда, где ей быть не следует. Вытолкнув воду на поверхность одежды, Рена собирала ее в капли и позволяла стекать вниз.

По крайней мере, сконцентрировавшись на магии, можно было на время забыть о ноющих плечах и ногах.

И это помогло! Сперва ноги в башмаках, потом колени, потом все тело и, наконец, руки сделались сухими и теплыми. Рена переключилась на мешок, выталкивая воду за воображаемый барьер, который она создала у себя за спиной. По мере того, как мешок высыхал, нести его становилось все легче!

— Рена! Ты что, колдуешь? — спросил вдруг Лоррин, нарушив ее сосредоточенность.

Девушка не сразу решилась ответить.

— Немножко, — призналась она наконец. — Мне было так холодно и мокро... Ой, я ничего страшного не натворила? Они что, нас заметили? Я...

Глаза девушки расширились от страха.

— Ничего, ничего! — поспешно успокоил ее Лоррин, отводя свободной рукой тяжелую ветку. — Даже я не мог понять, колдуешь ты или нет. Магия была очень слабая. Я просто ощутил ее и подумал, вдруг это они нас ищут. Но когда я тебя спросил, ощущение исчезло.

— Ты нарушил мою сосредоточенность. Так что, должно быть, все, что ты чувствовал, исходило от меня, — с облегчением ответила Рена. — Слава Предкам! Мне было так холодно, и я подумала, что, если я выгоню воду из одежды, ничего страшного не случится. Тебе, наверно, тоже следует так сделать.

— Не могу... — сказал Лоррин. Голос у него был очень несчастный.

Рена ушам своим не поверила.

— Как не можешь? — удивилась она. — Но... но ведь та лодка чуть ли не летела! И раньше ты делал столько всякого... Как это ты...

— Юношей не обучают «мелкой магии» — то есть тому, что считается «мелкой магией», — печально сказал Лоррин. — Но, знаешь, когда промокнешь насквозь, эта магия кажется не такой уж и мелкой. Чего бы я только не дал за пару сухих носков!

Рена рассмеялась — и сама удивилась, что способна смеяться.

— Ну, в таком случае можешь дать мне поесть и найти место, где можно отдохнуть, а я позабочусь, чтобы твои носки и прочая одежда были сухими!

Лоррин обернулся и посмотрел на сестру с веселым изумлением.

— Вот как? Ну, в таком случае ты самый что ни на есть полезный спутник для беглеца, какого только можно пожелать!

Даже лучше вооруженного воина, который сейчас был бы так же беспомощен, как и я, только злился бы куда больше.

Рена знала, о чем думает брат, хотя он был слишком тактичен, чтобы высказать это вслух. Лоррин, как и Мире, был уверен, что от Рены будет больше помех, чем помощи: что-то вроде камня на шее, мешающего идти.

Раньше Рена обиделась бы, узнав об этом, но сейчас ей было все равно. Ведь теперь Лоррин знает, что это не так.

«И я это тоже знаю». При этой мысли Рена повеселела — совсем чуть-чуть.

Лоррин нашел убежище под корнями огромной поваленной ели. Слабая женская магия высушила его одежду и мешок, лук и тетиву. Слабая женская магия высушила охапку палой листвы, и теперь под нею можно было укрыться от сырости. Слабая женская магия отгоняла комаров, пока Лоррин проверял, нет ли поблизости эльфов или хищников.

Каждое новое использование магии придавало Рене уверенности в себе. И вовсе она не бестолковая и не никчемная, что бы там ни говорил отец! Она способна разрешить кое-какие проблемы! Да, может, ей и не под силу заставить лодку нестись сломя голову, но зато она может не дать Лоррину простудиться и заболеть. Эльфы-то не болеют, а вот люди болеют постоянно, значит, наверно, и Лоррин тоже может болеть.

Девушка сидела с ломтем хлеба в руке и медленно его жевала. Это был рабский хлеб, черный, сырой и тяжелый, совсем не похожий на белый пшеничный хлеб, который едят хозяева. Мире говорила, что это к лучшему, она уверяла, что в дороге рабский хлеб ценнее, потому что он питательнее и лучше набивает желудок. Может, она и была права: Рене потребовалось совсем немного этого хлеба, чтобы утихомирить бурчащий от голода желудок, и она доедала ломоть, который отрезал ей Лоррин, скорее из чувства долга.

Мысль о своей бывшей рабыне заставила Рену виновато поморщиться. «О Предки! Бедняжка Мире! Надеюсь, они ее не поймали. Ну, а если поймали — надеюсь, у нее хватило ума сказать, что мы принудили ее отправиться с нами». Уж, наверно, Мире, такая умная, такая изобретательная, найдет способ отговориться. Она ведь так ловко выпутывалась из всех затруднений...

Ну и, разумеется, воины ее отца не стали бы возиться с какой-то рабыней — им ведь нужно было поймать двоих беглецов... Конечно, конечно...

Лоррин наконец открыл глаза.

— Никого не чувствую, кроме пары единорогов, — сказал он. — Единороги молодые, так что нам они не опасны, главное — держаться так, чтобы ветер дул от них в нашу сторону, а не наоборот.

— Единороги? — переспросила Рена. Сердце у нее снова упало, несмотря на недавний прилив уверенности. Она наслушалась кошмарных историй о свирепости этих единорогих тварей, а «сценка» из их жизни в кабинете лорда Лайона только подкрепила ее страхи. — Но ведь говорят, что они чуют все живое за несколько миль?

— Ветер-то от них в нашу сторону, — заверил ее Лоррин и широко зевнул. — А я...

Он снова зевнул. Рена увидела, как он устал. Он, наверно, провел ночь без сна...

И, наверно, эта ночь была не первой...

— Лоррин! Мы ведь пока что в безопасности, верно? — спросила она. Лоррин подумал и кивнул. — Так, может, отдохнешь пока? Сперва ты колдовал, потом мы еще прошли несколько лиг...

Лоррин, похоже, собирался возразить, но зевнул в третий раз и сдался.

— Да, пожалуй. Нам тут тепло, сухо, и лучшего укрытия пока не найти.

— Ну так отдыхай! — настойчиво сказала Рена. — А я постерегу. Я тебя разбужу при малейших признаках опасности.

— Я только прилягу, — сказал Лоррин, кладя мешок себе под голову. — Спать я не буду, только отдохну чуть-чуть.

Он закрыл глаза и тут же уснул, как и думала Рена.

Девушка улыбнулась и покачала головой. Неужто Лоррин думал, что сможет обойтись без отдыха?

«А, неважно! Главное, сейчас он отдыхает».

Рена выглянула из своего примитивного убежища и огляделась в поисках чего-нибудь, что может пригодиться. Если Лоррин проспит до ночи, может, стоит сделать шалаш из веток и листьев? Она ведь умеет менять форму цветов — так почему бы не попробовать сделать то же с ветвями?

Она решила попробовать. Для начала она изменила форму одного из листьев: оставила его водонепроницаемым, но при

этом сделала более ровным и широким. Потом повторила то же со вторым листом, потом попробовала их соединить.

Получилось!

«Я могу сделать целый навес из таких листьев, а потом прикрыть его обычными листьями, чтобы он был похож на куст, оплетенный лозой! — радостно решила она. — Правда, через пару дней все это завянет, но ведь к тому времени мы уже уйдем».

Она набрала листьев и принялась превращать их в зеленое полотно, соединяя их друг с другом. Она работала с необычайной сосредоточенностью, которой никак не могла добиться, делая цветочные скульптуры. Она так увлеклась этим занятием, что не обращала внимания ни на что вокруг.

Пока не услышала треск. Девушка подняла голову и встретилась взглядом с безумными оранжевыми глазами белого единорога. Он всхрапнул. Единорог был так близко, что девушка чувствовала его жаркое дыхание. Рена застыла, боясь пошевелиться.

Она уставилась на длинный, закрученный спиралью рог. Он мягко светился и отливал перламутром. У основания рог был толще хрупкого запястья Рены, а кончик был острый, как наконечник стрелы. Глаза у единорога были огненно-оранжевые, огромные, с расширенными зрачками. Голова по форме напоминала голову породистой лошади, но глаза занимали большую часть того места, где должен был находиться мозг. Длинная гибкая шея переходила в мощные, мускулистые плечи; передние ноги заканчивались чем-то средним между раздвоенными копытами и когтями. Задние ноги были такие же мощные, как передние, только копыта были больше похожи именно на копыта. Длинная развевающаяся грива, крохотная бородка и пушистый хвост — вот, собственно, и весь единорог, если не считать одной маленькой детали...

Которую Рена увидела сразу же, как только единорог вытянул морду в ее сторону и приподнял верхнюю губу, принюхиваясь. Изящный рот был украшен дюймовыми острыми клыками, выдававшими истинную природу зверя.

Единорог был убийцей. Как и все единороги. Вот почему эльфы отказались от попыток сделать из них вьючных животных или боевых скакунов.

Еще мгновение — и зверь бросится на нее, если она что-нибудь не придумает.

Затрещали кусты. Единорог вскинул голову, но не испугался. Мгновение спустя Рена увидела, почему. К единорогу присоединилась его... единорожица, если можно так сказать. Вдвоем они были куда опаснее, чем поодиночке. Пара единорогов не потерпит на своей территории никого, кто может представлять хоть малейшую угрозу.

Она не могла даже пошевельнуться, чтобы разбудить Лоррина. За оружие она тоже взяться не смела. У нее не было достаточно мощной магии...

«Но, может быть, поможет слабая?»

Умение приручать зверей и птиц было единственным оружием в ее убогом арсенале. Девушка осторожно коснулась единорога своей магией.

«Я твой друг. Я тебя не обижу. У меня есть вкусная еда, я умею чесать за ухом».

Единорог насторожил уши. Его подруга подняла голову, чтобы повнимательнее рассмотреть девушку.

«Я — друг. Ты хочешь быть моим другом».

Единорог дернул шкурой. Рена с восторгом и страхом увидела, что напряженные мышцы зверя слегка обмякли.

«Будьте моими друзьями!»

Ее магия просачивалась в мысли животных, меняя лишь самую малость — инстинкт, побуждающий к убийству, неодолимую потребность уничтожать все, что может оказаться опасным. Мозгов у них было немного, но не меньше, чем у голубя или воробья. Так что Рене было с чем работать. Девушка прикрыла глаза, исподтишка наблюдая за зверями. Магия пробиралась в самую их суть, успокаивая чересчур чувствительные нервы, сглаживая пылкий темперамент.

Кобыла осторожно шагнула в сторону Рены. Жеребец последовал за ней. Рена осторожно сунула руку в мешок, лежавший позади нее, достала кусок хлеба, разломила его пополам. Звери на ее движение никак не отреагировали — разве что чуть насторожили уши.

«Вот вкусная еда». Рена протянула обе руки, держа на ладонях по куску хлеба. Она еще не видела лошади, которая могла бы устоять перед хлебом.

Жеребец расширил ноздри, почуяв хлеб, и оттер кобылу назад. Посмотрел на Рену, посмотрел на хлеб на ладони.

«Я могу сделать еще много вкусной еды!» Сейчас, пока Рена использовала свою магию, чтобы приручить единорогов, она не могла отвлекаться на что-то еще. Но, если получится, она может превратить обычную траву и листья в любимые единоро-

жьи лакомства. Это будет вполне справедливой платой за то, чего она от них хочет.

«Помогите мне, и я буду кормить вас всякими вкусными вещами. Я буду держать вас в тепле и чесать за ухом. Вас больше не будут кусать вредные мухи». Она, конечно, не могла передавать единорогам мысли — она просто ощущала их, как это делал Лоррин, и ее магия каким-то образом доносила до зверей то, что хотела сказать им Рена.

Жеребец наконец решился — теперь, когда Рена приняла решение за него. Он шагнул вперед и спокойно подошел к самому выворотню, где прятались Рена с Лоррином. Кобыла шла за ним по пятам. Единорог опустил свою изящную голову и мягко взял хлеб с ладони. Нос у него оказался нежным и бархатистым, а острые клыки едва коснулись кожи. Мгновением позже его подруга тоже взяла хлеб.

Сжевав хлеб, звери еще пару мгновений стояли и смотрели на девушку. Она все еще может их потерять... Нет, напасть — они теперь не нападут, но они могут сбежать, когда Рена ослабит магические узы. Да и сейчас они могут просто уйти прочь, и помешать им она не сможет. Ее магия ведь никак не связана с принуждением: захотят единороги — будут ей служить, не захотят — не будут.

Рена отпустила их мысли. Она уже сделала все, что могла. Если единороги решат сбежать, ничего не поделаешь.

Жеребец шумно вздохнул, подогнул свои длинные ноги и улегся к ногам Рены. Кобыла сделала то же самое, положив голову на колени Рене. Она взглянула на девушку глазами, которые теперь были скорее карими, чем оранжевыми, как бы говоря: «Обещала чесать — так чеши!»

Рена осторожно протянула руку и принялась почесывать основание рога, рассудив, что это единственное место, до которого сам единорог дотянуться не может. Единорожья шкура и на ощупь была такой же шелковистой, как на вид, куда нежнее лошадиной, хотя шерсть у единорогов была гораздо длиннее. Жеребец подумал — и тоже протянул морду за своей порцией ласки.

Когда единорогам надоело, что их чешут, Рена принялась изменять листья, растущие на ближайшей ветке, делая их нежнее и добавляя им сладости. Единороги жадно сжевали новое лакомство. Они лопали до тех пор, пока все соседние кусты не остались голыми.

Наевшись, оба зверя снова положили головы на колени к Рене и уснули, точно две огромные рогатые собаки.

Когда Лоррин проснулся, он просто глазам своим не поверил.

— А ты уверена, что они согласятся нас везти? — недоверчиво спросил Лоррин. Ему было трудно смириться с мыслью, что придется довериться единорогу. Эти звери славились своей свирепостью. Он убил бы их обоих, как только проснулся, если бы не был так ошарашен. Только когда Рена заверила, что *переделала* их, Лоррин несколько успокоился — и то не до конца. Ведь эльфийские лорды потратили несколько веков, пытаясь *переделать* единорогов и превратить их в нечто полезное. Как же Рена смогла сделать то, что им так и не удалось?

«Хотя, с другой стороны, они же не обращались за помощью к женщинам? Нет, конечно. Женская магия слабая и бесполезная. Хотя вот сегодня эта бесполезная магия не дала мне умереть от воспаления легких... Нет, сегодня Рена была неиссякаемым источником сюрпризов!»

Пока что единороги действительно вели себя как ручные. Лоррин решился погладить их, почесать за ухом — они казались такими же смирными, как любая лошадь. Шерсть у них была роскошная: мягче и шелковистее, чем у самой породистой лошади. Лоррину впервые в жизни довелось потрогать рог живого единорога. Рог был теплый и гладкий на ощупь, живая часть чудного создания.

В ответ на вопрос брата Рена пожала плечами.

— Уверена — насколько вообще могу быть в чем-то уверена. Однако я не стала бы просить их вести себя как выезженные лошади. Уздечки они точно не потерпят, так что нам придется ехать в ту сторону, куда они сами захотят пойти. Но нести нас они согласятся. Я пробовала взвалить на них свой мешок — они не возражают.

Девушка похлопала кобылу по холке — та даже не шелохнулась. Лоррин отметил, что в речах и жестах сестры появилась уверенность, которой еще недавно не было.

Да, за сегодняшний день Рена буквально расцвела, превратившись в новое, пока незнакомое ему существо. Не так давно Лоррин жалел, что сестре не хватает мужества... Что ж, возможно, это иллюстрация к старой поговорке, что надо дважды подумать, прежде чем желать чего-нибудь. Понадобилась эта встряска, чтобы Рена обрела наконец мужество и нашла себя.

Но положиться на то, что она способна приручить единорогов? Стоит ли дело такого риска?

— Ну что ж... Эти звери передвигаются быстрее нас и к тому же не оставят отпечатков башмаков, — сказал Лоррин, размышляя вслух. — Уже одно это стоит того, чтобы рискнуть — даже если нам придется ехать туда, куда пойдут единороги. Мне никогда еще не доводилось слышать, чтобы единорог пытался вторгнуться в населенные земли. Так что, по крайней мере, не придется беспокоиться, что они завезут нас в чье-нибудь поместье. Если ты уверена, что они на нас не бросятся...

Нет, он решительно ничего не мог с собой поделать. Да, пока что эти оранжевые глаза казались дружелюбными, но стоит ли полагаться на то, что так оно и будет? Каждый рог был длиной в руку Лоррина, острый, как копье. Юноша слышал, что единороги умеют использовать свой рог как оружие чуть ли не с самого рождения. А тут еще клыки и когти на передних ногах...

— Уверена, — повторила Рена. — Я однажды сорокопута приручила, а он был куда злее и глупее единорогов. Я умею приручать животных, Лоррин. Это единственное, в чем я действительно уверена.

Да, со своими птицами в саду Рена и вправду творила чудеса.

— Ну, ладно...

Лоррин подошел к жеребцу, который был покрупнее, и осторожно положил руку ему на холку. Зверь даже не соизволил оторваться от охапки травы, которую Рена превратила в лакомство. Лоррин взвесил свой мешок на свободной руке. Согласится ли зверь везти его да еще с грузом?

— Положи на него сначала мешок, — посоветовала Рена. — Потом садись верхом, только не спеша. Не делай резких движений, а то он может испугаться.

Не спеша сесть верхом при отсутствии седла не так-то просто. Но Лоррин все-таки сделал, как сказала Рена. Девушка положила свой мешок на холку кобылы. Они переупаковали тюки так, чтобы весь груз распределился на оба конца, а посередине оказалась перетяжка. Это была идея Лоррина. Так их удобнее везти на лошади — или на единороге. Ехать верхом без седла и так непросто, а с мешками за плечами они бы и вовсе не усидели.

Жеребец поднял голову, выгнул длинную шею, взглянул на мешок и снова принялся жевать.

Лоррин взялся обеими руками за теплую холку зверя позади мешка. В конце концов, это совсем как те упражнения, которым его обучали, — только делать все надо в два раза медленнее. Он надеялся, что у него хватит сил подтянуться.

Лоррин подтянулся на руках и забросил ногу на круп единорога. Был неприятный момент, когда жеребец дернулся и загарцевал, ощутив тяжесть всадника. Но потом зверь снова успокоился, и Лоррин устроился у него на спине, порадовавшись, что его учили ездить без седла.

Рена уже успела взгромоздиться на свою кобылу. Девушка выглядела необычайно веселой — что было особенно странно, если принять во внимание их нынешнее положение. Лоррину никогда еще не приходилось видеть сестру такой оживленной. Щеки Рены слегка раскраснелись, зеленые глаза сверкали, и даже коротко обрезанные волосы, завившиеся небрежными локонами, выглядели куда лучше, чем прилизанные косы, переплетенные лентами. Жаль, что его так называемые «друзья» не могут увидеть ее сейчас: попробовали бы они теперь назвать ее простушкой! Рена явно очутилась в своей стихии. Свобода была ей к лицу.

— Нам придется подождать, пока они не закончат есть, — сказала девушка брату. — А потом они пойдут туда, куда направлялись до того, как мы их поймали.

Рена склонила голову набок.

— Слушай, а ты до сих пор скрываешь свой облик иллюзией? — спросила она. Неожиданная перемена темы застала Лоррина врасплох.

Он только теперь осознал, что действительно до сих пор прячется под личиной. Она буквально приросла к нему.

Лоррин кивнул.

— Я ведь ее ни на миг не снимал, — объяснил он. — Разве что иногда, когда мы с матерью проверяли, насколько она надежна. Я ее и во сне поддерживаю.

— А можно посмотреть, какой ты без нее?

Лоррин поразмыслил и пожал плечами.

— Почему бы и нет?

Ему потребовалось немалое усилие воли, чтобы снять личину. Судя по выражению лица Рены, девушка была разочарована. Лоррин усмехнулся — отчасти потому, что ожидал чего-то подобного.

— Извини, сестренка. Как видишь, у меня нет ни клыков, ни рогов, ни горы мышц. Самые простые и надежные личины — те, что лишь слегка изменяют настоящий облик.

Рена по-птичьи склонила голову набок, внимательно разглядела брата и наконец заметила:

— Волосы у тебя поярче, чем у любого другого юноши, какого мне случалось видеть, если не считать людей. Уши покороче и не такие острые. И плечи чуть пошире. А в остальном — Лоррин как Лоррин. Я бы тебя узнала без труда.

Лоррин отвесил ей насмешливый поклон.

— Вот я и говорю. Подозреваю, матушка немного изменила меня с помощью своей «слабой» магии, когда я был еще младенцем, чтобы иллюзия была убедительнее. Высветлила волосы и позаботилась о том, чтобы я не превратился в могучего гладиатора. Но...

Лоррин не договорил, потому что в этот момент жеребец дожевал последнюю горсть травы и неожиданно двинулся вперед. Кобыла тронулась следом. Животные быстрым шагом направились на юг. На повороте Лоррин едва не свалился.

Юноша вцепился в скользкий мешок, пожалев, что нельзя надеть на единорогов хотя бы чего-то вроде подпруги, чтобы было за что держаться. Особенно если они всегда трогаются с места так неожиданно!

— Они идут туда, куда мы собирались! — радостно воскликнула Рена.

«Ну да, ее-то хотя бы не застали врасплох!»

— Они движутся куда быстрее, чем я думал! — воскликнул Лоррин. Жеребец перешел с шага если не на рысь, то на легкую трусцу. По счастью, рысь единорога была куда мягче, чем у любой лошади, на которой доводилось ездить Лоррину. Судя по тому, что единорог бежал, подняв уши и вскинув голову, он был способен двигаться этим аллюром весь день напролет. Ну, а если так, ничто, кроме магии, не могло бы так быстро унести их прочь от опасности. Разве что дракон...

— Потрясающе! — сказал Лоррин немного погодя. —Теперь понятно, почему единорогов так трудно выследить! К тому времени, когда гончая берет их след, они успевают уйти уже очень далеко, хотя след и кажется свежим. Мне еще никогда не приходилось ездить на таком замечательном скакуне!

— Они такие славные, правда? — сказала Рена. Ее голос звучал немного печально. — Жалко, что они не согласятся остаться с нами. Боюсь, изменения, которые я сделала, окажутся все же слабее охотничьего инстинкта. Я чувствую, что если они хоть раз попробуют крови, снова сделаются дикими. Инстинкты вообще менять очень трудно.

— Значит, нам придется позаботиться о том, чтобы они не пробовали крови, — твердо сказал Лоррин. Но это замечание заставило его задуматься: у него была непреодолимая привычка все анализировать. Его предки вывели этих зверей для войны. Быть может, если уничтожить воинственную часть их натуры, лишить единорогов присущей им кровожадности, они снова сделаются мирными?

«По крайней мере, достаточно мирными, чтобы девушки вроде Рены могли их приручать...

А хорошо было бы ездить верхом на таких животных — красивых, с мягким шагом...

И при полном отсутствии возможности ими управлять! — напомнил себе Лоррин, когда жеребец внезапно перепрыгнул через бревно, лежащее поперек тропы, так что юноша едва не свалился и с трудом восстановил равновесие. — Быть может, не так уж это и хорошо...»

Мгновением позже, когда Лоррину пришлось пригнуться, чтобы проехать под нависшей над тропой веткой, юноша понял, что звери до сих пор не смахнули их с себя только благодаря своему сложению. Шеи у единорогов были такие длинные, что голова животного находилась на том же уровне, что голова всадника, а сверху еще торчал длинный рог. Так что везде, где Лоррину приходилось пригибаться, жеребцу тоже приходилось наклонять голову. В результате юноше повезло: он ни разу не расшиб себе лоб о ветку. Но если единорогам надоест везти на себе всадников, им не составит труда от этих всадников избавиться. Так что, возможно, «ручными» они остаются исключительно ради лакомств, которыми угощает их Рена.

«Ага. Вот еще одна причина, чтобы повременить с одомашниванием единорогов».

Беглецы отправились в путь после полудня. К тому времени, как спустилась ночь, они благодаря бешеной гонке на лодке и помощи единорогов забрались куда дальше, чем могли бы подумать их преследователи. И двигались все дальше на юг, в те земли, куда не ступала нога эльфа. В те земли, куда, как предполагалось, переселились драконы и волшебники. Так утверждали куда более надежные источники, чем Мире: это было одним из условий договора между эльфами и волшебниками.

И вот не прошло и нескольких часов, как их шансы на успех сильно выросли — и все благодаря Рене! Ему не нужно больше беспокоиться о том, как добыть еду: Рена уже доказала, что способна превращать обычные листья в лакомства для едино-

рогов, так почему бы ей не сделать их съедобными и для всадников? «Скучновато будет, конечно, не то, что на пиру у батюшки, но жаловаться я не стану». Еще можно охотиться — хотя с этим лучше подождать, пока они не расстанутся с единорогами. Лоррин мог чувствовать чужие мысли, а это означало, что он должен вовремя суметь почуять хищников или погоню.

Так что их дела обстоят совсем неплохо — даже если им и не удастся отыскать волшебников в ближайшие несколько дней.

«Пока неплохо, — напомнил себе Лоррин, не позволяя предаться неразумному оптимизму. — Сейчас начало лета. Неплохо бы отыскать волшебников до зимы. У нас нет настоящего дома, а его с помощью магии создать не так-то просто. К тому же такая мощная магия обязательно привлечет чье-нибудь внимание. Ну и вряд ли Рена сумеет создать что-нибудь съедобное из сухой травы или сосновых иголок. И теплой одежды у нас нет, если не считать плащей».

Размышляя об ожидающих их трудностях, Лоррин в то же время машинально наблюдал за тем, что происходило вокруг. При появлении единорогов в лесу воцарялась тишина, словно при приближении человеческой или эльфийской охоты. Очевидно, молва не лжет: эти звери действительно очень опасные хищники. Вдалеке слышалось пение птиц и временами какие-то шорохи в подлеске; но вокруг, вблизи оленьей тропы было тихо, лишь глухо стучали копыта.

— Слушай, Лоррин, а ведь все получилось! — сказала вдруг Рена посреди царящего вокруг молчания. Услышав ее голос, жеребец насторожил уши, но не замедлил бега. Куда бы он ни направлялся, он явно желал добраться туда как можно быстрее. Лоррин надеялся лишь, что они с Реной выдержат такое путешествие.

— Да, получилось, — негромко ответил он. — Нам удалось бежать. Без тебя я бы не управился. Я рад, что взял тебя с собой.

А ведь поначалу он был вовсе не рад этому. До того момента, как Рена высушила его одежду. Лоррин чистосердечно признался себе, что его отношение к Рене сильно переменилось с тех пор, как выяснилось, что она может быть ему полезна.

Но откуда же он мог знать, что ее не придется непрерывно опекать и защищать?

Девушка вдруг хихикнула.

— Знаешь, а ведь вчера вечером я сама была готова бежать к тебе, умоляя о помощи!

Лоррин чуть повернул голову, так, чтобы видеть сестру и в то же время успевать вовремя уклоняться от веток.

— Почему? — спросил он. — Я... я знал, что после бала что-то случилось, потому что весь дом стоял на ушах, но я не думал, что это имеет отношение к тебе!

— А тебе что, не сказали? — изумилась Рена. — Как же тебе могли не сказать? Отец даже позволил мне выспаться!

Лоррин поморщился.

— Лорд Тилар со мной не откровенничал. Он всегда запрещал слугам сообщать мне о том, против чего я мог бы возразить. Я так понимаю, что против этого я возразил бы?

— Ну, не знаю... — неуверенно ответила Рена. — Я... вчера вечером состоялась моя помолвка с лордом Гилмором.

Лоррин едва не свалился с единорога.

— С Гилмором? — ахнул он. — С этим безмозглым дивом? С Гилмором, который не нашел бы собственного... гм... носа даже с помощью карты? С этим придурком, идиотом, дубиной стоеросовой? Или есть другой Гилмор, которого я не знаю?

— Ну, то, что ты сказал, достаточно подробно описывает того Гилмора, которого я видела, — ответила Рена. Глаза ее лукаво сверкнули. — Теперь понимаешь, почему я так настаивала на том, чтобы сбежать вместе с тобой, и сказала, что отец принудит меня выдать тебя? Лучше уж встретиться с дикими единорогами, чем пойти замуж за Гилмора!

Лоррин покачал головой.

— Я не так уж уверен, что это лучше брака с Гилмором, — сердито ответил он. Он рассердился на то, что Рена его обманула. Хотя справедливо ли это? Ведь это не его заставляли выйти за Гилмора!

— Пожалуйста, не сердись! — взмолилась девушка, встревоженная гневным взглядом, который бросил на нее Лоррин. — Я тебе не солгала: если бы отец догадался, что я могу что-то знать, он действительно не задумываясь прибегнул бы к принуждению. Но...

— Но, принимая во внимание, насколько высокого мнения он о женщинах, ему вряд ли пришло бы в голову, что ты способна на подобную хитрость...

Однако, поразмыслив, Лоррин решил, что страх лорда Тилара перед полукровками мог бы и перевесить его презрение к женскому полу. Да, пожалуй, Рена была права. Рисковать не стоило.

— Да, вероятно, такое было вполне возможно, — ответил он. Рена просияла. — Когда дело доходит до полукровок, лорду Тилару порой отказывает логика. Вполне вероятно, что он допросит с помощью магии всех, кто есть в поместье. Слава Предкам, мать достаточно сильна, чтобы ему противостоять, и достаточно умна, чтобы найти какое-нибудь оправдание. Если она сделает вид, что известие о том, что я полукровка, свело ее с ума, лорд Тилар не посмеет оскорбить ее дом, подвергнув ее допросу с пристрастием.

Рена смертельно побледнела.

— А что же с ней будет? — прошептала она. Похоже, она не задумывалась о роли леди Виридины во всей этой истории.

Лоррину захотелось погладить сестру по головке, но сделать это, сидя на бегущем единороге, было не так-то просто. Все, что он мог, — это ободряюще улыбнуться.

— Да ничего, все в порядке. Мы с ней уже давно планировали мой побег. Она собиралась подсунуть от... лорду Тилару очень сбивчивое и смутное воспоминание о том, что ее ребенок родился мертвым и рабыня-повитуха подменила его мною. Ты ведь знаешь, что он на время родов уехал и бросил ее одну в поместье? Она расскажет ему все это, сделав вид, что находится в магическом трансе. Скажет, что повитуха была волшебницей и воспользовалась своей магической силой, чтобы заставить ее обо всем забыть. А потом, когда лорд Тилар разбудит ее и сообщит о том, что услышал, она «обезумеет от горя».

История была шита белыми нитками, но ведь супруг леди Виридины ни разу даже не заподозрил ее в неподобающих мыслях. А в присутствии трех членов Совета ему тем более придется принять все за чистую монету.

— Конечно, лорды Совета настоят, чтобы ее не выпускали из поместья, но это не так уж плохо.

Во всяком случае, лучше, чем смерть. И, возможно, лучше, чем сносить все прихоти и жестокие капризы мужа.

Но Рена содрогнулась.

— Это значит, что ее заточат в будуаре и рабыни будут следить за ней день и ночь! Я бы точно сошла с ума от такого. Хотя, наверно, это лучше, чем...

«Чем другой вариант».

— Совет поверит ее рассказу, — сказал Лоррин, на этот раз совершенно уверенно. — С тех пор, как появилась Проклятие Эльфов, им всюду чудятся полукровки, даже дома под кроватью. И все происшествия приписывают им. Я уверен, лорды

найдут способ «доказать», что эта сказка о подмене объясняет, откуда у лорда Дирана взялся наследник-полукровка, при том, что сам лорд Диран об этом даже не подозревал.

— А-а... — сказала Рена, уже несколько успокоившись. — Про это я и забыла. Да, скорее всего им захочется в это поверить. А раз уж Совет примет решение, отцу придется с ним согласиться.

— Скорее всего, — кивнул Лоррин. — А мать достаточно умна и ловка, чтобы это устроить.

Юноша фыркнул.

— Хорошо, что они не умеют читать мысли, как волшебники-полукровки!

— Остается только надеяться, что они не догадаются завести себе ручного полукровку, — рассудительно заметила Рена. — Только бы с мамой все обошлось!

— Ну, по крайней мере, тебе не придется идти замуж за этого придурка Гилмора! — поспешно заметил Лоррин и получил в ответ слабую улыбку.

— Да...

Свешивающаяся сверху ветка окатила Рену пригоршней капель. Девушка стерла брызги со лба, выпрямилась и улыбнулась снова — на этот раз по-настоящему.

— И если ты собираешься спросить, неужели лучше жить в дикой глуши и питаться листьями, я тебе отвечу: гораздо лучше!

Глава 6

Каламадеа и Кеман просто застыли на месте, словно были не драконами, а самыми обычными полукровками. Да что с ними такое?

«Да сделайте же что-нибудь! — мысленно крикнула Шана Каламадеа. — Смените облик! Нападите на них!»

Каламадеа ответил ей спокойным взглядом:

«Лашана, эти люди не боятся магии, и у них с собой очень острые копья. Должен заметить, что эти копья вполне могут пробить драконью шкуру. Так что идея сменить облик представляется мне несколько преждевременной: они, несомненно, пустят копья в ход. Ты не могла бы придумать что-нибудь более толковое?»

Шана очень старалась что-нибудь придумать, но как-то ничего не придумывалось. Даже дракону нужна буря, чтобы вызвать молнию, а небо как назло было совершенно безоблачным. Быть может, драконы могли бы воспользоваться своим искусством обращаться с камнем, чтобы превратить землю под ногами воинов в зыбучий песок, но эти воины скорее всего достаточно ловки и успеют отпрыгнуть в сторону, прежде чем увязнуть. А насчет того, чтобы взлететь... Чтобы сменить облик, и то требуется некоторое время. Воины наверняка успеют ударить раньше.

Так что, видимо, единственным выходом было сдаться. По крайней мере, воины, похоже, пока не собирались мстить им за магические атаки.

Шана медленно встала и подняла пустые руки над головой в знак того, что сдается. Она надеялась, что кочевники правильно поймут этот жест. Меро и драконы последовали ее примеру.

Видимо, они поступили правильно, потому что воины немного расслабились — однако копий не отвели. Несколько мгновений они просто стояли и смотрели друг на друга.

Люди, взявшие их в плен, были удивительным народом. Вблизи было видно, что цвет их кожи — естественный. Доспехи воинов были изумительно тонкой работы: видимо, мастера, ковавшие их, были отменными кузнецами. Помимо металлических панцирей, воины были одеты в свободные шаровары из тонкой ярко раскрашенной ткани и невысокие войлочные сапожки. Интересно, что эти люди думают о ней и ее спутниках?

В конце концов один из воинов что-то медленно произнес, обращаясь к Шане. Язык их был сложный и очень музыкальный. Судя по интонации, это был вопрос. Девушка покосилась на Каламадеа. Дракон пожал плечами:

— Этого языка я не знаю.

Шана обернулась к воину и осторожно развела руками:

— Извините. Боюсь, мы не понимаем вашего языка.

Воин пробормотал что-то себе под нос, явно разочарованный, и, перекинувшись несколькими словами со своими товарищами, указал концом копья вниз, в сторону фургонов. Это-то, по крайней мере, было понятно. Он хотел, чтобы они спустились к фургонам тихо и не пытаясь сбежать.

«Шана, наверно, лучше сделать, как он приказывает, — сказал встревоженный Меро. — Возможно, позднее нам представится возможность объясниться».

Выбора у них, собственно, не было. Шана кивнула и начала спускаться в ту сторону, куда указал воин. Ее вещи остались на земле, там, где она их бросила. Остальные последовали за ней. Оглянувшись назад, девушка увидела, что двое из воинов подхватили их разбросанные пожитки и закинули их на спину быкам, прежде чем сесть в седла.

Все воины на своих быках последовали за пленниками. Шана решила, что не стоит проверять, насколько проворны эти животные. Бык, конечно, не лошадь, но она уже убедилась, что эти звери весьма подвижны. На короткой дистанции человеку от них не убежать.

Их встретило множество любопытных взглядов, но расспрашивать воинов никто не стал. Темнокожим людям, видимо, было не впервой захватывать пленных. Их отвели к отдельному фургону. Кто-то достал из-за занавески железные ошейники с приклепанными к ним цепями, и всех четверых приковали за шею к задку фургона. Средство оказалось весьма действенным. Ошейники были очень прочные со сложными замками, так что ни Шана, ни Меро не могли их открыть. К тому же оба с изумлением обнаружили, что эльфийская магия на ошейники не действует. По счастью, все четверо по-прежнему могли общаться мысленно; но сделать что-то с ошейниками было невозможно.

Волы снова двинулись вперед. Шли они очень медленно, но при этом ни на миг не останавливались. Это тоже был весьма эффективный способ помешать пленникам что-либо предпринять. Идти следом за фургоном было нетрудно, но делать на ходу что-то еще было совершенно невозможно. Когда Шана и ее отряд отправлялись на разведку, они постоянно делали остановки. Так что Шана с Меро не привыкли к непрерывной ходьбе. Каламадеа и Кеман, казалось, совсем не устали, но молодые полукровки выбились из сил и стерли себе ноги к тому времени, как кочевники наконец остановились на ночлег и разбили лагерь.

В других обстоятельствах продуманное устройство лагеря восхитило бы Шану. Фургоны расположили несколькими концентрическими кругами и колеса заклинили, чтобы фургоны нельзя было сдвинуть с места. Волов распрягли и пустили в общее стадо. Сняв дерн, соорудили ямы для костров. Все это делалось с привычной легкостью — чувствовалось, что это даже не привычка, а обычай. Разбив лагерь, люди занялись хозяйст-

вом — кто-то отправился за водой, кто-то принялся разводить костры и готовить...

Но Шане сейчас было не до того, чтобы глазеть по сторонам. Девушка плюхнулась на траву и принялась растирать ноющие ноги. «Надеюсь, кто-нибудь вспомнит про нас и принесет нам попить и поесть», — с тоской подумала Шана. Конечно, они с Меро могут и сами добыть себе воды и пищи. По крайней мере, Шана на это надеялась. Было бы ужасно неприятно вдруг утратить все магические способности. Но в любом случае не стоит демонстрировать этим людям все, на что способны они четверо. По крайней мере, пока.

До заката было еще около часа. Вскоре сделалось очевидно, что к пленникам никто даже не приблизится без разрешения какого-нибудь местного начальства. Люди исподтишка поглядывали на них, не отрываясь от работы, но не подходили поглазеть. Интересно, их так и собираются оставить на всю ночь на цепи, как собак? Но, по-видимому, ими должны были заниматься те, кто взял их в плен: через некоторое время из-за фургонов вышли шестеро уже знакомых им воинов и решительно направились к пленным. Четверо пленных осторожно поднялись на ноги. Воины окружили их, держась не менее настороженно.

«Ага, значит, они все-таки предполагают, что мы можем быть опасны. Хотелось бы знать, хорошо это или плохо?»

Один из воинов — вроде бы тот самый, что возглавлял отряд, который взял их в плен, — отстегнул цепи от задка фургона и повел всех четверых, как собак на сворке. Остальные пятеро шли следом, держа копья на изготовку, чтобы обеспечить повиновение пленных. Однако тот воин, что вел их на цепях, не тянул за цепи и не пытался издеваться над пленными. Воины вели себя очень достойно, не проявляя ни малейшей злобы.

В лагере кипела шумная жизнь, как и в любом другом многолюдном сборище. Однако язык этих людей казался Шане не более чем бессвязным бормотанием. Детишки, одетые в короткие туники из той же яркой материи, из какой были пошиты шаровары воинов, визжали, вопили и носились как угорелые, играя в свои непонятные игры. Женщины в свободных, удобных платьях и мужчины в таких же широких шароварах, как у воинов, торопились куда-то по своим делам, ненадолго останавливаясь, чтобы взглянуть на пленных любопытными карими глазами. Другие женщины нянчили младенцев, помешивали варево, кипящее в котлах, или развешивали выстиранное

белье и одежду. Юноши слонялись без дела, толкались и хохотали; девушки делали вид, что не обращают на них внимания, и хихикали, прикрываясь ладошкой. А вот животных в лагере не было. Похоже, эти люди не держали никаких домашних животных, кроме коров и быков. Это казалось странным: хоть собаки-то должны у них быть?

Чем ближе к середине становища, тем больше, причудливее и пестрее делались шатры. Наконец они достигли центра лагеря. Там стояли четыре фургона, самые причудливые из всех. Фургоны были огромны: должно быть, каждый из них волокло не менее дюжины волов. Видимо, здесь жили вожди племени.

Шана обратила внимание, что шатры расположены строго по сторонам света. Их отвели в восточный. Ко входу в шатер вела складная лесенка. Воин, который вел пленных за цепи, поднялся по лесенке, втащив их за собой. Остальные пятеро остались снаружи. Плоская платформа, на которой стоял шатер, образовывала нечто вроде веранды, идущей вдоль всего шатра, достаточно широкой, чтобы провожатый мог встать на ней со всеми четырьмя пленными, держась на расстоянии вытянутой руки от них. Воин остановился у входа и что-то сказал. Кто-то поднял изнутри завесу, закрывающую вход в шатер, и все пятеро прошествовали внутрь.

После яркого солнца снаружи показалось, что в шатре очень темно. Глаза Шаны не сразу привыкли к полумраку. Но наконец девушка разглядела, что они стоят перед немолодым человеком, в чьих коротких темных волосах проступает седина. Судя по многочисленным шрамам, этому человеку довелось побывать в битвах. У человека было квадратное суровое лицо и мышцы, как у хорошего гладиатора, однако заметно было, что он начинает тяжелеть, как бывает со многими бойцами, удалившимися на покой. На нем была железная гривна, железные браслеты и пояс из круглых плоских железных пластин, соединенных петлями. Все эти украшения были покрыты замысловатой чеканкой, состоящей из абстрактных узоров. Ядовито-розовые шаровары несколько резали глаз на фоне оранжево-зеленых подушек, на которых он восседал. По бокам от него стояли два воина с бесстрастными, как у статуй, лицами. Еще два воина стояли у входа в шатер.

Человек долго изучал четверых пленников. Шана тем временем успела оглядеться по сторонам. Она делала это открыто, держась так, как будто явилась сюда по своей воле. Стенки шатра были увешаны изнутри полотнищами с цветными ап-

пликациями; пол был устлан узорчатыми тканными ковриками. Рисунок ковриков и аппликаций повторял все те же геометрические узоры, которые Шана видела повсюду в лагере. С потолка свисали лампы, пока что не зажженные. Интересно, где эти люди берут металл, ткань, шерсть? Овец она здесь не видела, и вряд ли эти кочевники работают в копях. Покупают, наверное, и, быть может, у того же Коллена? Про черных пастухов он ничего не говорил — но почему он должен был про них рассказывать? Могут же у него быть свои тайны. Особенно если он собирался продавать этим людям то, что купит у волшебников, и наоборот. Ну, а если так — Коллен ведь должен скоро вернуться после встречи с рабами. Быть может, это племя как раз и направляется торговать?

Хорошо бы, если так! Тогда есть надежда, что он сумеет убедить кочевников отпустить пленных или, по крайней мере, назначить выкуп.

Предводитель обратился к воину, который их привел. Разговаривали они довольно долго, бурно жестикулируя. Потом предводитель на миг задумался и рявкнул какой-то приказ. Занавески у него за спиной раздвинулись, и оттуда появился воин, державший на цепи еще двух пленных.

Когда Шана увидела, кто эти пленные, у нее глаза на лоб полезли. И у троих остальных тоже.

«Эльфы?! Они держат в плену эльфов?!»

Видимо, да. Эльфов ни с кем не спутаешь. Хрупкие фигуры, фарфорово-белая кожа, бледно-золотистые волосы, длинные острые уши, зеленые глаза с кошачьими зрачками... Точно, эльфы. Оба были одеты как местные и, похоже, не страдали от дурного обращения. Хотя опять же неизвестно, хороший это знак или дурной.

Но что тут делают эльфы — и, главное, как этим людям удалось взять их в плен?

«Может быть, так же, как и нас? Неужели эти двое явились сюда без людей-охранников?»

Один из пленных не обратил на них внимания, зато другой уставился во все глаза.

— О Предки! — воскликнул он. — Надеюсь, мне это мерещится!

Потом он насмешливо потряс головой.

— Да нет, конечно. Вы наверняка помеси. Подумать только, как низко я пал...

Предводитель воинов прервал его какой-то командой. Эльф тотчас умолк, почтительно и даже смиренно поклонился и обратился к Шане.

— Похоже, мы будем вашими переводчиками, волшебница, — сказал он, кривясь. — Считайте, что вам повезло: для нас переводчиков не нашлось, и нам пришлось изучать здешний язык, так сказать, на собственной шкуре.

На лице эльфа отражалась странная смесь насмешки и отвращения.

— Неприятно, конечно, признаваться в этом волшебникам, но вы хотя бы отчасти цивилизованны, а я так давно не видел цивилизованных существ, что готов подружиться даже с рабом. А теперь поклонитесь-ка Джамалу, да пониже. Он у этих варваров вождь — очень важная персона. Кстати, они называют себя Железным Народом.

Шана и ее спутники поклонились настолько изящно, насколько позволяли ошейники и цепи. Переводчик немало повеселился, глядя на них. Молчаливый эльф как будто ничего не замечал.

— Меня можете звать Кельяном. Просто Кельяном. Мои титулы и дома-то выеденного яйца не стоили, а здесь и подавно. Мой угрюмый товарищ — Гальдор.

Он ткнул «товарища» локтем в бок. Гальдор на миг поднял глаза и что-то неразборчиво буркнул.

— Шана, Кеман, Меро и Каламадеа, — представила Шана себя и своих товарищей, указывая на каждого по очереди и краем глаза наблюдая за Джамалом. Джамал внимательно слушал. Похоже, от этих проницательных темных глаз ничто не укроется!

— Джамал хочет знать, откуда вы взялись, — продолжал Кельян. — Это его первый вопрос.

Шана решила ответить как можно уклончивее. Не хватало еще навести этих воителей на Цитадель!

— С севера, — коротко сказала она, махнув рукой куда-то в ту сторону. — От реки.

Река большая, так что ничего определенного им это не скажет. Но если этот Железный Народ торгует с Колленом, это может показаться им достаточно важным.

Кельян перевел. Джамал обдумал ответ и задал очередной отрывистый вопрос.

— Он хочет знать, зачем вы сюда притащились.

Кельян снова криво усмехнулся.

— Он, разумеется, предполагает, что вы шпионы. Он военный вождь, у него работа такая.

Тут, пожалуй, стоит сказать правду.

— Мы искали людей, с которыми можно торговать, — ответила Шана, стараясь выглядеть одновременно деловитой и безобидной. — Мы не воины. Если не верите, взгляните на наши руки: на них нет ни шрамов, ни мозолей от меча. Мы живем торговлей и все время ищем новые народы, с которыми можно торговать.

«Ну, ты и придумала!» — заметил Каламадеа.

Кельян недоверчиво фыркнул, но все же перевел.

Джамал фыркнул не менее недоверчиво и произнес в ответ какую-то длинную и сложную фразу. Кельян едва не подавился. Его товарищ Гальдор скривился от отвращения.

— Он хочет знать, почему вы, бледнолицые демоны, бросили войну и занялись торговлей! — воскликнул Кельян. — Невероятно! Он вас принимает за настоящих эльфов!

Шана не успела ничего ответить: Кельян обернулся к вождю и затараторил. Видимо, эльф не менее самой Шаны желал убедить Железного вождя в том, что они не эльфы. Однако Джамал ему не верил. Он указывал на глаза и уши Шаны. Наконец он покачал головой и отдал несколько приказов.

— С нами сидеть будете, — объяснил Кельян с тяжким вздохом. Гальдор скривился еще больше. — Он хочет, чтобы на вас взглянул Железный жрец. А пока что пойдете с нами. Ну что ж, какое-никакое, а все-таки общество...

Не успел он договорить, как снаружи вошли еще двое воинов. Они взяли пленников за цепи и повели на улицу. Первыми вывели Кельяна с Гальдором, второй воин вел Шану и ее друзей.

Солнце уже садилось, и небо на западе было окрашено так же ярко, как одежды Железного Народа. Воины отвели пленников в другой шатер, за пределами внутреннего круга. Этот шатер не был украшен никакими узорами. У входа в шатер воины внезапно бросили цепи и ушли, оставив шестерых пленных одних.

Гальдор повернулся к ним спиной и ушел в шатер. Кельян же, похоже, был не прочь поболтать.

— Подберите цепи и входите, — распорядился он. — У нас есть вода и еда, а скоро слуги вождя принесут еще. И не вздумайте воспользоваться этим как оружием и попытаться сбежать! — предостерег он, увидев, что Шана задумчиво взвешивает цепь на руке. — Эти люди учатся драться цепью раньше, чем ходить. Вас схватят, прежде чем вы успеете миновать хотя бы два круга. Оставив вас здесь, они дали вам понять, что вы можете свободно ходить по лагерю. Но если попытаетесь сбежать — поверьте мне, вы об этом пожалеете.

— А ты что, пробовал? — поинтересовался Меро, когда Кельян уже начал подниматься в шатер по узкой лесенке. Кельян дождался, пока все окажутся в шатре, и ответил:

— Скажем так: я видел, на что они способны.

Гальдор тем временем бросился на подстилку и повернулся к ним спиной.

Убранство шатра было простое, но, как ни странно, весьма удобное: войлочные подстилки, подушки, стопка одеял, сменная одежда в корзинах. В центре шатра висела лампа (железная, разумеется), а под ней, в плоском ящике с песком, стояла железная жаровня.

Кельян взял себе подушку и уселся, жестом предложив остальным сделать то же самое. Меро принял приглашение первым и с вызывающим видом уселся напротив эльфа.

— Что-то ты очень дружелюбно настроен, — насмешливо сказал волшебник. — Хотелось бы знать, с чего бы это? Ведь наши народы друг друга, мягко говоря, недолюбливают. Дорого бы я дал за то, чтобы узнать, как ты сюда попал.

Кельян пожал плечами.

— Так ли уж важно, кто вы — эльфы или волшебники? И кто я такой — тоже неважно. Мы все не у себя, вот что главное. Все мы тут пленники. И если вы обладаете хотя бы половиной тех способностей, что вам приписывают, возможно, нам с товарищем удастся свалить на вас обязанность развлекать этих варваров.

Гальдор что-то буркнул, но не обернулся.

— Развлекать? — удивился Кеман. — Как это? Мы ведь не музыканты и не...

— Идемте с нами сегодня вечером и увидите, — ответил Кельян и снова обернулся к Меро. — Я расскажу вам правду, потому что врать мне незачем. Мы оба — бесполезные вторые сыновья вассалов. Самое большее, на что мы способны, — это создавать красивые иллюзии. Мы ушли из дома в поисках удачи — и вот что нам выпало.

Он указал на свой ошейник.

— Мы сидим тут уже несколько десятков лет. Никто не знает, где мы и что с нами стало, а если бы даже и узнали, никого это не волнует.

— Говори за себя! — рявкнул Гальдор, в первый раз за все время соизволивший сказать что-то внятное.

— Ну, ты, конечно, можешь сколько угодно мечтать о том, как сюда явится армия тебе на выручку, а у меня и другие дела найдутся! — отпарировал Кельян и снова обернулся к Меро. — Пока что я попросту счастлив, что могу поговорить с существами, не чуждыми цивилизации, с теми, кто, возможно, расскажет мне, что творится дома. С теми, кто может говорить на моем языке — и не откажется поговорить. — Он взглянул через плечо на Гальдора. — И еще я жажду новостей. Я так стосковался по новостям...

— Наши новости тебе не понравятся, — предупредила Шана.

Кельян поморщился.

— Может, и так, но ведь заранее никогда не скажешь. Я уже так давно не был дома! А вдруг вы скажете, что этого гада, лорда Дирана, единорог забодал или что-нибудь в том же духе. Этого хватит, чтобы сделать меня счастливым. Я ведь сюда попал отчасти по его вине.

Услышав имя лорда Дирана, Шана с Меро вздрогнули. Кельян внезапно расплылся в улыбке.

— А, так, значит, вы его знаете! И что, с этой скотиной действительно что-то стряслось? Радость-то какая! Надеюсь, что-нибудь очень неприятное?

— Ну... в общем, да, — выдавила Шана. — Только это очень запутанная история. И длинная к тому же.

— Ничего, это только продлит удовольствие. Ладно, давайте я пока что сообщу вам кое-какие полезные сведения.

Кельян снова улыбнулся радостной улыбкой ребенка, которого угостили конфеткой.

— А знаете, вы мне, пожалуй, начинаете нравиться, хоть мы и смертельные враги! Так вот. Во-первых, эти люди — тот самый народ, который наши древнейшие хроники называют грелеводами, хотя они, похоже, уже лет сто не видели ни одного греля.

— Ага! — кивнул Каламадеа. — Я так и думал. Они соответствуют всем описаниям.

— Для начала — действительно важная вещь. У них есть что-то — не знаю, что именно, — что защищает их от магии. Так что не пытайтесь на них нападать.

Шана скривилась. Кельян кивнул.

— А-а, вижу, вы это уже выяснили.

— Попробовали, — подтвердила Шана, растирая руки. — Ну, по крайней мере, они не напали в ответ. Так что, думаю, нам повезло.

Эльф рассмеялся.

— О, они относятся к нашей магии с величайшим презрением! У них сохранились предания о могущественных эльфийских магах, но встреча с нами убедила их, что легенды преувеличивают. Иллюзии их не обманывают, разве что показать им нечто такое, что они ожидают увидеть, — и то если они не будут слишком сильно присматриваться. Ну, вот, к примеру, если кто-то из них заглянет в этот шатер, я могу до посинения плести иллюзорную личину Джамала, но они все равно будут видеть только меня. А вот если мне удастся пробраться в шатер Джамала и сесть на его место, они поверят, что это действительно Джамал, пока не приглядятся повнимательнее.

— То есть удрать, прикинувшись волами или сделав себя невидимыми, невозможно, — закончил за него Кеман.

Эльф кивнул.

— Магическое оружие — молнии, огненные шары и все такое прочее — на них тоже не действует. Сейчас они очень встревожены и держатся начеку, потому что здесь для них чужая территория. Обычно они живут в сотнях лиг к югу отсюда, но в последние пять лет на юге была страшная засуха и скот страдал от бескормицы. А они почти целиком живут за счет своего скота. Они не понимают, чем вызвана такая засуха, и это их тоже тревожит. Они боятся, что духи предков разгневались на них, и когда я говорю, что дело не в этом, мне не верят.

— Надо понимать, ты знаешь, в чем дело? — мягко осведомился Каламадеа.

— По крайней мере, догадываюсь, — охотно ответил Кельян. — Этот дурак Диран начал баловаться с погодой задолго до моего рождения и к тому же убедил заняться этим всех прочих. И теперь погода будто взбесилась. Это и разорило мою семью: раньше мы владели славным маленьким поместьем, но из-за этих дождей его затопило, и теперь там сплошное болото.

— И скорее всего это вышло не случайно, если кто-то из твоей семьи имел несчастье досадить лорду Дирану, — мрачно заметил Меро.

Гнев, вспыхнувший в глазах Кельяна, сам по себе был достаточным ответом, но эльф все же кивнул, подтверждая догадку Меро.

— Ну, а раз где-то дождей выпало слишком много, значит, где-то их не было совсем, верно?

Каламадеа кивнул, но ничего не сказал.

— Четыре шатра в центре лагеря — самые важные, — продолжал Кельян. — В восточном живет Джамал, военный вождь. Западный шатер принадлежит Железному жрецу. Не вздумайте ни под каким предлогом заходить в северный и южный шатры — разве что кто-то из жрецов вас туда отведет. Эти шатры посвящены духам. Если вы их осквернite, вас изобьют до полусмерти, а потом подвергнут обряду очищения, который заставит пожалеть, что вас не забили до смерти.

Судя по мрачному виду эльфа, это он, видимо, тоже узнал на собственной шкуре.

В шатер вошла женщина с плоской корзиной, искусно сплетенной из травы. Кельян вскочил, взял у нее корзину и поставил перед сидящими.

— Ужинать будешь? — спросил он у Гальдора, садясь на место.

Гальдор мотнул головой.

Кельян пожал плечами.

— Тебе же хуже.

В корзине лежала стопка тонких белых лепешек, полоски жареного мяса, накрошенный лук, несколько круглых чашек, мех и миска с чем-то белым.

— Лепешки — это здешний хлеб, — сказал Кельян. — Мясо — говядина. Оно довольно вкусное, но жесткое. В миске — масло, а в мехе — свежее молоко. Утром дадут лепешек, сыру и еще молока.

Эльф взял лепешку, ловко завернул в нее полоску мяса, посыпав ее сперва луком, и налил себе чашку молока.

— На юге они еще пиво варили из ячменя, но ячмень давно кончился. Как тут будет, я не знаю. До засухи вообще еда была получше, разнообразнее. Они тогда торговали с земледельцами...

Он вопросительно вскинул бровь, глядя на Шану, которая перекидывала из руки в руку полоску горячего мяса.

— Я так понимаю, что эти разговоры насчет торговли были чистейшей выдумкой?

— Вообще-то нет, — сказала Шана, заворачивая мясо в лепешку и дуя на обожженные пальцы. — Мы — в смысле, волшебники — снова ввязались в войну с эльфийскими лордами. На этот раз война окончилась более или менее в нашу пользу, и

мы заключили договор, согласно которому могли беспрепятственно уйти и поселиться тут неподалеку. У нас есть кое-что, что можно продать, и нам проще купить все необходимое, чем создавать его с помощью магии.

«К тому же не столь уж многие среди нас умеют создавать вещи с помощью магии. Но пусть думает, что мы это умеем так же, как наиболее могущественные эльфийские владыки».

— Гм...

Эльф больше ничего не сказал и принялся за еду. Ел он быстро и аккуратно, запивая еду молоком. Шана последовала его примеру. Еда была вполне сносной, хотя девушка подозревала, что она очень быстро им надоест.

Каламадеа и Меро ели не торопясь, а Шана с Кеманом тем временем коротко рассказывали обо всем, что произошло с тех пор, как Кельян и Гальдор ушли из дома.

— Я так и думал, что от всех полукровок избавиться невозможно, — заметил Кельян, когда они дошли до второй Войны Волшебников. — Слишком часто случается так, что наложница или простая рабыня бывает в течке, когда ее господину взбредет в голову с ней позабавиться. Я подозревал, что получившихся младенцев просто бросают на опушке леса или еще где-нибудь. У нас все время ходили слухи о диких полукровках, что живут в лесу точно волки. Так что меня это совсем не удивляет.

Похоже, эльф говорил искренне. Шана решила ответить откровенностью на откровенность.

— А меня удивляет твое отношение к нам, — сказала она эльфу. — Я не понимаю, почему ты не такой, как... ну, хотя бы тот же лорд Диран.

— А потому, что я не такой, как этот проклятый лорд Диран! — горячо ответил эльф. — Среди тех эльфов, что принадлежат к низам общества, очень мало таких, как высшие лорды! Ты вообще представляешь себе, что такое быть эльфом и почти не иметь магической силы?

Шана ошарашенно покачала головой.

— Я представляю, — негромко заметил Меро. Шана с Кельяном обернулись к нему. — В конце концов, я почти всю жизнь провел в поместье лорда Дирана. Понимаешь, Шана, у эльфов все строится на том, сколько у тебя магии. Если ты сильный маг — у тебя есть все. А если нет... С рабами и то обращались лучше, чем с некоторыми из нахлебников лорда Дирана.

Кельян с горечью кивнул, и даже Гальдор, похоже, начал прислушиваться к разговору.

— У рабов, по крайней мере, есть какие-то определенные обязанности, — продолжал Меро. — От них никто не требует творить чудеса на ровном месте, и никто не наказывает их и не издевается над ними за то, что они на это не способны. На рабов никто не обращает внимания, а это куда лучше, чем когда за тобою следят, особенно когда следит кто-то вроде лорда Дирана. Я видел, как он дал одному из своих надсмотрщиков невыполнимое поручение, заставил выложиться до потери сознания, а потом обвинил его в лености и уклонении от своих обязанностей и в наказание заставил его выдать дочь за другого вассала, который был... попросту подл. Я видел, как он довел другого вассала до безумия, а потом приказал забрать у него жену и отдать в жены кому-то другому. И потом рабам лорда Дирана, по счастью, предстоит не такая уж долгая жизнь, а вассалу приходится сносить подобное обращение веками.

Пока Меро рассказывал, Кельян все время кивал.

— Именно так, полукровка!.. — Он остановился и вопросительно склонил голову набок. — Извини, забыл, как тебя зовут. Ты какой-то тихий...

— Меро, — улыбнулся молодой волшебник. — Меня в свое время прозвали Тенью. Я очень хорошо умею делаться незаметным.

— Меро... — повторил Кельян и кивнул. — Да, именно так. Я частенько замечал, что рабы лорда Дирана смотрят на меня с жалостью — как глядели и на моего отца, пока непосильные труды не свели его в могилу раньше срока.

Эльф вздохнул.

— Так что нет нужды объяснять, почему многие эльфы — особенно из тех, что помоложе, — были бы только рады найти способ ограничить могущество высших лордов. По крайней мере, так обстояло дело тогда, когда я еще жил среди эльфов. И, если подумать, пожалуй, многие из них могли бы сочувствовать волшебникам. На самом деле, теперь, когда я сам вкусил рабства, я, пожалуй, мог бы посочувствовать даже людям.

По его губам снова скользнула ироничная усмешка.

— Ну что ж, по крайней мере, приятно знать, что Диран кончил плохо. Сегодня ночью я буду спать куда спокойнее, чем все эти годы.

Он собирался сказать что-то еще, но тут занавеска у входа откинулась и появился еще один воин. Воин повелительно махнул рукой эльфам. Кельян скривился, поднялся на ноги и легонько пнул Гальдора.

— Пошли, старина! — сказал он с тоскливой покорностью судьбе. — Пора давать представление. Хозяева ждут.

Гальдор снова что-то буркнул, встал, подобрал цепь и направился к выходу следом за Кельяном.

— Пошли посмотрим? — вполголоса предложила Шана Меро. — Надо же посмотреть, чем они тут занимаются. Особенно если нас заставят делать то же самое.

Меро покачал головой.

— Я пойду! — вызвался Кеман.

— А я останусь с Меро, — сказал Каламадеа. — Вы двое постарайтесь разузнать, что сумеете, а мы тем временем попробуем придумать какой-нибудь план.

Шану не пришлось уговаривать: она подобрала цепь и побежала за эльфами. Кеман вышел следом.

Как и говорил Кельян, никто не препятствовал пленникам идти куда им заблагорассудится до тех пор, пока было видно, что они не замышляют сбежать. Идти пришлось недалеко — до третьего круга. Эльфов привели в шатер — настоящий шатер, стоящий на земле, а не на повозке. Такие же шатры ставили торговцы из каравана — только этот был больше, гораздо больше. Шана подумала, что такой шатер, наверно, надо ставить вдесятером. Изнутри просвечивали цветные огоньки, и в ночной тиши слышалась музыка. Эльфы вошли внутрь; Шана и Кеман последовали за ними.

Занавеска была поднята и подвязана. Кеман с Шаной остановились у самого входа. Внутри шатер был убран так же, как шатер Джамала: узорчатые занавеси, пол застелен коврами и завален кучей подушек, на которых можно было сидеть или лежать. В одном конце сидели музыканты, в другом раздавали еду и напитки. Большинство присутствующих выглядели как воины и были относительно молоды. Некоторые сидели или лежали на подушках, ели, болтали, играли в кости. Кое-кто танцевал под музыку. Но большинство стягивались к тому краю шатра, где сидели музыканты. Эльфы уже устроились рядом с музыкантами.

— Как ты думаешь, что тут будет? — вслух поинтересовалась Шана.

— Понятия не имею, — ответил Кеман. — Надо посмотреть, только вот как бы нам подобраться поближе?

Они осторожно пробрались сквозь толпу, стараясь не привлекать к себе внимания. Им удалось забиться в уголок, откуда все было хорошо видно, а сами они не бросались в глаза.

Музыканты доиграли очередной танец и умолкли, явно ожидая, пока эльфы будут готовы приступить к работе. Музыкантов было шестеро: два барабанщика, два со струнными инструментами, один с рожком и еще один с чем-то вовсе уж непонятным. Кельян уселся поудобнее и кивнул главному музыканту, тому, что с рожком. Музыкант заиграл вступление к новой мелодии. Через несколько тактов к нему присоединились остальные.

И тут Шана наконец поняла, зачем кочевники держат у себя эльфов.

Кельян принялся плести сложную иллюзию. По шатру запорхали фантастические птицы и хрупкие создания с человеческими телами и с крыльями, как у бабочек. Создания танцевали под музыку, к немалому удовольствию зрителей. Иллюзия была плохонькая: птицы и крылатые создания просвечивали насквозь, так что поверить в них было трудновато. Но как произведение искусства она была великолепна.

Да, такого кочевникам самим не создать!

Когда музыка стихла, иллюзия растаяла. Теперь поднялся Гальдор. Музыка заиграла снова. Иллюзия Гальдора была такой же призрачной, но огненные лошадки, гарцующие и скачущие в воздухе, выглядели завораживающе.

Когда выступление Гальдора завершилось, Шана похлопала Кемана по руке и кивнула в сторону менее многолюдного уголка шатра. Кеман кивнул в знак согласия, и оба пробрались поближе к выходу.

— Предвосхищая твой вопрос, скажу: нет, я не могу ничего сделать с этим ошейником, и, боюсь, сменить облик тоже не получится, — тихо сказал Кеман. — Мы с Каламадеа уже пробовали. Думаю, дело именно в ошейниках.

Шана брезгливо поморщилась.

— Ну да, конечно! Если эльфы могут делать такие ошейники, почему бы этим людям не создать что-то подобное? Чтоб им пропасть! Ну что ж, по крайней мере, никто из них не понимает нашего языка — и то хорошо. Разговаривать вслух все же проще, чем мысленно.

— Видно, придется убедить этого Джамала, что мы не чистокровные эльфы и иллюзий творить не можем, — продолжал Кеман. — А то нам до самой смерти придется сидеть тут, создавая цветочки и бабочек.

— Разве что Коллен на них наткнется и убедит их отпустить нас хотя бы за выкуп... но нет, на это надежды мало.

Шана закусила губу.

— Давай еще немного посидим тут и понаблюдаем. Может, удастся выяснить еще что-нибудь полезное.

Ничего полезного они не узнали, не считая того, что кочевники заставляли Кельяна и Гальдора выкладываться до полного изнеможения и что Гальдор с Кельяном выдохлись значительно быстрее, чем Шана или Меро, будь они на их месте.

Но и тогда кочевники не пожелали отпустить эльфов. Им принесли вдоволь еды и питья, дали немного отдохнуть и заставили снова взяться за работу.

Это не сулило волшебникам ничего хорошего. Если кочевники обнаружат свои истинные способности, Джамал их ни за что не отпустит.

Еще Шана с Кеманом отметили, что, хотя воины были без доспехов, бармиц и наручей они не сняли, а многие добавили к ним еще и железные налобные обручи. Женщины носили филигранные украшения тончайшей работы. Местами железо было так отполировано, что сверкало подобно драгоценным камням. Все присутствующие явно предпочитали свободную одежду из ярких и легких тканей. Преобладали все оттенки оранжевого, алого и золотисто-желтого. В общем, это были несколько более изысканные варианты той же одежды, которую они носили днем.

— А это кто? — внезапно прошептал Кеман, заметив какую-то суету у входа. Шана всмотрелась в полумрак и различила в толпе новоприбывших знакомое лицо.

— Джамал пришел, — шепнула она в ответ. Военному вождю и его свите поспешно освободили место на подушках. — А вот кто это вместе с ним?

Почти одновременно с Джамалом в шатер вошел пожилой человек, сложенный как кузнец, с короткими волосами, белыми, как овечья шерсть. У него была своя свита. В то время, как люди Джамала, очевидно, были воинами, хотя оружия ни на ком из них не было, люди, пришедшие со стариком, все были похожи на него: коренастые, широкоплечие, со странными головными повязками из полоски ткани, скрученной жгутом, в чистых кожаных фартуках. Кроме того, на шее у каждого из них висела железная гривна с подвеской в форме языка пламени, столь же тонкой работы, как и женские украшения.

— Не знаю, — ответил Кеман, — но, похоже, это не менее важная персона, чем Джамал!

И в самом деле, старика тоже окружила толпа народу: одни спешили ему услужить, другие хотели поговорить с ним. Ему и его свите тоже освободили место, чтобы сесть. Открытой враждебности между двумя группами заметно не было, но во взглядах, которыми обменялись двое вождей, Шана ощутила некую напряженность.

Ага. Видимо, у Железного Народа не один предводитель, а двое, и этот старик — второй из них. И, похоже, оба они не слишком-то довольны тем, что приходится делиться властью с другим. Интересно, очень интересно! Это может оказаться полезным. Если эти вожди соперничают друг с другом, возможно, этим удастся воспользоваться...

Для начала надо выяснить, чем занимается этот старик. А потом посмотрим: может, и получится использовать одного из них как рычаг против другого...

Шана снова обернулась к Джамалу, следя за его реакцией. Джамал моложе — и, возможно, окажется более гибким и здравомыслящим. Пожалуй, лучше будет обратиться за помощью к нему...

— Он на нас смотрит! — шепнул Кеман. — Этот старик смотрит на нас!

Шана поспешно перевела взгляд на старика. Он внимательно наблюдал за ними, слегка прищурившись. Потом, не сводя взгляда с пленников, наклонился к одному из своих спутников и что-то ему сказал.

— Хотел бы я знать, о чем он говорит! — пробормотал Кеман.

Шана кивнула. Взгляд старика был умным и проницательным, а судя по решительной складке у губ и выдвинутому вперед подбородку, с ним, пожалуй, лучше не ссориться. Похоже, он из тех людей, кто серьезно обдумает проблему, которую ты собой представляешь, найдет решение и последовательно и методично претворит его в жизнь. Хотелось бы знать, что означают для него они с Кеманом... Шана еще раз мысленно проклятая странные способности этих людей, не позволяющие ей проникать в их мысли.

— А я хотела бы знать, о чем он думает! — ответила она.

— Откуда взялись эти новые зеленоглазые демоны? — спросил верховный Железный жрец Дирик у одного из своих помощников. Он старался не выказывать раздражения, но оно

прорвалось в тоне его голоса. — И, главное, почему мне не сообщили о том, что их взяли в плен?

— Что до первого вопроса, о владыка, мне говорили, что их поймали сегодня после полудня, когда они шпионили за нашими фургонами, — ответил помощник, стараясь говорить как можно тише и таким тоном, будто они не обсуждают ничего важного. — А что до второго — не могу знать, владыка. Я сам услышал о них только вечером.

Дирик вскинул бровь, показывая, что его удивляет как сам факт, так и осторожный тон, каким говорит помощник. Жрец отхлебнул пива, наслаждаясь вкусом напитка. Пиво теперь подавали только ему и Джамалу: оно было на исходе, и ячмень тоже кончился, так что нового сварить было не из чего. Придется где-то найти земледельцев, с которыми можно торговать. Зерно заканчивается — еще месяц, и даже муки на лепешки не будет.

Кстати, нужно найти еще и месторождение железной руды, а лучше бы самородное железо. Последние крестьяне, у которых удалось закупить зерно, встретились им шесть месяцев назад, а с рудокопами они не виделись уже больше года. Давненько не приходилось им разжигать походные горны, а ведь боевым быкам скоро понадобятся новые наконечники для рогов. Да и женщины уже жалуются, что им не хватает новых украшений.

Но Джамалу, похоже, и дела нет до того, чтобы отыскивать рудокопов или крестьян! Ему бы найти, с кем подраться!

Хорошо еще, что здешние земли препятствовали осуществлению планов Джамала. При нынешнем состоянии припасов Народ не может позволить себе воевать. Но единственные живые существа, которые встречались им на этой бескрайней равнине, были единороги — да теперь вот еще эти зеленоглазые демоны.

«О которых мне никто не потрудился сообщить, пока я не увидел их собственными глазами!» Во рту у жреца сделалось кисло, и пиво не могло отбить этого противного вкуса. А на душе у него была горечь, как всегда, когда он задумывался о военном вожде. Джамал честолюбив. Дирик знал это с самого начала. Военный вождь не пытался скрывать своих устремлений — и к тому же военные вожди всегда бывают честолюбивы. Дирик пережил уже троих. Честолюбие к лицу предводителю, чье дело — сражаться и защищать свой народ. Но Джамал к тому же пользовался всеобщей любовью — и это начинало тревожить Дирика. И то, что Джамал сумел убедить своих приверженцев

не сообщать жрецу о поимке зеленоглазых демонов, было очень дурным знаком.

Жрец исподтишка взглянул на военного вождя. Тот удобно расположился на подушках и с отеческой улыбкой на устах наблюдал за тем, как пляшет и веселится молодежь. Поговаривали, что нынешний вождь стремится к большему, чем кто-либо из вождей на памяти Дирика. По слухам, Джамал мечтает вернуться в родные места с богатой добычей и объединить все Железные кланы под своей рукой. Такого прежде не бывало. Единственными, кто обладал какой-либо властью за пределами своего клана, были жрецы. Они разрешали конфликты, они вели переговоры между кланами. Никогда еще не бывало такого, чтобы хотя бы у двух кланов был общий военный вождь. А уж объединить все кланы никому и в голову не приходило. Будь на месте Джамала кто-то другой, Дирик лишь отмахнулся бы от этих слухов, рассудив, что все это пустые мечты. Но у Джамала было достаточно влияния, чтобы сделать свои мечты реальностью. Если он вернется с фургонами, ломящимися от добычи, его шансы на успех будут очень велики...

«И к чему ему тогда Железные жрецы?» — спрашивал себя Дирик. Ответ напрашивался сам собой: ни к чему. И если Джамал захватит власть, принадлежавшую другим военным вождям, кто знает, не захочет ли он лишить власти и жрецов?

Дирик только сейчас понял, как много власти успел захватить военный вождь. Конечно, и прежде случалось, что жрецу докладывали о чем-то не раньше, чем сочтет нужным вождь, — но впервые ему не доложили о столь важном событии, как пленение новых зеленоглазых демонов.

Первые два демона попали в плен во дни деда Дирика и считались ценным имуществом клана Горна. Прежде жуткие бледнокожие остроухие создания считались существами легендарными — чем-то вроде буки, которым пугают непослушных детей. Дирик знал легенды лучше прочих, ибо это было его дело: помнить легенды и рассказывать их, чтобы Народ не забывал своего прошлого. Легенды повествовали о великой войне с зеленоглазыми демонами. Они явились сюда из иного мира и возжелали захватить этот мир себе, как и полагается демонам. Они убивали и преследовали предков Железного Народа и их былых союзников, Народ Зерна. И в конце концов Железный Народ вынужден был бежать на юг, оставив союзников прикрывать отход. Прежде у Железного Народа были еще и другие животные, на которых ездили верхом и возили грузы, но бегство пережили лишь быки и коровы. Со временем предки Железного Народа узнали тайны кузнечной магии и Мысленной Защиты, и немногие демоны, которые преследовали их, потерпели поражение и были уничтожены.

Легенды гласили, что Народ и его покровитель, Первый Кузнец, презирали демонов, ибо те использовали оружие трусов, оружие, которое убивает на расстоянии, не подвергая опасности нападающего. Но в легенды о демонах давно уже не верил никто, кроме жрецов. Пока не появились те двое.

Тогдашний военный вождь очень гордился, что ему удалось пленить демонов и заставить их забавлять Народ, но Дирик хорошо знал Гальдора и Кельяна и понимал, что эти двое демонов не представляли особой угрозы для хорошо вооруженного воина. То были всего лишь дети, юнцы, опрометчиво отправившиеся в странствие, и встреча с Железным Народом была для них такой же неожиданностью, как и для самого Народа. Официальная версия гласила, что магия Железа и наука Мысленной Защиты уберегли военного вождя Алая и помогли ему одолеть демонов. Но у Дирика было свое мнение на этот счет.

«Эти двое действительно не столь ужасны, как их легендарные предки. Их сила — ничто по сравнению с мощью тех демонов, с которыми мы воевали когда-то».

Либо легенды преувеличивают, либо же эти двое просто очень слабы. И Дирик склонен был верить последнему. В целом легенды Железного Народа были вполне достоверны — к примеру, они отнюдь не преувеличивали опасности единорогов и их слепой свирепости. Так что вряд ли зеленоглазые демоны были менее опасны, чем говорилось в легендах.

Однако большинство соплеменников Дирика разделяли первую точку зрения: они привыкли видеть перед собой Гальдора и Кельяна, совершенно ручных и безопасных, плетущих свои красивые иллюзии в общем шатре. До сих пор Дирика не особенно беспокоила такая беспечность: он полагал, что Железному Народу никогда больше не придется встретиться со своими старыми врагами. Но теперь он уже не был уверен в этом и боялся, что беспечность может сделаться опасной.

Он внимательно рассматривал новых демонов. Те дерзко глазели на жреца, не скрывая, что тоже изучают его. Демонов было двое — мужчина и женщина. Помощник сообщил Дирику на ухо, что в фургоне, где содержатся пленники, есть еще двое мужчин.

Интересно, что среди них есть женщина. Еще интереснее то, что эти демоны, похоже, другой породы, чем первые двое. Во-первых, они куда смуглее: лица Гальдора и Кельяна оставались белыми, как рыбье брюхо, сколько бы времени они ни проводили на солнце. К тому же эти демоны выглядели не столь хрупкими. Волосы у них были яркими, а не белесыми, как выбеленный лен. Женщина была огненно-рыжей, и многие девушки в шатре поглядывали на ее волосы с нескрываемой завистью. Мужчина был темноволосый, совсем как человек, хотя его волосы свисали прямыми прядями, а не вились, как полагается.

Но, с другой стороны, говорят, Народ Зерна был таким же бледным и бесцветным, как солома на их полях. Может, эти новые демоны — демоны лишь наполовину? Быть может, демоны сошлись с Народом Зерна и породили эти создания?

— Странные волосы у этой женщины, — негромко сказал жрец своему помощнику Хадже. — Никогда таких не видел.

— Эти существа утверждают, что они вовсе не демоны, — ответил Хаджа. — Наши демоны говорят, что это правда. Кельян очень на этом настаивал, а Гальдор был явно оскорблен одной мыслью о том, что этих демонов сочли такими же, как они сами. Я даже не припомню, чтобы наши демоны так гневались по какому-либо поводу.

Дирик приподнял бровь. Если эти существа — сородичи Кельяна, зачем бы ему лгать? Интересно...

— Их будут держать вместе с первыми? — спросил он так, чтобы его не слышал никто, кроме Хаджи.

— Говорят, да, — ответил помощник. — Это вполне разумно. Двое из них совсем выбились из сил, идя следом за фургоном. Зачем заставлять их умирать от усталости, когда это такая ценная добыча? И держать их отдельно от наших демонов тоже не имеет смысла. Кельян и Гальдор несколько раз пытались сбежать, но им это не удалось, и Джамал не думает, что вшестером им это удастся лучше.

Дирику не хотелось признавать правоту Джамала, но, похоже, вождь все-таки прав. Если магия Железа и Мысленная Защита удерживали демонов до сих пор, они удержат их и впредь.

— Пожалуй, я поговорю с ними сам, — сказал жрец своему помощнику. — Завтра, когда мы отправимся в путь. Позаботься о том, чтобы это устроить.

Хаджа чуть заметно поклонился.

— Это несложно, — ответил он.

Дирик чуть заметно улыбнулся.

— И позаботься о том, чтобы это не стало известно Джамалу, — добавил он. — По крайней мере, до того, как я с ними побеседую.

Глаза Хаджи немного расширились, и улыбка тоже. Помощник уже в течение многих лун пытался открыть глаза верховному жрецу, убедить его, что Джамал чересчур хитер, чересчур честолюбив. Но Дирик, казалось, и слышать ничего не желал. На самом деле Дирик принимал это к сведению, но лишь теперь убедился, что Джамал действительно опасен.

— Да, — негромко сказал жрец в ответ на кивок Хаджи в сторону Джамала. — Боюсь, наш военный вождь лелеет тайные замыслы — замыслы, которые могут прийтись не по душе Первому Кузнецу. Возможно, придет время, когда понадобится действовать. Я подумаю об этом.

Хаджа кивнул.

— А пока, — заключил Дирик, откидываясь на подушки с безмятежным видом, хотя в душе он отнюдь не испытывал безмятежности, — тебе стоит самому отправиться на разведку и выяснить, нет ли там, откуда явились эти четверо, других демонов или, быть может, наших старых союзников — Народа Зерна. Ведь это дело жрецов. Военному вождю не стоит знать о том, что не входит в его обязанности.

— Например, о допросе демонов? — улыбнулся Хаджа. — Или о поисках Народа Зерна? В конце концов, с демонами уж точно следует иметь дело жрецам. А Народ Зерна — всего лишь легенда, а легенды — это тоже дело жрецов...

— Вот именно, — отозвался Дирик. — Вот именно.

Мире кружила над лесистыми холмами, стараясь держаться повыше, чтобы ее нельзя было разглядеть с земли. Драконица буквально дымилась от ярости. Лоррина с Реной и след простыл. И винить в этом некого, кроме себя самой.

Когда лодка неожиданно рванулась вперед и Мире вылетела за борт, она была так ошарашена, что спохватилась, лишь когда лодка скрылась из виду. Крики эльфов и стрелы, летящие с берега, привели драконицу в чувство и напомнили ей об опасности.

Мире тут же нырнула, чтобы спастись от стрел, и обернулась под водой огромным сомом, чтобы не было нужды выныривать. Очутившись в безопасности, она рванулась в погоню.

Но проклятая лодка неслась быстрее любой рыбы. Мире догнала ее лишь к вечеру, а когда догнала, всего на час опередив

эльфийскую погоню, лодка была пуста и плыла по течению. Следов высадки беглецов Мире так и не нашла. Если следы и были, их смыло дождем.

Мире прикинула, где беглецы могли выбраться на берег, и взмыла в небо. Но и тут она просчиталась.

Драконица привыкла к голым, поросшим низкорослым кустарником холмам вокруг Логов. Она еще никогда не видела подобной чащи. В таком лесу мог бы укрыться даже дракон в своем истинном облике!

И все же Мире кружила над лесом несколько дней напролет, надеясь заметить дым от костра или отпечаток башмака на берегу ручья. Но единственные следы, которые ей попались, были оставлены одинокими охотниками или погоней, отправленной вслед за Лоррином и его сестрой. Драконица была в бешенстве. Она срывала злость на единорогах: этих зверей здесь было более чем достаточно, хотя Мире с большим удовольствием оторвала бы голову этому дураку Лоррину.

Мире была уверена, что эти изнеженные, домашние создания не смогут уйти далеко от реки. Но, когда все труды закончились ничем, она с горя расширила круг поисков. И все равно никого не нашла, кроме группки оборванных людей, плывущих по реке на своих долбленках. Мире не знала, кто эти люди, но то явно были не волшебники, и вряд ли Лоррин или Рена решились бы вступить с ними в контакт.

Да и сами люди на такое не пошли бы. Если это дикари, без ошейников, они должны страшно бояться эльфов. А Лоррин с Реной не настолько опытные следопыты, чтобы незаметно подобраться к этим полузверям, которые родились и выросли в своей чаще. Эти люди успеют скрыться раньше, чем Лоррин с сестрой заподозрят об их присутствии.

И все-таки, пожалуй, стоит взглянуть на них поближе... Мире описала еще один круг, увидела тех же самых людей, приставших к берегу... Люди вели себя спокойно — значит, беглецы им не встречались.

Драконица заскрипела зубами от ярости. Придется взглянуть правде в глаза: Лоррина с сестрой она упустила. А с ними — и шанс завести собственного ручного волшебника. Она была так уверена, что все в ее руках, и не предусмотрела, что Лоррин может выкинуть какой-нибудь трюк. И вот она их упустила по собственной же небрежности!

Но тут Мире посмотрела вниз — и с первого взгляда увидела, что людей вдруг стало вдвое больше.

Ба, а это что такое?

Гнев ее мгновенно испарился, и драконица внимательнее присмотрелась к группке на берегу. Нет, люди не размножились. К ним присоединилась еще одна группа, одетая куда лучше...

Мире на миг неподвижно застыла в воздухе, разглядев существ, похожих на Шану. Острые уши, но лица темнее, чем у эльфов, и волосы не пепельные, а более яркие. Это не люди — это волшебники! Она нашла пропавших волшебников!

А где волшебники — там и драконы-перебежчики.

Мире кругами пошла наверх, за облака, и перестала подниматься, лишь когда воздух сделался совсем разреженным и на крыльях у нее засверкала изморось.

И что теперь? Она знает, куда делись волшебники. Можно ли как-то этим воспользоваться? Наверняка.

Ей нужны сведения. И добыть их надо так, чтобы при этом не попасться Кеману или еще кому-то.

Короче, нужен план.

И на этот раз не стоит недооценивать своих противников. На этот раз план должен быть безупречен. А для безупречного плана опять же нужны сведения.

Но сведения добыть совсем нетрудно — главное, держаться подальше от драконов. Она ведь может обернуться чем угодно: от человеческого ребенка до выступа скалы. Пока ее не заметил кто-то из драконов — она в безопасности.

Ну, для начала надо обернуться каким-нибудь существом с хорошим нюхом — и при этом несъедобным. Волшебников нетрудно будет найти по запаху, но при этом ей совсем не хочется подвернуться под стрелу какого-нибудь охотника.

Приняв решение, драконица сложила крылья и спикировала в уединенную ложбинку в стороне от реки.

Единороги поднимались на очередной холм. Эти звери были чрезвычайно выносливы: несмотря на то что они несли на себе Рену и Лоррина, они бежали вдвое быстрее любой лошади, на какой приходилось ездить Рене. Впрочем, по большей части они не бежали, а шли — быстрым, размашистым шагом. Они могли идти так целый день напролет, ничуть не уставая. Два-три раза в день они останавливались, чтобы попастись, но и то ненадолго.

Конечно, ели они не только траву, но и все, что в ней водилось. Единороги были чрезвычайно проворны: мышей и полевок они ловили не хуже кошек.

По ночам они исчезали на несколько часов и возвращались со следами крови на мордах. И все-таки они возвращались — и не воспринимали Лоррина с Реной как добычу.

Рена была в ужасе. Лоррин был зачарован. Он объяснял сестре, что единороги, видимо, потому так быстро и передвигаются, что едят мясо.

— Мясо куда питательнее травы, — говорил Лоррин. — Если бы они не ели мяса, вряд ли они были бы намного резвее и выносливее обычных лошадей.

Но Рена уже решила, что не хочет ручного единорога.

А между тем она обнаружила, что сильно уступает в выносливости Лоррину и единорогам. Животные непременно желали отправляться в путь на рассвете, — а это означало, что всадникам приходилось вставать затемно, чтобы самим хоть немного перекусить, — и шли весь день до заката. Рена была непривычна к подобным испытаниям. Она ложилась спать совершенно измученной и просыпалась, почти не отдохнув. Все тело у нее болело. Она давно уже перестала обращать внимание на все окружающее, несмотря на то что им не раз приходилось спасаться бегством от хищников и охотников, которые могли оказаться не менее опасными. У девушки остались силы лишь на то, чтобы держаться на спине единорога и не давать зверям выйти из повиновения. И хотелось ей только одного: добраться поскорее до волшебников и отдохнуть.

Отдохнуть! Это казалось недостижимым блаженством. Весь мир для Рены сузился до одного-единственного желания. Каждая мышца у нее болела, глаза горели от недосыпа, голова тупо ныла... Если бы сейчас к ней явился лорд Гилмор и предложил стать его женой в обмен на постель и нормальный обед, Рена согласилась бы не раздумывая!

А может быть, и нет... Но, во всяком случае, она рассмотрела бы его предложение.

— Интересно... — вслух пробормотал Лоррин, чей единорог поднялся на холм первым.

— Что там интересного? — уныло откликнулась Рена. И в самом деле, что тут может быть интересного? Несколько дней назад путники миновали горный проход и очутились на холмах, поросших лесом. Между холмами текла широкая река. Единороги уже несколько дней шли вдоль этой реки. Девушка надеялась, что звери скоро достигнут неведомой цели, к которой стремятся их крошечные мозги, потому что не видела способа переправиться через водную преграду: река была так широка,

что она поглотила бы замок лорда Тилара вместе с садом и парком без единого всплеска. Но вчера единороги без всякого предупреждения вошли в воду и пустились вплавь. Рена плыла, держась одной рукой за гриву, другой за свой мешок и страшно боясь потерять то или другое.

Она наглоталась воды — грудь до сих пор болела. Однако Лоррину она ничего говорить на стала, боясь, что он решит бросить единорогов и идти дальше пешком. Лоррин чувствовал себя превосходно, и Рене не хотелось, чтобы он подумал, что она его задерживает. Его восхищение и одобрение доставляли девушке такое удовольствие, что она ни за что не согласилась бы лишиться их. Это было единственным приятным моментом во всем их унылом путешествии.

— Кажется, я понял, куда направляются единороги, — сказал Лоррин, глядя вдаль. — Там, впереди, большая равнина, и на ней очень много следов единорогов. Когда мы перевалили через холм, мне показалось, что я вижу целые стада единорогов и все они движутся на юг. Думаю, наши животные кочуют.

— Что, как перелетные птицы? — спросила Рена. Удивление заставило ее ненадолго очнуться от апатии.

— Вот именно, как птицы. Кажется, я понимаю, что происходит в их мозгах. До сих пор я пытался услышать их мысли, но мне это удалось только теперь. Ты ведь знаешь, что временами единороги питаются мясом...

— Да... — ответила девушка, невольно содрогнувшись.

— Так вот, я думаю, что мясо они едят только зимой, когда травы мало, во время кочевки питаются отчасти травой, а отчасти мясом, а на лето становятся травоядными. И на это время они собираются в большие стада — но только на лето. Наверно, так им легче находить себе пару и защищать детенышей.

Лоррин, казалось, был очень доволен своей догадливостью.

— Вот почему наши охотники почти не встречают их летом и никогда не видят детенышей — и вот почему мы охотимся на них зимой, когда они бродят поодиночке. Зимой они ведут себя как хищники, а летом — как травоядные.

— Ну что ж, — сказала Рена, вспомнив, что единорогов вывели из каких-то других животных много веков тому назад, — высшие лорды ведь хотели создать животных, которые могли бы прокормиться в любой ситуации, так что, думаю, это похоже на правду. Но нам-то что до этого?

Лоррин обернулся к ней, опершись одной рукой на круп своего единорога.

— Да ничего, пожалуй. Только нам лучше расстаться с этими животными, прежде чем они присоединятся к стаду. Боюсь, стадо нас не потерпит, а тебе вряд ли удастся приручить целое стадо единорогов.

Рене снова вспомнилась окровавленная морда кобылы. Девушка содрогнулась.

— Да, вряд ли. Но как же волшебники?

— Я как раз об этом и думал, — отозвался Лоррин. — Полагаю, что эти земли за рекой не принадлежат никому из лордов. Если не найдем следов жилья, повернем и пойдем вдоль реки. Я буду прислушиваться к мыслям — быть может, мне удастся найти волшебников таким образом. И еще можно следить, не появятся ли драконы.

— Я давно слежу, — призналась Рена. — Но никаких драконов пока не видела.

— И я не чувствовал у реки никаких мыслей, кроме звериных.

Лоррин окинул Рену взглядом.

— И, пожалуй, стоит навести на нас обоих человеческие личины. Просто на всякий случай.

Рена незаметно потянулась, разминая ноющие мышцы, и взглянула на брата.

— Да, пожалуй, ты прав, — задумчиво ответила она. — А то ты слишком похож на эльфа.

— К тому же здесь мы можем наткнуться на вольных людей, — напомнил ей Лоррин. — Я читал книги по истории времен первой Войны Волшебников и даже более ранних. Насколько я знаю, тут должно было остаться несколько свободных племен, которые живут на этих землях испокон веков, — грелеводы и Народ Зерна. Мне совсем не хочется кого-то напугать. Или... ну, ведь для этих грелеводов и Народа Зерна эльфы — враги. Мне бы не хотелось, чтобы они нас пристрелили на месте.

«Да они нас пристрелят из-за одних единорогов...» — подумала Рена, но все же кивнула — и несколько мгновений спустя ощутила покалывание магии.

«Интересно, а могла бы я изменить свой облик — хотя бы уши и глаза, как изменяла птиц в саду? Но сейчас лучше не пробовать. Магия пока что нужна мне для другого». Если она утратит контроль над единорогами... Нет, не стоит добавлять еще один мячик к тем, которыми ей приходится жонглировать.

Рена взглянула направо и с облегчением увидела, что солнце уже близко к горизонту. Скоро будет пора останавливаться.

— Сегодня вечером надо будет обсудить, когда мы оставим единорогов, — напомнил ей брат.

— После того как я сделаю ужин, — ответила Рена. Она действительно «делала» ужин из трав — и еще всякие лакомства для единорогов, чтобы быть уверенной, что звери вернутся к ним после охоты.

Это еще одна причина, почему она так уставала. Снабжение едой целиком лежало на ее хрупких плечах, а она еще никогда прежде не колдовала так много. Рена не подозревала, что это так утомительно. И чем дальше, тем больше она выматывалась.

— Жалко, что единороги — не охотничьи собаки и не могут приносить нам добычу, — грустно заметил Лоррин. Ему, видимо, тоже надоела вареная трава и пирожки из листьев. Но...

Рене вспомнилось, как однажды утром кобыла вернулась, как обычно, с окровавленной мордой, но при этом из пасти у нее свисало нечто вроде клочка одежды. Перед этим по их следу шел охотник, и Рене действительно хотелось, чтобы единороги как-нибудь его отогнали. Неужели кобыла каким-то образом почуяла ее желание и выполнила его доступным ей способом? Этого Рена не знала и, видимо, никогда не узнает, но после той ночи охотник и в самом деле исчез...

— А мне не жалко, — сказала она, передернувшись. — Совсем не жалко!

Каэллах Гвайн самодовольно наблюдал за своими слушателями. Пока что большинство старейших и опытнейших волшебников были на его стороне. Даже те, кто прежде помалкивал, теперь, когда Шана исчезла, начали высказывать вслух свои истинные чувства.

Каэллах от души надеялся, что Шана пропала насовсем. Без нее юнцы далеко не так уверены в своих силах. Только ее «кружок» продолжал нахально противостоять старшим. Но эти слишком заняты опустошением старой Цитадели, и им некогда мутить воду среди молодежи.

— Я расскажу вам, как мне удалось добиться, чтобы мне снова начали прислуживать как положено, — сказал Каэллах. — Начал я с людей. Они так привыкли слушаться любого, кто наделен хоть какой-то властью, что даже не задают вопросов: они просто идут и делают, что я им велю.

Волшебник слегка нахмурился.

— Конечно, они всего лишь дети, но ведь и дети могут прибирать за мной или приносить мне обед.

— И что, их ни разу никто не хватился? — спросил кто-то.

Каэллах пожал плечами.

— Может, их и искали, но ведь не в моих же комнатах! Думаю, тот, кто присматривает за этими щенками, просто решил, что они удрали поиграть. Я им говорю, чтобы они, если кто спросит, отвечали, что волшебник поручил им важное дело, и никаких проблем.

К тому же в новой Цитадели царила такая неразбериха, что вряд ли кто вообще вспомнил о детях, которых Каэллах взял себе в услужение. Здесь буквально кишели человеческие дети и дети-волшебники, совершенно непригодные для работы, требующей применения силы. Так что им поручали только «хозяйственные дела». Так почему бы им не услужать одному из волшебников, вместо того чтобы собирать тростник и заниматься прочей подобной чепухой?

Каэллах так и сказал. Прочие закивали с важным видом.

— Выбирайте наиболее запуганных, — посоветовал Каэллах. — Тех, кто старается быть незаметным и прячется по углам. Ими легче всего управлять, и хватятся их в последнюю очередь. А потом, подумайте сами: раз они такие робкие, мы фактически оказываем им услугу, позволяя держаться в стороне от толпы! Несомненно, эти дети нуждаются в твердой руке, в ком-то, кто давал бы им четкие приказы, чтобы им не приходилось думать самим.

Один из волшебников, похоже, усомнился в его словах. Каэллах иронически приподнял бровь.

— Детям вообще не следует думать самим. Они для этого не приспособлены. Дети должны учиться, слушать и повиноваться.

— Пожалуй, ты прав, — неуверенно отозвался волшебник, — но все-таки...

— Ох, только не надо этих сантиментов! — вмешался кто-то еще, прежде чем сомневающийся успел обосновать свои возражения. — Они ведь всего лишь люди! От них все равно не будет толку в Цитадели — они годны лишь на то, чтобы быть слугами! Лучше пусть поймут это сейчас, пока их легко поставить на место.

Волшебники снова закивали, и сомневающийся сдался.

— Это не единственная причина, почему я попросил вас собраться здесь, — продолжал Каэллах негромко и доверительно. — Нам необходимо как-то изменить существующее положение вещей.

— Какое там положение вещей! — негодующе откликнулся один из самых старых. — Это же просто балаган! Сопляки ведут себя так, будто они здесь старшие, а старшим приходится самим приносить себе обеды и подметать полы! — Его дрожащий от гнева голос звучал все громче. — Никакого уважения! Никаких приличий! Никакого почтения к обычаям! А в остальном — все прекрасно! Я был готов мириться с этим безобразием, пока мы не добрались сюда. — Он махнул рукой в сторону входа в пещеры. — В конце концов, когда нет нормального жилья, можно ожидать некоторого беспорядка и даже распущенности, если можно так выразиться. Но теперь, когда у нас появилась крыша над головой, это следует прекратить немедленно! Клянусь небом, раз этот порядок был достаточно хорош для наших предков, значит, он хорош и для нас!

Прочие волшебники возмущенно загомонили. Каэллах радостно потер руки. Чем дальше, тем лучше! Ему даже не пришлось первым заводить об этом речь. И все согласны!

Но, когда гомон сделался чересчур громким, Каэллах предостерегающе поднял руку.

— Согласен, согласен — но торопиться не следует. Мы-то понимаем, в чем состоит благо Цитадели и всех волшебников, но эти надменные сопляки из компании Лашаны думают, что они умнее всех на свете. А на их стороне драконы!

При слове «драконы» волшебники умолкли и воцарилась напряженная тишина. Каэллах поспешил их успокоить.

— Восстановить порядок трудно, но возможно, — твердо сказал он. — Просто на это потребуется много времени. Мы должны действовать осторожно и тщательно продумывать все наши планы. В конце концов драконам надоест возиться с нами, и они найдут себе другое развлечение. А быть может... быть может, Лашана не вернется и они отправятся ее искать. Многое может склонить весы на нашу сторону. Главное — быть готовыми действовать, когда придет время, действовать решительно и быстро.

Он снова полностью завладел вниманием своей аудитории. Волшебники подались вперед, жадно ловя каждое его слово. Каэллах позволил себе чуть заметно улыбнуться.

— А теперь всем нам следует разойтись и хорошенько обдумать все сказанное. Через несколько дней я снова вас созову. Хотелось бы услышать ваши предложения.

Он по очереди заглянул в глаза каждому из них. Все кивали в ответ — кто-то задумчиво, кто-то решительно.

Вскоре волшебники разошлись, поодиночке и по двое. Кто-то обсуждал услышанное, кто-то молчал. Каэллах дожидался, пока все удалятся, и старался не выказывать своего торжества.

Теперь это лишь вопрос времени. Когда эта наглая соплячка Лашана вернется — если она вообще вернется, — она увидит, что положение вещей переменилось, и отнюдь не в ее пользу!

Через два дня они наконец спустились на равнину. Ни стад единорогов, ни волшебников видно не было. Лоррин решил не расставаться с единорогами как можно дольше. А единороги сами по себе перешли с быстрой полурыси, которой они передвигались до сих пор, на нормальный лошадиный шаг. Они перестали охотиться по ночам и не ели ничего страшнее обыкновенной травы и тех лакомств, что создавала для них Рена. Держать их в повиновении тоже сделалось легче. Рена начала потихоньку приходить в себя после утомительного марафона.

Ну а Лоррин был в своей стихии! Рена никогда еще не видела его таким счастливым. Его волосы сбились и висели жуткими патлами, одежда истрепалась, как у последнего раба. Теперь Лоррин совсем перестал походить на изящного и утонченного эльфийского лорда, каким он был когда-то, но глаза его сверкали, как никогда прежде.

— Я даже не знаю, так ли уж мне хочется отыскать этих волшебников, — сказал Лоррин на третий день, когда они ехали по пояс в высоких травах. — Я мог бы жить так всегда! Только подумай! Мы с тобой вольные птицы, никто нами не командует, не говорит, что делать...

— Пока что да, — сказала Рена немного резко, вспоминая ночевки на холодной земле, — а зимой-то как же? Зимой тут будет ужасно холодно, а мне вовсе не улыбается греться рядом с единорогами, которые на зиму становятся хищниками.

Лоррин расхохотался и потряс головой.

— Рена, ты такая практичная, просто ужас! По крайней мере, для романа ты совсем не годишься.

— Я вполне могу быть романтичной! — возразила уязвленная девушка. — Только я люблю романтику с комфортом!

— Ну, какая же это тогда романтика! — фыркнул Лоррин. — Романтика без...

Но тут они поднялись на очередной гребень холма, и Лоррин внезапно осекся и выпрямился.

В следующий миг Рена увидела, что его встревожило.

На соседнем холме стояли несколько всадников верхом на зверях, похожих на быков, только очень свирепых. Похоже, люди. Но таких людей Рене прежде видеть не доводилось. Кожа у них была очень темная, почти черная. Они были одеты в доспехи, яркие головные платки и свободные шаровары и вооружены длинными железными копьями.

— О Предки! — выдохнул Лоррин. — Неужто грелеводы? Я не слышал о других народах с таким цветом кожи!

— Ты знаешь, кто это такие? — прошептала Рена. Единороги остановились и застыли как вкопанные, уставившись на шестерых быков и вызывающе храпя.

— Я изучал их, когда пытался побольше узнать о волшебниках и человеческой культуре, — пробормотал в ответ Лоррин, который был очень взволнован. — Я даже их язык выучил: в одной книжке было заклятие, которое позволило мне выучить сразу девять разных человеческих языков. Но я не думал, что мне придется когда-нибудь этим воспользоваться...

Он оборвал фразу на полуслове, неторопливо помахал рукой всадникам и что-то крикнул на странном, текучем наречии.

— Я просто сказал, что мы из одного из племен, которые когда-то были их союзниками, — торопливо объяснил он Рене. — Надеюсь, это подействует. В книгах говорится, что они славились своим...

Один из всадников выехал вперед и крикнул что-то в ответ. Лоррин просиял.

— Подействовало! — воскликнул он. — Он разрешил нам подъехать к ним.

— А ты думаешь, это разумно? — осторожно поинтересовалась Рена. Она дрожала от страха, но старалась этого не показывать.

— А у нас просто нет выбора, — ответил Лоррин. — Они нас уже увидели, а если мы развернемся и обратимся в бегство, они бросятся в погоню. А следопыты из них наверняка куда лучшие, чем из нас, так что рано или поздно они нас найдут. Нет, надо сделать вид, что мы сильны и с нами лучше дружить.

Рена остановилась на своей кобыле рядом с братом. Лоррин похлопал ее по руке.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Я и сам очень рад, что сижу верхом, а то не устоял бы на ногах от страха. Но мы должны вести себя так, как будто мы им равны.

Он улыбнулся Рене.

— Ну, вперед! Выше голову! Подумай о лорде Гилморе!

Это заставило девушку слабо улыбнуться. Лоррин еще раз хлопнул ее по руке.

— Ты ведь можешь приручать единорогов! Ты кормила и согревала нас всю дорогу. Ты храбрая и умная, и я не променял бы тебя ни на кого другого. Вперед!

Когда они подъехали к ожидающим их всадникам, быки подались назад, испуганно косясь на единорогов. Те уставились на быков и оскалились, обнажив клыки. Шли они, как выезженные кони на параде. Чем ближе Рена с Лоррином подъезжали к всадникам, тем больше беспокоились быки, так что всадникам даже пришлось спешиться и взять быков под уздцы, чтобы те не сбежали.

Лоррин остановился на некотором расстоянии и снова обратился к всаднику, который, по всей видимости, был главным.

— Я сказал, что не хочу пугать их животных, — перевел Лоррин для Рены. Предводитель кивнул и что-то ответил. — Он благодарит меня и говорит, что Народ Зерна — это мы, значит, — воистину мудр. Он говорит, что они прежде знали о единорогах по легендам и что им уже приходилось встречаться с этими существами и они знают, какие это страшные враги. Он спрашивает, как нам удалось их приручить.

Лоррин негромко рассмеялся.

— Нам удалось их впечатлить, сестренка!

Человек и впрямь выглядел изумленным. Он крепко держал своего быка за недоуздок, а тот мотал головой, пытаясь вырваться. Лоррин что-то ответил, и человек с восхищением уставился на Рену.

— Улыбнись и помаши рукой, — шепнул Лоррин. — Я сказал, что это ты их приручила.

Девушка улыбнулась немного скованно и махнула рукой.

— Можешь ты удержать их обоих на месте? — спросил Лоррин, когда предводитель произнес еще несколько фраз. — Похоже, нам представилась редкая возможность...

Рена не очень поняла, что он имеет в виду, но знала, что если спешиться и положить руки на холки обоим зверям, то они не двинутся с места.

— Могу, — ответила она. — Только лучше бы ты сказал мне то заклинание. А то ты их понимаешь, а я нет.

— Потом, — пообещал Лоррин, соскользнул со спины единорога и пошел навстречу предводителю всадников. Девушка

спрыгнула наземь, прежде чем жеребец успел среагировать на отсутствие всадника, и заставила обоих животных стоять на месте, пока Лоррин разговаривал с темнокожим человеком. Она заметила, что человек держится не только дружелюбно, но и почтительно, и постепенно успокоилась.

Лоррин вернулся к ней.

— Я тебе все расскажу, но только чуть позже. А вкратце, я сказал, что мы оба — последние из своего племени и ищем своих древних союзников — то есть этих всадников, — чтобы рассказать им, как обстоят дела в эльфийских землях. Ручные единороги их прямо-таки потрясли, и нас пригласили присоединиться к племени по праву древних союзников. Эти люди служат верховному жрецу, которого зовут Дирик, и они хотят, чтобы мы поговорили с ним.

Он посмотрел сестре в глаза.

— Рена, если ты боишься, мы можем ехать дальше, но эти люди дадут нам пищу и кров, а судя по тому, что я вычитал в книгах, у них мы будем в безопасности. Так что решай.

Она посмотрела на брата, потом на предводителя темнокожих, потом снова на брата. Они люди и к тому же чужие — но все-таки это разумные существа...

Это все же лучше, чем ехать по бескрайнему морю трав на животных, которых, возможно, вот-вот придется оставить...

Нет, это значительно лучше.

— А с единорогами что делать? — спросила Рена.

— А отослать ты их не можешь? — спросил Лоррин. — Быки не потерпят их присутствия. К тому же Хаджа тоже просил меня отпустить их.

Рена подумала и кивнула.

— Скажи ему, что мы поедем с ними, только пусть немного подождут.

Она подождала, пока Лоррин отошел и присоединился к человеку, которого звали Хаджа, и в последний раз обратила свою магию на единорогов. На этот раз она усилила их стремление отыскать себе подобных, пока это стремление не пересилило все остальное, включая желание напасть на быков. Потом Рена опустила руки.

Звери вздыбились, напугав и быков, и всадников, развернулись на запад и галопом пустились прочь. Полукопыта-полукогти сверкали на солнце, гривы и хвосты летели по ветру. Единороги были прекрасны. Рена смотрела им вслед с легким сожалением. Ей будет их не хватать...

И все же не настолько, чтобы она захотела их вернуть.

Высоко вскинув голову, девушка направилась к Лоррину и его новым «союзникам». Восхищенный ропот всадников доставил ей немалое удовольствие.

Быть может, это лучшее, что случилось с ними за время бегства. Если только они сумеют поддерживать свои личины...

Глава 7

Железный Народ уже несколько дней не трогался с места. Шане это было только на руку. Она побаивалась, что, если кочевники снова пустятся в странствия, их занесет еще дальше от Цитадели, чем теперь. Но тут были хорошие пастбища и вода, так что пока Железный Народ не собирался двигаться дальше.

Оно и к лучшему. Теперь у пленников было время обдумать план побега. Шана все больше тревожилась. Как там без нее в Цитадели? Не то чтобы она не верила, что Денелор и остальные управятся сами, но все же...

«Всякое ведь бывает...»

В полуденную жару в войлочном шатре было на удивление прохладно: края немного приподнимались, чтобы впустить ветерок, а нагретый воздух выходил через отверстие для дыма. Поскольку никаких особых обязанностей у пленных не было, все то время, пока их не допрашивали, они проводили в относительном уюте шатра. Идти-то все равно некуда. Что интересного в том, чтобы глазеть на пасущийся скот? Каламадеа временами наблюдал за тренировками молодых воинов, но тренировки всегда проводились утром, по холодку. И какова бы ни была магия, что мешала волшебникам и драконам пустить в ход свою силу, никто из племени, насколько можно судить, магией не занимался.

— Вы уверены, что нам стоит разговаривать при них? — шепнул Меро, кивая на эльфов, дремлющих в своей половине шатра. Не прошло и двух дней, как шатер по молчаливому соглашению был поделен на две половины между давними пленниками и новоприбывшими. Эльфы сидели на своей половине, волшебники — на своей. Гальдор продолжал их игнорировать; Кельян, выспросив подробности о Войне Волшебников и бесславной кончине лорда Дирана, погрузился в апатию. Сам

Кельян утверждал, что медитирует, но Шане казалось, что он просто тупо пялится в пространство, как и Гальдор.

Да и в своем ли они уме? В конце концов, их держат в плену уже несколько десятков лет... Делать им нечего, думать не о чем — а уж если эльфы и в собственных землях маются от скуки, насколько же скучнее жить этим двоим? Изучив хорошенько пленных эльфов, Шана пришла к выводу, что они скорее всего сделались всего лишь тенями настоящих эльфов, Гальдор вообще ушел в себя и почти не проявлял признаков жизни. Зрелище было жутковатое. Неужто и они сделаются такими, пробыв в плену подольше?

— Думаю, это неважно, — честно ответила она Меро. — Похоже, они не очень-то заинтересованы в том, чтобы вырваться на волю. И к тому же мы ведь не собираемся отсюда сбежать. Мы пытаемся придумать, как нам уговорить Железный Народ отпустить нас по-хорошему. Никому никакого вреда это ведь не причинит.

Меро пожал плечами:

— Ладно, понял. Даже если они и донесут о наших разговорах, Железный Народ не узнает ничего, кроме...

— Кроме того, что они и так уже знают, — закончила Шана. — Что мы хотим вернуться к своим, что мы явились сюда торговать и что мы действительно не эльфы.

Меро кивнул.

— Ну что ж, если мы решим к кому-то обратиться, то, думаю, следует начать с Джамала, — сказал он. — Он молод и намеревается переменить обычаи племени, так что если кого-то и можно уговорить отпустить пленных вопреки обычаю, так это его. И к тому же он пользуется большим уважением — настолько большим, что люди не станут возражать против его приказов, даже если эти приказы покажутся странными и необычными.

Но Каламадеа энергично замотал головой.

— Джамал чрезвычайно алчен, и если он что-то захватил, то из рук уже не упустит. Мы, так сказать, его имущество, и он не откажется от добычи ради возможностей торговли. И еще... полагаю, он не заинтересован в мире. Боюсь, если он проведает о существовании Цитадели, он предпочтет завоевать ее, а не торговать. Пока что я не видел ничего, что говорило бы об обратном.

Он нахмурился.

— И к тому же мне не нравятся те, кого он выбирает себе в помощники. Все они воины, а о чем будет думать воин, как не о войне? Нет, я стою за жреца Дирика. Он человек мыслящий и, думая о войне, думает также и о потерях, которые она принесет.

Теперь была очередь Кемана. Молодой дракон смущенно пожал плечами.

— А я даже не знаю, — признался он. — К тому же я не понимаю, как нам убедить их в том, что мы не эльфы.

Он взглянул на Шану.

— Дирик провел с тобой больше времени, чем со всеми нами, вместе взятыми, и Джамал тоже, особенно после того, как они приказали эльфам передать тебе их язык. Они долго тебя расспрашивали. Как ты думаешь?

Девушка задумчиво прикусила губу.

— Поначалу я тоже подумала, что следует обратиться к Джамалу, в основном из-за его популярности, но еще и потому, что думала, что Дирик похож на наших старых нытиков. Я полагала, что Дирик будет относиться к нам предвзято, просто потому, что мы — «зеленоглазые демоны», и будет стоять скорее за то, чтобы заковать нас в цепи, чем за то, чтобы отпустить нас. Но Джамал держался со мной очень надменно — не знаю, потому ли, что я женщина, или по какой-то иной причине, — а Дирик, наоборот, был весьма учтив. Мне кажется, Дирик и сам понимает, что мы не эльфы. И я точно знаю, что он куда более заинтересован в торговле, чем в войне: он не раз спрашивал меня, чем может торговать наш народ. Его особенно интересуют зерно и металлы, хотя он готов взять и непряденую шерсть, и лен, и готовые изделия из них. А Джамал, когда не пытался меня запугать, расспрашивал о местности, и о том, откуда именно мы пришли, и что у нашего народа есть вообще. По-моему, он действительно ищет легкую добычу. Так что в целом я предпочла бы обратиться к Дирику.

Каламадеа взглянул на нее, на Меро, снова на нее.

— Итак, двое за Дирика, один за Джамала, один воздержался.

Он обернулся к Меро:

— Можешь ли ты сказать еще что-нибудь в пользу Джамала или мы тебя переубедили?

Меро задумчиво потер переносицу.

— Да я в общем-то не особенно стою за Джамала, — сказал он наконец. — Если вы двое так настаиваете на том, чтобы обратиться к Дирику, то я согласен.

Он скроил пренебрежительную мину.

— В конце концов, несмотря на то что я куда больше вашего знаю о жизни в эльфийском поместье, вы куда больше моего знаете о том, как распознать тайные намерения человека по его словам и поступкам.

— Я целиком и полностью за Дирика, — твердо сказала Шана.

Каламадеа кивнул.

— Ну, значит, пойдем к Дирику, — согласился Меро. — По крайней мере, он не такой страшный, как Джамал. А то мне все кажется, что Джамал вот-вот выкинет что-нибудь неожиданное — и скорее всего неприятное.

— Это может быть еще одним признаком того, что он человек немирный, — заметил Каламадеа.

Шане не пришлось ничего добавлять — сама она сказала бы, что Джамал небезопасен: он явно подвержен молниеносной перемене настроений, хотя ей самой такого видеть и не доводилось.

— Ну, а теперь сменим тему. Удалось ли кому-то из вас выяснить, почему на этих людей не действует ни людская, ни эльфийская магия?

Каламадеа беспомощно развел руками:

— Я в полном недоумении! Никогда еще не сталкивался ни с чем подобным. А ведь я старше любого из старейших эльфийских лордов! Я могу мысленно общаться с тобой, Шана, и с Тенью, но я не могу коснуться мыслей никого из Железного Народа. Я по-прежнему могу изменить форму скалы, но ошейник не поддается магии. И облик сменить я тоже не могу. Ладно, мысленное общение — это почти человеческая магия, и я понимаю, как они могут ему воспрепятствовать, но как они могут заблокировать способность менять облик и форму предметов? Это ведь чисто драконьи штучки! Просто руки опускаются.

Шана печально кивнула. Все ее собственные эксперименты тоже окончились ничем. Как и попытки Меро.

— Кельян понятия не имеет, как они это делают. И я до сих пор не замечала, чтобы кто-то специально колдовал, чтобы заблокировать нашу магию. Я тоже в недоумении.

— Эти ошейники — очень древние, — негромко заметил Кеман.

Шана удивленно обернулась к нему.

— Откуда ты знаешь? И вообще при чем здесь это?

Кеман пожал плечами.

— Ну, совсем новыми они быть не могут. Они железные, а мне приходилось слышать, как люди жаловались, что им уже в течение нескольких месяцев не удается добыть ни угля, ни металла. К тому же, если присмотреться к ошейникам, заметно, что они порядком стерты, так что, похоже, ими пользуются уже не первую сотню лет. На самом деле, мне думается, что первоначально они предназначались не для людей и не для эльфов, а для животных — крупных собак скорее всего. Они наделяют некой защитой от подчинения или использования магии против того, на ком они надеты. И, похоже, это все. Ведь мы по-прежнему можем общаться мысленно — мы только не можем читать их мысли. А больше мы ничего и не пробовали, кроме как менять облик и лепить камень. Лепить камень получается...

Шана медленно кивнула.

— Значит, по-видимому, наша магия не действует из-за того, что они делают что-то для себя, а вовсе не из-за ошейников?

— Да. Если не считать того, что на ошейники магия тоже не действует, — согласился Кеман. — Во всяком случае, мне так кажется.

— Видимо, именно поэтому эльфы по-прежнему могут творить свои иллюзии, хотя на них точно такие же ошейники, — размышлял вслух Каламадеа. — Логично. Но облик-то мы почему менять не можем?

Меро внезапно встрепенулся.

— А вы не пробовали превращаться во что-то размером с полукровку? Или вы пытались превращаться во что-то большее или меньшее?

— Ни во что меньше человека мы превратиться не можем, — объяснил Каламадеа. — И... Нет, не пробовали. Я пытался превратиться в вола. В дракона я попробовал превратиться только вчера вечером.

— А ведь дракон больше, куда больше! И вол тоже. — Глаза Меро сузились. — Быть может, у тебя не получается превратиться именно потому, что твое тело отлично знает, что ошейник ему порвать не удастся и он попросту придушит тебя, если ты превратишься во что-то большее. Вам мешает вовсе не магия, а инстинкт, обычный инстинкт самосохранения, который не позволяет вам задохнуться.

Каламадеа с Кеманом изумленно переглянулись. Каламадеа кивнул.

— Разумно. Вполне разумно, — медленно произнес он. — В кого бы я ни превратился, если моя шея окажется хоть на палец толще прежнего, я непременно задохнусь. Надо будет подумать и обсудить это. Наверно, нам с Кеманом удастся придумать что-то, чему ошейник не будет помехой.

Дракон нахмурился.

— Вся проблема в том, что мы учились превращаться только в то, что видели. И я не уверен, что у нас получится превратиться во что-то еще.

— Жалко, что не получается вытянуть побольше сведений из Дирика, — сказала Шана после продолжительного молчания. — У меня такое ощущение, что я могла бы распутать эту загадку, если бы только сумела правильно поставить вопрос.

Она рассеянно играла прядью своих волос.

— По-моему, Дирик меня прощупывает: выясняет, можно ли мне доверять. Между ним и Джамалом что-то происходит. Мы об этом ничего не знаем — но, боюсь, это может повлиять и на нашу судьбу. Мне кажется, это тайная борьба за власть.

— Хм... — сказал Меро. — Похоже на правду. Это соответствует моим наблюдениям.

— Это соответствует и тому, что известно мне, — добавил Каламадеа. — Я бы не стал называть Джамала опрометчивым, но он предпочитает всем распоряжаться лично, а это означает взять дело в свои руки, будь то власть над своим кланом или добыча зерна и металла — и того, и другого Железному Народу не хватает.

Кеман застонал и потер висок, как будто у него разболелась голова.

— Нет, это просто несправедливо! Я вообще терпеть не могу ввязываться в борьбу за власть, так за что же я влип в интриги, которые не имеют ко мне никакого отношения?

— А ты представь, каково мне! — отозвалась Шана. — Я-то была в центре интриг чуть ли не с самого рождения! И меня никто не спрашивал, нравится мне это или нет.

— У тебя сильная хаменлеаи, Лашана, — заметил Каламадеа со своей непроницаемой улыбкой. — Я так и сказал, еще когда Алара впервые принесла тебя в Род. Ты — причина великих перемен, так что неудивительно, что ты всегда в центре интриг.

— Ну, спасибо! — ехидно поблагодарила Шана. «Иногда я жалею, что Отец-Дракон отказался от должности главного шамана. Тогда бы... А впрочем, что уж теперь!».

— Не за что, не за что, — отозвался дракон, не менее иронично, но не столь ядовито. — Я ведь тут ни при чем, Лашана, — я просто констатирую факт!

Девушка только фыркнула.

— Как бы то ни было, все мы влипли, и хотелось бы найти способ отсюда выбраться. Ну так, есть у кого-нибудь идеи по поводу того, как подъехать к Дирику?

Снаружи донесся шум. Шана не обратила на него внимания. В лагере часто шумели: то молодые воины поссорятся, то детишки затеют шумную игру, то какой-нибудь корове взбредет в голову прогуляться между шатров. Обычно все быстро утихало.

Но на этот раз шум утихать не спешил. Напротив, крики толпы становились все громче.

— Что там такое? — вслух спросила Шана, вставая на ноги. Она обмотала свободный конец цепи вокруг пояса и направилась к выходу. Ее трое товарищей и двое эльфов последовали за ней.

Снаружи ждала полуденная жара. Солнце обрушилось на голову, точно удар дубинки. Шана прикрыла глаза ладонью, вглядываясь в толпу в поисках источника шума.

Теперь, когда Гальдора убедили наложить на всех пленников некое заклятие, которое эльфы называли «заклятием речи», поделившись с ними всеми сведениями о языке Железного Народа, какими располагали они с Кельяном, Шана понимала, что кричат люди.

— Они говорят что-то насчет Народа Зерна! — ошеломленно сообщила она Каламадеа.

Тот кивнул, озадаченно хмурясь.

— Да, — подтвердил он. — Только этого не может быть. Народ Зерна — это племя, которое было союзником грелеводов в их войне против эльфов. Но им, увы, помешало то, что они были не кочевниками, а земледельцами. Они не хотели оставлять свою землю, да и воевать земледельцы как следует не умели: они всегда полагались на своих союзников. Народ Зерна был истреблен задолго до первой Войны Волшебников, а детей их обратили в рабство. Так что этого народа попросту больше не существует.

Дракон говорил так уверенно, что Шана не могла усомниться в его словах. И тем не менее люди кричали именно об этом. Но если Народа Зерна больше нет, значит...

Крики приближались. Толпа явно двигалась в их сторону.

Мгновением позже в проход между шатрами хлынули взбудораженные люди. В центре шли несколько Железных жрецов, сопровождающих двоих людей — золотоволосых, бледнолицых, которые посреди темнокожих Железных людей казались ромашками на свежевспаханном поле. Пришельцев явно именно сопровождали, а не конвоировали: жрецы обращались с ними как с почетными гостями, толпа вокруг радостно гомонила, и, главное, на пришельцах не было ошейников с цепями.

Толпа миновала шатер пленных. На них никто и внимания не обратил.

Кроме одного из пришельцев.

Мужчина поднял голову, встретился взглядом сперва с Шаной, потом с Меро — и глаза его изумленно расширились. Он открыл рот, словно бы собираясь что-то сказать... Но было поздно.

Шатер с пленниками остался позади. Толпа увлекала пришельцев к шатру Дирика.

Если бы Лоррин увидел среди кочевников самого лорда Тилара, он и то удивился бы меньше. Два эльфа в ошейниках с цепями, а рядом четыре человека, явно волшебники, и тоже в цепях!

Откуда они тут взялись? И почему в цепях?

«Об этом сейчас раздумывать некогда!» — сурово напомнил он себе, в тревоге оглядываясь на толпу. Лоррин всегда гордился своим умением разбираться в людях, и ему не нравилось то, что он видел. Да, все были взбудоражены появлением «союзников» и рады им; но, судя по некоторым признакам, Народ Зерна считался чем-то низшим по сравнению с Железными кланами. К примеру, жрецы, преодолев первое удивление, начали смотреть на них чуточку свысока. Наверное, это оттого, что люди Зерна были земледельцами, а не кочевниками-скотоводами. К тому же они были не очень хорошими воинами, хотя мужественно сопротивлялись эльфам, давая своим союзникам время уйти на юг. Судя по историческим сочинениям, которые читал Лоррин, в войне Народ Зерна всегда полагался на помощь и защиту Железного Народа, расплачиваясь за это зерном и прочими товарами, которые производят только оседлые земледельцы.

Значит, очень важно поддерживать людские личины на них с Реной. И еще это значит, что, когда пришельцы утратят свою прелесть новизны, они окажутся на положении бедных родст-

венников. В конце концов, что они могут предложить? Зерна у них нет, воины из них никудышные. Только способность приручать единорогов — но быки их не потерпят. Так что пользы от этого никакой. А от демонстрации прочих магических способностей будет больше вреда, чем пользы.

Жрецы, которые встретили «гостей», желали немедленно отвести их к верховному жрецу — и Лоррину ничего не оставалось, как согласиться, хотя он чуял, что здесь таится какой-то подвох. Его тревожило то, что он не может читать мысли этих людей, сколько ни старается. Юноша так привык читать мысли людей с той же легкостью, что и выражение их лиц, что сейчас чувствовал себя полуслепым. Интересно, неужто Рена все время испытывает нечто подобное? А обычные люди-рабы, не имеющие магических способностей? Лоррину стало их ужасно жалко.

Их провели в большой шатер-фургон, наполненный крепким ароматом благовоний. Занавеска опустилась, и сперва Лоррин подумал, что они остались одни. Но, когда его глаза привыкли к полумраку, он заметил, как в глубине шатра что-то шевельнулось.

— Я думаю, ты не то, чем кажешься, укротитель единорогов, — негромко произнес низкий насмешливый голос.

Лоррин вздрогнул.

— Я? — переспросил он с самым невинным видом. — Но как я могу быть чем-то другим?

Рена стиснула руку брата. Она нервничала оттого, что не понимала чужого языка, и от всего происходящего. Лоррин всматривался в темноту, пытаясь разглядеть говорящего. Плохо, что эти люди такие темнокожие: в этом полумраке их почти не видно.

Говорящий встал. Человеческая фигура отделилась от расплывчатого силуэта возвышения и двинулась вперед.

— Я говорю, что ты не то, чем кажешься, — продолжал низкий голос, — потому что кажешься ты одним из Народа Зерна, но под этой видимостью я прозреваю нечто иное. Я назвал бы тебя зеленоглазым демоном, но две недели назад мне доставили еще четырех таких, как ты.

Высокий, крепко сбитый мужчина с коротко подстриженными, курчавыми, седыми волосами шагнул в луч света, падающего из дымового отверстия в крыше шатра, и остановился перед Лоррином, скрестив руки на груди. Он с вызовом взглянул в глаза Лоррину. Юноша окаменел.

— Так что лучше объясни, кто ты на самом деле, укротитель единорогов, — потребовал человек. — Объясни, почему ты похож на четырех наших пленников, в то время как та, кого ты называешь сестрой, как две капли воды походит на двух других.

«Он знает, кто мы! Он видит сквозь личины! — в панике думал Лоррин. — О Предки, что же мне делать?»

Ну что ж, выбора не оставалось. «Сказать правду? Другого выхода я не вижу...»

— Это очень длинная история... — осторожно начал Лоррин.

Человек — должно быть, это и был верховный жрец — впервые скупо улыбнулся.

— Ничего, времени у нас достаточно.

И Лоррин принялся рассказывать все с самого начала. Жрец перебивал его лишь затем, чтобы задать вопрос. Вопросы всегда били в точку. К тому времени, как Лоррин закончил свой рассказ, луч света из дымового отверстия успел доползти до середины стенки шатра, а сам юноша охрип.

— Это, пожалуй, все, о чем стоит рассказывать, — закончил Лоррин. — Двое из тех, кого вы держите в плену, действительно эльфы, а остальные четверо — явно полукровки, как и я. Мне кажется, что волшебники и в самом деле должны быть заинтересованы в торговле с вами, как они и говорят. В борьбе против эльфов им годятся любые союзники.

— Интересно...

Жрец задумчиво погладил подбородок, глядя куда-то сквозь Лоррина.

— Я, пожалуй, склонен поверить тебе. Мне надо обдумать все то, что ты мне рассказал. Похоже, дела тут сильно переменились с тех пор, как мой народ бежал на юг.

Он снова посмотрел на Лоррина, и взгляд его был настолько острым, что юношу пробрала дрожь: ему еще никогда не приходилось встречаться со столь сильной личностью.

— Поддерживай ваши личины. Думаю, я единственный, кому удалось заглянуть сквозь них, потому что мне с самого начала не верилось, что вы те, за кого себя выдаете. Остальные будут видеть в вас людей Зерна. Без моего приказа вас никто не тронет.

«Это именно то, что я ожидал услышать», — подумал Лоррин, содрогнувшись.

— Военному вождю вы неинтересны, — продолжал верховный жрец. — Народ Зерна никогда не отличался воинской доблестью. Так что скорее всего он предоставит разбираться с вами

мне. Радуйтесь: если бы он заметил ваш обман, вам пришлось бы куда хуже, чем со мной. И я думаю, что твоя иллюзия не устояла бы перед его желанием поближе познакомиться с чужеземкой.

Вскинутые брови жреца недвусмысленно дали Лоррину понять, что тот имеет в виду. Юноша преисполнился страха и гнева. Жрец хмыкнул, видя, как он переменился в лице.

— Не бойся, мальчик, с моей стороны ей ничто не угрожает. Мне не нужен никто, кроме моей супруги. Оно и к лучшему. Если бы она не избрала меня, она скорее всего сделалась бы мужеподобной и присоединилась к воинам. И она не потерпела бы, чтобы я смотрел на сторону.

Жрец снова хмыкнул, как если бы сама эта мысль показалась ему смешной.

— Оставайтесь в жилище, в которое я вас поселю, пока я не решу, что с вами делать. Мне нужно побеседовать с духами Предков и Первого Кузнеца.

Лоррин кивнул. Выбора-то все равно не было. Жрец подошел к выходу из шатра и отдал негромкий приказ. Вошел другой жрец, помоложе. Он вывел «гостей» наружу и проводил в небольшой шатер, один среди многих таких же. Все люди, живущие в этих шатрах, были одеты так же, как и жрец, и носили такую же железную гривну с подвеской в виде языка пламени.

Шатер был достаточно скромным: несколько подушек, яркие одеяла, под дымовым отверстием — пустая жаровня. Как только их оставили одних, Лоррин торопливо объяснил Рене все, что произошло. Он ожидал, что известие о разоблачении напугает сестру, но девушка внимательно выслушала его, не перебивая.

— Могло быть и хуже, — заметила она, когда Лоррин умолк. — Если он здешний жрец, он мог бы сильно укрепить свой престиж, разоблачив нас. А он этого не сделал — и не сделает, я думаю. Мне кажется, между ним и военным вождем идет нечто вроде борьбы за власть. Я думаю, жрец будет держать нас в резерве, чтобы потом использовать против этого человека.

Лоррин изумленно уставился на сестру: откуда в ней все это? Нет, это, конечно, логично... более чем логично... Но как она догадалась об этом так быстро?

Мысли она читать, быть может, и не умеет, но зато чужие лица для нее все равно что открытая книга.

— Любой политический шаг лорда Тилара отражался на нас с матерью, — сардонически пояснила Рена. — Так что мы очень быстро научились узнавать, как обстоят дела, по самым незаметным признакам. Нам просто некуда было деваться. Прежде чем говорить что-нибудь лестное о том, кто был его союзником на прошлой неделе, надо убедиться, что он по-прежнему союзник.

— А-а... — сказал Лоррин. Он не нашел, что еще сказать.

Но тут появилась женщина с корзинкой еды, избавившая Лоррина от необходимости продолжать разговор. В корзине был мягкий белый сыр, полоски сушеного мяса, жесткие, как сапог, и свежая вода. Увидев этот скудный обед, Рена нахмурилась.

— Похоже, эта еда мне надоест, и притом очень скоро, — заметила она, принимаясь жевать полоску мяса. — Может, лучше каждый день изменять с помощью магии пару горстей травы?

— Это точно, — согласился Лоррин, хотя про себя подумал, что после этой травы мясо и сыр — просто пища богов. В последние несколько дней ему уже начало казаться, что у него отрастают рога и копыта. Юноша широко зевнул. Он только теперь заметил, что жутко устал.

— Ну что, может, отдохнем, пока есть возможность?

Рена неудержимо зевнула в ответ.

— Я... я даже не думала, что смогу заснуть в подобной ситуации. И все же...

— И все же надо выспаться. Оттого, что мы не будем спать, ситуация не изменится.

Лоррин взял полоску мяса и отважно вгрызся в нее.

— То же самое и насчет этой еды...

Но тут Рена отобрала у него мясо. Не успел Лоррин возмутиться, как сестра уже протянула ему мясо обратно.

— Может, так лучше будет?

Лоррин попробовал — и, к своему изумлению, обнаружил, что мясо сделалось мягким. Правда, на вкус оно все равно было как вяленое мясо без приправ, но зато теперь его можно было съесть, не сломав зубов.

— А я и не знал, что ты можешь творить такое не только с травой!

Рена только плечами пожала.

— Да я и сама узнала только что.

Лоррин почувствовал, как его брови поползли вверх. Что ни день, то новый сюрприз! Теперь она опробовала свою магию на

неживом — и обнаружила, что магия действует! Что-то будет через месяц?

Быть может, с ее помощью им удастся удрать от этих кочевников? После всего, что было, Лоррин уже не сомневался в необычайных способностях своей сестры.

Немного подремав, Лоррин собрал все силы и наложил на Рену заклятие речи, пока их никто не видел. Это пришлось как нельзя кстати, потому что вскоре явился еще один молодой жрец, чтобы отвести их к верховному жрецу для нового допроса. На этот раз верховный жрец говорил не только с Лоррином, но и с Реной, так что вопросов им досталось примерно поровну.

Однако легче от этого не стало — по крайней мере, Лоррину. Юноша все боялся, как бы сестра не сболтнула лишнего, хотя и сам не знал, что будет лишним, а что нет. Но жрец, который наконец сообщил, что его зовут Дириком, расспрашивал в основном о волшебниках.

В конце концов, после нескольких часов расспросов, Дирик их отпустил. Они вышли на улицу, окунувшись в ночную прохладу.

— Смотрите, ни с кем больше не разговаривайте, в особенности с пленниками! — сурово предостерег их жрец. — Если кто-то с вами заговорит, отвечайте вежливо, но на все вопросы говорите только, что Дирик запретил вам что-либо рассказывать. А в остальном вы свободны. Можете ходить по лагерю всюду, где захотите.

Он не стал предупреждать их, чтобы не пытались сбежать — это и так было очевидно. Как и то, что любые попытки использовать магию против Железного Народа будут бесполезны. По крайней мере, для Лоррина это было вполне очевидно. Мысли читать он уже пробовал. Если бы отсюда можно было сбежать с помощью магии, ни эльфов, ни четырех волшебников тут давно бы уже не было.

Они с Реной немного побродили по лагерю, просто разглядывая все вокруг. Никто их не останавливал, не задавал вопросов, ничего не запрещал. Люди держались вполне дружелюбно и охотно отвечали на все их вопросы. Лоррин даже забыл о грозящей им опасности. Он еще никогда не видел, чтобы кто-то жил так, как эти кочевники.

Вся жизнь Железного Народа держалась на их стадах. Питались кочевники в основном молоком и мясом. А то, что Лоррин принимал за овечью шерсть, на самом деле оказалось зимней шерстью скота, которую вычесывали по весне. Хотя эти люди

называли себя Железным Народом, они с тем же правом могли бы назвать себя Кожаным Народом. Лоррин и не подозревал, что коже можно найти такое разнообразное применение. То, что он принимал за ткань, зачастую оказывалось тонко выделанной кожей, мягкой и податливой, как полотно, и искусно раскрашенной или вышитой.

Ткани у них тоже были, но, как Рена узнала от женщины, деловито перекрашивавшей старую юбку в котле, висящем над костром, все ткани были покупные.

— Мы уже много-много лун ни с кем не торговали, и новых тканей у нас нет, — печально сказала женщина, перемешивая краску оструганной палкой. — Мы ведь не бедняки, а между тем нам приходится чинить и штопать наряды, словно беднейшему из кланов! Беда, беда...

Брат с сестрой пошли дальше. Теплый вечерний ветерок нес им вслед резкий запах краски.

У следующего костра, к которому они подошли, расположились несколько воинов. Среди воинов была женщина, одетая почти так же, как и мужчины, в таком же доспехе. И воины обращались с ней, как с мужчиной. Тут Лоррин узнал, кто такие «мужеподобные», о которых мимоходом упомянул Дирик. Эта женщина была как раз из таких. Эти женщины давали обет не вступать в брак и не рожать детей, и присоединялись к воинам. Таких женщин было немного, и их зачастую было непросто отличить от юношей, поскольку мышцы у них были переразвиты от непрерывных боевых упражнений. В слове «мужеподобные» не было ничего оскорбительного — оно означало просто, что эти женщины подобны мужчинам.

Интересно, а «женоподобные» мужчины бывают? Когда Лоррин спросил об этом, ему ответили:

— Да, разумеется. Только вряд ли ты отличишь их от девушек.

Еще Лоррин узнал, что кузнецов в этом народе почитают не меньше, чем воинов, — хотя у них уже давно нет металла, который можно ковать, и весь народ очень сильно тревожится по этому поводу. В конце концов, их духовным покровителем был Первый Кузнец, который даровал людям огонь и умение ковать железо. И невозможность совершать кузнечные обряды беспокоила всех людей клана. Так что Железный Народ нуждался не только в новых тканях.

Женщины тоже могли быть кузнецами, как и мужчины, но женщины и мужчины изготовляли разные изделия. Мужчины ковали в основном оружие и доспехи, а женщины — железные

украшения, которые носили как женщины, так и мужчины. Мужские украшения были в основном утилитарны и вели свое происхождение от доспехов: запястья, гривны, головные обручи, пояса и ножные браслеты. А вот женские украшения были настоящим чудом. Лоррину никогда еще не доводилось видеть ничего подобного. Тонкая филигрань была схожа с черным кружевом — любой эльфийский ювелир позавидует! Если бы эти утонченные и замысловатые ожерелья попали в эльфийские земли, они бы очень быстро вошли в моду не только у эльфийских дам, но и у их супругов...

Но тут их внимание привлекли доносящиеся издалека звуки музыки. Мелодия привела их к огромному шатру, и тут-то они поняли, зачем Железный Народ держит у себя двоих эльфов.

Когда первый шок миновал, Лоррин вдоволь посмеялся про себя над теми, кто в другое время и в другой обстановке мог бы быть его врагом. Но вскоре юноша, как ни странно, ощутил жалость к пленникам. Оба эльфа казались скорее пародией на тех лордов, какими они, должно быть, были до плена. Теперь, даже если им как-то удастся вырваться на свободу, пути обратно для них нет. Эльфы их не примут. Их просто нельзя было не пожалеть.

Но когда они с Реной возвратились в свой шатер, Лоррину подумалось, что, возможно, скоро ему придется жалеть себя.

Для Кемана прибытие новых людей, про которых кочевники говорили, что они из Народа Зерна, было уже вторым сюрпризом за тот день. О первом он почему-то не рассказал даже Каламадеа: он не был уверен, что его открытие важно, и пока не решил, что с ним делать.

Дело в том, что у одного из вьючных животных, которые тащили на себе разнообразные грузы, обнаружилась драконья тень.

Давным-давно, когда они с Шаной еще даже не подозревали о существовании эльфов и людей, Шана показала Кеману, как вычислить дракона, превратившегося во что-то еще. Такой дракон отбрасывает нечто вроде «тени», смутные очертания которой выдают его истинную сущность. Чем большую часть своей массы дракон вытесняет Вовне, тем заметнее эта тень — хотя, насколько было известно Кеману, видеть эти тени умели только Алара, Шана да он сам. Во-первых, надо знать, что искать; во-вторых, тени эти видны не всегда, так что нужно еще и правильно выбрать время. Это тебе не прозрение личины, для которого всего-то и нужно что недоверие.

Кеман искренне восхищался разнообразием пород крупного рогатого скота, выведенных Железным Народом. Мало того, что эти коровы снабжали кочевников молоком и мясом, они еще заменяли им и лошадей, и ослов, и грелей. Кеман подолгу наблюдал за животными, вяло надеясь увидеть что-нибудь новенькое. В то утро он смотрел на вьючных быков — короткорогих, с широкой спиной, крепкими ногами и покладистым нравом. И внезапно одно из животных привлекло его внимание — видимо, потому, что двигалось оно чуточку не так, как прочие.

Присмотревшись, Кеман заметил и другое отличие — драконью тень.

Кеман решил, что ошибся, а возможно, потихоньку сходит с ума от скуки. Он пристально наблюдал за той коровой все утро, пока его не позвала Шана. Она только что вернулась от Дирика и созвала маленькое совещание.

Как только они обсудили все что надо, Кеман вернулся к стаду, разыскивая ту самую корову. Корова была на месте — и тень тоже.

Он уселся и принялся наблюдать за ней — и наблюдал, пока солнце не стало клониться к западу. Кеман не обращал внимания ни на жару, ни на оводов, которые тщетно пытались укусить дракона и улетали разочарованные. Он наблюдал за коровой с разных сторон, бродя следом за стадом. И к вечеру наконец убедился, что она действительно ведет себя не так, как другие.

Точнее было бы сказать, что она старательно подражает другим коровам. Ее движения были несколько искусственными. Через некоторое время Кеман обнаружил, что она выбрала себе одного из быков и копирует все его движения. Когда бык опускал голову и принимался щипать траву, корова делала то же самое. Когда бык оборачивался и смотрел на что-нибудь, корова повторяла его движение. Когда он спустился к реке попить, корова последовала за ним, а когда он улегся на траву, корова легла в нескольких футах от него. Она буквально не сводила глаз с этого быка, что для коровы было несколько странно.

Значит, Кеман все-таки не сошел с ума и драконья тень ему не померещилась. Эта корова на самом деле не корова, а дракон.

Но раз она не дала ему о себе знать, значит, она не из мятежников, примкнувших к Шане и волшебникам. Эти драконы

прекрасно знали, как выглядит Кеман в обличье полукровки, и непременно подали бы ему знак, едва увидев его. Так из какого же она Логова? Это очень важно. Если из прежнего Логова Кемана, она вполне может оказаться врагом, и тогда у них с Шаной будут неприятности. А если она из другого Логова, неизвестно, как она к ним отнесется, и это опять же грозит неприятностями.

Так что, пожалуй, не стоит подходить к ней и пытаться завести беседу на драконьем языке или поговорить с ней мысленно. Лучше пока не выдавать себя и хорошенько все обдумать.

И Кеман наблюдал за коровой, пока солнце не село. Сгустились сумерки, но драконы и в темноте видят неплохо. В траве застрекотали цикады. Стадо устраивалось на ночлег.

Секретным оружием Кемана был Каламадеа. Если эта драконица из чужаков и дело дойдет до конфликта, присутствие Каламадеа, старейшего дракона во всех Логовах, заставит ее убраться прочь. Если только она не из его прежнего Логова. В этом случае она может уйти, а может и не уйти: в Логове было несколько драконов, которые были бы чрезвычайно рады обнаружить, что Каламадеа сейчас так же беспомощен, как Кеман и Шана, и не преминули бы воспользоваться случаем.

Кеман долго колебался. Сумерки сменились ночной темнотой, взошла луна, осыпавшая спины коров нежно-золотистой пылью, а Кеман так и не принял решения. Он уже встал, чтобы вернуться в шатер, к друзьям, но ноги сами понесли его к стаду: Кеману хотелось поближе взглянуть на эту фальшивую корову.

«Интересно... Она — если это «она»: может быть, это «он», который сменил не только облик, но и пол, — сейчас так же уязвима, как и мы. Как правильно заметил Каламадеа, на то, чтобы сменить облик, требуется время. Если я подниму шум, незамеченной ей уйти не удастся».

Фальшивая корова наблюдала за ним не менее настороженно, чем он за ней. Легкий ночной ветерок взъерошил волосы Кемана. Заметила ли она, что за ней следят? А вдруг она тоже умеет видеть драконью тень?

«Если да, тогда она все знает. А если она все знает, она может сбежать, как только я уйду, — отойдет потихоньку от стада, пастухи ничего и не заметят...»

Это заставило его решиться. Выбора нет, и за Каламадеа ходить некогда. Надо что-то делать, причем немедленно!

Корова-драконица встревоженно шевельнулась. Значит, она действительно догадалась, что он за ней следит! Ничего не поделаешь, придется действовать.

Оставалось только надеяться, что он сделал правильный выбор.

Риадорана решила присоединиться к этому клану Железного Народа в основном потому, что он оказался на территории ее Логова именно тогда, когда она собралась проходить свое Испытание. В их Логове был обычай посылать подростков провести целый сезон в одном и том же облике в таком месте, где они могли шпионить за людьми. Именно за людьми, а не за эльфами: те жили слишком далеко от территории Логова и к тому же были слишком скучны и предсказуемы, чтобы представлять опасность для Логова. Правда, несколько сезонов тому назад ходили слухи, что дела у эльфов идут хуже и хуже — но все равно, это все далеко и не касается их Логова. Жизнь в горах и на юго-западной равнине и без того достаточно захватывающая, чтобы отправляться так далеко лишь за тем, чтобы разочароваться.

Пребывать в одном и том же облике так долго было весьма непросто, но в этом и состоял смысл Испытания. Выбор оказался удачным: этот клан, ушедший из своих прежних земель из-за продолжительной засухи, вел себя очень необычно для Железных кланов, связанных древними традициями. Если Дора не ошибалась, здесь намечалось нечто вроде революции: военный вождь намеревался сделаться единственным предводителем клана. Дора обернулась вьючной коровой с клеймом вождя именно затем, чтобы подслушивать, что о нем говорят. Кое о чем она услышала даже из собственных уст Джамала. Все эти сведения могут оказаться чрезвычайно ценными для ее Логова. Этот Джамал очень честолюбив. Он хочет сделаться не просто вождем клана, а вождем всего Железного Народа! И, судя по тому, как идут дела, возможно, Джамалу это и удастся, особенно если старый Дирик недооценит его амбиций и хитрости. А ведь этот клан и без Джамала был необычным: Доре еще не случалось видеть, чтобы Железные кланы держали у себя в рабстве эльфов. Возможно, этот клан окажется необычным и в других отношениях... А это может представлять угрозу для ее Рода!

Все это, вместе взятое, заставило Дору задержаться здесь еще на несколько недель, хотя срок Испытания давно истек и мож-

но было отправляться домой. Ее Роду нужно иметь здесь своего наблюдателя, хотя бы затем, чтобы знать, кто одержит верх: Джамал или Дирик. И вот Дора осталась. Она делала вид, что мирно пасется вместе со стадом, когда в лагерь привели новых пленников.

Они походили на эльфов — но это были не эльфы! Ни один эльфийский лорд не может похвастаться загаром, и волосы у них всегда бледно-золотистые. И уши у этих новичков были только слегка заостренные, а не в форме наконечника копья, как у благородных эльфов. Дора с неподдельным коровьим недоумением наблюдала, как их приковывали к задку фургона. А потом она присмотрелась внимательнее и удивилась еще больше.

У двоих пленников была драконья тень!

Она не знала, что думать, не знала, что делать. Первым ее порывом было броситься на выручку. Но благоразумие заставило ее остановиться. А может, они не хотят, чтобы их выручали? Может, они тут нарочно? Возможно, у них какие-то свои планы, а, освободив их, она все испортит!

А возможно, они тоже проходят Испытание. Если Дора вмешается, они будут опозорены. Дракон, у которого возникли проблемы во время прохождения Испытания, должен выпутываться из них самостоятельно. В этом весь смысл. Какое же это Испытание, если тебе помогают? Дора не рассчитывала, что кто-то еще из ее сверстников присоединится к этому клану, но всякое ведь бывает.

А сегодня один из драконов целый день следил за ней, и Дора начала подозревать, что он догадался, кто она такая. Все Логово знало, что она проходит свое Испытание здесь. Значит, он должен был ее узнать. В этом нет ничего плохого, если только...

Если только он не такой же подросток, как она, и все это не часть хитроумного плана! Вдруг он хочет выпутаться из неприятностей, втянув в неприятности ее?

Дора боязливо наблюдала за драконом, подавляя нарастающее чувство голода, который никакой травой не уймешь. Дракону необходимо питаться мясом, даже в коровьем обличье, по крайней мере раз в два-три дня, а Дора уже очень давно не охотилась. Обычно она просто потихоньку уходила от стада, скрывалась в темноте, меняла облик и улетала. Она возвращалась прежде, чем кто-то из пастухов успевал заметить ее отсутствие, наевшись на три дня вперед, так что можно было снова притворяться добропорядочной коровой. Но при этом незнакомце...

Если она попытается уйти, он может кликнуть пастухов! Так что при нем скрыться не удастся.

Дора про себя ругательски ругала непрошеного сторожа, жалея, что не может вызвать грозу, как шаман. Под прикрытием хорошего ливня она могла бы уйти незамеченной. А парочка молний, ударивших в землю где-нибудь поблизости, устроит панику даже в самом мирном стаде, и она могла бы убежать вместе с обезумевшим скотом!

Но Дора не была шаманом, и грозовых туч поблизости не наблюдалось. Небо как назло было совершенно ясное, звезды так и сверкали, и ветер нес запах травы, смятой копытами сотен пасущихся животных.

В животе у Доры забурчало. Желудок протестовал против травы, которой его набили. Положение становилось отчаянным!

«Если он так и будет тут торчать, — лихорадочно размышляла Дора, — мне ничего другого не останется, как превратиться в единорога и самой вспугнуть стадо!» Конечно, это означает, что она оставит свой пост и, возможно, провалит Испытание, но это неважно. Если этот дракон ее выдаст, она его все равно провалит.

Стоп! Дракон направляется к ней! Кажется, он собирается обратиться к ней напрямую...

«Ну что, друг мой, — прозвучал у нее в мозгу осторожный голос, — что будем делать? Я не могу отсюда уйти, но и ты не можешь, пока я за тобой слежу».

Голос был мужской и более взрослый, чем она думала. Но главное — голос был незнакомый!

Как такое может быть?

Чужой дракон? Откуда? Сама мысль о том, что на свете есть дракон, которого она не знает, казалась невероятной.

«Кто ты?» — спросила Дора, не успев ничего обдумать.

«Кеманорель, бывший обитатель Логова Леланолы, — немедленно ответил незнакомец. — А теперь живу в Логове Волшебников. А ты кто? Из какого ты Логова?»

Дора ответила не сразу. Колени у нее подогнулись, рот раскрылся от изумления. Она молча разглядывала дракона в его необычном, полуэльфийском-получеловеческом обличье. Логово Леланолы? Это что еще за Логово? Она никогда еще не слышала, что на свете есть другие Логова, кроме ее собственного. А что это еще за Логово Волшебников такое, во имя Огня и Дождя?

Неужели Логов много? Это значит, что Врата, через которые драконы пришли в этот мир, были не одни! А ведь ее Род об этом и не подозревает...

«Риадорана, — робко ответила она наконец. — Я из... из единственного Логова, о котором я когда-либо слышала. Оно даже никак не называется. И... мне кажется, нам надо поговорить!»

Ответом ей было ошеломленное молчание, такое же длительное.

«Д-да, пожалуй... — медленно ответил незнакомый дракон после мучительной паузы. — И, думается, лучше поговорить прямо сейчас».

Шана не ожидала, что Железный жрец вызовет ее снова так поздно. Поэтому, когда один из младших жрецов явился за ней, она сперва испугалась. Кемана не было на месте — она увидела это сразу. Неужели он попытался сбежать и его поймали или, хуже того, ранили или убили? А иначе зачем бы Дирику говорить с ней посреди ночи?

Каламадеа с Тенью тоже вскочили с постелей, но жрец сурово приказал им оставаться на своих местах. У жреца с собой, кроме светильника, было еще и оружие, так что он мог настоять на выполнении приказа. К тому же скорее всего снаружи его ждали еще полдюжины воинов, готовых ворваться в шатер по первому же зову. Так что оба лишь беспомощно смотрели, как Шана выползла из-под одеяла и встала на ноги. В их глазах отражался тот же страх, который ледяным комом сдавливал ей желудок.

Жрец махнул ей рукой, приказывая следовать за ним. Шана оглянулась на товарищей, пожала плечами, откинула занавеску и выбралась наружу. Была глухая полночь. В лагере царила тишина — только цикады стрекотали да издалека доносились звуки, издаваемые стадом. В ночном воздухе висела особая тяжесть, какая появляется только после полуночи. Было сыро, безветренно и довольно холодно. Шану пробрала дрожь — не от страха и не от холода, а просто оттого, что ее разбудили среди ночи. Нервы у нее были напряжены. Она направилась к ожидающему жрецу и предполагаемой полудюжине воинов. Луна села, почти все костры в лагере погасли. Единственный свет шел от светильника, который держал жрец. Шана зевнула и обняла себя за плечи, пытаясь согреться после постели. Она пристально вгляделась в лицо жреца, стараясь по его выражению угадать, что ее ждет.

Лицо жреца выглядело суровым, но не сердитым и даже не особенно озабоченным. Так, возможно, дело вовсе не в Кемане?

Жрец привел ее к шатру Дирика, но, вопреки обыкновению, не поднялся по лесенке, чтобы проводить Шану внутрь, а махнул рукой, показывая, чтобы она шла одна. Деревянные ступеньки заскрипели под осторожными шагами девушки. Она откинула тяжелую войлочную занавеску и проскользнула в теплое нутро шатра, наполненное благовонным дымом.

Дирик ждал ее, восседая на подушках. На нем был свободный балахон, измятый, словно жрец сам только что встал после беспокойного сна. Над головой жреца горела лампа. Дирик был не один. У входа ждал еще кто-то.

Это был не Кеман, как все время боялась Шана.

Но это был волшебник. Не человек, не эльф, а именно волшебник. Эти заостренные уши и зеленые глаза ни с чем не спутаешь. Но только вот беда: единственными волшебниками во всем лагере были они с Меро. И Меро остался в их шатре.

— Шана, — негромко сказал Дирик, — это Лоррин. Я попросил его убрать личину, которую он носил все это время. Полагаю, ты знаешь, кто он такой, хотя вы и незнакомы.

Преодолев первое потрясение, Шана вгляделась в незнакомого волшебника повнимательнее — и узнала его.

— Ты один из тех варваров, которые приехали с разведчиками!

Волшебник кивнул и кривовато улыбнулся.

— И моя человеческая личина оказалась недостаточно хороша, чтобы обмануть жреца Дирика, — печально признался он. — Я искал вас, но не думал найти вас здесь!

— Ты искал именно меня или вообще волшебников? — рассеянно уточнила Шана. Дирик наблюдал за ними, чуть заметно улыбаясь.

— Я искал волшебников... — начал Лоррин, потом взглянул на Шану повнимательнее — и глаза у него полезли на лоб.

— Не может быть! — воскликнул он, тряся головой, словно хотел отогнать наваждение. — Это не можешь быть ты... не одна же такая рыжая...

«Ага, значит, он знает, как я выгляжу».

— В самом деле? — переспросила Шана, немного скривившись — ей было неловко, что ее застали в таком положении. — Это почему же? Потому что Лашана, Проклятие Эльфов, не может быть настолько глупа, чтобы попасть в плен во время обычной разведывательной вылазки? Ну что ж, Проклятие Эльфов, возможно, и нет, а вот я, Лашана, боюсь, действительно

достаточно глупа, чтобы то и дело попадать впросак. Только обычно мне хватает ума выпутаться!

Лоррин стоял столбом, глядя на нее, и ничего не отвечал, так что Дирик взял разговор в свои руки с апломбом человека, привыкшего повелевать.

— Теперь верю, — сказал он. — Вы, детки, недостаточно взрослы и хитры, чтобы разыграть такую сцену нарочно. И то, что рассказали мне вы оба, совпадает. Вы действительно не зеленоглазые демоны. Вы нечто совсем другое.

Он указал на груду подушек рядом с собой и приказал:

— Садитесь. Я провел большую часть ночи без сна, обдумывая, что с вами делать. Нам надо потолковать.

Шана не удержалась и зевнула. Потом плюхнулась на подушки. «Неужто до утра подождать нельзя было?» — кисло подумала она.

— До утра я ждать не мог, — сказал Дирик, словно бы прочитав ее мысли. — Во-первых, потому, что утром за нами будут следить соглядатаи Джамала. А то, что я разбудил вас обоих посреди ночи, я могу объяснить тем, что Первый Кузнец послал мне знамение, повелев немедленно допросить вас обоих.

Шана неохотно кивнула. Лоррин терпеливо ждал.

— Я уже не обладаю той властью, что прежде, — продолжал Дирик. Шана поразилась его откровенности. — И с каждым днем власть утекает у меня сквозь пальцы как песок. Если бы все зависело только от меня, на рассвете я отпустил бы вас, чтобы вы вернулись к своему народу и передали ему предложение заключить союз и торговать с нами. Но тут правит Джамал. И пленниками распоряжается именно он. А Джамал желает, чтобы вы навечно остались при племени как доказательство его силы и доблести. Он убедил себя, что все зеленоглазые демоны такие же, как те двое, которых мы уже держим в плену. Он думает, что нашему клану удастся завоевать земли демонов и завладеть их богатствами.

Лоррин отчаянно замотал головой.

— Простите, сударь, но вы даже представить себе не можете, как велика сила могущественнейших эльфийских владык! — горячо воскликнул он. — Пожалуйста, поверьте мне: если ваш народ нападет на них, вам, возможно, удастся перебить часть солдат-людей, которые им служат, но к самим эльфам вам и близко не подойти! Даже если они не смогут использовать свою магию против вас самих, у них останется еще масса возможностей! Они могут разверзнуть пропасти, которые поглотят ваших воинов, они...

Дирик поднял руку, останавливая юношу.

— Не надо меня убеждать, молодой человек, — мягко сказал он. — Я это и так знаю, настолько хорошо, насколько это может знать человек, который никогда не видел ничего подобного своими глазами. Убеждать нужно Джамала, а Джамал этому не поверит, пока наш клан не погибнет.

— Так что же нам делать? — спросила Шана, остро сознавая собственное бессилие. — Ты не стал бы будить нас посреди ночи только для того, чтобы сообщить, что ты не можешь дать нам уйти и что Джамал ведет ваш народ на войну, в которой вам не победить!

Дирик взглянул на девушку с одобрением.

— Нет, конечно, — кивнул он. — Я позвал вас, чтобы сделать вас участниками моего... заговора, если хотите. Или чтобы самому стать участником вашего заговора. Я действительно хочу, чтобы вы оказались на свободе. Я хочу заключить торговый договор с вашим народом. Я хочу избежать войны с зеленоглазыми демонами. Это все вытекает одно из другого, а потому полагаю, что для начала нам следует обсудить, как помочь вам сбежать.

Шана уже вторично за последние несколько минут испытала неимоверное облегчение. У нее даже голова закружилась. Она поспешила сосредоточиться на пряном аромате благовоний, на мягкой ткани, которой касались ее пальцы, на собственном теле, опирающемся на подушки.

— Это надо устроить таким образом, чтобы тебя никто ни в чем не заподозрил, — сказал Лоррин, пока Шана приходила в себя. Его слова заставили девушку мгновенно очнуться.

— И еще, — тут же добавила она, — если мы хотим заставить клан усомниться в мудрости военных планов Джамала, не следует ли обставить дело так, как будто сбежать нам ничего не стоило? Не следует ли сделать вид, что мы могли встать и уйти в любой момент и оставались здесь только потому, что нам было так угодно?

Дирик чуть вскинул брови, как если бы слова Шаны его удивили, и кивнул.

— Да, это было бы очень неплохо, — ответил он. — Очень даже неплохо. Это показало бы всем, что Джамал переоценивает наши силы, и позволило бы существенно ослабить его влияние.

Лоррин нахмурился.

— Следует ли понимать это так, что ты не станешь открыто помогать нам? — осторожно спросил он.

Дирик кивнул. Шану это, впрочем, не особенно удивило.

— А тайно? — спросила она. — Вот, к примеру, нет ли у тебя ключа от этих проклятых ошейников? Они мешают нам использовать нашу силу. Если надо сделать вид, что ошейники нам не помеха, без твоей помощи не обойтись!

Дирик поразмыслил.

— Ключа у меня нет, — ответил он, потом улыбнулся. — Но я ведь кузнец, в конце концов! Я могу либо изготовить ключ, либо переделать замки таким образом, что они будут казаться запертыми, но вы в любой момент сможете их снять. Этого достаточно?

— Конечно! — радостно ответила Шана. — И еще надо, чтобы Лоррин потихоньку посещал нас. Мы научим его как следует пользоваться своей магией. Мы с Меро знаем кое-какие штучки, которым он точно никак не мог научиться.

Лоррин поклонился Шане, к ее немалому удовольствию.

— Я так и думал, — сказал юноша. — Все, чем я владею, — это эльфийская магия и чтение мыслей. Зато я знаю кое-какие эльфийские штучки, которые могут оказаться новыми для вас. Меня ведь обучали, и обучали очень неплохо. До недавнего времени я считался сыном и законным наследником лорда Тилара, и меня воспитывали, как благородного эльфа.

У Шаны снова глаза на лоб полезли.

— Хотела бы я знать, как это вышло! — воскликнула она.

— Еще узнаешь, но только не сегодня, — перебил ее Дирик. Теперь и он зевнул. — Этот разговор избавил меня от части тревог, и теперь мое тело требует отдыха, в котором я ему отказывал.

Шана попыталась удержаться от зевка, но у нее ничего не вышло. Лоррин тоже зевнул, и стало ясно, что сегодня они больше ничего разумного не скажут.

— Я сведу тебя и твоих товарищей с Лоррином и его сестрой, — пообещал Шане Дирик. — И думаю... думаю, это будет проще, если утром я окажу людям Зерна великую честь.

Он выжидающе взглянул на Лоррина. Юноша улыбнулся и задал ожидаемый вопрос:

— Какую честь, о жрец?

— Я приглашу вас поселиться в моем шатре и быть моими гостями, — ответил Дирик. — И вы, разумеется, тут же согласитесь. Ибо честь эта воистину велика, и к тому же тогда вы окажетесь под моей защитой.

— Конечно, о жрец! — Лоррин поклонился с утрированным почтением. — А поскольку мы — всего лишь люди Зерна и воины из нас никакие, Джамалу мы неинтересны, и он увидит в этом всего лишь твою безнадежную попытку вернуть себе утраченный авторитет.

Дирик широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. Он жестом предложил им встать и поднялся сам. Шана услышала, как хрустнули суставы жреца, и не в первый раз спросила себя, сколько же ему лет.

— Да, волшебник, сдается мне, ты не менее хитер, чем Железный жрец! — сказал Дирик.

— А ты, жрец, не менее хитер, чем полукровка! — отпарировал Лоррин. Они с Шаной хихикнули, направляясь к выходу.

Мире лениво кружила над лагерем, кишащим этими странными чернокожими людьми, и внимательно наблюдала за всем, что творилось внизу. Ей ничего не стоило придать своему зрению такую остроту, что даже орел по сравнению с ней показался бы близоруким. Она парила так высоко, что с земли казалась не более чем точкой, и все же легко могла сосчитать кольца на руках у женщины или шарики в детской погремушке.

А когда стемнеет, среди шатров появится еще один воин. Железные украшения подделать не так трудно, если их не будут разглядывать при дневном свете.

Она уже довольно много выведала таким образом. Хотя в эльфийских торговых городах, конечно, можно узнать куда больше.

Мире делила свое время между Цитаделью волшебников — там она обычно притворялась выступом скалы в той пещере, где Каэллах Гвайн встречался со своими приспешниками, — и торговыми городами, где она появлялась в нескольких обличьях. Но самые интересные сведения она добыла, обернувшись мужчиной-рабом и проникнув в дом предполагаемого супруга Рены.

Ей пришлось проторчать там дольше, чем она рассчитывала. Но полученные сведения стоили риска.

Выбравшись из поместья, Мире опять взмыла в небо и вернулась в новую Цитадель. Проскользнуть в пещеры и спрятаться там оказалось совсем нетрудно. В Цитадели Мире тоже пробыла дольше, чем собиралась, но дело опять же того стоило.

Она узнала, что Шаны и Кемана тут нет. Узнала, в какую сторону они направились. Именно так ей и удалось их отыскать.

И еще Мире узнала из первых уст, что волшебники тратят слишком много времени на обсуждение того, кто должен быть главным в Цитадели, и слишком мало — на строительство защитных укреплений.

Старший братец будет не слишком-то рад услышать все это. Мире собиралась сообщить ему новости в самый неподходящий момент...

Особенно внимательно драконица следила за одним из шатров. Там жил человек, с которым ей непременно надо было поговорить.

«Ага, вот он! Хорошо».

Джамал вышел из шатра напряженной походкой, выдающей сдерживаемый гнев. Мире на это и рассчитывала. Когда вождь бывал не в духе, он всегда отправлялся на охоту и всегда в одиночестве.

Как и раньше, Джамал задержался лишь затем, чтобы захватить лук и стрелы с оружейной стойки под навесом рядом с шатром, и направился к краю становища. Остановить его никто бы не осмелился: все знали, каков бывает Джамал в дурном настроении, и предпочитали предоставить ему излить свой гнев на диких животных.

Выйдя за пределы лагеря, Джамал пустился бежать быстрой, неутомимой волчьей рысцой, которой всегда передвигались эти люди, когда не ехали верхом. Они могли пробежать так много миль, а сегодня Джамал, похоже, вознамерился побить свой собственный рекорд.

«Прекрасно!» Мире было нужно, чтобы вождь удалился как можно дальше от лагеря.

Она продолжала описывать круги в небе, но теперь в центре этих кругов был Джамал — крошечная черная фигурка, скользящая через травы с легкостью дельфина, ныряющего в волнах.

«Сейчас... сейчас...»

Джамал внезапно свернул. Когда Мире увидела, куда он направляется, она чрезвычайно обрадовалась. «Как нарочно!» Джамал бежал в сторону небольшого овражка, заканчивающегося тупиком. До лагеря отсюда было, как до эльфийских земель. В овражке бил родничок, и сюда часто приходили единороги. Наверно, потому Джамал его и выбрал.

Мире застыла в воздухе, точно сокол, готовый ринуться на добычу. Джамал достиг устья оврага, помедлил — и начал спускаться.

«Ур-ра!»

Мире прижала крылья к бокам и камнем рухнула вниз. Ветер ударил ей в ноздри, в глаза, вынудив опустить второе веко и оттянуть назад уголки рта.

В последний момент Мире распахнула крылья, замедлила падение, превратив его в изящный спуск, и с шумом приземлилась у входа в овражек.

Джамал резко развернулся, изумленно разинул рот и выронил лук со стрелами, уставившись на существо, внезапно преградившее ему дорогу.

Мгновение он стоял неподвижно. Потом глаза его сузились. Вождь подхватил оружие и приготовился дорого продать свою жизнь.

Мире расхохоталась.

— Опусти свою игрушку, друг мой! — прогремела она, обращаясь к вождю на его родном языке. — И я не напрасно называю тебя другом. Ведь у вас в народе говорят: «Враг моего врага — мой друг», не так ли?

Джамал осторожно кивнул. Очевидно, он снова был ошарашен — как тем, что Мире говорит на его языке, так и самой ее речью.

— Так вот, — хмыкнула Мире, — я твой друг. Ибо мои враги — также и твои. Хочешь, я назову их?

Джамал кивнул снова.

— Железный жрец Дирик, — начала Мире, видя, как при каждом имени вождь удовлетворенно прижмуривается. — Эти двое из Народа Зерна. И, — тут она сделала многозначительную паузу, — так называемые «демоны», Шана и Кеман. Которые на самом деле вовсе не демоны, а нечто другое.

— Как ты? — уточнил Джамал. Мире мысленно похвалила его за проницательность.

— Один из них — да, — сказала драконица. — Который — потом скажу. А пока нам с тобой надо обсудить наши планы. Вдвоем мы сумеем отомстить, а ты — ты станешь единовластным вождем Железного Народа.

Джамал улыбнулся, выпрямился и поклонился драконице, признав в чуждом существе родственную душу. Мире поклонилась ему в ответ и улыбнулась про себя. Все шло именно так, как она рассчитывала.

Жизнь прекрасна!

Глава 8

Утром Дирик прислал обещанное «приглашение», и Лоррин с сестрой быстро собрали свои пожитки и отправились следом за посланцем. Хотя что там было собирать-то! Пожитки у них были весьма скромные, даже по меркам кочевников. Когда «гости» вошли под полог шатра, застенчиво улыбаясь, в промокших от росы башмаках, Лоррин подумал, что Шана не обрадуется, когда узнает, что его сестра вовсе не волшебница...

Дирик лично приветствовал гостей, с почтением, подобающим людям, которых принимаешь под свой кров. Устраивать их он предоставил своей жене Кале. Старый жрец ни за что не стал бы вмешиваться в дела жены, а распоряжаться по дому — дело женское.

— Ты уверен, что не хочешь лично позаботиться об их размещении? — спросила Кала, многозначительно приподняв брови.

— Главное, чтобы ты не уложила их в нашу постель. А в остальном я полагаюсь на твое благоразумие.

Кала усмехнулась и заметила:

— Многие мужчины смотрят на это иначе!

Дирик хмыкнул.

— И это не только постыдно, но еще и глупо. Они, должно быть, желают доказать свое мужество, решая все за женщин? Неужто их гордость настолько уязвима, что не выносит, когда им противоречат по поводу котлов и ковриков?

— Молодым воинам непременно надо быть единовластными хозяевами у себя в шатре, — проворчала Кала, уводя за собой молодых гостей. — Боюсь, скоро дело дойдет до того, что они даже перестанут принимать женщин в свои ряды!

Дирик только головой покачал. Ему подумалось, что это еще один из признаков того, насколько Джамал перекраивает все древние традиции. «А ведь рядом с Первым Кузнецом была его Первая Жена, которая дала Ему огонь для горна из очага, который Она хранила, и научила Его всем таинствам пламени и угля! И кто, как не Она, создал первые мехи и нагнетал воздух, пока Он ковал мир? Пока Он создавал небо, солнце и луну, Она ловила искры, летящие из горна, и помещала их на небо — и так появились звезды, а дым из горна сделался облаками. И когда Он выковал землю с морями, Она заткала их тонким узором растений. Когда же Он обратил помыслы к тому, чтобы населить землю живыми существами, Она и тут украсила его труды своими выдумками — ведь это Первая Жена одела птиц в яркие перья и научила их петь, наделила оленей ветвистыми рогами, ящериц — чешуей, зверей — мехом и шерстью и раскрасила их во все цвета радуги».

Мужчина, который забывает об этом, не только не благочестив, но и глуп. Ведь он лишает себя лучшего друга и советника...

«Воистину тот, кто лишает свою помощницу и спутницу жизни подобающей ей власти, лишен разума и здравого суждения!»

И к тому же зачем брать на себя лишнюю работу, если можно свалить ее на жену, а?

«Гм... Но ведь такие глупцы берут на себя не работу, а только власть и ответственность. Работа-то по-прежнему остается на плечах женщин, только вот им мешает то, что распоряжаются всем глупцы».

Что ж, это всего лишь еще одно, что разделяет их с Джамалом. Неудивительно, что военный вождь до сих пор не нашел девушки, которая пожелала бы войти в его шатер как жена. Его мнение о том, что женщина «должна знать свое место», давно сделалось притчей во языцех. Уж не потому ли Джамал так озабочен тем, чтобы добиться власти, а?

Дирик упрекнул себя. Время ли сейчас размышлять об отвлеченных материях?

Улыбающаяся Кала уже исчезла вместе с гостями. Их собственные дети уже выросли, завели семьи, и теперь Кале не о ком было заботиться, кроме как о себе да муже. Она зачастую тяготилась вынужденным бездельем и потому искренне радовалась гостям. А в последнее время гости появлялись нечасто — ведь их клан уже давно кочевал вдали от прочих Железных кланов, — так что Лоррину с Реной Кала радовалась вдвойне. Кроме того, Кала была посвящена во все замыслы Дирика. И вряд ли он мог бы доверить этих бледнолицых чужестранцев более надежным рукам. К тому же Кала могла ответить на любой их вопрос, а Дирик предвидел, что вопросов будет немало.

«А заодно моя женушка позаботится о том, чтобы как следует приодеть девушку. Девушка вроде бы кажется покладистой — и ей же лучше: Кала не терпит, когда ей перечат!»

А сам Дирик тем временем принялся обдумывать другую часть своего плана: под каким предлогом он мог бы почаще вызывать к себе пленников? Ведь пленные официально находились в распоряжении Джамала, и, если жрец будет слишком часто с ними общаться, вождь начнет смотреть на это косо.

Первый Кузнец не так уж часто посылает знамения, так что придется выдумать какой-нибудь другой повод.

«Впрочем, насчет прошлой ночи меня пока никто не расспрашивал, так что на крайний случай можно будет отговориться и знамением». Но неплохо все же было бы придумать что-нибудь посущественнее...

— Жрец Дирик! — окликнули снаружи.

Дирик вздрогнул от неожиданности. Голос был незнакомый. Жрец поспешно взял себя в руки. Быть может, он поторопился, решив, что по поводу прошлой ночи оправдания не понадобятся.

— Входи! — отозвался он уверенным, ровным тоном, со всем достоинством, подобающим его сану.

Вошедший юноша был одет как воин, и на шее у него висела гривна со скрещенными копьями — знаком военного вождя. Значит, он из людей Джамала, а не какой-нибудь пастух, ищущий откровения свыше. Однако, когда Дирик устремил на воина суровый взгляд, тот поклонился довольно почтительно, хотя и несколько запоздало.

«Ага, видно, я все же еще не растерял всю власть в клане!»

— Жрец Дирик, я явился от военного вождя, — сказал юноша, выпрямившись.

Дирик терпеливо ждал, пока юноша изложит поручение, но тот замялся, словно бы не находя слов. Странно. Если Джамал прислал вызов, отчего же его посланец так колеблется? С таким делом следовало посылать кого-нибудь понаглее!

— Военный вождь почтительнейше просит уделить ему частицу твоего времени, — сказал наконец юноша.

Дирик вопросительно приподнял бровь.

— Моего времени? Мое время посвящено служению моему народу, и вождь это прекрасно знает. Упрашивать меня нет нужды.

Воин неловко переминался с ноги на ногу.

— Дело в том... Видишь ли, достойнейший жрец, дело в этих новых рабах. Вождь просит, чтобы ты взял на себя труд допросить новых пленников о том, откуда они взялись и где живет их племя.

Теперь Дирик вскинул обе брови. На этот раз изумление его было неподдельным.

— Я? — недоверчиво переспросил он. — Но разве подобные вопросы не находятся в ведении военного вождя?

Юноша смешался еще сильнее.

— Это так. Но вождь все же просит, чтобы ты взял это на себя, а потом сообщил ему о том, что узнаешь.

Дирик сделал суровое лицо.

— Отчего же вождь вознамерился поручить это мне? Ведь я занят не менее его — и мое время посвящено всему клану, а не только воинам. У него должна быть какая-то серьезная причина, чтобы отрывать меня от дел и поручать мне допрашивать демонов. Ведь это нужно лишь затем, чтобы вступить в войну с ними! А Первый Кузнец не завещал нам воевать с демонами ради добычи или ради чего бы то ни было.

Разумеется, Дирику только того и надо было: он ведь как раз подыскивал повод побольше общаться с пленными. Но жрец надеялся, что воин под влиянием смущения выдаст истинную причину, двигавшую Джамалом. К тому же ему вспомнилась сказка про Первого Кузнеца и хитрую песчаную лисицу...

«Если я, как та лисица, буду говорить, что мне совсем не нужно это жирное красное мясо, что я терпеть не могу жирного красного мяса, что жирное красное мясо едят одни только глупцы, быть может, мясо оставят без присмотра...»

Расчет оказался верным.

— Они... они не хотят больше разговаривать с ним, о жрец, — признался воин, ежась под пристальным и недовольным взглядом Дирика. — Женщина сказала мужчинам, которые пришли с ней, чтобы они с ним больше не разговаривали. Джамалу не хочется их пытать, потому что они скажут все что угодно, лишь бы избежать пыток, и тогда он не сможет отличить ложь от правды.

Юноша сглотнул, на лбу у него выступил пот.

— Женщина говорит, что отныне будет беседовать только с тобой.

Взгляд Дирика ничуть не смягчился.

— Ах, вот как? И почему же женщина-демон отказывается беседовать с кем-то, кроме меня? Мне это не очень-то нравится — все дело выглядит чересчур подозрительно. Быть может, демоны хотят навести на меня порчу! Быть может, они страшатся силы Первого Кузнеца и стремятся избавиться от его верховного жреца, чтобы безнаказанно творить свои злодеяния!

«Нет-нет, я не хочу этого жирного красного мяса!»

Что бы ни сделала Шана, это, по-видимому, смутило и разгневало Джамала. И при этом она ухитрилась сделать так, что Джамал не мог проявлять свой гнев, не потеряв лица. Надо же,

какая умница! Впрочем, внешне Дирик никак не выказал своей радости.

— Она сказала... — теперь воин говорил почти шепотом, словно позор вождя бросал тень и на него самого. — Она сказала, что устала доказывать вождю, что они не демоны и что в своем народе она сама военный вождь, а наш вождь не оказывает ей должных почестей. Что он унижает ее, и она решила отплатить ему той же монетой. Она говорит, что ты, жрец, был единственным, кто обошелся с ней так, как надлежит обходиться с пленниками, и потому отныне она будет разговаривать только с тобой. Она сказала это сегодня утром при множестве свидетелей.

«Ух ты! Быстро же она учится, эта девушка! Она использовала против Джамала наши обычаи, и теперь он ничего не может поделать!» Дирика разбирал смех, но он сохранял суровое выражение лица. Жрец немного помолчал, как бы обдумывая просьбу, и наконец произнес:

— Хорошо. Я буду говорить с пленными вместо Джамала. Быть может, они и в самом деле не демоны, а даже если и демоны, я положусь на то, что Первый Кузнец защитит меня мощью своей от их козней. Быть может, с помощью учтивости мне удастся добиться того, чего Джамал не достиг с помощью заносчивости.

Наверно, последнего говорить не стоило, но Дирик не удержался: уж очень велико было искушение. Воин только втянул голову в плечи, словно этот черепаший маневр мог спасти его от стыда.

— Можешь сходить за женщиной, пока я подкреплюсь, — добавил Дирик и махнул рукой, отпуская воина. Тот был только рад поскорее исчезнуть.

Кала устроила гостей и вернулась с завтраком для Дирика.

— Славные детишки. И та кремовая джабба девочке очень идет, — сказала она, ставя еду перед мужем. — Помнишь, та, которую я шила для Бешебы, а она выросла из нее, прежде чем я успела закончить вышивку?

Дирик кивнул, хотя на самом деле понятия не имел, о чем идет речь. Ему вся одежда казалась одинаковой. Ну да, одежда бывает старая и поношенная, красная или желтая, но подробностей он не различал. Но Кала никак не могла в это поверить. Это был ее единственный недостаток.

— Я думаю, ей будет удобнее в приличной одежде, — кивнул Дирик. — Спасибо, что позаботилась об этом. А теперь... видишь ли, обстоятельства внезапно изменились, и мне нужен твой совет. Джамал только что прислал ко мне своего человека...

Он рассказал о посланце Джамала. Кала сидела и внимательно слушала. Услышав о хитрости Шаны, она улыбнулась и энергично закивала.

— Хорошо придумано, муженек! — воскликнула она, впрочем, не очень громко, чтобы ее не услышали за пределами шатра. — Тем легче будет исполнить твой замысел!

— Мне хотелось бы, чтобы ты ненадолго осталась при мне, — сказал Дирик. — Ты лучше моего разбираешься в замках — так, может, ты придумаешь, как отомкнуть эти ошейники так, чтобы они выглядели как прежде, но при этом их можно было снять.

— Уж постараюсь! — Кала улыбнулась еще шире, и ее белые зубы сверкнули на темном лице, как молодая луна в ночном небе. — Я рада буду познакомиться с этой хитроумной девицей. Может быть, я расскажу ей о том, как ведут себя мужеподобные женщины, чтобы ей легче было выдавать себя за воительницу. Это заставит Джамала обращаться с ней как с военнопленной, а не как с рабыней.

— Хорошая мысль! — хохотнул Дирик. — Очень хорошая! Мне это и в голову не приходило. Это выбьет Джамала из колеи. Он и с нашими-то мужеподобными предпочитает не разговаривать, а уж с ней-то!..

И он снова захихикал, представляя себе, в какую лужу сядет Джамал, если Шане удастся выдать себя за воительницу. Тогда она будет официально считаться военнопленной, а закон запрещает допрашивать пленных под пыткой. И к тому же Джамал будет чувствовать себя неловко от одного только присутствия Шаны. Какая же умница у него Кала!

— Это напомнило мне, почему я искал твоей руки, — сказал жрец, стискивая пухлую ладонь жены. — До сих пор понять не могу, почему ты согласилась!

— Да потому, глупый мальчишка! — ласково-насмешливо бросила Кала, похлопав мужа по руке. — Потому, что ты ценишь мудрость, которая лишь прибывает с годами, выше стройной фигурки, которая недолговечна. А, вот они идут!

Дирик неохотно выпустил руку жены и напустил на себя торжественный вид. Как он и предполагал, Шана явилась в сопровождении целого отряда телохранителей Джамала. Ну ничего, это легко исправить. Впредь он будет посылать за ней своих людей.

«Самых надежных людей! Я, похоже, знаю, кто работает соглядатаем Джамала среди жрецов, но лишняя осторожность не повредит».

— Итак, — он смерил Шану строгим взглядом, — насколько я понимаю, ты желаешь поделиться со мной какими-то сведениями?

Шана кивнула и окинула свою охрану презрительным взором, как бы давая понять, что не собирается говорить в присутствии приспешников Джамала.

— Ты знаешь, как следует вести себя с пленным вождем, жрец Дирик. Я дам тебе слово не устраивать шума и не пытаться сбежать. Только тебе и никому другому, — коротко ответила она и умолкла.

Интересно, почему она так сказала: случайно или нарочно? Ведь это звучит как намек на то, что Джамал себя вести не умеет. Двое стражников поморщились, еще кое-кто ухмыльнулся исподтишка. «Гм... Быть может, те, кто ухмыляется, согласны с ней? Интересно... Хотелось бы знать, много ли среди людей Джамала таких, кого оскорбляет его надменность? — Дирик покосился на Калу, припоминая их разговор. — Ну, для начала все мужеподобные женщины. Быть может, стоит поговорить с ними от имени Первого Кузнеца и напомнить, что Первая Дочь была подобна мужчине и доблестно сражалась плечом к плечу со своим братом?»

— Да, я знаю правила вежливости, — сказал он с серьезным видом. — И я буду учтив с тобой, как и прежде.

Он взглянул на стражников.

— Вы можете идти. Пленная дает мне слово чести.

Уговаривать стражников не пришлось. Дирик удивился еще больше. Куда они так спешат? Вернуться к Джамалу и доложить, что его приказ выполнен, или просто избавиться от неприятного поручения?

Как только занавеска шатра опустилась за стражниками, Кала зажала себе рот обеими руками, чтобы не расхохотаться вслух. Шана расслабилась и улыбнулась жрецу и его жене.

— Ох, вы видели, как они удрали? — еле выговорила Кала, давясь смехом. — Ну и позорище! Теперь им не скоро удастся возвыситься в глазах Джамала! Думаю, они постараются вызваться в ночной дозор или в разведку — лишь бы не попасться ему под горячую руку!

— Ты думаешь? — Дирик тоже развеселился. Кала всегда лучше него разбиралась в едва приметных жестах и мимике,

выдающих скрытые мысли и настроения. — Что ж, оно и к лучшему. Шана, это Кала, моя жена. Кала, это наш «демон».

— Очень рада познакомиться, — ответила Шана и слегка поклонилась. Кала замахала руками.

— Да ладно тебе! — воскликнула она, хотя Дирик видел, что она чрезвычайно довольна. — Я же не какая-нибудь демонская дама, чтобы меня так приветствовать!

— Вы не менее достойны почтения, чем любая эльфийская леди, — возразила Шана. — А кстати, об уважении — как вам мое представление? Когда я вернулась, мы пораскинули мозгами и решили, что это единственное, что поможет нам встречаться с тобой без помех.

Дирик одобрительно кивнул.

— Это, конечно, был рискованный ход, но рисковать пришлось бы так или иначе, а поскольку ты сделала свое заявление прилюдно, Джамал ничего не мог предпринять, не навлекая на себя нового позора. Если бы он отказался, ему пришлось бы вступить в открытый конфликт со мной. А он еще не готов к этому — ведь это вызвало бы раскол в клане.

«И тем не менее...»

Шана неловко переступила с ноги на ногу, точь-в-точь как тот посланец Джамала.

— Я так понимаю, что это было куда рискованнее, чем ты говоришь, — призналась она. — Я надеялась, что у вас не принято пытать пленных... но предполагала, что Джамал может настолько разозлиться, что пойдет на все.

Она мудрее, чем ему казалось. И куда взрослее своих лет. Хотя, с другой стороны, если верить ее рассказам, эта девушка побывала в плену у настоящих зеленоглазых демонов. Возможно, она навидалась так много жестокости, что поневоле набралась мудрости...

— Присаживайся, — сказал Дирик, не отвечая ни «да», ни «нет». — Кала у нас лучше всех разбирается в замках. Пусть она взглянет на твой ошейник.

Когда Шана послушно опустилась на мягкую подушку, жрец добавил:

— Мы нашли эти ошейники в сундуках Первого Кузнеца, когда поймали первых двух демонов. Ошейники очень древние. Я таких нигде больше не видел. Но в заветах жрецов говорится, что такие ошейники следует хранить на случай, если появятся демоны, и их нельзя ни переплавлять, ни перековывать.

Шана склонила голову набок, чтобы дать Кале возможность рассмотреть замок. Жена жреца что-то бормотала себе под нос, как всегда, когда что-нибудь внимательно разглядывала. Через некоторое время она удовлетворенно прищелкнула языком.

— Пустяковое дело, — сказала она. — Сейчас схожу за инструментами.

Она встала, скрылась за внутренней занавеской, разгораживавшей шатер, и почти сразу вернулась с кожаным мешочком, в котором побрякивали мелкие инструменты. С помощью таких инструментов женщины-кузнецы изготавливали свои украшения.

— Замок очень тонкой работы и очень древний, — сказала она, усаживаясь рядом с Шаной и доставая из мешочка тонкий щуп. — Похоже даже, что его делала женщина. Он чуточку посложнее многих, которые мне доводилось видеть, но сама я сделала бы и похитрее.

— А как ты думаешь, насколько он древний? — поинтересовалась Шана.

— Очень, очень древний. Точнее сказать не могу.

Кала принялась ковыряться в замке, крепко зажав щуп в пухлых, ловких пальцах.

— Подозреваю, настолько древний, что в те времена, когда его сделали, ничего сложнее еще не придумали. Такие вещи почти не снашиваются, так что по износу возраст определить невозможно.

Мастерица сосредоточенно высунула язык. Дирик с трудом сдержал смешок. Кала всегда высовывала язык за работой, и его всегда это забавляло, а она сердилась, когда он смеялся.

— Среди женщин бытует предание, что именно они нашли способ помешать пленным демонам пользоваться своей силой.

— В самом деле? — спросила Шана нарочито равнодушным тоном. Кала посмотрела девушке в глаза и лукаво улыбнулась.

— А-а, ты пробовала воспользоваться мелкой магией, и она действовала по-прежнему, так? Хорошо, что ты не пробовала делать ничего более серьезного — к примеру, метать молнии. Это был бы чрезвычайно болезненный опыт.

Шана вздрогнула. Кала широко улыбнулась.

— Это Холодное Железо, девочка. Но от магии оно нагревается. От мелкой магии — совсем чуть-чуть, как на солнышке. Но если прибегнуть к сильной магии — например, попытаться вызвать молнию с небес, — уй-яаа! Это будет очень неприятно. Даже погибнуть можно.

Она выразительно вскинула брови.

— Мой муж мог бы рассказать тебе, что все это так же, как и Мысленная Защита, явилось во сне Первым жрецам однажды ночью, прямо от сердца Первого Кузнеца и его Жены. Но в истории говорится, что именно женщины первыми додумались надевать на пленных ошейники.

— У-у... — Теперь Шана выглядела разочарованной и немного встревоженной. — Но почему магия не действовала на ваших воинов, когда мы впервые с ними встретились?

— А-а! — сказал Дирик. — На это могу ответить я. Магия, приходящая извне, отражается от холодного железа, не причиняя вреда его обладателю. Так что благодаря этим ошейникам, доспехам и украшениям все мы неплохо защищены. Разве что...

— Разве что твой противник догадается обратить свою магию не на тебя, а на то, что вокруг тебя, — мрачно закончила за него Шана. — Поверьте мне, эльфийские владыки додумаются до этого очень скоро! У них есть то преимущество, что они уже воевали с вашими предками, теми, которые бежали на юг, и притом воевали успешно. Не их предки, а они сами, понимаете? Им на помощь придут не предания, а память.

— А? — переспросил Дирик, как будто бы не расслышал.

— Если в ваших легендах говорится, что демоны бессмертны, то это почти правда, — пояснила Шана так серьезно, что Дирик не мог усомниться в ее словах. — Многие из тех эльфийских владык, что воевали с вашими предками, живы и поныне. Живы и здоровы. Мне не хотелось бы видеть, что будет, когда ваши воины ринутся в бой на своих быках, а у них на пути встанут скалы и разверзнется бездна.

Дирику в свое время довелось повидать, что может натворить обезумевшее от страха стадо, так что он примерно представлял, что будет тогда. Человеческие тела вперемешку с бычьими тушами... Жрец содрогнулся. Но тут щелчок замка привел его в себя. Кала открыла замок и с улыбкой сняла с Шаны ошейник.

— Вот видишь, как я доверяю тебе — только оттого, что мой муж тебе доверяет, — заметила мастерица, склонившись над ошейником, лежащим у нее на коленях. — Ты теперь знаешь все наши тайны. Если бы ты была настоящим демоном, мы бы все оказались беззащитными перед тобой.

Шана только рассмеялась и потерла шею.

— Никогда бы не подумала, что обычная полоска железа может быть такой тяжелой!

— Тяжело не железо, тяжелы оковы, — торжественно произнес Дирик. Девушка кивнула.

— Но тебе известны не все наши тайны, — продолжал жрец. — Осталась еще одна. Хочешь ее узнать?

— Как вам удается не пускать меня в свои мысли? — спросила Шана. — Я удивляюсь, откуда у вас эта магия? Ведь эльфы не умеют читать мысли. Это доступно только людям.

— Но разве люди не могут стать рабами демонов? — возразил жрец. — Они могут даже служить им добровольно. Мы узнали об этом, когда сражались плечом к плечу с Народом Зерна и были вынуждены бежать. Но Мысленной Защите легко может научиться любой, даже тот, кто совсем не наделен магией. Мы обучаем этому наших детей так же, как обучаем их говорить. Для каждого из нас это так же естественно, как дыхание.

— Но как вы это делаете? — спросила Шана.

Дирик рассмеялся.

— Да очень просто. Я представляю себе, что мой разум окружен стеной. Обычной стеной, высокой и гладкой. Вот так...

Он показал ей.

— Вот я ее убрал. А вот я возвожу ее снова, очень медленно. Чувствуешь? Мы называем это «двойным разумом». Наши мысли скрыты за Мысленной Защитой.

Он проделал это еще дважды. Шана нахмурилась и потрясла головой.

— Я понимаю, как ты это делаешь. Но сделать это самой...

— Да, взрослым этому приходится учиться очень долго, — кивнул Дирик. — Наши жрецы, владеющие мысленной магией, время от времени проверяют всех взрослых и с теми, у кого защита слабовата, занимаются отдельно. Ну вот, теперь ты знаешь все.

Шана вздохнула.

— Я так и думала, что это должно быть что-то совсем простое — и эта ваша непроницаемость, и проблемы с истинной магией. Я знала, что эльфам не нравится находиться рядом с железом или сталью, но не знала, почему. Я думала, это оттого, что от ран, нанесенных железом, они очень долго болеют.

— Должно быть, это потому, что в ране остаются мельчайшие частицы металла, которые мешают исцелять раны с помощью магии, — предположил Дирик. — Впрочем, это неважно. Ну, а что можешь сообщить мне ты? Джамал ждет, что я передам ему кучу сведений о ваших землях и народе. Что мне ему сказать?

Шана расплылась в улыбке. Что такого смешного он сказал?

— Я боялась, что у вас есть способ проверить, правду ли я говорю. Поэтому я выразилась очень осторожно. Мой народ был бы очень доволен, если бы эльфы оказались втянуты в войну, так что я пообещала Джамалу, что расскажу тебе все, что мне известно о зеленоглазых демонах.

Теперь Дирик оценил комизм ситуации и зажал себе рот ладонью, чтобы приглушить смех.

— Прекрасно! И, пожалуйста, рассказывай обо всем поподробнее, чтобы нам приходилось встречаться почаще.

— О, я тебе все расскажу, вплоть до того, сколько одеял в кладовках, которые я знаю! — пообещала Шана. — С чего начнем?

— С тех демонских земель, которые лежат ближе всего к линии нашего нынешнего маршрута и дальше всего от земель твоего народа, — ответил жрец. — Если уж надо дать Джамалу цель, пусть она будет достаточно близкой и соблазнительной.

Шана некоторое время внимательно изучала жреца.

— Знаешь, Дирик, — сказала она наконец, — ты мне все больше и больше нравишься.

— А ты — мне, о хитроумная девица, — искренне ответил жрец.

После обеда наступил черед Кемана. Молодой дракон ожидал этого с таким нетерпением, что у него аж зубы ныли. Поскорей бы избавиться от этого треклятого ошейника! И не только потому, что дракону хотелось поохотиться. В обличье полукровки ему было легче довольствоваться тем, что есть, чем Доре в ее коровьем облике, но он все равно время от времени испытывал нужду в больших количествах свежего мяса. Главное, что ему не терпелось показаться Доре в своем истинном обличье.

То, что он узнал вчера ночью, оказалось немалым потрясением для них обоих. Дора и не подозревала, что в этом мире есть другие драконы, а Кеман не ожидал, что так далеко на юге есть драконьи Логова. Кеман не мог понять, то ли эти драконы нашли какие-то другие Врата; то ли они просто позже остальных прибыли из того тихого уголка, который драконы некогда покинули лишь оттого, что им там было скучно; то ли Род Доры состоял вообще из каких-то других драконов. Ведь драко-

ны, как и эльфы, были в этом мире чужаками, пришельцами извне. А значит, могут быть и другие создания, пришедшие сюда из какого-то иного мира. Но узнать это наверняка можно было только от кого-то из старших родичей Доры.

И все же время, проведенное в обществе Доры, показалось Кеману чересчур коротким. И потому, несмотря на все события, произошедшие со вчерашнего дня, Кеман с нетерпением ожидал заката. Пустив в ход многочисленные ухищрения и немного правды, он уговорил Шану, чтобы ему позволили снять ошейник сразу следом за ней. Очень уж ему хотелось отправиться с Дорой полетать в настоящем облике. Она ведь не могла превратиться посреди стада, на виду у быков и пастухов, так что Кеман до сих пор не знал, как она выглядит на самом деле.

Шане же он поставил на вид, что больше всех прочих путешествовал по эльфийским землям, когда разыскивал ее, чтобы освободить из рук работорговцев. И путешествовал он не только в эльфийском обличье, но и по воздуху. У драконов прекрасная память на местность, так что Кеман мог нарисовать подробную карту эльфийских земель, от которой Джамал просто обалдеет от счастья.

А Меро, Лоррин и Каламадеа могут добавить от себя кое-какие сведения, от которых Джамал обалдеет от жадности. Всем им было кое-что известно о богатствах эльфийских лордов. Ну, а то, чего они не знают, недолго и присочинить. Так что в целом должно получиться интересно.

А самое интересное начнется, если Джамал действительно вздумает напасть на эльфов!

Но не стоит разбрасываться. Сейчас главное — снять наконец этот проклятый ошейник!

Дирик уже ждал его со стилом и запасом глиняных табличек. Жена Дирика тоже ждала со своими инструментами. Когда Кеман вошел в шатер, оба дружески улыбнулись ему. И Дирик сразу взял быка за рога.

— Начерти свои карты на глине, — сказал он. — Так проще будет вносить исправления. А когда убедишься, что все начерчено верно, я отдам таблички своим жрецам, и они выжгут карту на коже.

Кеман кивнул и сел рядом с Калой. Прожив несколько дней бок о бок с этим народом, он наконец начал понимать, что они называют красотой. И потому Кеман видел, что Кала, должно быть, в молодости была красавицей, да и теперь осталась довольно привлекательной. Двигалась она с прежней грацией, а

когда она улыбалась, лицо ее словно освещалось изнутри. Фигура ее расплылась с возрастом, волосы поседели, но все это было неважно. Зато глаза у нее были красивее, чем у любого человека или даже эльфа, какого ему доводилось встречать: большие, темно-карие, бесхитростные, как у лани.

— Теперь, когда я уже разгадала секрет замка, много времени это не займет, — сказала Кала. И действительно, не прошло и минуты, как замок щелкнул и ошейник оказался в руках у Калы.

Кеман рассеянно потер шею и взялся за стило. Тут-то он порадовался, что мать научила его читать и писать по-эльфийски! Ведь эти Железные люди до сих пор не подозревали, кто он такой на самом деле, — и Кеман не собирался им об этом сообщать.

А чем скорее он начертит карту, тем скорее его отпустят и он сможет отправиться к Доре!

Однако дело заняло больше времени, чем хотелось бы: перенести расположение дорог и поместий на глину да еще сохранить при этом верное соотношение расстояний оказалось куда труднее, чем он думал. К тому времени, как Кеман нанес на четвертую табличку территорию, лежащую между степью и поместьем лорда Тилара, уже совсем стемнело.

— Карта очень приблизительная, — предупредил Кеман, когда Дирик передал последнюю табличку одному из младших жрецов. — Мне пришлось опустить многие детали.

— Ну, тогда тебе придется прийти еще раз, чтобы сообщить мне эти детали устно, — рассудительно ответил Дирик. — На самом деле, и тебе, и Шане, и двоим остальным еще не раз придется прийти ко мне, чтобы сообщить разнообразные детали. Это потребует много, очень много времени!

— А-а! — протянул Кеман. И в самом деле, какой же он дурак, что не сообразил! — Да, конечно. А нам ведь и нужно много, очень много времени, верно?

— Чем больше, тем лучше, — сказала Кала, протягивая ему ненавистный ошейник. — Надень его и замкни. Ты услышишь, что замок щелкнул, но теперь он не запирается, а только закрывается на защелку. Надави вот сюда, — она показала ему небольшую кнопочку на внутренней стороне ошейника, — и замок откроется.

— Спасибо! — горячо поблагодарил Кеман, надевая ошейник. Тут же застегнул, расстегнул, чтобы проверить, и вздохнул с облегчением, когда ошейник снялся, как и было обещано.

Кала приподняла бровь, но сказала только:

— Эти ошейники заберете с собой. Я не хочу, чтобы неисправные ошейники хранились у нас вместе с остальными. Если то, что вы говорите, правда и если Джамалу все же удастся воплотить свои мечты о завоевании, такие ошейники нам очень понадобятся...

— Спасибо вам еще раз! — сказал Кеман и выскользнул из шатра под прохладный ветерок, который всегда поднимался в степи после захода солнца.

Кеман забежал в свой шатер, чтобы поговорить с Шаной, но Каламадеа сообщил, что они с Меро пошли к Лоррину.

— Я к ним тоже скоро присоединюсь, — добавил старый дракон. — А ты?

— Я... я хотел поохотиться, — честно признался Кеман. Каламадеа кивнул.

— Смотри только, отойди подальше от стада, прежде чем превращаться. И захвати ошейник с собой. Если его кто-нибудь найдет, нехорошо получится. Рисковать пока не стоит.

Кеман пообещал, что так и сделает, и поспешно удрал.

Дора ждала его там, где и договаривались, — возле стада. Увидев ее, Кеман испытал и радость, и облегчение: ведь она могла бы исчезнуть за этот день, и тогда бы он больше никогда ее не увидел...

«У нас новости! — сообщил Кеман, едва успев подойти вплотную. — Дирик на нашей стороне, и его жена переделывает ошейники так, чтобы мы могли их снять!»

В ее мыслях отразилось удивление и радость.

«Но... но тогда мы сможем полетать вместе! И вообще, ты можешь сбежать!»

«Только с друзьями!» — ответил Кеман. Возможно, это прозвучало чуточку более сурово, чем он хотел.

Драконица виновато опустила голову.

«Извини, Кеман. Я... я просто забыла про них. Как-то трудно думать о тех, кого не знаешь».

Ее виноватый тон заставил смутиться и Кемана.

«Ты извини, что я на тебя так рявкнул. Просто день был тяжелый. А я к тому же не охотился с тех самых пор, как нас поймали, знаешь, как есть охота! А я вообще вспыльчивый, когда голодный».

«Ну, тогда летим скорее!» — сказала Дора. Кеман поспешно сбросил ошейник, превратился в молодого бычка, подхватил зубами презренную железку и побрел следом за Дорой к краю стада. Ей уже не раз приходилось удирать отсюда таким образом, а ему нет, так что Кеман старался во всем подражать Доре: шел за ней шаг в шаг и останавливался, когда останавливалась она.

Она очень долго выжидала — по крайней мере, так показалось Кеману. От ошейника рот наполнился противным металлическим вкусом. Кеман стоял, опустив голову, делая вид, что щиплет траву, чтобы ошейник никто не заметил. Ко всему прочему, эта железяка была еще и довольно тяжелой, и скоро у Кемана заныли челюсти. Наконец луна скрылась за облаками, и Дора двинулась в степь, скользя в травах огромной темной тенью. Кеман шагал следом. Его тело само приноравливалось к тому, чтобы двигаться беззвучно.

Отойдя подальше, туда, где пастухи уже не могли их услышать, они пустились в галоп. Если бы какой-нибудь разведчик и приметил их, он бы скорее всего принял их за диких животных: кто же подумает, что коровы могут забрести так далеко от стада! Коровы чувствуют себя неуютно, отбившись от своих. Только корова, собравшаяся телиться, может отойти в сторону, а стельная корова вскачь носиться не станет.

В конце концов Дора остановилась в неглубоком овражке, прорытом извилистым ручьем. «Давай!» — сказала она. Бока ее потемнели от пота и тяжело вздымались. От нее несло крепким коровьим духом. Будь Кеман в своем драконьем облике, ни за что бы не устоял: и Дора вместо того, чтобы поужинать вместе с ним, сама пошла бы ему на ужин.

«Давай! — повторила она. — Тут превращаться можно — никто ничего не заметит!» Кеман уронил тяжелый ошейник — хорошо еще, раньше не выронил! Он собирался посмотреть, как превращается Дора, а потом уже превратиться самому, но голод оказался сильнее его намерений: едва ошейник упал на землю, Кеман превратился в дракона быстрее, чем когда-либо.

Первое, что увидел Кеман, когда в глазах перестало мутиться, была юная и изящная драконица. Драконица взирала на него с неподдельным восхищением. Кеман тоже принялся внимательно разглядывать ее, радуясь про себя, что она — такой же дракон, как и он сам, хоть и не из его Рода.

Теперь, когда ошейник не мешал, переключить глаза на ночное зрение было проще простого. Луна давала достаточно света, чтобы различать цвета. При луне Дора казалась особенно прекрасной. Основной цвет ее чешуи был нежно-фиолетовый, слегка припорошенный золотистым, а спинной гребень — темно-пурпурный с золотом. Драконьи самки обычно крупнее

самцов, но Дора была с него ростом. Если бы она не опустила свою головку на длинной изящной шее, она смотрела бы Кеману прямо в глаза.

А глаза у нее были дивные — искристо-золотые, под цвет каймы на гребне. Короче, выглядела она потрясающе — и Кеман был потрясен. Он еще никогда в жизни не встречал столь очаровательной драконицы!

— Силы небесные! — выдохнула она, глядя на него. — Я и не знала, что ты такой красивый!

— Я тоже не знал, что ты такая красивая, — ответил Кеман, изо всех сил стараясь быть любезным.

Дора хихикнула и застенчиво склонила головку, кокетливо глядя на него краешком глаза.

— У тебя, должно быть, в голове помутилось от голода, иначе ты бы так не сказал, — прошептала она почти беззвучно. — Летим, поохотимся!

Она развернулась и взмыла в воздух. Кеману ничего не оставалось, как торопливо застегнуть ошейник на лапе и ринуться следом.

Дичь долго искать не пришлось: окрестности вокруг лагеря Железного Народа опустели, но это означало лишь, что животные, которые обычно паслись в тех местах, перешли в другие, незнакомые им земли, где они чувствовали себя чужаками. Они не знали, где находятся безопасные укрытия, и к тому же их преследовали сородичи, которые считали эту территорию своей. Со временем все утрясется, но пока что эти звери были легкой добычей. Хищники безжалостно пользовались их уязвимостью — и Кеман с Дорой поступили так же.

Каждому удалось поймать по оленю. Настигнув своего, Кеман перетащил его туда, где лежала добыча Доры, чтобы попировать вместе.

Утолив первый голод, Кеман начал украдкой поглядывать в сторону Доры. Не раз он замечал, что она тоже смотрит на него. И каждый раз он ощущал какой-то странный трепет в животе — такое бывает, когда попадешь в воздушную яму, только это было приятнее. А когда Дора смотрела на него в ответ, у Кемана возникало такое чувство, как будто он играет с молниями.

Дора уже ела накануне, а потому насытилась быстрее Кемана, и уступила ему половину своего оленя. Кеман принял дар с благодарностью: молодой дракон буквально умирал от голода, и никакой «трепет» не мог испортить ему аппетит.

— Так что там случилось-то? — спросила Дора, аккуратно вылизывая кровь с когтей. — Ты сказал, что вчера вечером Дирик внезапно встал на вашу сторону.

Кеман, не переставая есть, рассказал ей все, что произошло за эти сутки, вплоть до того, как он начертил карты для Дирика. Дора внимательно слушала, время от времени кивала, иногда задавала вопросы. Судя по этим вопросам, она знала о Железном Народе куда больше, чем даже Каламадеа, и очень хорошо разбиралась в интригах внутри клана. Это и неудивительно — она ведь так долго шпионила за ними!

— Джамал опасен, — коротко заметила она, когда Кеман умолк. — Вся беда в том, что он действительно хитер, умен и пользуется большим влиянием. Если ему хватит влияния, он вполне может убедить свой народ напасть на этих ваших эльфов. А если он окажется достаточно умен, он нападет на какое-нибудь отдельное поместье, разграбит его и, пока эльфы не успели опомниться, уведет свой клан обратно на родину.

— И что тогда? — спросил несколько ошеломленный Кеман. — Что ему это даст, кроме нескольких безделушек? Даже если он разграбит все поместье лорда Тилара, добыча окажется слишком мала, когда ее поделят на всех.

— А если он не станет ее делить? — ответила Дора вопросом на вопрос. — Если он оставит все себе и свалит добычу в одну большую кучу? Зрелище получится весьма впечатляющее. Это пробудит алчность не только в его клане, но и во всех кланах, которые это увидят.

— У-у-у! — сказал Кеман, поняв, к чему она клонит. — Тогда все захотят обогатиться, и он сделается предводителем всех кланов и снова вернется сюда...

Дора кивнула.

— Не знаю, смогут ли эти ваши эльфы противостоять всем Железным кланам, вместе взятым. Может, и смогут, если поведут себя по-умному. Но когда все эти кочевники явятся сюда в поисках добычи, они непременно наткнутся на твоих друзей — разве что те на целый год запрутся в горе и замуруют все выходы.

Кеман поразмыслил.

— В принципе, это возможно. К тому же остальные драконы из моего Логова могут преградить незваным гостям путь к горе.

— Но дело не только в этом, — продолжала Дора. — Даже если Джамал потерпит поражение и решит отступить, он все равно останется вождем всех кланов. Вернувшись на родину, он

начнет искать новую добычу и рано или поздно доберется до моего Рода.

Кеман содрогнулся. Он вспомнил, как Каламадеа спокойно объяснял Шане, что железное оружие вполне способно убить их обоих, прежде чем они сменят облик. А летящий дракон все равно уязвим для мощного лука.

— Его надо остановить!

— Сперва вам еще надо сбежать, — напомнила Дора. Она немного помолчала, потом объявила: — Я вам помогу.

— В самом деле? — радостно воскликнул Кеман. — Ты полетишь со мной?

— Только пока никому обо мне не рассказывай! — спохватилась Дора. — Пожалуйста! Я... мне еще надо все это обдумать... и решить, как лучше сообщить моему Роду, что есть и другие... и...

— Хорошо, хорошо! — поспешно пообещал Кеман. — Можешь оставаться незамеченной сколько хочешь. Только... только я хотел бы все же видеться с тобой каждую ночь, — застенчиво добавил он.

— Что, правда? В самом деле? — растерянно пробормотала Дора. — Конечно, пожалуйста! Но...

В ту ночь они больше никаких планов не обсуждали.

Лоррин тревожился по поводу того, что скажет Шана, когда увидит его сестру. А как отнесется к Рене молодой полукровка, который был вместе с Шаной? Конечно, в Рене нет ничего угрожающего, и все-таки...

Ну, тут уж ничего не поделаешь. Чем быстрее они с этим разберутся, тем лучше.

Лоррину с Реной отвели одно из отделений большого шатра, где жили Кала с мужем. Конечно, тот маленький шатер, где их поместили сначала, этому и в подметки не годился. Раньше Лоррин всегда думал, что шатер — он и есть шатер и его очень трудно сделать хотя бы мало-мальски удобным, не говоря уж о роскоши.

Теперь юноша понял, как он ошибался. Если бы он не знал, что они в шатре, он принял бы эту комнату за роскошную беседку. Деревянный пол был в шесть-семь слоев устлан узорчатыми ковриками. Вдоль стенки шатра была натянута тонкая сетка, прикрепленная к плетеной решетке высотой по колено. Это было сделано для того, чтобы внутрь не налетали комары и мухи.

Стенки были увешаны многоцветными гобеленами. Они скрывали грубый войлок и давали дополнительную защиту от жары и холода. С потолка свисали кованые фонарики изумительно тонкой работы. В фонариках горела какая-то душистая смесь — Кала сказала, что это ароматное масло. Оно давало яркий ровный свет и наполняло воздух слабым мускусным запахом. По полу были разбросаны вездесущие подушки. Тюфяки были мягкие, набитые сеном и застеленные тонкими одеялами и шкурами зверей. Шатер был разделен на отдельные комнаты войлочными перегородками, тоже увешанными гобеленами. Перегородки слабо покачивались на сквозняке, дующем сквозь сетку: внешние стенки были подняты.

Кала одела Рену в вещи, которые, как она сказала, принадлежали одной из ее дочерей. Эта ее дочь обладала неудобным свойством вырастать из одежды, прежде чем ее успевали дошить. Рена была очень рада переодеться. Вещи, которые она захватила с собой, не очень-то годились для летней жары. Лоррин подумал, что одежда кочевников ей очень идет. В этом наряде Рена совсем не похожа на типичную эльфийскую деву. Остается выяснить, что скажут об этом те двое...

Кала ввела в комнату двоих полукровок, кивнула и удалилась. Лоррин указал гостям на подушки и уселся сам.

— Лоррин, это Меро, кузен Валина, — представила Шана. — Ты, должно быть, слышал о нем...

— Слышал.

Лоррин склонил голову набок, внимательно изучая худощавого темноволосого молодого человека с удивительно яркими изумрудными глазами. Молодой человек, в свою очередь, разглядывал Лоррина.

— В Совете теперь говорят, что Валин и сам был полукровкой — что, дескать, будь он чистокровным эльфом, он никогда не восстал бы против своего рода.

Меро фыркнул:

— Да кто, наделенный хоть частицей совести, хоть каплей сострадания, не восстал бы против такого отца, как Диран!

— О, эти качества у лордов Совета встречаются нечасто! — напомнил ему Лоррин. — Ну что ж... Шане я про нас почти ничего не рассказывал, так что теперь, когда вы оба здесь, я, пожалуй, расскажу вам все поподробнее.

И он во всех подробностях поведал им историю своего бегства, умолчав лишь о том, что Рена — не полукровка. Он сделал это нарочно. Лоррин хотел, чтобы они отнеслись к Рене не-

предвзято. Раз Меро был родичем чистокровного эльфийского ан-лорда, который пожертвовал всем, чтобы спасти его, логично будет предположить, что они отнесутся к Рене без предрассудков...

Но, с другой стороны, предрассудки не всегда подчиняются логике...

Когда Лоррин закончил, Шана шумно перевела дух.

— Ну и история! Прямо-таки приключенческий роман! — сказала она. — Это куда интереснее, чем мое бегство с торгов!

— Да, у нас с Валином все вышло куда скучнее, — признался Меро. — Мы даже не видели своих преследователей — просто знали, что нас преследуют.

— Ну, я бы тоже предпочел смыться тихо, — пожал плечами Лоррин. — Хотя, если все кончится благополучно, мне потом будет очень приятно вспоминать все, что с нами было. Хотел бы я только знать, что стало со служанкой моей сестры, — добавил он, нахмурившись.

Шана многозначительно взглянула на Меро.

— Она, похоже, не из наших, — сказала она. — Хотя есть и другие способы сменить облик, кроме личины. Если она была... в общем, можешь за нее не беспокоиться. Если она из тех, кто обладает подобными способностями, в реке она точно не утонет.

Лоррин был очень рад это слышать.

— У меня просто гора с плеч свалилась! А то я таким виноватым себя чувствовал! — признался он. — Ну ладно, теперь осталось разобраться еще с одним делом. Рена! — позвал он.

Рена отодвинула занавеску соседней комнаты, где она сидела все это время, дожидаясь условного знака, и вышла на свет. Она выглядела очень смущенной, озабоченной и беззащитной.

И сразу бросалось в глаза, что она эльфийка.

Шана только приподняла бровь, зато Меро шумно втянул в себя воздух.

— А я-то все думал, что такое ты скрываешь! — сказал молодой волшебник, чуть заметно усмехаясь. — Приятно видеть, что Валин был не единственным порядочным в своем народе!

Шана встала и, не колеблясь, протянула руку Рене.

— Рада видеть тебя без личины, — сказала она, когда Рена неуверенно пожала ей руку. — Надо сказать, что девушка, выросшая взаперти и тем не менее сумевшая стать достойной спутницей своему брату в подобном путешествии, заслуживает

эльфийского почтения. Хотелось бы знать, что ты думаешь о нашем деле.

— Мне тоже, — сказал Меро. — Не желаешь ли присесть?

Он указал на подушки между ним и Лоррином.

— Спасибо, с удовольствием! — Рена улыбнулась и заметно расслабилась. — Я надеюсь, что буду вам полезна, хотя бы немного.

— Ты будешь очень полезна! — сказал Лоррин, когда Рена опустилась на подушки, искоса взглянув на Меро. Шана тоже села, и Лоррин инстинктивно обернулся к ней. — Единственное, чего не знаете ни вы, ни я, — это магия, которой обучают наших женщин. Это очень тонкое искусство, оно действует почти незаметно. Вот, к примеру, если бы вам или мне нужно было обрушить этот шатер, мы бы его просто снесли. А Рена поступила бы совсем иначе.

— Я бы ослабила все колья и веревки, на которых он держится, — скромно сказала Рена. — И как только налетит ветер, — а ветер тут дует каждый вечер, шатер обрушится сам собой.

— И если вам нужно было поймать в ловушку тех, кто находится внутри, в какой-то определенный момент, то ее способ куда лучше, — продолжал Лоррин.

— Ну, это если только ты хочешь поймать их именно вечером, — возразила Шана. — Но я понимаю, что ты имеешь в виду.

Внезапно Шана резко развернулась к Рене и уставилась на нее.

— В чем дело? — спросил встревоженный Лоррин.

Шана только головой покачала.

— Да нет, ничего. Я просто... мне вдруг почудилось, что в твоей сестре есть нечто знакомое.

Лоррин подумал, что Шана что-то скрывает: она продолжала испытующе поглядывать на Рену. Но, поскольку волшебница держалась не враждебно, Лоррин в конце концов решил, что тут какие-то женские тайны, которых мужчине не понять, и решил об этом не думать.

— Во всяком случае, если Дирик хочет, чтобы наше исчезновение выглядело так, как будто мы могли сделать это в любой момент, Рена может оставить следы, которые их совсем собьют с толку, — указал он. — Например, она может так изменить еду воинов Джамала, что она превратится в снотворное, она может сделать так, что шатер обрушится уже после нашего ухода, она...

— Не преувеличивай, Лоррин, — перебила его покрасневшая Рена. — Я сделаю, что смогу, но я ведь не великая волшебница, как Ла... как Проклятие Эльфов.

Она решительно не могла заставить себя называть Шану иначе, чем этим почетным титулом.

Но Шана только рассмеялась.

— Может, Проклятие Эльфов и великая волшебница, но я — вовсе нет, поверь мне, — дружелюбно ответила она, улыбаясь Рене. Рена снова залилась краской, а Лоррин улыбнулся в ответ. — Будь я великой волшебницей, разве бы мы попались так по-глупому? Нет, лучше всего будет объединить наши силы и способности и использовать их к общей выгоде. Тонкая магия — это большая ценность. Вот, например, приручение единорогов — чрезвычайно полезная штука! Или, скажем, умение останавливать сердце...

Шана сказала это как бы между прочим, но Лоррин заметил, как блеснули ее глаза. И, к удивлению Лоррина, его сестра немного побледнела.

Но ее ответ прозвучал довольно уверенно.

— Я... да, мне это приходило в голову, — тихо сказала эльфийка. — Я даже однажды попробовала — с птицей, которая уже и так умирала. Но только один раз.

Неужели? Это удивило Лоррина больше, чем все остальное, вместе взятое.

— Это не то умение, которым стоит пользоваться направо и налево, — только и сказала Шана; но по тому, как она это сказала, Лоррин понял, что память обо всех погибших во второй Войне Волшебников тяготит ее душу и будет тяготить всегда. — Но иногда...

Взгляд Шаны устремился куда-то вдаль, в пустоту, куда ему, Лоррину, никогда не докричаться.

— Иногда у тебя просто нет выбора. Если это умение позволит тебе спасти чью-то невинную жизнь...

Шана тряхнула головой и вернулась к действительности.

— Ну, как бы то ни было, вряд ли я попрошу тебя сделать нечто подобное... ну, скажем, с Джамалом. Он ведь пока что никому особого зла не причинил. А может, и не причинит. Возможно, он так напугается, обнаружив, что мы вдруг исчезли, что тотчас же развернет своих людей и отправится обратно домой. А возможно, к нему среди ночи явится его Первый Кузнец и скажет, что он плохо себя ведет. Всякое может случиться.

Рена кивнула. Видно было, что от последних слов Шаны на душе у нее заметно полегчало.

Меро успокаивающе похлопал ее по руке. Рена робко улыбнулась ему. Он ответил ей ободряющей улыбкой. И не отнял руки.

«Ух ты-ы!» — подумал про себя Лоррин. На миг в нем проснулся инстинкт защитника, обязанного оберегать сестру...

Но только на миг. А собственно, почему бы и нет? Разве хоть один чистокровный эльф держался с Реной так любезно и учтиво, как Меро, несмотря на то что они едва успели познакомиться? Быть может, он просто сочувствует ей...

«Ага. А мои Предки с обеих сторон вот-вот встанут из могил и провозгласят вечный мир между народами!»

Ну, а даже если это нечто большее, чем простая любезность, — что с того? Какое ему дело? Судя по тому немногому, что он слышал о Меро, человек он хороший. А тот, кто так долго находится рядом с Шаной, разумеется, давно должен был избавиться от всех эльфийских предрассудков насчет женщин.

Но что скажет Шана? Интересно, она что-нибудь заметила?

Лоррин взглянул на Шану. Заметила, заметила. Она смотрела на соединившиеся руки Меро и Рены и чуть заметно улыбалась.

Так-так-так... Ну что ж, если Шана не против и даже одобряет это, кто он такой, чтобы вмешиваться?

«А может, все это вообще кончится ничем!» — напомнил он себе и вернулся к размышлениям об их нынешнем положении. Обо всем прочем будет время подумать потом, когда они вырвутся на свободу.

Мире была очень довольна ходом событий. В Цитадели старый Каэллах Гвайн потихоньку подкапывался под тех, кого Шана оставила управлять делами в ее отсутствие, — а те, кто был предан Шане, с каждым днем все больше впадали в растерянность. Мире бродила среди волшебников в облике бывшего раба-человека, стараясь не попадаться на глаза драконам, и сеяла сомнения и слухи. Может быть, Шана решила их бросить... Может быть, она попала в плен к эльфам... Может быть, она погибла в когтях какого-нибудь чудовища из тех, что бродят в глуши...

Мире аккуратно, исподволь внушала волшебникам мысль, что, так или иначе, Шана больше не вернется.

Каэллах Гвайн, старый лис, охотно подхватывал все подобные слухи и распространял их дальше. Денелору и главному волшебнику стоило немалого труда удерживать прочих в повиновении. При первой же реальной опасности единство волшебников разлетится вдребезги.

А что касается Джамала...

Мире снова поджидала его в том овраге. Во время прошлой встречи он еще не был готов взять ее в союзники, но драконица чувствовала, что он близок к этому. Он, видимо, выжидает, желая знать, чего хочет она. Что ж, вполне разумно с его стороны...

Глухой топот копыт предупредил драконицу о приближении Джамала. Мире приготовилась к длительной задушевной беседе. Она решила, что, если Джамал спросит, чего, собственно, добивается она сама, она скажет ему правду. Это он поймет.

Джамал появился из-за поворота, ведя в поводу боевого быка. Он остановился на почтительном расстоянии от драконицы.

— Я пришел, — коротко сказал он.

— Я тоже, — кивнула Мире. — Итак, военный вождь, я предложила тебе союз. Ты сказал, что тебе надо подумать. Ты подумал?

— Подумал.

Вождь свел густые брови.

— Ты не сказала мне, что этот союз даст тебе. А ведь сказано: «Союзник, который ничего не просит, захочет получить все». На такую сделку я не пойду.

Мире разразилась шипящим хохотом:

— Ты мудр, о вождь! Не тревожься. Я скажу тебе, чего я добиваюсь, — и ты меня поймешь. Многим это показалось бы незначительным, но для меня это бесценная награда.

Джамал молчал, выжидая, пока Мире назовет свою цену.

— Месть! — прошипела она и увидела, как лицо вождя озарилось пониманием. Он оценил. — Ты держишь в плену моего врага и моего брата. Вот моя цена: отдай их мне!

— По рукам, — не раздумывая, ответил Джамал и вонзил в землю свое копье. — Клянусь красной землей и черной землей, Горном и Пламенем. А теперь что мы будем делать?

Он вопросительно склонил голову набок.

— Ты уже знаешь, что я могу принять любой облик, какой мне угодно, ибо сам это видел, — ответила драконица. — Так что для начала я появлюсь среди твоего народа в таком обличье, что меня никто ни в чем не заподозрит. Так мне удастся узнать, кто тебе друг, кто враг, а кто колеблется. Потом, когда придет время, ты возьмешь в руки всю власть над кланом. Видя тебя верхом на драконе, кто усомнится в твоем праве? Ты укажешь на тех, кто сильнее всего сопротивляется тебе, и... — Мире выразительно оглядела свои когти. — Дальнейшее очевидно.

Джамал улыбнулся и кивнул.

— Да, думается мне, после первых уроков возражать мне уже никто не осмелится! — сказал он с кровожадным смешком, который был бы к лицу самому свирепому дракону. — А потом ты снова отправишься к ним в том облике, который ни у кого не вызовет подозрений, и узнаешь, кто мои тайные противники, так?

— Именно так.

Теперь уже Мире вопросительно склонила голову.

— Я так понимаю, что ты уже придумал для меня подходящее обличье?

— О да! — Теперь Джамал расхохотался. — В этом-то вся соль! Вот послушай...

Когда Шана позволяла себе на минутку отвлечься от насущных проблем, она чувствовала, что в душе у нее царит полный хаос. До сих пор она думала, что любит Валина, и только Валина, и будет любить его вечно. Бедного Валина, который пожертвовал собой, чтобы спасти их всех от своего отца.

Дружба с Меро так и осталась для нее не более чем дружбой. Так же, как дружба с Зедом и прочими ее ровесниками среди волшебников. Шана говорила себе, что настоящая любовь бывает только раз и что теперь ей остается только как можно лучше распорядиться своей жизнью. Сейчас, через год, Шана даже снова научилась радоваться. Но никогда не думала, что ее сердце вновь проснется.

А теперь... теперь она уже не была уверена в этом. Она даже не была уверена, что действительно любила Валина! Она была увлечена им — да, конечно. Пожалуй, даже влюблена — до безумия. Но любила ли она его? Похоже, что нет...

Когда она впервые увидела Лоррина без личины, она невольно сравнила его лицо с чертами Валина. Сравнение было не в пользу Лоррина, ведь в Лоррине эльфийская кровь была куда заметнее, чем, скажем, в Меро, в котором было куда больше человеческого.

«Или во мне!» — напомнила себе Шана. Ее волосы уже достаточно отросли, чтобы причесывание превратилось в длительное и нудное занятие. Но зато это давало ей время подумать о чем-то, кроме нынешних проблем. А огненно-рыжие пряди, струящиеся между пальцами, лишний раз напоминали девушке, как мало в ней самой от эльфийской девы.

Ну, а Лоррин — по сравнению с Валином он казался неумелой копией с шедевра. Примесь человеческой крови сделала

эльфийские черты грубее и крупнее — ровно настолько, чтобы это бросалось в глаза. Так что первое впечатление, основанное лишь на внешности, оказалось не слишком благоприятным.

Но стоило ему заговорить...

Стоило Лоррину заговорить, как Шана поняла, что внешность в нем — совсем не главное. Его лицо могло бы быть корявым, как у глиняной куклы, и все равно Шана обратила бы на него внимание.

«И к тому же он слушает то, что говорю я, в отличие от Валина. Он ценит мои мысли не меньше собственных! А между тем его собственные мысли весьма разумны...»

Шана взяла кожаный шнурок и принялась заплетать косу, стараясь не запутать с таким трудом расчесанные волосы.

К тому же Лоррин не упрям: если идея ему нравится, это не значит, что он будет изо всех сил цепляться за нее, когда кто-то укажет, почему эта идея не годится.

Он готов учиться — у кого угодно: у Шаны, несмотря на то что она женщина; у Меро, хотя он моложе; у собственной сестры — хотя уж к ней-то, казалось бы, Лоррин должен относиться со снисходительным пренебрежением, с каким все эльфы относятся к своим женщинам.

Это не значит, что они с Шаной никогда не ссорились...

«Да нет, какие же это ссоры? Так, повздорили слегка пару раз. Это из-за того, что все мы нервничаем». Но он потом каждый раз спешил извиниться и все загладить — так же, как и сама Шана. А уж Шана-то за эти два года привыкла при необходимости извиняться перед кем угодно. Уж если она была вежлива даже со старыми нытиками... Но от Лоррина она такого не ожидала.

А теперь она из кожи вон лезла, чтобы проводить с ним как можно больше времени — хотя раньше предпочла бы побыть одна. Впервые за этот год она начала заботиться о своей одежде и прическе. Она рассказывала ему о себе такое, в чем не призналась бы никому другому. Нет, не факты, а чувства. Как ей не нравится быть Проклятием Эльфов, как это тяжело, когда люди все время ждут от тебя чудес и злятся, когда обнаруживают, что ты не всесильна. Она призналась Лоррину, что порой ей кажется, будто она вот-вот рухнет под этим невыносимым грузом ответственности, а ведь на самом деле она совсем не годится в предводители...

И ей казалось, что Лоррин все понимает. По крайней мере, он слушал. И не пытался утешить ее пустыми словами.

Шана легонько тряхнула головой и завязала шнурок в косе. Она вроде как договорилась встретиться с ним сегодня вечером — только с ним одним. Потому что в маленькой группке заговорщиков происходило кое-что еще, чего Лоррин мог не одобрить. Шана не знала, заметил ли он, но лучше обсудить с ним то, что происходит между Меро и его сестрой, а то вдруг Лоррин ничего не замечает.

Хотя трудно было не заметить, что Меро и Рена вдруг полюбили прогулки под луной — причем гулять они отправляются одновременно. Хотя, говорят, мужчины временами бывают так наивны в подобных делах...

Шана выскользнула из шатра. Шатер, кстати, был пуст. Меро уже ушел «погулять». Кеман с Каламадеа отправились на охоту. Эльфы, как обычно, развлекают кочевников и вернутся не раньше полуночи. Так что ее отсутствия никто не заметит.

Однако Кала заметила ее, когда Шана представилась жрецу, охранявшему вход в шатер Дирика. Мудрая женщина только улыбнулась, заверила жреца, что Дирик ждал прихода «демона», и пригласила Шану внутрь.

Дирика, разумеется, нигде не было. Кала удалилась на свою половину, хихикнув на прощание. Шана была только рада, что хозяйка не вызвалась ее проводить. Разговор и без того будет непростой...

Лоррин ожидал ее у входа в свою комнату. Он приподнял занавеску, пропуская Шану внутрь. В свете лампы его волосы сверкнули чистым золотом.

— Я слышал, как ты вошла, — сказал он, как бы извиняясь.

Шана проскользнула внутрь, и Лоррин опустил занавеску. Он уселся на свою любимую подушку и пригласил Шану сесть напротив.

— Так о каком же важном деле ты хотела поговорить так поздно вечером? — спросил он, слегка приподняв бровь. — И при этом непременно без Рены и без Меро? Кстати, они оба вдруг ушли по какому-то важному делу. Или ты предоставишь мне догадаться самому?

— Я думаю, ты уже догадался, — с облегчением сказала Шана, ощутив при этом что-то похожее на разочарование. Значит, зря она так готовилась, обдумывая, как лучше открыть ему страшную истину...

— Насколько я понимаю, моя ненаглядная сестренка собирается влюбиться в полукровку — если уже не влюбилась. — Лоррин скорбно покачал головой. — Увы мне! Куда катится

этот мир? А как же наши священные обычаи? Налицо полное падение нравов!

Лоррин скорчил унылую гримасу и погладил воображаемую бороду, подражая возмущенному старцу — любой расы.

Шана захихикала. Лоррин ухмыльнулся и снова принял нормальный вид.

— Раз ты не против, с чего мне-то возражать? — спросил он. — В конце концов, Меро — твой друг, и я не знаю, какие отношения были у вас с ним до этого. И спрашивать не собираюсь, — торопливо добавил он, прежде чем Шана успела что-нибудь ответить. — У Рены своя голова имеется, и она в своем праве. Пусть влюбляется в кого хочет. Видят Предки, она дорого заплатила за это право!

Лоррин ненадолго умолк, но Шана чувствовала, что не все еще сказано.

— Незадолго до того, как мы сбежали, ее собрались выдать замуж за круглого идиота. Такова была воля лорда Тилара. Он желал породниться с семейством, более могущественным и более древним, чем наше, и ради этого брака был готов на все — даже на то, чтобы лишить Рену воли и разума. Она так говорит — и, задним числом, я ей верю. Так как же я могу противиться ее счастью?

Шана пожала плечами.

— Мы с Меро всегда были не более чем друзьями. Хотя его кузен норовил нас поженить. Но не вышло.

И чем меньше об этом будет речи, тем лучше.

— Я знаю, что Рена ему действительно нравится как личность и что он всегда будет обращаться с ней как с личностью. А что до прочего... — Шана снова пожала плечами. — Кто знает? Будь что будет. Одно могу сказать: тебе нечего бояться, что волшебники в Цитадели откажутся ее принять. После всего, что сделал для нас Валин, это просто невозможно.

Лоррин вздохнул.

— Надо признаться, что я действительно тревожился на этот счет. Если бы вы ее не приняли, мне пришлось бы уйти вместе с ней. Я не мог бы бросить и ее тоже.

«И ее тоже»?

У Шаны язык чесался спросить, что он имеет в виду, но она не решилась: в глазах Лоррина стояла такая глубокая боль, что она, пожалуй, была под стать ее собственным горестям. Но юноша поднял глаза и дал ей ответ точно сокровенный дар:

— Моя мать... эльфийка, леди Виридина... она моя настоящая мать, это мой отец был человеком, — тихо сказал он. — Она скрывала меня под личиной до тех пор, пока я не стал достаточно взрослым. Она рассказала мне, кто я такой, и научила меня защищаться. Я уже говорил тебе, почему нам пришлось бежать: в наш дом явились маги из Совета, чтобы проверить, не полукровка ли я. Отец точно знает, что он чистокровный эльф. Я не мог остаться, иначе бы меня схватили; но, бежав, я фактически признался, что я действительно полукровка. Так что остается...

— Твоя мать, у которой был любовник-человек! — выдохнула Шана. — И она не могла забеременеть случайно, верно?

— Да, для нее это было бы концом всего, — признался Лоррин бесцветным тоном. — Она может притвориться безумной; она может создать фальшивое воспоминание, так что лорды Совета увидят, что ее родное дитя родилось мертвым, а повитуха подкинула ей младенца-полукровку. Конечно, если они копнут поглубже, это не сможет объяснить, почему я с самого рождения выглядел как чистокровный эльф, но если она сделает вид, что сошла с ума, ее просто поручат заботам лорда Тилара. Но ей придется до конца дней своих жить в башне, пленницей в собственном поместье, не имея ничего сверх самого необходимого. Лорд Тилар никогда не простит ей обмана — более того, он никогда не простит ей того, что, оказывается, он так и не смог зачать сына.

Лоррин чувствовал куда более сильную тревогу и вину, чем желал показать, — Шана это видела. Ему казалось, будто во всем, что происходит сейчас с его матерью, каким-то образом повинен он сам. И, увы, утешить его Шане было нечем.

В конце концов юноша поднял голову и слабо улыбнулся.

— Шана, мне хочется задать тебе один вопрос... Но боюсь, он покажется тебе чересчур личным и, может быть, нескромным... Не знаю, имею ли я право спрашивать об этом...

«Вот как?!»

— Спрашивай, спрашивай! — разрешила Шана. — Я всегда считалась специалистом по нескромностям.

— Ты была влюблена в Валина?

Хотя Шана как раз только что обдумывала этот вопрос наедине с собой — или именно поэтому, — вопрос Лоррина застал ее врасплох, и она выпалила, не успев подумать:

— Если бы ты спросил об этом месяц назад, я ответила бы «да».

Сказав так, Шана сама испугалась собственной откровенности.

— А теперь... теперь я не знаю. Я начинаю думать, что, может быть, и нет...

— А-а! — сказал Лоррин и улыбнулся чуточку шире. — Это хорошо.

— Хорошо? — резко спросила Шана. — Почему это?

— Потому что это значит, что у меня есть шанс, — ответил Лоррин. Его откровенность поразила Шану еще больше. Лоррин взял ее за руку. — Я сделаю все, что в моих силах, и, может быть, этого хватит — но если бы ты была влюблена в Валина, мое дело было бы безнадежно. Мне не по силам тягаться с призраком.

— А! — только и смогла вымолвить Шана, глядя на Лоррина круглыми от удивления глазами. — Понимаю.

— Я тоже думаю, что понимаешь.

Лоррин еще некоторое время смотрел в глаза Шане, потом встал на ноги и мягко поднял ее.

— А пока что я думаю, что Меро с Реной правы: в этих прогулках под луной есть некое очарование. Пошли пройдемся?

Шейрена еще никогда в жизни не чувствовала себя такой счастливой. Они с Меро медленно брели по степи, залитой лунным светом, мягкий ветерок нес душистый запах трав, вокруг звенели цикады и щебетали ночные птицы. Так легко было забыть, что они на самом деле пленники, и отдаться очарованию этой минуты!

А для Рены тем более: ей всю жизнь приходилось довольствоваться краткими мгновениями счастья, так что ей было не привыкать.

Меро был совсем не похож на героя романа. Это и неудивительно, ведь все романы писались под пристальным взором эльфийских мужчин, и, хотя все герои в них были скроены так, чтобы понравиться эльфийским девам, они, кроме этого, были еще и воплощением идеала мужчины с точки зрения сильного пола. Герою романа полагалось ворваться в жизнь девушки, ошеломить ее своим мужским обаянием, защитить от всего на свете и принять за нее все решения. А Меро... Меро поддерживал ее — но не защищал. Когда Рена чувствовала себя неуверенно — а такое бывало более чем часто, — Меро сжимал ее руку или просто смотрел ей в глаза, и этот жест, этот взгляд без

слов говорили: «Ты — сможешь. У тебя получится. Ты нужна. Ты умная».

И это было для Рены куда важнее, чем всякая там защита. «Ты самостоятельная...»

Меро никогда не держался с ней покровительственно. Да, он протягивал ей руку, чтобы помочь преодолеть трудное место, но при этом он ждал, что при нужде и она ответит ему тем же, поддержит его...

— Дорого бы я дал за то, чтобы узнать, о чем ты сейчас думаешь! — нарушил молчание Меро.

Рена рассмеялась.

— О, всего лишь о том, как хорошо, что ты — это ты!

— Я — это я? Но кем же я мог бы быть еще? — спросил Меро, изображая недоумение.

— Ну, хотя бы тем идиотом, за которого меня собирались выдать замуж!

Она рассказала Меро про тот ужасный обед с Гилмором. Меро выслушал сочувственно, но тут же посоветовал подумать о том, как должна была чувствовать себя эта наложница. Наверняка она очень боялась утратить свое положение — ведь судьба отвергнутой наложницы чрезвычайно печальна. Ее ждет падение, а там, внизу, найдется достаточно таких же рабынь, как она, которые будут только рады ее унижению.

Рене вспомнились бывшие отцовские наложницы. Вероятно, потому они и злые такие, что чувствуют себя несчастными! И как иначе они могут потешить свою гордость, если не бунтуя время от времени?

Мать, должно быть, понимала это и потому смотрела сквозь пальцы на выходки рабынь. Рена тогда и не подозревала, что ее мать настолько чуткая...

— Ну что ж, на самом деле я тоже рад, что я — это я. И что ты тоже все больше становишься самой собой.

Меро ласково пожал ей руку. Рена придвинулась поближе. Где-то замычала корова.

— Знаешь, ты становишься сильнее с каждым днем, прямо на глазах. Ты все чаще вспоминаешь, что главное — не бояться.

— Да нет, все равно я трусиха! — сказала Рена. Но Меро покачал головой:

— Вовсе нет. Ты просто иногда забываешь, какая ты на самом деле храбрая. Вот и все.

Он поднес руку Рены к губам, развернул ее ладонью кверху, поцеловал и сомкнул кулак Рены.

— Вот тебе. Храни как напоминание.

Девушка вздрогнула от удовольствия и счастья и почувствовала, что краснеет.

— Хорошо, я буду его хранить, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил Меро.

И это-то и было самое главное. Он действительно знал.

Знал, что Рена навсегда запомнит этот миг. Что бы ни случилось, этот поцелуй останется с нею навеки.

Глава 9

Сегодня, пока Джамал смотрел, как тренируются его воины, заговорщики впервые собрались под открытым небом, а не в шатре. Кеман тревожно озирался: ему не нравилось, что они стоят тут, в проходе между двух шатров, принадлежащих жрецам. Но ему так и не удалось обосновать свои возражения.

Кеману было не по себе с того самого момента, как Джамал подозрительно легко поддался на требование Шаны. Что-то тут было не так. Но на самом деле единственное, что мог сказать Кеман, — это что все идет чересчур гладко. А этого, согласитесь, маловато. Джамал помалкивал и не вмешивался в дела пленников. Он ни о чем не спрашивал, молча принимал карты, молча выслушивал описания поместий и их охраны и вообще, казалось, ничего не собирался предпринимать. Кеман чуял, что дело тут нечисто. Ведь Шана опозорила Джамала при его воинах, а Джамал явно не из тех, кто готов спускать подобные вещи. Джамал — опасный враг, он не прощает даже ошибок, не то что оскорблений.

Шана говорила Кеману, что все его тревоги не стоят выеденного яйца, и ехидно спрашивала, неужели он скучает по опасностям. Но молодой дракон никак не мог избавиться от ощущения, что все они чего-то не видят — чего-то очень важного. В поведении Джамала явно что-то кроется, надо только понять, что...

Утро выдалось жаркое, и к обеду навалилась невыносимая духота — ни ветерка и в небе ни облачка. Дальние холмы дрожали в полуденном мареве, пот стекал по телу, не испаряясь и не остужая. Шатры так накалились, что даже Железный Народ не выдержал. Потому Дирик и согласился на предложение Шаны для разнообразия встретиться на улице. В конце концов,

Джамал и все его воины собирались сегодня устроить что-то вроде турнира, чтобы проверить, насколько они готовы к битве, — хотя с кем они должны биться, Джамал пока не говорил. По крайней мере, большинство членов клана об этом ничего не знали. Так что заговорщики чувствовали себя в безопасности.

Все, кроме Кемана. Ему все время казалось, что они, сами того не зная, содействуют планам Джамала...

— Если бы мы могли отрастить когти, чтобы разодрать стенки шатра, и крылья, чтобы улететь оттуда... — говорила Шана. — Или лучше было бы сделать вид, что мы провалились под землю?

— Я предпочел бы второе, — начал Каламадеа. — Первый вариант...

Но тут его перебили.

— Ах, какое трогательное зрелище! — с растяжечкой произнес чей-то громкий голос.

Каламадеа, Кеман и Шана дернулись, словно марионетки на веревочках. Это было сказано не на языке Железного Народа, а на языке драконов. И голос был знакомый — даже чересчур...

Мире?!

Перед ними, небрежно прислонясь к стенке шатра, стояла женщина из Железного Народа, худощавая, мускулистая, одетая как воин. Лицо женщины было Кеману незнакомо, но он сразу признал надменную осанку своей сестры. И еще у женщины была драконья тень...

— Вот видишь, вождь, — продолжала женщина на языке Железного Народа, лукаво улыбаясь, — все, как я тебе говорила. Жрец сговаривается с демонами, собираясь предоставить им возможность сбежать, а эти люди Зерна — вовсе не люди, а такие же демоны, как и те.

Даже личины, созданные Лоррином, были не настолько прочны, чтобы Железный Народ не мог видеть сквозь них. Для этого им просто достаточно было перестать верить в эти личины. Джамал уставился на Лоррина и его сестру. Глаза вождя сузились, и он медленно кивнул.

У Кемана душа ушла в пятки.

— Я уж вижу...

Джамал шагнул вперед и встал, скрестив руки на груди и гневно усмехаясь.

— Я вижу шестерых врагов и одного предателя. Или не предателя? Дирик, я даю тебе шанс спастись. Быть может, ты просто выжил из ума от старости и эти демоны обманули тебя?

Быть может, пора Железному жрецу передать свою власть военному вождю? Если ты согласишься одуматься и добровольно передать мне свои полномочия, я, быть может, и соглашусь забыть о том, что видел.

Вся эта сцена выглядела хорошо отрепетированной, и Джамал говорил так, словно заранее заучил свою речь. Но почему?..

Дирик медленно встал. Лицо его было неподвижно, словно выкованное из железа в одной из его кузниц.

— Ты можешь отнять у меня власть только путем поединка, молодой глупец, — ответил жрец, и голос его был ледяным, как снега на горных вершинах. — И не забывай, я имею право попросить другого сражаться вместо меня.

Дирик давно обхаживал мужеподобных женщин, разгневанных тем, как обращался с ними Джамал. А среди этих женщин были лучшие бойцы клана. Дирик мог попросить одну из них выйти на поединок вместо него. А Джамал давно запустил тренировки, так что было вполне вероятно, что эта женщина не только выиграет поединок, но и покроет Джамала несмываемым позором.

— Я тоже, — лениво ответил вождь. — И я назначаю — ее.

И неожиданно указал на Мире.

— Думается мне, у тебя не найдется воина, равного ей, — продолжал военный вождь, любуясь смятением, отразившимся на лице Дирика. — На твоем месте я сдался бы сразу. Тебе же проще будет.

А Мире улыбнулась — улыбкой человека, играющего крапленными картами и знающего, что наверняка выиграет.

Кеман первым понял, почему Мире так лукаво ухмыляется, почему Джамал так уверен в победе. «Она ему сказала! Или даже показала! Он знает, что Мире — дракон!»

И прежде чем Дирик успел назвать своей поборницей одну из мужеподобных женщин — что было равносильно катастрофе, — молодой дракон принял решение.

Он расстегнул свой ошейник, швырнул его наземь и сменил облик быстрее, чем когда-либо в своей жизни, так что остальным пришлось разбежаться, чтобы огромная туша дракона не придавила их к палаткам. У Кемана закружилась голова, но он поборол головокружение.

Джамал удивился — но не испугался. И Кеман понял, что был прав. Джамал знал, что Мире дракон, и уже видел ее в драконьем облике.

Но, возможно, Мире не сказала ему, что среди пленных есть еще два дракона. Или оба думали, что ошейники действуют по-прежнему...

— Дирик назначает меня! — взревел Кеман, видя изумление на меняющемся лице Мире — драконица запоздало последовала его примеру. — Поборником верховного жреца буду я!

И прежде чем Мире успела завершить превращение и броситься на него, положив конец неначавшемуся бою, Кеман взмыл в небо, оглушительно хлопая крыльями и едва не снеся соседний шатер. Только туча пыли и прошлогодней травы взметнулась ему вслед. Люди, стоявшие рядом с ним, вскинули руки, прикрывая лицо от ветра.

Шатры быстро уменьшались, превращаясь в крохотные грибочки на золотисто-зеленой равнине. Кеман лихорадочно работал крыльями, набирая высоту. Небесная высь была его другом и союзником. Мире уже случалось одерживать над ним верх в поединке крылом к крылу: она была крупнее и тяжелее брата. Главное — не подпускать ее вплотную, а сделать так, чтобы больший вес и размер из преимущества превратились в недостаток.

Драться надо головой, а не когтями.

«Удираем, братишка? — услышал он насмешливый голос. — Что ж так сразу-то?»

«Возглавляю гонку, сестрица! — ответил Кеман не менее насмешливо. — А тебе что, догнать слабо? Что-то ты разъелась в последнее время! Никак и брюхо отвисает? Да и талия куда-то подевалась...»

Конечно, все это было неправдой, но для того, чтобы заставить Мире делать то, что ему надо, необходимо ее разозлить до полной потери соображения.

Его главное оружие — быстрота и подвижность. Надо не дать ей опуститься на землю. Пусть она за ним погоняется...

«Лучше сдавайся, пока не поздно, щенок! — яростно рявкнула его сестрица. — Или удирай и оставь своих людишек мне. Быть может, я позволю тебе приползти к твоим двуногим дружкам, если там еще осталось, к кому ползти!»

«Если там еще осталось, к кому ползти»?! Неужто она знает о волшебниках что-то, чего он не знает? Да, похоже на то... Но Кеман ничего не ответил. Какой смысл-то? Если у Мире есть что ему сообщить, она и так сообщит — не удержится. А если новости плохие, тем более сообщит — нарочно, чтобы заста-

вить его пасть духом и разозлить до полной потери соображения.

Мире говорила так, чтобы ее слышали все, кто способен воспринимать мысленную речь. Кеман понимал, почему. Она хочет, чтобы ее услыхали Шана с Каламадеа. Вот только она не знает, что здесь еще и Дора... Дора — его тайный союзник, тот непредвиденный случай, который способен лишить Мире победы, даже если Кеман проиграет эту схватку. Если случится худшее и он проиграет и даже если Мире удастся уничтожить их или навеки сделать пленниками, Дора будет знать, чем Мире хотела поддеть Кемана. И, если это действительно важно, Дора позаботится о том, чтобы вовремя предупредить волшебников.

Ведь позаботится же, правда? Звать ее Кеману не хотелось: Мире могла подслушать. И вообще сейчас нужно думать только о схватке. Кеман мог лишь надеяться и ждать, когда гнев заставит сестру проговориться.

«Твои волшебнички перегрызлись, братец! — бросила Мире, отчаянно работая крыльями, пытаясь догнать его. — Старичкам хочется, чтобы все шло по-старому, молодые отказываются им служить, и все они слишком заняты своими разборками, чтобы думать об эльфах. А зря! Из-за бегства Лоррина все эльфийские лорды стоят на ушах и уже собираются объединить свои силы — впервые за века! — чтобы выследить вас и уничтожить всех до единого. Совет уже принял решение уладить все распри. Дело продвигается медленно, но все же продвигается! Не пройдет и нескольких месяцев — самое позднее, к весне, — и начнется третья Война Волшебников. Третья и последняя!»

Кеман похолодел. Мире ни за что не сказала бы этого, если бы не была уверена. А в ее мыслях чувствовалась такая уверенность в собственной осведомленности, что Кеман ни на миг не усомнился: она знает, что говорит. В прошлый раз волшебников спасло лишь то, что эльфийские лорды никак не могли договориться. А если они все же объединятся...

Кеман встряхнулся и взял себя в руки — точнее, в когти. Не отвлекаться! Мало ли что там творится! В конце концов, ничего еще не случилось. А для того, чтобы этого не случилось никогда, он сперва должен выиграть схватку.

Он продолжал набирать высоту. Крылья работали ровно и сильно. Дракон летел прямо на солнце, что давало ему дополнительное преимущество — Мире не может видеть его как следует.

Сейчас он забрался уже гораздо выше нее. Может, хватит? Ну что ж, проверим!

Кеман резко развернулся, сложил крылья и камнем ринулся вниз, выставив перед собой лапы с растопыренными когтями наподобие сокола, падающего на добычу. Не зря же он наблюдал за тем, как летают и дерутся ястребы и соколы! Ему не раз приходилось видеть, как небольшой сокол-сапсан сбивал на лету уток вдвое тяжелее себя. Видел он, и как сапсан защищал свое гнездо от здоровенного ястреба-тетеревятника. Именно его случай.

Ветер бил ему в ноздри и яростно трепал края крыльев. Ветер пытался заставить Кемана раскрыть крылья, и дракону приходилось сопротивляться изо всех сил. Мире до сих пор не подозревала, что он задумал: она приближалась, щурясь против солнца, размахивая крыльями, задыхаясь, пытаясь догнать брата...

Внезапно глаза драконицы расширились. Она увидела Кемана, падающего на нее с высоты. Мире резко развернулась, инстинктивно пытаясь избежать столкновения...

Поздно!

Кеман с разлета ударил ее по голове обеими лапами. Звук удара, должно быть, донесся даже до земли. У Мире, наверно, искры из глаз посыпались. Во всяком случае, ее полет превратился в беспорядочное падение. Но для того, чтобы вывести ее из строя, одного удара было явно мало. Инстинкты ее не подведут. Поэтому, прежде чем она сумела развернуться и вцепиться в него когтями, Кеман снова раскрыл крылья. Воздух больно ударил в перепонки. Скорость падения была так велика, что он еще некоторое время падал, прежде чем сумел снова развернуться и начать подниматься. На миг Кеман потерял Мире из виду, борясь с ветром; когда он увидел ее снова, она была далеко внизу, но упрямо поднималась вверх, следом за ним.

Однако теперь она молчала, как ни дразнил ее Кеман. Грудные мышцы молодого дракона горели от усталости, крылья гудели, но все же он улыбался. Раз Мире молчит, это верный признак, что она слишком зла, чтобы говорить.

Но во второй раз эта уловка не сработает. Как бы ни злилась Мире, боец она превосходный. А с тех пор как они бились в последний раз, она наверняка успела научиться кое-чему еще...

Что ж, пусть она решит, что он вознамерился во второй раз прибегнуть к той же тактике. А в последний момент свернем. Это может сработать...

Кеман снова развернулся вниз головой и понесся к земле, хотя теперь солнце было не у него за спиной. Он намеревался вместо того, чтобы бить Мире по голове, вцепиться когтями ей в спину — быть может, даже порвать нежные перепонки крыльев. Но Мире не собиралась сдаваться: в тот самый миг, как Кеман налетел на нее и развернул крылья чуть раньше, чем прежде, она перевернулась брюхом вверх, отчаянно пытаясь схватить его когтями!

В последнее мгновение Кеману удалось резко вильнуть и уйти в сторону. Но из-за этого отчаянного маневра он потерял преимущество в скорости. Тут бы Мире могла его схватить — но она рассчитывала на то, что схватит его сразу, и потому потеряла еще больше высоты, пытаясь выровняться после своего сальто.

И в третий раз Кеман понесся к солнцу, но уже медленнее, чем прежде. Он задыхался, воздух жег ему горло и легкие, крылья казались тяжелыми, точно каменными, тело тянуло к земле...

«И что теперь? Что теперь? В догонялки я больше играть не могу. Она выносливее меня. Надо заканчивать, и заканчивать как можно быстрее! Последняя стычка только истощила мои силы!»

И наконец он придумал выход. Это был отчаянный шаг, но ведь и положение было отчаянное!

Кеман снова развернулся и нырнул вниз. И снова Мире перевернулась кверху брюхом, чтобы сцепиться с ним лапа к лапе.

И на этот раз он позволил ей схватить себя.

Ее передние лапы намертво сомкнулись с лапами Кемана, а задними она принялась драть ему брюхо. Боль была дикая. Кеман взвыл — но только ближе притянул Мире к себе, накрыв ее голову крыльями.

И использовал самое страшное оружие дракона — молнию. Голубая искра проскочила между кончиками крыльев, пройдя через голову Мире.

Она разинула пасть в безмолвном вопле; голова на длинной шее откинулась назад, прижавшись к лопаткам. Ее когти конвульсивно сомкнулись — но тут Кеман убрал молнию, и Мире обмякла.

Кеман был готов к этому. Иначе бы победа его оказалась тщетной: Мире рухнула бы наземь с огромной высоты, утянув его за собой, и оба они разбились бы. Но он снова яростно замахал крыльями, удерживая ее бесчувственное тело. Правда, у Кемана не хватило сил остаться на лету, но, по крайней мере,

они не рухнули камнем на землю. Посадка была довольно жесткой, но Мире оказалась внизу, и Кеман сейчас был не настолько добр, чтобы не воспользоваться ее телом в качестве подушки.

Оно было и к лучшему. Ведь когда они приближались к земле, Мире уже начала приходить в себя. Но тут она ударилась головой и опять потеряла сознание.

Правда, ненадолго — Кеман едва успел прижать ее к земле. От шатров уже бежали волшебники. Следом за волшебниками осторожно приближались люди из Железного Народа.

— Обернись, Мире! — прорычал Кеман. — Обернись человеком! А не то...

— Ну и что ты мне сделаешь? — насмешливо спросила драконица, хотя в глазах у нее стоял страх. — Убьешь? Кишка тонка!

— Я тебе крылья переломаю! — рявкнул он. — Порву перепонки и переломаю все косточки, так что ты больше никогда в жизни не сможешь летать! Я это сделаю, Мире! Клянусь Огнем, сделаю!

Он видел, что сестра поверила ему. Разумеется, ей не пришло в голову, что достаточно сменить облик туда и обратно, чтобы исцелить все повреждения! Отец-Дракон знал эту маленькую хитрость, и мать Кемана тоже знала. Насколько было известно Кеману, он был первым, кто проверил это на собственной шкуре. Но, очевидно, Мире, как и большинство драконов, полагала, что повреждения, причиненные истинному облику, неисцелимы.

Вот и прекрасно!

Ее тело задрожало, расплылось — и она превратилась в беспомощного человека, дрожащего в мощных драконьих когтях. Но глаза Мире глядели на Кемана с прежней ненавистью. К тому же она приняла не тот облик женщины из Железного Народа, в котором явилась прежде. Она обернулась бледнолицей рабыней эльфийских лордов.

— Ну и что ты будешь делать теперь? — усмехнулась она в морду нависшему над ней Кеману. — Сожрешь меня, что ли?

Кеман только покрепче стиснул когти.

— Ты еще пожалеешь, что я этого не сделал.

«Шана! — мысленно сказал он. — Захвати с собой ошейник — только исправный! — и приведи Калу с ее инструментами».

Люди окружили их, неподвижно сидящих в сухой пыльной траве. Кеман не собирался менять облик, пока Мире не будет обезврежена. Солнце палило безжалостно, но полуденное солн-

це — друг дракона, и чем жарче, тем лучше. Раны на брюхе у Кемана причиняли ему дикую боль при каждом движении, но он чувствовал, как силы возвращаются к нему. А вот Мире в ее человечьем облике приходилось совсем несладко.

Прибежала Шана, держа в руках ошейник. Кала приблизилась медленно, с опаской. На Мире жена жреца даже не взглянула — ее внимание было приковано к Кеману. Ей было страшно — Кеман видел, что руки у нее дрожат и лоб покрылся бисеринками пота. Но, несмотря на страх, она подошла вплотную, доказав, что не уступает в храбрости любому существу, двуногому или дракону, которое доводилось видеть Кеману.

— Надень на нее ошейник, Шана, — приказал Кеман вслух, говоря на языке Железного Народа, так, чтобы все его поняли. — Надень и застегни.

Шана послушалась. Кеман гадливо отбросил Мире и отступил на шаг. Шана поспешно скрутила Мире, повалила ее на землю и уселась сверху, чтобы драконица не вздумала сбежать.

Кеман снова сменил облик, сосредоточившись не только на том, чтобы принять обличье полукровки, но и на том, чтобы исцелить раны, нанесенные Мире. Это было трудно, но зато, избавившись от боли, Кеман ощутил головокружительное облегчение.

Когда Кала увидела его в прежнем обличье, у нее прямо глаза на лоб полезли.

— Кала, ты сумела сломать замки на наших ошейниках, чтобы открыть их, — сказал Кеман очень тихо, чтобы никто, кроме нее, не услышал. — А можешь ты испортить замок так, чтобы его вообще нельзя было открыть?

Она молча медленно кивнула. Мире принялась браниться и дергаться, пытаясь стряхнуть с себя Шану. Кала развернулась, подошла к Шане и сделала ей знак встать и держать Мире за ноги. А сама уселась Мире на спину и схватила ее за волосы. А ведь Кала была отнюдь не перышко. Мире побагровела от натуги и притихла.

— Лежи тихо, тварь! — сказала жена жреца и тряхнула Мире за волосы так, что драконица скривилась от боли. — Мне все равно, кто ты, демон или чудовище. Пока на тебе этот ошейник, ты всего лишь баба и останешься бабой. А уж с бабой-то я как-нибудь управлюсь. Так что лежи смирно, пока я работаю, а то я ни за что не ручаюсь. Инструменты у меня очень острые.

Мире застыла, не смея шевельнуться.

Кале только этого и надо было. Она отпустила волосы Мире, достала щуп, сунула его в замок и обломила кончик, оставив его внутри ошейника. И только тогда встала и позволила растрепанной Мире медленно и неуклюже подняться на ноги.

— Теперь этот замок никому открыть не удастся, — спокойно сказала Кала. — Так что снять ошейник ты сумеешь, только если найдешь кого-нибудь, кто согласится его перепилить. А это тоже не так-то просто. С помощью магии ошейник не снять, а закален он так, что не всякий напильник возьмет.

— А пока он на тебе, дуреха, тебе не удастся ни сменить облик, ни воспользоваться магией — разве что самой слабой, — добавил Каламадеа, подошедший вместе с остальной толпой. — На твоем месте я бы и пытаться не стал. Мне говорили, что последствия могут быть самые неприятные.

Толпа внезапно расступилась, и в круг вошел Дирик. Следом за ним четыре мужеподобные женщины вели Джамала. Он не был связан, но, судя по тому, как Джамал держался, можно было подумать, что он в цепях. Вождь ссутулился и смотрел в землю.

Но Кеман увидел в его глазах с трудом скрываемую ярость. Вождь потерпел поражение, но никогда не смирится с этим, и, если ему представится случай отомстить, месть его будет ужасна.

«Значит, не следует предоставлять ему такого случая».

— Пока ты сражался в воздухе, мой поборник, — торжественно произнес Дирик, обращаясь к Кеману, — я вел свою битву здесь, внизу.

Он возвысил голос:

— Слушайте, о люди моего народа! Знайте, что ваш военный вождь в безумии своем намеревался рискнуть вашей жизнью и жизнью ваших семей, и все лишь ради того, чтобы добиться мимолетной славы для себя самого!

Дирик принялся излагать сильно отредактированную версию всего, что произошло с тех пор, как Джамал взял в плен четырех волшебников. Кеман быстро понял, к чему клонит жрец, и перестал слушать. Он следил за Мире. Та, видимо, не обратила внимания на предупреждение Каламадеа и попыталась прибегнуть к какой-то мощной магии. Она смертельно побледнела и с трудом сдержала стон. Кожа под ошейником побагровела и пошла волдырями.

Кеман, наверно, пожалел бы сестру — но уж очень она его разозлила!

А вот Лоррин уставился на нее, разинув рот.

— В чем дело? — негромко спросил Кеман. — Отчего ты так пялишься на мою сестру?

— Да ведь это же... это же служанка Рены, та самая, что помогла нам сбежать! — выдавил Лоррин, не сводя глаз с Мире. — Но... разве это не она только что была драконом?

— Она, она. Ведь она еще и моя сестра. Она со времен Войны Волшебников пытается убить Шану и всех ее друзей, — угрюмо ответил Кеман. Лоррин обернулся к нему. В глазах молодого человека стояла тысяча вопросов. Но Кеман только покачал головой. Теперь многое стало яснее — но с этим можно обождать.

— Потом объясню. А сейчас у нас есть дела поважнее.

Кеман скрипнул зубами. Речь Дирика близилась к завершению. Жрец объявил, что Джамал будет заклеймен как предатель и изгнан из клана.

— Сейчас нам надо предотвратить войну, — сказал Кеман. — Если удастся.

К тому времени как спустилась ночь, у Рены голова пошла кругом. Слишком много всего сразу обрушилось на нее. Ее горничная, ее наперсница — драконица? Нет, с этим еще как-то можно было примириться — ведь Мире так много знала о драконах, больше, чем она могла бы знать, даже если бы была агентом волшебников. Но узнать, что Мире к тому же была еще и злым драконом, что сбежать она им помогла отнюдь не из добрых побуждений...

Это потрясло и больно ранило Рену. У нее было так мало друзей, а Мире она считала настоящим другом, несмотря на разделявшую их пропасть... Разве она, Рена, не была добра к своей служанке, вопреки всем обычаям эльфов? Разве не поверяла она Мире все свои секреты? Во всех историях, во всех романах говорилось о том, какую боль причиняет предательство... Теперь Рена изведала это на себе. И как можно после этого верить хоть кому-нибудь? Да кому она теперь сможет верить?

Такова была ее первая реакция. Рена лихорадочно пыталась осознать все, что произошло, и сделать хоть какие-нибудь выводы. Но по мере того, как шло время и девушка снова обретала способность мыслить трезво, она понимала, что ее собственная боль — всего лишь мелкий эпизод по сравнению с теми важными вещами, о которых рассказала Мире. Сама Рена не слышала того «мысленного голоса», о котором говорил ее брат, но Каламадеа, Шана, Лоррин, Меро и, как ни странно, Дирик слышали. Опасность, грозившая волшебникам в их новом доме, была еще далека — пока, — но кто знает, сколько времени у них осталось?

— Вы можете уйти, когда захотите, — говорил Дирик. Они снова собрались у него в шатре, но теперь скорее для удобства, чем ради секретности. Джамал уже отправился в изгнание — Дирик счел неразумным позволить ему задержаться в клане, где он мог бы подобраться к Мире. Был уже избран новый военный вождь, одобренный Дириком. Мире тосковала в шатре для пленных вместе с двумя эльфами: Кеман счел, что лучше оставить ее на попечении Дирика, чем отпустить на все четыре стороны. Пока на ней этот ошейник, менять облик она не сможет. Она, конечно, может сбежать, но куда она пойдет? В своем человеческом облике — облике рабыни из поместья лорда Тилара — она будет весьма уязвима. Она не сможет пользоваться магией, чтобы защитить себя, а без этого в глуши ее ждет сотня смертей, одна другой неприятнее.

Так что Мире больше никому не опасна, по крайней мере, пока. А потом? На этот счет Рена была не так уверена. Если бы это зависело от нее, она охотно замуровала бы Мире до конца ее дней в каком-нибудь глубоком и темном подвале и спускала ей еду и воду на веревке.

— Согласно нашим обычаям, теперь мы ваши союзники, — продолжал Дирик, обращаясь в основном к Шане и Лоррину. — Ведь вы победили поборницу Джамала на глазах у всего клана. Я не знаю, чем мы можем вам помочь, но если вам нужна наша помощь, вам стоит лишь попросить!

Шана покачала головой. С каждым часом волшебница мрачнела прямо на глазах. Рена чувствовала, что Шана напряжена до предела. Видно было, что дай ей волю — она тотчас же оседлает дракона и ринется в битву.

— Да нет. Сейчас нам не помешала бы хорошая армия. Но я не стану просить вас выступить против эльфов. Об этом я бы никого просить не стала. Мы оба знаем, что это была бы бессмысленная бойня. И потом какой в этом смысл? Но...

Однако Лоррин перебил ее:

— Погоди, Шана. Ведь эльфы еще не готовы напасть прямо сейчас. Они только пытаются уладить все свои древние распри! А что, если мы им помешаем?

— И как? — скептически спросила Шана. — Я не стану просить драконов отправиться в их земли, обернувшись эльфами. Это слишком опасно. Теперь любого эльфийского лорда будут

тщательно проверять, кто он и откуда, и потребуют, чтобы десяток свидетелей подтвердил, что это именно он! А если они отправятся в обличье рабов — что они смогут сделать, кроме как наблюдать? Волшебников я тоже отправить не могу. Ведь теперь все эльфы остерегаются личин! А на расстоянии — что мы сможем сделать?

— Отправиться можем мы с Лоррином, — робко предложила Рена. — Я не знаю, что у него на уме, но это вполне возможно. Лоррин может притвориться каким-нибудь ан-лордом или даже младшим сыном — на младших сыновей ведь никто не обращает внимания, как и на женщин. Мы можем отправиться в самые разные места, не рискуя, что кто-нибудь нас узнает...

Меро стиснул руку Рены.

— Если они отправятся туда, то и я с ними! — отважно вызвался он. Шана испуганно расширила глаза. — Я очень хорошо знаю эльфийских лордов и их поместья. И о городах тоже кое-что знаю. В конце концов, я всегда могу сойти за раба Лоррина. Я привык к этой роли.

Шана перевела взгляд на Лоррина. Тот кивнул.

— Значит, у тебя действительно есть какой-то план, — медленно произнесла девушка. — Ты знаешь что-то, чего мы не знаем...

— Да, одну мелочь, — согласился Лоррин. — И знаешь, Дирик, твой народ действительно мог бы поделиться со мной кое-чем, что нам очень поможет. Украшениями, которые делают ваши женщины.

Дирик вопросительно приподнял бровь.

— Звучит все более и более загадочно, — сказал он. — Надеюсь, твой план не настолько сложен, чтобы быть невыполнимым?

Лоррин покачал головой.

— На самом деле ничего сложного тут нет. У эльфов есть одна древняя распря, которую уладить никак нельзя. Это непреодолимая пропасть, которая лежит между могущественными и слабыми.

Теперь Рена поняла, к чему клонит ее брат. И зачем ему эти украшения.

— Разница между могущественными и слабыми состоит не столько в богатстве и владениях, сколько в магии! — выпалила она, не дожидаясь, пока Лоррин все объяснит. — Могущественные маги буквально держат в рабстве тех, у кого магия слабая. Нет, это даже хуже, чем рабство! Через эту пропасть никакой мост не перекинешь: слишком застарелые тут обиды, слишком тяжкие раны!

Меро кивнул.

— Пока могущественные лорды могут принуждать слабых к повиновению с помощью магии, эта пропасть со стороны незаметна. Так что не думаю, чтобы хоть кому-то из сильных магов пришло в голову попытаться примириться с теми, кого они угнетают.

— Среди тех, кого угнетают, большинство — женщины, — добавил Лоррин. — А что было бы, если бы вдруг магия перестала действовать на тех, у кого своей магии нет? Что, если бы среди этих несчастных внезапно распространилась мода на филигранные украшения? И что, если бы они обнаружили, что, пока эти украшения на них, магия на них не действует?

— А что, если эти вещи попадут в руки людей-рабов? — вмешалась Шана, возбужденно сверкая глазами. — Как ты думаешь, Лоррин, слабые эльфы действительно восстанут против своих господ, если будут знать, что магия против них бессильна?

— Почему же только слабые? Подумай обо всех недовольных сыновьях, которым ничего не остается, как повиноваться воле отцов, даже без надежды на наследство! — заметил Кеман. — Они скучают, они умирают от безделья и тоски. Они устали выполнять дурацкие мелкие приказы, словно привилегированные рабы! Я был среди них, когда разыскивал тебя, Шана. Вспомни Дирана! И подумай о том, что, даже если Диран был худшим из эльфов, найдется еще добрая сотня таких, как лорд Тилар, которые почти так же жестоки к своим детям! Если бы эти молодые эльфы получили защиту от магии отцов, среди них набралось бы порядочное число таких, кто не ограничился бы простыми проказами!

— А пока лорды разбираются с восстанием своих вассалов, неповиновением жен и детей, с волшебниками они ничего сделать не смогут! — заключил Лоррин. — Вот это и есть мой план. Мы с Реной отправимся домой. Я пойду бродить по городам и выискивать обиженных вассалов и недовольных наследников. А Рена вернется к отцу, наплетет что-нибудь насчет того, что я силой увез ее с собой, и снова войдет в круг знатных дам — но только теперь она станет носить эти украшения. Я думаю, надо их посеребрить, чтобы скрыть, что они железные. Так никто, кроме их владельцев, не заподозрит, в чем их сила. Выглядят они достаточно экзотично, чтобы войти в моду. Женщины без ума от всего нового.

Рена печально кивнула. Лоррин обернулся к ней.

— Единственная проблема в том, что для тебя это может быть очень опасно. Если не хочешь — не ходи. Тобой я рисковать не стану.

Взгляд юноши был серьезен, лицо хмурое.

— Если ты согласишься, все пойдет куда лучше, но я и один управлюсь.

— Пока не попадешься, — мрачно заметил Меро. — Нет, тогда уж и я с тобой.

— И я тоже! — Рена вызывающе вскинула голову. — Я думаю, ты прав. Вот уж чего лорды не ждут, так это восстания среди женщин!

Она на миг призадумалась. Ей вспомнилась та давняя ночь, когда она лежала без сна в своей комнате и представляла себе свое унылое будущее — жизнь полурабыни, замужем за круглым идиотом. Что бы она сделала, знай она тогда, что есть возможность защититься, противостоять воле отца? Что бы она ответила отцу, если бы знала, что он не сможет лишить ее разума?

Нет, отец, конечно, мог бы прибегнуть и к физической силе. Но с этим тоже можно что-нибудь сделать. А если бы ее мать могла надеть на него железный ошейник — ночью, когда он спит...

«Мама!»

— Я вернусь хотя бы затем, чтобы помочь маме, — внезапно сказала Рена. — Я должна это сделать, Лоррин! Погоди, дай подумать...

Она прикрыла глаза, приводя свои мысли в порядок.

— Надо выяснить, стало ли известно, что я тоже сбежала вместе с тобой, — сказала она наконец. — Если никто про это не знает, я могла бы начать навещать своих «подружек» — чем дальше от нашего поместья, тем лучше. Я покажу им свои драгоценности, скажу, что это мне подарили к свадьбе, и намекну, где можно купить такие же. Я буду оставаться не дольше чем на день. Мужчины никогда не интересуются, кто гостит в будуарах их жен. К тому же они все равно не помнят женщин по имени. Если не застревать надолго, это будет вполне безопасно.

Лоррин кивнул. Меро тоже. Одобрительный взгляд Меро придал ей храбрости и заставил продолжать:

— Скоро эти украшения войдут в моду, так что дальше все пойдет само собой и без меня. Тогда я отправлюсь домой.

Лоррин запротестовал было. Рена подняла руку, заставив его умолкнуть.

— Я скажу отцу, что ты меня похитил, как ты и предлагал. Ему стоит только использовать простейшее заклинание, и он сразу увидит, что я чистокровная эльфийка. А тогда я сделаюсь важной особой, Лоррин! Ведь я — единственная его настоящая наследница! Я могу даже сказать, что ты именно поэтому меня и похитил — чтобы шантажировать его через меня. А потом я смогу передать матери эти украшения, и мы убежим вместе.

— Единственный вопрос, который приходит мне в голову: стоит ли устраивать организованное восстание? — спросил наконец Лоррин, обращаясь к Шане.

— А как же иначе? — ответила Шана. — Как только секрет этих украшений станет известен — а это уж как-нибудь да просочится, — могущественные лорды примутся искать способ преодолеть эту защиту. И они смогут сделать это, если переловят обладателей украшений поодиночке.

Рена прикрыла глаза и прикусила язык, стараясь не выказать своего страха. Это тебе не роман, не мечты в садике! Это настоящее, такое же настоящее, как их путь, лежащий через горы, как коврик под ногами. Когда они уйдут отсюда и вернутся в земли эльфийских лордов, ей будет угрожать настоящая опасность. Она может погибнуть. И Лоррин.

«И Меро тоже. А он ведь не колеблется!»

Ледяная рука стиснула ей сердце, в горле застрял ком холодной глины, живот словно бы налился свинцом. Неужто она только вчера любовалась луной вместе с Меро и думала, что впервые в жизни наконец-то счастлива? А теперь...

«Теперь мы рискуем всем».

Но что ей еще остается? Ведь иначе все, через что ей пришлось пройти, пропадет втуне!

На краткий миг, пока Рена боролась со страхом, в ней проснулся какой-то чужой трусливый голосок. Она испытала искушение поступить как трусиха — как настоящая себялюбивая трусиха. В конце концов, она ведь не воин, не героиня, как Шана! Она могла бы вернуться к отцу и рассказать ему все, что знает. Он не только примет ее с распростертыми объятиями — он ее вознаградит, щедро вознаградит! Он даст ей все, чего ей захочется. Она получит все, о чем мечталось: свой уютный домик, где она будет полной хозяйкой, книги, музыку, платья и украшения и свободу делать все, что захочется. Эти полукровки, эти драконы — кто они ей? Почему она должна хранить верность им, когда, вернувшись к своему народу, она может получить все, чего ей хотелось?

Но искушение умерло, едва успев оформиться в связную мысль. Разве это будет настоящая свобода? Она по-прежнему будет скована — законами, обычаями. Может, ее и не заставят выйти замуж за придурка, но она по-прежнему будет не вольна в своем сердце.

Но, главное, это будет подло! Ведь все это кукольное счастье будет куплено кровью.

Она поступит так же, как худшие из ее сородичей. А может, и хуже. Их поместья выстроены на крови и трупах рабов и вассалов. А ей придется заплатить кровью тех, кто звал ее сестрой и другом.

Нет.

Может, она и трусиха, но предательницей она не станет.

Разговор продолжался, но это было неважно. Все равно сейчас она ничего полезного сказать не могла. Рена усилием воли подавила страх, подступающий к горлу, и принялась слушать, стараясь выглядеть спокойной.

До границы земель волшебников несколько дней пути. Так что у нее будет время, чтобы набраться мужества.

Кеману не сиделось на месте. Остальные все никак не могли наговориться, а Кеман уже устал от разговоров. Возможно, они так болтливы от возбуждения — Кеман не раз замечал, что, если какая-то тема волнует людей, они не успокоятся, пока не разберут ее по косточкам. Но когда разговор в десятый раз пошел по тому же кругу, Дирик заявил, что все они слишком устали, чтобы соображать как следует. Он отправил их в шатер Джамала, который освободили для них, потому что новый военный вождь — это была женщина — оказалась вполне довольна своим собственным шатром и никуда переселяться не собиралась. Кеман очень обрадовался, увидев, что теперь каждому из них досталась отдельная комнатка. Шатер освободили от вещей прежнего хозяина и устлали удобными тюфяками и подушками.

«Должно быть, это Кала позаботилась, — думал Кеман, оглядывая свою комнатку. — Наверно, она занималась этим, пока мы там болтали. Изумительная женщина! Они с Дириком удивительно подходят друг другу...»

Вот бы найти себе такую подругу, как Кала!

Кеман улегся на тюфяк и, весь обратившись в слух, принялся нетерпеливо ждать, когда прочие обитатели шатра уснут.

Вряд ли Меро с Шейреной отправятся гулять под луной. Только не сегодня. Если они так же устали, как он...

Хотя кто их знает. Им ведь не довелось сражаться. Разве что им пришлось усмирять Джамала, пока он боролся с Мире...

Однако постепенно разговоры и шаги затихли.

«Наконец-то!»

Ему непременно надо было выбраться наружу. Дора небось уже с ума сходит. И еще он был ужасно голоден. Можно, конечно, избрать самый легкий путь: попросить себе парочку коров пожирнее, но Кеману этого не хотелось. Люди и так уже его боятся, а если они увидят, как он ест...

Кеман выскользнул из погруженного в темноту шатра, пробрался через лагерь, неслышно, как кот, перебегая из тени в тень с проворством хищного зверя. Луны сегодня не было — и это очень кстати. На улице — никого: взбудораженные люди сидели у себя в шатрах, обсуждая сегодняшние события.

Кеману было немного жаль их. Железный Народ привык во всем подчиняться обычаям, а сегодня случилось много такого, что не укладывалось ни в какие рамки обычаев. Должно быть, они сейчас так же растеряны, как если бы проснулись на леднике, на горной вершине или посреди моря.

Ну да, не каждый день у тебя над головой дерется пара драконов. А потом они увидели, как оба дракона обернулись людьми — и к тому же один из них оказался старым знакомым! А потом обнаружилось, что твой военный вождь был в заговоре со вторым драконом и собирался втянуть тебя в войну с демонами, а твой жрец был в заговоре с первым и хочет теперь вступить с демонами в союз. Бедолаги... Неудивительно, что шатры гудели от голосов, и голоса по большей части были сердитые...

«И все же, кажется, Дирик сумел их убедить. Если бы Шана прямо попросила его оказать помощь в борьбе с эльфами, проблем было бы больше, но, думаю, в нынешних обстоятельствах Дирик сумеет успокоить своих людей».

А самому Кеману теперь придется поставить перед выбором Дору. Не хотелось ему делать это так скоро, но что остается?

«Ей придется выбирать: вернуться в свое Логово или...»

Или что? Отправиться с ним?

Но что ему оставалось?

«С ее помощью мы сможем быстро добраться до Цитадели. Шейрена достаточно легкая, чтобы Каламадеа смог нести ее вместе с Лоррином. Но без Доры... Без Доры все равно придется несколько раз летать туда-обратно, потому что я двоих зараз

долго нести не смогу. Это займет много времени, а времени нет...»

И потом, так или иначе, поутру им шестерым придется покинуть лагерь. А Доре все равно рано или поздно пришлось бы открыться — так почему бы не теперь? Нельзя же вечно прятаться!

Он остановился рядом со стадом и принялся осторожно нащупывать присутствие Доры.

«Я тут. На краю стада».

Ну что ж, скрываться ему больше не надо. И объяснять пастухам, что он тут делает, Кеман тоже не собирался. Он медленно сменил облик. Из-за усталости это далось довольно болезненно. Кеман тяжело поднялся в воздух. Мышцы болели, суставы похрустывали.

Мгновением позже Дора присоединилась к нему. Они молча полетели дальше вместе. Дора направилась к невысоким холмам за лагерем.

К изумлению и радости Кемана, у нее там было припасено несколько свежеубитых оленей. Драконица терпеливо ждала, пока Кеман утолял голод.

— Уф-ф! — сказал он, когда наконец наелся настолько, что уже мог соображать. — Это было очень кстати. Спасибо.

— Я знаю, — серьезно ответила Дора. — Кеман, я... я даже не знала, что думать, когда увидела эту чужую драконицу! А когда она заговорила... и вы начали драться... я так тревожилась за тебя!

Она говорила с запинкой, словно не меньше Кемана боялась высказать свои чувства.

— Я хотела тебе помочь, — продолжала она, — но не знала, как.

— Ты ничего не смогла бы сделать, — коротко ответил Кеман. — Мне кажется, Мире недолюбливала меня с самого детства. И это переросло в ненависть задолго до того, как мы с тобой встретились. Что бы ты ни сделала, это лишь оттянуло бы неизбежную развязку.

— О-о... — Дора сникла. — Все, что я могла придумать, — это что ты, наверно, проголодаешься...

— Да, я был очень голоден. Спасибо тебе.

Кеман присел на задние лапы, думая, что сказать теперь. Ну что ж, лучше выложить все сразу...

— Завтра мы улетаем.

Дора вскинула голову, глаза ее расширились.

— Это из-за того, что сказала твоя сестра? Про эльфов и про твоих друзей-волшебников?

— Врать ей было незачем, а правда ей была очень даже выгодна. Так что следует предположить, что она сказала правду, — ответил Кеман. — Нам надо вернуться. Шане следует разобраться с волшебниками, на случай, если эльфы все же нападут. А Лоррин и Рена думают, что смогут посеять раздор в рядах эльфов. Но времени у нас мало.

— Значит, ты улетаешь... — Вид у Доры был такой, словно она раскусила что-то горькое. — Я обещала помочь тебе бежать, но ты, похоже, больше не нуждаешься в моей помощи...

Неужели ее тревожит только это?

— Нуждаюсь. И больше чем когда бы то ни было, — сказал Кеман. — Если ты согласишься нам помочь и позволишь Шане лететь на тебе, мы сможем добраться куда быстрее. А без тебя нам с Каламадеа придется возвращаться несколько раз.

Дора посмотрела в глаза Кеману.

— Ты хочешь, чтобы я... ты просишь меня выдать себя?

Кеман кивнул.

— Дора, тебе все равно придется это сделать рано или поздно. Иначе ты можешь прямо сразу возвращаться домой. А какой смысл? Я все равно расскажу про вас в своем Логове. И наши драконы отправятся вас разыскивать. И ты ведь тоже расскажешь своим про то, что здесь, на севере, есть другие Логова! Рано или поздно нашим Родам все равно придется встретиться. Так что покажешься ты моим друзьям или нет, это уже ничего не изменит.

Но Дора выглядела смущенной.

— Наши законы запрещают нам показываться двуногим в своем истинном обличье!

Кеман фыркнул.

— Мои двуногие все равно уже знают, кто мы такие. А что касается Железного Народа, тут за нас обо всем позаботилась Мире. Как говорят мои двуногие друзья, что толку запирать конюшню, когда лошадь сбежала? Так что твое появление ничего не изменит.

Дора вздохнула.

— Я говорила, что хочу помочь тебе...

— Но не моим друзьям?

Она кивнула.

— Ничего не могу поделать, — призналась она. — Очень трудно думать о них как о разумных существах.

— Ну надо же когда-то начать! — мягко возразил Кеман. — А то будешь как эльфы, которые не считают разумными существами никого, кроме себя. Или как Мире, которая ко всему, что не есть дракон, относится как к своей законной добыче.

— Нет, я не хочу быть такой, как они! — запротестовала Дора, дернула шкурой и отвернулась. — Особенно такой, как твоя сестра...

— Тогда помоги нам, Дора, — сказал Кеман. Голос его внезапно сделался усталым. Нет, не умеет он убеждать. Куда ему до Шаны... Или до Лоррина. — Не мне, а нам, нам всем.

Драконица по-прежнему смотрела в сторону.

— Мне надо это обдумать, — медленно произнесла она. — Пока больше ничего сказать не могу.

— Ладно, — вздохнул Кеман. Больше тут говорить не о чем. Не может же он принудить ее силой! Он мог бы сказать ей, что она ему очень, очень нравится — но это тоже было бы своего рода принуждением, и прибегать к нему Кеману не хотелось.

Так что молодой дракон только потянулся, разминая ноющие мышцы, и собрался снова взлететь, чтобы вернуться в шатер и наконец-то улечься спать.

— Спасибо за все, что ты уже сделала, Дора, — сказал он, расправляя крылья. — Я действительно очень это ценю. И помни: мы улетаем завтра, вскоре после восхода.

— Я... я запомню, — негромко ответила Дора. Сама она взлетать, похоже, не собиралась: ее крылья были свернуты и прижаты к бокам. — Спокойной ночи, Кеман.

— Спокойной ночи, Дора.

Молодому дракону хотелось сказать еще многое, но он заставил себя промолчать. Пусть сама решает. Дракон взмыл в черное небо, усеянное звездами, и медленно, устало полетел обратно к лагерю. С высоты фонарики, горевшие возле шатров, были похожи на звезды, которые попадали с неба и расположились концентрическими кругами на земле.

Быть может, он видит это все в последний раз. Завтра они вступят на неизвестную территорию. Ведь Лоррин, Меро и Рена будут не единственными, кто отправится в эльфийские земли. Надо же кому-то устроить лавки, где будут продаваться эти посеребренные железные украшения. Для волшебников это было бы чересчур опасно...

А вот дракону-оборотню — в самый раз.

Есть и еще один выход. Кеман не стал говорить об этом Шане, чтобы не будить преждевременные надежды. Но теперь, ко-

гда Мире больше не стоит у него на пути, он вполне может вернуться в старое Логово и привлечь на свою сторону новых драконов. На самом деле ничто не мешает ему отправиться и в другие Логова. И тогда все бывшие мятежники, кто захочет, смогут обернуться двуногими и отправиться в эльфийские земли, чтобы открыть там эти «ювелирные лавки», потому что их место в Цитадели займут новые драконы, которые станут помогать волшебникам организовать оборону. И вовсе не обязательно драконам оборачиваться эльфами — можно и людьми-рабами: все равно ведь в лавках торгуют только рабы. А уж от толстых, довольных собой и жизнью рабов-торговцев ни один эльфийский лорд подвоха не ждет!

Кеман решил взять торговлю на себя и заняться этим, как только появится время, то есть когда они доберутся до Цитадели.

Молодому дракону уже теперь не терпелось взяться за дело. Он буквально ощущал, как время уходит безвозвратно. Ему казалось, что он только-только вступает в скачку, которая началась без него.

Быть может, так оно и есть.

Но это неважно. Лучше поздно, чем никогда. У них нет выбора. Надо просто приложить все усилия и выиграть.

С точки зрения Кемана, рассвет наступил чересчур быстро. Несмотря на то что он наелся до отвала и спал так крепко, как может спать только сытый дракон, он предпочел бы поспать подольше.

Недельки этак три...

Кеман вежливо отказался от завтрака и отправился на площадку, которую Дирик велел очистить от скота, чтобы драконы не напугали животных. Быки и так уже были встревожены после вчерашнего. Кеману сказали, что они едва не разбежались в панике. Остановить их удалось только благодаря тому, что все воины были неподалеку от стада. Разумеется, Джамал этого предвидеть не мог — и все же это была единственная полезная вещь, которую он сделал за вчерашний день.

Кеман думал, что вокруг площадки соберется толпа зевак, но поблизости не было ни души. И отнюдь не оттого, что Железный Народ был непривычен вставать на рассвете.

«Боятся. Ну что ж, я их понимаю».

Пожалуй, оно и к лучшему. Кеман собирался сменить облик не спеша, а это всегда было не слишком-то приятным зрели-

щем для двуногих. Ему случалось видеть, как кое-кто из друзей Шаны делался бледно-зеленым. Иногда их даже выворачивало наизнанку.

Драконов почти никогда не тошнит — разве что когда они тяжело больны. Так что Кеман до сих пор удивлялся, до чего легко люди расстаются с тем, что они недавно съели. Ужасно нерационально!

Сменив облик, Кеман принялся медленно разминать мышцы, как учила его мать Алара. Перед долгим, утомительным полетом всегда надо разминаться. А этот полет обещал быть очень утомительным. Ведь, кроме Шаны и Меро, ему придется тащить еще и тюки с тяжелыми железными украшениями. Кала всю ночь собирала их у женщин, которые соглашались расстаться со своими браслетами и ожерельями. Каламадеа тоже понесет тюки с железом, но ему придется везти на себе Лоррина с Реной, а они оба куда легче, и к тому же Каламадеа гораздо сильнее Кемана.

Жалко, что никто так и не научился переносить Вовне не только массу своего тела, как делают драконы, когда превращаются в двуногих, но и любую другую массу тоже. Наверно, это вообще невозможно. А жаль. Очень бы пригодилось.

Встающее солнце позолотило степь. С юга задул легкий ветерок. Тень дракона придвинулась к шатрам, слившись с их тенями. Кеман несколько раз потянул каждую лапу по отдельности, чтобы мышцы разогрелись и сделались эластичнее. Потом начал потягиваться всем телом. Тут появились люди из Железного Народа, которые принесли тюки с украшениями и припасы на дорогу. Кеман наблюдал за ними краешком глаза, стараясь не хихикать. Смешные они, эти люди! Они осторожно подбирались к площадке, одним глазом глядя на дракона, другим — себе под ноги. Люди старались выглядеть уверенными и небрежными, но выходило неубедительно. Каждый старался поскорее бросить свой мешок и удрать прочь. Может, они прослышали, что дракон отказался от завтрака, и боятся, что он решил заморить червячка кем-нибудь из них?

Остальные путешественники прибыли одновременно с тюками. Каламадеа, которому не пришлось драться накануне, быстро сменил облик и предстал перед ними в своем истинном обличье Отца-Дракона. Он был огромен, в два с лишним раза больше Кемана, а ведь и сам Кеман был достаточно велик, чтобы без труда нести одного двуногого всадника. Сколько лет Отцу-Дракону — не знала даже Алара. Каламадеа еще застал первое открытие Врат. Он явился сюда с родины драконов, где было куда больше опасностей, чем тут.

«Мы сделались толстыми и ленивыми, — размышлял Кеман, глядя, как огромные крылья Каламадеа ловят утренний ветерок. — Если бы те древние драконы могли видеть, как мы прячемся в своих Логовах от самых обычных двуногих, они бы небось со смеху поумирали! Ведь им самим угрожали существа столь опасные, что они даже врывались в Логова и пожирали их жителей!»

Каламадеа, должно быть, прочел его мысли.

«Ничего, Кеман, эльфийские лорды, если как следует разозлятся, могут быть ничуть не менее опасны, чем те твари, от которых в свое время бежал наш народ, — сказал он негромко, чтобы никто не подслушал. — Так что не стоит презирать тех, кто желает спрятаться. В конце концов, мы ведь именно за этим сюда и переселились. Чтобы спрятаться. В сущности, мы просто удрали».

Ну да, может быть.

Кеман был готов думать о чем угодно, только бы не о Доре. Он еще с самого пробуждения твердо решил не надеяться, что она, может быть, все-таки придет. И очень старался не испытывать боли и разочарования.

Увы, он давно успел убедиться, что чувства отнюдь не всегда повинуются благим намерениям. Вся его решимость была не в силах избавить Кемана от разочарования и... и чувства утраты. Солнце поднималось все выше, а Дора так и не пришла... Кеман не был уверен, что у него болит именно сердце, но что-то внутри глухо ныло.

Он терпеливо ждал, пока остальные надевали сбрую на него и Каламадеа.

— Вам это не понравится, — предупредила Шана Лоррина и его сестру, показывая, как устроена сбруя. Кеман чувствовал, что Шана напряжена до предела, и подозревал, что она болтает именно затем, чтобы немного успокоиться. Бедная Шана! Ее тревожит не только угроза нападения. Им грозит еще и бунт в рядах волшебников. А ведь именно разлад и раздоры погубили волшебников во времена первой Войны. Оставалось лишь надеяться, что история не повторится.

— Каламадеа с Кеманом вы не слушайте, — говорила Шана. — Их в полете не тошнит. Иначе как же они могли бы летать, если бы их начинало тошнить каждый раз, как они поднимаются в воздух? Но в этом-то вся закавыка. Для того чтобы

взлететь, дракон сперва подпрыгивает в воздух. Вы когда-нибудь брали верхом высокий барьер? Вот это примерно то же самое, только гораздо хуже.

— Значит, если не пристегнуться, мы свалимся, — рассудительно заметил Лоррин. Он повернулся и заглянул в глаза Кеману.

— Извини, друг, но мне ужасно трудно увязать вот это чудище, — он похлопал дракона по плечу, — с тем молодым волшебником, который так храпел сегодня ночью.

— Не храпел я! — возмутился Кеман.

— Храпел, храпел, — подтвердила Шана. — Почти всю ночь. И очень громко.

Кеман фыркнул и отвернулся, внимательно осматривая те ремни сбруи, до которых мог дотянуться сам.

— Ну вот, и во время этого прыжка, — продолжала Шана, словно ее не перебивали, — еще один верный знак, что она очень волнуется, — он раскрывает крылья и начинает размахивать ими, чтобы набрать высоту. Это то же самое, что прыжок: серия рывков. Тебя каждый раз швыряет назад. При этом надо пригнуться и держаться изо всех сил, вот так, — она согнулась и присела на корточки, — иначе тебе будет казаться, что голова вот-вот отвалится.

Лоррин кивнул. Его сестра вздохнула.

— Похоже, это даже хуже, чем ехать на самом норовистом коне на свете!

— Гораздо хуже, — заверила ее Шана. — Это даже хуже, чем ехать на вьючном греле. Ну так вот. В какой-то момент дракон наберет нужную высоту, и вот тут-то и начнутся настоящие неприятности. Эти твари летают не по прямой. Они ныряют, вот так, — она показала рукой, — взмах крыльев — нырок, взмах — нырок. И твоему несчастному желудку начинает казаться, что ты каждый раз падаешь. Вот тут-то вас скорее всего и затошнит. Если такое случится, скажите Каламадеа: он завернет набок, чтобы вы могли... э-э... ну, в общем, это самое, прямо вниз. А уж дальше это будут проблемы тех, кто окажется под вами.

Кеман слушал с неподдельным интересом. Ему и раньше случалось носить на себе двуногих, но он никогда прежде не слышал, чтобы кто-то из них описывал свои ощущения во время полета. Для него-то полет был чем-то вполне естественным, но, похоже, тем, кому приходится летать на нем, так не кажется...

— К тому же наверху попадаются мощные завихрения воздуха. Кемана швыряло в стороны, трясло, как будто он пытался

меня сбросить, он камнем падал вниз и даже кувыркался. Меня-то от этого не тошнит — надеюсь, и вас тошнить не будет, — но я ничего не обещаю!

Шана взглянула на унылые физиономии новичков и пожала плечами.

— Главное, убедитесь, что все ремни целы и все пряжки застегнуты. И пока будете лететь, время от времени их проверяйте. Без них вам на драконе не усидеть — и, поверьте мне, они вам очень пригодятся.

В это время подошел Меро и, услышав последние слова Шаны, кивнул.

— Если придется лететь в грозу, вы еще пожалеете, что ремней так мало, — добавил он.

— Но ведь во всех историях говорится, что летать легко и приятно! — жалобно сказала Рена. — Как будто просто... ну, просто садишься на дракона и летишь себе!

Кеман рассмеялся.

— Ты не забывай, что все эти истории рассказывала тебе Мире! Нам, драконам, летать действительно легко и приятно. И к тому же ей было вовсе ни к чему портить романтичный образ драконов такими неаппетитными подробностями.

Он поразмыслил, потом добавил:

— Могу сказать одно: на Каламадеа лететь легче, чем на мне. Мне приходится чаще махать крыльями, потому что я меньше. Тебе случалось наблюдать за птицами?

Рена кивнула.

— Ну, тогда ты, наверно, обращала внимание на то, как летают мелкие птахи: они как бы подпрыгивают в воздухе и часто-часто трепещут крылышками. А вот коршун, к примеру, — тот разок махнет крыльями и потом долго планирует, потому что крылья у него большие. Вот и между мной и Каламадеа разница та же. И вы полетите на Каламадеа, потому что вы менее опытные всадники.

Шана тем временем деловито проверяла каждый ремень сбруи. Здешние шорники работали всю ночь напролет, изготовляя эти сбруи, и Каламадеа их в целом одобрил. Во всяком случае, его сбруя сидела на нем куда лучше, чем то, что ему доводилось носить прежде.

— Ах да, вот еще что! — спохватилась Шана. — Рена, Лоррин! Видите эту подушку, вроде седла? Ни в коем случае не спускайте с нее ноги и не вздумайте надеть матерчатые штаны

вместо кожаных! Драконья чешуя очень жесткая и шершавая. Оглянуться не успеете, как сотрете ноги до мяса!

Она заставила обоих провести ладонью по боку Кемана против чешуи. Они поморщились. Шана кивнула.

— Я потому и попросила шорников изготовить вторые сбруи и побольше запасных ремней. Если ремни перетрутся, мы сможем просто заменить их вместо того, чтобы возиться с починкой.

«А на меня одна из этих запасных сбруй не подойдет?»

Кеман вскинул голову, изумленный не менее прочих. Над головами у них скользнула тень, и мгновением позже на землю опустилась Дора. Ветер, поднявшийся от хлопанья крыльев, взметнул тучу пыли.

— Я вижу, на Каламадеа двойное седло, но Кеман куда меньше Старейшего, и я подумала — может, вам понадобится еще один дракон? — робко спросила Дора. Потом она обернулась к Кеману. — Ты был прав, — сказала она. И сердце у Кемана радостно затрепетало. — «И спасибо, что не... что не воспользовался моими чувствами, чтобы убедить меня», — добавила она специально для него.

Каламадеа оправился от изумления первым.

— Кеман, — негромко, с достоинством произнес он, — не будешь ли ты так любезен представить нам твою... подругу?

«Ах, вот где ты пропадал ночами, мошенник? — добавил он мысленно. — А мы-то думали, ты охотишься! Или ты и впрямь охотился — только добыл кое-что получше оленя?»

— Э-э... это Дора, — неуклюже сказал Кеман. — Она из Логова, которое находится далеко на юге, там, где живут Железные кланы. Она наблюдала за этим кланом, как мы наблюдали за эльфийскими лордами. Она вообще не знала, что на свете есть еще драконы, кроме тех, что живут в ее Логове, пока не увидала мою тень.

— Ах, вот как? — только и сказал Каламадеа и обернулся к Доре, галантный до кончиков когтей. — Ну что ж, Дора, добро пожаловать. С твоей стороны очень любезно предложить нам помощь. Мы искренне благодарны.

Юная драконица потупилась, и ноздри у нее покраснели.

— Ну, а теперь, с вашего разрешения, я бы посоветовал надеть на Дору запасную сбрую и побыстрее отправляться в путь, — продолжал Каламадеа, оглянувшись через плечо на солнце. — Поговорить можно и на лету. Лоррин, поскольку ты летишь вместе с сестрой, а она среди нас единственная, кто не

слышит мысленной речи, ты будешь пересказывать ей все, о чем мы будем говорить. По крайней мере, так будет куда веселее лететь.

И он хлопнул крыльями как бы в подтверждение.

— Летим скорее, друзья мои! — закончил он. — Эльфийские лорды точат когти на наши шеи! Пора, давно пора отправляться в путь!

Глава 10

Лоррин сидел в одной из забегаловок, по которым он шлялся с тех пор, как начал приводить в исполнение свою часть плана, и вертел в руках чашу с густым и приторным красным вином. Забегаловка находилась в Белых Воротах, торговом городе, которым управлял лорд Ордревель — или, точнее, вассалы лорда Ордревеля. Но это было неважно: все торговые города похожи друг на друга как две капли воды. И все забегаловки тоже.

Кому это и знать, как не Лоррину! Он ведь побывал во всех пяти торговых городах эльфийских земель и обошел большую часть тамошних трактиров.

На первый взгляд все эти почтенные заведения блистали роскошью. Но, если приглядеться, становилось понятно, что роскошь тут — исключительно напоказ. Подушки обтянуты кожей — но только сверху, где видно; атласные обои, но только на виду, а за шкафами и полками — голая стена. Бархатные портьеры при ближайшем рассмотрении оказывались дешевой подделкой.

Во всех забегаловках были темные комнаты на втором этаже, где рабыни предоставляли свои услуги всем желающим, — но в комнатах было так темно, что ни рабынь, ни обстановки как следует не разглядишь. Вино там подавали самое что ни на есть дешевое, сильно сдобренное пряностями и подслащенное медом, чтобы скрыть мерзкий вкус.

Эти забегаловки служили пристанищем эльфам, слишком бедным и незначительным, чтобы иметь собственное поместье и собственных наложниц, или молодым, которых держали на коротком поводке их благородные папаши. Сюда, как и в прочие подобные заведения, приходили надсмотрщики, сенешали, тренеры, чтобы за чашей вина забыть мелкие оскорбления и обиды, причиненные им их сеньорами. Сюда же являлись

«лишние» сыновья и обойденные вниманием наследники, чтобы забыть о том, что ничего своего у них нет и никогда не будет.

Сюда же отправляли бывших наложниц или юношей и девушек, слишком слабых, чтобы работать в полях, но недостаточно красивых, чтобы украшать собою гарем или быть использованными в качестве домашних слуг. Трудно представить себе жизнь хуже, чем у раба, работающего в поле, но у этих жизнь была хуже. Особенно у несчастных, измученных созданий, ожидающих посетителей наверху. Лоррин старался не думать о них. Ведь он и так делал все, чтобы изменить их жизнь к лучшему!

Лоррин внимательно выслушивал жалобы и щедро делился деньгами (большинство этих сыновей их заботливые папаши держали на голодном пайке, выдавая им денег не больше, чем нужно, чтобы купить полевого раба или хорошую собаку). Он подливал вина, сочувственно поддакивал. В этом не было ничего удивительного: все эти бедолаги делились друг с другом своими горестями. Необычным было то, что Лоррин предлагал выход.

И слухи об этом выходе распространялись все дальше.

За часы, проведенные в этих забегаловках, где воздух был пропитан благовониями, чтобы перешибить запах пролитого вина, а свет был очень тусклым, чтобы не бросались в глаза пятна на бархате и атласе и помятые лица служанок и клиентов, Лоррин узнал поразительную вещь. Он больше всего боялся, что кто-нибудь из его собеседников возьмет и донесет на него и игра окончится, не успев начаться. И, разумеется, среди этих эльфов было немало доносчиков...

Однако когда Лоррин сообщал им, что есть способ сравняться с высшими лордами, когда он показывал, что против его «талисманов» любая магия бессильна, все переходили на его сторону. Все до единого восставали против лорда, которому служили, расставались с последними деньгами, прятали за пазуху ожерелье, головной обруч и браслеты и молча уходили.

Останавливались лишь затем, чтобы указать на Лоррина еще какому-нибудь бедолаге, вассалу такого же жестокого и равнодушного лорда, как их собственный.

Лоррин всегда знал, что высшие лорды жестоки к своим вассалам, но никогда не подозревал, что они жестоки настолько, что их слуги готовы при первой же возможности обратиться против них. В качестве сына и наследника лорда Тилара он видел лишь позолоченный фасад их мира. А под томными манерами, изящной магией, играми и развлечениями таилась бездна жестокости, тем более ужасной, что она была непреднамеренной. Эльфийские лорды распоряжались и людьми, и вассалами-эльфами так, точно это были игрушки, забава на час.

Лоррин прихлебывал вино, сидя в своем уголке и ожидая, когда появится очередной страдалец.

За одним из соседних столов сидел молодой эльф — скорее всего младший сын, судя по тому, что на нем не было ливреи и одежда его была слишком хороша для вассала. Молодой эльф вот уже час непрерывно пил и не отрываясь смотрел на Лоррина. Теперь он наконец встал, пробрался между столами на удивление ловко, если учесть, сколько он выпил, и уселся на скамью напротив Лоррина, все еще не выпуская из руки пустого кубка. Не спрашивая позволения, налил себе вина из Лоррина кувшина — это тоже говорило о том, что он занимает высокое положение в обществе.

Лоррин только кивнул и подвинул кувшин с вином поближе к новому собутыльнику.

Незнакомец понял это как приглашение, залпом опустошил свой кубок и налил себе еще.

— Пап-паши! — бросил он, выплюнув это слово точно ругательство. — С пеленок твердят тебе, какая ты важная п-персона, дают тебе все, чего ни пожелаешь, п-пока не войдешь в возраст. А что п-потом?

— И что же потом? — с невинным видом поинтересовался Лоррин.

— Ничего, вот что!

Незнакомец опрокинул в себя второй кубок — на этот раз вина ему налил сам Лоррин.

— Ты входишь в-в-в... в возраст, и н-ничего не меняется! Ты по-прежнему «мальчик», и тебе по-прежнему приходится молчать и слушаться! Хочешь п-поразвлечься, приводишь друзей — и оглянуться не успеваешь, как тебя приволакивают к нему, точно ты залез в сундук с деньгами!

— А-а! — кивнул Лоррин с важным видом. — Да, бывает. Тебе хочется завести собственный домик, нескольких рабынь, попросишь — и ух ты! Он так взвивается, словно ты наплевал на собственных Предков.

— Во-во! — согласился незнакомец. — И только попробуй сделать что-то не так! Он тут же налетает и использует против тебя свою силу, словно ты раб какой-то, словно ты — его вещь! Хорошо еще, если просто по земле размажет, а то возьмет и от-

ходит магическим бичом. А попробуй вякни — тут же пригрозит *переделать*, чтобы ты образумился!

— Скорее, лишился разума, — мрачно заметил Лоррин. «Ах, вот с чего этот так взбеленился! Ну что ж, я его понимаю — после всего, что рассказывала мне Рена...» — Сделают из тебя марионетку, и будешь как шелковый!

— Во-во, он так и сказал! — удивился молодой эльф. — «Будешь как шелковый, мой мальчик, — говорит, — понадобится *переделать — переделаю*, так что думай сам». И, не успел я глазом моргнуть, помолвил меня с какой-то слезливой девицей, бледной как смерть. А она через комнату не может пройти, не разрыдавшись, она трех разумных слов подряд связать не может, она падает в обморок, когда видит мужчину без рубашки! Помогите мне Предки! Что ж с ней будет, когда она остальное-то увидит? И вот эту радость повесили на меня!

— А если просто бросить ее в будуаре и отправиться развлекаться на стороне? — коварно предложил Лоррин.

— Ага, как бы не так! — окрысился молодой эльф. — Тогда меня *переделают*. Не-ет, я должен «исполнять свой супружеский долг, как подобает благородному ан-лорду»!

Он налил себе еще вина, но на этот раз пить не стал. Вместо этого он перегнулся через стол и сказал совсем иным тоном:

— Но я слышал, что от этого есть средство...

Лоррин рисовал пальцем на столе в лужице пролитого вина. Рисовал он узоры филигранных украшений.

— Может, и есть. Я тоже слышал про такое.

— Я слышал, что есть такие украшения, которые могут помешать воздействовать на тебя магией против твоей воли...

Ан-лорд взглянул на Лоррина сквозь свои длинные ресницы — выжидательно и почти умоляюще.

— Да, возможно. Я о таких слышал. — Лоррин дорисовал причудливый кружевной узор. — Я еще слышал, что теперь все с ума сходят по серебряным ожерельям, браслетам, головным обручам... Говорят, среди молодых лордов они в большой моде. Поневоле задумаешься — уж не в этих ли цацках все дело?

Незнакомец энергично закивал.

— А ты, случаем, не знаешь, где их можно купить, а? Надо же следовать моде!

Лоррин сделал вид, что задумался.

— А знаешь, при мне сейчас случайно как раз есть набор таких украшений, — сказал он. — Я их приятелю покупал, но мог

бы и тебе сбыть за ту же цену. Я могу найти того, кто их делает, но он с чужими дела иметь не любит.

— И сколько они стоят?

Молодой лорд перегнулся через стол с таким энтузиазмом, что Лоррин едва не испортил все дело, расхохотавшись вслух. Он назвал цену, и незнакомец тотчас же отвязал от пояса кошелек и подвинул его к Лоррину.

— Тут в два раза больше, полновесным золотом! — Пальцы эльфа судорожно подергивались, как если бы ему не терпелось заполучить украшения. — Бери, бери все!

Отчаяние в его глазах перешибло даже пьяную муть. Да и в самом деле — как не впасть в отчаяние, когда тебе грозит быть *переделанным*?

Лоррин не притронулся к кошельку. Он бережно отвязал от пояса свой собственный кошелек, где лежали аккуратно обернутые в шелк посеребренные украшения, сделанные народом Дирика. Ан-лорд схватил кошелек, сунул за пазуху — и только тогда Лоррин взял золото.

— Тебе, разумеется, захочется проверить их качество, тонкость работы и все такое, — многозначительно сказал молодой волшебник. — Через три дня в комнатах над «Серебряной розой» будет вечеринка. Если ты появишься там в этих украшениях, один эльф, который знает толк в ювелирном деле, осмотрит их и скажет тебе кое-что еще, что, возможно, покажется тебе интересным. И еще: пока они тебе не понадобятся, держи их завернутыми в шелк, ладно? Знаешь ведь как бывает, когда дело вдруг выплывет наружу. Если ты попадешься, то подведешь не только себя.

Ан-лорд кивнул. Ему явно не терпелось уйти. Лоррин с трудом сдержал улыбку. Он слышал мысли эльфа так отчетливо, как если бы тот кричал — собственно, так оно и было. Именно благодаря своей способности читать мысли Лоррин знал, кто из его «клиентов» был возможным доносчиком, и знал, что на него они доносить не собираются.

Этот молодой эльф торопился поскорее унести свою добычу домой. Он собирался носить их постоянно, как и многие его приятели, скорее всего пряча под шелковой одеждой. И он непременно явится на ту вечеринку — и присоединится к восстанию, семена которого рассеивал Лоррин. Самого Лоррина там скорее всего не будет.

В этом нет нужды. В этом городе восстание возглавит сенешаль лорда Гверилиата. Единственную любимую дочь сенеша-

ля отдали в жены другому могущественному лорду, который годился ей в прадеды, в уплату карточного долга лорда Гверилиата. Лоррину оставалось лишь согласовывать действия разных групп, а предводители появлялись сами собой, едва лишь становилось известно о свойствах украшений.

А сегодня утром Лоррин увидел сразу в нескольких лавках копии этих украшений — только, разумеется, золотые и не такие замысловатые. Скоро ан-лорды догадаются позолотить свои серебряные украшения, и тогда никто не сумеет отличить настоящие талисманы от подделок...

Вся разница будет в действии — или отсутствии оного...

— Всего хорошего, сударь, — серьезно сказал Лоррин, давая ан-лорду понять, что аудиенция окончена. — Желаю приятно повеселиться на вечеринке.

— Ох, уж я повеселюсь, можешь мне поверить!

Лоррин подождал еще немного. Но время было позднее. Похоже, что на сегодня это был его последний «клиент». Лоррин заплатил хозяину трактира — и заплатил щедро. Хозяин был человеком, и под своей ливрейной туникой он носил филигранную гривну попроще, нечто среднее между женским ожерельем и гривнами, какие носили воины. Такие гривны научились ковать рабы-ювелиры. Лоррин платил им золотом, полученным от эльфийских лордов за более изысканные украшения.

Эти новые гривны пользовались большим спросом среди рабов, хотя Лоррин очень внимательно следил за тем, кому он продает — или раздает — эти безделушки. Железные талисманы доставались тем, кто таил особенно сильную злобу на своих нынешних или бывших хозяев и все же вряд ли мог оказаться мишенью магии своего нынешнего хозяина. Лавочники, трактирщики, кое-кто из надсмотрщиков, пара наложниц... Лоррин каждый раз тщательно проверял их мысли и души, прежде чем выдать талисман.

Он оставил на столе полупустой кувшин с вином и, минуя второй этаж, отправился сразу на третий. На третьем этаже находились комнаты трактирщика и его кабинет. Трактирщик освободил там небольшую комнатку, где теперь жили Лоррин, его сестра и Меро.

У двери Лоррин остановился и послал слабый мысленный сигнал тому, кто находился внутри. Меро отворил дверь, и Лоррин скользнул внутрь.

— Когда устраиваешь заговор, эта способность к чтению мыслей ужасно кстати! — заметил Лоррин. Меро снова вернулся к делу, прерванному приходом Лоррина: он аккуратно оборачивал посеребренные железные украшения шелковыми лоскутами и раскладывал получившиеся свертки в кожаные кошельки вроде того, какой Лоррин только что вручил ан-лорду.

— Именно поэтому эльфы всегда старались уничтожить эту способность вместе с теми, кто ею обладает, — ответил Меро. Молодой волшебник выглядел встревоженным.

— Что случилось? — спросил Лоррин.

Меро гневно нахмурился, и Лоррин встревоженно нахмурился в ответ.

— Шана... у нее крупные неприятности, — медленно ответил Меро. — Как только мы ушли, Кеман с Дорой улетели по каким-то своим делам. А Каэллах Гвайн вместе с доброй половиной волшебников созвал Совет и выступил против Шаны, против союза с Железным Народом и вообще против всего, что они только сумели придумать. Они не желают верить, что эльфийские лорды намерены начать войну с волшебниками, а даже если бы и поверили, Каэллах Гвайн убедил старых нытиков, что им нужно только выдать эльфам Шану и эльфы оставят их в покое!

Лоррин ничего не сказал — только стиснул кулаки. Его окатило горячей волной гнева.

— Надо же, какое у них гибкое представление о чести! — процедил он сквозь зубы. — Почти такое же, как у эльфийских владык!

Меро уставился на Лоррина, потом невольно усмехнулся.

— Можно я процитирую эту фразу, когда буду разговаривать с Шаной? Это слишком удачный аргумент, чтобы дать ему пропасть втуне!

Лоррин немного расслабился — совсем чуть-чуть. Если Меро еще способен смеяться, значит, не все потеряно.

«У Шаны есть союзники среди волшебников, да к тому же она и сама по себе отнюдь не беззащитна. Ее поддержат оставшиеся драконы. В крайнем случае, она сумеет сбежать, прежде чем эти предатели ее схватят».

— Да, конечно, — сказал он. — И еще скажи ей — пусть напомнит этим нытикам, что, если у эльфийских лордов хватит подлости нарушить договор, их, несомненно, хватит и на то, чтобы принять Шану, а потом все равно напасть.

— Верно отмечено, — согласился Меро. — Да ты не смотри, что я так разволновался, пока что это одни разговоры, и к тому же все драконы стоят за Шану, так что, если случится худшее,

Алара просто улетит вместе с Шаной и всеми, кто на ее стороне, и отнесет их к Железному Народу.

Поскольку Лоррин думал о том же самом, он расслабился еще больше. Ничего страшного пока не случилось. Просто при одной мысли о том, что Шана в опасности, у него душа ушла в пятки.

«Правда, мы знакомы совсем недавно, но разве Меро с Реной знакомы дольше? И все же мне хотелось бы знать, что она думает... Что она думает обо мне. Рена с Меро хоть успели побыть наедине, а у нас и того не было. Нам с Шаной некогда было думать о себе...»

— Но если она отправится к Железному Народу, это наведет эльфов на след клана Дирика, — заметил Лоррин. — А мы договорились любой ценой избежать этого. Неужели наше слово стоит не дороже эльфийского?

Меро поморщился.

— Ну, может быть... Не знаю. Шана озабочена, но отнюдь не в панике, так что я не особенно тревожусь. Но это означает, что мы тут остались практически сами по себе.

В дверь снова постучали. Лоррин поспешно потянулся мыслью за дверь и вздохнул с облегчением. Это была Рена. Он кивнул Меро. Тот вскочил со стула, метнулся к двери, отворил ее и втащил Рену в комнату, полуобняв ее по дороге. Потом Меро затворил дверь. Лоррин вежливо отвернулся, пока Меро обнимал Рену — теперь уже по-настоящему.

«Я рад, что они нашли друг друга, — печально подумал он. — Если бы еще и мы с Шаной...»

Он не стал думать дальше. Неизвестно еще, суждено ли этому случиться хоть когда-нибудь. Шана воплощала в себе одновременно представление Лоррина об идеальной женщине — и все те черты, которые его бесили. Она была упряма — «у нее просто сильная воля», возразила Лоррину его совесть, — самоуверенна и своевольна — «как и всякий прирожденный лидер», — не стеснялась высказывать свое мнение — «умна», — нетерпелива — «просто она быстро соображает», — эгоцентрична — «самодостаточна»...

Впрочем, это перечисление можно продолжать часами. И однако Лоррин не мог перестать думать о ней. Даже когда ему следовало бы думать совсем о другом. Шана снилась ему по ночам, и днем его тоже преследовали мысли о Шане. Лоррин отказывался беседовать с ней, говоря Меро, что его ментальные способности слишком слабы, чтобы дотянуться до нее из

эльфийских земель, но истинная причина была в том, что он боялся говорить с ней мысленно. Он боялся выдать себя, выдать смешанные чувства, которые испытывал к ней. Ее нельзя отвлекать, особенно теперь. А он...

«Мне тоже нельзя отвлекаться. Я хожу по лезвию бритвы. И... и я не хочу знать, что думает она. Только не теперь. И может, еще долго не захочу. Я... я просто боюсь обнаружить, что она думает обо мне всего лишь как о еще одном волшебнике. Лучше пока оставаться в неведении».

К тому же ему есть о чем подумать, кроме Шаны!

Рена вежливо кашлянула. Лоррин обернулся к ним. Они стояли бок о бок, достаточно скромно, и только их руки по-прежнему тянулись друг к другу. Так что на их руки Лоррин старался не смотреть.

— Ну как? — коротко спросил Лоррин.

Рена просияла. Она была довольна собой.

— Отлично! Я показала свои украшения — они, конечно, уже видели такие на балах, — и сказала, где их можно купить. Я рассказала Луналии и Меринис о том, что это на самом деле такое — отцы у них ужасные! — и тут же сунула им по набору. Отец собирается выдать Луналию замуж за какого-то надменного ан-лорда, который, похоже, считает, что она должна вести себя как наложница! Уж чего она только не делала: и разрыдалась, когда он чуточку грубовато сострил, и сделала вид, что упала в обморок, когда он снял рубашку...

Лоррин расхохотался. Рена осеклась.

— В чем дело? Что тут такого смешного?

Лоррин рассказал ей о своем последнем «клиенте» и тут же схватился за стол, чтобы не упасть от хохота. Рена тоже захихикала.

Да, это уже не та изнеженная маленькая Шейрена! Ту Шейрену его смех привел бы в негодование. Она, возможно, даже разрыдалась бы при мысли, что положение Луналии может казаться ему смешным. Но эта Шейрена была иной. Она обрела уверенность, которой ей так не хватало. Где? Должно быть, где-то в лесах, населенных единорогами...

Это уже не его маленькая сестренка. И это чуточку печально. Когда ей нужно чем-то поделиться или просто хочется общества, она обращается уже не к нему, а к Меро...

Ну что ж. Это естественно и неизбежно. Маленькая Рена выросла, стала взрослой...

И, как бы затем, чтобы подчеркнуть это, Рена внезапно сделалась серьезной.

— И вот что. Мы решили: Луналия будет последней, — сказала она. — Я больше не могу рисковать, путешествуя по поместьям: там слишком легко попасться. А это значит, что остается последний пункт в нашем списке.

Меро окаменел. Лоррин кивнул. Они уже дали ход делу. Восстание во всех пяти городах набирает силу. По всем городам процветает сеть крохотных лавчонок, рабы-ювелиры серебрят украшения, полученные от Железного Народа, и куют свои упрощенные копии, и все это под присмотром драконов-оборотней, присланных Кеманом...

«Интересно, может быть, Кеман именно за этим и улетел из Цитадели? Меро, похоже, никого из них не знает, но это точно драконы. Теперь, когда Шана научила нас видеть драконью тень, это легко проверить. Неужто Кеману удалось где-то навербовать новых драконов?»

Впрочем, это не так уж важно. Разве что Кеману удастся еще до начала восстания привлечь на свою сторону большинство драконов из всех Логов, — а это маловероятно...

Сейчас главное то, что Рене пора отправляться домой.

— Тебе не обязательно делать это, — еще раз напомнил Лоррин, хотя ему делалось не по себе каждый раз, как он думал о матери. Она жива — это он знал точно, потому что ему сообщили об этом из нескольких источников. Она действительно рассказала, что ее родной сын родился мертвым, а повитуха подсунула ей «подменыша», и объяснение было принято. В ее притворное безумие тоже поверили, и это избавило ее от дальнейших расспросов. Разразился ужасный скандал, но тем все и кончилось.

Ее поселили в башне в саду, и она жила там под домашним арестом. Но это все же лучше, чем испытать на себе всю силу гнева своего супруга и повелителя — и гнева закона, который позволял мужу — нет, повелевал ему! — казнить жену за то, что она сознательно родила полукровку.

Однако о том, что Рена сбежала вместе с Лоррином, ничего слышно не было. Слухи утверждали, что бегство Лоррина и вызванное им безумие матери повергли Рену в уныние. Она якобы слегла в постель и отказалась выходить замуж за лорда Гилмора, пока честь ее семьи не будет восстановлена. Видимо, эту выдумку распространил сам лорд Тилар.

— Нет, надо идти! — твердо сказала Рена. — Мы оба это знаем. Я не стану делать вид, что мне не страшно, но отец, по крайней мере, не сможет прочитать мои мысли, а если он в гневе попытается ударить меня магией, меня защитят украшения.

— А вдруг лорд Тилар убедит тебя, что все в порядке, ты расслабишься, а он в это время прикажет своим вассалам отвести тебя к какому-нибудь более могущественному лорду, чтобы...

Лоррин не мог заставить себя договорить.

Рена поджала губы и сильнее стиснула руку Меро, но сказала только:

— Что ж, придется рискнуть. Но я теперь научилась притворяться куда лучше, чем раньше. Попробую воспользоваться этим.

Лоррин вздохнул, шагнул вперед и обнял сестру одной рукой. Другой он похлопал по плечу Меро. Тот обратил к нему лицо, искаженное болью: перед своей возлюбленной Меро страха выказывать не стал бы.

— Ну что ж, сестренка, если ты уверена, что сможешь, я спорить не стану.Ты уже не глупенькая девочка, которая читала романы в саду, приручала пташек, заставляла их садиться себе на плечи и потом прятала от отца запачканные платья!

— О, я еще не так далеко ушла от этого, как тебе кажется! — шепнула сестра ему на ухо. — Только теперь мне придется прятать не платье, а прошлое. Хотя это проще!

Лоррин только головой покачал.

— Ну ладно, — сказал он, отпустив сестру. — Утром будем действовать, как договорились. А сейчас мне надо кое с кем встретиться, а потом я вернусь и лягу спать. Заклятие переноса требует много сил.

Лоррин развернулся и вышел в коридор, ни разу не оглянувшись, оставив их вдвоем, чтобы они могли попрощаться как следует.

Ему удалось подавить чувство зависти настолько, что он искренне пожелал им самого наилучшего.

Меро Лоррин об этой встрече нарочно говорить не стал. Конечно, он предпочел бы пойти не один, но ему не хотелось лишний раз разлучать Меро с Реной.

На этот раз он вышел на улицу в новом обличье. Днем он появлялся в облике эльфийского лорда, а сейчас стал человеком-рабом.

Лоррин брел, ссутулившись, глядя в землю. Каждый раз, как кто-то смотрел на него — или ему казалось, что кто-то на него смотрит, — по спине юноши бежали мурашки. Нет, вряд ли кому-то вздумается разыскивать среди рабов волшебников-полукровок, но кто его знает... Лоррин от души жалел, что рабам не разрешается носить что-нибудь вроде капюшона, под которым можно было бы спрятать хотя бы уши. Но ничего не поделаешь, придется довериться темноте.

И когда Лоррин наконец добрался до цели — скромной лавчонки, на вывеске которой был намалеван зеленый лист, — спокойнее ему не стало. Лавка, казалось, была закрыта на ночь, но Лоррин отстучал на ставне условленный сигнал, и ему отворили.

Он проскользнул внутрь. Тот, кто открыл ему, тотчас же запер за ним дверь. Дрожащий Лоррин остался стоять в темноте.

— Проходи в аптеку, — шепнули ему на ухо. — Я зажгу свет там, где его будет не видно с улицы.

Лоррин направился следом за звуком шагов, ударился об угол скамейки, с трудом сдержал проклятие. Чья-то рука взяла его за локоть и повела вперед. Лоррин услышал, как позади закрылась еще одна дверь.

Еще мгновение — и вспыхнул фонарь. Лоррин увидел человека, с которым его просили встретиться, и обстановку комнаты, в которой они находились.

Обоняние еще раньше подсказало ему, что комната полна трав. Зелий было так много, что Лоррин не мог различить отдельных запахов: сладкие и горькие, душистые и едкие и просто странные — все они сливались в один. Вдоль стен стояли шкафы, полки которых были уставлены бутылочками, горшочками и коробочками с аккуратными ярлычками. Посреди комнаты находился высокий стол, застеленный безупречно чистым белым полотном.

А мужчина, стоявший перед Лоррином, был средних лет, лысеющий, с короткой бородкой, весьма почтенный на вид. Волосы, оставшиеся у него на голове, были темно-русые и курчавые, как и бородка. И это был чистокровный человек.

— Мне говорили, у тебя есть одна вещь, — отрывисто сказал мужчина. — Вещь, которая... которая защищает от эльфийской магии.

По спине у Лоррина снова поползли мурашки.

— А кто тебе это сказал? — осторожно осведомился он. — И... и почему ты спрашиваешь?

Лоррин предполагал, что встречу ему назначил очередной небогатый эльф. К тому же мысли этого человека, как и у большинства людей, были смутными и спутанными от страха. Лоррин не мог разобрать, о чем он думает и что замышляет, — все забивал страх.

Но человек еще раз удивил его: он несколько раз глубоко вздохнул и привел свои нервы в порядок. Мысли его снова сделались отчетливыми. Лоррин едва не ахнул: где он мог научиться так управлять своим разумом?

— Я узнал об этом... от твоего доброго трактирщика, — осторожно ответил человек. Ничто в его мыслях этому не противоречило. — А что до того, зачем мне это — знаешь ли ты, кто такой лекарь?

Лоррин молча покачал головой.

— Эльфы не болеют. А люди — болеют. И, разумеется, наши могущественные господа не станут возиться с больным рабом, — с горечью сказал человек. — Кроме того, они не желают держать больных или раненых у себя в доме. И потому они вызывают меня или чаще отправляют несчастного страдальца ко мне. Не то чтобы я мог сделать многое, но я могу помочь хоть чем-нибудь, а без меня они и такой помощи не получат. Я лечу девушек, работающих у трактирщика, когда кто-нибудь из молодых лордов чересчур неосторожно обойдется со своей игрушкой.

Лоррин поморщился от тона, каким говорил этот человек. Подавленный гнев и ненависть уже говорили о многом. Юноша сразу понял, что лекарь навидался такого, о чем он, Лоррин, знать не желал. Новые истории о всяких ужасах не помогут ему лучше сделать свое дело — они лишь доведут его до кошмаров, а этого он себе сейчас позволить не мог.

— И тебе нужна защита, потому что кто-то из лордов... — начал он.

Лекарь издал негромкое рычание.

— Мало того, что они наказали меня лишь за то, что я не мог заставить человека исцелиться быстрее, чем позволено природой, чтобы они могли продолжать свои развлечения, — они еще и пытались заставить меня делать... всякое...

Он запнулся. Лоррин вскинул руку и решительно заслонился от страшных чужих мыслей, которые ломились в его разум.

— Прошу тебя! — взмолился он. — Я предпочитаю не знать всего этого. Я и так вижу, что тебе это действительно нужно. Вот!

Он достал из карманов три кошелька, которые захватил с собой.

— Возьми! Быть может, ты знаешь кого-то еще, кому это может пригодиться. Если...

Он собирался сказать что-то еще, но тут в дверь, ведущую на улицу, постучали.

Лекарь застыл. Лоррин тоже. Стук прекратился, потом начался снова.

— Брюс! — рявкнул рассерженный голос. — Отворяй!

Лекарь ожил и засуетился. Он толкнул Лоррина к высокой, по пояс, корзине, на дне которой валялось несколько окровавленных полотенец.

— Спрячься там! — прошипел он, вытряхнув полотенца, заставил Лоррина залезть в корзину, скрючиться в три погибели и кинул туда же кошельки. — И не двигайся, если дорожишь жизнью!

Он прикрыл Лоррина полотенцами так, чтобы его не было видно, и заторопился к двери.

— Иду, иду! — крикнул он. Свет исчез из комнаты — Лоррин догадался, что хозяин захватил фонарь с собой.

Едва Брюс отодвинул засов, дверь с грохотом ударилась о стену, и стучавший ввалился в лавку.

— Кого это ты впустил сюда только что? — осведомился грубый голос. — Раненого какого-нибудь? Или кого-нибудь еще, о ком ты не желаешь докладывать хозяину? Ты помнишь, Брюс, что было в прошлый раз, когда ты попался на таких проделках? Гляди, на этот раз так легко не отделаешься!..

— Если вам угодно знать, — сердито ответил лекарь, — я никого не впускал, а, наоборот, выпускал. Одну... кхм... служанку из «Серебряной розы». У нее... э-э... заболевание интимного плана.

Лоррин не мог не восхититься тем, как лекарь кашляет и запинается, разыгрывая смущение.

— Я... э-э... лечу ее, так сказать, в качестве личной услуги.

Другой человек немного помолчал, потом разразился громовым хохотом.

— Служанку, говоришь? Интимного плана? Ах ты, хитрый старый пес! Я и не думал, что ты на такое способен! Или у тебя среди твоих травок водятся такие, которые помогают этому делу?

Брюс снова кашлянул. Его собеседник расхохотался еще громче.

— В следующий раз, прежде чем разбираться с интимными проблемами, спроси сперва позволения у хозяина! А то я однажды возьму и завалюсь к тебе, прежде чем ты ее выпустишь, чтобы самому позабавиться с ней!

Дверь снова хлопнула. Грохот тяжелых сапог удалился.

В комнате опять стало светло. Брюс сбросил полотенца.

— Теперь тебе придется уходить через чердак, — сказал лекарь. Лицо его было белым как мел в свете лампы. — Он будет следить за входом. Ты умеешь лазить по крышам? Я покажу тебе, куда идти, ну, а уж там ты сам как-нибудь...

Лекарь болтал без умолку, пытаясь заглушить страх. Его буквально тошнило от ужаса, и образы, проносившиеся в его мыслях, сказали Лоррину, отчего он так боится. Лоррин сглотнул тошноту, подступавшую к горлу, и промолчал.

Он поспешил уйти — невзирая на то, что для этого ему пришлось карабкаться по крышам. Все лучше, чем находиться в одной комнате с человеком, мысли которого полны такими воспоминаниями...

Шейрена нарядилась в платье, тщательно выпачканное и изодранное. Она сама готовила его для этого маскарада. На ногах у нее вместо туфель были огромные стоптанные башмаки, которые могли бы принадлежать Лоррину. В носки башмаков она натолкала тряпок, чтобы они не так болтались на ногах. Ее собственные изящные туфельки просто не пережили бы путешествия, про которое Рена собиралась поведать лорду Тилару. Она скажет, что украла эти башмаки у Лоррина.

Они с Меро тщательно продумали все подробности, начиная с того, как Лоррин уговорил ее отправиться с ним на утреннюю прогулку, до того, как она сбежала от брата, украв у него башмаки — как затем, чтобы не идти босиком, так и затем, чтобы помешать брату преследовать ее. В пояс юбки вшили кармашек с двумя наборами железных украшений: один для самой Рены, другой для ее матери.

Мире отвели роль добровольной сообщницы Лоррина, которая должна была помочь ему связаться с волшебниками. А почему бы и нет? Это объясняло как ее присутствие в лодке — преследователи наверняка успели заметить, что в лодке их было трое, — так и ее исчезновение после того, как она выпала из лодки. Это объясняло также и то, почему Лоррин не отправился прямиком к волшебникам, а блуждал в глуши сам по себе: он

лишился своего проводника. Если преследователям удалось подслушать, как Рена подбадривала Лоррина, все это можно будет приписать Мире.

— Готова? — спросил Лоррин. Девушка кивнула. Говорить она не могла. Меро лежал, расслабившись и закрыв глаза. Лоррину придется позаимствовать у него большую часть его магической силы, чтобы перенести Рену к границам владений лорда Тилара. Это заклятие переноса, переделанное волшебниками, которому Меро научил Лоррина, было не столь «шумным», как то, которым пользовалась Шана. Вся штука была в том, что волшебник, осуществляющий заклятие, оставался на месте и весь шум оставался при нем. В большом городе, где ежедневно используются сотни, если не тысячи заклятий, еще одна вспышка магического «шума» останется незамеченной.

Меро владел этим заклятием лучше, чем Лоррин, но зато Лоррин знал то место, куда следовало перенести Рену. А потому он и должен был его осуществить.

Как только Меро придет в себя, он отправится к поместью лорда Тилара — обычным, немагическим способом — и будет ждать Рену и леди Виридину в условленном месте с лошадьми и припасами. На этом настоял Лоррин. Он знал, что иначе Меро весь изведется и все равно будет бесполезен. Конечно, это опасно — но не более опасно, чем сидеть тут и думать о Рене, вместо того чтобы прятаться от охотников за полукровками.

— Сделай глубокий вдох и закрой глаза, — сказал Лоррин. Рена послушалась. Она ощутила, как вокруг нее собирается магия, закручиваясь водоворотом. Лоррин направлял ее сквозь янтарный шар, который держал на ладони, как научил его Меро. И Рена очутилась в центре этого водоворота.

Потом была вспышка, такая яркая, что Рена увидела ее даже сквозь опущенные веки.

А потом — ничего.

Ни звука, ни света, ни воздуха, пол под ногами исчез, и она провалилась куда-то в пустоту, и падала, падала, казалось, она будет падать вечно! Желудок скрутило, как тогда, когда Каламадеа провалился в то, что он назвал «воздушной ямой», и рухнул вниз на три собственных роста, прежде чем сумел выровняться. Рене казалось, что она кричит, но она не слышала собственного крика; ей казалось, что она протягивает руки, но она не ощущала даже собственного тела!

А потом внезапно очутилась уже там: она стояла в траве, и перед ней возвышалась высокая золотисто-желтая стена. Она шагнула вперед, на вытоптанную дорожку для верховой езды. Это место она знала не хуже собственной комнаты. Они с Лоррином раз сто проезжали здесь во время совместных прогулок. Вон та самая яблоня, под которой они укрывались от летнего зноя, когда останавливались перекусить. Под яблоней буйно разрослась трава — видно, давно не косили. Листья на дереве начали желтеть. Да, ведь они с Лоррином сбежали из дома весной, а теперь уже осень...

Рена даже не помнила, далеко ли отсюда до ворот, а ей ведь придется идти пешком, в башмаках, которые ей слишком велики, несмотря на то что носки башмаков набиты тряпками и на ноги намотаны портянки. Рена дрожала на холодном осеннем ветру, пробирающемся сквозь прорехи в платье, и железные украшения на поясе казались ужасно тяжелыми.

«Ну, вот я и здесь».

И стоять тут бессмысленно.

Девушка тихонько вздохнула и зашагала вперед. Если повезет, ей встретится кто-нибудь из стражников, и это избавит ее от лишних мозолей на ногах.

Но стражников она не встретила — «ну да, конечно, когда они действительно нужны, так их не дождешься!». К тому времени, как Рена добралась до ворот, ноги у нее достаточно болели, чтобы придать убедительность истории о длительных скитаниях. Вряд ли она успела стереть их до волдырей, но, если все закончится благополучно, первым делом она прикажет налить себе горячую ванну и растереть ноги!

Ворота показались ей куда больше, чем помнилось, — но, с другой стороны, она ведь привыкла жить в глуши либо среди шатров Железного Народа... А по сравнению с шатрами почти все здания казались ей громадными. Ворота были сплошные, бронзовые. Рена робко постучалась, и створки отозвались гулким эхом.

После второго удара ворота распахнулись. За ними стояли полдюжины вооруженных до зубов стражников. Охранники были не людьми, а эльфами — и одно это сказало Рене о положении дел больше, чем любые рассказы о том, какое впечатление произвело на лорда Тилара бегство Лоррина. Похоже, он больше не доверяет людям-рабам ничего важного.

Девушка скромно сложила руки на груди и, глядя в землю, сказала усталым голосом (усталость ей изображать не пришлось):

— Простите, не могу ли я поговорить со своим отцом лордом Тиларом?

— С кем-кем? — переспросил один из стражников. Второй рассмеялся было, но в это время третий выругался, заставив первых двух заткнуться:

— Т-твоих Предков! Да это ж она! Шейрена!

Рена не рассчитывала, что с ней станут нежничать — по крайней мере, до тех пор, пока не убедятся, что она чистокровная эльфийка, — но она все же не ожидала, что ее свяжут по рукам и ногам и бросят лицом вниз поперек седла. Не ожидала она и того, что ее повезут к замку галопом. Железные украшения больно впивались в бок, и желудок снова скрутило — хуже, чем во время полета на драконе.

После переноса еще и это оказалось для Рены чересчур. Когда стражники остановились у главного входа в замок и сдернули Рену с лошади, ее вывернуло прямо на сапоги ближайшему из них.

Стражник оказался тот самый, который настоял на том, чтобы везти Рену именно таким унизительным способом, но ее это утешило мало. Стражник выругался и попытался пнуть пленницу. Рена отшатнулась, и ей удалось избежать удара. Эльф снова занес сапог, но тут дверь с грохотом распахнулась, и гневный окрик заставил стражника замереть на месте:

— Эт-то что такое?!

Лорд Тилар возвышался в дверях своего замка, грозно глядя на сгрудившихся внизу стражников. Те поспешно расступились, открыв его взору дрожащую несчастную Рену, скорчившуюся у ног одного из них.

Лорд Тилар густо побагровел. В сочетании с бледно-золотистыми волосами и зелеными глазами это смотрелось ужасно.

— Ты! — бросил он. — Да как ты смела снова показаться мне на глаза?!

— От-тец! — пролепетала Рена. На глазах у нее выступили непритворные слезы — ей действительно было худо. — Отец... Лоррин уснул... и я ударила его по голове, и украла его башмаки, и...

Лорд Тилар сделал повелительный жест, и слова застыли у Рены на языке. Теперь Рена была очень рада, что настояла на том, чтобы железные украшения обернули шелком. Шелк препятствует действию защиты. Весь успех ее плана зависел от того, подействуют ли на нее первые заклятия лорда Тилара.

— Ты смеешь называть себя моей дочерью? Сейчас проверим!

И с этими словами лорд Тилар бросил второе заклятие — должно быть, развеивающее личину.

Конечно, Рена осталась такой же, как была: несчастным, скорчившимся существом в изорванном платье, чумазой, зареванной, — но ее принадлежность к роду эльфийскому не вызывала ни малейших сомнений.

И лорд Тилар, который до последнего момента предполагал, что его дочь была полукровкой, точно так же, как и его так называемый «сын», уставился на нее, разинув рот.

Но лишь на миг. Он быстро оправился от изумления. В конце концов, лорд Тилар не мог бы достичь своего нынешнего положения, будучи круглым дураком.

И теперь он обратил свой гнев на другую мишень: на злосчастных стражников.

— Вы!!! — взревел он, хотя лицо его к тому времени успело приобрести свой нормальный оттенок. — Идиоты! Как вы посмели так обращаться с моей дочерью?! Навоз выгребать отправлю!

И, не успели стражники опомниться, как он уже сбежал по ступенькам, сам поднял Рену на ноги и рассек веревки кинжалом, который носил у пояса.

— Ах, отец! — всхлипнула Рена и снова бросилась ему в ноги, прижавшись лицом к его сапогам и щедро орошая их слезами. — Отец, это было так ужасно! Этот Лоррин... Лоррин...

Лорд Тилар терпеть не мог бурных эмоций, а истерики неизменно заставляли его покинуть поле брани, и потому он поспешно отстранился. Рена на это и рассчитывала.

— Ты и ты, — отрывисто бросил он, ткнув пальцем в двух стражников, — отведите мою дочь в ее комнату. Прикажите рабыням, чтобы позаботились о ней и одели ее, как подобает ее рангу. Быстро, идиоты!

Потом он развернулся и скрылся в холле, предоставив растерянным стражникам снова поднимать Рену на ноги. На этот раз стражники обращались с ней чрезвычайно бережно, словно она была стеклянная. Стражники отвели Рену в ее комнаты.

Там уже ждали служанки. Все они были новые, что Рену почему-то совсем не удивило. Стражи поспешно сдали ее на руки горничным и удалились с видимым облегчением. Пока слу-

жанки раздевали Рену, она успела незаметно перепрятать свертки с железными украшениями в свой старый тайничок у кровати, где, бывало, хранила книги. Еще несколько секунд — и Рена блаженно погрузилась в желанную ванну. Четыре служанки занялись ее руками и ногами, а еще одна принялась отмывать и распутывать художественно растрепанные и испачканные волосы.

Это было замечательно. Рена с наслаждением предоставила служанкам ухаживать за ней. Служанки чирикали, как пичуги, ахали и охали над ее загрубевшими руками и стертыми ногами.

— Госпожа! — повторяла одна из них, безуспешно пытаясь подстричь обломанные ногти. — Госпожа, что вы сделали со своими руками!

«Ну да, можно подумать, мне в глуши делать было больше нечего, как только ногти чистить!» Рене пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться.

В конце концов ее отмыли, одели в нежно-розовое платье и направили в кабинет отца. Перед этим ей поднесли какой-то напиток — видимо, успокоительное. Рена сделала вид, что отпила, и на всякий случай незаметно вылила напиток в вазу. Судя по тому, как довольны остались служанки, ее подозрения были справедливы. А потому по дороге к отцовскому кабинету Рена старалась двигаться расслабленно и делать вид, что у нее слегка кружится голова.

Войдя в кабинет, Рена обнаружила, что отец не один, и порадовалась, что не взяла с собой украшения. Она не знала этих лордов по именам, но их лица и без того сказали ей все, что надо было знать. Такими надменными бывают лишь самые могущественные из магов.

Рена сделала глубокий, хотя и несколько неуклюжий реверанс, и не встала, пока отец не дал ей на то позволения. Голос отца показал, что он доволен ее поведением.

— Шейрена, эти двое из высших лордов Совета, — сказал он, говоря медленно и раздельно, словно обращался к ребенку или слабоумному. — Расскажи нам обо всем, что ты пережила в руках чудовища, которое тебя похитило.

Один из высших лордов придвинул ей кресло, и Рена с удовольствием села. Она принялась рассказывать свою историю слабым, срывающимся голоском, начав с того, как Лоррин явился к ней в комнату вместе с ее горничной и пригласил полюбоваться восходом, и закончив тем, как ей удалось «сбежать»

от ужасного полукровки, украв у него башмаки, чтобы он не смог ее догнать, и вернувшись домой по дороге, которую она запомнила твердо, несмотря на все ужасы.

— Он собирался продать меня волшебникам, отец! — воскликнула она дрожащим голосом. Они, должно быть, подумали, что Рена сдерживает слезы, — на самом деле она сдерживала смех. — Он говорил, что продаст меня волшебникам и они скормят меня своим драконам! Он говорил, что драконы питаются только юными девами и...

Нет, больше она не выдержит! Рена спрятала лицо в ладонях, и плечи ее затряслись от беззвучного смеха. Пока она пыталась взять себя в руки, трое лордов принялись тихо совещаться между собой.

В конце концов она подняла голову и, отважно высморкавшись, снова посмотрела им в лицо.

— Все сходится, — вполголоса сказал один из них. Отец и второй из лордов кивнули.

— Ты хорошая и храбрая девочка, Шейрена, — сказал тот, что говорил, обращаясь к ней. Голос его был мягок, как массажное масло, и сладок, как патока. — Ты оказалась достойна своего отца и не посрамила чести своего дома.

Рена смиренно склонила голову. Масленый голос снова обратился к лорду Тилару:

— С вашего разрешения, мой лорд, мы вернемся к Совету с этими известиями.

Лорд Тилар кивнул. Гости развернулись и удалились через портал.

Как только гости скрылись, лорд Тилар хихикнул. Шейрена подняла глаза, надеясь, что ее взгляд достаточно робок.

— Неплохо, неплохо, Шейрена! — сказал лорд Тилар. Он внимательно разглядывал свою дочь и пару раз даже моргнул от удивления. — То ли мне кажется, то ли ты и впрямь похорошела от всех этих испытаний! — изумленно воскликнул он. — Да нет, ты и впрямь сделалась привлекательной, клянусь Предками!

— Благодарю вас, отец, — смиренно ответила Рена. Щеки ее вспыхнули от гнева, и девушка поспешно опустила взгляд: пусть отец думает, что она покраснела от смущения.

— Что ж, теперь дела принимают совсем иной оборот... — пробормотал лорд Тилар, задумчиво барабаня пальцами по столу. — Ты — чистокровная эльфийка и моя единственная на-

следница... Теперь ты куда более ценная невеста, чем до того, как тебя похитили! Хм-м...

Он встал из-за стола, подошел к Рене, взял ее за подбородок и заставил приподнять голову, чтобы получше разглядеть ее лицо.

— Хм-м... — повторил он. Рена опустила ресницы, чтобы скрыть гнев. — А если учесть, что ты уже не бледная немочь, а вполне хорошенькая барышня, твоя ценность становится еще выше...

Он позволил ей снова опустить голову и остановился в задумчивости. Рена молчала — но отец и не ждал ответа.

— Можешь идти, — сказал он наконец.

Рена поймала его на слове: неуклюже поднялась, присела и поспешно удалилась. Оказавшись в безопасности у себя в комнате, она достала свертки с украшениями из тайничка и поспешно перепрятала их в лучший из тайников, в единственное место, куда ни один мужчина заглядывать не станет, то есть в свою шкатулку с драгоценностями.

И только тогда стянула платье, не призывая на помощь горничных, забралась в постель и позволила себе наконец-то забыться сном.

Ее разбудил отец. Точнее, разбудили ее служанки: они сновали вокруг постели, тараторя, что отец ждет за дверью, а она никак не может появиться перед ним в таком виде! Рена рассеянно позволила им одеть и причесать себя. Как только ее привели «в подобающий вид», лорд Тилар вошел и предстал перед ней во всем своем величии.

— Вели служанкам собрать твои вещи, Шейрена! — распорядился он. — Ты переселяешься в будуар.

Рена тупо уставилась на отца. Он улыбнулся — улыбкой того, кто делает, что ему угодно, и полагает, что оказывает огромную честь.

— Ты — мое единственное законное дитя, Шейрена, — величественно произнес он и протянул ей руку. Рена взяла его руку, не понимая, чего он хочет, и отец вложил ей в ладонь связку ключей — ту самую связку, которую всегда носила ее мать.

— Теперь ты — хозяйка этого дома, — сказал лорд Тилар. — Именно ты будешь управлять всем хозяйством.

Увидев, как она испугана и растеряна, отец расхохотался.

— Не тревожься, дитя. Это всего лишь почетный титул. На самом деле всем занимаются рабы. Тебе следует заботиться

лишь о том, чтобы рабы являлись за приказами к тебе, а я скажу тебе, что следует им говорить.

— Да, отец... — выдавила она.

Его улыбка сделалась шире.

— Теперь ты слишком ценна, чтобы отдавать тебя такому, как лорд Гилмор, — самодовольно продолжал он. — Я уже передал лорду Гилмору свои сожаления, сообщив, что теперь ты слишком дорога мне и я не могу расстаться с тобой. Я расторг помолвку.

— Расторг помолвку?

Рена была потрясена: она не думала, что отец пойдет на такое!

Он принял ее изумление за разочарование.

— Не беспокойся, дитя мое! Теперь ты стоишь десятка таких, как Гилмор! Слушай меня внимательно.

Рена закрыла рот и тщательно изобразила напряженное внимание.

— Я найду тебе другого супруга, брак с которым поставит наш дом наравне с домами высших лордов! — радостно сообщил ей лорд Тилар. — У тебя есть очень важное дело! Ты ни в коем случае не должна утратить своей нынешней привлекательности. Это приказ! Пусть каждое утро служанки приводят тебя в надлежащий вид, и ты должна оставаться такой весь день! Никакого послеобеденного сна! Никаких длительных прогулок и поездок верхом! Не смей прятаться в саду, как ребенок! Это понятно?

— Да, отец, — сказала Рена, снова краснея от гнева. И, естественно, отец снова принял ее гнев за смущение.

— Ну-ну, Шейрена, не тревожься, — сказал он, видимо, желая успокоить ее. — Я на тебя не сержусь. Но ты больше не дитя. И теперь ты приобрела слишком большое значение, чтобы продолжать играть в свои ребяческие игры. Просто делай, как тебе говорят, и все будет чудесно. Вот подожди — сама увидишь!

— Да, отец, — ответила Рена.

— Теперь, когда почти всем лордам Совета известны твое имя и твоя история, я решил объявить на следующем заседании, что твоя помолвка расторгнута и ты свободна. Это внесет приятное разнообразие в последние приготовления к войне против волшебников. А я смогу объединить свои силы с силами того, кто станет твоим супругом.

Лорд Тилар весь сиял, как будто выдумал нечто чрезвычайно остроумное.

— Я... э-э... так сказать, выставлю тебя на торги. И надеюсь, что торговаться будут яростно!

— Но лорд Гилмор... — выдавила Рена, не в силах придумать что-то еще.

— Ха! Выброси его из головы. Не знаю, кто станет твоим мужем, но могу поручиться, что, кто бы он ни был, он будет настолько же выше лорда Гилмора, насколько лорд Гилмор выше моего начальника стражи!

Рена сейчас надеялась только на то, что Меро сумеет прочесть все это в ее мыслях. У нее не было другого способа передать ему эти важнейшие сведения. Эльфы собираются нарушить договор уже сейчас, на много месяцев раньше, чем рассчитывали волшебники!

Шана вся кипела. Она стояла перед толпой волшебников в большой пещере, которую они использовали в качестве зала собраний, и ей ужасно хотелось взять большую дубину и вколотить в эти тупые головы хоть немножко ума! Особенно в голову Каэллаха Гвайна. Ну почему ему вздумалось гнуть свое именно теперь? Ведь еще полгода назад он громче всех кричал об опасности, грозящей им со стороны эльфов!

«И как там Лоррин? И что он делает? И почему Лоррин никогда не говорит со мной — только Меро? Что он? Как он? Будь оно все проклято, Шана, держи себя в руках и думай о врагах, а не о нем! Да, но ведь он сейчас окружен худшими из врагов...»

— Повторяю: я получила эти сведения буквально из уст одного из высших лордов Совета! — рявкнула она. — Эльфы знают, где мы, и они намерены напасть на нас в самом скором времени! Они сумели объединиться, и теперь сил у них достаточно, чтобы открыть портал и переправить свои войска прямо к нашим воротам!

— Да ну тебя! — сказал Каэллах Гвайн, небрежно махнув рукой. — Это старая сказка, мы ее уже сто раз слышали. Мы не заметили никаких признаков так называемого сбора войск, о котором ты нам талдычишь.

— Если вы ничего не замечаете, — перебила взбешенная Шана, — то лишь потому, что войска собираются в поместьях трех высших лордов, а туда вы заглядывать боитесь!

— Ах, вот как? Ну, а кто же сообщил эти сведения тебе? — ехидно осведомился Каэллах.

Шана не ответила. Что толку отвечать? Они все равно ей не поверят, несмотря на то что сами видели Рену, хотя и мельком. Они никогда не поверят, что Рена может достаточно долго сохранять присутствие духа, чтобы годиться в шпионы.

— Я так и думал! Это всего лишь уловка, чтобы отвлечь нас от более насущной проблемы: договора, заключенного с опасными, дикими варварами. Заключенного, не могу не отметить, без согласия общего собрания Цитадели.

Каэллах явно гордился собой. Шана покосилась на Денелора и Парта Агона. Денелор беспомощно пожал плечами, Парт Агон возвел очи горé. У Каэллаха Гвайна было пока слишком мало сторонников, чтобы причинить Шане серьезные неприятности, но на его стороне было достаточно волшебников, чтобы переливать из пустого в порожнее, пока у ворот не появятся эльфийские армии!

Глядя на эти жирные, самодовольные рожи, Шана снова услышала у себя в мыслях голос Меро, который передавал ей дурные вести, только что полученные от Шейрены. Шана ударилась в панику. Она израсходовала уйму сил, пытаясь передать эти вести Кеману, но она не знала, услышал ли он и где он теперь находится.

А что, если он с этой своей подружкой просто решил удрать куда-нибудь подальше от всех? Что ж, значит, такова ее, Шаны, судьба... А может, они отправились на юг, в Логово Доры, чтобы заручиться согласием ее родителей...

А теперь Шане приходится выслушивать все те же глупости, которые она слушала день за днем, сидя в этой пещере, не в силах сделать ничего толкового...

Ее терпение лопнуло.

Шана встала прямо посреди очередной длинной речи Каэллаха и изо всех сил стукнула ладонью по столу. Каэллах запнулся на полуслове, явно ошарашенный ее наглостью.

— Можешь трепаться, сколько твоей душеньке угодно, пока тебя не изрубят эльфийскими мечами! — бросила Шана. — А я попытаюсь что-нибудь предпринять.

— И кто же за тобой пойдет? — ухмыльнулся Каэллах.

— Мы! — отрезал Каламадеа, вставая. Все прочие присутствующие драконы в обличье полукровок тоже встали. — Мы можем хотя бы разработать план бегства вместе с теми, у кого хватит ума последовать за нами.

Каэллах уставился на него, разинув рот. Чего он не ожидал, так это бунта драконов!

— Но... но... — растерянно промямлил он.

— Но я не думаю, что подобная необходимость возникнет, — ответили от входа. Голос был такой хриплый от усталости, что Шана не сразу его узнала. Она обернулась и увидела...

Кемана. А позади Кемана стояли десять... двадцать... сорок... незнакомцев. Шана просто сбилась со счета.

И у всех этих незнакомцев была драконья тень.

— Шана, это наши новые союзники, — сказал Кеман. Алара радостно ахнула и бросилась обнимать своего сына и высокого красивого мужчину с черными как смоль волосами, который стоял рядом с Кеманом. — Это драконы из нашего Логова, Логова О-ордилайи, Логова Хали-айи, Логова Теоменавы...

Кеман перечислил еще с полдюжины Логов. Шана была настолько ошеломлена, что даже не могла говорить.

— Мы выступим на правом фланге, — продолжал Кеман. — Дора отправилась к Железному Народу. Дирик должен успеть привести своих всадников, которые составят левый фланг, до того как появятся эльфийские армии.

— Мы можем вколотить в землю железные клинья, которые помешают эльфам открыть портал у самого входа в пещеры, как они собирались, — с усмешкой сказал черноволосый. — Наши лучшие мастера сейчас вытягивают железо из земли желваками с кулак величиной, и мы пролетим над долиной и раскидаем их повсюду. Думаю, у нас будет достаточно железа, чтобы усеять им леса на день пути вокруг.

— Ваши силы составят центральную часть западни, — хрипло продолжал Кеман. Потом обернулся к Каэллаху Гвайну. Шана лишь теперь внезапно осознала, что Кеман уже не мальчик, с какой стороны ни взгляни. Он думает и действует самостоятельно, готов взять на себя ответственность и справиться с последствиями собственных решений...

Судя по выражению лица Алары, до нее это тоже дошло лишь теперь.

«Да, Алара, твой малыш вырос...»

— Ты можешь делать, что тебе угодно, господин волшебник, — сказал Кеман Каэллаху Гвайну. — И верить можешь во что угодно. Но армия Железного Народа и армия драконов считают, что Шана права и вам, глупцам, грозит великая опасность, и все мы готовы помогать Шане. А у нас, драконов, есть такая поговорка... — Тут его взгляд, устремленный на Каэллаха, сделался острым как клинок, и волшебник невольно отшатнулся. — «Либо веди, либо следуй за мной, либо убирайся с моего пути!» И что же ты выберешь?

Старик съежился в своем кресле и благоразумно промолчал.

Кеман насмешливо поклонился ему, потом обратился к Шане.

— Я полагаю, молния теперь в твоих руках, названая сестра, — сказал он, и сквозь усталость в его глазах сверкнули лукавые искорки. — Я предоставляю все тебе и нашим друзьям. А я так налетался, что готов проспать целую неделю!

— Назначено заседание Совета, — сказал Лоррин, обводя взглядом комнату, наполненную молчаливыми молодыми эльфами. Сегодня трактир был закрыт для чужих — внутрь пускали лишь тех, кто предъявлял железные украшения. Все стулья, все скамьи были заняты, сидели даже на столах и на полу — везде, где было место. Один только Лоррин стоял посреди комнаты, и все изумрудные глаза были устремлены на него. — Там будут все лорды, имеющие хоть какое-то значение с точки зрения Совета. Прямо с заседания они намерены отправиться в бой. Так что, когда они соберутся в зале Совета, за много лиг от своих поместий, почти без охраны, вы сможете действовать свободно. На заседании не будет только троих — тех, что должны открыть порталы и переправить на место битвы армии рабов.

— И они пошлют на Совет своих наследников! — хихикнул молодой ан-лорд, один из тех, кто был посвящен в план заговора с самого начала. — И окажутся отрезаны от своих, как и все прочие, когда ан-лорды закроют порталы у них за спиной!

— Остальным придется найти повод остаться в поместьях своих отцов или сеньоров, когда соберется Совет, — продолжал Лоррин. — Каждый получит железный клин, чтобы перекрыть выход из портала. Я полагаю, вы сумеете спрятать их как следует — у ваших отцов и сеньоров может найтись преданный вассал, который встанет на их сторону. Не тратьте время на то, чтобы их обнаружить. Идите к людям-воинам и призовите их к восстанию. Тех, кто откажется присягнуть вам, гоните прочь. А потом... — Лоррин пожал плечами. — Я предусмотрел все, что мог. Обороняйте поместья. У вас должно получиться — каждый, кого вы защитите железными украшениями, будет неуязвим для прямого магического воздействия, так что вашим отцам, дядюшкам и сеньорам останется только грубая физическая сила. У вас будут люди — у них нет. А к тому времени уже

поздно будет пытаться отозвать воинов, отосланных через порталы.

— А нам только и нужно, что равные шансы, — сказал один из эльфов, сверкая глазами. Этот был немолод. Должно быть, из тех, кто обладал слабой магией. А значит, его ненависть к могущественным лордам копилась и зрела веками. — Это все, о чем мы мечтали!

— Верно, верно! — подтвердил другой.

Лоррин кивнул и устало потер висок. Получится? Не получится? И что там с Шаной? Последнее, что он слышал от ремесленников, — это что Кеман навербовал много новых драконов. Но известно ли Шане, что нападения следует ждать со дня на день? И устоит ли даже целая туча драконов перед теми силами, что собираются против волшебников?

Да и вообще — вдруг Шану отстранили от командования?

Впрочем, все это неважно. События уже начали развиваться, и теперь от них уже ничего не зависит. Теперь либо придется действовать — либо отойти в сторону, чтобы тебя не смели.

— Вы все знаете, что надо делать, — сказал Лоррин и махнул рукой, давая знак расходиться. Это еще не последнее собрание: сейчас его друзья-драконы проводят такие же сходки в остальных четырех городах. — Теперь все зависит только от вас.

«А мы постараемся воспользоваться всем, чем можно.

Ах, Шана! Как мне сейчас не хватает твоего упрямого здравомыслия!»

Рена вела себя очень-очень послушно, смиренно повинуясь всем приказам лорда Тилара, позволяя ему вертеть собой как заблагорассудится. Она надеялась убаюкать его подозрения тем, что ни разу не упомянула при нем о леди Виридине и остерегалась напрямую расспрашивать о ней рабов.

Должно быть, лорд Тилар все же что-то подозревал — или, быть может, привычка к подозрительности укоренилась в нем настолько, что он не мог перестать быть подозрительным даже при всем желании, — потому что он тщательно заботился о том, чтобы Рена ни на миг не оставалась одна. Девушка готова была уже рыдать от бессилия.

Но наконец она получила передышку, хотя и в самый последний момент. Сегодня отец был слишком занят, готовясь к заседанию Совета, чтобы следить за дочерью лично, а приставить следить за ней кого-то другого он, похоже, забыл. И впер-

вые за все время с тех пор, как Рена явилась в поместье, она осталась одна.

Быть может, это ее последний и единственный шанс — и она твердо решила не упустить его.

Однако украшения надеть не решилась: ей самой придется прибегнуть к магии, и к тому же заклятия, охраняющие башню, где поселили ее мать, наверняка устроены так, чтобы при попытке их обезвредить подать сигнал тревоги. Поэтому Рена спрятала оба свертка за пазухой и выскользнула из будуара, бесшумно и незаметно, как воин Железного клана, отправляющийся на разведку.

По крайней мере, она надеялась, что ей это удалось.

Она пробиралась по коридорам, осторожно, как кошка. Магические преграды, которыми лорд Тилар окружил будуар, Рена миновала без труда, хотя и боялась, что они могут остановить ее. Отец говорил, что преграды должны охранять ее — на случай, если Лоррин вдруг снова явится за ней, — но Рена давно привыкла не верить лорду Тилару на слово.

Теперь она миновала парадную часть дома и шла по коридору, ведущему в сад. Теоретически Рена имела полное право находиться здесь: ведь ей было доверено все хозяйство. Но на самом деле, если бы ей встретился кто-нибудь рангом выше домашнего слуги, объяснить свое присутствие здесь ей было бы нелегко.

Посреди сада по какой-то прихоти архитектора была выстроена башня для узников, которых лорд Тилар желал иметь на виду, но в то же время не хотел держать в самом замке. При Рене башня никогда не использовалась, но ей доводилось слышать о непокорных вассалах, которых ненадолго сажали сюда. Предполагалось, что сбежать отсюда невозможно, если узник уступает в магической силе лорду Тилару. И если за пределами башни у него нет сообщников, обладающих хоть какой-то магической силой.

Рена подошла к двери и выглянула в сад, залитый ярким солнцем. Аккуратные клумбы казались бесконечными. А посередине возвышалась башня — на вид очень милая башенка, стройная беломраморная колонна, стремящаяся к солнцу, украшенная скульптурами и орнаментом. Белоснежные стены выглядели тем совершеннее, что в них не было ни единого окна.

По-видимому, отец забрал в свою армию всех рабов из поместья: похоже, в этой войне в расчет принималось количество, а не воинское искусство. Во всем саду работала лишь одна ра-

быня, половшая клумбу у самого подножия башни. Больше никого поблизости видно не было. Рена дождалась, пока рабыня управится со своим делом и вернется в дом через дверь на кухню.

«Теперь понятно, почему в замке так тихо и он кажется таким пустынным. Отец, видимо, взял всех рабов-мужчин. Возможно, он забрал даже наиболее сильных женщин! Неважно, что им не доводилось держать в руках ничего опаснее кухонного ножа. Кажется, для него это не главное. Их легко заменить новыми...»

Рене вспомнились люди, с которыми она познакомилась в шатрах Железного Народа: Дирик, Кала, новый военный вождь... Она подумала о ремесленниках. Ведь они же не воины и совсем не годятся для битвы... Она представила себе всех этих людей, которых гонят на убой точно скотину,— да нет, Железный Народ о своей скотине и то больше заботится... Девушка ощутила прилив гнева.

Она и прежде ненавидела своего отца, но теперь в этой ненависти не было ничего личного: она ненавидела его за все, что творили он и ему подобные.

Она выждала еще немного, чтобы убедиться, что рабыня не вернется в сад, и заодно взять себя в руки. Пока она так зла, ее легко отвлечь, а она не может позволить себе отвлекаться.

Дверь башни смотрела в сторону, противоположную замку. Рена с напускной беззаботностью прошла по дорожке, усыпанной гравием, обошла подножие башни и поднялась на беломраморное крыльцо. За все это время она не заметила никого, кто мог бы следить за ней. Она внимательно изучила замок в двери, прикрыв глаза, как учил ее Меро. Замок оказался куда проще, чем она ожидала. Быть может, мужчине, не обученному тонкой магии, было бы сложно его открыть, но для женщины... Это же куда проще, чем изменять форму перьев на живой птице.

Рена открыла его в одно мгновение, проскользнула внутрь и притворила за собой дверь.

Нижний этаж башни был совершенно пуст. Гулкая белая комната, освещенная тем же рассеянным светом, что и большинство эльфийских жилищ. Рена вслушалась в молчание, пытаясь определить, одна здесь узница или несколько. Судя по разговорам рабынь, леди Виридине не оставили ни единой служанки и ей приходилось заботиться о себе самой. Но рабыни могли и ошибаться...

Рена услышала тихие шаги наверху. Похоже, там только одна пара ног... Кто-то расхаживал, описывая бесконечные круги вдоль стены башни, но этот кто-то явно был один...

Рена бесшумно поднялась по лестнице. Когда ее глаза поравнялись с полом второго этажа, она остановилась, чтобы осмотреться.

Комната была точно такая же, как и та, что внизу, если не считать мраморного стола и единственного стула. Тут тоже никого не было, но когда Рена поднялась выше, она увидела на столе поднос с куском хлеба и кувшин с водой. Хлеб выглядел не особенно свежим, и это был вязкий бурый хлеб, каким обычно кормили рабов.

«Подонок! Даже хлеба для жены пожалел!» — подумала Рена об отце.

Она направилась к следующей лестнице и снова остановилась, вслушиваясь. Теперь шаги раздавались прямо у нее над головой.

Рена успела подняться до середины лестницы, когда шаги внезапно стихли.

— Кто там? — резко спросила леди Виридина.

И Рена не сдержалась: она опрометью взбежала по лестнице, не думая о том, что мать может быть не одна.

Но леди Виридина была одна. Она была одета в простое платье из беленой фланели, какие носят рабыни, волосы ее были собраны в аккуратную косу — и ничто в ней не напоминало прежнюю изысканную леди. Она уставилась на Рену, сделала знак — Рена ощутила покалывание, означающее, что на нее только что воздействовали заклятием, — потом бросилась к дочери и сжала ее в объятиях, всхлипывая и бормоча что-то, как будто и в самом деле была безумна.

Впрочем, Рена вела себя точно так же.

Когда они обе пришли в себя — куда быстрее, чем могла подумать Рена, — леди Виридина отодвинула дочь на расстояние вытянутой руки и встряхнула, словно непослушную девочку.

— Что ты тут делаешь? — сердито спросила она. — Разве ты не знаешь, что никому не дозволено...

— Мама, я пришла, чтобы увести тебя отсюда, — перебила Рена. — Слушай меня внимательно, у нас мало времени.

Рена быстро объяснила, как им с Лоррином удалось бежать, как они встретились с Железным Народом и узнали о защитных свойствах железа, как они объединились с волшебниками.

— Вот, — сказала она, с трудом вытаскивая из-за пазухи один из свертков. — Вот одно из железных украшений. Надевай, и идем. В лесу ждет Меро с лошадьми, и мы...

— Не выйдет!!!

Посреди комнаты полыхнула магическая вспышка, и в ней словно по волшебству — собственно, именно по волшебству — возник лорд Тилар. Рена теперь достаточно знала о заклятии переноса, чтобы понять, что это было именно оно.

В тот раз, когда лорд Тилар появился на пороге замка, лицо его было багровым от гнева. Теперь же он сделался буквально лиловым. И на Рену он устремился не с помощью магии, а с голыми руками.

Девушка попыталась увернуться, но лорд Тилар в молодости был искусным воином да и теперь не прекращал тренировок. Мощный удар кулака сбил Рену с ног и отбросил к мраморной стене.

Рена стукнулась сперва спиной, потом затылком. У нее перехватило дыхание, из глаз посыпались искры. Она сползла на пол, задыхаясь, цепляясь руками за холодный мрамор. Словно издалека она услышала звон ожерелья, которое ее мать бросила к ногам лорда Тилара.

Рена тряхнула головой, чтобы развеять туман, застилающий глаза. Видимо, это движение помогло, потому что она вновь обрела способность не только видеть, но и дышать. Девушка судорожно втянула прохладный воздух, потом подняла глаза, пытаясь заставить себя думать.

Отец стоял к ней спиной, весь напружинившись от ярости. Мать прижалась к противоположной стене. Лицо ее было белым от ужаса и потрясения. На полу, под ногами лорда Тилара, блестело серебро на шелке.

— Вот теперь я убью тебя, женщина! — прошипел лорд Тилар. — Наконец-то я избавлюсь от тебя, и никто не посмеет сказать мне «нет»!..

Он шагнул вперед, вскинул руки и схватил Виридину за плечи, прежде чем Рена поняла, что он собирается делать. В следующее мгновение он швырнул жену на пол. Она рухнула безвольным мешком. Лорд Тилар обернулся, и Рена увидела его лицо.

Оно больше не было ни лиловым, ни даже багровым. Оно было белым — белым, как мрамор этих стен, и таким сдержанным и спокойным, словно он обсуждал какие-то сплетни со своими приятелями. Когда он снова заговорил, голос его тоже

был спокоен — и так холоден, что и мрамор застыл бы. Рена содрогнулась, а ее мать накрыла голову руками.

— Я убью и тебя, — повторил он. — Но этого мало. Я сделаю так, что от тебя и следа не останется, так, что никто и не вспомнит, что ты жила на свете. И я сделаю это не торопясь. Я хочу насладиться процессом.

И улыбнулся.

И тут в голове Рены зазвучал знакомый голос — только теперь она знала, кому принадлежит этот голос и почему он кажется ей знакомым.

«Если ты можешь изменить форму цветочного лепестка, что еще ты можешь изменить? Вот, к примеру, можешь ли ты остановить сердце?»

И снова, теперь уже куда ближе во времени: «Это не то умение, которым стоит пользоваться направо и налево. Но иногда... Иногда у тебя просто нет выбора. Если это умение позволит тебе спасти чью-то невинную жизнь...»

Рена приняла первое за предзнаменование, а второе за благословение и сделала ради матери то, чего никогда бы не решилась сделать ради себя. Лорд Тилар обладал защитой против магии, но...

Но его нога касалась железного ожерелья, а шелковый сверток размотался... Правда, там есть еще кожаный башмак, но, может быть...

Рена закрыла глаза и в тот самый миг, как отец вскинул руку, чтобы призвать свою магию, мысленно потянулась к нему...

Она так и не узнала, что именно его убило: ее слабое заклятие или собственная мощная магия, которую он призвал, находясь рядом с железным ожерельем.

Она знала только, что, не успев поднять руку, лорд Тилар ахнул: жуткая мощь, которую он призвал, внезапно обратилась против него, и его тело вспыхнуло, объятое пламенем.

Рена пробралась к матери, обойдя по стеночке жуткий огненный столб. Оно — уже «оно» — визжало и булькало, но почему-то не могло сдвинуться с места: возможно, его удерживало железное ожерелье. Леди Виридина застыла на месте, парализованная страхом. Рена кое-как подняла мать на ноги и потащила ее к лестнице. Самый мрамор воспламенился, и лестница начинала гореть у них под ногами. Они едва успели выскочить в сад. К горящей башне сбегались рабы и вассалы. Они вопили, глазели на пламя — на двух женщин никто даже внимания не обратил.

К этому времени леди Виридина пришла в себя настолько, что уже могла идти самостоятельно, хотя лицо ее по-прежнему было белым как мел, а глаза походили на две выжженные дыры. Рена вывела мать к воротам. Ворота стояли открытыми — их отворили стражники, вернувшиеся с объезда. Патруль проскакал мимо женщин в сторону пожара, не оглянувшись на беглянок. Рена не знала, где и как искать Меро, но ворота казались единственным путем к свободе — по крайней мере, самым очевидным.

Ей не пришлось тащиться вдоль всей стены поместья в поисках Меро: едва они выбрались за ворота, он сам примчался им навстречу, ведя в поводу двух лошадей. Не говоря ни слова, он усадил леди Виридину в седло и привязал ее к лошади: она, казалось, была готова упасть в обморок. Рена взобралась на свою лошадь самостоятельно, невзирая на путающиеся в ногах юбки.

— Лоррин ждет нас на дороге, — коротко бросил Меро. — Ты очень удачно выбрала время: вот-вот начнется самая заваруха. Давайте-ка убираться, пока кому-нибудь не пришло в голову поинтересоваться, что, собственно, мы тут делаем.

Рена оглянулась на полыхающую башню. Что это — предзнаменование грядущих событий?

Рена словно бы окаменела. Мысли ползли еле-еле, словно пробирались через липкую грязь. «Сейчас у меня начнется истерика, — отстраненно подумала она какой-то частью разума, которая ухитрилась остаться ясной. — И у мамы тоже. Надо успеть убраться подальше, прежде чем это случится».

И Меро кивнул, словно прочтя ее мысли. Он развернул коня и пустил его легким галопом. Конь леди Виридины, все еще привязанный арканом к луке седла Меро, тряхнул головой и поскакал следом.

Рена оглянулась в последний раз, конвульсивно содрогнулась — и последовала за ними.

К этому времени Лоррин окончательно утратил власть над собой. Теперь в мыслях у него царил такой же хаос, как и повсюду. Вскоре после того, как он встретился с Меро, Реной и матерью, местность вокруг них буквально взорвалась. Конечно, он знал, к чему может привести восстание, но...

Но никогда не думал, что это будет выглядеть *так*. Они скакали через безумие. Это напоминало сцены из худших ночных кошмаров какого-нибудь высшего лорда. Армии людей в железных ожерельях набрасывались на всех проезжающих, размахивая мотыгами и косами; армии людей под предводительством молодых эльфов штурмовали стены осажденных поместий, откуда кучки эльфов постарше осыпали огненными шарами и магическими молниями всех, не защищенных железом. Попадались группки людей-воинов, мрачно охраняющих свою добычу — перепуганных рабынь, сбившихся в кучу. А ближе к вечеру им встретилась пожилая эльфийка с орлиным взором, нежными руками няньки и железным ожерельем на шее. Эльфийка поняла, кто они такие, — более того, она узнала Виридину и окликнула их, прежде чем они успели промчаться мимо.

— Эй, детки! — крикнула она, успокаивающе махнув рукой своим насторожившимся воинам. — Ступайте за нами — мы скоро придем в мою башню.

К тому времени все четверо смертельно устали, а Лоррин еще настолько извелся от тревоги за мать, которая впала в какое-то жуткое оцепенение, что готов был принять помощь даже от Джамала. А потому, не обращая внимания на протесты Меро, последовал за эльфийкой. Она привела их в ловко спрятанную в лесу башню, построенную по образцу древнейших эльфийских укреплений, из тех, что могли выдержать любую осаду.

Эльфийка провела их в башню, уложила Виридину в постель, а прочих усадила ужинать. Ее стражники опасливо следили за гостями. А эльфийка мало-помалу вытянула из них все, что они могли рассказать. Даже осторожный Меро не устоял перед ее материнским обаянием.

— Хм-м!..— сказала она, когда гости окончили свой рассказ. — Мой муж был скотина, мой сын вырос зверем, и дочка раздобыла мне одну из этих ваших безделушек, — она провела пальцем по ожерелью, — чтобы защитить меня от его махинаций. Ему мало того, что он и так заграбастал почти все, он хотел получить и остальное, даже этот крошечный уголок мира, который остался моим. Когда я поняла, на что способны эти амулетики, я раздобыла такие же своим мальчикам, и мы спрятались тут и стали ждать. Я знала, что это случится.

— Вы знали?! — воскликнул Меро. — Но откуда? Мы ведь были так осторожны...

Эльфийка рассмеялась.

— Деточка, когда доживешь до моих лет да еще успеешь пожить в Эвелоне, научишься догадываться о многом по самым

неприметным знакам. Я никогда не одобряла рабства и со своими людьми обращалась как с друзьями. Не правда ли, мальчики?

Один из великанов-стражников чуть заметно улыбнулся и ласково коснулся своей закованной в наруч лапищей плеча эльфийки.

— Правда, матушка, — пробасил он. — Жалко, что таких, как ты, очень мало.

Эльфийка вздохнула.

— Ну что ж... Я не раз говорила, что скоро дело снова дойдет до огня и меча. Так оно и вышло. Думаю, мой сын теперь мертв. Последнее, что я слышала, — это что моя дочь и ее надсмотрщик удерживали замок и немногие рабы, которые не разбежались, помогали им защищать его.

— Разбежались немногие, матушка, — возразил другой стражник. — Ты ее хорошо воспитала.

— Ну что ж, я старалась...

Эльфийка снова вздохнула.

— Уж и не знаю, чем все это закончится. Я слышала, что армия, которую отправили громить волшебников, по большей части сбежала и вернулась домой, чтобы присоединиться к восставшим. Ходят рассказы о драконах, о каких-то черных людях... Может, вы мне скажете, сказки это или правда?

Меро прокашлялся.

— Насколько нам известно — правда. Однако нам неизвестно, что происходит у волшебников: обмениваться посланиями стало чересчур сложно...

Он осекся. Эльфийка рассмеялась своим странным, надтреснутым смехом.

— Да знаю я, мальчик, знаю я вашу людскую магию. И почему вы не можете говорить мысленно, тоже знаю. То же самое было, когда мы впервые явились сюда: чем больше хаоса, чем больше мыслей носится в воздухе, тем труднее вашим пробиться сквозь эту кутерьму.

— А-а! — Меро, похоже, не нашелся, что сказать. Старая дама пристально оглядела их.

— Переночуй-ка сегодня в кровати, детка, — сказала она Меро и обернулась к Лоррину. — Заночуйте у меня. Вы так устали, что с ног валитесь; вы вот-вот загоните ваших коней, и все вы слишком печальны, скорбны душою и больны сердцем. Виридину оставьте на меня. Я позабочусь о ней и постараюсь

привести в себя. Я ведь знала ее мать и ее саму знала еще девочкой. Думается мне, если кто и способен исцелить ее, так это я. А если кто-то и способен защитить ее, то, думаю, это тоже я и мои мальчики.

Лоррин только теперь узнал эльфийку. Это была леди Мортена — леди Мот, как звал он ее в детстве. Она частенько навещала его мать и часами просиживала, пересказывая скандальные сплетни. Но об этой стороне ее жизни Лоррин и не подозревал. Должно быть, она нарочно скрывала ее под маской старой кумушки.

Мать Лоррина никогда не позволяла ему дурно отзываться о леди Мот. И теперь Лоррин знал, почему.

Он взглянул на Рену. Та чуть заметно кивнула.

— Да, пожалуйста, — сказал Лоррин, вложив в эти два слова всю свою тревогу за мать и ее душевное здоровье. Леди Мот кивнула, как будто все поняла.

— Отправляйтесь спать, — приказала она. — Утром поедете дальше.

И развела их по спальням, как будто они были детьми, едва покинувшими детскую. И все они слушались леди Мот точно дети, даже упрямый Меро.

Наутро она вышла к порогу проводить их. Ее стражники привели гостям отдохнувших лошадей и наполнили вьюки припасами.

— Поезжайте осторожно, но быстро, — напутствовала их леди Мортена. — Когда все это поуляжется, приедете и расскажете, что там у вас было. Думаю, ваша мать будет очень рада вас видеть.

Она улыбнулась — и на краткий миг Лоррин увидел ее такой, какой она, наверно, была в возрасте Рены, когда ее старшие родичи открыли Врата из Эвелона в этот мир.

— И привезите мне кого-нибудь из ваших молодых волшебников, — добавила она. — Я поведаю им что-нибудь из древней истории, а они покажут мне всякие чудеса и расскажут последние сплетни.

— Сплетни? — удивленно переспросил Меро. Он к тому времени совсем освоился с леди Мот, как и Лоррин с Реной.

Старая леди расхохоталась.

— Милый мой, сплетни будут всегда! Быть может, как раз вы с малюткой Шейреной дадите пищу для новых сплетен, кто знает?

Рена залилась краской. Лоррин невольно улыбнулся. Леди Мортена махнула им рукой.

— Ну, поезжайте скорее! Мальчики мне сказали, что на дороге пошаливают мародеры. Мне не хочется, чтобы вы с ними повстречались. Вы можете причинить им зло...

И последнее, что они видели, это как она машет им рукой со стены своей маленькой, но мощной крепости.

Прошло еще два дня, и они достигли границ местности, усеянной железом, — Кеман предупредил их об этом, прежде чем улететь со всем железом, какое они могли отдать. Лоррин был натянут как струна. Как-то их примут?

И как там Шана?

И все же он не ожидал, что их остановят так скоро.

— Стоять! — рявкнули из кустов, и на дорогу высыпала дюжина людей с луками под предводительством волшебника. Волшебник уставился на них. Он был стар. Лоррин взглянул на Меро. Тот покачал головой, давая понять, что он этого волшебника тоже не знает.

Плохо дело. Похоже, Шана выиграла войну лишь затем, чтобы уступить победу Каэллаху Гвайну. Лоррин стиснул кулаки в страхе и ярости. Конь под ним затанцевал, почуяв натянутые поводья.

— Ты и ты — добро пожаловать, — холодно сказал волшебник. — Но ее, — он ткнул пальцем в Рену, — не пропущу! Это же эльфийское отродье!

Меро ощетинился. Лоррин потянулся к мечу, которого у него не было.

— Ну конечно, олух! — послышался усталый и насмешливый голос, от которого сердце у Лоррина подпрыгнуло. — А как ты думаешь, откуда берутся волшебники? С капустной грядки, что ли?

И Шана отодвинула волшебника в сторону.

— Клянусь Огнем и Дождем! Я уж думала, вы никогда не вернетесь! — сказала она. — Но...

Она оглядела их, обнаружила недостачу и побледнела.

— Лоррин, а как же твоя мама?

— Все в порядке! — заверил ее Лоррин. — Ну, может быть, не совсем в порядке, но мы оставили ее в хороших руках. Леди Мот говорит, что все будет в порядке, и мы...

Он уже не понимал, что говорит, и сам это чувствовал. Шана подняла руки, и Лоррин умолк.

— Тише, тише, погоди. Со временем все расскажешь. А теперь давайте-ка уберемся отсюда поскорее, пока тут не появился очередной дурацкий отряд, охотящийся на волшебников.

Шана развернулась и пошла по тропе. Лучники расступились, чтобы дать им проехать.

Сердце у Лоррина упало.

Все это время он тревожился о том, что будет, если Шана проиграет — если эльфы одолеют волшебников, если старые волшебники возьмут верх над молодыми. Но теперь...

«Что же мне делать теперь? Шана победила. Я ей больше не нужен, ей вообще никто не нужен...»

На него нахлынуло черное отчаяние. За все это время Лоррину ни разу не хотелось плакать, а теперь вот слезы подступили к глазам, и горло сдавило так, что он едва мог дышать. Лоррин подобрал поводья несчастного коня, чтобы пустить его галопом и умчаться далеко-далеко, подальше отсюда. Он постарался отстать от прочих, чтобы они не заметили, как он сбежит. Вот сейчас они скроются за поворотом, и он сможет сбежать. Подумать... придумать, что делать со своей жизнью теперь, когда ей он не нужен...

«Лоррин...»

Всего одно слово — но оно заставило его застыть в седле.

«Ах, Лоррин! Я... я просто не могу выразить...»

Она не могла выразить это — но Лоррин и так все чувствовал. Он ощутил, как она тревожилась о нем все это время — не меньше, чем он тревожился о ней, — несмотря на все проблемы и заботы, с которыми пришлось столкнуться ей самой. Она страшно беспокоилась о нем, ночей не спала, смотрела в потолок и все думала, думала...

Совсем как он.

«Как хорошо, что ты тут! — сказала она наконец, почувствовав, что Лоррин думает о том же самом. — Мне... мне тебя ужасно не хватало. Клянусь Огнем и Дождем, ты мне так нужен...»

И тут же эмоции сменились трезвыми рассуждениями — вполне в духе Шаны:

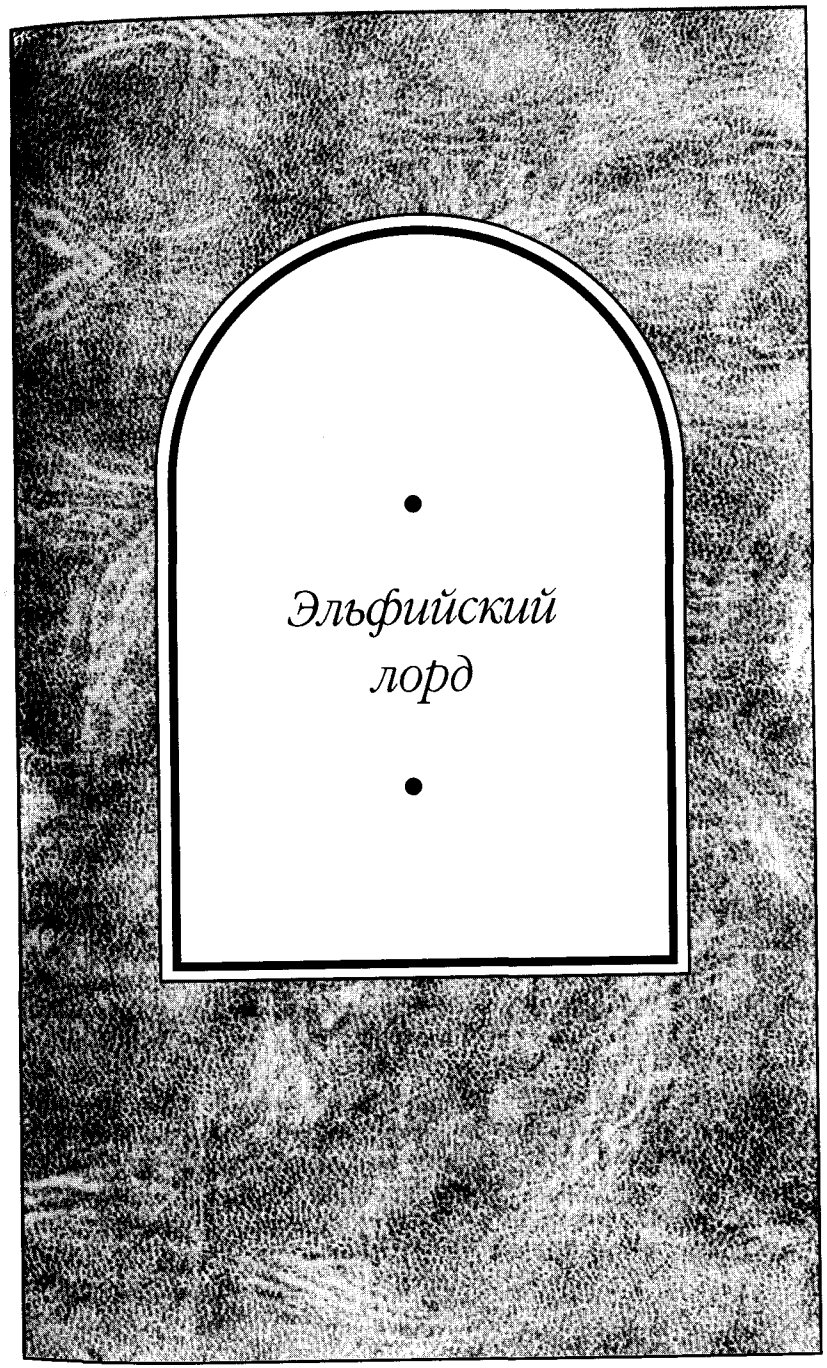
«И еще мне чертовски нужна твоя помощь! Ты тут единственный, кто умеет командовать! Я-то ведь этому не училась! Без тебя мне не управиться со всеми этими придурками — взять хотя бы этого Каэллаха Пустоголового! Если бы ты был со мной, он никогда не смог бы причинить мне столько неприятностей!»

Отчаяние обратилось в радость — в какой-то бешеный телячий восторг. Ну да, Шана умеет привести его в бешенство — за что он ее и любит...

И, судя по ее насмешливым мыслям, именно за это Шана любит его...

«Ну что? — осведомилась Шана. — Собираешься ты помогать мне разбираться с этим гнездом идиотов или нет? А то ведь я выйду из себя и попросту перебью их!»

И Лоррин подобрал поводья и направил коня по тропе следом за Шаной.



Эльфийский лорд

Пролог

В'кель Лайон лорд Киндрет поднялся со своего места и мрачно оглядел всех восседающих за столом членов Совета. Большинство лордов предпочли не встречаться с ним взглядом; те же, кто не отвел глаз, казались столь же довольными, как и сам лорд Киндрет, и явно готовы были поздравить его. Сегодня зал Совета нельзя было назвать уютным, и Киндрет, отдав рабам соответствующие распоряжения, позаботился, чтобы помещение именно таковым и осталось. Холодно. Темно. Подушки на стульях тонкие и плоские. И даже угощение неважное — все блюда и напитки были одинаковой температуры. Более всего к ним подходило слово «тепловатые». В общем, все рассчитано на то, чтобы каждый тихо мечтал очутиться где-нибудь в другом месте и злился на того, кто номинально отвечал за подготовку заседания, — естественно, это был не лорд Киндрет.

Звезда лорда Киндрета снова всходила в зенит, и на этот раз Киндрет готов был пойти на все, чтобы не дать ей закатиться.

— Как такое может быть, — вопросил он, ни к кому конкретно не обращаясь, — чтобы банда взбунтовавшихся юнцов и беглых рабов успешно противостояла армии, якобы обладающей хорошей выучкой, хорошим снабжением и хорошим командованием? Как им удается держаться так долго, что эту дурацкую выходку начали называть Мятежом Молодых лордов?

— Лорд Киндрет, — подал голос В'кель Энстер лорд Рехан. Он упорно сражался за первенство и только что утратил его, но, возможно, еще не осознал этого, — все это, как вы совершенно верно выразились, не более чем дурацкая выходка. Ничего серьезного не произошло. Мы потеряли всего лишь несколько поместий. Поставки продовольствия продолжаются без помех, не считая редких засад. Рабы бегут, но малым числом. Это капли в море. А наша жизнь течет так же, как всегда. И кроме того, эта угроза...

— Капли там, крохи тут, наша так называемая непобедимая армия не в состоянии призвать к порядку наших же собственных отпрысков, а вы говорите — «ничего серьезного»?! — взревел лорд Киндрет и с удовлетворением отметил, как вздрогнул его оппонент. — Клянусь Предками! Идиот! Вы что, не понимаете, что из-за этих, как вы выражаетесь, «капель» мы скоро можем истечь кровью?

Прочие члены Совета беспокойно заерзали, к вящему удовольствию Киндрета. Он почувствовал, что влияние неуклонно перетекает к нему и его сторонникам.

— И как же вы, позвольте полюбопытствовать, предлагаете поступить, если эти наши заблудшие детки решат заключить союз с Проклятием Эльфов вместе с ее волшебниками и драконами?

Готово! Наконец-то эта мысль, которую никто не смел высказать, прозвучала во всеуслышание. Присутствующих пробрал озноб — Киндрет это видел. Всех, даже лорда Рехана.

— Они этого не сделают... — прошептал кто-то из членов Совета.

— Вы уверены? — поинтересовался один из сторонников Киндрета. Киндрет подумал, что нужно будет как-нибудь при случае оказать ему услугу. — И почему же они этого не сделают?

— Да потому... потому... потому, что они — эльфийские лорды! — бессвязно выпалил лорд, заговоривший первым. Он так перепугался, словно его самого обвинили в том, что он произвел на свет полукровку.

— А если вдруг они обретут какую-нибудь магию, которая помешает нашей магии добраться до них и покарать их? — поинтересовался лорд Киндрет. — Что тогда? Да они в тот же миг переметнутся к полукровкам! Или вы в этом сомневаетесь?

Воцарилась тишина.

— А теперь, — нарушил тишину лорд Киндрет, сменив вызывающий тон на спокойный и деловой, — у меня есть несколько предложений. Думаю, первое из них ни у кого не встретит возражений. Я предлагаю позволить нашим лояльным отпрыскам по-прежнему вести привычный для них образ жизни. Давайте не будем мешать им развлекаться. На самом деле, я бы даже предложил слегка приотпустить поводок. Возможно, вы захотите спросить: а чем это вызвано?..

— Ну, вообще-то да! — отозвался лорд Рехан. Вид у него был озадаченный — просто любо-дорого посмотреть. — Если, как

вы утверждаете, набеги обескровливают нас и представляют собою смертельную угрозу...

— Во-первых, нам совсем не нужно, чтобы эти отродья узнали, что это представляет для нас смертельную угрозу. А как показывает практика, у них есть среди нас свои глаза и уши. И не исключено, что роль этих глаз и ушей исполняют некоторые из наших якобы верных детей. Во-вторых, мы хотим напомнить нашим якобы верным детям, как приятна бывает жизнь, когда твой повелитель тобою доволен. — По губам Киндрета скользнула легкая усмешка. — Мух легче приманить на сласти, чем на уксус. А тем временем, — глаза Киндрета опасно сузились, — я поищу более даровитого командующего.

Ни единого возражения не последовало — к совершеннейшему удовольствию лорда Киндрета.

Глава 1

В'кель Аэлмаркин эр-лорд Торнал улыбнулся рабыне, примостившей белокурую головку ему на колено. Это была его нынешняя фаворитка. Нежная, хрупкая юная женщина доверчиво прильнула к его ноге. Безукоризненной лепки лицо радовало лорда тонкостью черт, безупречной правильностью и белизной кожи. Рабыня робко улыбнулась в ответ, но в улыбке все же проскользнуло легкое кокетство; в больших голубых глазах отражалась сама душа девушки, наивная, бесхитростная и безыскусная. В этой очаровательной головке никаких мятежных мыслей не таилось — на самом деле, Аэлмаркин здорово бы удивился, если бы девица высказала за день хотя бы пару мыслей, все равно каких. У девушки была безупречная родословная; она происходила из племенной линии рабов, в которой отбор велся по признаку красоты и изящества. Чисто декоративная порода.

Аэлмаркин довольно вздохнул и погладил бледно-золотые шелковистые волосы. Первоклассный экземпляр: очаровательная, жадная к удовольствиям, уступчивая, изящная, невинная и невероятно послушная. Именно такой тип рабынь всегда ему нравился. Аэлмаркин тщательно культивировал невинность подобного рода, и прочие его рабы, страшась навлечь на себя хозяйский гнев, никогда бы не посмели разрушить иллюзию. Никаких рассказов о порках или еще более суровых наказани-

ях, никаких слухов о гаремных историях и судьбе прочих фавориток — ни единого намека на неведомые ей стороны жизни. Для нее Аэлмаркин всегда был тем добрым, любящим и снисходительным хозяином, каким она его считала.

Аэлмаркин вновь переключил внимание на самого важного из своих гостей.

— Ну как? — поинтересовался Аэлмаркин, обводя широким жестом зал и всех, кто в нем находился. — Я же вам обещал, что тут будет куда интереснее, чем сидеть на празднествах у вашего отца и танцевать со всеми этими скучными многообещающими девицами из хороших семей.

Лорд Аэлмаркин был не настолько сильным магом, чтобы украшать свой зал для приемов при помощи иллюзий, и потому вся окружающая роскошь была совершенно настоящей. Гостей, собирающихся на его вечеринки, всегда ожидала одна и та же роскошная обстановка; Аэлмаркин не мог позволить себе каждый раз устраивать что-нибудь новенькое, небывалое. Но Аэлмаркин искупал неизменность обстановки щедростью и пышностью приемов и мало-помалу сделал на этом имя.

Взять, к примеру, хоть этот зал: к счастью, он изначально был хорошо построен, и когда перешел во владение Аэлмаркина, тому оставалось лишь украсить его. Северная и южная стены были стеклянными: с севера располагалось озеро с искусно украшенными берегами, а с юга — изумительно ухоженные сады. Восточная и западная стены были обшиты посеребренным деревом, а двери с серебряными косяками связывали зал с другими помещениями дома. С потолочных посеребренных балок свисали причудливые серебряные светильники, кристаллы, крохотные стеклянные скульптуры и серебряное кружево, а все пространство между балками было застеклено. Сейчас отражение множества огней надежно скрывало внешний мир, но позднее, когда свет угаснет, на пирующих с высоты будут взирать бесстрастные звезды. Для ковров Аэлмаркин выбрал черный цвет в основном потому, что так их было легче отчищать после вечеринок, а подвыпившим кутилам было куда приятнее падать на ковер, чем на мрамор или паркет. Западная и восточная стены были занавешены серебристыми драпировками, а серебряные пиршественные ложа были обтянуты черной тканью в цвет коврам. У каждого ложа стоял серебряный столик. Единственными яркими пятнами в зале были наряды гостей. На каждом ложе располагалось двое: гость и его (или ее) спутник. Некоторые привели компанию с собой, иные же предпочли выбрать кого-нибудь из гаремных рабынь Аэлмаркина, облаченных в платья из прозрачной серебристой ткани и серебряные ошейники. У каждого ложа стоял красивый раб-виночерпий в короткой серебристой тунике, с серебряным кувшином в руках. А другие рабы в серебристых туниках и полупрозрачных юбках или таких же брюках разносили блюда с разнообразными деликатесами. И к нынешнему моменту гости уже успели выпить достаточно, чтобы утратить ту и без того невеликую сдержанность, что имелась у них поначалу, и теперь в зале то и дело слышались громкие и не очень-то пристойные шуточки.

В'шер Теннит эр-лорд Калумель приподнял длинную серебристую бровь и сардонически оглядел обитателей пиршественных лож.

— Должен признать, — лениво протянул он, — что наблюдать, как Варкалеме выставляет себя полным идиотом, и вправду куда забавнее, чем отбиваться от девиц на выданье и их несносных папаш.

Аэлмаркин рассмеялся, продолжая ласково играть платиновыми волосами рабыни. Он выбрал ее из прочих кандидаток, поскольку именно она больше всех походила на хрупкую эльфийку. Аэлмаркин и наряжал ее как эльфийку, в струящиеся шелковые платья пастельных оттенков, с длинными рукавами и расшитыми шлейфами; он приказал служанкам вплетать ей в волосы нити жемчуга и причесывать ее так, чтобы не видно было закругленных кончиков ушей. Если не присматриваться к глазам, сходство было безупречным. А если бы Аэлмаркину захотелось, он мог бы при помощи магии изменить ей и цвет глаз, с голубого на зеленый. Девушку звали Киндре — до того, как Аэлмаркин велел сменить имя на эльфийское и нарек ее Синтерратэ.

Вышеупомянутый Варкалеме занимался тем, что гонялся вокруг кушетки за девушкой, разливающей вино. Венок из цветов, который надела на него девушка, теперь сполз набок и мешал Варкалеме смотреть, а тот факт, что большая часть вина из ныне опустевшего сосуда перетекла в глотку Варкалеме, отнюдь не добавлял ему ни ловкости, ни проворства. Девушка, уворачиваясь от загребущих рук Варкалеме, бросила взгляд на хозяина — проверить, не осуждает ли он ее бегство. Аэлмаркин едва заметно кивнул, и девушка, приободрившись, стала уворачиваться еще успешнее. Спутница Варкалеме, одна из его собственных наложниц, высокая темноволосая девица в изумруд-

ном наряде, гармонирующем с бериллами в ее ошейнике, похоже, ничуть не была огорчена тем фактом, что не ей приходится сейчас развлекать Варкалеме. Она сидела со скучающим и вместе с тем настороженным видом и лениво жевала ароматный плод.

Теперь и остальные гости заинтересовались происходящим. Одни принялись подбадривать Варкалеме, другие — рабыню, третьи — биться об заклад, поймает он ее или не поймает, а девушка тем временем продолжала уворачиваться от Варкалеме, и ей это удавалось без особого труда, поскольку на ногах он держался довольно неуверенно. Сегодня в гостях у Аэлмаркина были в основном мужчины; среди них оказалась всего лишь пара эльфийских леди. Одна из них, облаченная в платье из перламутрового шелка, ненамного уступавшее откровенностью нарядам рабынь, прихватила с собой в качестве спутника хорошо сложенного, мускулистого человека-гладиатора. Другая леди, затянутая от шеи до лодыжек в черный атлас, явилась в обществе эльфийского лорда, помолвленного отнюдь не с ней.

Все собравшиеся здесь лорды, кроме самого Аэлмаркина и той дамы, которая прихватила с собой раба-гладиатора, были сыновьями правящих глав семейств — но они не присоединились к Мятежу Молодых лордов. Большинство из них считало, что игра не стоит свеч, при поражении можно потерять куда больше, чем приобрести в случае победы, а остальные цинично надеялись, что мятежники покончат с их отцами и расчистят им дорогу к власти.

Аэлмаркин и В'данн Триана леди Фалькион — невзирая на принадлежность к женскому полу, Триана являлась законным и полноправным хозяином Фалькиона — единственные из всех присутствующих владели собственными поместьями. Однако Аэлмаркин не принадлежал к числу великих лордов — его состояние было незначительным по сравнению с истинными богачами, и поддерживал он его за счет торговли породистыми, великолепно вышколенными наложницами, за которых платили — в буквальном смысле слова — драгоценными камнями по их весу. Это давало Аэлмаркину определенное положение в обществе — но не подлинную власть. Что же касается Трианы, ее репутация пострадала из-за ее причастности к поражению во второй Войне Волшебников, и никто из членов Совета теперь не жаждал видеть ее в числе союзников. Теперь Триана большую часть времени безвылазно сидела у себя в поместье. Аэлмаркин подозревал, что Триана просто коротает время, и смотрит, куда подует ветер — и чем обернется Мятеж Молодых лордов, — и выжидает удобного момента, чтобы попытаться вновь войти в число вершителей судеб.

Однако же, несмотря на все это, Триана по-прежнему оставалась украшением любой вечеринки: ум, язвительность и репутация порочной особы придавали ей воистину змеиное очарование, и все с интересом ожидали, что еще она скажет или выкинет. Всякий раз, как Аэлмаркин приглашал к себе Триану, он мог быть уверен, что следом хлынет поток гостей, а ее приемы по-прежнему пользовались большой популярностью у младших отпрысков семейств и лордов, не имеющих ни большой магической силы, ни места в Совете.

Аэлмаркин, в отличие от великих лордов, не сомневался, что Триана в обозримом будущем вернет себе прежнее влияние. Триана умна, находчива и умеет учиться на ошибках. Войны волшебников и нынешний мятеж повлекли за собой множество перемен. Вполне возможно, что Триана и вправду окажется ценным союзником по той или иной причине. А возможно, она и сама, без союзников прорвется к власти. Даже сегодняшний наряд этой женщины демонстрировал ее смелость: Триана, нарядившись, подобно наложнице, в прозрачный шелк, отлично знала, каким соблазном для окружающих будет ее тело, и знала, что ни у кого тут не хватит духу даже прикоснуться к ней без ее дозволения, а потому безнаказанно насмехалась над гостями уже самим своим видом.

А кроме того, у Трианы всегда был острый язык. Аэлмаркину нравились такие женщины — но только не в качестве жены.

— Ну как, Совет уже что-нибудь ответил на ваше прошение? — с легкой улыбкой поинтересовалась Триана у хозяина дома. Ее гладиатор подобострастно поднес ей тарелку с лакомыми кусочками; Триана позволила ему кормить себя и принялась лениво брать кусочки белыми острыми зубками. Аэлмаркин раньше не видел этого типа. Хотя чему тут удивляться? Триана всегда меняла любовников как перчатки.

Аэлмаркин с трудом удержался, чтобы не состроить недовольную гримасу. У Трианы был свой интерес к исходу этого дела, хотя и не тот, что у Аэлмаркина. Неудивительно, что она таки об этом заговорила! Задумывая эту вечеринку, Аэлмаркин рассчитывал, что она превратится в торжество по случаю успеха. Но поскольку дело не выгорело, он надеялся, что никто эту тему не поднимет.

— Совет его отклонил, — ответил Аэлмаркин, стараясь говорить как можно небрежнее, хотя на самом деле его снедала горечь поражения.

Триана состроила сочувственную гримаску, а Теннит повернулся к Аэлмаркину и изумленно уставился на него.

— Что, вправду? А я думал, никто не сомневается, что твой кузен законченный идиот.

Теперь уже добрая половина гостей озадаченно смотрели на Аэлмаркина; они не знали, о каком таком кузене идет речь, а Аэлмаркин вовсе не рвался их просвещать.

— Нет, правда! — подхватил другой гость, нетерпеливым взмахом руки отослав раба. — Ведь это же совершенно скандальный случай, Аэлмаркин. Этот тип, твой кузен, до сих пор играет в солдатики людьми-рабами, как ребенок — игрушками! Экая чушь! Если уж ему так необходимо страдать навязчивой идеей, пусть бы выбрал себе что-нибудь более достойное!

— Ну, как сказать, — промурлыкала Триана и провела пальчиком по предплечью своего гладиатора. — Некоторым нравится играть с солдатиками...

Раб залился краской — да так, что даже шея и плечи покраснели.

— И на каком же основании тебе отказали? — спросил Теннит, и в его голосе Аэлмаркину почудилось злорадство. Теннит, может, и не был еще полноправным лордом, но он превосходил Аэлмаркина знатностью и был не прочь лишний раз о том напомнить, а заодно и поставить Аэлмаркина в неловкое положение.

Но Теннит с легкостью мог выяснить, что именно постановил Совет — ему достаточно было лишь расспросить отца. А потому Аэлмаркин счел за лучшее притвориться, будто все это не имеет для него особого значения.

— Ой, они поступили как последние зануды: подняли всю хозяйственную документацию поместья за последние пятьдесят лет, и по ней вышло, что кузен Киртиан вроде как уделяет должное внимание и поместью, и своим обязанностям. Они и решили, что он не психически болен, а просто эксцентричен. Что эксцентричность досталась ему по наследству, вроде как непохоже, а значит, она вряд ли передается следующему наследнику мужского пола.

— Следующему наследнику мужского пола? — переспросила Триана, многозначительно подчеркнув слово «мужского», и слегка нахмурилась. — А мне казалось, будто его мать еще жива. Разве не она стала бы наследницей, если бы его лишили владений по причине слабоумия?

У Трианы был свой интерес к этому вопросу: все, что препятствовало другим женщинам в получении наследства, могло со временем быть использовано и против нее.

— Его мать не приходится мне сестрой, — объяснил Аэлмаркин. — Ты наследовала Фалькион по праву крови, а у нее такого права нет. Если бы Киртиана отстранили, по закону поместье перешло бы ко мне.

— Тогда, возможно, именно она за всем этим и стоит, — резонно заметил Теннит. — Если она не желает, чтобы ее отослали доживать век в отцовские владения, она, естественно, приложит все усилия, чтобы твой кузен казался дееспособным.

— Может, оно и так, но доказать этого я не смогу, — недовольно пробурчал Аэлмаркин, от души жалея, что леди Лидиэль не похожа на дитя, сидящее сейчас у его ног. Так нет ведь — умна, зараза! Потом он напомнил себе, что нужно казаться беззаботным, и рассмеялся. — Ну, я полагаю, у Совета были основания вынести именно такой вердикт. Как давеча съехидничал при мне лорд Джаспирет, если бы, решая, кто способен владеть титулом и имуществом, а кто — нет, принимали во внимание необычные хобби, половина Совета лишилась бы своих кресел.

— Половина? — рассмеялся Теннит. — Скорее уж две трети! Ну если взглянуть на дело под этим углом, то ты явно жертва обстоятельств.

Аэлмаркин подал знак своему виночерпию, подождал, пока тот наполнит бокал, и неторопливо пригубил вино.

— Мне бы, конечно, хотелось, чтобы земли моего клана уже сейчас находились под надежным присмотром, но я подозреваю, что со временем они так или иначе, но все равно перейдут ко мне. Киртиан жениться не собирается — что само по себе уже доказывает его некомпетентность, — а если учесть, как он носится по глуши, я не удивлюсь, если он свернет себе шею или сотворит еще какую глупость.

— Свернет шею? — вмешалась в разговор вторая леди. Она, как и ее спутник, явно была заинтригована. — Боюсь, я чего-то недопонимаю, Аэлмаркин. Я первый раз слышу о твоем кузене. Кто он? И чем таким опасным он занимается?

Эти слова вызвали взрыв смеха со стороны тех гостей, что были лучше знакомы с семейными сложностями Аэлмаркина. Триана пожалела леди — вероятно, потому, что ее спутник не

отличался ни умом, ни особой красотой, — и решила объяснить, что к чему.

— Мы говорим о Киртиане В'дилле лорде Прастаране, — сказала Триана, назвав кузена Аэлмаркина полным именем, с титулом. — Ты наверняка о нем слыхала.

Леди покачала головой.

— Вообще-то нет, — призналась она. Тут до нее дошло, что Триана решила выступить в роли ее покровительницы, и тут же напустила на себя невозмутимый вид в попытке спасти положение. — Но меня никогда особо не интересовали провинциалы.

Аэлмаркин фыркнул:

— А он — самый что ни на есть провинциал, смею вас заверить, леди Бриннире. Он терпеть не может покидать свое поместье. Он вполне бы мог войти в Совет, если бы приложил к тому усилия, — так нет же, он даже не пытался! Вместо этого он с головой ушел в коллекционирование книг и изучение военного искусства наряду с прочей чушью!

— Военного искусства? — Триана залилась смехом. — Но, Аэлмаркин, даже если он таки вменяемый и он этим увлекается всерьез — против кого он намерен его использовать?! Ведь ни у людей, ни у полукровок настоящей армии нет — это всем известно! Они не сражаются в настоящих битвах! Что же касается молодых лордов...

Тут она осеклась, сообразив, что эта тема может задеть некоторых гостей Аэлмаркина за живое. Но Теннит, сын высокопоставленного члена Совета и самый знатный из присутствующих, договорил за нее.

— Молодые лорды — это неорганизованный сброд, — надменно произнес он. — Как только мы разгадаем, каким образом они нейтрализуют магию, их тут же разобьют, и они приползут к своим отцам, моля о прощении. Ну а пока что невозможно использовать военное искусство против тех, кто даже слова такого не знает.

— О, это еще не самое интересное! — с тайным злорадством произнес лорд Пратерин. — Он не просто изучает всю эту чушь — он еще и практикуется! Лично я подозреваю, что ему не дали в детстве наиграться солдатиками, вот он теперь это и наверстывает.

Увидев по лицу леди Бриннире, что та по-прежнему не понимает сути дела, Пратерин подался в ее сторону и пояснил:

— Он формирует из рабов две армии и лично ведет одну из них в бой против второй. Можете вы себе такое представить, моя дорогая? Он сражается не для того, чтобы отплатить за обиду, не ради какой-нибудь разумной цели, даже не потому, что ему нравится смотреть, как они друг друга убивают! Нет же — *он устраивает все это лишь затем, чтобы посмотреть, как сработает его стратегия!*

Гости сдавленно захихикали, разразились хохотом или просто самодовольно приосанились, в зависимости от темперамента. Что же до леди Бриннире, ее услышанное сперва удивило, потом шокировало, потом просто позабавило.

— Аэлмаркин! Не знай я тебя так хорошо, я бы заподозрила, что ты это все сочинил!

— Увы, моя дорогая, я ничего не сочинял, — отозвался Аэлмаркин и взглянул на Теннита. Тот кивнул, подтверждая его слова.

— Ну и дела! — хихикнула Бриннире. Смешок получился несколько нервный. — Да уж, эксцентричный — это мягко сказано!

— Он унаследовал это от отца, леди, — спокойно пояснил Теннит. — А значит, можно утверждать, что в их роду безумие и вправду передается по наследству. Вы ведь наверняка помните того несчастного недоумка, что несколько лет назад отправился на поиск каких-то невразумительных следов Эвелона и пропал?

— Да-да! — просияв, вскричала Бриннире. — О, Предки! Неужто вы хотите сказать, что это и был отец Киртиана?

— Он самый, — с тяжелым вздохом подтвердил Аэлмаркин. — Воистину, прискорбный случай. Уж казалось бы, после такого фиаско Совету следовало бы понять, что поместье нельзя оставлять в руках его сына.

— Конечно! — кивнула леди Бриннире, переглянувшись со своим спутником. — По крайней мере, я бы точно не оставила.

— И никто бы не оставил, будь у него хоть капля здравомыслия.

С этими словами Аэлмаркин решил, что настала пора сменить тему, и подал знак танцовщикам.

Музыканты, игравшие тихую, ненавязчивую музыку, тут же изменили ритм и темп и оглушили гостей барабанной дробью.

Свет померк, и из курильниц потянулась дымка, прохладная и ароматная, расслабляющая и вместе с тем обостряющая все чувства, и заволокла ложа вместе с их обитателями. Лишь меж-

ду ложами остался свободный пятачок, освещенный невесть откуда исходящим светом.

И в этот пятачок отовсюду устремились танцоры. Вся их одежда состояла из кусочков звериных шкур, краски, бус и перьев — они изображали диких людей. Правда, гости Аэлмаркина — да и сам Аэлмаркин, если уж на то пошло, — сроду не видали диких людей, но это не имело ни малейшего значения. Обычно на вечеринках загримированные танцоры подражали изящным, почти неземным танцам своих господ или их преображали так, чтобы танцоры походили на ожившие цветы, на птиц или на языки пламени. Аэлмаркину же хотелось удивить гостей чем-нибудь новеньким, небывалым.

Танец начался с серии потрясающих прыжков; танцоры небрежно разметались по полу и разлеглись в развязных позах. Потом зарокотали барабаны, и женщины кинулись на мужчин, а те принялись ловить их, вращать и перебрасывать следующему партнеру. Весь рисунок танца был исполнен откровенного, неприкрытого эротизма. Даже у Аэлмаркина, ранее наблюдавшего за репетициями, при виде этой первобытной чувственности кровь быстрее побежала по жилам.

— Предки! — почти беззвучно пробормотал Теннит, глядя на танцоров во все глаза. — Что это?

— Как мне объяснили, это древний ритуал плодородия, — небрежно бросил Аэлмаркин. — Мне это показалось довольно любопытным.

Теннит не ответил. Танец безраздельно завладел его вниманием.

Наполовину схватка, наполовину неистовство спаривания: временами трудно было понять — то ли танцоры намерены совокупиться, то ли поубивать друг друга. Танец был построен на пульсирующем крещендо и завершился сплетением тел, намекающим на оба варианта.

Когда танец окончился, светильники погасли по приказу Аэлмаркина, и теперь зал омывал лишь свет луны и звезд. Как и надеялся Аэлмаркин, танец произвел ожидаемый возбуждающий эффект. Гости перенесли внимание на своих соседей по ложу, а танцоры и слуги тем временем ускользнули прочь. Аэлмаркин же сосредоточился на курильницах, и поднимающийся над ними дымок повалил сильнее. Опытные, знающие свое дело рабы уже успели подсыпать на угли новую порцию возбуждающего средства.

Магия всегда нелегко давалась Аэлмаркину, и даже теперь, при таком простеньком заклинании, ему пришлось закрыть глаза, чтобы достичь нужной степени сосредоточения. А когда Аэлмаркин открыл глаза, оказалось, что у него и его маленькой рабыни появился новый сосед. На краю ложа вырисовывался стройный силуэт.

— Триана? — невозмутимо поинтересовался Аэлмаркин, стараясь не выдать удивления. — Что привело тебя сюда? Уж извини — в эротические устремления мне не верится.

Триана недовольно надула губки.

— Аэлмаркин, мне начинает казаться, что в тебе нет ни капли романтики!

— Равно как и в тебе, — парировал Аэлмаркин. — Ну так?

— Мне просто стало любопытно: а что бы ты дал, чтобы увидеть твоего кузена отстраненным от управления? — небрежно произнесла Триана, опустив глаза и рисуя пальцем какой-то узорчик на обивке кушетки.

— Думаю, это будет зависеть от обстоятельств, — так же небрежно отозвался Аэлмаркин. — Например, если в процессе отстранения его поместье превратится в руины, я никакой выгоды не получу. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да просто так. Видишь ли, у женщин частенько имеются источники информации, недоступные для мужчин.

Триана послала Аэлмаркину игривый взгляд, но тот отказался заглатывать наживку. Не хватало еще предоставить Триане возможность манипулировать им!

— Равно как и у мужчин имеются источники информации, недоступные для женщин, — парировал он с такой же игривой улыбкой. — Особенно у такого мужчины, как я. Вспомни хотя бы, чем я торгую, дорогуша. Наложницы не разговаривают с леди.

Улыбка Трианы сделалась злорадной.

— Честное слово, Аэлмаркин, если бы не мой обет никогда не вступать в брак, я бы сию секунду сделала тебе предложение! Мы с тобой одной крови.

— Мы с тобой повыпускали бы друг другу кровь, не прожив вместе и года, — отозвался Аэлмаркин, приподнял кончиками пальцев подбородок Трианы и привлек ее к себе для короткого, опасного поцелуя. — Слушай, ты оставила своего красавчика-жеребца одного. Лучше вернись к нему, пока он не зачах от тоски.

— Или не уснул. — Она поднялась с кушетки с грацией, достойной любой его танцовщицы. — Аэлмаркин, предлагаю пари. Спорим, что я быстрее тебя найду способ дискредитировать твоего кузена?

— А на что спорим?

Улыбка Трианы исполнилась такого сладкого яда, что у Аэлмаркина перехватило дух.

— На то, чего мы оба поклялись никогда не делать. Если ты проиграешь, ты обучишь для меня раба. Если я проиграю, я обучу для тебя рабыню. Но ты не станешь ограничивать меня в средствах. Идет?

При одной лишь мысли о возможности заполучить рабыню, выдрессированную самой Трианой, у Аэлмаркина закружилась голова и участился пульс. Да, за такой приз стоило побороться!

— Идет! — быстро отозвался он. Триана рассмеялась и растаяла в сгустившейся дымке.

Аэлмаркин почувствовал чье-то робкое прикосновение и запоздало вспомнил о своей нынешней фаворитке. Он опустил взгляд и понял по румянцу на щеках девушки, по влажным приоткрытым губам и сияющим глазам, что танец и витающие в воздухе ароматы оказали воздействие и на нее.

— Господин, — выдохнула рабыня, застенчиво взирая на него из-под длинных трепещущих ресниц, — вы нуждаетесь сегодня в моих... моих услугах?

Хоть она и сохраняла невинность, но, конечно же, знала, в чем заключаются обязанности наложницы, — и, судя по блеску глаз, ей не терпелось приступить к исполнению этих обязанностей.

Аэлмаркин на миг прикрыл глаза, смакуя свой замысел. У него имелись свои способы воздействовать на обученных им рабов, куда более обширные, чем рабские ошейники или магическое принуждение. Он знал толк в утонченных пытках — Тенниту никогда такого не придумать.

— Да нет, навряд ли, — произнес Аэлмаркин с такой небрежностью, словно отказывался от недостаточно спелого плода. Потом он взглянул на рабыню и нахмурился. — Дитя мое, тебя что-то беспокоит? Ты почему-то выглядишь сегодня какой-то... одутловатой. Или ты просто немного пополнела? Может, тебе лучше вернуться в свои покои?

Девушка зажала рот ладошкой, заглушая всхлип. Теперь глаза ее блестели от выступивших слез. Она вспорхнула с ложа, словно вспугнутая птичка, и скрылась в туманной дымке.

Аэлмаркин самодовольно усмехнулся. Он уже несколько недель осторожно манипулировал сознанием рабыни, и вот настал подходящий момент для восхитительной интерлюдии.

Он то и дело восхвалял стройную фигуру девушки, и она утвердилась во мнении, что господин ценит ее стройность. Теперь она решит, что утратила главную часть своей красоты, и в отчаянной попытке вернуть ее примется морить себя голодом. А он сперва будет поддевать ее упоминаниями о полненьких ручках и пухленьких щечках и интересоваться: может, ей бы стоило изменить свой рацион? Когда девчонка и вправду дойдет до истощения, надо будет перейти к следующему этапу. Она начнет отказываться от пищи. А он, конечно же, будет присылать ей всяческие деликатесы — и она будет есть их через силу и при первой же возможности глотать слабительное.

На губах Аэлмаркина зазмеилась легкая улыбка. Да, это будет очень забавно: наблюдать за ее самоистязанием и при этом поддерживать в девчонке уверенность, что он — все тот же мягкий и заботливый хозяин. Конечно, со временем она умрет, но сперва он налюбуется на ее смехотворные мучения. А если на него вдруг найдет приступ великодушия, он может даже спасти ее, стереть эти воспоминания и продать кому-нибудь. Ну, это еще видно будет. А пока его ждут несколько недель, а то и несколько месяцев удовольствия.

Но к делу. Если за кузена возьмутся они оба, и Аэлмаркин, и Триана, они почти наверняка изыщут способ закопать его.

Аэлмаркин негромко рассмеялся. Экая неожиданная улыбка фортуны! Может, эта вечеринка и вправду оказалась празднованием победы, как он и планировал изначально?

Внезапно у Аэлмаркина разыгрался аппетит, и он потянулся за ближайшей рабыней. Для сиюминутной потребности сойдет.

Несчастный Киртиан. Он даже не подозревает, что обзавелся врагом, — и уж подавно не знает, насколько этот враг опасен!

Глава 2

Да, эльфийский лорд, по уши перемазанный в грязи и исцарапанный с ног до головы — ибо он уже несколько часов тащится через чащобу! — зрелище редкое. «Представляю, какой скандал разразился бы, если бы вдруг кто-нибудь из великих лордов узрел меня в таком виде!» — подумал Киртиан, отведя в

сторону ветку. Надо было одновременно проследить и чтобы она не затрещала, и чтобы идущий сзади человек успел ее перехватить, пока Киртиан ее не выпустил. Что там было написано у человека на лице, неведомо — его скрывал шлем; но, поймав брошенный через плечо взгляд Киртиана, человек коротко, но почтительно отсалютовал свободной рукой. «А, чего там! Может, они и вовсе не удивились бы — с моей-то репутацией!»

Киртиан В'дилл лорд Прастаран лично вел растянувшийся цепью отряд, состоящий из легковооруженных воинов. Мало кто из эльфийских лордов хоть раз подвергал себя подобной опасности; вести отряд — это дело для младших командиров. А уж теперь, когда люди, волшебники-полукровки и молодые лорды подняли мятеж против великих лордов, никому из знати и в голову бы не пришло отправиться куда-нибудь во главе небольшого отряда, даже не прихватив с собой телохранителей, надежно связанных воздействием ошейников и заклинаниями верности.

Но Киртиана никогда не интересовало мнение прочих лордов, поскольку и обратное тоже было чистой правдой. Киртиан из-за своего хобби давно уже пользовался репутацией эксцентричной личности и предпочитал, чтобы это положение вещей сохранялось и впредь. Его дед стал сторониться политики после того, как великие лорды пренебрегли его советом. К нынешнему моменту самоустранение из политики сделалось чем-то вроде семейной традиции, и Киртиан твердо намеревался соблюдать эту традицию.

А сейчас, как и всегда во время учений, мысли Киртиана целиком и полностью были заняты стратегией боя и окружающей обстановкой. Ни на что другое его в данный момент не хватало. Его изначальный план сражения был составлен лишь в самых общих чертах, и теперь Киртиан действовал почти что наудачу, поминутно меняя решения. Он подозревал, что его противник на это не рассчитывает, полагая, что всем известная осторожность Киртиана заодно лишит его гибкости. В общем-то, предположение было вполне обоснованным. Но Киртиан надеялся, что сумеет доказать его неверность. В конце концов, именно в этом и заключался смысл данных маневров. Ему впервые предстоит встретиться с противником без заранее обдуманного плана битвы. Как найти наилучшее соотношение между осторожностью и инициативой? Пока что ни книги, ни самостоятельные изыскания не помогли Киртиану вывести волшебную формулу.

По шее Киртиана тек пот, но надетая под шлем головная повязка надежно защищала от него глаза. Киртиан без малейшего напряжения взобрался на крутой каменистый склон — у него даже дыхание не участилось, — и на мгновение в нем вспыхнуло чувство превосходства. Найдется ли среди этих неженок, великих лордов, хоть один, кому это под силу? Ну да, конечно, он вспотел — но ни капли не устал, и если ему сейчас придется вести своих бойцов в схватку, он способен будет драться с ними наравне.

Киртиан начал медленно, осторожно пробираться через редкий подлесок; все его чувства обострились до предела. Люди двинулись следом, тщательно копируя действия командира. Киртиан уже держал меч наготове, в левой руке; это даст ему небольшое преимущество, если вдруг противник выскочит на него нежданно, — впрочем, не особенно большое. Вражеские бойцы, притаившиеся где-то впереди, знали его, а некоторым даже уже доводилось сходиться с ним в схватке.

Противники... Все, что Киртиан знал о них наверняка, — что те находятся где-то в этом районе старого леса и что их численность равна численности его отряда. Наиболее вероятная точка их расположения — руины древнего укрепления оказались пусты. Теперь Киртиан заподозрил, что противники решили устроить засаду на его бойцов; они знали, что Киртиан в пути, и вряд ли они собирались дать сражение на заранее подготовленном участке. Он бы на их месте точно не стал этого делать.

Но у Киртиана имелось некоторое преимущество: он знал этот лес ничуть не хуже своих противников. Еще б ему не знать, если на много лиг вокруг тут все принадлежит ему! Киртиан мысленно перебрал все подходящие для засады места. Он решил подходить к каждому из этих мест с неожиданной стороны. Если повезет, то в каком-нибудь из них он захватит бойцов противника врасплох.

«Да, устраивать засады на засаду — это как-то неспортивно». Киртиан улыбнулся, зная, что шлем скроет улыбку. Ладно, надо сперва ее отыскать, эту самую засаду, а уж потом думать, что спортивно, а что неспортивно — если, конечно, он выиграет схватку.

«В конце концов, историю пишет победитель, и он и решает, что честно, а что нечестно — уже после того, как все завершится».

Киртиан краем глаза уловил какое-то движение. Но это оказался всего лишь один из его людей: он пытался осторожно отогнать обнаглевшую муху. Его бойцы были слишком хорошо выучены, чтобы пытаться прихлопнуть насекомое — ведь хлопок мог бы выдать их врагам. Киртиан пожалел своих бойцов-людей. Он потел не меньше их, но мухи и прочие кровососы редко донимали эльфов; возможно, эльфы, пришельцы в этом мире, пахли как-то «неправильно», с точки зрения насекомых.

Киртиан застыл и вскинул руку, приказывая своим людям остановиться. Ему показалось, что где-то впереди слышатся приглушенные голоса. Киртиан задержал дыхание, закрыл глаза, сосредоточился и прислушался.

«Ну... не исключено». Киртиан снова открыл глаза и, нахмурившись, огляделся. Их отряд как раз подошел к гребню горы, нависающей над одной из мало используемых троп, проходящих через лес. Если противник предполагал, что Киртиан со своими людьми пойдет здесь, гребень автоматически превращался в превосходное место для засады. Киртиану с его отрядом было бы очень трудно незамеченными пробраться мимо врагов — если, конечно, те и вправду расположились здесь.

Киртиан снова поднял руку и трижды начертил пальцем круг в воздухе. Боец, стоявший у него за спиной, тут же повторил движение, и через некоторое время перед Киртианом беззвучно возник худощавый, поджарый парень. Его звали Хорен Гозак — чисто человеческое имя.

Их глаза встретились: зеленые — Киртиана и карие — Хорена. Киртиан кивком указал в сторону гребня, туда, откуда доносились голоса, и сделал знак, обозначающий «засада». Хорен кивнул, снял перевязь с мечом, положил в кусты и пополз в сторону гребня, прижимаясь к земле, словно ящерица.

Киртиана всегда поражала способность Хорена сливаться с окружающим пейзажем и буквально исчезать из виду, даже когда вокруг нет никаких укрытий. Может, это часть так называемой человеческой магии? А что, вполне возможно. Да, в случае чего это вызвало бы куда больший скандал, чем эксцентричное стремление Киртиана лично вести отряд. Хотя закон требовал, чтобы все без исключения люди-рабы носили ошейники, блокирующие присущие людям магические способности, ошейники рабов поместья Прастаран всегда были сугубо декоративными. Да и вообще эти «рабы» не были рабами ни в чем, кроме наименования.

«Из людей получаются очень неважные рабы. Дедушка пытался это объяснить своим заносчивым соплеменникам, но те и слушать его не пожелали. И вот теперь им приходится расплачиваться за свое высокомерие и за то, что они не захотели принять его совет». Первый лорд Прастаран удалился в доставшееся ему поместье и решил проверить свои теории на деле — в применении к местным жителям, обитавшим на здешних землях. И прежде чем утонуть во время половодья — с ним утонуло около двух десятков «рабов», отчаянно пытавшихся спасти его, — дед успел преобразовать аморфную конфедерацию местных племен в крепко спаянное, процветающее сообщество, что не только признало деда своим повелителем, но и со всем возможным рвением заботилось о его благополучии.

Отец Киртиана унаследовал это сообщество и, распознав его ценность, продолжил холить и лелеять его. Теперь настала очередь Киртиана вести и направлять; он слишком хорошо понимал, что, оберегая находящихся под его покровительством людей, он оберегает собственное благополучие.

Тут его вывело из задумчивости возвращение Хорена — парень вынырнул из подлеска совсем рядом с Киртианом. При помощи веточек, камешков и жестов Хорен описал расположение вражеских сил.

Киртиан несколько мгновений изучал схему, потом раздраженно скрипнул зубами. Как обычно, вражеский командир продемонстрировал блестящее мастерство. Ни спереди, ни с тыла к ним не подберешься — это очевидно. И что же ему остается?

«Мы можем отступить, но тогда эта часть леса останется в его распоряжении, и он победит без боя. Нет, это неприемлемо. А может, на гребне хватит места, чтобы обойти их с флангов?»

Киртиану не хотелось без крайней на то необходимости дробить свои силы. Но при классических «клещах» без этого не обойтись. В любом случае хорошей эту идею не назовешь. Местность не очень-то подходящая. Придется отправить своих бойцов в обход, чтобы они напали на вытянувшуюся цепочкой засаду с двух сторон. Но тогда получится, что одновременно вступать в бой смогут не больше двух бойцов. Они окажутся в невыгодном положении.

В конце концов Киртиану пришел в голову действительно нестандартный ход: он решил подождать, пока вражеский командир не разозлится и не отправится сам искать его. Хорен быстренько пробежался по окрестностям и выяснил, где, ско-

рее всего, противник будет спускаться с гребня. Киртиан все обдумал, взвесил — и устроил собственную засаду.

Конечно, у плана было слабое место: противник мог спуститься вниз и с другой стороны. И тогда Киртиан останется ждать у моря погоды. Однако же изредка доносящиеся приглушенные голоса свидетельствовали, что противники устали и им поднадоело ждать. Возможно, они сидят тут с тех самых пор, как его собственный отряд вошел в лес. Хорен снова ушел на разведку, так что отряд Киртиана как минимум будет знать, куда именно двинутся враги. Киртиан устроился поудобнее и, чтобы развеять скуку, принялся считать птиц по голосам.

Время еле ползло. Но в конце концов его терпение оказалось вознаграждено. Хорен змеей выскользнул из кустов и подхватил свое оружие. Киртиан вскинул сжатый кулак и услышал негромкий шорох листвы: его люди засекли сигнал и теперь передавали его дальше, одновременно с этим готовясь к бою.

Да, его выбор места оказался безукоризненным. Шуршание листвы и потрескивание веток под ногами сообщили, что враги двинулись в путь. Вскоре внизу, на склоне, показались бойцы противника. Они осторожно перебегали от укрытия к укрытию. Киртиан решил немного подождать, дабы убедиться, что все враги оказались в его зоне действия; нервы были напряжены до предела — кожу покалывало, мышцы горели, в висках и ушах стучала кровь.

«Терпение...»

Если он выскочит из засады слишком рано, его люди будут окружены. Киртиан не знал в точности, сколько бойцов у противника, поскольку не мог пересчитать их по головам...

«Терпение...»

Нельзя допустить, чтобы его отряд обошли с флангов.

«Пора!»

Киртиан заорал, срывая голос, выскочил из укрытия и ринулся вниз. Следом помчались его люди. Захваченные врасплох бойцы противника развернулись, чтобы встретить врагов лицом к лицу.

Киртиан едва не налетел на противника, значительно превосходящего его ростом, но сумел затормозить в последний момент. И, как всегда бывало с Киртианом в бою, с этого мгновения для него исчезло все, кроме противника. Лязгнули скрестившиеся мечи, противник парировал и нанес ответный удар. Киртиану пришлось отскочить. Противник попытался обойти его. Этого Киртиан допустить не мог. У него имелось сейчас

небольшое преимущество — он находился выше по склону, — и, честно говоря, это было единственное его преимущество перед более крупным противником.

Человек напирал, а Киртиан проворно отступал; ну, нет, поворачиваться сейчас нельзя! Краем сознания Киртиан улавливал крики, звон оружия, шум боя, но у него имелся опыт таких переделок, и шум не отвлекал его от своей схватки. Задавшись целью перехитрить Киртиана и лишить его более выгодной позиции, противник с силой замахнулся и нанес рубящий удар по ногам. Киртиан воспользовался удобным случаем и на отходе полоснул противника по правой руке.

На самом деле Киртиан особо не надеялся на удачу, но, очевидно, противник ожидал удара в голову, а не в руку. Он нырнул вбок, пытаясь уклониться, и не успел нормально заблокировать удар Киртиана.

Клинок проехал по запястью человека, оставив светящуюся черту. Боец выругался, перебросил меч в левую руку и засунул «поврежденную» руку за пояс, как того требовали правила. Если бы он этого не сделал, то после боя получил бы предупреждение. А если бы он дважды проигнорировал удар, отмеченная часть тела и вправду онемела бы и сделалась бы совершенно бесполезной — до того самого момента, пока Киртиан не спел бы заклинание.

С левой рукой человеку было уже не тягаться с Киртианом. Неуклюжая попытка удара сверху, незащищенная подмышка — и эльфийский лорд нанес «смертельный» удар. Клинок вошел по рукоять, не встретив ни малейшего сопротивления, и человек вскинулся — ощущение колотья во всем теле дало ему знать, что он «убит».

Теперь кожа человека приобрела оттенок молодой листвы — он светился целиком, с ног до головы. Беззлобно ругнувшись, он отсалютовал Киртиану, спрятал меч в ножны и, сняв шлем, присоединился к пяти «убитым», уже стоявшим в сторонке. Все они светились тем же чудным желтовато-зеленым цветом. Киртиан задержался на миг, любуясь этой картиной — что было ошибкой с его стороны.

Внезапный разряд, пронзивший тело, сообщил Киртиану, что его ударили в спину. И Киртиан увидел, что сам он тоже начинает светиться.

— Галкаш! — выругался он на Древнем наречии и услышал в ответ знакомый смех сержанта Джеля. Киртиан с отвращением

загнал меч в ножны, сдернул шлем и присоединился к остальным «убитым».

Но Джель недолго торжествовал победу: из кустов у него за спиной вынырнул Хорен и, когда Джель повернулся, полоснул того по горлу. Джель выругался еще более цветисто, чем Киртиан, а его люди разразились свистом и язвительными замечаниями.

— Ну, подумаешь, захватили врасплох! С кем не бывает? — делано-безразличным тоном заметил один из «покойников».

— Эй, сержант, ты проспорил мне пиво! — бессердечно напомнил другой. — А Хорену — три ночные вахты.

— Без тебя знаю.

Сержант снял шлем, бросил его на землю и сердито зыркнул на шутников. Но те знали, что им ничего не угрожает: пока сражение продолжалось, «убитые» могли говорить, что им в голову взбредет. Это было еще одно из правил, введенных для того, чтобы учебный бой не превращался в настоящую драку.

— Спокойно, спокойно! — побранил его третий, когда Хорен исчез — отправился искать себе нового противника. — Настоящий воин никогда не поддается гневу во время боя.

— Я уже вышел из боя, — сквозь зубы огрызнулся Джель.

Он бросил на товарищей по несчастью еще несколько испепеляющих взглядов, подобрал шлем и зашагал вниз по склону. Киртиан спрятал улыбку и сочувственно хлопнул Джеля по плечу.

— Ничего не поделаешь, старина, — сказал он, надеясь, что сожаление получается достаточно правдоподобным. — Такое уж твое везение.

— Ты хотел сказать — такая уж моя беспечность? — проворчал Джель, взъерошив слипшиеся от пота темно-русые волосы, в которых уже пробивалась седина. — Нечего меня утешать, Киртиан. Я тебя заполучил, когда ты принялся торжествовать, — а потом сам сел в ту же лужу. Мало того — ты дождался, пока у меня лопнет терпение, и подкараулил меня. Так что этот раунд за тобой. Я тебя недооценил.

Поскольку к этому моменту желтовато-зеленых «покойников» стало уже втрое больше, чем красно-оранжевых, справедливость слов Джеля была бесспорна. Потому Киртиан прикусил язык и попытался напустить на себя более скромный вид.

— Думаю, этот эксперимент можно считать удачным, — сказал он вместо этого. — Я, по правде говоря, сомневался, что

нам удастся зайти дальше постановочных боев и сражений по договоренности, но теперь видно, что модель работает.

— Я бы все-таки на некоторое время ограничился легковооруженными бойцами, — предостерегающе заметил Джель.

— Я так и думал, — заверил его Киртиан. Количество «покойников» все увеличивалось, и они, отойдя с поля боя, подбадривали сражающихся криками или осыпали их шуточками. — По крайней мере, до тех пор, пока все не попрактикуются. Я совсем не хочу, чтобы люди ломали себе ноги на склонах или влетали с разгона в заросли и надевались на какой-нибудь сук, как на вертел. Мы же явились сюда сражаться, а не получать травмы.

Он ослабил бармицу, защищавшую горло, и сдернул ее.

Джель расхохотался, заслышав эти слова, и Киртиан улыбнулся в ответ.

— Да уж, звучит это как полная чушь, — хмыкнул Джель. — Но и то правда: если парни начнут возвращаться обратно с переломами, а то и с чем похуже, нам трудновато будет найти добровольцев для участия в следующей драке.

Он заткнул большие пальцы рук за пояс и со вполне простительной гордостью воззрился на сражающихся.

— Хотя я тебе вот что скажу: если дело дойдет до настоящего боя, а не до гладиаторских игр, я поставлю на наших ребят против любых профессиональных бойцов. Они победят.

— Совершенно с тобой согласен. Но я надеюсь, что до этого дело не дойдет. Но все-таки, если они выйдут против новобранцев, крови прольется куда меньше, — сказал Киртиан, наблюдая, как его уцелевшие бойцы окружили последних бойцов Джеля и потребовали, чтобы те сдавались. — Эльфийские лорды могут заставить людей драться, но они не могут заставить их драться хорошо. Кстати, о добровольцах: крестьяне хотят в ближайшем будущем устроить еще один праздник.

— Тогда нам лучше подумать, как организовать общую схватку, — вздохнул Джель. Он терпеть не мог устраивать подобных мероприятий, поскольку хлопот с ними было великое множество, и в них, как и в настоящих сражениях, большая часть участников на самом деле толком и не умела сражаться. Добрая половина тут же начинала путать все на свете и делать вовсе не то, что им приказывали. Мало того, что они сами запутывались, — они еще и сбивали с толку всех, кто пытался нормально выполнять приказы. Но, однако, все обитатели поместья обожали учебные сражения и с радостью участвовали в

них: когда ты знаешь, что тебя точно не убьют и почти наверняка ничего тебе не повредят, бой оказывается чрезвычайно увлекательной штукой. Военный день превращался во всеобщий праздник, сопровождаемый пиром, музыкой и танцами — для тех, кто не успел вымотаться до «смерти».

Впрочем, никто не спешил «умереть» побыстрее и отправиться танцевать, ибо с теми, кто протянул дольше всех, носились как с героями — вне зависимости от того, кто из противников одерживал победу.

С тех самых пор, как Киртиан и его верный сержант впервые вовлекли жителей поместья в свои военные игры, учения сделались настолько популярными, что и люди, и эльфы начинали возмущаться, если военный день устраивался реже чем раз в два-три месяца. Киртиан просто не мог их разочаровывать. Однажды он попробовал было устроить праздник без войны, но все так возмутились, что Киртиан зарекся повторять подобные попытки.

— Надеюсь, это не будет бой в лесу? — тоскливо поинтересовался он. — А может... почему бы нам не устроить осаду?

— А что будем осаждать — центральную усадьбу? Нет, лучше Вдовий дом. Все равно там уже несколько десятилетий никто не живет. Я уж даже не упомню, когда там убирали и проветривали. И, кстати, у леди-матери появится повод привести его в порядок — мало ли, вдруг он нам еще зачем-нибудь понадобится. Предки знают зачем — но вдруг да пригодится, — задумчиво произнес Джель. Его люди отказались сдаться и предпочли биться до последнего. — Это вполне можно устроить, если вы придумаете игровые стрелы и игровые камни. А может, еще и игровое кипящее масло.

Киртиан в ужасе уставился на Джеля, содрогнувшись от возникшей в его воображении картины.

— Предки! Ну ты и кровожадный тип!

— Ну, нет, при осаде без этого никак не обойтись, — заспорил Джель. — Осаждающие должны пользоваться луками, а защитники должны кидаться со стен всем, чем только можно. Ну так как, можешь ты это обеспечить или нет?

— Ну, может, и могу, — признался Киртиан. — Но ты понимаешь, во что это все превратится?

— В массовые потери с самого начала. А значит, битва надолго не затянется — и мы сможем побыстрее перейти к пиру, — ухмыльнулся Джель. — То есть мне будет меньше работы, а твоей любезной леди-матери — больше.

— А кроме того, девять месяцев спустя население здорово вырастет, если только я не добавлю ко всей праздничной еде противозачаточные средства, — вздохнул Киртиан. — А это значит, что хлопот добавится и у меня: придется и возиться с новым магическим оружием, и следить, чтобы на нас не обрушился вал новорожденных. Ты же сам знаешь, что бывает, когда женщинам разрешают участвовать в сражении! И почему только эти учебные сражения действуют настолько возбуждающе?.. — Киртиан покачал головой. — Иногда мне кажется, будто вы, люди, настолько от нас отличаетесь, что я никогда вас не пойму. И все-таки...

— Из этого штурма может получиться занятная штука, — убедительно произнес Джель. Тем временем его люди падали один за другим под мечами бойцов Киртиана. — Мы никогда еще не играли в штурм с живыми участниками. Штуки, которые проходят на карте и макетах, не всегда срабатывают с живыми людьми.

Искушение было слишком велико, и Киртиан не устоял.

— Ну, так и быть, — согласился он. — Начнем подготовку. Я разберусь с необходимой магией. Если увидим, что в месячный срок мы не укладываемся, придется пока ограничиться обычной общей дракой в поле.

— Договорились! — ухмыльнулся Джель и хлопнул Киртиана по плечу. Как раз в этот момент свалился последний из его людей. Уцелевшие бойцы Киртиана разразились радостными воплями. Все, теперь, пока они не напразднуются, о деле не поговоришь.

Глава 3

Как это всегда и бывало, на обратном пути «вражеские» отряды смешались в единую компанию и ломанулись через лес, позабыв о каком бы то ни было боевом порядке. Лес мгновенно затих, словно вымер: разговоры и смех так перепугали зверей и птиц, что те забились в норы или разлетелись. Во всяком случае, Киртиан не заметил ни птахи, ни кролика, пока они пробирались среди деревьев по старой, почти заросшей дороге. Солнце клонилось к закату, и золотистый свет лился сквозь ветви, просвечивая сквозь листву и окрашивая кайму облаков. Уставшие, но веселые бойцы поздравляли друг дружку, хваста-

лись своими успехами и рассказывали, как Киртиана и Джеля прикончили ударами в спину — причем врали безбожно. Киртиан никогда не позволял никому нести свой доспех; он, как и все остальные, нес его сам — по крайней мере, до дороги. У опушки их поджидали повозки и экипаж — а то пешком отсюда до усадьбы было несколько часов ходу. Киртиан с радостью сунул шлем вознице и позволил слуге снять с него доспех, прежде чем забраться в удобный экипаж и растянуться на подушках. Джелю, как лицу привилегированному, тоже причиталась и помощь слуг, и место в экипаже. Прочие бойцы помогли друг другу избавиться от доспехов и завалились на повозки поверх мягкого сена.

— Вот они, преимущества высокого ранга, — вздохнул Джель, откинувшись на спинку мягкого сиденья. Киртиан усмехнулся.

Как только Джель уселся, возница развернул коней, и экипаж покатил вперед. Бойцы тем временем еще продолжали загружать доспехи в повозки и усаживаться сами.

— Предки! — вырвалось у Киртиана, когда слуга подал ему флягу с прохладной, вкусной водой. — Я мечтал об этом чуть ли не весь день! — Он жадно глотнул из фляги, приноравливаясь к покачиванию экипажа, чтобы не выбить себе зуб об горлышко, и передал флягу Джелю.

— А ты чего думал, мы просто так устаем? — поинтересовался Джель, закрыл флягу, вернул ее Линдеру, молодому слуге Киртиана, и развалился на мягких подушках, обтянутых темно-коричневым бархатом. — Твоя уважаемая матушка постоянно твердит, что мы уже слишком стары для игры в войну, и иногда мне начинает казаться, что она права — по крайней мере, насчет меня. Всякий раз, как мы возвращаемся с игры, я думаю — а не пора ли мне остановиться?

— И как только ты отдышишься, эти мысли тут же тебя покидают. — Молодой эльфийский лорд улыбнулся товарищам, и Линдер рассмеялся в ответ. — А у мамы просто другая система ценностей, не та, что у нас с тобой. Что, по-твоему, она еще может говорить? Она не просто женщина, она — леди, и если бы все делалось по ее вкусу, мы все плавали бы по поместью на волнах утонченной музыки и благовоний. Будь ее воля, ты бы разводил розы, а я упражнялся в создании иллюзий и любезничал с какой-нибудь хрупкой лилией из хорошей семьи. — Киртиан отобрал флягу и сделал еще глоток. — Я ничуть тебя не упрекаю за пристрастие к розам — но вряд ли тебе захотелось бы всю жизнь заниматься только ими.

Джель возвел глаза к небу.

— Боже упаси! — воскликнул он. — Я бы через полдня умер от скуки! Розы хороши для досуга, но нельзя же их превращать в главное дело жизни!

— А я бы лучше ухаживал за розами, чем за какой-нибудь знатной девицей, — Киртиан рассмеялся, но смех тут же оборвался — экипаж сильно встряхнуло. — У роз, конечно, тоже имеются колючки, но с цветком хотя бы разговаривать не обязательно. И избегать шипов розы куда проще, чем помешать чужой женщине заметить то, чего ей видеть не полагается.

Киртиан старался говорить непринужденно, но он и сам слышал, что его смех звучит несколько натянуто. В последнее время у матери только и было разговоров, что о жене и наследниках. Ни единого дня не проходило, чтобы она об этом не упомянула — и не по одному разу. А Киртиану от этих разговоров делалось не по себе. Ему нравился его нынешний образ жизни, и ему ни капли не хотелось приводить в дом чужачку.

— Предки! Это же придется отвести ей какую-нибудь обособленную часть поместья и следить, чтобы она оттуда не высовывалась! Скука-то какая — не хуже ухаживания. Клянусь, если бы это не было запрещено, я бы уже женился на какой-нибудь храброй человеческой девице!

Джель скривился.

— Ну, значит, нам придется привести Вдовий дом в порядок хотя бы для того, чтобы поместить туда девушку и каким-то образом запереть ее там. Насколько нам всем было бы проще, если бы у Тенебринта, Селазиана и Пеленаля были дочери! Ну хоть бы одному из твоих вассалов хватило здравомыслия помочь нам решить эту маленькую проблему!

— Я был бы только рад, — совершенно серьезно произнес Киртиан. — Я уверен в их благородстве и охотно породнился бы с любым из них. А тут... Пожалуй, еще немного, и я предоставлю матушке полную свободу действий. Пусть поищет подходящую невесту среди чужих вассалов. Авось со временем мне удастся отыскать девицу, которая будет так благоговеть перед моей знатностью, что закроет глаза на мои причуды.

— Ей придется закрыть глаза не только на тебя, — предостерег его Джель. — Или она с воплями умчится назад к папочке и расскажет, что ты не в состоянии держать собственных рабов в узде.

Киртиан и сам не раз выдвигал этот довод в спорах с матерью, а вот теперь ему захотелось повторить ее аргументы.

— Мама говорит, что в большинстве эльфийских домов девушек держат взаперти, под строгим надзором. А девушка из незнатной семьи будет слишком потрясена, оказавшись в новой обстановке, и слишком трепетать перед мамой, чтобы о чем-то расспрашивать. Мы думаем, что до тех пор, пока слуги будут ей повиноваться, она и не заподозрит, что здесь что-то идет не так, как везде. — Киртиан слегка нахмурился. — Только надо будет позаботиться, чтобы она не обижала слуг... В общем, повозиться придется.

Джель с сомнением посмотрел на него, но сказал лишь:

— А может, ты просто положишься в подборе жены на мать? Уж она-то никогда не приведет сюда девицу, от которой будут неприятности. Твоя мать вхожа повсюду, и, если ей не удастся подыскать девушку, сочувствующую нам, она хотя бы подберет такую, у которой не хватит храбрости и слова сказать против, или такую глупую, что ее это просто не будет волновать, или такой оранжерейный цветок, что она просто не поймет, что тут творится нечто необычное.

— Наверное, так и придется сделать, — со вздохом отозвался Киртиан и скривился. Неужто ему придется жениться на запуганной мыши, безмозглой кукле или оранжерейном цветке? До чего же отвратительная ситуация! Но что-то надо с этим делать, причем в ближайшее время. Мама не позволит откладывать это надолго.

Лицо его приобрело столь унылое выражение, что Джель фыркнул, и тут же всех их подбросило на каком-то особо выдающемся ухабе.

— Нечего хандрить, — строго сказал Джель и добавил с ехидным смешком: — По крайней мере, тебе не посадят на шею жену с бедрами, как у коровы, манерами, как у свиньи, и физиономией, как у лошади. Вы, эльфы, все поголовно красавчики, так что тебе не придется мечтать, чтобы ей на голову натянули мешок, когда придет пора выполнить супружеский долг и дать поместью наследника.

Киртиан покраснел до кончиков ушей. Конечно, Джель был его наставником, товарищем и другом, сколько он себя помнил, — но все-таки иногда люди бывают поразительно грубыми и нечуткими. Ну как ему объяснить, Джелю, что брак внушает ему ужас? А кто не ужаснулся бы, если б оказался на несколько веков прикован к занудной идиотке? И сможет ли он достаточно заинтересоваться такой девушкой, чтобы выполнить свой долг перед поместьем и кланом? Услышав это, Джель только

расхохочется и скажет: «Да какая разница, что у девушки между ушей? Важно, что у нее между...»

«Если бы мне только удалось найти девушку, похожую на маму! — с тоской подумал Киртиан. — Я бы сразу на ней женился, не глядя, из какой она семьи. Интересно, а отец понимал, насколько ему повезло, что ему досталась такая умная, сообразительная и храбрая жена? Это же ценнее любой знатности и любого магического таланта!»

Но тут Джель отвлек его от печальных размышлений.

— Нам надо будет поговорить с миледи насчет этой новой идеи штурма, — жизнерадостно заметил Джель. — Может, ей и самой захочется приложить к этому руку. Знаешь что? Позволь ей немного покомандовать! Может, тогда она перестанет над нами подсмеиваться за наши игры.

— А что? Ты прав. — Киртиану пришлось ненадолго умолкнуть: экипаж прогрохотал по каким-то корням, и пассажиров подбросило так, что они едва не врезались головой в потолок — а уж зубы лязгнули у всех. Это был наихудший участок пути. Ну ничего, тут уже недалеко до мощеной дороги. — Может, она войдет во вкус и поймет, как это увлекательно.

«Иначе мне не останется ничего другого, как сказать ей правду: что все это — не игра, что мы с Джелем обучаем людей, чтобы они могли защитить поместье, если — точнее, не «если», а «когда» — бои докатятся сюда. Я не хотел этим заниматься. Я даже не знаю, что именно нам угрожает. Я просто чую угрозу нутром».

Сперва появление Проклятия Эльфов, этой отчаянной девчонки-волшебницы, которая, в полном соответствии с пророчеством, взбунтовала полукровок — и откуда их столько взялось?! Нет, сам Киртиан не ждал особых неприятностей со стороны полукровок: любой из его людей мог в любой момент присоединиться к мятежникам, если бы пожелал, и его никто не стал бы удерживать. Но желающих не нашлось. Однако же пугающая легенда воплотилась в жизнь и повергла самого могущественного лорда из числа членов Совета, причем сделала это с помощью родного сына лорда Дирана. И теперь все эльфийские лорды сделались очень подозрительны: им везде мерещились притаившиеся замаскированные полукровки.

А когда великие лорды начинают что-то выискивать, они могут обнаружить что-нибудь такое, чего даже не искали.

А потом вспыхнуло второе восстание: на этот раз взбунтовались вторые и третьи сыновья знатных семейств, «запасные»,

которыми пренебрегали собственные отцы, — взбунтовались и овладели некой новой разновидностью магии, перед которой оказывалась бессильна даже самая могущественная магия эльфов. И ход войны складывался отнюдь не в пользу великих лордов. Мятежных молодых лордов было не так уж много, и они захватили всего несколько поместий. Но они не просто захватили эти земли — они их удерживали. И Киртиан подозревал, что знает, какие чувства молодые лорды внушают своим родителям. Это была заноза, и не где-нибудь в боку, а в пятке, и она колола великих лордов при каждом их шаге. От этого великие лорды начинали беситься. А это всегда было небезопасно для окружающих. И Киртиану вовсе не улыбалась мысль о том, что какой-нибудь обозленный, дотошный великий лорд примется вынюхивать что-нибудь рядом с его поместьем. Рядом с его людьми.

Ну а если вдруг такой лорд что-нибудь все-таки вынюхает — что ж, Киртиан предпочитает приготовиться к этому заблаговременно.

— Может, она и сама захочет взяться за меч, — предположил Джель и лукаво подмигнул Киртиану. — Ты же знаешь — она неплохо управляется с оружием. Я думаю, если у нее есть хоть малейшая склонность к этому делу, она вскорости увлечется им не хуже нас.

— А что, это идея! — у Киртиана вырвался озорной смешок. — Я могу назначить ее своим заместителем. И что ты тогда станешь делать?

— Упаду на колени и запрошу пощады, — признался Джель. — Склонюсь перед неизбежностью. Я знаю, как она двигается, и видел ее на охоте — у нее реакция куда лучше, чем у тебя. Предки! Да если ей дать лук, я лучше сразу сдамся! Мне с ней не тягаться.

Экипаж в последний раз подскочил на ухабе, и колеса застучали по булыжнику. У Киртиана с Джелем одновременно вырвался вздох облегчения, и они откинулись на мягкие спинки сидений; ехать по мощеной дороге было так же удобно, как плыть по спокойной воде.

— Надеюсь, ты обо всем позаботился заблаговременно? — спросил Киртиан у Линдера. Парень всего лишь два месяца назад сделался его личным слугой, но его вышколил его предшественник, и эльфийский лорд не сомневался, что со временем Линдер будет справляться со своими обязанностями так же эффективно и так же незаметно, как и предыдущий слуга.

На лице Линдера промелькнуло легкое беспокойство.

— Купальни вымыты и подготовлены, обед задержат. Да, еще музыка и еда для других слуг, которые присоединятся к вечеринке...

Юноша заколебался и бросил умоляющий взгляд на Джеля, словно спрашивая — уж не упустил ли он чего?

— Все правильно, Линдер, — успокаивающе произнес Киртиан, перехватив встревоженный взгляд слуги. Возможно, Линдер упустил пару деталей, но остальные слуги позаботятся, чтобы никаких сбоев не было. Учебные битвы шли уже не первый год, и все знали, чего следует ожидать. Слуги, работающие в доме или на поле, малость сдвинут свое расписание, чтобы освободить купальни для вернувшихся бойцов. Обед сегодня будет позже обычного — чтобы к тому моменту, как все вымоются, еда была горячей. И это будет не просто тушеное мясо с хлебом, а что-нибудь повкуснее. Обычно в такие дни жарили мясо или кур, готовили несколько салатов и что-нибудь на сладкое. И пива будет побольше — не так, чтобы начались проблемы, но по паре лишних кружек каждому достанется. А после обеда придут музыканты и начнутся танцы, и если нынешней ночью кто-то будет спать не в одиночку, окружающие и слова против не скажут. А назавтра работа и тренировки начнутся попозже, так что люди смогут выспаться. И все будут чувствовать себя вознагражденными за то, что сегодня пришлось хорошенько попотеть.

«И нам нужно не позднее завтрашнего дня начать обдумывать следующий праздник», — напомнил себе Киртиан. Он не любил, когда между праздниками получаются слишком большие промежутки: ему не хотелось, чтобы слуги, работающие в доме или в поле, начали думать, что с бойцами слишком много носятся, и обижаться на них.

Экипаж притормозил и остановился. Слуга в изумрудно-зеленой тунике и брюках распахнул дверцу, и Киртиан вышел наружу; Джель и Линдер последовали за ним. Солнечный свет уже угасал. Круглые светильники, гроздьями по четыре свисающие с бронзовых столбов, уже заливали беломраморную лестницу центральной усадьбы иссиня-белым светом. Киртиан огляделся по сторонам. Тем временем другие слуги в зеленых ливреях завладели его доспехами и оружием. Джель отсалютовал Киртиану и направился в казарму. Он шагал той неутомимой, неподвластной возрасту походкой, которую Киртиан так и не смог перенять. Последние лучи заходящего солнца окру-

жили Джеля золотистым ореолом, словно какого-нибудь героя человеческих легенд, удостоенного благосклонности богов.

Киртиан взбежал по мраморным ступеням; Линдер следовал за ним будто приклеенный. Постепенно начали сгущаться сумерки. Двустворчатые двери из литой бронзы распахнулись при одном лишь соприкосновении с магией Киртиана, но молодой лорд не обратил на них ни малейшего внимания. Он собирался пройти через расположенную сбоку незаметную дверцу, предназначенную для привратника. Облаченный в зеленое привратник ожидал этого и заблаговременно открыл дверь, поприветствовав Киртиана поклоном.

— А, Бекер! — поздоровался с ним Киртиан. — Как там твоя жена? Полегчало ей?

Вытянутое лицо человека озарилось улыбкой.

— О, ей уже намного лучше, лорд Киртиан! Мы даже не знаем, как вас отблагодарить...

— Ты вполне меня отблагодаришь, если впредь не станешь в подобных случаях отмалчиваться до последнего, — ответил Киртиан, достаточно строго, чтобы привратник понял, что лорд говорит серьезно. — Если что-то происходит — обращайтесь к аптекарю. Если обычные лекарства не помогают, идите к лорду Селазиану. Я ведь ради этого и держу его на службе. Должен же он хоть как-то отрабатывать свое жалованье!

— Да, лорд Киртиан, — прошептал привратник, кланяясь еще ниже. — Непременно, мой лорд.

— Вот и продолжайте в том же духе, Бекер, — сказал Киртиан и зашагал дальше, оставив привратника заниматься своим делом.

— Линдер, напомни лорду Тенебринту, чтобы он поговорил с аптекарем, ладно? — бросил Киртиан через плечо, когда они со слугой преодолели уже половину коридора. Толстый светло-серый ковер под ногами скрадывал шум шагов. И хотя алебастровый потолок и стены из белого мрамора с зелеными прожилками были не очень внушительными, Киртиану подумалось, что смотрятся они вполне достойно. — Я не могу допустить, чтобы мои люди и дальше болели только из-за чрезмерного доверия к этому... этому полутравнику-полушаману! Я вообще не стал бы его держать, если бы люди на этом не настаивали!

— Лорд Киртиан... некоторые из нас вообще побаиваются лишний раз обратиться к лорду — не то что докучать ему своими болячками, — нерешительно отозвался Линдер. — Вы иногда забываете, что, хотя многие здешние жители родились здесь

и выросли у вас на службе, большинство все-таки прибыло из-за границ поместья, а в остальном мире порядки совсем другие.

— Вот потому-то я и прошу тебя напомнить лорду Тенебринту, чтобы он поговорил с аптекарем. Я подозреваю, что этот тип нарочно подогревает подобные страхи своих пациентов. И если это и вправду так, я желаю это пресечь. — Киртиан нахмурился. — Предки! Нам только не хватало, чтобы у нас тут начался мор, и все из-за типа, уверенного, что погремушка из костей и всякие варева лечат все на свете. Он же их потчует этим, пока люди не умирают!

— Лорд Киртиан, я бы, с вашего позволения, сперва попросил сержанта Джеля сказать аптекарю пару слов. — Киртиан краем глаза заметил, что Линдер улыбается. — Сержант бывает на диво убедителен.

Киртиан кивнул. Они свернули из главного коридора в боковой, ведущий к покоям членов семейства.

— Хорошо, Линдер. Делай как знаешь. Но не забудь поставить Тенебринта в известность. В конце концов, он — мой сенешаль.

Линдер скользнул вперед и распахнул расположенную справа дверь, прежде чем Киртиан успел к ней прикоснуться.

— Слушаюсь, лорд Киртиан, — отозвался он.

Киртиан перешагнул порог своих покоев, и его тут же окружили слуги.

Во владениях других лордов их именовали бы рабами. Да, правда, официально Киртиан считался их владельцем. Но если бы кто-то из этих людей пожелал уйти отсюда, ему достаточно было бы подать прошение лорду, и его тут же отпустили бы. Киртиан уж как-нибудь изыскал бы способ переправить их на территории, занятые волшебниками или свободными людьми. Но никто об этом пока что не просил: окружающий мир был слишком враждебным, неуютным и опасным, чтобы кого-то туда тянуло.

Киртиан и его мать — а прежде его отец и дед — пользовались уважением, почтением и даже любовью не только со стороны людей, проживающих в поместье, но и со стороны немногочисленных эльфов, признавших их своими синьорами. Самыми значительными были три вассала: вышеупомянутый Тенебринт, занявший пост сенешаля еще до рождения Киртиана, врач Селазиан, уже несколько веков изучающий болезни

эльфов и людей, и лорд Пеленаль, агент Киртиана, ведающий всеми внешними делами поместья.

Киртиан с матерью точно так же зависели от порядочности Пеленаля, как Пеленаль зависел от них — но он никогда не давал ни малейшего повода усомниться в его надежности. Пеленаль покупал новых рабов, обсуждал условия контрактов и выторговывал наилучшую цену за сельскохозяйственную продукцию — поместье Прастаран было едва ли не самым доходным из всех эльфийских владений. Пеленаль относился к числу наиболее презираемых существ — эльфийских лордов, почти лишенных магии. Пеленаль был наилучшим агентом, какого только можно было пожелать, — но из-за скудости магии он никогда бы не достиг столь почетной должности. Никогда и нигде — кроме как на службе у семейства Киртиана. И Пеленаль это знал. Он не раз видел, как эльфы, превосходящие его магической силой, унижались ради крох со стола великих лордов. И Пеленаль выражал свою благодарность наиболее осязаемым из доступных ему способов.

И это было неплохо, поскольку реальной властью, политической властью Совета великих лордов Киртиан не обладал. Его единственным источником власти была экономика — и этой властью он во многом был обязан искусной управленческой политике Пеленаля.

А эта власть тоже значила немало.

Пока слуги роились вокруг Киртиана, раздевая его и увлекая в сторону ванной комнаты, тот ненадолго позволил себе расслабиться. Политическое влияние приходит и уходит, и даже магические способности могут со временем иссякнуть — но экономика была куда надежнее, хоть ее и недооценивали. Дед Киртиана прекрасно это понимал. А вот отец — не очень. Но отцу служил Тенебринт, и этого оказалось довольно, чтобы поместье продолжало процветать. А Пеленаль прекрасно вписался в эту систему.

Главной деталью ванной комнаты, облицованной все тем же мрамором с зелеными прожилками и оснащенной разнообразными серебристыми штучками, была ванна, достаточно длинная, чтобы Киртиан мог в ней вытянуться во весь рост, и такая глубокая, что ему там было по подбородок. Но сейчас в ванной мало что можно было разглядеть: ее заполняли клубы пара. Киртиан осторожно забрался в ванну. «Когда отец исчез, все могло бы обернуться очень скверно, если бы у мамы не хватило

здравого смысла поинтересоваться у Тенебринта: не знает ли он какого-нибудь надежного эльфа, способного представлять интересы поместья во внешнем мире?» Киртиан погрузился в горячую воду, благоухающую можжевельником. А ведь мама — не менее примечательная личность, чем дедушка, только на свой лад. Чем больше Киртиан узнавал о процветании их поместья, тем сильнее поражался: и как только этого удалось добиться? А ведь это все благодаря Тенебринту и Пеленалю! Они изучали потребности других поместий и собственные ресурсы с пылом воинов, выходящих на битву. И торговали так удачно, что соседям оставалось только вздыхать от зависти или делать вид, что процветание ресторана их совсем не трогает.

Киртиан закрыл глаза. Над водой курился пар и наполнял ванную ароматным туманом. «Ни один лорд не посмеет бросить мне вызов, — с удовлетворением подумал Киртиан. — И даже двое-трое разом. Вряд ли им это понадобится: я же не лезу в политику. Да они и просто не посмеют. Ведь эта земля кормит и одевает добрую треть из них. Это плоды наших трудов каждый день подают им на стол. И от нас к ним поступают самые лучшие вина и самые красивые шелка».

Конечно, искушенный в магии эльфийский лорд способен превратить воду и пепел в прекрасное вино и изысканные яства — но они все равно останутся водой и пеплом и никого не смогут насытить. Подобные иллюзии требовали огромного вложения магической силы — а для нее можно найти куда лучшее применение. Да и иллюзорное золото никакой коммерческой цены не имеет — в отличие от золота, хранящегося в сокровищнице Киртиана.

Киртиан не раз спрашивал у Тенебринта, как вознаградить его за верную службу, но тот никогда ничего не просил, кроме самых обыденных вещей. Киртиану частенько казалось, что второго такого существа, настолько довольного жизнью, как лорд Тенебринт, на свете нет. Жена Тенебринта обожала своего супруга, а во всем, что касалось управления поместьем, ему была предоставлена полная воля. А для Тенебринта главным удовольствием — не считая дел семейных — была возможность проверять на практике свои теории, касающиеся организации хозяйства. За прошедшие десятилетия он отсеял множество способов, не дававших удовлетворительных результатов, и теперь занимался тем, что согласовывал между собою самые удачные находки. Единственное, чего не хватало Тенебринту

для полного счастья, так это ребенка. Но тут Киртиан ничем не мог ему помочь.

«А если бы мог, то непременно помог бы. Наверное, мы расплачиваемся малодетностью за долголетие». И это было воистину печально, потому что если и существовала на свете эльфийка, созданная для материнства, так это жена Тенебринта, леди Серьяна.

«А если бы у них появилась дочь, это сильно упростило бы жизнь всем нам». Ну и что, что она была бы маленькой? Киртиан с превеликим удовольствием подождал бы, пока она повзрослеет. В конце концов, уж чего-чего, а времени у него предостаточно. Ну да, постепенно даже эльфы стареют и умирают, но до этого Киртиану было еще несколько столетий.

Правда, последнее время стали поговаривать, будто кто-то из эльфийских лордов открыл способ увеличивать плодовитость при помощи магии... Может, стоит попытаться выяснить, много ли истины в этих слухах? И попробовать купить услуги такого мага...

«Только вот это повлечет за собой другие проблемы...»

Да, на первый взгляд это решение казалось самым простым, но, подобно тихому омуту, подобная «простота» могла таить в себе множество ныне незаметных сложностей.

«Такая услуга может оказаться мне не по зубам. Вдруг маг захочет получить в уплату рабов? Ведь не могу же я отдать кого-то из моих людей в настоящее рабство! Вдруг он захочет кого-то из моих бойцов? Или Джеля?»

А если бы эту трудность удалось преодолеть, появились бы новые — уже с самой девушкой. «Я могу ей не понравиться. Или понравиться, но не настолько, чтобы выходить за меня замуж. Она может влюбиться в кого-нибудь другого — да хоть в того же Пеленаля». Киртиан скривился. Не может же он принуждать девушку выйти за него замуж только потому, что ее помолвили с ним с колыбели. И какая тогда будет польза от этой сделки?

«Джель прав. Надо предоставить маме разобраться с этим вопросом по своему усмотрению, — решил Киртиан. Сердце его слегка сжалось, но одновременно он, как ни странно, испытал облегчение. — Вот за обедом я ей об этом и скажу. Она так обрадуется, что позволит нам брать штурмом все, что угодно, вплоть до ее собственного дома!»

Глава 4

К тому моменту, как Линдер снова наполнил кубок Киртиана холодной водой, молодой лорд успел отлежаться, и боль в перетруженных мышцах утихла. Киртиан сидел в ванне так долго, что едва не заснул прямо там — да, наверное, и заснул бы, если бы не два обстоятельства. Во-первых, желудок Киртиана настойчиво напоминал, что ему давно уже не доставалось ничего, кроме воды. А во-вторых, Киртиан знал, что мать ждет его, чтобы поужинать вместе, и что она из вежливости не съест ни кусочка, пока он не придет. Конечно, утолить голод было бы нетрудно: слуги принесли ему тарелку с едой. Но Киртиан вовсе не хотел бы проявлять невежливость по отношению к матери!

«И вообще, грубо обходиться с матерью неразумно. Ведь она знает все о твоем детстве — в том числе и такое, чего ты из стеснительности предпочел бы не вспоминать».

Киртиан неохотно выбрался из воды, роняя капли на мраморный пол, взял у молодого слуги мягкое белоснежное полотенце и жестом слугу отпустил. Завернувшись в полотенце, Киртиан вернулся к себе в спальню и обнаружил, что его там уже поджидает чистая смена одежды. Наряд выбрал Линдер — так, чтобы он гармонировал с туалетом матери Киртиана. Это был незначительный штрих — но мать ценила подобные штрихи, а слугам они особых хлопот не причиняли. Да они и не тяготились этим, ибо любили ее не меньше, чем сын.

К облегчению Киртиана, подобранная одежда оказалась простой и удобной: туника и брюки из тяжелого янтарного шелка, со скромным узором по вороту и поясу, вышитым бронзовым бисером. Значит, мать сегодня в непринужденном настроении. Может, она даже захотела поужинать на балконе, примыкающем к малому обеденному залу, чтобы полюбоваться оттуда на танцы их подчиненных-людей и послушать музыку.

Киртиан знал из рассказов матери, что другие эльфийские лорды имеют обыкновение создавать в своих обеденных залах причудливые иллюзорные декорации — более простой вариант иллюзий, которые Киртиан повидал на тех немногочисленных эльфийских празднествах и сборищах, на которых ему довелось побывать. До чего же это, наверное, скучно: сидеть среди полностью подвластного тебе пейзажа и постоянно знать, что произойдет в следующую минуту! Киртиан предпочитал на-

стоящую погоду, настоящие закаты, изменчивые картины настоящей жизни. Впрочем, его никогда не трогали даже самые искусные иллюзии — ведь никакие фантазии не могли сравниться с красотой реального мира. Даже в покоях Киртиана имелась всего одна-единственная иллюзия: пейзаж, который нравился ему в любое время года и в любую погоду. Киртиан сотворил в углу своей гостиной лесную поляну и водопад. Эта иллюзия служила входом в его покои, и благодаря ей гостиная казалась куда больше, чем на самом деле. Киртиан с легкостью мог бы устроить на месте иллюзии настоящий водопад, но тогда в гостиной сделалось бы куда более шумно, чем ему хотелось бы. Три комнаты, из которых состояли покои Киртиана, всегда выглядели так, как были устроены: серые ковры, белые стены и потолки, простая мебель без украшений, сделанная из березы, с толстыми подушками — серо-голубыми, серо-зелеными и сланцево-серыми. Комнаты заполнял мягкий, невесть откуда исходящий свет. Его можно было погасить при помощи простенькой команды. Ну да, магия — но не иллюзия.

Киртиан натянул мягкий, удобный шелковый наряд, надел домашние кожаные туфли и подпоясал тунику подходящим по цвету кушаком. Быстренько оглядев себя в зеркале, дабы убедиться, что он ничего не позабыл, Киртиан отправился в обеденный зал, предоставив уборку слугам. Коридоры освещал все тот же неведомо откуда исходящий свет. Единственным украшением здесь были небольшие столики, расставленные вдоль стен на некотором расстоянии друг от друга. Киртиан заметил, что по случаю летнего времени кто-то заменил стоявшие на столах статуэтки букетами цветов, что наполняли воздух мягким, ненавязчивым ароматом, и ему это понравилось. Это куда лучше, чем тяжелый, душный аромат благовоний, с которым он сталкивался в тех немногочисленных поместьях, где ему случалось бывать! Мать Киртиана превратила здешнюю жизнь в искусство, изящное и на первый взгляд непринужденное, но требующее определенных усилий. Для этого ей потребовалась небольшая армия преданных слуг, добивавшихся при помощи слаженного труда того «простого» эффекта, какого другие лорды достигали при помощи иллюзий.

Когда Киртиан приблизился к обеденному залу, освещение немного изменилось — приобрело более теплый оттенок, а букеты из белых и светлых цветов сменились более яркими. В этом чувствовалась рука и замысел матери. Обстановка дышала жизнерадостностью и доброжелательностью, и Киртиан вновь почувствовал гордость. Все это было достигнуто абсолютно без использования иллюзий!

Линдер терпеливо ждал хозяина под дверью малого обеденного зала. Значит, догадка Киртиана оказалась верна: сегодня Киртиан с матерью ужинали вдвоем, а не в обществе кого-нибудь из эльфов, проживающих в поместье. Линдер распахнул дверь перед молодым лордом, и Киртиан вошел в зал, кивком поблагодарив слугу. Его встретил приглушенный свет и пустой стол, но створчатая дверь балкона была приглашающе приоткрыта.

Алебастровый балкон освещали два светильника на бронзовых подставках, горящие ровно настолько ярко, чтобы быть полезными без навязчивости. У небольшого столика на две персоны уже поджидал слуга с тележкой, уставленной накрытыми колпаками блюдами. Когда Киртиан вошел на балкон, мать поднялась со стула, приветственно улыбнулась сыну и протянула руку.

В'дилл Лидиэль леди Прастаран не была прекраснейшей из эльфийских женщин: ее зеленые глаза были чересчур проницательны, скулы — слишком резко очерчены, рот был великоват, в изгибе губ чувствовалась язвительность, а красиво изогнутые брови слишком привыкли приподниматься, придавая лицу насмешливое выражение. Фигура у нее была слишком стройной, чтобы называть ее «пышной», и слишком мускулистой, чтобы именоваться «хрупкой». По правде говоря, Лидиэль была прекрасной танцовщицей и спортсменкой. И она была слишком высока, с точки зрения нынешней моды, — почти одного роста с сыном. Сегодня ее светлые, словно сияние луны, волосы были забраны на затылке в практичный узел; прическу оживляли лишь три нити бус, из бронзы, янтаря и лунного камня, вплетенные в нежные локоны над левым ухом. Одета леди Лидиэль была в точности так же, как и сын, только вместо брюк на ней была юбка с разрезом. Лидиэль никогда не следовала моде и никогда ею не интересовалась. Она сама устанавливала для себя законы — и тем вполне соответствовала традициям поместья и клана Прастаранов.

Киртиан взял протянутую руку, запечатлел на ней сыновний поцелуй и помог матери сесть обратно, прежде чем усаживаться самому. Слуга открыл супницу и предъявил вниманию хозя-

ев первое блюдо — густой суп. Киртиан восхищенно принюхался к аппетитному запаху.

Лидиэль взяла черпак и сама наполнила две глубокие фарфоровые тарелки.

— Я уже успела расспросить Линдера, так что мне известно, что ты одолел Джеля, — весело произнесла она. — И что, пока ты его лупил, он умудрился тебя прикончить, это я тоже знаю. Сомнительная получилась победа — тебе не кажется?

— Думаю, это зависит от того, с чьей точки зрения смотреть: капитана, которого убили, или генерала, который послал этого капитана, — возразил Киртиан. — Мой воображаемый военачальник остался бы доволен исходом сражения.

По лицу Лидиэли промелькнула легкая тень неудовольствия.

— Твои совершенно не воображаемые, а очень даже реальные родственники пришли бы кто в горе, а кто в восторг, окажись твоя кончина настоящей, — заметила она. — А особенно этот твой несносный кузен, Аэлмаркин...

Киртиан прекрасно знал, что за этим последует, и решил предотвратить очередную речь о его долге перед наследием, оставленным отцом.

— Мой особенно несносный кузен Аэлмаркин будет совершенно не в восторге, как только ты справишься с делом, за которое, как я надеюсь, вы согласитесь взяться, леди, — перебил ее Киртиан, шаловливо постучав пальцем по руке матери. — Я хочу, чтобы ты раздобыла для меня пару-тройку подходящих особ женского пола, чтобы я мог выбрать себе жену. Если я возьмусь за это дело сам, то только напортачу. Ты же справишься с ним блестяще.

Лидиэль уставилась на сына, от удивления слегка приоткрыв рот; глаза ее округлились, а брови взлетели на небывалую высоту.

— Ты серьезно? — вопросила она. — Ты действительно готов жениться?

Она не произнесла «наконец-то», но это слово и так словно бы повисло в воздухе.

Киртиан пожал плечами:

— Ну, насколько я вообще могу быть к этому готов. А раз уж началась такая заварушка, лучше справиться с этим делом побыстрее, пока у тебя есть возможность поездить и поискать что-нибудь подходящее.

Теперь Лидиэль выглядела слегка виноватой.

— Я поклялась твоему отцу, что никогда не стану толкать тебя к браку с девушкой, к которой ты не испытываешь ни малейшей привязанности, — начала она. — И...

— И ты меня не толкаешь, — твердо сказал Киртиан. — Я просто перестал надеяться, что идеальная женщина возьмет и свалится на меня с неба, как осенняя паутинка, вынырнет из реки, словно русалка, или возникнет посреди леса, словно фея, и я тут же влюблюсь в нее без памяти. Куда важнее отыскать девушку, которая не станет для нас источником угрозы, и в этом мне не найти лучшего судьи, чем ты. Что же касается моих пожеланий — если я смогу терпеть ее общество за завтраком, этого хватит. Если у нас найдутся общие интересы, чтобы мы не нагоняли друг на друга скуку, — тем лучше.

Он накрыл ладонью руку матери, лежавшую на столе, и почувствовал, что та дрожит.

— На мой взгляд, куда важнее, чтобы эта девушка любила и почитала тебя, моя леди.

— Если ты найдешь жену, которая будет любить тебя, но не поладит со мной, я всегда могу удалиться во Вдовий дом, — храбро начала Лидиэль, но Киртиан покачал головой:

— Я знаю, что бабушка любила Вдовий дом и удалилась туда потому, что эта усадьба вызывала у нее слишком много воспоминаний. Но у тебя совсем другой случай. Я не потерплю здесь женщину, которая выживет тебя из твоего собственного дома. А потому я надеюсь, что ты отыщешь какую-нибудь благоразумную особу. Меня интересует безопасность, здравый смысл и ум — именно в этой очередности. А теперь, — добавил Киртиан, заметив, как вспыхнули глаза матери, и решив воспользоваться благоприятной ситуацией, — мы с Джелем хотим устроить еще одно праздничное сражение. И нам подумалось, что неплохо было бы вместо обычной битвы в лесу или схватки в поле организовать штурм Вдовьего дома. Как ты думаешь, это можно устроить?

Киртиану не нужна была человеческая магия, позволяющая читать мысли, дабы понять, что мать уже всецело поглощена обдумыванием различных матримониальных проектов и что стоило ей заслышать имя Джеля, как остальную часть фразы она пропустила мимо ушей — чтобы та не отвлекала ее от задачи первостепенной важности, поиска подходящей пары для сына.

— Да-да, конечно, — рассеянно отозвалась Лидиэль, позволив слуге забрать суп и поставить вместо него тарелку с пече-

ным угрем, хотя обычно она этого угря и в рот не брала. Теперь же Лидиэль проглотила этот деликатес, даже не замечая, что она ест, ибо ей сейчас было не до размышлений о еде: мысли ее были заняты куда более важными вещами.

Киртиан мысленно улыбнулся и без дальнейших комментариев занялся содержимым своей тарелки, поздравив себя с удачным маневром. Он получил от матери разрешение на штурм, и она об этом вспомнит — вечером, попозже, когда начнет восстанавливать в памяти этот разговор. И тогда уже поздно будет идти на попятный. И ему это практически ничего не стоило, он и так ведь уже дозрел. Удовольствие от одержанной победы лишь прибавило ему аппетита, и Киртиан отдал должное ужину.

Внизу, под балконом раскинулась зеленая бархатная лужайка. Она переходила в такой же пушистый травяной склон, а тот потом сливался с зеленью поселка: там жили все люди-слуги, заработавшие себе домики в главной усадьбе. Лужайка была ярко, по-праздничному освещена — на воткнутых в землю шестах висело множество фонарей. В хорошую погоду она служила ярмарочной площадью, танцевальной площадкой и пиршественным залом. Вот и сегодня вечером ее приспособили для последних двух целей. Воины, и победившие, и проигравшие, расселись вперемешку за длинными деревянными столами, перенесенными сюда из их казармы, и праздновали. Другие слуги, уже давно успевшие поужинать, подходили группками по двое-трое и присоединялись к празднеству. На концах столов ярко горели праздничные факелы, а на дальнем конце лужайки устроился небольшой оркестрик; музыканты наигрывали забористые плясовые, отроду не звучавшие ни на одном эльфийском празднике. Киртиан любил человеческую музыку, и он знал, что матери она тоже нравится, — но сравнивать людскую и эльфийскую музыку было все равно что сравнивать говорливый лесной ручей с подсвеченной водяной скульптурой. И в том, и в другой текла вода, но на этом их сходство и заканчивалось.

Джель с десятком воинов уже поужинали, нашли себе партнерш и теперь плясали — не особенно умело, но зато от всей души. Судя по разрумянившимся щекам и блестящим глазам девушек, никто из них не стал бы жаловаться на такие мелочи, как случайно отдавленная нога. Киртиан молча закончил трапезу, откинулся на спинку стула и, потягивая вино, принялся наблюдать за бурлением танцующей толпы — та все прибывала и прибывала.

— Так вот насчет твоего несносного кузена, — пробормотала вдруг Лидиэль, глядя на сына.

— А что с ним такое? — отозвался Киртиан, взглянув на мать. — Надеюсь, он не собирается снова нанести мне визит? Я думал, мы еще в прошлый раз излечили его от подобных намерений.

Лидиэль скривилась.

— Я сама чуть не излечилась от желания находиться здесь! — сказала она, содрогнувшись. — Если бы мне еще хоть вечер пришлось слушать твое монотонное бубнение!.. Да таким голосом, хоть эротические поэмы читай — все равно слушатели умрут от скуки!

Киртиан улыбнулся:

— Я подумал, что монотонность как раз подойдет к теме беседы. Но вообще-то за эту идею ты можешь поблагодарить Джеля. Я даже не догадывался, что он так здорово разбирается в санитарном состоянии военного лагеря, в организации снабжения и в том, как все это важно с точки зрения тактики. Он столько в меня вколотил, что теперь я вполне способен написать монографию на эту тему.

— Напомни мне как-нибудь отослать ему полное блюдо живых скорпионов, — с легким раздражением отозвалась Лидиэль. — Он мог бы и сообразить, что мне тоже придется тут сидеть и весь вечер слушать эту галиматью! Но возвращаюсь к прежней теме — нет, твой кузен не собирается приезжать сюда. Очевидно, он хочет подлизаться к тебе, чтобы ты забыл о его попытке лишить тебя наследства.

— Что, вправду? — теперь уже Киртиан приподнял брови, попытавшись скопировать самую язвительную из гримас матери. — Как это мило с его стороны. Можно сказать, по-братски. Ну так чего же он хочет?

Лицо Лидиэль сделалось непроницаемым.

— Он хочет, чтобы ты съездил к нему в гости. Он приглашает тебя на... ну, на своего рода встречу. К нему в поместье приезжают лорд Мартиэн и лорд Виварна, чтобы решить свой спор.

Киртиан был неприятно удивлен.

— Два великих лорда улаживают распрю, и Аэлмаркин желает, чтобы при этом присутствовал я? Но зачем?

Лидиэль покачала головой.

— Не знаю, — с искренним недоумением отозвалась она. — Возможно, Аэлмаркин решил сменить тактику — в надежде, что ты забудешь про его прошение. Или хотя бы простишь.

Киртиан состроил кислую мину:

— А может, он просто желает продемонстрировать великим лордам, что я такой же полоумный, как и отец. В конце концов, я точно так же одержим прошлым, как и отец. Может, Аэлмаркин надеется, что я начну бубнить что-нибудь про эльфийскую историю или приставать к лордам с расспросами, нет ли у них в библиотеках каких-нибудь древних книг и не позволят ли они мне снять с них копию.

— Дартениан никогда не был полоумным, — мягко произнесла Лидиэль. — И ты — не полоумный. Думать о прошлом — вовсе не безумие. Истинное безумие — пытаться делать вид, будто прошлого никогда не существовало. Посмотри, до чего докатились великие лорды — до войны с собственными сыновьями! Если бы они помнили прошлое, помнили о распрях, что заставили нас бежать из Эвелона, этой трагедии можно было бы избежать.

— А я иногда думаю: может, в этой безостановочной погоне за прошлым и вправду есть что-то от безумия? — сказал Киртиан. У него как-то разом испортилось настроение. — Иначе чем объяснить исчезновение отца?

На щеках Лидиэли проступил румянец гнева, но она не дала воли чувствам.

— Чем объяснить? — переспросила она и сама ответила на свой вопрос: — Сочетанием увлеченности с невезением. Или, быть может, встречей с безжалостным врагом. Я не знаю, милый, за чем именно охотился Дартениан в момент своего исчезновения — он скрывал это даже от меня. Но я знаю, что это было нечто очень важное и, потенциально, очень могущественное. Потому эта тайна была опасна. Потому он и не делился ею даже со мной. Возможно, с ним произошел несчастный случай. А возможно, еще кто-то, помимо меня, воспринял его всерьез — и пожелал узнать то, что было известно Дартениану, или помешать ему обнаружить нечто такое, что могло бы дать ему преимущество в бесконечной драке за власть.

— Ты полагаешь, что его... убили? — медленно произнес Киртиан. Эта мысль никогда прежде не приходила ему в голову.

Лидиэль вздохнула:

— Не знаю. Возможно. Но я даже не представляю, как это могло произойти. Я так и не узнала ничего такого, что подтвердило бы это предположение или опровергло его. — Видно было, что сама эта неопределенность причиняет ей боль. — Но как бы там ни было, пускай чужие думают о нем как о слабоумном чудаке, только и знавшем, что копаться в старинных документах. Я-то знаю, как все было на самом деле, и тебе следовало бы знать.

Пристыженный Киртиан склонил голову в безмолвном извинении.

— И мне не следовало бы прислушиваться к мнению Аэлмаркина даже в таких банальных вопросах, как выбор вина, не говоря уже о чем-то более существенном. — Он нахмурился. — Я уже почти готов отклонить его приглашение. Что-то оно последовало почти сразу же вслед за решением Совета, а Аэлмаркин упрям и настойчив. Он наверняка что-то задумал, чтобы поставить меня в неловкое положение.

Но Лидиэль покачала головой:

— Нет, так нельзя. У него куда больше политического веса, чем у тебя, и, если ты его оскорбишь, он может изрядно отравить тебе жизнь. Тебе вправду хочется разбираться с Советом из-за подстроенных им мелких пакостей? Лучше уж принять его приглашение.

Киртиан вздохнул и смирился. Да, видимо, придется туда отправиться и разыграть из себя дурачка, на радость Аэлмаркину. Да нет, в общем-то, не хочется.

— Когда там этот фарс?

— Через три дня, — сообщила Лидиэль и успокаивающе погладила сына по руке. — Ну, выше нос! В конце концов, это займет всего полдня. Неужели тебе так трудно потерпеть полдня?

«Неужели тебе так трудно потерпеть полдня?» — с яростью спросил себя Киртиан, уставившись в песок арены, чтобы не встречаться со взглядами, исполненными то презрения, то любопытства. — Да это куда труднее, чем выиграть бой у Джеля!»

В тот самый момент, как он вышел из портала и очутился в поместье Аэлмаркина, Киртиан осознал две вещи. Во-первых, что Лидиэль была абсолютно права: если он не продемонстрирует на этом сборище свое здравомыслие, Аэлмаркин получит возможность говорить все, что заблагорассудится, — и ему будут верить. А во-вторых — что поведение всех прочих гостей Аэлмаркина станет истинным испытанием его терпения и способности действовать. Киртиан еще никогда в жизни не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Да у него куда больше общего с людьми из его поместья, чем с этими существами, с которыми они вроде как принадлежат к одному народу!

Большинство гостей были примерно однолетками Киртиана — праздные отпрыски великих лордов, которые не сочли нужным лично присутствовать на данном судебном поединке, но пожелали прислать своих представителей. Конечно, это означало, что Киртиана окружают бездельники, только и умеющие, что болтать о членах своего круга, нынешних причудах, бесполезных увлечениях и новых модах. Киртиан же ничего не знал о представителях этого социального слоя. Что же касается устремлений, представлявшихся им столь важными, — ну, Киртиан просто не понимал, зачем тратить время на такую чушь. Но в их глазах он, несомненно, был провинциалом, безнадежно отставшим от жизни.

Никто из этих гостей совершенно не разбирался в вопросах, интересующих Киртиана, а потому его воспринимали как зануду и деревенщину. А после того как Киртиан занервничал из-за некоторых заявлений, показавшихся ему возмутительными, он наверняка окончательно упал в их глазах — теперь его должны были счесть зеленым юнцом и назойливым формалистом.

«Ну, по их меркам я и есть формалист. Меня совершенно не прельщает перспектива сидеть по полдня в обществе несчастных человеческих девушек, обреченных быть моими наложницами, чтобы они возбуждали мой пресыщенный аппетит».

Через час к Киртиану начали относиться с неприкрытым пренебрежением.

Как ни странно, от этого ему сделалось сильно не по себе. Киртиан никак не ожидал, что они сумеют вызвать у него подобные чувства. Он пытался твердить про себя, что ему наплевать на мнение этих типов, что ему просто надо проявлять вежливость и вести себя, как и подобает представителю знатного рода, но легче ему не становилось — слишком уж допекали эти презрительные ухмылки и хихиканье. Да, ему не нравились ни хозяин поместья, ни его гости — но Киртиан был один, а их много. И потому он волей-неволей чувствовал себя презренным чужаком. Киртиан сам не ожидал от себя подобной реакции. Эх, если бы он мог придумать какую-нибудь изящную отговорку и немедленно отправиться домой!

Но вместо этого он продолжал упорно глядеть вниз, на огороженную арену, и слушать шепотки и сдавленные смешки, чувствуя, как горит шея. Как хорошо, что Джель отправился с ним, изображая телохранителя! Все-таки каменное лицо Джеля помогало Киртиану сохранять спокойствие.

«Я сейчас на их территории. И лучший исход, на который я могу надеяться, — это выбраться отсюда, не совершив слишком крупных ошибок. Мама просто не предвидела, до чего тут все будет скользко и двусмысленно». Киртиан очень остро ощущал, что присутствующие куда искушеннее его во всем, что касается интриг и политики. Он чувствовал себя до ужаса юным, ограниченным и наивным. Эти эльфы впитали искусство махинаций с молоком матери и чувствовали себя как рыба в воде там, где Киртиан даже не знал, как ступить.

Киртиан нарочно уселся в первом ряду, чтобы не встречаться больше взглядами ни с кем из местных эльфов, но продолжал слышать их голоса: они нарочно беседовали достаточно громко, чтобы Киртиан их слышал.

— Так что это, собственно, за тип? — спросил какой-то заносчивый юнец, сидевший слева от Киртиана.

— Мой кузен Киртиан, — небрежно отозвался Аэлмаркин. — Сын покойного лорда Дартениана, моего дяди.

— Лорд Дартениан... — пробормотал кто-то у него за спиной. — Что-то знакомое. Это имя, часом, не связано с какой-нибудь давней историей?

— Приставь к нему эпитет «полоумный», — томно протянул еще кто-то. Этот голос звучал до того самодовольно, что Киртиану стоило больших трудов сдержаться, так ему хотелось встать и взять наглеца за глотку. — Полоумный Дартениан, охотник за горшками и бесполезными старыми рукописями, выкапывавший на белый свет такие вещи, которые лучше бы не трогать. Он пропал, когда в очередной раз отправился на поиски неизвестно чего, и уже несколько десятилетий считается мертвым.

— Ну, право же, Ферахин, что плохого в хобби? — отозвался Аэлмаркин, и в голосе его звучала такая нарочитая терпимость, что Киртиан до боли сжал подлокотники кресла, чтоб только усидеть на месте. — Коллекционирование насекомых — тоже довольно глупая штука. А я собственными глазами видел, как ты посылал своих рабов носиться по полям и лесам с сачком и бутылкой. А чего стоят все эти ящички с дохлыми жуками! Пользы в них ничуть не больше, чем в нудных манускриптах.

— Ладно, Аэлмаркин, уболтал. Хобби — вещь хорошая, — сказал Ферахин. — Но разве благородный эльф станет собственноручно рыться в старом хламе, если он в своем уме? Я-то никогда не стану лично лазать по дебрям. Спрашивается, рабы у нас на что? А он к тому же еще и поперся куда-то в одиночку!

Нет, ты как знаешь, а, на мой взгляд, это самое настоящее сумасшествие.

Киртиан скрипнул зубами. Он знал, что вся эта болтовня предназначена для него. Он понимал, что его пытаются спровоцировать. А потом они скажут старшим, что просто беседовали между собой, только и всего. Если он просто сумеет сдержаться, уже будет хорошо. Если же они решат, что он слишком туп, чтобы что-либо понять, — или слишком труслив, чтобы ответить на оскорбление, — с этого тоже вреда не будет.

И все-таки Киртиану еще никогда не было так трудно, как сейчас, когда нужно было сидеть, слушать, как эти наглецы оскорбляют память его отца, и молчать.

— В одиночку! — воскликнул первый участник беседы. — Интересно, зачем он вообще держит рабов, если не отправил их на эту свою охоту вместо себя? Аэлмаркин, ну согласись, — он же явно был ненормальным!

Зашуршала ткань: это Аэлмаркин небрежно пожал плечами.

— Он всегда был очень скрытен во всем, что касалось этих его изысканий, и таился тоже всегда, а не только в последний раз. Он искал местонахождение Великих Врат, сквозь которые мы пришли сюда из Эвелона, и всякие вещи, выброшенные за ненадобностью, — те, которые перестали работать после прохождения через Врата. Зачем ему это было нужно, я понятия не имею.

— Ну, очевидно, что он как минимум страдал навязчивой идеей, — подводя итог, сказал томный молодчик. — И, судя по Киртиану, — я как-то имел несчастье с ним беседовать, — психические расстройства у них в семье передаются по наследству. Бедолага совершенно не способен говорить ни о чем, кроме военного дела. История, тактика, битвы и прочая никому не нужная чушь. — В протяжной речи так и чувствовалась презрительная усмешка. — Да ему бы не доверили командовать даже отрядом, копающим сортиры.

Теперь у Киртиана горела не только шея, но и щеки, а мышцы плеч и нижней челюсти словно окостенели. Он охотно отдал бы половину своего состояния за возможность сойтись с любым из этих безмозглых придурков в рукопашной схватке.

«Именно этого они от тебя и ждут, — напомнил он себе, пытаясь сдержать разгорающийся гнев. — Они считают тебя варваром, нелепым атавизмом и потому вполне могут ожидать, что ты на них накинешься. И тогда они с полным правом бросят тебе вызов или заставят ответить за это на Совете».

И можно не сомневаться, что Аэлмаркин только об этом и мечтает, ибо подобное нападение доказало бы, ко всеобщему удовлетворению, что он, Киртиан, безумен — в точности как утверждал Аэлмаркин в своем прошении. Благородный эльфийский лорд не решает споров кулаками. Благородный эльфийский лорд бросает вызов и улаживает распрю достойными способами.

«Нет, мне нужно держать рот на замке, а глаза открытыми. Я должен выяснить, как тут все работает! — с яростью сказал себе Киртиан. — И тогда я при первой же возможности заставлю этих идиотов подавиться своими словами!»

Рядом с Киртианом стоял бдительный Джель, бесстрастный, словно изваяние. Окружающие придурки его просто не замечали: ну кто же обращает внимание на телохранителей? Джель тоже слышал каждое слово, но по его лицу об этом невозможно было догадаться.

«Действуй как Джель, — сказал себе Киртиан. — Не можешь быть спокоен — хотя бы сиди тихо. Жди и наблюдай». Киртиан знал только, что распри улаживаются в судебных поединках, в которых от лица хозяев выступают их рабы. Если его бойцы обучены лучше...

«Тогда, возможно, я смогу поговорить с этими болванами на том языке, который им понятен».

Внезапно разговор за спиной у Киртиана оборвался, как будто какой-то не замеченный им знак сообщил собравшимся здесь бездельникам о том, что бой вот-вот начнется. Киртиан, неожиданно для самого себя поддавшись царящей здесь атмосфере, подался вперед. Над ареной вспыхнул яркий свет, а светильники над рядами кресел, наоборот, погасли.

Глава 5

Бронзовые двери, расположенные на противоположных сторонах арены и украшенные вычеканенными изображениями воинов в доспехах, отворились. На площадку вышли две колонны тяжеловооруженных бойцов — четырнадцать человек, по семь с каждой строны. Движения их были скованными. Одна группа была облачена в зеленые доспехи; на щитах и нагрудных пластинах красовалось изображение ослепительно синего

крылатого змея. Знаком бойцов в фиолетовых доспехах был белый единорог, вставший на дыбы.

Да, доспехи смотрелись внушительно. А вот люди в них — не очень. Киртиан внимательно рассмотрел каждого из бойцов, взвешивая и оценивая их силы и подмечая, кто чем вооружен. Джель наверняка был занят тем же.

Сзади снова послышался шепот:

— Предки! Что может быть такого увлекательного в группе бойцов? Неужто он — настолько дремучий провинциал, что никогда прежде не видел гладиаторов?

Шея Киртиана снова вспыхнула на мгновение, но он быстро взял себя в руки. Теперь, когда ему было что изучать и анализировать, он смог наконец посмотреть на сложившуюся ситуацию с точки зрения тактики, а не эмоций.

«Большинство из них считают меня неотесанной деревенщиной — но есть и те, кто просто меня игнорирует. А комментарии вполне могут исходить от тех, кто меня подозревает и думает, что моя провинциальность может оказаться всего лишь маской. И они будут меня провоцировать, пока я не выкину что-нибудь действительно дурацкое — например, сорвусь и оскорблю кого-нибудь в ответ — или пока не сделаю что-нибудь такое, что позволит им лучше понять, зачем я здесь на самом деле. Если же я ничего не стану делать, я собью их с толку. Кстати, вполне возможно, что за всеми этими подначками стоит Аэлмаркин». Киртиан представил, сколько заговоров и контрзаговоров плетется у него за спиной, и ему сделалось не по себе.

В этот момент окружающие показались ему еще более чужими. Ну как они могут так поступать? Как вообще можно так жить — каждый день остерегаться предательства и одновременно самому замышлять предательство? Он бы от такого точно сошел с ума, и очень быстро. Как они только справляются с этой своей паранойей?

«Возможно, они именно поэтому уделяют так много времени разврату и кутежам. Им приходится с головой погружаться в наслаждения, чтобы расслабиться хоть ненадолго». При этой мысли Киртиану вдруг стало их жаль. Но не очень сильно.

Лучшим его оружием на настоящий момент была неопределенность, сам тот факт, что о нем почти ничего не знали. Что бы Аэлмаркин ни успел им понарассказать, возможно, его россказням не поверят, пока не убедятся своими глазами. Они наверняка будут оценивать его, исходя из их собственных стандартов. А что бы они стали делать, оказавшись в подобной ситуации? Прикидываться дурачками? Искать союзников?

Скорее всего, искать союзника или покровителя. Авось, если он ничего не станет предпринимать, это собьет их с толку. Эх, поговорить бы сейчас с Джелем! Киртиан отчаянно нуждался в совете.

Хотя, возможно, Джель не смог бы ничего добавить к тому, что уже сказал.

«Ну, мою осторожность не раз уже принимали за недостаток находчивости. Может, и теперь выйдет то же самое. Оно бы неплохо — тогда в дальнейшем они будут меня недооценивать».

Киртиан знал лишь, как подобные ситуации разрешались в далеком прошлом — не зря же он столько времени уделял историческим трудам, где описывалось, среди всего прочего, и это тоже. В давние дни у эльфов было меньше свободного времени, и они не могли себе позволить подолгу заниматься заговорами и политическими махинациями. Эльфийские лорды древности решали внутренние проблемы именно тем способом, который показался бы знакомым «этим дикарям людям».

Если бы один из Первых лордов не пожелал глотать оскорбление и решил бы на него ответить, он вызвал бы своего врага на магическую дуэль.

«И в те времена можно было с удовольствием мечтать об этом — конечно, представляя себя победителем».

Закон по-прежнему разрешал магические дуэли, но теперь к ним прибегали очень редко. В девяноста девяти случаях из ста, а то и чаще оскорбления и споры решались на арене, руками людей-гладиаторов — в точности как сейчас. Пожалуй, подобное решение трудно назвать честным: ясно же, что не особенно состоятельный эльф не может позволить себе содержать и тренировать столько же бойцов, как какой-нибудь знатный лорд. Хотя, с другой стороны, если один из соперников превосходит другого знатностью, он превосходит его и уровнем магической силы, а потому нижестоящему особой разницы нет, во что ввязываться, в рукопашный бой или в магический.

«Даже наоборот: магически слабый эльф может разбогатеть и обзавестись первоклассными бойцами или найти союзника, у которого такие бойцы имеются, но магическую силу никак не увеличишь. С чем родился, с тем и будешь жить. Пожалуй, дуэли с выставлением бойцов за себя все-таки чуть-чуть честнее магических дуэлей».

Хотя они явно не могут принести такого внутреннего удовлетворения, как магические схватки.

«Интересно, а что бы со мной было, если бы я вызвал кого-нибудь из сидящих сзади на такую дуэль? Насколько они

владеют своей силой? Хорошо ли обучены?» Понять это по их поведению не было никакой возможности, и Киртиан не знал, насколько сильна его магия по сравнению с их силой. А бросать подобный вызов вслепую — редкостная глупость.

Киртиан пользовался магией лишь тогда, когда без нее было ну никак не обойтись. В иллюзиях он особенного толка не видел, а потому и не практиковался в их создании.

На мгновение Киртиан забеспокоился: а может, ему стоило бы этим заняться? Может, зря он не сотворил себе какой-нибудь роскошный иллюзорный наряд, как другие гости? Что бы они сказали, увидев его неукрашенный дом? Уж не сочли бы они его слабаком и бедняком, раз он не создает и не поддерживает причудливые иллюзии?

«Да какая разница! — быстро одернул себя Киртиан. — К нам все равно не приезжают гости, на которых нужно производить впечатление, а среди гостей я не единственный в обычной одежде».

Он напомнил себе, что ему, как и его семье, ничего не угрожает — ведь они производят много всего такого, в чем нуждаются остальные лорды. Эта успокаивающая мысль утихомирила разгоревшееся беспокойство Киртиана. Он же хотел выглядеть безвредным и бестолковым! Как он мог об этом забыть? Он хотел, чтобы эти приятели Аэлмаркина недооценивали и его самого, и всю их семью.

Киртиан мысленно отвесил себе оплеуху. Эти эльфы оказывают на него разлагающее влияние: он не провел среди них и половины дня, а уже думает о статусе и вызовах, беспокоится, не сочтут ли его провинциалом, неотесанной деревенщиной! А хоть бы даже и сочли — ему-то что с того? Ему это только на руку — тем меньше угроза семье! «Пускай себе язвят сколько влезет, — строго сказал себе Киртиан. — Пускай игнорируют нас. До тех пор, пока нас считают безопасными в политическом смысле и полезными в хозяйственном отношении, нам ничего не грозит».

Конечно, если их владения не будут выглядеть слишком процветающими — эдаким спелым яблочком, которое хочется сорвать. Вон Аэлмаркин уже об этом мечтает. А вдруг это придет в голову и какому-нибудь другому, более опасному конкуренту?

Пожалуй, надо будет по возвращении домой посоветоваться об этом с Лидиэлью. Возможно, им тоже пора поблефовать. Лидиэль умна, она придумает для сына какой-нибудь способ

продемонстрировать свою силу таким образом, чтобы казалось, будто Киртиан обладает выдающимися способностями. Или как минимум, что он достаточно силен в магии, чтобы желающие бросить ему вызов решили, что игра не стоит свеч.

«В общем, нам надо придумать что-нибудь такое, чтобы все сочли существующее положение вещей самым выгодным. Показать, что прямое столкновение принесет больше потерь, чем прибылей».

Возможно, ему лишь на руку, что большинство конфликтов сейчас решаются на арене. Киртиан точно знал, что даже худшие его бойцы по силе и проворству равны лучшим из тех, кто сейчас сражается, и превосходят большую часть тех, кто ждет своей очереди вступить в схватку. Он не сомневался, что, если дело дойдет до такого боя, его сторона не останется в проигравших.

Осознав это, он малость расслабился. И вправду, он зря беспокоится. Пока споры будут решаться при помощи людей-гладиаторов — вроде тех, которых он сейчас видел, — ему бояться нечего.

На самом деле, чем дольше Киртиан присматривался к участникам предстоящей схватки, тем больше убеждался в первоначальном выводе. Странно, вообще-то: все без исключения гладиаторы были неплохи — но почему-то они были моложе, чем ожидал Киртиан. Это был важный бой — по крайней мере, так ему дали понять. Почему же тогда участники распри не выставили гладиаторов постарше? Ведь стоило бы взять самых опытных!

«Как там говорит Джель? «Молодость и энергия против опыта и хитрости не выстоят».

Киртиан так увлекся обдумыванием своего положения и наблюдением за боем, что перестал слышать болтовню у себя за спиной. Когда же он вновь принялся отслеживать разговоры окружающих, то обнаружил, что гости заключают пари — не только об исходе боя в целом, но и о судьбе отдельных бойцов. Это заинтересовало Киртиана, и он без зазрения совести принялся подслушивать.

— Ты наверняка что-то знаешь, раз делаешь такие высокие ставки! — подозрительно произнес молодчик с томным голосом. — Галиат, не принимай пари! Он слишком уверен в исходе! Наверняка он подкупил тренеров, и те кой-чего ему шепнули!

— Чепуха! Ничего он не знает — просто блефует. А я уже сто лет мечтаю заполучить этого коня! — отозвался новый голос. Киртиану показалось, что новый собеседник успел хлебнуть лишку и потому говорит немного невнятно. — Я принимаю пари! Твой скаковой конь против моей рыжей наложницы и пары браслетов с драгоценными камнями за то, что вон тот боец с двумя мечами пустит кому-нибудь кровь прежде, чем сам получит первую отметину!

До Киртиана лишь несколько мгновений назад дошло, о чем они говорят, а когда он наконец понял, его замутило. Сама идея о том, что человека оценивают наравне с конем... нет, что его считают менее ценным, чем коня, — ведь вместе с женщиной предлагают доплату... Киртиан чувствовал себя так, словно пропустил удар под дых — настолько чуждым оказался для него образ мыслей этих эльфов. Да, конечно, он знал об этом и раньше, но никогда не сталкивался с этим на конкретном примере. До сих пор, насколько приходилось видеть Киртиану, с рабами Аэлмаркина обращались примерно так же, как с его слугами.

«Я и вправду чужой здесь. Если бы они узнали, как мы относимся к нашим людям, они сразу же уничтожили бы нас всех». Его сочли бы предателем своей расы, сказали бы, что он хуже волшебников и диких людей. Ему ни в коем случае нельзя забывать об осторожности!

Наконец прибыли представители враждующих сторон — с большой помпой, в точно рассчитанный момент. Оба соперничающих лорда появились в сопровождении свиты пышно разодетых прихлебал. Для обоих приготовили ложи на противоположных концах арены, прямо над дверями, через которые выходили бойцы, и теперь лорды со свитами заняли эти ложи. Киртиан понял, что просто не в состоянии вспомнить ни их имена, ни к каким домам они принадлежат — впрочем, его это и не интересовало. Если впоследствии его представят этим лордам, он просто поздравит победителя и выразит соболезнования проигравшему, только и всего. Впрочем, вряд ли Аэлмаркин станет его кому-то представлять. Разве что он придумал какой-нибудь способ выставить при этом Киртиана в идиотском свете...

Процесс рассаживания по местам выглядел отрепетированным, словно какой-то утонченный ритуал. Никто из лордов не желал садиться первым, и в ложах началась причудливая суматоха, завершившаяся лишь после того, как сели великие лорды — одновременно. Они смерили друг друга сердитыми взглядами и, отвернувшись с деланым безразличием, завели разговор с соседями.

Аэлмаркин, как хозяин дома, поднялся с места. Киртиан краем глаза уловил это движение и чуть-чуть повернул голову, ровно настолько, чтобы он мог наблюдать за кузеном, но чтобы это не слишком бросалось в глаза окружающим.

— Благороднейшие лорды! — начал Аэлмаркин. Его спокойный, беспристрастный голос с легкостью перекрыл шушуканье зрителей. — Вы пожелали решить ваши разногласия при помощи судебного поединка и любезно ответили согласием на мое предложение провести его у меня в поместье. Скажите же: вы по-прежнему согласны считать исход этого поединка решением распри?

— Да, — проворчал лорд с лазурным змеем. Второй, с белым единорогом, ограничился кивком.

— Превосходно, — так же спокойно сказал Аэлмаркин. — Запишите: оба лорда согласились считать исход схватки окончательным. Пусть все присутствующие будут свидетелями.

— Свидетельствуем! — раздался хор голосов, и равнодушных, и полных сдерживаемого напряжения. А потом все разговоры смолкли, и воцарилась мертвая тишина — такая абсолютная, что даже шорох одежд сейчас прозвучал бы как гром.

Бойцы на арене напряглись, словно сама эта тишина была сигналом.

Аэлмаркин несколько мгновений смотрел на выстроившихся друг против друга бойцов, и на губах его играла странная улыбка.

— Ну что ж, — сказал он наконец, нарушив тишину. — Начинайте!

И внимание Киртиана тут же оказалось приковано к арене. Бойцы ринулись друг на дружку и закружились по песку; все это сопровождалось лязгом оружия и резкими возгласами. Шум эхом отразился от стен арены, и Киртиан невольно скривился. Вдобавок еще и зрители разразились криками и воплями.

Киртиан все еще пытался понять, какую же пользу намеревается извлечь Аэлмаркин из этого боя, когда ближайший боец с мечом пробил защиту своего противника и одним ударом располосовал ему руку от локтя до запястья.

Раненый жутко вскрикнул и рухнул на колени; меч выпал из ослабевших пальцев, и на песок хлынула ужасающе алая кровь.

На миг Киртиан изумился — до чего же правдоподобная рана! А потом до него дошло: она не правдоподобная, она самая что ни на есть настоящая!

У него перехватило дыхание. Киртиана затрясло, и к горлу подкатила волна ужаса.

«Это взаправду... это все взаправду. Они вправду пытаются убить друг друга. Они умирают из-за того, что два каких-то идиота не поладили между собой! Это же... это нелепость! Это безумие!»

А потом его захлестнул слепящий гнев. Киртиан позабыл об осторожности, да и вообще обо всем на свете. У него осталась лишь одна мысль: остановить бой! Он вскочил с места.

— Нет! — закричал Киртиан, раскинув руки, и его голос каким-то непостижимым образом перекрыл шум боя. Его сила, подчиняясь порыву воли, хлынула наружу яростной, неукротимой волной.

Бойцов расшвыряло по разным сторонам арены, и они попадали на колени — все, кроме раненого, который отчаянно пытался зажать рану здоровой рукой.

Воцарилась тишина. Она дышала гневом. Она была громче, чем крик Киртиана.

На миг все застыли — кажется, никто просто не верил своим глазам.

А потом оба великих лорда повернулись к Киртиану и уставились на него с такой же неукротимой яростью, что и его собственная. Киртиан ощутил тяжесть направленного на него гнева, и это помогло ему опомниться.

«Кажется, это была тактическая ошибка...»

Первым с места поднялся лорд с белым единорогом; глаза его метали молнии, а в голосе слышался гром. Но обратился он не к Киртиану, а к его кузену.

— Аэлмаркин, — произнес лорд, тщательно выговаривая каждый слог, — надеюсь, это произошло без твоего ведома?

Аэлмаркин тоже встал. Голос его был преисполнен вины и беспокойства.

— Милостивый лорд, уверяю вас, мне даже в голову не приходило, что мой кузен вмешается в происходящее, да еще и столь эксцентричным образом! Приношу свои глубочайшие извинения. Я бы никогда не стал его приглашать, если бы не...

Киртиан, смотревший, как один из бойцов помогает подняться раненому товарищу, почувствовал, что его здравый смысл вновь уступает натиску гнева. Он стремительно развернулся лицом к кузену и оскалился. Все вокруг словно заволокло красной дымкой.

— Эксцентричным образом? Эксцентричным? По-моему, это как раз здравомыслие — предотвратить такие бессмысленные потери! Что...

— Потери?! — яростно воскликнул второй враждующий лорд, и от его ледяного тона слова примерзли к губам Киртиана. — Потери? Да что ты знаешь о потерях, наглый щенок? Ты, провинциальный придурок, по недосмотру попавший в цивилизованное общество! Да я...

— Мои лорды, я еще раз прошу прощения, — вмешался Аэлмаркин, отчаянно взмахнув руками. — Пожалуйста, сядьте и давайте возобновим бой...

— Возобновим?! Возобновим?! — Киртиана снова захлестнула волна бешенства. Он еще никогда в жизни не бывал настолько разъярен. Его пробрал озноб, потом его бросило в жар, потом опять в озноб, и все вокруг снова затянуло странной пеленой. — Вы что, не слышали, что я сказал? Это безумие не возобновится — во всяком случае, пока я здесь!

— Это можно исправить, — пробормотал кто-то. И тут на плечо Киртиана легла ладонь Джеля. У Киртиана хватило ума не сбрасывать ее, но он уже готов был схватиться за меч и кинуться на присутствующих.

— Не иди на попятный, — негромко произнес Джель, — но возьми себя в руки. Думай, и побыстрее. Если ты не сумеешь выпутаться из этой ситуации, у нас на руках окажутся три распри: с этими лордами и с Аэлмаркином.

Аэлмаркин от бешенства почти потерял способность размышлять. Когда он приглашал к себе этого придурка Киртиана, то надеялся, что щенок допустит какую-нибудь грубую ошибку, которая докажет, что он и вправду такой идиот, как утверждает Аэлмаркин. И он действительно совершил вопиющую глупость, но умудрился выкинуть ее таким образом, что теперь у него, Аэлмаркина, будет не меньше проблем, чем у этого придурка! Как он только умудрился остановить схватку? Откуда у него такая магическая сила?

«В пустыню Киртиана! Сейчас мне нужно спасать свою шкуру!»

Происходящее превратилось в форменное бедствие. Аэлмаркин даже представить себе не мог, насколько упадет его

статус из-за этого прискорбного происшествия. Не исключено даже, что он лишится места в Совете.

— Простите, мои лорды! — умоляюще произнес Аэлмаркин, обращаясь к разъяренным гостям. — Мой юный кузен никогда прежде не видел подобных показательных выступлений...

— Выступлений?!

Аэлмаркин даже моргнул, заслышав, каким тоном говорит Киртиан: несколько мгновений назад его голос дрожал от напряжения, и похоже было, что Киртиан вот-вот окончательно потеряет контроль над собой. Теперь же ярость в голосе осталась, но это была контролируемая ярость, и ее перекрывало тщательно рассчитанное пренебрежение, достойное опытного члена Совета. Аэлмаркин повернулся и обнаружил, что лицо Киртиана превратилось в надменную маску.

Неужто Киртиан и вправду ухитрится вывернуться из этой ситуации?

— Выступлений? — повторил Киртиан. — Это вы так называете эту бессмысленную бойню? — Его губы искривились в презрительной усмешке. — Конечно, если ваше представление о спорте позволяет брать домашних, ручных животных и использовать их в качестве мишеней, тогда, конечно, и это тоже можно назвать показательным выступлением, но я, несомненно, никогда бы не стал давать подобному идиотизму столь почетное название.

Аэлмаркин воспрял духом: он увидел, что оба враждующих лорда напрочь позабыли о нем. Теперь, после столь дерзкого заявления Киртиана, все их возмущение и негодование сосредоточилось на нем.

— Я полагаю, нам не следует ожидать, что вы ответите на подобную вопиющую нелепость чем-либо наподобие вызова? — спросил лорд Мартиэн. Его голос сочился сарказмом.

— Конечно, нет! — отозвался Киртиан, отвечая на сарказм высокомерием. — Потому что ваши бойцы в подметки не годятся моим. Вы проиграете еще до начала боя. Потому-то я и назвал все это бессмыслицей. Последний из моих бойцов, и тот имеет четырехлетний опыт боев, а у лучшего из ваших хорошо если год наберется. Да и то вряд ли: что-то мне не верится, чтобы ваши люди жили так долго.

Подобная заносчивость ошеломила даже надменных эльфийских лордов. Лорд Виварна уставился на Аэлмаркина, словно проверяя, что́ тот скажет по поводу столь поразительного утверждения. Аэлмаркин едва заметно пожал плечами.

— И ты, наглый щенок, думаешь, что мы примем этот блеф за чистую монету? — возмущенно спросил лорд Виварна.

К изумлению присутствующих, Киртиан рассмеялся, — правда, смех получился безрадостным.

— Для вас было бы разумнее так и сделать, поскольку это не блеф, — отозвался он. — Вспомните-ка то, что вы уже знаете обо мне и моем... хобби. Вспомните, что я по большей части только тем и занимаюсь, что тренирую своих бойцов и обучаю их всем мыслимым стилям и способам боя и что я никогда никому не продавал ни одного бойца ни за какие деньги. Вспомните, что я занимаюсь этим ежедневно, вот уже десять лет, лично и всесторонне наблюдая за подготовкой бойцов. А вы что делаете? Доверяете обучение и подготовку ваших гладиаторов кому-то другому, оставляете их без присмотра, а потом истребляете лучших своих бойцов в этих бессмысленных так называемых показательных выступлениях. А как вы поощряете тех, кому вместе с проведением тренировок вверяете свой успех или неудачу? Какой у них есть стимул стремиться к успеху любой ценой? И сколько ваших гладиаторов погибает или калечится в ходе тренировок? И, кстати, раз уж речь зашла об этом: как вы поощряете своих гладиаторов? Наверняка самые умные и способные из них исхитряются в первые же недели ваших так называемых тренировок получить какое-нибудь не слишком серьезное увечье! Я вообще подозреваю, что самые смышленые, те, из кого получились бы самые лучшие бойцы, всегда стараются покалечиться на тренировках — чтобы не умереть во время одного из ваших так называемых показательных выступлений!

Киртиан таки добился своего: заданный им вопрос повис в воздухе, и Аэлмаркин заметил, что на лицах враждующих лордов появилось настороженное выражение.

— Очевидно, у тебя имеется идея получше? — пророкотал чей-то новый голос.

Аэлмаркин и Киртиан одновременно развернулись к новому участнику разговора; ранее он незаметно сидел среди свиты своего сына, а теперь поднялся с места. Аэлмаркин изумленно уставился на него; он не заметил, что лорд Лайон тоже явился сюда вместе со своим сыном Гилмором...

«Проклятье! Он был здесь все это время или прибыл перед самым боем? Вдруг он оскорбится, что я его не заметил? Что еще стрясется за сегодня?»

Мысли Аэлмаркина заметались, словно перепуганные рабы, пытающиеся убрать невесть откуда возникшую кучу мусора. В'кель Лайон лорд Киндрет — глава Великого Дома Киндретов — стоял, завернувшись в алый плащ, расшитый изображениями распластавшегося в прыжке оленя, и скрестив руки на груди. Аэлмаркина пробрала дрожь: Киндрет был одним из самых могущественных членов Совета. Голос лорда Лайона в Совете стоил трех других голосов. А если еще вспомнить, сколько у него союзников... скольких он может вознести или ниспровергнуть одним лишь словом...

Аэлмаркин затаил дыхание. Возможно, через несколько мгновений все его молитвы сбудутся. Если Киртиан достаточно сильно оскорбил лорда Лайона... если лорд Лайон решит, что Киртиан действительно безумен и не отвечает за свои действия, как утверждал Аэлмаркин...

Тогда, возможно, еще до исхода дня, Аэлмаркин сможет отдать своим рабам приказ о переезде в новое поместье.

Киртиан посмотрел на лорда Лайона, на этот истинный символ могущества, так, словно перед ним был не то младший сын какого-то семейства, не то чей-то прихлебатель.

— Да, — просто произнес Киртиан. — Имеется. И я готов продемонстрировать ее, здесь и сейчас, перед всеми присутствующими.

Глава 6

— Это В'кель Лайон лорд Киндрет! — прошипел Джель на ухо Киртиану. Тот знаком показал «я понял», не отводя при этом взгляда от высокого, крепко сбитого знатного лорда. Это имя было хорошо известно Киртиану, и полуоформившийся план, пришедший ему в голову в этой отчаянной ситуации, вдруг приобрел новое значение. Если ему удастся убедить лорда Лайона пользоваться его методами, причем не только для тренировок, но и для судебных поединков, сколько же жизней удастся спасти! Если лорд Лайон того пожелает, и тренировки, и поединки повсюду будут проводиться по методу Киртиана.

И потому Киртиан принялся блефовать напропалую.

— На самом деле, — продолжал Киртиан столь невозмутимо, словно говорил чистейшую правду, — я явился сюда в надежде прекратить подобную чушь.

— Неужели? — Похоже, слова Киртиана позабавили лорда Лайона; это было неплохим предзнаменованием. — И каким же образом? Надеюсь, это будет наглядная демонстрация, а не какое-нибудь представление посредством иллюзий?

— Выставьте против моего телохранителя любого бойца по вашему выбору, — храбро заявил Киртиан. — Они будут пользоваться моими методами боя. Они будут биться насмерть, но ни один из них не пострадает. Вы можете использовать лучшего из ваших людей — самого ценного. С ним ничего не произойдет, и вы не лишитесь его услуг.

— В самом деле?

Лорд Лайон посмотрел сперва в одну сторону, затем в другую.

— Виварна, Мартиэн, если я предложу использовать в этой схватке моего телохранителя, согласитесь ли вы счесть результаты этой дуэли решением вашего спора — вместо использования ваших собственных гладиаторов?

Лорд с белым единорогом насупился. Лорд с синим змеем ответил первым:

— А как мы будем решать, кто из бойцов кого представляет?

— Бросьте жребий, — небрежно произнес Лайон. — Я знаю, что моему человеку мало равных, но, думаю, человек лорда Киртиана тоже достаточно опытен.

Он снова повернулся к Киртиану.

— Я, в принципе, согласен, что это — напрасная трата ценных ресурсов. Обучение стоит дорого, а когда бойца убивают — или когда он удирает, чтобы присоединиться к этим изменникам волшебникам, — все расходы идут насмарку. Конечно, до начала нынешних неприятностей никаких волшебников, к которым удирают люди, не было, как не было и необходимости выводить на бой целые армии, но сложившаяся ситуация требует некоторого изменения обычаев. На самом деле, некоторые члены Совета уже в открытую поговаривают, что, возможно, разумно бы было запретить вызовы, чтобы предотвратить бесполезное уничтожение обученных бойцов.

По губам его скользнула легкая улыбка.

— Некоторые даже предлагают, чтобы спорщики, если они не хотят или не могут улаживать разногласия при помощи магической дуэли, сами брались за мечи.

Эти слова вызвали приглушенный гул среди зрителей и несколько сдавленных возгласов изумления. А лорды Виварна и Мартиэн даже не стали скрывать охватившего их смятения.

Лорд Лайон устремил взгляд на Киртиана. В этом взгляде сквозил некий сардонический интерес. Киртиан вздернул подбородок и напомнил себе, что его род не уступает древностью и знатностью Дому Киндрет.

— Вот и я говорю: не лучше ли будет, если вы сможете проводить поединки, не теряя ни одного бойца и не проливая ни единой капли крови? — решительно вопросил он. — Возможно, ваши гладиаторы прекратят убегать, если увидят, что им не грозит опасность погибнуть в бессмысленной схватке. И я думаю, столь мудрому и многоопытному лорду, как вы, нет надобности указывать, что подобный способ тренировок поможет нам создать такие войска, каких врагу никогда не подготовить. Подумайте, каких бойцов вы сможете выставить, когда сможете получать потомство от самых лучших из них, а потом давать им настоящую боевую подготовку, чтобы они могли учиться на собственных ошибках!

— Бескровные бои? А какое в них удовольствие? — пробормотал кто-то за спиной у Киртиана.

Киртиан пропустил это замечание мимо ушей, равно как и постепенно усиливающееся ворчание зрителей. Ему удалось завладеть вниманием лорда Лайона, и он не собирался упускать его.

— Я прекрасно понимаю, что в прошлом мое увлечение многим казалось эксцентричным, — продолжал он, — но именно благодаря этому увлечению я узнал по меньшей мере одну из тайн, утраченных после того, как мы покинули Эвелон и пришли сюда сквозь Врата. Теперь мне известно, как Предки проводили свои дуэли чести и тренировки — как они обучались бою: не пользуясь тупым оружием, не останавливая удар, и все же не проливая крови. Неужто вам никогда не приходило в голову, что у них должен был быть какой-то способ учиться биться на мечах, не калечась при этом? В конце концов, они, в отличие от нас, — при этих словах Киртиан обвел презрительным взглядом сидящих вокруг молодых лордов, — они сражались на дуэлях сами, а не выставляли кого-то вместо себя. Их методами я и пользуюсь для обучения моих бойцов. Более того: каждый человек в моем поместье, кому только позволяет здоровье, изучает основы боевых искусств на тот случай, чтобы они могли оборонять поместье до того момента, когда на помощь подойдут настоящие бойцы.

Киртиан не стал уточнять, от какого такого врага намерены обороняться его люди — он понадеялся, что лорд Лайон предположит, будто речь идет о волшебниках или диких людях, а не об армии под руководством кого-нибудь из лордов. Теперь с лица лорда Лайона исчезла последняя тень недоверия, и на нем читался лишь живейший интерес. А если хоть кто-то из присутствующих прикидывал, не захватить ли владения Киртиана силой, теперь у них появится повод серьезно призадуматься.

— Если все это правда... — Лорд Лайон повернулся к молчаливому огненноволосому человеку в черной одежде, стоявшему у него за спиной, подобно тени. — Каэт, спустись на арену и подбери себе доспехи и оружие. Я желаю посмотреть на это в деле.

Человек отсалютовал лорду Лайону и спрыгнул на арену. На гладиаторов он просто не обратил ни малейшего внимания, словно это были не люди, а статуи. Киртиан поймал взгляд Джеля и кивнул. Джель последовал примеру Каэта.

— Я полагаю, мой лорд, вы не пожалеете о потраченном времени, — уверенно произнес Киртиан, потом повернулся к враждующим лордам. — Мои лорды, не угодно ли вам выбрать, кто из бойцов кого будет представлять?

Те, поворчав, сошлись на том, что Джель выступает за лорда Мартиэна, а Каэт — за лорда Виварну. Поскольку было ясно, что кровавое представление, которого все ожидали, не состоится, свита обоих лордов как-то незаметно испарилась; при лордах остались лишь люди-телохранители да парочка рабов.

Что касается гостей Аэлмаркина, то те тоже поисчезали — вероятно, вернулись в главный зал, к еде, напиткам и прочим удовольствиям, которые на время забросили ради схватки гладиаторов. У арены остались лишь Аэлмаркин, лорд Лайон с каким-то молодым эр-лордом — вероятно, с сыном, — парочка молодых лордов — похоже, друзья сына Лайона — и сам Киртиан. Оставшиеся расселись по своим местам и с разной степенью нетерпения принялись ждать, что же будет дальше.

Джель был опытным бойцом и быстро подобрал себе подходящий доспех; но и рыжеволосый телохранитель лорда Лайона тоже явно не был новичком в этом деле. Они вышли из ворот одновременно, потратив на подготовку поразительно мало времени. Джель, должно быть, посоветовал Каэту не возиться с оружием, поскольку оба были без него. Каэт посмотрел на своего господина. Тот кивком указал на лорда Виварну. Каэт тут же подобрал один из расставленных вдоль края арены щитов с лазурным змеем, а Джель взял щит с белым единорогом.

— Мы договорились драться на равном оружии, господин, меч—щит, — сообщил Джель таким подобострастным голосом, что Киртиан с трудом его узнал. Киртиан подавил нервный смех и кивнул.

Потом Киртиан устремил взгляд на песок у ног Джеля, сосредоточился и принялся вытягивать из себя капли силы, вплетая ее в структуру двух особых мечей.

Киртиану столько раз приходилось создавать подобное оружие, что теперь, когда ему нужна была всего пара клинков, это не потребовало почти никаких усилий. Воздух на миг затуманился, потом замерцал, потом Киртиан ощутил тонкий ручеек истекающей силы — и вот на песке уже лежат два меча. Киртиан поднял голову и увидел, что Аэлмаркин внимательно наблюдает за ним с самым сосредоточенным видом.

«Интересно, может ли он понять, что именно я делаю? Хватит ли его таланта, чтобы разобраться в тонкостях — заклинание-то довольно специфическое?»

Джель жестом указал на совершенно одинаковые мечи, давая Каэту возможность выбирать первому.

Телохранитель подобрал тот меч, что лежал ближе к нему, взмахнул им пару раз для пробы, потом несильно ударил по своему щиту. Щит, как ему и полагалось, зазвенел, и Каэт удовлетворенно кивнул.

— По ощущениям — обычный меч, лорд Лайон, — доложил Каэт, повернувшись к трибуне. Он немного щурился из-за яркого освещения. — Разве что чуть лучше отбалансирован.

— Эти мечи во всем подобны обычному боевому оружию, — заверил Киртиан немногих оставшихся зрителей. Но обращался он в основном к лорду Лайону. — За одним-единственным исключением. Они не причиняют никакого физического вреда. Джель, будь так добр, предоставь своему противнику цель для удара.

Джель с усмешкой вытянул вперед правую руку. Он знал, что на время демонстрации Киртиан отключит шоковое воздействие.

— Каэт, пожалуйста, ударь Джеля и отруби ему руку.

Раб лорда Лайона не колебался ни мгновения: он размахнулся и с силой ударил по руке Джеля. Лорд Лайон даже подался вперед, так его все это заинтересовало. Клинок прошел сквозь руку Джеля, оставив светящуюся полосу. Половина тела Джеля засветилась.

— Раны причиняют легкий шок, чтобы сообщить «раненому» о своем появлении, а клинок оставляет отметины, которые видны и самому сражающемуся, и всем судьям, — пояснил Киртиан. — Ничего более с пропустившим удар бойцом не происходит, но зато так можно считать очки и учитывать реалии битвы. Например, чем дольше Джель простоит так, тем сильнее он будет светиться, показывая, насколько потеря крови от серьезного ранения приближает его к смерти. Если бы он получил легкую рану, дело ограничилось бы отметиной и легким шоком. А так, согласно нашим правилам, через некоторое время он засветится целиком и вынужден будет уйти с поля боя.

— А если бы рана была смертельной, он сразу засветился бы целиком? — уточнил лорд Лайон.

— Совершенно верно. И шок тогда был бы сильнее — такой, что не заметить его невозможно, — отозвался Киртиан. Он позволил себе улыбнуться. — Мы принимаем в расчет тот факт, что в горячке боя люди забывают обо всем. Шок позволяет привлечь их внимание к ране.

Киртиан мысленным усилием погасил свечение. Джель переступил с ноги на ногу.

Лорд Лайон задумчиво кивнул. Даже на лицах Виварны и Мартиэна появился некий интерес.

— Я уверен, что здесь имеется множество других подробностей. И я непременно попозже расспрошу вас об этом, — помолчав, сказал лорд Лайон. — Ну а пока что... почему бы нам не перейти наконец к судебному поединку и практической демонстрации?

Киртиан заметил недвусмысленно недружелюбный взгляд Аэлмаркина. Это длилось лишь мгновение, но благодаря этому Киртиан вспомнил, что находится во владениях своего кузена и что он уже успел изрядно насолить этому самому кузену.

Но, возможно, это еще можно как-то поправить, — ну или хотя бы постараться. «Никогда никого не делай врагом, если без этого можно обойтись, — напомнил себе Киртиан, — и никогда не давай врагу лишнего повода выступить против тебя».

— Кузен, — сказал он, указывая на арену. — Тебе, как хозяину, принадлежит честь объявить о начале поединка.

На миг на лице Аэлмаркина промелькнуло изумление, тут же сменившееся подозрительностью; но все-таки он поднялся со своего места и поклонился лордам, ради которых и устраивался поединок.

— Лорд Мартиэн, лорд Виварна, согласны ли вы считать исход этого поединка решением вашего спора?

— Да, — отозвались оба, ворчливо, но без особых колебаний.

— Будьте же свидетелями, — нараспев произнес Аэлмаркин.

— Свидетельствуем, — хором отозвались Киртиан, лорд Лайон, его сын и парочка прихлебателей. Число свидетелей уменьшилось, но традиция это допускала.

— Отлично, — сказал Аэлмаркин. Джель и Каэт тут же впились взглядами друг в друга и приняли одинаковые стойки. — Начинайте!

Сам же Аэлмаркин уселся и скрестил руки на груди. Киртиан подался вперед, предвкушая редкостное зрелище.

На этот раз не было ни опрометчивых, с места в карьер, атак, ни лязга оружия, — для этого бойцы были слишком опытными. Противники кружили по арене, прощупывая друг друга и нанося обманные удары. Джель и Каэт друг друга стоили, и хотя Аэлмаркин откинулся на спинку кресла и напустил на себя скучающий вид, лорд Лайон и оба соперничающих лорда вскорости уже сидели на самых краешках кресел. Они безошибочно распознали уровень мастерства этих бойцов. Киртиан, любовавшийся мощными и по-кошачьи изящными движениями Джеля, почувствовал прилив гордости. Не приходилось сомневаться, что Каэт — превосходно обученный и, вероятно, очень дорогой раб. Но видно было, что он воспринимает Джеля как равного.

Первый обмен ударами произошел внезапно. Каэт решил, что он нашел слабое место, и ринулся вперед. Джель успешно отражал вихрь ударов — лишь слышался звон меча о щит, — а когда Каэт отскочил, оказалось, что у обоих противников появились небольшие светящиеся отметины, у Каэта — на правой руке, а у Джеля — поперек лба.

Джель, привычный к правилам игры, поступил неожиданно для Каэта: он отбежал назад, сорвал с шеи платок и быстро повязал им лоб. Киртиан рискнул взглянуть на лорда Лайона. Тот на мгновение озадаченно нахмурился, но сразу же кивнул и улыбнулся.

«Прекрасно! Он понял, что если бы Джель не перевязал кровь, свечение начало бы стекать ему на глаза и мешать смотреть, — в точности как кровь. Он начинает понимать, насколько сложны магические правила такого боя».

И Киртиан принялся самозабвенно наблюдать за схваткой — благо уж кто-кто, а он мог оценить и изящество, и умение противников. Он заметил, что Каэт улыбается, — равно как и Джель. Очевидно, Каэту нечасто встречался достойный противник, и теперь, когда им не грозили увечья или смерть, он полностью отдался упоению боем. С каждым обменом ударами у кого-нибудь из противников — а то и у обоих сразу — появлялась отметина, но все «раны» были несерьезными царапинами. К тому моменту, как бойцы приобрели по полудюжине отметин, лорд Мартиэн и лорд Виварна уже вскочили на ноги и принялись воплями подбадривать своих представителей — им давненько уже не случалось так бурно реагировать на ход поединка. Да и Киртиан сидел, стиснув кулаки, а сердце у него так билось, словно хотело вырваться из груди. Схватка была великолепна, и Киртиан даже не мог бы сейчас сказать, за кого он болеет.

Киртиан заметил изъян в технике Каэта: боец лорда Лайона стремился не принять удар на щит, а отбить его щитом. Да, правда, так левой руке меньше доставалось, но в результате он на миг оказывался открыт, и противник мог, парируя, продолжить удар и зайти за щит или сделать финт, а потом ударить прямо в грудь. Если уж он это заметил, то Джель...

Джель скользул влево, словно в танце, снова ударил по щиту... Нет, это был не удар, а финт! И теперь выпад шел прямо в незащищенное горло Каэта!

Но Каэт ждал этого удара! Изъян оказался ловушкой — Каэт проверял, клюнет ли Джель на эту приманку! Каэт увернулся от удара, пропустив его над плечом так, что клинок Джеля не причинил ему ни малейшего вреда, и ударил Джеля в живот.

Джель резко остановился и засветился ярким светом. Повинуясь правилам (и собственному артистическому чутью), он пошатнулся и «мертвым» рухнул на песок.

Лорд Лайон вскочил и с жаром зааплодировал. Каэт отсалютовал хозяину, потом — лорду Виварне, который тоже вскочил и радостно завопил. То же самое сделал и Киртиан...

...и, как ни странно, лорд Мартиэн.

— Клянусь кровью Предков, Лайон, я уже много десятилетий не видел такого боя! — воскликнул лорд Мартиэн. Киртиан уничтожил оружие, а Каэт протянул руку Джелю, помогая тому подняться. — За такое зрелище не жалко и проиграть!

Мартиэн на миг повернулся к арене и изящно махнул рукой Джелю.

— Отлично сработано, парень! Лучшего поборника я не мог бы и желать!

И он, чуть ли не сияя, удалился во главе своей поредевшей свиты.

Каэт и Джель удалились с арены, а лорд Виварна направился к лорду Лайону. Тот все еще стоял, захваченный эйфорией. Немного поколебавшись, Киртиан присоединился к ним.

Подойдя туда, Киртиан обнаружил, что лорды увлеченно обсуждают детали схватки. Но, заметив приближение Киртиана, лорд Лайон смолк.

— Ну что ж, наглый щенок, ты оказался прав, а я ошибался, — со смехом воскликнул лорд Виварна. И впервые с момента прибытия он посмотрел на Киртиана по-дружески. — Предки! Старый дурень Мартиэн впервые в жизни оказался совершенно прав: не жалко и проиграть, лишь бы полюбоваться на такое представление! И я бы это повторил, даже если бы сам был проигравшим!

Он покачал головой. Теперь, когда они оказались рядом, Киртиан понял, что Виварна куда старше, чем ему сперва показалось. По облику эльфийских лордов трудно было судить о возрасте, но намек на морщинки, притаившиеся в уголках глаз, и заострившиеся сверх обычного кончики ушей указывали, что Виварна старше лорда Лайона. А если лорд Виварна и вправду настолько стар...

«То, значит, я приобрел двух влиятельных союзников. Возможно, враждовавшие лорды не настолько могущественны, как лорд Лайон, но они явно входят в число членов Совета. Все идет даже лучше, чем я смел надеяться!»

— И, я думаю, теперь никому не придет в голову бросать вызов молодому Киртиану, а? — лукаво произнес лорд Лайон. — Если у него так сражается телохранитель, каковы же его обученные бойцы?

Лорд Виварна демонстративно пожал плечами, потом снова рассмеялся.

— Чтоб мне пусто было! Ты, как всегда, прав! Его люди разорвут моих в клочья и даже не запыхаются!

Он с силой хлопнул Киртиана по спине, явно желая проверить, пошатнется ли тот. Киртиан ожидал чего-то в этом духе и успел приготовиться, потому лорд Виварна получил в ответ лишь улыбку.

— Это большая радость для меня, мои лорды, — продемонстрировать вам раскрытую мною тайну, — вежливо ответил Киртиан. — Больше всего на свете я не выношу расточительства. А ведь из-за потерь в реальных схватках бойцы и гладиаторы служат куда меньше, чем могли бы. Разводить людей несложно, но на их обучение уходит масса времени и сил, которые можно было бы употребить с гораздо большей пользой! А кроме того, если мы будем убивать самых сильных и самых умных представителей породы, с чем мы в конце концов останемся? А моя техника боя проста в изучении и еще проще в применении. Всякий, кто способен установить заклинание на ошейнике, способен и создать необходимые для тренировки условия.

Виварна усмехнулся и перевел взгляд на лорда Лайона.

— В таком случае, я думаю, мы вскорости добьемся от Совета постановления об использовании этого метода. Верно ведь, Лайон?

— Думаю, Виварна, ты можешь твердо на это рассчитывать, — отозвался лорд Лайон столь же вежливо, как и Киртиан.

Виварна кашлянул, потом пожал плечами.

— Ну что ж, времена меняются, и только дураки не желают изменяться вместе с ними, — произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я, пожалуй, пойду. Мартиэн пришлет ко мне своих представителей для примирения, и лучше бы мне их встретить, иначе на мне повиснет очередная распря.

И с этими словами лорд Виварна развернулся и удалился вместе со своей свитой. А Киртиан остался стоять рядом с лордом Лайоном.

— Ты или самый умный лорденыш, которого я видел, или самый везучий, — негромко заметил Лайон. — Я думал, что тебе не выбраться из этой ситуации без серьезных потерь.

— Самый везучий, мой лорд, — поспешно отозвался Киртиан, надеясь, что говорит достаточно смиренно. — Конечно, я прибыл сюда, дабы воспользоваться случаем и продемонстрировать свое открытие, но, боюсь, я допустил серьезнейшую ошибку, не совладав со своими чувствами. Я ведь и вправду провинциал, и я впервые присутствовал на судебном поединке. И я от души извиняюсь за свою невоспитанность. Я не хотел никого обидеть.

Он снова повернулся к кузену. Аэлмаркин держался столь приветливо, что это не могло быть ничем иным, кроме как маской. Наверняка он все еще в ярости.

— Кузен, я должен попросить у тебя прощения за то, что без спроса устроил эту демонстрацию в твоих владениях. Но, честно говоря, это был единственный судебный поединок, на кото-

рый меня пригласили, и я побоялся упускать подобный случай. Они ведь на земле не валяются.

На самом деле Киртиан не надеялся, что ему удастся задобрить Аэлмаркина. Но, по крайней мере, видно будет, что он старался.

— Я бы на твоем месте, Аэлмаркин, не стал из-за этого волноваться, — приподняв бровь, сказал лорд Киндрет Аэлмаркину, стоявшему с непроницаемым лицом. — Уверяю тебя, эта небольшая демонстрация лишь улучшит твою репутацию. Если хочешь, я могу даже рассказать всем, что ты сговорился с Киртианом...

— И с какой же целью, мой лорд? — сухо поинтересовался Аэлмаркин.

— О, с самой достойной. Ты осознавал, какие ужасные потери мы понесли в кампании против так называемых молодых лордов. Учитывая возраст и общественное положение двух твоих главных гостей, ты предположил, что я прибуду посмотреть на этот поединок. Конечно же, ты знал, насколько я заинтересован в методах, позволяющих ускорить подготовку рабов-бойцов. — Лорд Лайон улыбнулся и сделался похож на огромного кота, прижавшего добычу когтистой лапой. — И потому ты решил помочь своему юному кузену — а заодно и себе — и предоставить свои владения, дабы он мог продемонстрировать нам плоды своего увлечения. А?

Лицо Аэлмаркина осталось столь же непроницаемым, но эльфийский лорд поклонился:

— Как скажете, мой лорд. Я искренне вам признателен.

— Равно как и я тебе.

Последняя фраза лорда Лайона явно была разрешением удалиться, и Аэлмаркин это понял.

— Прошу прощения, мой лорд, но я должен вернуться к своим гостям. — И Аэлмаркин снова поклонился.

Лорд Лайон отпустил его небрежным жестом, и Аэлмаркин ушел. Его неестественно ровная осанка сулила дальнейшие неприятности Киртиану. Но до них еще надо было дожить; а пока что Киртиану предстояло иметь дело с куда более крупным и опасным хищником. Аэлмаркин в лучшем случае шакал. А вот лорд Киндрет — настоящий лев.

— Позвольте еще раз поблагодарить вас, мой лорд, — совершенно искренне сказал Киртиан.

Лорд Лайон хмыкнул и оглядел Киртиана, словно подозревая, что тот куда умнее, чем кажется.

— Ну что ж, надеюсь, ты не будешь против, если я в ближайшие дни нанесу тебе визит. Я желаю поговорить с тобой о твоих методах обучения — ну и о прочем.

— Я к вашим услугам, лорд Лайон, — отозвался ошеломленный Киртиан. — Я пришлю в Зал Совета печать от портала на ваше имя.

И прежде чем Киртиан сообразил, что тут еще можно сказать, старый лорд отсалютовал ему и направился к выходу. А остатки его свиты потянулись следом.

Глава 7

К тому моменту, как Джель и второй телохранитель вошли в раздевалку, оттуда уже исчезли все следы кровавого происшествия, предшествовавшего их поединку. Даже доспехи унесли. Остались лишь сами гладиаторы в одеждах с гербами соперничавших домов. Они сидели, сбившись в две группы, и старательно поддерживали дистанцию. Теперь, без доспехов и оружия, они показались Джелю вопиюще, до нелепости юными. Это же просто мальчишки какие-то! Завидев Джеля и человека лорда Киндрета, гладиаторы принялись с почтительного расстояния пожирать их глазами. Джель с трудом сдержал улыбку; на мальчишеских лицах читалось неприкрытое восхищение героями. И неудивительно: ведь они не только спасли эту детвору от ран и смерти — они показали такой класс боя, какой ребятне наверняка никогда не доводилось видеть. Джель тихо порадовался, что возвращается к себе в поместье, подальше от этих восхищенных взоров.

Когда Джель, последовав примеру Каэта Джареда, снял доспехи и одежду и зашел в выбранную душевую кабинку — столь уверенно, словно она всегда ему принадлежала, — он даже не рад был возможности вымыться после напряженного боя. От всех этих благоговейных взоров Джелю было как-то не по себе. Он нырнул под теплый водопад, чтобы успокоить мышцы: все-таки ему пришлось драться без подготовки, даже не разогревшись. Интересно, а почему другие бойцы до сих пор не заговорили с ним — или, по крайней мере, с Каэтом Джаредом? Ну ладно, с ним они не знакомы, но ведь Каэта они наверняка знают, хотя бы в лицо. «Ну, языки у них есть, — сказал себе Джель, сунув голову под горячую воду и ощущая, как струйки

текут по шее и спине. — Если они не хотят ими пользоваться, это уже не мое дело».

Каэт Джаред, должно быть, больше Джеля привык к этому странному, почти боязливому отношению со стороны других людей. По крайней мере, он вел себя так, будто никаких гладиаторов тут просто не было.

«Во всяком случае, на первый взгляд».

А вот наметанному глазу Джеля видно было, что Каэт подмечает и анализирует каждое движение окружающих, даже самое незначительное. А это свидетельствовало о навыках не только телохранителя, но и убийцы. Что ж, учитывая положение, которое занимает лорд Киндрет, и нынешние неспокойные времена, в этом есть смысл. И другие высшие лорды, и молодые лорды вполне могли пожелать вернуться к древнему способу устранения препятствий. А кто надежнее защитит от убийцы, чем другой убийца?

Однако же Джель не мог избавиться от подозрений. За всю свою жизнь он видел всего четверых убийц, и одним из них был он сам.

«А ведь раз я догадался насчет его, то и Каэт мог догадаться насчет меня...»

Вторым был учитель Джеля, третьим — учитель его учителя: этакая династия специально обученных людей, охраняющих лорда поместья — так, на всякий случай. Четвертого Джель видел на аукционной площади — но в каталоге продаж ничего не упоминалось о его особых навыках. На миг Джеля одолело искушение — ведь неплохо было бы иметь под рукой еще одного человека, которому в случае чего можно было доверить безопасность лорда, — но все-таки он не стал ничего говорить сенешалю, выискивавшему подходящих подростков, чтобы предоставить им свободу в рамках поместья. Нет, идея определенно была неудачная. Он, Джель, как и его учитель до него, должен сам обучить своего преемника. И кроме того, неизвестно было ни откуда этот человек, ни почему его выставили на продажу.

На мгновение Джель с теплотой вспомнил своего учителя. Хаккон Шор был для него все равно что отец — пускай и не родной. Он возился с Джелем с того самого момента, как у Джеля обнаружились задатки атлета. Это ему Джель был обязан всем своим воинским искусством. У Хаккона не было сыновей — только дочери. Конечно, вполне можно было бы обучить на телохранительниц дочерей, но девочки уродились не в отца: слишком уж они были мягкими и рассеянными, просто совершенно не замечали, что происходит вокруг. И хотя Тирит Шор, отец Хаккона, говорил, что жалеть тут не о чем, Джель знал, какое это разочарование для старика — что у него нет сына, способного встать рядом с лордом...

Одетым Каэт Джаред вовсе не походил на убийцу. Высокий, худощавый, с бледной кожей, темно-рыжими волосами и длинными, изящными пальцами, он не выглядел особенно сильным. А вот если увидеть его обнаженным — или в бою, — становилось ясно, что Каэт куда сильнее и подвижнее, чем кажется. У него не было ни унции лишнего веса, а мышцы были прочными, словно проволока.

Интересно, а остальные заметили необычную бдительность и осторожность Каэта Джареда? Джель подумал и решил, что навряд ли. Они ведь обычные бойцы, их не учили подмечать подобные вещи и делать выводы. Наверное, парни просто потрясены их мастерством — и бескровным завершением схватки.

Возможно, отчасти их благоговейный трепет вызван именно тем, что ни у Каэта, ни у Джеля шрамов нет. При старых методах тренировки двое воинов, встречаясь, определяли уровень искусства противника не по боевым отметинам, а по их отсутствию. Отсутствие шрамов на теле означало, что лорд настолько ценит своего бойца, что готов потратить магию на его исцеление, — либо боец настолько проворен, что ни одному противнику еще не удалось его достать. А у них обоих были лишь незначительные царапины, давно уже затянувшиеся.

Джель высунул голову из-под струи воды и встряхнулся, словно пес. И заметил, что Каэт наблюдает за ним краем глаза. Каэт понял, что его засекли, и неожиданно улыбнулся.

— Такого хорошего боя у меня не было уже давно, дружище, — сказал он, повысив голос, чтобы перекрыть шум воды. — Ты меня удивил.

— Да и ты меня, — не таясь, признался Джель. Окружавшие их безмолвствующие гладиаторы тут же насторожились, ловя каждое слово. — И я честно скажу: если бы ты тренировался по системе лорда Киртиана, ты бы настолько меня превосходил, что мне бы не светило с тобой тягаться.

— Ну, это бабушка надвое сказала, — быстро произнес Каэт, и уязвленное самолюбие Джеля притихло. — Но если я хоть сколько-то знаю лорда Киндрета, он введет у себя эту вашу систему самое позднее через месяц. А если он так поступит, все прочие лорды тут же последуют его примеру — или прослывут провинциалами, отставшими от жизни. С его влиянием он с

легкостью получит у Совета разрешение на внедрение этой системы.

У толпящихся вокруг гладиаторов вырвался единодушный приглушенный вздох. Так вот что их интересовало! Видимо, Каэт об этом знал. Джель посочувствовал гладиаторам: ведь для них эта новость все равно что отмена смертного приговора.

«Да какое «все равно что»? Клянусь Звездами, это и есть самая настоящая отмена смертного приговора! Интересно, сколько их товарищей погибло во время тренировок и сколько — на этих самых судебных поединках ради улаживания хозяйской распри? А теперь им бояться нечего — разве что их погонят вместе с армией старых лордов против волшебников или мятежников».

— Я бы, пожалуй, сказал, что ты прав, — согласился Джель. Он махнул рукой перед водопадом, чтобы тот остановился, потом взял с вешалки полотенце. Тут появился слуга и объявил гладиаторам, что их достопочтенные лорды призывают их для возвращения в поместья. Жестоко разочарованные бойцы потянулись прочь из раздевалки.

Каэт тоже остановил свой каскад взмахом руки, и плеск воды сменился тишиной. Он ухватил полотенце, вытерся, потом обвязал его вокруг пояса, последовав примеру Джеля, и насмешливо улыбнулся сотоварищу.

— Ну наконец-то все убрались! — сказал он.

Джель хмыкнул. У этого человека было весьма примечательное для убийцы чувство юмора, и он нимало не стеснялся его выказывать.

— Мне бы и в голову не пришло, что мои речи могут быть настолько завораживающими.

«Ну конечно же, он здесь случайно. Убийц обычно посылают против ключевых людей в свитах эльфийских лордов, а знать, кто играет роль телохранителя при Киртиане, не мог никто. Или все-таки могли?»

— Ну уж, они в любом случае интереснее их речей. — Каэт кивком указал на дверь. — У этих несчастных болванов только и разговоров, что о боях, еде и бабах. Ты бы сам в этом быстро убедился, если бы у них хватило храбрости заговорить с тобой.

Джель приподнял бровь.

— Ну, они ведь еще молоды, — заметил он, проходя следом за Каэтом в главную комнату.

— И при старой системе они вряд ли успели бы повзрослеть, — откликнулся Каэт, достав свою одежду из шкафчика и

переложив на полированную деревянную лавку. — Сколько лет самому старшему из ваших бойцов?

Джель подумал, прежде чем ответить, а чтобы потянуть время, притворился, будто занят собственной одеждой.

— Ну, если считать бойцов в отставке, которые, в принципе, еще смогут взяться за оружие, если придется оборонять поместье, то самому старшему недавно исполнилось семьдесят восемь.

Каэт, который как раз в этот момент потянулся за брюками, остановился и присвистнул.

— Ничего себе! Я ни разу не видел человека таких лет — а уж о бойце и вообще говорить нечего. Ты хочешь сказать, что твой лорд не усыпляет их, а просто отпускает попастись на травке? Великие Предки, да сколько ж у вас таких отставных бойцов?!

— Да я точно не знаю, — отозвался Джель. Его подозрения вновь подняли голову. «Он задает слишком много вопросов. Он — обученный убийца, это я точно знаю. А вдруг его мишень — Киртиан?»

Это было вполне возможно. Лорд Киндрет мог оказаться покровителем и союзником несносного Аэлмаркина. Возможно, он просто выждет некоторое время, разузнает все о киртиановской системе обучения, а потом уничтожит неудобного кузена Аэлмаркина.

«На самом деле, его вполне могли доставить сюда, чтобы он прямо здесь избавился от Киртиана, — возможно, именно затем Киртиана сюда и пригласили! Раньше ведь такого не бывало! А что, если лорд Киндрет именно поэтому хочет заявиться к нам в поместье: отделаться от Киртиана так, чтобы свидетелей не было, — а может, избавиться заодно и от леди?!»

К этому времени у Джеля открылось второе дыхание, а беспокойство лишь придало ему сил. А ничего не подозревающий Каэт как раз повернулся к нему спиной. Если обученный убийца когда-нибудь бывает уязвимым, то сейчас настал именно такой момент.

И Джель принялся действовать, не медля ни секунды. Он как раз наклонился завязать шнурки — и теперь, не выпрямляясь, перешел в атаку: бросился на Каэта и впечатал его в стену. Каэт крякнул от удара, но прежде чем Джель успел обездвижить убийцу, тот умудрился извернуться. Реакция у него была как у змеи, и он развернулся лицом к Джелю — но тот уже успел схватить его за запястья и притиснуть Каэта коленом. Каэт снова оказался прижат к стене.

«А ноги у него свободны. Если он сумеет провести подсечку...»

Несколько томительно долгих мгновений Джель ждал, что скажет или сделает Каэт, но тот лишь бесстрастно смотрел в его серо-фиолетовые глаза. Руки его были расслаблены, да и вообще ничто в поведении Каэта не указывало на готовность бороться.

«А если это уловка, чтобы я утратил бдительность?..»

— Могу ли я спросить, чем вызваны твои... э-э... весьма неожиданные действия? — в конце концов спокойно произнес Каэт. Он говорил еле слышно, но весьма вежливо, невзирая на обстоятельства.

Джель смерил его пристальным взглядом, но Каэт не опустил глаз.

— Надеюсь, ты не станешь отрицать, что ты — убийца? — так же спокойно отозвался он.

— А! — В бесстрастном взгляде скользнуло понимание. Губы дрогнули в слабой улыбке. — Теперь ясно! Ты решил, что лорд Киндрет нацелил меня на тебя — или, возможно, на твоего хозяина! Успокойся, дружище: насколько мне известно, лорду Киртиану ничего не грозит — если не считать опасности со стороны его завистливого кузена. А тебе вообще ничего не грозит — по крайней мере, с моей стороны.

Голос Каэта звучал совершенно искренне, и Джелю захотелось ему поверить.

— *Но ты не отрицаешь, что ты — убийца...*

Инстинкты Джеля вошли в противоречие с разумом. Инстинкты и чувства твердили, что Каэт говорит правду — а более цинично настроенный разум предупреждал, что это может быть хитростью. И все же он испытывал сильное искушение отпустить этого человека — ну не похожи были его слова на ложь, и все!

— Да вроде незачем, раз ты все равно меня раскусил, — отозвался Каэт с поразительным для подобной ситуации юмором. — Хотя мой собственный лорд далеко не так наблюдателен, как ты, и совершенно не в курсе насчет моей подготовки. Я к нему попал с аукциона, после смерти прежнего хозяина — надо сказать, о нем никто плакать не стал. Как говорится, ставши убийцей, от этой шкуры не откажешься, — но Лайону лорду Киндрету я сказал, что являюсь действующим агентом, но не действующим убийцей. А о самых тайных своих умениях я вообще не стал ему рассказывать.

Хмыкнув, Джель медленно, осторожно убрал ногу и отпустил руки Каэта. Тот так же медленно опустил их, потер запястья, потом повращал кистями, проверяя, как они работают.

— И как же ты умудрился стать недействующим убийцей?

— А ты глянь сам.

Каэт расстегнул ворот туники и поднял голову повыше, чтобы Джель мог хорошо разглядеть его рабский ошейник. На нем красовалась печать — но не лорда Киндрета, а покойного лорда Дирана, о котором, как заметил Каэт, плакать никто не стал.

Загадка начала проясняться.

«Благородный лорд Диран, обучавший своих рабов навыкам, которых лучше не касаться... его поместье было разделено между наследниками, а часть имущества пошла с аукциона. Там-то я и видел еще одного убийцу!»

Подделать такую печать невозможно. Раз Каэт до сих пор носит ошейник Дирана, значит, он перешел к другому хозяину уже после его смерти. В противном случае новый хозяин потребовал бы, чтобы прежний ошейник сняли и заменили его собственным. Джель отступил, предоставляя Каэту чуть большую свободу движений.

— Любопытно.

— Мой возлюбленный бывший хозяин, — сказал Каэт с иронией, не ускользнувшей от внимания Джеля, — был не из тех эльфийских лордов, которые позволяют себе забывать традиции Предков.

— Включая убийство? — ровным тоном поинтересовался Джель.

Каэт кивнул. Он держался с достоинством, и это невольно произвело впечатление на Джеля.

— Включая и его. Меня принялись обучать с самого детства, поскольку я выказал необычайную способность пробираться в различные охраняемые места и ускользать оттуда непойманным. Ты, конечно, можешь мне не верить, но мне никогда не доводилось применять свое искусство против эльфийских лордов...

— Хотя Диран охотно бы на это пошел, если бы думал, что ему удастся выйти сухим из воды, — перебил его Джель. Каэт снова кивнул, но на этот раз вдобавок пожал плечами.

— Может, и так. Но обычно я занимался тем, что добывал для Дирана разнообразные сведения. Так оно обстояло и на момент его кончины. И когда поместье разделили, а рабов от-

правили на аукцион, меня, по незнанию, внесли в список как агента и телохранителя.

И Каэт развел руками.

— И ты, конечно же, не имел ни малейшего желания просвещать покупателей. — Джель не сумел сдержать улыбки. Если эта история правдива, Каэт и вправду чертовски смышленый мужик. «Еще бы он стал им об этом сообщать — ведь тогда лорды скорее уничтожили бы его, чем допустили, чтобы кто-то из них завладел обученным убийцей!» — А удрать тебе, конечно же, не приходило в голову.

— Еще как приходило! — отозвался Каэт. Он уселся на скамейку и жестом предложил Джелю последовать его примеру. — Не беспокойся, нас никто не подслушивает. Если бы за нами хоть как-то следили, сюда бы непременно кто-то вломился, когда ты в меня вцепился. Я обошелся Киндрету в чертову кучу денег, и если кто-то лишит его моих услуг, он примет это близко к сердцу.

«А может, это всего лишь часть плана. Хотя очень уж запутанно и сложно получается. Пожалуй, лучше я доверюсь чутью и поверю Каэту на слово».

— Конечно, я подумывал, не сбежать ли к волшебникам или диким людям, — повторил Каэт. — Но... ну, я разузнал насчет ошейников кое-что новенькое, такое, чего мне знать не полагалось. Только Диран мог подчинить меня при помощи этого ошейника. А теперь, когда он умер, ни один эльфийский лорд ничего мне не сделает посредством ошейника — разве что он сильнее Дирана в магии или хотя бы равен ему. Это, конечно, неплохое основание для побега. Но Диран был сообразительным ублюдком — в точности как о нем говорят. Меня по-прежнему можно выследить благодаря ошейнику. А если я попытаюсь его снять, мне голову оторвет. Это Диран так подстраховался, на тот случай, если меня кто-нибудь захочет подчинить.

Джель скривился. Да, чтоб придумать такое, нужна была очень мощная магия и очень жестокий разум.

— Потому-то я обдумал все это и счел за лучшее притвориться одним из обычных рабов Дирана и вместе с ними отправиться на аукцион, — с небрежной улыбкой подытожил Каэт. — В конце концов, я вполне мог удрать и попозже, если новый хозяин окажется совершенно невыносимым. Я, в общем, в состоянии так спланировать побег, чтобы у меня были неплохие шансы к тому моменту, как мое отсутствие обнаружат, забраться так далеко, что меня будет уже бессмысленно разыскивать. А на момент смерти Дирана я находился в таких обстоятельствах, что не смог бы этого провернуть.

— А что, если Киндрет когда-нибудь узнает от других рабов Дирана... — начал было Джель, но Каэт тут же перебил его, спокойно покачав головой:

— Это вряд ли. Все, кто знал о моей подготовке, уже умерли — по большей части от рук Дирана. — На один лишь краткий миг в голосе Каэта проскользнули нотки горечи, но он тут же взял себя в руки. — Честно говоря, изо всех старых лордов Киндрет — последний, кто станет использовать убийцу. Он достаточно силен, чтобы самому справиться с грязной работой, и достаточно безжалостен, чтобы это доставляло ему удовольствие. Нет, я больше в этих делах не участвую — разве что для самозащиты, если вынудят. А так, в целом, я скорее доволен. Киндрет хорошо обращается с ценным имуществом, а обязанности у меня нетрудные — если сравнивать с той работой, которую я выполнял для Дирана.

Джель уловил прозвучавшую в словах Каэта завуалированную угрозу, но предпочел от нее отмахнуться.

— Меня ни капли не колышет, как ты распоряжаешься своими умениями, пока ты не трогаешь лорда Киртиана.

Он не совладал со своими чувствами, и в голосе его проскользнуло яростное стремление защитить молодого лорда.

Каэт медленно сощурился и на миг впился взглядом в глаза Джеля.

— Интересно... — пробормотал он. — Я кой-чего слыхал насчет людей лорда Киртиана...

Он покачал головой, словно так и не пришел ни к какому выводу.

— Мне много чего приходится слышать, как и всем телохранителям. Киндрет в этом ничуть не лучше остальных лордов: он просто не думает, что его рабы могут что-то увидеть или услышать. Надеюсь, ты мне поверишь, если я скажу, что планы лорда Киндрета настолько сложны и рискованны, что вряд ли он когда-нибудь найдет обученного убийцу, которого можно было бы в них посвятить.

— Может, он не станет использовать убийцу против старых лордов и молодежи, не примкнувшей к мятежу, — возразил Джель. — А как насчет мятежников, молодых лордов?

— Не исключено, если среди них выделится лидер, который сумеет объединить мятежников и заставить действовать заодно, — признал Каэт. — Но скорее свиньи полетят, чем это случится. А кроме того, даже если бы он и захотел пойти на крайние меры — сыновья ведь на дороге не валяются. Родня предполагаемых жертв предпочла бы не уничтожать блудных сыновей, а вернуть их в лоно семьи.

Он улыбнулся, но на этот раз в улыбке не было ни капли юмора.

— В конце концов, юнец, которому аккуратно сотрут все мятежные мысли, вполне сможет породить следующего наследника. И все будут счастливы, даже если все остальное время он будет сидеть в углу и пускать слюни.

Эти слова потрясли Джеля. Он слыхал, будто некоторые из старых лордов способны изменять разум и воспоминания других эльфов, но сейчас он впервые получил подтверждение этим слухам, которые втайне считал всего лишь очередным нелепым вымыслом.

Однако он изо всех сил постарался сохранить внешнюю бесстрастность.

— Ну, если посмотреть на дело с этой стороны, ты, пожалуй, прав. Родственники убитого вовсе не проникнутся любовью к Киндрету, если он уничтожит их наследника — как бы они сами ни относились к этому наследнику, пока он был жив. — Джель покачал головой и дал волю отвращению. — Черт, ну и гадюшник! Как ты только в нем живешь?

— Научился. — Теперь Каэт и вправду расслабился. Джель понял, что тот нарочно продемонстрировал свою открытость, и ощутил, что теперь Каэт доверяет ему — насколько он вообще способен кому-то доверять. — В обществе эльфийских лордов политика — это высокое искусство. Иногда мне даже жаль, что никто никогда не узнает, насколько я сам искусен в этом деле.

Джель усмехнулся, и Каэт улыбнулся в ответ — открыто, без притворства.

— Ну, я человек простой, и я тебе честно скажу: я куда лучше смыслю в сражениях, чем в политике.

— Да, это куда чище и пристойнее. — В голосе Каэта звучало такое глубокое сожаление, что оно невольно захлестнуло и Джеля. На миг они оба умолкли, потом Каэт кашлянул. — Ну, ладно... может, пока лорд Киндрет не удивился, чего это я тут так долго сижу, и не послал за мной, может, ты мне что-нибудь

расскажешь насчет этих ваших методов обучения, которые применяет лорд Киртиан?

Джель внимательно всмотрелся в лицо Каэта и пришел к интересному выводу.

«Он это дело одобряет. Конечно, если его хозяин спросит, о чем мы тут говорили, так у Каэта будет что ему скормить. Но он и сам хочет разузнать побольше. Занятно. Мне бы и в голову никогда не пришло, что убийца будет заинтересован в сохранении чужих жизней».

— Он делает при помощи магии что-то такое, что поначалу делать сложно, но большой силы на это не расходуется, — сказал Джель. — Во всяком случае, так он мне говорил. Но я не лорд и подробностей не знаю.

Он задумался на мгновение, пытаясь припомнить, как Киртиан в первый раз создавал эти заклинания.

— Там задействовано два разных вида магии. Одним заклинанием он создает оружие, которое на вид и по весу совсем как настоящее, но по сути это такая иллюзия. А второе он накладывает на бойцов, которые работают с этим оружием, чтобы они правильно реагировали на его воздействие.

— В смысле — ощущали его? — уточнил Каэт. В глазах его читался живейший интерес.

— Ну, примерно так. Больше, наверное, никто из людей в этом не поймет. — Джель облизал губы. — Как бы там ни было, это от второго заклинания я засветился, когда ты меня ударил, и меня встряхнуло. Когда лорд Киртиан проделывал это в первый раз, ему потребовался почти целый день. Он говорит, что постепенно, когда к этому привыкаешь, становится легче. И опять же, по его словам, наложить заклинание на группу людей лишь ненамного сложнее, чем на одного, — он когда-то сказал что-то насчет того, что магия получает дополнительную энергию и сама себя копирует, пока ты ее подпитываешь. — Джель смущенно рассмеялся. — Ну, может, это звучит глупо, но ничего больше я сказать не могу.

— Нет, почему же, это вполне осмысленно, — заверил его Каэт. — Я слыхал от эльфов, что когда они хотят что-нибудь сотворить, — ну, там, дерево или цветок, — они делают первый экземпляр, а потом устраивают так, чтобы он сам себя копировал. Они по этому признаку отличают иллюзию, созданную могущественным лордом, от иллюзии какого-нибудь вассала.

Могущественный лорд никогда не делает копий. В его иллюзиях каждое дерево и каждый цветок неповторимы.

— Но как бы там ни было, лучше я объяснить не смогу. — Джель поколебался немного, потом решил сообщить Каэту еще кое-какие сведения. Если тот их передаст лорду Киндрету, это скорее пойдет на пользу Киртиану, чем во вред. — У Киртиана не меньше бойцов, чем у любого из великих лордов, но я тебе вот что скажу: мы только тем и занимаемся, что тренируемся, и постоянно используем его методы и в обычных повседневных тренировках, и во время сражений. Это профессиональные бойцы. Когда бойцу исполняется сорок лет, его переводят на какую-нибудь необременительную работу, но он при этом продолжает тренироваться. В основном такие отставные бойцы уходят в лучники, но некоторые продолжают упражняться с мечом и копьем и, в общем, сохраняют форму.

— А это означает, что у вас не просто гладиаторы — у вас армия, бойцы, обученные действовать совместно. — Каэт прикусил нижнюю губу. — И у вас есть резерв — эти вот бойцы постарше. Да, любопытно. Нужно быть полным идиотом, чтобы бросить вызов вашему лорду.

Это был не вопрос, а утверждение.

«Отлично! Пускай Киндрет над этим подумает!»

— Именно, — кивнул Джель. — Это все потому, что лорду Киртиану нравится не просто читать о битвах, а проверять, как на самом деле работает та или иная стратегия. И мы довольно часто отрабатываем новые боевые схемы, потому что не теряем в сражении ни единого бойца — ну, не считая каких-нибудь дурацких случайностей. Бывает, конечно, что кто-нибудь оступится и сломает ногу или еще что-нибудь в этом роде.

— Да, чертовски хорошая система, — согласился в конце концов Каэт. — Настолько хорошая, что я невольно задумываюсь: а что с этого выигрывает лорд Киртиан? Ведь обученные бойцы могут и взбунтоваться, если им вдруг чего взбредет в голову.

Джель весело рассмеялся:

— Ну, во-первых, у нас нет никакого настоящего оружия. Вернее, есть, но нам до него не добраться. Оно все лежит в арсенале, а арсенал запечатан Киртианом.

— То есть ему нечего бояться восстания рабов. — Лицо Каэта прояснилось, и он кивнул, словно отвечая на какие-то свои мысли.

— И, конечно, когда люди знают, что их не убьют и не покалечат, они тренируются куда охотнее.

— И ему не надо тратиться на покупку или выращивание пополнения. — Каэт вздохнул с неприкрытым восхищением. — Блестящая стратегия, особенно для того, у кого нет политических союзников. После сегодняшнего никто не посмеет ввязаться в ссору с вашим лордом; теперь он практически застрахован от вызовов. Да, мне бы это и в голову никогда не пришло, если учесть его репутацию.

— Неплохой способ заставить остальных недооценивать его до того самого момента, как он будет готов, а? — лукаво поинтересовался Джель, и Каэт расхохотался.

У Джеля сложилось впечатление, что Каэт Джаред, несмотря на свою зловещую профессию, очень даже славный малый, и это изрядно его удивило. Он всегда считал, что убийцы...

«Что они — мерзавцы. И, подозреваю, большинство из них и есть мерзавцы. Но этот... хм, этого я все-таки зауважал».

Тут кто-то осторожно кашлянул, и это вывело Джеля из раздумья. У дверей стояло двое молодых парней в ливреях Аэлмаркина.

— Ваши лорды... — с дрожью в голосе произнес тот, который стоял ближе.

— Наши лорды желают нас видеть, — договорил за него Каэт и кивнул. Его лицо в одно мгновение вновь превратилось в маску, холодную, отчужденную и непроницаемую. — Да, конечно. Сию минуту.

Джель задержался лишь на мгновение — Каэт повернулся к нему и протянул руку.

— Это было здорово во всех смыслах, — сказал Каэт, и тепло в голосе возместило бесстрастное выражение лица. — Я с радостью встретился бы с тобой еще при сходных обстоятельствах.

Джель охотно пожал протянутую руку.

— Надеюсь, не в последний раз видимся, — так же тепло отозвался он. — Я буду ждать встречи.

И на этом они расстались. Шагая следом за провожатым, Джель задумался: а какие же чувства испытывал Каэт? Он был уверен, что не ошибается — между ними возникла некая связь.

«Наверное, это не дружба. Во всяком случае, пока, — решил Джель, увидев ожидающего его Киртиана. Его затопило облегчение: наконец-то испытание завершилось! — Но восхищение явно присутствует. И ему не хотелось бы убивать меня, как и мне — его. А это уже чего-то стоит!»

Глава 8

Киртиан прошел через портал. Со стороны Аэлмаркина это были позолоченные ворота, украшенные барельефом, такие широкие и высокие, что через них спокойно прошел бы грузовой фургон. А со стороны его поместья это была деревянная дверь, украшенная резьбой, и над притолокой было вырезано навершие — их украшение с верха гербового щита. С того самого момента, как они расстались с лордом Киндретом, Киртиан пребывал в глубокой задумчивости, и Джель не пытался отвлечь его или заговорить с ним.

Осторожность давно стала семейной традицией Прастаранов, и потому их портал был расположен в небольшой комнате с каменными стенами и дверью из закаленной бронзы, с надежным замком — чтобы никакой враг не смог проникнуть через портал в сердце усадьбы. Приглашенных гостей встречал почетный эскорт и выпускал из комнаты — а так в ней просто не могло поместиться более десяти человек за раз. «Ключом», отпирающим дверь, служило присутствие членов семьи или кого-нибудь из доверенных слуг (хоть того же Джеля), на которых был настроен замок. Конечно, в принципе, можно было одолеть эскорт и таким образом открыть дверь комнаты — но ее охраняли круглосуточно, и стражник непременно поднял бы тревогу. Так что вторгнуться в поместье через этот портал было невозможно — во всяком случае, на это надеялись. Киртиан же после изучения тактики слишком хорошо понимал, что умный командир сумеет измыслить способ обойти его меры предосторожности. Его успокаивало лишь то, что большинство эльфийских лордов никак нельзя было назвать умными командирами.

Киртиан расстался с Джелем сразу за дверью комнаты, в которой находился портал; стражники изо всех сил делали вид, будто ничего они и не подслушивают.

— Ну что ж, теперь нам нужно что-то с этим делать, — сказал Киртиан со смесью гордости и досады. — Думаю, такого высокопоставленного члена Совета здесь не бывало со времен деда. Нам надо проследить, чтобы все было готово и все знали, как им следует действовать. Чем скорее мы начнем готовить слуг к визиту лорда Киндрета, тем быстрее мы с этим покончим и тем быстрее все смогут вернуться к нормальной жизни.

— А чем дольше мы будем тянуть, тем выше риск, что лорд Киндрет оскорбится. Ладно, не беспокойся, я этим займусь, — отозвался сержант, махнув рукой. — А ты иди сообщи эту новость леди.

Джель рысцой припустил к учебной площадке, а Киртиан подумал, что во всем, касающемся планирования, сержант опережает его шагов на пять. Впрочем, в одном он был уверен твердо: этот визит не состоится, пока каждый слуга в поместье не затвердит накрепко, как себя ведут рабы, чтобы ничто — ни оскорбления, ни грубое обращение, ни собственная небрежность — не могло сорвать этой маски. Убедительнее всего должны играть слуги, приближенные к Киртиану и его матери. А значит, самых молодых и наименее опытных домашних слуг — хоть того же Линдера — придется на это время заменить другими. Киртиану точно придется это проделать с большинством своих слуг, с теми, которых нужно будет приставить к лорду Киндрету. Но, в конце концов, им необходимо создать видимость обычного эльфийского поместья, и подобная временная перетасовка — невеликая плата.

Всем этим предстоит заниматься Джелю, леди Лидиэли и сенешалю, лорду Тенебринту. И чем скорее последние узнают о том, что им светит, тем лучше. Джель совершенно прав: визит лорда Киндрета нельзя оттягивать надолго, иначе это будет воспринято как оскорбление.

Киндрет притормозил на мгновение, чтобы определить, где сейчас находятся мать и сенешаль; он не мог позволить себе терять драгоценные мгновения, разыскивая их обычным способом. Тихий шепот магии сообщил ему, что оба они, как и обычно в это время дня, находятся в рабочем кабинете Лидиэли — занимаются счетами поместья, составляют планы на ближайшие пару месяцев или решают разнообразные вопросы со слугами. Это как нельзя лучше соответствовало планам Киртиана. Раз они вместе, ему не придется дважды рассказывать о предстоящем визите и о том, чем он вызван.

Кабинет Лидиэли был центром главной усадьбы — в прямом смысле слова. Над замком возвышалось пять башен, четыре по углам и пятая — в середине, и в центральной было на два этажа больше, чем в остальных, то есть всего двенадцать. Благодаря башням замок казался изящным и хрупким, и это впечатление всегда забавляло Киртиана своей обманчивостью: ведь замок строился так, чтобы он мог выдержать долговременную осаду, с расчетом на применение осадных орудий, большая часть которых давно уже перестала существовать. Лидиэль устроила свой рабочий кабинет на самом верху центральной башни, в комнате со стеклянными стенами: в военное время сюда са-

жали бы не меньше четырех наблюдателей. Даже в самую скверную погоду это было укромное и уютное местечко. Башня была одним из немногих мест в поместье, где магия присутствовала не только в виде освещения и парочки декоративных иллюзий. Именно магия, а не технические приспособления, обогревала башню в холода и поддерживала прохладу в жару, и защищала от непогоды. Опять же, именно магия обеспечивала безопасность тех, кто пользовался прозрачной трубой, пронизывающей башню снизу доверху. Киртиан вошел в нее, и небольшая платформа медленно поползла на самый верх. Ни один человек не смог бы самостоятельно воспользоваться этим приспособлением, даже если он владел своей, человеческой разновидностью магии. Благодаря этому Лидиэль могла быть уверена, что никто не помешает ей работать — во всяком случае, не заручившись сперва поддержкой кого-нибудь из эльфов. Лорды этого поместья всегда были доступны для подчиненных, но в этом был свой изъян: краткоживущие люди склонны были приходить к ним со всеми проблемами, какие не удавалось решить с наскока, ибо свято полагали, что столь богатый жизненный опыт наделил их лордов неизмеримой мудростью.

«Будь это правдой, дело никогда бы не дошло до Мятежа Молодых лордов. Старые лорды заблаговременно поняли бы, что к чему, и не позволили молодежи зайти так далеко. Да и вторая Война Волшебников тоже не состоялась бы».

На промежуточных этажах башни не было почти никакой мебели, невзирая на то, что именно эта башня была самой старой частью поместья, и все остальное достраивалось вокруг нее. Круглые комнатки были слишком малы и не подходили ни для чего, кроме кабинетов, а в кабинетах никто, кроме Лидиэли и Тенебринта, не нуждался. Потому мимо Киртиана сейчас одна за другой проплывали круглые, пустые комнаты с алебастровыми белыми стенами, с бойницами вместо окон, пропускавшими внутрь узкие полосы света. Даже сам вид стен был обманчив: на самом деле башня была построена из какого-то гораздо более прочного материала, укрепленного при помощи магии, — теперь ничего такого просто не существовало. Ее возводили в первые пятьдесят лет после переселения с Эвелона, когда эльфы еще не знали, не окажется ли этот мир таким же опасным, как и тот, который они покинули.

Кабинет Тенебринта, расположенный этажом ниже кабинета Лидиэли, был, как и предполагал Киртиан, совершенно пуст. Эти два кабинета почти вдвое превосходили размерами

остальные комнаты этой башни. Здесь стены башни выдавались наружу, придавая ей сходство с подсвечником, увенчанным не то глубокой тарелкой, не то мелкой чашей, а та, в свою очередь, была накрыта круглым, слегка заостренным серебряным блюдом — нависающей крышей, не пробиваемой снарядами. Окна в кабинете Тенебринта были вдвое меньше, чем в кабинете у Лидиэли, но в них — как, впрочем, и во всех прочих окнах этой башни — вместо обычного стекла стоял сверхпрочный материал. Свет, проходя через эти окна, терял часть цвета и яркости, и возникало впечатление, будто кабинет находится под водой.

Теперь Киртиан услышал голоса. Он вплыл в кабинет леди Лидиэли, и лорд Тенебринт поднялся с кресла, чтобы поздороваться с ним. Леди Лидиэль осталась сидеть, но протянула сыну руку и улыбнулась.

Тенебринт был чуть старше отца Киртиана; он пошел в ученики к тогдашнему сенешалю еще при деде Киртиана. Сколько Киртиан себя помнил, Тенебринт всегда был их сенешалем, а заодно и одним из его наставников. Определить его возраст по внешности было невозможно — как и у всех прочих эльфийских лордов, уже перешагнувших определенный возрастной порог, но еще не достигших того момента, когда старость начинает становиться зримой. Высокий, более худой и менее мускулистый, чем леди Лидиэль, с выдающимся подбородком, длинным носом и высокими скулами, с волосами, перехваченными серебряной заколкой, лорд Тенебринт выглядел именно тем, кем и являлся, — кабинетным червем, равно рассудительным и осторожным и в мыслях, и в речах, истинным ученым и мыслителем, предпочитающим побеждать противников при помощи разума, а не грубой силы.

— Насколько я вижу, ты благополучно пережил встречу с молодыми тиграми, — радушно приветствовал он Киртиана. — Прими мои поздравления.

Киртиан вышел из трубы, поцеловал руку матери и уселся в предложенное сенешалем кресло.

— Уверяю вас, это и вправду было ничем не лучше ямы с тиграми — во всяком случае, по ощущениям, — с чувством произнес он. — Просто не представляю, что приятного можно найти в этих так называемых приемах и вечеринках.

— Вообще-то, они не все настолько плохи, как те, которые собирают по случаю судебных поединков, — с оттенком сочувствия заметила леди Лидиэль и пожала плечами. — Некоторые

праздники получаются довольно приятными, особенно те, на которые лорды привозят незамужних дочерей. Такое впечатление, что присутствие женщин заставляет этих молодых тигров втягивать когти и прятать зубы — во всяком случае, настолько, чтобы в обществе дам сойти за цивилизованные существа.

Киртиан прикинул, стоит ли рассказывать матери обо всем в подробностях, и решил, что лучше ей не знать, как он вмешался в судебный поединок. Ведь в конце-то концов его грубая ошибка все равно обернулась к лучшему.

— Ну, я знаю, что вам все равно, кто выиграл, но мы с Джелем сумели одержать небольшую победу, которую вы оба наверняка оцените.

Тенебринт прищурился, а мать приподняла бровь.

— Что, вправду? — поинтересовалась она. — И во что же вы там вляпались?

— Ну, у меня есть хорошие новости и есть чреватые неудобством, — отозвался Киртиан. — Неудобная новость заключается в том, что Лайон лорд Киндрет желает нанести нам визит и задержаться у нас на некоторое время, чтобы изучить мои методы обучения бойцов и проведения боев. А хорошая новость такова: ему этого захотелось потому, что мы уговорили враждующих лордов решить свои разногласия путем поединка по моим правилам. Дрались Джель и человек лорда Киндрета. На Лайона этот бой произвел сильное впечатление, и он не просто захотел узнать, как создаются подобные заклинания, но и заявил в присутствии прочих лордов, что намерен впредь именно таким образом обучать своих бойцов и улаживать спорные моменты. Посмотрев на бескровную схватку, он заявил, что согласен со мной и что прежние методы чересчур расточительны.

По мере того как Киртиан говорил, лица Лидиэли и Тенебринта делались все более и более удивленными, глаза округлялись, а рты слегка приоткрывались. И когда Киртиан с довольной улыбкой откинулся на спинку кресла, Тенебринт не выдержал первым.

— Клянусь Предками, мальчик, это не просто хорошие новости — это великолепные новости! Ты понимаешь, что это значит для людей, проживающих за пределами нашего поместья? — Тенебринт взмахнул рукой, указывая куда-то за окно.

— Точнее, для большей их части, — мягко перебила его леди Лидиэль. — Увы, среди наших соплеменников есть и те, кто слишком жесток и кровожаден, чтобы удовольствоваться бес-

кровными боями. Они по-прежнему будут понапрасну губить гладиаторов. Даже Лайону не под силу провести через Совет закон, запрещающий лордам убивать собственных рабов. Это было бы ударом по самой сути власти эльфийских лордов: они ведь уверены, что имеют полное право властвовать над людьми, которых они считают обычными животными и своим имуществом.

Киртиан кивнул, соглашаясь с ее словами. Леди Лидиэль улыбнулась.

— И тем не менее Тенебринт прав. Большинство эльфийских лордов придут в восторг, увидев, что теперь можно улаживать спорные вопросы при помощи бескровных поединков. Покупка и разведение породистых бойцов — дорогое удовольствие. Уже на обучение и содержание гладиаторов приходится тратить довольно много; но мало этого — это дорогое имущество зачастую портят еще во время тренировок. А потом их уничтожают ради улаживания дурацких мелких споров. И лордам, если они желают поддерживать свое положение в обществе, приходится обучать все новых и новых гладиаторов.

Тенебринт кивнул.

— Из-за этого меньшие лорды уже два поколения ропщут, не скрывая недовольства великими лордами. Ведь мало кто из них достаточно богат, чтобы разбрасываться рабами, не считаясь с расходами. Если лорд Лайон и вправду введет твой метод в употребление, все меньшие лорды встанут на его сторону — и, что почти так же важно, его отношения с великими лордами от этого не испортятся. В общем, куда ни глянь, он везде в выигрыше.

Лидиэль погладила сына по руке.

— Я так рада, что даже не буду у тебя спрашивать, какую же заварушку ты учинил, чтобы добиться столь примечательных результатов.

— Мама! — воскликнул Киртиан, надеясь, что его голос звучит не слишком виновато.

— Но в уплату за этот успех мы должны в ближайшем будущем принять у себя лорда Киндрета, верно? — вмешался сенешаль. — Ты договорился с ним о дате визита?

— Нет. Я просто сказал, что пришлю ему ключ от портала, когда буду готов принять его. Я пытался создать впечатление, что, поскольку поместье у нас маленькое и уединенное и гости у нас бывают редко, нам нужно некоторое время, чтобы приготовиться к приему столь важного гостя. Насколько я мог ви-

деть, Киндрета это объяснение устроило. Но я его сюда не пущу, пока все до единого не будут готовы к этому визиту! А для этого вам с Джелем надо подготовить слуг, чтобы мы могли прикинуться обычным эльфийским поместьем, — сказал Киртиан. — Нетерпения Киндрет не проявил и вроде бы не оскорбился, что я не пригласил его явиться немедленно.

— Несомненно, у него достаточно собственных дел, и ему нужно о них позаботиться, прежде чем нанести кому-то официальный визит, — пробормотал сенешаль, отвечая на какие-то свои мысли.

— Скорее уж ему понадобилось время, чтобы разобраться, кто нам союзник и кто враг, начиная с момента нашего переселения из Эвелона, — ядовито возразила Лидиэль. — Лорд его ранга не может позволить себе обзаводиться союзником, отягченным излишним количеством смертельных врагов.

— Ну, насколько мне известно, у нас всего один враг — Аэлмаркин... — протянул Киртиан и вопросительно взглянул на мать.

— Точнее говоря, Аэлмаркин — наш единственный враг, открыто выступающий против нас. Но существует некоторая возможность, что его союзники захотят его поддержать, — твердо произнесла мать. — Хотя после того, как они увидят, что на нашу сторону встал Киндрет — пускай и ненадолго, — они вряд ли посмеют встать на сторону Аэлмаркина, против нас. Слава Предкам, что мы никогда не ввязывались в политику и не поддерживали никого из родни в этих дрязгах! Мы чисты, как стеклышко — во всяком случае, в тех вопросах, которые могут заинтересовать лорда Киндрета. Так что у нас теперь одна забота: несколько дней правдоподобно притворяться.

— Я... я вовсе не собирался просить лорда Лайона ни о чем таком, мама, — нерешительно произнес Киртиан. — И я не хочу, чтобы казалось, будто я думаю, что оказываю Киндрету большую услугу, обучив его моему методу. Мне хочется, чтобы казалось, что я хотел предложить свой метод всем, что я считаю это долгом перед всеми эльфийскими лордами. Я хочу, чтобы лорд Киндрет счел меня серьезным юношей, безоговорочно преданным делу благополучия своего народа. И это чистая правда. Только вот народ не тот, о котором он думает. — Киртиан улыбнулся. — И нам совершенно незачем просвещать его в этом вопросе.

— Совершенно верно. Обычный выскочка, стремящийся улучшить свое положение в обществе, поступил бы как раз наоборот, — заверила его мать. — Если ты будешь поступать вопреки его представлениям, то застанешь его врасплох, и он не будет знать, что же о нас думать. В лучшем случае он может решить, что мы стоим того, чтобы сделать нас постоянными союзниками. В худшем он предположит, что мы настолько провинциальны, настолько погрязли в собственных делах и этих наших странных идеях касательно верности и долга, что ни для кого не представляем угрозы. Если Киндрет станет нам покровительствовать, мы будем в безопасности. А у него появятся причины защищать нас от происков Аэлмаркина.

— Я бы, со своей стороны, сказал, что это лучшее, что он может сделать, — с облегчением произнес Киртиан. — И вы это одобряете — я верно вас понял?

— Совершенно верно, — отозвалась леди Лидиэль. Тенебринт просто кивнул.

Киртиан улыбнулся при мысли о том, что его первая вылазка в опасный мир великих лордов и политики прошла настолько успешно.

«Только вот сначала я чуть не навлек на нас истинное бедствие, — напомнил он себе. — Так что сейчас не время заноситься».

Он попрощался с матерью и сенешалем и вошел в трубу; та удерживала Киртиана на месте, пока под ноги ему не подплыла платформа. Добравшись до первого этажа, Киртиан тут же отправился в Западную башню; все ее пять этажей занимала огромная библиотека.

Он вознамерился самостоятельно произвести небольшое генеалогическое исследование, прежде чем строить дальнейшие планы.

В доме каждого эльфийского лорда, и великого, и малого, обязательно хранилась Великая Книга Предков. Записи в ней вела леди клана или специальный секретарь под ее личным наблюдением. Обо всех смертях, рождениях и свадьбах сообщалось в Совет, а тот немедленно пересылал эти известия во все поместья, вплоть до самых маленьких и незначительных. Ни один брак и ни один союз не заключался без предварительной консультации с Великой книгой, уходящей к первым дням переселения из Эвелона.

Киртиан уселся за стол, на котором на наклонной подставке стояла Великая Книга, и пододвинул ее поближе. Киртиан открыл книгу на первой странице, где были записаны имена всех смельчаков, осмелившихся пройти через Врата из Эвелона, —

он всегда начинал с первой страницы, ибо питал глубокий интерес к тем временам. Добрая половина этих смельчаков поумирала через считаные дни — или недели — после Перехода. Одни умерли, истощив свои силы при Переходе, другие скончались от ран, полученных еще до Перехода, в Эвелоне. В нынешние времена мало кто осознавал, что Переход осуществили те, кто проиграл войну, расколовшую эльфийский народ надвое и вынудившую одну половину выступить против второй. Да и сам Переход был не отважным героическим шагом первопроходцев, устремившихся на завоевание нового мира, а отчаянной попыткой побежденных избежать плена. И те, кто стоял сейчас у кормила власти, предпочитали предать этот факт забвению и погрести его поглубже в прошлом.

Из тех, кто все-таки уцелел после Перехода, до нынешних дней не дожил никто. Эльфийские лорды живут долго — если их жизнь не прервется из-за несчастного случая, болезни, врожденных пороков или убийства, они способны прожить четыре-пять столетий. Но все же они не бессмертны. Прадед Киртиана по отцовской линии был одним из патриархов, как и прадед Лайона лорда Киндрета (впрочем, о последнем Киртиан узнал лишь сейчас). Большинство же ныне живущих эльфийских лордов были еще более отдаленными потомками тех, кто первыми явился в новый мир.

Киртиан перевернул страницу и принялся изучать родословную матери. «Странно, — подумал он, подметив деталь, никогда прежде не привлекавшую его внимания, — с самых времен переселения из Эвелона у всех женщин из их рода рождались только девочки. Я — их первый потомок мужского рода...»

— Именно поэтому никто особо не возражал против моего брака с твоим отцом, — сказала у него из-за плеча Лидиэль, как будто она обладала людским даром читать мысли. Киртиан так привык к необычайным способностям матери, что его это не пугало. Он просто обернулся и улыбнулся ей. Лидиэль подошла вплотную и нежно положила руку ему на плечо.

— Никому — и уж в особенности Аэлмаркину — и в голову не приходило, что я смогу произвести на свет наследника мужского пола, — негромко произнесла она. — Потому никто и не протестовал, когда мы с твоим отцом решили пожениться. И именно потому Аэлмаркин теперь так упорно стремится отнять у тебя твое наследство. Он-то считал, что наше поместье упадет ему в руки, точно спелое яблоко, безо всяких усилий с его стороны — ну или в крайнем случае он уговорит или заставит меня выдать за него дочь, которую я, предположительно, должна была родить.

И Лидиэль улыбнулась сыну, чье рождение так удачно спутало все планы Аэлмаркина.

— Но ведь на самом деле он только называется моим кузеном, — возразил Киртиан, отыскав родословную Аэлмаркина. — Его семья последний раз роднилась с нашей еще в Эвелоне! Кузенами были наши прадеды, а после этого ни единого брака между их и нашей ветвью семьи не заключалось.

— Но если ты повнимательнее присмотришься к родословной, то обнаружишь, что, кроме тебя и Аэлмаркина, других наследников мужского пола в нашем клане нет, — заметила Лидиэль. — И в этом, среди всего прочего, вина твоего прадеда и деда. Как только у них появлялся ребенок, необходимость защищать то, что было тут построено, тут же делалась для них важнее, чем попытки обзавестись еще несколькими детьми. У них обоих было всего по одному сыну от одного брака. И все, больше никаких детей. Ни дочерей, которых можно было бы выдать замуж в другие кланы, ни вторых сыновей, которые помогли бы укрепить союзы. К счастью, оба они прожили необыкновенно долго — только это нас и спасло. Но я была первой, кто вошел в вашу семью из семейства, ранее никак не связанного с вашим кланом. И если бы твой отец по-прежнему был с нами, у тебя уже непременно была бы младшая сестра или брат — я бы лично об этом позаботилась! Я совершенно не собиралась смиряться с неписаным законом, гласящим, что одного ребенка вполне достаточно.

Тут Киртиан заметил вдруг одну подробность, ранее ускользавшую от его внимания: мать по возрасту была ближе к его деду, чем к его отцу! Лидиэль заметила, что взгляд Киртиана прикипел к стоящей рядом с ее именем дате рождения, и от души расхохоталась.

— А я-то думала, когда же ты наконец это заметишь! — сказала она. — Да, сознаюсь, я вышла замуж за того, кто был намного моложе меня. Когда твоя бабушка — она была то ли мудрее твоего деда, то ли просто прагматичнее — поняла, что не переживет родов, у нее хватило времени, чтобы подыскать себе преемницу. Она обратилась к нашему семейству, с которым издавна дружила. Она рассчитывала на мою сестру, но ее уже отдали замуж, потому она выбрала меня! Но она не учла любви и преданности твоего деда: он наотрез отказался брать другую жену, и уж в особенности такую соплячку, как я. Однако я ради

нашей дружбы часто и подолгу гостила здесь, пытаясь развлечь твоего деда и, возможно, со временем даже убедить его в том, что я тоже очаровательна и желанна! Ах, ты бы только видел, как я тут вертела задом, словно прожженная соблазнительница, — а ведь я тогда только-только достигла совершеннолетия!

Поскольку Киртиан не мог себе представить, чтобы его мать, сколько бы лет ей ни было, вертела задом, словно соблазнительница, он пролепетал что-то невнятное и покраснел.

— Но когда затея с соблазнением провалилась, мне пришло в голову, что я могу заполучить твоего деда, если покажу, какой нежной и любящей матерью я могу стать для его сына, — продолжала тем временем Лидиэль. — Правда, в этом плане оказался один небольшой изъян: к тому моменту, как я до него додумалась, твой отец был уже не в том возрасте, чтобы нуждаться в материнской заботе! Но я все равно продолжала его обрабатывать. Однако из всего этого вышло одно — мы с его сыном по уши влюбились друг в друга, как только тот достаточно подрос, чтобы думать о подобных вещах. Эта история здорово позабавила твоего деда, равно как и мою сестру Мот.

Мот — это, конечно же, была В'терн Мортена леди Арада. Она была почти на сотню лет старше Лидиэли и являлась последней из оставшихся в живых членов крохотного клана лорда Арады. У Мот имелось собственное небольшое поместье, подаренное ей покойным мужем в полную и безраздельную собственность, и не было никаких докучливых кузенов.

Киртиан вздохнул. Великая книга была заполнена запутанной паутиной брачных союзов — браков между родственниками, вторых и третьих браков. И лишь его семейство стояло в сторонке, словно шелковая нить, выпавшая из общего узора.

— Я раньше не рассказывала тебе об этом, но после исчезновения твоего отца Аэлмаркин пытался вынудить меня выйти за него замуж, — сообщила Лидиэль столь невозмутимо, словно речь шла о ком-то другом. — Тогда меня спасла Мот. Она откопала малоизвестный закон, запрещающий жениться на вдове кузена, если у той уже есть наследник мужеска пола. Она лично наведалась к каждому из великих лордов и каждому указала — с примерами, естественно, — как этот закон защитит их собственных сыновей от таких-то и таких-то противников, если с самими лордами вдруг что-нибудь случится. Как нетрудно догадаться, лорды тут же подтвердили этот закон, и Аэлмаркину пришлось удалиться, поджав хвост.

— Неудивительно, что он тебя возненавидел! — просияв, отозвался Киртиан.

Лидиэль фыркнула:

— Лично я предпочитаю не тратить столь мощное чувство, как ненависть, на этого слизняка. Все его планы были ясны с первого же момента, как он заявился сюда, просто-таки исходя неискренним сочувствием, весь из себя ухоженный и увешанный драгоценностями. Даже будь я такой дурой, какой он меня считал, я и то сообразила бы, что подобный союз окончился бы твоей смертью. И какие бы чувства я ни питала к этому субъекту, я никогда бы не доверила твою судьбу и судьбу наших людей такому гаду, как Аэлмаркин!

— И спасибо тебе за это большое! — со смехом произнес Киртиан.

— Можешь как-нибудь при случае поблагодарить твою тетю за то, что она придумала способ защитить нас обоих, — весело откликнулась Лидиэль и слегка сжала руку, лежавшую на плече у Киртиана.

— Ну, хоть ты и притворяешься скромницей, я думаю, что, даже если бы леди Мот тебе не помогала, ты бы так же быстро придумала подходящий выход, — сказал Киртиан. — Вы с ней сделаны из одного теста. Ты так же умна, как и красива, и куда умнее большинства мужчин.

— Да мне не нужно особого ума, чтобы воспользоваться преимуществами нашего обособленного положения, — со смехом откликнулась Лидиэль на комплимент сына. — В конце концов, мы ведь живем в жуткой глуши, и я очень сомневаюсь, чтобы кому-либо, за исключением Аэлмаркина, хотелось наложить лапу на наше поместье.

В голосе Лидиэли проскользнули пренебрежительные нотки.

— И я, честно говоря, думаю, что, если бы Аэлмаркин знал, сколько нужно трудиться, чтобы поддерживать поместье в столь доходном состоянии, ему быстро перехотелось бы его оттяпывать.

— Желал бы я, чтоб это было правдой, — вздохнул Киртиан. — На самом деле, здесь так много работы из-за того, что мы обращаемся с нашими друзьями—людьми по-человечески. Если завести здесь такие же порядки, как в прочих поместьях, доходы здорово бы выросли. По крайней мере, так мне однажды сказал Тенебринт, — поправился Киртиан.

— Это к делу не относится, — твердо заявила Лидиэль. — Сейчас важно позаботиться, чтобы все было готово к визиту

лорда Лайона, не наделать грубых ошибок и не пожертвовать при этом нашей независимостью. Так что после обеда сходи и посоветуйся с Джелем. А я пойду советоваться с Тенебринтом. Нам нужно угодить Лайону, не поражая его при этом, очаровать его, но не создавать впечатления, будто у нас имеется что-нибудь такое, чего стоило бы пожелать — ну, за исключением твоих познаний. А вам с Джелем придется как следует пораскинуть мозгами: подумайте, чего еще он может захотеть от тебя.

Киртиан решительно захлопнул Великую книгу.

— Ты, как всегда, совершенно права, — сказал он. — Я пойду переоденусь во что-нибудь попроще и разыщу Джеля, и мы сразу же возьмемся за дело.

Но, несмотря на всю напряженность момента, когда Киртиан отправился на поиски Джеля, до него вдруг кое-что дошло: впервые с тех пор, как он вступил в соответствующий возраст, Лидиэль, разговаривая обо всех этих браках и союзах, ни разу не завела речь о его будущем браке!

И одного этого хватило, чтобы на душе у Киртиана сразу же полегчало.

Глава 9

В течение нескольких следующих дней Киртиан с Джелем были так заняты подготовкой к визиту лорда Киндрета, что едва выкраивали время на сон и еду. И уж конечно, Киртиану некогда было заниматься учебными боями, потому бойцы оказались предоставлены сами себе — до того момента, пока Джель не организовал тренировки со старым, деревянным оружием вместо магического.

Киртиан к этому времени уже знал, что может быть спокоен за бойцов: они и без его присмотра ничего не натворят. Благодаря тому, что Джель сумел внушить всем нужный настрой, если у бойцов вдруг появлялось свободное время, они сами находили себе занятие — выполняли обычный комплекс упражнений, занимались строевой подготовкой и время от времени перемежали это соревнованиями по рукопашному бою; худшее, что им при этом грозило, — пара переломов.

Кроме того, Киртиан был уверен, что кто-кто, а уж бойцы его не подведут. Они были военными душой и телом и скорее

запорхали бы, как бабочки, чем ляпнули что-нибудь неуместное или недостаточно быстро выполнили приказ. Нет, на бойцов можно положиться. Они сыграют свою роль как истинные профессионалы — каковыми они, собственно, и являются.

А вот домашних слуг и тех, кто работал в поле, нужно было долго тренировать, чтобы они научились вести себя подобострастно — чтобы это стало их второй натурой. Киртиана не раз так и подмывало покопаться у них в головах при помощи магии, чтобы они перестали наконец забываться. В конце концов не кто иной, как Джель, придумал великолепный выход из ситуации: он предложил заложить в эльфийские камни редко используемых в поместье ошейников заклинания, от которых человек начинал испытывать теплое покалывание, если вдруг забывал сохранять позу, приличествующую слуге.

Сработало это великолепно — куда лучше, чем ожидал Киртиан. Когда человеку приходилось слегка сутулиться и держать глаза опущенными, он волей-неволей вспоминал, как ему следует себя вести.

— Они из-за этого постоянно выглядят испуганными, но это неважно, — заявил Джель. — Лорд Киндрет ведь не будет знать, что все это — игра, каким бы нарочитым это ни казалось нам. Как бы настоящий раб ни пресмыкался, для него ничто не будет чрезмерным; ну, а если наши вдруг перестараются, Киндрет просто решит, что ты их держишь на коротком поводке и хлыст всегда у тебя под рукой. А теперь у меня еще один вопрос, хоть меня от него и воротит. Что, если Киндрет не привезет с собой собственных женщин? Он в таком случае будет ожидать, что ему предложат кого-то для развлечений. Вообще, он может и отказаться от предложения, но ждать-то этого он будет!

— Но у меня нет никаких наложниц, и предлагать мне некого, — совершенно резонно указал Киртиан. — Я так подозреваю, что Аэлмаркин пытается использовать против меня и это тоже — твердит другим лордам, что я... э-э...

— Девственный и целомудренный, а может, и вовсе бесполый, а значит, в наследники не годишься, — проворчал Джель, привыкший все называть своими именами. — Ну, ладно, в настоящий момент гарема у тебя нет и тебе некого предлагать гостю, но делать-то ты что собираешься? План у тебя есть?

— У мамы есть идея, — отозвался Киртиан, скривившись от отвращения. — Мне она, честно, не нравится, но... мама говорит, что я просто слишком привередлив. Она собралась перед

самым визитом отправить Теребринта на рынок рабов, чтобы он там купил парочку красивых наложниц. Потом она подделает им воспоминания, чтобы наложницы думали, что живут тут уже несколько лет, и поселит их в маленьком гареме, и вот их-то я и должен буду предложить лорду Киндрету.

— Ты правда слишком привередлив, — напрямик заявил Джель. — Превосходный план. Наложницы ничего о нас не знают и ни с кем здесь не связаны. Если произойдет... ну, какой-нибудь несчастный случай — что ж, по крайней мере, мы не потеряем никого из своих людей.

У Киртиана стало еще противнее на душе, но он не мог не признать, что прагматичность Джеля имеет свой смысл.

— И что нам с ними делать потом? — уныло поинтересовался он.

Джель пожал плечами.

— Трудно сказать. Наложницы обычно не очень сообразительны, и я подозреваю, что твоя мать выберет очень красивых и очень тупых — ибо так куда безопаснее. Возможно, нам потом удастся выдать их замуж, если ты не захочешь оставить кого-нибудь из них себе. Или можно будет продать их. — Заметив, как перекосило Киртиана, Джель приподнял бровь и фыркнул. — Слушай, предоставь это дело матери и Тенебринту — тебе же легче будет. Раз тебя от этого так корчит, держись подальше, да и все.

«Можно подумать, оно от этого станет лучше, — мрачно сказал себе Киртиан. — Нет, это не выход».

— Я передам маме, что ты поддерживаешь ее замысел, и скажу, что, хотя мне он по-прежнему не нравится, я понимаю, что так нужно. Но мне все равно кажется, что это не лучший выход.

— Нет, лучший, — с нажимом произнес Джель. — А что ты предлагаешь — обратиться к добровольцам, что ли?

Нет, это уж точно никуда не годилось. Киртиан покачал головой:

— Я займусь манипуляциями с памятью — некоторые иллюзии мама не сможет изобразить достаточно убедительно... в смысле, она ведь не мужчина... — Киртиан покраснел и не договорил. Ему упорно казалось, что Джель от души забавляется, глядя на его смущение. — В общем, все мы будем делать то, что должны делать, а потом постараемся свести ущерб к минимуму.

Киртиан искренне надеялся, что лорд Киндрет не имеет привычки причинять боль женщинам.

— В конце концов, я могу после его отъезда сделать так, чтобы девушки обо всем позабыли, — добавил он, успокаивая скорее себя, чем Джеля.

Джель взглянул на него с облегчением.

— Ты никогда не станешь настоящим командиром, если не научишься принимать тяжелые решения и претворять их в жизнь, — напомнил он Киртиану, пожалуй, чуть-чуть самоуверенно.

— А я что делаю? — раздраженно огрызнулся Киртиан. — Ладно, хватит. Он того не стоит, этот вопрос, чтобы гробить на него столько времени. А тебя он и вовсе не касается. Тебе нужно подготовить бойцов.

Джель ухмыльнулся:

— О, они-то готовы! Им прямо не терпится показать, на что они способны, и доказать, что ты прав. Не бойся, уж кто-кто, а они свое дело знают. Мы устроим для лорда Киндрета такое представление, которое он в ближайшие три века не забудет!

Триана бесстрастно разглядывала рабыню — весьма нехарактерное для нее состояние духа. Она обдумывала сразу несколько вопросов, и не последним из них был: а насколько можно доверять человеку?

Как она и говорила Аэлмаркину, она редко обучала рабынь. Правда, «редко» не означало «никогда». Эльфийские лорды вообще не склонны были употреблять слово «никогда» — в их долгих жизнях просто не оставалось места для него. Как бы ты ни клялся чего-то не делать, но рано или поздно это может стрястись. Конечно, существовали чрезмерно твердолобые эльфийские лорды, которые и вправду верили, будто могут поручиться, что «никогда» не станут делать того-то и того-то, но Триана была для этого слишком умна.

Эта женщина была не из ее поместья. Да, Триана разводила у себя не только мужчин, но рабыни в ее поместье хоть и не были некрасивыми (Триана просто не потерпела бы рядом с собой ничего некрасивого или тем паче уродливого), в присутствии хозяйки держались словно одушевленные статуи. Эта же девушка, купленная не на аукционе, а по объявлению, на частной распродаже, была полной их противоположностью. Она не только владела тонкостями гаремных удовольствий — она еще и была профессиональной танцовщицей. И еще она отличалась редким умом. Триане нужна была умная женщина. Но уму обычно сопутствует склонность думать о собственной выгоде.

Насколько ей можно доверять? Хороший вопрос.

— Сильно ли ты удивишься, если я скажу, что мне нужна шпионка? — поинтересовалась Триана у девушки.

Рабыня слегка покачала головой: достаточно, чтобы показать, что ее это не удивит, но не настолько решительно, чтобы ее безмолвный ответ выглядел дерзостью.

— Мать одного молодого лорда покупает гаремных рабынь, и я намерена устроить так, чтобы ты вошла в их число, — продолжала Триана. — Мне нужно знать, что происходит в этом поместье, и я не намерена упускать уникальную возможность.

— Но гаремных рабынь держат в отдалении ото всех... — нерешительно отозвалась девушка.

Триана улыбнулась:

— Но зато мужчины в их присутствии совершенно не следят за своими речами, — уточнила она. — Я могу просто вживить тебе телесоновое кольцо и отправить тебя туда, как пассивную слушательницу — но если ты будешь осознанно работать на меня, понимая, что мне нужно, я узнаю вдесятеро больше. — Она задумчиво оглядела девушку. — Это твой долг — помочь мне добыть нужные сведения. Но твой прежний хозяин упомянул, что ты очень умна — настолько, что это причиняет хлопоты...

Девушка покраснела и потупилась.

— ...и потому я пришла к выводу, что долг сам по себе не поможет мне разузнать все, что нужно, там, куда я тебя собираюсь отправить.

Триана рассмеялась, и девушка удивленно уставилась на нее.

— Ну, полно тебе! Я не из тех, кто предпочитает безмозглых рабов. Вы, однодневки, может, и не способны оценивать происходящее с такой же точностью, как мы, но соображения выгоды движут вами ничуть не меньше, чем нами. Я прекрасно понимаю, что, как только ты окажешься в том поместье, мой поводок ослабеет, и ты сможешь поступать в этом отношении, как тебе заблагорассудится.

Триана подалась вперед, впившись взглядом в глаза девушки.

— Я хочу предложить тебе стимул, ради которого ты готова будешь всеми силами трудиться на мое благо.

На лице девушки отразилось сильное волнение, потом она снова покраснела.

— Стимул, госпожа? — осмелилась выдохнуть она.

Триана, довольная тем, что правильно подобрала ключик к амбициям девушки, откинулась на спинку кресла.

— Или вознаграждение — если это выражение больше тебе нравится. Вознаграждение за примерную службу. Приложи все усилия, чтобы послужить мне, найди способ убедить Киртиана держать гарем незапертым, чтобы ты могла уходить и возвращаться, когда тебе заблагорассудится, сообщай мне обо всем, что тебе удастся увидеть и услышать, каким бы незначительным это ни казалось. Сделай это, и если я буду довольна тобой, через год я заберу тебя обратно. Ты сможешь уйти в отставку и выбрать образ жизни по собственному усмотрению. Впредь ты будешь делать только то, что тебе захочется. Хочешь — выберешь мужчину по своему вкусу и поселишься с ним в своем домике. А хочешь — поступишь на службу к какой-нибудь молодой леди. Или, если тебе это больше по вкусу, отправишься к своим диким соплеменникам, союзникам волшебников. Я и это могу устроить.

Дыхание девушки едва заметно участилось, и Триана поняла, что заполучила ее.

«Все, она моя», — удовлетворенно подумала Триана и решила подсечь рыбку, пока та заглотила наживку.

— Но это будет нелегко, — предостерегла девушку Триана. — Тебе придется работать с полной отдачей. Тебе нельзя будет допустить, чтобы лорд Киртиан или его мать хотя бы заподозрили, что ты — не такая, какой притворяешься. Если же я останусь недовольна тобой... — Триана пожала плечами. — Ну, очевидно, я не смогу тебя наказать. Но я могу просто оставить тебя там, и ты так и проживешь жизнь наложницей незначительного лорда, в крохотном гареме, умирая от скуки. Гости у Киртиана бывают редко, так что у тебя не будет ни малейшей возможности развлечься. Думаю, такая женщина, как ты, от подобной жизни просто свихнется.

Рабыня не колебалась ни мгновения.

— Я буду служить вам, леди! — решительно заявила она. — Вот увидите, как я буду стараться!

Триана расхохоталась, взглядом предложив девушке разделить ее хорошее настроение. «Ах, Аэлмаркин, — подумала она, принявшись объяснять девушке, как пользоваться телесоновым кольцом и с чего ей нужно будет начать. — Это пари уже выиграно!»

Джель знал свое дело как никто другой. Киртиан оставил дом на мать и занялся всем остальным. Теперь, когда все были предупреждены и всех людей, работающих в поле, научили

держаться соответствующим образом, Киртиан решил, что сейчас самое время заняться внешним видом своих людей. Надо, чтобы они выглядели уверенными в себе и процветающими — но не чересчур процветающими. Слугам не полагается выглядеть слишком здоровыми и слишком счастливыми. На самом деле тем, которые работают в поле, вообще не положено выглядеть счастливыми.

Киртиан угробил целый день, соображая, как бы это устроить. Он изучал заклинания иллюзии, размышляя, что ему делать, если лорд Киндрет засечет эти иллюзии или даже развеет их. Киндрет отнюдь не дурак, и если он засечет иллюзии, то непременно захочет узнать, что же под ними скрывается. Первым делом он, конечно же, заподозрит предательство. Но и потом он определенно пожелает узнать, зачем накладывать иллюзии на обычных рабов.

В конце концов, когда уже опустились сумерки, Киртиан решил пройтись по свежему воздуху. Может, хоть голова проветрится и в ней появятся какие-нибудь новые мысли.

На небе появились первые звезды, и легкий ветерок нес ароматы сада. Киртиан улучил момент и погасил светящиеся шары вдоль садовых дорожек. Он знал сад на память и вовсе не нуждался в освещении, чтобы гулять по нему. Сейчас темнота доставляла ему искреннее удовольствие — и не потому, что он погрузился в раздумья, а потому, что ему хотелось дать передышку уму.

«А как выглядят слуги Аэлмаркина?» Наверное, именно это его людям надо взять за образец для подражания. А то, несмотря на раболепные позы, в них все равно оставалось нечто неуловимо неправильное, и Киртиан никак не мог сообразить, что же не так. Он неспешно брел по саду и перебирал в памяти воспоминания о визите к Аэлмаркину, стараясь не сосредотачиваться ни на чем конкретно. В конце концов, ему нужны были даже не воспоминания, а общее впечатление. Как себя ведут обычные слуги, те, которые убирали в комнатах и накрывали на стол, — других-то он не видел?

Первыми приходили на память самые привилегированные рабы, красавчики, обязанные среди всего прочего еще и служить украшением интерьера. Но они Киртиану не подходили, отчасти хотя бы потому, что он вовсе не был уверен, сумеет ли кто-то из его людей убедительно подражать повадкам раба для удовольствий, а отчасти потому, что он предпочитал создать у лорда Киндрета впечатление, будто вся его челядь ведет суро-

вый, аскетический образ жизни. Пускай Киндрет считает, что Киртиан всецело поглощен своим хобби и ни о чем, кроме воинских забав, не думает — и, уж конечно, мало интересуется роскошной жизнью. В этом вреда не будет.

«А кроме того, так он лишний раз убедится, что нас нет особого смысла захватывать. Большей прибыли, чем сейчас, из нас не извлечь. И вообще, может, мы ведем такой суровый образ жизни просто потому, что роскошь нам не по карману».

Как Киртиан ни старался, в памяти всплывало лишь смутное ощущение одинаковости, как будто все слуги низшего уровня были муравьями. Какая разница, тот муравей или этот? С тем же успехом они могли являться мебелью, каменными плитами пола, постаментами для статуй — настолько хорошо они сливались с окружающей обстановкой.

И тут Киртиан в мгновенной вспышке озарения понял: да ведь это и есть то, что ему нужно!

«Надо одеть всех в какие-нибудь одинаковые форменные туники или что-нибудь вроде этого, — решил Киртиан. — Им не положено выделяться — они должны быть все равно что невидимы. Одинаковые неяркие туники отлично для этого подойдут». Правда, он не знал, как именно должны выглядеть эти туники, но это уже мелочи. Любая швея сама сообразит, как это лучше устроить. А ему надо прямо с утра первым делом поговорить со швеями — пускай они решают, как за счет одежды сделать всех людей в поместье неотличимыми друг от дружки.

А насчет того, что они должны выглядеть несчастными... Киртиан ухмыльнулся — его посетила еще одна идея. «Надо будет воткнуть им в одежду какую-нибудь занозу, так, чтобы по-настоящему она не вредила, но здорово раздражала — или засунуть по камушку в сапог, или велеть надеть слишком большую или слишком маленькую обувь. Тогда у всех вид сразу сделается мрачный и недовольный — а ищейки Киндрета могут хоть обнюхаться».

Киртиан зевнул и понял, что слишком давно не спал — хотя с этой подготовкой к визиту Киндрета все не высыпаются. «Ладно, спать, — решил он. — А поутру первым делом — к старшей швее».

Несмотря на то, что проснулся он очень-очень рано — буквально на рассвете, — когда он без предупреждения заявился в мастерскую к швеям, те уже были все в трудах. Честно говоря, Киртиан удивился. Конечно, он всегда знал, что его люди рано

начинают работать — задолго до того, как встает он сам, — но он как-то никогда особо не задумывался над этим.

Мастерская представляла собой большую, хорошо освещенную комнату с удобными креслами, в которых уже сидели несколько женщин и усердно шили. В дальнем конце комнаты стоял большой стол, заваленный тканью, и еще одна женщина двигалась вдоль него, щелкая остро отточенными ножницами, нарезая ткань на куски и откладывая их в сторону. Вдоль одной из стен на стеллаже были уложены рулоны материи, на колышках висели ленты и тесьма на деревянных катушках, а еще один стеллаж, маленький, был заставлен катушками ниток. Киртиан изложил свою просьбу старшей швее, внушительной даме с седеющими волосами, объяснив, какого именно эффекта он хочет добиться и почему. Старшая швея поджала губы и нахмурилась:

— Мой лорд... вы понимаете, чего просите? Форменные туники для всего поместья! Да, ткани у нас хватит — но время! Даже если делать самые простенькие туники, без рукавов, и не обрабатывать срезы, и то на каждой нужно выполнить плечевые и боковые швы. А такие туники будут выглядеть настолько грубо, что от них за версту будет нести кустарщиной...

— Краска, — вмешалась в разговор одна из женщин, выполнявшая некую загадочную операцию — кажется, она подворачивала края у огромного вороха ткани, лежавшего сбоку от нее. — Вовсе незачем шить новую одежду — надо просто поставить на огонь красильные чаны и заставить всех выкрасить свои старые туники и штаны. Вполне сойдет за форму.

— А что, неплохо придумано! — воскликнула старшая швея, и лоб ее разгладился. — А то ведь, кстати, это выглядело бы странновато, если бы все поголовно вдруг оказались обряжены в новую одежку.

— А насчет цвета — лучше всего черный. Ореховая кожура — самый дешевый краситель, и у нас ее полно. А к тому же черный — ходовой цвет, одежда такая все равно нужна, и народ не станет жаловаться, что их заставляют переводить добро.

Женщина очень радовалась своей находчивости — впрочем, равно как и Киртиан со старшей швеей.

— Так и сделаем! Спасибочки, Маргит! — Старшая швея просияла и похлопала Киртиана по плечу, словно маленького мальчика. — Можете больше не забивать себе голову этим делом, молодой лорд, уж мы как-нибудь с ним справимся. К нужному дню все тут превратится в чудненький унылый черный фон.

И она вытолкнула Киртиана — мягко, но все же вытолкнула — за дверь. Киртиан не сопротивлялся. На самом деле, его эта ситуация здорово позабавила. Он понятия не имел, как в поместье решаются всякие бытовые проблемы, но ясно было, что эта внушительная дама в своей сфере деятельности — такой же суровый командир, как и Джель — в своей.

Впрочем, Киртиан ни капельки не сомневался, что она прекрасно справится с порученным делом. Уже по одному ее виду было ясно, что она проест плешь всем и каждому, но выполнит все, что пообещала.

А Киртиан вернулся к собственным делам. Он созвал всех старших рабочих групп и объяснил им, что нужно сделать — ну, занозы и всякое такое — и зачем. Киртиан давным-давно уже обнаружил, что если объяснить людям, зачем нужно выполнить то или иное дело, которое им показалось бессмысленным, они справятся с ним куда успешнее.

— Только учтите, я не хочу, чтобы вы подошли к этому вопросу чересчур творчески, — предостерег старших Киртиан. — Проследите, пожалуйста, чтобы никто себя не покалечил и не пытался симулировать какие-нибудь серьезные болезни вроде той же чумы. Но если у кого-нибудь появятся здравые идеи насчет того, как на время поуспешнее избавиться от слишком здорового и счастливого вида, — действуйте. Да, еще меня немного беспокоят маленькие дети. Как бы они чего не натворили... Старшие-то поймут, если вы им объясните, как все это важно, но малыши привыкли подбегать к любому, к кому только вздумается, и болтать о чем вздумается.

— Некоторые родители уже думают над этим, мой лорд, — заверил Киртиана один из старших. — Все согласились, что, если мы не придумаем ничего лучше, мы, по крайней мере, можем собрать всех малышей и на время спрятать куда-нибудь, убрать с глаз долой. Может, стоит завести их подальше в лес и заодно устроить им отдых на природе. В общем, положитесь на нас. Мы что-нибудь придумаем. Если сказать детворе, что это такая праздничная экскурсия, они сделаются послушными, словно ягнята.

Хлопот оказалась масса. Стоило Киртиану подумать, что он наконец-то все уладил, как тут же выплывало что-нибудь новенькое. Когда несколько дней спустя его разыскала мать, Киртиан как раз затеял вместе с командой строителей «пере-

стройку» казарм для рабочих. Он вдруг сообразил, что в других поместьях рабы не живут в деревнях, в собственных домиках — их сгоняют для сна и отдыха в большие такие склады для людей. И лучше, если эти помещения будут выглядеть обветшавшими и скверно построенными!

Леди Лидиэль терпеливо подождала, пока Киртиан вместе со строителями не сделает все, что нужно. Ясно было, что она хочет поговорить с сыном наедине. Потому Киртиан постарался побыстрее отпустить строителей и, проведя мать в свой новый кабинет, закрыл дверь.

Лидиэль уселась, прошуршав алым водоворотом шелковой юбки.

— Ты сказал, чтобы я к тебе подошла, когда гарем будет набран. Так вот, он набран, — просто произнесла она. От этих слов Киртиан почувствовал себя так, словно на него вылили ушат холодной воды. — Они ждут, чтобы ты их подготовил.

Впрочем, Киртиану удалось справиться с потрясением, и он не утратил способности мыслить здраво.

— Я как раз не очень занят, так что, наверное, и вправду лучше посмотреть на них прямо сейчас, — сказал Киртиан и не без удовольствия заметил промелькнувшее в глазах матери удивление: Лидиэль явно не ожидала, что сын согласится вот так вот сразу взяться за неприятную обязанность. Она знала, что Киртиан терпеть не может вмешиваться в разум людей, особенно для подобных целей...

С другой стороны, если сделать это все равно нужно, то лучше уж не оттягивать.

— Вот и прекрасно, — быстро произнесла Лидиэль, поднимаясь на ноги с особой, только ей присущей грацией, всегда восхищавшей Киртиана. — Тогда пойдем. Я приспособила под гарем твои детские покои. Это самое безопасное место во всем поместье — и заодно единственные свободные покои.

— Еще бы им не быть самым безопасным местом! — хмыкнул Киртиан, распахивая дверь и придерживая ее, чтобы пропустить мать. — Тебе же приходилось заботиться не только о том, чтобы ко мне туда никто не проник, но еще и чтобы я оттуда не выбрался!

— А ты был редкостной врединой и просачивался в малейшую щель! — не осталась в долгу Лидиэль. — Ладно, честно тебе скажу — я горжусь Тенебринтом. И ты тоже возгордишься, как только увидишь этих женщин. Сейчас из-за нынешней заварухи работорговля пришла в упадок...

— Вот уж из-за чего я плакать не стану! — отозвался Киртиан, слегка нахмурившись.

— И тем не менее это сильно осложнило ему задачу. — Лидиэль оглянулась и укоризненно посмотрела на сына. — Большинство рынков, где торгуют рабами, сейчас закрыты, а на оставшихся очень скудный выбор. С другой стороны, если бы не нынешняя ситуация, вряд ли мы нашли бы трех женщин, настолько подходящих для наших целей. Я думаю, даже лорду Киндрету достаточно будет их увидеть, чтобы он перестал удивляться, отчего это у тебя такой маленький гарем.

— Да ну? — Киртиана одолело любопытство.

Лидиэль кивнула, и ее волосы изящной волной соскользнули на лицо. Лидиэль нетерпеливым движением откинула их со лба.

— Во-первых, я очень сомневаюсь, чтобы их хоть кто-то видел, кроме их тренера и бывшего владельца. Благодаря этому нам легче будет сделать вид, будто ты приобрел их уже несколько лет назад. Во-вторых, если бы торговля не пришла в такой упадок, вряд ли мы смогли бы их заполучить — их бы на любом рынке с руками оторвали.

— Они что, настолько хороши собой? — Теперь Киртиан был заинтригован до глубины души.

— Ну, потрясающими красавицами их не назовешь, хотя они довольно хорошенькие. В общем, смотри сам.

Они как раз подошли к двери бывшей детской — рядом с дверью уже стояла охрана. Стражники расступились — лица у них были бесстрастные, словно у каменных изваяний, — и леди Лидиэль, отворив дверь, жестом предложила сыну войти.

Киртиан шагнул через порог и ощутил легкое покалывание второй «двери»; пока ее не уберут, женщины не смогут покинуть эти покои. Обычно такие двери ставились в гаремах, чтобы наложницы не попадались на глаза леди. Здесь же это было необходимо, чтобы женщины не бродили где попало и не видели того, чего им видеть не полагается.

Трем новоявленным обитательницам гарема явно сообщили, что сейчас придет их новый господин, и они приняли красивые позы, чересчур затейливые для естественных. Киртиану хватило одного взгляда, чтобы понять, что имела в виду Лидиэль.

Трех более несхожих женщин и представить себе было невозможно. Первая была высокой, со светло-золотыми волосами и ярко-голубыми глазами, худощавым лицом и стройной

фигурой, тонкой и гибкой, словно у эльфийской леди. На лице ее застыло отсутствующее выражение, словно женщина жила в мире собственных грез. Она стояла рядом с большой вазой, полной цветов, и задумчиво созерцала огромную лилию; ее пышное кружевное платье гармонировало с нежными пастельными тонами букета. Вторая, брюнетка со страстными карими глазами, полными губами и чувственным телом, буквально-таки излучала обещание. Она прислонилась к колонне так, что грудь подалась вперед и еще сильнее натянула ткань и без того обтягивающего алого платья, — и теперь она искоса бросала на Киртиана вызывающие, кокетливые взгляды. У третьей была копна огненно-рыжих кудрей, веселые зеленые глаза, сильное, подвижное тело танцовщицы и по-детски невинное выражение лица. Она была одета в простую голубую тунику, выставляющую напоказ ноги. Девушка оторвала взгляд от котенка, с которым она играла, и улыбнулась Киртиану. Лицо ее лучилось весельем. Казалось, будто три эти женщины вобрали в себя все многообразие типов, какое только возможно встретить в гаремах. И разве что камень мог остаться глух к безмолвному приглашению, что они посылали Киртиану, каждая на свой лад.

— Теперь видишь? — негромко произнесла леди Лидиэль, когда наложницы склонились в глубоком реверансе. Киртиан взглянул на мать и заметил в ее глазах лукавые огоньки. — Ну так как, дорогой, не опасно ли оставлять тебя с ними наедине?

Киртиан, не удержавшись, покраснел. Но ему удалось хотя бы отчасти скрыть это, склонившись в насмешливом полупоклоне.

— Придется, если ты хочешь, чтобы я создал для них убедительные воспоминания, — отозвался Киртиан. Теперь настала очередь Лидиэли краснеть. Киртиан, почувствовав себя немного отмщенным, кивнул ей и повернулся к своим новым «приобретениям».

Киртиан попытался придумать, что бы ему такого сказать, но тут девушки дружно налетели на него, и слова сделались не нужны — по крайней мере, на некоторое время.

Сержант Джель вошел следом за лордом Тенебринтом в Старую башню. Не то чтобы он чего-то опасался, но все-таки на душе у него было малость неспокойно. Леди Лидиэль редко говорила с ним с глазу на глаз, а к ней в кабинет Джель и вовсе был приглашен впервые.

Джель никогда прежде не бывал в Старой башне. Тут вообще мало кто из людей бывал — разве что пара уборщиц, прибирав-

шихся в кабинетах Лидиэли и Тенебринта. Да и уборщиц приходилось приводить кому-то из лордов, а то и самой леди; иначе никак невозможно было воспользоваться единственным здешним проходом — странной прозрачной трубой. Джель смутно себе представлял, как по ней карабкаться. Он с подозрением шагнул вслед за Тенебринтом в трубу и обнаружил, что пол у него под ногами начинает подниматься. От езды на этой хитрой штуковине Джеля слегка замутило, несмотря на его близкое знакомство с магией. Уж очень все это казалось... неестественным. Мимо него проплывали пустые круглые комнаты — или, точнее, он проплывал мимо них, — и Джель возносился, толком не ощущая движения.

Джель уже засомневался — а доберется ли он когда-нибудь до верха башни? — когда наконец-то в очередной комнате обнаружились некие признаки обжитости, равно как и в следующей. А затем платформа замедлила ход и остановилась на верхнем этаже.

Из кабинета Лидиэли, с вершины башни открывался ошеломляющий обзор; совершенно бесценный для смотрителя замка или для командира, этот замок обороняющего. Стены кабинета были одним сплошным окном, и Джель, осторожно сойдя с платформы, невольно подумал: «Интересно, а каково здесь в бурю?»

Лидиэль встретила Джеля улыбкой, и его дурные предчувствия тут же развеялись. Леди даже встала, чтобы поприветствовать его — вот нежданная честь! Джель низко поклонился — настолько низко, насколько можно было кланяться без боязни показаться нелепым. Леди Лидиэль не любила, когда перед ней пресмыкались. Да и никто из ее клана этого не любил.

— Сержант Джель, успокойтесь, пожалуйста, — сказала Лидиэль и с изяществом, присущим лишь эльфийским лордам, указала на незанятый стул. — Я позвала вас не по официальному делу, а скорее по личному. Я хочу с вами посоветоваться.

Тенебринт, судя по всему, воспринял эти слова как знак удалиться. Он шагнул обратно на платформу и благоразумно спустился на этаж ниже, оставив Лидиэль и Джеля одних.

Джель уселся на предложенный стул, всмотрелся в лицо леди и быстро понял, зачем она его позвала.

— Киртиан? — спросил он, перейдя прямо к сути дела.

Лидиэль кивнула, уселась на свое обычное место и положила руки на стол.

— Я надеялась, — поколебавшись, произнесла она, словно решилась наконец высказать вслух мысли, которые давно держала в секрете, — что мне удастся удержать Киртиана в стороне от политики, от великих лордов и от Совета. К несчастью, нынешние времена разрушили мои надежды.

— Похоже, ему придется с этим связаться, хочет он того или нет, — осторожно отозвался Джель, не отрывая взгляда от лица Лидиэли. Он снова занервничал — достаточно, чтобы смотреть леди прямо в глаза. — Моя леди, думаю, нет особого смысла говорить, что мне все это нравится ничуть не больше, чем вам.

— Боюсь, вы не вполне понимаете, в какую паутину интриг он попал, — отозвалась Лидиэль, и на безупречно гладком лбу прорезалась неглубокая складка. Джель так за всю жизнь и не научился понимать, что кроется в изумрудных глазах эльфийских лордов, но леди Лидиэль хотя бы не старалась сохранять вечно бесстрастное выражение лица. — Лорд Киндрет не удовольствуется несколькими новыми магическими трюками. Стоит лишь ему понять, насколько обширны познания Киртиана в военном деле и его практические навыки, и он захочет, чтобы мой сын поставил свой талант на службу старым лордам. Он захочет, чтобы Киртиан повел армию против молодых лордов — это несомненно, — а возможно, еще и захочет, чтобы после поражения молодых лордов он пошел воевать с волшебниками и дикими людьми.

Джель беззвучно выругался. Он был здорово зол на себя: как он сам об этом не подумал? А теперь уже поздно было уговаривать Киртиана не проводить крупномасштабные маневры, на которые тот нацелился. Парень твердо вознамерился доказать лорду Киндрету, что это — единственный стоящий способ обучения бойцов, и ему волей-неволей придется показать гостю, что накладывать эти заклинания на целую армию совершенно нетрудно.

Леди Лидиэль вздохнула:

— Я вижу, вы поняли, чего я опасаюсь. Ну почему, почему Киртиан не сделался художником или музыкантом, почему он не увлекся... да хоть тем же садоводством или еще чем-нибудь пустяковым!

— По крайней мере, он не сделался полной противоположностью своему отцу, моя леди, — мрачно отозвался Джель. — Вряд ли вы обрадовались бы, если бы он сделался хлыщом или ленивым бездельником. Или хуже того, пополнил собою...

Джель заколебался. В конце концов, он — человек, а Лидиэль-то эльф. Кровь — не водица...

Но Лидиэль, к его удивлению, горько улыбнулась и договорила вместо него:

— Или пополнил собою число изнеженных извращенцев, кои составляют большинство моего народа. Не нужно щадить мои чувства, Джель. Если мы хотим спасти Киртиана из западни, разверзшейся у него под ногами, нам необходимо быть честными друг с другом.

«Ч-черт! Ну почему я чувствую себя так, словно прихожусь ему отцом? Можно подумать, я без этого чересчур спокойно сплю по ночам!» Хотя на самом деле Джель был всего на несколько лет старше Киртиана, в реальном исчислении он действительно годился ему в отцы. По меркам своего народа Киртиан был зеленым юнцом, хотя по людскому счету ему было далеко за тридцать. По своим познаниям и уровню ответственности он вполне тянул на эти годы, но, если судить по подсознательно проявляющимся вещам, свойственным юности, Киртиан был куда младше Джеля. Его безграничная энергия, его энтузиазм, его стремление действовать, а не сидеть и смотреть, что же произойдет, — все это свойственно молодым. И рядом с Киртианом Джель иногда чувствовал себя стариком.

Кроме того, ему были вполне свойственны сила, быстрота и выносливость юности — и они останутся при Киртиане еще на столетие, а то и на два. От осознания этого Джель казался себе еще старше. К тому же в последнее время он, к великой своей досаде, начал замечать, что мало-помалу теряет форму. На самом деле, надо им было об этом перемолвиться парой слов с человеком лорда Киндрета. Каэт, в общем-то, тоже не молодеет, и если ему вдруг и вправду понадобится когда-нибудь сойтись лицом к лицу с коллегой-убийцей, это может стать роковым, если только он как-нибудь не уравновесит шансы.

«Просто нам обоим нужно вести себя еще коварнее, чтобы возместить свои потери, — напомнил себе Джель. — Юности и энтузиазму не тягаться с опытом и вероломством».

— Мне чертовски неприятно в этом признаваться, моя леди, — сказал Джель, стыдясь, что не сумел заблаговременно предвидеть подобную ситуацию, — но я, точно так же как и вы, никогда не просвещал его насчет порядков, принятых там. — Он махнул рукой куда-то в сторону окна. — И, пожалуй, даже причины у меня были те же самые. Зачем рассказывать ему о

том, чего он изменить не сможет и только будет понапрасну расстраиваться и беспокоиться?

Джелю вспомнились старые уроки: ему доводилось выезжать из поместья в качестве пажа Тенебринта, так что у него была возможность посмотреть, как мыслят и действуют другие эльфийские лорды. Конечно же, для этой поездки Тенебринт надел на него ошейник, и даже если он иногда и допускал мелкие промахи — хотя вообще-то за ним и в детстве такое нечасто водилось, — Тенебринт всегда мог быстро взять его под контроль. И это в некотором смысле тоже было уроком, показывающим, насколько драгоценна и насколько непрочна та жизнь, которую имеют возможность вести обитатели поместья Прастаранов.

Лидиэль кивнула.

— А теперь, если мы попытаемся сказать Киртиану, что лорд Киндрет заслуживает доверия ничуть не больше, чем Аэлмаркин, он не сможет принять правильное решение. Он попытается отделаться от Киндрета или... или еще что-нибудь сделает. Но теперь, когда он уже привлек к себе интерес Киндрета, он не сможет сделать ничего такого, не навлекая на себя подозрений.

— Чтоб она провалилась, вся эта политика! — уныло произнес Джель. — Киндрет собирается использовать Киртиана, превратить в свое орудие и ничего не даст ему взамен, кроме красивых слов и пустых похвал...

— Да, но... — начала было леди Лидиэль.

Джель подождал, но леди так и не договорила. Тогда Джель сам закончил мысль:

— Но, возможно, для Киртиана это не худший вариант. До тех пор, пока Киндрет нуждается в нем, ему не грозит смерть. До тех пор, пока Киндрет нуждается в нем, он будет следить, чтобы нас оставили в покое, какими бы странными ему ни показались некоторые наши порядки.

Лидиэль кивнула, и Джель с облегчением уразумел, что леди согласна с ним. Его побуждения были эгоистичны, и Джель это понимал; до тех пор, пока Киртиан не просто остается жив и здоров, но еще и пребывает под покровительством столь могущественного лорда, как Киндрет, самому Джелю и остальным обитателям поместья ничего не грозит. Аэлмаркин просто не посмеет вредить им или продолжать пытаться взять поместье и земли под свою руку.

Что же касается прочих людей, живущих в мире, — людей, за которых Киртиан принялся бы болеть душой, если бы знал, насколько паршиво обстоят дела в других поместьях, — Джелю как-то трудно было принимать близко к сердцу дела незнакомцев. Страдания людей-рабов в других поместьях были для него всего лишь рассказами, и хотя Джель, в принципе, верил в эти рассказы, он *просто* не мог заставить себя беспокоиться о незнакомцах, когда в его заботе нуждались люди, которых он знал.

А кроме того, Джель не способен был до конца поверить в то, чего не видел собственными глазами — без этого все равно какие-то сомнения да жили в глубине души.

«Так или иначе, но все это — истории минувших дней. В наше время никто из эльфийских лордов не захочет впустую уничтожать свое имущество или портить его. На границах — дикие люди, в небесах — драконы, волшебники грозятся начать новую войну, да еще и собственные дети подняли против них оружие — нет, в таких условиях эльфы просто не смогут себе позволить прежние замашки». Рабство — да. Эльфы — суровые хозяева, с этим никто не спорит. И они полностью контролируют своих людей. Но зачем морить их голодом, мучить, унижать? «В этом же нет совершенно никакого смысла. Изможденный, измученный, затравленный раб работает хуже и стоит меньше, чем раб здоровый, которого наказывают только в том случае, если он и вправду провинился».

— Клянусь вам, леди, я ни на минуту не спущу глаз с парня. Я о нем позабочусь — чего бы от него ни хотел лорд Киндрет, — пообещал Джель, возвращаясь мыслями к тем проблемам, которые он мог понять и которые способен был решать. — Я — коварный старый ублюдок, и, если мне покажется, что у Киртиана назревают неприятности, я подсыплю ему чего-нибудь в вино, дам Киндрету понять, что парень перебрал лишку, и лично отволоку его домой.

Джеля самого удивило внезапно вспыхнувшее яростное стремление защищать Киртиана любой ценой, и он слабо улыбнулся.

— А как только он окажется в безопасном месте, мы сможем уговорить его притвориться чокнутым. Сумасшедший для Киндрета бесполезен — да и угрозы не представляет.

Это было слабое утешение, но ничего лучше Джель придумать не смог.

Лидиэль отпустила Джеля, отправив сержанта заниматься своими делами. Его слова не принесли ей особого успокоения. Лидиэль снедало беспокойство. Она не видела способа побыстрее выбраться из внезапно возникшего затруднительного положения. «Я надеялась удержать его в стороне от этого всего, но события сложились не в нашу пользу, — подавленно подумала Лидиэль, глядя в окно на раскинувшиеся внизу безмятежные поля. — Из-за двух последних войн волшебников прежде непонятные таланты Киртиана вдруг сделались ценны. Теперь его втянут в политические дрязги лордов, хочет он того или нет. Но Джель прав: если рассказать Киртиану кое-какие подробности, это не пойдет ему на пользу. Возможно, лучше ему пока что оставаться в неведении. Если Киртиан узнает, что на самом деле представляют собой эльфийские лорды, чувство чести может толкнуть его к очень опасному выбору. Если же Киндрет скормит Киртиану то, что пожелают ему всучить старые лорды, и убедит помочь им — и не позволит ему узнать правду, — Киртиан может неплохо им послужить и в то же время избежать неприятностей».

Во всех этих войнах и раздорах была лишь одна хорошая сторона: старых лордов сильно поубавилось, и в живых остались самые практичные. «Их власть уменьшилась, и они не станут сейчас пренебрегать ни одним орудием, оказавшимся у них под рукой — особенно когда это орудие несложно задобрить. Второго Дирана в их Совете нет».

Лидиэль вздохнула. Ей была противна собственная меркантильность. Она собиралась держать Киртиана в неведении и манипулировать им, хотя и презирала подобные игры.

Да, Киртиана будут использовать. Но все-таки лучше быть орудием, не ведающим правды, чем мертвым героем.

«Я просто не вижу другого выхода».

Возможно, это ошибка — скрывать от Киртиана истинную природу его новоявленных приятелей-лордов. Но Лидиэль ничего больше не могла придумать.

«Джель подал хорошую идею, — напомнила себе Лидиэль, — на тот случай, если ему покажется, что Киртиану грозит опасность. Все считают, что его отец был сумасшедшим, и никто особенно не удивится, если Киртиан тоже сойдет с ума от перегрузок — они ведь наверняка его перегрузят. О, Предки, почему я не могу защитить его? Где мне взять доспех, что защитил бы его от шипов в той терновой чаще, куда он направляется?»

Лидиэль молилась лишь, чтобы ее решение не оказалось более вредоносным, чем она опасалась.

Глава 10

— Надеюсь, по моему виду не заметно, до чего я нервничаю, — пробормотал себе под нос Киртиан, разглядывая себя в зеркале с позолоченной рамочкой. Он уже сам не мог бы сказать, сколько раз за сегодня гляделся в зеркало, дабы убедиться... А в чем, собственно, он хотел убедиться? Киртиан и сам этого толком не знал. Он знал только, что ему совершенно не хочется походить на сына Киндрета, лорда Гилмора, и его дружков, равно как и не хочется слепо подражать самому лорду Киндрету. Он хотел казаться взрослым и рассудительным, хотел походить на ученого — но чтобы при этом было видно, что он и сам способен выдержать бой. А еще важно было, чтобы его вид свидетельствовал о благополучии и при этом не наводил на мысль о чрезмерной роскоши. По некоторым размышлениям Киртиан решил, что ему хотелось бы производить впечатление того, кто равен лорду Киндрету по уму, но чтобы при этом казалось, что сам он этого не осознает. Киртиан переодевался четырежды — несчастные слуги едва не свихнулись — и в результате остановился на довольно консервативном костюме: тунике и узких брюках из мягкой замши, выкрашенных в ярко-синий цвет. В разрезы на тунике проглядывал серебристый атлас рубахи. Завершили наряд крепкие, надежные сапоги того же цвета; из украшений на Киртиане были лишь тяжелая серебряная цепь да обруч, удерживающий волосы. Драгоценностями лорда Киндрета не удивишь. Он — сильный маг и знает, как легко их изготовить при помощи иллюзий.

Зеркало, в которое Киртиан смотрелся на этот раз, висело у самой комнаты портала. Лорд Киндрет со свитой в любое мгновение мог пройти через портал. Дверь комнаты была открыта; на самом деле, дверь была чересчур узкой, чтобы такая большая группа могла выйти через нее с изяществом. По обеим сторонам от двери выстроились слуги в ливреях цветов дома Прастаран, но из семьи присутствовал один Киртиан. Он являлся официальным главой клана, и если бы мать встречала гостей вместе с ним, это указывало бы, что он находится под ее нездоровым влиянием.

Слуги, превосходно затвердившие свои роли, стояли, скромно опустив глаза, а Киртиан нервно теребил цепь. Наконец-то портал замерцал, и Киртиан, поспешно собравшись, напустил на себя спокойный вид — весь из себя гостеприимный хозяин дома.

Конечно же, первыми сквозь портал шагнули телохранители лорда Киндрета. Одним из них был тот самый боец Каэт, которого Киртиан помнил еще по судебному поединку. Телохранители привычным, отработанным движением скользнули наружу и встали по сторонам портала, отсекая слуг Киртиана от дверей. Должно быть, они постоянно проделывали этот маневр при переходе. Но выглядели они при этом не скучающими, а собранными и настороженными, и это удивило Киртиана. Его слуги не обратили на прибывших ни малейшего внимания; Джель прочел им лекцию о том, чего следует ожидать и что следует делать — а главное, чего делать не следует! Они недвижно стояли на местах, словно подобное полувоенное вторжение было самым обычным делом.

Следующим из проема появился лорд Киндрет в сопровождении своего сына Гилмора. Каэт тут же ненавязчиво придвинулся поближе к своему лорду, так чтобы при необходимости пресечь любое направленное против него враждебное действие. Киртиан тут же двинулся навстречу, поприветствовать гостя, но постарался, чтобы его движения не выглядели угрожающими.

— Добро пожаловать, мой лорд, — сказал он, понизив голос и вложив в свои слова побольше тепла. — Благодарю вас за ваше терпение и за то, что вы любезно подождали, пока мы должным образом приготовимся, дабы принять вас со всеми подобающими вам удобствами и почетом. Надеюсь, вам понравится то, что вы здесь увидите.

Лорд Киндрет принял предложенную Киртианом руку и крепко пожал: это явно было своего рода испытание. Киртиан ответил столь же крепким пожатием, и лорд Киндрет, едва заметно улыбнувшись, отпустил его руку.

— Это я должен поблагодарить вас за гостеприимство, лорд Киртиан, — отозвался он, когда они прошли вперед, дабы дать место прибывающей свите. — У вас тихое, уединенное поместье, и, насколько я понимаю, гости здесь бывают нечасто. Мы наверняка причинили вам много хлопот.

Киртиан, как и полагалось, вежливо запротестовал, приглядывая одним глазом за лордом Киндретом, а другим — за лордом Гилмором и той частью свиты, которая состояла из друзей Гилмора.

— Не знаю даже, как сказать об этом, мой лорд... но мы не ожидали, что гостей окажется так много. Быть может, кто-нибудь из них согласится поселиться во флигеле?

Лорд Киндрет оглянулся через плечо на сына и его приятелей; те явно были навеселе, и не похоже было, чтобы в ближайшее время они протрезвели.

— Лорд Гилмор и его спутники здесь не задержатся, — спокойно произнес он. — Они прибыли лишь для того, чтобы взглянуть на сражение, и сразу после его завершения удалятся.

Киртиан, конечно, сдержал вздох облегчения, но все-таки на душе у него полегчало. Размещение Гилмора с его дружками было наименьшей из назревших проблем, и вот о ней-то Киртиан и позабыл. А если лорд Киндрет со своими слугами был вполне предсказуем, то Гилмор и его пьяные приятели были и непредсказуемы, и опасны для окружающих слуг. Они привыкли всегда поступать по-своему и всегда получать желаемое, и вполне могло случиться такое, что их требования вызвали бы мгновенный, неосознанный протест со стороны слуг-людей — они ведь не привыкли, чтобы с ними обращались как с вещами, не имеющими собственной воли и желаний. Но если Гилмор со своими прихвостнями собрались отбыть сразу после показательных учений — что ж, столько люди Киртиана уж как-нибудь продержатся.

— Мы готовы к учениям, мой лорд, — сказал Киртиан и взмахнул рукой. К нему тут же подбежали несколько предварительно отобранных слуг. — Мои люди проводят ваших слуг в ваши покои, чтобы к тому времени, как сражение завершится, там все было подготовлено по вашему вкусу.

— Отлично.

Киндрет ничего предпринимать не стал, но по жесту Каэта два телохранителя и несколько слуг, несущих багаж Киндрета, присоединились к слугам Киртиана. Люди Киртиана проворно подхватили самые тяжелые вещи и повели приезжих к покоям для гостей. Лорд Киндрет выжидающе взглянул на Киртиана. Тот понял намек и повел остальных сквозь лабиринт коридоров к балкону, примыкающему к малому обеденному залу. Этот балкон выходил на лужайку, на которой проходили празднества. Сегодня же она должна была служить местом битвы.

По такому случаю над балконом для защиты от солнца был установлен навес из великолепной затканной от руки ткани, отчего балкон стал напоминать трибуну для зрителей какого-нибудь турнира. Гостей ждали удобные сиденья и заранее подготовленные освежающие напитки — об этом предусмотрительно позаботилась леди Лидиэль. Киртиан краем глаза заметил, как самодовольное выражение превосходства на лицах

Гилмора и его приятелей сменилось удовольствием и предвкушением. Очевидно, они не ожидали от провинциального поместья столь утонченного гостеприимства.

Теперь Киртиан представил гостям свою мать; Лидиэль немало потрудилась, дабы приобрести вид типичной эльфийской леди. Киртиану редко доводилось видеть, чтобы она была так разнаряжена и причесана, а лицо у нее было безупречным, как у статуи, — в общем, Лидиэль была сама на себя не похожа. Киртиан еще не встречался сегодня с матерью и теперь, увидев ее, мысленно содрогнулся, представив, сколько же слугам пришлось провозиться с ней, дабы добиться такого результата. Серебристые волосы Лидиэли были заплетены в сотни тоненьких косичек, а косички уложены в петли и узлы, скрепленные шпильками с драгоценными камнями. Платье ее состояло из множества слоев дымчатой, тонкой, как паутинка, голубой ткани и из-за длинных рукавов и шлейфа просто не давало возможности заниматься хоть чем-то осмысленным. Но мало того — оно еще и было обшито тончайшим, почти прозрачным кружевом, способным порваться при малейшем натяжении, и, чтобы предотвратить подобное бедствие, приходилось прилагать множество усилий. А еще платье было усеяно крохотными сверкающими драгоценными камнями, и такие же камни, нанизанные на тончайшие серебряные нити, обвивали ее шею. В общем, весь наряд Лидиэли, от макушки до пят, был настолько хрупок, что малейшее движение становилось для него угрозой.

Впрочем, ни одна эльфийская леди не опустилась бы до того, чтобы беспокоиться о сохранности своего наряда. На то, чтобы беречь рукава и подол, а также следить, дабы платье постоянно сохраняло безукоризненный вид, у нее были слуги. Вот и теперь Лидиэль неотлучно сопровождали четыре женщины, единственной задачей которых было следить, чтобы леди могла двигаться легко и изящно, словно ожившая греза.

Эта картина, несомненно, полностью соответствовала тому, что лорд Киндрет ожидал увидеть, потому он просто поцеловал руку леди Лидиэли и провел ее обратно к ее креслу, пока Гилмор и прочие юнцы занимали отведенные им места. Сам лорд Киндрет уселся на почетное место, справа от Лидиэли, а Киртиан устроился слева. Как только все гости расселись, слуги подали бокалы с охлажденным игристым вином и тарелки с разнообразными лакомствами. Джель и Киртиан учли все, вплоть до численности гостей: пока Киртиан беседовал с лордом Киндретом, мальчишка-паж рванул на балкон, дабы сообщить точное количество прибывших эльфийских лордов. В результате сидений оказалось ровно столько, сколько нужно, не больше и не меньше, и слуг тоже — по одному на каждого гостя. Все люди-рабы, включая телохранителей лорда Киндрета, естественно, стояли. Рабы никогда не сидели в присутствии своих господ.

Лишь после того, как все разместились, две «армии» вышли на поле боя. Лорд Киндрет тут же подался вперед, сосредоточив все внимание на участниках сражения. Киртиан с трудом удерживался, чтобы не начать беспокойно ерзать в кресле, — но вовсе не потому, что он сомневался в успехе сражения. Нет, он нервничал просто потому, что сам в этом сражении не участвовал: впервые он оказался наблюдателем. К досаде своей, Киртиан обнаружил, что наблюдатель из него неважный.

Когда отряды ринулись друг на дружку с боевыми кличами, Гилмор с приятелями слегка заинтересовались происходящим. Но по мере того, как бой продолжался и стало ясно, что он будет бескровным, — люди просто начинали светиться алым или синим светом и отходить в сторонку — они быстро утратили всякий интерес к сражению.

— Сколько человек вы можете контролировать одновременно? — негромко спросил лорд Киндрет у Киртиана, игнорируя язвительные замечания и презрительные смешки Гилмора и его приятелей.

— Я точно не знаю, мой лорд, — честно признался Киртиан. — У меня не было случая испытывать эту систему больше чем на тысяче человек одномоментно, так что верхний предел мне неизвестен.

— Тысяча?! — На Киндрета это явно произвело глубочайшее впечатление, хотя его сын и не оценил услышанное по достоинству. — Клянусь Предками, это поразительно! Значит, если несколько магов научатся поддерживать это заклинание совместными усилиями, можно будет обучать целые армии и проводить с ними маневры!

— Думаю, ничего сложного в этом нет, мой лорд, — почтительно отозвался Киртиан. — Особенно если ими будет руководить столь сильный маг, как вы. Я уверен, что вы с легкостью сможете справляться со вдвое большим количеством народа.

Сидящие позади Гилмор и остальные молодые лорды топили печали в вине, откровенно демонстрируя, какое занудство этот бой и как им тут скучно. Но, учитывая интерес и одобре-

ние лорда Киндрета, они не решались выражать свое недовольство слишком громко.

В конце концов их возня достигла той точки, за которой она начала вызывать раздражение уже и у самого лорда Киндрета. Сражение к этому времени превратилось в множество поединков между самыми искусными бойцами, и видно было, что некоторых одолеет лишь усталость — а на это требовалось время. Неожиданно лорд Киндрет встал со своего места, и Киртиан, поняв, что тот имел в виду, дунул в свисток и издал пронзительную трель, послужившую сигналом к окончанию учений.

Все схватки мгновенно прекратились, и во внезапно наступившей тишине лорд Киндрет широко улыбнулся и повернулся к хозяину дома.

— Ваши учения произвели на меня глубочайшее впечатление, лорд Киртиан, — сказал он с такой теплотой, какой не выказывал еще ни разу на памяти Киртиана. — Даже еще более глубокое, чем устроенный вами судебный поединок. Мне не терпится изучить эти новые методы применения магии, и я намерен посвятить этому ближайшие несколько дней. Но я боюсь, у моего сына и его друзей есть какие-то свои планы, и им уже пора... — Киндрет перевел взгляд на сына, и от этого взгляда ошеломленный молодой лорд мгновенно протрезвел. — Ведь тебе пора, Гилмор?

Молодой лорд, испуганный столь внезапным изменением настроения у отца, запинаясь, отозвался:

— Д-да, конечно... Свои планы, договоренности, встречи и все такое, — пролепетал он. — Так что я извиняюсь. Превосходное представление. А теперь нам пора...

— Мои люди покажут вам дорогу обратно к комнате портала, лорд Гилмор, — сказал Киртиан, демонстрируя безукоризненные манеры — никто не справился бы лучше. Он даже виду не подал, будто слышал уничижительные реплики гостей, и притворился, будто не видит, что Гилмор настолько пьян, что вряд ли доберется до портала без посторонней помощи. — Ваш визит и ваша высокая оценка — большая честь для меня. Надеюсь, вы остались довольны нашим гостеприимством и в будущем еще навестите нас.

Гилмор с приятелями гуськом потянулись обратно в обеденный зал; выказанное лордом Киндретом неприкрытое восхищение подействовало на них угнетающе. Язвительные замечания и смешки стихли, словно по волшебству. Киртиан не питал на этот счет особых иллюзий. Пройдя портал, молодые лорды

наверняка тут же примутся язвить с новой силой. Но здесь присутствовал их господин, и господин недвусмысленно выразил свою волю, а молодым лордам оставалось лишь подчиниться.

«Странно, — подумал Киртиан, пока лорд Киндрет обменивался ничего не значащими вежливыми фразами с леди Лидиэлью, а последние из нежеланных гостей проходили сквозь балконную дверь. — Этот Гилмор так любит выпячивать собственную значимость и хвастаться, что я готов бы был поручиться, что он присоединится к молодым лордам и выступит против отца. Лорд Киндрет силен и в обозримом будущем от власти не откажется, а мне что-то начинает казаться, будто Гилмор жаждет власти».

Хотя, возможно, комфорт он все-таки ценит выше власти. Возможно, Гилмор уже осознал, что никогда не осмелится бросить вызов отцу. А может, у него меньше честолюбия, чем было бы у Киртиана, окажись он на месте Гилмора. В конце концов, у Гилмора имелось все — обеспеченная беззаботная жизнь и завидное положение в обществе. А если бы он вдруг занял отцовское место, ему, того и гляди, пришлось бы работать.

Киндрет повернулся к Киртиану, который никак не мог привести мысли в порядок.

— Пожалуй, сейчас я бы предпочел удалиться в свои покои — приготовиться к ужину и обдумать все то, что вы мне продемонстрировали, — сказал Киндрет. — Или вы хотели еще что-нибудь показать?

— Всего одну вещь, и это по дороге, — отозвался Киртиан, слегка улыбнувшись. — Позвольте я вас провожу. Возможно, вы захотите попутно о чем-нибудь меня расспросить.

Они поклонились леди Лидиэли. Та ответила сдержанным кивком, но говорить ничего не стала. Киртиан подождал, пока один из слуг распахнет перед ними двери, а телохранители пристроятся поближе к Киндрету, прежде чем самому занять место рядом с гостем. В прочем же он не обращал на телохранителей ни малейшего внимания.

Они двинулись по коридору. Киндрет внимательно рассматривал все вокруг. На мгновение Киртиан задумался: что же его так заинтересовало? Но Киндрет тут же ответил на его вопрос своим.

— Так вы что, совсем не пользуетесь иллюзиями в доме? — спросил Киндрет, и в голосе его проскользнуло удивление.

— Почти не пользуемся, мой лорд, — отозвался Киртиан и снова позволил себе легкую улыбку. — Возможно, мы несколь-

ко консервативны, но мы — в смысле, мы с матерью — предпочитаем иллюзиям реальность. Иллюзия — это... — Киртиан запнулся, подбирая нужное слово.

— Дешевка? — к удивлению Киртиана, как раз старавшегося избежать этого слова, подсказал Киндрет и иронично приподнял бровь. — На самом деле, я склонен с вами согласиться. Прикрыть подгнившие балки и изъеденный молью гобелен иллюзией способен любой маг-недоучка. А вот для того, чтобы дом и без иллюзий выглядел изящно и уютно, требуется приложить немало трудов. Я бы сказал, что иллюзия — путь лентяев.

— Совершенно с вами согласен, мой лорд. Вероятно, можно сказать, что мы здесь предпочитаем суть внешнему блеску. — Киртиан снова улыбнулся. — Возможно, наш дом старомоден — но такова уж цена наших предпочтений.

За разговором они подошли к старой детской — нынешнему гарему, — и Киртиан притормозил.

— Мой лорд, мне хотелось бы предложить вам все удобства, какими только располагает наш дом. Не угодно ли вам будет пройти внутрь?

Лорд Киндрет, конечно же, не мог не заметить мерцания силовой завесы, закрывающей дверь, — а это означало, что телохранители не смогут последовать за ним. Но он, опять же, не мог не понять, что скрывается за этим предложением, и ему, вероятно, стало любопытно, какой же гарем держит Киртиан, известный своей аскетичностью. Киндрет жестом велел телохранителям присоединиться к двум стражникам, дежурящим у двери, и следом за Киртианом шагнул через порог.

Женщины ждали их. Они тут же подхватились, застыли на миг, чтобы дать лорду Киндрету возможность разглядеть себя, и присели в глубоком реверансе.

Киртиан никогда еще не видел лорда Киндрета настолько удивленным. По правде говоря, великий лорд даже слегка разинул рот от изумления. Потом к нему вернулось самообладание, и Киндрет с лукавой усмешкой повернулся к Киртиану.

— Ну ты даешь! — воскликнул он и хлопнул Киртиана по плечу. — Ах ты хитрец! Теперь понятно, почему тебя не тянет общаться с прочими юнцами. У них все равно не отыщется ничего, сопоставимого с этими тремя сокровищами!

Киртиан слегка поклонился:

— Вот и мне так кажется, мой лорд.

Он подал знак, и молодые женщины, мило зардевшись, снова встали. Лорд Киндрет снова осмотрел их, подолгу задерживая взгляд на каждой.

— Думаю, я приму ваше предложение, — хохотнул он. — Но после ужина. Как говорили Предки, мудрец умеет дорожить предвкушением удовольствия не меньше, чем самим удовольствием.

— Очень верное замечание, мой лорд, — почтительно пробормотал Киртиан. — Очень.

Лорд Киндрет оказался поразительно приятным сотрапезником. Он ел и пил с аппетитом, но без излишеств, хвалил повара и старался вовлечь леди Лидиэль в беседу. Мало-помалу Киртиан расслабился. Визит протекал неплохо. Если все и дальше пойдет в том же ключе, можно считать, что время и силы потрачены не зря.

Когда на стол подали десерт, лорд Киндрет повернулся к Киртиану, и на лице его впервые за все время промелькнула некоторая неуверенность.

— Лорд Киртиан, меня очень давно интересует один вопрос... но мне не хотелось бы причинять неудобство ни вам, ни вашей матушке.

— И что же вас интересует? — переспросил озадаченный Киртиан.

Ответ Киндрета оказался для него полной неожиданностью.

— Меня очень интересует — давно интересовал — ваш покойный отец. Точнее говоря, мне хотелось бы знать, что заставило его пропасть в глуши. Я слышал, как некоторые высказывались о нем совершенно неподобающим образом, но я встречался с вашим отцом до его исчезновения и, исходя из собственных наблюдений, твердо уверен, что он ничего не делал без веских на то причин.

Киртиан взглянул на мать. Та едва заметно кивнула. Безмолвное послание было совершенно ясным: она разрешала Киртиану рассказать кое-что из того, что ему было известно.

Киртиан откашлялся, прочищая горло.

— В нашей семье бытует предание — многие назвали бы его легендой, — что, когда эльфы только-только пришли сюда из Эвелона, прихваченные с собою механизмы и большинство книг оказались для них слишком тяжелой ношей. На переселенцев свалилось множество неотложных хлопот: им нужно было отвоевывать себе место под солнцем в новом мире, а древние знания ничем не могли в этом помочь. А потому все эти вещи оказались не преимуществом, а обузой, и вскоре после того, как начались поиски более гостеприимных мест, их

припрятали в каком-то тайнике. И почему-то за ними так и не вернулись — возможно, по той простой причине, что эльфийские лорды оказались слишком заняты, подчиняя местных жителей. Вот эти-то тайники, скрывающие древние знания, и разыскивал мой отец, когда пропал сам.

— Очень интересно. — Лорд Киндрет в задумчивости прикусил нижнюю губу. — Если предположить, что мы утратили некие полезные знания, тот, кто отыщет эти припрятанные материалы, обретет заметное преимущество.

— Поскольку я позаимствовал мои методы обучения бойцов из сохранившихся у нас старинных книг, то у меня есть все основания подозревать, что мы позабыли или утратили очень многое, — сдержанно отозвался Киртиан. — Честно говоря, я понятия не имею, что же это могут быть за знания — и отец тоже этого не знал. У нас просто не хватает информации, чтобы строить обоснованные предположения.

О том, что леди Лидиэли было кое-что известно об этом и она пересказывала Киртиану не только предания клана Прастаранов, но и предания ее семейства, Киртиан упоминать не стал. Все эти истории были весьма нелестными для великих лордов.

И, вероятно, больше всего усилий великие лорды прилагали к тому, чтобы позабытой оказалась история о Переходе. А правда была такова: в Эвелоне произошла гражданская война, и те, кто совершил Переход, принадлежали к проигравшей стороне. Предки нынешних эльфийских лордов решили бежать сквозь Врата, сооруженные их совместными усилиями, в надежде, что им удастся обнаружить по ту сторону Врат гостеприимные земли, не слишком плотно заселенные местными жителями. Особого выбора у них не было. Нужно было либо уходить, либо сдаваться на милость победителей, которые отняли бы у них силу. Да, проигравшим сохранили бы жизнь, но они бы жили в рабстве и бесчестии.

«Официальная» история почти ничего не рассказывала о той войне и даже намеком не сообщала, что эльфийские лорды могли потерпеть поражение в этом конфликте. Вместо этого Предков принято было считать бесстрашными первопроходцами, которым наскучила вечно неизменная, однообразная жизнь в Эвелоне, и они решили пойти своим путем.

Леди Лидиэли были известны и еще кое-какие подробности, передававшиеся у них в роду по женской линии. Хотя договорено было, что все эльфийские маги должны объединить маги-

ческие силы, некоторые, наиболее эгоистичные и неразборчивые в средствах, придержали свою силу. И в результате после прохождения через Врата одни оказались выкачаны досуха, а у других осталось достаточно сил, чтобы прорваться в правители.

В этом-то и заключалась разница между Первыми великими и меньшими лордами — а вовсе не в уме и наследственной силе, как заставили всех верить великие лорды.

— Переправив сюда машины, эльфы, похоже, столкнулись с определенными трудностями. Возможно, из-за разрушительного воздействия Врат, возможно, от чего-то еще, но они перестали работать и были оставлены. Мой отец обнаружил один любопытный документ — его автор предполагал, что из военных машин, переправленных сюда, можно вытянуть магию, — продолжал Киртиан. — Если это и вправду так, значит, такая машина представляет собой резервуар магии, из которого можно зачерпнуть, когда собственные силы мага истощены.

И снова лорд Киндрет слегка сузил глаза, задумавшись над такой возможностью. Отец Киртиана намеревался восстановить магию тем эльфам, которые страдали от ее нехватки — если, конечно, окажется, что это возможно. А лорд Киндрет, вероятно, прикидывал, как бы заполучить всю эту магию себе и выделять лишь тем, кому он сочтет нужным.

Это поставило бы Киндрета в небывалое положение, возвысив его над всеми прочими лордами, и дало бы ему невиданный доселе способ манипулировать ими. Маг, заполучивший в свое распоряжение подобные ресурсы, мог стать тем, кого у эльфийских лордов никогда еще не бывало.

Он мог стать королем.

— Как бы там ни было, именно поэтому отец и отправился в экспедицию — чтобы отыскать эти книги и машины. Естественно, ни один разумный эльф не мог бы поручить подобное дело людям-рабам. Если бы столь опасные и непредсказуемые вещи оказались в руках рабов — кто знает, чем это грозило бы нам? — закончил Киртиан. — В конце концов, у людей ведь имеется собственная разновидность магии — и мы не знаем, как подействовали бы на них эти машины. А вдруг они освободили бы людей от ошейников? Вдруг они дали бы им силы, сопоставимые с нашими?! Нет, подобные дела отец предпочитал делать в одиночку.

— Да, я его понимаю... Ваш отец был куда более мудр, чем многие подозревали, — очень серьезно произнес лорд Киндрет. — И теперь вы дали мне еще один повод для раздумий...

Киртиан покачал головой:

— Но что касается утерянных машин и спрятанных книг — со всем этим придется подождать до тех пор, пока мы не разберемся с полукровками и нашей же взбунтовавшейся молодежью.

Киртиан намеренно построил ответ таким образом, чтобы дать понять, что он противопоставляет себя молодым лордам. И лорд Киндрет улыбнулся, услышав его слова.

— Вы правы, — отозвался великий лорд. — И прежде чем заняться этим, нам надо завершить множество других дел — и первым делом отдать должное этому великолепному десерту.

Киртиан мысленно перевел дух и ответил улыбкой на улыбку Киндрета. Его приняли — возможно, не как равного, но уж точно как союзника. А это значит, что планам кузена Аэлмаркина пришел конец — по крайней мере, на ближайшее время.

— Чистая правда, мой лорд, — пробормотал он. — Вы, как всегда, совершенно правы.

Глава 11

На следующее утро с плеч Киртиана свалилась еще одна забота. Едва проснувшись, Киртиан тут же поспешил в гарем. Если с молодыми женщинами случилась какая-нибудь неприятность, он должен разобраться с этим сам. В конце концов, он за них отвечает.

Но оказалось, что лорд Киндрет обошелся со всеми тремя наложницами вполне неплохо; он даже подарил всем трем драгоценные украшения, чтобы их порадовать. Так что наложницы были взбудоражены и счастливы, и даже не старались скрыть своих надежд на очередной визит — и новые подарки — со стороны великого лорда. Киртиану это показалось очень трогательным. Наложницы так радовались этим побрякушкам — словно маленькие девочки куклам.

В свите Киндрета были еще три эльфийских лорда, но ни один из них не обладал настолько высоким статусом, чтобы ему тоже полагалось предлагать наложниц. Так что им придется блюсти вынужденное воздержание, пока они не вернутся к себе, ибо о приставании к домашним слугам — если только хозяин не предлагал их гостям или они сами себя не предлагали — даже речи идти не могло. Такое, в принципе, могло бы

все-таки произойти, если бы лорд Киндрет прохладно отнесся к Киртиану — но не сейчас, когда великий лорд открыто демонстрировал свою приязнь к хозяину дома. Так что Киртиан мог вычеркнуть хотя бы одну мелкую заботу из своего длинного списка хлопот: гость не будет обижать наложниц, а вассалы Киндрета не посмеют скверно обойтись с домашней прислугой.

Как только лорд Киндрет покинул свои покои и перекусил, весь остальной день прошел под знаком странной перемены ролей: Киртиан обучал старого лорда искусству управления учебным боем.

Киртиану было здорово не по себе. Уж больно опасным было это занятие, и отнюдь не с магической точки зрения. Просто Киртиану следовало одновременно и исполнять обязанности наставника, и в то же время выказывать Киндрету почтение, как младший лорд — великому, но вместе с тем не заискивать перед ним. Киртиан шел по лезвию ножа меж двумя крайностями, и, чтобы заполучить покровительство лорда Киндрета, ему нельзя было отклониться ни в одну, ни в другую сторону.

Но Киндрет так сильно жаждал овладеть этими знаниями, что всячески демонстрировал свою готовность пойти навстречу и вообще был само очарование, так что Киртиан постепенно расслабился и принялся просто наставлять гостя.

Киртиан собрал всех своих бойцов, чтобы можно было отрабатывать упражнения на них, но поначалу заклинания накладывал только он. Он был достаточно уверен в своих силах и считал, что сумеет исправить любую ошибку лорда Киндрета, прежде чем та нанесет какой-нибудь вред. И его люди воистину доверяли своему лорду, ибо воспринимали это как нечто само собой разумеющееся и непринужденно стояли, спокойно ожидая, пока лорд Киндрет впервые продерется через хитросплетения незнакомой магической системы. Тут требовалось очень осторожное, строго дозированное магическое воздействие, чтобы боец даже в горячке сражения почувствовал предупреждающее покалывание, сообщающее, что его зацепили, — но чтобы при этом магия не причиняла ему боли, ибо это было бы совершенно непродуктивно.

— Этот способ совершенно противоположен тому, при помощи которого мы сейчас обучаем гладиаторов, — заметил Киндрет, остановившись, чтобы вытереть лоб; безукоризненно белый шелковый платочек он тут же бросил на землю, совершенно не задумываясь, что с ним будет дальше. Слуга лорда

Киндрета тут же подхватил платочек и снова отступил назад. Киндрет даже не заметил этого его движения. — Считается, что, когда гладиаторы тренируются — даже с тупым оружием, они должны чувствовать боль при каждом пропущенном ударе, ибо только так можно улучшить их оборону.

— Да, но пропущенный удар может покалечить человека даже при обучении, — указал Киртиан. Его боец тем временем терпеливо ждал, пока Киндрет завершит заклинание. — Чему можно научиться на собственных ошибках, если ты так не скоро сможешь вернуться к тренировкам — люди ведь долго оправляются от травм? Психологическая подготовка так же важна, как и сами тренировки — во всяком случае, так мне говорит мой опыт.

— О, вы и так говорите с новоприобретенным сторонником, мой юный друг, — хохотнул Киндрет, небрежно растирая руки, как будто те неважно его слушались. — Я постоянно теряю множество прекрасных, многообещающих экземпляров из-за так называемых несчастных случаев при обучении. Это дорогое удовольствие — а теперь, когда нам нужны не гладиаторы, а бойцы, пригодные для настоящих сражений, оно становится чрезмерно дорогим.

Киндрет снова вернулся к прерванному упражнению, и вокруг бойца начала формироваться слабо светящаяся аура.

— На самом деле, если человек слишком упрямый и не хочет признаваться, что его таки достали, я усиливаю удар, чтобы он действительно почувствовал боль, — признался Киртиан, наблюдая за стараниями лорда Киндрета. — Некоторых так захватывает горячка боя, что их просто не отрезвит ничего, кроме настоящей боли.

— А вот таких я бы ставил в первые ряды, — насмешливо заметил лорд Киндрет, искоса взглянув на Киртиана. — Раз уж они такие непробиваемые. Мне такие встречались: их в сражении охватывает нечто вроде боевого безумия. Если они находятся в первых рядах, то это довольно полезно, но вообще-то они равно опасны и своим, и чужим. Я бы их помещал на острие удара; пускай они проламывают вражеский строй, а уже за ними пойдут бойцы, сохраняющие самообладание.

Киртиан кивнул, хотя ему нестерпима была сама мысль, что кого-то из его бойцов поставят в первые ряды при настоящем сражении. Он прищурился, наблюдая за успехами лорда Киндрета.

— Вот оно, — заметил Киртиан. — Это именно тот уровень, на который в среднем следует ориентироваться. Отлично!

Киндрет распространил контроль на стоящих вокруг бойцов, а Киртиан тем временем пошевелил плечами, чтобы хоть немного сбросить сковавшее их напряжение.

— А теперь займемся производством оружия. — Киртиан улыбнулся. — На самом деле тут нет ничего сложного. Эта процедура почти не отличается от создания качественной иллюзии.

Стоило Киндрету освоить изначальную магическую модель, и вскорости он уже мог быстро создавать копии для всех бойцов, сколько их тут было у Киртиана.

— Просто поразительно! — воскликнул Киндрет, когда число им созданных мечей перевалило за два десятка. Глаза его слегка округлились. — Первый меч создается с трудом, но стоит справиться с этим, и дальше они почти не отнимают сил! Я думал, эта процедура окажется куда более накладной в том, что касается расхода личной силы.

— Я полагаю, тут вся загвоздка в том, что вы на самом деле не повторяете магическое действие, а просто расширяете его таким образом, чтобы включить в зону его воздействия каждого следующего бойца, — заметил Киртиан, довольный тем, как быстро лорд Киндрет освоил непривычную технику работы. «Чем быстрее он этим всем овладеет, тем быстрее он удалится, и тем быстрее мы сможем покончить с этим маскарадом». — Надеюсь, вам эта идея кажется осмысленной!

— Даже очень осмысленной. — Киндрет как-то странно взглянул на Киртиана. — А что, вы изучаете еще и теорию магии? Это весьма сложная область знаний, доступная лишь немногим. Я никак не ожидал, что ею займется не ученый, а... скажем так, солдат.

— Ну, немного занимался. Мне пришлось кое в чем разобраться, когда я учился воспроизводить вот это вот... — Киртиан сделал неопределенный жест, указывая на присутствующих бойцов. — Вы только не подумайте — я вовсе не гений и даже особыми исследовательскими способностями не обладаю. Просто, когда меня что-то интересует, мне хватает терпения и настойчивости докопаться до сути.

На миг лицо лорда Киндрета приобрело озадаченное выражение, как будто позиция Киртиана поставила его в тупик, но он не стал ничего говорить.

— Ну так что, может, разобьем бойцов на пары и посмотрим на эту магию в действии? — предложил Киртиан, недоумевая, что бы это могло значить. «Может, я перебрал со скромностью? Или преждевременно раскрыл свои планы? Или просто Киндрет привык, что все вокруг только и делают, что похваляются своими достижениями?»

— Отличная мысль.

Лорд Киндрет подошел к самому краю площадки, и Киртиан подал сигнал к началу спарринга. Не могло быть никаких сомнений: лорд Киндрет чрезвычайно доволен тем, что созданная им копия магии работает не хуже, чем киртиановская.

В свою очередь, Киртиан был не менее доволен. Ему впервые не нужно было поддерживать обе стороны заклинания, и в результате у него появилась возможность более полно оценить мастерство его людей.

Киртиан знаком приказал бойцам остановиться и повернулся к гостю; обоих равно переполняло ощущение успеха.

— Вы поразительно быстро учитесь, мой лорд. Ваше мастерство мага бесспорно, — сказал Киртиан без всякой задней мысли, вовсе не собираясь льстить Киндрету. — Думаю, мне нечему больше вас учить. Вы уже овладели этой техникой, и теперь вам нужна только практика. Вероятно, со временем вы будете приводить это заклинание в действие даже быстрее, чем я.

— Практиковаться я вполне могу и дома. Я не намерен злоупотреблять вашим гостеприимством, — тут же отозвался великий лорд, к облегчению Киртиана — хотя тот, конечно же, постарался скрыть это облегчение.

«Он хочет отбыть так быстро! Хвала Предкам!»

— Ну что вы! Это большая честь — принимать вас у себя, — ради приличия возразил Киртиан.

— И большие хлопоты, если уж говорить начистоту, — с оттенком насмешки произнес Киндрет. — Киртиан, я же не слепой. Конечно, вы с матерью живете в достатке, но все-таки ваши средства ограничены, и я вас обременяю. У вас небольшое и очень уединенное поместье, и я со своей свитой нарушаю ваш привычный образ жизни, как бы вы ни старались это скрыть. Я прошу вас потерпеть мое общество всего лишь еще один вечер — мне хочется кое-что с вами обсудить. Но завтра я отбуду вместе со свитой и оставлю вас в покое. Ну а пока что мне очень хочется выкупаться и отдохнуть!

И прежде чем Киртиан успел хоть как-то отреагировать на столь необычное заявление, лорд Киндрет хлопнул его по плечу, словно старого друга, и отвернулся, чтобы снять с бойцов наложенное им заклинание. А потом размашисто зашагал к дому, видимо, направляясь в гостевые покои, предоставив Киртиану самому разбираться со своими людьми.

— Молодцы, ребята. Джель, продолжай тренировку, — вот и все, что посмел сказать Киртиан.

Мало ли, вдруг за ним исподтишка наблюдают? Он восстановил заклинание, и сержант Джель, приняв командование, тут же гаркнул: «Разбиться на пары! К бою!» Киртиан — скорее наблюдатель, чем участник, — смотрел, как бойцы отрабатывают обычные упражнения, меняют оружие, меняются в парах — и так продолжалось до тех пор, пока все не взмокли и не вымотались. Киртиану было очень трудно держаться в стороне; рука его то и дело тянулась к рукояти меча, а несколько раз Киртиан лишь ценой больших усилий удержался, чтобы не исправить допущенные ошибки. Но ему не подобало заниматься этим самостоятельно. Ему полагалось терпеть и ждать, пока с ошибками разберется Джель. Киндрет вполне мог оставить где-нибудь наблюдателя. А мог и использовать для слежки магический «глаз». Нельзя, чтобы кто-то увидел, что Киртиан сам лезет в это дело, словно он ровня своему тренеру. Лишь после того, как люди окончательно выдохлись, Киртиан велел прекратить тренировку и отправил их обратно в казармы под присмотром сержанта Джеля. И только после этого у него появилась возможность вернуться в кабинет матери и выяснить, чем же занимались трое вассалов лорда Киндрета, пока они с Киндретом возились с бойцами.

Когда Киртиан поднялся на верхний этаж башни, леди Лидиэль уже ждала его. Должно быть, она увидела, как сын идет сюда со стороны тренировочной площадки.

— Тенебринт повез их на прогулку, — сообщила она с проницательностью, наводящей на мысль о человеческой магии, прежде чем Киртиан успел открыть рот. — Они хотели погулять. Думаю, они просто заскучали от безделья. Тенебринт повез их в наши охотничьи угодья. Это достаточно далеко от всех деревень, так что ничего плохого случиться не должно. Может, они даже малость поохотятся. Смотри — их еще видно. Во-он там...

Киртиан, повинуясь указующему жесту матери, подошел к западной стене кабинета и, присмотревшись, увидел вдали четыре яркие точки, едущие вдоль лесной опушки, — с такого расстояния она казалась просто расплывчатой зеленой полосой.

— А люди-рабы Киндрета? — спросил Киртиан, не отводя взгляда от далеких всадников.

— Они не выходили из гостевых покоев — не считая телохранителей, которые наблюдали за тобой и Киндретом, — спокойно сообщила Лидиэль. — А некоторые наши люди, в свою очередь, следили уже за телохранителями. Интересно, сколько таких слоев наблюдателей за наблюдателями разведется здесь, прежде чем они начнут наталкиваться друг на дружку?

Киртиан отвернулся от окна и заметил, что мать насмешливо улыбается

— А что, интересный был бы эксперимент. Этот человек, Каэт, очень умен и проницателен. Он наверняка понимает, что за его людьми будут постоянно присматривать. Мне бы не хотелось, чтобы они с Джелем схлестнулись. Боюсь, кое в каких вопросах он круче Джеля.

— Ну что ж, надеюсь, нам никогда не придется это проверять на опыте. — Лидиэль внимательно взглянула на сына. — Ну, а ты о чем умалчиваешь? Киндрет что-то сказал?

— Скорее, о том, что он только собирается сказать, — вздохнул Киртиан, слегка раздосадованный тем, что мать так легко заглядывает ему в душу. «Хотя я мог бы уже и привыкнуть, что от нее ничего не скроешь — даже пробовать бесполезно». — Он довольно быстро освоил эту технику — по правде говоря, куда быстрее, чем я предполагал. Не знаю, какими еще достоинствами он обладает, но статус великого лорда и опытного мага ему принадлежит вполне заслуженно.

— Киртиан, не надо заговаривать мне зубы и уводить разговор в сторону. Я уже слишком стара, чтобы ловиться на такие фокусы, — несколько резко отозвалась Лидиэль. — Что там такого он «только собирается сказать»?

— Он дал понять, что желает что-то обсудить со мной, возможно, за обедом или после него. Что именно — понятия не имею.

Киртиан пожал плечами и попытался сделать вид, будто ничего особенного в этом нет, но на лице Лидиэли тут же проступило беспокойство — и она сразу же постаралась скрыть его.

— Что еще он сказал? — спросила она с чуть-чуть преувеличенной небрежностью.

— Да почти ничего — только что он со свитой собирается отбыть завтра утром. Как по мне, чем скорее, тем лучше.

Довольно строгий наряд, в который Киртиана засунули сегодня утром, мешал молодому лорду двигаться, и Киртиан разрушил все плоды усилий слуг, расстегнув воротник туники и встревоженно проведя рукой по волосам.

— Ну что ж, хоть одна хорошая новость. — Леди Лидиэль откинулась на спинку кресла. — Я знала, что этот наш маскарад окажется утомителен, но я никак не предполагала, что он будет настолько утомителен!

Киртиан кивнул, показывая, что разделяет ее мнение, и снова взглянул в окно. Крохотные фигурки были уже не настолько крохотными — они заметно подросли. Должно быть, всадники решили, что нагулялись на сегодня. А может, Киндрет призвал своих вассалов обратно при помощи магического послания.

— Если я собираюсь продолжать игру, леди-мать, мне нужно спуститься в свои покои и переодеться к обеду. Поскольку сегодня Киндрет гостит у нас последний вечер, не следует ли нам придумать что-нибудь... ну, особенное.

— Конечно, следует. И я последую твоему примеру сразу же, как только поговорю с поварами. — Лидиэль поднялась, обошла вокруг стола и нежно поцеловала сына в щеку. — Мы должны выказать ему все уважение, какое только возможно. Нам необходимо убедить лорда Киндрета, что мы затворники, но не варвары и не сумасшедшие.

Киртиана терзало сильное искушение нарушить давнюю привычку и воспользоваться иллюзией для создания одежды, ибо наряд, который выложили перед ним слуги, ну никак не соответствовал его вкусу. Да, он производил сильное впечатление — но бархатная туника скромного полночно-синего цвета была так плотно расшита золотом и крохотными сапфировыми и изумрудными бусинками, что весила не меньше доспеха. А от этого высокого воротника он свихнется еще до конца вечера!

Но все-таки Киртиан смирился и позволил слугам натянуть на него негнущуюся одежду и явился в большой обеденный зал раньше своего гостя. Леди Лидиэль каким-то образом вдохновила поваров на чудеса, ибо все свидетельствовало о том, что обед вот-вот подадут. На столе, накрытом белоснежной камчатной скатертью, у каждого прибора стоял добрый десяток различных бокалов, а сервант был уставлен маленькими тарелочками и завален бесчисленным количеством особых ножей, вилок и ложек, предназначенных, в соответствии с требованиями этикета, для разных перемен блюд. Но у каждого места стояла одна-единственная тарелка — опять же, в соответствии с требованиями этикета — и не лежало совершенно никаких

столовых приборов. Серебряные приборы, предназначенные для каждого блюда, подавались вместе с этим блюдом и уносились вместе с ним, дабы не допустить какого-нибудь ложного шага со стороны гостя. Когда лорд Киндрет и три его вассала, сопровождаемые слугами, вошли в зал, эти приготовления произвели впечатление даже на них.

Последней появилась Лидиэль в обманчиво простом платье, которого Киртиан никогда прежде на ней не видел. Лишь после того, как она подошла поближе, стало видно, что простой у этого платья лишь «покрой» — облегающие рукава и скромный вырез. А так оно было сделано из крохотных, не больше мошки, серебряных пластин, соединенных между собою серебряными же звеньями. А каждая пластинка была украшена крохотным бриллиантиком величиной с булавочную головку. Казалось, будто Лидиэль облачена в сверкающую рыбью чешую или в ту самую знаменитую драконью шкуру.

— А я еще думал, что это у меня ужасно тяжелый наряд! — в благоговейном ужасе прошептал Киртиан. Он даже не знал, что у матери имеется такое платье. Это явно не иллюзия. Но откуда же оно взялось?

«Интересно, а от ножа оно защитит?» — подумал он, ожидая, пока Лидиэль усядется. Ясно одно — платье очень, очень старинное. Может даже, оно попало сюда из Эвелона. Если это и вправду так... тогда, возможно, в те давно минувшие дни дамы вынуждены были надевать доспехи даже на праздничную трапезу — делая при этом вид, что поступают так исключительно по собственной прихоти.

Все расселись на свои места, и торжественный обед начался. Блюдо следовало за блюдом, и через некоторое время Киртиан сбился со счета. Все блюда подавались крохотными порциями, чтобы только распробовать деликатесы, — а потом тарелки стремительно исчезали и на их месте тут же возникали новые. Холодные блюда и горячие, острые, соленые, сладкие, кислые, ароматная лапша, слегка обжаренные и приправленные пряностями овощи, которым придан вид цветов, и салаты из лепестков цветов, мясо с редкими травами и соусами и супы, горячие и холодные. И к каждой перемене блюд подавался свой напиток — не обязательно вино. С тем же успехом это мог быть сок, чай или ароматизированная родниковая вода — словом, то, что наилучшим образом подчеркивает вкус блюда.

Это нельзя было назвать трапезой — это был некий самоценный процесс. Киртиан был потрясен, а лорд Киндрет — нет. Но

зато Киндрет явно был очень доволен. Время шло, солнечный свет угас, и на потемневшем небе вспыхнули звезды. Киндрет и его вассалы были обаятельны, а леди Лидиэль — очаровательна и остроумна. Киртиана переполнял благоговейный трепет. Он никогда прежде не видел свою мать такой, и ему пришлось изрядно напрячь свое остроумие, чтобы не отстать от остальных сотрапезников.

Наконец-то было подано последнее блюдо. О том, что оно последнее, возвестило исчезновение всех слуг-людей; они поставили перед обедающими тарелки и словно испарились. На каждой тарелке красовалась небольшая, размером с ладонь леди Лидиэль, фигурка — Лев дома Киндретов, сделанный из золотистого фруктового льда и украшенный кристаллами сахара и перламутровыми льдинками.

Лорд Киндрет встал и поднял бокал за леди Лидиэль.

— Дражайшая хозяйка дома! — тепло и восхищенно произнес он. — Я просто не представляю, как вам удалось наколдовать настоящее придворное празднество так, что никто ничего и не заметил, — но я желаю заявить, что вы, несомненно, не уступите любому великому магу этих земель. Я преклоняюсь перед вашим мастерством. Я пью за вас, леди Лидиэль!

Все остальные поддержали тост, а Лидиэль ответила на комплимент изящным наклоном головы.

Киндрет уселся обратно.

— Теперь я вижу, что мои суждения о вашем доме были верны. Если вы и не появляетесь в Совете, то не потому, что вы этого не заслуживаете, а лишь потому, что вы этого не желаете.

Он перевел взгляд с Лидиэли на Киртиана и обратно. Поскольку Киндрет явно ожидал ответа от Лидиэли, ей таки пришлось ответить.

— Мой лорд Киндрет, наша семья давно уже предпочитает уединение. Мы живем тихо и даже, можно сказать, замкнуто, — пробормотала Лидиэль. — И отнюдь не из-за неподобающей гордости, смею вас заверить, а лишь из скромности и искренней привязанности к уединенной жизни. Все мы — мой покойный муж, его отец, мой сын, да и я сама — по складу характера ближе к ученым, чем к придворным, и жизнь отшельников прекрасно нам подходит. Возможно, наши потребности и развлечения покажутся вам непритязательными, но они вполне соответствуют нашим желаниям. А желания наши нацелены скорее на внутренний, чем на внешний мир, и если другие на-

ходят внешний мир возбуждающим, нам он кажется суетным и беспокойным.

Киндрет вздохнул — пожалуй, несколько нарочито.

— И я искренне желал бы, моя леди, чтобы вы и впредь продолжали наслаждаться этой спокойной жизнью, но, я боюсь, нынешние времена не позволят вам скрывать те редкостные таланты, что таятся в вашей маленькой тихой гавани.

Затем он повернулся к Киртиану:

— Лорд Киртиан, мне нет нужды говорить вам, что в обществе вас считают невеждой — вы уже наверняка слышали это от вашего родича Аэлмаркина. Принимая ваше приглашение, я готов был проигнорировать эту репутацию. Но, побывав здесь, я обнаружил, что ваш родич высказывался не просто нетактично, он... — Киндрет покачал головой. — Мне не хватает слов. Аэлмаркин настроен по отношению к вам крайне предвзято — либо он просто слеп. За последние два дня я увидел и услышал достаточно, чтобы убедиться: вы, лорд Киртиан, несмотря на все ваши отговорки, — военный гений. Ваше увлечение — это не просто эксцентричное хобби, это призвание свыше.

Киртиан попытался было возразить, но Киндрет взмахом руки заставил его умолкнуть.

— Вы, не имея никакой помощи, за исключением нескольких древних манускриптов, открыли метод, позволяющий подготавливать бойцов за столь же краткий срок, как это бывало в минувшем, — и при этом, как вы справедливо указали, позволяющий избежать преступной траты ресурсов. Я видел ваши способности стратега в действии, я видел, как внимательно и вдумчиво вы относитесь к каждому аспекту военной жизни. Лорд Киртиан, вы не можете и дальше вести жизнь отшельника. Вы отчаянно нужны нам. Вы нужны Совету.

— Я... у меня просто в голове не укладывается, что вы такое говорите, — запинаясь, пробормотал Киртиан. Киндрету таки удалось застать его врасплох. — Вы уже овладели этими заклинаниями, и вы — куда более сильный маг, чем я...

— Нам нужны ваши познания в военном деле, — настойчиво повторил Киндрет. — Сейчас, когда идет война с волшебниками и разгорается мятеж наших неблагодарных отпрысков, у нас слишком мало лордов, достаточно мудрых и знающих, чтобы взять командование на себя, и никого, кто сравнился бы с вами в таланте. Вы нужны нам, лорд Киртиан. Нам нужно, чтобы вы возглавили нашу армию.

Киртиан боковым зрением заметил, как напряглась мать, и понял, что ей, в отличие от самого Киртиана, это требование совершенно не по вкусу.

— Но у вас уже есть предводители, — возразил он. — И они занимают куда более высокое положение в обществе, чем я. Я не осмелюсь...

— Если за вами буду стоять я, никто не посмеет спорить с вами, — мрачно возразил Киндрет. — Я легко сумею убедить всех членов Совета, что вы — единственный приемлемый для нашей армии главнокомандующий.

Киртиан был ошарашен. Он надеялся, что признательность Киндрета позволит ему хотя бы какое-то время не опасаться враждебности Аэлмаркина. Но он никак не ожидал, что Киндрет предложит ему занять место среди величайших из великих лордов!

— Лорд Киндрет, пожалуйста, не сочтите меня неблагодарным... скорее я просто ошеломлен, — кое-как выдавил Киртиан. — Но ведь вы же понимаете — у меня нет никакого практического опыта!

Лорд Киндрет приподнял бровь.

— Весь практический опыт нашего нынешнего главнокомандующего ничем ему не помог, — заметил он. — Вся ситуация с нашими молодыми мятежниками уже больше месяца назад зашла в тупик.

Помолчав, он добавил:

— И я прошу вас ни с кем более этого не обсуждать. Об этом знают лишь члены Совета.

— В тупик... — Киртиан облизал губы. — Насколько большую территорию они удерживают?

— В руках мятежников находится около половины имений, — ответил Киндрет. — К счастью для нас, среди них нет ни одного, которое оказалось бы жизненно важным для нашей экономики — они поставляли в основном предметы роскоши и рабов. И тем не менее значительная территория находится в недружественных руках — и на этой территории есть очутившиеся во враждебном окружении поместья, по-прежнему находящиеся во власти лояльных эльфов. Они нуждаются в помощи — и заслуживают того, чтобы им эту помощь оказали.

Теперь он бросил пронизывающий взгляд на Лидиэль.

— И если я только не ошибаюсь, одно из этих имений принадлежит вашей родственнице, леди Мортене.

— Леди Мот?

Лидиэль побледнела. Киртиан прикусил губу. Леди Мот никогда не принимала ничью сторону, и если бы мятежники причинили ей какие-то неприятности, леди Лидиэль, несомненно, уже узнала бы об этом. Но ей вполне могла угрожать опасность — к сожалению, в этом сомневаться не приходилось.

— Поместье леди Мортены окружено со всех сторон. Она оказалась в западне, — продолжал Киндрет, глядя то на Лидиэль, то на Киртиана. — Она пока что сохраняет контроль над своими рабами и благодаря этому не допускает никаких вторжений в свои земли. С другой стороны, мятежники пока что не предпринимали сколько-нибудь серьезных попыток схватить ее. Но что, если они вдруг увидят в ней ценный материал для торговли? Она — великая леди. Если ее схватят и будут удерживать в плену против ее воли, чести высших лордов и Совета будет нанесен урон. Мы вынуждены будем либо предоставить ее собственной судьбе — а это немыслимо, либо принять условия мятежников — что столь же немыслимо.

«Все это немыслимо». Киртиан скрипнул зубами. Киндрет понял — либо догадался, — что он, Киртиан, безоговорочно предан всем членам своей семьи, которые заслуживают преданности, — в отличие от Аэлмаркина. Киртиан знал, что территория, занятая мятежниками, граничит с владениями леди Мот, — *она сама им об этом сообщила. Молодые лорды не мог*ли заблокировать телесоновую связь — да даже и не пытались, на самом-то деле. До сих пор леди Мот вроде бы нимало не беспокоило то, что она оказалась в окружении молодых лордов, — она даже выказывала по отношению к ним некоторую симпатию. Но лорд Киндрет был совершенно прав: если молодые лорды пожелают, они с легкостью захватят леди Мот, чтобы использовать ее как разменную монету в переговорах. Киртиан быстро взглянул на Лидиэль и убедился, что это не праздные размышления, а вполне реальная возможность.

— Дайте мне время, лорд Киндрет, — в конце концов выдавил из себя Киртиан. — Мне нужно подумать над вашими словами. Я... ошеломлен. Мне надо привести мысли в порядок.

— Я прекрасно вас понимаю, — серьезно произнес Киндрет, но в глазах его промелькнуло довольное выражение. Он уже понял, что Киртиан согласится, равно как и Киртиан понял, что должен будет согласиться. Все это было лишь вопросом времени, а время сейчас играло не на руку Киртиану.

Глава 12

Лорд Киндрет удалился в гостевые покои, на попечение собственных опытных рабов, с чувством глубокого удовлетворения. Мало того, что его угостили трапезой, приготовленной, сервированной и обставленной с изяществом, сделавшим бы честь и празднеству при высшем дворе, — Киндрет прекрасно сознавал, что только что приобрел чрезвычайно ценного сторонника. Он видел, как юный Киртиан отреагировал на двойное искушение: искушение властью и возможностью поиграть в героя. Реакцию леди Лидиэли он тоже заметил. Возможно, мальчишка наивен, но мать у него далеко не дура, и она понимает, что подобные предложения, исходящие от Киндрета, великого лорда и члена Совета, отклонить нельзя.

«Кроме того, она прекрасно понимает, что без моего покровительства этот их кузен так и останется для них вечной занозой в боку, а может, даже и сумеет отыскать достаточно могущественного покровителя, чтобы отнять у них все имущество, — довольно подумал он. — Она определенно уловила эту скрытую угрозу».

Именно ради этого Киндрет и упомянул в разговоре Аэлмаркина. В игре «гончие и единороги» лорд Киндрет расставил своих гончих именно на те места, где они были нужны.

Рабы раздели его, и он набросил на плечи поданный одним из рабов шелковый халат. Телохранитель Каэт, как всегда, ненавязчиво держался рядом с хозяином. Когда последний раб выскользнул из комнаты, Каэт остался — верная тень, на которую можно не обращать внимания. А можно и обратить. Каэт с легкостью приспосабливался и к тому, и к другому.

Выучка Каэта была безукоризненна. Лорд Киндрет жалел лишь об одном: что ему не удалось вместе с этим телохранителем заполучить и его учителей. Когда этот раб станет слишком стар и уже не сможет исполнять свои обязанности, ему трудно будет подыскать замену. Скорее всего, придется обойтись экземпляром похуже.

Киндрет повернулся спиной к телохранителю и уселся у иллюзорного огня, горящего в совершенно реальном мраморном камине — одна из немногих иллюзий в этих покоях. Языки пламени переливались всеми цветами радуги, и от огня исходил приятный аромат кедра и древесины алоэ, но никакого жара не чувствовалось.

— Ну что ж, Каэт, — сказал Киндрет, глядя в огонь, — мальчишка проглотил наживку. В этом я уверен. Он не посмеет отказаться.

— Да, мой лорд. — Каэт, как всегда, был столь же сдержан в словах, сколь и во всем прочем. — Думаю, он примет ваше предложение утром.

— Он действительно настолько хорош, как я думал. — Это была констатация факта. Киндрет не ждал от Каэта никаких возражений. — Парень выведет нас из тупика. Аэлмаркину удалось убедить всех в том, что он полусумасшедший, исключительно потому, что он засел в своей норе и носа не кажет наружу. А так всякий, кто поговорил бы с ним хотя бы полчаса, сразу убедился бы, что парень пребывает в здравом рассудке. Да что там в здравом — у него блестящий ум! Если бы он бывал в обществе, Аэлмаркину никогда бы не удалось сделать из него посмешище.

— Он лучше, чем вы думаете, мой лорд.

Пораженный лорд Киндрет даже повернулся, чтобы взглянуть на своего обычно молчаливого телохранителя.

— В самом деле? — переспросил он.

«Клянусь Предками, я даже не помню, когда Каэт в последний раз заговорил первым — не говоря уж о том, чтоб высказать собственное мнение! Должно быть, мальчишка и вправду представляет собой нечто выдающееся!»

— Я осмотрел его библиотеку, его кабинет и кое-что из его собственных записей, мой лорд. Кроме того, я наблюдал за его людьми, когда он ими командовал. Командовать людьми — одно дело, а вести их за собой — другое. Лорд Киртиан — прирожденный лидер. Люди могут не всегда подчиняться командиру — или, по крайней мере, могут выполнять только букву приказа и не делать ни шагу дальше, — но они всегда последуют за лидером.

Лицо Каэта осталось все таким же непроницаемым, но лорду Киндрету почудилось, что в голосе телохранителя промелькнула нотка одобрения.

«Интересно. Очень интересно».

Киндрет повернулся обратно к огню. Не следует слишком явно выказывать Каэту свое внимание. Этот раб умен, даже очень умен, и с ним нужно обращаться очень осторожно. Слишком явные проявления внимания могут вызвать у него чувство собственной значимости, а это снизит его полезность.

— Тем больше причин поставить его во главе нашей армии. Лорд Левелис убивает половину времени на то, чтобы наказаниями заставить войска идти в бой. Если у войск появится другой стимул, уже одно это может принести нам победу.

— Лорд Левелис, — последовал поразительный ответ, — будет смертельно оскорблен, если его заменят... малозначительным лордом.

И снова Каэт по собственной инициативе высказал свое мнение. Да, лорд Киртиан произвел на него глубокое впечатление, раз даже железное самообладание Каэта дало трещину.

Лорд Киндрет безрадостно рассмеялся:

— Каким-то чудаком, не имеющим ни малейшего веса в обществе, ты хотел, но, естественно, не мог сказать. К тому же, если верить его дорогому кузену, еще и наполовину сумасшедшим. Лорду Левелису придется как-нибудь пережить это оскорбление; у меня нет никаких причин питать к нему теплые чувства: он провалил все попытки подавить мятеж, и он не принадлежит к числу моих сторонников. Я могу себе позволить оскорбить его. Пускай покровитель Левелиса ищет способ утешить его.

На это Каэт ничего не ответил. Он просто не мог никак прокомментировать это высказывание, ибо любое его замечание уже было бы дерзостью, а дерзости лорд Киндрет не потерпел бы даже от такого доверенного раба, как его телохранитель.

— Когда станет ясно, что я покровительствую парню, его положение станет достаточно прочным, — продолжал Киндрет. — Я могу поставить его на эту должность хоть завтра, если захочу. Левелис допустил слишком много промахов. Он не посмеет ничего предпринять против меня или того, кем я пожелаю его заменить.

— Против вас — быть может. Но на поле боя лорд Киртиан не будет находиться под вашей непосредственной защитой или присмотром. Там лорд Левелис и может постараться его достать. Мой лорд, бой — это царство случайности, и несчастья происходят даже с самыми осторожными.

«Однако! Всегда полезно взглянуть на дело с неожиданной точки зрения!»

Киндрета охватило искушение: а ну-ка, что еще ему удастся вытянуть из Каэта? Еще какие-нибудь наблюдения? Или, может, даже предложения? Телохранитель уже много лет не позволял себе так откровенничать!

— Может, мне послать тебя присматривать за ним? — наполовину в шутку предложил Киндрет.

— Как будет угодно моему лорду, — последовал невозмутимый ответ, и Киндрет разочарованно вздохнул. Ну вот, Каэт высказал все, что считал нужным. Теперь он еще год не позволит себе никаких самовольных комментариев.

Киндрет вовсе не собирался отправлять Каэта — слишком уж тот был ценен на своем месте — охранять Киртиана. «Мальчишка либо сможет себя защитить, либо нет. А если не сможет, значит, он и не заслуживает моего покровительства». В конце концов, у него есть собственный телохранитель — тот человек, который едва не одолел Каэта в поединке. Уже одно то, что Киртиан прихватил тогда с собой этого раба, свидетельствует, что некое чувство самосохранения у него наличествует.

Как бы там ни было, Левелис не сможет устранить Киртиана, пока тот не выведет лордов из тупика. А когда дело будет сделано, Левелис сможет получить свою должность обратно, если она так уж ему нужна. К тому моменту он, Киндрет, уже получит все, что хотел, — репутацию победителя мятежников. А когда мятеж будет подавлен, Киртиан перестанет быть...

...незаменимым. Возможно, он все еще будет полезен, но незаменимым уже не будет.

На протяжении всей долгой трапезы Джель, прислушиваясь ко всем разговорам, безмолвно стоял на страже, а когда слуги покинули зал, он последовал их примеру.

Но ушел он недалеко. Обеденный зал, как и все общие комнаты господского дома, имел специальное смотровое отверстие, сквозь которое можно было послушать, о чем говорят эльфийские лорды, когда думают, что их никто не слышит.

Джель не доверял лорду Киндрету. Неважно, как действует этот, отдельно взятый эльфийский лорд — он никогда не станет делать ничего такого, что не служило бы его интересам. Его и только его. Он может заморочить голову окружающим, убедить их, что им руководит чувство... скажем так, дружбы или даже бескорыстное желание оказать помощь тому, кто ее заслуживает, но во всех его поступках всегда будет присутствовать скрытая подоплека. Он всегда извлечет из этого выгоду, не сразу, так со временем.

Джель слегка удивился, услышав, что Киндрет так откровенно высказывается при своем телохранителе, Каэте, и разговаривает с ним на такие скользкие темы. Хотя, впрочем, чему тут

удивляться? Какой смысл держать при себе умного, отлично обученного телохранителя и не пользоваться при этом всеми его способностями?

Смотровое отверстие было весьма хитроумным сооружением, устроенным на том месте, где располагался бы дымоход, будь этот камин настоящим. Там было достаточно места, чтобы усесться с удобством, прижаться ухом к стене и примостить лоб на выступ, снабженный мягкой обивкой, — и при этом ни единой щелочки, способной выдать присутствие соглядатая.

«Итак, нынешнего главнокомандующего можно сразу записывать во враги». Ну, это неудивительно. Хорошо, что удалось узнать имя этого типа. Возможно, Тенебринт еще успеет что-нибудь о нем разузнать. Не исключено, что удастся как-нибудь компенсировать ему потерю важного поста.

«Возможно, хватит даже обычного визита, чтобы умиротворить его. Киртиан отлично умеет изображать скромника».

Из комнаты по-прежнему доносились приглушенные голоса, и Джель до предела напрягал слух, стараясь уловить все оттенки. Эх, если бы он еще и мог прочесть мысли лорда Киндрета!

«Так, значит, нынешний главнокомандующий — не ставленник Киндрета? Ну что ж, тоже информация. Возможно, что Киндрет почти ничего о нем не знает. А Каэт, может, и знает, но сказал только, что этот тип оскорбится. Ну что ж, оскорбленную гордость можно умаслить, продемонстрировав достаточное смирение». Если Киртиан свяжется с этим Левелисом сразу же после того, как вступит в должность, но еще до того, как это станет общеизвестным, и полебезит...

«Надо посоветоваться с Тенебринтом. А то вообще это штука обоюдоострая».

Предположим, нынешнего главнокомандующего нельзя умаслить и нельзя от него откупиться. Возможно, этот Левелис пожелает вернуться к традициям Эвелона. Эльфийский лорд вряд ли станет действовать в лоб — после той демонстрации, в которую превратился судебный поединок, никто не предложит такого поединка Киртиану. Какой смысл ввязываться в заведомо проигрышное дело? А вот вызов на магическую дуэль не исключен, и тут возможно несколько вариантов. Киндрет и Совет могут ее запретить. Киртиан может принять вызов, и дуэль произойдет. Он может выиграть или проиграть — как бы то ни было, Джель желал заблаговременно убедиться, что ставки не слишком высоки. «Каковы вообще ставки в подобных слу-

чаях? Надо поговорить с Тенебринтом. А то ведь может получиться так, что Киртиан в любом случе останется в проигрыше».

Но если Совет запретит дуэль, мотивируя это тем, что вызов не имеет под собой реальных оснований и продиктован исключительно уязвленным самолюбием, не исключено, что Левелис захочет решить дело по-своему. Значит, возникает угроза заказного убийства, если у Левелиса имеется должным образом обученный раб — или он сумеет приобрести такого. Джель горько пожалел, что не может заполучить себе в подчинение Каэта. Кто лучше сумеет вовремя обнаружить убийцу, если не другой убийца?

Но Каэта ему не заполучить. «Я засек Каэта, значит, сумею засечь и другого убийцу. Если, конечно, он попытается подобраться поближе под каким-нибудь благовидным прикрытием, а не выстрелит издалека. Проклятье!» Джель мысленно сделал себе еще одну пометку: следить, чтобы на расстоянии выстрела из лука вокруг палатки Киртиана и самого Киртиана не было ни одного укрытия, из которого можно выстрелить. И позаботиться по мере возможности, чтобы бой не протекал в чаще леса.

Но Джель понимал, что уговаривать Киртиана не ввязываться в эту заварушку бессмысленно. Эту идею он даже не рассматривал. Это слишком опасно — пытаться отклонить подобное предложение. Во всяком случае, в ближайшее время. А кроме того, пока Киртиану будет покровительствовать Киндрет, Аэлмаркину придется сидеть тихо и не выступать.

«Чума на весь этот гадюшник!» Почему, когда имеешь дело с этими остроухими ублюдками, совершенно ничего нельзя сделать прямо, в открытую?

Но тут беседующие сменили тему, и Джель снова приник ухом к стене в надежде разузнать побольше.

Кара с Джианной снова возились с нарядами, надеясь на повторный визит великого лорда и, конечно же, на новую порцию подарков. Чего такого хорошего в драгоценностях, если в них все равно не перед кем покрасоваться, кроме собственного хозяина, Реннати не понимала. Реннати вздохнула, но негромко; Кара сменила уже три наряда, и ни один из них ее не устроил.

Реннати отвернулась и уставилась в окно; на краю лужайки показались олень и лань и тут же стрелой метнулись прочь, прежде чем Реннати успела на них налюбоваться.

«Я бы предпочла получить в подарок не драгоценности, а лань. Или птичку. Или котенка — вроде того, который забрался в комнату, когда нас только-только сюда привезли. Хоть какую-нибудь зверушку». Хотя вряд ли Кара и Джианна потерпят, чтобы в гаремных покоях поселилось животное...

Кара примерила было следующее платье, но тут же его отвергла — не то чтобы с платьем что-то было не в порядке, но она уже надевала его позавчера.

«Возможно, леди Лидиэль зря предоставила нам такой богатый гардероб, когда купила нас и поселила здесь, — подумала Реннати. — Вся эта суматоха наполовину вызвана тем, что Каре не терпится перемерить все платья до последнего».

Кара и Джианна без умолку болтали друг с дружкой. И зачем ей птица, когда эти двое и так без конца щебечут над ухом?

— Черное, — сказала Реннати, дождавшись момента, когда можно будет вставить хоть слово. — Надень черное платье. Оно в правом углу шкафа.

Две головы на двух лебединых шеях дружно повернулись в ее сторону. В обеих парах глаз, и в голубых, и в карих, читалось сомнение.

— Черное? — неуверенно переспросила Кара. — Но он подумает...

— У них черный не считается траурным цветом, — сказала Реннати, отвергая недоговоренное возражение Кары. — Я знаю, что обычно ты его не носишь, но у леди Лидиэли безупречный вкус, и она не включила бы в твой гардероб черное платье, если бы не была уверена, что тебе этот цвет пойдет.

Светловолосая, обманчиво хрупкая Кара задумчиво поджала губы.

— Ну, попробовать-то можно...

Сказано — сделано. Несколько мгновений спустя платье из семнадцати слоев тончайшего шелка уже лежало грудой на полу, а Кара принялась натягивать через голову плотный черный атлас. Джианна тем временем подобрала сброшенное платье, встряхнула и повесила обратно в шкаф. К счастью, Джианна была просто помешана на аккуратности. Кара разгладила ткань на плоском животе, поправила вытянутый треугольный вырез и повернула острые уголки манжетов так, чтобы они приходились на середину тыльной стороны ладони, — а потом повернулась, чтобы взглянуть на себя в зеркало.

Джианна к этому моменту уже уставилась на нее, потрясенно приоткрыв рот.

— Ох, Кара! — бурно восхитилась она. — Рен совершенно права — это здорово! Вот его и надевай!

Это и вправду было здорово. В зеркале было видно, как небесно-голубые глаза Кары удивленно расширились, когда она перебросила свои длинные волосы через плечо и те серебристо-золотым водопадом заструились по черному атласу. Реннати спрятала улыбку.

— Помнишь те украшения из серебра и гагата — ты еще не могла понять, зачем они нужны, — подсказала она. — Спорим, они к этому платью!

Кара с Джианной ринулись к шкатулке с драгоценностями, а Реннати вновь вернулась к своим мыслям. Они с Джианной давно были готовы к исполнению своих обязанностей; это только Кара у них такая нерешительная. Никогда ничего не может выбрать самостоятельно и предпочитает, чтобы ею командовали.

Впрочем, Реннати это вполне устраивало. Джианна была бесспорным вожаком гарема — если, конечно, имеет смысл говорить о вожаке сообщества из трех человек. Реннати было совершенно безразлично, кто решает, что им есть, какую музыку играть и во что одеваться. Подумаешь, экая важность! А Кара и теперь покорно ожидала, пока Джианна решит, что делать с ее волосами и богатыми черно-серебряными украшениями, явно предназначенными для прически.

Сама Джианна приготовилась к визиту уже несколько часов назад. Прошлым вечером на ней было облегающее алое бархатное платье с таким глубоким декольте, что казалось, что Джианна вот-вот из него выскочит. Правда, она, с ее-то пышными формами, едва ли не выскакивала изо всех своих нарядов. Сегодня Джианна надела тускло-розовое платье, довольно свободное, но зато с таким низким вырезом на спине, что чуть ли не вся спина была выставлена напоказ. Причем она, как обычно, выбрала его без долгой возни, наскоро проглядев содержимое шкафа. Реннати была готова еще раньше. Вчера вечером она была наряжена в изумрудно-зеленое облегающее платье под цвет ее глаз, с высокими разрезами по бокам. Сегодня же на ней была светло-зеленая туника с асимметричным подолом; от обуви Реннати отказалась. Она не думала, что лорд Киндрет выберет ее. Скорее всего, она будет танцевать, пока остальные две девицы станут пробовать на нем свои маленькие хитрости. В прошлый раз лорд Киндрет похвалил ее танец — а ведь Реннати еще даже не начала показывать, на что она способна. А если Джианна с Карой на пару нырнут к нему в постель, у нее, Реннати, появится редкая возможность побыть одной — и активировать телесоновое кольцо, чтобы поговорить с ее истинной госпожой.

Покамест Реннати мало что удалось разузнать — разве только то, что лорд Киндрет очень, очень доволен лордом Киртианом и намерен взять его под свое покровительство. Но она помнила, что леди Триана велела ей сообщать абсолютно обо всем. Наложницам пока что не разрешали покидать маленькие гаремные покои. И Кару, и Джианну это мало волновало. Реннати же очень хотелось выбраться наружу — хотя, конечно же, наложницам вообще редко предоставлялась такая возможность. Впрочем, нельзя не признать, что хотя покои и небольшие, обставлены они с роскошью, способной удовлетворить почти любые запросы.

Здесь даже были окна, выходящие во внешний мир. Судя по открывающемуся из них виду, их покои располагались в башне. Внизу, под окном, раскинулась просторная зеленая лужайка. Вдали виднелись деревья, но из-за сгущающихся сумерек они превратились в размытое синеватое пятно где-то на краю лужайки. Это что-то новенькое. Реннати никогда прежде не бывала в гареме, в котором окна выходили бы наружу. Она с раннего детства не видела внешнего мира. И потому теперь она всякую свободную минутку проводила у окна, наблюдая, как рабы лорда Киртиана идут куда-то по своим делам или даже работают на этой бархатной лужайке.

У наложниц было все, что они только могли пожелать. У них были обычные лютни и арфы, на которых можно было играть, если появлялось такое желание, а были еще и инструменты, начинающие играть сами собою, если прикоснуться к небольшому серебряному гвоздику на шейке. И этим инструментам каким-то образом начинали вторить барабаны, колокольчики и флейты. У них было все необходимое для вышивки нитками или бисером, были духи и всевозможнейшая косметика, приспособления для ухода за волосами и даже книги, хотя из троих наложниц одна лишь Реннати хоть сколько-то умела читать. Ванна была небольшая, но не обязательно же в ней плавать, верно? А кормили их неизменно вкусно, хотя и без роскошеств. Впрочем, никто в гареме и не хотел пировать ежедневно: при таких искушениях трудно избегнуть переедания, а это истинное бедствие для фигуры.

Звон дверного колокольчика произвел подлинный переполох в гареме: Джианна и Кара засуетились, а Реннати поднялась со своего места у окна, так что в гостиную они влетели все вместе.

В комнату размашистым шагом вошел лорд Киндрет — высокий, широкоплечий, вдвое красивее любого человека. В тот момент, когда он переступил порог, все три наложницы присели в необычайно глубоких реверансах. Лорд Киндрет рассмеялся, увидев устремленный на него жадный, нетерпеливый взгляд Кары.

— Ну-ка, ну-ка! Вчера ты была лилией, а сегодня ты кто? — поддразнил он девушку. — Может, черный нарцисс?

— Я — все, чем мой лорд хочет меня видеть, — отозвалась Кара, первой поднимаясь из реверанса и с обожанием глядя на Киндрета.

Возможно, никакого обожания он ей и не внушал, но Кара была обучена изображать любые чувства, какие только могли доставить удовольствие хозяину.

— И это правильно! — откликнулся лорд Киндрет, жестом подозвал к себе Кару и Джианну и обнял их за плечи. — Вчера я лишь чуть-чуть полюбовался на танцы нашей рыженькой, и мне не терпится увидеть побольше.

Он уселся на диван, заваленный шелковыми и бархатными подушками, а девушки прильнули к нему с двух сторон. Реннати прошлась по комнате, поочередно прикасаясь ко всем стоящим наготове инструментам, а потом несколько раз хлопнула в ладоши, задавая темп и ритм. Инструменты дружно заиграли быстрый, веселый мотив. Реннати выждала четыре такта, затем выпрыгнула на середину, и быстрые ноги понесли ее по комнате.

Если у жизни может быть хоть какой-то смысл, то смысл ее жизни — в танце. Реннати скорее умерла бы, чем перестала танцевать. Ее первому владельцу, лорду с тонким вкусом (так он сам о себе отзывался) и ограниченными средствами, через некоторое время наскучила страсть Реннати к танцам, и он решил выставить ее на частную распродажу, а взамен купить новую девушку для обучения.

— Да нет, с ней все в порядке, — сказал он леди Триане. — Но только она непрерывно танцует. А мне хочется подыскать девушку с какими-нибудь дарованиями, которые не так бурно проявляются. Девчонка постоянно рвется плясать — а это через некоторое время начинает утомлять.

Впрочем, в глазах лорда Киндрета страстное увлечение Реннати явно пока что обладало достоинством новизны, даже если Кара с Джианной слишком сильно его отвлекали, чтобы он мог оценить все тонкости ее выступления. Но задолго до того, как Реннати устала, лорд Киндрет уже был безраздельно увлечен двумя выбранными наложницами. Украшения были вынуты из волос и аккуратно отложены в сторонку вместе со многими прочими деталями туалета, а когда Реннати подала инструментам знак играть потише и выскользнула из комнаты, никто этого даже и не заметил. Что ж, это по-своему справедливо. Вчера вечером лорд Киндрет первой выбрал ее, и в результате Кара осталась не у дел. А она, несомненно, жаждет потрудиться сегодня и заслужить какой-нибудь подарок получше.

Реннати тихонько поднялась по лестице на верхний этаж башни, где располагались их спальни, — точнее, не столько спальни, сколько отгороженные занавесками альковы, не предназначенные для глаз лорда. Здесь наложницы могли упражняться в обращении с косметикой, иногда достигая очень забавных результатов. Здесь они хранили свой мелкий хлам, оставшийся от предыдущей жизни, всякие вещички, слишком невзрачные, чтобы предстать взгляду лорда. Кара, например, держала здесь старую куклу, ужасно потрепанную, но пылко любимую, и все «драгоценности», какие только у нее имелись, от бус из морских ракушек, подаренных ей некогда каким-то мальчиком, до собственноручно сплетенных бисерных украшений. На столике у нее был разложен добрый десяток незавершенных работ, а рядом сидела кукла в наряде из лоскутков и бусин. Джианна пробовала заниматься живописью, и ее мольберт вместе со всеми нужными принадлежностями всегда был в полном порядке. Она пыталась навести порядок и на рабочем столике Кары, но та, к несказанному раздражению Джианны, быстро все переворачивала вверх дном.

А у Реннати были книги — не те хорошенькие, переплетенные в кожу томики стихов, что лежали на нижнем этаже, — нет, это были потрепанные книжки с порванными обложками или вовсе без обложек, повествующие обо всем на свете. И, конечно же, у нее было телесоновое кольцо леди Трианы.

Реннати, запинаясь, пробормотала несколько слов, и кольцо ожило.

Это кольцо было слишком маленьким для изображений; оно принимало и отсылало лишь голоса. Первый голос, как и ожи-

дала Реннати в соответствии с полученными указаниями, оказался незнакомым.

— Кто звонит? — спросил незнакомец.

— Реннати, — едва слышно выдохнула девушка, немного изумленная и немного испуганная тем, что держит в руках столь могущественную магическую вещь.

— А! Подожди минутку. С тобой будет говорить леди Триана.

И кольцо — в него был вделан берилл вроде того, что красовался на ошейнике Реннати, — смолкло. Реннати терпеливо ждала. Раз до сих пор сюда никто не вошел и не помешал ей, значит, она может ждать столько, сколько понадобится. Эльфийские леди — народ занятой, и нельзя ожидать, что одна из них бросит все свои дела и помчится слушать, что ей может сообщить простая наложница.

В конце концов из кольца раздался повелительный женский голос:

— Говори!

— Я здесь с тех самых пор, как ваш агент продал меня леди Лидиэли, — тут же заговорила Реннати. — Я в башне, в маленьком гареме, вместе с еще двумя наложницами. Я могу смотреть в окно, но меня не выпускают за дверь. Лорд Киртиан побывал здесь всего один раз. У него в гостях лорд Киндрет. Лорд Киндрет побывал у нас прошлой ночью, и сейчас он тоже здесь. Он собирается взять лорда Киртиана под свое покровительство. Сегодня вечером он сказал Каре, что очень доволен лордом Киртианом и что мы некоторое время будем редко видеть своего господина, поскольку он уедет, чтобы возглавить армию.

Из кольца донесся странный смешок.

— Что ж, моим планам нанесен удар. Раз его там не будет, ты мало что сможешь о нем разузнать. Но вот прочие новости интересны, весьма и весьма. Это все, что ты можешь мне сообщить?

Реннати кивнула, забыв на мгновение, что собеседница не видит ее, потом поспешно произнесла:

— Простите, но мне и вправду не удалось больше ничего узнать.

— Новостей немного, но они важны, и я довольна. Как только узнаешь что-нибудь еще, сразу же ставь меня в известность. Теперь можешь выключить кольцо.

Реннати послушно накрыла кольцо ладонью, заслонив его от света, и камень тут же превратился в обычный берилл. Реннати спрятала кольцо в самый дальний уголок своей шкатулки и заспешила вниз.

В конце концов, еще не поздно заслужить очередной щедрый подарок от лорда Киндрета — и, что еще важнее, не исключено, что его удастся потом вызвать на разговор. Мужчины все одинаковы, что эльфы, что люди: если они не засыпают сразу после утех, их частенько тянет поболтать.

Глава 13

Солнце, освещающее верхушку самой высокой башни замка, окутывало леди Мот блаженным убаюкивающим теплом — что вполне ее устраивало. Ей всегда нравилось греться на солнышке. Ее покойный супруг как-то раз язвительно обозвал ее полуящерицей за то, что она любила сидеть где-нибудь в саду и наслаждаться солнечными лучами. Но даже если бы сейчас стоял самый разгар зимы, леди Мот все равно поднялась бы на вершину башни, ибо это было единственным местом в поместье, откуда можно было как следует рассмотреть раскинувшуюся внизу долину. И вид, представший ей при взгляде через окуляр древнего прибора, был воистину чарующим. Царило безветрие. Ни малейшее дуновение не тревожило ни подол серебристо-синего платья леди, ни пряди ее простой прически, ни ветви деревьев, растущих в долине. Поэтому ничто не мешало леди Мот наблюдать за любопытной сценой. Ей жалко было людей-рабов — хотя отсюда все казались крохотными, леди опознала людей по одинаковым тусклым туникам. Сперва какой-то тип в ярко-алом выстроил их и отправил работать в огород. Не успели люди хоть что-то собрать, как появился другой тип, в фиолетово-синем, и повел их упражняться с оружием. Затем из-за конюшен выплыл третий, в атласе цвета бронзы, и погнал их на поля. Леди Мот даже трудно было представить себе, что должны сейчас думать несчастные, сбитые с толку рабы.

— Леди Мортена, — раздался за спиной у леди чей-то робкий голос. — А что это вы делаете?

Леди Мот оторвала взгляд от окуляра старомодного телескопа с корпусом из бронзы и золота и улыбнулась гостье, что совсем недавно появилась здесь.

— Использую одно старое приспособление, моя дорогая, — дружелюбно сообщила она. Что ж поделать, если леди Виридии-

не никогда не представлялся случай взглянуть на телескоп. — По правде говоря, он восходит еще к эвелонским временам. По крайней мере, линзы точно оттуда. Он называется «телескоп». Обычно я использую его, чтобы смотреть на звезды. А сейчас я с его помощью шпионю за нашими соседями.

И она погладила длинную бронзовую трубу, украшенную насечкой из золотой проволоки, что образовывала причудливые завитки, — эта труба давно уж стала для нее другом и товарищем.

Леди Виридина озадаченно наморщила бледный лоб. Лицо у нее было худым, как после длительной болезни.

— А зачем вам это понадобилось? — удивилась она. — Они же и так уже все вам сообщили, разве нет?

— Вот именно в этом, моя дорогая, я и пытаюсь удостовериться лично. — Леди Мот снова приникла глазом к окуляру, продолжая мысленно фиксировать все перемещения рабов молодых лордов за пределами главной усадьбы. — На самом деле я сильно сомневаюсь, что они и вправду сообщают мне все. Например, они явно до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о том, кто же из них главный. Вот только за то время, что я здесь сижу, три молодых лорда уже несколько раз перегнали злосчастную группу рабов с одного места на другое, ни разу не дав им закончить предыдущую работу.

Леди Мот хихикнула, и собеседница тихонько подхватила ее смех и машинально пригладила уложенные узлом длинные серебристые волосы.

— Это то, что приходит с возрастом, Виридина, — подозрительность. Я уже давным-давно перестала с ходу принимать все за чистую монету.

— И я тоже... Только вот вы научились находить другие способы выяснять то, что вам хочется знать, а я, в отличие от вас, даже не пыталась... — печально произнесла Виридина, теребя в пальцах чудную ткань струящегося многослойного платья из фиолетового шелка. — Быть может, если бы я...

Она не договорила, но леди Мот вовсе не собиралась допускать, чтобы Виридина погрузилась в сознание собственной вины.

— Если бы ты и научилась, это вряд ли что-либо изменило бы. Во всяком случае, я в этом сильно сомневаюсь. Мы с тобой находились в безраздельной власти наших мужей — о которых, смею заметить, теперь ни капли не скорбим, — и никакое знание или даже предвидение не помогло бы нам изменить того, что с нами происходило. Знание далеко не всегда дает силу. —

Она снова улыбнулась. — Иначе поместьем сейчас управляла бы леди Мот, а не эта бестолковая толпа молодых лордов.

Когда молодые лорды подняли мятеж против своих отцов, леди Мот заранее знала, что готовится восстание рабов. Ей об этом сообщили ее собственные рабы. Она к этому времени уже покинула дом постылого супруга. Леди Мот заключила с ним сделку: он выделяет ей собственное владение — в качестве такового были выбраны примыкающие к его поместью земли, — а она, в свою очередь, не станет чинить ему никаких неприятностей, когда он обратится в Совет с просьбой о разводе. Супруг леди Мот положил глаз на очень юную эльфийскую девушку — в последнее время ему стали нравиться такие вот едва созревшие девицы, — и ему осточертела жена, не способная или не желающая воспринимать его с той серьезностью, какой он заслуживал (по его мнению).

— Хотелось бы мне, чтобы поместьем и вправду управляли вы, — с сожалением вздохнула Виридина. — Мне становится не по себе при одной мысли о том, какой ущерб эти легкомысленные мальчишки наносят вашему прекрасному дому.

В ответ на это леди Мот лишь пожала плечами.

— Здесь у меня не менее прекрасный дом, а управляться с ним куда проще, — резонно заметила она. — Возможно, это даже к лучшему, что я и не пытаюсь управлять.

Леди Мот, с ее стороны, настолько осточертел ее супруг — с учетом того, что она не имела желания повторно выходить замуж и могла содержать собственный, хотя и небольшой, дом, — что она готова была позволить ему в попытках освободиться от нее говорить все, что ему будет угодно. Мот подозревала, что он собирался заявить, будто она спит с людьми-рабами. Но так уж вышло, что ему не выпало случая сказать что бы то ни было. Так что ее репутация осталась незатронутой.

— Можно, я тоже взгляну? — в конце концов спросила Виридина, когда любопытство взяло верх над сдержанностью. Мот рассмеялась, показала ей, как наводить резкость, и встала, уступая место Дине.

Супруг Мот не дожил до начала восстания — а если бы дожил, они с сыном, несомненно, оказались бы по разные стороны баррикад. Сын же, ставший внезапно столь же консервативным, как и отец, стоило лишь ему заполучить власть, умудрился погибнуть почти сразу же после начала восстания. Дочь леди Мот попыталась сама управлять поместьем, но попытка провалилась, и дочь бежала. Леди Мот, в соответствии с тради-

циями ее семейства, всегда относилась к своим рабам с уважением, будто это были не рабы, а слуги, будто они вольны были уйти со службы, если пожелают. Она забрала всех своих рабов, когда переселялась, — всех, для кого удалось сочинить хотя бы самый косвенный повод отправиться с ней. Вероятно, этот факт мог бы дать обильную пищу для инсинуаций ее супруга. Перебравшись в свое владение, Мот тут же отключила все эльфийские камни в ошейниках рабов, отчего ошейники превратились в чистейшей воды декорацию, и прямо заявила рабам, что теперь они на самом деле вольны остаться с ней или уйти. И они, все до единого, решили остаться. Именно рабы предупредили ее о назревающем мятеже. Именно они укрепили владение Мот — а она снабдила оружием тех, кто умел им пользоваться. Соединенными усилиями им удалось дать отпор взбунтовавшимся рабам и молодым лордам. Здоровяки-телохранители леди Мот именовали ее матушкой и относились к ней с такой заботой и почтением, словно она и вправду приходилась им родительницей, — в отличие от ее собственного отпрыска.

— А почему бы не следить за ними с помощью магии? Зачем обязательно пользоваться этим приспособлением? — спросила Дина, поворачивая телескоп, чтобы осмотреть другую часть долины.

— Да потому, моя дорогая, что поместье надежно защищено от магического осмотра — не при помощи магии, а благодаря всему тому железу и стали, которое они умудрились собрать. — Мот устремила взгляд на долину, задумчиво поглаживая губы пальцем. — На самом деле это очень умно с их стороны. Они даже втроем, объединив усилия, не могли бы тягаться ни с кем из старых лордов. А металл выполняет за них эту работу.

Не приходилось и говорить, что магия ничем не помогла ее сыну и не спасла его от рабов, разъяренных дурным обращением, когда те явились к нему среди ночи и забили его до смерти прямо в постели — особенно если учесть, что они явились в тонких железных браслетах.

Во время неразберихи, которой сопровождалось восстание, часть рабов ее сына сбежала к леди Мот. Остальные удрали не то к волшебникам, не то просто куда-то в глушь. Когда на Башню — так леди Мот называла свой новый замок — принялись нападать вооруженные ватаги беглых рабов, люди Мортены охраняли и защищали ее. А сама она готова была, если понадобится, пустить в ход смертоносную магию. Леди Мот знала о

свойствах железа и стали. Она не стала бы и пытаться поразить непосредственно нападающих — на такую глупость способны только придурки-лорды вроде мужа Дины. Она же намеревалась взрывать землю у них под ногами — или при помощи магии швырять в них крупные тяжелые предметы. Леди Мот беспокоилась не столько за себя, сколько за своих людей. Она волновалась: вдруг им не удастся уговорить соплеменников мирно идти дальше? Она не хотела, чтобы они пострадали из-за нее, равно как не желала оставлять свидетелей, которые рассказали бы впоследствии, что она способна натворить, защищаясь.

Дина встала из-за телескопа и улыбнулась.

— Это очень умно с вашей стороны — знать, как обойти воздействие металла, — сказала она. Мот тем временем уселась на прежнее место.

— Это не ум, моя дорогая, это всего лишь изобретательность. Если б я и вправду была умна, я бы придумала способ подслушать их.

Это раздражало леди Мот. Ей до сих пор не удалось внедрить к рабам молодых лордов надежного шпиона.

Она не знала, что именно говорили ее люди мародерам в первые недели мятежа, чтобы убедить их не трогать Башню. Возможно, они заготовили несколько разных историй и варьировали их в зависимости от ватаги. Очевидно было одно: в результате несколько беглецов решили присоединиться к ее людям — несомненно, потому, что не хотели или не могли проделать тяжелейший путь через горы лишь ради того, чтобы вести потом полную опасностей и лишений жизнь в глуши.

Мот совершенно не склонна была упрекать их за это. Она отменно владела «женской магией» и, хотя ее супруг этого и не осознавал, не хуже его управлялась с той отраслью эльфийской магии, которой обычно обучали лишь мужчин. При необходимости она могла бы оборонять Башню не хуже любого эльфийского лорда — наверное, даже лучше большинства из них. Теперь же магия леди Мот помогала выживать ее сократившемуся в размерах поместью. Леди Мот создавала для полей нужную погоду и каждый день обходила поля, сады и фермы, чтобы проверить, как себя чувствуют растения и животные, а при необходимости подлечить их или ускорить их рост. Знания и богатый опыт подсказывали леди Мот, что именно нужно делать и когда. Люди доверяли ей — ее знаниям, ее опыту, ее суждениям. Это был ее вклад в общий котел. Люди же вкладывали свой

труд. Вернувшись к великим традициям ее семьи, они вместе трудились ради процветания эльфов и людей.

— Может, у вас найдется какое-нибудь дело для меня? — неуверенно спросила Дина.

Мот внимательно пригляделась к подруге. Бывали моменты — особенно в первые дни после того, как Виридина оказалась на ее попечении, — когда Мот чудилось, что Виридине никогда уже не прийти в себя. Но Дина оказалась сильнее. Даже после того, как она едва избежала гибели от рук мужа и тут же увидела, как тот сгорел дотла буквально у ее ног, Виридина сумела сохранить здравый рассудок. Да, на это требовалось время и уход — но все-таки она выздоравливала. Мот решила, что пора и Виридине начать вносить свой вклад в общее дело.

— Может, ты пройдешься по огородам, посмотришь, как там обстоят дела? Это было бы замечательно. Я знаю, что ты постоянно разводила сады и ухаживала за ними, так что мне не нужно тебя наставлять.

Мот поняла, что поступила правильно, когда увидела, какой радостью озарилось лицо Дины.

— С удовольствием! А то я чувствую себя такой... — она расстроенно развела руками, — ...такой бесполезной. Обузой для вас.

— Ты никогда не была для нас обузой, — непринужденно соврала Мот. Дина лишь улыбнулась, распознав и ложь, и стоящую за ней доброту, и принялась спускаться по лестнице. Длинные рукава и шлейф тянулись следом.

После того как большинство беглых рабов ушли, но до того, как Мот с ее людьми смогли перебраться обратно в главную усадьбу, туда заявились молодые лорды. Мот до сих пор иногда кляла себя за нерешительность. Но, с другой стороны, главную усадьбу гораздо труднее оборонять. А у нее, даже с учетом вновь присоединившихся людей, слишком мало народу, чтобы как следует управляться с поместьем, в десять раз превосходящим по размеру владения, примыкающие к Башне.

Молодые лорды заняли покинутое поместье. Они привели с собой своих рабов. Леди Мот точно не знала, откуда они взяли этих рабов; многие из рабов были чересчур молоды для той работы, которую их заставляли выполнять. Мот подозревала, что молодые лорды устраивали налеты на племенные фермы некоторых старых лордов, пока те были заняты военными действиями, и угоняли оттуда толпы растерянных и перепуганных бедолаг, едва вышедших из детского возраста.

«Несчастные! — подумала Мот, бросив последний взгляд в телескоп и поджав губы. — Ну что ж, по крайней мере, здесь их достаточно, чтобы они справлялись с отведенной работой, и хотя бы от одного кошмара они избавлены. У их хозяев слишком много своих тревог, чтобы жестоко обращаться с рабами. Так что худшее, с чем им приходится сталкиваться, это неразбериха».

Мот не просто так попросила Дину «поработать» вместо нее в огороде. У нее была назначена на ближайшее время встреча с молодыми лордами, а они обычно получались утомительными. Мот поднялась на Башню прежде всего затем, чтобы собрать побольше информации перед этой встречей. Теперь же пора было переодеться в костюм для верховой езды и отправляться в их твердыню.

Леди Мот очень тщательно выбрала наряд: строгий, простого покроя костюм черного цвета, без какой бы то ни было отделки, не считая легчайшего проблеска серебра по вороту и манжетам. Она желала произвести устрашающее впечатление. Вот чего ей вовсе не нужно было, так это выглядеть женственно. Конюх привел леди Мот коня. Она уселась в седло и отправилась в недлинный путь к усадьбе, что некогда была ее домом.

Леди Мот сопровождали четверо дюжих парней — не эльфов, а людей, людей в чешуйчатых доспехах, причем доспехи были не бронзовыми, а железными. Люди были без ошейников и совершенно не собирались этого скрывать. Мот практиковалась в интригах за столетия до того, как эти сопляки, молодые лорды, появились на свет.

Ни одному из них не исполнилось еще и сотни лет. Когда Мот вплыла в гостиную в своем элегантном черном наряде, с волосами, забранными в черную шелковую сетку, в сопровождении четырех телохранителей, молодые лорды тут же подхватились со своих мест — вне зависимости от того, как они изначально собирались ее приветствовать.

Мот на мгновение застыла у своего кресла, с непроницаемым выражением оглядела присутствующих и лишь после этого уселась, что было воспринято молодыми эльфами как разрешение сесть. Возможно, она и не была здесь главной, но в глубине души все они признавали ее силу.

«Хотя бы на это они способны — в отличие от их отцов». Хотя, с другой стороны, на их отцов она и не стала бы так откровенно давить.

Мот выслушала отчет об успехах молодых лордов — или, точнее, об отсутствии таковых — в их борьбе с отцами, но никак его не прокомментировала. Было совершенно очевидно, что ситуация зашла в тупик, причем произошло это не сейчас, а раньше. А значит, увеличивается вероятность того, что та или иная сторона занервничает и совершит роковую ошибку.

Но, конечно же, молодые лорды не стали просить совета у леди Мот, а леди Мот не стала его предлагать. Все равно они не поверят, что какая-то там женщина может хоть что-то смыслить в таком мужском деле, как война.

«Можно подумать, они в нем хоть что-то смыслят!» — без тени веселья подумала Мот. Но она явилась на эту встречу не ради военных вопросов. Постепенно беседа коснулась темы, которую Мот желала затронуть. Ее случайно поднял самый бестолковый (на взгляд леди Мот) молодой эльф после того, как один из ее телохранителей приглушенно кашлянул, услышав особо дурацкое высказывание.

— Леди Мортена, — нахмурившись, сказал лорд Алретейн, — я просто не понимаю, о чем вы думаете, давая оружие рабам, которые не под контролем, и позволяя им сопровождать вас.

— Это не рабы, это мои слуги. Они служат мне добровольно, — невозмутимо парировала леди Мот. — Я обнаружила, что мне куда лучше спится, когда меня охраняют надежные люди, служащие мне из верности, а не по принуждению.

— Верность? Верность?! — вспыхнул Алретейн. — Вы что, всерьез приписываете этим примитивным варварам цивилизованные чувства? Да это же полуживотные!

Новое покашливание напомнило ему, что он оскорбляет людей, которые ничем не связаны, вооружены и облачены в доспехи, способные защитить их и от магии, и от клинка. Алретейн резко умолк и отвел глаза.

— Он имел в виду... — попытался было сказать кто-то.

Мортена вновь оглядела молодых лордов, изучая их лица, и была жестоко разочарована.

«Увы! Ничего не изменилось...» А она-то надеялась, что хотя бы кто-нибудь из этих юнцов поймет суть дела. В том, что касалось людей, молодые лорды делились на два лагеря: большая часть — ненамного большая, но все-таки большая — относилась к людям и полукровкам точно с таким же презрением, что и их отцы. Меньшая часть, находившаяся под влиянием леди Мот, желала, чтобы людям и полукровкам были предоставлены

равные с эльфами права. Но никто из тех, кого Мот считала колеблющимися, пока что не пришел ни к какому определенному решению.

Ну что ж, по крайней мере, это меньшинство следило, чтобы с рабами, принадлежавшими всем остальным, обращались хорошо.

«И у тех, у кого хватало мужества и решительности бежать к волшебникам, уже было предостаточно возможностей так поступить».

Рабы, принадлежавшие ныне этим молодым лордам, служили им отчасти из страха перед ошейниками, отчасти потому, что просто не могли себе представить иного положения вещей, а отчасти потому, что не могли добраться до железа или стали, что вывели бы их ошейники из строя. Мот подозревала, что самыми сильными были первые две причины, поскольку те, кто действительно бы этого хотел, могли бы получить железное кольцо — его вполне хватило бы, чтобы обезвредить ошейник, — от кого-нибудь из людей самой Мот, стоило только попросить. Мот зашла так далеко исключительно из жалости. Но если эти рабы не могут перебороть свой страх и не в состоянии вообразить себе иной образ жизни, она ничем не сможет им помочь.

«Я не стану давить сильнее. Если я примусь давить, это может ослабить позицию моих сторонников. А если остальные юнцы выступят против меня, мне придется запереться в своих землях и надеяться, что со временем им просто надоест со мной возиться. Бежать совершенно бессмысленно. Я не такая оптимистка, чтобы воображать, что волшебники с распростертыми объятиями примут к себе чистокровную эльфийскую леди, даже если они и приняли детей Дины».

При воспоминании о детях Дины мысли леди Мот тут же приняли иное направление. Бедная Дина! Она ничего о них не слыхала с тех самых пор, как рассталась с ними у порога Мот. Хотя вполне вероятно, что дети прячутся где-то сами по себе, а не у волшебников-полукровок. Ведь полукровкой был лишь один ребенок — сын Виридины, Лоррин. Шейрена же была чистокровной эльфийкой, и Мот не верилось, что волшебники согласятся терпеть ее.

«Даже если Лоррин, когда привел сестру с собой, и сумел сперва убедить волшебников, что Шейрена не представляет для них никакой опасности, они все равно никогда до конца не поверят, что она и вправду безвредна». А уж если мальчик не сможет уверить их, что его родная сестра не станет навлекать на

них никаких бед, он и подавно не заставит их поверить, что столь почтенная эльфийская леди, как Мот, на самом деле на их стороне.

Бедная, бедная Дина! Она терзалась беспокойством за детей, хотя и старалась этого не показывать. Мот жалела лишь об одном — что она не в силах ни разузнать, все ли в порядке с детьми Дины, ни хотя бы просто выяснить, где они сейчас.

«На самом деле, вероятнее всего, Рена укрылась где-нибудь в глуши, подальше и от эльфийских лордов, и от людей, и от полукровок. Она достаточно владеет магией, чтобы защитить себя — если верить Дине, ее магии хватает, чтобы подчинять единорогов! А Лоррин никогда не допустит, чтобы с ней скверно обращались. Если он с волшебниками, он обязательно позаботится, чтобы у Рены всегда был кров и пища. — Мот даже в чем-то завидовала этим ребятам. — Будь у меня такая возможность и молодость, конечно, я бы ушла на край света! В конце концов, мир велик. Он достаточно велик, чтобы мы многие века ничего не знали о драконах. Уж наверняка в нем найдется укромное местечко для нескольких эльфов, желающих спрятаться понадежнее».

От вопроса о рабах разговор вновь вернулся к войне. Кто-то вслух пожалел, что не знает способа втайне уничтожить некоторых лидеров противной стороны.

— Это здорово бы их припугнуло! — заявил зеленый юнец со сирепостью, которой позавидовал бы любой из «варваров-полуживотных» — сиречь людей. — Если бы еще несколько великих лордов умерли так же, как лорд Диран, они отдали бы нам все, что мы хотим!

Мот прикусила язык. Хорошо все-таки, что молодые лорды не знают, что Дина и ее дочь сумели испепелить отца Шейрены — практически тем же способом, каким это проделал с лордом Дираном его сын. Это знали лишь некоторые доверенные слуги леди Мот — знали, но помалкивали, — и леди Мот была искренне им признательна за сохранение тайны. «Нельзя обучать этих горячих голов таким опасным вещам. С них станется поубивать друг дружку».

Постепенно разговор подошел к неизбежному концу, и Мот поднялась со своего места.

— Если вы не возражаете, господа, мне бы еще хотелось до заката позаниматься в библиотеке, — вежливо произнесла она.

Молодым лордам и в голову не пришло возражать. Лорд Кеталиарн сделал некий неопределенный жест. Мот истолковала это как дозволение удалиться и ушла вместе с телохранителями.

Изо всех свидетельств глупости этих юнцов данное было наиболее вопиющим. Они считали, что библиотеки — вещь бесполезная и что в них копаются лишь бестолковые старые дамы, наполовину застрявшие в прошлом. Они думали, что леди Мот всего лишь возится с книгами, заботясь об их сохранности, ну и время от времени уносит некоторые к себе, чтобы почитать на досуге.

«Недоумки!»

Комната, в которую вошла леди Мот, — одна из лучших библиотек, когда-либо существовавших в этом мире, была забита сведениями, что вполне могли бы помочь молодым лордам улучшить свое положение (если бы только у них хватило ума этим воспользоваться). Мот полной грудью вдохнула запахи кожи, пергамента и бумаги, обвела взглядом полки, к которым ее муж, пока был жив, старался ее не подпускать, и принялась за работу.

Многие книги из числа самых старых уже чересчур долго оставались без ухода. А Мот просто не выносила, чтобы книгу — какая бы она ни была, пускай даже ничего примечательного в ней не имелось, — точили черви или уничтожало безжалостное время. И всякий раз, стоило ей добраться в главную усадьбу, Мот сидела по несколько часов кряду, чистя и приводя в порядок старинные книги, какими бы невзрачными они ни казались — ведь в любой из них могли скрываться обрывки полезных знаний.

Впрочем, большую часть своего времени Мот уделяла тем книгам, которые, по ее мнению, не должны были попасться на глаза молодым лордам.

В свое время леди Мот помогала отцу Киртиана, когда тот, незадолго до исчезновения, приезжал поработать в библиотеке, и прекрасно понимала, что он куда лучше ее знал, что здесь имеется. Сама Мот знала только, что среди этих книг есть очень, очень древние и что отец Киртиана сверялся с ними, разыскивая какие-то секреты. Но что это за книги и что именно в них содержится, она не ведала.

И тем не менее с того самого момента, как ее вынудили покинуть усадьбу, Мот была преисполнена решимости при первой же возможности вернуться сюда и разыскать эти книги. Поскольку теперь в усадьбе обосновались молодые лорды, Мот

взяла за обыкновение при каждом визите отыскивать еще несколько драгоценных томов и увозить их к себе в Башню. Что бы ни крылось в этих книгах, оно привело отца Киртиана к смерти. Мот подозревала, что его погубило именно то, что он разыскивал, хотя она и не знала, как именно это произошло. А отсюда следовало, что тайны, скрывающиеся в этих книгах, и вправду чрезвычайно опасны.

Молодых лордов ни капли не интересовало, чем леди Мот занимается в библиотеке. Так что она приводила библиотеку в порядок и выискивала эти драгоценные тома, чтобы когда-нибудь, если представится такая возможность, передать их Киртиану. А эти юнцы даже не подозревали, какие ценные вещи уплывают у них из-под носа.

«Боюсь, мне все-таки придется провести собственные изыскания», — подумала Мот. В конце концов, она ведь и выискивала не что иное, как опасные тайны. Существовали ведь старинные, ныне наполовину позабытые истории о вещах, которые побросали сразу после Перехода, и технологиях, о которых позабыли, спеша отыскать и возвести безопасное убежище.

Сама же Мот в настоящий момент была бы просто счастлива, если бы отыскала какой-нибудь способ связаться с племянником, не используя ни телесон, ни посланца.

Не далее как сегодня утром до нее дошел слух, который всерьез ее обеспокоил. Пока что никаких подтверждений этому слуху не поступало, но Мот надеялась что-нибудь разузнать по этому поводу на сегодняшней встрече. Один из ее слуг время от времени предпринимал чрезвычайно рискованные вылазки в земли, принадлежащие старым лордам, и, возвращаясь по утрам, рассказывал, какой видят ситуацию во вражеском стане. Так вот, он рассказал, что якобы армию старых лордов возглавил Киртиан.

Если это и вправду так...

«Если это и вправду так, то противоположная сторона предприняла рискованный шаг и сделала ставку на темную лошадку, которая, быть может, принесет им победу. Но беда-то в том, что эти молодые идиоты будут абсолютно уверены, что назначение Киртиана на пост главнокомандующего — верный способ привести армию старых лордов к поражению. Придурки несчастные».

Если бы только ей удалось поговорить с Киртианом и объяснить ему, что она тоже примкнула к мятежникам, он бы наверняка крепко подумал, прежде чем принимать подобное назначение!

«Воспользоваться телесоном я не смею — за ним слишком легко проследить. И, как назло, никто из моих людей не владеет той разновидностью человеческой магии, которая позволяет им мысленно общаться друг с другом. И я не могу отправить своего человека туда, где его могут схватить или загрести в армию. Кошмарная ситуация».

Придется ей самой начать штудировать эти старинные тома.

В конце концов, лучше уж штудировать книги, чем сидеть сложа руки.

«А кроме того, — твердо сказала себе Мот, укладывая очередной древний том в седельную сумку, чтобы вручить впоследствии своему телохранителю, — я никогда не буду сидеть сложа руки, если все вокруг летит в тартарары...

...разве что меня привяжут к креслу и свяжут эти самые руки!»

Глава 14

Лоррин сидел в Цитадели, ставшей домом волшебников-полукровок, и привычно игнорировал жужжащие вокруг голоса. На миг его вновь пронзило изумление. «Каким же все-таки странным это кажется даже теперь, что я могу быть самим собой. Не надо поддерживать личину, не надо изо всех сил скрывать собственную сущность...» Несмотря ни на что — на все опасности, все невзгоды и лишения и даже несмотря на дурацкие мелочные распри, — Лоррин не жалел, что очутился здесь, среди таких же полукровок, как и он сам.

Эта пещера, самая просторная из пещер их нового дома, служила залом собраний и была вполне приятным местечком — пока сюда не собирался народ. Особенности этих пещер позволяли наладить хорошую вентиляцию — по крайней мере, пока отверстия, служащие дверьми и окнами, оставались открытыми и в них проникал летний ветер. Но за зиму в этом зале устоялась затхлая атмосфера, а из-за высокого потолка здесь сделалось сыро и холодно.

К несчастью, сейчас здесь действительно происходило собрание, и Лоррин был искренне рад, что отработанная до автоматизма привычка позволяет ему сохранять любезное выраже-

ние лица вне зависимости от истинных своих чувств. У Лоррина болела голова — боль обручем стискивала лоб, и он просунул между зубами кончик языка: иначе он, забывшись, начинал ими скрипеть, а от этого боль только усиливалась.

«И как только Каэллаху Гвайну удается ныть и гнусавить именно таким образом, чтобы успешнее всего действовать мне на нервы?» — подумал Лоррин, учтиво кивая при этом старому волшебнику. На самом деле из-за странностей здешней акустики он разбирал лишь половину его слов, но Лоррин, и не слушая Каэллаха, мог сказать, о чем тот намерен вести речь. «Это не человек, а просто телесон какой-то, который зациклило, и он теперь непрерывно передает одно и то же сообщение!»

Вообще-то, на этом собрании хотели обсудить, как обстоят дела с устройством фермы для коров и овец, но Каэллах, как обычно, перевел разговор в другое русло. Его интересовало лишь одно: как устроиться на новом месте с тем же комфортом, каким он пользовался в старой Цитадели, и потому всякое упоминание о ней служило для Каэллаха поводом во всеуслышание пожаловаться на свои горести.

«И главная из них состоит в том, что с волшебниками не обращаются как с эльфийскими великими лордами. Неужели ему никогда не приходило в голову, что, если одна группа лордов возвышается над другой, те, кто оказался снизу, начинают мечтать о реванше?»

Бесконечные жалобы Каэллаха были знакомы Лоррину до мельчайших подробностей, равно как и текстура деревянного стола, на который он смотрел, чтоб сохранить самообладание. Проблемы Каэллаха, от начала и до конца, проистекали из его жадности. Он желал, чтобы младшие волшебники и люди непрестанно холили и лелеяли его, как это было до второй войны полукровок. Теперь волшебники оказались вынуждены перейти на самообеспечение и не могли больше воровать все необходимое у эльфийских лордов, но Каэллаха Гвайна это не волновало. Он даже помыслить не мог, что присматривать за коровами, овцами и козами и возделывать поля куда важнее, чем ежедневно драить полы в его покоях.

А особенно его бесило, что полукровки — точнее, их большинство, — наплевав на мнение самого Каэллаха и его сторонников, заключили договор с Железным Народом и кланами торговцев, придав тем статус равноправных и уважаемых партнеров. Подумать только, люди — равноправные и уважаемые партнеры! Хотя Каэллах не смел высказать этого в открытую,

подобное положение вещей просто бесило и его, и ему подобных — ибо они считали, что по сравнению с волшебниками-полукровками люди являются низшими существами, а значит, и обращаться с ними следует соответствующим образом.

«А мы, младшие, должны суетиться вокруг стариков, выполнять малейшее их желание, ухаживать за ними и отдавать все плоды наших трудов в благодарность за то, что они обращают свою магию нам на благо». Лоррину, который не просто был полукровкой, а еще и вырос на положении эльфийского лорда, со всеми сопутствующими этому привилегиями, подобное отношение казалось столь же оскорбительным и нелепым, как и любому представителю Железного Народа или торговых кланов, ибо все они были людьми независимыми и гордыми. А волшебники вовсе не являлись какими-то высшими существами. Да, они владели магией, но и люди тоже ею владели. А с тех пор, как полукровки перебрались в новую Цитадель, старшие волшебники не особенно утруждали себя работой на общее благо — ну, разве что учили некоторых детей пользоваться собственной силой, да и то нечасто.

Лоррин прислушивался не столько к словам Каэллаха, сколько к его интонациям. Он обнаружил в себе любопытную способность выискивать за словами людей их истинные эмоции и мотивы, если только они не превосходили самого Лоррина в скрытности. Вот и сейчас Лоррин услыхал в словах Каэллаха уязвленное самолюбие и обиду — что и неудивительно, но, помимо них, там звучал еще и страх. Любопытно. Этого Лоррин не ожидал.

«А ведь стоило бы, пожалуй», — подумал он, подняв глаза и всмотревшись в лицо Каэллаха. Старый волшебник, не выдержав, отвел взгляд. Теперь, когда никто за ним не ухаживал, Каэллах выглядел несколько неряшливо. Его длинная мантия, обычный наряд старших волшебников, была усеяна пятнами и обтрепалась по подолу. Седые волосы были расчесаны, но они больше не ниспадали на плечи густой волной, а были неаккуратно собраны в хвост, и Лоррину показалось, что они начали редеть на висках. «Людям свойственно реагировать на новизну либо с интересом, либо со страхом, но что-то мне кажется, что Каэллах Гвайн слишком ограничен, чтобы интересоваться хоть чем-то новым».

Лоррин уже понял, что Каэллах боится драконов: это всякому было заметно невооруженным глазом. Старый волшебник даже носа не высовывал из Цитадели, когда драконы принима-

ли свой природный облик. Ну а если кто-нибудь из них принимал вид полукровки или человека... Что ж, если дракон в человекообразном облике садился за стол, можно было смело утверждать, что Каэллах сядет за противоположный конец.

Понять, чем вызвана его неприязнь к торговцам и Железному Народу, было несколько труднее. Лоррин повнимательнее прислушался к полным гнева и страха словам старого волшебника. Что за вожжа попала ему под мантию на этот раз?

— ...и как они смеют требовать плату наперед — как они вообще смеют требовать плату!..

Ага! Ну что ж, суть дела ясна. Теперь Лоррин поймал древесную змею за хвост. Каэллах злился не из-за того, что торговцы желали получать плату за свои товары авансом, его бесило, что он вообще должен за что-то платить. Возможно, это объяснялось тем, что единственная имевшаяся в распоряжении Каэллаха Гвайна монета обесценилась, если выражаться начистоту. Он больше не был ни самым могущественным волшебником, ни самым искусным, а жадность заставляла его тратить большую часть силы на собственные удобства, и в результате ему не на что было выменивать нужные вещи.

— И как эти... эти варвары!..

Ага, еще одно лыко в строку. Каэллаха бесило, что Железный Народ не выказывает по отношению к нему ни малейшего почтения и абсолютно не нуждается в его магии. Почему Каэллах уверен, что сборище плохо организованных, проживающих в пещерах беглецов может считать себя более цивилизованным, чем сплоченный кочевой народ, было для Лоррина полнейшей загадкой. «Но предубеждение не имеет ничего общего с логикой». Возможно, дело было в том, что волшебники не произвели на Железный Народ никакого впечатления. Железному Народу для защиты от эльфийских лордов не нужны были волшебники: у них были железные украшения и много воинов. Не говоря уж о том, что они давно держали в плену двух эльфийских лордов — просто ради того, чтобы те их развлекали. Так что самое большее, на что мог бы рассчитывать Каэллах Гвайн, если бы столкнулся с ними, — это унести свою шкуру целой и невредимой.

С этим была связана и еще одна вещь. Каэллах и его приятели либо не могли понять, либо не желали признать, что в том, что эльфы таки обнаружили старую Цитадель и ее обитателей, виновата не одна лишь Шана, Проклятие Эльфов. Волшебники очень долго ходили по лезвию бритвы с этим их воровством у эльфийских лордов и всем прочим. А с точки зрения эльфов, хорошим полукровкой мог считаться лишь мертвый полукровка. Им вообще не полагалось существовать, и большинство эльфийских лордов тщательно следили, чтобы полукровки не появлялись на свет. Действия Лашаны послужили лишь поводом для карательного похода эльфов, а вовсе не причиной.

А если бы не способность Лашаны быстро принимать решения и не ее друзья-драконы, волшебники вообще бы не выжили.

И мало того, опасность все еще не миновала. До тех пор, пока волшебники-полукровки живы, эльфийские лорды будут стремиться уничтожить их, невзирая ни на какой договор. И если Каэллах Гвайн и его окружение думают иначе, они просто занимаются самообманом.

Хотя, впрочем, им не впервой...

В конце концов Каэллах завершил свои излияния и уселся. Лоррин давно уже понял, что проще всего позволить старому волшебнику выговориться, хотя, по правде говоря, слушать его нытье было очень неприятно, ибо после этого он уже молчал до конца собрания.

— Благодарю вас, Каэллах. Ваш богатый жизненный опыт совершенно неоспорим, — любезно произнес Лоррин. Каэллах *довольно приосанился.* — А ваши замечания, как всегда, чрезвычайно интересны.

Один из полукровок, прикрыв лицо ладонью, состроил гримасу, а еще нескольких перекосило, так они старались сдержать смех, но Лоррин не обратил на это внимания.

— А теперь я предлагаю поставить на голосование вопрос о пастбище для коз. Кто за?

Даже Каэллах, и тот поднял руку. Старого волшебника во всем этом, несомненно, более всего радовало, что теперь, когда у них появилось несколько выращенных Железным Народом огромных овчарок, козы практически не нуждались ни в присмотре, ни в пастухах. Лоррин обвел присутствующих взглядом, проверяя, есть ли несогласные, и кивнул.

— Прекрасно. Решение принято единогласно. Хальфден, будь так добр, подбери нескольких добровольцев для этой работы и пришли их ко мне, ладно? Я хочу с ними переговорить.

Для этой работы нужны были люди. Лучше всего — дети, владеющие мысленной речью, чтобы они могли позвать на помощь, если стрясется что-нибудь такое, с чем не смогут справиться ни они сами, ни собаки.

«То есть слуги, которых Каэллах Гвайн считает своим личным имуществом».

Хальфден — тоже бывший раб, только годами постарше, — кивнул, и Лоррин объявил заседание закрытым.

Но вопрос, касающийся Каэллаха, не был закрыт — во всяком случае, так считал сам Каэллах.

— Лоррин, мне совершенно необходимо поговорить с вами о моем жилье. Оно совершенно неудовлетворительно! — заявил старый волшебник, ухватив Лоррина за локоть, прежде чем тот успел удрать. Лоррин устремил на него невыразительный взгляд.

— Почтеннейший, — произнес он вежливым тоном, в котором показное тепло и обаяние соединялись с полнейшим спокойствием, — если вы думаете, что вас ущемляют, я приглашаю вас взглянуть на мою комнату — или на комнату Шаны, если уж на то пошло. Вы сами убедитесь, что они никоим образом не превосходят ваши покои. На самом деле, поскольку мы с Шаной выбирали себе комнаты уже в последнюю очередь, неудивительно, что они намного хуже ваших.

— Да, но... — попытался было возразить Каэллах, но вышло у него неубедительно, поскольку он и вправду заглядывал в тот закоулок, где поселился Лоррин, и знал, что он не больше чулана в его собственных покоях, состоящих из нескольких соединенных меж собою пещер.

— Я знаю, что вы испытываете, оказавшись в столь примитивных условиях — и это после уюта и удобств, которые вам пришлось покинуть, — сказал Лоррин, подбавив в голос сочувственную нотку. — Кому вас и понять, как не мне! Подумайте, с чем расстался я — я был единственным наследником могущественного лорда! Но если вы будете думать не о потерях, а о возможностях, вскоре этот образ жизни покажется вам таким же бодрящим, как и мне! Задумайтесь только! Теперь у вас появилась возможность создать покои в вашем вкусе — над вами больше не тяготеют все неудобства и безвкусица, созданные предыдущими поколениями! А теперь, стоит вам только постараться, вы сможете сотворить совершенство!

— Да... но... — нерешительно пробормотал Каэллах.

— Теперь вы меня понимаете? — Лоррин легонько хлопнул его по плечу. — Ведь подобный подход куда благотворнее, правда? Я знал, что могу на вас положиться!

И он неторопливо двинулся прочь, оставив Каэллаха заново прокручивать в голове их беседу и соображать, в чем же тут кроется подвох.

Едва лишь Лоррин завернул за угол, как кто-то прыгнул на него из темноты. Лоррин рефлекторно отступил и выхватил кинжал, поставив одновременно с этим магический щит, способный отразить молнию-стрелу.

— Уже лучше! — рассмеялась Шана и прислонилась к стене, сложив руки на груди с таким видом, как будто это не она мгновение назад выскочила из ниши, расположенной на уровне ее головы.

— Ну, я надеюсь! — парировал Лоррин. — Уж кто-кто, а ты меня без тренировок не оставляешь! Ты слушала совещание?

— Слушала. Ты просто гений! А твоя магия — это что-то непостижимое! — Девушка насмешливо склонила голову набок. — У меня в голове не укладывается, как ты умудряешься управляться с Каэллахом и при этом не удавить его!

Лоррин рассмеялся и протянул Шане руку. Девушка приняла ее.

— Да нет тут никакой магии — обычная политика, — сказал он. — Словесная самооборона. Я провел не так уж много времени среди интриганов и заговорщиков, но все-таки с некоторыми мне доводилось общаться. И мне нужно было как-то умиротворять отца. Так что я рано научился обходиться отговорками так, чтобы собеседнику казалось, будто я ему сказал что-то толковое.

Шана сжала его руку.

— И все равно это гениально. Вот я как ни стараюсь, у меня все равно не получается управляться с людьми, как это делаешь ты.

Лоррин взглянул на девушку, которую звали Проклятием Эльфов. Она вовсе не походила на существо из легенд. Ее огненно-рыжие длинные волосы были собраны на затылке в практичный хвост, и Шана то и дело встряхивала им, словно лошадь, отгоняющая мух. Она не могла бы тягаться красотой даже с самыми невзрачными из эльфийских леди, а тело ее было таким мускулистым, что большинство этих самых леди отпрянули бы в ужасе от одного предположения, что и они могли бы выглядеть так же. Сегодня на Шане была кожаная туника без рукавов и штаны из грубой ткани — такие обычно носили рабы, но, по мнению Лоррина, даже парадное платье, в кото-

ром Рену впервые вывозили в свет, и то ничего не смогло бы прибавить к прелести Шаны.

— Надеюсь, тебя не... э-э... не тревожит, что я взял подобные заседания на себя? — нерешительно поинтересовался Лоррин. — Я понимаю, что командир у нас вроде как ты, но...

— В смысле — не ревную ли я? Огонь и Дождь, ну и глупости же лезут тебе в голову! — расхохоталась Шана. — Ты же знаешь, я никогда не желала, чтобы меня звали Проклятием Эльфов — и если не считать этой дурацкой легенды, люди прислушиваются ко мне лишь потому, что я соображаю быстрее их. А для того чтобы управляться со старыми козлами, быстрота мышления не нужна. А у тебя есть... — Шана на миг задумалась, склонив голову набок, — ну, что-то такое, что можно назвать врожденными манерами. Ты говоришь, и люди тебе подчиняются, а не затевают споров.

Лоррин подумал, что, если бы Шана пыталась что-то утаить, он бы это непременно почувствовал — он вообще был очень чувствителен к малейшим оттенкам ее настроения. Впрочем, Шане была свойственна открытость, и она практически всегда говорила именно то, что думала. Нет, похоже, она и вправду рада, что он берет на себя руководство.

— Если б я могла найти двойника, который принялся бы вместо меня изображать Проклятие Эльфов, я бы тут же спихнула это на него, он бы и глазом не успел моргнуть! — продолжала тем временем девушка, не замечая, что Лоррин внимательно изучает ее. — И тогда я смогла бы стать просто Шаной!

— Даже если ты станешь просто Шаной, ты все равно останешься хитроумной особой.

Лоррин увлек девушку в боковой коридор, ведущий на вершину Цитадели, где можно было спокойно сесть на солнышке и поговорить без лишних ушей.

Шана не стала валиться на траву, как она обычно делала, очутившись под открытым небом.

— Хитроумной особой, говоришь? Я понимаю, о чем ты.

Она неспешно поднялась вверх по склону, к небольшому травянистому холмику с тенедревом на вершине, с подветренной стороны от замаскированного выхода. Здесь их никто не мог услышать. Лишь теперь Шана растянулась на траве; она ничуть не меньше своей приемной матери-драконицы любила греться на солнце.

— Ну, ладно, — сказала Шана, когда Лоррин плюхнулся рядом. — Я чуть ли не все утро говорила с Кеманом, но сейчас мне нужна твоя помощь, чтобы дотянуться до Тени.

Теперь, когда Шана избавилась от необходимости решать мелкие текущие проблемы Цитадели, она смогла сосредоточиться на куда более важной задаче — сборе разведданных. Она принимала телепатические послания от Кемана и других, кого они с Лоррином отправили в большой мир. Наложить личину на человека или полукровку и отправить его шпионом к эльфам теперь уже не представлялось возможным, но поскольку в союзе с волшебниками выступали драконы, нужда в иллюзорных личинах отпала, ибо драконы умели вправду изменять свой облик, создавая себе любую внешность, какую только захотят. Вот и сейчас приемный брат Шаны, Кеман, и его подруга Дора, изменив облик, собирали сведения в обоих эльфийских лагерях.

— Насколько может судить Дора, твоя мать поправляется. Она даже взяла на себя часть обязанностей леди Мот по уходу за садами и полями, — сообщила Шана Лоррину и улыбнулась, увидев, какое облегчение отразилось на его лице. Может, эта новость и не была самой важной, зато она лучше всех прочих успокоила Лоррина. — Дора думает, что она уже оправилась от потрясения после... ну, ты понимаешь.

— Я оказываю ей медвежью услугу, считая ее такой хрупкой, — отозвался Лоррин, нервно потирая пальцы. — Но она ведь и вправду выглядит хрупкой и болезненной. И она — моя мать...

— Я прекрасно понимаю твое стремление опекать и оберегать маму. Я и сама отношусь к своей точно так же.

Говоря так, Шана имела в виду вовсе не свою родную мать, которая, вероятно, была наложницей какого-то эльфийского лорда, а приемную, которая была драконицей и вряд ли нуждалась в чьей бы то ни было опеке. Но Лоррин счел неразумным указывать на это.

— Какие-нибудь перемены есть? — спросил он.

Шана покачала головой:

— Ни одна, ни другая сторона не могут перейти в наступление. Пограничные стычки и мелкие отвлекающие маневры. В общем, ничего серьезного. Леди Мот никак не удается вколотить в головы молодых лордов, что люди... ну, что они тоже народ, а не животные. И из-за этого они просто в упор не видят

единственной, быть может, возможности склонить чашу весов на свою сторону.

Шана говорила о сложившейся ситуации с каким-то странным равнодушием, как будто речь шла о шахматной партии, причем такой, за которой она лишь наблюдала со стороны, а сама не участвовала. Лоррин не понимал, как ей удается смотреть на все это так отстраненно. У него вот не получалось.

— Что же касается другой стороны — там произошли перемены, которые, как думает Кеман, способны дать старым лордам решительный перевес. — Шана встряхнула головой, и пучок волос взметнулся, словно хвост беспокойной лошади. — У них появился новый главнокомандующий, и, судя по тому, что рассказывает Кеман, это — нечто особенное.

Теперь от безразличия в голосе Шаны не осталось и следа, и Лоррин насторожился.

— Новый главнокомандующий? И кто же? Я-то думал, что среди старых лордов не осталось ни одного, кто был бы в состоянии нормально организовать наступление!

— Кеман говорит, что его зовут Киртиан. Киртиан В'дилл лорд Прастаран. — Шана повернула голову, и их изумрудные глаза — наследие эльфийской крови — встретились. — Слыхал о таком?

— Вроде что-то слыхал, но так с ходу не припоминаю.

И это уже само по себе было довольно интересно. Ибо свидетельствовало о том, что Совет по какой-то неведомой причине единым махом, без всяких промежуточных ступеней, возвел кого-то из безвестности на одну из важнейших должностей.

— Кажется, его отец был ученым... Когда я еще был маленьким, что-то такое говорили насчет лорда Прастарана. Он пропал где-то в глухомани, стараясь разыскать место, где располагались Врата из Эвелона. — Лоррин махнул куда-то на юг. — Он... он держался наособицу, в обществе не бывал. И сын себя вел точно так же. До нынешнего момента. Почему же он вдруг получил такое назначение?

— Очевидно, потому, что он и вправду представляет собой нечто особенное. И еще потому, что он, как рассказал Кеман, создал способ обучать солдат так, чтобы добрая половина не отсеивалась в ходе обучения из-за травм и увечий. — Шана умолкла и принялась барабанить пальцами по ноге. — Как ты, несомненно, понимаешь, для нас это — плохая новость.

— Да.

Что ж тут не понимать? Если этот Киртиан и вправду настолько хорош, как говорит Шана, значит, он не скован традициями — он будет использовать то, что приносит реальную пользу. А ведь до сих пор только слепая приверженность традициям мешала старым лордам наголову разгромить своих менее опытных потомков.

— Хороший командующий, у которого в распоряжении будут все ресурсы старых лордов, просто порвет молодых в клочья, — продолжала Шана, устремив взгляд туда, где лежали эльфийские земли.

— А если он это сделает, его хозяева убедятся в его ценности, — согласился с нею Лоррин. — И тогда они нарушат договор и пошлют его против нас. Это лишь вопрос времени.

У него противно заныло под ложечкой.

— Ну, а хоть какие-нибудь хорошие новости у тебя есть? — жалобно поинтересовался Лоррин.

Шана покачала головой. Судя по всему, ей тоже было невесело.

— Я понимаю, о чем ты думаешь, и ты прав. До тех пор, пока мы не разузнаем об этом Киртиане как можно больше, нет никакого смысла прикидывать, что он способен сделать, а что не способен. Кроме того, то, чем заняты сейчас Меро с Реной, очень важно для нас. А Железный Народ, похоже, относится к ним с большой симпатией.

— В прошлый раз Железный Народ помог нам сдержать эльфийских лордов, даже не вмешиваясь напрямую, — пробормотал Лоррин; при мысли о конфликте между эльфийскими лордами ему немного полегчало на душе. — Если на этот раз они присоединятся к нам... да еще драконы...

— Возможно, эльфийским лордам придется отступить, — договорила вместо него Шана. — Один дракон из логова Доры как раз помогает им разыскивать подходящие пастбища и руду. А еще они встретили небольшую группу людей, говорящих на наречии, которое Железный Народ понимает.

— Как ты думаешь, а это не могут быть остатки того самого Народа Зерна? — спросил искренне заинтересованный Лоррин.

Шана пожала плечами.

— Возможно, это просто торговцы. Мы же уже знаем, что Железный Народ всегда сохранял какие-то связи с торговцами. Кеман говорил, что они начали постепенно являться с семьями и присоединяться к Железному Народу. И некоторые говори-

ли, что это безопаснее, чем прятаться в глуши. Они занимаются сельским хозяйством, хотя...

— Если есть хорошие пастбища, в стаде хороший приплод. — Лоррин сорвал травинку и принялся ее жевать. — А это именно то, что нужно Железному Народу. Они вообще-то предпочитают оседать на одном месте, если у них имеется такая возможность. На ходу кузнечным ремеслом заниматься трудно — нормальные кузни не сделаешь. А ты рассказала Меро насчет этого нового эльфийского главнокомандующего?

Шана кивнула:

— Да, и сказала, чтобы он передавал эти сведения дальше, как сочтет нужным. Тут есть одна трудность. Нам и вправду позарез нужно найти надежный источник железа. Меро с Реной никак не удается ничего отыскать. А если мы хотим, чтобы Железные Люди и впредь были нам союзниками, необходимо, чтобы какой-нибудь дракон разыскал для нас месторождение.

— Кстати, ты мне напомнила — у нас имеется и собственная проблема, связанная с железом. — Лоррин просто поражался, сколько же его проблем связано с Каэллахом Гвайном!

— Искажение магии. — Шана скривилась. — Ну, поскольку мы об этом знаем, то просто не держим при себе железа. А так надо просто сосредоточиться получше и пробить это искривление. Или использовать его. Я однажды видела, как Ориен буквально-таки отбил молнию-стрелу за угол! Ну а в чем проблема?

— Младшие волшебники могут научиться управляться с этим, потому что привыкли использовать для концентрации полудрагоценные камни. Каэллах же просто не желает, чтобы рядом находилось что-нибудь железное, да и все. С его точки зрения, это еще одно Изменение Прежнего Порядка Вещей — того, к которому он жаждет вернуться. — Лоррин вздохнул и почувствовал, что головная боль возвращается. Ну почему так много проблем начинается с Каэллаха Гвайна и им же заканчивается?

— Он просто лентяй! — фыркнула Шана.

— Ну... я согласен, Каэллах — лентяй. Но далеко не все старшие волшебники — лентяи, но им так же трудно приспособиться к переменам. Они не жалуются, нет, — они просто молча страдают.

— Страдают? — Шана скептически приподняла бровь.

— Ну, может, «страдают» — слишком сильно сказано, но старикам тяжело. Они уже не такие сильные и не такие здоровые, и им трудно учиться чему-то новому. И вовсе не из-за одного лишь упрямства.

Лоррину было очень жаль их: он видел, как некоторые старики подолгу бьются, пытаясь при помощи драгоценных камней добиться того, что дети проделывали играючи. Он видел, что теперь из-за того, что они оказались вынуждены сменить уютные комнаты старой Цитадели на пещеры, их мучают боли в суставах, кашель и простуды. Мало того — они впадали в уныние, думая: мало того, что они всю свою жизнь были вынуждены таиться, так еще теперь к ним относятся как к существам бесполезным.

— Я знаю. — Теперь настала очередь Шаны вздыхать. — И это несправедливо. Ведь если бы не они, меня бы здесь не было. Но я не знаю, что тут можно поделать. Мы не можем остановить перемены...

— Нет, но... знаешь, я попробую над этим подумать. — Лоррин застенчиво улыбнулся Шане. — Ты же сама сказала: ты умеешь планировать, а я умею обращаться с людьми. Возможно, мы найдем способ обернуть все это к нашей выгоде.

— И как же?

Шана вновь взглянула на него с сомнением. Но на этот раз в мозгу у Лоррина возникли лишь слабые проблески идеи, и он твердо встретил взгляд девушки.

— Пока не знаю. Но возможности существуют всегда — надо только внимательно смотреть по сторонам и не упускать их. — И с этим оптимистическим утверждением Лоррин вскочил на ноги и протянул руку Шане. — Давай лучше погуляем и стряхнем пыль с мозгов, прежде чем возвращаться к работе.

— Да, пыль и вправду мешает смотреть, — согласилась Шана, к великому удовольствию Лоррина. — И я не против погулять — с тобой.

И от ее последних слов на душе у Лоррина стало еще приятнее.

Глава 15

Вчера Рена напряженно трудилась почти целый день, при помощи эльфийской магии превращая траву и листья в лакомства, которыми Железные Люди могли бы подманить молодых быков на первый урок — быков приучали ходить под седлом и терпеть всадника. Коня можно выездить силой, хоть это и не лучший способ обучать лошадей, но он работает, а вот быка —

никогда. Упрямство и храбрость, закрепившиеся в их породе благодаря отбору, делали подобную ломку невозможной. Выездить быков можно было лишь одним-единственным способом: осторожно, постепенно заманив их в плен и вознаграждая за малейшее согласие сотрудничать единственной монетой, которую ценили быки, — едой. Какой-нибудь особенной едой, лакомством, которого они не могли отыскать самостоятельно. Оказалось, что быки, как и люди, любят сладкое, а поскольку Рена сейчас исполняла обязанности посланника при этом племени, она твердо вознамерилась сделать все от нее зависящее, чтобы теперь Железный Народ оказался в долгу перед волшебниками. И если для этого нужно по полдня сидеть и превращать траву в сладости, чтобы учителя быков могли подкармливать своих зверюг, значит, так тому и быть.

Магия, которой обычно обучали эльфийских леди, была благородным искусством преобразования; ее использовали, чтобы создавать наряды без единого шва, облегающие тело подобно второй коже, придавать цветам причудливую форму и производить прочие чисто косметические изменения. А Рена научилась с ее помощью превращать малосъедобные растения в съедобные и вкусные. А еще она узнала, что эта магия позволяет, если нужно, остановить сердце. Недавно ей пришло в голову, что она также может заставить биться остановившееся сердце или, может, лечить болезни и врачевать раны, но пока что у нее не было возможности (или храбрости) испробовать это на практике.

На рассвете Рену разбудил обычный гул лагеря: голоса, шум приготовления пищи и отдаленное мычание скота. Рена жила вместе с Железным Жрецом Дириком и его женой Калой. С ними также жил друг Лашаны Проклятия Эльфов, полукровка Меро, открыто ухаживавший за Реной, но Кала присматривала за ними так строго, будто Рена приходилась ей родной дочерью. Дирик с Калой выделили им отдельные спальни по разные стороны их семейного шатра. На Рену это действовало успокаивающе. Она, как и всякая эльфийская девушка, росла в тепличных условиях, практически не видя мужчин, за исключением собственных отца и брата, и хотя ей приятно было внимание Меро, она очень стеснялась. Не то чтобы она хотела, чтобы Меро перестал за ней ухаживать — нет, ни в коем случае! Но она еще не готова была зайти дальше робких поцелуев.

Однако же, просыпаясь от утренней свежести, под гомон лагеря и дуновение ветра, несущего запах трав и горящего в кострах кизяка, Рена чувствовала себя немного одиноко в своей постели.

«Лоррин не такой робкий — но, с другой стороны, Лоррин ведь не девушка. — Рена вздохнула. — Хотела бы я быть такой, как Шана... Она сильная, храбрая, и ее совершенно не волнует, что о ней подумают». Интересно, а Лоррин с Шаной спят вместе? И Рена задумалась: а что бывает, когда двое спят вместе? Подобные смелые мысли приходили ей только в те моменты, когда она еще не до конца проснулась. Осторожные поцелуи и ласки Меро будили в ней странные ощущения. Приятные, да, — но странные. Ведь явно это должно происходить не так... ну... не так, как у домашних животных или у птиц в саду...

Рена слушала веселые голоса женщин, готовящих завтрак, и думала о своем. Ей нравились эти голоса; они были более низкими, грудными, чем у тех женщин, которых она знала прежде, будь то эльфийки или люди-рабыни. И прекрасно! Они создавали мелодичное гудение, а не раздражающее птичье щебетание.

Но это настроение надолго не задержалось. Какой-то ребенок сотворил какую-то шкоду, мать прикрикнула на него, и тут же заревел другой ребенок — из солидарности. От этого всего Рена окончательно проснулась и засмеялась над собою и своими фантазиями. До чего же это похоже на эльфийскую девушку — стараться навести благовидный романтический ореол на вещи, которые и так ценны и красивы, если они не полностью безупречны и не исполнены безмятежности!

Рена потянулась, зевнула, выскользнула из-под одеяла и быстренько умылась в кожаном ведре, что стояло у самого полога, отделявшего ее комнатку от покоев жены Дирика. Железные Люди носили просторную, удобную одежду, идеально подходящую для их кочевого образа жизни. Кала отдала Рене наряды своей старшей дочери, из которых та уже повырастала. Они прекрасно подходили хрупкой эльфийке. Женщины Железного Народа одевались примерно так же, как и мужчины, в свободные штаны с завязками на поясе и безрукавки с треугольным вырезом, или наряжались в длинные вышитые платья с завязками на спине. Но цвета неизменно были яркими, почти дерзкими. В общем, трудно было представить себе наряды, более несхожие с теми платьями, которые Рена когда-то носила дома, — платьями со шлейфами и длинными рукавами, с тугими поясами, платьями нежных пастельных цветов, из тончайшего шелка и атласа.

Сегодня Рена надела платье из льняной ткани теплого, насыщенного оттенка. Если бы она по-прежнему оставалась той же бледной, запуганной девушкой, какой была к моменту бегства из отцовского поместья, это платье превратило бы ее в подобие бесцветной восковой куколки. Но хотя у Рены по-прежнему волосы были почти бесцветными, серебристыми с золотым отливом, ее кожа от поцелуев солнца приобрела теплый оттенок слоновой кости и лучилась здоровьем, и теперь Рену можно было назвать какой угодно, но только не блеклой.

И все-таки Рена, натягивая платье и завязывая тесемочки на спине, вздохнула. Сегодня, как и всегда, ей первым делом следовало пойти посмотреть, может ли она что-нибудь сделать для этого пленного эльфийского лорда Хальдора.

«Если, конечно, в нем осталось хоть что-то от лорда!»

И Хальдор, и его товарищ по плену, Кельян, давно уже были не вполне в своем уме, но Хальдор пострадал больше. Когда Рена с Меро вернулись в лагерь Железного Народа, Дирик первым делом попросил их посмотреть, не могут ли они что-либо сделать для двух пленных, которых захватили еще прадеды нынешнего поколения и заставили творить иллюзии развлечения ради. Железные Люди никак не могли отпустить эльфов, даже если те уже и были не в себе — они ведь все равно слишком много знали, равно как и не могли передать их волшебникам. Во всяком случае, так казалось Рене. К моменту их возвращения Хальдор впал в оцепенение, в полнейшую апатию; даже заставить его поесть, и то было непросто. Его сотоварищу, Кельяну, приходилось теперь заботиться о нем; но, по крайней мере, их больше не принуждали забавлять Железный Народ, а благодаря преобразующей магии Рены их рацион теперь состоял не только из творога, молока и мяса.

По правде говоря, Рена жутко не любила навещать соплеменников. Нет, она их не боялась — но и ничего не могла для них сделать, если брать по большому счету. Ее преследовало ощущение, что им вообще уже невозможно помочь. Если бы только существовала возможность стереть из их памяти все, что произошло с ними с момента попадания в плен! Тогда можно было бы погрузить их в сон и попросить какого-нибудь дракона высадить их... ну, например, у караванных путей эльфов...

Девушка застыла, придерживая рукой полог шатра. «А что, это идея! — подумала она. — И может, как раз Меро это и под силу!» Меро, подобно прочим полукровкам, унаследовал не только человеческую магию от матери, но и способности своего отца-эльфа. Человеческая магия, помимо всего прочего, включала в себя способность читать чужие мысли. Может, тогда Меро способен и менять их?

Рена приподняла полог, вознамерившись сразу же расспросить Меро об этом, но, к ее разочарованию, юноши нигде не было видно. Да и Дирика тоже, кстати говоря. Только Кала хлопотала в общей части шатра. Фигуристая жена Железного Жреца возилась с приготовлением завтрака. Она взглянула на Рену и расплылась в белозубой улыбке, казавшейся особенно ослепительной на фоне ее темно-коричневой кожи.

Железные Люди совершенно не походили ни на кого из людей, которых Рене доводилось видеть прежде; у них была кожа цвета черной бронзы (даже ближе к черному, чем к бронзовому), а черные как смоль волосы вились тугими кудрями, словно овечье руно. Они были кочевниками не по складу характера, а потому, что к этому их вынудила жизнь, и происходили из племени скотоводов, чья религия и образ жизни крутились вокруг кузнечного дела. В те давние времена, когда эльфийские лорды только-только пришли в этот мир, Железный Народ жил в союзе с другим человеческим племенем, ныне исчезнувшим, что именовало себя Народом Зерна. Железный Народ поставлял на общий стол мясо, а Народ Зерна — хлеб и овощи. Железные Люди были искусны в выделке кожи и обработке металла, а Народ Зерна — в гончарном деле и ткачестве. А потом явились эльфийские лорды и оттеснили более подвижных Железных Людей на юг, а Народ Зерна, по всей видимости, добавили к длинному списку порабощенных ими племен.

— Тут появились еще люди из Народа Зерна! — весело сообщила Кала. — Дирик и Меро отправились поговорить с ними. Думаю, они уже скоро вернутся. Они ушли, не позавтракавши, а я еще не видала мужчины, который не начинал бы беситься, если его не покормить.

Рена рассмеялась и принялась по мере сил помогать Кале с готовкой.

С того самого момента, как Железный Народ вернулся на свои древние пастбища, на равнину, лежащую у подножия гор, где жили волшебники и торговцы, к ним начали стекаться небольшие группки соломенноволосых людей и напоминать о прежнем союзе. Они вполне соответствовали описаниям, которые Лоррин вычитал в старинных книгах, и, несомненно, язык их был подобен языку Железного Народа, так что, по всей видимости, это и вправду были уцелевшие остатки Народа Зерна.

Конечно же, народ Дирика верил им и приветствовал, словно давно утраченных и вновь обретенных родичей. Меро их появление очень радовало. Если древний союз таки удастся возродить и Народ Зерна вновь примется возделывать землю, выращивать хлеб, овощи и лен, у Железного Народа появится еще одна причина осесть здесь. Здесь было полно прекрасных пастбищ, и единственное, чего недоставало Железному Народу для полного счастья, так это месторождения железа.

«Если бы мы убедили их остаться!.. Если бы только нам удалось обеспечить их железом!» — думала Рена, помогая Кале размазывать масло по раскаленному камню, служившему ей печью. Подобные камни — черные, плоские, безукоризненно отполированные — здесь имелись в каждой семье. На них готовили, грели воду, разогревали еду — и очень ими дорожили, что и неудивительно. На этих камнях выпекали тонкие упругие лепешки, служившие Железному Народу хлебом, жарили яйца, готовили чай и суп. Их зарывали в угли, чтобы разогреть до нужной температуры, а потом стирали с отшлифованной стороны пепел и золу.

Рена размазывала масло по камню круговыми движениями вырезанной из рога ложки; Кале же досталась более ответственная работа — определять, когда лепешка достаточно пропеклась, чтобы ее можно было подцепить и перевернуть. Кала это проделывала голыми руками, ибо пальцы у нее загрубели от многолетних занятий ювелирным делом. Рена не решалась ей подражать; она пробовала несколько раз, но постоянно обжигалась до волдырей.

Готовые лепешки, тоненькие, словно бумага, и очень вкусные, складывали до поры до времени в корзинку. Завтрак обычно состоял из лепешек, молока, сыра или мяса и фруктов, какие удавалось раздобыть. Например, в здешних краях росла ежевика, и ягоды как раз начали поспевать. Рена сама собирала их накануне, только слегка сжульничала с колючками, чтобы те ее не кололи.

Ровно в тот момент, как последняя лепешка пропеклась, снаружи послышались голоса: низкий голос Дирика, весело рокочущий, словно колеса тяжело груженной повозки по ухабистой дороге, и чистый тенор Меро.

— ...я понятия не имею, откуда взялся этот самый лорд Киртиан, — произнес Меро, когда они вошли в шатер. — В те времена, когда я регулярно общался с эльфами, никого с таким именем среди их командования не было.

По этой реплике Рена поняла, что Меро как раз пересказывал Железному Жрецу новости, которые ему вчера сообщила Шана, когда сумела наконец мысленно дотянуться до него.

— Ну, нам до этого особого дела нет, — заметил Дирик и, наклонившись, поцеловал жену. Дирик был круглолицым, высоким и мускулистым — что и неудивительно для верховного жреца религии, построенной вокруг кузнечного дела. Рена плохо определяла возраст людей на глаз, но Меро высказывал предположение, что Дирику и Кале где-то по пятьдесят с небольшим.

— Кала, голубка моя, парень тут говорит, что у демонов появился новый военный вождь и начал сражение с их взбунтовавшимся молодняком. Он, похоже, куда смышленее предыдущего и уже делает успехи. Меро беспокоится, как бы это не принесло неприятности и нам.

— Ну, это вряд ли, — вежливо согласилась с мужем Кала. — Скорее уж, нам это на пользу. Пускай себе дерутся друг с дружкой и про нас не вспоминают.

— Но если этот Киртиан преуспеет, они тут же вспомнят про нас! Неужто вы не понимаете?! — воскликнул Меро, и Рена закивала, соглашаясь с ним.

Но седовласый Железный Жрец лишь покачал головой.

— Если что-то и случится, мы еще успеем об этом подумать. Времени достаточно, — отозвался он, пожав плечами. — Сейчас мой народ куда сильнее беспокоят остывшие горны, чем какая-то война между демонами, которая, может быть, когда-то их заденет.

Меро прикусил губу и взглянул на Рену, ища помощи. Но девушка ничем не могла ему помочь. Дирик был совершенно прав. Железный Народ уже много поколений не сходился в бою с эльфийскими лордами, а легенды вряд ли могли вызвать у них особое беспокойство. А вот нехватка железа действительно создавала трудности и начинала в нынешних обстоятельствах превращаться в главную проблему.

Беспокоила она и волшебников — в конце концов, весь мятеж молодых лордов обязан был своим возникновением украшениям из железа, скованным Железными Людьми и втайне распространенным волшебниками. Эти украшения защищали мятежников — к ним относились не только младшие сыновья знатных семейств, но и незнатные лорды, почти лишенные магии, с которыми зачастую обращались ничуть не лучше, чем с людьми-рабами, — от магии великих лордов. Впервые в жизни

у них появилась возможность действовать, не опасаясь удара молнии-стрелы или парализующей боли, — и они принялись за дело.

Но на это ушли все и без того небольшие запасы необработанного железа, и Железные Люди начали роптать на нехватку сырья и задумываться, а стоила ли их самоотверженная попытка спасти волшебников, предоставив великим лордам другую мишень, того, чтобы из-за нее хлопотать. Пока что те крохи железа, что удалось отыскать драконам, были извлечены из земли и разбросаны в необработанном виде между землями волшебников и укреплениями эльфов. Они образовали защитный барьер, который трудно было обнаружить и еще труднее разрушить, невзирая на его незначительные размеры, и волшебники крайне неохотно выходили за его пределы, несмотря на то, что Железный Народ нуждался в них.

В общем, дело обстояло просто и незамысловато: Железные Люди не собирались больше изготавливать для волшебников свои украшения, пока те не найдут им новый источник железа. И ручеек украшений, тайком текший от волшебников к мятежникам, давно уже иссяк. А ведь каких результатов можно было бы добиться, если бы имелась возможность снабжать людей-рабов простенькими железными гривнами! Эти железные полоски способны были нейтрализовать магию ошейников, державшую рабов в повиновении, — а значит, у рабов появлялась возможность бежать или даже захватывать власть в поместьях. Нет железа — нет и перемен. Если этот лорд Киртиан сумеет повергнуть молодых лордов одной лишь силой оружия, волшебникам позарез нужен будет другой способ отвлечь внимание эльфийских лордов. А у людей-рабов вообще не останется иных перспектив, кроме дальнейшего унижения и рабской жизни.

Дирик безмятежно завтракал, не обращая внимания на беспокойство, снедающее его гостей.

— Да, а еще к нам наконец-то едут торговцы, — заметил он, оторвавшись на мгновение от еды. — Один из новоприбывших Людей Зерна сообщил мне, что торговцы всего в нескольких днях пути отсюда и их повозки нагружены всякими товарами. Мне не терпится с ними повидаться, да и остальным, я думаю, тоже.

Рена, несмотря на беспокойство, не удержалась от улыбки.

— Вот в этом я ни капли не сомневаюсь, — сказала она, припомнив, какое возбуждение вызывало среди волшебников появление каждой очередной группы торговцев.

— Они — хорошие люди, — заметил Меро. — Вы не пожалеете, что решились торговать с ними.

— То же самое ты говорил и в Совете. Однако же некоторые из моих соплеменников до сих пор считают, что лучше было бы захватить торговцев в рабство и просто забрать все их товары себе.

Блеск в глазах Дирика напомнил Рене, что Железным Людям не чужда была идея держать в рабстве других людей. Рабов у них было немного — по большей части их же соплеменники, проданные в детстве родителями, или те, кого продали в уплату долгов, но тем не менее они были. В свое время Меро, обнаружив это, был неприятно поражен.

— И я сказал им, и готов это повторить, что честная торговля куда выгоднее, — напомнил Меро Железному Жрецу. — Если вы захватите их вместе с товарами, у вас только и добавится, что эти товары да несколько рабов. Но к вам больше никто никогда не придет. А если вы будете с ними торговать, к вам будут приезжать все новые и новые караваны, и вы сможете обменивать ваши излишки на то, чего вам не хватает.

— Эй, я разве тебе не говорил, что и сам так считаю? — простодушно поинтересовался Дирик, делая вид, будто никогда не рассматривал подобные идеи всерьез, хотя и Рена, и Меро прекрасно помнили, сколько им пришлось спорить с жрецом, чтобы склонить его на свою сторону. Торговля могла стать еще одной ниточкой, привязывающей Железный Народ к этой земле, еще одной причиной задержаться здесь, а не идти искать другие земли.

Торговцы прибыли в сопровождении множества вьючных грелей. Эти неописуемо уродливые животные — длинноногие, длинношеие, с выпученными глазами и пухлыми губами — давно уже использовались в ходящих через пустыню торговых караванах эльфийских лордов, но Меро никак не ожидал, что грели найдутся и у торговцев.

Железные Люди тоже удивились и обрадовались, узрев полдюжины животных, с которыми они когда-то были тесно связаны. В самых старых хрониках Железных Людей называли не иначе как грелеводами. Но когда племя оттеснили на юг, они потеряли грелей, — те перемерли от трудностей пути и каких-то болезней, не бравших крупный рогатый скот.

А вот грели при виде темнокожих людей не проявили ни малейшей радости. У них-то никаких воспоминаний не сохрани-

лось, и потому, завидев незнакомые темные лица, грели перепугались и принялись орать, к жестокому разочарованию Железных Людей.

— Вы уж извините, но они у нас туповатые и считают, что все, чего они не знают, непременно желает их сожрать, — повторял раз за разом погонщик грелей, слегка запинаясь. Видно было, что он не привык изъясняться на языке Железного Народа.

По мере того как Железные Люди убедились, что животные не желают с ними общаться, любопытство сменилось разочарованием, и все снова вспомнили о торговле.

Каждая из сторон разложила на земле свои товары. Железные Люди могли предложить кожи, сушеное мясо, корзины, украшения из бисера, прекрасные изделия из кожи, ткани и посуду из рогов. У них был лен — он в изобилии рос на равнине, и когда дозорные находили такие заросли, скот туда не пускали, пока женщины все не соберут. Овец Железный Народ не держал, но зато у них были козы, и пряжа и вещи из козьего пуха были великолепны. У торговцев была овечья шерсть, изделия из стекла и камня, глиняная посуда, мука и соль, некоторые необычные товары, поставляемые из леса, например, тисовые длинные луки, произведшие сильное впечатление на воинов, и наконечники для стрел, которых всегда недоставало. Еще там были медные украшения, медные сосуды и даже медь в слитках. Но Железным Людям, конечно же, более всего не терпелось разжиться железом, и даже Рене было видно, как они разочаровались, не увидев его.

Однако же они старательно скрывали свое разочарование, и в первый день торговля шла бойко. Под вечер Халкан, представитель и глава этого клана торговцев, пригласил самых уважаемых членов племени отужинать у него в шатре. Пригласил он и Меро с Реной — скорее из вежливости, чем из каких-либо иных побуждений. Кланы торговцев и так уже заключили соглашение с волшебниками, и вряд ли он думал, что сможет извлечь особую пользу из двоих юнцов, служащих посланцами волшебников в этом странном темнокожем народе.

Меро никогда прежде не случалось бывать в лагере торговцев, и потому, шествуя следом за Дириком и Калой на скромный пир, он с живейшим интересом оглядывался по сторонам. Железные Люди жили в круглых шатрах из шкур и войлока. У торговцев же были квадратные и прямоугольные палатки из плотной, сильно провощенной ткани. Ткань, прежде чем пропитать воском, разрисовывали беспорядочно разбросанными зелеными и коричневыми пятнами. Меро подумал, что такую

палатку, должно быть, трудно заметить в лесу. Но здесь, на равнине, они смотрелись малость странновато. По краю лагерь был окружен шестами, на которых висели корзины; это не были ни лампы, ни светильники, и Меро терялся в догадках, пытаясь сообразить, для чего же они предназначены. Когда гости и хозяева уселись в большой разукрашенной палатке, оказалось, что торговцы рассадили приглашенных вперемешку со своими людьми. В результате один из торговцев, худощавый беспокойный парень, оказался между Меро и Реной. Меро забеспокоился: а вдруг это доставит Рене неудобство? Но он недооценил ее выучки: если девушке и было не по себе от того, что она оказалась между двумя незнакомцами, она никак этого не выказывала.

Меро время от времени обменивался малозначащими репликами с соседями, позволив Дирику и вождям вести беседу в угодном им направлении. Но когда подали десерт — вымоченные в меду фрукты из запасов торговцев и взбитые сливки, принесенные гостями, — кто-то напомнил Меро об этих загадочных корзинах, и юноша полюбопытствовал — а зачем, собственно, они нужны?

Разговор шел на языке Железного Народа — из соображений вежливости, чтобы всем было понятно, о чем говорят окружающие.

— А, это! Это для защиты от демонов и их магии, — объяснил молодой торговец, имени которого Меро не расслышал. — Мы насыпаем в них «дурацкое золото», и оно работает так же, как железные украшения.

Стоило им лишь упомянуть о железе, как головы всех присутствующих тут же повернулись к ним.

— Что это? — нетерпеливо спросил Дирик.

Глава клана попытался объяснить, что же именно находится в корзинах, но Дирик никак не мог его понять. В конце концов торговец сказал: «Подождите», — и послал кого-то из юнцов принести такую корзину.

Когда корзину принесли, торговец открыл ее — Дирик не сводил с него заинтересованного взгляда — и высыпал оттуда пригоршни три округлых камешков цвета золота.

— «Дурацкое золото», — объяснил торговец. — Дураки принимают его за настоящее. Но на самом деле оно только на то и годится, чтобы...

Он осекся и в замешательстве уставился на гостя, ибо Дирик зачерпнул полные пригоршни этих камней и торжествующе вознес их над головой.

— Это не золото! — поспешно произнес рыжий торговец, глава клана, развернувшись к Меро. — Скажи им, что это не золото! Скажи, что оно не имеет никакой ценности!

Но Дирик и остальные и не думали, что это золото, — золото и вполовину бы так их не взволновало, даже если бы перед ними поставили полную корзину самородков.

— Железо! — вне себя от радости возопил Дирик. — Железо!!!

И он вместе с прочими соплеменниками ринулся прочь из лагеря торговцев, оставив Меро и Рену объясняться.

— Мы называем его пиритом или еще железным колчеданом, и из него можно даже делать такие вещи, какие не сделаешь из других железных руд, — сказала Рене Кала, с сияющим лицом склонившись над драгоценной грудой камней. Стоило торговцам уразуметь, насколько высоко Железный Народ ценит их «дурацкое золото», как они быстренько все продали, понадеявшись на собственную сноровку и обещанный эскорт из всадников на быках, что должен был защищать их на обратном пути к лесу. Этого «золота» у них было немного, но зато они знали, где можно взять еще, и Железный Народ тут же перестал угрожать, что вот они заберут свои стада и Народ Зерна и уйдут куда-нибудь еще.

— Больше всего его ценят женщины, — продолжала Кала. — Мужчины то и дело норовят его расплавить. А ведь можно делать куда более интересные вещи, если брать эти камни такими, какие они есть.

Рена зачарованно наблюдала, как Кала тут же принялась подтверждать свои слова. Ее короткие полные пальцы двигались с поразительной сноровкой и чуткостью — Кала вырезала из колчедана и гранила крохотные «драгоценные камни», сверкавшие подобно черным алмазам. Эта работа требовала неимоверного терпения.

— А что ты собираешься с ними делать? — поинтересовалась Рена, положив один такой законченный камешек себе на ладонь и потрогав его пальцем.

— Да просто расплавлю отходы и сделаю для него оправу, — рассеянно отозвалась Кала. — Ты таких украшений еще не видела, но, думаю, тебе понравится. Мы договорились, что будем менять их на необработанный колчедан, так что торговцам больше не придется так неразумно использовать драгоценную

руду — засыпать ее в корзины и вешать на шесты. Так что будем менять украшения на колчедан по весу, один к десяти.

Рена ни капли не сомневалась: Кала искренне считала, что они на этой сделке выиграли. Рена еще некоторое время наблюдала за женщиной, но Кала так глубоко ушла в работу, что смотреть на нее сделалось даже как-то неучтиво, а потому Рена встала и отправилась искать Меро.

— У нас проблема, — обеспокоенно сообщила она юноше, как только тот заметил ее среди шатров и поспешил навстречу.

— Я знаю. Дирик уже рассказал мне про торговый договор, — отозвался Меро, обеспокоенный ничуть не меньше Рены. — Нет, это, конечно, хорошо, что они разжились железом, но в результате мы оказываемся совершенно не у дел. Они могут получить все, что им нужно — ну или почти все, — от Народа Зерна и от торговцев...

— ...а раз так, то на кой им сдались волшебники? — договорила за него Рена. — И если лорды таки сумеют одолеть молодых и повернут оружие против нас, ради чего Железному Народу помогать нам? Этот союз больше ничего им не дает!

Меро кивнул.

— А они — народ практичный. — Он задумчиво потер подбородок. — Да, верно. Значит, так: первым делом нам нужно связаться с Шаной и сообщить ей, что произошло. Может, у нее появятся какие-нибудь идеи.

— А дальше что? — с надеждой спросила Рена. Меро такой находчивый — конечно же, он что-нибудь придумает!

— А дальше я ничего не могу придумать, — отозвался Меро, разрушив ее надежды. — Хотя очень хотел бы...

Глава 16

Утомленный Киртиан сидел на лошади, под палящими лучами солнца, и ждал, пока прибудет разведчик с донесением. Где-то впереди — невесть где — находилось отступающее войско молодых лордов. Им удалось достаточно оторваться от сил Киртиана, так что их не выдавали даже встающие на горизонте клубы пыли.

От всего этого отдавало чем-то сверхъестественным. В тот момент — в тот самый момент! — как Совет согласился (весьма неохотно, надо заметить) доверить Киртиану командование

войсками, кто-то поставил мятежников в известность. И этот кто-то явно сообщил им, что в лице лорда Киртиана они столкнутся с опытным командиром, ведущим хорошо обученные войска. Ибо Киртиану так ни разу и не представилась возможность сойтись с армией мятежников лицом к лицу — никого, кроме мелких групп стрелков, старающихся задержать его и дать армии возможность отступить.

Именно это сейчас и выискивали его разведчики — стрелков в засадах, ловушки, ложные следы. И, быть может, признаки того, что молодые лорды выбрали место для боя. Но особенно он на это не рассчитывал. Во всяком случае, пока. Мятежники все еще были далеки от тех мест, где они могли чувствовать себя в безопасности, и их пока что не загнали в угол.

Появился разведчик — один из людей самого Киртиана; он остановился у стремени командующего и отсалютовал.

— Докладывай, — приказал Киртиан.

— Мой лорд, впереди все чисто; остальные остались подбирать безопасные места для стоянок, — бодро отрапортовал разведчик. — Никаких признаков присутствия врага не обнаружено, только следы отступления.

— Отлично.

Киртиан отсалютовал и кивком отпустил разведчика. Тот рысцой побежал к своей группе. Киртиан посмотрел на сопровождавшего его Джеля.

— Ну? — поинтересовался он.

Джель коротко хохотнул.

— Так ты без трудов создашь себе репутацию, — сказал он. — Но я не стал бы особо на это полагаться.

— Я и не полагаюсь. — Киртиан вздохнул. — Ладно, давай двигаться. Если мы сегодня пораньше встанем на ночевку, я еще успею их помуштровать.

— Неплохая мысль.

Джель развернул своего коня и направился к основной части войска, время от времени останавливаясь и передавая приказ Киртиана. Киртиан уставился вдаль, размышляя, откуда же в конце концов обрушится неведомый удар.

Реннати вздохнула, зачесала волосы назад и присела у окна в своей нише-спаленке, извернувшись так, чтобы видеть как можно больше. С тех пор как лорд Киртиан уехал — Реннати понятия не имела, почему он уехал, лишь услышала от слуг, что его здесь нет, — ей совершенно не о чем было докладывать леди

Триане. И в гареме тоже совершенно ничего не происходило. Никто не приходил к наложницам, ни о чем им не рассказывал. Реннати усердно упражнялась в танцах, но невозможно ведь танцевать целыми днями напролет! Да, танцы были ее единственной страстью, но теперь, когда у Реннати появилась масса свободного времени для самосовершенствования, она вдруг поняла, что ей уже недостаточно просто тренироваться и совершенствоваться в своем искусстве — ей нужны восхищенные зрители.

Остальные две наложницы возились с содержимым нескольких сундуков, предусмотрительно присланных леди Лидиэлью, и были совершенно счастливы. Хозяйка поместья откуда-то узнала, что у них закончились все материалы для шитья, и передала просто-таки неисчислимое количество ценнейших вещей: отрезы шелка, атласа и бархата, ярды тесьмы, коробки со сверкающими бусами, каменными, стеклянными, выточенными из ракушек, нитки для вышивки, шелковые, золотые и серебряные, — в общем, все, что только может пригодиться для пошива нарядов и создания украшений. Этот знак внимания, по правде говоря, немало удивил Реннати. Она ну никак не ожидала подобной заботы со стороны смотрительницы замка, матери молодого лорда. Однако же, если бы Реннати была хоть чуть-чуть более схожа с остальными наложницами из гарема лорда Киртиана, она сейчас тоже сидела бы внизу, рисуя вместе с Карой и Джианной эскизы платьев, занималась шитьем или плела из бусин изящные ожерелья.

Нет, Реннати и этим занималась, но утратила интерес к этой возне, в точности так же, как к танцам. Считалось, что наложницы должны быть одержимы мыслью, как бы нарядиться покрасивее и получше себя украсить. Да, Реннати нравилось наряжаться и нравилось хорошо выглядеть, но в гареме она всегда чувствовала себя заключенной и оттого впадала в бессильное отчаяние, хотя и старалась его не выказывать. А куда деваться? Выбор невелик: в гарем или работать по дому, а то и в поле, а с этими слугами обращались гораздо хуже, чем с наложницами.

Вид, открывающийся из окна, при всей своей ограниченности был гораздо интереснее всего, что творилось в гареме. По крайней мере, там что-то да происходило, что-то отличающееся от гаремного однообразия. Изменялась погода, мимо проходили рабы, пролетали птицы. Реннати принялась откровенно оттягивать сеансы связи с леди Трианой. Отсутствие информации все более выводило леди Триану из терпения, и при по-

следнем разговоре она пригрозила расторгнуть сделку, если только в следующий раз Реннати не сообщит ей чего-нибудь новенького.

В конце концов Реннати, скривившись, решила, что оттягивать больше нельзя. Она взяла небольшую шкатулку с украшениями, принадлежащими лично ей, и извлекла из тайничка телесоновое кольцо. Девушка надела его, произнесла слово-ключ и уставилась на темно-зеленую искорку берилла, ожидая, что вот сейчас раздастся голос, преодолевший огромное расстояние между этим поместьем и владениями леди Трианы.

— Ну-ну! Так вот откуда эти помехи!

Реннати вздрогнула и подняла голову, ибо голос этот исходил отнюдь не из кольца и принадлежал не леди Триане.

На пороге стояла леди Лидиэль. Реннати была так ошеломлена, что тупо уставилась на хозяйку поместья, не в силах вымолвить ни слова. Эльфийские леди никогда не входили в гарем — и уж подавно никогда не заглядывали в личные покои наложниц! Реннати боялась, что ее могут застукать Джианна или Кара, или даже сам лорд Киртиан, но ей и в голову не приходило бояться разоблачения со стороны его матери!

Леди была одета совсем не так, как при их первой встрече. На самом деле она сейчас почти ничем не напоминала ту ухоженную хозяйку поместья, какой ее запомнила Реннати. Длинные серебристые волосы собраны в аккуратный узел на затылке, на лице ни следа косметики, коричневая юбка с разрезами, такого же цвета туника с длинными рукавами, никаких украшений — лишь окружавшая леди Лидиэль аура власти свидетельствовала о ее высоком положении.

Глаза леди напоминали непроницаемые темно-зеленые озера — в точности такие же, как берилл в кольце Реннати; лицо было бесстрастным, словно у статуи.

Леди Лидиэль спокойно преодолела несколько шагов, отделявших ее от Реннати, и протянула руку.

— Не знаю, перед кем ты отчитываешься, дитя, но тебе не ответят, — сказала леди без малейшего признака гнева. Реннати вообще не могла уловить ни малейшего проявления чувств с ее стороны. — Я об этом позаботилась. Так что можешь спокойно отдать телесоновое кольцо мне.

Плохо соображая, что делает, Реннати сняла кольцо и вручила его хозяйке поместья, а потом машинально рухнула на колени рядом с кушеткой, на которой только что сидела, опустила

голову и сцепила руки за спиной, ожидая, что сейчас леди ее накажет.

Живое воображение в подробностях рисовало Реннати, что с ней сейчас будет. Девушку трясло, а сердце ее билось так сильно, что стало трудно дышать. Во рту пересохло, что-то сдавило горло, — да и вообще Реннати была на грани обморока. Конечно же, ее накажут! Ясное дело! Она предала своего хозяина — правда, по приказу другого эльфийского лорда, но уж это точно никого волновать не будет. Рабу, которого застукали на измене, нечего надеяться на снисхождение. В лучшем случае ее отошлют работать в поле. А в худшем...

— Дитя, ты что такое делаешь? — изумленно спросила леди Лидиэль. Реннати не шелохнулась, и в голосе леди появились раздраженные нотки. — Глупышка, встань сейчас же! Я не собираюсь тебя наказывать! И посмотри на меня!

Машинально повиновавшись, Реннати встала и повернулась к леди. Ее сердце пропустило удар; что-то сдавило ей грудь. На мгновение девушке показалось, что она сейчас упадет без сознания.

Леди Лидиэль нахмурилась, но не так... как хмурилась леди Триана. В ее взгляде сквозило раздражение, но от него кровь в жилах не стыла. И гнева в нем не было. Хотя Реннати по-прежнему чувствовала на своей коже холодный пот, сердце ее забилось чуть медленнее, и она смогла нормально вздохнуть.

— Сядь, — отрывисто приказала леди Лидиэль. Реннати повиновалась, не сводя глаз с ее лица. — Сядь и расскажи мне про это кольцо. Кто тебе его дал? Почему? И что ты уже успела ему сообщить?

— Ей, — машинально поправила Реннати и тут же в испуге прикрыла рот ладонью. Но поскольку за этой репликой не последовало ни пощечины, ни удара через ошейник и вообще никакого наказания, девушка собралась с духом и начала свое повествование.

Лгать не было никакого смысла. Если леди Лидиэль пожелает, она мгновенно все из нее вытащит, хоть при помощи зелий, хоть через ошейник. Да и все равно теперь не осталось никакой надежды, что леди Триана выполнит свою часть сделки — она ведь строилась на том, что Реннати не засекут. И потому Реннати рассказала все, начиная с того момента, как леди Триана купила ее на распродаже рабов, и до последнего переданного ею сообщения. По мере того как Реннати говорила, лицо леди Лидиэли прояснялось, и к тому моменту, как Реннати, выгово-

ривишись, умолкла, на нем уже читалась лишь задумчивость и легкое неодобрение.

А по мере того, как разглаживалось лицо леди Лидиэли, терзавшая Реннати паника тоже стихала, и ее постепенно перестало подташнивать от ужаса. Когда Реннати закончила рассказ, Лидиэль кивнула.

— Могло бы быть и хуже, — сказала она, как только девушка смолкла. — Ты не сообщила этой особе почти ничего такого, что она могла бы обернуть к собственной пользе. Зато мы теперь предупреждены. А кто предупрежден, тот вооружен.

Леди несколько мгновений изучающе смотрела на Реннати, потом, кажется, пришла к какому-то решению.

— Вставай, дитя, — велела Лидиэль. — Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Страх накатил на Реннати с удвоенной силой; сердце вновь бешено забилось, а воздух с трудом проходил в стиснутые спазмом горло и легкие. «Ну все...» — подумала Реннати. Но ослушаться она, конечно же, не могла. Она вслед за леди Лидиэлью спустилась по лестнице, прошла мимо Джианны с Карой...

...и через барьер в дверях, не позволяющий рабам, не имеющим на то дозволения, входить в гарем, а наложницам выходить оттуда. Шагнув через мерцающую магическую завесу, Реннати ощутила легкое покалывание и содрогнулась от страха. Что леди Лидиэль собирается с ней сделать? Отдать ее гладиаторам?

— Ты умна, и я думаю, что в глубине души ты добрая, — сказала Лидиэль, словно разговаривая сама с собой, потом взглянула через плечо на Реннати. Когда ее зеленые глаза, проникающие в самую душу, встретились с глазами девушки, Реннати съежилась. — Кстати, я редко ошибаюсь в своих суждениях.

— Да, моя леди, — прошептала Реннати, поскольку ей показалось, что леди Лидиэль ожидает ответа. Они зашагали по вымощенному мрамором коридору.

— Я, пожалуй, рискну — в том, что касается тебя, — продолжала Лидиэль, не сводя с Реннати пронзительного взгляда. — Я сделаю то, чего никогда еще не делали с людьми, не принадлежащими к нашему кругу, с теми, кто родился и вырос не здесь. Я покажу тебе, что именно ты поставила под удар своими действиями.

И в следующие несколько часов Реннати только и делала, что ходила по поместью и смотрела на все, разинув рот. Она

была слишком потрясена, чтобы говорить. Она... она в жизни не видала ничего подобного!

Сперва ей показалось, что это — обычное поместье, только хозяин и хозяйка небывало добры к своим рабам и обращаются с ними необыкновенно хорошо. Сперва леди показала Реннати все уголки и закоулки господского дома — не только покои, которые занимал ее сын, она сама и прочие проживающие здесь эльфийские лорды, но и кухню, кладовые, прачечную, швейную и прядильную мастерские. Леди повсюду приветствовали, почтительно, но без подобострастия. И она, что еще важнее, не требовала и вроде бы и не ожидала подобострастия. Во всех домах, где только довелось побывать Реннати, рабы никогда не заговаривали с хозяевами первыми, никогда не поднимали взгляд на хозяев, не получив на то дозволения, и никогда не вели себя так, как здешние рабы, то и дело подходившие к хозяйке с каким-нибудь сообщением или вопросом. Но Реннати быстро начала понимать, что к леди Лидиэли не просто невероятно легко обратиться — она еще и пользуется истинной любовью со стороны своих рабов.

Любовь? Со стороны рабов? Разве такое бывает?

— Ну, что ты теперь думаешь о нашем доме? — спросила Лидиэль, когда они вышли наружу и направились к какому-то длинному низкому зданию. Такой вопрос можно было бы задать равному — ну или почти равному, но уж никак не наложнице! Наложницам не полагалось иметь своего мнения. Им вообще вряд ли полагалось думать.

Вопрос глубоко поразил Реннати — не меньше, чем огорошившие девушку радостные приветственные возгласы, которыми леди встретили на кухне.

— Я не понимаю... — пробормотала она. — Они вас любят! Как рабы могут вас любить?!

Она не ожидала ответа — разве что какого-нибудь укора или порицания. Но леди Лидиэль все-таки ответила на ее непроизвольно вырвавшийся вопрос — и ответ этот потряс Реннати до глубины души и лишил дара речи.

— Они любят меня, потому что они — не рабы, — сказала Лидиэль. — Ни они, ни их предки никогда не были рабами. Здесь, в этом поместье, эльфийские лорды никогда не порабощали людей.

Что?! Реннати почудилось, что ее сердце на миг остановилось.

— Они состоят у меня на службе, — продолжала тем временем леди Лидиэль. — Они помогают мне, и мы относимся друг к другу с уважением. Мы с Киртианом защищаем их от внешнего мира, и то же самое отец и дед Киртиана делали для их предков. А в благодарность за эту защиту они нам служат, — негромко добавила леди. — Здесь никогда не было рабов и никогда не будет, если только леди Триана и ей подобные оставят нас в покое.

Столь поразительное заявление не могло быть правдой. Конечно же, это ложь! Не может на свете существовать семья эльфийских лордов, не порабощающая людей!

И вместе с тем — как это может быть ложью? Зачем леди выдумывать такую поразительную историю? Для чего это ей? И как она могла заставить всех своих рабов держаться так естественно и непринужденно, если все это, от начала до конца, не было чистейшей правдой?

Реннати прошлась вместе с леди Лидиэлью по полям, по домикам полевых рабочих, по казармам бойцов, и все это время ее окружала броня неверия. Но чем больше она видела, тем больше брешей появлялось в этой броне. Если бы леди показала ей только домашних слуг, Реннати не поверила бы ее словам, но полевые рабочие, по идее, никогда в глаза не видели свою леди, а если бы вдруг каким чудом и увидали, то ни за что не признали бы в столь скромно одетой леди того, кто облечен властью. Но тем не менее леди Лидиэль повсюду встречали неизменные радостные приветствия. К ней обращались с непринужденными разговорами — не каждый надсмотрщик такое потерпел бы, что уж говорить об эльфийских лордах! А леди Лидиэль преспокойно расспрашивала о сельскохозяйственных делах, о тренировках или о самих рабах и их семьях — похоже, она прекрасно знала, что у кого творится дома. (Дома? Семьи? Да быть такого не может!)

Но Реннати все равно упрямо цеплялась за свое нежелание верить в такое чудо, как доброта эльфа. И тут они подошли к саду, окруженному небольшими домиками. Реннати никак не могла сообразить, для чего они предназначаются, но тут до ее слуха донесся целый хор громких голосов — детских голосов...

Стоило леди Лидиэли приблизиться к саду, как игравшие дети заметили ее, побросали все дела и кинулись к ней, вереща от восторга.

— Леди Лиди! Леди Лиди!

— Гляньте, какой у меня щенок!

— А вы нам сделаете сладостей?

— Леди Лиди, а Джорди нашел лягушку!

Орава детишек (некоторые — изрядно перепачкавшиеся) окружили леди со всех сторон, протягивая ей цветы, лягушку, щенка, кукол и игрушечный лук со стрелами, чтобы она глянула, какое это все замечательное. А леди Лидиэль знай улыбалась себе. Реннати уставилась на эту небывалую картину, окаменев от изумления, а леди тем временем с самым серьезным видом общалась с детьми.

Теперь Реннати поняла, почему здесь не было ни загонов для молодняка, ни нянек, ни никаких прочих признаков, что людей здесь разводят, как коров или лошадей, столь же тщательно производя отбор и столь же мало считаясь с их чувствами. Эти маленькие дома были... были настоящими домами. Там жили семьи. Семьи, которым позволялось оставлять детей при себе. А поскольку загонов для молодняка здесь не имелось, значит, здесь это было правилом, а не исключением — в отличие от того поместья, где росла сама Реннати.

Эти дети ни капельки не боялись самой хозяйки поместья. Они не привыкли ждать ничего дурного от эльфийских лордов.

А сама леди?! Она обращалась с прыгающими вокруг малышами с таким терпением и вниманием, словно приходилась им не то нянькой, не то любящей родственницей!

— Леди Лиди, сделайте нам, пожалуйста, сладостей! — попросил какой-то мальчишка, вежливый, но храбрый, словно молодой петушок.

Леди Лидиэль рассмеялась:

— Ну, хорошо! По одному цветку каждому. Идите сорвите себе по цветку.

Она повернулась к Реннати. Та стояла, ухватившись за угол ближайшего дома — у нее в прямом смысле слова голова шла кругом.

— Эльфийских женщин обучали применять свою магию скромно, понемножку, — одним словом, без размаха. Теперь они по большей части тратят ее на создание всяких дурацких скульптур из цветов, но это чистейшей воды извращение того, чем мы занимались в Эвелоне. Мы исцеляли раны и некоторые болезни, а самое главное, мы делали несъедобное съедобным. Леди Мот научила меня этой маленькой хитрости, а сама она научилась этому от матери. Я до сих пор пользуюсь ею, чтобы делать для детей лакомства из цветов — а, вот и они!

Реннати лишь теперь обратила внимание на палисаднички перед домами. Там росло множество цветов, и детям не пришлось далеко ходить за цветком, которому предстояло стать угощением. Реннати заметила, что девочки по большей части выбрали розы; она и сама питала пристрастие к конфетам из лепестков роз. Многие посасывали исколотые пальцы, но никто не жаловался. Мальчишки же выбрали подсолнечники или георгины — в общем, что-нибудь побольше. Но одна девочка, стоявшая в задних рядах, держала в руках скромную фиалку и смотрела на леди Лидиэль с огорчением.

— Сэши, что случилось? — спросила Лидиэль, заметив огорчение девочки, и жестом велела детям пропустить малышку вперед.

— Вы сказали — один цветок, — умоляюще пролепетала Сэши. — А я люблю фиалки...

— Горюшко мое! Дети, как вы думаете: честно ли это, чтобы Сэши досталась всего одна маленькая фиалка? — обратилась Лидиэль к ребятне. Реннати знала, что они ответили бы, если бы выросли под присмотром нянек, в загонах, где каждый сам за себя. Здесь же все оказалось иначе.

— Нет! — хором завопили дети, и несколько человек тут же без всякого понукания помчались в ближайший палисадник и вернулись с целой охапкой фиалок. В общем, у Сэши оказалось столько фиалок, что она даже не могла удержать их все в руках.

Сэши, сияя от счастья, вручила фиалки леди Лидиэли для преобразования, а потом, к еще большему изумлению Реннати, поделилась полученными сладостями с остальными детьми, пока те ожидали своей очереди. Ну да, если бы она съела это все сама, у нее наверняка разболелся бы живот. Но всякий иной ребенок, каких до сих пор приходилось видеть Реннати, тут же сунул бы угощение в рот и слопал его как можно быстрее, даже с риском объесться и заболеть — ибо, скорее всего, ему давным-давно уже не случалось пробовать ничего вкусного.

В общем, вокруг творилось что-то невероятное.

Когда Лидиэль закончила возиться с цветами, дети хором поблагодарили ее и убежали обратно на площадку для игр, огороженную грубо отесанными бревнами. Там была песочница с мягким песком, а в ней — пеньки и перекладины для лазанья, качели и куча всяких других приспособлений, по которым дети с удовольствием скакали.

Все они были далеко не новые; сразу было видно, что эту площадку соорудили давно. И вовсе не для того, чтобы одурачить Реннати и ввести ее в заблуждение.

«Как будто мое мнение, мнение смертной, может хоть что-то значить!» Но, похоже, для леди Лидиэли оно и вправду что-то значило.

Леди Лидиэль посмотрела на Реннати с насмешливой улыбкой.

— Ну так? — поинтересовалась она.

Реннати бросало то в холод, то в жар, и что-то звенело в ушах.

— Что... что это за место? — едва ворочая языком, произнесла она.

— А! Это и вправду хороший вопрос. — Леди Лидиэль взяла Реннати за руку, словно та приходилась ей давней подругой. — Давай-ка вернемся в усадьбу. Думаю, тебе не помешало бы чего-нибудь выпить, чтобы прийти в себя. Потом у тебя наверняка появится еще больше вопросов. А я постараюсь на них ответить.

В какой-то момент Реннати самой показалось, что у нее никогда не закончатся вопросы. А леди Лидиэль терпеливо отвечала на них, на все до единого. Они сидели друг напротив друга за маленьким столиком на одной из террас. Реннати съела предложенные лакомства, но от волнения даже не почувствовала их вкуса; ей поднесли что-то выпить, но Реннати обратила на напиток не больше внимания, чем на обычную воду; она сидела за одним столом с эльфийской леди, словно сама была эльфийкой. Сад, растущий перед террасой, был залит солнечным светом, а собеседниц защищал от палящих лучей навес из узорчатого льна. В саду работали несколько женщин — просто-таки живое воплощение сельского покоя. Они были одеты добротно и практично, в обтягивающие брюки, длинные, свободные льняные туники и шляпы с широкими полями — для защиты от солнца. И ни одного надсмотрщика вокруг.

Постепенно до Реннати начало доходить, что же именно защищает здесь семейство лорда Киртиана. И тогда она осознала всю чудовищность своего предательства. Если бы Реннати была в состоянии плакать, она непременно бы заплакала. Она рухнула бы ничком и завыла от боли — из-за того, какой вред она причинила этим поразительным эльфийским лордам и людям, которых они опекали. Реннати едва не задохнулась от не-

пролитых слез — так сильно у нее перехватило дыхание. Но ее так долго отучали плакать, что даже теперь она ничего не могла с собой поделать. Наложницы не плачут. Это портит их внешность и раздражает хозяев.

Но Реннати низверглась в самую пучину отчаяния, и она просто не в состоянии была сидеть и молча терпеть его.

Она соскользнула со стула и опустилась на колени. А потом ничком распростерлась на каменном полу террасы, не смея поднять глаз на леди, чтобы не рассыпаться на тысячу кусочков от стыда.

— А! — мягко произнесла леди. — Теперь ты понимаешь.

Реннати было трудно. Трудно говорить. Трудно проталкивать слова сквозь горло, стиснутое виной и болью.

— Да.

Это было все, на что ее хватило.

— Что ж, теперь у меня будут вопросы к тебе, — сказала леди Лидиэль, и по голосу ее было ясно, что она твердо намерена получить ответы.

У Реннати не было сил взглянуть в лицо той, кого она так гнусно предала, и потому она осталась лежать, распростершись на каменном полу террасы, и стала судорожно, прерывисто рассказывать обо всем светло-серой плите, в которую уткнулась носом. Леди расспрашивала девушку так же долго, как перед этим Реннати расспрашивала ее саму; она вытянула из Реннати все, что касалось истории ее жизни и ее сделки с леди Трианой, вытянула мягко, но непреклонно.

Казалось, это будет длиться вечно. Когда Реннати наконец-то завершила свой рассказ, ее покинули все чувства, кроме боли. Теперь леди Лидиэль знает о ней все до последней капли, и, конечно же, наказание, которого девушка так жаждала, не замедлит последовать.

В конце концов леди устало вздохнула:

— Вставай, дитя, и сядь, чтобы с тобой можно было поговорить нормально.

Реннати не могла пошевелиться — и тогда ее мгновение спустя пошевелили. То есть сдвинули с места. Леди Лидиэль просто подхватила ее под руки, подняла и усадила обратно в кресло — так легко, словно Реннати была легче пушинки. Возможно, для леди она и вправду была ненамного тяжелее пушинки. Лидиэль наверняка была искушена в эльфийской магии, а откуда Реннати знать, на что способна магия и на что не способна?

— Итак, — сказала леди, — ты понимаешь, что ты натворила. Готова ли ты исправить причиненный вред?

Реннати казалось, будто взгляд леди проникает ей в самую душу.

Теперь у девушки из всех чувств осталось лишь одно — надежда. Она пробилась через гнетущее беспросветное отчаяние и чуть-чуть ослабила оковы, стискивающие ее горло, так что Реннати стала дышать немного свободнее. Девушка молча кивнула.

И леди Лидиэль, изъясняясь кратко и точно, объяснила Реннати, что та должна будет делать. И Реннати согласилась, не возразив ни единым словом и даже не спросив, что с ней произойдет в тот неминуемый момент, когда она станет не нужна.

День выдался долгий и очень трудный, и большую его часть пришлось провести в седле, а потому к тому моменту, когда с Киртианом связалась мать, он уже был здорово вымотан.

До сих пор кампания против молодых лордов ничем не походила на ту тяжкую, упорную битву, которую Киртиану вроде как полагалось вести. В действительности же, если бы не свидетельства в виде опустошенных поместий, сожженных и разрушенных усадеб, полей, поросших сорняками, Киртиан заподозрил бы, что это какой-то фарс.

Потому что в тот момент, когда он принял командование, вот буквально-таки в тот самый момент молодые лорды тут же прекратили открытое сопротивление. Они просто развернулись и пустились наутек.

И Киртиан как командир не мог не оценить их тактику. Он ведь вел с собой своих собственных людей, способных составить костяк любого войска. Первое же сражение стало бы решающим. Армия молодых лордов находилась вдалеке от тех мест, где у них имелись надежные базы. Да и с припасами у них было туговато, невзирая на магию. Киртиан на их месте поступил бы точно так же.

Вот только сейчас он был не на их месте, а вовсе даже наоборот, преследовал их. А это означало, что когда они остановятся, то смогут застать его врасплох — причем сделают они это по своему усмотрению. И очень может оказаться, что его уставшему войску придется столкнуться с их отдохнувшей армией.

Киртиан смотрел на изображение матери, появившееся на крохотном телесоновом экране, вделанном в его походный

стол. А Джель, заглядывающий ему через плечо, время от времени заинтересованно сопел.

— Триана? — в конце концов переспросил Киртиан. — Я понимаю — Аэлмаркин. Но Триане-то что от нас надо? Зачем ей засылать к нам шпиона?

Прежде чем Лидиэль успела ответить, Джель насмешливо фыркнул:

— Чего тут неясного? Они работают вместе. Или Аэлмаркин думает, что они работают вместе. Судя по всему, что я слышал, эта су... — он кашлянул и поправился: — Эта женщина — куда большая дрянь, чем твой кузен, хоть это и трудно вообразить. Но что она пронырливее — так это даже не вопрос. А что вы скажете насчет этой девчонки? Можно ли положиться на ее слова? Можно ли вообще на нее положиться — теперь, когда вы...

Лидиэль улыбнулась:

— Джель, брось. Не забывай — ты говоришь с леди. Сколько наших людей владеют людской магией? И сколько, по-твоему, во время нашей беседы наблюдало за ее мыслями — помимо тех, кого я об этом попросила, — просто так, на всякий случай, чтобы удостовериться, что остальные ничего не пропустили?

У Джеля хватило тактичности покраснеть.

— Это называется — не учи свою бабушку грибы собирать. Прошу прощения, миледи. Так она не опасна?

— Более чем не опасна. Думаю, нам стоит оставить ее у себя, — последовал поразительный ответ. — Она очень умна. Она сообразительна, а это вовсе не то же самое, что ум. И она в глубине души добрая девочка. Я только порадуюсь, если она найдет у нас свой дом. Она может очень пригодиться нам: у нас не так много людей, выросших в рабских бараках, а она может сообщить нам множество ценнейших сведений об этом мире.

— Только не в качестве моей наложницы!.. — ляпнул, не подумавши, Киртиан — и покраснел, услышав смешок Джеля.

— Я сильно сомневаюсь, что после того, как девушка найдет себе место среди наших людей, она пожелает становиться чьей бы то ни было наложницей, — сухо отозвалась Лидиэль. — А суть именно в этом, не так ли?

Киртиан поспешил перевести разговор в другое русло.

— Насколько я понимаю, ты хочешь с помощью этой девушки скормить ненаглядной Триане столько ложной информации, сколько в ту влезет?

— Я бы сказала, что стыдно упускать такой случай, — сознала Лидиэль. В глазах ее заплясали озорные огоньки — во всяком случае, так показалось Киртиану. Но вообще-то изображение было слишком маленьким, чтобы утверждать это наверняка. — Если уловка сработает, возможно, стоит даже впоследствии прислать ее к тебе. Насколько я понимаю, многие офицеры возят с собой одну-двух наложниц...

Прежде чем Киртиан успел возразить, в разговор вмешался Джель.

— Прекрасная идея, леди! — восторженно заявил он. — Если, конечно, вы твердо уверены, что ей можно доверять. Если Триана будет делиться новостями с Аэлмаркином, мы можем накормить ее чушью, подмешав туда ровно столько правды, чтобы сложилось впечатление, что девушка преуспевает даже больше, чем надеялась эта су... эта женщина.

— Джель, я бы все-таки не стала называть Триану сукой, — невозмутимо заметила Лидиэль. — Не стоит так оскорблять всех собак женского рода. Все-таки они в большинстве своем очень милые существа.

Джель заржал, а Киртиан почувствовал, что у него горят уже не только щеки, но и уши. Что это такое творится с его матерью в последнее время?

А может, просто в последнее время мама сочла его достаточно взрослым и стала говорить при нем без лишних церемоний?

— Ну, теоретически идея вроде бы неплохая, если, конечно, девушку можно доставить сюда без риска для нее, — попытался схитрить Киртиан. — Я, собственно, не имею в виду опасность, связанную с боевыми действиями — тут что-то все получается куда... куда спокойнее, чем я ожидал. По крайней мере, пока что. Кто-то убедил молодых лордов, что отступать им сейчас выгоднее, чем остановиться и принять бой. Не сказал бы, что я очень из-за этого страдаю — благодаря этому я кажусь великолепным командующим. Но пока девушка у нас в поместье, Триана не сможет до нее добраться. Если же она приедет сюда, а Триана решит, что коротких разговоров по телесоновому кольцу ей мало, ей не составит особого труда похитить девушку. Вокруг меня постоянно вертится куча людей и эльфийских лордов, а доверить ее охрану я смогу лишь Джелю. Брать же ее с собой на время битвы вообще ни Джель, ни я не сможем.

«И мне совершенно не хочется, чтобы у меня под ногами путалась какая-то женщина. У меня и без того хлопот хватает», — подумал Киртиан, но предпочел этого вслух не говорить. На са-

мом деле, ему совершенно не хотелось лишний раз заставлять мать волноваться. И потому он рассказывал ей далеко не обо всем. Когда же молодых лордов припрут к стенке — а рано или поздно это обязательно случится...

Лидиэль задумчиво прикусила губу.

— Да, об этом я как-то не подумала, — призналась она. — Если посмотреть на дело с этой стороны, Триане и вправду не составит большого труда подослать кого-нибудь к тебе в ставку, чтобы шантажировать девушку. Ну что ж, оставим пока эту уловку про запас, на тот случай, если Триана начнет давить на нее. Ну а пока мы сделаем вид, будто после твоего отъезда я взяла девушку в личные служанки, и время от времени ей удается «подслушать» наши с тобой разговоры. Авось Триана проглотит эту байку.

— Да, так будет лучше, — решительно сказал Киртиан. — Предки! На этот раз самые интересные новости у тебя. А мне особо и сообщить нечего — кроме того, что я уже говорил раньше. Я нахожусь неподалеку от поместья леди Мот и надеюсь, что смогу, усилив нажим, где-нибудь через неделю добраться туда и вызволить ее.

— Если она желает, чтобы ее вызволяли, — задумчиво протянула Лидиэль. — Тут надо все обдумать... Слушай, а ты не мог бы подойти туда достаточно близко, чтобы Мот могла прислать к тебе гонца или даже сама явиться к тебе, но при этом не отрезать ее от молодых лордов?

Этот вопрос застал Киртиана врасплох. Но он сразу сообразил, что подразумевает мать.

— До тех пор, пока я гоню молодых лордов, никто не станет требовать с меня отчета в моих действиях, — отозвался он. — Ты думаешь, что она сумела войти к ним в доверие?

— Именно. И я не совсем уверена, что тебе и вправду так уж стоит стараться разбить их. — Леди Лидиэль слегка нахмурилась. — Попросту говоря, пока великие лорды заняты мятежниками, им не до нас.

— И не до волшебников, — добавил Джель.

— И не до волшебников, — согласилась Лидиэль. — Но если ты разгромишь молодых лордов, Совет тут же захочет, чтобы ты повел войско против волшебников — в этом можно не сомневаться.

При этой мысли у Киртиана упало сердце. И как он сам об этом не подумал? Конечно, именно этого они и захотят! И если он вовсе не против взгреть щенков и вновь заставить их слу-

шаться старых псов, то вести армию рабов против их сородичей-людей...

— Меня сместят раньше, — поспешно сказал Киртиан. — Или я что-нибудь придумаю. Или Джель сломает мне ногу.

— Или проломлю голову, — проворчал Джель, но в голосе его послышалось одобрение. — Ладно, об этом мы позаботимся в свое время. А покамест...

— А покамест я с вами прощаюсь, а вы все-таки подумайте, как быть с Мот, — твердо сказала Лидиэль. — Если мы будем затягивать разговор, кто-нибудь может попытаться перехватить его. Береги себя, радость моя.

— Непременно! — пообещал Киртиан, и телесон, мигнув, погас.

У Киртиана с Джелем была масса дел, которые следовало обдумать...

...и совершенно не было времени на размышления.

Глава 17

Киртиан довольно быстро выбросил из головы и девушку-наложницу, и все, что было с нею связано. Поскольку она больше не представляла собой угрозы, Киртиана мало интересовало, что мать станет с ней делать. По правде говоря, он даже не смог сообразить, о которой из трех наложниц идет речь. Теперь это проблемы Лидиэли, и его это вполне устраивает. Не прошло и нескольких мгновений, как Киртиан напрочь позабыл обо всей этой истории и принялся обдумывать более насущный вопрос: как изменить свою стратегию с учетом новой информации?

Хорошо еще, что они уже успели встать на ночевку. За стенами палатки раздавался обычный гвалт: сотни людей обустраивали кострища и разворачивали скатки, получали еду в полевых кухнях, а эльфы-офицеры то и дело отдавали им какие-то приказания. Мягкие золотистые лучи заходящего солнца насквозь просвечивали западную стенку палатки Киртиана. В воздухе витала пыль вперемешку с запахами вытоптанной травы и горящего дерева. На походной койке Киртиана стоял поднос с едой — все то же самое, что ели люди-бойцы, но у Киртиана до него как-то руки не дошли. Ну вот, теперь Джель примется его пилить и требовать, чтобы он поел.

— Ну что ж, нам надо заново обдумать план сражения, — сказал Киртиан Джелю и разложил карту поверх черного стекла телесонового экрана, вмонтированного в крышку его походного стола. — Нам надо решить, что мы можем сделать, чтобы подобраться поближе к Мот, так, чтобы она смогла, если захочет, прислать к нам кого-нибудь. При этом нам нельзя слишком близко подходить к ее поместью — и нельзя допустить, чтобы кто-нибудь заметил, что мы стараемся его обойти. Итак, что будем делать?

— Хороший вопрос. — Джель уставился на карту, задумчиво поскреб подбородок и нахмурился. — Чертовски хороший, я бы сказал. А что, если...

Он ткнул пальцем в точку на карте. По их прикидкам, там должен был располагаться лагерь рабов, где собрали бывших гладиаторов.

— Мы можем сделать вид, будто считаем, что здесь находится учебный лагерь солдат молодых лордов. Этой причины вполне хватит для всякого любопытствующего.

Если они двинут войско в эту сторону, то смогут обойти поместье Мот стороной — и при этом создадут коридор для более глубокого проникновения на земли молодых лордов. Киртиан кивнул, рассеянно взял кружку с водой и сделал глоток, а то от пыли здорово першило в горле.

— Тогда давай доложим лорду Киндрету и предложим изменить наши планы. Я хочу, чтобы он немного поспорил со мной.

— Зачем? — Джель озадаченно уставился на Киртиана, сдвинув брови.

Киртиан аккуратно сложил карту и отложил ее в сторонку.

— Потому что нам это пригодится, причем во многих отношениях. Он наверняка поставит мне на вид, что я смогу спасти Мот — причем для этого даже не придется прикладывать особых усилий. Я же на это возражу, что Мот, возможно, и так ничего не угрожает, что молодые лорды, скорее всего, и думать забыли про одинокую старую женщину, сидящую у себя в крохотном поместье, а если мы двинемся в этом направлении, то молодые лорды наверняка подумают, что Мот чем-то для нас ценна. Я хочу, чтобы он понял, что некоторые наши сторонники до сих пор умудряются сидеть достаточно тихо, чтобы о них забыли и не рассматривали их как возможных заложников. И я хочу вколотить в него, что не стоит наводить мятежников на эту мысль. И еще я хочу, чтобы Киндрет сосредоточился на

этом и не стал прикидывать, нет ли у меня других причин не продвигаться в этом направлении.

— Да, это даст ему материал для размышлений, — отозвался Джель. Он с таким рвением мял подбородок, что у Киртиана невольно промелькнула мысль: уж не собрался ли Джель вылепить его заново? — И у него появится, о чем еще предупредить остальных.

— А у Совета появится новый повод задуматься о волшебниках. И, может, даже появится причина приказать мне тянуть волынку, пока им не удастся вывести из-под удара всех, кто им нужен. — Киртиан взглянул на округлившиеся глаза Джеля и кивнул: — Ага, ты понял. Знаешь, мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь буду изыскивать способ заставить Киндрета отозвать наши войска обратно, а ведь на данный момент, пожалуй, это наилучшая стратегия.

Перенапряженные мышцы шеи заныли, и Киртиан принялся их растирать. Ему сейчас для полноты счастья только головной боли не хватает!

— И еще я никогда бы не подумал, что это будет так сложно, — грустно произнес Киртиан — так, в пространство. — Если бы я только знал...

— Если бы ты даже знал, ты все равно не смог бы от этого увернуться, — напрямик заявил Джель. — Киндрет хотел тебя заполучить, а Киндрет всегда добивается своего.

Сказать на это было нечего, и Джель прекрасно это знал. Киртиан лишь покачал головой и скривился — невзирая на все его надежды, голова таки начинала болеть.

Он включил телесон печатью Киндрета — поместил ее в небольшое круглое углубление в правом верхнем углу устройства, рассчитанное как раз на подобные печати, прикосновением и ключевым словом привел заклинание в действие. Как он и ожидал, на том конце оказался не сам Киндрет, а один из многочисленных вассалов великого лорда.

Скромно одетый эльфийский лорд спокойно, выжидающе посмотрел на Киртиана.

— Не были бы вы так любезны связаться с лордом Киндретом? — вежливо обратился к нему Киртиан. — Пожалуйста, передайте ему, что, на мой взгляд, нам надо пересмотреть наш план ведения боевых действий.

Он сжато и четко изложил предлагаемые изменения и причины, заставившие его прийти к такому решению. Вассал все записал, время от времени останавливаясь и вежливо прося

Киртиана повторить или уточнить свою мысль. На Киртиана это произвело приятное впечатление; за то время, что он принял командование, он явно успел надоесть большинству прихлебателей Киндрета — но этот был не таков.

— Я постараюсь как можно скорее связаться с лордом Киндретом, лорд Киртиан, — все так же спокойно сказал вассал. — Лорд Киндрет дал всем понять, что желает, дабы ваши доклады прежде всего передавали ему, и мне велено беспокоить его в любое время, даже во время сна, если, на ваш взгляд, дело не будет терпеть отлагательств.

«Однако!»

Киртиан слегка сощурился.

— Нет, оно не настолько неотложное. Мы все равно пока что движемся по территории, которую молодые лорды покинули самое меньшее два дня назад. Но мне хотелось бы услышать его мнение до того, как мы завтра снимемся со стоянки и выступим в путь.

Вассал сдержанно поклонился.

— Я постараюсь добиться, чтобы он ознакомился с вашим докладом и связался с вами в течение ближайшего часа, лорд Киртиан.

Экран телесона снова погас, и Джель, благоразумно стоявший все это время вне зоны видимости, хмыкнул.

— Похоже, Киртиан, тебя начинают высоко ценить.

— Похоже, — согласился Киртиан и накрыл экран тонкой пластиной зачарованной бронзы, вставив ее в щель поверх стекла, чтобы не включить телесон случайно, по оплошности. Если кто-нибудь — авось это будет лорд Киндрет — захочет связаться с Киртианом, когда экран закрыт, сама пластина засветится и начнет издавать приятный негромкий звон, чтобы привлечь внимание хозяина. Киртиан всегда закрывал телесон подобным образом; существовала вполне реальная возможность, что кто-нибудь, заполучив ключ, будет со стороны включать экран и шпионить за ним. А делать дубликаты ключей умели даже самые слабые маги.

Когда пластина оказалась на законном месте, Киртиан повернулся к Джелю.

— А ведь интересно, а? — сказал он. — Ты ведь тоже думаешь о том же, о чем и я?

— О том, что и статус лорда Киндрета возрастает — и как раз именно благодаря твоим нынешним действиям? — уточнил Джель. Киртиан кивнул. Джель поджал губы. — Если это и вправду так, он потребует, чтобы ты продвигался к поместью Мот, невзирая ни на что.

— Тогда мы придумаем другой план. — Чем больше Киртиан об этом размышлял, тем меньше ему хотелось давить на молодых лордов, занимающих поместье, некогда принадлежавшее мужу Мот. — Мы подсунем им более соблазнительную победу. Не какую-нибудь гипотетическую вероятность, а что-нибудь вполне реальное и осязаемое.

— Дерьмо собачье, — недовольно пробурчал Джель. — Да уж, ты умеешь поставить задачку. Ладно, тогда я разошлю разведчиков. Может, они отыщут какую-нибудь вкусненькую наживку.

И он вышел из палатки на поиски разведчиков. Разведчики, как и все прочие, к этому моменту успели рассесться вокруг своего костра, и их вовсе не радовала перспектива снова куда-то нестись. Все разведчики, естественно, были эльфийскими лордами — предыдущий командующий слишком мало доверял людям, чтобы позволить им разгуливать без присмотра, а Киртиан вовсе не стремился лишний раз рисковать своими людьми. Все они владели магией лишь по самому минимуму и считались лордами лишь в силу своей эльфийской крови. В мире великих лордов для них места не было, кроме как в качестве надсмотрщиков или поставщиков невест. А поскольку ценности они не представляли, с ними зачастую обращались даже хуже, чем с ценными рабами — скажем, с теми же наложницами или искусными гладиаторами.

Киртиан же с самого начала стал обращаться с ними уважительно и в результате и сам постепенно завоевал их привязанность. Они даже признали Джеля заместителем Киртиана — вот уж чего ни один великий лорд никогда бы не сделал! Киртиану стоило немало усилий не показывать, как ему жаль этих бедолаг, но все-таки он старался скрывать свои чувства. В длинной истории эльфов в этом мире их судьба была самой печальной — после судьбы порабощенных людей.

Тихое позванивание бронзовой пластины у самого его локтя оторвало Киртиана от размышлений, и он поспешно открыл экран.

На этот раз на него смотрело красивое, чеканное лицо самого лорда Киндрета. Киртиан коротко отсалютовал.

— Хротеран передал мне ваш доклад и изложил ваши доводы, — с ходу заявил Киндрет. — Первой моей мыслью было, что эти щенки не посмеют угрожать эльфийскому лорду или

леди, но... — он неприятно хохотнул, — потом мне подумалось, что они уже это посмели.

— Ну да, — отозвался Киртиан. — По правде говоря, нам неизвестно, действительно ли все меньшие лорды, находившиеся в захваченных поместьях, были убиты людьми, или молодые лорды тоже приложили к этому руку. И у нас нет возможности это выяснить. Они ведь ни за что в этом не сознаются, ибо знают, какое жестокое наказание их ждет в случае разгрома.

Киндрет улыбнулся, но в улыбке его не было ни капли веселья.

— Для столь юных лет вы выказываете просто поразительный здравый смысл. До этого послания я все-таки подозревал, что вам присущ некоторый идеализм.

— Мой лорд, я изучал нашу историю от дней Эвелона и понял, что честь — штука дорогая и не каждому по карману, — бесцветным тоном произнес Киртиан. — Все преимущества на нашей стороне, и потому мы можем позволить себе некоторое благородство. Мятежники же не могут, и, скорее всего, они не воспользовались имеющейся у них возможностью исключительно потому, что не додумались до нее. — Он сделал паузу, потом рассудительно добавил: — Боюсь, мне пока что не удалось заметить в их тактике особого воображения. И мне вовсе не хотелось бы подкидывать им идеи, до которых они не дошли своим умом.

— Неплохо сказано. Хорошо, я справлюсь с Советом. А вы продолжайте в том же духе, — Киндрет снова хохотнул, но на этот раз в его смехе послышался отголосок веселья. — Судя по их последним действиям, не исключено, что эти щенки впадут в панику и примутся при вашем приближении попросту разбегаться изо всех укреплений. Ладно, держите меня в курсе.

— Слушаюсь, мой лорд, — сказал Киртиан, но великий лорд уже прервал заклинание, а вместе с ним и связь. Теперь в экране телесона виднелось лишь отражение самого Киртиана.

Потрясающую новость о том, что войска Киртиана внезапно свернули в сторону, даже не попытавшись захватить здешние укрепления, принесли не молодые лорды, засевшие в бывшем поместье Мот, а ее люди. Некоторое время назад Мот разослала самых сообразительных своих «мальчиков» следить за армией. И вот на рассвете один из них вернулся и сообщил, что утром армия снялась с места и пошла перпендикулярно своему прежнему маршруту. Разведчики Мот были не просто умны —

четверо из них владели людской магией и способны были подслушивать мысли окружающих. А потому, когда им удавалось подобраться поближе, они способны были узнавать все, что знали рядовые бойцы и даже некоторые офицеры — воистину, бесценный дар.

Теперь армия предположительно направилась к тренировочному лагерю — молодые лорды собрали туда гладиаторов и пытались переучить их на солдат.

— Матушка, они просто взяли да и повернули, — сообщил Мот загорелый, крепко сбитый парень, пока Мот продолжала подкладывать ему еду. «Мальчики» имели обыкновение, выбравшись во внешний мир, напрочь забывать о еде и питье, а потому по возвращении умирали от голода и готовы были выпить озеро. — Такое впечатление, что они прошлой ночью получили другой приказ.

Леди Мот немного подумала над этими новостями, потом приняла решение.

— Лазен, как ты думаешь, за какое время я смогу нагнать армию, если взять хорошего коня? — поинтересовалась она. Парень уставился на нее. В карих глазах постепенно проступило понимание; он задумчиво нахмурился и сделался похож на встревоженного гончего пса.

Лазен знал леди Мот — слишком хорошо знал, чтобы пытаться ее отговаривать. Ему не нужно было читать ее мысли, чтобы понять, что она задумала — впрочем, если бы он пожелал, то мог бы и прочесть, поскольку именно Лазен был одним из четырех местных уроженцев, обладающих магической силой.

«Мог бы, но не станет. Мальчики считают, что читать мысли друзей без разрешения невежливо. Малышу, наверное, такое и в голову не придет — разве что от этого будет зависеть жизнь, моя или его».

— Вы сможете нагнать их к закату, — медленно произнес Лазен. — Дело в другом: сможете ли вы пройти через всю армию, чтобы добраться до лорда Киртиана, и вернуться потом к нам?

На лице парня промелькнула тень страха, и Мот поспешила успокоить его, а потом уж ответить на заданный вопрос.

— Нет, мальчик мой, я вовсе не собираюсь вас бросать, — с нежностью произнесла Мот и легонько хлопнула парня книгой по плечу — в порицание. — Вот уж чего-чего, а этого ты можешь не опасаться. Вы — моя семья, и другой семьи мне не нужно. Я просто хочу поговорить с Киртианом, только и всего.

У меня такое впечатление, что если мне удастся с ним поговорить, это пойдет всем нам на пользу.

Лазен недоверчиво посмотрел на Мот. Мот улыбнулась.

— Матушка, это главнокомандующий, а не один из молодых лордов.

— Ну, во-первых, мальчик мой, он ничуть не старше молодых лордов. А во-вторых, если ты думаешь, что это я хорошо обращаюсь со своими людьми, тебе нужно сперва поглядеть на него! В этом я ручаюсь.

Лазен медленно кивнул. Мот нечасто за кого-то ручалась, и все ее люди знали, что старая леди дает слово лишь тогда, когда абсолютно уверена, что сможет его сдержать. Лицо его немного прояснилось.

— Что же касается того, как мне пробраться туда и обратно, — Мот хмыкнула, — об этом тоже можешь не беспокоиться. Поскольку там нет других эльфийских лордов, которых пришлось бы одурачивать, я могу там бродить, сколько мне заблагорассудится.

— Тогда я велю, чтобы оседлали Звезду. И сам поеду с вами, — заявил Лазен, и по его голосу Мот поняла, что парень уперся не хуже ее самой.

Она молча кивнула, соглашаясь с его условиями, и отправилась наверх, чтобы рассказать Виридине о своих планах и сменить платье на какой-нибудь более подходящий наряд.

Когда Мот, одетая в штаны и тунику из коричневой замши, спустилась вниз, Лазен уже ждал у дверей конюшни. Он держал в поводу Звезду и еще одну лошадь. Звезду прозвали так не за красоту (на самом деле кобыла была тощей, словно палка, да еще и отличалась совершенно уродливой мастью цвета раскисшей дороги), а за скорость — она была стремительной, словно падающая звезда. Звезда идеально подходила для нынешней поездки: темная масть делала ее невидимой в ночи, а Мот специально подобрала такой наряд, чтобы не выделяться. Лазен же выбрал себе еще одного темного и быстрого коня, единоутробного брата Звезды, и тоже переоделся в темно-серую тунику и штаны, чтобы сливаться с темнотой.

Лазен обладал еще одним качеством, неоценимым для проводника и охранника: он владел той разновидностью человеческой магии, что давала возможность мысленного общения. Никто не смог бы подобраться к нему незамеченным — а они с легкостью обойдут армейских разведчиков и часовых. «А эти идиоты, эльфийские лорды, постоянно забывают об этой маленькой подробности, — мрачно подумала Мот, усаживаясь на коня. Движения ее были немного скованными. — Человеческая магия позволяет людям заблаговременно узнавать о приближении врагов».

Поездка была долгой и тяжелой, даже для Мот, которая привыкла ежедневно объезжать границы поместья. Они останавливались лишь затем, чтобы дать лошадям отдохнуть, напиться и перехватить пригоршню овса. После захода солнца они увидели с вершины холма костры армии Киртиана — странные желтые звезды, мерцающие на склоне противоположного холма.

Лазен оглядел лагерь.

— Пароль — «прекрасная атласная овца», — сказал он, немного помолчав.

— Точно «овца»? — в замешательстве переспросила Мот. — Не какая-нибудь «простыня» или «покрывало»?

— Точно «овца», — отозвался Лазен. — Они нарочно сочиняют нелепицу — считают, что так безопаснее.

Мот спешилась. Она не стала приказывать Лазену спрятаться и присмотреть за лошадями, пока она будет отсутствовать — парень и сам все понимал. Он растворился в темноте, а Мот принялась трудиться над собой.

Она и сама по себе была худой и сухопарой, как многие люди-мужчины, а свободная туника скрывала фигуру. Длинные волосы уже были собраны на затылке и упрятаны под шляпу, так что Мот оставалось лишь чуть-чуть изменить внешность, чтобы с легкостью сойти за раба — скруглить уши и сделать кожу да глаза потемнее. После этого достаточно будет опустить голову, и никто не поймет, кто она такая на самом деле.

В конце концов, ведь магия эльфийских женщин к этому и сводилась — к мелким изменениям...

Одна беда — процедура оказалась весьма болезненной. Когда Мот принялась скруглять кончики ушей, уши стало жечь, будто Мот окунула их в кипящую воду; чтобы не вскрикнуть, Мот прикусила губу до крови. Затем настала очередь глаз. Изменять цвет было гораздо проще и почти не больно.

Справившись с маскировкой, Мот припомнила указания Лазена, которые тот выдал торопливым шепотом, прежде чем исчезнуть, и направилась к лагерю. Благодаря Лазену, разузнавшему пароль, она преспокойно миновала часовых. Никто не обращал на нее внимания.

Добравшись до самой стоянки, Мот принялась выискивать в мерцающем свете костров и факелов что-нибудь такое, что

помогло бы ей пробраться в глубь лагеря, а то и вовсе в палатку Киртиана. Ей удалось стащить сперва поднос, потом тарелку, потом грубо вырезанную деревянную кружку. Толики магии хватило, чтобы посуда засеребрилась. Вода приобрела розовый оттенок вина, а пара деревяшек превратилась в мясо, сыр и хлеб — во всяком случае, на вид. Последним штрихом стал пучок сорняков, превращенный в аппетитные пряные травы. Все это выглядело съедобным (хотя и не являлось таковым), но почти не выбивалось за пределы обычного солдатского рациона. Мот знала своего племянника и знала, чем он станет питаться в подобных обстоятельствах. И ей вовсе не хотелось, чтобы ее на скорую руку состряпанный пропуск отобрал слуга какого-нибудь менее значительного лорда, решивший, что все это выглядит достаточно аппетитно, чтобы порадовать его хозяина.

К этому моменту Мот уже подобралась к офицерским палаткам. Ага, вон та, побольше, — явно Киртиана. У входа стояли часовые, но ноша Мот так явственно указывала на цель ее появления, что часовые лишь бегло осмотрели ее, проверяя, нет ли оружия, и приподняли полог.

Киртиан и его неразлучная тень, Джель, склонились над картами, не обращая внимания ни на что вокруг. Мот кашлянула, дабы дать знать о своем присутствии.

Увлеченные своей задачей военачальники не то что не обернулись — они даже не вздрогнули.

— Мы знаем, что ты здесь, — раздраженно отозвался Джель, чем порадовал Мот. А то она уже забеспокоилась: неужто всякий, кому только заблагорассудится, сможет так легко и беспрепятственно добраться до ее племянника? — Поставь, чего принес, и проваливай.

— Это так-то ты разговариваешь с тетей своего лорда? — поинтересовалась Мот достаточно громко, чтобы они ее услышали, но не настолько громко, чтобы эти слова донеслись до стоящих снаружи часовых.

Вот теперь Джель с Киртианом подскочили и обернулись — с таким потрясенным видом, что Мот, не сдержавшись, рассмеялась.

— Мот?! Мот, это вы? — пискнул Киртиан.

— Никак, мальчик мой, у тебя только сейчас начал ломаться голос? — с усмешкой поинтересовалась Мот, ставя на пол свою несъедобную ношу. — Я всегда знала, что ты медленно растешь, но, право, это уже чересчур.

— Вот так вот обстоят дела, — закончил свой рассказ Киртиан. Внезапное появление тети — да еще и замаскированной под раба-человека! — изрядно его потрясло. Впрочем, потрясение было приятным. — И, честно признаться, я сейчас изо всех сил стараюсь придумать какой-нибудь повод, чтобы не спасать вас.

Они с Мот так долго говорили без умолку, что оба охрипли, и, невзирая на потрясение, Киртиан так обрадовался тете, как не радовался еще никогда в жизни.

— Ну что ж, — задумчиво протянула Мот. — Думаю, и ты понимаешь, почему я не жажду, чтобы меня спасали. Эти молодые мятежники, может, и не лучший выход из ситуации, но они уж точно куда лучше, чем их отцы.

Киртиан потянулся к кувшину с напитком, который Мот соорудила из обычной воды при помощи пригоршни цветов и капли магии, и налил по чашке себе и тете. Чем бы там ни был этот напиток, но горло он смягчал не хуже чая с медом.

— Я просто не знаю, что мне делать, — сознался Киртиан. — Я не могу отказаться от командования армией — ведь тогда эта резня продолжится. Люди будут убивать людей. А так мне хотя бы удается свести кровопролитие к минимуму. Но мама думает, что, если я разобью молодых лордов, Совет тут же пожелает повернуть оружие против волшебников, невзирая на заключенный договор.

— Твоя мать совершенно права, — скривившись, мрачно произнесла Мот. — Не родился еще такой великий лорд, который станет соблюдать договор, если его выгоднее нарушить. Никогда не забывай об этом. У них нет понятия чести. Твой кузен всего лишь действует чуть более откровенно, чем прочие. Будь он чуть более умелым интриганом, он уже давным-давно заполучил бы твое поместье.

Киртиан лишь покачал головой. С того момента, как он принял командование, ему не раз уже приходилось сталкиваться с двуличием своих соплеменников, и все же он никак не мог к этому привыкнуть. Ну к чему все эти бесконечные хитрости, уловки и интриги? Мир так велик — в нем хватит места для всех!

Очевидно, великие лорды считали, что не хватит.

Правда, язвительные гримасы Джеля и его ехидные замечания явственно показывали, что Джель, в отличие от Киртиана, далеко не так наивен. И, если хорошенько подумать, леди Лидиэль тоже отнюдь не наивна.

— Слушайте, — сказал Джель, отвлекая Киртиана от размышлений, — нам нужен план. И я, пожалуй, кое-что придумал, но тут все будет зависеть от того, сумеет ли Мот как следует припугнуть своих ручных мятежников.

Он перевел взгляд на Мот:

— Вы как, сумеете?

— Это в зависимости от того, как будет действовать ваша армия, — ушла от ответа Мот. — Ну, так что за план?

— Вы можете пробраться в этот учебный лагерь. Я так думаю, гладиаторы поверят вашим людям: бойцы, как правило, доверяют бойцам. В общем, нужно, чтобы они вас выслушали и согласились сделать то, что вы скажете.

Мот улыбнулась.

— Это дело нехитрое, — заявила она с чрезвычайно довольным видом. — Я могу обезвредить их ошейники. На это у меня железа хватит. Мы тут малость поэкспериментировали... В общем, достаточно сделать тоненькую железную пластинку и завернуть в нее замок вместе с бериллом, и готово — ошейник можно снять без малейшего вреда для человека. Я всегда ношу с собой несколько таких пластинок — так, на всякий случай.

— Ха! — до чрезвычайности довольный Джель грохнул кулаком по столу. — Здорово! Значит, так: скажите им, что, если они, когда мы атакуем, не станут драться, а кинутся врассыпную, мы откроем для них проход в наших рядах и дадим им удрать в лес, а потом возьмем их к себе.

Киртиан тут же сообразил, что имеет в виду Джель. У них уже образовался костяк из бойцов, обученных Джелем и преданных Киртиану. Если же, предположим, лорд Киндрет будет наблюдать за боем при помощи магии, он увидит лишь, что вражеские гладиаторы разбиты и разбегаются, только и всего. Киртиан догадался, что еще намерен предложить Джель.

— Потом, — подхватил он, — вы, Мот, придете к своим мятежникам и предложите им рассредоточиться и оставить поместья. Пусть уходят в холмы — небольшими группами, чтобы их не схватили, — и начинают партизанскую войну.

Мот на минутку задумалась. Потом лицо ее осветила улыбка.

— Ага, ясно! Я припугну молодняк, рассказав им, что своими глазами видела разгром их лучших войск, и втолкую им, что в открытом столкновении им не победить. Они бросят поместья — по крайней мере, те, у которых до сих пор имеются законные наследники из числа великих лордов. А это уже половина того, что желают их отцы. Я же позволю, чтобы меня

«спасли», и буду служить им глазами и ушами во вражеском стане. А ты сможешь обустраивать все по своему разумению. У тебя по-прежнему будет на руках война в виде беспрестанных мелких стычек, причем такая война, которой конца-краю не видно. — Улыбка Мот сделалась еще шире. — Я даже могу предложить вожакам и еще кое-кому спрятаться в моих владениях, и пускай ведут борьбу оттуда.

Киртиан почтительно поклонился тете:

«Ей бы генералом быть!»

— А это означает, что великие лорды не смогут послать меня против волшебников. Во всяком случае, в ближайшем будущем.

Тут он задумался над следующим шагом.

— В общем, так мы сможем потянуть время, а там я что-нибудь придумаю.

Леди Мот насмешливо рассмеялась:

— А я получу обратно поместье моего мужа. Вполне приличная взятка за соучастие, а, мальчик мой?

— Ну должны же вы что-то выиграть от этой сделки, моя леди, — возразил Киртиан.

Мот покачала головой.

— Пожалуй, это должно сработать, — счел нужным высказаться Джель. — А что, мне нравится. И надо будет дней через двадцать опять собраться вместе, решить, что делать дальше.

Леди Мот встала.

— Мне пора идти. Мальчик мой, когда у тебя выдастся свободное время, найди повод заглянуть ко мне в поместье — я разыскала в библиотеке кое-что любопытное, и, думаю, тебя это тоже заинтересует.

Она не стала затягивать прощание. Леди Мот вообще была не из тех, кто тянет время и теряет его впустую. Она обняла Киртиана, коротко отсалютовала Джелю, выскользнула из палатки и зашагала туда, где ее ждал Лазен.

Джель двинулся следом, дабы убедиться, что она благополучно минует часовых. Пока он отсутствовал, Киртиан свернул карты, навел порядок в палатке и снял с телесона бронзовую пластинку. Ему хотелось немедленно, по горячим следам обсудить произошедшее с леди Лидиэлью. Правда, их могли «подслушать», но ради такого случая стоило рискнуть. Тем более что сейчас, благодаря неурочному времени, риск даже уменьшался.

Лидиэль молча выслушала короткий доклад сына. Глаза ее сияли радостью.

— Будь это кто-то другой, а не Мот, я бы сказала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказала она, когда Киртиан смолк. — Но это Мот, и, честно говоря, чего-то в этом роде и следовало от нее ожидать. Ну, что ж, посмотрим, что она натворит теперь, когда она научилась нейтрализовывать заклятия ошейников и снимать их, не причиняя вреда людям!

— Кстати, очень полезная информация, — пробормотал Киртиан, размышляя вслух. — Только надо бы обучить этому кого-нибудь из людей. Мне как-то не хочется схлопотать по голове или от самого металла, или от магической отдачи. Мама, а как бы мне добиться, чтобы лорд Киндрет не заподозрил неладное, когда все сопротивление внезапно сойдет на нет?

— Ты же будешь устраивать постановочное сражение с их бывшими гладиаторами? Ну вот устрой заодно во время него большую заварушку, — мгновенно откликнулась Лидиэль. — Мы с тобой создадим Врата и перебросим туда всех наших людей, умеющих сражаться. Они изобразят рабов молодых лордов, построятся, а потом строй сломается и они разбегутся кто куда, а потом через Врата вернутся домой. А ты сможешь продемонстрировать Киндрету, что одержал убедительную победу.

— Врата? А я смогу? — с сомнением переспросил Киртиан. — Мне сил хватит?

— Самому — нет. Но вспомни — ты же нашел способ объединять силы, — напомнила Лидиэль. — У тебя есть еще я и остальные наши эльфы, а вместе мы с этим справимся.

Киртан кивнул, почувствовав себя немного увереннее.

— Может, мне следует пригласить лорда Киндрета, чтобы он на это полюбовался?

— Пусть любуется издалека, — отрезала Лидиэль. — Вместе с Советом. В зале Совета стоит большой телесоновый экран. Наверное, они им не пользовались со времени той кошмарной катастрофы с лордом Дираном.

— А поскольку я сам буду выбирать, где установить телесон-передатчик, они увидят только то, что *я* захочу *им* показать. — Возникающий расклад нравился Киртиану все больше и больше. — Все эти великие лорды будут толпиться вокруг экрана и не заметят Врата...

— Они бы в любом случае не заметили, — уверенно заявила Лидиэль. — Врата — очень шумная вещь, но они не ждут их появления. И кроме того, они ведь будут очень далеко. А чтобы догадаться, что происходит, надо чего-то в этом роде ожидать.

— Ну, я на всякий случай прикрою Врата несколькими стрелами-молниями, — решил Киртиан. — Как раз этого они вполне будут ожидать. Ма, а ведь похоже, это должно сработать...

— Я и не сомневалась, что ты найдешь выход, — спокойно отозвалась Лидиэль.

Они попрощались. Киртиан накрыл экран бронзовой пластинкой и принялся с нетерпением ожидать возвращения Джеля, чтобы сразу же взяться за разработку недостающих деталей плана.

Впервые с того самого момента, как он принял командование армией великих лордов, у Киртиана появилась надежда, что ему удастся спасти не только своих людей, но и всех, кто оказался втянут в эти события. Ну или почти всех. А поскольку это превышало самые смелые его чаяния, Киртиан чувствовал себя так, будто в одиночку осушил целую бутылку игристого вина.

«Что ж, будем надеяться, что все это не развеется так же быстро, как опьянение!»

Глава 18

«А ведь лорд Киртиан даже не догадывается, насколько остер слух тех, кто сидит у его палатки, — весело подумал Кеман, когда Киртиан закончил второй за день разговор с леди Лидиэлью. — Что, эльфийский лорд, не удалось тебе засечь дракона у собственных дверей?»

Этим драконом, конечно же, был сам Кеман, приемный брат Шаны. А вторым была Дора; она составила компанию Кеману в этой шпионской авантюре, хотя ее Логово даже не подозревало о присутствии в этом мире других драконов, пока Дора не встретилась с Кеманом. Драконы с их способностью превращаться во все, что им заблагорассудится, были незаменимы для разведки среди эльфов, ибо эльфы способны были раскусить любую маскировку, созданную при помощи иллюзий. Несмотря на то, что в истинном своем облике Кеман был раз в сорокпятьдесят крупнее самого крупного и рослого мужчины-человека (или эльфа), драконья способность перемещать часть своего веса в некое загадочное место, именуемое «Вовне», позволяло ему прикинуться кем угодно, вплоть до маленького ребенка.

Они с Дорой превратились в людей-бойцов и пробрались в армию великих лордов сразу же после того, как стало ясно, что новый командующий настолько же талантлив, насколько предыдущий был бездарен. Когда они только-только взялись по просьбе Шаны за это дело, они пробирались в поместья разных великих лордов в обличьях рабов: ни один великий лорд никогда не обращал внимания на людей до тех пор, пока те выполняли его распоряжения и пока в них не чувствовалась понятная эльфам магия. Они как раз находились в поместье лорда Киндрета под видом двух пажей, когда туда пришло известие о первой победе лорда Киртиана. Ну, а там им уже не составило никакого труда затесаться в отряд бойцов, которых Киндрет отправил в армию в качестве подкрепления.

Во всем этом была лишь одна сложность: им частенько приходилось удирать по ночам на охоту, ибо драконам требуется куда больше еды, чем людям. Впрочем, даже это не создавало таких уж ужасных затруднений. И Кеман с Дорой сообщали Шане обо всех действиях нового командующего. Правда, Кеман далеко не сразу привык к нынешнему внешнему облику своей напарницы: он видел перед собой угрюмого, мускулистого, начинающего седеть мужчину, а слышал при этом мысленный голос Доры, и от этого Кеману становилось как-то не по себе. А кроме того, в этих обличьях они даже не могли дружески прикасаться друг к другу, что было доступно тем же пажам. И лишь когда они отправлялись полетать, Кеману удавалось поухаживать за Дорой так, как она того заслуживала.

Нет, Кеман и Дора не несли стражу у входа в палатку лорда Киртиана — на это место допускались лишь несколько человек, которых сержант Джель проверил лично и счел достойными доверия. А кроме того, хотя оба дракона и выглядели в точности как люди-бойцы, они совершенно не умели обращаться с людским оружием. Навыки вместе с телом не возникают. Увы. Потому они даже не совались в число добровольцев, когда шел отбор этих стражников. Они тихо, смирно охраняли повозки с имуществом прочих эльфийских лордов, офицеров, отданных в подчинение Киртиану. Это имущество вот уж много дней как не распаковывалось, к изрядному недовольству своих владельцев, поскольку армия шла быстрым маршем, и на коротких привалах просто некогда было обустраиваться со всем возможным комфортом.

Хорошо, что темнота позволяла скрыть нетерпение — а то Кеман едва удерживал себя в руках. Они уже некоторое время

назад уразумели, что лорд Киртиан отличается от предыдущего командующего, лорда Левелиса, не только большей компетентностью в вопросах военного искусства. Чего стоил один только его метод тренировки! Впервые люди-рабы, назначенные «бойцами», получали возможность пройти через период обучения, не убившись и не покалечившись.

Уже одного этого хватило, чтобы рядовые забурлили, словно вскипевший котел с похлебкой, но вскоре появились и другие добрые вести. Ходившие среди рядовых слухи подтвердились: лорд Киртиан вправду заботился о людях-солдатах и вовсе не собирался, в отличие от своего предшественника, бездумно бросать их в мясорубку. Но лишь сегодня Кеман с Дорой осознали, насколько же сильно он отличается в своем отношении к людям от других эльфийских лордов!

Похоже, леди Мот и покойный лорд Валин были не единственными в своем народе, кто не воспринимал людей как разновидность имущества, как существа, по самой своей природе предназначенные для того, чтобы служить эльфам-господам и исполнять малейшую их прихоть. Даже мятежные молодые лорды, судя по всему, жалели, что у них так мало магической силы — люди, очутившиеся в их власти, могли не бояться ужасных кар, причиненных одной лишь силой магии, но они все равно оставались рабами, и обращались с ними, как с рабами. А вот лорд Киртиан был иным. Он даже в заместители себе выбрал человека, чем лишь усилил недовольство эльфов-офицеров.

«Интересно, что скажет Шана, когда услышит об этом?» — подумал Кеман, сдерживаясь из последних сил. Им нужно было дождаться сменщиков, чтобы освободиться с поста, а Кемана терзало нетерпение.

В одном Кеман был уверен твердо: кому-нибудь из волшебников непременно нужно добраться до Киртиана и поговорить с ним. Нельзя пренебрегать такой возможностью. Из последних двух разговоров стало совершенно ясно, что Киртиан не желает воевать с волшебниками — а если он разобьет молодых лордов, то именно это ему и светит.

А ведь он, если так глянуть, вполне способен разыскать волшебников и победить их в бою. В прошлый раз их спасло только то, что эльфийские лорды воевали с волшебниками в основном при помощи магии — точно так же, как и сами волшебники. Проблема заключалась в том, что теперь защита волшебников строилась прежде всего на использовании железа — и она, ко-

нечно, работала отлично, только вот заодно еще и не давала использовать магию для нападения. Драконы могли чем-то помочь в этой ситуации, но они были точно так же уязвимы для обычного оружия, как и люди с полукровками. А армия под командованием лорда Киртиана способна с легкостью разгромить любое войско, которое выставят волшебники.

Если, конечно, на помощь волшебникам не придет Железный Народ. А почему они должны приходить на помощь? Почему они должны ввязываться в драку, если эльфийские лорды не представляют для них никакой угрозы? Они же могут попросту откочевать куда-нибудь на юг. Ну да, их вождь, Железный Жрец Дирик, хорошо относится к Шане и ее друзьям, но он — человек практичный. А если он будет подвергать Железный Народ опасности, причем без всякой выгоды (ну или почти без всякой), то может и лишиться своего поста.

Да, но теперь им известно, что лорд Киртиан не желает сражаться с волшебниками! Правда, его могут поставить в такое положение, что ему просто некуда будет деваться, но, если волшебники втайне заключат с ним союз, лорд Киртиан сможет устроить все таким образом, чтобы казалось, будто он ревностно выполняет приказы Совета. Если, например, ему будет точно известно, где находятся волшебники, он сможет очень старательно и дотошно разыскивать их там, где их нет, — и так до тех пор, пока Совету все это не надоест и они не распустят армию.

А именно это они и сделают, рано или поздно. Особенно если волшебники сумеют подтолкнуть их в нужную сторону. Можно, например, соорудить несколько покинутых, заброшенных лагерей и обставить все так, будто волшебники, выгнанные из своей безопасной Цитадели, просто не смогли выжить в глуши.

Тут мысли Кемана вернулись к старым нытикам. «А ведь именно это с ними и случилось бы, если бы не Шана и драконы!» Каэллах Гвайн и ему подобные не более приспособлены самостоятельно заботиться о себе, чем изнеженные эльфийские лорды — если этих лордов лишить магических сил. Значит, так: сооружаем несколько заброшенных «поселений», глинобитные хибарки с рухнувшими крышами и разваливающимися стенами, разбрасываем кое-где кости, наводим на эти «поселения» лорда Киртиана, и готово — эльфы убеждены, что даже если какие-то одиночки-полукровки и исхитрились выжить, они того не стоят, чтобы гоняться за ними по глухомани.

«А потом, — подумал Кеман, — когда угроза минует, возможно, мы даже сможем потихоньку, втайне торговать с лордом Киртианом, покупать у него всякие нужные вещи». Хотя Кеману нравился Дирик с его Железным Народом и люди из торговых кланов, ему очень не нравилось, что волшебники попадают в зависимость от чужих людей (у которых, в конце концов, имеются какие-то свои интересы) — поскольку они не могут иным путем получать некоторые необходимые вещи. Кеман не забыл, как однажды Железные Люди держали в плену его, Шану, Меро и Отца-Дракона. Конечно, тогда Железный Жрец Дирик почти полностью потерял власть над племенем — но кто сказал, что это не может повториться? Кеман предпочел бы, чтобы у его друзей и приемной сестры была лишняя возможность подстраховаться.

Прежде волшебники просто воровали все, что им было нужно, из торговых караванов эльфийских лордов. Но когда до эльфов дошло, что волшебники до сих пор существуют и что это они таскают их имущество, с воровством пришлось прекращать. Это стало слишком опасно. Да и кроме того, это запрещал тот шаткий договор, что заключили волшебники с эльфийскими лордами. Но волшебники никогда не были ни искусными ремесленниками, ни умелыми земледельцами. Охотники — это пожалуйста. То есть они могли при помощи магии отыскать животное в лесу или в степи, убить его и перенести к себе. На это были способны даже самые неопытные из них. В конце концов, магия — единственный охотник, которого ни один зверь не унюхает. Так что мяса у них было в изобилии. Мясо, шкуры, прекрасные рога единорогов. А вот в земледелии их пределом были скромные огородики. Шана, одна из немногих волшебников, способных переносить живые существа целыми и невредимыми, сумела перенести из старой Цитадели и тамошнее стадо овец. Еще она стащила несколько кур, заблудившихся в лесу и потому формально уже не являющихся собственностью эльфийских лордов. Кеман и Каламадеа принесли волшебникам коз и даже лошадей, но земли, на которых полукровки основали свой новый дом, просто не подходили для выращивания зерновых культур.

Что же касается ремесел... ну, через некоторое время волшебники пообносились, и встал вопрос об одежде, а во всей Цитадели лишь десяток бывших рабов, чистокровных людей, хоть как-то умели прясть и ткать. Гончар был один-единственный. Стеклодува — ни одного. О кузнецах вообще лучше по-

молчать. Да, у Железного Народа кузнецов было полно — но Железный Народ обосновался на равнине. А кроме того, волшебникам почти нечего было предложить им взамен.

Этой нехваткой искусных мастеровых волшебники на три четверти были обязаны Каэллаху Гвайну и его подпевалам. Ну какой, спрашивается, здравомыслящий дикий человек или даже бывший раб — особенно если он владеет каким-нибудь ремеслом или умеет торговать — захочет селиться рядом с теми, кто считает его существом второго сорта, обязанным служить «высшим» и даже не заикаться о вознаграждении? Те немногочисленные рабы, что сбежали от молодых лордов в начале мятежа и прибились к волшебникам, вскорости ушли вместе с торговцами искать себе другое место для жизни.

«Они ничем не лучше эльфийских лордов!» — подумал Кеман. Надо заметить, мысль эта посещала его далеко не в первый раз.

Правда, пока что у волшебников имелось подспорье — запасы, хранящиеся в старой Цитадели. Во время бегства их не смогли забрать с собой, но каким-то чудом Цитадель осталась нетронутой. По крайней мере, никому не пришло в голову ее разграбить или уничтожить все, что там есть. Шана организовала команду из молодых волшебников и поручила им перенести оттуда все, что только удастся, раздать прежним владельцам или сложить в кладовые их нового дома. Кое-чего теперь было в избытке — в основном того, чем редко пользовались, и того, что нельзя было износить или порвать. Но теперь им требовалось больше — куда больше! — еды и одежды, чем во времена старой Цитадели, когда там жили одни лишь волшебники-полукровки.

Но если им удастся наладить торговлю с настоящим эльфийским поместьем... что ж, при помощи магии переноса можно будет наладить обмен шкур, мяса, необработанной древесины или даже драгоценных камней и металлов — драконам не составит особого труда извлечь их из земли — на все то, что сейчас приходится добывать у торговцев или у Железного Народа.

«Кеман, не спеши делить шкуру неубитого медведя, — одернул себя молодой дракон. — Доложи-ка сперва обо всем Шане. Пока что главное для нас — договориться с этим Киртианом, чтобы он со своей армией не свалился прямехонько нам на голову!»

Тут явились сменщики, два совсем молодых парня. Их призвали в солдаты из гладиаторов, и выглядели они соответственно: повсюду одни сплошные мускулы, даже между ушами. Они, как полагается, назвали пароль, и Кеман с Дорой, радостно передав оружие сменщикам, побрели вниз по склону, к своему кострищу. Они добились того, что с ними никто особо не общался: не за счет каких-то неприятных выходок, а просто благодаря их нелюдимости и неразговорчивости. Никто с ними не враждовал, но никто и не рвался составить им компанию. Насколько мог судить Кеман, люди, оторванные от своего привычного окружения, нуждались в общении. Если же кто-то держался наособицу, с ним просто не разговаривали, да и все.

Так что Кеман с Дорой сооружали для себя отдельный костерок. Вот и сейчас они молча управились с хозяйственными хлопотами и сходили на полевую кухню за своим пайком, сведя общение с окружающими к междометиям да кивкам. Они вернулись с мисками к своему костерку и принялись молча истреблять поздний ужин — во всяком случае, так это выглядело со стороны.

На самом же деле они все это время вели мысленную беседу. Точнее, они практически успели разделаться со скудной (по драконьим меркам) трапезой, прежде чем беседа перешла от изумленных возгласов типа «нет, ты себе представляешь, что он сказал!» в более конструктивное русло.

— «Как ты думаешь, сегодня ночью Шана постарается с нами связаться? — в конце концов спросила Дора. — Нам надо поскорее рассказать ей обо всем! Если она сумеет как-нибудь перетянуть этого Киртиана на нашу сторону, это же будет здорово!»

Лицо Кемана сохраняло прежнее бесстрастное выражение. Но мысли его искрились весельем.

— «Пожалуй, это именно то, что нам нужно... то есть то, что нужно Шане», — поправился он.

— «Ну, мы, драконы, теперь уже не можем просто взять и бросить волшебников, что бы там ни твердили некоторые, — весело отозвалась Дора. — Так что союзник среди эльфийских лордов нужен нам всем».

— «Да и кланам торговцев тоже не помешает здоровая конкуренция», — со смешком подумал Кеман. А то его уже начало возмущать отношение торговцев, как-то сразу решивших, что теперь волшебники всецело зависят от их милости. Он здорово опасался, как бы торговцы не разузнали, что Железный Народ превыше всего ценит металл, давший ему имя, и очень в нем нуждается, и не придумали способ поставлять его в значитель-

ных количествах. Тогда у Железного Народа совсем не останется причин поддерживать отношения с волшебниками. А вот это уже станет настоящим бедствием — ведь среди самих волшебников бойцов, считай, что и нету.

— «Но если мы перетянем на нашу сторону этого нового командующего, волшебникам и не понадобятся бойцы!» — взволнованно напомнила ему Дора.

— «Но все-таки мне бы не хотелось отказываться от этого союза», — осторожно заметил Кеман. Он взял миски и насыпал туда углей, чтобы сжечь остатки еды — именно так люди обычно очищали свою посуду, если вообще давали себе труд заниматься этим. Даже повара время от времени чистили свои большие котлы именно таким образом. Особенно в последнее время, когда армия, повинуясь приказам Киртиана, преследовала войско молодых лордов, а потому была в пути от рассвета до заката.

— «Ну, что, ты уже достаточно успокоилась, чтобы помочь мне дотянуться до Шаны?» — поддразнил Дору Кеман, усаживаясь напротив нее.

Ответ Доры переводу не поддавался, но зато был очень экспрессивен. Кеман даже чуть не улыбнулся, позабыв о маскировке. А потом они принялись за дело. Если бы кто-нибудь взглянул на них в этот момент, то увидел бы лишь двоих усталых мужчин, задремавших у костерка.

Шане стоило немалого труда поверить в новости, добытые Кеманом. Когда Кеман упомянул, что лорд Киртиан разработал план вместе со своей тетей, Мортеной, Шана попросила его подождать минутку и побежала за Лоррином, чтобы тот сам все услышал и подтвердил, можно ли принимать это на веру. Каждая жилка в ее теле дрожала от возбуждения.

Шана промчалась по каменному коридору — рыжие волосы реяли за плечами — в общий зал. Лоррин сидел там с Зедом и еще двумя волшебниками; они учились пользоваться драгоценными камнями для фокусировки и увеличения силы. Это искусство, открытое и освоенное молодыми волшебниками, позволяло им добиваться куда лучших результатов, чем достигали старики. А Каэллах Гвайн и его сторонники отвергли эту магическую технику, даже не потрудившись с нею ознакомиться.

— У Кемана новости! — выдохнула Шана, влетев в зал. Присутствующие недоуменно уставились на нее. — Лоррин, я хочу

знать, что ты обо всем этом думаешь, — если, конечно, ты не очень сильно занят.

— Да-да, конечно. Мы все равно уже собирались заканчивать. — Лоррин встал и с улыбкой передал Зеду корзинку с цыплятами, до этого стоявшую у него на коленях. — Да уж, когда я удирал из дома, чтобы присоединиться к волшебникам, мне бы и в голову не пришло, что я стану воровать цыплят!

— Ха! А ты можешь предложить лучший способ отработать заклинание безопасного перемещения? — парировал Зед. Но на его загорелом лице тоже играла улыбка. — Даже если ты и задавишь парочку цыплят — потеря невелика.

— Но они такие... такие лапушки! Мне их жалко! — возмутился Лоррин, глядя на желтые пушистые комочки. Цыплята сонно запищали.

Зед лишь ухмыльнулся.

— Вот тебе и лишний повод не лажать, — заметил он.

— Давай немного пройдемся, — предложила Шана. Неплохой повод уйти подальше от остальных. Ей не хотелось внушать окружающим преждевременные надежды, которые могут и не оправдаться. А на Лоррина можно положиться: он обдумает и взвесит все возможные последствия, а не только самые желательные. Вместе они обсудят все варианты, от самых мрачных до самых обнадеживающих.

«И я еще и поэтому рада, что у меня есть он». Шана так быстро привыкла считать Лоррина своей парой, будто ее заколдовали. Ну как ей было не привыкнуть? Она точно знала, что может на него положиться, что он выполнит любую ее просьбу, — да и вообще сделает все, что нужно, не дожидаясь, пока она попросит.

Они быстро добрались до одного из замаскированных выходов на вершине холма и очутились под звездным небом. Вряд ли кто-то мог бы подслушать их здесь, но Шана на всякий случай предпочла изложить новости мысленно. Лучше лишний раз не рисковать. Мало ли, всякое бывает.

«А со старых нытиков вполне станется приставить кого-нибудь шпионить за нами, — негодующе подумала Шана. — А так к тому времени, когда они заподозрят, что я собираюсь торговать с эльфийским лордом, им уже поздно будет дергаться!»

— «Предки! — воскликнул Лоррин. — Что за потрясающие вести! Вот уж этого я никак не предвидел!»

Пока Шана бегала за Лоррином, Кеман терпеливо ждал. Теперь Шана уселась на валун и, сконцентрировавшись на своем драгоценном камне, восстановила связь.

— «Я привела Лоррина, — сообщила она Кеману, слегка приоткрыв сознание, чтобы Лоррин мог воспринимать слова Кемана. — Ты бы не мог скоренько повторить все еще раз?»

Кеман охотно повторил. Шана чувствовала и все возрастающее волнение Лоррина, и присутствие Доры за тщательно контролируемым потоком мыслей Кемана. Но Лоррин, справившись с первой вспышкой недоверия и энтузиазма, взял себя в руки и молча, не перебивая, выслушал доклад Кемана до конца. Им всем нелегко было поддерживать связь на таком значительном расстоянии, и Шана была признательна Лоррину, что тот сидел тихо, пока они с братом не завершили беседу.

Но у Кемана были кое-какие мысли касательно общего положения дел, и он не преминул ими поделиться, прежде чем разорвал связь.

— «Шана, а почему бы тебе не попросить маму и Каламадеа отыскать для вас железо? Я понимаю, что им потребуется израсходовать слишком много магии, чтобы извлечь его из земли, но это ведь не обязательно. Найти-то они всяко смогут, а вы уже потом придумаете, как его оттуда извлечь. Железный Народ наверняка должен в этом разбираться!»

— «Я спрошу», — отозвалась Шана.

— «Отлично! Чем больше когтей мы наточим, тем лучше», — долетели последние слова Кемана.

— Идея, вообще-то, неплохая, — произнесла вслух Шана, когда на месте мысленной речи Кемана возникла ментальная пустота. Девушка направилась обратно к пещерам, и Лоррин зашагал рядом. — Но мне кажется, драконы не очень-то любят связываться с железом.

— Они и не любят, — согласился Лоррин. — Но ведь Отец-Дракон и твоя приемная мать, Алара, согласятся выполнить почти любую твою просьбу, разве не так?

Шана хмыкнула и скептически произнесла:

— Что-то мне не верится, что это все так просто. Хотя почему бы не попробовать?

— И то так. Вреда не будет, — согласился Лоррин. Он отыскал ладонь Шаны и подбадривающе сжал — честно признаться, ей это было приятно, — и они принялись спускаться по коридорам Цитадели.

Когда они отыскали двух драконов, теснее всего связанных с волшебниками, Шана обратилась к ним с этим вопросом.

Драконы устроили себе настоящие логова — для существа, способного придавать камню и земле любую форму, какую

только заблагорассудится, это не представляло особого труда. Сейчас оба дракона сидели в логове у Алары, приняв природный облик и развалившись в пологих углублениях, заполненных мягким песочком — именно так предпочитают отдыхать драконы. Отец-Дракон — настоящее его имя было Каламадеа — конечно, уменьшил свои истинные размеры. Драконы продолжают расти всю жизнь, а Отец-Дракон был очень, очень стар и потому невероятно огромен. Не перемести он часть своего тела Вовне, он просто бы не поместился на этом песчаном ложе, которое Алара готовила для себя.

Но все равно рядом с драконами двое полукровок казались крохотными. Если бы чешуйчатое алое тело Алары было полым изнутри, оно вполне могло бы послужить им хижиной.

— Я думала, что вам нужны драгоценные камни и металлы для торговли, — отозвалась Алара. Судя по покачиванию головы, драконица была сбита с толку. — Потому мы их и искали. Ты же сама нас просила.

Шана скривилась:

— Да знаю... Это было ошибкой с моей стороны. Я думала, что... Тьфу, да на самом деле я не подумала, как следует, даже когда Меро сообщил, до чего Железный Народ разнервничался из-за того, что их кузни остались без металла. Две ошибки кряду. Наверное, если я вообще об этом думала, то решила, что теперь, когда Железные Люди осели на одном месте, они уж как-нибудь и сами отыщут железо. Ну так как, можете вы его найти?

— Ну, скорее да, — пророкотал Каламадеа, приподняв голову с передних лап. — В конце концов, мы же используем магию, чтобы что-нибудь отыскать. А поскольку железо препятствует магии, то его можно отыскать именно по помехам. Нам просто нужно будет сделать несколько кругов над местами наибольшего сосредоточения помех; там и будет жила или руда.

— Правда, мы не сумеем извлечь его из-под земли, как извлекли бы серебро или золото, — печально вздохнула Алара. — А потому, когда мы отыщем железо, вам придется как-то выкапывать его самим. И это будет просто руда, а не аккуратные самородки, которые мы делаем из других металлов.

— О, Предки!.. — в притворном смятении воскликнул Лоррин. — Подумать только — еще один повод увести куда-то из Цитадели крепких, здоровых работников! А кто же будет прислушиваться к жалобам старых нытиков и носиться с их капри-

зами? Того гляди, так они вскоре и вправду научатся убирать за собой!

Шана отметила про себя, что Лоррин относился к Каэллаху Гвайну даже менее терпимо, чем она сама — хотя, если взглянуть со стороны, как он обращается со старым волшебником и его приятелями, так никогда этого и не скажешь. Шана улыбнулась.

— Я с удовольствием возьмусь за лопату, — заявила она. — Особенно если ты возьмешь на себя обязанность управляться со старыми нытиками.

Лоррин застонал и схватился за голову.

— Ох, Шана!.. Ну ладно. Думаю, что втроем — Парт Агон, Денелор и я — мы с ними как-нибудь справимся. С тех пор, как Парт осознал, какой Каэллах идиот, он стал вести себя гораздо приличнее.

— А Денелор всегда был просто прелесть, — сказала Шана. Она всегда тепло относилась к своему бывшему учителю, наставнику времен ее ученичества.

Каламадеа фыркнул.

— Я бы не стал пользоваться подобным определением, — сказал он. — Но Денелор, несомненно, куда охотнее старается приспособиться к новым условиям и изменить себя, чем прочие старые волшебники. Ну, в таком случае можно сказать, что план у нас есть, хоть какой-то. Алара возьмет себе в помощь еще кого-нибудь и поищет дрянной металл. Когда они найдут что-нибудь неподалеку от поверхности земли, ты, Шана, можешь прихватить с собой несколько помощников покрепче и попробовать там чего-нибудь выкопать. А тем временем Лоррин будет играть роль советника при Парте Эгоне. А Денелор будет ему помогать. Ну и я тоже.

Услышав последние слова Каламадеа, Шана едва не расхохоталась. Каэллах боялся драконов больше всего на свете, а Каламадеа был самым внушительным в своем племени. Но Каэллах однажды уже пытался покончить со всеми нововведениями молодых волшебников и едва не преуспел в этом, когда Шана отсутствовала в Цитадели. Это случилось тогда, когда они вместе с Каламадеа и Кеманом угодили в плен к Железным Людям. Так что за Каэллахом Гвайном нужен глаз да глаз.

— Необходимо, чтобы кто-нибудь из нас постоянно находился здесь. Или ты, Шана, или я, или Лоррин, — пророкотал Отец-Дракон, вторя мыслям Шаны. — По крайней мере, до той поры, пока Каэллах Гвайн не лопнет от возмущения.

Тут им всем представилась эта картина, и они расхохотались, да так, что в логово приковыляла какая-то старая волшебница, возмущенно высказалась насчет всяких, которые ей спать не дают, и удалилась, что-то бурча себе под нос.

Глава 19

Киртиан сидел на лошади, ежась от стылой предрассветной тьмы. Он привел сюда свои войска к полуночи и расставил их таким образом, словно тут намечалась настоящая битва, а не спектакль, который задумали они с Мот. В конце концов, о том, что это спектакль, знали лишь его собственные люди, находящиеся сейчас в обоих лагерях, люди Мот, Джель да сам Киртиан. Киртиан ни капли не сомневался, что некоторые из его офицеров (а может, и все до единого) доносят обо всем кому-нибудь из великих лордов, а то и нескольким сразу. И он хотел, чтобы на этот раз они донесли о самой впечатляющей победе за всю кампанию, победе полной и окончательной.

Это было бы здорово — если бы он мог присоединиться к своему войску. Чего бы только Киртиан сейчас не отдал за возможность спешиться и встать во главе своих людей! «Ну, на самом деле это было бы здорово исключительно потому, что я точно знаю, что весь этот бой, от начала до конца, распланирован заранее».

Предки, до чего ж холодно! Доспех и стеганый поддоспешник не спасали от промозглой сырости, просачивающейся в каждую щель. На самом деле, от доспеха только становилось хуже. Он не сохранял тепло, а вытягивал его из тела.

А еще на нем оседала роса!

Холодная капля заискрилась на миг прямо перед глазами у Киртиана, потом сорвалась с края шлема и шлепнулась ему на нос.

Этого еще не хватало! Киртиана передернуло. Нелепый, непрактичный, чрезмерно разукрашенный доспех задребезжал.

Конечно же, он никак не мог сойти туда, где ждали сигнала его люди, и присоединиться к ним. Если он это сделает, великие лорды — как ни крути, а хозяева здесь они — привселюдно отчитают его за неосторожность и вопиющее неуважение к своему званию.

Потому Киртиан продолжал торчать здесь, на холме, и руководить издалека. Ему не полагается марать руки личным участием в бою — о нет! Это ниже достоинства командующего, это нанесло бы ущерб авторитету эльфов в целом и Великому Совету в частности — ибо именно Совет возвел его на этот пост.

Но, по крайней мере, Киртиан не обязан просто сидеть сложа руки, наблюдать за происходящим и время от времени отдавать распоряжения. Нужно будет провернуть одно дельце. Эти молодые мятежники, за которых просила Мот, будут отлично видны на поле боя. Несомненно, они наденут те необычные украшения, о которых она рассказывала. Пока на них эти украшения, мятежники не смогут пустить в ход магию — а впрочем, большинство из них и так не смогли бы этого сделать, поскольку почти лишены магических сил. Но зато украшения защитят их от молний-стрел. Мятежники хотят продемонстрировать при крупнейшем скоплении зрителей, что их отцы не в силах больше повредить им. По крайней мере, не в силах применить магию им во вред.

«У меня это в голове не укладывается. Ну не укладывается, и все! Нет, умом я понимаю, что многие считают сыновей своей собственностью, своим имуществом, и теперь желают уничтожить взбунтовавшиеся «вещи» и родить взамен новых сыновей. Умом понимаю, а до сердца не доходит».

Поскольку отцы не знают, что мятежных молодых лордов защищают лишь позолоченные браслеты и ожерелья, а не какая-то новая, неведомая магия, подобная демонстрация заставит Совет хорошенько задуматься.

«Да и ряды мятежников состоят не из одних лишь молодых лордов, хотя их, конечно, больше всего». Мот вкратце обрисовала ему картину. Мягко выражаясь, Киртиан был потрясен. «К мятежу примкнуло довольно много тех, кто числится в лордах лишь потому, что по крови они не люди, тех всеми презираемых эльфов, о которых просто не принято было говорить, эльфов, почти лишенных магии». Мот познакомила Киртиана с двумя такими заклятыми мятежниками. Они приходились ровесниками лорду Киндрету — а может, и превосходили его годами. «Интересно, а великие лорды догадываются, сколь многие из их подчиненных ненавидят их со всем жаром сердца?»

Впрочем, то, что они неуязвимы для магического оружия, не спасет мятежников. Таков сценарий. Армия Киртиана слишком велика и слишком хорошо организована. Когда мятежники обратятся в бегство, их войско распадется на отдельные части. Люди Киртиана получили приказ брать как можно больше пленных. Мятежники не питали никаких иллюзий относительно верности своих рабов-бойцов. Когда молодые лорды побегут, их солдаты побросают оружие и сдадутся. Победа Киртиана была неизбежна — и так же хорошо расписана по шагам, как чопорный придворный танец.

Начало светать. Когда Киртиан заставил своего коня подняться на вершину холма — конь слушался, но неохотно, — было намного темнее и почти ничего нельзя было разглядеть. Теперь же небо на востоке посветлело, и Киртиан видел темные силуэты деревьев и кустов. А вдали виднелись квадратные и прямоугольные башни крепости, где ждала намеченная добыча — предположительно, она якобы спала и не ведала о приближении вражеской армии.

«Хорошо, что нам не нужно по правде осаждать эту крепость! Мы бы здесь застряли на несколько месяцев». Обычно перед сражением — или даже перед учениями, которые они с Джелем устраивали дома, в поместье, — у Киртиана ныло под ложечкой и пересыхало во рту, а кожа делалась болезненно чувствительной. Сегодня же ничего этого не наблюдалось и в помине. По правде говоря, Киртиану было откровенно скучно, и он никак не мог дождаться, когда же все закончится. Все равно исход предрешен заранее... Единственное, что пока неизвестно, — пострадает ли в процессе кто-нибудь из людей Мот, или все-таки удастся этого избежать.

На самом деле, молодые лорды очень удачно выбрали свою мнимую главную цитадель — хотя она и не принадлежала никому из членов Совета. Последнюю пару столетий это было маленькое поместье незначительного эльфийского лорда. Никто из могучих соседей не поглотил его исключительно потому, что этот лорд никогда ни с кем не ссорился, никогда никого не оскорблял и не производил ничего более завлекательного, чем пряности и пряные травы. Это была кропотливая работа, и никто из великих лордов не жаждал с нею возиться. Так что В'траина Илдрена лорда Джеремина, его жену, дочь и рабов оставили в покое. По крайней мере, вплоть до мятежа. На настоящий момент лорд Илдрен с домочадцами дожидались завершения сражения в одном из городов, обосновавшись в гостинице.

Что ж, тем хуже для него. Речь, в сущности, шла не о нем, а о его поместье. Это было одно из первых укрепленных поместий в здешних краях, и строили его в те времена, когда у людей еще

имелись свои армии, и эльфы их все-таки опасались. Затем поместье дополнительно укрепили в начале первой Войны Волшебников, превратив его в небольшое, но надежное убежище. По мнению Киртиана, бывший владелец поступил бы куда разумнее, если бы просто заперся в своей крепости, а не удрал в город, чтобы ютиться там в переполненной гостинице.

Но лорд Илдрен предпочел бежать, и мятежники, заняв его поместье, устроили там учебный лагерь для своих людей-бойцов.

А потому это поместье до сих пор не имело особого стратегического значения. Но Киртиан и Мот решили, что оно прекрасно годится на роль штаб-квартиры мятежников. Если убедить всех, что именно здесь цитадель молодых лордов, никто не станет после завершения спектакля искать их в поместье Мот.

Остается надеяться, что никто из членов Совета не задумается, отчего это мятежникам хватило ума выбрать в качестве штаб-квартиры такое надежное укрепление, и при этом хватило глупости выйти и принять бой за его стенами. Впрочем, великие лорды не привыкли анализировать стратегию врага. До тех пор, пока все идет так, как им угодно, они вряд ли станут слишком пристально присматриваться к ситуации и размышлять, почему все сложилось именно так.

«И именно поэтому они и оказались теперь в столь затруднительном положении!»

Где-то над головой сонно чирикали какие-то птахи. Они как раз начали просыпаться. Скоро пора начинать наступление.

В тусклой предрассветной синеве начали вырисовываться иссиня-серые тени: округлые силуэты — кусты и деревья, заостренные — скалы, а вон те прямоугольники и квадраты, виднеющиеся в нескольких лигах от холма, — башни поместья.

Стало светлее, хотя рассвет еще не наступил — лишь на востоке медленно разгоралась заря. На стене крепости маячил одинокий часовой. Вот небось хохочут сейчас великие лорды, наблюдающие за этим в телесон. Один-единственный часовой! И ворота нараспашку!

Ворота действительно были открыты, чтобы армия могла без помех выплеснуться наружу. Они это сделают, когда часовой «заметит» авангард вражеских войск, пытающихся скрытно подобраться к крепости, и «поднимет тревогу».

Вдруг далекая фигурка на стене шевельнулась, и послышалось пронзительное пение трубы. Покой раннего утра разлетелся вдребезги, словно стекло на камнях. Из ворот с воплями

хлынули бойцы, но для Киртиана их голоса слились в единый неразборчивый гул.

Пора подавать сигнал.

Киртиан привстал на стременах, вскинул правую руку и послал в синевато-серую чашу утреннего неба магическую молнию — не молнию-стрелу, а одну из безвредных молний-иллюзий, которые частенько украшали их вечерние празднества. В воздух взлетел беззвучный фонтан разноцветных искр. Теперь пришел черед его армии; бойцы Киртиана выскакивали из засад, где они пролежали полночи, и бесшумно неслись вперед, словно армия призраков...

Но они недолго помалкивали; в конце концов, нельзя так много требовать от живого существа из плоти и крови. На середине холма у них то ли нервы не выдержали, то ли возбуждение взяло верх, но из сотен глоток одновременно вырвался боевой клич. Земля под копытами лошади Киртиана содрогнулась, и перепуганные птицы порскнули в разные стороны.

В тот самый миг, когда две армии сошлись, Киртиан заметил молодых лордов, выезжающих из ворот своей крепости. Он узнал их по ярким, красочным доспехам. Лошади несли их сквозь поток их же собственных бойцов, и молодые лорды двигались, словно обломки кораблекрушения на волнах людского моря.

«Ха!»

Киртиану велено было не мешкать, вот он и не стал мешкать. Едва лишь первый из всадников выбрался из людского потока, как Киртиан прицелился — зачерпнул силы из глубины своего существа, — вскинул над головой сцепленные руки и послал в ближайшего молодого лорда молнию-стрелу.

Молния-стрела сорвалась со сцепленных рук и понеслась над полем битвы, словно комета. Все, кто увидел ее и успел отреагировать, с криками кинулись врассыпную. Всякий, кому хоть раз приходилось иметь дело с молниями-стрелами, сразу сказал бы, что эта молния смертоносна — и очень сильна.

Готово! Она попала в цель! На миг у Киртиана перехватило дыхание. А вдруг Мот ошиблась? Но в тот же самый миг он осознал, что Мот не ошиблась: смертоносная молния ударила в мятежника и разлетелась тысячей сверкающих осколков. На миг Киртиан потерял противника из виду. Но оказалось, что молодой лорд жив и невредим — только его несчастная лошадь застыла на месте, словно вкопанная.

«Ура! Работает!» Окончательно удостоверившись, что он никого не убьет, Киртиан избавился от последних колебаний. На-

конец-то он ощутил хотя бы тень возбуждения битвы, торжество победы. Молния за молнией неслись вниз и били в грудь молодых лордов. Молния за молнией рассыпались, не причинив им никакого вреда.

Бойцы обеих сторон старались убраться с дороги молний, и в результате сражение превратилось в цепь поединков. Да и то сражающихся было немного: большинство бойцов прекратили бой. Это тоже было частью плана.

Всякий нормальный командир лишь воспрял бы духом, убедившись, что оружие врага не причиняет ему ущерба. Но молодые лорды сделали вид, будто «запаниковали», столкнувшись с таким сильным магом.

Они развернулись и обратились в бегство. Причем бежали они не единым отрядом, а врассыпную, сквозь ряды своих же бойцов. Людям приходилось уворачиваться от копыт стремительно несущихся боевых коней. А мятежники неслись кто куда (только не в сторону врага) и продолжали в притворном ужасе настегивать коней. При виде бегущих командиров (конечно же, их отступление было сигналом для части людей, сообщающим, что пора переходить к следующему пункту плана) армия мятежников прекратила едва начавшийся бой. Рядовые лишились начальников и оказались предоставлены сами себе. В общем, у них не осталось никаких причин выполнять приказы хозяев, которые их же и бросили. Большинство солдат стали сдаваться или пустились наутек. Удирали в основном люди Киртиана: их привели сюда в качестве подкрепления, чтобы придать армии мятежников более многочисленный и грозный вид. Теперь же они побросали оружие, чтобы легче было бежать, и отправились к Вратам. Им пора было возвращаться домой.

Остальные тоже побросали оружие, но, вместо того чтобы бежать, стали поднимать руки, показывая, что сдаются. Киртиан на это и рассчитывал. И теперь он не без удовольствия наблюдал, как сдающиеся перегораживают путь тем, кто мог бы присоединиться к бегущим.

Бойцы великих лордов кинулись в погоню — но авангард почти целиком состоял из людей Киртиана, и они умудрились перекрыть дорогу тем, кто следовал за ними, и те в результате застряли среди сдающихся. Благодаря возникшей пробке тем, кто возглавил бегство, удалось скрыться. К тому моменту, как погоня возобновилась, беглецы оказались слишком далеко, и догнать их смогли бы разве что конные. А потому, поскольку

Киртиан, наблюдающий за происходящим со своего командного пункта на холме, ничего насчет погони не приказывал, бойцы предпочли заняться чем попроще — то есть теми, кто сдался. Мот и леди Виридина приняли меры предосторожности и, повозившись с рабскими ошейниками, сделали так, будто казалось, что молодые лорды нашли способ преодолеть заклинания первоначальных владельцев. Рабы-гладиаторы — единственные, кто все-таки годился для сражений, — были по нынешним временам слишком ценны, чтобы убивать их или наказывать за то, чему они на самом деле и не могли противостоять. Ну а если найти первоначальных владельцев не удастся, гладиаторов, скорее всего, поделят между великими лордами, как трофеи.

«И еще больше обогатят богатеев, которые совершенно в этом не нуждаются». Киртиан едва не впал в уныние, глядя на хаос, охвативший бывшее поле боя: сплошь крохотные группки пленников и тех, кто их захватил. Кажется, обошлось без смертей и серьезных ранений. Правда, некоторые все еще лежали на земле, но они шевелились, и похоже было, что никто сильно не пострадал.

«Я должен был бы радоваться этому...» И Киртиан вправду радовался — но одновременно с этим он почему-то чувствовал себя обманутым. Трудов столько же, сколько при подготовке сражения — а в смысле планирования и организации даже и больше, и намного больше! — и совершенно никакой радости.

Солнце только-только выглянуло из-за горизонта и начало чуть-чуть теплеть, а битва уже была завершена. И, по мнению великих лордов, война с их мятежными отпрысками — тоже. Теперь начиналась самая трудная часть: следовало выследить и загнать каждого по отдельности либо дождаться, пока они приползут обратно, умоляя о прощении. То есть так должны были считать великие лорды, и Киртиан намеревался приложить все усилия, чтобы они так и не узнали правды.

Он послал коня вперед, и тот поплелся вниз по склону, туда, где стояла палатка Киртиана. Надо приготовиться: сейчас придется принимать поздравления лорда Киндрета и изображать восторг, которого он вовсе не испытывает.

Офицеры толпились вокруг, не смея без приглашения приближаться к столь значительным особам, как члены Совета, но явно надеясь, что их заметят.

Киртиан же, в свою очередь, находился в самом центре внимания и от этого чувствовал себя весьма неуютно.

— Блестяще! — пророкотал Киндрет, и Киртиан скромно склонил голову. — Великолепно! Им и в голову не пришло, что вы продолжите путь ночью, чтобы оказаться на месте до рассвета!

— Я специально на продолжении всей кампании останавливал войско на ночевку до заката, мой лорд, — до тех самых пор, пока не узнал, где находится штаб-квартира мятежников, — сказал Киртиан. Лорд Киндрет тем временем принял поднесенный рабом бокал вина. — Я хотел, чтобы они увидели шаблон и привыкли к нему.

Из палатки Киртиана вынесли все, кроме столов и стульев — их позаимствовали у офицеров, желавших возить при себе все, вплоть до мебели. Добавить сюда еще ковры на полу и рабов, разносящих напитки, — и в целом сойдет за походную штаб-квартиру. Но лорд Киндрет настоял на создании Врат («при помощи нескольких членов Совета, вам не придется себя утруждать»), дабы лично поздравить героя дня. «Вам не придется себя утруждать» вылилось в результате в лихорадочную работу изрядной части людей Киртиана — и длилось это почти до того самого мгновения, когда временные Врата распахнулись, пропуская Киндрета со свитой.

— Ха! Еще бы! Вы же никогда прежде такого не делали — а им не хватило воображения предположить, что вы на это способны! — расхохотался Киндрет, а три великих лорда, явившихся вместе с ним, глубокомысленно закивали. — Конечно! Ведь старина Левелис никогда так не поступал!

— Левелис, — мрачно произнес какой-то лорд с длинной физиономией, — никогда не давал себе труда преодолеть за раз больше лиги. Ну, от силы двух.

— Левелис — старый дурак! — язвительно заявила леди Мот, присоединяясь к разговору. — Если бы кампанию и дальше вел он, я бы так и сидела в своем поместье, как в ловушке, до следующей зимы!

Мот приехала в сопровождении своих телохранителей; она подоспела как раз вовремя, чтобы вместе с Киртианом приветствовать советников, а теперь она исполняла роль хозяйки дома. Она уже не в первый раз ставила присутствующим на вид, что Киртиан спас ее от мятежников, — и, наверное, не в последний.

— Вполне возможно, моя леди, — сказал мрачный советник, слегка поклонившись Мот. — А что намеревается делать дальше наш юный командующий? — вопросил он, повернувшись к Киртиану.

Киртиан вздохнул.

— А теперь, мой лорд, начинается самая утомительная, трудоемкая и неблагодарная часть кампании, — отозвался он. — Мы будем вылавливать беглецов поодиночке и доставлять их на суд Совета. Я предполагал, что нечто в этом роде и произойдет, и учитывал это с самого начала. Это — задача для относительно небольших отрядов. Если вы не возражаете, мои лорды, я предпочел бы использовать для этого своих людей. На них я могу положиться: они не причинят вреда тем беглецам, которых удастся схватить. Что же касается прочей армии... ну, будь моя воля, я бы ее распустил. Армия — это такой огромный зверь, состоящий сплошь из рта и желудка, и когда она не воюет, пользы с нее совершенно никакой.

— Мы... подумаем над этим, — отозвался лорд Киндрет, коротко взглянув на остальных членов Совета. — Впрочем, это звучит здраво.

«Он думает о волшебниках». Киртиан пригубил вино и попытался напустить на себя беззаботный вид.

— Да будет вам, Киндрет. Юноша прав, — сказал мрачный советник, взял с подноса какое-то лакомство и подозрительно его осмотрел, прежде чем положить в рот, будто опасался, не забрался ли в еду какой-нибудь жучок. — Что толку, если все эти люди будут сидеть без дела — ну, не считая военных маневров, — в то время как мы можем разобрать их обратно по поместьям и приставить к какой-нибудь осмысленной работе. Да хоть к племенной — и то дело!

«А вот он — не думает. И если сейчас заговорить об очередной войне волшебников, возможно, вовсе не обрадуется подобной идее».

— А Левелис, — заметил другой член Совета, в чьем наряде полуночно-синий цвет сочетался с темно-зеленым. Он давно уже налегал на вино, но не выказывал ни малейших признаков опьянения, — немедленно захочет, чтобы этих людей снова отдали под его командование.

— И вы превосходно знаете, как я отношусь к Левелису, — слегка улыбнувшись, сознался Киндрет. — Да, вот очередной камень преткновения. Но это лучше обсудить в Совете — как вы полагаете?

Лорд в синем невнятно хмыкнул, но ничего не сказал.

«Интересно, как ему удается столько пить и не пьянеть?»

Киндрет тут же перевел разговор на недавнюю победу, но Киртиан заметил, что великий лорд всячески избегает упоминать об одной из деталей — о том, что мятежникам как-то удавалось отбивать молнии-стрелы Киртиана. Но зато об этом заговорил четвертый спутник Киндрета.

— Я и не думал, Киртиан, что вы — такой сильный маг. Но как же этим отродьям удалось защититься от ваших молний? Я-то думал, что у них магии, считай, и нет — так, какие-то капли!

Киртиан пожал плечами.

— Я никогда прежде не видел ничего подобного, — совершенно честно признался он. — Насколько я понимаю, даже если бы мятежники использовали магические щиты, при столкновении со щитом молния вела бы себя иначе. Я в недоумении.

— Гм. Я вот думаю — не нашли ли они чего в моей библиотеке?.. — пробормотала Мот, словно бы отвечая на свои мысли. Но Киртиан, уловив украдкой брошенный на него взгляд, понял, что тетя предоставляет ему возможность что-то провернуть. Но что?

— В вашей библиотеке, моя леди? — переспросил он, ловя подачу. — О чем это вы?

— О, когда я вернулась в главную усадьбу нашего поместья, оказалось, что в библиотеке царит форменный хаос, — тут же отозвалась Мот. — Кто-то поснимал книги с полок, сложил грудами на столах. Некоторые так и остались открытыми. Знаешь, Киртиан, что-то в этом роде учинял твой отец, когда занимался своими исследованиями. Только сейчас масштаб разрушений побольше. Мои слуги наводят там порядок. Но я тебе честно скажу: у меня такое впечатление, что мятежники последовали примеру твоего батюшки и принялись что-то разыскивать.

— И, возможно, нашли... — медленно произнес Киндрет, задумчиво глядя то на Киртиана, то на Мот. — Возможно... возможно, обнаружив, что эксцентричное хобби сына превратилось для них в смертельную угрозу, они сочли разумным последовать примеру его отца.

Киртиан едва удержался, чтобы не уставиться на Мот в полнейшем изумлении. Но все-таки удержался и вцепился в подвернувшуюся возможность обеими руками.

— Если это правда — а я припоминаю, что отец очень радовался каким-то находкам, обнаруженным в книгах леди Мортены, — то и мятежники могли повторить его путь. А значит, нам необходимо выяснить, что именно они отыскали!

— Согласен! — тут же поддержал его советник в синем. — Кто-то должен этим заняться, и немедленно!

«Эх, вот бы мама это слышала! Отец в одночасье превратился из полоумного чудака в светоч мудрости!»

Киртиан повернулся к лорду Киндрету.

— Мой лорд, да простится мне моя смелость... преследовать беглецов под силу любому. Для этого только и требуется, что хорошие охотники да побольше терпения. Но никто так не знаком с изысканиями моего отца, как я. Быть может, Совет позволит мне пойти по этому следу?

При виде глубокой задумчивости, отразившейся на лице лорда Киндрета, Киртиан ощутил возбуждение, какое он не испытывал ни перед одним сражением.

— Но что же именно он искал?

— Некий способ — а возможно, устройство, — очень медленно произнес Киртиан, — позволяющий слабому магу увеличить свои силы.

Лишь произнеся эти слова, он сообразил, что великие лорды, очутившиеся на самом верху иерархической лестницы именно благодаря своей магической силе, не возрадуются, услышав подобную новость.

— Предположительно, то же самое произойдет и с сильным магом, — поспешно исправился он. — Я думаю, оно будет действенно для всякого, но не знаю пока, что такое это «оно» — устройство, предмет или некий метод.

— А что привело вашего отца в библиотеку леди Мортены, лорд Киртиан? — с живейшим интересом вопросил лорд-виноголюб.

— Он изучал нашу историю. Он желал понять, почему мы не в состоянии повторить деяния наших Предков — ведь, согласно фрагментам найденных им летописей, даже слабейшие из Предков совершали то, что теперь под силу лишь великим лордам, — осторожно ответил Киртиан, убежденно глядя во внимательные, пытливые глаза старшего лорда. — И он не видел никаких причин, по которым магия должна была бы ослабевать от поколения к поколению.

— Хорошее замечание, — пробормотал себе под нос Киндрет, а лица прочих советников из просто заинтересованных сделались напряженными. Даже мрачный лорд оживился.

Киртиан подумал, не добавить ли еще чего-нибудь, но решил не торопиться. Но тут Мот подкинула рыбкам следующую лакомую приманку.

— А ведь и вправду с полок поснимали самые старые книги, — с невинным видом заметила она. — Те же самые летописи, в которых постоянно копался отец Киртиана. А пыль там стояла — вы себе представить не можете!

— Киндрет, я думаю, нам следует позволить юноше разобраться во всем этом, — решительно заявил мрачный советник. — Пускай он оставит при себе своих рабов-бойцов — на тот случай, если ничего не найдет и решит поохотиться на беглецов. А тем временем остальную часть войск можно вернуть в казармы. Пускай Киртиан выяснит, есть ли в старых летописях что-нибудь важное для этой охоты или нет, а потом уже мы решим, что делать дальше. А пока что можно подержать войско наготове — на тот случай, если щенки все-таки умудрятся сбиться в кучу и попытаются напасть на какое-нибудь из окраинных поместий.

— А что, неплохой план! — подхватил советник в синем и вновь наполнил бокал вином. — Лично я думаю, что они приползут на брюхе и будут просить прощения. Но войско я бы подержал в боевой готовности — так, на всякий случай. От этих вероломных щенков можно ожидать чего угодно.

Лорд Киндрет пораженно уставился на своих коллег по Совету. Очевидно, в последнее время он в одиночку составлял все планы действий для Совета, и когда эти трое вдруг приняли самостоятельное решение, Киндрет оказался захвачен врасплох.

— Киндрет, нам для этого даже не понадобится большинство голосов, — заметил лорд в синем. — Киртиан ведь не будет предпринимать никаких действий — во всяком случае, до того момента, пока не решит, что в библиотеке искать нечего. А там уже мы можем сесть всем Советом и прикинуть, что к чему.

Лорд Киндрет рассмеялся.

— Я вижу, вы уже все решили, — добродушно сказал он, но Киртиану почудилась за ровным тоном нотка раздражения — если не гнева. — Ну, что ж, я, пожалуй, всецело с вами согласен. Почему бы, в конце концов, не предоставить нашему многообещающему молодому командующему заслуженную возможность отдохнуть, прежде чем взваливать на его плечи новую ношу.

Он подмигнул Киртиану:

— Я ведь верно понимаю: это и есть ваш любимый вид отдыха — перелопачивать горы заплесневелых старых книг?

Киртиан засмеялся.

— Вы совершенно правы, мой лорд, — согласился он и улыбнулся от души — впервые за весь вечер. — Что ж поделать — я весь в отца.

— Ну и прекрасно.

Лорд Киндрет улыбнулся в ответ — правда, одними лишь губами, но Киртиан не заметил в его глазах неодобрения.

«Кажется, сейчас он зол исключительно на собратьев по Совету».

Киндрет резко развернулся и устремил суровый взгляд на одного из офицеров Киртиана.

— Вы слышали план, Астолан. Теперь вы отвечаете за все, кроме рабов Киртиана. Дайте войску отдохнуть и хорошо поесть, потом доставьте вместе с пленными в казармы. Пленных рассортируем уже там, на месте. Надеюсь, вам потребуется на обратную дорогу не больше времени, чем понадобилось лорду Киртиану для того, чтобы добраться сюда.

Лорд Астолан покраснел, потом побледнел, потом вытянулся в струнку, словно какой-нибудь новобранец перед Джелем.

— Да, мой лорд! — отозвался он и, решительно отсалютовав, поклонился.

Киндрет обвел взглядом остальных офицеров.

— А все прочие пусть позаботятся, чтобы лорд Астолан уложился в намеченные сроки, — подытожил он, недвусмысленно давая понять, что в случае неудачи кара будет разделена на всех.

Прежде чем офицеры успели что-либо ответить, Киндрет уже снова повернулся к членам Совета.

— Не пора ли нам возвращаться, мои лорды? — спросил он. Судя по тону, Киндрет намерен был отбыть немедленно. Дескать, если прочие хотят задержаться, то пускай добираются обратно самостоятельно. А поскольку ключ от временных Врат был у Киндрета...

В общем, возражений не последовало.

Киртиан проводил гостей до самых Врат и подождал, пока окруженное странным сиянием сооружение не потускнеет и не развеется. Потом он вернулся к себе в палатку. Там леди Мот развлекала его офицеров, пересказывая им свеженькие сплетни.

— Ну что ж, Астолан, — весело произнес Киртиан, откинув полог палатки. — Мои вещи уже собраны и отправлены, а ваши все здесь — то есть почти все. Так что я, пожалуй, заберу своих

рабов и провожу леди Мот обратно в ее поместье, чтобы не мешать вам выполнять приказ лорда Киндрета. Вы не против?

Астолан прямо-таки раздулся от гордости и сознания собственной важности. Он явно не ожидал, что так быстро окажется утвержден в своей новой — пускай и временной — должности.

— Конечно, мой лорд. Раз вам так угодно...

— Угодно. Если мы отправимся в путь прямо сейчас, то доберемся в поместье леди Мот до заката, — решительно заявил Киртиан и предложил руку Мот. — Моя леди...

Мот склонилась в изящном реверансе, прежде чем принять предложенную руку, но Киртиан заметил в ее глазах озорные огоньки.

— Мой лорд, — отозвалась Мот, — давайте разыщем этого вашего восхитительного Джеля, этого сурового начальника ваших рабов, и двинемся в путь. Мне так не терпится вновь очутиться дома — теперь, когда я знаю, что дом этот в безопасности!

«И как ей удается нести такую чушь с таким серьезным видом?»

— Я всецело разделяю ваши чувства, леди, — с притворной серьезностью отозвался Киртиан и был вознагражден: пока они шли к выходу из палатки, плечи Мот дрожали от сдерживаемого смеха.

Глава 20

Проводник остановился на краю карьера, и Шана с глубоким удовлетворением уставилась на кипящую внизу деятельность. Драконам все-таки удалось каким-то чудом отыскать неподалеку от новой Цитадели месторождение железной руды, при этом залегающее неглубоко, так что драгоценную руду можно было добывать открытым способом, без опасных подземных тоннелей.

Однако же, когда речь зашла о добыче руды, драконы поставили несколько жестких условий. Верхний, плодородный слой почвы надлежало аккуратно снять и перенести в сторону; когда месторождение будет выработано, почву нужно будет вернуть на место и заново засадить молодыми деревцами, взятыми из леса, или купами луговых цветов. Хотя большинству волшебников и всем людям это казалось бессмысленным, драконы

были столь неколебимы в этом вопросе, что никто не решился спорить.

Впрочем, Шана всецело поддержала эти предписания. Она достаточно долго прожила среди драконов, чтобы думать не о годах, а о веках — а шрамы земли, оставленные необдуманными горными разработками, действительно не затягиваются веками. В пустыне и горах ресурсы природы отнюдь не неисчерпаемы, и разбазаривать их было бы непростительной глупостью со стороны волшебников и людей. А Шана надеялась, что даже злейшие враги не считают ее дурой. Кем угодно, но не дурой.

Чтобы получить всего лишь несколько слитков железа, требовалась колоссальная работа. Вот и сейчас два-три десятка крепко сбитых мужчин — их мускулистые спины и плечи блестели от пота, — работали кайлами и лопатами, наполняя породой грубо сколоченные тачки. Еще несколько мужчин и женщин и даже несколько подростков возили эти тачки по земляной насыпи наверх.

На противоположной стороне карьера стояла примитивная плавильня, но ее тайны Шану не интересовали. За эту часть работ отвечал Зед, и до тех пор, пока его дровосеки и углежоги не вырубали лес подчистую и высаживали взамен срубленных новые деревья, ее не волновало, как именно Зед с этим управляется. Ее волновало железо, которым можно торговать — ну и чтобы на земле был порядок. А как там это железо производится — не ее дело.

А вот что удивило Шану, так это количество работающих здесь людей и их возраст. Она сама отсылала из Цитадели Зеда и будущих горняков в сопровождении молодого дракона, отыскавшего это место. И среди них не было никого старше двадцати. Да и особых силачей среди них не наблюдалось. Теперь же в карьере трудились мужчины, выглядевшие, как рабочие рабы какого-нибудь эльфийского лорда...

— Ну как тебе моя команда? — крикнул Зед с противоположной стороны ямы и помахал Шане рукой. Горняки подняли головы, посмотрели сперва на Зеда, потом на Шану и заулыбались. Огонь и Дождь! У них вид, как у рабочих рабов, и шрамы, как у гладиаторов!

«И ни единого знакомого лица...»

— По-моему, здорово! — крикнула Шана в ответ, и они с проводником пошли в обход карьера. — Но вот что мне особен-

но интересно, — продолжила она, подойдя поближе, так, чтобы уже не нужно было кричать, — так это откуда они взялись...

Зед рассмеялся:

— Это рабы — то есть бывшие рабы. Те самые бывшие рабы, которых Каэллах выжил из новой Цитадели, потому что хотел и дальше обращаться с ними как с рабами, а не как с товарищами по работе.

— Но... — Шана озадаченно наморщила лоб. — Они же работают здесь не меньше — да куда там, больше! — чем в Цитадели.

— Но я не обращаюсь с ними, как с рабами, — указал Зед. — Я не считаю, что они должны работать за кров и пищу, да еще и благодарить, что им позволили потрудиться на благо волшебников. Здесь у каждого есть своя доля в производимом железе. Они могут продать ее мне в обмен на какие-нибудь услуги со стороны волшебников или на то, что я получаю через торговцев от Железного Народа. Таким образом, мы сохраняем контроль над запасами железа, но они получают честную плату за свой труд. — Он подмигнул. — Мы тут вообще верим в пользу честной платы.

Шана восхищенно покачала головой.

— Зед, это великолепно! А где они поселились, здесь? Они хотят остаться? Построить себе поселок?

Было бы здорово, если бы эти крепкие ребята обосновались поблизости — полукровкам все равно нужны будут рабочие, а Шана никогда не возражала против обмена услугами.

— Они сперва хотят выяснить, будет ли Каэллах совать свой нос и сюда, а потом уже решат, стоит ли здесь строиться, — скривившись, отозвался Зед.

Шана взглянула вниз и увидела, что работа остановилась: бывшие рабы ожидали, что же она скажет.

У Шаны не было никаких причин таиться от них; она нарочно повысила голос, чтобы ее слышали все, а не только Зед.

— Скорее эльфийские лорды признают меня за равную и пригласят к себе, чем Каэллах Гвайн сунется сюда! — ехидно отозвалась Шана. — Он боится железа до поросячьего визга, и мы все теперь, когда не работаем с магией, носим кулоны из того фальшивого золота. Лоррин их называет «противокаэллаховыми».

Гогот Зеда заглушил смех рабочих, но Шана заметила, что многие из них улыбаются, возвращаясь к работе.

— В таком случае, я думаю, вы можете быть уверены, что тут появится поселок. Здешних запасов руды хватит на годы. А уж

работы тут точно хватит каждому, еще и останется. Если не добывать или плавить руду, так восстанавливать земли и лес.

— Я, когда увидела первую партию слитков, испугалась было, что слишком сильно вас подгоняла, — негромко сказала Шана Зеду, когда они остановились поговорить без свидетелей. — Хорошо, что я ошиблась.

Зед похлопал ее по плечу.

— Ничего страшного, — отозвался он. — Кстати, хочешь взглянуть на плавильню? Или нет?

— Нет, — решительно ответила Шана. — Я — не Каэллах, но от такой прорвы железа у меня начинается зуд в голове.

Зед пожал плечами.

— А меня как-то ничего не цепляет. Но, с другой стороны, у меня всегда было куда меньше эльфийской магии, чем у тебя. Ладно, тогда давай я лучше покажу тебе, где мы хотим устроить поселок. Думаю, ты удивишься.

И они направились прочь от плавильни, в лес. Шана охотно двинулась следом за Зедом, радуясь возможности уйти с палящего солнца в лесную тень.

— А как Железный Народ отнесся к первой партии железа? — спросил Зед со вполне объяснимым интересом.

— Устроили форменный праздник. Во всяком случае, так сообщил Меро, — радостно отозвалась Шана. — Правда, я боюсь, что торговцы были здорово разочарованы.

— Ну, торговцам придется как-то это пережить, — самодовольно произнес Зед. — Теперь мы в состоянии укрепить свою защиту — и теперь мы можем возобновить поставку украшений.

— Как по мне, так давно пора! — пылко воскликнула Шана. — В них нуждаются не только молодые лорды — хотя чем больше драгоценностей мы переправим им, тем больше хлопот они причинят великим лордам. Нет, я хочу, чтобы эти украшения попадали к женщинам и, главное, к рабам!

«Хочу» — это еще было мягко сказано. После того, что ей сообщили Кеман и Дора, Шане отчаянно хотелось, чтобы в эльфийские земли вновь потек ручеек этих украшений. А если им удастся привлечь на свою сторону лорда Киртиана...

А ведь драгоценности могут им в этом помочь. Если у него появится возможность защитить своих людей от эльфийской магии, а свои земли — от магической атаки других эльфийских лордов, все великие лорды, вместе взятые, не соберут такого войска, которое сравнялось бы с верными бойцами Киртиана.

Для него могло представлять угрозу лишь магическое нападение.

Да еще предательство. А великие лорды всегда были искусны в этом.

— Так ты думаешь, таким способом можно обезвредить ошейники? — с интересом спросил Зед. — Ведь если это нам не удастся, мы с тем же успехом можем и не тащить к ним это добро.

— Думаю, теперь я знаю, как это сделать. — И она энергично изложила идею, пришедшую ей в голову не далее как сегодня утром. — Если мы сделаем из железа такие штуки вроде захлопывающихся ракушек, чтобы их можно было надевать на берилл, — Шана руками изобразила, как это должно выглядеть, — то ошейники даже можно и не снимать. Все равно после этого камень не будет принимать никаких команд и не сможет причинить никакого вреда человеку.

Зед задумался.

— Любопытно. Рабам вроде наложниц это не поможет — у них ошейник может быть сплошь усеян бериллами, — а вот на обычных рабочих больше одного камушка не надевают. Значит, до тех пор, пока лорды не заменят все ошейники у всех рабов — а это будет накладно даже для них! — мы успеем освободить кучу народу!

Шана радостно заулыбалась.

— Это я придумала. Такие ракушки должны получаться небольшими, и их нетрудно будет распространять. Например, можно тайком привезти целый мешок рабочим в поле; какой-нибудь раб берет кожаное ведро с водой и обносит всех — и готово, все, кто здесь работал, могут срываться и бежать!

«А еще такие ракушки можно ночью, под покровом темноты доставить в армию. А если к утру бойцы уже будут свободны от принуждения и смогут не опасаться магической атаки, многие ли из них захотят и дальше сражаться за своих хозяев?»

— Хитро! — с восхищением отозвался Зед. — Плохо, что ошейники обычно делаются из металла. Были бы они кожаные, можно было бы засовывать берилл в ракушку и тут же снимать ошейник. А вот и лагерь. Тут народ и хочет устроить свой поселок.

Пока что построек было маловато. Хорошо, что сейчас было лето, и к тому же еще стояла очень хорошая погода — а то эти сооружения вряд ли защитили бы кого-нибудь хотя бы от сильного дождя. Впрочем, Шане уже и сейчас было видно, что место для поселка выбрано великолепно. И она не замедлила вы-

разить свое одобрение. Шана окончательно убедилась, что они с Лоррином правильно поступили, поручив Зеду руководство горными работами, плавкой железа и подбором людей, хотя прежде Шана сомневалась, получится ли из Зеда лидер. А Каэллах Гвайн, конечно же, яростно возражал против самой мысли о том, что такому юнцу, как Зед, можно доверять хоть какое-то руководство.

Шана быстренько завершила инспекцию — хотя, пожалуй, это было чересчур официальное наименование для ее краткого визита. Все шло прекрасно, просто лучше не придумаешь. На нынешний момент ей даже не нужно было, чтобы добыча железа ускорялась. Если Железному Народу придется некоторое время поджидать каждую новую партию, это только пойдет на пользу торговле. Шане не хотелось, чтобы Железные Люди начали думать, будто запасы сырья не ограничены, и она побеседовала на эту тему с Зедом. Он, с одной стороны, испытал разочарование, а с другой — обрадовался. Зед вовсе не был против поискать еще бывших рабов к себе в команду, но в то же время ему не хотелось, чтобы производство разрослось до такой степени, что он уже не мог бы приглядывать за всем самостоятельно.

В конечном итоге Шана и вьючный мул, груженный новой порцией железа в слитках, прибыли к новой Цитадели на закате.

Как раз вовремя, чтобы нос к носу столкнуться с Каэллахом Гвайном.

Старый волшебник уставился на Шану, и его затрясло от гнева. В считаные мгновения Каэллах Гвайн окончательно утратил контроль над собой.

— Что ты творишь, девчонка?! — завопил он во всю глотку — и, конечно же, все, кто находился в пределах слышимости, тут же сбежались ко входу в пещеру.

— А что, не видно? — огрызнулась Шана. Она вспотела и устала после долгой дороги, поскольку решила, что нет смысла ехать верхом, когда у нее имеются две свои прекрасные ноги, а на мула можно навьючить груз. И теперь она совершенно не склонна была улещивать и успокаивать раздражительного старика.

— Идиотка! — взвизгнул Каэллах Гвайн. — Притащить сюда это... эту дрянь! Занести ее в пещеры! Да ты с ума сошла! Ненормальная! Как нам работать с магией, когда вся эта гадость будет чуть ли не у нас на голове?

Старые волшебники, сгрудившиеся за спиной у Гвайна, согласно заворчали. Но на этот раз Шана уперлась намертво. До-

вольно! Этим упрямцам пора приспосабливаться к ситуации, а не надеяться, что с ними и дальше будут носиться как с младенцами!

— Вот так и будете работать — как вся молодежь работает! — отрезала Шана, подбоченясь. — Нет бы поблагодарить меня! Чем больше железа здесь, тем надежнее мы защищены! У вас что, совсем мозги не работают?

Обычно Шана старалась соблюдать хотя бы минимальную вежливость по отношению к старику, и Каэллах Гвайн, опешив от такого отношения, что-то невнятно залепетал.

Это оказалось последней каплей.

— Заткнись, старый дурак! — рявкнула Шана. А поскольку ее сопрано было куда выше по тональности, чем хриплые завывания Гвайна, то даже он ее услышал и уставился на девушку, потрясенно разинув рот.

— С тех самых пор, как мы сюда перебрались, ты только и знаешь, что ныть да жаловаться! — выкрикнула Шана. Лицо ее горело. — Мы тебя кормим, одеваем, следим, чтобы ты жил с удобствами, а ты ничего, совершенно ничегошеньки не делаешь для остальных! Ты паразит, Каэллах Гвайн, и пользы от тебя не больше, чем от второго носа! А теперь замолчи и учись работать с магией в присутствии железа, как все остальные, или... или...

— Что — или? — прошипел Гвайн. — Ты отдашь меня эльфийским лордам? Уж не это ли ты задумала, а? Проклятие Эльфов?

Как ни кипела Шана мгновение назад, услышав это, она мгновенно остыла.

— Нет, — спокойно отозвалась она. — Это только ты думаешь, что я на это способна. Нет. Я поступлю иначе. Если ты не захочешь приспосабливаться к нашей новой жизни, Каэллах Гвайн, я позабочусь, чтобы с этой минуты никто больше не возился с тобой. Тебе придется самому добывать себе еду — или голодать, самому стирать свои вещи — или ходить грязным, самому рубить дрова — или мерзнуть. Рано или поздно, но ты все-таки научишься вести себя, как подобает взрослому. Ибо давно пора!

И с этими словами Шана развернулась и зашагала прочь, проталкиваясь через толпу набежавших волшебников, молодых и старых.

Кто-то ухватил ее за руку. Шана сперва попыталась было вырваться, потом поняла, что это Лоррин.

— Не уходи, — негромко произнес он. — Подожди немного. Дело еще не закончено.

И он развернул ее лицом к толпе.

— Я слышал ворчание и жалобы, — сказал он так, чтобы слышали все. — Я слышу их с того самого момента, как попал сюда. И я не мог не заметить, что они постоянно исходят из одних и тех же уст. Так давайте же разберемся с этой проблемой раз и навсегда! Я предлагаю всем волшебникам провести совещание!

— Здесь? — удивленно спросил кто-то. — Сейчас?

— Да, здесь и сейчас, — подтвердил Лоррин. — Я даю вам четверть свечи, чтобы собрать сюда всех, и намерен считать, что тем, кто не пришел, безразлично, что творится в новой Цитадели, — а значит, с их мнением можно не считаться.

Почти половина присутствующих тут же рванула в разные стороны — собирать по всей Цитадели друзей и врагов. Шана вопросительно взглянула на Лоррина.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — с сомнением спросила она.

— Это все равно произошло бы в ближайшем будущем, — отозвался Лоррин. — Пускай это лучше произойдет неожиданно для обеих сторон. Так у Каэллаха с его приспешниками не будет возможности подготовиться.

— А мы что, готовы? — спросила Шана, недоверчиво глядя на юношу.

— Больше, чем они. А какой вечный грех каждого из нытиков? — спросил Лоррин и сам же торжествующе ответил: — Лень! Лишь поэтому я им и дал четверть свечи. Как ты думаешь, многие ли из них согласятся побросать все дела и куда-то тащиться?

— Может, и многие. Может, их придет достаточно, чтобы повлиять на ситуацию, — медленно произнесла Шана.

На поляну перед входом тем временем начали сходиться молодые волшебники; их созвали самые младшие ребята, прыснувшие в разные стороны, словно перепелки, и разнесшие известия повсюду, куда только успели добежать за это время — а ноги у них были быстрые.

Лоррин с помощью пары друзей подготовил поляну к проведению собрания. Здесь же рядом располагалось место, где рубили и хранили дрова, и молодые волшебники прикатили оттуда несколько бревен, чтобы те, кому нездоровится, могли присесть, и притащили поленья для себя, Шаны и, возможно,

Каэллаха — чтобы их все видели. Каэллах, конечно же, все это время мрачно наблюдал за ними, не трогаясь с места. С каждым мгновением народа становилось все больше, и к тому моменту, как назначенное время истекло, на поляне собрались все волшебники, кроме самых старых или самых ленивых. Но удивительнее всего было появление людей: на собрание явились все люди, обитавшие в Цитадели, все до последнего человека.

Каэллах с помощью двух молодых парней взобрался на свое полено (он усиленно притворялся дряхлым и немощным и явственно переигрывал), а Шана с Лоррином заняли свои места.

— Тихо! — крикнул Лоррин. Вся болтовня тут же стихла, и собравшиеся, послушно застыв, приготовились слушать троих оппонентов. — Ладно, приступим. Я буду вести собрание, поскольку это я его созвал.

— Но ты — любовник Шаны! — брызгая слюной, выпалил раскрасневшийся от злости Каэллах.

Шана хотела было возразить, но Лоррин опередил ее. Он смерил Каэллаха таким гневным взглядом, что тот побледнел и даже как-то съежился. Никто прежде не знал, каков Лоррин в гневе — а судя по виду, в таком состоянии юноша был вполне способен на убийство.

— Я — не любовник Лашаны, — медленно, с расстановкой произнес он. — Мы с ней друзья. Она сочла возможным положиться на мой опыт, который я приобрел в отцовском поместье, и попросила помочь управиться с вашим недисциплинированным сообществом. Но даже если бы ваше утверждение соответствовало истине, оно не имеет никакого отношения к сложившейся ситуации. А кроме того, это не ваше дело. Если оно кого и касается, так исключительно приемной матери Лашаны, а не вас. Я оскорблен, Каэллах Гвайн. Я требую, чтобы вы держали ваше мнение по этому поводу при себе — или я вас вызову.

«Вызову? Это еще что такое?» — удивленно подумала Шана. А вот Каэллах Гвайн явно понял, о чем идет речь, поскольку побелел еще сильнее и, заикаясь, попытался извиниться.

— Перед нами стоит проблема, — сказал Лоррин, когда старый волшебник умолк, — и она куда серьезнее, чем наличие железа в самой Цитадели или вопрос о количестве народа, занимающегося не... не ведением домашнего хозяйства, а другими делами.

Лицо Лоррина было непроницаемым, и по его выражению совершенно невозможно было понять, как он сам относится к этому вопросу. То есть Шана-то это знала — а вот приспешники Каэллаха Гвайна явно не могли вычислить, какого же мнения придерживается Лоррин. Может, он и ухаживает за Шаной. Но ведь он — аристократ, привыкший к роскошной жизни в богатом поместье, — так почему бы ему не разделять их мнение? И кстати, а вдруг он просто использует девчонку, чтобы через нее прийти к власти? Шана прямо-таки видела все эти мысли в глазах Каэллаха Гвайна, уставившегося на Лоррина с каким-то новым интересом.

— Каэллах Гвайн, — продолжал тем временем Лоррин, повернувшись к старому волшебнику, — вы достаточно часто делились своим мнением со своими друзьями и сторонниками. Теперь я вынужден потребовать, чтобы вы повторили его во всеуслышание для всех обитателей Цитадели.

Каэллах впился в Лоррина возмущенным взглядом — надеялся, что тот отведет глаза. Но безуспешно. Лоррин держался все так же невозмутимо и непроницаемо.

— Я, как ведущий, не стану отвечать ни на чьи вопросы — даже на ваши. Вы же ответите на вопросы, которые будут задавать все, кроме меня. Я же прослежу, чтобы никто не перебивал друг друга и чтобы всех услышали.

Что?! Подобный поворот событий застал Шану врасплох. Теперь она всерьез заволновалась. Да что это такое он затеял? Конечно же, старые нытики постараются выставить ее в самом дурацком свете...

Но отступать было уже поздно. Лоррин оглядел тех, кто желал высказаться, и предоставил право задать первый вопрос одному из приспешников Каэллаха.

— Это из-за тебя, девчонка, эльфийские лорды напали на наш след! Из-за того, что ты слишком много о себе вообразила! — выкрикнул старик. Его буквально-таки трясло — так ему не терпелось сквитаться с Шаной при свидетелях. — Если бы ты не делала вид, что ты и есть то самое мифическое Проклятие Эльфов, мы бы и сейчас жили в старой Цитадели, в покое и уюте!

«Думай! Не спеши — думай!»

— Я никогда не называла себя Проклятием Эльфов, — отозвалась Шана. От страха и раздражения у нее все внутренности словно завязало узлом и тяжело было дышать. — Я даже не слы-

шала ни о каком Проклятии Эльфов, пока не очутилась в Цитадели. А кроме того, эту историю с Проклятием Эльфов начали драконы, а вовсе не я! — Она отыскала в толпе Отца-Дракона, принявшего облик полукровки. — Ведь правда, Каламадеа?

Головы всех присутствующих тут же повернулись в его сторону. Некоторые осторожные старые волшебники, разделявшие с Каэллахом его нелюбовь к драконам, предпочли отодвинуться в сторонку. Отец-Дракон скромно кашлянул.

— Ну, в основном это моих рук дело, — признался он. — Но вообще — да. Это мы, драконы, создали легенду о Проклятии Эльфов — и были удивлены не меньше вашего, когда легенда вдруг ожила. — Каламадеа оживился — видимо, тема была благодатная. — Мы, драконы, верим, что некоторые существа от рождения наделены огромной хаменлеаи, силой, которая управляет судьбой, вместо того чтобы подчиняться ей. И я говорю вам всем: Лашана еще во младенчестве выказывала такую неимоверную хаменлеаи, что, даже если бы она выросла в глуши, среди единорогов, легенда бы все равно воплотилась через нее. Теперь это признали все драконы, хотя и не все они относятся к Лашане по-дружески. Куда бы она ни направилась, за ней повсюду будут следовать великие перемены.

Шана никак не ожидала, что Каламадеа заведет речь об этом, но она храбро продолжила с того самого момента, на котором остановилась:

— А насчет того, что вы могли бы до сих пор проживать в Цитадели, — я сильно сомневаюсь, что вам еще долго удавалось бы оставаться незамеченными. Вы слишком много рисковали. Как минимум кто-нибудь непременно бы заинтересовался, отчего это вдруг исчезает столько вещей и продуктов и куда они деваются. Эльфийские лорды начали задумываться об этом еще до того, как я попала к вам.

— Я же говорил, что это слишком опасно! — воскликнул худой, как щепка, старый волшебник. На него тут же зашикали. Лоррин уже подал знак другому желающему, а Шана оглядела лица присутствующих, и у нее упало сердце. Она чувствовала себя маленькой и слабой и говорила совершенно неуверенно. Ей никого не удалось победить, и Отец-Дракон ей не помог.

— С чего вы решили, что вы лучше всех годитесь на роль командира? — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Вопрос к обоим!

— Я и не решала, — быстро ответила Шана. Но Каэллах Гвайн тут же раздулся от сознания собственной значимости и заговорил, стремясь опередить Шану.

— На моей стороне десятилетия житейского опыта, не говоря уже о знаниях и мудрости! — хвастливо заявил он. — А это куда больше того, на что может притязать эта наглая девчонка! Я не принимаю поспешных решений, не тороплюсь что-либо вводить исключительно ради его новизны. Мне представляется несомненным, что нынешнее положение дел становится нестерпимым, и все из-за этих дурацких новшеств в магии и опасных связей с этими варварами, дикими людьми — не говоря уже о существах, которые даже и не люди! Молодежь должна служить старшим, а не диктовать им нелепые правила! Они радоваться должны, что мы в обмен на их службу соглашаемся делиться с ними накопленной мудростью!

Сев на любимого конька, Каэллах завелся — и не подумал о том, что сейчас его слушают отнюдь не одни лишь его сторонники.

— А с людьми нам вовсе делать нечего — кроме того, что они тоже должны считать за честь служить нам! Мы могущественнее их, мы дольше живем и успеваем накопить куда больший опыт, чем эти однодневки! Ясно же, что мы превосходим их во всех отношениях — а эта девчонка, эта недоросль думает, что нам следует обращаться с ними как с равными! Да ни за что! Я не потерплю, чтобы со столь низкими созданиями, которые должны состязаться за право послужить мне, обращались так, как будто они ровня мне!

Вот теперь среди людей — они в толпе составляли большинство — раздалось неприязненное ворчание. Вероятно, многие лишь сейчас осознали, насколько далеко простираются предрассудки Каэллаха и насколько они отвратительны. Теперь Шана поняла, почему Лоррин избрал именно такую тактику ведения собрания: он окружил Каэллаха его сторонниками и позволил ему говорить все, что заблагорассудится, — и язык подвел старого волшебника.

— Это мы — низкие создания? — гневно рявкнул возчик — один из тех, кто доставил в Цитадель последнюю партию железных слитков. — Да ты сперва попробуй хоть что-нибудь сделать своими руками, слизняк несчастный!

— Теперь будешь сам все себе добывать! — раздался другой голос, преисполненный отвращения. Его поддержал целый

хор. Даже некоторые из детей, которых Каэллах застращал и заставил работать на себя, прониклись мнением старших, и их пронзительные голоса вплелись в общий хор.

Каэллах и его сторонники осознали опасность, но отступать было уже поздно. Они сбились в кучу вокруг Каэллаха, и сразу стало до боли ясно, что на самом деле их очень мало. А вокруг колыхалось море разгневанных лиц. Шана и ее прегрешения оказались позабыты.

Лоррин позволил толпе малость побушевать, чтобы Каэллах как следует напугался, а потом немного усилил свой голос при помощи магии и перекрыл гул толпы.

— Друзья! — пророкотал он. — Пожалуйста, тише!

От удивления все на миг смолкли, и в этой тишине послышался один-единственный голос — это был голос Алары, приемной матери Шаны.

— Шана, похоже, возражения направлены против перемен вообще, — сказала Алара. Ну наконец-то хоть кто-то говорит спокойно и рассудительно! — А эти перемены действительно в большинстве своем исходят от тебя. Так что ты можешь сказать по поводу возражений?

— Я думаю, что, если вы не изменитесь, — очень медленно произнесла Шана, подбирая каждое слово столь тщательно и осторожно, словно она прокладывала путь по трясине, — вы станете точно такими же, как эльфийские лорды.

Вот теперь воцарилась мертвая тишина — даже шуршание ветерка в листве и то казалось оглушительно громким. Эта тишина взывала об объяснении, и Шана, сама того не желая, продолжила.

— Они не менялись с тех самых пор, как завоевали эти края — а может, даже и дольше, — произнесла Шана. — Эльфы уверены, что они — законные владыки вселенной и что все, что они желают, думают или делают, — совершенно правильно. И плевать, что жизнь не раз уже показывала, что они ошибаются. Если вы перестанете изменяться, то закостенеете, и первый же удар судьбы сломает вас.

Она обвела взглядом лица друзей, потом взглянула на людей; их глаза сейчас горели обидой на всех волшебников — даже на нее.

— Изменения означают, что мы не можем сидеть в Цитадели и воображать себя высшими существами лишь на том основании, что некоторые вещи нам удаются лучше, чем другим. Неужели вы не понимаете? — Шана на мгновение замялась. —

Мы нужны друг другу. Ну да, я могу при помощи магии выследить овцу в холмах и перенести ее сюда. Но я понятия не имею, где добывать глину и как сделать из нее кружку. А если я хочу пить, мне нужна кружка, и тот, кто умеет ее делать, в этот момент выше меня. Неужели вы не понимаете? — с мольбой произнесла она. — Я никогда не хотела быть вожаком, но... я не знаю, может, Каламадеа прав, и эта хаменлеаи вправду действует. Я просто вижу, что все мы нуждаемся в переменах и все мы нуждаемся друг в друге — если, конечно, мы хотим выжить. И, может быть, если они хоть чуть-чуть научатся меняться, мы будем нуждаться даже в них...

И Шана, не в силах выразить свои чувства словами, беспомощно показала на Каэллаха и его приятелей; ведь в головоломке, что складывалась у нее в сознании, всякий занимал свое, неповторимое место.

Но хотя многие и озадачились, очевидно, Шане удалось хотя бы отчасти объяснить свои взгляды. Обида и гнев утихли, и хотя многие недовольно скривились при мысли, что Каэллаха и ему подобных нужно считать частью народа, кажется, эту мысль тоже восприняли.

А потом случилось такое, чего Шана и не ожидала...

— Нелегкое это дело для старика — все эти перемены, — грустно произнес один из приятелей Каэллаха. — Ох, нелегкое, девочка. Вот так вот проживаешь жизнь, а потом вдруг все летит вверх тормашками, и...

Он глубоко вздохнул и, шаркая, пересек пространство, отделявшее друзей Каэллаха от прочих присутствующих. Потом он поднял взгляд на Шану, и у него вырвался тяжелый вздох.

— Я терпеть не могу все эти неудобства и предпочел бы, чтобы их не было, — произнес он, и в голосе его недовольство смешивалось с покорностью, — но я лучше уж буду с тобой, чем против тебя. Только не требуй слишком многого от несчастного усталого старика, ладно?

Шана соскочила с полена и протянула ему руку. Старик пожал ее, и это стало началом конца. Остальные сторонники Каэллаха стали по одному — по двое подходить к Шане. Впрочем, многие постарались просто затеряться в толпе и не стали открыто поддерживать ее. Но неважно. Каэллаха-то они бросили. Даже если они не до конца согласны с ней, даже если они и дальше будут ворчать и спорить, они бросили своего вожака и признали, хотя бы теоретически, необходимость перемен.

И этого довольно. Пока что довольно и этого.

Глава 21

Рена уселась на ковер рядом с Меро. Стены шатра Дирика были закатаны и подвязаны примерно на высоте колен; занавески из редкотканого льяного полотна не давали насекомым залетать внутрь, но пропускали ветерок. Настал час обеда. Еда теперь сделалась разнообразнее за счет овощей — их покупали у торговцев или выменивали у Народа Зерна, успевшего уже развести огороды, — и за счет трав, измененных Реной. Теперь, когда из Цитадели прибыла первая партия железных слитков, обедать в обществе Дирика и Калы стало особенно приятно. Звезда Дирика снова стояла в зените, и пожилой жрец перестал хмуриться. Кала радовалась не меньше супруга, но выражала это более открыто. В конце концов, теперь у Железного Народа было все, что нужно, — металл, хорошие пастбища и вода. И даже потомки их древних союзников, Народ Зерна поселился поблизости и занялся земледелием, которым не могли или просто не стали бы заниматься Железные Люди.

Рена с Меро тоже не остались внакладе. Поскольку они представляли здесь волшебников, всякий кузнец стремился выведать, что им известно насчет перспектив добычи железа — а многие пытались разузнать, нельзя ли с их помощью продвинуться вперед в очереди на покупку железа из следующей партии. Кланы торговцев несколько расстроились, обнаружив, что утратили монополию на поставку железа, но быстро с этим смирились, особенно после того, как женщины Железного Народа принялись экспериментировать с огранкой кристаллов «дурацкого золота» и изготавливать кабошоны из других минералов с высоким содержанием железа, доставленных все теми же торговцами. И из того, и из другого получались очень красивые «драгоценные камни»; особенно хороши были вставки из «железного масла» — в ажурном кружеве железных украшений эти камни, напоминающие капли черной жидкости, смотрелись просто изумительно. Так что теперь у женщин стало больше сырья для ювелирного дела, чем когда бы то ни было, и новые материалы вызвали у них такой взлет творческой фантазии, что даже мужчины принялись ходить кругами и прикидывать, как бы подольститься к супруге, или матери, или сестре, или подруге, чтобы те сделали что-нибудь в новой технике и для них тоже. Дирик уже щеголял новенькими кожаными наручами с железными накладками, разукрашенными «железным маслом», — подарком Калы. А Кала тем временем трудилась над таким же ошейником.

И Рена решила, что теперь самое время позаботиться об исполнении кое-каких своих планов.

Кала принесла тарелки с лепешками, жареным мясом и тонко нарезанными овощами и мисочки со сметаной. Теперь Железный Народ мог наслаждаться одним из своих излюбленных блюд: на лепешку укладывались полоски пряного мяса и овощи, все это обильно поливалось сметаной, и лепешки сворачивались в трубочку. Рена с Меро полюбили его не меньше хозяев, и едва Кала поставила тарелки на ковер, как Меро тут же свернул себе такую трубочку.

— Дирик, а вам вправду так уж сильно нужно держать у себя этих двух эльфийских лордов? Мне кажется, они не вполне здоровы, — спросила Рена, когда Дирик потянулся за лепешкой.

Дирик даже не приостановился.

— Ну, вообще-то с них в последнее время нету никакой пользы, — признал жрец, укладывая на лепешку тонко нарезанные стручки кукуна и травы, которым Рена придала новый вкус и аромат, поверх них — полоски мяса, и уже поверх всего этого — сметану. — Мы перестали заставлять их давать представления — из уважения к вам, но я так подозреваю, что они уже и не стали бы ничего показывать, даже если бы им надавали тумаков. Я, по правде говоря, подозреваю, что они сходят с ума. Их хозяину едва-едва удается их накормить и напоить. Они ничегошеньки не делают, только сидят и пялятся в одну точку.

— Я думаю, они уже сошли с ума, — сказала Рена. Когда она услышала, как буднично Дирик констатирует этот факт, у нее словно гора с плеч свалилась. — Кельяна еще как-то можно разговорить, если хорошенько постараться, а вот Хальдор... хозяину приходится кормить его с ложечки. Может, вы бы отдали их мне?

— Сперва скажи, что ты собираешься с ними делать, — осторожно отозвался Дирик.

Рена глубоко вздохнула и посмотрела на Меро. Тот подбадривающе улыбнулся в ответ. Девушка снова посмотрела в темно-карие глаза жреца и напомнила себе, что Дирик — чрезвычайно рассудительный человек.

— Я хочу... Я хочу попытаться сделать одну штуку. Посмотреть, могу ли я при помощи магии изменять чужие воспомина-

ния. У нас ходили слухи, будто старые лорды на это способны. Вот я и подумала, что раз в моем народе женская магия всегда действовала тоньше, то, может, женщине это будет даже проще сделать, чем мужчине. Раз Кельян с другом и так уже сумасшедшие, вреда я им не причиню — а может, даже смогу помочь. — Рена собралась с силами. — Если я... если мне удастся помочь им... В общем, я хочу сделать несколько вещей. Во-первых, я хочу выяснить, как делаются эльфийские камни для ошейников и как эти ошейники контролируют рабов.

— Шана придумала способ обезвреживать их, причем для него требуется меньше железа, чем идет на украшения, — вмешался в беседу Меро. Его зеленые глаза светились энтузиазмом. — Нужна такая штучка вроде ракушки, чтобы надевать ее на берилл, вот так вот, — он изобразил ладонями захлопывающуюся ракушку, — и камень будет обезврежен вместе со всей его магией. Их можно будет переправлять к рабам целыми грудами. Если кто-то готов к побегу, он просто защелкивает такую ракушку на своем камне — и все, беги. Эльфийские лорды не смогут гнаться за каждым беглым рабом и даже вряд ли смогут его выследить. А к тому моменту, как вызовут какого-нибудь достаточно сильного мага, способного кидаться молниями-стрелами, рабы уже будут далеко.

— Но чтобы этот план сработал, нам сперва надо выяснить, как именно действуют эльфийские камни, — продолжила Рена. Заинтригованный Дирик отложил недоеденную лепешку и подался вперед. — Меня никогда этому не учили, да и Лоррина, боюсь, тоже, но Кельян вполне может это знать. Вот я и хочу попробовать уговорить его, чтобы он меня научил. А если у меня не получится, может, Меро сумеет отыскать нужные сведения прямо у него в памяти. Как только мы разберемся, как делаются эльфийские камни, можно будет поэкспериментировать с ракушками.

— Но это ведь не все. Вы явно задумали что-то еще, так? — спросил Дирик, приподняв густую бровь. Теперь на лице его читался не только живейший интерес, но и восторг.

— Э... Ну да. — Рена решила не останавливаться на достигнутом и рассказать Дирику обо всем, раз уж он, похоже, готов слушать. — Я хочу стереть из их памяти все воспоминания о плене и о Железном Народе и заменить это чем-нибудь другим.

— И чем же? — не успокаивался Дирик. — И зачем?

— Я подумала... — Рена на миг заколебалась, потом продолжила: — Я подумала, что смогу создать новые воспоминания —

на самом деле это будут иллюзии. Что-нибудь насчет скитаний в глуши, как вот мы с Лоррином бродили. Или, может, Меро поможет мне вложить эти воспоминания в их разум, пока я буду стирать старые, делать их туманными. И, конечно, я позабочусь, чтобы они ничего не помнили ни о Железном Народе, ни о волшебниках, ни о драконах — вообще ни о чем важном. А потом я их усыплю и попрошу Кемана или еще кого-нибудь из драконов отнести их поближе к эльфийским землям, чтобы они смогли найти дорогу домой.

Рена облизнула губы и стала ждать, как на это все отреагирует Дирик.

— Ты что, вправду собираешься освободить их? — От удивления у Дирика глаза полезли на лоб. — И ты думаешь, что мы позволим им отправиться к нашим врагам?

— Ну не можем же мы их убить! — с отчаянием воскликнула Рена.

На миг она испугалась, что Дирик сейчас скажет: «Это почему же не можем?» Но жрец лишь устремил на Рену задумчивый взгляд, потеребил нижнюю губу и надолго умолк.

— Раз уж вы это задумали, — в конце концов сказал он, понизив голос, — нельзя упускать такой удобный случай обдурить этих демонов, которых вы называете эльфийскими лордами. Чем внушать пленникам, что они скитались в глуши, не лучше подкинуть им что-нибудь совсем-совсем несусветное?

— Например?.. — спросила Рена, воспряв духом. Кажется, Дирик не станет ей препятствовать! Наконец-то она сможет хоть чем-то помочь этим несчастным, Кельяну с Хальдором, — а может, даже и Шане!

— Ну... тут надо подумать. Например, пускай они думают, будто их держали в плену волшебники — и волшебников этих было куда больше, чем думают эльфийские лорды. — Дирик ухмыльнулся, словно мальчишка, задумавший особенно удачную каверзу. — Можно им внушить, будто это была какая-то неприступная крепость — причем разместим мы ее совсем не там, где находится настоящая Цитадель. — Он лукаво подмигнул собеседникам. — Да мало ли! Можно сочинить компанию волшебников, которые вроде как никогда не слыхали про наших волшебников! Пускай демоны думают, что у них появился какой-то совершенно новый, неведомый враг! Пусть себе тратят время и гоняют воинов на поиски этого нового гнезда волшебников!

Меро расхохотался:

— Предки! Вот это идея! Лорды запаникуют и кинутся охранять тылы! Они передерутся, решая, какая из групп волшебников опаснее! А главное, мы выиграем время и успеем накопить больше сил!

— Вот именно! — Дирик возобновил прерванную трапезу и махнул свободной рукой Рене. — Раз твой план именно таков, дитя, — пожалуйста, трудись. Все равно от этих пленников одни хлопоты. А если ты добьешься, чего хотела, они неплохо нам послужат.

Дирик не сказал, что станется с эльфами, если Рене не удастся стереть им старые воспоминания, но Рена решила, что с этим можно будет разобраться попозже, если такая необходимость и вправду возникнет. Она поблагодарила Железного Жреца и с аппетитом принялась за лепешки.

Дирик хотел еще что-то обсудить с Меро после обеда, и Рена подумала, что может взяться за исполнение первой части плана прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик. Правда, поскольку Рена не была полукровкой, она не могла напрямую читать мысли пленников, и потому она решила попробовать разговорить их так, используя иллюзии, свою принадлежность к слабому полу и осторожное подталкивание в нужном направлении. Некоторое время назад торговцы по просьбе Рены принесли ей старый, разряженный ошейник — ранее он принадлежал кому-то из беглых рабов. Девушка прихватила ошейник с собой и отправилась в шатер, где содержали эльфийских лордов.

— Кельян! — позвала она. Она сотворила иллюзию своего самого лучшего шелкового платья. А когда Кельян вышел из оцепенения и медленно поднял на нее взгляд тусклых глаз, девушка быстро создала вторую иллюзию: они очутились в обычной комнате, какую можно было отыскать в любом эльфийском поместье. За образец Рена взяла комнату, которую ее отец использовал для неофициальных встреч с гостями, но сделала так, чтобы в помещении царил полумрак.

Выглядел Кельян ужасно: изумрудные глаза помутнели, длинные волосы повисли тусклыми прядями, а одежду он менял лишь тогда, когда хозяин силком вытряхивал его из грязной. Рена точно не знала, что подтолкнуло эльфа в пучину безумия. Возможно, вид Кемана в истинном облике оказался непосильным испытанием для его психики. А может, когда он узнал, что Железный Народ заключил союз с волшебниками, то пришел к выводу, что теперь его с товарищем уж точно никогда не отпустят, и сломался. Но самой Рене помешательство Кельяна и

его пребывание где-то в иной реальности, сотворенной его собственным воображением, было только на руку. Рена надеялась, что в нынешнем своем состоянии Кельян верит, будто вернулся к соплеменникам. А может, он решил, будто все это ему снится. Ее устраивали оба варианта. И вряд ли он узнает в эльфийской леди, представшей его глазам, ту Рену, которую ему доводилось видеть в лагере: девушка заодно с платьем сотворила себе пышную парадную прическу и яркий макияж.

При виде Рены и окружающей обстановки глаза Кельяна засияли: правда, безумие по-прежнему никуда не делось, но зато в них появились проблески чувств. Чтоб усилить эффект созданной иллюзии, Рена окутала Хальдора тенью. А то, пожалуй, вид неподвижного тела товарища мог бы подорвать доверие Кельяна к иллюзии. Впрочем, кажется, Кельян то ли не замечал его, то ли его самого это уже не волновало.

— Моя леди... — он вопросительно наклонил голову, показав тем самым, что и вправду не узнал Рену.

— Шейрена, — представилась девушка. — Добро пожаловать на мои именины, лорд Кельян.

Кельян поклонился.

— Моя леди Шейрена. Мы с вами знакомы?

«Отлично. Он то ли не помнит меня, то ли не узнает в этом виде — а может, просто не хочет. Он сейчас живет в своих грезах, а не в реальном мире».

— Я — дочь подруги вашей матери, — отозвалась Рена. Она припомнила, как вела себя мать, принимая гостей, и теперь изо всех сил старалась подражать ее манерам. — Спасибо вам за то, что вы приняли наше приглашение и прибыли вместе с матушкой на наш скромный праздник. А можно я воспользуюсь вашей благосклонностью, чтоб справиться с одной пустяковой задачкой?

— Я весь к вашим услугам, — отозвался Кельян и снова поклонился, приложив руку к сердцу.

— Я взяла себе новую служанку, девочку, на которую еще не надели ошейник, — непринужденно соврала Рена. — Как вам известно, мой отец сейчас на заседании Совета и вернется только через несколько дней. Вот я и подумала... может, вы бы помогли мне очистить и настроить этот ошейник, чтобы я надела его на девчонку?

Рена достала ошейник и протянула Кельяну.

Тот осмотрел его и нахмурился.

— Но этот ошейник не годится для личной служанки леди, — заметил он.

Рена надула губки.

— Но я не смогла найти другого! Все остальные сейчас на рабах, а я не хочу ждать, пока сделают новый, — капризно заявила она. — А кроме того, я хочу эту девчонку себе. Она хорошенькая. А папа может передумать и отдать ее кому-нибудь другому. А если запечатлеть ее на меня, он уже этого не сделает.

Кельян улыбнулся, и Рена улыбнулась в ответ; они тут же почувствовали себя заговорщиками, заключившими союз против жадных взрослых.

— Ну, раз так, я с радостью помогу настроить его — конечно же, от вашего лица, — с легкостью согласился Кельян.

Он склонился над ошейником и принялся за работу...

А Рена следила за ним так напряженно, что Кельян, несомненно, удивился бы, если бы это заметил. Но он с головой ушел в работу и не обращал внимания ни на что, кроме ошейника.

Рена решила подстраховаться — на тот случай, если ей придется еще раз воспользоваться этой уловкой. Когда она уйдет, Кельян будет думать, что ему это все приснилось.

Когда Кельян завершил заклинание, Рена тут же поблагодарила его.

— Вы так мне помогли, лорд Кельян... — кокетливо произнесла она. Меро взбесился бы от ревности, если б услышал ее тон. — Как мне вас отблагодарить?

Девушка поднесла ему вино с подмешанным туда зельем и бросила на Кельяна взгляд из-под ресниц. Рена точно знала, что он не пойдет дальше флирта, ибо ухаживание в эльфийском обществе подчинялось определенным законам. Ни один ухажер не осмелился бы соблазнить девушку, не получив на то тактичного согласия ее отца. И Кельян, который не являлся исключением, не стал бы сейчас выказывать ничего, кроме галантного интереса. Зачем рисковать нарваться на вызов, когда у тебя недостает обученных рабов, которых можно выставить в ответ? Да и вообще, дуэли — дорогое удовольствие, ведь гладиаторы на них частенько погибают. Лучше уж соблюдать осторожность.

— Оказать услугу прекрасной леди — честь для меня, — отозвался Кельян и единым глотком осушил предложенную чашу. Все шло, как Рена и задумывала. Она разбавила вино медом, чтобы смягчить резкий привкус и замаскировать зелье. Рена снова наполнила чашу, и Кельян снова ее осушил. Девушка

протянула ему тарелочку с обжаренными и подсоленными съедобными корнями — к ним она тоже приложила свою магию. Пусть ест. Чем больше он съест, тем доверчивее станет.

— Благодарю вас, — сказал Кельян, взяв кусочек. Рена поставила тарелочку рядом с ним, и он не стал возражать. — Мне не так уж часто приходится бывать в обществе прекрасной леди, и это — уже само по себе награда для меня, — добавил он, потягивая вино и беря с тарелки корешок за корешком.

Рена негромко рассмеялась; ее переливчатый смех — девушка сама удивилась, услышав его, — походил на звон крохотных колокольчиков, и глаза Кельяна одобрительно расширились.

— Мне не так уж часто приходится бывать в обществе молодых лордов, и это уже само по себе удовольствие для меня, — отозвалась она в том же духе. — Расскажите мне о себе.

Кельян был совсем не прочь поболтать, и они говорили — Рена все продолжала подливать ему вина, — пока глаза у него не начали слипаться, а голова — клониться на грудь. В конце концов эльф прилег на тюфяк, на котором сидел все это время. Рена усилием мысли и легким движением пальцев уничтожила все созданные ею иллюзии; теперь Кельян снова очутился в шатре с войлочными стенами. Если он, проснувшись на следующее утро, и вспомнит об этом происшествии, то точно решит, что это был сон.

Потом Рена погасила свет и вышла из шатра, торжествующе сжимая в руках ошейник.

Теперь настал черед Калы поработать над новым замыслом по освобождению рабов. Она изучила ошейник и камень и принялась мастерить ракушку-застежку, что изолировала бы камень и от носителя, и от мага. Кала не сомневалась, что сумеет изготовить такую штучку. Загвоздка была в том, чтобы сделать ракушку достаточно маленькой, чтобы можно было ее прятать, но при этом достаточно большой и крепкой, чтобы ее хватило на любую печать.

Ну а тем временем Рена каждый день являлась к пленным эльфам — без иллюзий, в привычном своем облике, — и подолгу разговаривала с ними, пытаясь втянуть их в беседу. А Меро тем временем «подслушивал» их мысли. Эльфы отвечали нечасто, но Рена продолжала вести эти беседы — и при этом осторожно воздействовать магией на их сознание.

Когда великие лорды удаляли воспоминания, они удаляли их целиком, оставляя после себя чистый лист, провал в памяти.

Рена же бережно, но настойчиво изучала загадочную работу мозга. И теперь она сильно подозревала, что великие лорды своим пусть мощным, но грубым воздействием попросту уравнивали жертву с младенцем — в плане умственного развития. Вероятно, впоследствии жертву приходилось заново обучать всему, вплоть до самых простых вещей. Именно потому после обработки ее — обычно столь бесцеремонной обработке подвергали строптивых девушек — где-то с год никто из посторонних не видел. Рене же нужно было более тонкое воздействие.

И потому она разговаривала с пленными и следила за физическими процессами, протекающими у них в мозгу, на том глубинном уровне, с которым она работала, превращая растения во что-нибудь вкусное и ароматное — ну или хотя бы съедобное. Когда Меро «видел» воспоминание, которое нужно было стереть — это происходило, когда оно всплывало в сознании кого-то из эльфов, — он подавал знак Рене. Рена к этому моменту знала, какой физический участок мозга отвечает за него, и потому могла его изменить. И постепенно начала этим заниматься. Она осторожно разрушала связи, создающие это воспоминание, а потом окончательно изглаживала его из памяти при помощи легчайших ударов, куда более слабых, чем те, что приводили к приступам безумия. И когда Рена завершала работу, это воспоминание исчезало. Спроси Кельяна о нем, и он лишь непонимающе посмотрит в ответ.

Девушка также надеялась, что сможет удалять воспоминания последовательно, но, увы, оказалось, что это невозможно. Память — странная штука. Цепочки воспоминаний настолько прихотливы, что невозможно понять, по какому принципу они соединяются друг с другом — зачастую между начальным и конечным пунктом такой цепочки нет ничего общего.

Но одно было бесспорно: чем больше она стирала, тем нормальнее становился Кельян, и даже состояние Хальдора начало улучшаться.

По мере того как эльфы приходили в себя, их воспоминания делались все отчетливее, и их легче стало отслеживать — а значит, и удалять. Рена продвигалась вперед семимильными шагами, и вскоре эльфы сделались такими же бодрыми и живыми, какими были к моменту своего пленения. С одной стороны, это было хорошо: ведь оставлять их где-нибудь без сознания, если бы Хальдор по-прежнему пребывал в ступоре, было бы форменным убийством. С другой же, это породило новые проблемы.

Чем больше эльфы возвращались в прошлое, тем меньше у них оставалось воспоминаний, твердящих, что всякое сопротивление бесполезно, а побег невозможен. Но Рена при помощи зелий, подмешиваемых в еду, иллюзий и разговоров наедине смогла внушить им, что и она сама, и ее беседы — не более чем занимательный сон. Они даже не удивлялись, отчего этот сон повторяется раз за разом, поскольку Рена в конце каждой беседы уничтожала все воспоминания о ней.

— Но что же нам с ними делать? — с отчаянием вопросила Рена у Меро через три дня после начала экспериментов, когда Хальдор сообщил, что намеревается назавтра предпринять попытку к бегству. Девушка плюхнулась на траву рядом с Меро, сидевшим у их шатра, и они оба уставились в небо, усеянное звездами. Рене захотелось взять Меро за руку — и она тут же обнаружила, что рука юноши уже тянется ей навстречу. Его прикосновение успокаивало и утешало Рену. — Рано или поздно они действительно попытаются бежать, и с этим будет столько хлопот!

— Значит, надо покамест постоянно держать их одурманенными, — сказал Меро, легонько сжав ее руку. — Нам надо придумать, как создать им новое прошлое, а я пока что этого не понял.

Над лагерем взошла луна, такая яркая, что в ее свете можно было бы читать. Меро покачал головой.

— Просто ума не приложу, что делать. Иллюзии? Но для внушения иллюзии требуется столько же времени, сколько это событие занимало бы в реальности. Я, пожалуй, мог бы впихнуть новые воспоминания на место старых, но создать их в одиночку...

— А их обязательно создавать в одиночку? — перебила его Рена. — Что, если потрудиться над ними вместе?

Девушку охватило возбуждение. Кажется, она нашла выход!

— Нам вовсе не обязательно создавать все воспоминания самим! Мы можем попросить помощи у Каламадеа и Алары! И у Шаны с Зедом, и у других волшебников!

Меро снова покачал головой.

— Даже не знаю... — с сомнением протянул он. — А не получится ли в результате из этих воспоминаний жуткая каша?

— Так нам же только лучше, если там будет каша! — возразила Рена. Она с каждым мгновением все более убеждалась, что права. — Нам же не нужно, чтобы у них в головах была полная, целостная картина — нам надо, чтобы там были обрывки!

Пусть они думают, что их большую часть времени держали под воздействием зелий или заклинаний — но чем больше мы запутаем их, тем больше они запутают старых лордов!

— А чем больше запутаются старые лорды, тем сильнее они встревожатся! Теперь я понял! — Неожиданно Меро расхохотался и крепко обнял девушку. — Ты права, Рена! Ты совершенно права! Я постараюсь связаться с Шаной и все ей объяснить. Посмотрим, сможет ли она поучаствовать. Я буду продолжать попытки, пока не дотянусь до нее.

— А я буду и дальше стирать их воспоминания, до того самого момента, как они попали в плен! — радостно отозвалась Рена. Теперь она окончательно уверилась, что план сработает именно так, как она и надеялась.

Через несколько дней прибыли драконы — но тихо, без помпы, в облике волшебников. Рена никогда прежде не видела Алару в таком виде: приемная мать Шаны выбрала для себя облик крепко сбитой женщины неопределенного возраста, с высокими скулами и темными волосами. Каламадеа, конечно же, явился в том облике, который был уже знаком Железному Народу. Когда драконы на заре вошли в лагерь, Дирик и другие вожди племени встретили их радушно — хотя чувствовалось, что Железные Люди не забыли того случая, когда Каламадеа предстал перед ними в своем истинном виде — в виде огромного, иссиня-черного дракона.

— Мы пришли, чтобы унести гостей, причиняющих вам неудобства, — весело сказал Отец-Дракон. Он просто-таки лучился радостью, как будто ему предстояло невесть какое удовольствие. Ну и что, что в последний раз его здесь видели драконом? Подумаешь! Каламадеа вел себя так естественно и непринужденно, выглядел таким безобидным, что всякому, кто смотрел в эти невинные зеленые глаза, окруженные сеточкой морщин, как-то трудно было соединить в своем сознании его и того грозного дракона. Отец-Дракон в совершенстве сжился с ролью чудаковатого пожилого полукровки — и вскоре Дирик уже болтал с ним, словно со старым приятелем. Ну, а глядя на Дирика, постепенно расслабились и остальные.

— А что вы сделали с Мире? — спросил в конце концов Каламадеа.

— Отдали ее на попечение Народу Зерна. Они ни капельки ей не доверяют, потому что я рассказал им, что она чуть не выдала всех нас, а заодно и своих собственных сородичей демо-

нам. — У Дирика сделался такой довольный вид, что Рена, не выдержав, улыбнулась. В конце концов, это ведь правда! Ну, в некотором смысле... — Они отправляют ее работать в поле и не кормят, если она не хочет работать. В общем, она быстро усвоила, что, когда ей что-то говорят, проще послушаться.

— Как я вижу, вы не боитесь, что она убежит? — поинтересовалась Алара. В голосе ее прозвучала боль: все-таки речь шла о ее ребенке... Но Дирик неправильно истолковал ее чувства.

— О, ничуть, леди! Захочет бежать — пускай себе бежит! Она не настолько ценная помощница, чтобы нам жалко было ее потерять. А снять ошейник, удерживающий ее в облике рабыни демонов, она не может. Так что пойти к демонам она никак не сможет. А мы все — наш народ, волшебники, Народ Зерна и торговцы, — все знаем про ее предательство, и никто не станет помогать ей снять ошейник. — Железный Жрец улыбнулся. — Если она решит, что бродить по степи в одиночку, безо всякой помощи лучше, чем оставаться с Народом Зерна, который дает ей кров и пищу, — ну, пусть наслаждается свободой.

Алара вздохнула, но ничего не сказала; за болтовней Каламадеа ее молчаливость осталась незамеченной. Рена посочувствовала драконице: конечно, Мире потрясающе неблагодарная зараза, но все-таки она — ее дочь! Наверное, у бедной Алары просто сердце разрывается из-за того, что один ее ребенок ополчился на другого — или на других, если считать еще приемную дочь, Шану.

— Мы подождем до темноты и уже тогда унесем их, чтобы не тревожить ваш народ без нужды, — негромко произнес Каламадеа после того, как большинство старейшин потеряло интерес к гостям и занялось своими делами.

— Это хорошо, — рассудительно заметил Дирик и тут же просиял. — Но вы непременно должны посмотреть, что уже успела сотворить Кала для другого вашего замысла! И взглянуть на новые драгоценности наших женщин-ювелиров! Пойдем же!

Этот день Рена с Меро провели в обществе Дирика и драконов. Дирик показал гостям чуть ли не все до единого украшения в лагере, и хотя Алара так и не спросила, нельзя ли ей повидаться с блудной дочерью, Рена заподозрила, что Дирик нарочно старается отвлечь драконицу — чтобы та так и не обратилась к нему с этой просьбой.

День выдался долгий: даже Рене постепенно поднадоело следить за работой ювелиров, хотя обычно это зрелище ее завораживало. Наконец-то солнце село, и начали сгущаться сумерки.

Тогда Рена покинула гостей и отправилась посмотреть на Кельяна с Хальдором, которых уже привыкла считать своими подопечными. Те были без чувств; их так опоили зельями, что привести их в сознание не удалось бы даже хорошим пинком. Ну, что поделаешь. Надо так надо. Очевидно, что ехать на спине дракона, как ехали в свое время они с Меро, эльфы не смогут. Значит, драконам придется их нести.

Рена при помощи четырех молодых Железных Жрецов запеленала эльфов, словно младенцев — только «пеленки» были большие, на взрослого. В них вложили по доске и получилось нечто вроде колыбели. Пеленки не давали пленникам двигаться, а доска позволяла им лежать прямо, не скорчившись. Теперь обвязать их сетью — и драконы отнесут их в Цитадель.

В конце концов эльфы оказались упакованы, словно посылки, подготовленные к отправке, и Железные Жрецы бесцеремонно поволокли неподвижные тела куда-то в темноту.

Рена пошла за ними следом. Молодые жрецы, обряженные, как им и полагалось, в кожаные фартуки, оттащили тюки в степь, подальше от лагеря, положили там и поспешно зашагали обратно. Они не оглядывались, и Рена их прекрасно понимала. Если бы ей не довелось провести так много времени рядом с Кеманом, во всех его видах, она тоже бы здорово нервничала в обществе драконов.

А Каламадеа с Аларой в любой момент могли вернуться с охоты...

Пронесся внезапный порыв ветра, и шум незримых крыльев над головой возвестил о появлении драконов.

Они проплыли по небу — огромные тела серебрились в свете луны, и черные тени скользили по взволновавшемуся травяному морю — и опустились рядом с эльфами. Рена невольно попятилась. Оказалось, она успела позабыть, до чего же взрослые драконы в своем истинном облике огромны. Отец-Дракон обычно уменьшал себя, чтобы не выделяться, — ну, и чтобы помещаться в логове, устроенном в Цитадели, — но драконы растут всю свою жизнь, и рядом с Каламадеа Алара выглядела малышкой. А ведь она была вдвое больше своего сына, Кемана!

Драконы были подобны силам природы — столь огромны и столь могущественны, что их просто не получалось охватить сознанием. Рена невольно вскинула руки в защитном жесте. Но драконы практически не обратили на нее внимания, будто ее здесь и не было вовсе.

Они как следует перекусили, и им предстоял долгий путь — и его надо было преодолеть побыстрее, пока эльфы не проснулись. Времени на долгие прощания не было, и Рена не винила Алару за то, что той хочется побыстрее покинуть место, где ее младшая дочь томилась в оковах железного ошейника и человеческого тела.

Так что драконы опустились на землю ровно на столько, чтобы успеть подхватить сети — а когти у них были длиной с руку Рены. Толчок, мощный взмах крыльев — и они снова в небе.

В считаные секунды драконы превратились в темные силуэты на фоне луны — а там и вовсе исчезли.

Рена вглядывалась до боли в глазах, но не могла их разглядеть. И когда Меро коснулся ее руки, девушка подскочила от неожиданности.

— Что ж, от нас тут больше ничего не зависит, — негромко произнес Меро. — Ты дала Шане мощное оружие, любимая, и теперь ей решать, как им распорядиться. Ты свою работу выполнила и можешь отдохнуть.

Лишь после этих его слов Рена осознала, что и вправду может теперь отдохнуть. А еще Меро сказал, что она наконец-то сумела помочь Шане — так, как не сумел никто другой! При этой мысли Рена засияла и тихонько рассмеялась.

— Наверное, ты прав, — отозвалась девушка и повернулась так, чтобы рука Меро оказалась у нее на плече. Успех придал ей храбрости, и Рена почувствовала себя сильной. — Ну, раз так... — игриво протянула она, — тебе не кажется, что нам следует кое-что... ну, скажем, наверстать?

Несколько мгновений Меро таращился на нее, словно не вполне был уверен, как ему следует реагировать.

— Мне? — глуповато переспросил он.

А потом широко улыбнулся.

— Полагаю, что следует! — сказал он уже более уверенно...

...и начал наверстывать — и получалось у него неплохо.

Глава 22

Леди Триана следила за подготовкой своей гостиной с тем же тщанием, с каким хороший военачальник следит за подготовкой планов сражения. Наконец-то события сдвинулись с мертвой точки — хотя и не совсем в ту сторону, куда хотелось

бы Триане. Аэлмаркин сейчас ехал к ней — Триана, конечно же, знала об этом, поскольку она не сочла нужным давать ему ключ от своего портала. Так что Аэлмаркину приходилось добираться до поместья какого-нибудь своего друга, любезно позволяющего пользоваться его порталом, а уже оттуда ехать к Триане. Кстати, он мог даже и не знать, что у Трианы имеется свой собственный портал. Она редко доверяла кому-то ключи от него, и потому о нем мало кому было известно.

Так что у Трианы была масса времени подготовиться к появлению Аэлмаркина, и он об этом знал. И у нее уже имелось определенное преимущество перед ним.

По правде говоря, ее удивляло, что он все еще не здесь. Кузен Аэлмаркина, лорд Киртиан, вместо того чтобы опозориться, покрыл себя славой на полях сражений с молодыми лордами. Теперь из-за этого мятежа его звезда взошла в зенит. Вот небось Аэлмаркин бесится!

Вот еще если бы ее преимущество перед Аэлмаркином и вправду было так велико, как она изображала... Шпионку, которую Триана подсунула в поместье Киртиана, держали в гареме, и теперь, когда девчонка совсем перестала видеться с Киртианом — естественно, он же уехал на войну! — пользы с нее не было никакой. Всякие бытовые подробности, которые сообщала девчонка, представляли интерес лишь в одном отношении: теперь Триана поняла, насколько крепко мать Киртиана держит в своих руках власть над поместьем. Что ж, жаль. Похоже, большую часть работы по ниспровержению лорда Киртиана ей придется проделать самой.

Но ей, конечно же, совершенно не нужно, чтобы Аэлмаркин знал обо всем этом. И она не собиралась ни о чем ему сообщать. Ну, возможно, она даст ему понять, что у нее есть там свой соглядатай. Это может оказаться полезным для нее, а Аэлмаркин ничего на этом не выгадает.

Триана хотела, чтобы Аэлмаркин, прибыв сюда, увидел ее с совершенно неожиданной стороны. Он всегда видел ее в облике искусительницы и теперь будет ожидать того же. Возможно, он ждет, что Триана попытается испробовать свои чары на нем.

Эти мужчины такие предсказуемые!

У Трианы было две приемные, предназначенные для различных целей. Та, в которой Триана находилась сейчас, заодно служила ей рабочим кабинетом. Обе приемные были очень похожи на свою хозяйку — но отражали два разных лика, которые

та демонстрировала окружающему миру. Но даже «рабочая» приемная не была ни скромной, ни аскетичной — о нет, ни в коем случае! Стол, за которым сидела Триана, представлял собой истинное произведение искусства — великолепная резьба по окаменевшему дереву, отполированному до зеркального блеска. Кроме того, он был чрезвычайно удобен: если Триане что-либо требовалось, ей хватало лишь протянуть руку. Угольно-черное кожаное рабочее кресло, не менее комфортное, чем любой диван, идеально вписывалось в изгиб стола и легко скользило по полозьям. Напротив стояло еще одно кресло, на вид — точный двойник этого. Но второе кресло было с подвохом: насколько бы ни был высок посетитель, усевшись, он все равно оказывался ниже Трианы. Да и вставать с него было весьма неудобно. Что касается остального, комната дышала неброской роскошью: по мягкому темно-серому ковру вился изящный серый узор; стены были обиты серебристо-серым атласом, украшенным в точности таким же узором. Стол был единственным цветным пятном в комнате и притягивал взгляд словно магнитом, отвлекая внимание от Трианы. Так было задумано. Прекрасной эльфийской леди трудно выглядеть устрашающе, а вот стол ошеломлял зрителя и подавлял его уже одним фактом своего существования.

Скоро Аэлмаркин должен будет подъехать к воротам поместья. Он мог прибыть с минуты на минуту — и Триана приготовилась встретить его во всеоружии.

Ну а покамест она занялась хозяйственными счетами поместья. Теперь, когда судьба отвернулась от Трианы, маленькому поместью пришлось жить исключительно на собственные средства, ибо поток даров — или, называя вещи своими именами, взяток — от тех, кто стремился уцепиться за хвост восходящей звезды, иссяк. Пожалуй, брак помог бы Триане улучшить свое финансовое положение — но ее этот выход не устраивал. Все ныне неженатые старые лорды были чересчур умны — почти как она сама, — и любой тут же поместил бы ее в столь стесненные условия, что даже для того, чтобы вести прежний, устраивающий ее образ жизни, Триане понадобился бы весь ее ум и энергия. Что же касается молодых лордов, сохранивших верность своим повелителям...

...нет уж, она не желает нянчиться с каким-нибудь зеленым юнцом, не умеющим работать, не интересующимся ничем, кроме развлечений, и не имеющим никаких честолюбивых устремлений. Лучше уж усыновить подобного молодого недоумка,

чем выходить за него замуж. Тогда, по крайней мере, можно будет обращаться с ним как с ребенком — каковым он, в сущности, и является.

А потому, угодив в опалу, Триана принялась выращивать и обучать особую разновидность рабов, отличающуюся необычайной красотой и искусностью. Покупатели выстраивались в очередь за ее декоративными мальчиками и мужчинами. В конце концов, никто лучше Трианы не знал, как сделать мужчину и красивым, и полезным. Красивых рабынь на продажу разводили и обучали многие эльфийские лорды — да хоть тот же Аэлмаркин, — но единственным поставщиком мужчин была Триана. Иногда их приобретали лорды, но основными покупательницами были леди, — хотя, конечно, ни одна благовоспитанная леди никогда бы не подала виду, что ей вообще известно о существовании подобных рабов. Конечно, леди были связаны и законом, и обычаями, и подобные покупки приходилось припрятывать — но никто ведь не запрещал леди ездить в гости друг к дружке!

Вот Триана, скажем, всегда ездила в гости с небольшой свитой обученных рабов.

Ну а когда они уже были в поместье, леди-хозяйка без труда могла кого-нибудь из них перекупить, если только ей этого не запрещали строго-настрого: достаточно было велеть управляющему переслать управляющему Трианы требуемую сумму, и он не посмел бы возражать. А затем рабы попросту растворялись в штате домашних слуг; они поступали в услужение к леди, и никогда — разумеется, никогда! — не попадались на глаза хозяину дома. Провернуть подобную операцию было нетрудно, ибо рабов закупали даже те поместья, которые сами занимались их выращиванием: иногда требовались какие-нибудь специфические умения, или в поголовье возникал дисбаланс из-за того, скажем, что рождалось слишком много женщин и слишком мало мужчин, или наоборот. И рабы, тщательно обученные Трианой, благопристойно обозначались как «домашняя прислуга».

Через порог приемной шагнул один из рабов Трианы в полуночно-синей ливрее с отделкой из тусклого серебра. Триана подняла голову и кивнула, показывая, что поняла безмолвный сигнал. Мгновение спустя в комнату вошел второй раб. За ним по пятам следовал Аэлмаркин.

— В'кель Аэлмаркин эр-лорд Торнал, моя леди! — провозгласил раб.

Аэлмаркин вошел в приемную, двигаясь небрежно и неспешно. Рабы тут же исчезли, повинуясь кивку Трианы.

— Аэлмаркин! Как я рада тебя видеть! — тепло произнесла Триана. — Прости, что я не встаю, чтобы приветствовать тебя как полагается, но ты же видишь — ты застал меня в самый разгар хозяйственных хлопот.

Аэлмаркин, конечно, знал, что Триану должны были заранее предупредить о том, что он подъезжает, и что при желании у нее было более чем достаточно времени, чтобы отложить «хозяйственные хлопоты», и Триана знала, что он это знает, и Аэлмаркин знал, что она знает, что он это знает, и обоих это знание вполне устраивало. Аэлмаркин осмотрел кресло для гостей, прежде чем усесться в него, и, похоже, не удивился, заметив, в какое невыгодное положение оно его ставит.

— Мой треклятый кузен покрыл себя славой, — проворчал Аэлмаркин. В приемную неслышно проскользнул раб, поднес Аэлмаркину вина и так же неслышно удалился. — Надеюсь, ты преуспела более меня. Если его повергнешь ты и в результате я проиграю пари, я буду только счастлив.

Триана загадочно улыбнулась.

— Ты уже понял, что тут прежде всего необходимо избавиться от матери Киртиана — или так настроить его, чтобы он поставил ее на место?

Надо отдать ему должное, Аэлмаркин был неглуп. Он выпрямился — ну, насколько позволяло кресло.

— Так, значит, там командует леди Лидиэль? Я так и думал! Хотя чему тут удивляться? Раз она так долго единовластно правила поместьем... — недовольно буркнул он. Вероятно, он еще добавил бы, что нечего вообще давать леди такую власть, — но заявлять такое в присутствии Трианы было бы, мягко говоря, невежливо.

— Но сейчас, как мне думается, самое время для лорда Киртиана занять место главы поместья, принадлежащее ему по праву, — отозвалась Триана, внимательно изучая свои безукоризненно отполированные ногти. — И мне кажется, что после всех этих побед, одержанных на поле боя, он не потерпит, чтобы его и дальше не подпускали к власти в собственном доме.

Аэлмаркин расслабился, и по губам его скользнула легкая улыбка.

— И подходящая женщина, конечно же, могла бы подтолкнуть его в этом направлении! Верно? Но вот вопрос — с каким результатом? — Улыбка затвердела и сделалась жесткой. —

Я вряд ли обрадуюсь, если окажется, что мать сменила столь же... столь же компетентная жена.

Триана оторвалась от созерцания ногтей и одарила Аэлмаркина ледяным взглядом. Он, кажется, предполагает, будто это ей, Триане, не терпится согнать мать Киртиана с ее места. Мужчина!

— Уверяю тебя, Аэлмаркин, — брак с этим мальчишкой не входит в мои планы. Я не нахожу ни в нем самом, ни в его поместье ничего настолько привлекательного, чтобы ради этого стоило давать ему законную власть над моим собственным поместьем и надо мной!

— Посмотрим, надолго ли ты останешься при этом мнении, — коротко отозвался Аэлмаркин.

Ошибки быть не могло: он и вправду полагал, что Триана совершит такую глупость! Он что, считает, что каждая женщина видит смысл жизни в замужестве?

— Эта мысль не приходила мне в голову и не является частью моих планов. — Во взгляде Трианы проскользнуло легкое презрение. — Ты что, приехал сюда, чтобы ходить вокруг да около? Или у тебя все-таки имеется осмысленная цель, но ты о ней пока помалкиваешь?

Конечно же, Аэлмаркин явился сюда как минимум затем, чтобы разведать, что успела узнать и сделать Триана, — ну и затем, пожалуй, чтобы не упускать из виду ее саму. И конечно же, он первым делом предположил, что она намеревается соблазнить Киртиана или женить его на себе. Неудивительно: он ведь мужчина и, как и все они, уверен, что каждая женщина только и мечтает, как бы сделаться чьей-то леди — как будто женщина может что-то значить лишь благодаря родственникам мужеска полу, а без них она пустое место.

Идиот!

Но зато его можно использовать. Эта небольшая авантюра, начавшаяся с пари, придала жизни Трианы приятное разнообразие и начала перерастать в нечто весьма серьезное. Нет, Триане и даром не нужен был ни Киртиан, ни его поместье — но она желала получить место в Совете, в котором ей так долго отказывали. Она желала, чтобы великие лорды приняли ее в свой круг как равную. Триана знала, что лорд Киндрет будет поддерживать Киртиана лишь до тех пор, пока тот не подавит мятеж молодых лордов и, возможно, уничтожит волшебников. А как же иначе? Ведь как только война закончится, Киртиан превратится в опасного соперника, угрожающего власти Киндрета. И Киндрет лишь обрадуется, обнаружив, что кто-то желает помочь ему и устранить Киртиана. Не при помощи убийства, нет, — это было бы чересчур грубо; да и кроме того, от убийства трудновато отмазаться. Да и этот чересчур умелый телохранитель Киртиана способен изрядно осложнить дело.

А вот устранить другими средствами — это то, что нужно. Как только Триана очутится рядом с Киртианом и завоюет его доверие, перед ней сразу же откроется масса возможностей. Можно будет толкнуть его на какой-нибудь шаг, из-за которого он сразу же окажется в опале, — скажем, на какую-нибудь затею с рабами. С тем же самым телохранителем он обращался подозрительно мягко. Да и вообще семейство Лидиэли известно своей идиотской привычкой нянчиться с рабами. Возможно, удастся навесить на него ярлык союзника волшебников или хотя бы сочувствующего. А даже если ничего такого и не получится, женщина способна подобраться ближе, чем любой мужчина, и возможностей перед ней открывается несравненно больше. Можно подмешивать в еду зелья, подрывающие здоровье, и умственное, и телесное, но делающие это постепенно и, что самое главное, необратимо. Можно разузнать что-нибудь важное о поместье — скажем, об его финансах, — а уже эти сведения помогут хоть тому же Киндрету подорвать его положение при помощи магии. В конце концов, источник их благосостояния — в торговле продуктами. Если несколько лет подряд устраивать неблагоприятные погодные условия или насылать насекомых-вредителей, семейство Киртиана окажется в трудном положении. Можно вызвать у Киртиана безудержную страсть, такую, чтобы он принялся дарить очень дорогие подарки и творить всякие безрассудства, лишь бы только произвести на нее впечатление. Возможно, ей просто удастся довести его до разорения, привив юнцу страсть к азартным играм, или устроить так, чтобы он свернул себе шею на охоте или во время потех.

Или можно подбить его пойти стопами отца и сделать так, чтобы и сын навеки сгинул в глуши. Пожалуй, это самая перспективная идея. Толкнуть его на этот путь будет не так уж трудно, а возможностей тут открывается масса. Если глухомань сгубила отца, почему эта же судьба не может постигнуть и сына?

Да, как только Триана войдет в доверие к Киртиану, перед ней откроются столь широкие горизонты, что сейчас просто нет смысла всецело сосредотачиваться на каком-то одном плане.

Ну а пока не исключено, что и Аэлмаркин может для чего-то пригодиться.

— Если ты пожелаешь задержаться здесь, думаю, мы подыщем для тебя местечко, — улыбнувшись, сказала Триана — к изумлению Аэлмаркина. — Ты собирался останавливаться у меня?

Она, конечно же, знала, что именно это он и собирался сделать; хоть Триана и не знала, что из вещей прихватил с собой Аэлмаркин, зато она точно знала, сколько их. Аэлмаркин прибыл в одном-единственном экипаже, и при нем было всего два раба — а значит, он как минимум собирался напроситься переночевать.

— Признаться, я надеялся, что ты пригласишь меня остаться, — осторожно произнес Аэлмаркин. Он явно намеревался подвигнуть Триану на этот шаг хитростью либо давлением, и ему даже в голову не приходило, что хозяйка дома по своей воле предложит ему приют.

— Может, ты тогда пойдешь передохнешь с дороги? — небрежно поинтересовалась Триана, указав взмахом руки на дверь. Там уже маячил вызванный незримым сигналом раб — тот самый, что привел Аэлмаркина сюда, — и ждал дальнейших указаний. — Я управлюсь с хозяйственными хлопотами, и мы сможем обсудить наши планы за обедом.

Триана от души позабавилась, глядя, как неуклюже Аэлмаркин выбирается из кресла, но сочла нужным скрыть свои чувства. Аэлмаркин поклонился — не особенно изящно. Триана ответила сдержанным кивком. Раб повел Аэлмаркина в покои для гостей, а Триана вновь взялась за хозяйственные счета. Да, это было скучно — но важно, и их следовало содержать в порядке. В наше время никому нельзя доверять. За всем нужен глаз да глаз — лишь тогда в хозяйстве будет порядок.

Ну что ж... обед предстоит любопытный. И, честно признать, Триана ожидала его с нетерпением.

Триана намеревалась радушно принять Аэлмаркина, а затем, поскольку заняться ему здесь было особенно нечем, позаботиться, чтобы он отбыл — но лишь после того, как он уверит себя, что Триана ведет куда более сложную игру, чем он предполагал первоначально.

Именно так все и произошло. Аэлмаркин явно намеревался задержаться здесь на недельку, если не больше, а уехал через два дня.

Отъезд его ускорило до нелепости добродетельное поведение Трианы. Она не устраивала вечеринок, не приглашала гостей, и хотя Аэлмаркину предоставили несколько привлекательных рабынь, Триана вежливо дала понять, что, если Аэлмаркин повредит девушек, ему придется их купить. А финансовое положение Аэлмаркина было не настолько прочным, чтобы покупать рабов Трианы — да еще и платить по явно завышенной цене, которую она не преминет назначить, — и уж тем более он не мог позволить себе выкладывать такие деньги за мимолетное развлечение.

Чем еще можно было здесь заняться? Охотой? Но Аэлмаркин ее терпеть не мог. Прогулками? Но виды природы нагоняли на него скуку. Играми? Но игрок из Аэлмаркина был неважный.

В общем, он уехал, избавив Триану от своего нежеланного общества, и теперь Триана могла спокойно выяснить, что там происходит с Киртианом.

А значит, *первым делом нужно было устроить прием* для избранных. Не какую-нибудь оргию, которую она время от времени швыряла, словно кость, тем молодым лордам, что не взбунтовались против своих отцов, — нет, это должен быть благопристойный, но в высшей степени роскошный ужин для нескольких великих лордов, которых забавляло общество Трианы и которые могли себе позволить навещать ее.

И в их число, конечно же, входил и лорд Киндрет.

Первым делом Триана навестила кухню, сообщила поварам о своих планах и рассказала, дабы подстегнуть их, несколько историй о том, что бывало с рабами, имевшими несчастье не угодить гостившим здесь великим лордам. Увы, в этом ее хозяйство уступало владениям других эльфийских лордов: трапезы Трианы зависели от искусства ее рабов-поваров, а не от иллюзий. Ну, ничего, теперь рабы из шкуры вон вылезут, лишь бы угодить гостям.

О меню Триана не беспокоилась: пускай с ним разбирается главный повар. Он знал, что сейчас созревает и какому мясу, дичи или рыбе сейчас сезон. В этих вопросах на него можно было положиться. А Триана отправилась к телесону, приглашать выбранных ею великих лордов. Всего их было шесть, включая лорда Киндрета и его сына, Гилмора. Гилмор, конечно, та еще обуза, но она уж как-нибудь позаботится, чтобы его несложные запросы были удовлетворены.

Конечно же, среди гостей не было ни единой женщины — одни мужчины. Хотя нет, одна все-таки имелась — любимая наложница Гилмора. Он испытывал какую-то нелепую привязанность к этой твари. Но когда лорд Киндрет деликатно намекнул, что Гилмор, возможно, пожелает прихватить ее с собой, Триана лишь рассмеялась.

— Ну, нельзя же отнимать у ребенка его игрушку! — сказала она с легким оттенком насмешки. — Ничего страшного, мой лорд. Я предоставлю остальным гостям хорошеньких компаньонок, так что она не будет бросаться в глаза. Я, конечно, специализируюсь на другой разновидности рабов, но могу пообещать, что вы останетесь довольны.

— Это вполне меня устраивает, — отозвался лорд Киндрет с экрана. Телесон Трианы был вмонтирован в стену, и обычно его скрывали шторы. Похоже, безрассудное увлечение отпрыска лишь забавляло его — так же, как и Триану. — Уверен, что ваше гостеприимство будет столь же безукоризненным, как и всегда.

— Тогда я жду вас завтра вечером. — Триана улыбнулась, пустив в ход все свое обаяние. — Прекрасно. Надеюсь, мой ключ от портала по-прежнему у вас?

— Я никогда с ним не расстанусь, — заверил ее Киндрет — как перед этим все прочие лорды. — Итак, до завтра?

— До завтра!

Триана подождала, пока лорд Киндрет прервет связь, и откинулась на спинку кресла, весьма довольная собою.

Но она не позволила себе долго наслаждаться достигнутым успехом. Требовалось решить еще один вопрос. Как лучше поступить: продемонстрировать свое магическое искусство, создав для приема причудливое, фантастическое обрамление, или скрыть свои способности и принять гостей совсем без помощи магии?

«Нет, все-таки с магией», — решила Триана после долгих раздумий. Но употребить ее нужно скромно, в меру. Все эти лорды — могущественные маги, и им куда приятнее будет посидеть в спокойной, но элегантной обстановке, чем очутиться посреди устроенного в их честь представления.

А элегантная умеренность требует времени для подготовки. Значит, лучше начать прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик.

Триана выехала вместе с креслом из-за стола и отправилась в обеденный зал. Там она обошла зал, присматриваясь к каждому уголку. Что лучше: создать иллюзию пространства или атмосферу почти интимной близости?

Пожалуй, для ее целей больше подходит аура интимности.

Триана кликнула слуг и велела убрать большой обеденный стол и стулья, оставшиеся от последней вечеринки, а взамен принести обеденные ложа на двоих и столики к ним. К тому моменту, как слуги все расставили и принесли по требованию хозяйки мшисто-зеленые бархатные покрывала для лож, Триана определилась с основной темой.

Над головой будут звезды. В качестве фона — камни, обросшие мхом, как будто здесь не обеденный зал, а потайная долина, узкая и глубокая. Триана уселась на одно из лож и принялась медленно, со всевозможным тщанием, создавать иллюзию, сплетая ее из воздуха и энергии. Она расставляла и переставляла заново все, от камней и изящных деревьев до крохотных фиалок, пока наконец не сочла полученный результат удовлетворительным, а созданную иллюзию — соразмерной и гармоничной. Струйки энергии сливались в потоки и снова расплетались — и так тянулось до тех пор, пока Триана не решила, что больше ничего менять не нужно.

Может, водопад? Нет. Сейчас эти водопады повсюду. Они уже в зубах навязли. Триана предпочла создать хор лягушек, стрекот сверчков и трели одинокого соловья.

Потом она потребовала, чтобы ей принесли чего-нибудь освежающего и расставили в зале настоящие деревья в кадках, а кадки замаскировали вьющимися растениями. Рабы принялись таскать деревья и расставлять их вокруг лож, а Триана наблюдала за ними. Солнце уже закатилось, но завтра гости прибудут задолго до ужина, а зал должен быть готов заранее, до их прибытия.

Триана придала ковру вид мха; здесь хватило одной лишь зрительной иллюзии, ибо ковер сам по себе был достаточно мягким. Осталось лишь разобраться с запахами, с последним штрихом, без которого иллюзия не иллюзия. Триана распорядилась, чтобы между деревьями в кадках повесили гирлянды из листьев и цветов и чтобы ложа обвили такими же гирляндами.

Она сидела, придирчиво разглядывая плоды своих трудов и подправляя то тут, то там всякие мелочи. В конце концов в гроте появилась та неправильность, что свойственна лишь природе. Даже небо, и то подражало ей: Триана сделала так, чтобы звезды на искусственном небосводе перемещались подобно

настоящим. К тому моменту, когда она постановила считать работу завершенной, непривычное напряжение окончательно измотало ее.

Ну да ничего. Завтра все эти труды окупятся.

Триана окинула гостей взглядом и улыбнулась, не таясь. Гилмора с его любимой наложницей разместили на самом уединенном ложе, в дальней части грота. Гилмор явно усмотрел в этом не оскорбление, а услугу — да и его отец, очевидно, тоже.

Каждого из прочих пяти гостей ждала на ложе симпатичная рабыня; но это были могущественные лорды, и, вероятно, по сравнению с их наложницами эти рабыни казались невзрачными, словно девушки для полевых работ. В общем, для них эти рабыни были не более чем живым предметом обстановки, что безмолвно прислуживает за столом, не требуя дополнительных указаний. Приятная мелочь, свидетельство заботливости и предусмотрительности хозяйки дома — и не более того. Лорды ели и беседовали, не обращая ни малейшего внимания на девушек, как будто их здесь и не было. А девушки были хорошо вышколены, хоть их, конечно, и не обучали с такой тщательностью, как мужчин-рабов. Они исполняли всякое желание своих временных хозяев прежде, чем те сами успевали его осознать, подливали вино в кубки после каждого глотка и заменяли блюда, как только горячее кушанье начинало остывать или холодное — согреваться.

У Трианы пары не было, и ела она очень мало. Гости уже достаточно расслабились, чтобы начать беседовать о делах Совета, и Триана ждала, пока разговор дойдет до лорда Киртиана. Гилмор развлекался со своей наложницей. Старшие не обращали на него внимания.

Первым эту тему затронул лорд Киндрет: принялся описывать последствия решающей битвы, завершившейся разгромом молодых лордов.

— Ну и где же эти мерзавцы? — нахмурившись от сдерживаемого гнева, поинтересовался лорд Вендерлит. — Пленные — сплошь одни рабы!

— Разбежались, как вспугнутые перепелки, — только они, в отличие от перепелок, уже не собьются обратно в стаю, — отозвался лорд Киндрет. — Я так думаю, что каждый из них успел подготовить себе нору за то время, пока они морочили нам голову, — вот теперь они и забились в свои норы. Сколько времени и силы вы готовы потратить, чтобы выковырять их оттуда?

— Боюсь, куда меньше, чем это займет на самом деле, — сухо произнес лорд Вандриен.

— Да, это потребует немалых усилий, — согласился лорд Киндрет. — С каждой охотничьей командой придется посылать кого-нибудь из лордов, причем такого, чья верность не вызывает сомнений и которого не купишь и с толку не собьешь. Людей-рабов слишком легко одурачить или совратить.

Лорд Вендрелин покачал головой. На лице его было написано отвращение.

— Предки! Нам либо придется выслеживать их по одному...

— И тогда это затянется до бесконечности, даже по нашим меркам, — негромко вступила в разговор Триана.

— ...или выгрести из наших поместий всех надсмотрщиков. Ни то, ни другое практически не осуществимо, — кивнув, закончил мысль Киндрет.

Триана, видя, что никто не спешит ее одернуть, вставила очередное замечание:

— Но разве они не наказывают сейчас себя сами?

Эта реплика тут же привлекла внимание великих лордов.

— Какая любопытная мысль, моя леди! — произнес лорд Арентьеллан. В глазах у него светился живой ум. — Не могли бы вы развить ее?

— У них осталось в лучшем случае по рабу на каждого. Ну пусть по два. Они не посмеют собираться вместе — разве что по двое-трое. У них нет пристойных жилищ — пристойных в нашем понимании, конечно; думаю, у них даже охотничьих домиков не найдется. Они, видимо, вынуждены сейчас жить в пещерах или каких-нибудь примитивных хижинах. Чтобы добыть пищу, им приходится воровать, охотиться, собирать плоды — самостоятельно или при помощи тех одного-двух рабов, что у них остались. — Триана рассмеялась. Смех получился грудным и чуть хрипловатым. — Вы только представьте себе, как они в этот самый момент сидят где-нибудь в глуши, у костра, едят пригоревшее мясо или дрожат от холода в своих жалких шалашах. — Триана очаровательно улыбнулась. — Лично я не в силах придумать наказания страшнее — жить, словно какой-нибудь дикарь, и знать, что у тебя остался один-единственный способ поправить ситуацию: приползти на брюхе и попросить прощения.

Все пять великих лордов изумленно уставились на Триану. А потом лорд Киндрет разразился хохотом, и остальные при-

соединились к нему. Гилмор на миг поднял голову, посмотрел на них без особого интереса, потом снова занялся наложницей.

— Клянусь Предками, моя леди, вы совершенно правы! — с восхищением произнес лорд Арентьеллан. — Мой паршивый выродок сейчас наверняка радуется какому-нибудь пригоревшему кролику и воде из ручья!

— А что там с армией, Киндрет? — спросил Вандриен. — Если война окончена, пора ее расформировывать.

К тайной радости Трианы, остальные лорды согласно загудели.

— Ну, это следует решать Совету, — возразил Киндрет. — И к тому же нельзя забывать о волшебниках.

— И то правда... — пробормотал Вандриен.

— Которых мы неизбежно переживем, — негромко заметила Триана. — Они же наполовину люди по крови — а значит, должны жить намного меньше нас. А теперь они примутся скрещиваться между собой и вскорости так разбавят кровь, что станут не долговечнее обычных рабов. Если только раньше не перебьют друг друга в ходе своих свар.

— И снова вы, моя леди, удивляете и восхищаете меня, — лорд Вандриен привстал на ложе и почтительно поклонился Триане. — Я в долгу перед вами за столь рассудительные замечания.

Триана скромно потупилась:

— Спасибо.

— И все же, волшебники... Вопрос в другом: не выйдет ли так, что само их существование станет для нас угрозой — ибо они будут для рабов живым призывом к мятежу. — Киндрет приподнял бровь. — В конце концов, взбунтовались же против нас наши собственные отпрыски.

— А рабы без труда приспособятся к дикому образу жизни, — кивнул Арентьеллан. — Однако же я не знаю...

— Если вы распустите армию, чем тогда заняться лорду Киртиану? — мягко поинтересовалась Триана.

— Лично я считаю, что он должен войти в Совет! — тут же откликнулся лорд Арентьеллан. Но Триана заметила, как лорд Киндрет обменялся многозначительным взглядом с другим гостем. Триана перехватила его взгляд и слегка кивнула.

На лице лорда Киндрета отразилось удивление, потом раздумье — потом он кивнул в ответ.

Триана вольготно растянулась на ложе. Теперь она не сомневалась, что ее послание принято и понято.

В конце концов гости доели медовый виноград, обменялись последними шутками и принялись прощаться с хозяйкой дома. Лорд Киндрет отослал сына с наложницей через портал и вроде бы собрался и сам последовать за ними, но потом вдруг нашел благовидный повод задержаться — и оставался до тех пор, пока все прочие лорды не отбыли. Триана проводила всех до портала, пожелала счастливого пути и осталась, как она и рассчитывала, наедине с великим лордом.

— Итак, моя леди, — сказал Киндрет, когда устье портала последний раз подернулось легкой дымкой. — Вы, кажется, желаете что-то сказать по поводу лорда Киртиана.

— Вы, лорд Киндрет, с небывалой прямотой подходите к делу, — промурлыкала Триана.

— Лорд Киртиан... лорд Киртиан слегка беспокоит меня, — произнес великий лорд, переминаясь с ноги на ногу. — Возможно, я пробудил в нем дремавшее честолюбие, и если теперь он не найдет способа реализовать его, он может воспринять это... болезненно.

— Он может воспользоваться своей новообретенной репутацией в Совете во вред другим, — подхватила Триана, переходя, по примеру лорда Киндрета, прямо к делу. — Война и политика сходны между собой. Но с другой стороны...

— Ну? — подтолкнул ее Киндрет.

— Его энергию можно направить в другое русло — если у кого-нибудь хватит ума подыскать это русло.

Триана взглянула на лорда из-под длинных ресниц и улыбнулась.

— А могу я полюбопытствовать, моя леди, во что мне обойдется это русло?

Киндрет определенно не собирался терять время. И Триана задумалась: а что, если честолюбие Киртиана беспокоит его куда сильнее, чем она думала?

И Триана решила рискнуть.

— Я хочу место в Совете, что прежде принадлежало моему отцу.

Киндрет поджал губы, но, судя по лицу, запрошенная Трианой цена не вызвала у него особого протеста.

— Это можно устроить... Женщины в Совете — такое уже бывало.

Но он пока что не подтвердил открыто, что готов заключить такую сделку.

— А если сделка не состоится, то тот, кто сумеет проложить такое русло, наверняка сможет найти и другой выход для энергии лорда Киртиана — менее... удачный.

Теперь лорд Киндрет иронично усмехнулся:

— Вы умеете убеждать, моя леди. Ну что ж, будем считать, что сделка заключена. Думаю, вы найдете нашего юного главнокомандующего в поместье его тети, леди Мортены.

Триана одарила гостя ослепительной улыбкой.

— Благодарю вас, мой лорд. Это все, что мне было нужно.

Киндрет поклонился ей церемонным придворным поклоном.

— И мне тоже.

Киндрет подошел к порталу — тот тут же засветился при его приближении. На пороге он остановился и оглянулся на миг.

— Удачной охоты, моя леди, — сказал он.

— И вам также, мой лорд, — отозвалась Триана.

И Киндрет удалился.

Глава 23

Шана давным-давно не видела Кельяна и Хальдора — и теперь едва узнала их. Рена была права, когда взялась их лечить; наверное, перемены, происходившие с эльфийскими лордами, происходили постепенно, по чуть-чуть, и люди, видевшие пленников каждый день, просто этого не осознавали. Но Шана была потрясена. Эльфийские лорды вообще редко бывают крепко сбитыми, как люди или полукровки, но Кельян и Хальдор исхудали настолько, что превратились в тени; казалось, будто выпирающие кости вот-вот прорвут полупрозрачную кожу. Серебристые волосы сделались тусклыми и безжизненными, а тела были покрыты синяками и ссадинами. Меро погрузил эльфов в оцепенение, чтобы драконы могли донести их до Цитадели. Теперь же их привели в себя — ровно настолько, чтобы их можно было накормить, напоить и вымыть после дороги. А потом Шана тут же снова их усыпила.

Пленников бесцеремонно растащили по отведенным комнатам. Ну вот, еще одна проблема, которую надо как-то решать.

И она привела Шану в полнейшее замешательство, ибо Шана ничего, ну ничегошеньки в этом не смыслила! Если бы не Лоррин, предложивший собрать для нее группу помощников,

Шана даже не знала бы, с какой стороны подступиться к этому делу.

Теперь же Шана и молодые волшебники, явившиеся по просьбе Лоррина, рассматривали спящих пленников. Их окутывал порожденный магией туман, который рассеивал лишь свет пары магических светильников. Впрочем, Лоррин позвал на помощь не только волшебников; здесь присутствовали несколько магов из людей — самых сильных, которых только доводилось встречать Шане.

«Мне не следовало так думать. Очень глупо с моей стороны. В конце концов, это ведь именно люди владеют магией, позволяющей работать с мыслями». И теперь несколько таких людей-магов, спустившись с холмов, поселились среди волшебников. Их привлекла сюда возможность жить, не страшась попасться какой-нибудь охотничьей экспедиции эльфов, вылавливающей рабов. Они остались здесь, потому что Каэллах после поражения в той приснопамятной стычке с Шаной вел себя тише воды ниже травы. Шана, правда, сомневалась, что это надолго, но пока что, к счастью, хоть о нем можно было не беспокоиться.

Одним из этих людских магов был мужчина средних лет. Его звали Нарши, и его способность создавать иллюзии непосредственно в сознании — а он мог наслать такую иллюзию всякому, кто не владел умением Железного Народа возводить мысленную стену, — поражала воображение. Очевидно, именно о нем Лоррин и подумал в первую очередь, когда Меро впервые предложил, чтобы волшебники продолжили дело, начатое им с Реной. Нарши иногда даже удавалось проникать за мысленную стену — и Шана искренне радовалась, что он на их стороне.

Тут Шане вдруг подумалось: а может, Нарши помог бы ей контролировать Каэллаха Гвайна? Шана тут же отвергла эту идею и ужаснулась: как ей вообще могла прийти в голову такая мысль?! Хотя... Да, идея низкая и безнравственная — но до чего же соблазнительная! Шане пришлось сделать над собою усилие, чтобы окончательно от нее отказаться.

И все же хорошо, что Каэллах настолько презирает людей. А то ведь с него сталось бы воспользоваться оружием, которое сама Шана отвергла как безнравственное.

А кстати, копаться в мозгах у этих двух эльфийских лордов — это порядочно или непорядочно?

«Может, и непорядочно. Но они все равно уже свихнулись. А у нас выбора нет: надо или убить их, или подправить им моз-

ги так, чтобы они не смогли выдать ни нас, ни Железный Народ». Оба варианта были Шане глубоко неприятны. Но деваться было некуда: все равно Меро с Реной уже вмешались и приняли свои меры.

Эльфы лежали на тюфяках посреди небольшой нежилой комнаты, а люди и полукровки — их «врачи» — столпились вокруг.

— Ну, не может быть, чтобы мы вдесятером или вдвадцатером не сумели состряпать любые воспоминания, которые тебе нужны, — сказал Нарши Шане, и в голосе его звучала такая уверенность, что девушка невольно восхитилась. Пусть даже потом оказалось бы, что он ошибался, — но до чего же хорошо было сейчас ощутить эту уверенность! — Нас же тут целая куча! Да мы за каких-нибудь несколько дней намертво вколотим в них эти воспоминания! Ну, с чего начнем? Где их якобы держали?

Шана неопределенно хмыкнула. По правде сказать, об этом она пока что не думала. Но если она сознается в этом, не подорвет ли это ее авторитет? А собравшиеся смотрели на Шану, как будто полагали, что она вот так с ходу выдаст им все необходимые указания.

— Может, в старой Цитадели? — нерешительно предложила Шана. Ничего лучшего ей в голову не приходило. — Тогда нам не придется ничего сочинять. Ведь настоящие воспоминания лучше того, что мы могли бы сочинить, — разве нет?

— Но эльфийские лорды знают про старую Цитадель, — возразил кто-то. — Они задумаются: а что ж они не нашли там этих двоих?

Прежде чем Шана успела ответить, в разговор вмешался еще кто-то из присутствующих.

— Нет! — ликующе воскликнул он. — Не задумаются! Потому что мы можем использовать наши воспоминания о старой Цитадели и сделать так, чтобы эти двое считали, будто их держали не там. Если мы не станем их выпускать рядом со старой Цитаделью, а выпустим где-нибудь в другом месте, тот, кто их найдет, решит, что их держали где-то поблизости. Пускай эльфийские лорды думают, будто существует еще одна потайная Цитадель!

— А что, если разместить ее на границе владений лорда Чейнара? — предложил откуда-то сзади Лоррин. — Те места и так уже пользуются дурной славой. Одни Предки знают, что там творится. Там уже столько охотников пропало бесследно! Чейнар даже не пытается больше преследовать беглых рабов, если они уходят в ту сторону.

— Это верно, — задумчиво произнесла Шана. — Я помню, Меро рассказывал про какую-то невидимую тварь, которая сожрала их лошадь и едва не добралась до них с Валином, когда они там бродили.

И Шана, не удержавшись, зловеще улыбнулась. Да, в тех краях много такого, что даже эльфийским лордам не по зубам!

— Вот и отлично, — сказал Нарши, решив, что пора переходить к делу. — Значит, так и сделаем. Вы тут почти все жили в старой Цитадели. Давайте покопайтесь в памяти и поищите там что-нибудь подходящее, что можно было бы подсунуть этой парочке.

Шана одновременно и радовалась, и поражалась, глядя, как Нарши отвел небольшую группку в уголок, чтобы поработать без помех. Его слушались беспрекословно. Шана поняла, что на этот раз за решение проблемы взялся кто-то другой, а не она, и у нее гора с плеч свалилась.

«Невероятно!»

— Где ты его нашел? — спросила она у Лоррина. — Он ведет себя так, будто ему не впервой командовать людьми и даже магами...

— А ему и не впервой — потому-то я и попросил его возглавить эту группу, — отозвался Лоррин, потом вдруг забеспокоился: — Ты не обижаешься? А то сперва я забрал у тебя власть, теперь вот Нарши... Ты ведь правда не обиделась?

— Я? Еще чего! — Шана покачала головой и устало улыбнулась. — Я уж не знаю, как тебе это удается — стаскивать нужных людей и расставлять их на нужные места. Я, похоже, не умею находить подход к людям — и находить тех, кто способен сам проявлять инициативу, тоже не умею.

Она прикусила губу, чувствуя, как внутри поднимается знакомое ощущение неверия в свои силы.

— Возможно, это потому, что тебе кажется, будто ты обязана со всем справляться сама, — мягко произнес Лоррин. — Я ведь ничего особенного не делаю: я просто нахожу людей, которые что-то умеют. Я прошу их что-нибудь сделать — и верю, что они с этим справятся. А потом я отхожу в сторону, чтобы не путаться под ногами, и позволяю им справляться с этой работой по их собственному усмотрению.

Шана не знала, что на это можно сказать — по крайней мере, все ответы, приходившие ей в голову, были какие-то невежли-

вые, — потому она просто уселась на каменный выступ. Ей казалось, будто она совершенно ни на что не годится.

— Я никогда не хотела быть вожаком! — жалобно сказала она. — Но меня никто никогда не спрашивал, хочу я этого или нет, и у меня даже не было случая сказать «нет»!

— Я знаю. — Лоррин присел рядом с девушкой. — Лучше было бы, если б ты занималась тем, что у тебя и вправду хорошо получается: думала, искала решения проблем, составляла планы. А так у тебя все силы уходят на то, чтобы убедить окружающих, что твои решения разумны, — или заставить их придумать что-нибудь получше. Ты половину времени убеждаешь народ, а вторую — выпасаешь их, чтобы они не бросили работу и не принялись снова спорить. Мне бы хотелось, чтобы тебе не приходилось с этим всем возиться.

— А уж мне-то как бы этого хотелось! — Шана почувствовала, что вот-вот расплачется, проглотила вставший в горле комок и сморгнула слезу. — Но...

Но Лоррин не дал ей договорить.

— Ты позволишь мне заняться тем, что у тебя не получается? — спросил он, глядя в глаза Шане, и взгляд его был очень серьезен. — Мне начинает казаться, что я — лидер, что это заложено в моей природе. Меня слушаются, и у меня получается организовывать людей, чтобы они сотрудничали. Ты позволишь мне заняться тем, что мне удается, чтобы ты могла заниматься тем, что хорошо получается у тебя?

Шане понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, о чем он ведет речь, и понять, что Лоррин, кажется, точно так же не уверен в себе. Согласится ли она доверить ему ту должность, к которой так рвется Каэллах Гвайн, поручить ему организационную работу, чтоб самой заняться планированием? А вдруг она захочет выбрать кого-нибудь постарше, кого-то из опытных волшебников, проживавших еще в старой Цитадели?

Но ни Денелор, ни Парт Агон, похоже, не желали браться за эту работу — хотя прежде они были лидерами, и Шана рассчитывала, что они и впредь будут действовать как лидеры. Вместо этого они передавали все больше и больше полномочий ей, совершенно не считаясь с тем, что об этом думает она сама. Впрочем, Денелор никогда не любил эти хлопоты и особо в них не углублялся, — Шана уже поняла, что главный его грех — это леность, — а Парт...

А Парт, как вдруг осознала она, был очень стар. Сколько ему лет, Шана не ведала, но с тех пор, как они перебрались на новое место и ясно стало, что и молодежь неплохо управляется с делами, Парт Агон сам мало-помалу отошел на задний план, предоставив Шане воевать с Каэллахом и его нытиками и принимать решения. По отдельным обмолвкам, что изредка доносились до нее, Шана решила, что Парту, должно быть, уже лет сто — если не больше.

«Он слишком стар и слишком устал, чтобы вести других за собой, — особенно теперь, когда волшебники перестали прятаться в норах и занялись делом. Да он и не хочет руководить. Ему это уже не под силу».

И с Денелором, пожалуй, та же самая история.

Но может ли она вручить такую власть Лоррину? Ведь тогда он станет очень уязвимым.

«Таким уязвимым, как если бы он и вправду был моим любовником — а все, похоже, и так в этом уверены и ждут, что я сделаю его своим... своим супругом-соправителем. И уж тогда-то все точно решат, что мы и вправду любовники, хотя это не так... хотя я...»

При этой мысли Шана непроизвольно вспыхнула. Должно быть, она позабыла прикрыть свои мысли, потому что Лоррин тоже покраснел.

— Ну что я могу поделать с тем, что они так считают?! — защищаясь, сказал он. — С тем, что они думают, будто мы... будто я...

Шана покраснела еще сильнее, попыталась что-то сказать, но не нашла нужных слов.

— И ты из-за этого оказываешься в сложном положении, — сказал в конце концов Лоррин. — Даже моя сестра и то думает, будто мы... ну, ты сама понимаешь. Как бы мы с тобой себя ни вели, люди все равно будут что-то выдумывать про нас, и мы их мыслей не изменим, сколько бы ни старались. Но тебе-то не легче от того, что между нами ничего нет!

— Да и тебе тоже, — пробормотала Шана. — Получается, что я на тебя все это свалю, и все тут же начнут строить догадки, а ты даже...

Лицо ее горело так, будто Шана наклонилась над огнем.

— Догадки! Да мне-то что? Но ты-то совсем в другом положении! Для тебя это просто нестерпимо! — воскликнул Лоррин. — Я... Шана... Я хотел бы...

И внезапно все чудесным образом встало на свои места — как будто кусочки разбитой вазы вновь сложили воедино. Шана знала, чего хочет Лоррин. Ему не нужно было говорить об

этом вслух: его мысль была такой настойчивой, что Шана почти что слышала этот безмолвный крик. Он хотел, чтобы эти догадки стали правдой, но боялся, что, если он проявит настойчивость, Шана отошлет его прочь. Он... он любит ее. Вправду любит! И...

«Огонь и Дождь! Я тоже его люблю!»

И Лоррин как-то вдруг перестал быть для нее просто верным другом и надежной опорой. Теперь Шане мало было дружбы. Когда же это случилось, что она полюбила его? Сперва она просто хорошо относилась к Лоррину и радовалась его обществу, а потом вдруг оказалось, что его присутствие нужно ей как воздух.

— Я не хочу... не хочу давить на тебя, — едва сдерживаясь, произнес Лоррин. — Я знаю, что ты любила Валина, и не хочу, чтобы ты подумала, будто я вообразил, что могу занять его место! Я хотел, чтобы мы стали друзьями, настоящими друзьями, чтобы мы могли во всем положиться друг на друга, а потом, когда станет поспокойнее и у нас появится немного свободного времени, мы сможем подумать о нас... я хотел сказать, что я знаю, что... я не знаю...

Но тут Шана, охваченная безумной радостью, шикнула на него и поцеловала, вложив в этот поцелуй все свои чувства — лишь так она могла пробиться сквозь владеющее Лоррином смятение.

Лоррин мысленно охнул.

А потом все слова исчезли и стали не нужны, и сколько это длилось — неведомо. Просто все в одночасье сделалось правильным — и что бы ни происходило дальше, этого уже не изменить. Шана знала, что может верить Лоррину даже больше, чем себе.

— Только вот место какое-то неудобное... — в конце концов пробормотал Лоррин, уткнувшись лицом ей в волосы. — Мы стоим чуть ли не у всех на виду...

— Ничего, они как-нибудь переживут.

Шана вздохнула и неохотно разомкнула объятия. А потом машинально пригладила волосы. Лоррин убрал прядку у Шаны с лица и заправил ей за ухо.

— А у тебя не найдется свободной минутки? — мечтательно спросил он.

«Свободной?! Кузни, рабские ошейники, защита, и еще...»

— Как-нибудь выкроим, — пообещала Шана.

Ирония ситуации заключалась в том, что единственными, кого потрясла столь глобальная перемена в их отношениях, были лишь сами Лоррин и Шана. Но для них изменилось все!

Никто вроде и не заметил, что все вещи из комнатки Лоррина переехали к Шане, а эту комнату превратили в чуланчик. Лишь Каэллах Гвайн позволил себе несколько язвительных замечаний, а дети услышали их и передали Шане, но что с него возьмешь? И все же для нее перемены были огромны.

А вот мир за пределами их комнатки не изменился — и, увы, никуда не делся.

И у Шаны с Лоррином начал формироваться план — огромный, сложный план, что позволил бы в случае удачи навсегда избавить Цитадель от опасности. Когда Кеман сообщил, что лорд Киртиан — то ли добровольно, то ли по приказу — передает командование армией кому-то другому, а Совет обсуждает, что с этой армией делать дальше, стало окончательно ясно, что оттягивать осуществление этого плана нельзя никак.

Старая Цитадель была защищена лучше новой; пришла пора довести до ума и новую. Главными архитекторами новой Цитадели были Алара и Каламадеа, а значит, нужно было посоветоваться с ними.

И вот теперь Шана, Лоррин, Алара и Отец-Дракон сидели над объемной «картой» Цитадели, сделанной из составных частей, которые можно было заменять, и пытались сообразить, что еще следует вылепить из камня. Ну, для начала — потайные туннели для бегства. Так, на всякий случай. А вдруг великие лорды все-таки решат послать этого грозного лорда Киртиана против них? Кроме того, нужно было построить вторую Цитадель — достаточно далеко, чтобы туда в случае чего можно было бежать, но при этом достаточно близко, чтобы при необходимости можно было воспользоваться заклинанием переноса. Им теперь владело довольно много волшебников, так что они, если что, эвакуировали бы всех жителей Цитадели за несколько часов. Эвакуация при помощи заклинаний имела свои преимущества — беглецов никто не сумел бы выследить.

Существование этой Цитадели номер два — она располагалась неподалеку от железных копей Зеда, и это обеспечивало дополнительную защиту, но состояла она всего из нескольких помещений, вылепленных в камне молодыми драконами, — стало самой страшной тайной. Даже от этих самых драконов, которые там работали. Алара сказала им, что это просто новые логова.

«Которые нам тоже нужны», — подумала Шана. Интересно, сколько еще им будет удаваться тянуть их скудные ресурсы, словно одеяло, в разные стороны, прежде чем оно начнет с треском рваться?

— Кстати, а пленники — как там дела с изготовлением воспоминаний для них? — поинтересовался Отец-Дракон. В настоящий момент они с Аларой пребывали в обличье полукровок — иначе они просто не поместились бы в комнате, где находилась карта-макет. — Не хотелось бы вас слишком сильно беспокоить, но чем быстрее вы выпустите этих двоих там, где их смогут найти, тем лучше.

— Нарши выбрал тех, у кого лучше всего получается подсаживать новые воспоминания, и примерно с год они уже подсадили, — отозвалась Шана, прикидывая, не провести ли еще один туннель из самого нижнего склада, и прорисовывая этот туннель восковым карандашом. — Мы решили сделать воспоминания запутанными и невнятными, как будто пленных постоянно держали одурманенными.

— А из Каэллаха мы сделали предводителя этой вымышленной Цитадели, — добавил Лоррин. Заслышав это, Отец-Дракон ухмыльнулся, а Алара покачала головой. — Ну нужно же было кого-то сунуть на это место! А Каэллах, по крайней мере, хорошо запоминается.

— Нарши говорит, что мы сможем их выпустить через несколько дней. Он взял их настоящие воспоминания о том, как они попали в плен, и изменил лица тех, кто их захватил, — сказала Шана, нависая над макетом. — Он старается использовать как можно больше настоящих воспоминаний, только меняет людей на волшебников и шатры на каменные стены — и еще убирает железные ошейники. То есть не совсем убирает, а делает из них что-то вроде рабских ошейников. Пускай эльфийские лорды думают, что эта новая группа волшебников владеет эльфийской магией лучше, чем они сами.

— Неплохой штрих, — одобрительно произнес Отец-Дракон.

— Теперь мне осталось лишь придумать способ находиться в двух местах одновременно, — сказала Шана, глядя на карту.

Кеман с Дорой никак не могли подобраться поближе к лорду Киртиану, не выдав себя, — в основном из-за подозрительности сержанта Джеля. А Шана не смела попросить их пойти на этот шаг — ведь после него пути назад не будет. «Мне позарез нужно самой поговорить с этим лордом Киртианом!» Лишь после этого она поймет, действительно ли ему можно доверять, —

и если можно, то как лучше начать переговоры. Но если она покинет Цитадель, Каэллах Гвайн тут же поднимет голову снова. А без нее долго ли Лоррин сможет удерживать старого смутьяна в узде? А если с ней что-нибудь случится? Или Каэллах сумеет вновь подчинить своему влиянию прежних сторонников и поднимет тут такую бучу и свары, что все разлетится вдребезги?

— Телом или разумом? — спросил вдруг Каламадеа, как-то странно, по-птичьи склонив голову набок.

— Ты о чем? — переспросила Шана, не понимая, с чего вдруг он задал такой вопрос.

— Ну, если тебе нужно, чтобы твой разум находился в двух местах сразу — если ты считаешь, что сможешь усваивать двойной объем информации и принимать вдвое больше решений, — с этим мы тебе помочь не сможем, — сказал Каламадеа. — Но если тебе нужно, чтобы твое тело видели в двух местах сразу, если, например, ты хочешь уйти, и ты достаточно уверена в ком-то, чтобы оставить его вместо себя, но при этом тебе нужно подставное лицо, кукла, которая изображала бы тебя, чтобы ни у кого не возникло желания побузить в твое отсутствие...

— У некоего лица, которого все мы знаем, — лукаво подмигнув, подключилась Алара.

— Именно. Так вот, если тебе нужно именно это, то это совсем другое дело. И тут мы с Аларой вполне способны тебе помочь.

Отец-Дракон был чрезвычайно доволен собою, и Шане потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, отчего же он лучится довольством. Девушка хлопнула себя по лбу. И как она сама об этом не подумала?!

— Ну конечно! — воскликнула Шана. — Мама, ведь ты же преспокойно можешь принять и мой облик тоже, ведь правда? Ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы одурачить всех...

Лоррин рассмеялся и состроил хитрую мину. Шана покраснела.

— Ну, почти всех...

— Чистая правда, — согласилась Алара. — И я сама не знаю, отчего мы не подумали об этом раньше, когда Сами-Знаете-Кто сделался таким назойливым и сварливым. Наверное, мы просто слишком сильно беспокоились за тебя, вот нам это в голову и не пришло.

А Шана уже принялась лихорадочно размышлять. Раз Алара может и согласна подменить ее, сама она может лично пови-

даться с этим лордом Киртианом и решить, стоит ли пытаться сделать его своим союзником.

Она взглянула на Лоррина.

— Лорд Киртиан, — сказал юноша. Их мысли текли в одном направлении.

— Я не могу ничего решить, пока сама на него не посмотрю, — кивнув, отозвалась Шана.

— И не надо, — твердо произнес Каламадеа. — Кеман и Дора — хорошие ребятки, но, если они ошибутся, им может взбрести в голову улететь подальше от Цитадели и от волшебников. Не то чтоб я думал, что они и вправду так поступят, — поспешно добавил он, — но вариант такой существует, и наверняка такая мыслишка их навещает. И от этого их осторожность может чуток пострадать.

Каламадеа задумчиво потер подбородок.

— Боюсь, во время первой Войны Волшебников я сам был несколько безответственным в решениях — именно потому, что у меня тоже имелась такая возможность.

Поскольку Шану эта мысль тоже временами посещала, то ей нечего было ответить на это замечание.

Ну, а раз ответить было нечего, она предпочла особо не разглагольствовать.

— Лоррин куда лучше моего способен держать Каэллаха в руках, — уверенно произнесла она и подмигнула Лоррину. — Да и остальные его слушаются.

«И слушаются, на самом-то деле, даже лучше, чем меня. Возможно, потому, что он никогда не был учеником волшебника». В старых порядках, принятых в старой Цитадели, имелись чрезвычайно неприятные моменты, и это был один из самых неприятных.

— Остается лишь одно затруднение: если кто-нибудь заглянет в сознание Алары, то поймет, что она — не я.

— Но уж кто-кто, а наши смутьяны людской магией не владеют, — резонно возразил Лоррин.

Алара же просто пожала плечами.

— А часто ли кто-то пытается засунуть нос в мысли Проклятия Эльфов? — спросила она. — Мне почему-то кажется, что такое случается нечасто. А кроме того, я неплохо изучила технику возведения мысленной стены и наверняка сумею отвадить непрошеных гостей.

«Возможно, да. А возможно, и нет. У драконов разум устроен иначе». Но все равно Алара была права. Шана очень редко

ощущала прикосновение чужого разума, да и то это были попытки пообщаться, а не потихоньку разведать ее мысли.

— Я могу отнести тебя туда, где сейчас находятся Кеман с Дорой, — невозмутимо продолжал Каламадеа. — Теперь, когда лорд Киртиан отошел от командования, а великие лорды пока что спорят, стоит ли им распускать армию, Кеман и Дора отправились вместе с ним в поместье леди Мортены.

— Леди Мот?! — вырвалось у Лоррина. Все тут же повернулись к нему. Очевидно, эта новость оказалась для юноши полной неожиданностью. — Но ведь там моя мама! Леди Мот — ее старая подруга!

— Что, вправду?

Это было любопытно — но в данном случае не очень важно. Но Лоррин не унимался.

— Ты же помнишь, мы поддерживаем связь с мамой, — нам изредка удается обмениваться письмами, — продолжал он. — Леди Мот не похожа на других эльфийских леди. Она всегда хорошо обращалась со своими людьми — они для нее слуги, а не рабы. На самом деле, когда мы оставили маму у нее, — это как раз было начало восстания, — она объезжала границы своего поместья с отрядом вооруженных людей. Они называли ее матушкой и обращались с ней... просто-таки с любовью!

Вот теперь он действительно завладел вниманием слушателей. До сих пор они видели одного-единственного эльфийского лорда, к которому люди относились с любовью, и это был Валин.

— Что, вправду?

— И лорд Киртиан поехал к ней... Зачем?

— Интересно, а...

— Интересно — так отправляйся и разузнай сама, — заявил Отец-Дракон. — И поторопись — пока великие лорды не решили, что они хотят делать с этим парнем. Потому что они либо решат бросить его против нас, либо попытаются его уничтожить. Можешь в этом не сомневаться.

— Что, все настолько плохо? — поинтересовалась Шана. Она знала, что ее тон и слова звучат безжалостно — но что ей было делать? Если уж на то пошло, у ее власти была всего одна опора — доверие окружающих к ее решениям. А жители Цитадели, будь то люди или волшебники, лишь порадовались бы, если бы одни эльфийские лорды прихлопнули другого, и не стали бы особо задумываться, что из этого может проистечь.

— Может, и настолько, — отозвался Лоррин. — С одной стороны, Шана, он сейчас не имеет себе равных в воинском ис-

кусстве — это насчет союзника. А с другой — он наверняка птица редкого полета, той же стаи, что и леди Мот. И если его убьют, над людьми его поместья нависнет смертельная угроза — кого бы ни поставили на его место. Этого нельзя допустить!

Шана застонала — но не могла не согласиться с его доводами. Если все это правда, то, даже если им и удастся спасти рабов лорда Киртиана, вряд ли Цитадель сможет принять их всех. Ну почему постоянно получается так, что она вынуждена отвечать за все большее и большее количество народу?

— Возможно, Шана, он еще не осознал всего коварства великих лордов, — негромко произнес Каламадеа. — Он может не подозревать, что ему грозит опасность. И он как минимум, заслуживает, чтобы его предупредили об этом.

— И, очевидно, лучше всех с этим предупреждением справлюсь я.

Шана попыталась вложить в свои слова смирение и покорность судьбе — но никакого смирения она не чувствовала. Разве что тяжесть внезапно свалившейся дополнительной ответственности. Но все это перекрывало ощущение радостного возбуждения. Да, тут она была в своей стихии!

Но Лоррин... Разлучиться — пусть даже на время — теперь, когда они вместе...

И снова Лоррин понял ее чувства и мысли.

— Иди, — тихо сказал он за миг до того, как Шана взглянула на него. — Ты должна идти. Я присмотрю, чтобы тут никто ничего не натворил без тебя, а ты быстренько съездишь туда и вернешься. Это же займет несколько дней, не больше — ведь правда?

— Ну, наверное, но... — Шана посмотрела на Лоррина.

— «Я буду скучать по тебе каждую минуту — но это дело под силу лишь тебе. Он может не поверить дракону. Он наверняка не поверит волшебнику, явившемуся говорить от нашего имени. Рена не сможет достаточно быстро добраться сюда — да она, наверное, и не захочет расставаться с Меро. Но ты — Проклятие Эльфов. Если ты обратишься к нему, тебе он поверит».

Лоррин, как всегда, углядел самую суть. У Шаны была приметная внешность — ее ни с кем нельзя было спутать. Ее описание разошлось по всем эльфийским владениям, так что лорд Киртиан узнает ее, едва увидит.

— «Просто обещай, что вернешься ко мне».

Еще ни одного обещания в жизни Шана не давала столь охотно.

Глава 24

У Киртиана зачесался нос, и он рассеянно потер его. «И почему, спрашивается, Предки так паршиво писали, невзирая на десятилетия практики?» Мало того что почерк был бисерно-мелким, как будто писавший пользовался лупой, — он еще и был отвратительно корявым и неразборчивым.

Киртиан с трудом продирался сквозь дебри чьего-то дневника и сразу делал выписки на отдельных листах, чтобы потом переписать все это начисто. У него, в отличие от Предков, почерк был четким и аккуратным. Должно быть, они от скуки изобретали разные манеры письма, каждый свою. Но зачем им было писать так мелко, словно бумага была на вес золота?

Здесь, в библиотеке леди Мот, было так тихо, что Киртиану казалось, будто он слышит, как парящие в воздухе пылинки одна за другой оседают на книгах. Леди Мот вернула на место все те тома, что унесла за то время, пока в поместье сидели молодые лорды. Теперь ситуация изменилась: она наконец-то оказалась полновластной хозяйкой имения покойного мужа. Поскольку война закончилась и армии у них не осталось, молодые лорды более не нуждались в штабе — хотя по-прежнему вели себя вызывающе. Но в этом вызове сквозило бессилие.

Киртиан все так же рассеянно взял стакан с водой и сделал глоток.

На данный момент молодые лорды обитали на личных землях, в Башне леди Мот — единственном месте, где никому бы не пришло в голову их разыскивать. А даже если бы и пришло, вряд ли бы их нашли — все они сейчас носили людские личины.

«До тех пор, пока они держатся вместе, все будет хорошо — если только кто-нибудь из них не дрогнет и не пожелает переметнуться к противнику».

Киртиан переговорил со всеми молодыми лордами и решил, что положение пока что сносное. Во всяком случае, здесь они в безопасности, и им не приходится терпеть сколько-нибудь серьезные лишения.

Даже рабы Мот не знали, кто они такие — им просто сказали, что эти люди были в армии молодых лордов, и Мот взяла их под свое крылышко, чтобы спасти от наказания.

Всякий раз, думая об этом, Киртиан невольно ухмылялся. Да, жизнь среди рабов пойдет им на пользу — это даже не вопрос.

Он уже сейчас замечал, что их отношение к людям начинает изменяться. По крайней мере, у некоторых из них. И Киртиан считал, что, если — или когда — восстание начнется снова, оно пойдет совсем другим путем.

А молодые лорды уже сейчас считали, что и закончится оно совсем иначе. Они хотели уговорить Киртиана либо открыто встать на их сторону, либо снова возглавить армию Совета, но при этом вести боевые действия спустя рукава, а потом, в подходящий момент, повернуть армию против самих великих лордов.

«Но я вовсе этого не желаю!» Такая война — ибо это будет уже не мятеж, а самая настоящая война — будет кровопролитной. И литься будет в основном людская кровь. А Киртиана это совершенно не устраивало.

План Киртиана, к которому он надеялся привлечь и молодых лордов, был куда более тонким. Киртиан хотел, чтобы они потихоньку, поодиночке, вернулись к своим августейшим отцам и вымолили прощение. Но при этом — в том вся хитрость — им следовало сохранить при себе железные украшения, что защитили бы их от магии отцов.

Киртиан надеялся, что через некоторое время после возвращения они получат определенную свободу действий и смогут вновь занять свои места на иерархической лестнице. А потом, в силу естественной убыли среди великих лордов, постепенно взять власть в свои руки.

Впрочем, у этого плана тоже имелось множество недостатков. И едва ли не главным из них было то, что многие великие лорды способны были собственноручно поубивать взбунтовавшихся сыновей и вассалов, едва завидев их. И кроме того, всегда сохранялась вероятность, что среди тех, кому удастся вновь втереться в доверие к отцам, заведется предатель. А это было бы... очень некстати.

Ну а пока что молодые лорды находились в укрытии, и если они и не добились великих успехов, то хотя бы не попали в беду.

Киртиан же, пока Совет обсуждал, как бы получше его использовать в дальнейшем, а его былые враги вынуждены были отступить под давлением обстоятельств, воспользовался этим вынужденным досугом, чтобы вернуться к поискам своего отца.

Он был уверен, что ключ к местонахождению отца спрятан где-то в этой комнате. Да только вот книг здесь было великое множество, а каталога для них никто никогда не составлял. Личные дневники перемежались романтическими повестями,

помогавшими леди скоротать время, а книги с описаниями флоры и фауны громоздились поверх трактатов по магии.

У Киртиана снова защекотало в носу, и он, невзирая на все попытки удержаться, чихнул. Мот и ее подруга, Виридина, появлялись в библиотеке десяток раз на дню, пытаясь удалить пыль при помощи магии, но всякий раз, как только Киртиан открывал новый том, оттуда поднималось новое облако пыли и присоединялось к тем, что уже витали в воздухе.

У семейства Мот тоже был свой пунктик — страсть к собирательству. Большая часть этой библиотеки досталась Мот от родни. Однако родственники Мот при утолении своей страсти не отличались особой разборчивостью. Похоже, тот, кто собирал книги и манускрипты, под словом «книга» понимал всякое собрание переплетенных листочков, а под словом «рукопись» — все, написанное от руки. Насколько мог судить Киртиан, ни в их отборе, ни в сортировке никакой системы не было, равно как и попыток определить ценность имеющихся экземпляров.

Возможно, если бы Киртиан побывал здесь до того, как молодые лорды устроили в поместье свой штаб, он и сумел бы определить, какие именно книги и рукописи изучал отец, и это дало бы ему ключ к разгадке. Но мятежники просто свалили все, что нашли, в кучу, дабы расчистить помещение и использовать его для своих нужд, а Мот, утаскивая из библиотеки те книги, которые считала ценными, лишь усугубила положение. Мот, чтоб она была жива-здорова, искренне считала, будто ей удается содержать библиотеку в чистоте и порядке.

«Ну, вообще-то так оно и было — пока мы не нашли в чулане те ящики». Супруг Мот считал библиотеку предметом меблировки — то есть, по его мнению, там должны были находиться книги, которые можно было красиво расставить на полках. А все остальное — а это было раз в пять больше того, что красовалось на полках, — по его приказу упаковали в ящики и спрятали в чулан рядом с библиотекой. Мот вообще думала, что в том чулане ничего нет, пока однажды они не заглянули туда. Как оказалось, молодые лорды перевернули весь чулан в поисках карт, которые можно было бы использовать для составления стратегических планов, кое-что перенесли в библиотеку и там оставили, а остальное передвинули, чтобы расчистить место для того, что они сочли нужным убрать в чулан. В общем, если изначально тут и наличествовал какой-то порядок, он исчез безвозвратно. Теперь в чулане появились полки — равно как и в расположенном по соседству свободном кабинете, и в

соседней неиспользуемой гостиной, — и Киртиан пытался хоть как-нибудь упорядочить этот хаос.

Впрочем, он быстро уразумел, что ответ на его вопросы находится не в напечатанных книгах и не в иллюстрированных рукописях, какими бы интересными они ни были, а в дневниках, которые частенько вели эльфийские леди и изредка — их лорды.

Отец почти наверняка определил местонахождение Врат по каким-то сведениям, хранящимся где-то здесь. Местонахождение Врат было позабыто. Мало того — складывалось впечатление, что построившие их Предки приложили немало усилий, чтобы скрыть сведения от своих потомков и даже от многих своих современников, прошедших через Врата.

Но почему? Хороший вопрос. Возможно, они боялись, что в их рядах обнаружится предатель и вновь откроет Врата, чтобы впустить сюда их врагов. Врата и сами по себе в немалой мере способствовали стиранию воспоминаний. Переход был столь суровым испытанием, что впоследствии многие действительно очень смутно помнили то, что происходило сразу вслед за Переходом.

А некоторым, возможно, «помогли» забыть.

Ни один из великих лордов, создавших Врата и выживших при Переходе, не оставил записанных воспоминаний об этом событии. Это факт. И никто из историков этого не сделал. Это тоже факт. А потому, поскольку официальных хроник не существовало, у Киртиана остался один-единственный источник сведений, неофициальный. И оставили его те, кого власть имущие считали настолько незначительными существами, что просто не обращали на них внимания.

«Леди... Да, леди!»

И еще чудаки.

Некоторые из этих дневников были красиво переплетены и вполне могли в свое время красоваться на полках «парадной» библиотеки. Возможно, именно из них отец и почерпнул нужную информацию.

А может, он отыскал в официальных летописях нечто такое, что Киртиан проглядел.

Киртиан расстроенно пригладил волосы, позабыв, что руки у него грязные от пыли, потом строго велел себе не терять терпения. В конце концов, отец начал заниматься поисками Врат за много десятилетий до рождения Киртиана. Возможно, к тому времени, как ему удалось что-то обнаружить, он уже так

много знал о Предках и настолько проникся их образом мыслей, что научился угадывать вещи, которые отнюдь не были очевидными.

И потому Киртиан продолжал копаться в рукописях библиотеки Мот, положив рядом Великую книгу Предков. Прежде чем приниматься за изучение какой-либо рукописи или дневника, следовало выяснить, кто автор или, по крайней мере, кому он приходился современником — то есть мог ли он помнить времена Перехода.

Поскольку почти наверняка большая часть этих рукописей относилась к более позднему периоду, Киртиану следовало попытаться потом выбрать из них те, которые принадлежали перу тех же авторов. Большинство любителей писать дневники превращали их в многотомные повествования благодаря своей долгой жизни. Если же автор родился позже, значит, его писанину надо отложить в сторонку.

Это был единственно логичный план действий. Кроме того, это была чрезвычайно утомительная, отнимающая очень много времени и очень, очень пыльная работа.

Правда, у Киртиана было два помощника — Джель и та малышка-наложница, которую изволила ему подсунуть леди Триана. Киртиан послал за ней после того, как на время совещаний Совета передал свои полномочия лорду Киндрету. Раз уж Триана так интересуется его делами, надо скормить ей побольше сведений — пускай переваривает. Киртиан подозревал, что она работает в паре с Аэлмаркином. По крайней мере, временно. Леди Мот предоставила Киртиану неоценимые сведения о предыдущих выходках Трианы, так что у него появилась возможность составить представление о том, какую игру она ведет и какие союзы заключает. И понять, что на самом деле Триана не служит никому, кроме себя.

А потому, на взгляд Киртиана, в данной ситуации уместнее всего было предоставить ей те сведения, которые он желал бы предоставить. Джель лично проверил наложницу — правда, чуть не довел ее своими расспросами до слез — и таки решил, что леди Лидиэль успешно «обратила» девчонку. Но всякий раз, когда девуiшка докладывала Триане — а Триана просто-таки жаждала знать, где сейчас Киртиан и чем он занимается, — Джель всегда присутствовал при этом, дабы убедиться, что она придерживается разработанного сценария.

Однако же девушка не знала, чем именно ее хозяин занимается в библиотеке. Чего она не знает, того не выдаст, даже если снова попадет в руки к Триане или Аэлмаркину. Она знала только то, что видела — то есть что Киртиан приказал навести порядок в билиотеке, и рабы Мот теперь составляют каталог печатных изданий. Киртиан тем временем изучал рукописи и составлял второй каталог, а Джель с девушкой расставляли проработанные материалы по полкам. Девушка не умела читать эльфийский рукописный шрифт и не знала, что именно он оставляет, а что отбраковывает. А потому, хотя она могла многое рассказать о его действиях, Триане не было бы с этих рассказов совершенно никакого проку.

Вообще-то Киртиан полагал, что эта пресловутая Триана появится здесь собственной персоной, причем в недалеком будущем. Ведь явно же она не удержится и попытается лично сунуть нос в его дела. Возможно, она также попытается соблазнить его; в прошлом она не раз применяла этот метод. Даже Мот говорила, что Триана красива, и отнюдь не безжизненной красотой статуи — она держится живо, остроумно, напористо и не боится выказывать свой ум. В общем, она давно уже превратила свою внешность и обаяние в оружие. Не исключено, кстати, что она заключила союз не только с Аэлмаркином, но еще и с лордом Киндретом, ибо в своем стремлении к власти готова была использовать всех и вся. Ну если это и вправду так, то не исключено, что коса найдет на камень: лорд Киндрет играет в эти игры куда дольше, чем малютка Триана.

«Предки, каким же циником я становлюсь...»

А ведь были времена, когда ему и вправду этого хотелось — когда у него не было забот серьезнее, чем планы учебных сражений и совещаний с Лидиэлью о том, как отвадить Аэлмаркина. Подумать только — ведь тогда он относился к лордам вроде Киндрета с уважением!

«Ну, зато теперь я в курсе...»

И помог ему в этом не один лишь собственный опыт и даже не откровенный разговор с Мот, затянувшийся на целую ночь. Последней каплей оказались все эти рукописи, что прошли через руки Киртиана: летопись интриг, измен и злоупотребления властью и силой, изложенная теми, кого сильные мира сего считали слишком ничтожными, чтобы следить за ними. Впрочем, если уж говорить начистоту, многие из них тоже были не подарок; они вели себя, словно куры в курятнике — разворачивались и принимались клевать тех, кто еще слабее. Но для Киртиана это стало весьма отрезвляющим, хотя и неприятным занятием — продираться сквозь их записи. А ведь авторы, наверное, думали, что их никогда никто не прочтет, кроме них самих...

«Интересно, а как с этим обстоят дела среди волшебников и свободных людей?» Теперь, лишившись большей части своих иллюзий, Киртиан предполагал, что там то же самое — ну разве что размах поменьше. Великие лорды были настолько могущественны, а те, кого манила их власть, настолько зацикливались на стремлении к ней, что эта самая власть развращала их всех. Избежать этого удавалось лишь тем, кто, как Мот, понимали, насколько опасна такая огромная власть, и сторонились ее. А долгая жизнь эльфов приводила к тому, что их развращенность и эгоизм достигали таких пределов, до которых людям было не дойти.

«Но есть ведь и другие! Такие, как Мот, Лидиэль — ну, и я сам, надеюсь». Власть не развращает, если ты понимаешь, насколько она опасна и с какой огромной ответственностью сопряжена. Киртиан надеялся, что среди волшебников и свободных людей все-таки есть те, кто это осознает.

Возможно, именно в этом понимании был ключ к поведению тех эльфийских лордов, что обращались с людьми, оказавшимися под их защитой, столь же уважительно, сколь и с эльфами-вассалами, и тех эльфов-вассалов, что обращались с людьми как с равными. Первыми были те, кто испытал на собственной шкуре гнет эвелонских высших лордов и твердо решил никогда не обращаться со слабыми так, как обращались с ними самими. А потом они передали эти воззрения своим потомкам.

А существовали ли еще такие семьи, как его собственная и семейство леди Мот? Не исключено. Во всяком случае, Киртиан позволял себе надеяться, что они таки существуют, но таятся, как таился он сам, а до него — его отец и дед. Возможно, они и действуют точно так же: сидят где-нибудь в глуши и стараются выглядеть в глазах великих лордов безнадежной деревенщиной, не заслуживающей внимания. Видят Предки, если бы не эта заноза Аэлмаркин, их семья никогда бы не привлекла к себе внимания Киндрета, и ему, Киртиану, не пришлось бы выставлять себя на всеобщее обозрение, да еще и в качестве специалиста по военному делу.

Тут Киртиан поймал себя на том, что уже некоторое время тупо пялится на одну и ту же страницу, совершенно не осознавая, что же там написано.

«Хватит! В конце концов, я ученый, а не философ!»

И он снова склонился над плотно исписанной страницей.

Через некоторое время внимание Киртиана привлек шепот, звучащий где-то неподалеку. Беседовали двое, и одним из собеседников был Джель — только вот Киртиан никогда прежде не слыхал от своего сержанта подобных интонаций.

Киртиан бросил быстрый взгляд поверх очередной рукописи. Ну, так и есть. Работа стоит, а Джель и красотка-наложница о чем-то шепчутся, почти соприкасаясь головами.

«Ну и ну! Никак этот гранитный утес наконец-то дал трещину?»

Киртиан даже не знал, смеяться ему или злиться. Не то чтобы он сам имел какие-то виды на эту девушку... Ну да, она достаточно привлекательна и талантлива, но те две наложницы, которые купила для него мать, не хуже. Но видеть, что его практичный, здравомыслящий товарищ так растаял из-за какой-то девчонки!..

А с другой стороны — это ведь Джель. Джель, научивший его владеть оружием и командовать армией, охранявший его, словно верный пес, и никогда ни о чем не просивший. Так какое он имеет право злиться, если Джель наконец-то встретил женщину, сумевшую затронуть его сердце?

«О, Предки!..»

Ну и как, спрашивается, ему со всем этим управляться? Скрывающиеся мятежники, угроза предательства со стороны великих лордов, поиски отца — а теперь еще и влюбленный Джель! Интересно, что пойдет следующим номером?

Тут Киртиан, засмотревшись на отнюдь не юного влюбленного, почувствовал на своем плече чью-то руку. Леди Мот вошла в библиотеку так тихо, что Киртиан даже не заметил ее. И лицо у нее было непроницаемым, словно маска. Это могло означать лишь одно: Мот снова что-то затеяла.

— У нас гостья, — прошептала Мот, метнув взгляд на Джеля и девушку. Те явно не замечали ничего вокруг. — И я полагаю, что тебе следует с ней повидаться.

«Ох, нет! Только не Триана!..»

— Передайте леди Триане, чтобы она... — начал было Киртиан.

Но Мот, приподняв бровь, перебила его:

— Не знаю, с чего ты вдруг подумал о ней, но это — не леди Триана. Давай откладывай этот дурацкий дневник, написанный какой-то бестолочью, и пошли со мной. Сию секунду!

Поняв, что от леди Мот так просто не отделаешься, Киртиан вздохнул, вложил в дневник закладку и встал из-за стола.

Влюбленные даже не заметили его ухода. Уже этого одного достаточно было, чтобы понять: да, Джель втюрился по уши.

«О Предки, только бы не оказалось, что Триана подсунула нам эту девчонку именно в расчете на Джеля, а вовсе не на меня!..»

Киртиан, разрываясь между весельем и беспокойством, даже как-то не обратил внимания, что леди Мот повела его не в гостиную, а в примыкающую к ней небольшую комнатку. А по этой комнатке нетерпеливо расхаживала какая-то молодая женщина. Женщина была зеленоглазой и рыжеволосой; одета она была в простую тунику, брюки и сапоги и, судя по крепкому телосложению, привыкла к физическому труду. Ну и зачем Мот потребовала, чтобы он непременно с ней встретился? Может, это одна из ее служанок, и она принесла какие-то важные сведения о молодых лордах?

— Лорд Киртиан, — официальным тоном произнесла Мот, — я полагаю, что вам о многом следует поговорить с Лашаной.

Киртиан раздраженно вздохнул. Он по-прежнему не понимал, что затеяла Мот. Мот, уловив этот вздох, вскинула голову и поджала губы, но в глазах у нее плясали озорные огоньки.

— Полагаю, ты мог знать ее под другим именем — Проклятие Эльфов.

Что?!

Все раздражение и нетерпение Киртиана улетучилось единым мигом. Он уставился на женщину, — та застыла, словно олень, готовый обратиться в бегство, — пытаясь понять, не ослышался ли он.

«Рыжие волосы — и эльфийские глаза. И уши. Кровь волшебников. Если только это не иллюзия...»

Но Мот иллюзиями не одурачишь. Мот уже доводилось встречаться с волшебниками. Сын ее подруги, Виридины, — волшебник.

— Лашана принесла с собой рекомендательное письмо от сына Виридины, — сказала Мот, словно прочитав мысли Киртиана.

«С нее станется! Хотя зачем ей читать мысли? Она и так знает меня наизусть, словно любимый сонет!»

— Я... я очень рад встрече с вами, Лашана, — осторожно произнес Киртиан. — Или, может, мне следует называть вас Проклятием Эльфов?

— Пожалуйста, не надо, — твердо сказала женщина. Она по-прежнему держалась настороженно, и чувствовалось, что ей не по себе. — Я никогда не претендовала на это имя.

Оба они вели себя так нескладно, что Мот рассмеялась.

— Киртиан, Лашана, да сядьте же вы, ради Предков! А то вы смотритесь, словно пара плохоньких изваяний!

Киртиан чуть-чуть расслабился и жестом пригласил Лашану присесть на соседний диван. Гостья повиновалась, но двигалась при этом скованно, словно какая-нибудь старуха с больными суставами. Сам Киртиан уселся на табурет, так чтобы оказаться чуть ниже ее.

— У меня мало времени, — в конце концов сказала Лашана. — И я не знаю, с чего лучше начать.

— Давайте я вам подскажу, — предложил Киртиан и попытался улыбнуться. — Начните с того, почему вы решили, что мне можно довериться. А вдруг бы я убил вас на месте?

Как он и надеялся, столь прямой и откровенный подход оказался наилучшим для общения с нею. Лашана принялась рассказывать — и ничего более удивительного Киртиан в жизни не слыхал. Ему стоило немалых усилий не пялиться на гостью, разинув рот. Подумать только: двое ее людей подобрались к нему настолько близко, чтобы стоять в карауле рядом с его собственной палаткой и следить за ним! Ну, теперь он точно скажет Джелю пару ласковых!

С какого-то момента Киртиан просто устал изумляться и впал в какой-то транс. Все это было слишком невероятным, чтобы поверить, — и однако же, Киртиан верил. Ибо рассказ Лашаны хорошо совмещался с тем, что уже было известно самому Киртиану.

Лашана говорила до тех пор, пока не начала хрипнуть. В какой-то момент она умолкла и многозначительно переглянулась с леди Мот.

— Ну, вот, — сказала она. — Теперь вы велите мне убираться прочь. Либо...

— Либо спрошу, осмелятся ли ваши волшебники взять в союзники эльфийского лорда, командующего армией, — договорил Киртиан, осознав вдруг, что именно ради этого она сюда и явилась. Блестящий шаг! Дерзкий — и вместе с тем совершенно логичный. А с другой стороны — совершенно нелогичный. Как она решилась довериться чистокровному эльфу?

Лашана уставилась на него — и вдруг напряжение покинуло ее. Просто вытекло, словно вода из треснутого кувшина.

— Огонь и Дождь! — негромко воскликнула она. — Вы и вправду точно такой, как рассказывал Кеман!

Неужто она читает его мысли, пользуясь той самой магией, которой владели некоторые из его людей и людей Мот?

— Только то, что лежит на поверхности, — тут же откликнулась Лашана. — Я ничего у вас не вынюхиваю. И никто из нас не стал бы этого делать. Если хотите, я научу вас способу закрывать от постороннего взгляда даже те мысли, которые лежат на поверхности.

Киртиан внимательно вгляделся в ее изумрудные глаза — похожие и непохожие на глаза чистокровных эльфов — и не увидел в них ничего, кроме искренности.

— Буду вам очень признателен, — отозвался он. — Но с этим придется подождать. А пока что, полагаю, вам известно о моих людях?

И тут вдруг его осенила блестящая идея. Теперь он может защитить мать и своих людей — что бы ни сталось с ним самим! И по удивлению, промелькнувшему в глазах гостьи, Киртиан понял, что она услышала эту его мысль.

— Конечно! — воскликнула Лашана. — Ну, конечно, лорд Киртиан! Мы можем принять к себе ваших людей, если им придется спасаться бегством, — и непременно это сделаем! Для этого хватит обычных порталов — то есть магии перемещения. И мы сделаем все от нас зависящее, чтобы вашим людям ничего не угрожало. И вам нечего бояться за вашу мать и других эльфов вашего дома — с нами уже живет сводная сестра Лоррина, и ее приняли как свою.

Вот теперь уже Киртиан обмяк от внезапно нахлынувшего облегчения.

— Благие Предки! — пробормотал он, стирая испарину со лба. — Если бы вы только знали, что для меня значат эти ваши слова...

Тут Киртиан оборвал себя и слабо улыбнулся.

— Хотя — чего это я? Конечно же, вы знаете.

Но от решения одной проблемы другие никуда не делись. А раз у этой женщины мало времени, надо немедленно обсудить план действий.

— Будьте благословенны, Лашана. Ну а теперь давайте решим, что я могу сделать для вас и ваших друзей.

Мягко говоря, Джель не пришел в восторг.

— Если ты еще хоть раз попрешься очертя голову на встречу с женщиной, про которую ничего не знаешь, а меня с собой не возьмешь, клянусь, я засуну тебя головой в лошадиную поилку и буду так держать, пока ты не поумнеешь!

Киртиан откинулся на спинку кресла. Он не собирался отступать. Нет, он не винил старого друга, но что-то ему подсказывало, что Джелю и Лашане пока что лучше не встречаться. У них просто не хватило бы времени усыпить подозрения Джеля, и, пока они добились бы хоть какого-то взаимопонимания, Лашане уже нужно было бы уходить. Предки! Как же она рисковала, явившись сюда, к нему! И с каждой минутой опасность возрастала. Ее ведь могли обнаружить!

Стоявшая перед Джелем тарелка с едой осталась нетронутой. Сам Киртиан как-то умудрился запихнуть в себя обед, пока рассказывал Джелю, какое чудо произошло сегодня вот в этой самой, до безобразия обыкновенной комнате.

— Джель, при разговоре неотлучно присутствовала Мортена. Да и в конце концов, что бы мне сделала одна-единственная девчонка-волшебница? — рассудительно поинтересовался Киртиан.

— Надеюсь, ты понимаешь, что она могла наобещать тебе кучу всего, на что не имела полномочий? — пробурчал Джель.

— Мортена сказала, что Лашана облечена властью, а я вполне полагаюсь на ее слово.

Киртиана переполняли планы, и даже раздражение Джеля не могло отвлечь его от размышлений. А ведь, пожалуй, больше всего его старого друга разозлило то, что он, Киртиан, впервые принял столь серьезное решение без его присмотра.

— Я знаю, что делаю, Джель, — твердо, убежденно произнес Киртиан.

Джель посмотрел на него, приподняв бровь, потом медленно, неохотно кивнул. Лицо его как-то вдруг изменилось. Гнев сменился горечью поражения.

— Пожалуй, знаешь, — медленно произнес Джель. — Пожалуй, я больше тебе не нужен.

Теперь уже Киртиан, в свой черед, взбеленился и швырнул вилку на тарелку.

— Да что за чушь?! Я скорее правую руку себе отрежу! Слушай, нам нужно обдумать все непредвиденные обстоятельства, какие только могут стрястись, и составить хотя бы приблизительные планы на тот случай, если...

Тут в дверь постучались, и в проеме показалась голова леди Мот.

— Не знай я тебя так хорошо, я бы заподозрила, что ты — волшебник или что ты накликал эту шлюху на нашу голову, когда так неосторожно упомянул ее имя, — мрачно сказала Мот. — Похоже, такова сегодня моя судьба — весь день принимать гостей, причем самых разнообразных.

На этот раз Киртиан был твердо уверен, что знает, кто к ним наведался.

— Ой, нет! — простонал он. — Только леди Трианы нам тут не хватало!

Глава 25

— Мот! Не могли бы вы немного задержать эту су... то есть леди Триану? — с отчаянием спросил Киртиан, обхватив голову руками. — Я просто не в состоянии беседовать с нею прямо сейчас.

— Ну, может быть. — Раздражение Мот сменилось весельем. — На самом деле, это даже любопытно. Этакий вызов. А ты пока поговори с Джелем. Он явно сможет тебе что-нибудь посоветовать. А кроме того, ты не в том виде, чтобы показываться на глаза леди — тебе надо, по крайней мере, вымыться. — Мот неодобрительно оглядела племянника. — Уж поверь мне на слово: тебе сейчас следует привести мозги в порядок и явиться к леди Триане с парадным, но непроницаемым видом. А я пока что буду приставать к ней и требовать, чтобы она во всех подробностях рассказала обо всех последних любовных историях, ссорах и интригах. Я ведь некоторое время была отрезана от общества — а всем известно, что я жуткая старая сплетница. Ну, а если мне не удастся ее занять, так Виридина поможет.

— Ничего вы и не старая! — возразил Киртиан и, не удержавшись, улыбнулся. — Спасибо большое.

Мот была совершенно права: ему стоило привести мозги в порядок, а на это требовалось время. Леди Мот покинула библиотеку и отправилась сплетничать с гостьей: ну ведь нужно же ей узнать все новости, прошедшие мимо нее из-за молодых лордов! А Киртиану предстояло быстренько провернуть кучу дел. И прежде всего — предупредить наложницу, что леди Триана здесь.

Но когда Киртиан встал из-за стола, Джель наконец-то оторвался от беседы с девушкой. Как там ее — Ренна? Реанна? А, Реннати! Они оба подняли головы и уставились на подошедшего Киртиана.

— Я рассказываю Реннати, что у тебя побывала гостья, — начал Джель. Киртиан едва не впал в панику, но Джель незаметно подмигнул ему, и Киртиан успокоился. — Хорошо, что эти несчастные рабы, которых заставили воевать на стороне молодых лордов, сообразили наконец-то, что сами они ни в чем не виноваты, и прислали к тебе представителя.

«Хвала Предкам, он не стал рассказывать ей правду!» — с облегчением подумал Киртиан.

— Ну, в общем, да, нельзя винить их за то, что они прислали ко мне представителя с просьбой заступиться за них, — бодро соврал он. — Они еще не поняли, что леди Мот обращается со своими слугами ничуть не хуже, чем мы со своими. Но у нас еще одна посетительница. Леди Мот сообщила о прибытии леди Трианы.

Лицо Реннати сделалось белым как мел. Уже одного этого, даже если бы Киртиан еще не знал всей истории, хватило бы, чтобы понять, что девушка втайне работает на леди Триану. М-да, неважно же Триана выбирала свое орудие, раз девушка так легко себя выдает.

Хотя на самом-то деле Триана никогда особо не думала о людях — только о том, как их использовать. Наверное, ей и в голову не пришло, что Киртиан или Джель — да кто угодно! — будет следить за девушкой, чтобы проверить, как та отреагирует на имя Трианы.

Но Джель тут же накрыл своей обветренной, загорелой лапищей изящную ручку девушки и хрипло произнес:

— Слушай, Реннати, ей вовсе не обязательно знать, что ты здесь...

— Наоборот, — твердо сказал Киртиан. — Я как раз хочу, чтобы Триана знала, что она здесь. По правде говоря, я кое-что придумал. Пожалуй, это немного унизительно для тебя, — добавил он, повернувшись к девушке, — но, если ты сможешь вытерпеть толику унижения, думаю, нам удастся сделать так, чтобы Триана навсегда о тебе позабыла. Но для этого потребуется твоя помощь.

Киртиан объяснил им свой замысел. Девушка вспыхнула от смущения, а Джель недовольно заворчал, но оба согласились, что это единственно возможный выход.

— Наверное, она постарается где-нибудь подкараулить тебя сегодня вечером, хотя бы для того, чтобы забрать свое телесоновое кольцо, — предупредил девушку Киртиан. — Думаю, мы устроим все так, чтобы в случае чего можно было быстро вмешаться. Но ты имей в виду, что если она заберет кольцо, то разорвет всякую связь с тобой и покажет тем самым, что ты ее больше не интересуешь.

«И если Лашана сказала правду, то в ближайшее время у нас появятся приспособления, которые позволят полностью обезвредить ошейник, который она на тебя нацепила», — подумал Киртиан, но не стал этого говорить. Эту тайну он предпочитал оставить при себе — по крайней мере до тех пор, пока леди Триана не уберется отсюда.

Реннати кивнула и облизала губы.

— Наверное, так будет лучше всего, мой лорд, — прошептала она. Джель успокаивающе пожал ей руку. — Тогда я пойду к себе в комнату, чтобы приготовиться.

— А я — к себе, — отозвался Киртиан, с трудом сдержавшись, чтобы не застонать. Он ушел, оставив влюбленных наедине. Джель не раз обращался к солдатам с речью, чтобы поднять их боевой дух, значит, как-нибудь найдет и нужные слова, чтобы приободрить маленькую танцовщицу.

У Киртиана не было при себе одежды, подходящей для официальной встречи, потому он попросил слуг Мот порыться в шкафах ее покойного мужа и подобрать что-нибудь поприличнее. Потом он пустил в ход немного магии, чтобы подогнать по себе черно-серебряный наряд из мягкого шелка, и в результате приобрел довольно представительный вид. Убедившись, что выглядит сейчас как преуспевающий, деловой военачальник (во всяком случае, он на это надеялся), Киртиан спустился со второго этажа в гостиную леди Мот.

Когда он вошел в просторную комнату, бледно-розовую с золотом, леди прервали свою беседу. Леди Триана сидела на диване, а леди Виридина и леди Мот взяли ее в клещи, пристроившись по бокам.

Если женские наряды могут служить оружием — а судя по тому, что Киртиану было известно о Триане, именно так она их и использовала, — то леди Триана прибыла сюда вооруженной до зубов. В ее наряде не было ничего излишнего и ничего такого, что могло бы вызвать неудовольствие другой леди, — не считая того, что шелковое платье Трианы было телесного цвета, и хотя оно и окутывало ее с головы до ног, но при этом было столь откровенным, что превзойти его могла бы разве что полная нагота. Но эффект создавался весьма тонкий и искусный; благодаря тому, что шелк был плотным и тяжелым, он демонстрировал при движении прелести Трианы, но очень ненавязчиво. Цвет усиливал возникающее впечатление, и Киртиан, с учетом нынешних своих знаний об этой леди, не мог не восхититься тем искусством, с каким Триана действовала на своем поле боя.

Однако же это совершенно не означало, что он был намерен пасть ее жертвой.

Киртиан кивнул всем трем дамам сразу, потом шагнул вперед, уже более церемонно поклонился леди Триане и поцеловал ей руку.

— Леди Триана, мне не раз доводилось слышать хвалу в ваш адрес, — сказал он, постаравшись, чтобы в голосе его не проскользнула ирония.

— Аналогично, лорд Киртиан, — отозвалась Триана. — Особенно — от моего друга, лорда Киндрета. Он столько о вас рассказывал, что, когда я узнала, что вы здесь, у леди Мортены, я не утерпела и решила подвергнуть испытанию ее гостеприимство, чтобы только познакомиться с вами.

«Недурственно. Сперва она обронила имя Киндрета, чтоб дать понять, что я не смогу просто взять и отмахнуться от нее, а потом пустила в ход свое очарование». Триана определенно сделала все это преднамеренно, но — что удивительнее всего — это не бросалось в глаза. Будь Киртиан столь же простодушен и наивен, как в то время, когда он только-только заступил на пост главнокомандующего, он, несомненно, подпал бы под обаяние Трианы. Киртиан всегда склонен был верить окружающим до тех пор, пока они не доказывали, что недостойны

доверия. Но если бы он отнесся так к Триане, то вскоре был бы свято уверен, что она вовсе не такая плохая, как о ней рассказывают.

«Ну и как же мне теперь себя вести?» На самом деле, Киртиан ничего не хотел от Трианы — только чтобы она побыстрее убралась. Вряд ли ему удастся выведать у нее что-то толковое — а вот она, по чести говоря, может очень много разузнать у него или про него, если задержится здесь надолго.

— Хотелось бы верить, что я вас не разочарую, но должен признаться, что меня находят ужасно скучным, — откровенно заявил Киртиан. — И обычно говорят мне об этом прямо в лицо. Я никогда ничем не интересовался, помимо воинского искусства, моя леди, а теперь попросту не могу себе этого позволить.

Подобная откровенность застала Триану врасплох. Киртиан прямо-таки видел, как она пытается сообразить: что бы такого лестного сказать, чтобы это не выглядело лестью.

— Ну, поскольку мне пока не выпадало случая с вами побеседовать, я не могу об этом судить, — сказала в конце концов Триана и рассмеялась низким, грудным смехом. У многих восприимчивых юношей от этого смеха перехватило бы дыхание.

— Вам не понадобится много времени, чтобы убедиться в этом лично, — до грубости прямолинейно сообщил Киртиан. От дальнейшего обмена любезностями его спасло появление слуги, сообщившего, что кушать подано. Конечно же, Триану тоже пригласили отобедать. И на ночь ее тоже придется оставлять, поскольку она проделала долгий путь — как и любой гость, явившийся без приглашения: приехала от ближайшего портала, к которому у нее был ключ. Возможно, Киндрет лично доставил ее на последнюю стоянку армии, а оттуда до поместья Мот было не больше дня езды, да и то если ехать не торопясь. И если Триана и вправду поддерживает какие-то отношения с Киндретом, тот спокойно мог бы это проделать.

А это значит, что она, возможно, работает в союзе с Киндретом, а не с Аэлмаркином.

«Или с обоими одновременно». Учитывая то, что рассказала ему о Киндрете Лашана, можно было не сомневаться, что, как только бывший благодетель Киртиана увидит в нем соперника, Киртиан тут же будет устранен. А это, конечно же, будет на руку Аэлмаркину. А потому совершенно неважно, на кого именно работает Триана, на кузена Киртиана или на великого лор-

да. Ему все равно надо старательно изображать грубого солдата, чье счастье в войне, а до политики ему и дела нет.

Отлично. Теперь понятно, какой тактики придерживаться. Обед, в соответствии с распоряжениями Мот, проходил в уютной интимной остановке. Это вполне устраивало Киртиана. На всем протяжении обеда он усердно трудился над созданием образа маньяка, одержимого двумя стремлениями: во-первых, совершенствовать свое воинское искусство, а во-вторых — разыскать отца или хотя бы разузнать о его судьбе. От всех намеков на то, что он мог бы — если Совет решит, что больше не нуждается в его услугах как главнокомандующего, — занять место в Совете, Киртиан попросту отмахивался.

— Ни за что! — воскликнул он, когда Триана, устав от намеков, сказала об этом прямо. — Я там свихнусь в первый же день! Да я скорее займусь ваянием цветов! Цветы хотя бы не будут со мной спорить!

Триана явно удивилась, но не растерялась. Напротив — стоило лишь Киртиану высказать свое мнение по данному вопросу, как она принялась всячески его поддерживать.

— Ну, в таком случае... скажем, ваши методы обучения наверняка будут творить чудеса с рабами-гладиаторами, — вкрадчиво произнесла Триана. — Возможно, если вам не хочется разводить их самостоятельно, вы могли бы объединиться с каким-нибудь заводчиком и открыть школу.

— Мог бы.

Тут Киртиан решил подкинуть Триане еще одну головоломку.

— Конечно, — напыщенно заявил он, — до тех пор, пока эти презренные волшебники существуют, Совету нужна будет армия, чтобы уничтожать их, — и я, чтобы возглавлять эту армию. Может, они и неплохие тактики по сравнению с... ладно, обойдемся без имен, — но я лучше.

Благодаря Лашане Киртиан знал то, чего еще не ведала Триана: что два эльфийских лорда, долго просидевших в плену у людей, уже выпущены неподалеку от поместья Чейнара и что им подсадили фальшивые воспоминания о второй, доселе совершенно неизвестной группе волшебников, скрывающихся где-то в тех же краях, среди странных холмов и лесов. И Киртиан знал, что как только Совет узнает об этих загадочных волшебниках, притаившихся прямо у них под боком, там поднимется паника. И его непременно отправят на поиски этого нового гнезда волшебников.

Особенно если Триана перескажет его высокомерные заявления Киндрету или Аэлмаркину, или обоим вместе. Для Киндрета вообще очень выгодно отправить Киртиана на охоту за волшебниками. Если те его разобьют, он наверняка погибнет — в прошлом волшебники всегда строили свою стратегию на убийстве военачальников эльфов, и вряд ли с тех пор их нравы изменились. Если же Киртиан разобьет волшебников, Киндрет упрочит свое положение, а Киртиана можно будет снова отослать на розыски отца. Что же до Аэлмаркина, тот, несомненно, будет надеяться на смерть кузена и ожидать благоприятного момента.

А когда Киндрет услышит, как именно Киртиан намерен искать вымышленных волшебников, он возрадуется вдвойне...

— Прошу прощения, мой лорд, — произнес один из «рабов» Мот, держась столь чопорно и церемонно, что даже самый строгий ревнитель этикета не смог бы к нему придраться. — Вы желали завершить некое дело. Рабы доставлены и ждут, пока вы соизволите ими заняться.

Парню стоило больших трудов сдержаться; Киртиан видел, что в глазах у него пляшут озорные огоньки, но серьезное лицо Киртиана, на котором отражалась лишь мрачная радость, помогло ливрейному слуге сохранить самообладание.

— Простите, моя леди, — обратился Киртиан к Триане, — но я запланировал на нынешний вечер одно дельце и не додумался отменить свои распоряжения. Надеюсь, вы не возражаете, если я быстренько с ним покончу?

— Это какое-то наказание?

На миг в ее глазах промелькнуло жадное нетерпение, и Киртиана замутило. «Хвала Предкам, что меня предупредили, что она собой представляет...»

— Нет, моя леди. Напротив, это награждение.

Он повернулся к рабу Мот, застывшему рядом с ним, словно истукан.

— Введи их.

Парень поклонился и вышел. Несколько секунд спустя он вернулся; за ним шел Джель в сопровождении двух бойцов, а следом — Реннати и парочка служанок Мот. Все, естественно, люди...

Киртиан позволил себе улыбнуться.

— Сержант Джель, — властным, не терпящим возражений тоном произнес он, — ты много лет безупречно служил мне, но

во время нынешней кампании против мятежников ты превзошел всех моих рабов. Я не хочу терять тебя. Но еще больше я не хочу терять такую превосходную породу. Я решил отправить тебя в отставку, а чтобы твоя порода не прервалась и продолжала поставлять мне прекрасных бойцов и тактиков, я дарю тебе эту красотку.

Киртиан взмахнул рукой, и служанки вытолкнули Реннати вперед. Несчастная девочка потупилась и отчаянно покраснела. Джель старательно изображал полнейшее ошеломление.

— Она в некотором смысле тоже атлет, — Киртиан издал скабрезный смешок, — так что вы друг дружку поймете. Учитывая ее умения и достоинства, ты, надеюсь, продолжишь свой род на пользу мне и с удовольствием для себя.

Джель опустил глаза и опустился на колено. Киртиан заметил, как побагровела у него шея; да, хорошо, что Джель понимает, что вся эта оскорбительная речь предназначена специально для ушей Трианы, а то сейчас старый друг ему бы чего-нибудь оторвал.

— Благодарю за великую милость, мой лорд, — пробормотал Джель сквозь зубы. К счастью, от того, что голова у него была опущена, это прозвучало вполне искренне и почтительно.

— Тогда давай бери девчонку и постарайся как можно быстрее отблагодарить меня за щедрость, — беззаботно произнес Киртиан и махнул рукой, давая понять, что они могут идти. Джель встал, ухватил Реннати за руку — та не сопротивлялась — и буквально выволок девушку из зала. Остальные «рабы» вышли следом.

«Ох, и будет же мне на следующей тренировке! Джель мне все припомнит!»

Киртиан повернулся к Триане. Та потрясенно следила за происходящим.

— Мать как-то по случаю купила для меня эту малышку-танцовщицу, — пояснил Киртиан. — Ничего, свое дело знает. Так что сможет позаботиться, чтобы этот приятель выполнил свой долг перед ней и передо мной. Обучена она неплохо — за это я могу поручиться. А самое главное — у нее великолепные физические данные и отличная реакция. Так что, если эта парочка не произведет для меня нескольких отличных телохранителей, я съем свои сапоги без приправы.

Тут он притворился, будто лишь сейчас заметил потрясенное лицо Трианы.

— Ох, простите, моя леди. Я не хотел вас шокировать излишней откровенностью — просто, насколько я понял, вы тоже занимаетесь племенной работой...

Триана взяла себя в руки и неискренне улыбнулась.

— О, мой лорд, вы ничуть меня не шокировали, — отозвалась она. — Я просто прикидывала, какие результаты может дать подобное спаривание. Да, телохранители должны получиться прекрасные, но я, честно говоря, надеялась бы, что выводок пойдет внешностью в нее, а не в него! — И она снова рассмеялась своим грудным смехом. — Не забывайте — я ведь развожу декоративные породы!

— Конечно-конечно!

Киртиан быстро перевел разговор на другие темы, и обед постепенно потек к своему завершению.

Вскоре Киртиан, в соответствии с обычаями, удалился, оставив леди наслаждаться винами и беседой. Он мысленно благословил обычай, позволивший ему удрать из-за стола раньше Трианы.

Теперь она попытается добраться до Реннати — в этом можно не сомневаться. Но случится это не сегодня и не на ее условиях. Эта встреча состоится завтра, в том месте и в то время, которые будут устраивать Киртиана.

Киртиан столь внимательно изучал бледно-розовый мраморный коридор, примыкающий к покоям, отведенным леди Триане, словно они готовили засаду на леди. В некотором смысле это и вправду была засада. Реннати спряталась в вымощенной мрамором нише неподалеку от дверей. Чуть подальше, за слегка приоткрытой двустворчатой бронзовой дверью ждала леди Виридина. А еще дальше, в конце коридора, за резной дверью одной из гостиных притаился сам Киртиан. Если Триана слишком рьяно примется изводить маленькую танцовщицу, на сцене появится Виридина. А если Реннати не удастся сбежать даже с появлением Виридины, подойдет Киртиан и заявит права на «свою» рабыню.

Двери, конечно же, открывались беззвучно, и Киртиан догадался о появлении Трианы, лишь заслышав быстрые шаги Реннати по пушистому ковру.

— Моя леди, я молю вас о милости! — высокий, чистый голос Реннати колокольчиком разнесся по коридору. В нем звучало отчаяние.

Небольшой магический фокус, благоразумно подготовленный заранее, позволял Киртиану слышать каждое слово.

— Моя леди... — повторила Реннати, бросаясь на колени перед Трианой. Та приостановилась у открытых дверей. — Простите меня, моя леди... я подвела вас... я знаю, что подвела вас...

— Да, подвела, — спокойно, невозмутимо отозвалась Триана. — Ты не сообщила мне почти ничего полезного. Ты была с лордом Киртианом всего раз, и то недолго. А теперь он превратил тебя в простую производительницу, а это значит, что тебя удалят из его дома и ты будешь заниматься вещами, которые меня совершенно не интересуют. Я недовольна тобой.

Киртиан осторожно выглянул в щелку. Реннати стояла, опустив голову, и дрожала от страха. Несчастное дитя не притворялось — она и вправду боялась Трианы. Девушка проявила редкостную отвагу, решившись на этот шаг, но и она, и Киртиан знали, что у нее нет другого способа ускользнуть из сетей Трианы.

— У меня не было выбора, моя леди, — униженно пробормотала Реннати. — Я всего лишь рабыня, я не могу сама решать, где мне находиться.

Триана хмыкнула. Киртиан вновь осторожно приник к щели. Триана нависала над Реннати, взирая на девушку с неприкрытым отвращением.

— Если бы у тебя была хоть капля честолюбия... — Она покачала головой. — Я не награждаю бездельников. Ты во многом сама повинна в своих неудачах. Ты не сумела стать незаменимой для лорда Киртиана.

— Да, моя леди.

Казалось, что Реннати вот-вот упадет.

— Ты умудрилась сама навлечь на себя свою кару, дурочка. И будешь рожать от этого старого урода! Вероятно, он будет тебя бить, если ты ему не угодишь, и брать тебя, как животное, когда угодишь. Пожалуй, я сама не придумала бы лучшего наказания.

Она расхохоталась, и в этом смехе звучала такая жестокость, что Киртиана пробрал озноб.

— Надеюсь, он сделает тебя достаточно несчастной. Ну, а теперь... у тебя осталось кое-что, принадлежащее мне.

И Триана повелительно протянула руку.

Реннати, трепеща, словно ива в бурю, сняла с пальца телесоновое кольцо и положила на ладонь Триане. Триана надела

кольцо и пнула танцовщицу; та потеряла равновесие и рухнула на ковер. Триана издала последний омерзительный смешок и зашагала прочь.

Реннати так и лежала, дрожа всем телом, пока Триана не скрылась из виду. Виридина и Киртиан тоже не смели высунуться из укрытий. И лишь убедившись, что Триана ушла, они выскочили в коридор...

И обнаружили, что Реннати трясет не от страха и не от слез, а от смеха, вызванного схлынувшим напряжением. Киртиан помог девушке встать, а Виридина принялась хлопотать над ней. Да уж, редкостное зрелище: эльфийская леди хлопочет над какой-то человечкой!

В конце концов Реннати даже попыталась слабо запротестовать.

— Со мной все в порядке, правда-правда. Спасибо вам, моя леди, спасибо, что вы были так близко, но со мной все в порядке. Я только боялась, что, если кто-то из вас вмешается, она заподозрит неладное.

— Ты все сделала превосходно, юная леди, — похвалил ее Киртиан. — Просто превосходно. Лучшего и желать было нельзя. Должен признать, что я не ожидал от тебя подобных актерских способностей.

— Я чуть было не рассмеялась, когда она принялась расписывать бедного Джеля, — сказала Реннати и очаровательно зарделась. — Она совершенно не представляет, какой он на самом деле...

— И прекрасно, что не представляет! А теперь я должен извиниться за то, что втянул тебя в эту передрягу, и за вчерашний вечер, — добавил Киртиан. — Надеюсь, ты меня простишь?

— Прощу, если... — девушка покраснела еще сильнее. — Если вы... не передумаете... ну, насчет меня и Джеля...

— Милое дитя, но это сугубо ваше личное дело! — воскликнул Киртиан, вскидывая руки в притворном испуге. Реннати и Виридина захихикали, словно девчонки. — Я-то тут при чем? Если у тебя хватит храбрости захомутать и приручить этого негодника — владей им на здоровье!

Виридина с Реннати прыснули в ладошки и убежали в комнату к Виридине — несомненно, для того, чтобы обсудить планы по завоеванию бедняги Джеля. «Ну, все, Джель, ты попал — против них тебе не выстоять!» Ну, как бы там ни было, по крайней мере с одним важным делом было покончено: у Трианы

больше нет шпиона в его доме, и навряд ли ей удастся завести другого. Теперь можно продолжать библиотечные изыскания и ждать, пока два «пропавших» эльфийских лорда найдутся, а Совет узнает о «новых волшебниках» и забегает в панике.

Триана уехала на следующий же день, и никто — и уж меньше всех Киртиан — не пожалел об ее отъезде, хотя леди Мот и утверждала вслух обратное. С отъездом Трианы жизнь снова вошла в нормальную колею.

Однако Киртиан перестал и пытаться использовать Джеля и Реннати в качестве помощников. Вместо этого он привлек к делу двоих рабов, освобожденных от власти молодых лордов, на редкость смышленых близнецов. Их растили в качестве домашних слуг — правда, не настолько красивых, чтобы выставлять их напоказ; но на самом деле и в качестве лакеев, и в качестве бойцов, каковых из них пытались сделать молодые лорды, близнецы были совершенно не на своем месте. Они быстро уразумели, что от них хочет Киртиан, а поскольку их в свое время обучили чтению и письму, вскоре они уже помогали ему выискивать нужную информацию. Как только Киртиан определял, что автор дневников жил в слишком позднее время, не представляющее для него интереса, ребята тут же прочесывали оставшиеся ящики и изымали из них все, написанное этим автором, а потом расставляли изъятое по полкам. В результате задача, стоящая перед Киртианом, стала выглядеть чуть менее устрашающей.

Тем временем Реннати явно решила воспользоваться полученным от лорда дозволением. Она повела осаду «крепости», и, на взгляд Киртиана, Джель мог уже сейчас выбрасывать белый флаг, ибо шансов на спасение у него не было. Впрочем, не похоже, чтобы эта перспектива сильно его огорчала. Но, право, странно было видеть, как Реннати собирает в саду цветы, чтобы украсить комнаты леди Мот, а суровый Джель бродит за ней с затуманенным взором и носит корзинку.

Прошло три дня, потом четыре, а о двух пропавших лордах до сих пор не было ни слуху ни духу.

С одной стороны, Киртиан был только рад этому, поскольку мог лишний день покопаться в книгах.

С другой же стороны он с каждым днем нервничал все сильнее. Чем сейчас заняты лорд Киндрет и Совет? Что они замышляют? И самое главное — передала ли им Триана, что он совер-

шенно не жаждет заполучить титул великого лорда и воссесть в Совете? Если она поверила в это, то убедит и Киндрета.

От Проклятия Эльфов тоже ничего не было слышно, но как раз это Киртиана не особо удивляло. Она и так ужасно рисковала, придя сюда. Пожалуй, лучше было бы устроить следующую встречу где-нибудь в глуши — наверное, уже тогда, когда он отправится гоняться за вымышленными волшебниками.

Лишь на четвертый день после отъезда Трианы Киртиана наконец-то позвали к телесону. Когда Киртиан увидел на плоском экране лицо лорда Киндрета, ему потребовалось все его самообладание, чтобы сохранить заинтересованное, но спокойное выражение.

— Мой лорд, произошло нечто совершенно неожиданное, — с плохо сдерживаемым нетерпением произнес Киндрет. — Вернулись два незначительных эльфийских лорда, пропавших несколько десятилетий назад. Мы полагали, что они погибли во время охотничьей вылазки. Их обнаружили рабы лорда Чейнара и привели в поместье. И их история... она устрашает.

«Предки! Они умудрились пройти весь путь от леса до поместья? Да они же небось теперь едва на ногах держатся!»

— И где же они были все это время? — спросил Киртиан, изобразив некоторое беспокойство. — Я знаю, что этот лес пользуется дурной славой, но как можно блуждать по нему несколько десятилетий?

— Они утверждают, что находились в плену у волшебников, — ответил Киндрет. — Им удалось бежать благодаря обвалу в пещере. Но есть одно «но»: волшебники, которые держали их в плену, не те, с которыми мы воевали!

— Предки! — воскликнул Киртиан, отшатываясь в притворном изумлении. — Но это... это ужасно!

— Вот именно. И теперь Совет бурлит, — уныло отозвался Киндрет. — Нам необходимо разыскать этих тварей и уничтожить их. Если они расположились где-то неподалеку от поместья Чейнара...

— То они находятся недопустимо близко к нам, сколько бы их там ни было, — твердо произнес Киртиан. — Я займусь этим, мой лорд. Мои рабы натасканы именно на эту работу. Мы прочешем лес небольшими отрядами, а потом, когда найдем их гнездо, вернемся туда уже с крупным войском и сотрем их в порошок.

— Я знал, что могу положиться на вас, — с неприкрытым облегчением сказал Киндрет и прервал связь.

Киртиан расхохотался и вскочил. Теперь он всем покажет, на что способен! Вот ради чего он тренировался всю жизнь!

И пускай Киндрет и прочие лорды строят планы сколько им влезет. Он, Киртиан, теперь на стороне правых.

Глава 26

Поместье Киртиана располагалось примерно на полпути между владениями леди Мот и лорда Чейнара, на краю неровной окружности — границы эльфийских владений. Возможно, если бы срезать путь через чужие земли, он оказался бы короче, но быстрее было вернуться домой, воспользовавшись порталом Мот, собрать всех, кто ему понадобится, и оттуда уже отправиться в ближайшее к нужному месту поместье — конечно, в то, которое согласится пропустить его через свой портал. В данном случае это было поместье покойного лорда Дирана, попавшее в конечном итоге в руки к лорду Киндрету. Поместье Дирана граничило с пустыней; владение Чейнара, расположенное между поместьем Дирана и прочими эльфийскими землями, соседствовало с холмами, постепенно переходящими в невысокие, поросшие лесом горы. И в холмах, и в горах было довольно влажно. Из-за этой влажности почти весь зимний сезон над поместьем висели тучи и моросил мелкий, нудный дождь. Большего контраста не придумаешь. Но самым интересным было не это. Самым интересным было то, что и в холмах, и в горах имелось множество пещер.

Кроме того, если он сперва отправится домой, то нужно будет оставить Реннати там. Одной проблемой меньше. И, кстати, появится убедительный повод оставить еще и Джеля. Не то чтобы Киртиану хотелось избавиться от Джеля — просто в этом походе без него можно было обойтись. А Киртиану очень хотелось, чтобы дома в его отсутствие оставался кто-нибудь, на кого можно положиться. Да, леди Лидиэль умна и проницательна, но она не солдат. А там, где нужны солдаты, Джель командует не хуже Киртиана, а то и лучше.

Что же касается его собственных войск — они уже успели устать от войны и с радостью вернутся к покинутым полям, фермам и домашнему хозяйству. Так что пора возвращаться. Судьба была милостива к ним — домой вернутся все. Среди людей Киртиана не было ни погибших, ни даже серьезно пострадавших: никто не покалечился и не получил опасных травм. Впрочем, нельзя сказать, что они обязаны этим исключительно удаче или совпадению. Просто люди Киртиана обладали куда большим боевым опытом, чем солдаты молодых лордов, и наглядно продемонстрировали свое превосходство.

Киртиан невероятно гордился этим. Ведь это же не были профессионалы, обученные бойцы — это были крестьяне, домашняя прислуга, пастухи! Но они искренне увлеклись военными играми, и когда настала пора показать, чему же они научились, они отнеслись к делу с таким рвением, о котором Киртиан не мог и мечтать.

Киртиан даже не знал, как их вознаградить; обычный пир, который задавался после каждой их учебной кампании, казался явно недостаточным. Проводя последних своих людей через портал Мот, Киртиан мысленно сделал себе пометку: непременно посоветоваться с матерью по этому поводу. Уж если кто-то и сможет придумать, так это она.

В конце концов перед входом в портал осталось всего трое: сам Киртиан, Джель и Реннати. Киртиан взглянул на Джеля — тот, не таясь, привлек к себе встревоженную маленькую танцовщицу — и понял, что по крайней мере для одного человека он без особых сложностей найдет достойное вознаграждение. Эта мысль его позабавила. В той напыщенной хамской речи, которую он произнес перед леди Трианой, все-таки была капля правды. Киртиан надеялся, что у Джеля будет сын — а лучше несколько, — который сможет впоследствии занять место отца. Лучшего телохранителя и лучшего друга, чем Джель, нельзя было и желать, и Киртиану не хотелось думать о том дне, когда ему придется попросить Джеля уступить свое место другому. Но хочет он того или не хочет, а когда-то это все равно произойдет. И Киртиан предпочел бы, чтобы со временем ему служил не кто-нибудь чужой, а прапрапраправнук Джеля. Да, за долгую жизнь тоже приходится чем-то платить.

Киртиан отогнал печальную мысль и вернулся к делам нынешним. Леди Лидиэль наверняка обрадуется и развеселится, узнав о романе Реннати и Джеля. Она всегда была заядлой сваxой и не раз пыталась подыскать Джелю пару, но безуспешно. Так что ей такой оборот придется по душе.

«Эти двое и оглянуться не успеют, а она уже засунет их в отдельный домик или отведет им покои».

— Давайте идите, — сказал Киртиан Джелю и Реннати, сопроводив свои слова взмахом руки. Они шагнули в черноту портала, а Киртиан повернулся к Мот.

— С вами ничего не стрясется? — спросил он. — Вы сможете удержать этих полоумных мальчишек, чтобы они не попытались устроить новое восстание и не попались в лапы охотникам?

Мот рассмеялась.

— Если я не сумею удержать в руках стаю щенков — к тому же изрядно напуганных щенков, — можешь начинать планировать мои торжественные похороны. Ты со своими мальчиками показал им, что если они и добились каких-то успехов в борьбе со своими отцами, то исключительно благодаря невероятному везению, железу волшебников и некомпетентности великих лордов. Они рады уже тому, что смогли ускользнуть от погони, и, думаю, им еще некоторое время не захочется лезть в новую драку.

Киртиан улыбнулся, заслышав ее слова.

— Да, зря я задал такой вопрос. Мне скорее стоило бы спросить, смогут ли они уберечься, когда вы за них возьметесь.

— Это верно, — улыбнулась Мот и подмигнула племяннику. — Среди этих парней есть двое-трое хорошеньких и достаточно молодых, чтобы поддаваться дрессировке. А я не так и стара. Почему бы мне не подумать о новом замужестве?

Киртиан расхохотался. Мот усмехнулась.

— А теперь иди. А то бедная Лидиэль небось уже думает, что портал испортился.

Киртиан обнял ее и шагнул через порог.

Оправившись от встряски перехода — после него всегда голова некоторое время шла кругом, — Киртиан обнаружил, что мать уже заметила перемену, произошедшую в отношениях Джеля и Реннати. К изумлению Джеля, она восприняла это как нечто само собой разумеющееся и тут же, не дожидаясь Киртиана, принялась тактично, но настойчиво строить планы на их счет.

«Ха! Он что, ожидал, что мать будет шокирована или возмущена, увидев, что Реннати умудрилась прибрать его к рукам? Уж кто-кто, а Джель должен бы ее знать: она же переженила полпоместья!»

— Наши люди, конечно же, будут ждать свадебного торжества и пира, — объясняла она смущенной Реннати. — Джель — очень важная особа, и если мы не устроим надлежащего празд-

нества, люди обидятся. Несомненно, нужно будет пригласить всех бойцов вместе с семьями... Может, устроить пир на открытом воздухе? А то, боюсь, в имении не найдется достаточно большого зала, чтобы там все поместились...

Встревоженная Реннати слабо попыталась возразить:

— Но...

— Я знаю, дитя, что ты понятия не имеешь, как это все устраивается, — невозмутимо продолжала Лидиэль. — Но наши люди никогда не теряли своих традиций и связей с корнями. У них имеются свои жрецы и свои ритуалы, сохранившиеся еще с тех времен, когда эльфами тут и не пахло. Так что об этом можешь не беспокоиться. Они знают, что надо делать, и если ты разучиваешь сложные танцы, то уж как-нибудь выучишь и несложную брачную церемонию. Как удачно, что это совпало с общим возвращением домой! С вашей свадьбы начнется неделя празднеств, и...

— Мама, милая, — перебил ее Киртиан, — я понимаю твое стремление все распланировать, но не забывай: я явился сюда, чтобы набрать охотничью команду. Лорд Киндрет ждет не дождется начала охоты на волшебников. И он должен считать, что я спешу не меньше его.

— Вот и Джель сказал мне то же самое, — невозмутимо отозвалась Лидиэль. — Тем больше причин устроить свадьбу как можно быстрее. Я запланировала двухнедельные празднества по случаю вашего благополучного возвращения домой, и ты будешь на них присутствовать! По крайней мере — первые сутки. А если Киндрет начнет беситься, я скажу ему, что тебе необходимо время, дабы отобрать лучших разведчиков и охотников.

Киртиан склонился перед неизбежным.

— Да, мама, — послушно произнес он и счел за лучшее быстренько отступить в свои покои, оставив Джеля и Реннати самим разбираться с его грозной матушкой и ее грандиозными планами.

Трусливый ход, конечно, и Джель еще скажет ему пару ласковых по этому поводу, как только вырвется. Но пока что...

«Ничего, он уж как-нибудь сам о себе позаботится. По крайней мере, покамест. А вот когда у Реннати пройдет первое ошеломление, она, вероятно, заключит союз с мамой. Женщины против несчастного, беззащитного мужчины. Я никогда еще не видел женщину, которая устояла бы перед возможностью уст-

роить праздник и покрасоваться в новом платье. Все, Джель пропал».

Но чем больше Киртиан об этом размышлял, тем сильнее надеялся, что его собственная свадьба состоится еще не скоро.

«Может, мне удастся удрать и уговорить Мот, чтобы она обо всем позаботилась. А я спрячусь в ее библиотеке, подальше от суеты и толкотни, и носа оттуда не высуну до самого последнего момента».

Киртиан отворил дверь своей комнаты и вздохнул; такое чувство, будто его тут не было целую вечность. Он от души порадовался, вновь очутившись в собственных покоях.

Но больше всего его порадовали ванная комната, готовая ванна и улыбки ожидавших его слуг.

Киртиан не стал дожидаться их помощи. Он стащил с себя одежду, плюхнулся в горячую воду и размяк в обволакивающем тепле — ему с самого отъезда не доводилось так расслабиться. Да, он любил леди Мот и доверял ей, но в ее владениях до сих пор прятались все эти молодые лорды. А внезапное прибытие леди Трианы подтвердило, что даже грозную леди Мортену могут застать врасплох неожиданные гости, сваливающиеся как снег на голову. Мало того: она призналась, что понятия не имеет, сколько ключей от портала раздал ее покойный муж и кому он их раздал. Много он их раздал или мало, но они до сих пор могли оставаться у своих временных владельцев. А если кто и захочет разыскать эти ключи, так это Киндрет, Триана или Аэлмаркин. В результате Киртиан просто не мог позволить себе расслабиться даже в поместье у Мот.

А во время военных действий о такой роскоши и подавно не могло быть и речи. И воспоминание о тех временах, когда он отходил ко сну весь в синяках и грязи, лишь усилило нынешнее блаженство.

«И, может, мне еще не скоро удастся так поблаженствовать». Хотя эти его розыски несуществующих волшебников с начала до конца были погоней за химерой, Киртиану следовало отнестись к ним совершенно всерьез. Надо собрать все необходимое для жизни в полевых условиях из расчета на шестерых. Кормиться по мере возможности придется тем, что они добудут на месте. А о горячей ванне в лесу уж точно можно будет позабыть.

Впрочем, Киртиан был слишком энергичен по натуре, чтобы чересчур долго нежиться в ванне, — ну, разве что он и вправду устал до полусмерти и был очень грязен. Вскоре Киртиан выбрался из ванны, оделся и отправился просматривать отцовские записки. Они лежали там, где тот их и оставил, — в библиотеке. Киртиан быстро пролистал их и нашел все, что ему было нужно.

Он послал своего слугу Линдера за Джелем. Пожалуй, Джель уже всей душой мечтает удрать подальше от двух женщин, обсуждающих планы его же собственной свадьбы.

И вправду, когда Линдер вернулся, ведя за собой Джеля, глаза юноши искрились весельем, а Джель шел подозрительно торопливо.

— Пока на нас не свалились все эти праздничные хлопоты, я хочу, чтобы ты помог мне выбрать среди наших людей шестерых следопытов для этой притворной охоты на волшебников, — сказал Киртиан Джелю. — Мне нужны люди, которые еще способны в случае чего вступить в бой, но без которых можно обойтись. А то близится время сенокоса, и я не хочу забирать много рабочих рук.

— Я сразу могу сказать, кто тебе нужен, — тут же отозвался Джель. — Кар, Тем, Шалван, Рессо, Халеан и Ноэт. Это все — младшие лесничие, и на сенокосе они не нужны, а родители уж как-нибудь обойдутся без них это время. А зачем так много? Ты что, собрался и вправду там что-то предпринимать?

— Это довольно опасный поход, а не увеселительная прогулка, — предостерег его Киртиан. — Новые волшебники, конечно, вымысел, но в тех краях и без них хватает смертельно опасных существ. А тебе нельзя покидать поместье.

Лицо Джеля вытянулось — но видно было, что он уже покорился судьбе.

— Я боялся, что тебе это придет в голову, — проворчал он. — Проклятие, Киртиан...

— Джель, ты боец и тактик, но не лесничий и не следопыт, — резонно заметил Киртиан. — В тех обстоятельствах любой из этих ребят принесет мне куда больше пользы, чем ты. А ты будешь куда полезнее здесь и мне, и маме. А вдруг Аэлмаркин попытается что-нибудь выкинуть в мое отсутствие? У мамы множество талантов — но она не воин.

Джель сжал губы.

— Уж не думаешь ли ты, что он убедит Киндрета осадить поместье?

— Я ничего не думаю, — солгал Киртиан, глазом не моргнув. На самом деле именно этого он и опасался. Он не доверял Аэлмаркину — да и Киндрету тоже, если уж на то пошло. Возможно, он все еще полезен великому лорду — а может, и нет, кто

его знает. — Киндрет нуждается во мне и будет нуждаться до тех пор, пока полагает, что у самых его границ скрывается племя волшебников. Меня больше беспокоит Аэлмаркин. Мало ли что он натворит — или попытается натворить. Но если здесь останется и мама, и ты, а Мот будет снабжать вас сплетнями, ты вовремя засечешь все его попытки, прежде чем он успеет перейти от попыток к чему-нибудь серьезному.

Он хлопнул Джеля по плечу.

— Я вовсе не пытаюсь загнать тебя на конюшню, как своего любимого коня, хотя от всей души надеюсь, что ты превратишь эту очаровательную маленькую танцовщицу в счастливую жену. Я предпочитаю размещать свои силы там, где они могут принести наибольшую пользу. Мне нужно, чтобы вы с мамой оставались здесь и следили за порядком, пока я буду сидеть в лесу и ждать, чтобы Проклятие Эльфов снова связалась со мной. А она наверняка так и сделает, поскольку лес — самое удобное место для этого.

Киртиан задумчиво потер подбородок.

— Тут такое дело: пока мы еще были у Мот, я прочел несколько дневников, и кое-что там напомнило мне о записках, которые вел отец. Возможно, мы искали Великие Врата не в том месте. Я думаю, что они расположены где-то под землей, а район вокруг поместья Чейнара очень напоминает тот лес, сквозь который пробирались наши Предки по прибытии.

Джель сразу же сообразил, на что намекает Киртиан.

— Да там полным-полно пещер! — воскликнул он. — А что, если подумать, все сходится. Если бы ваши Предки обнаружили, что Врата закинули их в пещеру, они наверняка бы только обрадовались. Раз уж попадаешь в чужой мир, лучше для начала оказаться в защищенном месте.

— Это самый вероятный вариант, — согласился Киртиан. Но он не сказал Джелю об одной детали, которая здорово его беспокоила: Предки в ужасе бежали из окрестностей Великих Врат. Но почему? Впрочем, Киртиан совершенно не желал, чтобы Джель в его отсутствие задумался об этом. — Вот потому-то я и прошу у тебя следопытов и охотников. Раз уж мне предстоит притворяться, будто я разыскиваю волшебников, обитающих в пещерах, у меня появляется превосходный повод осматривать каждую встреченную на пути пещеру.

— Тогда тебе нужны не следопыты и охотники — или, во всяком случае, не только они, — решительно заявил Джель. —

Да, тебе нужны люди, которые смогут обеспечить всех пищей, но тебе нужны еще и те, кто умеет лазать под землей. Так что возьми лучше вместо Кара и Тема Хоби, брата Кара, и этого твоего парнишку, Линдера.

— Линдера? — Киртиан с удивлением воззрился на слугу. — А почему Линдера?

— Потому что Линдер и Хоби с самого детства пытаются свернуть себе шеи, лазая в каждую дырку в земле, — насмешливо сообщил Джель. Линдер сделался красным, как бурак. — А раз ты тоже собираешься этим заняться, бери уж с собой людей, у которых есть хоть какой-то опыт. Правда, эта парочка чуть не утонула, когда наверху случился ливень и пещеру затопило.

— Мы успели выбраться до наводнения! — возмутился Линдер, но покраснел еще сильнее. — Мы слышали дождь!

— И парочка парней, которые застревают в проходе, потому что слишком поздно соображают, что тот для них мал, тебе тоже пригодятся.

Джель явно развлекался в свое удовольствие.

— Сначала он не был слишком узким, — пробормотал Линдер. — Там камень сдвинулся.

— Да, я вижу, Линдер — человек опытный, — вмешался Киртиан, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Хотя на самом деле ему уже стало жаль несчастного парня. — Ты же сам мне не раз говорил, что опыт — лучший учитель.

— Мы с Хоби уже три года лазаем по пещерам, и никаких серьезных неприятностей с нами не стряслось, — сказал Линдер, взяв себя в руки и попытавшись собрать воедино осколки разлетевшегося вдребезги достоинства. — Ну да, у нас бывали мелкие травмы — но такие мы могли получить и в лесу, и на скотном дворе.

Юноша старался не смотреть на продолжавшего веселиться Джеля, но Киртиан чувствовал, что его так и тянет смерить сержанта гневным взглядом.

В конце концов Джель сжалился над парнем.

— Киртиан, я не стал бы рекомендовать тебе Линдера, если б не думал, что он так же хорошо будет охранять тебя в своей среде, как я — в своей, — великодушно произнес он. Теперь Линдер покраснел уже не от смущения, а от удовольствия.

Киртиан кивнул.

— В таком случае... Линдер, я хочу, чтобы ты собрал все то снаряжение, которое берешь с собой под землю, из расчета на

семерых. Об остальном снаряжении позаботимся мы с Джелем. Я хочу, чтобы все было готово... — Ему вдруг захотелось подурачиться и подразнить Джеля. — Я хотел бы, чтобы все было готово к завтрашнему дню, но...

Джель побелел. Линдер покачал головой.

— Снаряжение на семерых... Нам понадобятся кое-какие приспособления для скалолазания, а их у нас нет. Я прямо сейчас пойду к кузнецу — но ему даже вместе с помощниками придется проработать и сегодняшний, и весь завтрашний день. Остальное придется разыскивать на складах.

— Но за завтра ты успеешь все собрать? — не унимался Киртиан.

— Только попробуй удрать до всей этой заварушки со свадьбой — я ж тебя... — прорычал Джель, сердито уставившись на Киртиана.

Тут уж Киртиан, не сдержавшись, расхохотался — а потом пустился наутек, ибо Джель прыгнул к нему. А Киртиан знал, что если только сержант Джель доберется до своего хозяина, этому «хозяину» придется искупаться еще разок, только на этот раз — в одежде.

Как бы то ни было, они не могли отбыть раньше чем через три дня.

Вечером второго дня, на закате Джель и Реннати обвенчались. Церемонию проводил старик в длинном черном одеянии. Он держался с таким достоинством и торжественностью, что Киртиан не сразу узнал Рэнда, отца Хоби, старшего конюшего поместья, в обыденной жизни обожавшего рассыпать направо и налево всякие шуточки, в основном — довольно неприличные.

Рэнд сперва окурил жениха и невесту дымом, что-то декламируя шепотом, потом побрызгал на них водой, потом взмахнул в их сторону зажженной свечой и напоследок дунул на них пылью. Потом он концом посоха начертил вокруг всех троих круг на земле. Продолжая бубнить какое-то песнопение, в котором Киртиан не мог уловить ни начала, ни конца, Рэнд провел длинный обряд, включавший в себя многократное посыпание счастливой пары травами или солью, поливание их водой, хождение по кругам и восьмеркам.

В конце концов, повинуясь негромкому приказу Рэнда, жених с невестой соединили руки, и он связал их. А потом, в тот

самый миг, когда краешек солнца скрылся за горизонтом и на небе зажглись первые звезды, жрец повернулся к толпе и раскинул руки.

— Руки связаны, как связаны сердца! Двое стали единым целым! — провозгласил он.

Огромная толпа, собравшаяся посмотреть на церемонию, разразилась ликующими воплями. А затем настал черед празднества. Там было много вина и пива — девушки разносили напитки всем желающим, а все ребята из отряда Киртиана были молоды и пили в охотку — помнить про неизбежно грядущее похмелье они еще не научились. И почему бы это, спрашивается, на следующий день все они чувствовали себя неважно?

Впрочем, это было только к лучшему, поскольку именно в тот день проводились некоторые состязания, связанные с риском, — борьба, метание тяжелых предметов, соревнование, в котором две команды боролись за надутый воздухом пузырь. Ну а поскольку вся шестерка поголовно страдала от боли в голове и животе, то они довольно охотно согласились остаться зрителями и не лезть участвовать.

Наутро четвертого дня, отведенного для более мирных занятий и женских состязаний — женщины соревновались в ходьбе, стрельбе по мишени, дойке, шитье и поварском искусстве, — ребята уже поправились, воспряли духом и готовы были отправляться в путь. Снаряжение тоже было готово, и Киртиан не стал тянуть, чтобы новые празднества, танцы и выпивка не ввели парней в искушение. К полудню все они уже выстроились перед порталом, полностью загруженные, а рядом ожидали слуги с дополнительным грузом.

Лорд Киндрет обещал обеспечить их лошадьми, и Киртиан намеревался вытянуть из него обещанное. Он отправил отряд и слуг вперед, подождал, пока слуги вернутся, а потом и сам прошел через портал. На этот раз обошлось без прощаний. Киртиан выбрал такой момент, когда Лидиэль была занята — она судила состязания и следила за их проведением. Ну а Джеля Киртиан не видел с самого венчания и тихо надеялся, что Реннати уже успела обучить его кой-каким новым фокусам...

Киртиан прошел сквозь тьму и холод портала; короткая встряска — и он очутился по другую сторону.

— Лорд Киртиан?

Киртиан встряхнул головой — авось в ней хоть немного прояснится — и с трудом заставил себя сфокусировать взгляд. Перед ним была редкая птица — пожилой эльфийский лорд, с ре-

деющими волосами и лицом, покрытым едва заметными морщинами.

— Да, я — лорд Киртиан.

Пожилой эльф поклонился.

— Я — лорд Ратиэн. Лорд Киндрет велел мне предоставить все, что вам понадобится.

Хм, мелочь — а приятно.

— Мне нужны лошади, чтобы навьючить на них все это, — сказал Киртиан, указав на груду припасов и снаряжения, сложенного сейчас в коридоре, ведущем к порталу.

Лорд Ратиэн окинул эту груду наметанным взглядом.

— Значит, семь верховых лошадей и столько же вьючных мулов, — уверенно произнес он. — Как вы сами убедитесь, мулы способны нести больше, чем лошади, а по характеру они спокойнее. Когда будете разбивать лагерь где-нибудь в лесу, связывайте лошадей и мулов попарно. В случае какого-нибудь нападения мул непременно бросится удирать от опасности, но не слепо, как это бывает с лошадьми. И он остановится, как только за ним перестанут гнаться.

Эльф улыбнулся. Улыбка у него была очень обаятельная.

— Видите ли, я питаю слабость к мулам.

— Я уже заметил, — улыбнулся в ответ Киртиан. Но лорд Ратиэн уже принялся командовать рабами. Те похватали вещи и поволокли к конюшне. Киртиану и его спутникам осталось лишь идти следом.

В полдень мулы были загружены, а лошади — оседланы. Всадники тронулись в путь. Каждый вел в поводу мула. К тому моменту, как они выехали за ворота, лорд Ратиэн, выполнивший свою задачу, куда-то удалился. Киртиану стало любопытно, остался ли он здесь от времен лорда Дирана или это кто-то из вассалов лорда Киндрета. Действовал он энергично и расторопно, а что он обращался с рабами так же, как с мулами... ну, спасибо, что не хуже. Ребят Киртиана предупредили, как следует вести себя за пределами родного поместья, так что они не сделали ничего такого, что могло бы вызвать подозрения у Ратиэна. Но все это время они держались так напряженно, что эту напряженность можно было руками потрогать; они не смели слова вымолвить, чтобы не сказать чего-либо, не подобающего для рабов, и не смели поднять глаза, чтобы не выдать себя осанкой или какими-то манерами.

Однако же, выехав на дорогу, парни расслабились.

— Милорд, сержант Джель говорил, что мы пойдем в пещеры, — сказал Хоби, пришпорив свою лошадь, чтобы оказаться рядом с Киртианом. Линдер подъехал с другой стороны, а остальные сбились в кучу сзади, стараясь расслышать, что же он скажет. — А зачем?

— Ну, вы знаете, что мы будем гоняться за волшебниками, которых на самом деле нет, — начал Киртиан.

— Угу. И это куда лучше, чем гоняться за теми волшебниками, которые есть! — ляпнул Хоби. Один из парней, ехавших сзади, расхохотался.

— Предполагается, что они живут в какой-то подземной твердыне, в тех краях, куда мы направляемся. Потому мы и будем обследовать пещеры. А кроме того, у меня есть подозрение, что мой отец перед исчезновением исследовал именно эти пещеры, и я надеюсь найти какие-нибудь его следы.

Смеявшийся весельчак тут же смолк, и сзади донеслось сочувственное бормотание.

— А вы... вы же не думаете, милорд, что через столько лет найдете его самого? — нерешительно поинтересовался Хоби.

Киртиан вздохнул.

— Нет, не думаю. Во всяком случае, найти живым не надеюсь, — печально ответил он. — Но, понимаете, — до тех пор, пока его судьба неизвестна, мои права на поместье под сомнением. И до тех пор, пока мы с мамой не выясним, что же на самом деле произошло...

Он не договорил; неоконченная фраза повисла в воздухе. Хоби на миг опустил глаза

— Ну что ж, милорд, — нарушил воцарившееся молчание Линдер, — если там только есть какие-нибудь следы, мы их непременно отыщем. Мы с Хоби уже находили в пещерах кучу странных вещей.

— Это, например? — спросил Киртиан, чтобы перевести разговор в другое русло и приободрить своих ребят. Его тронуло их сочувствие, но все-таки Киртиан предпочитал видеть вокруг себя не мрачные, а веселые лица.

В конце концов, им еще долго ехать до поместья лорда Чейнара, и вовсе незачем проводить всю дорогу в унынии!

А вот в поместье лорда Чейнара уныния было столько, что его хватило бы на дюжину погребальных процессий.

Господский дом, окруженный сосновым лесом, не мог похвастаться какими бы то ни было магическими удобствами; ни

тебе магических светильников, ни иллюзий — все делается рабами, вручную или при помощи механических приспособлений. Сосны были какие-то непривычные — Киртиан никогда раньше таких не встречал. Их хвоя была настолько темной, что деревья казались черными. А еще на них жили стаи воронов. Чейнар, неразговорчивый тип, почти лишенный магических сил, стал относиться к Киртиану чуть теплее после того, как тот искренне похвалил некоторые из здешних механических приспособлений, и после того, как с наступлением темноты Киртиан попросил себе фонарь, вместо того чтобы зажечь при помощи магии свой собственный.

За ужином он сделался еще приветливее и в конце концов сказанул такое, чего Киртиан никак не ожидал.

— Я знал вашего отца, — сообщил Чейнар. — В смысле — мы с ним встречались. Он побывал здесь как раз перед исчезновением.

Киртиана словно встряхнуло, и он даже не стал скрывать своего возбуждения.

— Что вы сказали?! Но почему... почему же вы...

— Почему я ничего никому не сказал? — проницательно поинтересовался Чейнар. — А я сказал лорду Дирану. Видимо, он счел это не настолько важным, чтобы передать это вашей матушке. Хотя, с другой стороны, ему не нравилось, что ваш отец рыскает тут и что-то выискивает.

— Он искал древние приборы, которые Предки принесли с собой.

Киртиан разрывался между возбуждением и отчаянием. Если бы мать узнала, где в последний раз видели ее мужа, это могло бы что-то изменить или нет? Вдруг тогда его удалось бы отыскать живым?

Чейнар кивнул.

— Те, которые могли бы сделать слабых магов ровней сильным. Во всяком случае, так говорил ваш отец, — сказал он Киртиану. — Уж не знаю, было ли об этом известно лорду Дирану. Мне ваш отец об этом сказал потому, что увидел все эти механические приспособления, которыми я тут пользуюсь вместо магии. Но Дирану он мог ничего такого и не говорить.

И он пожал плечами.

— Ну, как бы там ни было, лорд Диран был одним из великих лордов, членов Совета, — вздохнул Киртиан. — А мой отец, как и я... ну, мы не ровня великим лордам и никогда не будем ровней. Мне вообще не верится, чтобы лорд Диран обратил

хоть малейшее внимание на отца, что бы тот ни говорил. Вам ли не знать!

Он сдержанно улыбнулся Чейнару, надеясь, что тот начнет воспринимать их как равных и станет еще чуть-чуть приветливее.

— Когда мы им чем-то полезны, они сажают нас за пиршественный стол рядом с собой, но как только нужда в нас минет...

Чейнар заглотил наживку.

— Возможно, лорд Диран решил, что ваш отец не вполне в своем уме, — если вообще об этом думал, — с оттенком сочувствия сказал Чейнар. — Но я вам вот что скажу... — Он сделал многозначительную паузу. — Если вы приметесь разыскивать волшебников в этих пещерах, то пойдете стопами своего отца. Потому что, когда его видели в последний раз, именно туда он и направлялся.

Глава 27

Едва лишь они въехали в лес, как им тут же пригодилась часть снаряжения, а именно — плащи. Киртиан в жизни не видел, чтобы дождь так лил. Хорошо, что он поинтересовался здешним климатом, когда подбирал снаряжение! И хорошо, когда в эльфийском доме женщины на равных с мужчинами. Киртиан даже и не предполагал, что шелк можно сделать полностью водонепроницаемым. Очевидно, вечно высмеиваемая «женская магия», используемая для ваяния цветов, имела и множество других сфер применения, но женщины редко делились этим с мужчинами. Киртиан не стал бы их за это осуждать. «Венцы творенья», каковыми себя считали эльфийские лорды, скорее всего, отнеслись бы к успехам слабого пола как к пустякам, даже не заслуживающим похвалы. Киртиану так и представилась картинка: несколько недовольных дам сидят в будуаре, размышляют о промокших мужчинах и весело говорят друг другу: «Поделом. Пускай останавливают дождь, раз они такие умные».

Плащи с затяжками на капюшонах и одежда с верхним водостойким слоем позволяли путникам с интересом отнестись к перемене обстановки, которая в ином случае стала бы мучительной. Если удавалось что-либо рассмотреть сквозь мрак,

становилось ясно, что вокруг раскинулся весьма необычный лес.

Тюки, навьюченные на мулов, были накрыты водонепроницаемыми полотнищами — тентами от палаток. Это означало, что вещам и припасам дождь не страшен: а значит, вечером отряд сможет устроить сухую стоянку. Немаловажное соображение.

В конце концов, избыток воды лучше, чем ее недостаток. Их ведь могло занести и в пустыню. А даже Киртиан не был уверен, что его магии хватило бы, дабы обеспечить всех водой. Кроме того, в пустыне можно ездить только на грелях, а в поместье Киртиана их никогда не разводили — значит, никто в них и не разбирался. Здесь же, в лесу — ну, и в пещерах тоже, — была лишь одна серьезная проблема: нельзя было позволить себе промокнуть и замерзнуть, ибо ни сохнуть, ни греться тут было негде.

Дичь здесь водилась, если не в изобилии, то уж в достатке точно. Правда, пока что им на глаза попадалась лишь всякая мелочь. Но опытные лесные жители — а их в отряде хватало — не отворачивались от мелкой дичи в бесплодных попытках отыскать что-нибудь покрупнее. Четверо лесничих быстро поставили на свои арбалеты более мощные лучки, достали стрелы и принялись стрелять в то, что попадалось по пути. Постепенно у лук седла повисли связки жирненьких тушек.

Дождь так и не прекращался. Правда, иногда он переходил в мелкую морось; она скапливалась на ветках деревьев и капала с каждого листика и каждой иголки. Потом дождь вновь набирал силу, и все вокруг скрывалось за его пеленой; видимость сокращалась до десятка шагов.

Киртиан прекрасно сознавал, что его навыки лесной жизни весьма ограниченны. Потому он ехал в середине группы. Линдер ехал впереди Киртиана, а Хоби — позади. Молодые лесничие, разбившись на пары, возглавляли и замыкали маленький отряд. Киртиана немного удивляло, что их караван, семь лошадей и столько же мулов, производит так мало шума; но с другой стороны, тропа, по которой они сейчас ехали, — она вела примерно в том направлении, где находились предполагаемые пещеры, — была усыпана толстым слоем опавшей хвои. А всадники не гнали коней, чтобы не утомлять их прежде времени.

Ноэт, ехавший во главе отряда, двигался, чуть склонив голову набок и внимательно прислушиваясь. Следовавший за ним Шалван изо всех сил вглядывался в туманную пелену дождя.

Замыкающие, Халеан и Рессо, точно так же поделили обязанности между собой.

Кроме всепроникающего шума дождевых капель, барабанящих по плащам и подстилке из хвои, стекающих по стволам и шлепающихся на листву, путников сопровождали и другие звуки, свидетельства внутренней жизни леса. Киртиан воспринял это как хороший знак: значит, за ними никто не следит тайком. Вороны довольно быстро привыкли к путникам, перестали оглашать воздух встревоженным карканьем и вернулись к своим вороньим делам, лишь изредка появляясь и словно проверяя, далеко ли люди уехали. Неожиданный водопад капель указывал на путь мелких пичуг среди ветвей, а тихий шорох — на прыжки упитанных белок и кроликов.

Во второй половине дня люди Киртиана начали подыскивать место для стоянки, где можно было бы разбить лагерь. Постепенно под деревьями начал сгущаться сумрак, и Киртиан слегка занервничал. Он сам не знал, чем это вызвано. Просто как-то... как-то странно было вокруг...

Ноэт вскинул руку, и кавалькада остановилась. Теперь Киртиан осознал, что его встревожило: вокруг воцарилась полнейшая тишина, нарушаемая лишь звуком падения капель. Даже вороны куда-то подевались.

— Не нравится мне это, — негромко произнес Ноэт, но в наступившей тишине его голос был слышен всем. — Лошади и мулы ничего не замечают, но...

— Но это может быть какой-то хищник, — договорил Рессо. — Такой, который скрадывает добычу или нападает из засады.

— Может, повернем обратно? — предложил Киртиан.

— Повернем, но медленно и осторожно. Давайте, ребята, разворачивайте мулов и лошадей на месте. Мы с Шалваном пойдем в арьергарде. Надо будет остановиться у ручья, через который мы переходили, и попытаться немного пройти по нему.

— Если повезет, он приведет нас прямиком к пещерам, — высказал предположение Хоби.

Путники поочередно развернулись и развернули мулов. Теперь те, кто ехал сзади, оказались во главе колонны. Шалван и Ноэт уже взвели арбалеты и изготовились к стрельбе. А Киртиан...

От избытка силы у него начало покалывать кончики пальцев. Киртиан готов был в любое мгновение метнуть в противника молнию-стрелу — пусть он только покажется.

— Ну вот, оно здесь, — мрачно изрек Шалван, пока Ноэт разворачивал своих коня и мула. — Выше по тропе, в кустах. Очень уж часто эти кусты шевелятся — там кто-то движется. Размером где-то с телегу. Уж не знаю, то ли у этой зверюги виды на нас, то ли она просто охраняет свою территорию.

Тут Рессо, очутившийся впереди, тихо охнул, и у Киртиана волосы встали дыбом. На них надвигался единорог. Нет, не один — целое стадо. Глаза их полыхали красным огнем. Вожак, черный жеребец, вскинул голову, увенчанную зловещим, слегка изогнутым витым рогом.

— Не шевелитесь, — сдавленно прошептал Халеан.

Киртиан и не собирался шевелиться. Даже один единорог опасен, что уж говорить о стаде? Они оказались в ловушке — между зримой угрозой и незримой.

Единорог-жеребец фыркнул и двинулся на путников. Киртиан пытался понять, что сейчас творится в головах единорогов. Может, метнуть молнию-стрелу в них? А как тогда быть с той тварью, которая притаилась сзади? А вдруг их лошади от испуга понесут? Их ведь не готовили для войны...

«Никого из них не готовили для войны. Мулы будут бежать до тех пор, пока за ними не перестанут гнаться. Мулы и лошади связаны попарно».

— Отпустите поводья лошадей и покрепче держитесь в седле, — приказал Киртиан, чувствуя, что ощущение присутствия и опасности за спиной немного усилилось. — И пригнитесь пониже.

Жеребец оскалил клыки и принялся рыть копытом землю.

— Один. Два. Три!

И на счет «три» Киртиан пустил над головами молнию-стрелу. Она с грохотом взорвалась, рассыпая снопы искр. Окрестные деревья содрогнулись. Лошади, как и рассчитывал Киртиан, пустились вскачь. Единороги тоже.

Лошади стрелой понеслись туда, куда глаза глядят, — то есть обратно по тропе. Единороги, позабыв и о врагах, и о добыче, прыснули кто куда: одни метнулись в лес, по разные стороны дороги, другие умчались по тропе, а третьи, предводительствуемые черным жеребцом, ринулись на путников. В последнее мгновение единороги взяли чуть влево, а перепуганные до истерики лошади — чуть вправо.

Киртиан вцепился в своего коня руками и ногами и приник к самой его шее, думая лишь об одном: как бы от бешеной скачки не вылететь из седла. Со всех сторон слышался топот копыт; что ж, если лошади и сошли с тропы, они, по крайней

мере, продолжали держаться вместе. Сзади донесся рев и боевой клич единорогов, но, что там происходило, Киртиан не ведал.

Сердце его норовило выскочить из груди, руки и ноги болели. Дождь заливал глаза, а лошадиная грива хлестала по лицу.

Потом — куда раньше, чем Киртиан думал, — лошади начали замедлять шаг. Киртиан почувствовал, как натянулись поводья, привязанные к луке седла. Коню это не нравилось; он пытался мчаться дальше. А мул мчаться больше не желал.

Постепенно мул победил. Бешеная скачка сменилась легким галопом, затем рысью, и в конце концов конь перешел на шаг. Бока его тяжело вздымались, а по шее и плечам тек пот. Киртиан натянул поводья, остановил коня и огляделся.

Дождь снова стих. Киртиан, вглядываясь в морось, принялся выискивать среди деревьев своих спутников и вскорости убедился, что все на месте.

— Предки! — с облегчением выдохнул Киртиан. Его спутники ничего не сказали — просто направили усталых лошадей к нему, так что вскоре отряд вновь сбился в тесную группу.

— У всех все в порядке? — спросил Киртиан. Взмыленные лошади стояли, опустив головы. Одни лишь мулы сохранили невозмутимый вид.

— Бывало и хуже, — лаконично отозвался Ноэт. — Только очень хочется убить того, кто делал это седло, — за такую луку.

Ноэт был бледен и явно страдал от боли. Киртиан скривился и поспешно сменил тему.

— Кто-нибудь знает, где мы сейчас находимся?

— Мы неслись примерно в ту сторону, куда и хотели, — сообщил Шалван. — Так что ручей должен быть где-то там...

И он указал направление кивком, чтобы не поднимать руки.

— Так что мы можем добраться до него. Все равно лошадям сейчас стоять нельзя. И им скоро понадобится вода.

Отряд снова выстроился, но на этот раз не цепочкой, поскольку ехать им предстояло не по тропе. Халеан занял левый фланг, а Рессо — правый. Вскоре, ко всеобщему облегчению, они выехали к ручью.

Уже приближалась ночь, а если учесть нависающие тучи и окружающий густой лес, ясно было, что скоро тут станет совсем темно. Пока Киртиан занимался костром, парни быстро разбили лагерь. Они поставили три палатки треугольником, так, чтобы костер оказался в середине. Когда палатки были по-

ставлены и Рессо занялся приготовлением ужина, остальные принялись собирать дрова про запас, а Киртиан обвел маленький лагерь кругом магического света, оградив его ото всего, что могло появиться из лесу или от ручья. Парни натащили дров, и Киртиан сложил их у костра, чтобы те просохли.

Напоследок Киртиан обнес лагерь еще и веревочкой с привязанными к ней колокольчиками, натянув ее на уровне лодыжек. Стоило кому-то зацепиться за веревочку, и тут же поднялся бы трезвон.

— Как ты думаешь, следует ли нам опасаться нападения сверху? — обеспокоенно поинтересовался он у Ноэта.

Ноэт посмотрел наверх.

— Сомневаюсь, — отозвался он. — Через такие густые ветви вряд ли кто проберется.

Как Киртиан и предвидел, стемнело быстро. Путники связали мулов с лошадьми и привязали их внутри круга света. С наступлением темноты дождь прекратился, и когда они расселись вокруг костра, Киртиан почувствовал, что общий страх перед тем, что таилось во тьме, сблизил их, невзирая на разницу в происхождении и общественном положении.

Рессо соорудил шампуры из веток и зажарил дневную добычу. Тушки почти не подгорели, и получилось очень вкусно. К этому добавились дорожные лепешки и вода из ручья, и вышел неплохой ужин. Путники побросали кости в костер и собрались уже распределить между собой ночные вахты, но тут из темноты раздался чей-то голос:

— Эй, в лагере!

Киртиан знал этот голос и, по правде говоря, надеялся его услышать. Он стремительно поднялся и махнул в ту сторону, откуда донесся голос. Проклятие Эльфов невозмутимо вошла в круг магического света, не зацепивши веревочки с колокольчиками.

— Добрый вечер, лорд Киртиан! Неплохая идея — насчет колокольчиков! — весело заметила она, подошла к костру и пожала Киртиану руку. Сегодня девушка была одета в брюки и тунику из какого-то странного чешуйчатого материала; синие чешуйки сверкали, словно драгоценные камни. На боку у нее висел зловещего вида нож. Пышные рыжие волосы были собраны на затылке в аккуратный узел.

Люди смотрели на нежданную гостью, разинув рты.

— Господа, — невозмутимым тоном произнес Киртиан, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, — позвольте представить вам Лашану, известную также как Проклятие Эльфов...

Выпусти он сейчас дюжину молний-стрел, это не произвело бы такого эффекта. Ноэт чуть не подавился, у Хоби и Шалвана вырвались изумленные возгласы, а Рессо вскочил, и на лице у него было написано такое потрясение, что Киртиан не удивился бы, если бы парень грохнулся в обморок. Один лишь Линдер умудрился сохранить самообладание. Он собрал все свое достоинство, встал и принял протянутую руку девушки.

— Моя леди, ваш визит — большая честь для всех нас, — произнес он, поцеловав Лашане руку.

Девушка фыркнула и немного покраснела, но видно было, что она польщена.

— Разве лорд Киртиан не сказал вам, что я отыщу вас здесь?

— Лорд Киртиан не знал, что вы нас отыщете, — он только надеялся на это, — отозвался Киртиан. — Не желаете ли присоединиться к нашей трапезе?

Как Лашана сюда добралась и долго ли наблюдала за ними из леса, Киртиан не знал. Да это, по правде говоря, и не имело особого значения. Как только его парни расселись обратно и Лашана непринужденно уселась рядом, стало ясно, почему эта юная волшебница сделалась вождем. Стоило ей появиться, и она тут же приковывала внимание окружающих — и вовсе не потому, что была красивой женщиной.

— Ну, что я вам могу сказать, — начала Лашана. — Мы, волшебники, установили наблюдение за вашим поместьем, мой лорд, и за поместьем леди Мортены. Если им будет угрожать опасность, мы об этом узнаем и сможем эвакуировать всех, кого только потребуется.

Девушка улыбнулась, и на щеках у нее появились ямочки.

— Да, праздновать у вас умеют! Надо будет попросить вашу матушку, лорд Киртиан, чтобы она помогла и нам организовать такой праздник — как-нибудь попозже, когда... когда станет поспокойнее.

У Киртиана словно гора с плеч свалилась. Но последовавшие за этим слова Лашаны вновь заставили его напрячься.

— Некая леди Триана... — Лашана вопросительно взглянула на Киртиана, и тот мрачно кивнул, подтверждая, что знает эту особу, — ...после вашего отбытия нанесла еще один, очень краткий визит леди Мортене. Она заявила, что желает кое-что посмотреть в прославленной библиотеке леди Мортены, и дей-

ствительно, через несколько часов отбыла. Она прибыла и отбыла при помощи временного портала, установленного буквально на границе поместья леди Мот. Вы, случайно, не знаете, что она выискивала?

Киртиан неохотно покачал головой.

— Понятия не имею. Но, зная Триану, могу сказать: это не пойдет на пользу никому, кроме нее самой.

Лашана фыркнула.

— Смею вас заверить, это мне известно. Я имела случай лично пообщаться с этой леди.

— Мои соболезнования.

Этот ответ вызвал у девушки улыбку.

— Армия — то, что от нее осталось за вычетом вашего отряда, — перебазировалась в окрестности торгового города Претон. Там ее легче снабжать всем необходимым. Я полагаю, что, поскольку постоянной базы у нее нет, она так и останется стоять лагерем под городскими стенами. — В зеленых глазах Лашаны засверкали озорные огоньки. — И это, конечно же, устраивает нас целиком и полностью. Видите ли, мы предпочитаем удерживать эту армию как можно дальше от нашей новой Цитадели, отчего и разместили вымышленных новых волшебников в здешних краях. Даже если великие лорды решат, что вы недостаточно проворно их ловите... Охотиться за кем бы то ни было в здешних местах — исключительно неблагодарное занятие. Эти края просто-таки изрыты пещерами. Их и за столетие не прочешешь!

— На самом деле, Лашана, я как раз хотел поговорить с вами об этом, — нерешительно произнес Киртиан. — У вас есть время выслушать одну историю?

Девушка кивнула, и Киртиан рассказал ей о том, как Предки прибыли в этот мир — насколько ему удалось сложить эту картину из обломков, — а потом о своем отце, который интересовался этим прибытием и вещами, которые могли оставить поблизости от места Перехода.

— Незадолго перед исчезновением отец проводил какие-то изыскания в библиотеке леди Мот. И там же я нашел несколько личных дневников, в которых описываются места, очень похожие на эти... — он повел рукой, указывая на промокший лес, окружающий лагерь со всех сторон. — Согласитесь: их ни с чем не спутаешь. А отдельные отрывки в описании Перехода навели меня на мысль о том, что Предки, должно быть, первоначально угодили в пещеру, а не в какое-то место на поверхности,

как принято было считать. И тут на сцену выходит лорд Чейнар! — победоносно завершил Киртиан. — Лорд Чейнар признался, что мой отец отправился сюда, в этот лес, и он, Чейнар, вероятно, последний из эльфийских лордов, кто видел его живым!

Лашана принялась задумчиво покусывать губу.

— Это... это любопытно. Знаете, я обнаружила, что волшебники могут использовать драгоценные камни для сосредоточения и увеличения своих сил. Я не знаю, доступен ли этот способ для эльфийских лордов, но если наши силы можно увеличивать, то, наверное, и для вас это тоже не исключено.

— Думаю, да. Иначе я просто не понимаю, как Предки могли сотворить все то, что сотворили, — признался Киртиан.

Лашана немного склонила голову набок.

— Хорошо, что я вам доверяю, лорд Киртиан, — сдержанно произнесла она. — В противном случае я бы не допустила, чтобы вы вышли из этого леса живым.

Линдер вскочил, схватившись за рукоять кинжала, да и прочие готовы были последовать его примеру. Но Лашана словно не заметила этого.

«А ведь у нее, возможно, есть на то серьезные основания. Это было бы редкостной глупостью с ее стороны — явиться сюда в одиночку. А Проклятие Эльфов обвиняли во многом, но только не в глупости».

— Сядьте сейчас же, — ровным тоном произнес Киртиан. — Вы что, не понимаете, какой кошмар начнется, если типы вроде Аэлмаркина заполучат в свои руки способ сравняться силой с лордом Киндретом? Она говорит разумно.

Лашана поблагодарила его коротким кивком.

— Ну, а теперь я хочу показать вам одну вещь. Вскоре мои люди передадут вашим людям и людям Мот большую партию этих штучек. А потом нужно будет распространить их среди рабов.

Девушка достала небольшой предмет из тусклого серого металла, напоминающий формой раскрытую ракушку. Киртиан потянулся было, чтобы взять его, но Лашана быстро отодвинула ладонь.

— Не прикасайтесь к нему, лорд Киртиан! — предостерегла она. — По крайней мере — голыми руками! Это то, что вы называете Смертоносным металлом, — холодное железо.

Киртиан поспешно отдернул руку. Ему уже довелось однажды прикоснуться к ничем не защищенной стали — к ошейнику,

который рабы Мот носили под своими псевдорабскими ошейниками, и тот ожег Киртиана хуже огня. Киртиан вовсе не рвался еще раз испытать эти ощущения.

— Я прихватила с собой действующий рабский ошейник, чтобы продемонстрировать вам это приспособление, — продолжала тем временем Лашана. — Смотрите и следите за магией, кто на это способен.

Лашана достала кожаный ошейник с вделанным в него бериллом. Камень был невысокого качества, мутный и с пятном, но тем не менее заряженный и действующий. Девушка подвела нижнюю часть ракушки под берилл, накрыла его верхней половинкой, сдавила половинки и защелкнула замочек.

И Киртиан почувствовал, что эльфийский камень умер. Он ошеломленно уставился на небольшую тускло-серую штуковину, сомкнувшуюся вокруг приспособления, позволявшего полностью контролировать раба. Потом он взглянул на Лашану и увидел в ее глазах понимание.

— Предки!.. — выдохнул Киртиан. — Вам все-таки это удалось! Вы нашли способ! Стоит захлопнуть эту ракушку на камне, и ошейник можно снимать без малейшего вреда для раба!

— Или вовсе не снимать, поскольку это уже неважно. Сколько бы надсмотрщик ни пытался настичь такого бежавшего раба при помощи магии, все это будет впустую, — уточнила Лашана, не тая веселья. — У нас есть железо, есть кузнецы и есть возможность переправить эти штучки к рабам. Так что не пройдет и нескольких месяцев, как великим лордам будет совершенно не до ваших молодых лордов и не до моих волшебников!

— Восстание рабов... — зачарованно пробормотал Шалван.

— Во всех поместьях, — кивнула Лашана. — Потому-то я и пришла к вам. Каждая минута, которую вы для нас выиграете благодаря этой охоте на вымышленных волшебников, даст нам возможность изготовить побольше ракушек и приблизит миг освобождения людей. Всех людей.

— И кстати, мой лорд, — робко добавил Линдер, — великим лордам станет не только не до волшебников, но и не до наших людей.

— Это вряд ли! — Киртиан хищно оскалился, вспомнив все истории, слышанные от рабов, которым дала приют Мот. — Если, конечно, вы с этим справитесь, Лашана, можете рассчитывать на мое поместье как на учебный лагерь новой человеческой армии!

Киртиан протянул руку, и Лашана с радостью ее пожала. Спутники Киртиана встретили это радостными возгласами — но негромкими; им не хотелось привлекать внимание тварей, которые могли бродить тут во тьме.

— Лорд Киртиан... — Кажется, Лашана пыталась найти нужные слова, и ей это никак не удавалось. В конце концов она просто встряхнула головой, и лицо ее осветила улыбка. — Спасибо... Я даже не знаю, как вас благодарить.

— Мы пока что в самом начале пути, — предостерег ее Киртиан, когда все расселись по местам. Хотя от таких вестей он и сам чувствовал себя словно пьяный — даже голова кругом шла. — А путь нам предстоит долгий.

— Значит, нужно его пройти.

Лашана немного успокоилась и хотела было спрятать ошейник вместе с ракушкой в поясную сумку, но потом передумала и вручила его Линдеру.

— Возьмите. Если у вас есть кузнецы и запас Смертоносного металла, вы можете производить их самостоятельно.

Линдер кивнул и убрал ошейник.

— Ну, а что касается пещер и вашего отца... думаю, я могу помочь вам — немного сузить круг поисков. Видите ли, мне как-то довелось странствовать по этим холмам.

И Лашана рассказала, как некогда она — обычная девчонка-подросток, тогда еще не прозванная Проклятием Эльфов, — спасала группу детей, наделенных человеческой магией, которых надзиратели лорда Тревеса отбраковали и собрались уничтожить.

«Лорд Тревес? Это, случайно, не муж леди Виридины, подруги Мот? Надо же, какое странное совпадение!»

Лашана помогла детям бежать и увела их в холмы — а там, в силу еще одного странного совпадения, они столкнулись с ныне печально знаменитым лордом Валином. Тот бежал из дома, спасая своего двоюродного брата-полукровку, и они разыскивали волшебников, надеясь обрести у них защиту.

История и сама по себе была захватывающей, а Лашане было не занимать таланта рассказчика. Киртиан прямо-таки видел и группку перепуганных детей, и промокшего до нитки несчастного Валина, и не менее несчастного Меро. Лашана описала странных чудовищ, с которыми им довелось столкнуться, и кое-что в этих описаниях показалось Киртиану смутно знакомым.

— Кажется, мы чуть не натолкнулись на одну такую невидимую тварь, — задумчиво заметил Ноэт и рассказал, как они оказались между этой тварью и стадом единорогов и как Киртиан нашел выход из положения.

Лашана лишь восхищенно покачала головой, а Линдер заметил:

— Вот потому-то командир — он, а не кто-то из нас.

— Да, по описанию и вправду очень похоже на такую тварь. А чем дальше вы будете углубляться в холмы — не волнуйтесь, завтра мы вас проводим, — тем больше всяких тварей будет появляться, и тем страннее они будут. Кстати, а вдруг эти ваши Врата не до конца закрылись? Я слыхала от Шейрены и Лоррина, что ваши Предки явились сюда из довольно паскудного мира...

И Лашана задумчиво уставилась на Киртиана.

Киртиан кивнул.

— Если Врата не полностью закрыты, то да, всякие твари могут просачиваться через них, когда те за счет остаточных сил на мгновение приоткрываются. И это могут быть очень неприятные твари.

— И место, где их окажется больше всего... — кинула Лашана пробный шар.

— Будет, конечно же, именно тем местом, где находятся Врата.

Киртиан вновь почувствовал душевный подъем — впрочем, тут же сменившийся беспокойством.

— Но тогда все это становится еще более скверным! Ребята, я не могу втягивать вас в такую опасную затею — тем более что отец наверняка... наверняка мертв...

Ну, вот. Он сам это сказал. И слов не воротишь.

— ...а потому это, в общем-то, касается лишь меня одного...

— Чушь собачья! Я, конечно, извиняюсь, мой лорд, но это чушь! — не выдержал Линдер. — Если бы не ваш отец, а до него — ваш дед и прадед, мы бы никогда не изведали свободы! Так что это всех нас касается!

— А у нас есть способы управиться с большинством этих тварей — или ускользнуть от них, — добавила Лашана. — Вы же знаете, мы оба владеем магией, и моя достаточно сильно отличается от вашей, но именно поэтому они хорошо дополняют друг друга. И я с радостью помогу вам.

— Значит, решено, — подытожил Шалван, и остальные парни закивали.

А Киртиана вновь захлестнули чувства: гордость, благодарность и чуточку — смущение. Но главное, он знал, что может рассчитывать на этих людей в любой ситуации, равно как и они могут рассчитывать на него, и это знание согревало ему душу. А еще его грело то, что он нежданно-негаданно обрел друга и товарища в этой женщине по имени Проклятие Эльфов, хоть она и оказалась совершенно не такой, как представлял себе Киртиан.

— Так, значит, утром?.. — вопросительно произнес Киртиан.

Лашана рассмеялась и встала.

— Утром ждите меня и еще одного моего друга, — пообещала она. — А до тех пор спите спокойно. И не тревожьтесь — вас охраняют. Так что приятных вам сновидений.

И с этими словами она шагнула во тьму.

И снова умудрилась не задеть колокольчиков.

— Мой лорд, — произнес Шалван, глядя вслед с неприкрытым восхищением, — извиняюсь на слове, но до чего же превосходная женщина! Не в моем вкусе, — поспешно добавил он, — но все-таки превосходная!

— Это верно, — согласился Киртиан. — Хотя и не в моем тоже. Но я надеюсь, что она найдет мужчину, который будет ее достоин и даст ей то, чего она желает! Хотя я понятия не имею, чего может желать Проклятие Эльфов!

И они рассмеялись и с этим настроением разошлись по палаткам, зная, что утром их ожидает новое, необычайное и совершенно неожиданное приключение.

Глава 28

Триана, мрачно стиснув зубы, расхаживала взад-вперед по пятнам солнечного света, льющегося сквозь окна террасы, традиционной части покоев леди. Впрочем, здесь Триана появлялась редко. К чему утруждать себя глупыми условностями, когда она — хозяйка поместья?

Похоже, ей все-таки придется покинуть свои владения ради непродолжительного, но чрезвычайно утомительного путешествия. А в списке того, что Триана избегала, подобные путешествия занимали первую, почетную строчку. Она не любила находиться под открытым небом, не переносила походной жизни, лишенной привычного комфорта, и просто-таки ненавиде-

ла дождь, сырость и холод. И вот теперь она намеревалась обречь себя на эти лишения, ибо ее затея требовала строжайшей тайны.

Юбка с шуршанием обвилась вокруг ног Трианы. Триане был омерзителен собственный замысел. Но она не могла положиться на Аэлмаркина. Триана не верила, что он лучше ее сумел бы выследить кого-то в глухих дебрях. А кроме того, она была уверена, что Аэлмаркин постарается оставить все, что только разузнает, при себе. Ей пока что не удалось совратить этого его нудного кузена — хорошо, что она не стала назначать четкие сроки их пари! — но от непрерывных успехов Киртиана Аэлмаркин впал в беспокойство. Не то чтобы Триану волновал возможный проигрыш. Подумаешь, экая трудность — обучить для Аэлмаркина одну рабыню! Но вся эта ситуация стала для нее и вызовом, и навязчивой идеей. Она не допустит, чтобы ее победили — только не в этом, не сейчас, когда между нею и поражением стоит лишь ее ловкость и ум. На этот раз она не станет полагаться ни на кого.

Триане хватило непродолжительного телесонового разговора с лордом Киндретом, чтобы выяснить, что стряслось с Киртианом и куда он отправился — отправился в открытую. И в этом был ключ. Возможно, Киртиан напыщен, возможно, он невыносимо скучен, — но после того, как он наголову разгромил молодых лордов, уже никто не рискнул бы назвать его глупцом.

Триана развернулась, нетерпеливо пнув собственный подол. Нет, он отнюдь не глуп. А из того, что он скучен, совершенно не следует, что он не может держать что-то при себе.

Когда лорд Киндрет в краткой беседе подтвердил, что Киртиан замыслил новую экспедицию — по повелению Совета, — у Трианы возникла собственная версия происходящего. С чего это вдруг, спрашивается, Киртиан заинтересовался тамошними пещерами еще до того, как пришло сообщение об этой второй группе волшебников? А он ими интересовался — Триана это знала, поскольку слыхала о кое-каких его расспросах и о том, какие карты и книги он разыскивал. И занялся он этим еще до того, как в поместье лорда Чейнара объявились те два ополоумевших пленника.

Все это выглядело достаточно бессмысленно, но лишь до того момента, как Триана снова заявилась к Мот, решив выяснить, чем же он там занимался, и перекопала те самые книги,

которые просматривал Киртиан. Два раба, помогавшие ему, не посмели и пикнуть; они послушно притащили Триане все нужные тома.

И теперь она знала. И, вероятно, она, как никто из эльфийских лордов, способна была понять тайные движущие мотивы Киртиана. Ибо в ее семействе сохранились собственные предания, касающиеся Перехода, и дневники, которые Триана иногда лениво листала — так, от скуки. Теперь она совместила внезапное увлечение Киртиана дневниками из библиотеки Мот и навязчивую идею его отца, всю жизнь разыскивавшего Врата, и все поняла: Киртиан надеялся наконец-то отыскать следы отца.

Но мало того, что лорд Киртиан сделался вдруг важным лицом, военным вождем великих лордов: предположительно, где-то у места Перехода осталось оружие, брошенное за ненадобностью. С этим оружием лорду Киртиану уже не нужна будет армия, чтобы диктовать свою волю великим лордам. С этим оружием он сам может стать великим лордом. А быть может, и чем-то большим. Быть может, первым королем?

Быть может. За вялой внешностью может скрываться немалое честолюбие.

Если только в это дело не вмешается кто-то другой. Тот, кто мог бы сообщить нужные сведения... ну, скажем, лорду Киндрету.

Или тот, кто смог бы воспользоваться этими сведениями в собственных интересах.

Триана всегда составляла планы с таким расчетом, чтобы их можно было быстро изменить, если понадобится. Вот потому-то сейчас ее слуги собирали нужное снаряжение, с которым ей и двум рабам, охотникам и следопытам, предстояло пройти через ближайший портал, дабы отправиться в трижды проклятый, насквозь промокший лес, граничащий с поместьем лорда Чейнара.

Лорд Чейнар не одобрит появление Трианы. Ну и плевать. Она не нуждается ни в его одобрении, ни в его помощи. Ей даже не нужно заезжать в его владения. Она просто доберется до его границ и двинется вдоль ограды, и войдет в лес там, где сочтет нужным. Ее рабам хватит сноровки отыскать следы Киртиана и пойти по ним.

Даже если это означает, что ей, Триане, придется какое-то время провести в гнусном лесу под непрекращающимся дождем. Да, она любит комфорт, но это еще не значит, что она не

сможет без колебаний пожертвовать им ради серьезных причин.

Без колебаний.

Но не без недовольства. И она снова яростно пнула шлейф платья.

Аэлмаркин, с удобством расположившись в любимом кресле, печально размышлял о несправедливости мира и поглядывал на изящное каменное изваяние танцовщицы так, словно то нанесло ему личное оскорбление.

Аэлмаркин не доверял своему кузену. За всей этой затеей с ловлей каких-то идиотских волшебников в непроходимом лесу крылось нечто куда более серьезное, чем можно было подумать. Киртиан — зануда, одержимый навязчивой идеей, но он отнюдь не дурак.

Аэлмаркин ногтем прочертил круг на обивке кресла. На его взгляд, нынешнюю поездку Киртиана никак нельзя было назвать «военной экспедицией». Он не взял с собой ни других эльфийских лордов, ни сколько-нибудь значительный отряд. Он вообще не взял никого, кроме нескольких собственных рабов. Он либо возмутительно уверен в себе, либо...

...либо считает, что в этом лесу имеется нечто такое, что он сможет использовать в своих интересах. И что же это может быть?

Ведь что-то же там должно быть! Никто не пойдет на такой риск без очень серьезных на то причин. Может, это как-то связано с самими волшебниками? Судя по всему, что слышал Аэлмаркин, эти новые волшебники ничем не отличались от тех, что уже удрали от них куда-то в глушь. Только этих, похоже, было еще меньше.

Разве что...

Разве что они тоже владеют тем любопытным способом сводить магию на нет, которому откуда-то научились молодые лорды!

Аэлмаркин хлопнул ладонью по креслу; его переполнял гневный восторг. Ну конечно! Вот оно! Поскольку до сих пор ни одного из главарей мятежа изловить не удалось, никто не знал сути этого способа. Но если Киртиан сумеет поймать какого-нибудь волшебника и вытянуть из него все, командовать будет он. И Совет даст ему все, что он только пожелает, включая место в Совете — даже если ни одной вакансии там не будет.

А если он и вправду войдет в Совет, то Аэлмаркин может попрощаться с надеждой заполучить это поместье. Хотя члены Совета немилосердно грызлись между собой, но такого, чтобы один из них согнал другого с его земель или его кресла, не бывало никогда, и не просто потому, что «так не принято». Великие лорды чрезвычайно ревниво охраняли свое первенство, и если посторонний угрожал одному из них, он угрожал всем, — и ополчались на наглеца тоже все.

На миг Аэлмаркин впал в отчаяние и с силой грохнул по подлокотнику кресла. Деревянная основа хрустнула и сломалась, но Аэлмаркин не успокоился и продолжал лупить подлокотник, пока тот не обвис, развалившись изнутри на отдельные обломки.

В конце концов вспышка гнева угасла, и к Аэлмаркину вернулась способность размышлять. Аэлмаркин покинул кабинет и отправился в сад — побродить, подумать. Небо было затянуто мрачными тучами, но на душе у Аэлмаркина было еще мрачнее.

Ему нужно было поразмыслить... Он принялся расхаживать по саду, бесшумно ступая по бархатному дерну дорожек и не обращая внимания на журчание фонтанов и искусственных водопадов.

Ну, во-первых, все это вполне могло окончиться ничем. Но Аэлмаркин не смел на это рассчитывать. Если уж Киртиану что-то нужно, то он перевернет все на свете, но найдет, что искал. Он настойчив — если не сказать упрям.

Во-вторых, маловероятно, чтобы Киртиан потерпел неудачу. Разве что он не сумеет отыскать волшебников или не сможет захватить ни одного пленного. Но на это, как уныло подумал Аэлмаркин, уж точно не стоит рассчитывать. Киртиан до отвращения везуч. Возмутительная несправедливость.

В-третьих...

В-третьих...

И тут его поразила новая мысль, сверкнувшая, словно солнце в разрыве туч. Аэлмаркин не ожидал от Киртиана двуличия — но ведь и внезапного проявления таланта он тоже не ожидал, а вот стряслось же. А вдруг все это — двойная игра?

Что, если Киртиан вознамерился не ловить волшебников, а вступить с ними в переговоры? Вдруг он решил заключить с ними союз?

Да, мысль идиотская, с этим не поспоришь, — но все-таки Аэлмаркин замер и задумался. Его манили и дерзость этой мысли, и возможности, которые она с собой несла.

Если великие лорды узнают, что на уме у Киртиана, они не просто лишат его своей поддержки — они выступят против него. Да, именно так. Измены они не потерпят.

Ну что ж, существует лишь один способ выяснить, как обстоят дела, — лично проследить за Киртианом. Даже если Киртиан и не замыслил измену, возможно, удастся обставить все так, чтобы со стороны он выглядел изменником.

И впервые за многие дни Аэлмаркин воспрял духом.

Он даже расхохотался вслух; ум его лихорадочно работал. Первым делом, конечно же, нужно выследить Киртиана и посмотреть: а вдруг он, паче чаяния, и вправду предатель? Если не придется ничего фабриковать — тем лучше. Если же ему, Аэлмаркину, удастся обнаружить хотя бы видимость двурушничества, остальное он уже состряпает. А отсюда следует, что он не может доверить этого дела никому.

И уж в особенности — леди Триане.

Аэлмаркин презрительно скривился, пытаясь вообразить леди Триану, потащившуюся за Киртианом хотя бы во владения Чейнара, не говоря уже о лесной глуши. Да она в собственный сад не выйдет без десятка рабов, беседки и подушек!

Ну да неважно. Этой идеей он не намерен делиться ни с кем. Ведь говорят же: если хочешь, чтобы все прошло безукоризненно, займись делом лично.

Кроме того, существовала еще одна, последняя возможность, о которой навряд ли подумала даже Триана, при всей ее безжалостности. Он может устроить Киртиану небольшой «несчастный случай», особенно если тот не взял с собой этого своего телохранителя.

Да, решено. Если Киртиан войдет в этот лес, то уже не выйдет из него прежним. Оттуда он выйдет либо в цепях, либо в гробу.

И Аэлмаркин улыбнулся, впервые за день. И раб, терпеливо и незаметно следовавший за господином — вдруг он чего-то пожелает? — содрогнулся, увидев эту улыбку.

Каэллах Гвайн расхаживал по неровному каменному полу этого жалкого подобия комнаты, гневно насупив брови. Гнев его не утихал с тех самых пор, как мерзкая девчонка выставила его на посмещище перед всеми жителями Цитадели. Как он

только допустил, чтобы его втянули в этот дурацкий спор? Беда, да и только! Каэллах до сих пор не мог понять, почему же все закончилось столь ужасно. Он же говорил чистую правду!

В тот момент ему казалось, будто удача сама идет ему в руки. Гнусное отродье не умеет произносить речи и, в отличие от него, не способно распространять вокруг себя ауру власти и уверенности в своих силах. И главное-то в том, что он был совершенно прав! Мерзкая тварь! Как ей только это удалось? Она исхитрилась восстановить против него буквально всю Цитадель! Но как? К тому времени, как Гвайн понял, что каждым словом увеличивает число противников, было уже поздно.

Каэллах пнул валяющийся под ногами башмак. Ему отчаянно хотелось, чтобы на месте этого башмака был сейчас кто-нибудь из этих так называемых друзей, трусливо бросивших его. А еще в результате этого спора он лишился всех слуг. Теперь никто не желал и пальцем шевельнуть, чтобы помочь ему справиться с трудностями.

Даже люди — даже дети! — пропускали мимо ушей все его приказы! Теперь, когда Каэллаху хотелось есть, он не мог уже достойно вкушать трапезу в собственных покоях. Ему приходилось тащиться в пещеру, служащую обеденным залом, искать местечко на общих скамьях и самому брать себе еду из общего котла. Ничего более унизительного и представить себе нельзя — такое издевательство трижды в день! Мерзость какая! Каэллах даже не знал, что хуже: терпеть голод до последнего и доедать остатки, но сидеть на скамье одному, или толкаться в толпе и получать что-то съедобное, но при этом терпеть смешки и смотреть, как все нарочно раскорячиваются пошире, чтобы сделать вид, будто у них за столом мест нет. Ну что ж, они хотя бы до сих пор разрешали ему есть. А то ведь всякий раз, как он появлялся в обеденном зале, кто-то да заводил громкий разговор о том, что, дескать, давно пора ввести в новой Цитадели правило: кто не работает, тот не ест.

Неблагодарные! Он им еще покажет! Раз они не позволяют ему нормально питаться, он вернется к прежнему и будет лично при помощи магии красть еду из кладовых эльфийских лордов, и в преисподнюю этот дурацкий договор Лашаны! Пускай знают!

По крайней мере, там можно было разжиться чем-то приличным: настоящим сыром, настоящим хлебом, настоящей ветчиной и колбасой. Ха! А если таскать еду с кухонь, вообще можно разжиться чем угодно!

Каэллах уныло вспомнил последнюю трапезу. Вонючий козий сыр, жилистая баранина — да и той всего ничего, какая-то тошнотворная мешанина из дикой зелени и хлеб из муки крупного помола, темный и грубый. Если они хотели наказать его, то уже одна эта еда — достаточное наказание. Как ему хотелось чего-нибудь из тех славных вещей, которые они крали у эльфов, — нежного копченого мяса, чудного сыра, сладкого масла и сливок, лепешек из хорошей муки, сдобренных белым сахаром! При одной лишь мысли об этих яствах рот Каэллаха наполнился слюной.

Каэллах сердито посмотрел на огонь в камине. К счастью для него, он успел заполучить эту комнату, прежде чем оказался в опале. По крайней мере, тут хотя бы есть камин. Если, конечно, простую нишу в каменной стене, с такой же простенькой трубой, выведенной на поверхность при помощи драконьей магии, можно гордо именовать камином. Когда наверху шел дождь, в очаг лило, а когда поднимался ветер, дым задувало в комнату. Вот и сейчас тоже был дождь, и капли с шипением падали в огонь, грозя затушить его. Теперь, если Каэллах хотел развести огонь, ему приходилось самому идти за дровами, а если он не хотел, чтобы пакостный очаг забивался золой, ему приходилось самому вычищать и выносить золу.

Ну, по крайней мере, в этом Каэллах их всех перехитрил. Он прекрасно знал, когда дрова разносят по другим комнатам, и набирал их там, пока хозяева отсутствовали. Что же касается золы, он ограничивался тем, что выметал ее за порог. А дальше — не его дело. Хотят — пусть убирают, хотят — пусть так по ней и ходят. Его это не касается.

В конце концов, все сводилось именно к этому — к работе, которой он занимался целыми днями, пока гнев не начинал мешать следящим заклинаниям. Он шпионил при помощи магии за тем, как эти сопляки, мнящие себя волшебниками, учат его бывших сторонников переноситься с места на место без вреда для себя и увеличивать свои силы. Таким образом он мог учиться этим заклинаниям, не подвергая себя дальнейшим унижениям. А ему нужно было этому научиться — иного выхода не было. Если он чего-то хочет, ему придется добиваться этого самостоятельно. А у самого у него таких сил нет.

И каждый день поверх старых громоздились все новые и новые унижения. Никто больше не приходил убирать его покои, и ему — ему! — приходилось убирать их самостоятельно или искать среди этих мерзких детей желающего и подкупать маленькую тварь, чтобы та поработала. А их, конечно же, не устраивали какие-нибудь безделушки или что-нибудь такое, что Каэллах мог бы пойти и стянуть со склада — нет, они требовали что-нибудь такое, что надо было переносить из старой Цитадели, тратя собственные силы! Это так бесило его, что он потом на несколько часов терял способность мыслить. Каэллах тосковал по тем денькам, когда он мог бросить что-нибудь на пол в святой уверенности, что все, что должно быть убрано, тут же будет подметено, либо вытерто, либо поставлено на свое место.

И все это пошло прахом из-за наглой самоуверенной девчонки.

А ведь она тоже что-то затевала. Ясное дело — какую-нибудь гадость. Что еще она может затеять? Каэллах чувствовал, что в воздухе витает какая-то тайна; он видел это по поведению Лашаны и ее любовника. В последнее время она очень часто использовала заклинание перемещения — теперь Каэллах умел его засекать. Да, шумная магия. Ничего особенного в ней нет. И до чего же это по-женски — использовать заклинание, что так сильно привлекает внимание к его исполнителю! Теперь Каэллах тоже овладел этим заклинанием — и исключительно благодаря собственным усилиям! Он уже успел навестить старую Цитадель и обшарить не только свои покои, но и комнаты других волшебников — и занимался этим до тех пор, пока голод и усталость не вынудили его вернуться обратно. В конце концов, если не знать или не помнить, где лежит какая-то вещь, ты не сможешь перенести ее при помощи магии — ну или придется использовать весьма кропотливое и трудоемкое заклинание провидения. Каэллах сложил все, что смог, в своей бывшей комнате и запомнил много такого, что не смог забрать в этот раз, но что хотел бы иметь в своих нынешних покоях. Теперь у него появилось много нового имущества, в дополнение к той груде пожитков, которую он, уходя, прихватил с собой.

Так что Каэллах неплохо теперь был знаком с заклинанием переноса, чтобы узнавать его, и не сомневался, что в последнее время Лашана очень часто им пользуется. Но зачем? Переносить сюда что-нибудь живое не было надобности, поскольку в Цитадели хватало уже и коз, и овец, и даже крупного рогатого скота. А все остальное можно было таскать потихоньку, при помощи старой магии, которой пользовались волшебники, когда крали все, что хотели, прямо из-под носа эльфийских лордов.

Вот и теперь своеобразное неблагозвучное ощущение в затылке сообщило Каэллаху, что кто-то в Цитадели вновь воспользовался этой магией. Наверняка это Лашана. Кроме этого эгоистичного отродья, больше просто некому.

Но никто, никто не желал верить ни единому его слову, когда он обвинял ее! Ну как же, ведь это же их драгоценная Лашана Проклятие Эльфов, та самая, что привела к ним драконов (коварных, подлых тварей, изменяющих мнение с той же легкостью, что и свой облик), кланы торговцев (диких варваров, не заслуживающих ни малейшего доверия) и Железный Народ (дикарей, которые не просто были варварами, но еще и владели собственной защитой от силы эльфийских лордов, а потому не нуждались в союзниках — и как таким верить, спрашивается?). Все почему-то напрочь позабыли, что это именно из-за Лашаны им вообще понадобились эти так называемые союзники, из-за нее им пришлось распроститься с уютом и безмятежной жизнью в старой Цитадели!

Она что-то затеяла. Каэллах знал это. Он это чувствовал! Она что-то затеяла, а значит, всех ждут новые неприятности!

Вот оно!

Если бы только ему удалось выяснить, что она затевает, до того, как это стрясется, если бы только ему удалось застукать ее на какой-нибудь глупости и доказать, что ее новая затея навлечет на всех новую опасность, тогда ему бы снова поверили!

Каэллах пнул прочь с дороги другой башмак, на этот раз — с победным смешком. Он накормит это отродье ее же стряпней! Он воспользуется ее же собственной заковыристой магией, чтобы выследить ее и разузнать, куда это она шастает, — а там и узнать, что же она затевает! Он поймает ее на горячем, а потом приволочет обратно в Цитадель и перед всеми заставит сознаться во всем! О, это будет лишь справедливо, если против нее используют ее собственную магию!

Каэллах резко развернулся и принялся копаться среди вещей, в беспорядке сваленных у него на столе, в поисках куска дымчатого кварца, служившего ему усилителем. Потом он расчистил место и сосредоточился на следящем заклинании. В конце концов, Лашана знает о магии далеко не все! Она не знает, что для слежки вовсе не обязательно смотреть на знакомое место или знакомого человека — для этого хватит предмета. Именно так в старые добрые времена они таскали продукты у эльфийских лордов...

А потому, вместо того чтобы следить за Лашаной — она могла бы почувствовать слежку и насторожиться, — Каэллах следил за предметом. За чем-то таким, что она носила постоянно. Скажем, за поясом из драконьей шкуры, сброшенной во время линьки этим ее так называемым приемным братом; от времени пояс потускнел и уже не сверкал, как обычная драконья шкура, притягивая взгляды.

Найдя этот пояс, он найдет и девчонку и будет наблюдать за ней — очень, очень осторожно.

А когда она в следующий раз куда-то отправится, он последует за ней. Он выяснит, куда она шастает и чем занимается.

А вот когда он раскроет ее тайну...

Каэллах стиснул кулаки и усмехнулся.

Глава 29

Триана лежала на холодной, твердой земле, прячась за кустом, и следила за лагерем, разбитым внизу, в небольшой лощине. На капюшон ее плаща капала вода с ветвей, и хотя плащ сам по себе был водонепроницаемым, влажный туман как-то умудрялся проникнуть даже под искусно заколдованную ткань. Лежать под кустом было неудобно, но представшее ее взору зрелище так изумило Триану, что она позабыла про неудобства.

Внизу сквозь морось виднелся небольшой лагерь; семь-восемь фигур суетились, приводя лагерь в порядок, одна сидела. Именно сидящий и приковал к себе внимание Трианы.

— Видите, моя леди? — прошептал на ухо Триане ее человек-следопыт. — Все как я вам и говорил. Вот тот эльфийский лорд, которого вы искали.

Да, верно, это и вправду был эльфийский лорд — только вот совсем не тот, которого искала Триана. Но упрекнуть следопыта было не в чем. Он никогда не видел лорда Киртиана и потому не смог бы его узнать, и уж тем более — издалека. И уж подавно ему неоткуда было знать, что этот придурок Киртиан никогда не стал бы сидеть и созерцать, как его рабы разбивают лагерь. Но во имя Предков, что заставило Аэлмаркина победить собственную лень и притащиться в эти дебри?

Триана искренне порадовалась, заметив, что Аэлмаркин выглядит не очень-то счастливым. Он сидел, скорчившись, опершись локтями о колени, и даже отсюда Триана видела, как он

ежится. Предки! И вправду, даже отсюда видно! Рабы Аэлмаркина пытались разжечь костер, но у них ничего не получалось — слишком уж мокрыми были дрова. Аэлмаркин неуклюже устроился на табурете под навесом и наблюдал за ними. Отсюда Триана затруднялась угадать, о чем он сейчас думает; но мгновение спустя Аэлмаркин ткнул пальцем в сторону груды дров, и та с ревом вспыхнула. Рабы поспешно отскочили, чтобы не обжечься.

Неужто он тоже выслеживает Киртиана? И даже не потрудился сообщить об этом ей?

Внезапно разозлившись, Триана скрипнула зубами. Ах он мерзавец! Да как он смеет?..

Но ее гнев утих так же быстро, как и вспыхнул. А чего, собственно, еще можно было ожидать от Аэлмаркина? Она ведь и сама, если на то пошло, не сообщила ему о своих замыслах. Ну так чего ж злиться? Для нее это всего лишь пари, а для него — очень важный вопрос. Достаточно важный, чтобы заставить Аэлмаркина явиться в здешние чуждые, лишенные удобств края, хотя он любит их не больше Трианы.

Ну что ж, если он выслеживает Киртиана, она будет просто следить за ним! Это сбережет ей массу сил, ибо Аэлмаркин куда хуже приспособлен к жизни в лесу, чем его кузен со своими людьми. Ну а если он начнет плутать, она всегда может велеть своим следопытам взяться за дело самим.

Киртиан между тем так или иначе собирался лезть под землю. Ему нужно найти волшебников, и он желает разыскать Великие Врата, а и то, и другое следует искать в пещерах. А если здешние пещеры и впрямь столь обширны, как о них рассказывают, то обойти Аэлмаркина будет проще простого.

— Молодец, — прошептала Триана рабу. Тот просиял, и улыбка гордости буквально-таки преобразила некрасивое лицо. — Продолжай наблюдать. Я пришлю к тебе Картара. Когда они снимутся с места, следуйте за ними. Когда они снова остановятся и разобьют лагерь, пришлешь Картара за нами.

— Моя леди... — Раб поклонился. Это был крепкий, закаленный человек — как и все, кого Триана взяла с собой. Раб был одет в подходящий для этого леса наряд: одежда из прочного холста, крепкие сапоги и непромокаемая туника с капюшоном. Триана и сама была одета точно так же, с небольшими отличиями: у нее еще имелся непромокаемый плащ, а одежда была пошита из прочной, но более мягкой ткани. Насколько было видно, Аэлмаркин не принял подобных мер предосторожности. Триана мрачно улыбнулась, отползла от куста и зашагала вниз по склону холма, туда, где ее ждали остальные рабы.

Раб бесшумно вел ее по паутине оленьих тропок. Одним лишь Предкам ведомо, как он умудряется находить дорогу! Впрочем, Триану это не интересовало. В конце концов, это его работа, его этому учили — и, надо заметить, очень хорошо учили. Жаль, однако, что требования скрытности заставляют держать лошадей на таком большом удалении от лагеря Аэлмаркина. А то ведь у оленьих троп есть свои недостатки: оленей не волнуют ветви, нависающие над тропой, и корни, лезущие под ноги.

К тому моменту, как Триана с сопровождающим добралась до своего лагеря, уже сгустились сумерки. Благодаря тому, что Триана куда лучше Аэлмаркина поняла, каких именно рабов следует брать с собой в дорогу, ее лагерь находился куда в лучшем состоянии. Под искусно сооруженным навесом из ветвей горел небольшой костер; навес не только достаточно надежно укрывал огонь от вездесущего дождя, но еще и рассеивал дым, и тот не поднимался столбом, по которому их стоянку можно было бы засечь.

Хорошие люди. Триана была рада, что купила их у лорда Киндрета, — купила, не задумываясь, стоило ей узнать, что они не просто следопыты: их обучали на военных разведчиков. Они были расторопны, ненавязчивы и молчаливы. А кроме того, они умели работать командой и не нуждались в постоянном надзоре.

И они уже уразумели, что их госпожа хорошо награждает за верную службу. Триана уже дала им это понять. Есть время для кнута, и есть — для пряника. Если хочешь, чтобы кто-то работал на тебя не за страх, а за совесть, в полную силу — используй пряник.

Кроме того, несмотря на некоторую грубоватость, они неплохо выглядели, и после ее обычных хорошеньких игрушек это было приятным разнообразием.

И потому Триана, хоть она и успела продрогнуть от сырости, похвалила своих рабов и проследила, чтобы Картара хорошо накормили и снабдили провизией, прежде чем отослать его к тому следопыту, что следил сейчас за лагерем Аэлмаркина. Ничего, сумерки здесь тянутся долго, а Картару предстоит идти по тропе. Так что он до темноты доберется.

Несмотря на то, что нынешняя ситуация ей не нравилась, все это начинало становиться интересным. Весьма и весьма. Триана снова улыбнулась, приняв от раба тарелку со слегка

подгоревшим мясом, и удалилась с ней в свою крохотную палатку. Если окажется, что Киртиан заставил ее таскаться по лесу из-за погони за какой-то недостижимой нелепицей, этого она никогда ему не простит. Если же...

Если же ее догадки верны, то это может оказаться наилучшей возможностью разрушить давно устоявшееся равновесие сил среди великих лордов.

А кроме того, существовал еще один вариант, который она могла пустить в ход, и он, учитывая обстоятельства, способен доставить ей массу удовольствия, даже если все это и вправду окажется погоней за какой-то чушью.

Раз Аэлмаркин не сказал ей, Триане, о том, куда он направляется и что собирается делать, скорее всего, он не сказал об этом никому. Ну, разве что Чейнару, но это особого значения не имеет. Всем известно, насколько опасны эти леса. Ее следопыты обучены для войны. Следопыты Аэлмаркина — нет. И никто не знает, что Триана тоже отправилась в эти холмы.

А потому, если Аэлмаркин со своими людьми попросту исчезнет, это никого не удивит. И вряд ли кто-нибудь станет его разыскивать, после того как Чейнар сообщит, куда именно он отправился.

Она не выиграет пари — но зато и не проиграет. А ради удовольствия увидеть лицо Аэлмаркина в тот момент, когда она перережет ему глотку, стоит нарушить все законы и обязательства, которые клялись исполнять великие лорды.

Это был самый темный и самый мрачный лес, в котором Киртиан когда-либо имел несчастье останавливаться на ночлег. Киртиан поймал себя на том, что размышляет, как ему ухитриться рассредоточить внимание так, чтобы слышать и разговор у костра, и разнообразные звуки, доносящиеся из леса, естественно, кроме шума дождя. Ну должны же эти тучи хоть когда-нибудь разойтись! Не может же дождь идти вечно! Или все-таки может?

Прошло не больше часа с тех пор, как они отыскали местечко, где хотя бы не было тумана. Хорошо, что ему с его людьми не приходится определять север при помощи старинного способа, по мху, растущему на стволах деревьев. Здесь этот мох растет повсюду, по большей части — сплошным ковром! Если существует на свете место, по самой своей природе предназначенное для засад, так это — оно. До сих пор им удавалось избегать встреч с теми неведомыми незримыми тварями, но окру-

жающий пейзаж был настолько мрачен, что весь отряд Киртиана постоянно нервничал.

Хрустнула ветка. Киртиан и все его люди мгновенно насторожились. Из темноты донеслась трель жаворонка, и все расслабились. Несколько мгновений спустя в круг света вступила Шана, и с ней — какой-то молодой волшебник. Капли вездесущей мороси на их капюшонах заискрились, словно драгоценные камни.

— Ума не приложу, как вам удалось пройти мимо моих часовых, — добродушно пожаловался Киртиан. — Я надеялся, что это никому не под силу.

— Никому — кроме людей, наделенных магией, драконов и волшебников, — с улыбкой отозвалась Шана и уселась на полено, которое один из парней Киртиана уже успел подкатить к костру специально для нее. — Кстати, раз уж речь зашла о них... Это мой приемный брат, Кеман.

— Рад с вами познакомиться, — вежливо, но настороженно произнес Киртиан. — Так, значит, вы — еще один волшебник...

— Э-э... Вообще-то нет, — неуверенно произнес парень, взглянув на Проклятие Эльфов. — Шана подумала, что пора вам... э...

— Раз уж вы собрались довериться нам, мы хотим подкрепить ваше доверие, — тут же вмешалась Шана. — Я уже поговорила об этом с другими нашими вождями, и они думают, что пора доверить вам нашу самую большую тайну.

— И что же это за тайна? — поинтересовался Киртиан. Лучше бы уж она прямо переходила к делу!

— Пожалуйста, выполните сперва одну мою просьбу — используйте способ, которым вы проверяете наличие иллюзии или чар. Понимаете, Кеман — не совсем тот, кем выглядит, — сказала Шана, и в ее тоне было нечто такое, что Киртиан на миг воззрился на нее с подозрением. Что это она затеяла? Неужто этот ее «приемный брат» — чистокровный эльф? Или, может, человек? Да нет, если бы он был человеком, вся эта таинственность не имела бы смысла.

Но поскольку было ясно, что Лашана не станет ничего рассказывать, пока он не выполнит ее просьбу, Киртиан со вздохом собрал нити магии, сплел их в сеть и набросил на обоих гостей — просто так, за компанию. А вдруг на Проклятии Эльфов тоже лежат какие-нибудь чары?

Ничего не произошло. Гости по-прежнему выглядели точно так же, как и в тот момент, когда подошли к костру.

Киртиан был искренне озадачен. Неужто его магия напоролась на какое-то противодействие? Да нет, это бы он непременно заметил. Может, тогда они как-то умудрились поглотить ее? Но как?

— Вы придумали какой-то новый способ использовать железо? — спросил Киртиан. — Или вы...

Он так и не успел закончить свой вопрос, потому что в следующее мгновение парень, стоявший у костра и выглядевший совершенно нормальным, обычным волшебником, внезапно начал... начал изменяться. Он не начал корчиться, но сделался вдруг каким-то размытым, и его скрутило, да так, что Киртиан ощутил сильнейший приступ тошноты. У него было такое чувство, будто что-то принялось выкручивать его глаза из глазниц и одновременно с этим переворачивать вверх дном все его внутренности. И Киртиан, зажав ладонью рот, стремительно отвернулся. В этом он был не одинок: все его ребята позеленели и поотворачивались.

«Да что это за!..»

Едва лишь мучительная тошнота улеглась, Киртиан повернулся обратно и сердито уставился на Лашану. С его губ уже готовы были сорваться гневные обвинения.

Но Киртиан тут же растерял все слова, ибо взгляд его заскользил вверх... и вверх... и вверх... и в конце концов уткнулся в сверкающие, поразительно кроткие глаза огромного сапфирно-синего дракона.

Во всяком случае, Киртиан решил, что это именно дракон. Кто ж это еще может быть? Огромный, чешуйчатый, крылатый, с клыками и когтями. Других существ, подпадающих под это описание, пожалуй что и нет.

Зачарованно глядя на дракона, Киртиан услышал тем не менее, как его люди отреагировали на присутствие этого существа. Кто-то молился на древнем языке людей, кто-то ругался — на редкость прочувствованно, надо сказать, а судя по глухому стуку, кто-то грохнулся в обморок.

И, пожалуй, Киртиан не мог его за это упрекать.

— Если хотите, можете пустить в ход все известные вам заклинания развеивания иллюзии, но драконы могут выглядеть как им заблагорассудится, и заклинания их не берут. Видите ли, драконы способны вправду изменять свой облик, — услышал Киртиан слова Проклятия Эльфов. Голос девушки звучал весело, но Киртиану казалось, будто он доносится откуда-то издалека. Его разум был всецело поглощен тем невероятным

зрелищем, что предстало его глазам. — Это наша самая большая тайна. Именно благодаря этому мы можем посылать к эльфийским лордам шпионов, которых невозможно разоблачить. Драконы способны пройти где угодно и превратиться в кого угодно — или во что угодно, и вы никогда их не засечете, потому что они не создают иллюзий — они на самом деле принимают тот облик, который пожелают. Они шпионили за вашим народом... да, пожалуй, всегда. Наверное, с того самого момента, как эльфы прибыли сюда. Так говорят Старейшие.

Киртиан тихо охнул.

— Насколько я понимаю, это именно драконы побывали в моем лагере?

Лашана рассмеялась своим звонким, переливчатым смехом.

— Дорогой мой лорд Киртиан, драконы стояли на страже неподалеку от вашей собственной палатки! И ни вы, ни сержант Джель ничего не заподозрили!

— На самом деле, одним из них был я, — сказал дракон. В голосе его проскользнули виноватые нотки. — Извините. Я терпеть не могу подслушивать и подглядывать, но у нас не было другого выхода. Нам нужно было знать, что вы собой представляете. Ну, вы понимаете. Просто вы начали так успешно лупить молодых лордов — и мы поняли, что после этого вас непременно отправят воевать с нами.

Киртиан не вполне понимал, как именно говорит дракон; казалось, будто рокочущий голос исходит откуда-то из глубин массивного туловища, и рот его открывался и закрывался, но губ у дракона не было, и Киртиан никак не мог сообразить, как же он выговаривает слова таким-то ртом...

— Ну, как бы там ни было, это наша самая большая тайна, и теперь вы ее знаете, — продолжала Лашана. — Ну... в общем, теперь вы сами видите — мы вам доверяем.

— А... ага, да. — Киртиан машинально нащупал бревнышко, на котором перед этим сидел, и очень осторожно опустился на него. — Да... я вижу.

Дракон опустил голову, так, чтобы его глаза очутились на уровне лица Киртиана.

— Понимаете, теперь, когда вы это знаете, вы можете в случае чего причинить нам не меньше вреда, чем мы вам, — негромко произнесло необыкновенное существо.

— И-извините, — выдавил из себя Киртиан, когда к нему хотя бы отчасти вернулась способность соображать. — Но вот сей момент, когда у меня перед самым носом маячит пасть такого

размера, что при желании она меня может заглотить целиком, мне как-то трудновато в это поверить.

Дракон вдруг взвился на дыбы, и на миг Киртиану почудилось, что его и вправду сейчас проглотят...

Но тут мощный рокочущий смех зародился где-то в глубине драконьего туловища, прокатился по длинному горлу и трубным кличем вырвался из вскинутой к небу пасти.

Этот смех должен был бы еще больше перепугать Киртиана и его людей. Это был совершенно чуждый звук, и его вполне можно было бы истолковать как боевой вопль, как знак того, что чудище готово напасть на них. Но почему-то — неведомо почему — он совершенно их не испугал.

— Отвернитесь, лорд Киртиан, — просмеявшись, сказал дракон. — Пожалуй, я лучше уменьшусь до ваших габаритов.

Повторять свою просьбу дважды ему не пришлось — всем хватило предыдущих впечатлений.

Когда Кеман вновь принял облик обычного полукровки, бедолагу Рессо привели в чувство и все расселись вокруг костра, Киртиан принялся потихоньку разглядывать волшебника-дракона, а Лашана с лесничими тем временем обсуждали, с которой из нескольких пещер им следует начать. Киртиан ничего не мог с собой поделать: он ну никак не мог соотнести нынешние габариты волшебника с истинными размерами дракона. Эта загадка мучила его; Киртиан не мог найти ей рационального объяснения, а когда Киртиан не мог чего-то объяснить, то уже не мог и думать ни о чем другом (хоть и понимал, что это — скверная привычка).

В конце концов дракон заметил, что Киртиан неотрывно смотрит на него сквозь языки пламени.

— Что вас так беспокоит, лорд Киртиан? — поинтересовался дракон. В его голове раздражение мешалось с весельем.

— Куда оно все девается, — не подумавши выпалил Киртиан. Все остальные умолкли. — Собственно — вы же сейчас не больше Рессо, и бревнышко под вашим весом не трещит — но когда вы были... — Киртиан изобразил руками нечто неопределенное, — это же была не видимость, это было вполне себе увесистое тело. Да хоть глянуть на следы, которые вы оставили! Так откуда же все это взялось? И куда делось?

Кеман пожал плечами.

— Куда-то. Это все, что я могу сказать, Киртиан. Мы называем это «переместить массу Вовне». Мы переносим наше истинное тело в это самое Вовне и обратно — но мы не знаем, что оно такое. Оно здесь и в то же время где-то в ином месте...

— Но если знать, как смотреть, то можно заметить, что дракон в измененном облике... ну, отбрасывает что-то вроде тени, — вмешалась Лашана. — Это не такая тень, которую вы отбрасываете при освещении, но она есть, и, когда мы вас научим ее видеть, вы всегда сможете определить, дракон перед вами или нет.

Киртиан лишь покачал головой; по правде говоря, объяснение лишь добавило всему этому загадочности. Ну, по крайней мере, чрезмерно назойливая часть его сознания ухватила это объяснение и утащила внутрь, обдумывать, предоставив Киртиану возможность заняться более насущными делами.

— Ну, ладно, — сказал он чуть погодя. — А что это за незримые твари, которые сидят в засаде у оленьих троп? И что мы можем с ними сделать?

Лашана с Кеманом переглянулись, кивнули, и беседа перешла к более практичным вопросам.

Каэллах Гвайн был вне себя от гнева.

Как только он выследил, куда направилась Лашана, он отправился за нею следом, в этот окутанный мраком лес, понадеявшись, что расстояние и свои дела помешают девчонке расслышать «шум» его прибытия. Конечно же, едва лишь он прибыл на место, треклятые деревья обрушили на него всю воду с потревоженных ветвей, создав на несколько мгновений настоящий ливень. Этого вполне хватило, чтобы Каэллах вымок с головы до пят. Поскольку он не имел привычки постоянно носить при себе непромокаемый плащ и не подумал, что Лашана ринется прямиком под ливень, то и не принял соответствующих мер предосторожности.

Настроение его отнюдь не улучшилось, когда ему пришлось вслед за Лашаной и ее неведомым спутником свернуть с нормальной тропы. Тропинка, по которой они поперлись, шла через такой густой подлесок, что он вполне сошел бы за живую изгородь, и ветви то и дело цеплялись за промокшую одежду Каэллаха или путались в его волосах. И там было темно, чума их всех побери! Если бы не магический светильник, Каэллах вообще не видел бы, куда идти!

К счастью, он не забывал отслеживать присутствие посторонних мыслей и потому засек часовых раньше, чем они заме-

тили свет его светильника, и погасил его. Потому-то Каэллах и сумел обойти часовых, хотя он, в отличие от всяких прочих, не убивал время на оттачивание этой способности чуять мысли. И тем не менее он способен был распознать человеческие мысли, когда встречался с ними. Так что же все-таки затеяла Лашана? Отыскала новую группу диких людей и собирается притащить их в Цитадель и тратить на них драгоценные ресурсы, предназначенные для волшебников, а не для каких-то бесполезных лишних ртов?

Каэллах заметил впереди костер и принял меры предосторожности. Он куда охотнее предпочел бы последить за происходящим издалека, но для этого требовался свет — а потому Каэллах опустился на четвереньки, хотя все его кости протестующе заскрипели при этом, и пополз вперед. Вскоре он подобрался достаточно близко, чтобы разглядеть тех, кто сидит у костра, — но все-таки не настолько, чтобы слышать, о чем они разговаривают.

Ну так и есть, очередная куча обычных людей!

Но тут один из тех, кто сидел к Каэллаху спиной, повернул голову, и Каэллах застыл, как громом пораженный.

Эльфийский лорд!

А рядом сидели Лашана и Кеман и преспокойно болтали с эльфом.

Каэллах настолько разъярился, что готов был выскочить из укрытия и наброситься на них прямо там. Но именно гнев помешал ему сдвинуться с места.

Да как она посмела?! Предательница! Неблагодарная мерзавка!

Каэллаху хотелось удавить ее на месте. Разорвать собственными руками. Мало всех тех бед, которые она уже принесла волшебникам — и это после того, как они подобрали ее, обучили, предоставили убежище!..

Каэллаха трясло от бешенства. Он сидел и смотрел на Лашану — а та болтала с эльфийским лордом и его людьми, словно со старыми друзьями.

Каэллах не знал, сколько он так просидел, охваченный гневом. Ярость выжгла в нем все мысли. Но постепенно гнев угас, и тогда...

И тогда ему на смену пришла неукротимая, бешеная радость.

Теперь Шана у него в руках! Наконец-то! Теперь ей уж точно не отвертеться! Пусть только остальные услышат об этом — они засадят ее в такую тюрьму, откуда ей уже не удрать!

Но для того, чтобы предъявить Лашане обвинения, нужно сперва вернуться в Цитадель. А чтобы вернуться в Цитадель, надо отойти подальше от этой стоянки.

Нельзя допустить, чтобы его схватили. Только не сейчас, когда он уже чувствует вкус победы!

Каэллах до предела распахнул свой разум, изо всех сил прислушиваясь и выискивая, где находятся рабы-часовые. Он двигался лишь тогда, когда точно знал, что их нет поблизости и они его не услышат. Каэллах буквально-таки ощущал свой путь, пролегший вдоль тропы, что привела его сюда; он убирал с дороги ветки, чтобы те не выдали его хрустом. По крайней мере, сейчас то, что лес насквозь промок, было Каэллаху на руку; земля заросла густым мхом, а опавшие листья были слишком влажными, чтобы шуршать.

Когда же наконец он удалился на достаточное расстояние, Каэллах поднялся на ноги, снова зажег волшебный свет и решительно зашагал по первой же попавшейся тропе. Его мало волновало, куда именно он идет, да это и не имело особого значения. Он может вернуться в Цитадель отовсюду. Главное — отойти подальше от стоянки.

Чем дальше отходил Каэллах, тем ярче он зажигал свой свет. Во-первых, свет сам по себе отпугивал ночных животных и заставлял их убраться с его дороги, а значит, уменьшал вероятность того, что они выдадут его шумом или привлекут внимание кого-нибудь действительно опасного — хоть того же единорога. Но чем дальше он шел, тем меньше зверьков ему попадалось — и наконец на тропе и вокруг нее не осталось никого, кроме самого Каэллаха.

«Наверное, отправились куда-то на охоту», — мимоходом подумал Каэллах. Сейчас его мысли были заняты совсем другим: а именно, что он скажет всем, когда вернется в Цитадель. Правда, ему припомнилось предупреждение этих дурацких драконов: что-то они говорили насчет того, что не следует бродить по этим краям. Но очевидно же, что тот эльфийский лорд ни капли не считается с подобными предостережениями. Тропа стала широкой и легко проходимой. Каэллах решил, что это место ему подходит — отсюда вполне можно отправляться обратно. Вот сейчас он пройдет этот куст...

Куст сотрясла яростная дрожь — и это было единственное предупреждение, которое успел получить Каэллах. А потом его поглотило нечто чудовищное и отвратительное, и волшебный свет Каэллаха погас. На миг старого волшебника охватило

изумление, сменившееся адской болью — а затем пришло небытие.

Над тропой воцарилась тишина — лишь кто-то увлеченно чавкал в кустах.

Глава 30

Кеман с Шаной решили остаться с отрядом Киртиана, но изменить свою внешность — так, чтобы казаться со стороны обычными людьми. Эта была несложная мера предосторожности — но она могла оказаться жизненно важной в том случае, если за Киртианом кто-нибудь следил, вживую или при помощи магии.

Как резонно заметил Кеман, они уже бывали в этих лесах. Когда они помогали спасать группу детей-рабов от лорда Чейнара, их пришлось вести через эти места. Так что хоть они с Лашаной и не знали здесь каждую тропку и каждый камушек, но зато достаточно знали о здешних опасностях, чтобы помочь отряду Киртиана избежать неприятностей. Ну, точнее говоря, большей их части. Киртиан со своими людьми и так уже однажды едва-едва удрали от тварей, нападающих из засады.

А еще они оба — Кеман в особенности — хорошо умели отыскивать всякие вещи. Когда Киртиан подробно объяснил, что он ищет место, куда отправился его отец в поисках древних артефактов, изложил детали, почерпнутые в старинных дневниках, и рассказал, почему ему кажется, что искать нужно в пещерах, Кеман с Лашаной тут же предложили свою помощь. Шана отправилась с отрядом Киртиана, дабы заблаговременно засекать единорогов, невидимых тварей и прочих неприятных существ. А Кеман ненадолго удалился по своим делам.

Вскорости он вернулся, с находкой в руках и широченной улыбкой на лице.

— Где вы это взяли?! — воскликнул Киртиан, уставившись на принесенный Кеманом кусок металла странной формы такими глазами, словно тот был сделан из золота и разукрашен драгоценными камнями. Кажется, когда-то эта штука была плоской и закругленной с двух сторон. Теперь же она была измятой, словно лист бумаги, который скомкали, а затем снова попытались распрямить.

— Во-он там, — указал направление Кеман. — Вы же знаете, драконы чувствуют, где находятся пещеры...

Он тут же понял по выражению лица Киртиана, что нет, тот этого не знал, но решил, что лучше продолжить объяснение как есть.

— ...Я просто полетал над верхушками деревьев, поискал пещеры. Я нашел место, где должен был располагаться вход в пещеру — очень большую и разветвленную. Но там случился обвал, и вход засыпало. Я все-таки приземлился там, чтобы осмотреть место, и нашел вот это — оно торчало из камней. — Кеман склонил голову набок и заинтересованно взглянул на Киртиана. — Кстати, а что это такое?

— Понятия не имею, — отозвался Киртиан, зачарованно вертевший странную штуковину в руках. — Но вы только потрогайте ее! Чувствуете, какая она легкая? Вам известен такой металл?

— Э-э... Нет, — признался Кеман. Собственно, его самого первым делом заинтересовал малый вес этой штуки и полнейшее отсутствие ржавчины. Тускло-серый обломок, измятый и искореженный, превосходно сливался с камнями, и лишь дракон мог заметить его благодаря своему особому чутью — обломок ощущался иначе, не так, как камни.

— И взгляните-ка сюда!.. — Киртиан указал на крохотную цепочку выгравированных символов, настолько глубоких, что осевшие на поверхности металла капли влаги не скрывали их. — Видите? Это древние письмена! Эльфийские письмена!

Кеман пригляделся.

— И что же тут написано? — с сомнением поинтересовался он. Он даже предположить не мог, что какой-нибудь эльфийский лорд мог пожелать выгравировать на куске... Да демон его знает, от чего этот кусок! Строку из стихотворения? «Если посмеешь — прикоснись»?

Киртиан рассмеялся.

— Здесь написано: «Верх». Вы небось ждали чего-нибудь поинтереснее, а?

Но глаза эльфийского лорда возбужденно горели.

— Кеман, это же... это же наверняка часть какой-то вещи, оставшейся от Перехода! Мы нашли Великие Врата!

— Нашли Великие Врата? — удивленно переспросил Кеман и нетерпеливо стряхнул воду с капюшона. — Я и не знал, что мы их ищем. Я думал, мы ищем вашего отца.

— Мой отец искал Великие Врата, и я уверен, что он нашел их. Но, видимо, что-то произошло — и помешало ему вернуться к нам.

Эльфийский лорд внезапно помрачнел. Киртиан не стал говорить, что же именно, по его мнению, могло произойти с его отцом, а Кеман решил не уточнять.

— А как давно случился этот обвал?

— Мне кажется, их там было несколько. — Теперь Кеман почувствовал себя увереннее. Уж если в чем драконы разбирались, так это в камнях и пещерах. — Я вытащил эту штуку из верхнего слоя, но мне кажется, что там некоторое время назад произошел один большой обвал, а потом несколько поменьше. Там до сих пор остался проход, через который можно протиснуться, но раньше... ну, раньше через этот проход прошла бы моя мама, не то что я! Но никаких костей я там не видел! — поспешно добавил Кеман, лишь теперь сообразив, что он, вполне вероятно, описывает место, где погиб отец Киртиана. Впрочем, это уточнение ничуть не утешило Киртиана. Он лишь еще сильнее помрачнел.

Киртиан передал странный предмет Шане. Та с любопытством осмотрела его, но видно было, что эльфийский лорд интересует ее куда больше, чем кусок металла. Внезапно в их маленьком лагере, укрывшемся под деревьями, стало очень тихо. Настолько тихо, что слышно было, как капает вода да перекликаются вдалеке птицы-колокольчики. Лицо Киртиана омрачилось; радостное возбуждение бесследно исчезло. Эльфийский лорд уставился куда-то в лес.

— Далеко ли это место? Сколько потребуется времени, чтобы туда добраться?

Кеман на миг задумался, оценивая расстояние.

— Дня два, если ехать по тропам. Или я могу отнести вас туда по одному...

Но и Киртиан, и Шана покачали головами.

— Я не хочу, чтобы отряд разделялся, — сказал Киртиан. — Лашана, я знаю, что вы могли бы перенести нас туда при помощи магии, но...

— Но потом я свалюсь и буду лежать пластом, — откровенно сообщила Шана. — И совершенно ни на что больше не буду способна. А мало ли, вдруг что-нибудь понадобится? Нет, придется ехать.

Шана вздохнула, потом улыбнулась и попыталась перевести все в шутку.

— Ну и ладно. Я последнее время много сидела сиднем и чересчур разленилась. Вы поедете верхом, а мы с Кеманом пойдем пешком...

Кеман расхохотался. Услышав этот смех, Шана хлопнула себя ладонью по лбу.

— Шана, а зачем тебе идти пешком? — полюбопытствовал Кеман. — Если вы дадите мне возможность превратиться во что-нибудь подходящее...

Киртиан мгновенно понял намек. Он поспешно отвернулся, и несколько секунд спустя новая «лошадь» насмешливо посматривала на Шану.

— Какую масть ты предпочитаешь, сестричка? — спросил Кеман, слегка изменив губы и голосовые связки — а то лошадиные не годились для того, чтобы вести беседу. — Какого тебе коня — чалого? Гнедого? Вороного? — полюбопытствовал он, последовательно изменяя цвета. — Или, может, ты хочешь пятнистого? Или в полосочку? Или в клеточку?

Шкура Кемана зарябила, являя миру все эти небывалые расцветки.

Шана капризно сморщила нос.

— Гнедого! — наконец-то изрекла она. — Гнедой меня вполне устроит.

— А может, лучше белоснежного единорога с небесно-голубыми глазами? — поддразнил ее Кеман, превращаясь в обычного гнедого коня. Заодно он изменил свою шерсть таким образом, чтобы та не промокала. И чего он раньше не принял вид лошади? Никаких тебе непромокаемых плащей не надо! И вообще, дождь начал вызывать приятные ощущения. По крайней мере, он отгонял всяческих летучих кровососов.

От этой шутливой перебранки настроение Киртиана слегка улучшилось, но, когда он принялся отдавать распоряжения своим людям, стало видно, что нервы его напряжены. Кеман не стал спрашивать, чего это он. По тому, как Киртиан рассказывал о своем пропавшем отце, ясно было, что молодой лорд не надеется найти его живым. И неудивительно, что, после того как первоначальное радостное возбуждение улеглось, Киртиана не порадовала перспектива увидеть вскорости мертвое тело — или что там от него осталось...

Киртиан отправил своих ребят сворачивать лагерь. Кеман отметил про себя, что те даже в спешке работали ловко и споро. Удивительно быстро все было собрано, упаковано и навьючено на мулов — куда быстрее, чем предполагал Кеман, исходивший

из опыта общения с Железным Народом, — и отряд готов был выступать.

Все вопросительно уставились на Киртиана, ожидая приказа. Тот указал на Кемана — единственного, кто знал, куда надо идти. И Кеман с Шаной возглавили отряд. Киртиан ехал следом за ними, а люди держались позади, на почтительном расстоянии. На лице лорда застыло непроницаемое выражение, а губы были крепко сжаты. Ясно было, что он не желает ни с кем разговаривать, и потому его предпочли оставить в покое.

Ехали тихо. Никто из людей не нарушал безмолвия, и даже Шана помалкивала. Вскоре после того, как отряд двинулся в путь, снова пошел дождь, и все вокруг затянуло серой дымкой. Но Кемана это не беспокоило. Дракон заблудиться не может. Он точно знал, где находится их цель и где — они сами. Так что между ними и полузасыпанным входом в пещеру лежало лишь несколько лиг пути.

Если бы для Трианы не было так важно сохранить свое присутствие в тайне, причем не только от Аэлмаркина, но и от Киртиана, это было бы даже забавно. А так, когда все вдруг собрались и тронулись в путь, отряду Трианы пришлось наспех сворачивать лагерь и забиваться поглубже в лес.

Ничего, пронесло. Отряд Киртиана не стал подниматься на гребень холма, на котором стоял лагерь Трианы. Но все же проехал он куда ближе, чем хотелось бы Триане. А отряд Аэлмаркина таки проперся прямиком по месту спешно покинутой стоянки. Если бы его лесничие были хоть вполовину настолько хороши, как рабы Трианы, они непременно заметили бы, что здесь совсем недавно кто-то разбивал лагерь.

Но после этого следить за Аэлмаркином было уже проще простого. Он оставлял за собой даже не тропу, а просто-таки проезжую дорогу и даже не старался как-то ее скрыть. А вот то, что Киртиан тоже совершенно перестал таиться и заметать следы, было уже куда интереснее.

Он наверняка что-то нашел. Иного объяснения быть не может. Вот еще знать бы, что именно!

Лишь после того, как настал вечер и опустилась тьма, Триана убедилась, что нашел он что угодно, но только не волшебников — поскольку Киртиан зажег магический свет и поднял его над головами, чтобы тот освещал тропу. Триане об этом донесли ее разведчики. А когда они поднялись на очередной холм, Триана и сама разглядела в долине мелькание огоньков, просвечивающих сквозь ветви, словно огромные, небывалые жуки-светляки.

Если бы Киртиан считал, что напал на след волшебников, которых якобы разыскивал, то он ни за что не стал бы обнаруживать своего присутствия. По крайней мере, так казалось Триане.

Но проблема заключалась в том, что он пользовался освещением, а ни Триана, ни Аэлмаркин не смели последовать его примеру.

И потому Триана в ярости скрипела зубами, пока не сообразила, что она тоже может кое-что предпринять. Зажечь магические огоньки другого типа. Не настолько мощные, чтобы они освещали путь ее отряду — нет. Просто крохотные огоньки, которые будут отмечать пройденный Киртианом — и Аэлмаркином — путь. Если их кто-то и заметит, то решит, что это обычные светлячки или какие-то странные обитатели здешних лесов.

Триана потратила почти целый час, чтобы добиться нужного результата, но дело того стоило. Вся сложность была в том, чтобы создать огоньки, нацеленные на слежку за лошадьми, но при этом исключить из заклинания тех лошадей, на которых ехала сама Триана и ее спутники, иначе все огоньки тут же сгрудились бы вокруг их отряда. Ну а теперь, даже если отряд сбивался в темноте с тропы, у них все-таки были ориентиры, указывающие, куда надо ехать. Экие, однако, паршивые ощущения: мокро, холодно, вездесущая морось оседает на лице, а деревья только и ждут, пока ты проедешь мимо, чтобы стряхнуть тебе на голову всю воду с ветвей. Правда, зато им не нужно было стараться ехать потише: лягушки устроили многоголосое хоровое пение и напрочь заглушали треск веток под ногами.

Наверное, Аэлмаркин тоже сумел придумать какой-нибудь трюк, и тот сработал, поскольку его отряд до сих пор опережал Триану. Некоторое время Триана боялась, что Киртиан так и будет ехать всю ночь, ибо он, кажется, не собирался останавливаться. Вот уже и дождь, поливший после наступления темноты, превратился в привычную морось, а Киртиан все продолжал ехать вперед.

Триана уже было решила, что Киртиан окончательно спятил, но ее лучший лесничий заверил хозяйку, что даже такой одержимый, как Киртиан, не станет окончательно изматывать себя и своих людей. И раб оказался прав. Когда перевалило за полночь, посланный вперед разведчик вернулся с сообщением, что и Киртиан, и Аэлмаркин остановились на ночевку. И Триа-

на, облегченно переведя дух, велела своим людям разбивать лагерь.

Но едва лишь забрезжил рассвет, как вернулись разведчики, приставленные следить за противником, и разбудили отряд. Пришлось вставать и снова тащиться сквозь предрассветный туман. Киртиан спешил изо всех сил, и Триане нужно было решить, как же поступить в такой ситуации. Она подозвала лучшего своего разведчика, ехавшего рядом с ней.

— Можем ли мы перехитрить моего кузена — обогнать его так, чтобы он нас не заметил? — спросила Триана. Она уже не раз радовалась, что купила этих людей у лорда Киндрета. Тот, кто учил их, хорошо знал свое дело. Триане не нужно было разжевывать каждый свой приказ: ей достаточно было сказать, чего она хочет, а рабы тут же изыскивали способ претворить ее желание в жизнь — если, конечно, их умений на это хватало. К несчастью, кое-чего они не умели вовсе. Готовили они препаршиво. Сами они преспокойно ели наполовину сырых, наполовину обуглившихся белок и зайцев, но Триана уже начала с горя есть жесткие дорожные лепешки, лишь бы не питаться их добычей.

Раб обдумал ее вопрос, потом кивнул.

— Думаю, да, моя леди, но... — Он смахнул со лба капли влаги, и это был не дождь. Разведчику явно было не по себе. — Трудность тут не в самом лесу — а в том, что в нем прячется. Мы уже точно знаем, что тут живут единороги, и держатся они стадами. А дозорные видели следы пребывания других тварей.

Триана озадаченно наморщила лоб.

— И что же за следы?

— Один из них натолкнулся на полянку: где-то с неделю назад какое-то существо убило на ней и сожрало нескольких единорогов. — Раба перекосило. — Не хочется мне сталкиваться с тварью, которая способна на такое.

— А дозорный не видел эту тварь? Может, он может ее описать — хотя бы приблизительно?

Если бы Триана знала, чего именно им следует опасаться, она могла бы создать магическую защиту. Защиту, которая отгоняла бы таких тварей — или хотя бы предупреждала об их появлении. Но если она не будет знать, чего нужно остерегаться, она лишь впустую потратит силы; так сказать, распугает пауков лишь затем, чтобы на голову беспрепятственно свалился гигантский слизняк.

— Нет, моя леди, мы ничего не видели и не слышали. Дозорный не стал осматривать окрестности. Он только сказал, что выглядело все это так, будто на единорогов напали из засады. Судя по его описанию, единорогов разорвали в клочья, а такого я не ожидал даже от этих драконов, о которых столько болтают.

Ну, что ж, когда ей рассказывали об этих местах, то упоминали нечто подобное. Киндрет, скажем, совершенно не горел желанием отправляться в эти холмы на поиски волшебников и просто-таки заскакал от радости, когда Киртиан сам вызвался заняться этим. Возможно, она потеряет в этом путешествии нескольких рабов. Теперь Триана была рада, что купила их у Киндрета, а не взяла взаймы. Просто поразительно, насколько возрастает стоимость позаимствованного раба, если с ним вдруг что-нибудь случается...

— Тогда действуй, — приказала Триана. — Разошли дозорных. Пусть они найдут подходящую тропу. Нам нужно обогнать Аэлмаркина и повиснуть на хвосте у Киртиана. Ты ведь, кажется, был лучшим разведчиком у лорда Киндрета, верно?

Раб поклонился.

— Да, моя леди.

Никаких колебаний, никаких отговорок, никаких возражений. Мгновенное повиновение. Именно за это она и заплатила такие деньги.

Хотя нет, не только за это. Еще за качество. До сих пор рабы действовали вполне удовлетворительно. Но теперь им предстояло доказать, что они способны действовать лучше чем удовлетворительно.

Или у нее по возвращении будет разговор к лорду Киндрету.

Но пока что ей лучше не отвлекаться от дела. Если рабы не справятся с задачей, возможно, ей придется бросить их на произвол судьбы и направить все усилия на то, чтобы уцелеть самой.

Они остановились ровно на столько, чтобы достать походные пайки и поесть, не сходя с седла, прежде чем на них обрушился традиционный послеполуденный ливень. К вечеру они должны были добраться к пещере, которую отыскал Кеман. Дождь барабанил по капюшону плаща. Несколько холодных капель проскользнули за ворот и потекли по шее. Шана была рада, что едет на Кемане, а не на настоящей лошади. С него она не свалится, даже если захочет, на самых крутых тропах. И потому Шана могла полностью сосредоточиться на мысленной

связи с Лоррином. А усилие для этого требовалось немалое — все-таки их разделяло солидное расстояние. Но в Цитадели произошло неожиданное событие, и Шана, узнав о нем, тут же позабыла обо всех неудобствах пути.

Каэллах Гвайн пропал!

— «Так что, когда он не вышел и к завтраку, Хала заподозрила неладное, — сообщил Лоррин. — Каэллах и раньше иногда, надувшись, запирался у себя — особенно когда ему удавалось натаскать еды в комнату. Но чтобы он пропустил три трапезы подряд — такого никогда еще не бывало! Дверь была заперта изнутри. Открыть ее не представляло труда, особенно когда за нее взялось полдесятка волшебников, но Каэллаха в покоях не оказалось».

Каэллах Гвайн исчез! Шана испытывала сильнейшее искушение просто плюнуть и забыть о нем, но... Если Каэллах Гвайн исчезает из собственной запертой комнаты, эта загадка наверняка чревата новыми неприятностями.

Шана стерла с лица капли дождя и закрыла глаза, сосредотачиваясь.

— «Неужели ты думаешь, что он научился использовать заклинание перемещения?» — опасливо спросила она.

— «Боюсь, именно это и произошло», — мрачно отозвался Лоррин.

Ну что ж, в этом был определенный смысл. Не обязательно лично присутствовать на уроках, чтобы извлекать из них выгоду. Этот зловредный старый жук просто сидел у себя в комнате и при помощи зеркала и следящего заклинания учился всему тому, чему учились прочие старые нытики.

— «Очевидно, у тебя есть серьезные основания так считать, да?»

Шана просто-таки почувствовала, как Лоррин кивнул.

— «У него в комнате было полно вещей из старой Цитадели. И многие из них принадлежали прежде вовсе не ему, а другим старикам. Кстати, этим он доконал всех. Даже старые нытики, поддерживавшие Каэллаха до последнего, и те взбеленились, когда увидели свое имущество у него в комнате. А он никак не смог бы узнать, где именно эти вещи находятся, если бы не побывал в Цитадели лично. Просто там было много мелких, но ценных предметов, которые старики прятали в шкафах или ящиках, куда Каэллах никогда не заглядывал».

У Шаны упало сердце.

— «Так, значит, он может сейчас находиться где угодно».

Если Каэллах освоил заклинание перемещения, то он и вправду может попасть куда угодно, лишь бы он знал это место. А возможно, достаточно воспользоваться обычным, простеньким заклинанием слежения.

— «Да. В старой Цитадели. В каком-нибудь новом, собственном укрытии. А может, следит за тобой, — отозвался Лоррин, и голос его был полон недобрых предчувствий. — Ты понимаешь, что может произойти, если народ узнает, где ты сейчас и чем — и в какой компании — занимаешься?»

Да, конечно, леди Мот явно была другом волшебников. Да, мать и сестра Лоррина были чистокровными эльфийками. Но все-таки это было другое. Совсем другое. Она якшалась с эльфом, возглавляющим армию великих лордов. Она может до посинения объяснять всем, в чем тут загвоздка, но если Каэллах не вовремя раструбит об этом...

— «И этого я опасаюсь более всего, потому что кое-кому из младших показалось, что после вашего с Кеманом ухода вскоре снова раздался шум — как от заклинания перемещения».

Шана чувствовала, что Лоррин встревожен, и вполне разделяла его чувства.

— «Огонь и Дождь! — в гневе ругнулась она. — Ну только этого нам не хватало!»

Она постаралась взять себя в руки и припомнить, не замечала ли она за последнее время чего-нибудь подозрительного.

— «Может, он где-то здесь. А может, и нет. Если он держался достаточно далеко, я бы и не заметила его появления».

— «Слушай, я тут кое-что придумал. Первым делом я превращу комнату Каэллаха в железную клетку, — сказал Лоррин. — Когда он захочет переместиться обратно — ну, его будет поджидать сюрприз. Зед уже пытался проделать подобный фокус с камнем. В общем, тебя отбрасывает на исходную точку».

— «Надеюсь, с адской головной болью? — уныло поинтересовалась Шана. — Он же просто попытается перенестись в какое-нибудь другое место в Цитадели, только и всего...»

— «Возможно. А возможно, и нет. Потому что, кроме этого, я собираюсь понавбивать железных клиньев по всей Цитадели, кроме нескольких комнат, специально отведенных для занятий магией. И это будут новые комнаты — те, которые Отец-Дракон обещал для нас прорыть».

Судя по голосу, Лоррин гордился тем, что сумел так быстро придумать выход из затруднительной ситуации, — и Шана не могла его за это упрекать.

— «Зеду ведь нетрудно будет наделать для нас клиньев, верно?» — спросила она.

— «Да запросто. Он уже наладил литье. Дети разносят готовые клинья по местам, а Отец-Дракон заканчивает первую комнату. Я все равно собирался этим заняться, не сейчас — так чуть погодя. Это же дополнительная защита от эльфийских лордов. Правда, для нас это будет не очень-то удобно — заниматься магией только в специально отведенных помещениях... — Лоррин вздохнул. — Ну, все равно дело того стоит. К завтрашнему дню уже вся Цитадель будет защищена. Каэллаху Гвайну неоткуда будет узнать про новые комнаты. А потому ему придется возвращаться куда-нибудь в знакомое место».

Шана обдумала эту идею, и ее гнев утих.

— «С тех пор, как мы перебрались в новую Цитадель, он выходил из пещеры ну от силы раз десять. А значит, остается не так уж много мест, куда он может вернуться».

— «И я могу приставить надежных людей наблюдать за всеми этими местами. Так что ему останется лишь отправляться в старую Цитадель», — самодовольно произнес Лоррин.

— «Как по мне, так пусть бы он отправлялся туда и сгнил там, — со злостью заметила Шана. — Может, великие лорды решили бы, что эти наши выдуманные волшебники именно там и живут, и застукали его там, как жабу в норе. И по заслугам!»

— «В общем, любимая, будь поосторожнее — возможно, он где-то рядом с тобой, — предостерег ее Лоррин. — Каэллах Гвайн — увертливая зараза. Боюсь, я не сумею предвосхитить все, что он понапридумывает, чтобы насолить нам».

— «Ладно, я буду поосторожнее», — пообещала Шана и на прощание послала Лоррину безмолвную теплую волну, надеясь, что к ней не примешался ее гнев на Каэллаха Гвайна.

— Да, плохо дело, — пробормотал Кеман, стряхивая воду с гривы. Он, конечно же, слышал их разговор от начала до конца.

— Куда уж хуже! Как ты думаешь, нужно об этом рассказывать Киртиану?

С одной стороны, у Киртиана сейчас и своих проблем хватает. Но с другой — его люди могли бы изловить вредного старикашку, если тот и вправду за ними шпионит. Уж кого-кого, а Каэллаха Гвайна следопытом не назовешь.

Правда, с него станется всякий раз использовать заклинание перемещения и удирать, если они окажутся слишком близко.

Но она ни разу не слышала тут того своеобразного «шума», которым сопровождается это заклинание!

— Я бы не стал, — немного поразмыслив, сказал Кеман. — Его это не касается. Это дело волшебников. Пускай Лоррин примет меры в Цитадели. Ну, а мы с тобой теперь будем настороже.

— Надеюсь, его сожрет незримая тварь! — проворчала Шана.

Кеман покачал головой.

— Такой судьбы я не пожелал бы даже Каэллаху Гвайну. Да и тебе не стоило бы так говорить.

— Ну, пускай не незримая тварь, — уступила Шана. — Но если бы единорог загнал его на дерево, я бы с радостью на это полюбовалась.

— Да и я тоже, сестренка. Может, нам еще выпадет такое счастье, — отозвался Кеман. — А может, Каэллах и сам, без наших пожеланий, найдет на свою голову такие неприятности, с которыми не сможет совладать. И это было бы лучше всего.

— Ну, пожалуй, да, — со вздохом согласилась Шана.

И больше они об этом не разговаривали.

Глава 31

Сгустились сумерки. Шана вглядывалась в темноту и мелкий моросящий дождик, стараясь получше рассмотреть груду камней, отмечающих то место, под которым, как клялся Кеман, скрывалась огромная разветвленная пещера.

Ну если так посмотреть, изначальный вход в пещеру был куда огромнее, чем представлялось Шане. Оттуда, где она стояла, казалось, будто добрая половина горы дрогнула под грузом лет и сползла вниз — а гора была немаленькая. А еще она была крутая. Очень крутая, поросшая деревьями и кустами, что цеплялись за склон с упорством, свойственным лишь растительности; возможно, именно они помешали свалиться второй половине.

Последний обвал произошел и вправду недавно; слева добавилась свежая груда камней. Обвалившаяся скала погребла под собой несколько крупных деревьев, и увядшие листья еще цеплялись за ветки.

Над грудой камней парили магические огоньки; люди Киртиана настороженно оглядывали ее. Кеман, вновь принявший человеческий облик, и Киртиан взобрались по камням к един-

ственному сохранившемуся отверстию, которое Кеман обнаружил у самой вершины завала.

— А ему там не опасно? — неуверенно поинтересовался один из людей, когда Кеман протянул Киртиану руку, помогая преодолеть ненадежный участок. Шана готова была поклясться, что беспокоится он не за Кемана.

— Кеман — дракон, — напомнила Шана. — Они не знают камень — они им живут. Кеман чувствует каждый камешек и знает, какой из них держится надежно, а какой может выпасть. И если что-то может обвалиться, Кеман узнает об этом раньше самих камней.

— Хорошо, если так, — мрачно пробурчал Линдер. — Я лазал... в смысле, я много бывал в пещерах. Но в эту я бы не полез без предварительной разведки. Я бы сначала несколько недель разведывал маршрут.

— Ты — не дракон, — резонно возразила Шана и вновь принялась присматриваться к основанию каменной груды. Там, в том месте, где камень сплавился и образовал надежную, устойчивую площадку (видно было, что здесь поработал дракон), Кеман и отыскал тот странный металлический обломок. Шана зажгла собственный магический огонек и облазила этот участок на четвереньках; несколько минут спустя она была твердо уверена, что находка Кемана — не случайный обломок, некогда, давным-давно оброненный каким-то любопытным эльфийским лордом. Под первым обвалом осталась основная часть этой штуки. Шана заставила своего волшебного светлячка спуститься к самой земле и разглядела тонкий край чего-то, придавленного камнями и землей; это нечто не похоже было на обломок камня. А вот на обломок металла — вполне.

Так что же там, под этой грудой камней?

«Что там, в пещере — вот о чем нужно думать...»

Шана снова огляделась. В этот самый момент Кеман обернулся и помахал ей рукой. Должно быть, они нашли вход. Светящийся шар покинул отряд и целеустремленно поплыл к двум фигурам, стоявшим на вершине каменной груды, а затем исчез среди камней. Фигуры зашевелились, наклонились над чем-то — и мгновение спустя первая из них последовала вслед за светящимся шаром в нагромождение камней. Люди Киртиана занервничали. Кеман так и остался стоять над проемом и глядеть вниз. Очевидно, Киртиан спускался в пещеру на веревке, а Кеман остался проследить, чтобы спуск прошел благополучно.

— Что он там себе думает? — раздраженно пробормотал человек, стоявший рядом с Шаной. — Нам надо лагерь разбивать, а не по пещерам лазать.

— Киртиан, наверное, смотрит, нельзя ли устроить лагерь внутри пещеры, — резонно заметил другой. — Там будет куда суше, и не придется опасаться этих... ну, местных тварей.

— Если только эти твари не выходят из этой самой пещеры, — мрачно предупредила Шана. Чем больше Киртиан объяснял, что именно он надеется найти, тем меньше ей нравилась идея спускаться в пещеру. Пока что все свидетельствовало о том, что предположение Киртиана оказалось истинным, и именно здесь его народ вошел в этот мир. А что, если Великие Врата закрыли недостаточно плотно или их потом снова открывали? Судя по тому, что рассказывал Лоррин, Эвелон был препаскудным местом, а его обитатели — ничуть не лучше. Так что вполне возможно, что незримые твари и прочие здешние кошмарные обитатели являлись сюда из Эвелона — или их загоняли сюда враги эльфийских лордов, те самые, от которых они и бежали.

«Огонь и Дождь! Если они, с их-то силой, оказались проигравшими, то мне почему-то совершенно не хочется встречаться с теми, кто их победил! Это что ж там было такого, если эльфийские лорды предпочли очертя голову ринуться в чужой, совершенно неведомый мир, только бы не встретить ту угрозу лицом к лицу и не сдаваться?»

Людей Киртиана как-то не порадовало замечание Шаны, потому она решила больше не делиться своими соображениями. Кто предупрежден, тот вооружен — но зачем же заставлять людей нервничать без толку?

Кеман сбежал вниз куда быстрее, чем забирался наверх; он чувствовал себя на каменной осыпи увереннее любого горного козла, поскольку ему не нужно было беспокоиться и поминутно проверять, не поедет ли та у него под ногами. Он ликовал, как может ликовать лишь дракон, обнаруживший целую новую пещеру.

— В дальней части ближайшего зала полно всяких вещей, но все они похожи на личное имущество, которое побросали во время бегства. Киртиан хочет устроить стоянку там, — сообщил Кеман, спрыгнув с последнего валуна. — А сейчас нам нужны веревки, чтобы забраться внутрь.

— А как мы, интересно, потащим лошадей по всей этой свалке? — сердито спросил один из парней. — Они же тут просто не пойдут! И я их, право слово, понимаю...

Кеман охнул. Очевидно, ни он, ни Киртиан об этом просто не подумали.

— Я могу закрепить осыпь, но на это понадобится некоторое время...

— А дальше что? Спускать их на веревках? Пускай Хоби и Линдер идут с лордом, а остальные останутся здесь, — твердо сказал человек. — Это они вечно ползают по всяким дыркам в земле, а не мы. Вы обнесите наш лагерь какой-нибудь магической защитой, чтобы отпугивать всяких тварей, и мы будем нести стражу здесь.

Кеман посмотрел на Шану. Та пожала плечами. Это не ее люди, и она им не командир. Она ограничилась тем, что заметила:

— Ладно, посмотрим, что об этом скажет лорд Киртиан.

Кеман быстренько смотался наверх и обратно.

— Он говорит, что пусть так и будет, только пусть они поставят лагерь так, чтобы на них ничего не свалилось! — сообщил он, прыгая с камня на камень. — Так что нам надо подыскать безопасное место, куда никакой обвал не достанет. Хоби, Линдер, он хочет, чтобы вы прихватили с собой снаряжение для скалолазания.

— А всякое имущество для стоянки? — тут же уточнил Линдер. — И как нам все это спустить вниз?

Кеман лишь расхохотался.

— Предоставьте это нам с Шаной, — сказал он.

Так что парни, которых назвал Киртиан, быстренько упаковали свои котомки, прихватили по несколько мотков веревки и полезли наверх. А тем временем Кеман, Шана и оставшиеся люди принялись подыскивать подходящее место для стоянки.

Нашлось оно довольно быстро; в склоне горы имелось углубление, слишком маленькое для долины и слишком большое для простой расщелины. Еще несколько впадин, которые Шана тоже могла оградить при помощи магии и которые прекрасно подходили для лошадей, скрывали лагерь от посторонних глаз.

Шана справилась с задачей без особого труда: иллюзия, изображающая самый обычный, поросший деревьями склон горы, и вдобавок к этому ограждение, пропускающее только людей. Шана прихватила с собой магические светильники, чтобы те посветили, пока люди будут разбивать лагерь, а когда те развели костер и зажгли свои лампы, Шана погасила все, кроме своего собственного огонька. Потом они с Кеманом собрали все, что могло пригодиться им в пещере. Кеман принял грелеподобный облик: широкая плоская спина, на которую можно нагрузить множество тюков, и четыре крепкие, гибкие когтистые лапы.

Хорошо, что весь груз понес Кеман, а то Шане и без того пришлось потрудиться, пока она поднялась вверх по осыпи. Она не столько шла, сколько карабкалась, отчаянно цепляясь за выступы и выемки и проверяя каждый камень под ногой, прежде чем наступить на него. К счастью, когда они взобрались наверх, оказалось, что Хоби и Линдер уже закрепили веревки и ждут их, приготовившись перетаскивать имущество вниз. Шану Кеман спустил сам: посадил на загривок, и Шана обхватила его шею руками, а ногами уцепилась за выступающие мускулы — в том месте, где крылья соединялись с плечами. Кеман, конечно же, принял свой подлинный облик и, презрев веревку, полез вниз, словно муха по стене. Шана крепко зажмурилась. До пола пещеры было куда дальше, чем до земли, а завал, возникший в результате камнепада, оказался куда опаснее того, что находился снаружи.

Лишь когда они наконец-то очутились внизу, Шана открыла глаза и огляделась по сторонам.

Светящиеся шары, повисшие под куполообразным сводом пещеры, излучали мягкий свет — не хуже дневного. Повсюду валялись кучи хлама, наполовину состоявшие из листвы и веток: их занесло сюда ветром или половодьем еще до того, как вход засыпало обвалом. А вот вторая половина уже была куда любопытнее. Выглядело это ровно так, как и описывал Кеман: будто здесь шла большая толпа народа, нагруженного личными вещами, и они, дойдя до этого места, почему-то решили все оставить или просто побросать.

Естественно, все это валялось вперемешку: за прошедшие века здесь порылось не одно животное. Все, что было сделано из ткани или кожи, готово было рассыпаться в пыль — лишь дунь — и оставить после себя лишь кусочки металла и еще чего-то трудноопознаваемого, служившего некогда застежками и украшениями. Кое-где в груде хлама виднелись доспехи; можно было разглядеть нагрудники и наголенники, шлемы и наручи. Были там шкатулки, что разваливались при первом же прикосновении, обнажая на миг содержимое, которое тоже сразу же рассыпалось в пыль, оставляя лишь отдельные обломки. Там были мечи, ножи и топоры — и какие-то предметы, дога-

даться о назначении которых было уже куда труднее. А некоторые и вовсе были для Шаны полной загадкой.

Исследователей заинтересовали даже не столько металлические предметы сами по себе, сколько металл, из которого они были изготовлены. Шане доводилось пожить среди эльфийских лордов, и она видела у них самые разнообразные предметы из бронзы, меди, латуни, серебра и золота — но здешние вещи были сделаны из каких-то других металлов. По большей части здесь встречался тот самый тускло-серый металл, образчик которого обнаружил Кеман, — очень легкий, прочный и совершенно незнакомый. Были вещи, сделанные из столь же легкого и тонкого материала, напоминающего по виду керамику или стекло, но этот материал сделался хрупким и трескался, когда его пытались согнуть. Возможно, он не всегда был таким хрупким; возможно, ломким он сделался от возраста.

Все эти печальные, покинутые вещи валялись среди листьев и ветвей, среди слоя грязи, пыли и паутины, среди костей мелких зверушек, которые жили и умерли здесь или которых притащили сюда в качестве добычи.

Но здесь встречались и другие кости, принадлежащие отнюдь не животным, и когда Шана случайно споткнулась о шлем, а тот откатился и из него вывалился череп, Шана решила, что с нее хватит, и поспешно вернулась к дальней стене. Хоби и Линдер уже расчистили там участок и теперь устраивали лагерь. Киртиан успел притащить туда кучку всяких вещей и теперь возился с ними, пока его люди разводили костер и готовили еду. Дров для костра здесь хватало, и даже с избытком.

— Жаль, что книги не уцелели, — подняв голову, сказал Киртиан, когда Шана подошла к дружескому теплу костра. — Они рассыпались на такие клочки, что даже Мот их уже не воскресит.

— А мне не жаль, — возразила Шана. — Киртиан, похоже, те, кто здесь прошел, бежали, спасая свою жизнь, и что-то позаботилось, чтобы некоторые из них так и не ушли отсюда. Похоже, Эвелон ваших Предков даже ужаснее, чем вы считали, и я, пожалуй, ничего не хочу о нем знать.

— Это и ваши Предки тоже, Лашана, — поразительно мягким тоном заметил Киртиан. — Да, многие из них были заносчивы и эгоистичны, и стоило им вырваться из-под гнета, как они сами тут же принялись угнетать тех, кто был слабее их. Но ведь среди них были и другие — такие, как мой отец или как

ваш друг Валин. И они обладали знаниями, которые могут пригодиться и нам, если мы сумеем их открыть заново.

— Похоже, что все эти знания не очень-то им тут помогли, — заметил Линдер, оглядывая пещеру. Его передернуло. — А эльфийские лорды после смерти не превращаются в призраков?

Шана прекрасно понимала, какие чувства испытывает сейчас этот парень. Она сама провела большую часть жизни в пещерах и обычно чувствовала себя там вполне уютно, но здесь ее терзало такое ощущение, словно... словно за ней постоянно кто-то следит. Хотя они и разговаривали очень тихо, почти шепотом, но все равно каждое их слово порождало странное, неприятное эхо, от которого становилось не по себе — и оброненные слова все висели и висели в воздухе, хотя им уже давным-давно следовало бы стихнуть.

Когда все собрались вокруг костра, Киртиан экономно погасил магический свет. Шана привыкла к теням, плящущим на стенах пещеры, когда в ней разводили костер, но здесь были тени, двигавшиеся внутри теней, и пятна тьмы, которые то появлялись, то исчезали, стоило лишь на мгновение отвести взгляд. А еще запах... Помимо обычного запаха сырости, свойственного пещерам, здесь еще чувствовался отголосок чего-то металлического, резкого и неприятного.

Этот зал, судя по описанию Кемана, был лишь первым из многих, и в противоположной стене виднелся темный зев прохода. Шана предположила, что эту пещеру когда-то промыла вода, но куда эта вода ушла впоследствии, было совершенно неясно. Может, куда-то вниз, на более глубокие подземные горизонты; не исключено, что они еще столкнутся с нею, если заберутся достаточно глубоко. Ныне же они находились в большом полукруглом сводчатом зале с высоким потолком и некогда просторным входом — сейчас его перекрывала осыпь. Под грудами хлама обнаружился сухой песок; что ж, по крайней мере, он мягче камня.

Но на самом деле Киртиан искал не эту пещеру — то есть не этот зал. Все предметы, валявшиеся тут, были лишь свидетельством того, что именно здесь находилась цель розысков отца Киртиана. Но никаких признаков присутствия его самого не было — разве что ему принадлежали какие-то из этих костей...

«Нет, Киртиан наверняка опознал бы отца по какой-нибудь примете».

Никаких следов наличия Великих Врат или чего-то подобного Шана тоже не заметила, равно как и следов всяческих

сложных устройств, которые описывал Киртиан, объясняя, что именно им следует искать. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем Киртиан объявит, что пора двигаться дальше? Пока что все устройство стоянки свелось к костру и нескольким камням вокруг, на которые можно было присесть.

Киртиан заметил, что Шана без воодушевления поглядывает на проем, ведущий в глубь пещеры, и перехватил ее взгляд.

— Что бы там ни находилось, оно ждало уже много десятилетий, — сказал он, как показалось Шане, с печалью. — Подождет и еще ночь. Мы вломились сюда, как идиоты — мокрые, замерзшие и уставшие. И мы будем полными идиотами, если в таком состоянии примемся лазать по незнакомой пещере. Так и убиться недолго.

Линдер облегченно перевел дыхание; он явно затаил его, когда Киртиан заговорил, — похоже, боялся, что тот велит собраться с силами и двигаться дальше, как только они поедят.

— Спасибо, мой лорд, — решительно произнес он. — Вы избавили меня от необходимости говорить то же самое. Я боялся, что, если я это скажу, вы рассердитесь, а если не скажу, сержант Джель с меня шкуру спустит, когда мы вернемся.

— Надеюсь, я никогда не поставлю тебя перед подобным выбором, Линдер. Не такой уж я плохой командир, — сказал Киртиан, но глаза его вновь оживленно заблестели, пусть и ненадолго. — Так что давайте, ребята, ешьте и ложитесь спать — и вы тоже, моя леди... — добавил он, поклонившись Шане. — Это то, чего нам сейчас больше всего не хватает. Ну и, возможно, небольшого рассказа вашего друга — как это он умудрялся подслушивать у меня под палаткой. Мне давно уже не терпится узнать об этом.

Кеман поклонился в ответ.

— На самом деле, лорд Киртиан, мы отличались от обычных ваших часовых лишь намного более острым слухом — ну и еще тем, что один из нас на самом деле был дамой...

— Да ну? — Киртиан даже подался вперед. — Продолжайте, пожалуйста...

Прошло несколько часов. Костер догорел, оставив после себя лишь угли. Кеман отправился поискать себе чего-нибудь такого, чем мог бы наесться дракон. Пока он отсутствовал, Киртиан и Шана воспользовались свободным временем, чтобы окружить их небольшой лагерь магической защитой. Что любопытно, ни один из них не пожелал пускать в ход магические щиты. Вместо этого оба предпочли сторожащие заклинания,

которые подняли бы тревогу, если бы кто-то вдруг попытался проникнуть в защищенный круг. Круг они прорисовали почетче, чтобы Кеман по возвращении ненароком не учинил тарарам. В конце концов, Кеман мог просто превратиться в валун, и уж его-то законный отдых никто бы не сумел потревожить. Он не нуждался в сигнализации, способной предупредить его о приближении опасности, поскольку любой источник опасности просто прошел бы мимо, не заметив Кемана.

Несмотря на все принятые меры предосторожности и усталость, Шане почему-то никак не спалось. Разговоры, отражаясь эхом от стен, создавали жутковатое впечатление, — но нынешние тихие звуки, когда кто-нибудь поворачивался с бока на бок или что-то бормотал во сне, были еще хуже. Стоило кому-нибудь кашлянуть или заворочаться, и несколько мгновений спустя звук возвращался, исказившись по пути и превратившись то в подобие шагов, то в чей-то шепот. А иногда эхо возвращалось назад чьим-то дыханием или неразборчивым бормотанием.

Шана так толком и не смогла заснуть до того самого момента, как вернулся Кеман. Кеман вернулся в драконьем облике — в виде худощавого дракона, смахивающего на ящерицу. Другой бы просто не пробрался через отверстие. Он свернулся клубком у самой границы лагеря, так и оставшись в драконьей шкуре. Его присутствие внушало ощущение надежности, и Шана почувствовала себя в безопасности. И тут же уснула.

Люди Трианы разбили лагерь на некотором расстоянии от предполагаемой цели, к которой рвался Киртиан. Дождь стучал по крыше палатки, а Триана усердно изводила своего лесничего расспросами. Повисший в воздухе магический светильник освещал суровое лицо с грубо высеченными чертами — оно понемногу начало нравиться Триане. Точнее сказать, ей вообще все больше и больше нравилась грубоватая внешность этих ее людей. Они выглядели куда более мужественными и зрелыми, чем ее тщательно вылепленные и обученные рабы-игрушки, хоть те и отличались хорошей мускулатурой и прекрасным телосложением.

— Итак, пятеро вошли в пещеру. А остальные где? — спросила Триана у разведчика.

— Милостивая леди, я не смог их отыскать. — Разведчик не шелохнулся. Триане стало любопытно: что же скрывается за его внешней невозмутимостью? Беспокойство? Боязнь вызвать

ее гнев? Во всяком случае, на лбу у него выступила испарина. — Я неотлучно следил за ними, до того самого момента, как стемнело, и часть из них забралась в пещеру. Я подобрался ко входу, чтобы проверить, действительно ли лорд Киртиан и те четверо собираются остаться на ночь в пещере. Они спустили вниз все необходимое оборудование, так что, похоже, именно это и входило в их планы. Однако же, когда я вернулся и попытался проследить за остальными, мне не удалось их отыскать.

— Мне не верится, чтобы Киртиан отослал их назад, — произнесла Триана, размышляя вслух. — Нет, наверняка он просто создал иллюзию и замаскировал их лагерь. Во всяком случае, я бы на его месте именно так и поступила. Без него они никак не смогли бы ни спрятать лагерь, ни защититься от тех тварей, что рыскают по этому лесу...

— К тому времени уже совсем стемнело, моя леди, — неуверенно произнес разведчик.

— И ты в точности выполнил приказ, поскольку тебе приказано было следить за Киртианом, а не за его рабами. — Триана кивнула. — Ты не попытался разузнать, что они там делают в пещере?

Разведчик покачал головой.

— Лорд Киртиан зажег по всей пещере магические светильники. Пещера очень большая, а спуститься в нее очень трудно. Пол завален всяким хламом, но что именно там валяется, я не разглядел — очень уж было далеко. Думаю, обычный мусор, какой можно найти в любой пещере.

Итак, он поразмыслил и вернулся сюда. Чем доказал, что послушание в нем удачно сочетается со здравым смыслом. Триана улыбнулась разведчику, и тот чуть-чуть расслабился.

— Ты все сделал правильно. Хорошо, что ты вернулся ко мне и рассказал обо всем, а не стал впустую тратить время на поиски нескольких людей, которые, скорее всего, и не станут ничего предпринимать, пока их хозяин не вернется.

Триана рассмеялась, и человек расслабился еще чуть-чуть.

— Как я уже говорила, то, что может сделать Киртиан, могу и я. В пещере мне твои люди не нужны. Я не собираюсь вступать в схватку с лордом Киртианом — я только хочу узнать, что же он там нашел. Пусть кто-нибудь из вас поможет мне спуститься, а там я уже справлюсь сама. Я могу спрятаться при помощи иллюзии. Ну, а ты все-таки сумел обогнать Аэлмаркина и привести нас сюда почти след в след за людьми лорда Киртиана. Так что ты, пожалуй, заслужил небольшой праздник.

Теперь напряжение окончательно покинуло раба.

— Благодарю вас, моя леди, — только и сказал он, но настороженное ожидание гончей, следящей за нежданной угрозой, сменилось в его глазах осторожной благодарностью.

Триана протянула ему кубок с вином. Разведчик принял его с поклоном и осушил одним глотком. Зря, зря. Это было хорошее вино. Хотя вряд ли он способен отличить хорошее вино от средненького. Ну, может, она еще обучит его этим премудростям.

— Завтра я спущусь в пещеру вслед за Киртианом. Но я хочу, чтобы ты еще до моего ухода отыскал удобное и незаметное место для лагеря — такое, чтобы люди Аэлмаркина его не нашли. Я скрою его при помощи иллюзии. До моего возвращения можете отдыхать.

Глаза разведчика вспыхнули, и Триана рассмеялась.

— Да-да, вы можете брать из припасов все, что угодно, вплоть до вина. Думаю, я не стану надолго задерживаться в этой дыре. А когда я вернусь, нам останется лишь как можно быстрее вернуться домой. А избыток припасов будет нас задерживать.

Надо будет принять меры предосторожности и немного преобразовать вино, так чтобы оно не пробуждало агрессивности, а, напротив, вызывало спокойствие и безмятежность. Переделать его обратно она всегда успеет. Пусть уж лучше они побездельничают в ее отсутствие. Не хватало еще, чтобы они принялись пьянствовать, орать песни и драться за иллюзорной завесой, — тогда люди Аэлмаркина точно их обнаружат, и все планы Трианы пойдут коту под хвост.

Если же через завесу проникнет нечто иное и искалечит их... ну, она как-нибудь изыщет способ вернуться домой. Если им не хватит ума постоянно держать на страже трезвого часового, значит, они не стоят тех денег, которые она за них заплатила.

— Выпей еще, — с ослепительной улыбкой произнесла Триана, вновь наполняя кубок. — Потом можешь пойти и передать остальным мои распоряжения. Я хочу, чтобы к тому времени, как я проснусь, меня уже ждало все необходимое снаряжение. Ты позаботишься о том, чтобы я без осложнений спустилась в пещеру, потом вернешься к остальным и будешь вместе с ними ждать моего возвращения.

Через несколько часов после рассвета Аэлмаркин стоял на огромном обломке скалы, разглядывая каменную осыпь. Если верить его лесничему, следы вели именно сюда. С неба, как

обычно, лило. Аэлмаркин раздраженно смахнул с лица капли дождя. Да прекращается он здесь хоть когда-нибудь, демон его побери?!

И как только Киртиан, чтобы ему пусто было, умудрился пробраться через это нагромождение?

— Пещера? — недоверчиво переспросил Аэлмаркин. — Там, внизу — пещера? И Киртиан туда полез?

— Да, мой лорд, — отозвался лесничий, глядя под ноги Аэлмаркину. — Там большая пещера. Очень большая. Вход почти у самого верха осыпи. Я не могу точно сказать, сколько человек он взял с собой, но следы заканчиваются здесь. И я четко видел, как группа поднялась наверх и прошла сквозь тот пролом наверху. В темноте я не мог разглядеть, что делается внутри. Но раз они все еще там, у них наверняка есть свой источник света, и они, скорее всего, двинулись вниз.

— Клянусь Предками! — хохотнул Аэлмаркин. — Ну что ж, ясно одно: неизвестно, что именно таится в этой пещере — но это точно не волшебники. Разве что это какой-то старый, позабытый вход в их логово...

— Либо его позабыли, мой лорд, либо перестали им пользоваться из-за обвала, — сказал лесничий, по-прежнему не поднимая головы. — Но я бросил туда факел — и не увидел ни лорда Киртиана, ни его людей. Но прежде чем факел погас, я успел заметить, что пол там завален всяким хламом. Похоже, если тут и вправду когда-то был вход, он уже давным-давно позаброшен.

— Меня это вполне устраивает! — отозвался Аэлмаркин. Он ненадолго задумался. — Я возьму тебя с собой. Остальные пускай разбивают лагерь. А мы попытаемся выяснить, зачем же Киртиана принесло сюда.

— Мой лорд, нам очень трудно будет спрятаться в пещере, — начал было лесничий.

Аэлмаркин взмахнул рукой, и лесничий мгновенно умолк. Вода с промокшего рукава Аэлмаркина брызнула прямо в лицо рабу, и Аэлмаркин испытал мимолетно злобное удовольствие, заметив, как тот невольно сморщился.

— Дурак! Для мага в этом нет совершенно ничего сложного! Давай собирай снаряжение. Мы и так уже отстали от них на несколько часов.

Он оглядел остальных рабов.

— Эй, вы! Установите пока что лагерь. И чтобы я, когда вернусь, не видел тут провисших палаток и потухшего костра! Давайте пошевеливайтесь! — прикрикнул Аэлмаркин на рабов, чтобы те не расслаблялись и не забывали о наказаниях. Он часто наказывал их при помощи ошейников, если рабы не справлялись с какой-нибудь работой. Рабы зашевелились, хотя и вяло.

Ладно, неважно. Он через несколько минут спустится в сухую пещеру. Если к тому времени, как он вернется, эти недоумки так и не сумеют нормально разбить лагерь, то на обратном пути он будет калечить их и бросать на тропе, чтобы привлечь местных тварей. Так что, когда его дорогой кузен пожелает вернуться обратно, к благам цивилизации, у него возникнут некоторые сложности. Как минимум Киртиан явится к своему покровителю, лорду Киндрету, с изрядным запозданием.

А как максимум... как максимум ничто больше не будет стоять между Аэлмаркином и его целью!

Судя по всему тому хламу, который валяется внизу, это и есть знаменитые Врата в Эвелон. Волшебников, если они вообще существуют, тут точно не будет. Похоже, судьба наконец-то улыбнулась Аэлмаркину и он поймал за хвост свою удачу. И в зависимости от того, что он найдет в этой пещере... что ж, возможно, по возвращении домой он, Аэлмаркин, сможет даже поспорить с лордом Киндретом за верховенство в Великом Совете!

Глава 32

Триана поглядела наверх, на тусклое, расплывчатое пятно серого света — вход в пещеру, и рассеянно пнула что-то сухое и хрустящее, валявшееся под ногами. Ее раба не было видно. И неудивительно. Триана и не думала, что он станет здесь торчать. Убедился, что она нормально спустилась, — и пусть себе проваливает. Интересно, сильно ли она удивила его, спустившись в пещеру безо всяких подручных средств, по обычной веревке, забытой кем-то из людей Киртиана? Себя она удивила здорово.

Просто поразительно, какие магические штучки можно изобрести, если здорово перепугаешься! От небольшого входа до пола пещеры было далеко. Очень далеко. К счастью, люди Киртиана оставили все веревки на месте, чтобы по возвращении можно было сразу выбраться. Так что у Трианы имелось по

крайней мере одно утешение: эти тросы уже испытали в действии, и они не подвели хозяев.

Да, но Киртиана никогда не учили тонкому искусству женской магии. Если он вернется, то получит дополнительное преимущество — благодаря тому, что здесь побывала Триана. Ей и в голову не приходило, что она может сделать веревку — или свои мышцы — крепче. Но к тому моменту, как ее ноги коснулись пола, она успела так преобразовать свои мышцы, что теперь не уступала силой любому из своих лесничих. А на веревке можно было бы без всякого риска спустить вниз лошадь или повозку, и та не порвалась бы.

Так что теперь она, судя по всему, вполне сможет забраться обратно на осыпь без всякой помощи и всяких неприятных последствий. Да, все-таки магия — великое подспорье.

Правда, втайне Триана все-таки подумывала о том, как приятно было бы проложить себе путь наружу при помощи молний-стрел. Она уже много лет втайне практиковалась в их применении и достигла очень неплохих результатов. А такой вариант был бы для нее куда менее утомителен. Впрочем, у него имелись и свои недостатки. Триане не удалось как следует рассмотреть потолок, и она не была уверена в его прочности. А обрушить себе на голову кучу камней при попытке продолбить выход — нет уж, увольте.

«И вообще, это слишком грубо и неизящно, моя дорогая. Это не твой стиль».

Кроме того, не стоит оставлять следы. Вдруг Киртиан не свернет себе шею и таки выберется отсюда? Что ж, придется ей на обратном пути потрудиться.

Ну а пока что единственными признаками того, что Киртиан и вправду побывал здесь — насколько можно было разглядеть в свете магического светильника, — было лишь черное пятно кострища да небольшая площадка, очищенная от хлама. Видимо, Киртиан ушел отсюда задолго до того, как Триана проснулась, и здорово ее опередил. Если она желает узнать, чем же он тут занимается, ей следует пошевеливаться.

Триана задержалась ровно настолько, чтобы восстановить дыхание и силы. За время спуска она вспотела, но в холодном, сыром воздухе пещеры разгоряченное тело быстро остыло, и Триана порадовалась, что прихватила с собой теплый плащ, обвязав его вокруг пояса.

«Ну, а теперь пора чуть-чуть поколдовать». Триана мысленно улыбнулась и соткала нити силы в полотно. Это была воистину тонкая работа, хотя вряд ли кто-нибудь из мужчин оценил бы ее по достоинству. Триана создала хитроумную иллюзию. Это нельзя было назвать невидимостью в полном смысле этого слова — да и, скорее всего, создать настоящую невидимость просто невозможно. Триана набросила на себя образ того, что находилось у нее за спиной — то есть всякий, взглянувший в ее сторону, увидел бы то, что заслоняло ее тело. Этакое своеобразное отражение. Конечно, эта иллюзия не была безупречной, да и не могла быть таковой. Если бы кто-то присмотрелся повнимательнее, он увидел бы очертания ее тела или заметил тень на полу. Потому-то Триана и прихватила с собой плащ, окутывавший ее с головы до пят, — чтобы на стене пещеры в случае чего вырисовывались не руки, ноги, голова, а расплывчатый, бесформенный силуэт.

Кроме того, Триана прихватила с собой одну хитрую штучку: конус из металла, отполированного до зеркального блеска, с ручкой на конце. Она заставила светящийся шар спуститься и осторожно упрятала его в конус. Теперь она сможет освещать то, что ей захочется, и свет не будет слепить ей глаза, да и этот дурацкий шар не будет болтаться над головой. И Триана, подсвечивая себе конусом-светильником, начала пробираться сквозь груды хлама к отверстию, расположенному в дальней стене зала.

Вскоре Триана пожалела, что слишком хорошо видит все, что валяется у нее под ногами. Луч шарил среди веток, листвы и всякого мусора, и Триана волей-неволей замечала лежащие среди этого мусора отдельные детали доспехов — и кости.

Даже если она бы вдруг отчего-то не признала в этих доспехах эльфийскую работу, кости принадлежали отнюдь не животным — и не людям-рабам.

Когда в пятне света оказался эльфийский череп и глянул на нее темными провалами глазниц, по спине у Трианы побежали мурашки. Триана знала, что здесь произошло нечто ужасное, но одно дело — знать, и совсем другое — видеть свидетельства небывалого бедствия.

Ее пробрал озноб, и вызван он был вовсе не промозглой сыростью пещеры. Триане захотелось кинуться обратно к веревке и поскорее выбраться обратно, и она с трудом сдержалась. Что бы здесь ни произошло, это стряслось давным-давно. Так что до нынешних времен тут не могло сохраниться ничего, даже призраков. И все же Триане почудилось, будто она чувствует дуновение древней смерти, запах костей, рассыпавшихся в тру-

ху, и ужаса, и ей невольно представились некогда происходившие здесь кошмарные сцены. Это не добавило ей душевного равновесия.

И тем не менее Триана продолжала продвигаться вперед, только стала старательно отводить взгляд, едва лишь замечала боковым зрением что-нибудь белое и достаточно крупное.

Что это за шепот, доносящийся из темноты? Что это за неуловимые движения, будто движется не кто-то в тени, а сами тени? Триана решительно сказала себе, что бояться нечего. Только глупые рабы верят в призраков. Но...

Но из темноты и вправду доносились какие-то звуки, которые могли быть эхом, а могли и оказаться чем-то другим. Триана понятия не имела, что же могло убить столь многих эльфов за столь краткий срок. А рабы поговаривали, будто души тех, кто умер насильственной смертью, задерживаются в мире, алкая утраченной жизни и стремясь отомстить за свою смерть всем живущим.

Триана поймала себя на том, что дергается от каждого неожиданного звука и что ей не терпится поскорее добраться до дальней стены, до прохода, ведущего в глубь пещеры.

Ей казалось, что стоит ей дойти до следующего зала, и дорога будет свободна. Но она ошибалась.

Если в первом зале пол был усыпан разбросанными вещами, то здесь они образовывали настоящие завалы. Кто-то — должно быть, Киртиан со своими людьми — проложил путь сквозь эти груды. Но если бы вещи не рассыпались от малейшего прикосновения, на подобную расчистку ушло бы не меньше недели. Вход загромождали повозки беглецов, и повсюду валялось множество костей — так много, что теперь отзвук древнего гниения уже не был плодом воображения Трианы. Были там и крупные кости — кости давно позабытых тягловых животных. Они погибли вместе с хозяевами, запутавшись в дышлах изломанных повозок. Похоже было, что всех их захлестнула волна паники, заставившая рваться вперед, не разбирая дороги.

И снова эльфийские кости, на этот раз — без доспехов. Женщины? Старики?

Обломки повозки, заполненной небольшими хрупкими скелетиками. Триана не сразу осознала, что некогда это была повозка, полная детей.

Это просто не укладывалось в голове. Эльфийских детей вообще мало кто видел, за исключением членов семьи. Обычно их держали в надежно защищенных детских, до тех самых пор,

пока они не становились достаточно взрослыми, чтобы влиться в общество. Триана просто представить себе не могла сразу столько детей, собранных в одном месте. Это кем же нужно быть, чтобы бросить ребенка?

Итак, неведомый ужас, обративший животных в паническое бегство, поразил и их хозяев. Триана начала тихо радоваться, что те обрывки сведений, которые ей удалось собрать по каплям, были столь немногочисленными и что в легендах Переход изображался как великая победа, а не как трагедия, каковой он, несомненно, являлся. Она больше не желала знать никаких подробностей. Здесь и так было слишком много подробностей, написанных костями тех, кто не выжил и так и не стал их Предками.

Споткнувшись, Триана инстинктивно попыталась ухватиться за первое, что подвернулось под руку, но дерево рассыпалось от ее прикосновения, и проход, расчищенный людьми Киртиана, еще немного расширился. Триану передернуло. Пыль облаком поднялась в воздух и тут же забилась к ней в нос и рот, как будто мертвые восстали, желая заявить свои права на нее...

«Хватит валять дурочку!» — прикрикнула на себя Триана — но, увы, это не помогло. Бешено стучащее сердце, кровь, звенящая в ушах, тело, вздрагивающее от озноба, не желали прислушиваться к доводам разума.

Но Триана все-таки вынудила себя идти вперед, и когда она миновала затор, оказалось, что дальше дорога свободна. Костей больше не было. Во всяком случае, ничто больше не посверкивало белизной в пятне света. Вокруг были одни лишь вещи. Брошенные вещи, некогда принадлежавшие кому-то. Совершенно невозможно было понять, для чего они когда-то предназначались. Ну и ладно. Присутствие вещей она могла перенести. Особенно если эти вещи рассыпались в прах при малейшем прикосновении и не оставляли после себя ничего такого, что вызывало бы в воображении всякие неприятные картины.

Дорожка, проложенная слугами Киртиана, отчетливо виднелась среди хлама; лишь отдельные металлические обломки тускло поблескивали в пыли. Триана на миг застыла, прислушиваясь. Ей показалось, будто где-то далеко впереди раздаются чьи-то приглушенные голоса. Она притушила свой фонарик, но не увидела впереди ни малейших проблесков света. Где бы сейчас ни находился Киртиан, но если это голоса его отря-

да, значит, он со своими людьми где-то очень далеко. Триана заспешила вперед. Ей вдруг отчаянно захотелось увидеть кого-то живого, пусть даже это будет враг. Живой враг был сейчас куда предпочтительнее шепота из темноты.

— У меня от этого места мурашки по спине бегают, — пробормотал Линдер, обращаясь к Шане. — Не представляю, как он может там стоять.

Парень был бледен, и на щеках его проступили веснушки — раньше Шана их не замечала. А еще она раньше не замечала, до чего же он молод. Все люди Киртиана держались настолько уверенно и действовали настолько сноровисто, что Шана невольно стала воспринимать их как взрослых. Теперь же она заметила, что Линдер на самом деле всего лишь зеленый мальчишка. Наверное, его совсем недавно перевели из пажей на более почетную должность слуги. Что ж, от страха с людьми и не такое делается.

Впрочем, Шана тоже не понимала, почему командир их отряда словно не замечает ничего вокруг. Зажженный Киртианом магический светильник бесшумно плыл у них над головами; он был настроен так, чтобы избегать столкновения с потолком. Но зато он с безжалостной отчетливостью освещал небольшие залы, через которые они проходили. Конечно, хуже всего была та мешанина из повозок и скелетов животных, через которую они продирались в самом начале. Шана едва сдержалась, чтобы не завопить дурным голосом и не удрать оттуда, не разбирая дороги — лишь бы только поскорее выбраться на поверхность!

А эта повозка, полная детей! Что бы там эльфы ни сделали ей самой, волшебникам и в особенности — своим рабам, — но одна лишь мысль о том, как эти дети умирали здесь, в темноте...

Что-то сдавило горло Шаны и защипало в глазах. Соображение о том, что все это произошло много сотен лет назад, не утешало.

«Они считают меня бесстрашной», — сказала себе девушка. Она стиснула зубы, вскинула голову и притворилась, будто ее вовсе и не бросает в дрожь от всех этих ужасов. Шана распрямила плечи и напряглась, стараясь остановить дрожь. Ей необходимо произвести впечатление на этих людей. Они не волшебники и не рабы. Она для них — живая легенда, и если они потеряют веру в легенду, они потеряют веру в свое дело. Она нужна им — возможно, даже больше, чем они ей. И если для того, чтобы поддержать в них веру, достаточно притворяться бесстрашной — что ж, цена невелика.

Но Киртиан лишь указал на расширяющийся проход. В пыли отпечаталась единственная цепочка следов...

«Эти следы оставил его отец. Больше некому. И Киртиан это знает. Именно их он искал. И сейчас он видит лишь одно — что эти следы ведут нас дальше».

Киртиан долго рассматривал следы, потом двинулся вперед с неподвижным, ничего не выражающим лицом. Остальные гуськом потянулись следом.

— Я никогда прежде не видел его таким, — сказал Линдер, рукавом утирая пот с лица. Веснушки, усеивавшие щеки, скрылись под грязной полосой — пылью мертвых. Линдера передернуло.

— Он не думает сейчас о тебе — и вообще ни о ком, — медленно произнес Кеман. — Он весь ушел в себя.

Они переглянулись. По лицу Линдера Шана поняла, что он ни капли не желает знать, что именно творится сейчас у Киртиана внутри. Шана вполне разделяла его чувства.

С нее вполне хватало самого пребывания здесь. Чем глубже они забирались в пещеры, тем сильнее становилось ощущение гибели — то ли той, минувшей, то ли надвигающейся — этого Шана сказать не могла. Шана никогда прежде не страдала клаустрофобией, но здесь ей начало казаться, что стены пещеры норовят сомкнуться. Или, наоборот, они пульсировали, медленно и тяжко вздымаясь и опускаясь, как будто это была глотка неимоверно огромного спящего чудовища. Ну а если стены здесь не из камня, то из чего же пол? Нет, так слишком легко дать волю воображению...

— Ты чувствуешь? — прошептал Кеман на ухо Шане. — Ну, это жужжание где-то на краю сознания? Как будто тут что-то дремлет, а мы соприкасаемся с краешком его снов. Или будто кто-то поет во сне отвратительную погребальную песнь.

Шана кивнула. Да, она это чувствовала. Чувствовала с того самого момента, как они спустились в пещеру. Правда, это ощущение не усиливалось, и если бы не слова Кемана, она списала бы это все на расшалившиеся нервы. Но все-таки он и вправду присутствовал — звук, столь низкий, что его невозможно было услышать, а можно было лишь ощутить. Интересно, а что еще слышит Кеман? Он ведь способен при желании обострять все свои чувства.

— Но при этом здесь нет ничего живого, — добавил Кеман и вздрогнул. — Даже слизняка какого-нибудь.

Ничего живого. Небывалое дело! В пещерах всегда можно было встретить небольшую компанию местных обитателей: насекомые, нетопыри, обычные мыши и всякие грибки, которыми питались мельчайшие организмы, прежде чем стать пищей для более крупных. И куда же они все подевались?

А главное — что их выгнало?

Шана шла в конце цепочки и не видела лица Киртиана, но Линдер был белым, словно те кости, что валялись ближе к выходу. Да и сама она, наверное, не лучше. Как будто что-то с каждым шагом вытягивало из них жизнь.

Внезапно Шане показалось, что они никогда не выйдут отсюда. Они так и будут брести за Киртианом, а потом попадают и поумирают. Именно это и произошло с отцом Киртиана — не несчастный случай, нет. Просто подземелье, заманивая его обещаниями и угрозами, по капле вытянуло из него жизнь, пока он забирался все глубже и глубже. А потом он просто упал и уже не смог подняться.

А потом Киртиан резко остановился, словно вкопанный.

Магические светильники, повинуясь его приказу, метнулись вперед, где виднелось какое-то большое открытое пространство. Спутники не натолкнулись на Киртиана исключительно потому, что умудрились свернуть в последний момент, кто вправо, кто влево. И в результате все они затормозили на краю обрыва, а за ним открылась пещера, настолько огромная, что сюда вместилась бы самая большая из пещер, какие только видала Шана, и еще бы осталось предостаточно места. Сердце Шаны готово было выскочить из груди. Она едва не свалилась с этого обрыва!

Во всяком случае, такой была ее первая реакция. Но когда глаза Шаны привыкли к изменившемуся освещению и она подошла к краю, оказалось, что обрыв вовсе не настолько ужасен, как показалось ей сначала. Если бы даже она не заметила его и свалилась вниз, в самом худшем случае она сломала бы ноги. Обрыв только казался таким уж глубоким и отвесным. После первого, и вправду отвесного, участка начинался крутой склон, спускающийся к полу. А вот то, что лежало рядами на полу, и порождало обман зрения.

Вещи. Нет. Конструкции. Разнообразные металлические детали, шестерни, колеса, детали, которые могли служить руками или ногами — либо ни тем, ни другим. Некоторые были размером с дом. Они стояли по трое в ряд, а за ними виднелось самое большое сооружение, огромная арка из какого-то тускло-зеленого материала. На вид она была более мертвой, чем кости на полу, но вызывала ощущение чего-то живого. И еще — ощущение нависшей угрозы.

Поверх всех этих механизмов лежала пыль — настоящий саван из пыли. Она скрывала блеск металла и скругляла углы. В некоторых местах этот слой пыли был толстым, словно одеяло. Таким толстым, что отдельные детали развалились и попадали на пол.

— Что это? — спросила Шана. Голос ее звенел от напряжения.

Киртиан лишь покачал головой.

— Не знаю. Думаю, никто из живых этого не знает. То есть я могу вам сказать, что это такое в принципе. Это устройства, которые некогда изготавливали наши Предки, чтобы они служили им, как теперь служат рабы. Их заставляла работать магия. Когда Врата закрылись, они перестали работать, и их бросили за ненадобностью. А вот почему именно они перестали работать, этого я сказать не могу.

— Они им служили? — озадаченно переспросил Линдер.

Голос Киртиана был сух, словно пыль, покрывавшая все вокруг.

— Конечно. Не думаешь же ты, что Предки работали сами? Они создали эти устройства, чтобы те пахали и копали за них, строили и разрушали...

— И воевали? — резко спросил Кеман.

Киртиан взглянул на него, сжав губы. Но голос его был спокоен.

— Воевали? — негромко произнес он. — О, да. Несомненно. Я бы даже сказал — в первую очередь. Предки воевали между собой, и по сравнению с их войнами вся наша возня с волшебниками — просто детская игра.

Шана перевела взгляд со спины Киртиана на длинные ряды непонятных механизмов и содрогнулась. Даже сейчас, из-под слоя пыли, местами виднелся блеск металла, полного жестокой деловитости. Для чего предназначены эти лезвия? Чтобы жать пшеницу — или чтобы пожинать жизни? Чтобы копать каналы — или могилы?

Шана предпочла не спрашивать. Ей не хотелось знать ответ.

Но тут Киртиан издал странный всхлипывающий звук и спрыгнул с обрыва. Он приземлился, спружинив на полусогну-

тых ногах, и ринулся к стене огромной пещеры. В той стороне механизмы стояли более беспорядочно. Линдер выругался и кинулся следом. Остальные последовали за ним.

Всякий раз, как он сталкивался с очередным камнем, Аэлмаркин проклинал людей, спускающих его, и посылал через их ошейники очередной разряд боли. Ему хотелось врезать им посильнее, но он не решался; если ударить слишком сильно, они сделаются совсем уж неуклюжими. Он думал — как оказалось, зря думал, — что рабы просто спустят его вниз, без всяких хлопот для него. А в результате ему пришлось буквально-таки ползти по груде битого камня, точно такой же, какая красовалась снаружи. И спускаться по ней было ничуть не проще, чем подниматься на ту. А в придачу эти недоумки время от времени роняли камни ему на голову и опускали его какими-то дурацкими рывками.

Идиоты! Нет, теперь он точно оставит нескольких на тропе, в качестве приманки для здешних чудищ. Лучшего они не заслуживают. Аэлмаркин готов был решить, что они нарочно ударяют его о камни, если бы сам он не бил их при этом гораздо сильнее.

Когда же он в конце концов грохнулся на пол — довольно чувствительно, надо заметить, то послал рабам финальное напоминание о своей силе, да такое, что они взвыли. Четыре вопля боли эхом отразились от стен пещеры, и на миг Аэлмаркин почувствовал удовлетворение. Он отряхнулся от пыли и гневно пнул какой-то мусор, на который свалился, прежде чем зажечь магический светильник и осмотреться.

Он даже не потрудился взглянуть вверх, проверить, как там рабы. Естественно, они уже удрали к палаткам и костру и там и останутся. Будут себе бездельничать и пытаться отыскать в его припасах вино, которого там нету. Аэлмаркин знал, что его рабы лишнего шагу не ступят из лагеря: леса они боялись куда сильнее, чем его. Хоть они и лесничие, но это не их лес; они суеверно страшились не только вполне реальных чудищ, бродящих здесь, но и каких-то призраков, которых они, по их клятвенным заверениям, слышали по ночам. Так что они послушно будут ждать возвращения хозяина... Не догадываясь, что, если хозяин добьется того, чего желает, они станут ему не нужны. У него будет достаточно сил, чтобы разнести эту пещеру. Или создать портал и прямо отсюда перенестись домой. Или улететь, если у него вдруг возникнет такое желание. А что,

это мысль. Существовали ведь старинные легенды, повествующие, как Предки летали на птицах с клювами из металла, отточенными крыльями и острыми, словно бритва, когтями; они сражались в воздухе, и на тех, кто стоял внизу, лился дождь теплой крови. Возможно, подобные устройства ждут Аэлмаркина в этой пещере...

Что ж! Если он так и будет стоять здесь и пинать всякий хлам, он ничего не отыщет! И не узнает, зачем сюда полез Киртиан — в поисках реликвий, оставшихся от Предков, или в погоне за волшебниками.

Аэлмаркин повернулся. Понять, куда именно направился Киртиан, труда не составляло. Сквозь мусор тянулась такая отчетливая дорожка, что ее заметила бы даже женщина. И не было никаких сомнений — помимо обычного лесного мусора, занесенного ветром, тут имелось и кое-что другое. Так, значит, Киртиан все-таки отыскал Великие Врата, сквозь которые эльфы пришли в этот мир!

— Клянусь Предками! — произнес Аэлмаркин, и эхо разнесло его удивленный возглас по пещере, как будто целая толпа шепотом передразнивала Аэлмаркина.

А прямо на дороге у Аэлмаркина лежал череп — эльфийский череп, судя по высокому лбу и узкой челюсти. Лежал и смотрел пустыми глазницами, словно проверяя, посмеет ли непрошеный гость шагнуть вперед.

Аэлмаркин лишь фыркнул. Подумаешь — кости! Какой в них толк? В конце концов, те Предки, что умерли здесь, на самом деле не стали ничьими Предками. Что, разве нет? Их кровь пролилась на пол этой пещеры и не обрела своего продолжения в этом мире. Ну так почему бы ему, Аэлмаркину, не пройти по этим костям? Там, впереди, его ждет удача, и он не позволит, чтобы кости каких-то мертвых недоумков задерживали его.

— Ты, — презрительно сообщил он черепу, — пустое место. Тупик. Ты даже не можешь остановить меня.

Он наступил на череп и раздавил его. Это оказалось не труднее, чем раздавить яйцо. Аэлмаркин оставил хрупкие обломки позади и, не оглядываясь, зашагал в глубь пещеры.

Не остановил его и завал у входа в тоннель. По правде говоря, он испытывал какое-то мрачное удовольствие, продираясь сквозь этот завал, пиная повозки и кости и глядя, как те разваливаются. Правда, паршивые останки рассыпались в пыль от первого же прикосновения, и это уменьшало удовольствие. Ну, ничего. И так неплохо.

Вероятно, каким-нибудь дуракам все это показалось бы ужасным и устрашающим. Аэлмаркин же испытывал лишь презрение к слабакам, которые так боялись погони — ясно же, что они удирали от погони, — что поддались страху и превратили организованный отход в свалку. И из-за чего, спрашивается?

Вот они и получили по заслугам. Они так и не увидели света нового мира. Их кости остались гнить на полу этой пещеры.

Пробираясь по коридорам, Аэлмаркин подумал, что вот точно так же сгнили и все легенды о гармонии и сотрудничестве. Весь окружающий хаос свидетельствовал о паническом бегстве — и ни малейших следов причины, породившей эту панику. Разве что Предки принесли причину с собой...

А может, они, едва добравшись до безопасного места, сразу же принялись драться за власть?

Тогда понятно, отчего вокруг такой бардак...

На самом деле, это объяснение куда разумнее официальной версии истории Перехода.

Предположим — только предположим, — что не все Предки отдали для создания Великих Врат все свои силы без остатка. Лично он именно так бы и поступил — что-то да придержал бы. Предположим затем, что эта группа накинулась на остальных, пока те были истощены, обескровлены и уязвимы.

Аэлмаркин свирепо улыбнулся. Ну конечно же, именно так все и было! Эта версия объясняет все — в том числе и то, почему никто так и не вернулся сюда, и в конце концов сведения о местонахождении Врат были утеряны. Естественно, сообразительные ублюдки, одержавшие верх, не хотели, чтобы кто-нибудь ненароком отыскал здесь выжившего или узнал правду об этих событиях. А кроме того, победители были заняты: они строили укрепления, изучали, что за опасности таит в себе новый мир, и изыскивали защиту против них.

Затем, конечно же, Предки обнаружили людей и поняли, что механизмы не нужны, раз теперь есть рабы. Рабов не надо чинить. Рабов не надо мастерить — они самовоспроизводятся. А чтобы держать их под контролем, нужен лишь самый минимум магии.

Вполне разумная экономия ресурсов. Совершенно недвусмысленно свидетельствующая об уме тех эльфийских лордов, которые выжили и стали его Предками. Да, сообразительные были ребята. Они гордились бы им, если бы видели, как он

прошел по их следам, чтобы заново открыть тайны их силы и взять то, что ему принадлежит по праву.

Конечно же, это лишь начало. Как только он приберет к рукам поместье Киртиана, нужно будет сразу же обдумать следующие шаги. В конце концов, перед ним откроется множество возможностей — ну, в зависимости от того, что именно он здесь обнаружит. Лишь в одном Аэлмаркин был уверен твердо: именно он, а не Киртиан, приберет здешние тайны к рукам.

И вообще, если это будет хоть в какой-то степени зависеть от него, Аэлмаркина, Киртиан отсюда не выйдет.

Во всяком случае, не выйдет живым.

Глава 33

Линдер помчался за Киртианом, громко топая по каменному полу и поднимая тучи пыли. Но Шана и Кеман замешкались, переглянулись и осторожно обменялись мыслями.

— «У меня такое ощущение, будто тут что-то неладно, и очень сильно неладно», — начала Шана. Она не боялась выставить себя в дурацком свете перед приемным братом. В конце концов, Кеман и так уже много раз видел, как она вытворяла всякие глупости.

Но Кеман лишь кивнул, подтверждая ее дурные предчувствия, — и, естественно, тем самым усугубил их.

— «И у меня тоже. И дело не только в этом жужжании. Тут что-то есть. Кажется, оно спит — и мне совершенно не хочется его будить. — Он умолк и взглянул куда-то вбок. — Огонь и Дождь! Ты только взгляни на магические светильники!»

Шана прикусила губу, перевела взгляд и увидела, что зажженные Киртианом магические светильники медленно пульсируют, и свет их то усиливается, то ослабевает. Заметил ли это сам Киртиан? Заметит ли?

— «Кажется, что-то понемногу вытягивает из них силу, — сказал Кеман. — Киртиан машинально подбавляет ее, и все начинается сначала. И что-то мне подсказывает, что тут лучше не пользоваться никакой сильной магией. Она может... может что-то разбудить».

Может что-то разбудить... Так, значит, Кеман тоже это ощущает. Ощущение присутствия усилилось, хотя гудение где-то в затылке осталось на прежнем уровне.

— «Тогда нам, наверное, стоит пойти за Киртианом», — неохотно произнесла Шана.

И они зашагали по пыльному полу пещеры, мимо странных, изломанных конструкций из металла, стекла и еще каких-то незнакомых материалов. Конструкции эти выглядели угрожающе. Они нависали у Шаны над головой, дыша какой-то неизъяснимой угрозой. Хотя дышать им вроде как и нечем...

Шана почувствовала, что по телу у нее побежали мурашки, и лишь несколько мгновений спустя заметила, что конструкции вовсе не стоят так уж упорядоченно, как ей показалось на первый взгляд.

И что не так уж хорошо они сохранились. Вон там, в глубине, две перемешались между собой, как будто врезались друг в дружку. А вот ту сплющил увесистый кусок скалы — наверное, отвалившийся от свода пещеры. А вон та валяется на боку.

А с этой что такое? Расплавлена она, что ли? Да, вот этот бок просто просел, а вон там отдельные детали напоминают по виду сливочное масло, которое подтаяло, а потом опять застыло.

Негромкие голоса, донесшиеся из-за этого механизма, подсказали Шане, где сейчас находится Киртиан. Но в голосах этих слышалось такое горе, что Шана с Кеманом невольно замедлили шаги и осторожно выглянули из-за угла.

Киртиан стоял лицом к каменной стене, напряженный, закаменевший, словно эта стена. В первый миг Шана заметила лишь, что этот камень тоже напоминает подтаявшее и заново застывшее масло, как и металл разрушенного механизма.

А потом она заметила силуэт в скале. Да, именно в скале — словно некий чудовищный барельеф, словно несчастное насекомое, увязшее в смоле и навеки законсервированное там, словно причудливый торт в тонкой прозрачной глазури. Но более всего это кошмарное зрелище напоминало глыбу льда, в которую во время бурана вмерз какой-то несчастный, и ледяная корка сохранила неживое тело.

Это был мужчина, эльфийский лорд, вмурованный в гладкую каменную поверхность, в растаявшую и вновь застывшую скалу. Нет, это не был барельеф — разве что тут потрудился какой-то безумный скульптор. Но никакой скульптор не передал бы то выражение беспредельного, невыносимого ужаса, что застыло на лице несчастного.

Шана не видела сейчас лица лорда Киртиана и могла лишь порадоваться этому. Сама его поза была настолько красноречива, что поведала Шане все — и даже больше, чем ей хотелось бы знать, по правде говоря.

Сказать, что он переполнен горем, было бы слишком мягко. Он мог в любой миг разразиться воплем отчаяния — и у него были на то все основания.

Ибо несчастный, заключенный в скале, не мог быть никем иным, кроме как отцом Киртиана. Если бы Киртиан нашел его кости и мог лишь гадать, как именно тот погиб, это уже было бы достаточно скверно. Но то, что предстало его глазам, было неизмеримо хуже — миг смерти, уловленный и запечатленный навеки.

Шана не настолько хорошо знала Киртиана, чтобы пытаться сейчас утешить его. Но ясно было, что он нуждается в утешении — и точно так же было ясно, что он не сможет принять его от тех, кто стоит сейчас рядом с ним. Шана не могла винить его за это. Если бы она много лет искала Алару и нашла ее в таком вот виде...

Все стояли в неловком молчании. Молчание это все тянулось и тянулось, пока не сделалось совершенно невыносимым. Шану начало трясти от напряжения; ей отчаянно хотелось, чтобы кто-нибудь — хоть кто-нибудь, только не она! — нарушил это молчание.

Но нарушил его в конце концов сам Киртиан — совершенно неожиданными словами.

— Зажгите фонари, — приказал он. Голос его звучал сдавленно и хрипло, но слова вышли вполне разборчивыми.

— П-простите? — запинаясь, пробормотал Линдер. Он явно не понял, чего от него хотят.

— Зажгите фонари. Я собираюсь погасить магические светильники. Что-то питается ими, и я не намерен более кормить эту... это...

Киртиан не закончил фразу — но этого и не требовалось. Особенно в нынешней обстановке. Линдер с остальными парнями тут же кинулся выполнять приказ — разыскивать свечи и масляные лампы. Как только затеплился первый фитиль, Киртиан тут же потушил все свои магические светильники.

Естественно, в результате всем пришлось сгрудиться вокруг лампы, дающей куда меньше света, чем магические светильники. Остальные тем временем зажгли от первого фитиля остальные. Шана тихо порадовалась, что у Киртиана хватило предусмотрительности прихватить с собою лампы — и что он во вла-

сти горя, столь чудовищного, что Шана даже не могла осознать всей его глубины, не поддался ни скорби, ни безумию.

Шана принялась помогать людям. Лампы принято было держать незаправленными, до тех пор, пока в них не возникала надобность, и теперь Шана принялась заливать в них масло, передавать парням, чтобы те подожгли фитиль, а потом накрывать огонек прозрачным колпаком, дабы защитить его от сквозняков. Когда Шана взглянула на Киртиана, он стоял все так же недвижно — только положил руку на грудь чудовищного изваяния.

Шана не видела его лица. И по-прежнему не чувствовала ни малейшего желания видеть его.

Но ей от всего сердца хотелось, чтобы Киртиан смог заплакать.

К удивлению Трианы, магический свет впереди мигнул и погас.

Она машинально притушила свой светильник, чтобы ее не заметили. Теперь из ее маленького металлического конуса исходило ровно столько света, чтобы она могла идти, ни на что не наталкиваясь, и потому Триане пришлось пробираться вперед, придерживаясь рукой за стену. С чего это вдруг Киртиан погасил свет?

Потом в возникшем впереди проеме забрезжил иной свет — тусклый, желтоватый, — и Триана поняла, что хотя Киртиан и погасил магические светильники, он не собирается сидеть во тьме. Свет был слабым и неярким, и Триана подумала: может, с Киртианом или с его людьми произошло какое-то несчастье, и он просто утратил контроль над магическими светильниками?

Ощущение невесть откуда исходящего ужаса, преследовавшее Триану с того самого момента, как она очутилась в пещере, нахлынуло с удвоенной силой. Ей пришлось остановиться, сделать несколько глубоких вдохов и глотнуть воды из фляжки, подвешенной к поясу, чтобы промочить пересохшее горло — лишь после этого ей удалось взять себя в руки. Что бы там ни таилось впереди, оно пока что не сожрало Киртиана. Иначе откуда свет?

Чувствуя, как кровь лихорадочно стучит в висках и как стынут руки, Триана вышла к следующему залу и погасила фонарик, чтобы не выдать себя. И тут она наконец-то услышала голоса. Один из них принадлежал Киртиану — только Триана никогда еще не слыхала, чтобы он говорил столь хрипло и резко.

Кроме того, разговор был негромким, и из-за расстояния и эха Триана так и не смогла разобрать, о чем же идет речь. Что ж, как бы там ни было, но он разговаривает. А он вряд ли мог бы сейчас разговаривать, если бы подвергся нападению. На миг Триану посетила дикая мысль — что Киртиан беседует с каким-то здешним обитателем...

Но нет. Глупости какие. Здесь нет ни малейших признаков жизни. Даже летучих мышей — и тех нет. Так откуда же здесь взяться живому существу? А в пыли видны были лишь следы отряда Киртиана — так что никто в эту пещеру не входил и не выходил.

В мерцающем, неверном свете Триана видела лишь размытые очертания огромных конструкций, размером с садовый сарай, а то и больше, что выстроились перед ней недвижными, безмолвными рядами. Громадные силуэты, ныне застывшие, но не мертвые: они припали к земле и следили за пришельцами, дожидаясь удобного момента. А на грани видимости возвышалась арка Великих Врат — ибо ничем иным эта парящая зеленовато-черная арка просто не могла быть. Справа, где находились фонари, по стене двигались тени людей, словно в некой странной пантомиме. В воздухе витал какой-то странный едкий запах, мешающийся с запахом металла и лампового масла.

Инстинкты Трианы исходили криком, требуя, чтобы она бросила все и спасалась бегством — и немедленно! Здесь все было совсем не так, как она ожидала. Здесь притаилось что-то чудовищно неправильное, и если она задержится, то познакомится с этим «чем-то». Все эти конструкции, глядящие без глаз, ждущие лишь какого-то сигнала, какого-то действия, что освободит их...

Но... если она уйдет, то останется с пустыми руками. А все здешние тайны достанутся одному лишь Киртиану. Нет, это нестерпимо.

И Триана, совладав с инстинктами, заставила себя спуститься вниз. Она решила двинуться вдоль стены, добраться таким образом до того места, где торчит Киртиан со своими людьми, а потом обойти пещеру по периметру — конечно же, стараясь двигаться потише. Она пройдет мимо Великих Врат и, возможно, уже благодаря этому получит какие-нибудь полезные сведения. И так ей не придется идти сквозь ряды этих... этих вещей.

Великие Врата... Именно сквозь них Предки прошли в этот мир. Возможно, в них до сих пор содержится достаточно ма-

гии, чтобы вернуть Триану домой. В конце концов, через некоторые старейшие порталы можно добраться куда угодно — при условии, конечно, что у тебя есть ключ. А у нее имелся основной ключ от ее собственного портала, выполненный в виде кольца с печаткой. Триана носила его на правой руке. Вот бы и вправду все было именно так! Ведь тогда эта пещера не станет для нее ловушкой. Малейшая неприятность — и она ускользнет отсюда в мгновение ока!

От этой мысли Триане тут же полегчало на душе, и страх, от которого подгибались колени, улетучился. Триана нащупала стену пещеры и двинулась вперед. Нахлынувшее облегчение сделало ее немного легкомысленной. Ей больше не казалось, будто огромные машины, имущество Предков, следят за ней с неживой угрозой. Это были всего лишь вещи. Старые, мертвые вещи. Неважно, что там нашел Киртиан, — эти мощи не могут больше никому причинить никакого вреда, даже если когда-то и могли. Просто у нее расшалилось воображение, только и всего; так ребенок, запертый в детской, придумывает всякие страшилки.

Что бы ни убило тех беглецов в главной пещере, пришло оно не отсюда. Когда Врата закрылись, все механизмы поумирали. Это общеизвестно. Так написано во всех вариантах повествования о Переходе, какие только доводилось читать Триане. Именно поэтому для Предков было столь важно найти или создать источник рабского труда — потому что у них больше не было механизмов, которые выполняли бы за них грязную работу.

И Триана, заново приободрившись и посмеявшись над собственной глупостью, зашагала вперед. Она не видела больше, куда идет, и потому ей приходилось двигаться на ощупь. А еще она постоянно напрягала слух, стараясь разобрать, что же там говорит Киртиан, и присматривалась к огромным теням, движущимся по противоположной стене в неровном, плящущем свете их ламп. Ну как есть театр теней.

Аэлмаркин сообразил, что маячащее впереди тусклое пятно света наверняка свидетельствует о присутствии людей Киртиана. Он ругнулся и погасил свой магический светильник. Наконец-то он их нагнал — и едва на них не напоролся. Аэлмаркин выругал себя за глупость. Нельзя допускать таких дурацких промахов! Ладно, будем надеяться, что ни у кого из них не хватило соображения заметить свет позади.

Пятно света в соседней пещере было до странности тусклым — и почему-то желтоватым. Странно, странно. С чего это вдруг Киртиану понадобилось создавать желтый свет, когда обычный белый и удобнее, и проще?

Хотя это же Киртиан! Это может быть свет костра; он нашел то, что искал, и велел разбивать лагерь. Это может быть свет ламп; возможно, Киртиан оказался более слабым магом, чем думал Аэлмаркин, и выдохся, так что у него нет больше сил на поддержание магического света. А может, он по каким-то лишь ему ведомым причинам предпочитает что-то сделать при обычном свете.

Только после того, как Аэлмаркин подобрался вплотную ко входу в следующую пещеру и лишь благодаря везению не свалился с обрыва, он понял, что свет и вправду исходит от ламп и что Киртиану просто захотелось воспользоваться ими вместо магических светильников. Аэлмаркин выругался еще раз (правда, на этот раз — мысленно), и тут едва не произошло одно небольшое, но непоправимое событие.

А ведь вполне могло произойти. Аэлмаркин попытался сделать шаг — и под ногой его не оказалось опоры. А он, к несчастью, не ожидал этого и успел перенести вес. Аэлмаркин зашатался на краю обрыва, лихорадочно взмахнул руками — на миг у него остановилось сердце — и каким-то чудом все-таки уцепился за стену.

Он просто-таки изошел ругательствами, пока его сердце не начало биться поспокойнее. Лишь после этого Аэлмаркин разглядел, что же находится внизу. И вот тогда!.. О, тогда его сердце заколотилось снова, но уже совсем по другой причине!

Внизу стройными рядами, словно мирно спящие быки, выстроились машины, привезенные сюда Предками. Они стояли, ряд за рядом, и ждали, пока кто-нибудь прикоснется к ним, разбудит их и призовет на службу.

И это будет он, Аэлмаркин! Сомнений быть не может! Аэлмаркин умирал от нетерпения — так ему хотелось поскорее спуститься к ним. Ведь если он заполучит в свое распоряжение эти мощные создания, ему уже не нужны будут ни рабы, ни гладиаторы, ни целые армии!

От предвкушения у Аэлмаркина пересохло во рту. Он присмотрелся, понял, что склон не столь крут, как показалось ему первоначально, и съехал вниз. Острые камни чувствительно врезались в тело, даже сквозь плотную кожу охотничьей туники, но Аэлмаркин почти не замечал этого — так ему не терпе-

лось поскорее добраться до этих машин, явившихся из иного мира и иных времен.

Да, надо еще замаскироваться на тот случай, если кому-нибудь из рабов Киртиана вздумается глянуть, что тут творится. Это было бы форменным бедствием: зайти так далеко, и лишь затем, чтобы его застукал один из паскудных рабов Киртиана.

Когда между ним и лампами Киртиана очутилось несколько механизмов, Аэлмаркин почувствовал себя получше. Решив, что теперь он в безопасности, Аэлмаркин зажег слабенький магический светильничек — такой, чтобы его можно было спрятать в кулаке и осмотреть с его помощью металлические бока машин, глянуть, не удастся ли ему расшифровать какие-нибудь из древних надписей. Аэлмаркин надеялся обнаружить там инструкции; ведь вряд ли в древности для того, чтобы управлять такими штуками, сперва требовалось непременно пройти курс обучения. Ожидания его не сбылись, но Аэлмаркин все-таки надеялся найти какое-нибудь клеймо или название, что подсказало бы ему, для чего использовались эти механизмы.

Он прошел мимо нескольких огромных корпусов, стирая с боков толстенный слой пыли — та одеялом падала на землю, — и почувствовал разочарование. Сколько он ни искал, никаких инструкций ему не попадалось. Ни инструкций, ни названий. Ни на одной машине! Во всяком случае, с той стороны, с которой он шел. Перейти на другую Аэлмаркин не решался — ее освещали лампы Киртиана. Хватит и того, что он — единственная движущаяся тень среди всех неподвижных! Судя по доносящемуся бормотанию, все люди Киртиана до сих пор находились при нем, но проверить это не представлялось возможным. А мало ли!..

Теперь Аэлмаркин готов был проклинать Предков: нет, ну какими идиотами надо быть, чтобы не оставить никаких инструкций для непосвященных? Хотя, возможно, эти инструкции содержались в одной из тех книг, что валялись теперь в главной пещере и рассыпались от малейшего прикосновения...

На миг Аэлмаркина охватило отчаяние. Но потом ему повезло, да так повезло, что сперва Аэлмаркин даже сам не поверил в свою удачу.

Он уже снова разочарованно спрятал свой огонек в ладони — опять ничего! — и вдруг заметил краем глаза ускользающий зеленый отблеск.

Аэлмаркин медленно, до боли медленно повернулся влево и сперва, к разочарованию своему, не увидел ничего, кроме еще

одного механизма — тоже без единой надписи на боку. Правда, у этого механизма имелся неплохой набор лезвий и когтей, что наводило на мысль о его военном предназначении. Ну и? Ладно, он догадался, для чего эта штука предназначена. И какая ему с этого польза, если он все равно не знает, как заставить ее двигаться? А без инструкций он определенно ничего не сможет с ней сделать! Но когда глаза Аэлмаркина привыкли к темноте, он обнаружил кое-что еще.

На боку у механизма что-то светилось, в точности тем же тусклым зеленым светом, каким светились активированные эльфийские камни.

Аэлмаркин украдкой подобрался к механизму, стараясь держаться в тени, и прикоснулся к его боку. Лишь по свечению да разнице между поверхностью камня и металла можно было понять, что эта штуковина и вправду тут. Она была вделана вровень с боком механизма, и в тусклом свете фонарика Аэлмаркин нипочем бы ее не заметил — если бы не свечение! Это и вправду был эльфийский камень или что-то, чрезвычайно на него похожее. А когда Аэлмаркин разжал кулак, чтобы повнимательнее приглядеться, его ручной фонарик потускнел, а зеленое свечение, напротив, усилилось.

Аэлмаркин едва не хлопнул себя по лбу. Ну конечно же! Для того, чтобы управиться с подобным механизмом, инструкции совершенно ни к чему! Чтобы заставить его работать и держать под контролем, достаточно эльфийского камня! Теперь понятно, почему все эти механизмы остановились, после того как Великие Врата захлопнулись! Магия, приводившая их в действие, была частью эфира, истекающего из Эвелона. А у эльфийских лордов, построивших и поддерживавших Великие Врата, не осталось ничего, чтобы поддержать эти механизмы. Святая простота! А меньшие лорды, сохранившие кое-какой запас сил, конечно же, просто не знали, как работают эти механизмы — либо были настолько заняты расправой с опасными соперниками, что даже не потрудились разобраться, как их можно задействовать!

Или, возможно, они так боялись погони, что просто побросали этих тварей.

Или... А, ладно, неважно. Главное — что машины бросили, они остались здесь, и он, Аэлмаркин, теперь понял, как их использовать!

Все проще простого. И какая разница, для чего это чудище предназначалось изначально? Оно большое, скорее всего, дья-

вольски сильное и наверняка дьявольски тяжелое. Ему достаточно будет наступить на Киртиана, и тому конец.

Аэлмаркин едва удержался, чтобы не завопить от радости, и приложил руку с магическим фонариком к эльфийскому камню, вделанному в бок механизма. Тот жадно принялся пить силу. Фонарик угас.

А потом — Аэлмаркин это почувствовал — механизм пробудился и захотел еще. И его яростное внимание сосредоточилось на Аэлмаркине — это он тоже почувствовал.

И, внезапно забеспокоившись, попытался отдернуть руку.

Но было, конечно же, слишком поздно.

В конце концов Киртиан сдался и позволил Линдеру с Кеманом отвести его в сторонку и усадить на камень. Он чувствовал себя... опустошенным. И изнуренным. Как будто он плакал целый год, не переставая. Но глаза его были сухими.

«По крайней мере, мама этого не видела. — Сейчас это было единственной мыслью Киртиана. — По крайней мере, этого она не видела. Она бы этого не вынесла. Она бы просто сошла с ума».

— Не надо пытаться выломать... это, — с трудом произнес он в ответ на вопрос Линдера. — Я не хочу, чтобы леди Лидиэль видела его. Только не в таком виде, нет. Может, мы придумаем какой-нибудь способ похоронить его...

Киртиан содрогнулся, и его бросило в пот. «Что здесь произошло? Наверное, он каким-то образом разбудил одну из этих... этих вещей. Может, накормил светом магического светильника и не понял, что происходит. Наверняка он был слишком сильно взволнован — так сильно, что не мог ясно мыслить».

Киртиан спрятал лицо в ладонях. Его била дрожь, и он ничего не мог с этим поделать. Ему хотелось выть, поносить судьбу, рыдать. Ну почему он не может заплакать?

Какая из этих туш убила отца? Внезапно Киртиану захотелось это узнать, да так, что теперь его трясло уже от ярости. По крайней мере, это он выяснит! Он найдет эту мерзость и разнесет ее в клочья голыми руками, а потом сотрет эти клочья в пыль, в ничто! Видят Предки, он это сделает!

Киртиан встал, все еще дрожа, и повернулся к машинам — как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна из них медленно поднимается над товарками, поднимается все выше и выше, а в чудовищной когтистой лапе кто-то бьется и верещит.

Глава 34

Ледяная длань страха сжала сердце Киртиана. Но он недаром столько лет упражнялся в воинском искусстве. Прежде чем тварь выпрямилась во весь рост, он успел прорычать приказ, и хоть голос его дрогнул, приказ прозвучал достаточно громко и властно, чтобы все повиновались, не раздумывая.

— Все в укрытие! — гаркнул Киртиан, ныряя под наклонный борт ближайшего механизма.

Даже Линдер с Хоби, не участвовавшие в кампании против молодых лордов, достаточно долго тренировались вместе с прочими людьми Киртиана, чтобы привыкнуть выполнять приказы без промедления. К тому моменту, как механизм распрямился, Киртиан, Линдер и Хоби уже скрылись из его поля зрения — во всяком случае, Киртиан очень на это надеялся — в черной непроглядной тени других механизмов.

«Надеюсь, эти штуковины не вздумают ожить!» — подумал Киртиан, изо всех сил вжимаясь в нишу, хотя от соприкосновения с холодным, словно бы замасленным металлом его начало знобить.

Когда все его люди попрятались и застыли, Киртиан рискнул взглянуть в сторону стены и туда, где полукругом стояли лампы. Кемана и Шаны нигде не было видно. Ну что ж, по крайней мере, они не торчали на виду у этой твари. Киртиан надеялся, что раз он их не видит, то и механизм не увидит тоже. Если, конечно, он «видит». Он ведь может использовать и другие чувства...

— Что дальше? — прошептал Линдер на ухо Киртиану. Киртиану показалось, что в голосе парня звучит отчаяние — примерно такое же, какое испытывал сейчас он сам.

— Я думаю! — прошипел он в ответ. Киртиан не боялся, что тварь услышит их: ее жертва вопила так, что это должно было заглушить все прочие звуки. Крик был ужасен, но еще хуже было ощущение того, что этот голос ему знаком.

Жертва... Это эльфийский лорд — в тот ужасный миг Киртиан успел разглядеть достаточно, чтобы понять, что это не человек. Но кто же это? Кто и зачем мог последовать за ним сюда? Это не кто-нибудь из вассалов лорда Киндрета — никто из них не знал, куда именно направился Киртиан, — и уж конечно, не кто-нибудь из его собственных вассалов.

Жертва рыдала и кричала, но ужас делал ее слова неразборчивыми. Слушать это было невыносимо.

«Нет, никто из них не последовал бы за мной — просто потому, что не смог бы. Они совершенно не приспособлены для странствий в глуши, хвала Предкам».

Но еще страшнее воплей была стоящая за ними тишина. Механизм не издавал ни единого звука.

Единственный, кто мог бы последовать за Киртианом и кому хватило бы на это ловкости, — это Джель. Но это точно не Джель бьется сейчас в когтях чудища.

И все-таки голос был знаком Киртиану.

Так кто же это? Киртиан прислушался, стараясь разобрать вопли несчастного — может, хоть какая-то зацепка будет? От страха у него пересохло во рту и противно заныло под ложечкой. Что же, выходит, это кто-то из его врагов? Но кто из врагов увязался бы вслед за ним на опасное дело, охоту за волшебниками — все ведь считали, что именно ради этого Киртиан сюда отправился? Может, этот враг стремился выведать что-нибудь такое, что позволило бы скомпрометировать и опозорить Киртиана? Возможно, он хотел найти — или сфабриковать — какие-нибудь сведения, которые можно было бы использовать во вред Киртиану. А может, он вообще надеялся подстроить какой-нибудь «несчастный случай» — здесь, в глуши, где нет никаких свидетелей. А что, Аэлмаркин бы с удовольствием...

«Предки! — Киртиан был ошеломлен. Теперь до него дошло, почему в воплях, заполнивших пещеру, ему чудилось что-то знакомое. — Это же Аэлмаркин!»

Нет, в том, что Аэлмаркин ненавидел Киртиана достаточно сильно, чтобы попытаться скомпрометировать его или даже убить, ничего удивительного не было. Но чтобы он ради этого осмелился отправиться в глушь... Это было настолько не похоже на Аэлмаркина, что Киртиан даже не мог упрекать себя за то, что раньше не подумал о такой возможности. Его злейший враг...

Умудрившийся случайно напороться на эту штуку.

К счастью, Киртиану особо некогда было терзаться угрызениями совести и размышлять, не должен ли он все-таки попытаться спасти Аэлмаркина. Раздался жалобный вой, пол перечеркнула светящаяся полоса, и крики оборвались. Воцарилась тягостная тишина. Трое притаившихся под машиной — к счастью, она по-прежнему оставалась безжизненной — застыли, боясь перевести дух.

Киртиану отчаянно хотелось кинуться к выходу из пещеры, но он заставлял себя сидеть недвижно. Кто его знает, каким оружием оснащено это чудовище?

«Никакой магии, — решительно сказал себе Киртиан. — И уж в особенности — никаких молний-стрел». Если именно это чудовище вытягивало магию из их магических светильников и нажралось ею — то какие же силы ему придаст молния-стрела? Или, хуже того, вдруг эту силу впитают другие механизмы и тоже оживут? Киртиан был уверен, что это не она убила отца — хотя наверняка он пробудил кого-то из этих чудищ, скорее всего, за счет использования магических светильников. Эта машина была отъявленным убийцей; а им определенно незачем просыпаться в доли секунды!

Так что же можно использовать против этого чудовища, если магия под запретом?

«Луки и стрелы не годятся. Мечи тоже. А больше у нас ничего и нет».

Послышалось жужжание, поскрипывание металла — и внезапно в скалу на том самом месте, где совсем недавно находился Киртиан со своими людьми, врезалось нечто, напоминающее огромное перевернутое блюдо на трех ножках. Врезалось и грохнулось вниз, подняв облако пыли. Секунду спустя за первым «блюдом» последовало второе и разбило одну из ламп.

Еще через мгновение рядом со вторым блюдом упало обмякшее тело Аэлмаркина. Сомнений быть не могло — теперь Киртиан отчетливо видел искаженные ужасом черты. Да, это и вправду был Аэлмаркин. И в том, что кузен мертв, тоже не могло быть сомнений. С позвоночником, изогнутым под таким углом, не живут.

Киртиан застыл. Жужжание послышалось снова. На этот раз — почти прямо у них над головами. Ему были видны лишь две металлических ноги, но воображение дорисовало остальную картину: машина каким-то образом поворачивает верхнюю часть и пристально смотрит вниз, пытаясь отыскать их. Киртиан чувствовал себя, словно мышь, спрятавшаяся в поле под бревном и завидевшая лапы кота. Только он, в отличие от мыши, понятия не имел, какие загадочные чувства использует это чудище, чтобы выследить их.

И тут, словно для того, чтобы подстегнуть воображение Киртиана, над их укрытием пронеслись два луча и заметались по полу — на том месте, где раньше стояли непрошеные гости пещеры.

«Если бы я знал, какими возможностями и каким оружием располагает машина, мне было бы легче сообразить, что тут можно предпринять...»

Но тут зловещую тишину разорвал чей-то возглас. Киртиан, Линдер и Хоби вздрогнули и невольно вцепились друг в дружку.

— Эй! — донесся откуда-то справа голос Шаны, до странности резкий.

Жужжание сменилось подвыванием. Что-то гневно клацнуло, и машина, шагнув пару раз — от этих шагов пол ощутимо содрогался, — исчезла из поля зрения Киртиана. Но он по-прежнему продолжал слышать и ощущать эти шаги; судя по звукам, механизм был двуногим. И он определенно направлялся к Шане.

«Шана! Что ты делаешь?!»

В пещере больше не было тихо. Очевидно, эта машина особой ловкостью не отличалась; похоже, она то и дело обо что-то спотыкалась либо расшвыривала с дороги все, что попадалось под ноги и мешало ей добраться до Проклятия Эльфов. Линдер страдальчески морщился при каждом новом раскате грохота; Хоби застыл, словно перепуганный воробей.

Потом грохот прекратился, и снова послышалось подвывание, но теперь в нем звучала бессильная ярость. Киртиан — да и ребята тоже — снова затаил дыхание. Если чудовище услышит их...

— Эгей!

На сей раз это был голос Кемана, и доносился он из противоположной части пещеры. Машина снова двинулась на голос, круша по дороге своих безжизненных собратьев. Возможно, она и была двуногой, но это не делало ее неустойчивой; Киртиан еще ни разу не слышал, чтобы она оступилась.

«Что они затеяли?» Он так сойдет с ума от неизвестности! И хуже всего — что он не может себе позволить наблюдать за чудовищем!

— Может, попробуем выглянуть? — прошептал ему на ухо Линдер.

— Пока нельзя, — так же шепотом отозвался Киртиан. В этот самый миг треск и грохот стихли, и вновь раздалось подвывание, еще более разъяренное, чем прежде. Машина не могла отыскать Кемана — в точности так же, как перед этим не смогла найти Шану.

«Если она питается магией — может, мне удастся усыпить ее, вытянув из нее магическую силу?»

Пожалуй, попытаться стоило. Правда, была одна сложность: чтобы вытягивать из чего-либо магическую силу, Киртиану необходимо было прикоснуться к этой вещи.

«Ну и как мне это сделать, не последовав вслед за Аэлмаркином?» Киртиана передернуло, и он невольно отвел взгляд от останков кузена.

— Эй!

Это снова была Шана, и голос ее донесся из другого угла пещеры. Похоже, они с Кеманом работали в паре, уводя машину подальше от того места, где сидел Киртиан со своими людьми. И чего они хотят этим добиться? Увести чудовище подальше от выхода из пещеры, чтобы они трое могли выскочить наружу?

Он не мог лишить своих людей такого шанса. Если они им не воспользуются, получится, что Шана с Кеманом рискуют зря — а это свинство, так отмахиваться от их помощи.

— Начинайте пробираться к выходу, — прошептал он, воспользовавшись очередным раскатом грохота и треска. — Когда машина останавливается — застывайте на месте. Вы должны выбраться из пещеры и привести сюда остальных вместе со всем снаряжением, которое сочтете полезным. Я останусь и помогу Шане и Кеману отвлекать эту тварь.

— Но... — начал было Линдер.

— Это приказ! — яростно прошипел Киртиан и, дабы подкрепить свои доводы, поспешно перебежал из укрытия под бок другой машины — той, которая стояла еще дальше от выхода.

Он успел вовремя. Грохот утих, и возобновилось подвывание.

Да, укрытие ему досталось не самое лучшее. У машины, под которой спрятался Киртиан, были колеса, словно у какой-нибудь телеги, но расстояние между ее днищем и полом пещеры было куда меньше, чем у настоящей повозки. Киртиан едва сумел туда втиснуться, и его тут же охватило кошмарное ощущение — что вот сейчас эта машина проснется, опустится на него и раздавит всмятку. А кроме того, видно отсюда было еще меньше, чем из их первого укрытия, и Киртиану показалось, будто прошла целая вечность, прежде чем откуда-то послышался возглас Кемана:

— Эгей!

Механизм с грохотом ринулся в погоню, а Киртиан выполз из-под «повозки», послужившей ему временным убежищем, и прокрался вдоль бока другого чудища. Ему не терпелось взглянуть, как выглядит эта тварь и как действует.

Выглядела она как коробка на двух ногах; по бокам к этой коробке были прикреплены две руки с грубыми клешнями наподобие крабьих. Она не отличалась ни проворством, ни изяществом, но зато, несомненно, была весьма мощной. Грохот раздавался не потому, что машина продиралась через препятствия, а потому, что она хватала другие машины клешнями и отбрасывала в сторону, если только те не были чересчур велики.

«Предки! Хоть бы это не свалилось на голову Шане или Кеману!»

Из двух фар — «интересно, они магические?» — расположенных в передней части коробки, били лучи, и машина шарила этими лучами по полу, разыскивая врагов. Фары вращались, до жути напоминая глаза, и от этого сходства Киртиана передернуло. Туника прилипла ко взмокшей спине, а руки заболели — с такой силой он вцепился в край укрытия.

Машина остановилась и зашарила вокруг своими лучами. Так где же Шана с Кеманом и почему эта тварь не может их засечь?

Киртиан задумался. Очевидно, Кеман с Шаной выскакивают, кричат и удирают, пока машина движется в их сторону. Похоже, зрение у этой твари неважное — иначе она непременно заметила бы убегающих. Это надо запомнить и иметь в виду.

— Эге-гей! — долетел долгожданный крик.

Киртиан понял, что Кеман с Шаной действуют даже хитрее, чем показалось ему сперва. Они не выскакивали там, где машина могла их увидеть. Напротив, в воздухе промелькнул какой-то обломок и с лязгом рухнул на другую машину, находившуюся где-то в стороне от кричавшего. Лучи фонарей тут же метнулись по пещере и уткнулись туда. И машина зашагала именно туда, куда рухнул обломок. Неудивительно, что она не могла обнаружить тех, за кем так яростно охотилась!

Киртиан выскочил из укрытия, чтобы тоже подобрать какой-нибудь обломок; правда, ему приходилось двигаться с удвоенной осторожностью, чтобы и не привлечь внимания твари, увлеченной погоней, и не подходить слишком близко к лампам — вдруг он попадет на освещенное место или отбросит тень. Может, эта тварь и вправду плохо видит — а может, и неплохо. Проверять ему как-то не хотелось.

При этом Киртиан еще и присматривал краем глаза за выходом из пещеры. «Нельзя заманивать эту тварь обратно, пока Линдер и Хоби не выберутся наружу...»

— Эй!

В воздух взвился новый обломок — на этот раз куда более крупный. Очевидно, Кеман был намного сильнее Шаны.

«Естественно — он же дракон!» Киртиану вспомнился тот облик, который принял Кеман, чтобы спустить в пещеру Шану и все снаряжение. Кеман был тогда ненамного крупнее человека — но то, что он проделывал, ни одному человеку было бы не под силу.

На этот раз машина засекла обломок, пока он еще был в воздухе, и двинулась в ту сторону.

Киртиан снова обернулся и заметил, как две тени перевалили через край и нырнули в темный проем, туда, где начиналась безопасная дорога.

От облегчения у него пересохло во рту. По крайней мере, ребята спаслись.

Это были хорошие новости. Но имелись и плохие: машина с каждой минутой двигалась все проворнее и увереннее. Она и не думала выдыхаться. Напротив — похоже, у нее постепенно разрабатывались сочленения, закостеневшие от долгой неподвижности. Правильно он сделал, что решил тоже вступить в игру. Похоже, для нее нужно не менее трех участников.

Машина добралась до того места, куда упал обломок — но на этот раз она застыла, словно в размышлении. А затем лучи фонарей медленно двинулись вдоль той предполагаемой траектории обломка...

«О, Предки! Эта тварь умеет думать! Она сообразила, что на самом деле ей нужен не обломок, а тот, кто его кинул».

Киртиан рухнул на пол, поспешно огляделся и выбрал укрытие. Такое, чтобы оно находилось достаточно далеко отсюда — и вместе с тем достаточно близко, чтобы успеть до него добежать. Во всяком случае, Киртиан надеялся, что успеет.

— Хэй! — крикнул он изо всех сил и бросил обломок.

И со всех ног ринулся в укрытие. Он нырнул под машину, закатился поглубже и застыл, вцепившись зубами в рукав туники, чтобы заглушить собственное тяжелое дыхание. А тяжелые, грохочущие шаги все приближались и приближались...

— Хэй! — услышала Шана и мгновенно поняла, что это не Кеман. Так, значит, Киртиан решил вступить в игру. Шана на миг сосредоточилась, отыскивая мысленным чутьем Хоби и Линдера, и, к облегчению своему, почувствовала, что они уже у самого выхода. И это ощущение присутствия слабело. Нет,

Киртиан отнюдь не дурак. Хотя иногда бывает храбр до дурости.

И все-таки его помощь обрадовала Шану. И еще сильнее обрадовало то, что он отослал прочь двух самых слабых членов группы.

— «Кеман, он отправил их за помощью!»

— «Или, по крайней мере, отослал их, — отозвался Кеман, пока машина с грохотом шагала по полу. — Я сомневаюсь, что его люди сильно нам помогут, даже если заявятся сюда все вместе и успеют сюда добраться, прежде чем эта пакость изловит кого-нибудь из нас».

Ну, в этом Шана тоже сомневалась. Впрочем, сейчас ей некогда было об этом размышлять. Сейчас нужно было придумать, как ей, Кеману и Киртиану ускользнуть от лап чудовища. Все чувства Шаны обострились от страха, а разум заработал с небывалой быстротой. Когда все это закончится, она рухнет и будет отлеживаться — если, конечно, доживет до этого момента. А сейчас Шана с головой ушла в размышления.

— «Кстати, а что это за штука?»

Может, если удастся понять, для чего она была предназначена, легче будет придумать, как от нее отделаться? Предки держали всю эту механическую пакость вместо рабов — чтобы машины выполняли за них грязную работу. Потому-то они, обнаружив, что в этом мире полно людей, решили, что не нуждаются больше в этих машинах — к тому же они перестали работать, так что возвращаться за ними незачем...

Но тут чудище снова остановилось, и настала очередь Шаны отвлекать его. Шана уже держала наготове подходящий обломок: чудный легонький кусок металла. Наверняка он при падении загрохочет как следует.

— Эй! — взвизгнула Шана, швырнула обломок, а сама метнулась в противоположную сторону и нырнула под платформу с чем-то, смутно напоминающим хижину с крыльцом.

«Предки создавали их как рабов...» Так чего же они могли хотеть от этой штуковины? Две ноги, фонари, огромные клешни...

Шана съежилась и забилась поглубже: два луча прошли совсем рядом с ее укрытием. Машина начала двигаться быстрее. Плохо...

На этот раз машина пришла не на то место, куда упал обломок, а почти туда, где стояла Шана, когда кинула его и крикнула. А вот это еще хуже...

— Ха! — выкрикнул Кеман. Машина развернулась и, пошатнувшись, направилась туда.

Так какую же пользу могло приносить это чудовище? Шана высунулась из укрытия и быстренько огляделась вокруг. Как раз в этот момент машина наклонилась, подхватила какой-то механизм размером с лошадь и отбросила его в сторону — в точности как крестьянин, выбрасывающий из-под лезвия плуга камень.

Шане представилось, как эта машина берет что-нибудь... ну, скажем, с повозки и бросает в амбар, — и глаза ее невольно округлились.

«Конечно... для этого она и предназначена».

— «Кеман, это чудище должно переносить вещи».

— «И оно просто великолепно справляется с этой работой! — ядовито откликнулся Кеман. — Последнюю штуковину оно выронило, да так удачно, что та едва не грохнулась мне на голову!»

— «Нет-нет, ты меня не понял! Я не говорю, что оно собирается их переносить — я говорю, что оно для этого предназначалось! Именно для этого Предки его сделали!»

Машина остановилась и принялась выискивать Кемана; лучи фонарей зашарили по рядам механизмов. Порядка в этих рядах оставалось все меньше.

— «А с чего ты так решила?» — поинтересовался Кеман.

— Хэй! — крикнул Киртиан, и чудище снова двинулось прочь. Шана заметила, что Киртиан на этот раз вообще не стал ничего бросать. Должно быть, понял, что машина больше не ловится на этот фокус.

— «Крепкая спина, сильные ноги, сильные руки. И, кажется, оно способно учиться», — подумав, высказала предположение Шана.

— «О, да! Еще как способно! Тварь уже сообразила, что гоняться за обломками, которые мы швыряем, бессмысленно. Так что можешь больше ничего не кидать. Просто кричи и беги, — отозвался Кеман. — Ну, а что ты еще надумала?»

— «Киртиан уже понял, что наши хитрости ее больше не обманывают. Хм. Должно быть, у нее неплохое равновесие. Так, чтобы она не опрокинулась, даже если поднимет какую-нибудь тяжелую вещь...» — продолжала размышлять Шана.

— «Да, и моя идея насчет того, чтобы заставить ее поскользнуться, тоже провалилась».

Чудовище определенно с каждой минутой двигалось все проворнее. Оно теперь в основном не продиралось сквозь ряды, а хватало подворачивающиеся механизмы и отбрасывало в сторону. Но если это и вправду погрузчик, с чего вдруг он накинулся на людей? Может, с ним что-то сделали враги Предков? Или машина просто... ну, свихнулась за века бездействия?

— «Вещи портить нельзя, так что клешни наверняка должны быть тупые...»

Шана мучительно пыталась придумать что-нибудь полезное.

— «Угу. Она не разрезала того эльфийского лорда пополам, а просто раздавила его, — последовал язвительный ответ. — Кто бы он ни был и что бы тут ни делал».

— «Скорее всего, следил за Киртианом. Возможно, великие лорды доверяют ему не настолько, насколько ему кажется».

Шана встряхнулась, заставляя себя на время прогнать все мысли, чтобы они ее не отвлекали. Ее очередь приманивать машину. Шана выбралась из укрытия, подобрала плоский кусок «стекла» и присмотрела себе следующее укрытие. Может, если бросить обломок как-нибудь по-хитрому, это все-таки отвлечет чудище...

— Эй! — крикнула Шана, запустила обломок, как дети запускают «летающие тарелки», и стрелой метнулась в укрытие.

Она успела вовремя. И очень встревожилась, заметив, что машина направляется к середине дуги, а не к тому месту, куда упало «стекло». Это уже слишком близко!

— «Кеман! Как ты думаешь, она может дотянуться себе за спину?»

Шана просто-таки почувствовала, как Кеман озадаченно вскинул голову, и увидела то, что увидел он, на миг высунув голову из укрытия.

— «По-моему, не может! — возбужденно откликнулся он. — И видеть, что у него позади, тоже, кажется, не может!»

Ага! Вот его слабое место! Нет, целых два!

— «Если ты примешь драконий облик...»

Шана не посмела закончить фразу. И кроме того, Кеману требуется некоторое время на превращение... Но в драконьем облике Кеман будет почти таким же большим, как и эта машина. Сможет ли он с нею справиться?

— «Я могу прыгнуть ей на спину и отвлечь ее, — решительно заявил Кеман. — А ты тем временем забирай Киртиана и беги с ним в туннель. Когда вы уйдете, я последую за вами. Просто-таки по пятам».

— «Но...» — попыталась было возразить Шана. Она же совсем не это имела в виду!

— «В общем, тебе лучше не тормозить. Я все равно именно это хотел сделать — и сделаю».

И Кеман закрыл от нее свой разум.

Проклятье! Шану захлестнул гнев, но она тут же взяла себя в руки. Сейчас некогда злиться! Нужно действовать!

Она по ощущениям определила, где находится Киртиан, и подождала немного.

— Хэй! — хрипло выкрикнул эльфийский лорд и кинулся в сторону.

Шана дождалась, пока чудище повернется, и помчалась следом, держась так, чтобы машина не могла ее заметить.

Чудовище остановилось почти посредине между ними, и Шана застыла, затаив дыхание. Свет фар скользнул по ее укрытию. Один раз. Второй...

Что это — случайность? Или машина со временем делается чувствительнее — так же, как сделалась подвижнее? Инстинкты Шаны властно требовали, чтобы она побежала, разум же велел стоять недвижно.

— Ха! — крикнул Кеман, и машина развернулась в его сторону.

Прежде чем Киртиан успел хотя бы шелохнуться, Шана добежала до него и нырнула под колесную повозку, служившую ему укрытием.

И столкнулась с эльфийским лордом нос к носу. Когда он увидел Шану, на его бледном лице отразилось полнейшее изумление.

— Нам нужно добраться до этой штуки, как только Кеман вцепится ей в загривок, — без всяких вступлений прошептала Шана. — Он примет драконий облик и нападет на нее со спины.

— И что мы будем делать? — ошеломленно спросил Киртиан.

— А я откуда знаю? — огрызнулась Шана. — Кеман решил наброситься на нее, чтобы мы могли убежать, как твои люди. Он сказал, что отправится за нами следом...

— Ну, мне думается, я смогу вытянуть силы из машины, если Кеман ее удержит... — начал было Киртиан — и тут грохочущие шаги смолкли.

И прежде чем Киртиан успел хоть что-то предпринять, Шана выкатилась из-под «повозки» и вскочила на ноги.

— Эй! — закричала она и замахала руками. — Эй! Дурень! Я здесь!

Глава 35

Киртиан выбрался из-под неподвижной машины, в спешке рассадив локти о каменный пол, — и увидел, как чудище поворачивается в их сторону.

Прямо скажем, это зрелище не было обнадеживающим. И быстро сделалось еще хуже.

Шана просто стояла на месте и размахивала руками, а два ярких пятна на плоской передней панели чудища — сейчас они особенно походили на глаза, сверкающие яростью, — повернулись, и лучи скрестились на Шане.

У Киртиана пересохло во рту, и его зазнобило от страха. Машина гневно взвыла и, пошатываясь, двинулась вперед.

Но стоило ей сделать один лишь шаг, как во тьме за спиной у машины что-то шевельнулось — сквозь слепящий свет Киртиану виден был лишь размытый силуэт. Силуэт на миг заколыхался — и ринулся вперед.

Кеман!

Чудище из плоти против металлического чудища. Дракон приземлился точнехонько на спину машине; когти со скрежетом проехались по бокам. Ноги чудовища согнулись под тяжестью дракона. Киртиан застыл, ошеломленно и зачарованно глядя на представшее его глазам зрелище...

А потом ему стало некогда смотреть, потому что Шана схватила его за руку, рывком развернула и крикнула: «Бежим!» И сама устремилась вперед, подавая пример. Киртиана не потребовалось приглашать дважды. Возможно, чудище оказалось в затруднительном положении — но оно отнюдь еще не было побеждено. Раздававшиеся сзади хлесткие звуки ударов и скрежет — Кеман старался удержать машину — были достаточными тому доказательствами.

Страх придал Киртиану новые силы. Они мчались через пещеру — Шана немного обгоняла, и вовсе не оттого, что Киртиан из вежливости уступал даме. Должно быть, девушка с детства привыкла носиться по пересеченной местности, и там, где Киртиан спотыкался, она пролетала над препятствиями, словно испуганная лань.

«У нее, наверное, вторая пара глаз — на ногах...»

Грохот и удары, от которых содрогался пол, свидетельствовали, что Кеман все еще держится. «Будь благословен, дракон. И убирайся оттуда сразу же, как только мы добежим до тунеля».

Шана добежала до обрыва первой. Она взлетела наверх, словно умелый акробат, и протянула руку Киртиану. Рука оказалась крепкой и поразительно сильной.

Кеман...

Киртиан на миг обернулся и увидел, что дракон по-прежнему цепко держится за спину чудища, и машине, невзирая на все старания, никак не удается его стряхнуть.

Киртиан покрепче ухватился за руку Шаны и выбрался наверх. И тут же снова обернулся. Авось Кеман что-нибудь придумает и перехитрит машину!

И сердце Киртиана едва не выскочило из груди. Чудовище отчаянно размахивало руками, но ему никак не удавалось достать дракона — а клешни явно были его лучшим оружием после ног и веса. Киртиан невольно заулыбался, увидев, что делает дракон. Очень разумно! Кеман не предпринимал никаких наступательных действий. Он просто держался на спине, пока машина в смятении металась, пытаясь сбросить врага, и сама себя калечила. Кеман же просто поджал хвост, чтобы уберечь его, крепко прижал крылья к спине и так вцепился в бока машине, что той, чтобы скинуть его, пришлось бы выдрать из себя целые секции.

Фары машины отчаянно вращались, как будто пытались осветить повисшего на спине дракона, и им это никак не удавалось. Машина билась о стены, брыкалась, словно норовистая лошадь, — и все безрезультатно. Упасть на спину она пока что не сообразила — а может, просто не умела этого делать. Кеман выигрывал — благодаря тому лишь, что вцепился в чудище, словно клещ.

На самом деле, машина уже успела пострадать, и не только от столкновений со стенами, но и от столкновений с другими механизмами. Она начала прихрамывать на правую ногу, а бока ее покрылись глубокими царапинами. Машина снова кинулась на стену, врезавшись по дороге в очередной механизм. Киртиан невольно сморщился. И как только Кеману удается удержаться?

Если не считать ударов металла о камень или о металл и почти не прекращающегося яростного жужжания и гудения, битва проходила в полной тишине — и от этого становилось еще более жутко. Ведь противники — хотя бы один из них — должны бы были издавать ужасающие боевые кличи.

Киртиан почувствовал, что стоящая рядом Шана напряглась. А потом Кеман внезапно начал действовать.

Он дождался, пока чудовище потеряет равновесие, и, воспользовавшись моментом, с силой хлестнул передними лапами по фарам и вцепился в них. Издав скрежещущий вопль — как будто вскрикнул сам металл, — Кеман вырвал из гнезда сперва одну фару, потом вторую. Металл и провода полопались, и Кеман отшвырнул фары прочь — так жестокий мальчишка отбрасывает оборванные лапки жука.

Если чудовище и должно было когда-то вскрикнуть, так это сейчас...

Очутившись на полу, фары погасли, и теперь единственным источником света в пещере были лампы, зажженные людьми Киртиана. По полу и стенам заметались две огромные переплетенные тени, тени машины и дракона; чудище попыталось нанести очередной удар, а Кеман покрепче вцепился ему в спину.

«И что теперь?..»

— Бежим! — снова крикнула Шана, и Киртиан, уже поворачиваясь, увидел, что Кеман наконец-то отшвырнул чудище и теперь полубежит, полулетит к выходу из зала, прямиком туда, где стояли они с Шаной.

«Вот оно!»

Киртиан не стал присматриваться и разбираться, погналась ли машина за драконом или Кеман, выдрав фары, все-таки ослепил ее. Он вложил все свои силы, сколько их там осталось, в отчаянный рывок к выходу из пещеры и помчался, не обращая внимания на боль в боку. Несколько мгновений спустя они очутились во тьме, и лишь смутный, едва различимый просвет в дальнем конце цепочки залов указывал, где расположена их цель.

Сзади что-то заскрежетало, и у Киртиана волосы встали дыбом. Он обнаружил, что, оказывается, способен бежать еще быстрее...

Оно в туннеле!

Оно уже приближается к ним!

Оно уже прямо над ним!!!

Что-то ухватило Киртиана за пояс, развернуло и повлекло вперед. Неведомый враг наддал ходу, и в ушах у Киртиана засвистел ветер. Киртиан замолотил руками и ногами, стараясь побольнее пнуть противника...

— Ты че?! — послышался почти у самого уха Киртиана приглушенный, но очень возмущенный голос. — Это я!

Кеман?

Зубы отдернулись прежде, чем Киртиан уразумел, что местами они таки вонзились ему в тело, и Кеман, поудобнее перехватив Киртиана пастью, помчался вперед.

Дракон, естественно, способен был двигаться куда быстрее, чем мелкие двуногие; Киртиан оказался повернут лицом в темноту и теперь мало что видел. Но в конце концов он исхитрился, повернул голову и увидел, что тускло освещенное круглое пятно — то место, где последняя из цепочки маленьких пещер соединялась с большой — сделалось заметнее. И увеличивалось оно куда быстрее, чем прежде, пока Киртиан бежал сам.

Шаны Киртиан не видел, но, естественно, Кеман нипочем бы ее не бросил, — так что она явно где-то здесь. Наверное, она умудрилась на бегу вскочить дракону на спину и теперь едет на нем верхом.

А позади...

Позади раздался скрежет металла — Киртиан на миг едва не оглох; и град небольших камней, пронесшийся у них над головами, засвидетельствовал, что чудище не ослепло окончательно и что оно по-прежнему гонится за ними. Сзади непрерывно раздавался грохот, скрип и стоны протестующего металла — машина протискивалась в узкие проходы.

Кеман помчался еще быстрее; его горячее дыхание, отдающее запахом металла, овевало Киртиана. Киртиан поджал руки и ноги и прижал голову к груди, чтобы как можно меньше торчать из пасти дракона.

— Спасибо, — неразборчиво выдохнул Кеман.

Шум позади не прекращался. Либо машина все еще пытается прорваться вслед за ними сквозь узкие туннели, либо таки преуспела в этом и теперь гонится за ними по пятам.

Мощный удар... Облако пыли... Кеман прорвался сквозь завал из повозок, костей и всяческого барахла и вылетел в главный зал...

И внезапно, без всякого предупреждения, резко вскинул голову и мотнул ею куда-то вбок. Киртиан взмыл в воздух — и, не удержавшись, заорал. Удара о землю не последовало.

Кто-то перехватил Киртиана — так легко, как ребенок ловит мяч, и припечатал к жесткой чешуйчатой поверхности, на которой невесть откуда взялось седло.

Ошеломленный, ничего не соображающий Киртиан вцепился в кожаный ремень. Глазам его предстало невероятное зрелище: уходящая вперед драконья шея и голова — в тусклом

свете все это казалось каким-то странным и скелетообразным. И тут дракон ринулся вперед.

«Предки! Еще дракон?»

Впереди мчался Кеман с припавшей к его шее Шаной; похоже, он перебросил кому-то лишнюю ношу, эльфийского лорда, не притормозив при этом ни на секунду. Кеман первым вскарабкался по каменной осыпи, ведущей к выходу, — напрочь позабыв об осторожности и снося все, что попадалось на пути, лишь бы выбраться побыстрее. Второй дракон лез следом, спотыкаясь и оскальзываясь на ненадежной каменной поверхности. Киртиан прижался к самой шее дракона, спасаясь от сыплющихся сверху камней, а дракон укрыл его крыльями. Сердце Киртиана бешено колотилось, пальцы до боли сжимали кожаный ремень — а скрежет металла становился все ближе, ближе, ближе...

А потом они очутились наверху, и перед ними распахнулось благословенное отверстие, ведущее наружу...

Дракон прыгнул в проем, и Киртиан подавился криком.

Дракон раскинул крылья и поехал вниз по склону на брюхе — а потом резко затормозил.

Киртиан оказался не готов к этому. От выпустил ремень, перелетел через плечо дракона и грохнулся на землю. Дракон проворно, словно горный козел, развернулся на задних лапах и помчался обратно, наверх — к выходу, у которого уже стояли остальные драконы. Целых три.

Киртиан поискал взглядом Шану — и обнаружил ее в объятиях какого-то волшебника. Девушка дрожала, словно осиновый лист, и что-то повторяла шепотом — кажется, какое-то имя. Волшебник — его лицо показалось Киртиану смутно знакомым — успокаивающе погладил ее по голове, но обратился при этом к Киртиану:

— Надеюсь, вы никогда уже не захотите туда вернуться. Драконы запечатывают вход.

Шана приникла к плечу Лоррина и прижала к груди бурдюк с вином. Обычно она пила мало, но после сегодняшнего...

«Если уж кто и заслужил право напиться, так это я».

Шана еще никогда и никому в жизни так не радовалась, как внезапно объявившемуся Лоррину. На самом деле, она даже не осознала, что здесь присутствуют еще несколько драконов, кроме Кемана, пока те снова не выбрались из пещеры.

Кеман, Алара, Дора и Каламадеа соединенными усилиями запечатали вход; теперь в пещеру мог пробраться разве что

кто-нибудь из драконов. Они обрушили добрую половину горы, а потом плавили камень до тех пор, пока сами не выдохлись; когда драконы выбрались наружу, их чешуя, обычно яркая, поблекла и потускнела. Но они успели — можно сказать, в последний момент. Едва лишь драконы обрушили свод тоннеля, как что-то врезалось в завал с другой стороны, да с таким грохотом, что слышно было даже сквозь толщу камня. Драконы начали сплавлять камни между собой, и в тот момент, когда чудовищный механизм врезался в расплавленный участок, уже даже полный идиот — или машина — должен бы был понять, что путь перекрыт. Но машина все равно начала чем-то лупить по камням, то ли клешнями, то ли всем телом. Вероятно, она намеревалась проложить себе путь сквозь завал; но эти попытки были обречены на неудачу.

В общем, драконы сотворили надежную каменную пробку. Теперь, чтобы выбраться из пещеры наружу, нужно было либо снести вершину горы, либо прокопать другой выход.

Так что теперь машина не сможет выбраться наверх. Во всяком случае, драконы на это надеялись.

Правда, из-под завала все еще доносились удары, но теперь они сделались слабее и раздавались реже. Возможно, теперь, лишившись подпитки — вроде бы она и вправду работает на магической энергии, — машина постепенно остановится.

«Ну, как бы там ни было, задерживаться здесь и проверять это мы не станем».

Шана глотнула еще вина из бурдюка и закрыла глаза. «Лоррин. Ох, Лоррин... Спасибо тебе за то, что ты обо всем подумал, за то, что ты здесь». Кажется, она лишь теперь до конца осознала, до чего же она его любит.

Лоррин тем временем рассказывал лорду Киртиану про Каэллаха Гвайна и сложившуюся ситуацию. Тот, правда, тоже был чересчур потрепан и потрясен, чтобы нормально воспринимать что бы то ни было. Лорд Киртиан просто кивал — правда, в нужных местах, так что он, по крайней мере, слушал, — и сидел с таким видом, как будто ему каждый день жалуются на сложности взаимоотношений между волшебниками.

«Хотя после того, как пообщаешься с великими лордами, наши мелкие дрязги наверняка будут казаться детской игрой...»

Люди Киртиана обработали свои ссадины и ушибы, применив и наружные, и внутренние лечебные средства, а потом принесли еды и питья. Всем, включая драконов. Они куда-то сходили и приволокли три оленьи туши. Конечно, это была

скромная трапеза — по драконьим меркам, — в особенности после столь утомительной работы; но все-таки, закусив, драконы приободрились. Костер создавал ощущение уюта; а кроме того, дождь наконец-то перестал.

— ...так что мы позаботились, чтобы он не смог вернуться прямо в Цитадель, и принялись ждать. Когда он так и не вернулся, я решил, что он либо тайком следит за вами, либо в конце концов угодил из-за своей заносчивости в такую переделку, из которой выбраться не смог, — сказал Лоррин.

— Ну туда ему и дорога, — еле слышно пробурчал Кеман.

Он, как и прочие драконы, слишком устал, чтобы изменять облик. Так что драконы устроились у входа в лагерь, образовав дополнительную и весьма солидную преграду между стоянкой и всем, что могло появиться из темноты. Люди Киртиана до сих пор посматривали на драконов круглыми глазами, и видно было, что им малость не по себе от присутствия таких громадин; но они хорошо умели держать себя в руках. Кеман сидел бок о бок с Дорой; кажется, вид двух молодых драконов, льнущих друг к дружке, словно юные влюбленные, действовал на людей Киртиана успокаивающе.

«Наверное, так они начинают казаться более похожими на людей...»

— Кеман разговаривал со мной по ночам, — сказала Дора и зарделась — тонкая, лишенная чешуи кожа вокруг глаз и рта порозовела. Шана заметила, как двое парней Киртиана понимающе переглянулись и улыбнулись. Ну что ж, раз люди, никогда прежде не общавшиеся с драконами, способны разглядеть на морде одного из них румянец смущения, значит, дела обстоят не так уж плохо. — Мы можем мысленно беседовать на больших расстояниях, чем вы. И... и мы скучаем друг по другу, когда нам приходится расставаться.

Дора виновато взглянула на Шану и продолжила:

— Ты извини, что Кеман тебе об этом не говорил. Просто... мы не хотели, чтобы ты огорчалась из-за того, что мы с ним можем поговорить, а ты с Лоррином — нет.

— Конечно-конечно, — с улыбкой произнес Киртиан. — Я прекрасно вас понимаю.

Он передал бурдюк с вином одному из своих людей и поудобнее оперся на Кемана — так непринужденно, будто всю жизнь отдыхал под боком у дракона.

Дора снова покраснела.

— Так что я примерно представляла, где вы находитесь. Ну и, конечно же, Лоррин уже бывал на том месте, куда изначально перенеслись Шана с Кеманом, и мог добраться туда самостоятельно.

«И как только я не догадалась, что эти голубки будут щебетать ночами напролет, вместо того чтобы выспаться?» — подумала Шана. Не без зависти, надо признать. Она и сама чувствовала бы себя намного лучше, если бы способна была пообщаться с Лоррином без помощи Кемана. Да и вообще, хорошо, что они ворковали по ночам. А то ведь ее, Шаны, могло бы уже и не быть в живых.

— А потому, когда Дора сообщила мне, что вы нашли пещеру, а Каэллах Гвайн так и не вернулся, я решил, что нам стоит самим явиться сюда и постараться отловить его, пока он не нашел вас, — сказал Лоррин, пожав плечами.

Шана повернула голову и вопросительно взглянула на него.

— Так ты полагаешь, что Каэллах мог последовать за нами?

— Я в этом совершенно уверен, — отозвался Лоррин. — И я решил, что если я прихвачу с собой трех драконов, он уж точно не решится дергаться, когда мы его поймаем — то есть если поймаем.

— Я, конечно, знал, что они направились сюда, — подал голос Кеман. — Но они вроде как собирались заниматься только ловлей старого нытика. Я не думал, что они сунут нос в наше дело. Зачем, собственно? Когда бы мы вернулись, тогда ты и узнала бы, как они ловили эту заразу и что из этого вышло. А так я не видел никакого смысла тебя беспокоить.

— Ты доверила разборку с Каэллахом мне, — сказал Лоррин, храбро встретив взгляд Шаны. Девушка подбадривающе сжала его ладонь. — Без Каэллаха поднимать бучу стало некому. Ну, я и решил, что сейчас важнее всего выяснить, куда он делся, и помешать ему плести небылицы, замешенные на полуправде. А Цитадель как-нибудь проживет пару дней без меня.

Шана кивнула и улыбнулась. Ну как она могла не согласиться с ним, если он разбирался в этих делах куда лучше ее самой? Она оставила Цитадель на него. А значит, он имел полное право принимать решения самостоятельно, не советуясь с ней. Так с чего же она будет на него сердиться? Глупость какая!

Но она скажет ему об этом как-нибудь потом, когда они останутся наедине. А пока что Шане довольно было ощущать, что ей не придется больше в одиночку нести ношу этого имени — Проклятие Эльфов...

— Мы переместились утром на то место, откуда вы начинали, а потом прилетели сюда. Но мы никак не ожидали, что вы разбудите чудовище! И должен тебе сказать, что последние минуты — когда эта машина накинулась на вас, а мы только подлетали, — были худшими в моей жизни, — подытожил Лоррин.

— Уверяю тебя, мы тоже отнюдь не наслаждались ими, — проворчал Кеман.

— Так вот почему ты набросился на эту пакость! — воскликнула Шана.

— Что, по-твоему, я мог ввязаться в эту заварушку, не представляя, что делаю? Ты меня, что, за дурака считаешь? — с чувством оскорбленного достоинства произнес Кеман. — Ну, спасибо! Я бы и один справился. Из пещеры мы выбрались практически самостоятельно. И я точно знаю, что смог бы и сам завалить вход и задержать машину — по крайней мере, настолько, чтобы мы успели отсюда убраться. Ну да, естественно, я обрадовался, когда нам пришли на помощь, и вместе легче было закупоривать пещеру. Но мы и втроем прекрасно бы управились.

— Мог бы хотя бы сказать мне, что помощь близка! — заметила Шана — *как ей казалось, совершенно резонно. Но Кеман* лишь фыркнул, и Шана на миг обозлилась на него.

— Некогда мне было с тобой разговоры разводить! — заявил он, глядя на нее почти так же раздраженно, как она на него. — И ничего такого особенного с нами не происходило!

Шана решила не ссориться с ним — но, надо признаться, она никак не ожидала подобного отношения со стороны Кемана. Кемана, ее маленького братика, который всегда был таким добрым...

«И который успел вырасти...»

Ладно, она это запомнит на будущее. «Мужчины! — сердито подумала Шана. — Пока Кеман был драконенышем, он был куда разумнее!» В конце концов она решила, что это он, должно быть, выпендривается перед Дорой.

Кеман больше не мальчишка, и, похоже, теперь он рвется самоутверждаться, как всякий взрослый мужчина.

Вот он и принялся вести себя в точности как и прочие молодые драконы, которых она знала. А также как молодые волшебники и люди. В следующий раз он небось ввяжется в какую-нибудь потасовку или примется выписывать финты в небе, чтобы только восхитить Дору.

Лоррин, должно быть, догадался, о чем думает Шана — или она думала чересчур громко.

— «Не волнуйся, — сказал он, пожав ей руку. — С возрастом это пройдет. Честное слово. Я сам такой был».

— «Хвала Предкам! — отозвалась Шана. К ней понемногу стала возвращаться способность смотреть на происходящее с юмором. — Если бы ты начал так выделываться, я бы отослала тебя к Железному Народу — там бы из тебя быстро дурь выколотили!»

— Ну, я могу сказать лишь одно: я очень рад, что вы подоспели вовремя, — с пылом произнес Киртиан и благодарно хлопнул Кемана по боку. — Что бы там ни было, в этой пещере — пускай оно останется там навеки!

Он содрогнулся и умолк. Но Шана подумала: интересно, а Киртиан не передумает со временем? В конце концов, его отец — то есть то, что осталось от его отца, — по-прежнему находился там.

Ну, это не ее проблема. Киртиан теперь знает, с чем может столкнуться, и если вдруг он когда-нибудь решит вернуться, ему хватит ума заручиться надежной поддержкой.

Ну а поскольку у него нет леди, на которую он рвался бы произвести впечатление, он авось будет действовать разумно, а не так, как некоторые молодые драконы.

Шана на миг прислушалась: что там творится вокруг лагеря? Шум, доносящийся из-под горы, определенно сделался тише.

— Да, а Каэллаха вы нашли? — поинтересовалась она, вспомнив, что изначально привело сюда их спасителей.

— Мы нашли, куда он перенесся — и как он только умудрился овладеть этим заклинанием?! — а потом нашли место, где на него накинулась невидимая тварь, — угрюмо отозвался Лоррин. — Мы не пошли за ней в ее логово. Там, на тропе, было столько крови, что можно не сомневаться: она закусила Каэллахом.

От удивления Шана разинула рот. Она даже не знала, что тут можно сказать. Лоррин подождал несколько секунд, потом продолжил:

— Я думаю, лучше пускай его считают сгинувшим невесть куда. Если прочие старые нытики будут подозревать, что он смылся в старую Цитадель или еще куда-нибудь, прихватив их пожитки, и теперь живет там в роскоши и таскает всякие ценные вещи у эльфийских лордов, они не станут делать из него мученика и молиться на него.

— Ну а если они узнают, что он погиб из-за собственной глупости?.. — предположила Шана. — Разве это не подорвет их доверия к нему?

— Тогда кто-нибудь может исхитриться и представить это дело так, как будто его смерть подстроена тобою, — скривившись, сказал Лоррин. Огонь на миг вспыхнул особенно ярко, и в его свете все лица показались какими-то... сосредоточенными. — Ведь доказательств-то никаких не будет, кроме наших слов.

— А кто-нибудь достаточно умный может выставить его мучеником, даже если остальные поверят, что его убила невидимая тварь, — неожиданно произнес Киртиан. — В конце концов, он ведь был последним сторонником старого порядка и пытался добыть сведения, которые раскрыли бы глаза всем остальным и показали, что ты предаешь свой народ. Так что он не умер из-за собственной глупости, а пожертвовал собою ради того, чтобы открыть истину.

Шана потрясенно уставилась на эльфийского лорда.

«Ну он дает! А ведь такое вполне возможно — еще как возможно! Но мне бы это никогда и в голову не пришло!»

Даже Лоррин и тот был удивлен.

— Я рад, что вы на нашей стороне, — произнес он, взяв себя в руки. — Если вы способны придумывать такое...

Киртиан пожал плечами. Взгляд его был печален.

— Раньше я этого не умел, — заметил он. — Думаю, мне следует поблагодарить моего покойного кузена Аэлмаркина за образование — и за утрату наивности.

Он улыбнулся и стал больше похож на себя прежнего.

— Ну, ваш кузен получил по заслугам! — заявил Кеман.

Но Киртиан, содрогнувшись, возразил:

— Я, конечно, очень рад, что мне не придется больше опасаться его происков — но такой смерти я не пожелал бы никому!

Шана поджала губы. Нет, она не настолько великодушна. Особенно если учесть — эта мысль пришла ей в голову лишь сейчас, — что это, скорее всего, именно Аэлмаркин разбудил проклятую машину.

— Думаю, он бы о вас этого не сказал, — бесцеремонно заметила она.

Киртиан вздохнул; лицо его было усталым и печальным.

— Наверное, вы правы. То есть не наверное, а точно правы. Но если я буду так думать, то стану похож на него, а я этого не

желаю. — На щеках его заиграли желваки. — Я отказываюсь опускаться до него. Потому я его прощаю.

— Поскольку он мертв и больше не сможет причинять вам непрятности — так? — поинтересовался въедливый Кеман.

— Кстати, его люди сейчас сидят во-он там, в скверно устроенном лагере, и трясутся от страха, — неожиданно сообщил Отец-Дракон. — Как по-вашему, должны ли мы спасать их?

— Да! — хором отозвались Киртиан и Лоррин.

— Нет! — в тот же миг хором воскликнули Кеман с Шаной. Все четверо уставились друг на друга. Первой молчание нарушила Шана.

— Ну, ладно, — ворчливо сказала она. — Пожалуй, после того, как вы со своими людьми уедете, мы можем их забрать и отправить в новую Цитадель. Авось Зед найдет, куда их приспособить.

— Нам нужно будет возвращаться тем же способом, каким мы прибыли сюда, — вздохнув, сказал Киртиан. — И придется сообщить, что мы не нашли ничего, кроме пустых пещер. Так что нам еще многое нужно обдумать.

— И то правда, — пророкотал Каламадеа, и Шане показалось, что он обращается ко всем сразу. — А теперь — спать. У нас впереди куча дел.

«И правда», — подумала Шана. Лоррин помог ей встать и отвел в палатку, которую им любезно уступили двое парней Киртиана.

Киртиан потянулся — и почувствовал, как ноют перетруженные мышцы и болит избитое тело. Ему отчаянно хотелось добраться домой и нырнуть в горячую ванну — но до дрожи в коленках боялся встречи с матерью. Ведь ей придется обо всем рассказать...

Он рассеянно похлопал Кемана по боку — так, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

— Послушайте, а вы с вашей подругой не согласились бы завернуть ко мне на несколько дней? — спросил Киртиан. — Мама была бы очень рада познакомиться с вами.

«И, может, это хоть чуть-чуть отвлечет ее от... от скверных вестей». Да, конечно, она уже много лет подозревала, что отец мертв; но предполагать — это одно, а знать наверняка — совсем другое. Пока ты лишь предполагаешь, в глубине сердца всегда теплится надежда...

Киртиан знал, что никогда не сможет рассказать матери, в каком виде он нашел отца. Нет, он просто скажет, что обнаружил его останки, и не станет вдаваться в подробности.

«Надо будет сказать, что отец и вправду отыскал Великие Врата, но погиб от несчастного случая. И что, судя по всему, это произошло мгновенно». Тогда мать будет думать, что он даже не успел понять, что с ним случилось, и ей будет легче.

Кеман рассмеялся.

— Да с удовольствием! На самом деле, я хотел предложить Лоррину с Шаной, чтобы мы с Дорой отправились к вам — ну, чтобы поддерживать связь. У них и без нас найдется, кому шпионить за великими лордами. А к вам удобнее все-таки послать нас, чем кого-нибудь из волшебников — нам не придется скрывать свою подлинную природу при помощи иллюзий. Мы можем изображать какого-нибудь меньшего лорда и его леди. Если к вам вдруг кто-нибудь заявится — ну, хотя бы тот же лорд Киндрет, — то мы можем не бояться никаких заклинаний, развеивающих иллюзии.

— А я об этом даже как-то не подумал! — с удивлением отозвался Киртиан, чувствуя, как к нему возвращается позабытое было радостное возбуждение. — Тогда считайте, что я вас уже пригласил. Это помогло бы нам решить множество проблем.

Дора дружелюбно ткнулась в него мордой.

— Думаю, мой лорд, это было бы замечательно, — сказала она. — А в ваших владениях нет случайно какой-нибудь пещеры?

Киртиан невольно содрогнулся. Он был совершенно уверен, что после пережитого ему никогда больше не захочется лезть под землю...

Но когда он взглянул на Линдера, тот застенчиво улыбнулся и ответил вместо него:

— Даже несколько, ми... э-э... моя...

— Просто Дора, — дружелюбно произнесла драконица.

— Ага. — Линдер машинально почесал нос. — Значит, Дора. Ладно. Да, мы с Хоби нашли несколько штук. Промытые водой, с колоннами, сосульками, очень красивые.

— Как замечательно! — с воодушевлением откликнулась драконица. — Лорд Киртиан, вы не станете возражать, если мы займем одну из них?

«А, так, значит, уже «мы»? — подумал Киртиан, с трудом сдержав смешок — хотя, право же, очень уж забавно было наблюдать, как озадаченное выражение на морде Кемана сменяется неприкрытым восторгом. — То-то наш дракончик так пы-

жится! Пожалуй, и вправду его лучше на время убрать от соплеменников — тогда у него будет меньше искушений вести себя как... как задиристый петух!» Если учесть нынешнее положение вещей... нет уж, пусть он лучше малость остепенится. А то в следующий раз юношеские попытки Кемана самоутвердиться могут закончиться не настолько удачно.

— Почту за честь, — отозвался Киртиан — к неприкрытой радости обоих молодых драконов.

— Понимаете, Шана слишком привыкла зависеть от меня, — а мне кажется, было бы лучше, если бы она избавилась от этой привычки и начала... ну... больше полагаться на Лоррина, — слегка покровительственным тоном заявил Кеман, взглянув в сторону палатки, где спали Шана с Лоррином. — Я ведь ее вырастил. Ну, конечно, с помощью мамы — но в основном ею все-таки занимался я.

От такой новости голова у Киртиана пошла кругом.

— Что, вправду? — переспросил он.

Кеман рассмеялся.

— У меня была куча всяких домашних животных. Так что прочие обитатели нашего Логова попросту считали Шану одним из них! Конечно, до тех пор, пока она не выросла и не начала вести себя как разумное существо...

Голова у Киртиана закружилась еще сильнее.

— Как-нибудь — когда вы поселитесь у меня в поместье и у нас появится свободное время — вы непременно должны будете рассказать мне об этом, — твердо сказал он.

Но он вовсе не собирался развеивать заблуждения молодого дракона — ну, насчет того, что Лашана якобы «зависит» от него. Хотя он понял, что немного ревнует ее к этому волшебнику, Лоррину...

«Нет, — мысленно поправился он. — Не ревную к нему, а завидую ему».

Не то чтобы Шана привлекала его — она, конечно, красива, но совершенно не в его вкусе. Ну, не считая, конечно, ее характера и ума. Нет — он завидовал тем отношениям, которые связывали Шану и Лоррина. Тем, которые когда-то связывали его родителей.

«Предки!.. Надеюсь, мама меня поймет...» Хотя, пожалуй, надо будет позаботиться, чтобы она не начала вот прямо с места в карьер разыскивать ему жену. Нет, только не сейчас. Их ждут трудные времена, и им придется решать множество куда более важных проблем.

Например, как им выжить.

Киртиан не питал иллюзий. Глупо было бы думать, что теперь, со смертью Аэлмаркина, все их неприятности закончились. Напротив. Он увяз в политических дрязгах великих лордов, ему нужно как-то разобраться с молодыми лордами, и...

«А ведь я, с формальной точки зрения, — предатель. Я вступил в заговор с волшебниками ради того, чтобы устроить восстание рабов».

А кроме того, он должен и далее оберегать своих людей. Если Киртиан размышлял об этом слишком долго, эта, во многих смыслах самая важная задача начинала казаться ему неразрешимой.

Но ведь теперь он не один! Наконец-то все зависит не только от него одного и его невеликих способностей. «Мы возьмемся за это вместе. Наконец-то все мы — драконы, эльфы, люди, волшебники, — все мы будем работать вместе!»

И Киртиан был совершенно уверен, что такому содружеству любые свершения по плечу.

Эпилог

До того, как Триана спустилась в эту пещеру, ей почти никогда не приходилось испытывать особого страха. До того, как металлическое чудище ожило, Триана лишь думала, будто ей ведом страх.

Но в тот миг, когда машина распрямилась, подобно гигантскому насекомому, — а в клешнях она сжимала истошно вопящего Аэлмаркина, — Триана познала подлинный, всепоглощающий ужас.

К этому моменту она уже успела добраться до Великих Врат. Когда машина принялась гоняться по пещере за Киртианом и его людьми, Триана забилась под выступ стены, молясь, чтобы чудовище не заметило ее или не наступило ненароком. Ни на что большее ее сейчас не хватило бы: ноги отказывались ее держать, и Триана не смогла бы пуститься наутек, даже если бы посмела. Ее прошиб холодный пот. Всякий раз, как машина оказывалась поблизости, Триана затаивала дыхание и переводила его лишь после того, как чудище удалялось.

Триана не сомневалась, что умрет. Впервые за всю свою жизнь она заглянула в лицо смерти — и поняла, что не может этого вынести...

Были мгновения, когда она почти теряла сознание или готова была закричать и выдать себя. Триана дрожала, истекала потом и так стискивала кулаки, что длинные ногти до крови впивались в ладони.

Вот только что перед ней находилось металлическое чудовище. А потом на него накинулся дракон.

Этого просто не могло быть. Это уже чересчур. Триана вцепилась в стену Врат и отвернулась, не желая ничего видеть. Какая разница, кто из них победит? Победитель все равно отыщет и убьет ее. Она умрет, как Аэлмаркин, захлебываясь криком. У нее нет ни малейшей надежды...

Триана с трудом сдерживала рвущийся из груди крик. Слезы обжигали ей лицо, а горло саднило — так ей хотелось завизжать. Но если она завизжит, то умрет тут же, на месте — а ей хотелось жить...

Потом что-то в ней оборвалось. Рот Трианы приоткрылся, но из него не исторглось ни звука. Триана почувствовала, что падает. А потом темнота поглотила ее, словно дракон, и отняла все чувства.

Когда Триана пришла в себя, в пещере было тихо. Оказалось, что она лежит у подножия Великих Врат. Пещеру по-прежнему освещал неровный желтоватый свет ламп Киртиана — точнее, того, что от этих ламп осталось.

Внезапно Триана поняла, что ей совершенно не хочется знать, не постигла ли и Киртиана судьба Аэлмаркина. Смотреть, как умирают люди-рабы, — это одно. А вот видеть, как смерть забирает эльфийского лорда, — совсем другое...

Нет. В пещере было не совсем тихо. Откуда-то издалека — должно быть, от входа в первый зал, — доносились монотонные удары; кто-то чем-то молотил о камень. Удары сопровождались металлическим лязгом. Должно быть, это уцелевшее металлическое чудище.

И теперь оно стоит между Трианой и единственным путем наружу.

На миг Триане показалось, что сейчас она снова потеряет сознание. Но когда ее руки судорожно сжались и ногти снова впились в ладони, она ощутила ободок тяжелого кольца-печатки, которое носила не снимая...

Кольцо. Кольцо! Это же ее ключ от портала — а перед нею сейчас величайший из всех порталов на свете!

Дрожа всем телом, Триана кое-как встала и развеяла иллюзию, укрывавшую ее до этого момента. Если Врата работают, ей сейчас понадобится вся ее сила, до последней капли.

Триана повернулась лицом к Великим Вратам, закрыла глаза и медленно, осторожно принялась свивать потоки энергии, что должны были пробудить столь долго бездействовавший портал. Конечно, это будет непросто — ведь Врата создавались объединенными усилиями десятков магов, а она здесь одна-одинешенька.

Но если она хочет жить, ей придется добиться успеха. Другого выхода у нее нет.

И Врата начали отзываться. Медленно, вяло — но начали! Вместо того чтобы быстро встать на свои места, потоки силы еле-еле текли. Нужный узор возникал понемногу — но до чего же это было медленно!

А потом Врата внезапно завибрировали и ожили.

Потрясенная Триана уставилась на них во все глаза.

Мерцающий занавес силы, возникший внутри сияющей зеленой арки, затрепетал.

Распахнулся.

И сквозь него шагнул новый кошмар.

Это существо, напоминавшее на вид нелепый гибрид эльфа и рептилии, было вдвое выше Трианы. Оно было долговязым, бесполым на вид и совершенно голым — его покрывала лишь иссиня-зеленая чешуя. У чудовища был хвост — оно непрестанно хлестало себя по бокам, — безволосая голова, ноги, гнувшиеся в коленях каким-то совершенно противоестественным образом, безгубый рот, полный острых зубов, и — самое ужасное — глаза, которые могли бы принадлежать любому из эльфийских лордов. И это чудовище заметило Триану, заметило в тот же миг, как прошло сквозь Врата.

И прежде чем Триана успела пошевелиться, чудовище одним прыжком преодолело разделявшее их расстояние и схватило ее.

Сильные чешуйчатые руки сомкнулись у нее на талии; разорвать это объятие было не проще, чем порвать металлический канат. И вот теперь Триана закричала — закричала, завизжала и принялась брыкаться. Но с тем же успехом она могла бы пытаться драться с металлическим чудищем. На плоской тарелке,

заменявшей чешуйчатой твари лицо, не отразилось ни малейших чувств.

От чудовища даже пахло, как от змеи, — какой-то зеленью и плесенью, и от этого запаха, пробудившего какие-то древние, подсознательные страхи, Триана окончательно обезумела. Она визжала, царапалась, срывая ногти о чешую, и кусалась, как животное. Ее словно жгло огнем изнутри. Трианой владела сейчас лишь одна, всепоглощающая мысль: вырваться, любой ценой вырваться...

Но все было тщетно. Чудовище даже глазом не моргнуло. Оно было невероятно сильным и абсолютно неумолимым. Оно подождало, пока Триана устанет брыкаться, и закинуло женщину к себе на плечо.

Триана, ополоумевшая от страха, снова забилась. Но чудовище никак не реагировало на ее вопли. С тем же успехом Триана могла бы драться с камнем.

Чудовище понесло Триану к Вратам. Когда они подошли вплотную к мерцающей, светящейся завесе, Триана закричала.

Они коснулись завесы. И прошли сквозь нее.

И Врата закрылись за ними.

Лорд Киндрет сложил пальцы «домиком» и посмотрел на своего сына Гилмора, только что принесшего ему весьма... хм... весьма своеобразные новости. Киндрет пока что плохо понимал, что об этом думать. И еще хуже понимал, что же с этим делать.

На столе у него лежал письменный отчет Киртиана — повторение того, что молодой лорд рассказал ему по телесону. И хотя придраться было вроде бы и не к чему, отчет вызывал у него смутное ощущение неудовлетворенности. Нет, конечно же, всем известно, что лес, граничащий с поместьем Чейнара, полон единорогов и еще Предки знают каких тварей. И на самом деле, не было никаких реальных причин надеяться, что Киртиан и вправду обнаружит логово этих полукровок. В конце концов, они веками ухитрялись прятаться там, да так, что никто и не замечал, — так как же их было отыскать одному-единственному молодому эльфийскому лорду?

Но... В докладе чувствовалась какая-то недосказанность. Как будто Киртиан что-то скрывал от него. Но Киндрет даже предположить не мог, что же собой представляет это «что-то».

И вот теперь к нему в рабочий кабинет заявился этот несчастный недоумок, Гилмор, и сообщил потрясающие новости: леди Триана и лорд Аэлмаркин пропали. Они покинули свои поместья, прихватив походное снаряжение и свиту из рабов, причем в эту свиту (по крайней мере, в свиту Трианы) входили рабы, обученные на лесничих. И вот теперь оба они пропали, и их поместья охватило смятение. Рабы, оставшиеся без указаний, не знали, что же им теперь делать. Гилмор вместе с приятелями явился в поместье к Аэлмаркину на заранее обговоренную вечеринку, на которой должна была присутствовать Триана, и обнаружил, что ни того, ни другой нет, что они исчезли бесследно.

— Спасибо, Гилмор, — сказал Киндрет сыну со всей серьезностью, какой только заслуживало внезапно проявленное сыном соображение. — Большое спасибо. Может, ты пригласишь своих друзей, лишившихся обещанного празднества, сюда? Можете веселиться целую неделю, если хотите.

Как он и ожидал, при мысли о подобных перспективах вялое лицо Гилмора просияло. Киндрет вызвал своего управляющего и отослал сына вместе с меньшим лордом заниматься организацией празднества. Итак, лорд Белат обо всем позаботится, а Гилмор созовет кучу приятелей... Да, работать в таких условиях будет невозможно. Может, перебраться на время в охотничий домик, пока молодые гуляки будут тут гудеть? Но временные неудобства — небольшая цена за столь пикантные новости, особенно если Гилмор будет приносить их и впредь.

Уж не это ли скрывает Киртиан?

Нет, это как-то не вязалось с представлениями Киндрета о молодом лорде. Если бы Аэлмаркин плохо кончил — или тем более если бы Киртиан сам его убил, — он вряд ли стал бы это скрывать. Киндрет прекрасно понимал, что могло заставить Аэлмаркина потащиться за Киртианом в глушь — Аэлмаркин с удовольствием подстроил бы кузену «несчастный случай». Но если бы он погиб при попытке устроить этот самый случай, а Киртиан это обнаружил, зачем бы Киртиану это скрывать?

Какой в этом может быть смысл? Если бы Аэлмаркин затеял какую-то гадость и угодил в собственную ловушку, Киртиану следовало бы с удовольствием раструбить об этом на всех углах.

И Триана, исчезнувшая в то же самое время... Лорду Киндрету приходило на ум одно-единственное объяснение: она тоже отправилась следить за Киртианом. Но вот зачем ей это могло понадобиться, он совершенно не представлял.

Киндрет скрипнул зубами, чувствуя, как в душе поднимается бессильное раздражение. Это ощущение было новым для него — и оно ему не нравилось. С тех самых времен, как он пришел к власти и занял место в Совете, Киндрет всегда — всегда! — знал, кто что делает и почему. В особенности — почему. А теперь начали происходить вещи, которых он не предвидел и не предчувствовал — и, что хуже всего, даже не представлял, что могло стоять за этими происшествиями.

Что заставило Аэлмаркина потащиться в глушь за Киртианом, которого он ненавидел? Или, если уж на то пошло, что двигало Трианой? Что общего могло быть у этих двоих?

Лорд Киндрет на миг прикрыл глаза, очистил сознание и с усилием подавил эмоции, бушевавшие в его душе. В эмоциях пользы нет. Ему нужны не эмоции, а логика и здравый смысл.

Как только Киндрет очистил свой разум от излишних чувств, он наконец-то кое-что припомнил. А именно — что общего было у Трианы с Аэлмаркином. Социальный слой, к которому они принадлежали: младшие сыновья и дочери. Тот самый слой, к которому до мятежа принадлежали ныне взбунтовавшиеся молодые лорды.

А что, если Аэлмаркин и Триана вовсе не следили за Киртианом, а отправились, по случайному совпадению, в один и тот же район, чтобы встретиться с беглецами?

Что, если Аэлмаркин с Трианой были шпионами мятежников, нарочно оставшимися среди старых лордов?

Но тогда... Тогда неудивительно, что Аэлмаркин так старательно убеждал всех, будто его кузен Киртиан — полоумный! И неудивительно, что он так бесился, когда Киртиан занял пост главнокомандующего!

Это была всего лишь гипотеза — причем гипотеза, не имевшая доказательств, — но на всякий случай ее стоило держать в запасе. Она могла пригодиться.

Ну а пока что ему следует известить об этом происшествии прочих членов Совета. Если получится — первым. Был ли кто-нибудь из отпрысков других членов Совета приглашен на эту несостоявшуюся вечеринку? Возможно, но вряд ли их там было много; и, похоже, покамест никто из них не поделился этой новостью с отцами.

Отлично. Пускай он вынужден стоять на зыбкой почве предположений — но он и это сумеет использовать к своей выгоде.

Лорд Киндрет подтянулся, велел принести крепкого вина и начал прикидывать, что и как он скажет Совету. И на губах его заиграла легкая усмешка.

Да, он, бесспорно, кое-что выиграет. У Трианы имелся какой-то дряхлый кузен, который теперь поспешит заявить свои права на ее поместье, но ближайшим родственником Аэлмаркина был Киртиан... А Киртиан вряд ли захочет завладеть крохотным поместьем Аэлмаркина или его фермой, на которой разводили рабов для удовольствий. А поместье, на которое никто не претендовал, по традиции отходило главе Совета.

То есть в данном случае лорду Киндрету.

Ну, а если вдруг встанет вопрос о том, насколько эта конфискация правомочна, он, Киндрет, сможет пустить в ход свою теорию, заклеймить Аэлмаркина как предателя и отмести все возражения.

Киндрет кивнул, отвечая на собственные мысли, и вновь почувствовал под ногами твердую почву. Прекрасно. Теперь он вполне сориентировался в обстановке. Нужно связаться со всеми членами Совета, сообщить им об исчезновении и посмотреть, кто как отреагирует. По тому, кто как воспримет это известие, можно будет судить о многом. Ну а он тем временем отправит своих управляющих, дабы те взяли в свои руки поместье Аэлмаркина.

Лорд Киндрет глубоко вздохнул и включил телесон. Встряхни дерево и глянь, какие яблочки попадают — и как далеко укатятся.

И позаботься, чтобы все происходящее оборачивалось тебе на пользу.

— Анстер, — начал он, дождавшись, пока слуга позовет лорда Анстера к экрану, — кажется, мы столкнулись с загадкой...

Содержание

ПРОКЛЯТИЕ ЭЛЬФОВ. Роман
Перевод с английского О. Степашкиной 5

Глава 1 7
Глава 2 27
Глава 3 62
Глава 4 84
Глава 5 98
Глава 6 120
Глава 7 138
Глава 8 156
Глава 9 173
Глава 10 192
Глава 11 210
Глава 12 227
Глава 13 248
Глава 14 265
Глава 15 284
Глава 16 304
Глава 17 324
Глава 18 349
Глава 19 366
Глава 20 381
Глава 21 402
Глава 22 418
Глава 23 436
Глава 24 455
Глава 25 473

ЭЛЬФИЙСКОЕ ОТРОДЬЕ. Роман
Перевод с английского А. Хромовой 493

Глава 1 495
Глава 2 518
Глава 3 545
Глава 4 576
Глава 5 602
Глава 6 635
Глава 7 670

Глава 8 698
Глава 9 730
Глава 10 757

ЭЛЬФИЙСКИЙ ЛОРД. Роман
Перевод с английского О. Степашкиной 797

Пролог 799
Глава 1 801
Глава 2 813
Глава 3 823
Глава 4 835
Глава 5 847
Глава 6 858
Глава 7 869
Глава 8 882
Глава 9 894
Глава 10 913
Глава 11 924
Глава 12 937
Глава 13 949
Глава 14 961
Глава 15 973
Глава 16 985
Глава 17 1001
Глава 18 1015
Глава 19 1027
Глава 20 1040
Глава 21 1054
Глава 22 1067
Глава 23 1082
Глава 24 1095
Глава 25 1107
Глава 26 1120
Глава 27 1133
Глава 28 1145
Глава 29 1155
Глава 30 1166
Глава 31 1177
Глава 32 1189
Глава 33 1201
Глава 34 1211
Глава 35 1222
Эпилог 1236

Литературно-художественное издание

Андрэ Нортон
Мерседес Лэки

ЭЛЬФИЙСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *И. Федорова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Майкла Уэллана*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.01.2007.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага офс. Усл. печ. л. 65,52.
Тираж 8000 экз. Заказ 6437.

ISBN 5-699-20513-6

9 785699 205134 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Андрэ
НОРТОН

Мерседес
ЛЭКИ

Andre Norton *Mercedes Lackey*

ISBN 5-699-20513-6